И.С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературное наследство

В отличие от предыдущего тургеневского тома «Литературного наследства» (73-го), построенного по преимуществу на материалах парижского архива И. С. Тургенева, настоящий том основывается на неизданных документах, хранящихся в архивах Советского Союза. Центральное место в нем занимают исследования и публикации, объединенные общей темой «Тургенев и русское революционное движение».

Эта тема разрабатывается в статьях, составляющих первый раздел тома, который посвящен изучению романов Тургенева и вопроса о его взаимоотношениях с революционными демократами 1850—1860-х годов («Творческая история романа „Рудин“», «„Гейдельбергские арабески“ в „Дымс“ и их политическое значение») и с народническими революционерами 1870-х годов («Роман „Новь“»).

Во втором разделе публикуются материалы, содержащие неизвестные высказывания о Тургеневе и его творчестве видных деятелей русского революционного движения. Здесь печатаются: лекция землевольца С. С. Рымаренко об «Отцах и детях», статьи П. Л. Лаврова, Г. А. Лопатина, С. М. Степняка-Кравчинского и др.

В третьем разделе собраны воспоминания и дневниковые записи о Тургеневе его современников, в том числе дневники П. А. Васильчикова, в которых записаны подробные рассказы Тургенева о революционном Париже 1848 г., дневники и письма художника А. П. Боголюбова, связанного с Тургеневым близкими отношениями в 1870—80-е годы, дневниковые записи дочери декабриста Н. И. Тургенева, Фанни Тургеневой, воспоминания о встречах с Тургеневым в последние годы его жизни Ж. Кларти, Э. Липгарта, И. Е. Цветкова и др.

Четвертый раздел содержит обзоры и сообщения, в которых освещены различные темы, представляющие интерес для изучения великого писателя: Тургенев и М. С. Щепкин, А. И. Эртель о Тургеневе, Спасское-Лутовиново в пейзажных этюдах Я. П. Полонского, отклики русской и зарубежной печати на смерть Тургенева, обзор новейшей англо-американской литературы о Тургеневе и т. д.

В томе более двухсот иллюстраций и одна вклейка (автографы писателя, неизвестные его портреты, рисунки и проч.).

Книгу можно приобрести в магазинах «Академкнига»: Москва, ул. Горького, 8; Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва — Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

И. С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

РЕДАКЦИЯ
Д. Д. БЛАГОЙ, А. С. БУШМИН, В. В. ВИНОГРАДОВ,
А. Н. ДУБОВИКОВ, И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ,
Н. А. ТРИФОНОВ, М. Б. ХРАПЧЕНКО,
В. Р. ЩЕРБИНА (и. о. глав. ред.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 7

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

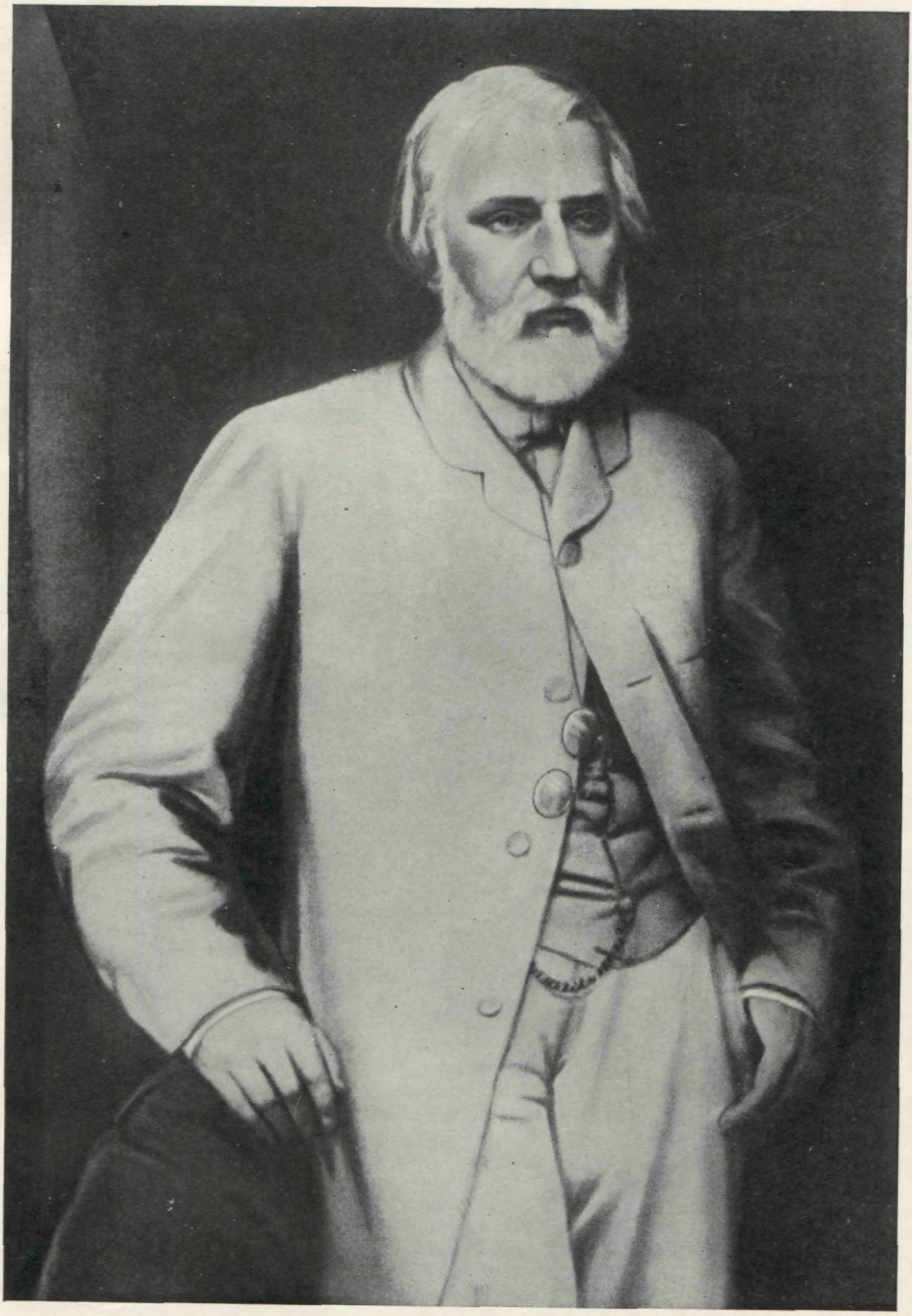
И. С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 6 · 7

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

7-2-2
151-67



И. С. ТУРГЕНЕВ
Портрет маслом работы А. М. Груздиня, конец 1860-х годов <?>
Музей латышского и русского искусства, Рига

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпуском настоящего тома редакция «Литературного наследства» продолжает разработку материалов, связанных с жизнью и творчеством И. С. Тургенева. Результатом первого этапа этой работы явился вышедший в 1964 г. том 73 «Из парижского архива И. С. Тургенева» (в двух книгах). Главное место в нем заняли тексты неизданных произведений Тургенева, его автобиографических документов, материалов его переписки и т. д. Этим по существу была завершена начатая в 20-х годах академиком Андре Мазоном разработка той части парижского архива писателя, которая была доступна для исследования.

Настоящий том основывается по преимуществу на неизданных документах, обнаруженных в архивах СССР. Большая часть содержащихся в томе исследований и публикаций объединяется центральной темой «Тургенев и русское революционное движение».

Эта тема разрабатывается прежде всего в исследованиях, составляющих первый раздел — «*Тургенев-романист*».

В статье М. О. Габель («Творческая история романа „Рудин“») процесс создания первого романа Тургенева рассматривается в связи с исторической действительностью 50-х годов и с резко менявшимися на протяжении этих лет отношениями между Тургеневым и руководителями «Современника». Автором статьи критически пересмотрены традиционные представления о творческой истории «Рудина» и доказана ошибочность многих выводов, изложенных в 1940 г. Г. В. Прохоровым и принятых затем многими советскими тургеневистами. Пересмотр традиционного истолкования романа «Дым» составляет содержание статьи А. Б. Муратова «„Гейдельбергские арабески“ в „Дыме“ и их политический смысл». Предпринятое автором детальное изучение судьбы русской колонии, сложившейся в 60-х годах в Гейдельберге и давшей основной материал для «гейдельбергских арабесок» в романе, позволило ему прийти к убедительным выводам о том, что критика Тургенева была направлена не столько против Герцена и Огарева, как считают многие исследователи романа, сколько против той части молодой эмиграции, для которой характерны были узкая кружковщина, идейная неустойчивость, отсутствие прочных революционных убеждений. Раздел завершается статьей А. Г. Цейтлина о романе «Новь», представляющей собой главу из незавершенной покойным исследователем книги о Тургеневе. В соответствии с общим замыслом книги эта ее глава построена как итоговое обобщение усилий многих критиков и исследователей, писавших о последнем романе Тургенева. Печатая эту главу, редакция «Литературного наследства» отдает дань уважения памяти видного советского ученого, долголетнего сотрудника «Литературного наследства», которому преждевременная смерть помешала стать активным участником настоящего тома.

Во втором разделе — «*Тургенев и русское революционное движение*» — публикуются высказывания о Тургеневе и его творчестве крупных деятелей революционного движения 60—80-х годов. Раздел открывается текстом лекции видного участника общества «Земля и Воля» С. С. Рымаренко о романе «Отцы и дети» — документа, в котором с большой силой убежденности выразилось критическое отношение к роману революционной демократии начала 60-х годов. Центральное место в этом разделе отведено статьям П. Л. Лаврова. По рукописям, сохранившимся в его архиве, впервые публикуются две статьи. Первая из них — «Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях», написанное в 1869 г. и предназначавшееся для «Отечественных записок»; посвященная анализу журнала «Вестник Европы» и его общественно-политических позиций, статья содержит разбор ряда произведений Тургенева 60-х годов. За ней следует статья о романе «Новь», в которой дана развернутая оценка романа как произведения, отразившего существенные черты народнического революционного движения 70-х годов; напечатанная тогда же в сокращенном виде в лондонском журнале (в переводе на английский язык) эта статья публикуется в настоящем томе полностью по автографу. Кроме названных двух статей, редакция сочла целесообразным перепечатать из «Вестника Народной Воли» 1884 г. первую половину статьи Лаврова «И. С. Тургенев и развитие русского общества», содержащую обзор творчества писателя до конца 60-х годов включительно (вторая часть статьи была, как известно, воспроизведена в 1930 г. в сборнике «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников»). К статьям Лаврова примыкают публикуемые впервые неизвестные

высказывания о Тургеневе Г. А. Лопатина, в том числе его статья 1883 г., содержащая развернутую оценку отношения Тургенева к самодержавию и к революции. Здесь же печатаются извлеченные из архива С. М. Степняка-Кравчинского фрагменты его книги о Тургеневе, над которой он работал в 90-е годы и которая осталась незавершенной. Заканчивается раздел подборкой документов о Тургеневе, извлеченных из материалов перлюстрации III Отделения и Департамента полиции. В их числе имеются интереснейшие отзывы революционно настроенной молодежи о Тургеневе, а также отклики на его смерть.

Редакторы настоящего тома сочли возможным включить в этот раздел новонайденную статью С. К. Брюлловой о романе «Новь». Дочь известного общественного деятеля К. Д. Кавелина, умершая в 26-летнем возрасте, была очень одаренной женщиной. По словам Тургенева, «...в ней воплотился один из лучших наших женских типов». Хотя Брюллова не принимала активного участия в русском революционном движении, тем не менее она была настроена весьма прогрессивно. Со всей очевидностью это явствует из ее статьи о «Нови», которая в те годы не могла быть напечатана на родине. Поэтому редакция и включила ее в раздел «Тургенев и русское революционное движение».

В третьем разделе — «*Воспоминания*» — собраны мемуарные свидетельства и дневниковые записи современников, охватывающие в своей совокупности четыре с половиной десятилетия жизни Тургенева (1838—1883). Среди них печатаются дневники Евд. В. Сухово-Кобылиной, передающие рассказ Тургенева о пережитом им в 1838 г. пожаре на пароходе, П. А. Васильчикова, в которых подробно записаны рассказы Тургенева о революционном Париже 1848 г.; дневники дочери декабриста Н. И. Тургенева Фанни Тургеневой, дающие чрезвычайно большой материал для пополнения биографии и летописи жизни Тургенева и заключающие в себе ряд важных высказываний Тургенева, в том числе и о роли рабочего вопроса в будущей жизни Европы; воспоминания и письма художника А. П. Боголюбова, связанного с Тургеневым близкими отношениями в 70—80-е годы; воспоминания о встречах с Тургеневым в последние годы его жизни коллекционера И. Е. Цветкова, французского писателя Ж. Кларти и участника франко-прусской войны, друга семьи Виардо Б. Фори.

Четвертый раздел — «*Обзоры и сообщения*» — содержит материалы, в которых освещаются различные проблемы жизни и творчества Тургенева, а также позднейшей судьбы его наследия. Здесь печатаются: обзор новейшей англо-американской литературы о Тургеневе, обширное сообщение о личных и творческих взаимоотношениях Тургенева и М. С. Щепкина, статья А. И. Эртеля, написанная под впечатлением известия о смерти Тургенева, обзор откликов зарубежной печати на его смерть и т. д.

Редакция «Литературного наследства» выражает благодарность учреждениям, предоставившим для опубликования в настоящем томе материалы о Тургеневе: Центральному государственному архиву Октябрьской революции, Центральному государственному архиву литературы и искусства, Рукописному отделу Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР, Отделу рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Отделу рукописей Публичной библиотеки РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Тургеневскому музею в Орле, Музею А. Н. Радищева в Саратове.

Редакторы тома: А. Н. Дубовиков и И. С. Зильберштейн. Редакционную работу вела также К. П. Богаевская. В подготовке тома приняли участие М. И. Беляева, Л. Р. Ланский, Н. Д. Эфрос. Подбор иллюстраций произведен Т. Г. Динесман и Н. Д. Эфрос.

ТУРГЕНЕВ-РОМАНИСТ

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА «РУДИН»

Статья М. О. Габель

1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Появление в печати первого романа Тургенева («Современник», 1856, № 1 и 2) вызвало сразу же острые споры. Но и до опубликования «Рудина», еще тогда, когда была закончена лишь его первая, подвергшаяся затем изменениям редакция, он возбудил значительные толки среди друзей автора. Тургенев еще дорабатывает свое новое произведение, а Некрасов уже спешит поделиться с читателями «Современника» «литературной новостью»: «Недавно г. Тургенев окончил и отдал уже нам новую свою повесть под названием „Рудин". По объему это — целый роман, а по содержанию, как последнее произведение таланта развивающегося, новая повесть г. Тургенева представляет и новые достоинства. „Современник" считает себя счастливым, что может начать свой следующий год таким произведением» [1].

Вполне понятно, почему «Рудин» вызвал большой интерес. Это было в середине 50-х годов одно из первых и самых значительных произведений о передовом деятеле предшествующей эпохи. Актуальная проблематика романа, историзм, художественная манера Тургенева-романиста, его приемы типизации волновали и критиков, и читателей.

В том, что образ Рудина является широким обобщением типических черт передового дворянского интеллигента 30—40-х годов, не может быть сомнений. Это достаточно выяснено в нашем литературоведении. Вся жизнь Рудина, описанная в романе, построена на характернейших для лучших людей этой поры моментах: учение в Московском университете, участие в кружке, где увлекаются философией Гегеля, поездка в Берлин для занятий ею, «философские», надуманные романы, проповедь передовых идей в дворянских салонах и гостиных, безрезультатные поиски дела. В этих жизненных обстоятельствах проявляется характер дворянского интеллигента 30—40-х годов, идеалиста-гегельянца, энтузиаста, блестящего оратора-просветителя, пропагандиста высоких и благородных идей, однако оторванного от русской жизни, не знающего главных ее задач и очень далекого от народа. Современники сразу же отметили типичность образа Рудина и даже его портретную близость к некоторым из знакомых им людей.

Что же касается вопроса об отношении автора к своему герою, то он еще не получил полного и четкого разрешения и нуждается, несомненно, в дополнительных исследованиях. Трудность ответа на этот вопрос объясняется очень сложной творческой работой Тургенева над романом (она растянулась на пять лет: 1855—1860), во время которой вносились важные дополнения, с новых сторон освещавшие характер Рудина.

Не вызывает никаких сомнений, что, создавая в 1855 г. свой роман, Тургенев ставил перед собой основную и главную задачу — дать истори-

ческую оценку людям предшествующего поколения, которых он сам метко назвал «лишними людьми». В известной мере «Рудин» — роман исторический. Действие его отодвинуто в прошлое: юность Рудина, университетские годы героя, участие в кружке Покорского относятся к 30-м годам, посещение Ласунской — к началу 40-х годов. Лежнев, Липина, Пигасов и Басистов ведут разговор о Рудине (гл. XII) через два года после его отъезда из усадьбы Ласунской. Встреча Рудина с Лежневым происходит в середине 40-х годов, а в 1848 г. Рудин гибнет в Париже на баррикадах [2].

Роман «Рудин» был написан летом 1855 г.— «в самый разгар Крымской кампании» (ПСС XII, 304), как подчеркивал Тургенев в «Предисловии» к своим романам в собрании сочинений 1880 г.

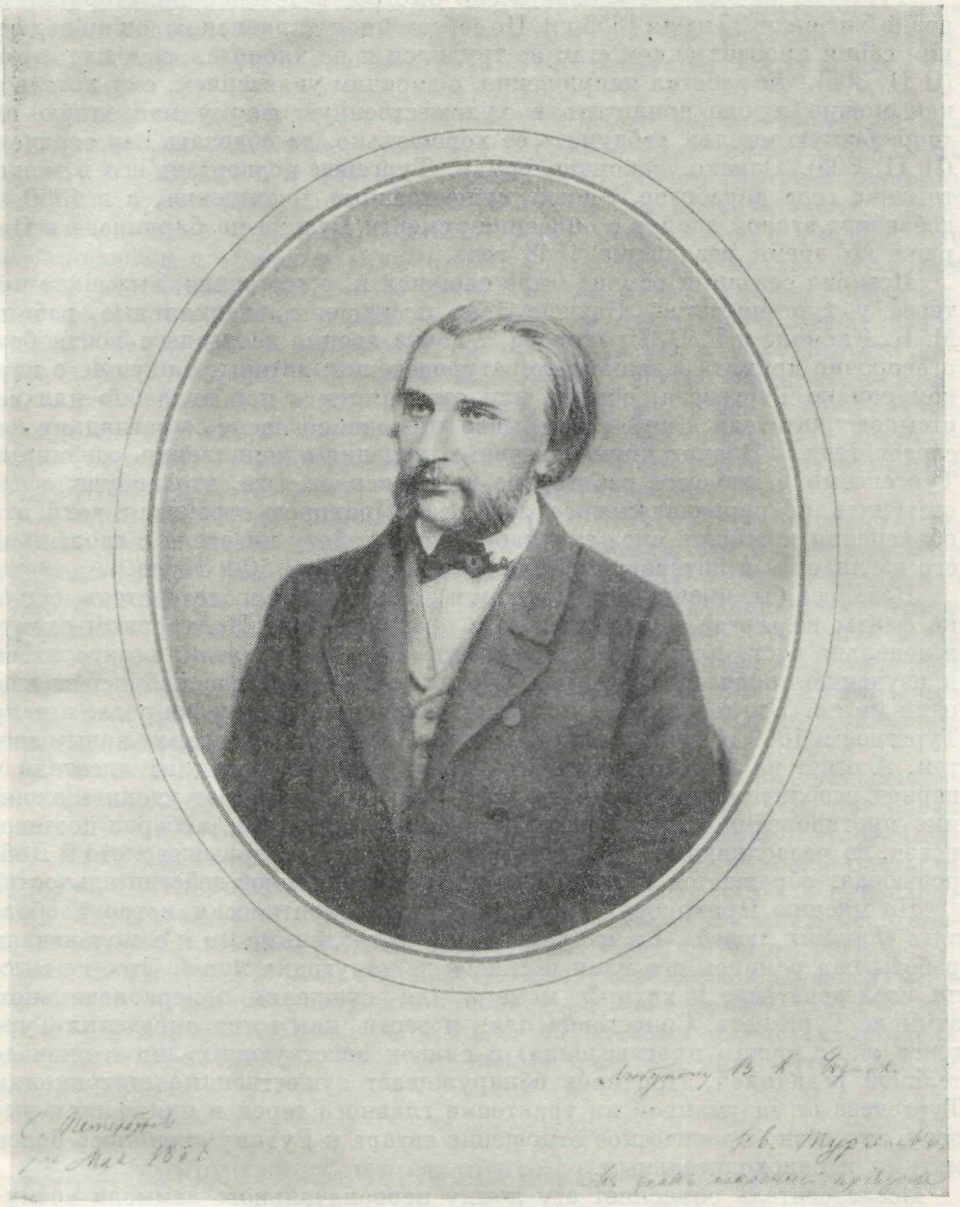
Размышления над общественно-политической жизнью, над ее противоречиями, так резко обозначившимися именно в это время, над причинами, их породившими, естественно должны были привести Тургенева к раздумьям и об общественно-политическом деятеле современной эпохи.

Как хорошо известно, Крымская война не только обнаружила полную негодность феодально-крепостнической системы, но и вызвала новый подъем освободительного движения. Выступает новая фаланга борцов, «штурманы будущей бури», революционеры-разночинцы, с особенной силой растет массовое крестьянское движение.

«*Я убежден*, что с Крымской войны Россия входит в новую эпоху развития»,— замечает Герцен, выражая мысли лучших людей России [3]. «После Крымской войны повеяло весной, запахло „разрытой землей", предвещавшей конец чему-то отживающему, бледному, как смерть, и разлагающемуся, как труп»,— вспоминает позднее Тяпушкин, alter ego Гл. Успенского («Волей-неволей») [4].

Во время войны Тургенев был захвачен ее событиями. Летом 1854 г. он нанимает дачу в Петергофе, «чтобы быть на месте действия, или, выражаясь правильнее, чтобы не слишком отдалиться от центра, куда будут приходить все известия» (П II, 219) [5]. «Блистательное отражение первого приступа французов к Аланду» не вселяет в него никаких радужных надежд. Аланд будет взят — «превосходство сил слишком велико — но он им станет дорого» (П II, 225). Его волнует судьба Севастополя: «Как бы хорошо было, если б прижали незваных гостей!» (П II, 239). Тяжелые мысли, порожденные войной, всё неотвязнее овладевают им, и через год он печально скажет: «...живем мы в невеселое время. Война растет, растет — и конца ей не видать, лучшие люди (бедный Нахимов!) гибнут — болезни, неурожай, падежи — у нас коровы и лошади мрут как мухи... Впереди еще пока никакого не видать просвету... Надо потерпеть. Еще разик, еще раз, как говорят бурлаки. Авось все это вознаградится с лихвою» (П II, 305). На известие о падении Севастополя он откликается грустным раздумьем: «Хотя бы мы умели воспользоваться этим страшным уроком» (П II, 311—312). После окончания войны он, как и Герцен, как и другие передовые люди, остро ощущает «веяние новой жизни, начавшейся на родине» (П III, 32).

Писатель, умевший улавливать биение времени, не мог не осознать, в чем заключается «страшный урок», полученный во время войны. Раздумывая над ним, он пришел к глубоким историческим выводам: не только прогнила старая социально-политическая система в России, но вместе с тем изжил себя весь строй мыслей и чувств, ею порожденный. За провал Крымской кампании отвечало не только правительство; за него не могли не нести ответственности и передовые люди недавнего прошлого — дворянские интеллигенты. В лице Рудина Тургенев, как и до этого (в поэмах и повестях), судит своего современника, вступившего на общественное поприще в 30—40-х годах и являющегося теперь уже представителем старшего поколения.



ТУРГЕНЕВ

Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1856. С дарственной надписью: «Любезному В. К. Бодиско Ив. Тургенев, в знак искренней приязни. С. Петербург. 1-го мая 1856»

Исторический музей, Москва

Тургенев написал «Рудина» очень быстро, в течение полутора месяцев (с 5 июня по 25 июля 1855 г.). По собственному признанию, он ни над одним своим произведением «так не трудился и не хлопотал, как над этим» (П II, 305). Он работал напряженно, с горячим увлечением, ему хотелось как можно лучше воплотить в художественную форму найденную им «порядочную мысль», «обдумать ее хорошенько, да обделать как следует» (П II, 305). Однако, закончив роман, Тургенев подвергает его в конце того же года доработке, вносит существенные дополнения, а в 1860 г. добавляет второй эпилог с описанием смерти Рудина на баррикаде в Париже во время революции 1848 года.

История создания романа была сложной и, естественно, вызывала интерес у тургеневистов. Изучению ее посвящены специальные работы М. К. Клемана и Г. В. Прохорова [6]. Точка зрения последнего почти безоговорочно принята в нашем литературоведении: авторы, пишущие о первом романе Тургенева, обычно или отзываются о ней хвалебно или же отсылают читателя к ней, высказывая этим свое согласие со взглядами исследователя [7]. Клеман лишь отмечает изменения и дополнения, сделанные Тургеневым в процессе работы, но не объясняет того, что побудило его отступить от первоначального замысла. Прохоров стремится дать эти объяснения и связать сложную творческую работу писателя с эволюцией его взглядов и с литературной борьбой в середине 50-х годов.

Казалось бы, именно таким путем и должен идти исследователь. Однако факты не всегда укладываются в предложенную Прохоровым схему, а довольно часто прямо ее опровергают. Вот почему стоит возвратиться к изучению творческой истории «Рудина». К этому нас побуждает еще один мотив. Никто из исследователей романа не ставил вопроса, *почему* Тургенев в 1860 г. вводит второй эпилог, освещающий героя новым светом. А ответ на него позволяет судить об идейных позициях писателя в период революционной ситуации 1859—1861 гг., помогает уяснить сложные противоречия его творчества, понять, почему он, либерал-постепеновец, не разделявший «мужицкого демократизма» Чернышевского и Добролюбова, обращается к изображению революционной действительности.

По мнению Прохорова, Тургенев задумал критически остро изобразить «лишних людей», на что указывают составленные им в самом начале работы над романом его план и список действующих лиц [8]. Это, по мысли исследователя, исходный момент для суждения о первоначальном замысле Тургенева. Сопоставив план повести (как тогда определил Тургенев жанр своего произведения) и список действующих лиц с окончательной редакцией, Прохоров обнаруживает существенные отступления Тургенева от задуманной им трактовки главного героя и приходит к выводу, что резко критическое отношение автора к Рудину сменилось более мягким и снисходительным.

Исследователь объясняет эту ломку первоначального замысла возмущением, вызванным диссертацией Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». «Здесь дело шло о принципиальном, жизненном для Тургенева вопросе,— пишет Прохоров,— искусстве, которое новыми людьми низводилось до роли растрепанного учебника жизни, а из-за этого вопроса выдвигался и другой, более широкий: мы или они? 〈...〉 Позволительно думать, что Чернышевский и его диссертация и послужили для Тургенева ближайшим поводом, если не к полному пересмотру своего отношения к человеку сороковых годов — Рудину (Бакунину), то к значительному смягчению своего критического отношения к нему, по крайней мере, во второй, еще только писавшейся части романа; косвенным подтверждением этому может служить и перестройка романа, укорочение роли Пандалевского и, наоборот, расширение роли и значения Лежнева, который теперь сближается с Рудиным возрастом и относится

к нему с большим сочувствием 〈...〉; ирония автора в отношении Рудина уступает место более объективному изображению его, снимается насмешливое заглавие „Гениальная натура“ 〈...〉 и заменяется нейтральным „Рудин“» [9].

Прохоров полагает, что и в дальнейшей работе над романом Тургенев продолжает смягчать свое отношение к герою. После приезда в октябре 1855 г. из Спасского в Москву, а затем в Петербург Тургенев знакомит Некрасова, Боткина, Дружинина с законченным произведением. Убежденный советами друзей (особенно Боткина), совпадавшими с новой, уже наметившейся в «Рудине» тенденцией, Тургенев приходит к мысли еще больше реабилитировать своего героя и вносит в текст романа существенные изменения: вводит эпизод из истории кружков 1830-х годов, посвященный Покорскому — Станкевичу, дописывает эпилог. В результате первоначальный замысел был сломлен, а образ Рудина значительно изменился. «Собственно говоря, вся вторая половина романа, или, точнее, четверть его — это не что иное, как сочувственная авторская реабилитация Рудина, охарактеризованного им в первой части почти одними отрицательными чертами»,— заключает исследователь [10].

Далеко не все эти положения работы Прохорова убедительны. Во-первых, у него нет никаких оснований утверждать, что сейчас же после прочтения книги Чернышевского началось смягчение образа Рудина, что отношение автора к своему герою становится менее ироничным, что в связи с этим насмешливое заглавие «Гениальная натура» заменяется более нейтральным. Во-вторых, неправилен тезис, что «Тургенев был и остался в своей эстетике на идеалистических позициях Шеллинга и Гегеля», что он — «последовательный идеалист», в силу чего диссертация Чернышевского и вызвала его негодование.

Относительно эстетических взглядов Тургенева наше литературоведение пришло к диаметрально противоположным выводам. Все, кто писал о них (Н. В. Богословский, А. Лаврецкий, Н. Л. Бродский, Л. В. Павлов, К. Г. Чмшкян, Л. Н. Назарова) [11], настаивают на большой близости Тургенева к материалистической эстетике Белинского, хотя и признают, что у Тургенева были некоторые, впрочем не столь существенные, отклонения от нее, и нам нет нужды возвращаться здесь к этой проблеме.

Но вопросом — могла ли диссертация Чернышевского послужить толчком к коренной переработке образа Рудина? — следует заняться, так как его решение позволяет судить об идейных позициях писателя в середине 50-х годов, а без этого нельзя понять и истории его работы над романом.

2. ТУРГЕНЕВ И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ в 1855—1856 гг.

Принято полагать, что Тургенев занял враждебную в отношении Чернышевского позицию, сразу после прочтения его диссертации. Эту точку зрения отстаивал, например, В. Е. Евгеньев-Максимов в работах о «Современнике» и в трехтомном исследовании «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (1947—1952). Однако если внимательно и беспристрастно рассмотреть все материалы, характеризующие отношение Тургенева к Чернышевскому, это безоговорочное утверждение придется отбросить.

Правда, хорошо известно, что «Эстетические отношения искусства к действительности» вызвали возмущение и негодование Тургенева: «... Чернышевского за его книгу — надо бы публично заклеймить позором. Это *мерзость* и наглость неслыханная» (П II, 287). Прежде защищавший Чернышевского от нападок Дружинина, он дает клятву «отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности

недозволенными средствами!..» (П II, 293). Имея в виду авторецензию Чернышевского на свой трактат, подписанную Н. П—ъ («Современник», 1855, № 6), Тургенев возмущается журналом, который «чуть не хвалит» диссертацию (П II, 290). Ее «не так бы следовало разобрать, как это сделал г-н Пыпин»,— замечает он (П II, 297). Таково первое впечатление Тургенева от «Эстетических отношений искусства к действительности». Все приведенные и другие аналогичные высказывания относятся к периоду между 1 и 10 июля с. с. 1855 г.

Но проходит около двух недель, и впечатление Тургенева от книги Чернышевского несколько меняется: в его новых откликах на нее уже нет и следа прежнего негодования, резкого возмущения, нет глубоко несправедливых восклицаний по адресу Чернышевского.

Тургенев ведет деятельную переписку по поводу книги Чернышевского с Боткиным, взявшим ее под свою защиту. Боткин нашел в ней «много умного и дельного», поставил в большую заслугу Чернышевскому то, что он «прямо коснулся вопроса, всеми оставляемого в стороне», и положил в основу искусства природу. «С самого начала *реальной* школы — вопрос был решен против *абсолютного* значения искусства. Прежде противупоставляли природу и искусство; теперь природа стала фундаментом искусству — es sind Rosen, die zugleich im Himmel glühen*. Что такое собственно поэзия, как не прозрение в сокровеннейшую сущность *вещей*? т. е. действительности» [12]. Нащупав основную точку зрения Чернышевского, Боткин все же воспринял его эстетическое учение чрезвычайно абстрактно. Он согласился с Чернышевским, что предмет искусства — действительность, но не задумался над тем, какой смысл вкладывает Чернышевский в понятие действительности. Сам же Боткин понимает «действительность» идеалистически: поэзия для него — «прозрение в сокровеннейшую сущность вещей».

Если даже эстет Боткин признал заслугу Чернышевского в том, что он обосновал теорию реалистического искусства, положив в его основу жизнь, то тем более Тургенев, друг, ученик и последователь Белинского, разделявший его литературно-эстетические взгляды, не мог не признать в конце концов правильными основные положения материалистической эстетики Чернышевского. Очень возможно, что форма изложения в трактате Чернышевского, казавшаяся Тургеневу «безжизненной и сухой» (П II, 297), настроила его против диссертации. Уж очень она отличалась своим строго деловым, отвлеченно-логическим стилем от дорогих Тургеневу критических статей Белинского, всегда взволнованных, эмоциональных, с лирическими отступлениями, с репликами в сторону, с живой образностью, со свободным течением мысли, с обильными литературными иллюстрациями.

Основные эстетические положения Чернышевского: «прекрасное есть жизнь», «искусство воспроизводит все, что есть интересного для человека в жизни», произведения искусства являются «объяснением жизни: часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни» [13],— не могли вызывать возражений Тургенева. Ведь Чернышевский развивал мысли Белинского, которые разделял и Тургенев. Еще в 1851 г. в статье о романе Евгении Тур «Племянница» он писал, что жизнь является «вечным источником всякого искусства» (ПСС V, 369). А в письме к Боткину от 17/29 июня 1855 г., то есть совсем незадолго до своего знакомства с «Эстетическими отношениями искусства к действительности», он говорит об общественном значении литературы: «Бывают эпохи, где литература не может быть *только* художеством — а есть интересы высшие поэтических интересов. Момент

---

* Это розы, которые к тому же рдеют в небесах (нем.).

самопознания и критики так же необходим в развитии народной жизни, как и в жизни отдельного лица» (П II, 282).

Защитник тезиса об общественном назначении искусства, Тургенев был противником теории искусства для искусства: «Горе писателю, который захочет сделать из своего живого дарования мертвую игрушку, которого соблазнят дешевый триумф виртуоза, дешевая власть его над своим опошленным вдохновением» (ПСС V, 424). Сам Тургенев был не только сторонником критического, «гоголевского» направления, но и одним из его блестящих представителей.

В споре о «гоголевском» и «пушкинском» направлениях автор «Рудина» занял свою особую позицию, более близкую к демократам, чем к эстетам. Он не противопоставлял Пушкина Гоголю, не считал его, как Дружинин, поэтом «чистого искусства» и мечтал о синтезе пушкинской и гоголевской традиций.

Продумав основные положения книги Чернышевского, Тургенев в итоге выдвинул против нее лишь одно обвинение — в умалении роли искусства: «... в его ⟨Чернышевского⟩ глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни — и в сущности годится только для людей незрелых. Как ни вертись, эта мысль у него лежит в основании всего. А это, по-моему, вздор» (П II, 300—301). Тургенев обвиняет Чернышевского в отрицании роли искусства как средства познания жизни. «В действительности нет шекспировского Гамлета — или, пожалуй, он есть — да Шекспир открыл его — и сделал достоянием общим. Чернышевский много берет на себя, если он воображает, что может сам всегда дойти до этого сердца жизни...» (П II, 301). Недооценка искусства, усмотренная Тургеневым в «Эстетических отношениях искусства к действительности», отталкивала его еще и потому, что в условиях николаевской реакции литература была трибуной, с которой слышались передовые мысли. «Эта худо скрытая вражда к искусству — везде скверна — а у нас и подавно. Отними у нас *этот* энтузиазм — после того хоть со света долой беги» (П II, 296—297),— писал Тургенев Некрасову.

Писатель нащупал в диссертации Чернышевского наиболее уязвимое место. Советские исследователи [14] указали на ошибочность тезиса диссертации Чернышевского — «природа и жизнь выше искусства» [15],— а также его утверждения, что произведение искусства относится к действительности, как гравюра к картине, с которой она сделана, что искусство нужно, чтобы восполнить наше незнание жизни. Эти теоретические ошибки Чернышевского исторически объяснимы. С одной стороны, они результат известной ограниченности его философского материализма, с другой,— они вытекают, несомненно, из стремления Чернышевского заострить главную мысль о жизни — основе искусства, поднять «действительность» как эстетическую категорию над идеалистическим понятием красоты. Борьба с идеалистической эстетикой, с реакционной теорией искусства для искусства привела Чернышевского к превознесению природы над искусством.

Сосредоточив внимание на ошибочном положении Чернышевского, что произведения искусства служат «суррогатом» действительности, и не поняв, что книга Чернышевского наносила сокрушительный удар по идеализму и теории «чистого искусства», Тургенев сделал необоснованный вывод об отрицании Чернышевским искусства вообще [16] и его познавательного характера, в частности, тогда как Чернышевский не только не принижал значения искусства, а стремился доказать его широкую общественно-преобразующую роль. Ошибка Чернышевского была, несомненно, сильно преувеличена Тургеневым. Но при всем этом он не мог не видеть в диссертации Чернышевского развития эстетических принципов Белинского. Вот почему он с одобрением отзывается о критической

деятельности Чернышевского и принимает с большим сочувствием «Очерки гоголевского периода русской литературы», где эстетическая теория Чернышевского нашла свое блестящее приложение к изучению русской литературы 40-х годов и где впервые дана была в основном исторически правильная оценка деятельности Белинского.

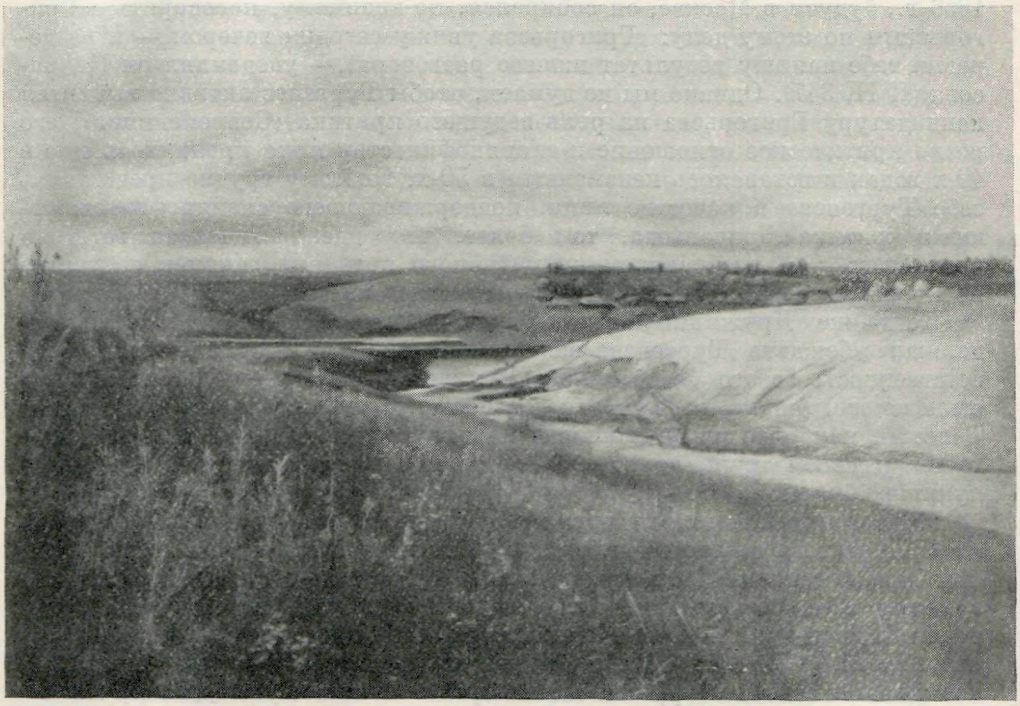
На первый взгляд получается резкое противоречие: Тургенев отвергает теоретические взгляды Чернышевского на искусство и вместе с тем принимает его критическую практику, от начала до конца основанную на его эстетической теории. Но противоречие это кажущееся, ибо главные положения материалистической эстетики Чернышевского, как указывалось выше, разделялись самим Тургеневым. Вот почему он защищает автора «Очерков» от несправедливых нападок Дружинина (а вместе с ним и Боткина).

В кружке Боткина — Дружинина «Очерки» встретили неприязненно, потому что Чернышевский, воспользовавшись напечатанными главами «Былого и дум» Герцена, дал характеристику связанных с Белинским людей 40-х годов, тогда еще живых [17]. Негодующий тон этих отзывов был продиктован, несомненно, страхом. Упоминание в «Очерках гоголевского периода русской литературы» о былых членах кружка Белинского показалось Боткину, Дружинину и другим весьма опасным: это могло обратить на них нежелательное внимание правительства. О том, как «трухнули» Анненков и Боткин, сообщил Тургеневу Е. Я. Колбасин 18 октября 1856 г.[18]

Тургенев не разделял страха своих друзей и взял «Очерки» под защиту. «Я досадую на него за его сухость и черствый вкус — а также и за его нецеремонное обращение с живыми людьми ⟨...⟩; но „мертвечины" я в нем не нахожу — напротив: я чувствую в нем струю живую, хотя и не ту, которую вы желали бы встретить в критике. Он плохо понимает поэзию; знаете ли, это еще не великая беда; критик не делает поэтов и не убивает их; но он понимает — как это выразить? — потребности действительной современной жизни — и в нем это не есть проявление расстройства печени, как говорил некогда милейший Григорович — а самый корень всего его существования. Впрочем, довольно об этом; я почитаю Ч⟨ернышевско⟩го полезным; время покажет, был ли я прав» (П III, 29—30) [19]. Он радуется, что Чернышевский вспомнил дорогое ему имя Белинского: «...я с сердечным умилением читал иные страницы»; «...я радуюсь возможности их появления, радуюсь воспоминаниям о Б⟨елинском⟩ — выпискам из его статей, радуюсь тому, что наконец произносится с уважением это имя» (П III, 23 и 43) [20].

Тургенев ценит «Очерки» не только потому, что они воскресили память о Белинском в то время, когда правительство Николая I всячески добивалось его забвения. Он признает шестую статью «Очерков» «прекрасной», отмечает, что иные страницы его «истинно тронули» (П III, 27). Приняв «Очерки гоголевского периода русской литературы», Тургенев считает, что Чернышевский «без всякого сомнения, лучший наш критик», который «более всех понимает, что́ именно нужно». После возвращения в Россию Тургенев хочет «сблизиться с ним более, чем до сих пор» (П III, 21). Отличной назвал он статью Чернышевского «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (П III, 236). Обратил внимание Тургенев и на первую историко-литературную работу Добролюбова «Собеседник любителей российского слова, 1783—1784». Он писал, что она «весьма дельна» (П III, 27) [21].

Итак, у Тургенева было весьма сочувственное отношение к Чернышевскому-критику, которого он не осуждает, как не раз утверждалось литературоведами, а признает его деятельность полезной, так как он прекрасно разбирается в животрепещущих вопросах современности. В оценке



СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО
Картина маслом Н. К. Бодаревского, 1880-е годы
Музей им. А. Н. Радищева, Саратов
В Спасском был написан роман «Рудин» (первая редакция)

Чернышевского писатель не был солидарен с защитниками теории искусства для искусства, как на этом категорически настаивал, например, В. Д. Бонч-Бруевич [22].

Признавая Чернышевского-критика, Тургенев не принимал участия в кампании против него, дважды поднятой Дружининым и Боткиным. О первой попытке подчинить своему влиянию «Современник», сделанной летом 1855 г., когда они в Москве «мимоходом внушали Некрасову разные полезные истины на счет „Современника“», извещал Тургенева Дружинин [23]. Тургенев не поддержал Дружинина в этом нажиме на Некрасова.

Вторая проба удалить Чернышевского из «Современника» была сделана Боткиным весной 1856 г., когда он настойчиво рекомендовал Некрасову Ап. Григорьева, готового переехать в Петербург и взять на себя всю критику «Современника» при условии, если в журнале не будет участвовать Чернышевский. Свое письмо к Некрасову с предложением пригласить Григорьева критиком «Современника» Боткин отослал через Тургенева — очевидно, с просьбой передать письмо Некрасову и поговорить с ним по этому вопросу. Об этом свидетельствуют записка Тургенева к Некрасову («Прочти и пришли мне обратно прилагаемое письмо Боткина,— да не заедешь ли ты сам, чтобы переговорить о Григорьеве?» — П II, 345) и слова Боткина в письме к Некрасову: «Переговори-ка об этом с Тургеневым,— а право об этом стоит подумать» [24].

Неизвестно, состоялась ли эта беседа, а если состоялась, то в какой мере Тургенев поддерживал кандидатуру Григорьева. Правда, в мае

1856 г., будучи в Москве, он собирался, по-видимому, поговорить с Григорьевым по этому делу: «Григорьева увижу сегодня вечером — и из деревни тебе напишу результат нашего разговора»,— уведомлял он Некрасова (П II, 347). Однако мы не думаем, чтобы Тургенев активно выдвигал кандидатуру Григорьева на роль ведущего критика «Современника»; его резко критическое отношение к славянофильству ярко проявилось еще в 40-х годах и оставалось неизменным в 50-х. Поэтому трудно представить себе Тургенева в качестве лица, поддерживающего славянофильствующего критика Григорьева, тем более, что идеалистическая эстетика последнего с ее требованием интуитивного познания законов искусства не могла вызвать сочувствия у Тургенева-реалиста.

Когда же Дружинину пришлось покинуть «Современник», он продолжал убеждать Тургенева взять контроль над журналом, а то «ответственность за это безобразие» (Дружинин имел в виду статьи Чернышевского) падет на Тургенева «и станут говорить, что Тургенев и Толстой, наиболее поэтические из наших писателей, и поэт Некрасов терпят в своем журнале отрицание поэзии и вместо того показывают кукиши в кармане» [25].

Как реагировал на эти дружининские демарши Тургенев?

У Тургенева во второй половине 1856 г. не было особых опасений за судьбу «Современника», хотя некоторые новшества в жизни журнала вызывали у него тревогу. Так, когда осенью 1856 г. больной Некрасов надолго уехал за границу и в «Современнике» остались вместо него Панаев и Чернышевский, у Тургенева возникли известные сомнения в том, что журнал находится в надежных руках. Но вскоре он начинает убеждаться, что Панаев и Чернышевский в состоянии «очень хорошо вести журнал» (П III, 17). Впрочем, он в то же время пишет, что, по его мнению, Чернышевский нуждается в менторе, а Панаев в няньке. Замечание это, однако, не относится к общему направлению журнала, а вызвано тем, что у Чернышевского в «Очерках гоголевского периода русской литературы» проявилось «нецеремонное обращение с живыми людьми» (П III, 23).

В начале декабря 1856 г. Тургенева обеспокоило полученное от Дружинина известие о разразившейся над «Современником» цензурной буре, вызванной перепечаткой трех стихотворений Некрасова («Поэт и гражданин», «Забытая деревня», «Отрывок из путевых записок графа Гаранского») в заметке Чернышевского о только что вышедшем сборнике стихотворений поэта. Узнав об опасности, нависшей над журналом, Тургенев заявляет: «А что „Современник" в плохих руках — это несомненно» (П III, 54). Однако из контекста очевидно, что этот упрек всецело относится к Панаеву. И Тургенев, и Некрасов винили именно его за эту цензурную историю. Еще неискушенный в цензурных делах Чернышевский в их глазах нес ответственность в меньшей степени, чем Панаев, проявивший непростительное легкомыслие. «Панаев неисправим, я это знал,— писал Некрасов Тургеневу 6/18 декабря 1856 г. — Гроза могла миновать „Современник", будь хоть ты там. Такие люди, как он, и трусят и храбрятся — все некстати. Я не меньше люблю „Современник" и себя или мою известность,— недаром же я не решился поместить „Поэта и гражданина" в „Современнике"? Так нет! Надо было похрабриться. Впрочем, Панаева винить смешно: не гнилой мост виноват, когда мы проваливаемся» [26]. Тургенев тоже резко отзывается о «выходке» Панаева, но Чернышевского в этой связи он не упоминает; Тургенев полагает, что «Панаев поступил как мальчишка», называет его «неисправимым свистуном» (П III, 50, 51).

Итак, если учесть все данные, характеризующие отношение Тургенева к Чернышевскому в 1855—1856 гг., то станет ясным, в какой мере не соответствует действительности точка зрения Прохорова и всех тех, кто ее разделяет. Нет сомнений, отношение Тургенева к Чернышевскому было

сложным. Чернышевский как человек был ему не по душе, казался сухим и черствым. Его слог не нравился автору «Рудина». В эстетической теории Чернышевского Тургенев, как мы видели, разобрался не до конца и, исходя из ошибочного положения Чернышевского — искусство суррогат действительности,— пришел к неправильному заключению об отрицании великим публицистом «Современника» искусства вообще. Зато критическую его деятельность он признавал и нужной и полезной, отвечающей запросам современности. Вот почему нет никаких оснований для утверждения, что в момент создания «Рудина» у Тургенева уже мог возникнуть вопрос: «мы» или «они»? Тем более, что тогда еще не было резкого размежевания либерального и революционно-демократического лагерей, как это произошло в период революционной ситуации 60-х годов. В. И. Ленин, говоря о борьбе за новую Россию «двух исторических тенденций, двух исторических сил», представителями которых были либералы 60-х годов и Чернышевский, определяет точные хронологические границы этой борьбы. Он указывает, что либеральная и демократическая тенденции «в 1861-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе», а затем в течение полувека, после 19 февраля, развивались и «расходились все яснее, определеннее и решительнее» [27]. Совершенно ясно, что общественно-политическая обстановка в России в 1855 г. и в 60-х годах не была одной и той же. Поэтому необоснованно переносить характер отношений Тургенева с революционными демократами в 1860 г., когда он порвал с «Современником», на 1855 г., когда у Тургенева еще не зарождалась мысль о возможности разрыва с журналом и когда Чернышевский еще не начал борьбы с Тургеневым, а считал его «честью нашей литературы» [28].

Таким образом, следует отбросить точку зрения Прохорова и всех, кто ее разделяет, о зародившейся под влиянием диссертации Чернышевского враждебности Тургенева к революционерам-демократам. Этой причиной не может объясняться происшедшее якобы в ходе работы резкое изменение замысла романа, так как этой причины еще не существовало.

3. ПЕРВЫЙ ЭТАП РАБОТЫ НАД РОМАНОМ

а Заглавие «Гениальная натура»

Был ли сломлен, как полагает Прохоров, в процессе работы над романом его первоначальный замысел — резко критически подойти к главному герою? В какой степени изменилось отношение Тургенева к Рудину? В какой мере общественно реабилитирован в романе «лишний человек»? Правильный ответ на эти вопросы существенно важен, он должен явиться ключом не только к пониманию идейного смысла романа, но и к определению места Тургенева в историко-литературном процессе и в общественной борьбе 1855—1856 гг.

Начнем с заглавия романа. Анненков, видевший его черновую рукопись, сообщает: «Повесть была первоначально озаглавлена: „Гениальная натура“, что потом было зачеркнуто и вместо этого рукой Тургенева начертано просто: „Рудин“» [29]. Принято считать заглавие «Гениальная натура» ироническим [30]. По предположению Прохорова, оно было заменено более нейтральным «Рудин», так как авторское отношение к Рудину смягчилось под влиянием неприязненного отношения к диссертации Чернышевского.

Однако можно найти и более простое и при этом более веское объяснение, почему Тургенев отбросил заглавие «Гениальная натура». В пятом номере «Современника» 1855 г., в панаевских «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики», был напечатан фельетон

о «гениальной натуре». Тургенев познакомился с ним после того, как приступил к работе над Рудиным. «Я не имел времени прочесть всего номера (5-го) „Современника“ — но он мне кажется удачно и приятно составлен»,— сообщает он Панаеву 13/25 июня 1855 г. Роман же был начат 5/17 июня. Прочитав «Заметки и размышления Нового поэта», Тургенев, видимо, решил отбросить ранее придуманное заглавие — уж слишком оно походило на заимствование, тем более, что между фельетоном Панаева и романом Тургенева оказались и некоторые сюжетные совпадения.

«Новый поэт» начинает фельетон с рассказа об одном своем приятеле, «существе не совсем обыкновенном»; товарищи называли его гениальной натурой, но из него ничего не вышло. Был он мечтателем и романтиком, поэтом и ученым, занимался философией, но все его начинания обрывались, оставались не завершенными. И личная жизнь этого человека не удалась, потому что он не верил в силу своего чувства. Задумчивый, печальный и мечтательный, герой фельетона писал стихи, рассказы и был истинным поэтом; но стихи свои он уничтожал, так как им часто овладевал сплин; он учился в Берлине, занимался философией и мечтал о научной деятельности, затем уехал в Париж, где вел рассеянную жизнь, познакомился с «погибшим, но милым созданием»; с этой подругой отправился в Пиренеи, где и привел ее к полному раскаянию; однако она вскоре убежала со знакомым французом. Герой вернулся в Россию с расстроенным состоянием, снова мечтая о научной работе, но не осуществляя своей мечты. Приятели, считавшие его ранее гениальной натурой, стали отзываться о нем как о пустом человеке. В него влюбилась богатая вдова, но он бежал от нее, поселился в маленькой деревеньке, много читал, наслаждался природой, наконец, полюбил замечательную девушку, но и этот роман почему-то оборвался; в конце концов он заболел чахоткой и умер. Доктор, его лечивший и хорошо знавший, сказал о нем: «Это чудная, богатая натура. Право, обидно, что эта жизнь, так полная внутренним содержанием, прошла бесплодно. Вся она ограничивалась одними мечтаниями, стремлениями, порывами» [31].

Фельетон Панаева и роман Тургенева воспроизводили одни и те же сюжетные ситуации, одни и те же типические черты «лишнего человека», идеалиста 30—40-х годов. Для «гениальной натуры» Панаева и для Рудина характерна идеальная, платоническая любовь к женщинам вообще и к женщине легкого поведения в особенности; они стремятся своей чистой любовью ее облагородить и просветить. Пигасов рассказывает Александре Павловне «анекдот» из жизни тургеневского героя: живя в немецком городке на Рейне, Рудин решил, что ему должно влюбиться, и познакомился с француженкой, прехорошенькой модисткой. Он приносил ей книги, говорил о природе и Гегеле, однажды назначил свидание на Рейне, в лодке, во время которого гладил ее по голове и несколько раз повторил, что чувствует к ней отеческую нежность.

Сходные поступки были и у «гениальной натуры» Панаева. И он дарит берлинской продавщице апельсинов книгу Шиллера, и он беседует о Мюссе, о природе со своей случайной подругой. Головная, созданная воображением, любовь русских идеалистов 30—40-х годов выражалась в формах, запечатленных Тургеневым и Панаевым независимо друг от друга. Панаев передает в «Литературных воспоминаниях» аналогичный эпизод из жизни К. С. Аксакова, который, живя в Берлине, преподнес уличной продавщице собрание сочинений Шиллера [32].

Итак, мы думаем, что замена заглавия «Гениальная натура» на «Рудин» не была продиктована впечатлениями от диссертации Чернышевского. Она была вызвана естественным желанием устранить близость к только что напечатанному фельетону Панаева. Однако новый вариант

заглавия не помешал Тургеневу сохранить мотив «гениальности» своего героя, причем во второй части (гл. XII), в которой, по мнению Прохорова, наиболее отчетливо выступает намерение реабилитировать «лишнего человека». «Престарелая дева» «будет думать о нем как о гениальнейшем человеке в мире»,— заявит насмешливо Пигасов. «Рудин — гениальная натура»,— скажет Басистов. «Гениальность в нем, пожалуй, есть, а натура ... В том-то вся его беда, что натуры-то собственно в нем нет»,— сделает примирительное замечание Лежнев. Еще до этого о гениальности Рудина говорила Ласунская: «Положим, он умен, он гений! да что же это доказывает? После этого всякий может надеяться быть моим зятем?» (гл. XI). Признание Ласунскою Рудина гением звучит в сущности иронией; к тому же эта ирония подчеркнута словом — «всякий» — ведь «всякий» не бывает гением. Слова же Басистова о «гениальной натуре» употреблены в том смысле, какой вкладывали в это выражение передовые люди 30—40-х годов. Одно из излюбленных выражений идеалистов этих лет, оно служило для характеристики яркой, сильной, творческой индивидуальности, человека большой нравственной красоты, подчиняющего людей своим моральным обликом, пробуждающего в них лучшие свойства [33].

Изменив заглавие, Тургенев все же не отказался от весьма характерной исторической черточки и поставил вопрос о «гениальности» Рудина так, как его могли ставить люди 1830-х годов.

б. Образ Рудина на первом этапе работы над романом

Для того чтобы судить, в каком направлении изменялся замысел романа в первый период работы над ним (в Спасском), нужно прежде всего сравнить написанную тогда часть романа с предварительно составленным планом. Это легко сделать, так как известно, что́ было внесено Тургеневым в текст романа после приезда в Петербург в октябре 1855 г.: он «развил» и дописал сцену импровизации Рудина, ввел характеристику кружка Покорского, первую часть эпилога, посвященную встрече Рудина с Лежневым и их беседе в гостинице губернского города*.

В группу существенно важных дополнений, сделанных в Петербурге и указываемых в работах о «Рудине», следует ввести еще один отрывок, о котором обычно не упоминают, вероятно полагая, что он входил уже в первую редакцию.

План романа предусматривал XIV главу, которая должна была быть эпилогом: «Последняя глава. Г-н Пандалев⟨ский⟩ уезжает в Петербург с Л⟨асунско⟩й. Маша выходит за Волын⟨цева⟩. А⟨лександра⟩ П⟨авловна⟩ за Лежнева — ⟨*нрзб.*⟩ разговор о Рудине» (ПСС VI, 466).

Эта часть плана полностью реализована в XII главе окончательного текста. Надо думать, что разговором о Рудине и завершалась редакция романа, созданная в Спасском. Между тем, в окончательном тексте после разговора о Рудине имеется дополнение, в котором Тургенев переносит читателя из усадьбы Липиной, вышедшей замуж за Лежнева, в иную обстановку: «В тот самый день, когда все, рассказанное нами, происходило в доме Александры Павловны,— в одной из отдаленных губерний России тащилась, в самый зной, по большой дороге, плохенькая рогожная кибитка, запряженная тройкой обывательских лошадей».

Можно сделать весьма вероятное предположение, что эта вторая часть XII главы была написана не в Спасском, а в Петербурге. Основа-

* Вторая часть эпилога — сцена смерти Рудина на баррикадах в Париже — не принимается нами сейчас во внимание, потому что она была добавлена через пять лет и появилась в IV томе «Сочинений» Тургенева, изданных Н. А. Основским в 1860 г. Об этом завершающем этапе работы над романом будет сказано далее.

нием для этого является несколько иная трактовка Рудина, чем в предшествующих частях романа. Герой приближен здесь к Рудину из первой части эпилога, где рассказано о последней его встрече с Лежневым. В конце XII главы Рудин бегло показан в новый период своей жизни, когда «пора его цветения видимо прошла»: он постарел, «серебряные нити заблистали кой-где в кудрях, и глаза, все еще прекрасные, как будто потускнели; мелкие морщины, следы горьких и тревожных чувств, легли около губ, на щеках, на висках». Эта сцена и эпилог выдержаны в одном и том же грустном тоне, с той только разницей, что в эпилоге еще более усилена скорбная лирическая окраска. В них дан сходный образ Рудина — бездомного путника, которому все равно, куда ехать (гл. XII), «бесприютного скитальца» (в эпилоге).

Дописав в Петербурге эпилог, Тургенев не мог не увидеть, что между эпилогом и XII главой, подводящей итог всем событиям, ранее рассказанным, образовался значительный разрыв — необоснованным был переход от характеристики Рудина, сделанной Лежневым в XII главе, к образу скитальца из эпилога. И Тургенев, сочтя нужным перекинуть между ними мостик, дописал вторую часть XII главы, где в образе Рудина уже намечаются контуры его облика, обрисованного в эпилоге. «Было что-то беспомощное и грустно-покорное в его нагнутой фигуре»,— скажет Тургенев в XII главе, а в эпилоге он подчеркнет: «Черты Рудина изменились мало, особенно с тех пор, как мы видели его на станции», но во всем его существе с большей силой «высказывалась усталость окончательная, тайная и тихая скорбь».

Вторая часть XII главы и первая часть эпилога неразрывно связаны. То, что дано в конце XII главы, лишь усиливается в эпилоге. Тесная, внутренняя связь, их соединяющая, заставляет предполагать, что написаны они одновременно [34].

Итак, чтобы судить о первоначальном замысле Тургенева, воплощенном в первой редакции, созданной в Спасском, следует сопоставить план романа с главами, написанными летом 1855 г., причем нет нужды останавливаться на тех чисто технических отступлениях от плана (изменение фамилий, соединение или разделение глав и т. п.), которые ничего не дают для уяснения замысла произведения. Они указаны Клеманом, Прохоровым, Битюговой.

Кроме этого, можно отметить ряд фабульных отступлений от плана. Так, в плане свидание у пруда не приводило к разрыву Маши (в плане Наталья Ласунская носит это имя) и Рудина (IX гл. плана), так как дальше намечалось еще одно, уже «последнее объяснение Р⟨удин⟩а с Машей» (гл. XII плана). В плане подчеркнуто большое влияние Рудина на Александру Павловну. Рудин хочет обратить внимание Липиной на Пандалевского и отвлечь ее от Лежнева: «А⟨лександра⟩ П⟨авловна⟩ подпадает под влияние Рудина. П⟨андалевски⟩й очень за ним ухаживает — разгов⟨аривая?⟩ ⟨*нрзб.*⟩, что он рекомендует ей П⟨андалевск⟩ого и словно⟨?⟩ критикует Лежнева. А⟨лександра⟩ П⟨авловна⟩ однако не может верить его ⟨*нрзб.*⟩» (ПСС VI, 466). Этот пункт плана не был реализован, вероятно, потому, что оказалось ненужным еще раз подчеркивать склонность Рудина к несколько бесцеремонному вмешательству в личные дела своих знакомых и его неуменье разбираться в людях. Такие черты Рудина уже вполне обнаружились в предшествующей главе (IX) плана, где Рудин сообщает Волынцеву о своей любви к Маше. Все эти фабульные изменения также почти ничего не дают для суждения о том, как был задуман характер Рудина.

План романа очень схематичен, он дает только фабульные вехи, указывает лишь на отношения действующих лиц между собой. Судить по нему о характере Рудина и об отношении автора к своему герою нель-

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО. «БЕСЕДКА РУДИНА» В ПАРКЕ
Фотография В. С. Молчанова, 1963
Литературный музей, Москва
Здесь, по преданию, Тургенев работал над романом. Беседка не сохранилась

зя — в нем нет для этого материала. Поэтому неправомерен сделанный Прохоровым вывод о том, что резко критический в отношении «лишних людей» замысел уже в Спасском был поломан, что «вся вторая половина романа или, точнее, четверть его — это не что иное, как сочувственная авторская реабилитация Рудина, охарактеризованного им в первой части почти одними отрицательными чертами»[35]. Как раз в последней четверти романа выступает главная особенность «лишних людей»—их общественная дряблость, полная неспособность к действию, пассивность и покорность. В сцене у Авдюхина пруда ярко проявились слабость и малодушие Рудина, его готовность «покориться». В дальнейшем повествовании также нет «реабилитации» Рудина. Здесь приведены два письма героя — одно к Волынцеву, другое к Наталье. В первом Рудин стремится оправдать себя тем, что он ошибся в Волынцеве. Второе представляет собой исповедь и покаяние. Вряд ли их можно рассматривать как «реабилитацию» Рудина, особенно письмо к Наталье — признание в той самой общественной несостоятельности, в которой она его обвиняла во время свидания у Авдюхина пруда.

Остается еще один заключительный эпизод в XII главе, когда Липина, Лежнев, Пигасов и Басистов беседуют о Рудине через два года после его отъезда из усадьбы Ласунской. Но и здесь нет ничего возвеличивающего тургеневского героя. В этой главе Пигасов резко выступает против Рудина: он, по его предположению, «где-нибудь сидит да проповедует. Этот господин всегда найдет себе двух или трех поклонников, которые будут его слушать разиня рот и давать ему взаймы деньги, 〈...〉 умрет где-нибудь в Царевококшайске или в Чухломе — на руках престарелой девы в парике, которая будет думать о нем, как о гениальнейшем

человеке в мире». Он — «лизоблюд», «все друзья и последователи Рудина со временем становятся его врагами».

Возражения Пигасову Басистова недостаточно категоричны. В одном случае: «Вы очень резко о нем отзываетесь,— заметил вполголоса и с неудовольствием Басистов», в другом: «Прошу меня исключить из числа таких друзей! ⟨которые становились врагами Рудина⟩ — с жаром перебил Басистов». От поклонника и ученика Рудина можно было бы ожидать более решительного выступления. Ведь несколько дальше он скажет: Рудин «не только умел потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя!».

Защитительная речь Лежнева строится сначала на отрицании недостатков, приписываемых Рудину. Он — «не мелкий человек», «не актер ⟨...⟩ не надувало, не плут; он живет на чужой счет не как проныра, а как ребенок», «в нем натуры, крови нет», природа ему отказала «в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы»; он не знает России. Указав на то, чего нет в Рудине, Лежнев подчеркивает в нем и положительное — энтузиазм, которым он «хоть на миг нас расшевелит и согреет», энтузиазм, благотворно действующий на молодежь. А затем Лежнев делает беспощадный вывод о причине причин несостоятельности Рудина — о его космополитизме и беспочвенности. Трудно видеть здесь реабилитацию «лишнего человека». «Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает,— объясняет Лежнев,— и это, точно, большое несчастье. Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет».

Тургенев выдвинул тяжелое обвинение. Он развил в «Рудине» мысли, которые за десяток лет перед этим высказывал Белинский. Выступая против западников-космополитов, «междоумков, которые хорошо умеют мыслить по-французски, по-немецки и по-английски, но никак не умеют мыслить по-русски», великий критик писал: «жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве» [36].

Слова Лежнева об отрыве Рудина от родной почвы не являются чем-то новым в характеристике героя, а обобщают сказанное о нем ранее. Уже в начале романа, при первом своем появлении (гл. III), Рудин заявляет: «Повторяю, если у человека нет крепкого начала, в которое он верит, нет почвы, на которой он стоит твердо, как может он дать себе отчет в потребностях, в значении, в будущности своего народа? как может он знать, что он должен сам делать?» Эти справедливые слова Рудина — красивая фраза, не подтвержденная его жизнью. Наоборот, они обращены против него; это он не имеет твердой почвы под ногами; это он не знает своего народа, его потребностей и стремлений, это он не ведает, что нужно делать. Тонкими штрихами подчеркивает Тургенев отрыв Рудина от национальных корней. Вот он беседует с Ласунской. «Она щеголяла знанием родного языка, хотя галлицизмы, французские словечки попадались у ней частенько. Она с намерением употребляла простые народные обороты, но не всегда удачно. Ухо Рудина не оскорблялось странной пестротою речи в устах Дарьи Михайловны, да и вряд ли имел он на это ухо» (гл. IV). Последнее замечание Тургенева — о глухоте Рудина к русскому народному языку — важная деталь в его характеристике. Да и «красноречие его нерусское»,— по словам Лежнева (гл. VI). Речи его наполнены содержанием, не связанным с русской культурой и русской жизнью. Он не знает русского искусства и не интере-

суется им, зато любит немецкую музыку и литературу. Он просит Наталью сыграть «Erlkönig» Шуберта, а Пандалевского — Бетховена. Он читает Наталье гётевского «Фауста», Гофмана, письма Беттины, Новалиса. Он «был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир» (гл. VI).

Германолюбие Рудина — одна из типичнейших черт «лишнего человека» 30—40-х годов. Оно было формой выражения его духовного бегства из николаевской России. Не созревший для борьбы, он погружался в немецкую романтическую поэзию, в немецкую идеалистическую философию, чтобы спастись от «свинцовой эпохи» деспотизма и крепостничества в тонкостях философских умозрений и устремлениях к высокому и идеальному немецких романтиков. Уместно вспомнить при этом, что Герцен, ценивший германскую культуру, прекрасно отдавал себе отчет в том, как германский идеализм воспитывал аполитические настроения. Русские поклонники немецкой идеалистической философии, говорит он в «Былом и думах», «дошли до того немецкого самоубийства наукой, схоластической и мертвой, что потеряли всякий жизненный интерес...» [37].

Один из типичных представителей 40-х годов, деятельный советчик Тургенева в вопросе о доработках «Рудина», Боткин признавался на склоне своих дней, что всем своим духовным развитием он обязан Германии, что ему по сердцу немецкая философия, немецкая поэзия, «даже немецкий комизм». «Станкевич и Грановский, вся моя юность клонит меня к Германии, все мои лучшие идеалы выросли здесь, все первые восторги музыкой, поэзией, философией шли отсюда» [38].

Страстное увлечение немецкой культурой пережили и Герцен, и Белинский, и Тургенев, и многие другие. Но у русских западников типа Боткина это увлечение сочеталось с отрицанием русской культуры, с принижением русского искусства. Боткин спрашивает: «Виноват ли я в том, что мне баллады Шиллера в тысячу раз больше волновали сердце, нежели русские сказки и старинные сказания о князе Владимире?» [39].

Отсутствие органической связи с национальной культурой, германолюбие Рудина — причины его общественной несостоятельности, утверждает Тургенев. Отрывом от родных корней объясняет Тургенев и любовь Рудина к красивым словам. Незнание русской жизни, ее потребностей заставляет Рудина предаваться отвлеченному философствованию. Что бы ни говорил Рудин, какие прекрасные и благородные мысли ни высказывал, он всегда окажется «чужим дома». Ему суждено лишь «мыкаться по свету» (гл. XI).

Этот мотив — скитание Рудина по родной земле — получит дальнейшее развитие в эпилоге, рассказывающем о его встрече с Лежневым в гостинице губернского города. После пребывания в имении Ласунской Рудин, по собственным словам, «скитался не одним телом — душой скитался». «Где не бывал я, по каким дорогам не ходил!». Он — «перекати-поле», «вечный жид», «бесприютный скиталец». Эти образы прекрасно определяют бесчувственность Рудиных. В странствованиях Рудина отсутствует какая бы то ни было цель. Чрезвычайно характерна в этом отношении заключительная сцена главы XII, которая, как мы предполагаем, была написана в Петербурге: Рудин дотащился, наконец, до почтовой станции; ему надо ехать дальше — в Пензу через ...ск, но лошадей нет, и смотритель предлагает ему отправиться в Тамбов через ...ов. «Рудин подумал.— Ну, пожалуй,— проговорил он, наконец:— велите закладывать лошадей. Мне все равно; поеду в Тамбов».

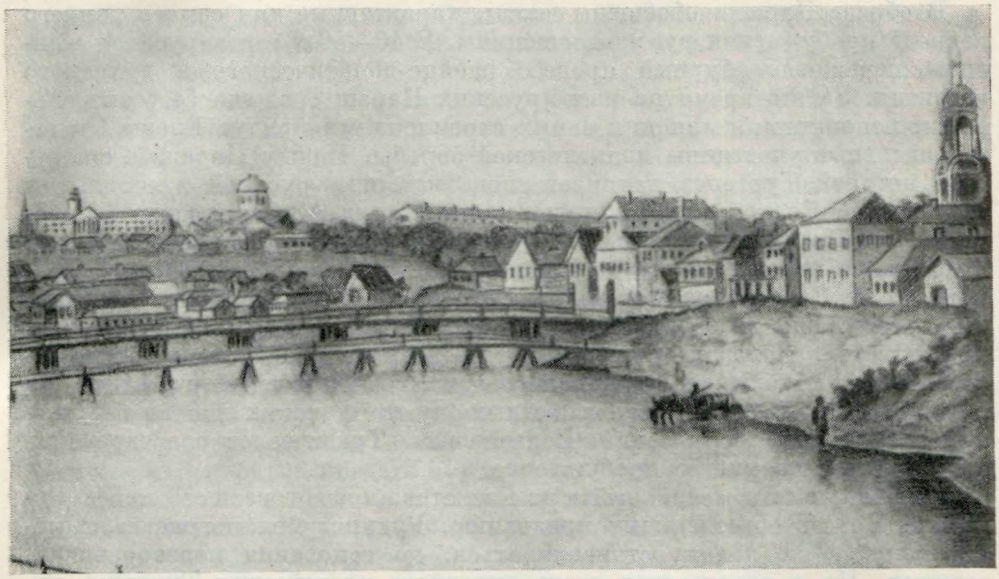
Итак, в Спасском, в процессе работы над романом никаких существенных сдвигов в замысле не произошло. Образ «лишнего человека» не

испытал особых превращений. У автора не было двойственности в оценке своего героя. Он относился к нему критически не только в начале романа, но сохранил эту точку зрения до конца, не смягчил ее и не реабилитировал Рудина. Реализуя свой предварительно составленный план, который был для него фабульным ориентиром, Тургенев иногда отступал от него, отступал с определенной целью — более экономно использовать материал, более четко расположить действующих лиц. Писатель свободно обращался с планом, изменял его, когда этого требовали задачи художественной кристаллизации замысла. В основе первой редакции, созданной в Спасском, лежала «порядочная мысль» (П II, 305), продиктованная задачами социально-политического момента,— обнаружить общественную несостоятельность «лишнего человека», изобразить его как просветителя, отвлеченная пропаганда которого не подкреплена делами.

В первой редакции было отчетливо показано влияние слова Рудина, и в дальнейшем этот мотив не подвергался каким-либо изменениям. Воздействие проповеди Рудина сказалось на Наталье и Басистове, и его отношения с ними в процессе последующих доработок оставались прежними. Вот почему уместно поставить вопрос о просветительстве Рудина именно сейчас, когда речь идет о первой редакции романа.

Хорошо известно, что в условиях николаевской реакции «слово» было революционным «делом». Литература, публицистика, критика были тогда действенным средством пропаганды и агитации против самодержавия и крепостничества. Но в середине 50-х годов в России начинает шириться революционное движение, учащаются выступления крестьян против помещиков. В этих условиях «слово» должно было получить иной характер. Уже недостаточно было разоблачать крепостное право, говорить о правах личности и народа, мечтать о светлом будущем, очертания которого еще туманны и неопределенны. Теперь появились новые деятели, разночинцы-демократы; у них ясная и осознанная цель — социалистическое общество; они — утописты, потому что не нашли и не могли найти в силу социально-экономической отсталости России правильных путей к его построению. Но их пропаганда стала иной, чем раньше,— более целеустремленной, более конкретной, лишенной абстрактного гуманизма. Они начинают проводить через рогатки и препоны цензуры идею крестьянской революции, а в начале 60-х годов станут искать путей практической, революционно-организационной работы.

И естественно, что «слово» «лишних людей», ранее будившее мысль, звавшее к борьбе с крепостничеством, теперь — в новых исторических условиях — звучало уже не по-боевому. В нем были звуки, еще волновавшие, в нем был энтузиазм, но содержание его казалось уже несколько неясным и неконкретным. Тургенев именно так охарактеризовал слово «лишних людей», вдохновенное и глубоко эмоциональное, пробуждающее веру в счастливое будущее. Рудин «говорил мастерски, увлекательно, не совсем ясно... но самая эта неясность придавала особенную прелесть его речам. Обилие мыслей мешало Рудину выражаться определительно и точно 〈...〉 Не самодовольной изысканностью опытного говоруна — вдохновением дышала его нетерпеливая импровизация 〈...〉 каждое слово, казалось, так и лилось прямо из души, пылало всем жаром убеждения. Рудин владел едва ли не высшей тайной — музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чем шла речь; но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди» (гл. III).



ОРЕЛ
Рисунок со старинной гравюры
Музей И. С. Тургенева, Орел

Однако сила воздействия этого блестящего и волнующего «слова» была уже не столь велика. Она ограничена прежде всего той аудиторией, где Рудин произносит свои речи. В «салоне» Ласунской они не могли иметь широкого отклика. В самой Ласунской они вызывали одно любопытство. В ее гостиной Рудин нечто вроде изысканного интеллектуального угощения или музыканта, приглашенного на торжественный вечер для развлечения гостей. Недаром в глазах m-lle Boncourt, блюстительницы приличий и этикета в доме Ласунской, Рудин был «чем-то вроде виртуоза или артиста» (гл. V). Главный противник Рудина — Пигасов, возражения которого Рудину приходится постоянно парировать. Словесный поединок Рудина и Пигасова — интересное развлечение для присутствующих. Стычки, в которых всегда побеждает блестящий диалектик и златоуст Рудин,— своеобразная «игра ради игры»: мракобеса Пигасова никакими речами не переубедить, его «пронять мудрено». Александра Павловна способна лишь «ахать и удивляться необыкновенному уму Рудина».

Но все же, «слово» Рудина упало и на хорошую почву. Оно отозвалось в Наталье и Басистове. Однако отклик этот не перешел в действие. Пробужденная словами Рудина, Наталья начинает стремиться к большому делу; она готова принести себя в жертву общему благу, «надломить упорный эгоизм своей личности», как учил ее Рудин. Ради большой цели она готова уйти из семьи, расстаться с материальным благополучием. Но через два года после драматического разрыва ее отношений с Рудиным она стала женой самого обыкновенного, заурядного человека — помещика Волынцева. По сути говоря, Наталья во многом повторяет жизненный путь первой тургеневской героини — Параши. У обеих много душевных сил, но это внутреннее богатство остается мертвым капиталом: творческие их силы не развиваются, а гибнут, столкнувшись с жизненным укладом дворянского общества. Обеих ожидает пошлость поместного существования.

В образе Параши обобщены черты, характерные для самого раннего периода пробуждения русской женщины. В 40—50-х годах русская женщина переживает бурный процесс идейно-политического и духовного развития. За это время на место русских Параш с их еще бессознательными, непонятными для них самих стремлениями придут Елены Стаховы, активные участницы политической борьбы. Между Парашей, с портрета которой Тургенев начинает свою историю русской женщины, и героической Еленой из «Накануне» стоят Мария Александровна («Переписка») и Наталья. Сила их пробуждения значительно больше, чем у Параши, но им еще далеко до Елены. Увлеченная «словом» Рудина, Наталья готова разделить его «дело». Обманувшись в избраннике и поняв, что от его «слова до дела еще далеко», она нашла в себе силы преодолеть свое чувство. Волевая, с сильным характером, она категорически отказалась от брака со «светским львом» господином Корчагиным, но соединила свою судьбу с бесцветным, чуждым каких бы то ни было высоких идейных стремлений, Волынцевым. Трагическое разочарование в Рудине остановило ее пробуждение.

Неизвестно, что могло выйти из Басистова, благоговевшего перед Рудиным. По его собственному признанию, Рудин «умел потрясти», с места сдвигал, не давал останавливаться, до основания переворачивал, зажигал. Но о результатах этого духовного воздействия Тургенев ничего не говорит.

Со свойственной ему реалистической чуткостью к веяниям времени, ко всем сдвигам в общественной жизни, Тургенев охарактеризовал «слово» Рудина, слово «лишних людей» как теряющее свою действенную силу теперь — в период поднимавшейся революционной волны 60-х годов. Пройдет несколько лет, и Добролюбов во весь голос скажет, что «лишние люди», эти передовые деятели прошлого, были в свое время «вносителями новых идей в известный круг, просветителями, пропагандистами,— хотя для одной женской души, да пропагандистами», но теперь многое изменилось. Те понятия, которые они некогда распространяли, стали сейчас достоянием большинства и считаются «первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности 〈...〉 Ясно, что при таком положении дел, прежние сеятели добра *рудинского* закала теряют значительную долю своего прежнего кредита. Их уважают, как старых наставников; но редко кто, вошедши в свой разум, расположен выслушивать опять те уроки, которые с такой жадностью принимались прежде, в возрасте детства и первоначального развития. Нужно уже нечто другое, нужно идти дальше» [40].

Тургенев с его уменьем, по словам Добролюбова, «угадывать новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание» [41], правильно отразил действительность, показав в период подъема разночинского освободительного движения бесперспективность рудинского слова, рудинской проповеди [42].

* * *

Итак, в первой редакции романа, созданной в Спасском, Тургенев резко критически изобразил в лице Рудина «лишних людей». Он отметил высокую культуру деятелей прошлого, их интеллектуальный блеск, философское мышление, их гуманизм, их волнующее и могучее слово, но при этом почти свел на нет значение этих свойств, показав слабость, малодушие «лишних людей», абстрактность их идей и стремлений. А самое главное, он подчеркнул незнание ими русской жизни, оторванность от народа, непонимание «потребностей действительной современной жизни», непонимание именно того, в чем прекрасно разбирался, по мнению Тургенева, Чернышевский.

Работая в Спасском над «Рудиным», Тургенев называл его «повестью», «большой повестью», «большой вещью» (см. П II, 279, 282, 286, 289, 295, 296, 302, 304, 309, 311, 317, 318, 319), тем самым сближая его со своими повестями о «лишнем человеке» начала 50-х годов. Действительно, первая редакция произведения представляет в жанровом отношении повесть. Она построена на одном эпизоде из жизни героя — его двухмесячном пребывании в имении Ласунской. Развязкой действия является внезапный, после объяснения с Натальей, отъезд Рудина. Последняя сцена с разговором о нем Липиной, Лежнева, Басистова, Пигасова — эпилог, где намечена последующая судьба всех действующих лиц. В повести Рудин обрисован в отношениях с обитателями усадьбы Ласунской и ее гостями, а его общественная несостоятельность проявляется только в узкой области чувства. Автор судит героя моральным судом, какому он подвергал ранее Чулкатурина, Алексея Петровича, Вязовнина и других. Жизненная история героя оказалась значительно более простой, чем в окончательной редакции, когда будут сделаны существенные добавления, которые и превратят повесть «Рудин» в роман. В первоначальной своей редакции «Рудин» и трактовкой героя, и композиционно несомненно близок к повести Панаева «Родственники», как это давно указал Н. Л. Бродский [43].

4. ВТОРОЙ ЭТАП РАБОТЫ НАД РОМАНОМ

а. Кружок Покорского

С законченной в деревне редакцией повести Тургенев начинает знакомить своих друзей. Первым ее критиком была М. Н. Толстая, сестра Л. Н. Толстого. Она сделала какие-то замечания по поводу поведения Натальи в разговоре с матерью, когда Ласунская узнала о любви дочери к Рудину. Тургенев согласился с Толстой и выразил готовность переделать сцену Натальи с матерью [44].

Дальнейшей доработке «Рудин», как уже говорилось выше, подвергся в Петербурге, куда Тургенев приехал в октябре 1855 г. и где он ввел в роман большие идейно значительные дополнения, внесшие кое-что новое в трактовку Рудина. Распространено мнение, что эти дополнения, смягчившие резкую оценку людей 30—40-х годов, сделаны были под влиянием друзей, в первую очередь Боткина. Дружинин, несомненно, хорошо знавший историю создания романа, даже упомянул об этом в статье о «Повестях и рассказах» Тургенева. «Она ⟨повесть⟩ была много раз прочитана в кругу людей, которых мнением дорожил автор; она исправлялась и переделывалась вплоть до того дня, когда обычаи нашей спешной журнальной деятельности могли терпеть такую медленность» [45].

Переписка друзей Тургенева подтверждает сказанное Дружининым. Так, 24 ноября 1855 г. Некрасов сообщал Боткину, что, следуя его советам, Тургенев «славно обделывает» «Рудина»: «Ты дал ему лучшие страницы повести, натолкнув его на мысль развить студенческие отношения Лепицына ⟨первоначальная фамилия Лежнева.— *М. Г.*⟩ и Рудина. Прекрасные, сердечно-теплые страницы и — необходимейшие в повести!.. Теперь Тургенев работает за ⟨над?⟩ концом, который также должен выйти несравненно лучше. Словом, повесть будет и развита и закончена» [46].

Хотя вмешательство друзей, главным образом Боткина, в творческую работу Тургенева, несомненно, имело место, все же не следует придавать ему решающего значения, как это делают некоторые исследователи [47]. Советы друзей пали на подготовленную почву.

По дороге в Петербург Тургенев заехал в Москву и попал на похороны Грановского. Преждевременная смерть большого ученого, друга Герцена, одного из лучших людей того же поколения, к которому принадлежал и изображенный в романе Рудин, глубоко потрясла Тургенева. «Давно ничего так на меня не подействовало. Потерять этого человека в теперешнюю минуту — слишком горько — с этим, вероятно, согласятся все, к какому бы образу мыслей ни принадлежали. Самые похороны были каким-то событием — и трогательным — и возвышенным» (П II, 318).

Не один Тургенев тяжело переживал смерть Грановского. Некрасов, узнав о его смерти, писал 8 октября 1855 г. Боткину: «Ни о ком я так не жалел после Б⟨елинского⟩ ⟨...⟩ Нет! не живется у нас людям, которые всего нам нужнее». Некрасов жалеет о Грановском как об ученом, но еще более как о человеке — «он поощрял людей быть честными — вот его заслуга!» [48]. Эту же мысль Некрасов развивает в «Заметках о журналах за октябрь 1855 г.»: «Это был один из самых даровитых и богатых знанием ученых, это был профессор, к которому любовь его слушателей доходила до восторженного благоговения, наконец, это был человек, в котором сила и чистота убеждений, возвышенное благородство мыслей, чудная прелесть богато одаренной и широко развитой личности соединялись в прекрасное целое, благодатно полное, неотразимо обаятельное» [49].

В некрологе, написанном Тургеневым для «Современника», он, как и Некрасов, признает, что Грановский был гармонической, благородной личностью: «От него веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано (редкое и благодатное свойство) не убежденьями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого». Доброе, сочувственное отношение к людям, доступность для учеников — замечательные его черты. «Проникнутый весь наукой, посвятив себя всего делу просвещения и образования,— он считал самого себя как бы общественным достоянием, как бы принадлежностью всякого, кто хотел образоваться и просветиться... К нему, как к роднику близ дороги, всякий подходил свободно и черпал живительную влагу» (ПСС VI, 373—374).

Мысли о Грановском Тургенева и Некрасова, вызванные смертью ученого-просветителя, столь нужного тогда России, были мыслями передовых, демократически настроенных людей. Через год, в 1856 г., их снова выскажет Чернышевский и в «Очерках гоголевского периода русской литературы» и в статье «Сочинения Т. Н. Грановского». Для Чернышевского Грановский — «подвижник просвещения», сыгравший большую роль в пропаганде передовых научных знаний; «...он был авторитетом добра и истины». Чернышевский придает громадное значение нравственному влиянию Грановского, которого «невозможно было не полюбить всею душою каждому благородному человеку ⟨...⟩ Где был Грановский, там могло быть только одно чувство — чувство братства» [50].

Смерть Грановского, одного из лучших представителей рудинского поколения, могла явиться толчком для переработки романа, для смягчения критического отношения Тургенева к людям того времени.

Современники Тургенева усматривали в сцене импровизации Рудина в салоне Ласунской, дополненной после приезда Тургенева в Петербург, большое сходство между Грановским и Рудиным. «Рудин, стоящий вечером у окна и заключающий свою беседу, свою проповедь легендою о скандинавском царе, напоминает манеры, приемы и целый образ одного из любимейших людей нашего поколения»,— писал Ап. Григорьев, имея в виду Грановского [51]. Одними и теми же словами характеризует Тургенев ораторский талант и Грановского, который «владел тайною

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ
Дагерротип. Москва, 1840-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

истинного красноречия» (ПСС VI, 373), и Рудина, который «владел едва ли не высшей тайной — музыкой красноречия» (гл. III). Эти совпадающие детали не свидетельствуют о стремлении Тургенева приблизить своего героя к Грановскому. Отнюдь нет, они говорят о силе охвативших Тургенева воспоминаний о покойном друге, побудивших его, как мы думаем, пересмотреть свою оценку исторического значения передовых деятелей 30—40-х годов.

Тургенев не мог не отдавать себе отчета, что в романе он охарактеризовал их неполно и несколько односторонне. Он ответил на вопрос, какова роль «лишних людей» именно сейчас, в середине 50-х годов, когда после поражения в Крымской войне жизнь выдвинула новые задачи, которых им уже не разрешить. Но в 30—40-х годах были ведь не только Рудины,— а были Станкевич и Грановский, Герцен и Огарев, был Белинский. И Тургенев решил, что надо рассказать о молодых годах Рудина, когда формировалось его мировоззрение, и об его друзьях; вот почему появились, по словам Некрасова, «прекрасные, сердечно-теплые страницы», посвященные кружку Покорского.

Как хорошо известно, образ «лишнего человека» в творчестве Тургенева и вообще в русской литературе 30—40-х годов обобщал основные черты молодого поколения, пробужденного декабристами и ставшего их идейным наследником. Герцен писал о них: «Тридцать лет тому назад Россия *будущего* существовала исключительно между несколькими мальчиками, только что вышедшими из детства ⟨...⟩, а в них было наследие 14 декабря...» И дальше Герцен набрасывает основные вехи развития этого поколения: «Мало-помалу из них составляются группы. Более родное собирается около своих средоточий; группы потом отталкивают друг друга. Это расчленение дает им ширь и многосторонность для развития; развиваясь до конца, т. е. до крайности, ветви опять соединяются, как бы они ни назывались — кругом Станкевича, славянофилами или нашим кружком. Главная черта всех их — глубокое чувство отчуждения от официальной России, от среды их окружавшей, и с тем вместе стремление выйти из нее, а у некоторых порывистое желание вывести и ее самое» [52].

Степень политического пробуждения была у членов разных кружков неодинаковой. Вряд ли можно отнести, как это делает Герцен, к наследникам первых русских революционеров славянофилов, которые при всем «чувстве отчуждения от официальной России» все же своим учением объективно поддерживали основы феодально-крепостнической системы. Не все из лучших людей 1830—1840-х годов испытывали «порывистое желание» вывести Россию из того состояния, в котором она находилась, не все, подобно Белинскому, Герцену и Огареву, были готовы к политической, революционной борьбе. Бóльшую группу составляли просветители, оказывавшие, подобно Станкевичу и Грановскому, огромное воздействие на окружающих своею благородною личностью, высокими и искренними стремлениями к добру, истине, справедливости, прогрессу.

Внося в текст романа страницы, посвященные Покорскому и годам *молодости Рудина*, Тургенев вводит читателя в *мир тех людей*, которые являлись духовными наследниками декабристов.

В романе «Рудин» Тургенев без всякой иронии, с бóльшим сочувствием, чем в «Гамлете Щигровского уезда», изображает кружки 30-х годов. В рассказе Лежнева о Покорском и его товарищах идет речь об исторически прогрессивной роли небольших, неофициальных, дружеских объединений, подобных кружкам Станкевича, Герцена и Огарева, «Литературному обществу 11-го нумера», организованному Белинским-студентом. Живая и вдохновенная мысль кипела здесь в поисках выхода из страшного мира, где царствовал «тиран в ботфортах», «рассвирепевший деспот Зимнего дворца» — Николай I, где унижали достоинство человека, давили его личность, где бóльшую часть населения считали не людьми, а рабочим скотом, где значение человека измерялось количеством принадлежащих ему крестьянских душ, высотою чина, близостью к царскому двору.

Изображая «славное время» кружка Покорского, Тургенев рассказывает о политическом пробуждении его членов — они говорили с восторгом, с бьющимся сердцем «о боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии». Писатель отмечает и просветительское направление кружка: после собрания они расходились «тронутые, веселые, честные, трезвые». Громадное моральное влияние оказывал на своих товарищей Покорский. Его ум, ясный и обширный, «высокая, чистая душа», «поэзия и правда» личности привлекали к нему людей, и он «вдыхал в нас всех огонь и силу»,— говорит о нем Лежнев (гл. VI).

Тургенев признавался, что реальным прототипом Покорского был Станкевич: «Когда я изображал Покорского (в „Рудине“), образ Станкевича носился передо мной — но всё это только бледный очерк» (ПСС VI, 394—

395). Смерть Грановского оживила память о его друзьях и, в первую очередь, о самом близком к нему человеке — Станкевиче, оказавшем на Грановского большое влияние и сыгравшем немалую роль в жизни самого Тургенева. Глубина нравственных стремлений этого человека заставляла оглянуться на себя, осознать «собственную недостойность и лживость»,— писал Тургенев в 1856 г. в «Воспоминаниях о Н. В. Станкевиче» (ПСС VI, 389). Тургенев отмечает здесь его глубокую честность, правдивость («всё, что он ни говорил ⟨...⟩ было исполнено возвышенной правды и какой-то свежей красоты и молодости» — стр. 392), активную любовь к людям («Станкевич оттого так действовал на других, что сам о себе не думал, истинно интересовался каждым человеком и, как бы сам того не замечая, увлекал его вслед за собою в область Идеала» — стр. 394).

Однако, как всегда, исходя в создании художественного образа из впечатлений от реального лица [53], Тургенев не копирует Станкевича, а отбирает лишь типические черты его социального характера. В образе Покорского обобщены лучшие свойства человека 30—40-х годов, характерные не только для Станкевича, но и для Грановского, Огарева, Белинского. Это те самые черты, которые были отмечены в высказываниях Тургенева, Некрасова, Чернышевского о Грановском. Они не менее характерны и для Огарева, который, по словам Герцена, был очень важным связующим звеном в их кружке. Огарев «был одарен особой магнитностью, женственной способностью притяжения. Без всякой видимой причины к таким людям льнут, пристают другие; они согревают, связуют, успокаивают их, они — *открытый стол*, за который садится каждый, возобновляет силы, отдыхает, становится бодрее, покойнее и идет прочь — другом» [54].

В личности Покорского не только большая нравственная красота, характерная для людей типа Грановского и Станкевича,— в ней есть также черты, сближающие Покорского с Белинским. Любовь-деяние, характерная для Покорского, скрытая в нем сила борца, несомненно, напоминают Белинского, о котором Герцен писал: «...в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура; да, это был сильный боец» [55]. И у Покорского при физической слабости и болезненности, сильный, упорный характер, тогда как, по словам современников, Станкевич был скорее чисто созерцательной натурой, чем натурой борца. «Покорский был на вид тих и мягок, даже слаб»,— говорит о нем Лежнев,— но «не дался бы никому в обиду» (гл. VI). В сцене, когда члены кружка Покорского «вывели на свежую воду, уличили, пристыдили» семнадцатилетнего Лежнева, гадко солгавшего, и когда он расплакался, как дитя, вызвав слезами смех, его поддержал Покорский, более всех негодовавший ранее на него. Так мог поступить и Белинский. Сближение характера Покорского с характером Белинского подчеркивается и внешней стороной его жизни. Он очень беден, тогда как Станкевич был сыном богатого помещика. Таким бедняком, как Покорский, был именно Белинский, исключенный из университета и перебивавшийся уроками и случайной работой [56].

Образ Покорского, не являясь портретом одного Станкевича, синтезирует лучшие черты самого передового человека 30—40-х годов, который в поисках деятельного добра вступит вскоре на путь революционной борьбы.

Рассматривая явления в исторической перспективе, Тургенев увидел в русской передовой дворянской интеллигенции тех лет два типа людей: одни из них — Рудины, другие — Покорские. Одни — это «лишние люди», с пробужденным сознанием, но с апатией воли, с неспособностью к активной деятельности, другие — это люди с крепнущей жаждой деятельности, борьбы; они, подобно Герцену и Огареву, чувствовали себя порой

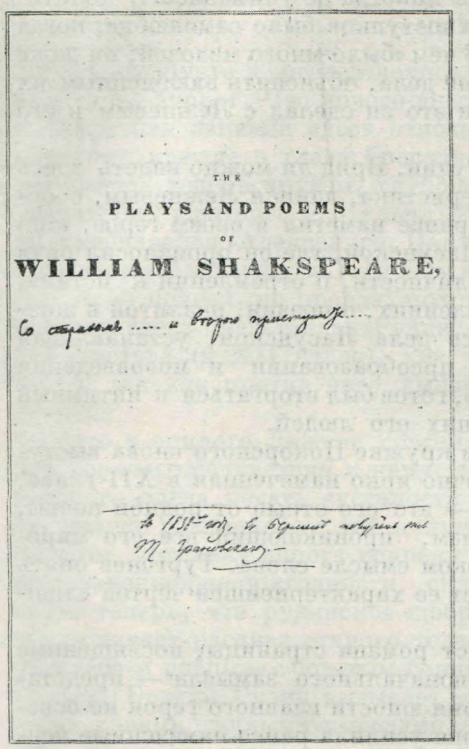
«лишними людьми», но, поняв требования народной жизни, стали активными борцами за народное освобождение. Давая историческую оценку передовым людям прошлого, Тургенев отметил в их деятельности много положительного: их высокий нравственный уровень, прогрессивную для той поры пропаганду ими философского идеализма, основные положения которого развивал в своих речах Рудин, хорошо усвоивший диалектику Гегеля и объяснявший общую связь явлений, закон разумной необходимости и идею прогресса: «Ничего не оставалось бессмысленным, случайным: во всем высказывалась разумная необходимость и красота, всё получало значение ясное и, в то же время, таинственное; каждое отдельное явление жизни звучало аккордом, и мы сами, с каким-то священным ужасом благоговения, с сладким сердечным трепетом, чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями ее, призванными к чему-то великому»,— характеризует Лежнев в беседе с Александрой Павловной речи Рудина (гл. VI).

В своей положительной оценке кружка Покорского Тургенев оказался весьма близким Чернышевскому, посвятившему в «Очерках гоголевского периода русской литературы» не одну сочувственную страницу кружку Станкевича. Чернышевский отмечает, что к нему примыкали «почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей новой словесности, от Кольцова до г. Тургенева», и характеризует кружок как «благороднейший и чистейший эпизод истории русской литературы». Участники этого кружка, подчеркивает Чернышевский, «были исполнены веры в свои благородные стремления, надежд на близость прекрасного будущего. Мудрость устами Гегеля, все разгадавшего, как им казалось, все примирившего Гегеля, раскрыла перед ними тайны, дотоле непостижимые людям. Поэзиею упоены были их сердца; слава готовила им венцы за благую весть, провозглашаемую от них людям, и увлекаемые силою энтузиазма, стремились они вперед». Как бы солидаризируясь с тургеневской характеристикой кружка Станкевича, Чернышевский прибавляет: «И кто хочет перенестись на несколько минут в их благородное общество, пусть перечитает в „Рудине" рассказ Лежнева о временах его молодости и удивительный эпилог повести г. Тургенева». Чернышевский не игнорирует заблуждений членов кружка Станкевича, ослепленных диалектикой Гегеля, не замечавших противоречия между глубокими, плодотворными принципами, ими провозглашенными, и их ложными выводами, и, тем не менее, он признает деятельность этого кружка прогрессивной [57].

О «прекрасной, возвышенной», обаятельной личности Станкевича писал и Добролюбов: «Замечательный по своему светлому уму, живой восприимчивости и симпатичности натуры», Станкевич «имел действительно благотворное значение в кругу своих друзей»; кружок Станкевича должен быть дорог всем, «кому дорого развитие живых идей и чистых стремлений, происшедшее в нашей литературе в сороковых годах» [58].

Признание революционными демократами большой просветительской роли Станкевича объясняется тем, что они видели в нем гармоническое слияние личного и общественного, чувства долга и нравственных стремлений, «потенциальную возможность оказаться в рядах борцов за передовые идеи своего времени» [59].

Добавив страницы о кружке Покорского, Тургенев дал исторически более правильную и более точную картину идейного роста «детей» декабристов. Если образ Покорского с его деятельным сочувствием людям, с его высокой принципиальностью и большим влиянием на товарищей,— хотя еще «бледный очерк», но все же «очерк» будущего борца, то в образе Рудина отражена более низкая ступень политического пробуждения людей 30—40-х годов, когда передовые идеи, облеченные в блестящую сло-



THE

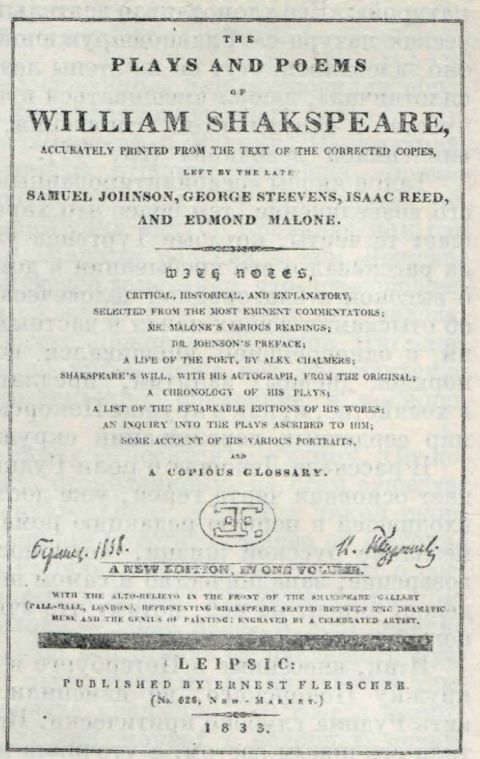
PLAYS AND POEMS

OF

WILLIAM SHAKSPEARE,

Со страхом ..... и верою приступите...

в 1838-м году, в Берлине получен мною
М. Грановским.



THE

PLAYS AND POEMS

OF

WILLIAM SHAKSPEARE,

ACCURATELY PRINTED FROM THE TEXT OF THE CORRECTED COPIES,

LEFT BY THE LATE

SAMUEL JOHNSON, GEORGE STEEVENS, ISAAC REED,

AND EDMOND MALONE.

With Notes,

CRITICAL, HISTORICAL, AND EXPLANATORY,

SELECTED FROM THE MOST EMINENT COMMENTATORS;

MR. MALONE'S VARIOUS READINGS;

DR. JOHNSON'S PREFACE;

A LIFE OF THE POET, BY ALEX. CHALMERS;

SHAKSPEARE'S WILL, WITH HIS AUTOGRAPH, FROM THE ORIGINAL;

A CHRONOLOGY OF HIS PLAYS;

A LIST OF THE REMARKABLE EDITIONS OF HIS WORKS;

AN INQUIRY INTO THE PLAYS ASCRIBED TO HIM;

SOME ACCOUNT OF HIS VARIOUS PORTRAITS,

AND

A COPIOUS GLOSSARY.

Берлин. 1838. И. Тургенев

A NEW EDITION, IN ONE VOLUME.

WITH THE ALTO-RELIEVO IN THE FRONT OF THE SHAKSPEARE GALLERY (PALL-MALL, LONDON), REPRESENTING SHAKSPEARE SEATED BETWEEN THE DRAMATIC MUSE AND THE GENIUS OF PAINTING: ENGRAVED BY A CELEBRATED ARTIST.

LEIPSIC:

PUBLISHED BY ERNEST FLEISCHER

(No. 625, New-Market.)

1833.

СБОРНИК ДРАМАТИЧЕСКИХ И СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ШЕКСПИРА (ЛЕЙПЦИГ, 1833), ПОДАРЕННЫЙ ТУРГЕНЕВУ Т. Н. ГРАНОВСКИМ

Титульный лист и шмуцтитул с надписями Тургенева: «Берлин. 1838. И. Тургенев» (титул) и «в 1838-м году Берлин получен от Т. Грановского» (шмуцтитул). Выше рукой Грановского: «Со страхом ... и верою приступите...»

Музей И. С. Тургенева, Орел

весную форму, не претворялись в поступки, не становились общественно преобразующим делом. Вот почему в рассказе Лежнева так резко противопоставлен Покорский Рудину [60]. Участие в кружке Покорского не внесло в характер тургеневского героя новых черт. Автор сохранил и в рассказе о молодости Рудина критическую точку зрения, отнюдь не отказавшись от своего первоначального замысла.

Рудин — бедняк в сравнении с Покорским; в нем «гораздо больше блеску и треску, больше фраз, и, пожалуй, больше энтузиазма»; «он замечательно умный человек, хотя в сущности пустой», «холоден как лед, и знает это, и прикидывается пламенным», «разыгрывает роль», он «актер» и «кокетка», «деспот в душе, ленив, не очень сведущ»; «мысли его рождались не в его голове: он брал их у других», но «ум имел систематический, память огромную», «из прочитанного извлекал всё общее, хватался за самый корень дела и уже потом проводил от него во все стороны светлые, правильные нити мысли, открывал духовные перспективы». Своими речами он увлекал товарищей, но не внушал к себе любви; влияние его превращалось в иго, тогда как Покорскому «все отдавались сами собой»; «когда он расправлял свои крылья,— боже! куда не залетал он! в самую глубь и лазурь неба!». А для Рудина порой в известной мере характерна «жизни мышья беготня». Лежнев иронически называет его «политической

натурой»: «Его хлопотливая деятельность никогда не унималась... политическая натура-с». Главной пружиной его поступков было самолюбие; когда оно задевалось, «тут он на стены лез». В нем «было много мелочей; он даже сплетничал», любил вмешиваться в чужие дела, объяснять влюбленным их чувства и запутывал их отношения, как это он сделал с Лежневым и его «миленькой девочкой» (гл. VI).

Таков якобы «реабилитированный» Рудин. Вряд ли можно видеть здесь его возвеличение, тем более что характеристика, данная Лежневым, обобщает те черты, которые Тургенев уже ранее наметил в своем герое, когда рассказал о его пребывании в доме Ласунской, где он произносил речи о высокой и благородной человеческой личности, о стремлении к истине, об отыскании общих начал в частных явлениях, о поэзии, разлитой в жизни, и одновременно вмешивался во все дела Ласунской, устанавливал порядок дневных занятий, предлагая преобразования и нововведения в хозяйстве, и, как в кружке Покорского, готов был вторгаться в интимный мир сердечных переживаний окружавших его людей.

В рассказе Лежнева о роли Рудина в кружке Покорского снова выступает основная черта героя, уже достаточно ярко намеченная в XII главе, входившей в первую редакцию романа,— это его отрыв от родной почвы, незнание русской жизни, космополитизм, проникающий все его мировоззрение, западничество в самом широком смысле слова. Тургенев опять делает акцент на ней, потому что считает ее характернейшей чертой «лишнего человека».

Итак, внесенные в Петербурге в текст романа страницы, посвященные кружку Покорского, не изменили первоначального замысла — представить Рудина глубоко критически. История юности главного героя не осветила его новым светом, а уточнила и даже усилила ранее намеченные черты: Рудин, участник кружка Покорского, и Рудин, гость Ласунской,— один и тот же характер. Разница между обоими Рудиными только возрастная.

Однако если в описании кружка Покорского авторская оценка рудинского типа осталась прежней, то существенно изменилась характеристика передовых деятелей 30—40-х годов. Они теперь не предстают в романе как нечто единое и целое.

Без эпизода, посвященного кружку Покорского, Тургенев представил бы историческое значение лучших людей 30—40-х годов несколько узко и односторонне. Именно так он создавал образ «лишнего человека» в рассказах, предшествовавших роману. Малый повествовательный жанр, как его понимал Тургенев, позволял ему, отказавшись от широкой картины общественных отношений, углубиться во внутренний мир героя, передать его переживания и настроения, подвергнуть его беспощадному самоанализу и сделать собственным суровым судьей. Такими лирическими рассказами были «Дневник лишнего человека» и «Переписка». Новый жанр — жанр романа — требовал объективной общественно-политической оценки изображаемых явлений. История кружка Покорского внесла необходимые коррективы в приговор над людьми 30—40-х годов: Рудины — типичные «лишние люди»; они часто встречаются. Их индивидуальные разновидности многочисленны — среди них и уездные Гамлеты, и высоко образованные Алексеи Петровичи, Ракитины, и люди среднего культурного уровня, как Чулкатурин. А рядом с ними возникает, формируется другой тип, новый тип деятеля – «гениального», «необыкновенного» Андрея Колосова, Беляева, за месяц своего пребывания в деревне внесшего смятение в дворянскую усадьбу, обитатели которой почувствовали дуновение в их жизни «свежего ветра». Таким же замечательным человеком является и Покорский, вместе с Колосовым и Беляевым предшественник «новых людей» 60-х годов.

б. Первый эпилог

В Петербурге Тургенев дописал весьма важный для композиции образа Рудина эпилог. Что нового внес он им в трактовку своего героя?

Тургенев изменил здесь отношение Лежнева к Рудину. Из критика, которому прежде в глаза бросались темные стороны товарища, Лежнев становится теперь другом, глубоко сочувствующим всем жизненным неудачам бесприютного скитальца. Раньше Рудин ему не нравился как сам он признавался Александре Павловне. Первый рассказ о нем Лежнева вызывает у Александры Павловны негодующее замечание, что все сообщенное им — правда, но правда, похожая на клевету,— в таком непривлекательном свете представлен Рудин. В беседе Лежнева, Липиной, Пигасова и Басистова (в XII главе), как указано выше, тоже нет реабилитации героя, так как против него выдвинуто серьезное обвинение в космополитизме.

Зато в эпилоге Лежнев совсем по-иному относится к Рудину. Он полон горячего сочувствия к нему, седому, сгорбленному, на всем существе которого легла печать «усталости окончательной, тайной и тихой скорби, далеко различной от той полупритворной грусти, которою он щеголял бывало». Лежневу дорога искренность Рудина, с какою он говорит о своей жизненной непригодности, склонности к фразе. Он даже готов признать теперь, что рудинское «доброе слово — тоже дело», и восторженно выслушивает рассказ старого товарища об его отказе от насущного куска хлеба и разрыве с богатым барином, перед которым он не захотел унижаться. Бедняк Рудин вызывает у Лежнева уважение. Он всегда «жертвовал своими личными выгодами, не пускал корней в недобрую почву, как она жирна ни была». Равнодушие Рудина к материальным благам, пробуждающее в Лежневе светлое воспоминание о Покорском («он также умел остаться нищим»),— типичная черта идеалиста 30—40-х годов, у которого, нет, по словам Герцена, «ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод; одни забывают свое богатство, другие свою бедность — и идут, не останавливаясь, к разрешению теоретических вопросов» [61].

Центр внимания в этой заключительной главе перенесен на вопрос, почему Рудин оказался в общественном смысле несостоятельным. Ответ на него необходим, потому что иначе не понять исторического значения «лишних людей». Как история кружка Покорского, так и эпилог нужны автору, чтобы осветить место «лишних людей» в жизни.

Раньше утверждалось, что Рудин — человек без почвы, человек фразы, а не дела, упоенный своими красивыми словами, малодушный и слабый волею, неспособный победить лень. «Первое препятствие — и я весь рассыпался»,— пишет он Наталье о себе. Теперь же герой предстает ищущим дела, пытающимся приложить к чему-либо свои силы, но наталкивающимся на непреодолимые преграды.

Тургенев объясняет, что Рудин — жертва той общественно-политической системы, при которой хозяевами жизни являются Ласунские — баре-педанты, «вылепленные из степной муки с примесью немецкой патоки». Не давая широкой картины социальных отношений, писатель только намекает, что все благие начинания Рудина разбивались о препятствия, которые не позволили ему стать полезным деятелем. Большим преобразованиям в сельском хозяйстве, задуманным тургеневским героем, помешал «господин помещик». Смелый проект сделать судоходной реку и обогатить край не осуществился, потому что у Рудина и Курбеева не было денег и никто не захотел их поддержать в замечательном предприятии. А преподавание в гимназии закончилось высылкой в деревню.

Такова «судьба» Рудина. «Что мешает мне жить и действовать, как другие?.. — спрашивает он.— Я только об этом теперь и мечтаю. Но едва успею я войти в определенное положение, остановиться на известной точке, судьба так и сопрет меня с нее долой... Я стал бояться ее — моей судьбы...» Подобно своим предшественникам, героям других произведений Тургенева, начиная со Стѐно, Рудин считает себя жертвой судьбы. Но как изменилась теперь, сравнительно с юношеской поэмой, трактовка «судьбы»! Вместо романтического «рока» речь идет о конкретных социальных условиях, мешающих Рудину претворять в дела свои большие и полезные стремления.

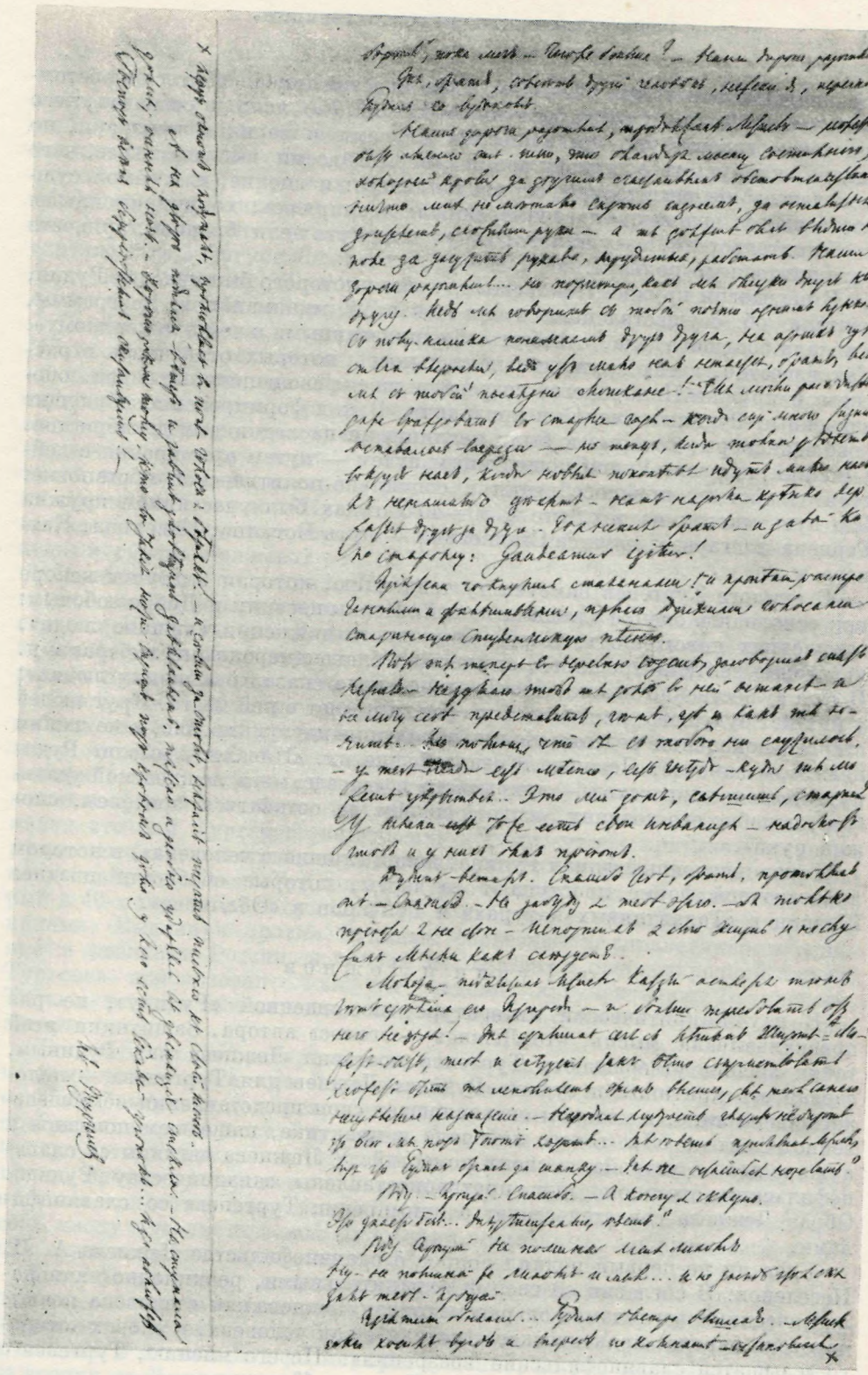
На Рудине лежит печать «общего несчастия», которое блестяще охарактеризовал Герцен, много размышлявший о причинах социальной драмы «лишних людей». Они «сорвались с общего пути — тяжелого и безобразного — и никогда не попадали на свой собственный, искали его и на этом искании останавливались. В этой пожертвованной шеренге черты очень розны: не все похожи на Онегина или на Печорина, не все — лишние и праздные люди, а есть люди трудившиеся и ни в чем не успевшие,— люди неудавшиеся ⟨...⟩ В них ничего нет стадного, рядского, чекан розный, одна общая связь связует их или, лучше, одно *общее несчастие*; вглядываясь в темно-серый фон, видны солдаты под палками, крепостные под розгами, подавленный стон, выразившийся в лицах, кибитки, несущиеся в Сибирь, колодники, плетущиеся туда же, бритые лбы, клейменые лица, каски, эполеты, султаны... словом, петербургская Россия. Ею они несчастны, и нет сил ни переварить ее, ни вырваться, ни помочь делу. Они хотят бежать с полотна и не могут: земли нет под ногами, хотят кричать — языка нет... да нет и уха, которое бы слышало» [62].

Рудин тоже «сорвался с общего пути», искал своей дороги, но не находил, трудился и ни в чем не успевал. Тургенев реабилитирует своего героя, объясняя, что феодально-крепостническая система не давала ему возможности действовать. Его делом могло быть лишь «доброе слово». Это перенесение вины с Рудина на социальные условия было продиктовано, несомненно, не Боткиным, а реальной исторической обстановкой. Осенью 1855 г., после позорного завершения Крымской кампании, когда Тургенев переделывал свой роман, он, как указывалось выше, отдавал себе отчет в том, что причиной поражения была несостоятельность социально-политической системы России. Это сознание и побудило его заострить в эпилоге внимание на социальных факторах, препятствовавших развитию страны, убивавших творческую энергию, превращавших благородных энтузиастов Рудиных — в «лишних людей». До этого вся ответственность за поступки Рудина возлагалась на него самого, и только в эпилоге указаны те социальные причины, под воздействием которых неизбежно должна была сформироваться в нем «натура» «лишнего человека». Сжатое рамками эпилога, это объяснение, тем не менее, с полной силой изобразительности освещает «судьбу» и характер героя.

Однако, несмотря на стремление оправдать в эпилоге Рудина ссылкой на общественно-политические причины, превратившие его в «лишнего человека», Тургенев выносит ему все же окончательный и достаточно суровый приговор — справедливый приговор истории.

Каков же он?

Хотя в Рудиных горит «огонь любви к истине», хотя в них «сидит какой-то червь, который грызет ⟨...⟩ и гложет, и не даст ⟨...⟩ успокоиться до конца», они все же рано или поздно успокаиваются и смиряются. Размышляя над тем, почему его последняя попытка найти дело кончилась ссылкой в деревню, Рудин недоумевает. Ему непонятно, как могли заподозрить его намерения. Уроки его — всего-навсего блестящие импровизации, пробуждавшие в трех-четырех мальчиках «желание добра»



«РУДИН»

Первый эпилог. Автограф, 1855. Лист последний, оборот

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

и непонятные остальным ученикам, а сам он готов приспособиться к обстоятельствам. «Точно, я тогда ⟨в молодости.— *М. Г.*⟩ ясно не сознавал, чего я хотел,— говорит он,— я упивался словами и верил в призраки, но теперь, клянусь тебе, я могу громко, передо всеми высказать все, чего я желаю. Мне решительно скрывать нечего: я вполне, и в самой сущности слова, человек благонамеренный; я смиряюсь, хочу примениться к обстоятельствам, хочу малого, хочу достигнуть цели близкой, принести хотя ничтожную пользу».

В передовом кружке Покорского, членом которого был некогда Рудин, мечтали об осуществлении совсем не этой минимальной программы, а искали большого дела, считали себя «призванными к чему-то великому». Как известно, в тех кружках, деятельность которых отразилась в рассказе о кружке Покорского, созревали уже революционные идеи, обозначенные Рудиным «верой в призраки». В них формировались будущие революционеры, которые и были подлинными наследниками декабристов. «Лишний человек» Рудин пошел иным путем — путем примирения с действительностью, приспособления к социально-политической обстановке. Это путь многих из тех, кто в 30—40-х годах был участником кружка Герцена и Огарева, кружка Станкевича — путь Боткина, Кавелина, Каткова и др.

В эпилоге Тургенев наметил ту тенденцию, которая выступит вскоре как основная в оценке «лишних людей» Чернышевским и Добролюбовым: в условиях нового подъема революционного движения «лишние люди», передовые деятели прошлого, становятся благонамеренными либералами. И еще существенно важно, что Тургенев ясно сказал о «лишних людях»: у них нет будущего; жизнь идет вперед, и им нет в ней места. Круг людей старого поколения редеет; «новые поколения идут мимо нас, к не нашим целям»,— замечает Лежнев. Жизнь обошла их. «Инвалиду мысли» Рудину остается один выход — «укрыться» в «гнезде» — в лежневской усадьбе и, подобно его хозяину, «сидеть сиднем да оставаться зрителем, сложив руки».

Таков жизненный финал Рудина, конец «лишнего человека», в котором в зачаточной форме проступают те черты, которые обобщили позднее Щедрин в «Талантливых натурах» и Гончаров в «Обломове».

в. Рудин и Лежнев

В научно-критической литературе, посвященной «Рудину», не раз проскальзывала мысль, что Лежнев — «голос» автора. Защитники этой точки зрения утверждают: Тургенев поставил Лежнева над Рудиным, сделав его критиком и судьею Рудина. Лежнев для Тургенева — положительное лицо, в котором он воплощает свои представления об общественном деятеле 50-х годов, либерале и практике, нашедшем полезное и нужное дело в устройстве своих поместий. У Лежнева взгляды со славянофильским оттенком; они противопоставлены западничеству Рудина. Образ Лежнева свидетельствует о примирении Тургенева со славянофилами.

Едва ли не первый поднял вопрос о славянофильстве Лежнева А. И. Незеленов. В согласии со своими охранительными, реакционно-националистическими взглядами, он рассматривал Лежнева как «человека почвы, человека народа, практического деятеля», как человека, в словах которого «слышатся славянофильские воззрения». По его мнению, Тургенев с большим сочувствием относится к Лежневу [63].

С некоторыми оговорками о славянофильстве Лежнева писал Д. Н. Овсянико-Куликовский. Он полагал, что проповедь народности у Лежнева — результат сближения Тургенева с семьей Аксаковых. Сам Тур-

генев «не усвоил (и не мог усвоить) доктрины славянофильства, не мог стать на точку зрения этой партии, но он как вдумчивый и чуткий художник должен был заинтересоваться самым фактом появления людей, проводивших принцип народности, идеалистов, влюбленных (если можно так выразиться) в русскую национальность и стремившихся сознательно обосновать на ее началах и поэзию, и всякое творчество, и общественные, и даже политические идеалы». Однако Овсянико-Куликовский не считал, «что в фигуре Лежнева Тургенев хотел изобразить славянофильское умонастроение 40-х годов», потому что тогда «националистические» идеи, подобные идеям Лежнева, развивали не только славянофилы, но и многие другие, в частности Белинский[64]. В положениях Овсянико-Куликовского не сходятся концы с концами. Реакционные, действительно националистические идеи славянофилов он приписывает Белинскому, не усматривая таким образом различий в понимании народности революционными демократами и защитниками идеи обновления феодально-монархического государства — славянофилами. Такое смешение понятий, такой антиисторизм и характерный для буржуазной науки объективизм не позволили Овсянико-Куликовскому дать ясный ответ на поставленный им вопрос: типические черты какого именно общественного деятеля обобщены в образе Лежнева?

Полемизируя с Овсянико-Куликовским и заметив, что в кружке Станкевича наметились две группы — одна, тяготевшая к славянофилам, другая — к Белинскому и Бакунину, В. В. Данилов прямо относил Лежнева к славянофильской группе: «Лежнева Тургенев, очевидно, желал изобразить примыкающим к первому течению»[65].

Эта точка зрения не выдерживает критики: во-первых, потому, что добрые отношения Тургенева с семьей Аксаковых, в которой он лучше всего относился к С. Т. Аксакову, самому далекому из всей семьи от славянофильской доктрины, не уничтожили его существенных разногласий с славянофилами, особенно с К. С. Аксаковым, как неоднократно подчеркивал это сам Тургенев; во-вторых, потому, что в критике Лежневым рудинского космополитизма слышатся отзвуки отнюдь не славянофильских идей, а близких Тургеневу патриотических идей Белинского, который в 40-х годах вел непримиримую борьбу и с славянофилами и с западниками. Выдвинув против Рудиных серьезное и справедливое обвинение в незнании России, в полном их отрыве от основ народной жизни, Тургенев использовал, как мы видели, аргументацию Белинского. Только в этом единственном смысле можно считать Лежнева рупором автора.

В советском литературоведении оказалась весьма устойчивой несколько иная точка зрения на Лежнева. В наиболее крайней формулировке она была высказана вульгарными социологами, принижавшими всячески прогрессивное значение Тургенева. Они-то и провозгласили Лежнева alter ego автора. Так, С. А. Малахов заявлял, что идеалисту Рудину Тургенев противопоставляет пользующегося его исключительными симпатиями «рядового дворянина Лежнева, эксплуататора, сбросившего с себя маску идеалистической философии, помещика, защищающего позиции землевладельческого класса»[66].

Нет нужды сейчас вскрывать порочность подобного взгляда на Тургенева: советское тургеневедение дало должный отпор этой тенденции превратить Тургенева в писателя — идеолога поместного класса. Однако и позднее, в сглаженной форме, приглушенно, не раз высказывалась точка зрения на Лежнева как на проводника авторских либерально-реформистских взглядов. Не так давно Е. И. Кийко усмотрела в романе подобную тенденцию: «Образами Лежнева и Волынцева, „практиков" нового типа, Тургенев, вопреки революционерам-демократам, пытался доказать, что

путь постепенных преобразований — единственно возможный путь дальнейшего прогрессивного развития России» [67].

С этой точкой зрения тоже нельзя согласиться, прежде всего потому, что Лежнев не является антиподом Рудина. Для Тургенева и он в какой-то мере «лишний человек». У обоих одинаковое прошлое: участие в кружке Покорского, увлечение в молодости гегелевской философией, немецким романтизмом, искание общего блага, свободы, справедливости. В зрелом возрасте их дороги разошлись: Лежнев — богатый помещик, занятый сельским хозяйством и устройством своей семейной жизни, достигший всего, к чему стремился, тогда как Рудин не обеспечен, не устроен, не нашел дела, ни на чем не остановился. На склоне лет Лежнев и Рудин снова оказались «близки друг другу». Благополучный во всех отношениях Лежнев с уважением относится к бедняку Рудину, «голодному, без пристанища». Практичный Лежнев, занятый только своими делами, преклоняется теперь перед непрактичным Рудиным, равнодушным к материальным благам. Как ни различно сложился их жизненный и бытовой уклад, они ведь люди одного поколения, люди сходных воззрений и чувств. Раньше, когда Лежнев судил Рудина, он исходил из тех высоких нравственных требований, которые были усвоены им в кружке Покорского. Он мерил его тогда меркою Покорского и видел в нем «мелочи», «дрязги», любовь к фразе, позерство. Но теперь он ставит Рудина выше себя, потому что Рудин «должен был выйти на поле, засучить рукава, трудиться, работать», а он, Лежнев, благодаря состоянию и другим счастливым обстоятельствам жил только для себя, устранившись от общего дела. Лежнев по-иному, но тоже, как и Рудин, «лишний человек», ничего не сделавший, кроме устройства своей личной жизни. Они оба — «последние могикане»; им осталось лишь «крепко держаться друг за друга», так как они не являются строителями жизни, которая развивается без их участия и отбрасывает их как нечто ненужное и бесполезное.

В эпилоге происходит суд не только над Рудиным, но и над Лежневым.

Лежнев у Тургенева не положительный герой. Нигде и никогда Тургенев не высказывался в защиту узкого практицизма, поместного делячества. При известном благородстве своих мыслей, при хорошей основе, заложенной в Лежневе кружком Покорского, он — эгоист, живущий лишь для себя [68]. Жизнь не опошлила его до конца, не сделала «зверем», как иных его товарищей. Однако «славное время» кружка Покорского, время молодых порывов, устремлений к высокому и великому живет лишь в его памяти. Бескрылый, умеренный, холодный, боящийся огня чувств, напоминающий своим видом «большой мучной мешок»,— таким предстает перед читателями Лежнев в первой главе. «Большой мучной мешок» — сравнение не случайное. Это — ключ к образу Лежнева. Оно характеризует не только неуклюжую, бесцветную внешность Лежнева, портрет которого выдержан в серых тонах (на нем «старое пальто из серой коломянки»; у него лицо «широкое, без румянца, с небольшими бледно-серыми глазками и белесоватыми усами, оно подходило под цвет его одежды»), но и его помещичьи, хозяйственные интересы, серые и бесцветные, глубоко эгоистические. Сравнение Лежнева с «большим мучным мешком» стилистически входит в гоголевскую традицию, однако оно не имеет, как у Гоголя, сатирической заостренности.

Тургенев не поднимает Лежнева над Рудиным, не считает его положительным героем; автор делает его судьею Рудина лишь потому, что он хорошо знал лучших людей их общей молодости, с которыми и сравнивает Рудина. Вот почему Тургенев предоставляет Лежневу право осудить космополитизм Рудина словами Белинского. Рудин ниже Покорского, но выше Лежнева, так как сохранил энтузиазм и идейное горение молодости, не превратился в эгоиста-практика.

* * *

Подводя итоги, следует признать: в результате сложной творческой работы над романом Тургенев дал исторически правильную оценку «лишних людей». Он воссоздал их образ со всеми свойственными им противоречиями: жажда дела и неумение его осуществить; благородное «слово», не поддержанное поступками, а потому ставшее пустой фразой; высокие стремления и мелкий эгоизм; энтузиазм и холодная «натура». Однако при всех своих недостатках это — люди, не мирящиеся с «царством мглы и насилия», просветители, владеющие «тайной красноречия» и умеющие будить в молодежи мысль, стремление к делу. В этом их важное общественное значение.

Тургенев подошел к передовым дворянским интеллигентам 30—40-х годов не только с исторической точки зрения, не только раскрыл их прогрессивное значение в прошлом, но поставил также вопрос об их роли в современной общественной жизни. Ответом на этот вопрос было признание ненужности сейчас, в середине 50-х годов, «лишних людей», бесполезности их отвлеченной и малодейственной проповеди. Развивающаяся жизнь отбрасывает их, потому что они устали, изнемогли, жаждут успокоения и отдыха, потому что в них, врагах обломовщины, начали уже обрисовываться обломовские черты. Ничего не вышло и из Лежневых, из тех «лишних людей», которые, по словам М. Горького, «носят в себе зачатки двух начал — деятельного и пассивного», которые как будто бы нашли «дело». Но их «дело» заключено в узкие личные рамки, их практицизм глубоко эгоистичен. Они не превосходят Рудиных; они ниже их. «Мечтатель Рудин по тем временам,— подчеркивал М. Горький,— был человеком более полезным, чем практик, деятель» [69]. Однако Тургенев увидал в эпоху николаевской реакции и людей с большей силой политической пробужденности, чем Рудины. Это Покорские. Их чистая и светлая личность оказывала благотворное общественное влияние; в них формировался характер будущих революционных борцов.

Совместив две точки зрения на «лишних людей», историческую и современную, сопоставив три разновидности этого рода людей (Рудин, Покорский, Лежнев) и вскрыв общественные возможности каждой, Тургенев превратил повесть, написанную в Спасском, в роман, где он рассматривает явления в исторической перспективе, судит «лишних людей» не моральным судом, как он делал это в первой редакции, а с точки зрения их социально-политической значимости. Сделанные в конце 1855 г. дополнения резко изменили композицию «Рудина». Ее стержнем стала биография героя, изображенного в разные периоды жизни (в юности, зрелости, на склоне лет). Биографический структурный принцип, легший в основу второй редакции, позволил автору позднее, в 1860 г., дополнить роман рассказом о смерти героя. Этот эпизод естественно включался в повествование, не нарушая его цельности.

Изменилась и композиция образа Рудина. В повести, созданной в Спасском, характер героя статичен: он дан лишь в разных ракурсах — «не только en face, но и en profile», в естественных для него положениях, как того требовал Тургенев [70]. Эти разные ракурсы устанавливались отношением к Рудину других лиц и теми ситуациями, в которых лучше всего проявлялся его характер (споры с Пигасовым, беседы с Натальей, хозяйственные советы Ласунской, вмешательство в личную жизнь Волынцева и т. п.). Во второй редакции характер героя дан в развитии. Познакомив читателей с ним и с его поведением в усадьбе Ласунской, автор рассказывает устами Лежнева, каким был Рудин в студенческие годы. Этот ретроспективный взгляд нужен Тургеневу, чтобы объяснить, как складывался и менялся характер героя, какие черты были свойственны

ему в юности, как развились они и как естественно привели к тому, что его «слово» не стало «делом». Характер Рудина «не вытянут в струнку» [71]. Тургенев считал такое однолинейное изображение персонажа существенным художественным недостатком. Характер Рудина меняется не только с возрастом, но и под воздействием общественных условий. Сложнее становится отношение к Рудину Лежнева: в молодости он преклоняется перед Рудиным, хотя его вмешательство в юношеский роман Лежнева оставляет горький след. В имении Ласунской Лежнев недоброжелателен к Рудину, а в первом эпилоге не только примиряется с ним, но признает его превосходство над собой и его благотворное для жизни значение. Отношение Лежнева к Рудину диалектично, как диалектично и развитие характера героя.

На втором этапе работы над «Рудиным» Тургенев нашел свой жанр — жанр социально-политического романа, развивать который он будет вплоть до «Нови». Автор понял, что внесенные им дополнения превратили «Рудина» в роман: в «Сочинениях», изданных Н. А. Основским в 1860 г., он поместил его в третий том вместе с «Дворянским гнездом» и «Накануне» [72].

5. ТРЕТИЙ ЭТАП РАБОТЫ НАД РОМАНОМ

а. Второй эпилог

Казалось бы, в «Рудине» Тургенев вполне удачно разрешил задачу, поставленную перед ним общественно-политической жизнью. Сложная творческая работа над романом была им успешно закончена.

А между тем Тургенев снова возвращается к нему через пять лет. В 1860 г. он добавляет вторую часть эпилога с картиной смерти Рудина на баррикадах в Париже в 1848 г. Хотя этот эпизод весьма краток, но он важен в идейном отношении, так как освещает образ «лишнего человека» новым и неожиданным светом.

Ранее Рудин выступал в романе как просветитель, пробуждающий вдохновенным словом сознание молодого поколения, как человек, живущий высокими идеями и пренебрегающий материальными благами, но вместе с тем как деятель, общественно несостоятельный, не способный найти настоящее дело, малодушный. Теперь же, во второй части эпилога, он представлен как герой, гибнущий за революционное дело.

Что побудило Тургенева революционизировать Рудина, ранее никак не связанного с революционной борьбой? Какие причины заставили автора окружить героическим ореолом того Рудина, которого он в ранее написанной части эпилога показал усталым, разбитым, опустошенным? Ответ на этот вопрос можно дать, лишь исходя из тех конкретных исторических условий, в которых был добавлен эпилог.

Как известно, революционная ситуация 1859—1861 гг. повлекла за собой резкое размежевание общественных сил на два лагеря — демократический и либерально-реакционный. Тургенев ушел из «Современника», пропагандировавшего идею крестьянской революции, разорвал с ним свои тринадцатилетние отношения и выступил с активной поддержкой крестьянской реформы «сверху». В то самое время, когда происходил разрыв Тургенева с революционной демократией [73], он добавляет новый эпилог с описанием героической смерти Рудина. На первый взгляд, такое превращение «лишнего человека» в революционного борца должно показаться неожиданным и противоречащим первоначальному авторскому замыслу.

Однако это противоречие может и должно быть снято, если заключительную сцену романа рассматривать не в связи с творчеством Тургенева

середины 50-х годов, как это делается обычно, а в связи с литературной деятельностью писателя начала 60-х годов, с его «блестящей», по признанию Добролюбова [74], статьей «Гамлет и Дон-Кихот», с проблемами, поднятыми в «Накануне», с полемикой о «лишних людях», развернувшейся в «Современнике» и в «Колоколе». В эту полемику включился и Тургенев, внеся новую героическую страницу в биографию своего героя.

б. Образ Рудина и спор об идейном наследии 30—40-х годов в середине 1850-х годов

Вопрос о «лишних людях» не был чисто литературным, а поднимал очень важную историко-культурную проблему — об идейном наследии 30—40-х годов и об общественной роли «отцов» — передовых людей того времени.

Этот вопрос решался революционно-демократическими критиками не всегда одинаково, а в зависимости от конкретных исторических условий и политических требований времени. Он возник в 1856 г. в связи с выходом в свет романа «Рудин», а затем «Повестей и рассказов» Тургенева. Спор о «лишних людях» протекал уже тогда в достаточно острой форме и был направлен главным образом против тех, кто недооценивал прогрессивную роль передовых людей прошлого.

В «Современнике» «Рудин» был встречен весьма сочувственно. В «Заметках о журналах за февраль 1856 года» Некрасов дал развернутый отзыв о романе [75]. Хотя в «Рудине» имеются художественные недостатки, замечает он, тем не менее, этот роман Тургенева «должен быть поставлен, по глубине и живости содержания, им охватываемого, по силе и по самому характеру впечатления, им производимого, очень высоко». Главное в этом замечательном, по мнению Некрасова, романе — его идея: «изобразить тип некоторых людей, стоявших еще недавно во главе умственного и жизненного движения, постепенно охватывавшего, благодаря их энтузиазму, все более и более значительный круг в лучшей и наиболее свежей части нашего общества. Эти люди имели большое значение, оставили по себе глубокие и плодотворные следы. Их нельзя не уважать, несмотря на все их смешные или слабые стороны».

Некрасова волнует вопрос, в какой мере автор дал исторически правильную оценку людей рудинского типа. Он полагает, что Тургенев удачно вскрыл отрицательные черты Рудиных, их жизненную неприспособленность, их отвлеченное, не связанное с реальными запросами общественной практики, мышление. «Они, вообще говоря,— продолжает Некрасов,— оказывались несостоятельны при практическом приложении своих идей к делу — отчасти потому, что еще недостаточно приготовлена была почва к полному осуществлению их идей, отчасти потому, что, развившись более помощью отвлеченного мышления, нежели жизни, которая давала для их воззрений и чувств одни отрицательные элементы, они действительно жили более всего головою; перевес головы был иногда так велик, что нарушал гармонию в их деятельности, хотя нельзя сказать, чтобы у них сухо было сердце и холодна кровь. Эту отрицательную сторону полно и прекрасно изобразил г. Тургенев. Не столь ясно и полно выставлена им положительная сторона в типе Рудиных».

Некрасов объясняет этот недостаток стремлением Тургенева преодолеть симпатию к своему герою, а также боязнью идеализации, побудившей его отнестись к Рудину скептически. Но все же, по мнению Некрасова, образ Рудина имеет большое значение: «...характер Рудина действительно не столь отчетливо представлен, как многие другие характеры в той же повести ⟨...⟩ но тем не менее он живой является нам, и появление этой личности, могучей при всех слабостях, увлекательной при всех своих

недостатках, производит на читателя впечатление, чрезвычайно сильное и плодотворное, какого очень давно уже не производила ни одна русская повесть» [76].

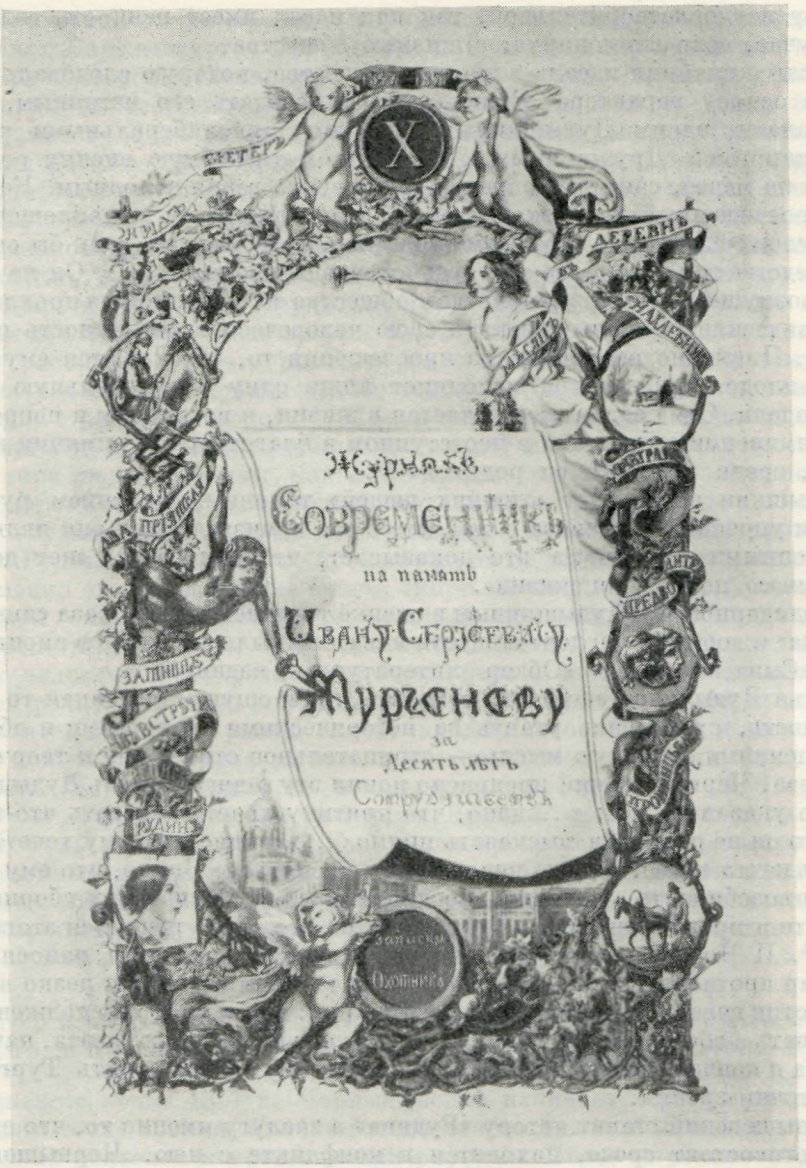
О том, какие именно из положительных сторон рудинского типа опустил Тургенев, Некрасов не говорит, но на этот вопрос в известной мере помогает ответить его поэма «Саша», напечатанная в первой книжке «Современника» 1856 г., рядом с первой частью романа, и посвященная Тургеневу. Некрасов дает в ней достаточно резкую оценку Агариным — фразёрам, ищущим исполинского дела, но отворачивающимся от «муравьиной работы людей», не умеющим «любить глубоко», не способным «дело веков поправлять», потому что в них «не воспитано чувство свободы» и не подготовлены они к борьбе, хотя им доступно «все, что высоко, разумно, свободно». И, тем не менее, Некрасов признает за «лишним человеком» общественное значение, ибо в нем живет вера в то, что «солнышко правды взойдет над землей» и не всегда будет «беден, несчастлив и зол человек», а главное — «сеет он все-таки доброе семя», пробуждая скрытые силы в молодежи и ее сознание. При остром разоблачении никчемности Агарина, его «обломовщины» («Благо наследье богатых отцов освободило от малых трудов»), либерального фразёрства, здесь четко и ясно сказано о прогрессивном значении «лишних людей» [77]. Недаром поэма восхитила Боткина. «„Саша" твоя — здесь всем очень понравилась, даже больше, чем понравилась: об ней отзываются с восторгом»,— писал он Некрасову [78].

Если исходить из некрасовской характеристики Агарина, можно с уверенностью сказать, что Некрасову представлялась в романе Тургенева недостаточно освещенной просветительская деятельность Рудина, неполно изображенной преемственность между «словом» Рудина и «делом» современного молодого поколения. Таким образом, в трактовке Некрасова передовые люди недавнего прошлого при всех своих недостатках являются предшественниками подлинных борцов за народное дело. Отцы и дети неразрывно связаны между собой,— так решает Некрасов вопрос о наследстве 30—40-х годов.

Мнение Некрасова о «Рудине» интересно еще и тем, что оно выражает не только его личную точку зрения, но и взгляды ведущих сотрудников «Современника». Об этом прямо говорится в первом его отклике на «Рудина»: «...повесть г. Тургенева и повесть графа Толстого ‹«Севастополь в августе 1855 г.».— *М. Г.*› *мы почитаем* самыми живыми литературными явлениями настоящего времени» [79]. Надо напомнить, что «Заметки о журналах» с этим отзывом Некрасова о «Рудине» были составлены тремя авторами — Некрасовым, Боткиным и Чернышевским [80], каждый написал здесь свой раздел, однако все они выступали как единый коллектив, как «мы».

Некрасова поддержал Чернышевский, встретивший «Рудина» с полным одобрением. Именно сейчас он хочет написать статью, посвященную не только роману, но и всей деятельности его автора. Об этом свидетельствует незаконченная статья «Разговор отчасти литературного, а более нелитературного содержания». По признанию Чернышевского, он взялся за написание этой статьи, чтобы показать «какое огромное значение в русской литературе имеет г. Тургенев, по своему влиянию на публику, да и на развитие самой литературы». «Не бойтесь преклониться перед благородным писателем, которому так много обязаны мы все»,— восклицает Чернышевский. «Из действующих ныне писателей нет никого, чьи заслуги перед публикою равнялись бы заслугам г. Тургенева» [81].

Эту высокую оценку Тургенева-писателя подтвердила, по мнению Чернышевского, новая «прекрасная повесть» — «Рудин», о которой он и высказывает свое мнение в «Заметках о журналах. Январь 1857 г.» [82] в связи с первой статьей либерального критика С. С. Дудышкина «Повести и рассказы И. С. Тургенева» [83]. Оценка Дудышкиным Тургенева на-



АДРЕС ТУРГЕНЕВУ ОТ РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННИКА» В СВЯЗИ С ДЕСЯТИЛЕТИЕМ ЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЖУРНАЛЕ, 1857

Акварель Д. В. Григоровича

Музей И. С. Тургенева, Орел

Адрес по неустановленным причинам не был вручен Тургеневу

столько возмутила Чернышевского, что он поспешил ответить на первую часть статьи, не ожидая ее продолжения.

Дудышкин стремился дискредитировать Тургенева-реалиста. По его мнению, с самого начала своей двенадцатилетней литературной деятельности Тургенев занимался разработкой только одной мысли, воплощая ее в образе «лишнего человека» и повторяя при этом Лермонтова. Причем «лишний человек» для него — идеал, всегда находящийся в противоречии с обществом, а эта главная мысль писателя представляется

критику неудовлетворительной, так как идеал имеет ценность только в том случае, если гармонирует с жизнью общества.

Мысль о слиянии идеала с жизнью общества, которую следовало положить в основу характера Рудина, чтобы сделать его истинным, была высказана не одним Дудышкиным, а и другими либеральными критиками, например Дружининым. Дав в целом хвалебную оценку роману, он, тем не менее, считал изображение главного героя неполным. Как высоко просвещенный человек, Рудин должен стремиться к воплощению в жизнь своих идеалов, а это возможно лишь в том случае, если бы он знал «все средства той среды, где ему судьбой назначено жить 〈...〉 Он не имеет права возмущаться несовершенством общества и, уединясь на прохладные метафизические вершины, считать свою человеческую обязанность исполненною. Пламенно восприняв из просвещения то, что кажется ему светлым и плодотворным,— он исполняет лишь одну вступительную часть своей задачи. Сама задача заключается в жизни, в посильном и непреложном примирении с жизнью, в неотступном и благотворном влиянии на общество, среди которого он родился» [84].

Дудышкин не считает «лишних людей» типичным явлением русской жизни и упрекает Тургенева в том, что в его произведениях они являются «отвлеченными лицами», а это доказывает, что у писателя «нет до сих пор *полного* понимания жизни».

О солидарности с Дудышкиным в оценке тургеневского образа «лишнего человека» и вообще всей деятельности писателя было заявлено в анонимной статье «Сына отечества» «Обзор литературных изданий» [85].

Статья Дудышкина написана туманно, в ней ощущается какая-то недосказанность, стремление утаить за историческими экскурсами и общими рассуждениями основную мысль — отрицательное отношение к творчеству Тургенева. Чернышевский прекрасно понял эту заднюю мысль Дудышкина и прямо указал на нее: «...видно, что критику хочется сказать что-то такое, чего он не решается высказать прямо 〈...〉, видно, что ему хочется пошатнуть нечто такое, до чего неловко ему коснуться. Видно, что ему хотелось бы возобновить суждения „Москвитянина“ и „Московских сборников“ о таланте и произведениях г. Тургенева, но что он не решается этого сделать» [86]. И Чернышевский становится на защиту Тургенева, нанося главный удар противнику по вопросу о положительном герое. Он резко выступает против неверного положения Дудышкина: идеал писателя должен гармонировать с обстановкой. Такой гармонии нет ни у одного поэта, начиная с Гомера и кончая писателями 1857 г., и поэтому нельзя судить Тургенева с этой точки зрения.

Чернышевский ставит автору «Рудина» в заслугу именно то, что его герои противостоят среде, находятся в конфликте с нею. Чернышевский разъясняет смысл слов Дудышкина «человек должен гармонизировать с обстановкой» и «трудиться». Это значит, угождать всем, никому не противоречить, приспосабливаться к обстоятельствам, «быть расторопным чиновником, распорядительным помещиком», иными словами, «устраивать свои дела так, чтобы вам было тепло и спокойно». Этот энергичный отпор Чернышевского Дудышкину, стремившемуся протащить в своей статье враждебную революционной демократии идею о положительном герое — практическом деятеле, идущем нога в ногу с правительством, находящемся в полной гармонии с социальной средой, ясно говорит о том, что Чернышевский не усматривал в романе Тургенева тенденции возвысить над Рудиным практика и либерального деятеля Лежнева и считал, что «лишние люди» по своему значению выше «практических деятелей» во вкусе Дудышкина.

Резкие возражения вызывает у Чернышевского тезис Дудышкина, что тургеневские «лишние люди», повторяя героев Баратынского, Лермонтова, являются для их творца идеалом. Рассматривая «лишних людей»

с исторической точки зрения, Чернышевский прекрасно понимает, что в образах Баратынского, Лермонтова и Тургенева отражена действительность разных общественно-политических периодов. Чернышевский отрицает также тождественность тургеневских героев между собой, которую подчеркивает Дудышкин. «Но какое же сходство между Пасынковым и Вязовниным, между Рудиным и Бретёром?»,— спрашивает он. Чернышевский одобряет критический подход Тургенева к Рудину. «Рудин изображен вовсе не идеалом — только в конце повести автор несколько смягчается к выведенному им типу и, думая, что уже с достаточною силою выставил его недостатки, говорит, что было в нем и нечто хорошее,— именно его пламенная ревность трудиться, трудиться неутомимо,— но, прибавляет он, возвращаясь к прежней точке зрения, с которой смотрел на него во все продолжение рассказа,— но эта ревность мало принесла пользы, потому что у Рудина недоставало практического такта, не было уменья взяться с надлежащей стороны за дело» [87]. Принимая тургеневский критицизм в отношении Рудина, Чернышевский настаивает на положительном значении этого типа людей. Рудины, как и его предшественники, проложили и очистили дорогу тем, которые должны сделать новый шаг вперед, чтобы со свежими силами стать во главе исторического движения. «Мы слышали от самого Рудина, что время его прошло; но он не указал нам еще никого, кто бы заменил его, и мы еще не знаем, скоро ли мы дождемся ему преемника. Мы ждем еще этого преемника, который, привыкнув к истине с детства, не с трепетным экстазом, а с радостною любовью смотрит на нее; мы ждем такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышалась бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может владычествовать над жизнью, и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями» [88].

Итак, Чернышевский не отказывается сейчас — в 1856 — начале 1857 гг.— от наследства 30—40-х годов. Время Рудиных прошло, их историческая роль сыграна, но эта роль была прогрессивной, несмотря на все свойственные им недостатки. Передовые дворянские интеллигенты этой исторической поры, при всей своей бездеятельности, подготовили почву, на которой вырастут их преемники — молодое поколение борцов. Так решает он вопрос о «лишних людях».

в. Спор о «лишних людях» и об идейном наследии 30—40-х годов в период революционной ситуации 1859—1861 гг.

Однако с конца 1857 г. Чернышевский начинает пересматривать свою прежнюю точку зрения. Толчком для этого послужило отношение прежних передовых деятелей к крестьянской реформе. После опубликования двух рескриптов Александра II (от 20 ноября и 8 декабря 1857 г.) о предстоящей ликвидации крепостного права все резче и глубже идет размежевание между двумя лагерями, революционно-демократическим и либеральным. Чернышевский и Добролюбов осознают полную неприемлемость для себя позиций либералов в крестьянском вопросе, резко и безоговорочно осуждают их активное содействие реформе «сверху», чтобы избежать народного взрыва и освобождения крестьян «снизу». Всё более убеждаются они в том, что подлинными наследниками «лишних людей» являются отнюдь не разночинцы-революционеры, а либералы с их двойственностью, с их прекрасными словами о служении народу и с их деятельной поддержкой царского правительства в реформе, имеющей целью обмануть и ограбить крестьян.

Нет нужды подробно излагать здесь точку зрения Чернышевского и Добролюбова 1857—1861 гг. на «лишних людей», так как она неоднократно анализировалась в научных работах, посвященных революционно-демократической критике. Следует напомнить лишь некоторые положения

первой статьи Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года», побудившие Герцена встать на защиту «лишних людей». Цель ее «изложить наши понятия о различии, какое мы делаем между прошлым и нынешним поколением». Добролюбов начинает характеристику старшего поколения с экскурса в прошлое: «Известно, что очень немногие из литературных деятелей, сделавшихся особенно заметными в последнее время, принадлежат собственно нынешнему времени. Почти все они выработались гораздо прежде, под влиянием литературных преданий другого периода, начало которого совпадает в истории... впрочем, что нам до истории: читатели сами ее должны знать... будем говорить только о литературе. В литературе начало этого периода совпадает со временем основания „Московского телеграфа“». И фигура умолчания, и ссылка на «Московский телеграф», который начал выходить в 1825 г.,— все это не оставляет никаких сомнений, что Добролюбов имеет в виду декабристов и их влияние, сказавшееся на передовых деятелях 30—40-х годов. Именно тогда появились «благородные и энергичные люди», понимавшие, что в России не все обстоит благополучно, и «желавшие, чтобы жизнь нашла свое отражение в печатном слове всеми своими сторонами, хорошими и худыми, и всеми своими стремлениями, близкими и далекими. Изобразителем этих сторон явился Гоголь, истолкователем этих стремлений — Белинский; около них группировалось несколько десятков талантливых личностей. Все они дружно принялись за свое дело и явились перед обществом действительно передовыми людьми, руководителями общественного развития».

Конец этого периода, указывает Добролюбов, совпал со смертью Белинского. Об усилившейся в России после французской революции 1848 года реакции Добролюбову приходится говорить опять обиняками. В эту эпоху прежние передовые люди надолго замолкли и ничего не делали. Лишь с середины 50-х годов, т. е. с момента «либеральной весны», наступившей в начале царствования Александра II, они опять заговорили. Добролюбов иронически называет их «зрелыми мудрецами», претендующими поучать молодое поколение, однако не могущими «стать в уровень с современными потребностями». Прежние деятели стали толковать даже не о том, на чем остановились в 1848 году, а о том, с чего некогда начинали. «И вот пошли повторения задов, пошли контроверсии о разных предметах — ясных и бесспорных, или мелких и пошлых». Люди старшего поколения превратились сейчас в бесполезных фразёров, в людей «маниловского характера». Они «проникнуты были высокими, но несколько отвлеченными стремлениями ⟨...⟩ выше всего был для них *принцип* ⟨...⟩ жизнь была для них служением принципу, человек — рабом принципа». Исходя из отвлеченных принципов и не умея разобраться в требованиях жизни, они постоянно попадали в фальшивое положение; испытывали вечное недовольство собой, подбадривали себя громкими фразами и терпели неудачи в практической деятельности. Вот почему молодое поколение, сначала относившееся к «зрелым мудрецам» с уважением, увидя их пустую болтовню, их требование идти медленным шагом — путем постепенных реформ,— отвернулось от них. Добролюбов отказывается признавать их наследниками современную молодежь — людей дела, реальных, с крепкими нервами. «Мы не поклонники учения о безусловной и регулярной преемственности поколений»,— замечает он. Из поколения 30—40-х годов критик выделяет Белинского и еще пять-шесть человек, «умевших довести в себе отвлеченный философский принцип до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности», а также Герцена и Огарева, о которых ему снова приходится говорить эзоповским языком («сильные люди», сумевшие вести непрерывную борьбу, сохранившие «свежесть и молодость сил», «люди будущего»).

В аллегорической форме Добролюбов характеризует революционное дело молодого поколения. Сравнивая его с игрой в шахматы, критик вы-

сказывает уверенность, что нынешние молодые люди, действуя осторожно и предусмотрительно, «заранее обдумав план атаки и беспрестанно следя за всеми движениями противника ⟨...⟩, добьются своего шаха и мата» [89]. Эти же положения Добролюбов продолжает развивать в статье «Что такое обломовщина?», где доказывает, что «лишние люди», начиная с Онегина и кончая Рудиным,— обломовцы, родные братья Обломова, страдающие той же социальной болезнью, что и герой Гончарова. Эта болезнь порождена феодально-крепостнической системой и проявляется в общественной инертности, пассивности, в речах, не поддержанных делами,— словом, в чертах, присущих сейчас именно либералам.

На статьи «Литературные мелочи прошлого года» и «Что такое обломовщина?» Герцен ответил статьей «Very dangerous!!!». Он возмущен ниспровержением в «Современнике» «лишних людей», видя в этом недооценку исторического значения передовых людей прошлого. Онегины и Печорины были в свое время «совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни». Трагизм «лишних людей» в том, что они осознали себя как личность, но в тисках николаевской реакции не могли найти дела. Теперь «время Онегиных и Печориных прошло», в России не может быть «лишних людей», потому что сейчас есть возможность дела — «к этим огромным запашкам рук недостает. Кто теперь не найдет дела, тому пенять не на кого, тот в самом деле *пустой* человек, свищ или лентяй». Таким лентяем и является Обломов. «Общественное мнение, баловавшее Онегиных и Печориных, потому что чуяло в них *свои страдания*, отвернется от Обломовых» [90]. Герцен считает нужным провести водораздел между старыми «лишними людьми», чья судьба была глубоко трагичной, и нынешними бездельными «лишними людьми», которые не трудятся, потому что они ленивы и апатичны, а не потому, что они не имеют возможности из-за общественных условий заняться делом.

Вопрос о преемственности новых деятелей от «лишних людей» был для Герцена существенно важным. Он полагает, что Чернышевский и Добролюбов игнорируют революционное наследие прошлого. Сам Герцен был представителем поколения, пробужденного декабристами. Ведь это он развернул революционную агитацию, которую «подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы...» [91].

С герценовской оценкой «лишних людей» в «Современнике» не согласились, и в мартовской книжке журнала 1860 г. в статье «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов снова повторил сказанное раньше: если в прошлом «лишние люди» имели значение, то теперь они выродились в бездельных, пустых и ленивых либералов, боящихся революции.

В свою очередь Герцен ответил Добролюбову в статье «Лишние люди и желчевики», где снова заступался за «лишних людей». Они были раньше «столько же *необходимы*, как *необходимо* теперь, чтоб их не было»,— замечает он. Герцен считает нужным прежде всего отделить от старой гвардии «лишних людей» нынешних «вольноопределяющихся в лишние люди», «оторопелых, нервно-расслабленных юношей, теряющихся перед упругостью практической работы». Он требует объяснения характера «лишних людей» историческими условиями, социальной средой и жизненными обстоятельствами. Те, кого называют «лишними людьми», были детьми, когда произошел разгром декабристов, но они уже успели испытать влияние тогдашних идей и вошли в жизнь с верой в «зарю пленительного счастья», хотя менее восторженные, менее непреклонные, чем люди декабристской эпохи. Вскоре они стали понимать все яснее, что против них — Николай I со всей своей хорошо разработанной системой угнетения, что «*и народ не с ними* или, по крайней мере, что он совершенно чужой». Если прибавить к этому разочарование в идеях, шедших с Запада, то станет ясным, что у этих людей не было почвы под ногами, и им оставалось или «идти на служ-

бу или сложить руки и сделаться *лишними, праздными*». Только немногие, наиболее сильные, такие, как Белинский, умевший писать, и Грановский, умевший читать лекции, не опускали рук, а «множество людей с меньшими силами были парализованы и глубоко страдали этим». «Лишние люди» — без вины виноватые; их сформировала страшная эпоха царствования Николая I,— таков исторически правильный вывод Герцена.

Однако в то время как «лишние люди» вынуждены были предаваться тоске и тяжелым раздумьям, в Московском университете, в Царскосельском лицее выросли юноши, которые «пронесли через все царство мертвых душ, на молодых плечах своих, кивот, в котором лежала будущая Россия, ее живую мысль, ее живую веру в грядущее». Эти молодые люди, пишет Герцен, рано постарели, озлобились, стали «желчевиками», но они — шаг вперед. Однако как и «лишние люди», «желчевики» тоже сойдут со сцены, и даже скоро сойдут; им уже готовится смена [92].

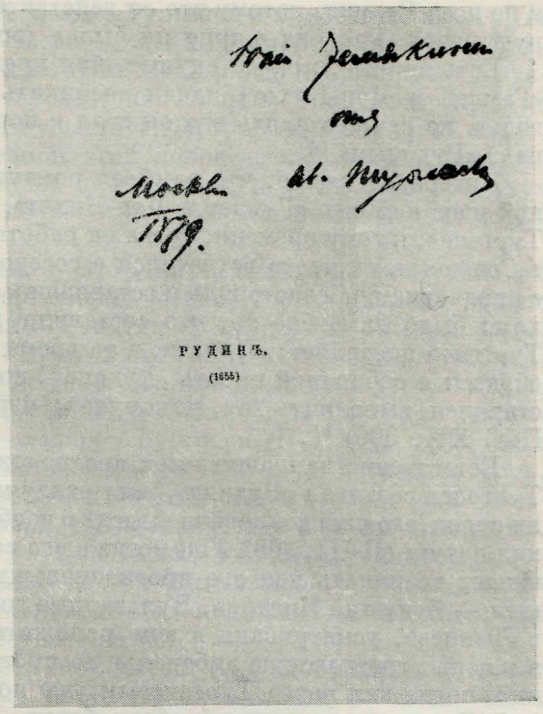
Желчевики в понимании Герцена — это Чернышевский, Добролюбов и их соратники. Герцен считает их преемниками «лишних людей», тоска и печаль которых перешла у них в озлобление и желчь, являющиеся естественным ответом на реакцию, воцарившуюся в России с 1848 г. В своем справедливом отрицании старой жизни они порой доходят до крайностей, и одной из них является их незаслуженная враждебность к «лишним людям» недавнего прошлого.

г. Позиция Тургенева в споре об идейном наследстве 30—40-х годов

Точку зрения Герцена на историческое значение «лишних людей» во многом разделял Тургенев. Прочитав статью «Лишние люди и желчевики», он в письме 12/24 октября 1860 г. благодарит Герцена, что он «за нас, лишних, заступился». Спор о «лишних людях» должен был его волновать — ведь в полемике этой, пускай косвенно, шла речь и о нем, писателе того же, что и «лишние люди», поколения 30—40-х годов. Ведь от него отказались и вели с ним борьбу в «Современнике», который много лет был «его» журналом, и резко указывали на неприемлемые сейчас для журнала литературные и общественно-политические позиции автора повести «Ася». Тургенев принял участие в споре о «лишних людях», вступив в него после опубликования Герценом статьи «Very dangerous!!!» и до написания статьи «Лишние люди и желчевики»: он сказал свое слово статьей «Гамлет и Дон-Кихот» и концовкой романа «Рудин», изображающей гибель его главного героя. Несомненно, он придавал этому эпизоду большое значение. Опасаясь, что «конец „Рудина“» может повлечь запрещение всех его «Сочинений», издаваемых Основским, Тургенев, тем не менее, внес его в текст романа, правда, приняв некоторые меры предосторожности. Не желая, чтобы критика обратила внимание публики и властей на новую часть эпилога, он передал через Панаева просьбу Чернышевскому не писать о ней. Чернышевский сообщил об этом в своих «Воспоминаниях».

Но и эта предосторожность не избавила Тургенева от беспокойства за цензурную судьбу второго эпилога. Не получив от Основского вышедшего в конце 1860 г. четвертого тома своих «Сочинений», где был напечатан с дополненным эпилогом «Рудин», он запрашивает Фета 11/23 января 1861 г.: «...мне собственно хотелось бы знать, попали ли в текст некоторые изменения и прибавления, как, например, конец „Рудина“».

Изображая смерть Рудина, писатель открывает в нем новую черту — героизм борца, способного пожертвовать жизнью во имя революции. Образ Рудина, гибнущего с красным знаменем на баррикаде, нужен был Тургеневу, чтобы подчеркнуть преемственную связь между людьми 30—40-х годов и современными деятелями.



РОМАН «РУДИН» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА:
«Юлии Темякиной от Ив. Тургенева. Москва 1879»
Сочинения И. С. Тургенева, ч. 3. М., 1874. Шмуцтитул
Литературный музей, Москва

Была еще одна причина, побудившая Тургенева революционизировать героя своего романа. Образ Рудина, погибающего на баррикаде, был для Тургенева удобным средством объяснить свое отношение к революции. Тургенев признает громадную моральную высоту революционеров, силу самопожертвования, на которое они способны, и в то же время отмечает бесполезность их героизма. Рудин появляется на вершине баррикады, когда защитникам ее стало ясно, что «восстание „национальных мастерских" было почти подавлено», когда они покидали разбитую баррикаду, которую вот-вот возьмут правительственные войска. Подвиг Рудина безрассуден — спасти проигранный бой он не сможет. Чтобы обнаружить это, Тургенев прибегает к приему выразительной, много говорящей детали. У поднявшегося на баррикаду Рудина в одной руке красное знамя — символ свободы, в другой — «кривая и тупая сабля». Сабля Рудина — бутафорское оружие. Она лишь символ борьбы, но борьбы безрезультатной.

В финале романа Тургенев протягивает нити от Рудина — Гамлета к Дон-Кихоту, от «лишнего человека» к революционеру. Исследователи творчества Тургенева не раз указывали, что статья «Гамлет и Дон-Кихот», напечатанная в «Современнике» (1860, № 1), является авторским комментарием к «Накануне». Тургенев толкует образ Дон-Кихота как героя-революционера, образ Гамлета как измученного анализом и рефлексией «лишнего человека»[93]. Сближение Рудина с Дон-Кихотом наметилось не только в концовке, но уже и раньше — в тексте романа. Уезжая из имения Ласунской, Рудин сравнивает себя с Дон-Кихотом. «...помните вы,— спрашивает он провожающего его Басистова,— что говорит Дон-Кихот своему оруженосцу, когда выезжает из дворца герцогини? „Свобода,— говорит он,— друг мой Санчо, одно из самых драгоценных достояний человека, и счастлив тот, кому небо даровало кусок хлеба, кому не нужно быть за него обязанным другому!" Что Дон-Кихот чувствовал тогда,— я чувствую теперь...» (гл. XI). Это сравнение с Дон-Кихотом — не фраза

и не поза Рудина, потому что он действительно «не пускал корней в недобрую почву, как она жирна ни была» (эпилог).

Есть данные, правда скупые, для предположения, что замысел статьи «Гамлет и Дон-Кихот» начал возникать у Тургенева уже в конце 40-х годов, но осуществлять его он стал в пору, близкую по времени к работе над «Рудиным» [94].

Интересно также, что замысел романа «Накануне», близкого по главной идее к статье «Гамлет и Дон-Кихот», тоже относится, как указал сам Тургенев, к тому времени, когда он работал над «Рудиным». Живя в 1855 г. в Спасском, он часто встречался с соседом Каратеевым, уехавшим вскоре с ополчением в Севастополь и оставившим ему тетрадку, где «беглыми штрихами было намечено то, что составило потом содержание „Накануне“». Тургенев добавляет: «Правда, в то время в моей голове вращались другие образы: я собирался писать „Рудина“, но та задача, которую я потом постарался выполнить в „Накануне“, изредка возникала передо мною» ПСС XII, 306) [95].

Естественно напрашивается предположение о том, что в период, когда Тургенев создавал «Рудина», жил раздумьями о «лишних людях» и сурово их судил, его уже волновала «мысль о необходимости *сознательно*-героических натур» (П III, 368). Уже тогда в его воображении рядом с Гамлетом начинает возникать как его противоположность Дон-Кихот, рядом с Рудиным — будущий Инсаров. Вульгарные социологи видели антипода Рудина в Лежневе, усматривали в нем положительное лицо, якобы проводящее в жизнь тургеневскую либеральную программу постепенных преобразований, тогда как перед Тургеневым уже носился в это время образ, полярный Рудину, героический образ борца. Писатель понимал, что Рудины сыграли свою историческую роль, и им на смену должны прийти новые люди, сильные и волевые, готовые отдать жизнь за великое дело. Он еще не находил в русской жизни таких деятелей, и тетрадка Каратеева помогла ему их увидеть. Каратеев «вывел меня из затруднения и внес луч света в мои, еще до тех пор темные, соображения и измышления» (ПСС XII, 307).

Родившийся еще в середине 50-х годов, замысел о необходимости для России «*сознательно*-героических натур», осуществляется в 1859—1860 гг. в статье «Гамлет и Дон-Кихот» и в романе «Накануне», когда уже ясно определилась в историческом процессе борьба двух тенденций — революционно-демократической и либеральной. Тургенев видел эту борьбу, осознавал ее и в связи с нею ставил вопрос о наследстве 30—40-х годов. Его развернутым ответом на этот вопрос, весьма близким Герцену, является статья «Гамлет и Дон-Кихот».

Не случаен выбор этих двух литературных героев. Гамлет — имя, уже ставшее нарицательным для «лишнего человека». Сам Тургенев одного из них назвал «Гамлетом Щигровского уезда», а Чернышевский, подхватив эту традицию, окрестил Буеракина, персонаж из «Губернских очерков» Щедрина, «Гамлетом Крутогорской губернии». Воспользовавшись образом Шекспира, он дает здесь беспощадный по отношению к «лишнему человеку» анализ его моральной и общественной никчемности. В той же статье Чернышевский вспоминает и Дон-Кихота. Чтобы показать оппортунизм либералов, он сопоставляет их с римским пропретором Верресом, управлявшим Сицилией, совершавшим там всякие беззакония и считавшим, что в силу создавшихся в Сицилии условий, он должен был действовать именно так: иначе бы «я разыгрывал в Сицилии роль Дон-Кихота. Carissime! глупо сражаться с ветряными мельницами. Поверьте: не нам с вами остановить могущественное действие крыльев, движимых силами стихий»,— такие, уничтожающие либералов слова вкладывает Чернышевский в уста Верреса [96]. Образ Дон-Кихота нужен Чернышевскому, чтобы противопоставить его либералу, считающему революционную борьбу бессмысленной.

В полемике по поводу «лишних людей» Тургенев и прибегнул к фигурам Гамлета и Дон-Кихота, уже ранее использованным в ней. В Гамлете и Дон-Кихоте Тургенев видит глубоко противоположные, но и органически связанные между собой исконные человеческие типы — тип отрицателя не только всего отживающего, но и существующего, и тип борца за новое. Они оба отражают «коренной закон всей человеческой жизни; вся эта жизнь есть не что иное как вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал» (ПСС VIII, 184).

Гамлет в толковании Тургенева — это эгоист, никого не любящий, все отрицающий Мефистофель, подвергающий беспощадному анализу любую мысль, любое чувство, безграничный скептик. В отрицании Гамлета скрыта большая прогрессивная сила. «Скептицизм Гамлета, не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непримиримо враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников той истины, в которую не может вполне поверить»,— говорит Тургенев (ПСС VIII, 183). Сила его отрицания громадна: она уничтожает и то, что надо истребить, и то, что следует пощадить. Трагизм гамлетовской личности, в которой разъединены ум и воля, в том, что она не знает, где остановиться в своем отрицании.

Воля, стремящаяся к идеалу,— Дон-Кихот. Его характерные черты— «высокое начало самопожертвования» во имя великих идей «правды, красоты, добра», вера в истину, деятельная любовь к людям, жажда жить для других, душевная чистота и нравственность.

Подводя итоги, Тургенев делает такой вывод: «...с одной стороны, стоят Гамлеты мыслящие, сознательные, часто всеобъемлющие, но также часто бесполезные и осужденные на неподвижность; а с другой — полубезумные Дон-Кихоты, которые потому только и приносят пользу и подвигают людей, что видят и знают одну лишь точку, часто даже не существующую в том образе, какою они ее видят» (ПСС VIII, 183—184). В чистом виде эти типы обычно редко встречаются: «в одном и том же живом существе оба воззрения могут чередоваться, даже сливаться до некоторой степени» (ПСС VIII, 173).

«Дон-Кихоты находят — Гамлеты разрабатывают», между ними необходимая и крепкая внутренняя связь. Значение Гамлетов в том, что «они образуют и развивают людей, подобных Горацию, людей, которые, приняв от них семена мысли, оплодотворяют их в своем сердце и разносят их потом по всему миру» (ПСС VIII, 189 и 190); Гамлеты — просветители, люди «доброго слова». За их мысли Дон-Кихоты жертвуют жизнью, совершают свои бессмертные добрые дела, которые «долговечнее самой сияющей красоты», потому что «все минется ⟨...⟩ одна любовь остается» (ПСС VIII, 191). Тургенев устанавливает преемственность, существующую, по его мнению, между Гамлетами и Дон-Кихотами, между «лишними» и «новыми» людьми. Как ни различны они, но между ними глубокая историческая связь. Дон-Кихоты революции, «новые люди», высоконравственные, готовые на самопожертвование, становятся «главными поборниками» той истины, в которую не могут до конца поверить полные сомнения Гамлеты.

Тургенев считает вполне закономерным появление в определенные исторические периоды революционных деятелей, и не случаен его интерес к ним. У нас принято считать, что Тургенев обращается к изображению революционой действительности 60-х годов вопреки своему либерализму — просто как писатель-реалист. Такой взгляд представляется нам неправильным [97]. Диалектика исторического развития убеждала писателя в неизбежности выступления Дон-Кихотов революции, заставляла размышлять над ними и воплощать их в художественных образах. И, что еще важно подчеркнуть, Тургенев признает более прогрессивным значение Дон-Кихотов, чем Гамлетов. Оба типа порождены жизненным процессом, в развитии которого существуют две силы — центростремительная, сила эгоизма,

воплощенная в Гамлете, и центробежная — принцип преданности и жертвы,— нашедшая свое выражение в Дон-Кихоте. «Эти две силы косности и движения, консерватизма и прогресса,— обобщает Тургенев,— суть основные силы всего существующего» (ПСС VIII, 184). Тургенев признает, что Гамлеты, «лишние люди», являются сейчас носителями принципов косности, консерватизма, тогда как Дон-Кихоты служат прогрессу. Однако это именно «лишние люди» посеяли те семена, которые в борьбе возрастят будущие деятели.

Кто был прав в этом споре о наследстве 30—40-х годов? Герцен и Тургенев или Чернышевский и Добролюбов?

Герцен был прав, потому что он мыслил широкими историческими категориями, беря все наследство 30—40-х годов в целом. Именно так говорил об этом наследстве В. И. Ленин: «Декабристы разбудили Герцена», «помогли *разбудить* народ». Герцен и другие деятели, пробужденные декабристами, развернули революционную пропаганду, а «ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы» [98]. Герцен и настаивал именно на такой преемственности.

Чернышевский и Добролюбов были правы, потому что в условиях революционной ситуации 60-х годов предшественники, «отцы», превратившиеся в либералов, играли уже не прогрессивную роль, а своим прекраснодушием, своей поддержкой реформ «сверху» мешали делу революции. Однако Чернышевский и Добролюбов были неправы, потому что, видя перерождение нынешних «отцов» в либералов-фразеров, отказывали им в прогрессивной роли, которую они играли ранее, когда были «детьми» (в период николаевской реакции), отвергали, за малым исключением, наследство 30—40-х годов.

Неправ был и Герцен, когда, исходя из верной исторической оценки этого наследства, защищал в статье «Very dangerous!!!» деятельность либералов, проявившуюся в мелком обличительстве, в защите «гласности», в общих рассуждениях о прогрессе, т. е. в том, что революционные демократы справедливо считали либеральным прекраснодушием, пустым фразёрством, уводящим от основных — революционных — задач.

Для нас, однако, важно сейчас не только установление степени правоты и неправоты полемизирующих сторон; существенно, что выяснение не исследованной до сих пор роли Тургенева в полемике по поводу идейного наследства 30—40-х годов объясняет одну из важнейших сторон его творчества 60-х годов: почему он, будучи либералом-постепеновцем, все же первым в русской литературе взялся за изображение русского революционера 1860-х годов.

д. Тургенев и крестьянская революция

Вопрос о степени приближения Тургенева в изображении революционеров 60-х годов к их социальному типу, вопрос об ошибках, им здесь допущенных, не менее важен. Он связан с отношением писателя к крестьянской революции.

Считая закономерным появление Дон-Кихотов революции, Тургенев все же бросает на них некоторую тень. В романе Сервантеса «высокое начало самопожертвования» схвачено с комической стороны (ПСС VIII, 172); Дон-Кихот «положительно смешон» со своей «тощей, угловатой, горбоносой фигурой, облеченной в карикатурные латы». Правда, Тургенев тут же оговаривается, что в смехе, который вызывает Дон-Кихот, «есть примиряющая и искупляющая сила» (ПСС VIII, 177), что «некоторая доля смешного неминуемо должна примешиваться к поступкам, к самому характеру людей, призванных на великое новое дело», что «без этих смешных чудаков-изобретателей не подвигалось бы вперед человечество — и не над чем было бы размышлять Гамлетам» (ПСС VIII, 189). Однако остается

РУДИН. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «РУДИН»
Рисунок В. М. Свешникова, 1953
Литературный музей, Москва

впечатление: как ни благородны цели современных Дон-Кихотов революции, как ни велика сила их самоотверженности и жертвенной любви, все же они смешны, потому что ничего не достигнут, ничего не изменят ничего не перестроят; они подобны Рудину, с тупой и кривой саблей бессмысленно гибнущему за проигранное уже дело революции [99].

С тургеневским истолкованием образа Дон-Кихота не согласился Добролюбов. Полемизируя с Тургеневым в статье «Когда же придет настоящий день?», он называет «смешными Дон-Кихотами» либералов. «Отличительная черта Дон-Кихота,— указывает он,— непонимание ни того, за что он борется, ни того, что выйдет из его усилий». Так и «Дон-Кихоты наши» «возятся попусту», то сражаясь с помещиками, злоупотребляющими властью, то с беззаконием и взяточничеством, а сами они плоть от плоти, кровь от крови общества, с которым сражаются. Русский Дон-Кихот из образованного общества «крепко связан с тем, на что должен восставать. Он находится в таком положении, в каком был бы, например, один из сыновей турецкого аги, вздумавший освобождать Болгарию от турок» [100].

Признавая благородство современных Дон-Кихотов революции, их большую нравственную красоту, Тургенев, тем не менее, не верит в возможность переделки революционным путем социальных отношений. Для него революционные демократы — «полубезумные Дон-Кихоты». Как говорил В. И. Ленин, Тургеневу «претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского» [101]. Хорошо известно, что Тургенев не принял идеи крестьянской революции. Так, Н. В. Щербань в своих воспоминаниях рассказывает, что во время беседы, происходившей в Париже в начале 60-х годов, на вопрос, что он думает о революционном движении в России, Тургенев заметил: «Сказано и останется верным: не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [102]. О том страхе, который не покидал Тургенева при мысли о крестьянской революции,

имеется много свидетельств. Одно из них, относящееся к 1858 г., весьма характерно. Это письмо Мериме, от 8 июня 1858 г., воспроизводящее услышанный от Тургенева рассказ. По его словам, сообщает Мериме, все, что делается в России для освобождения крестьян, «может повести к тому, что произойдет революция и всех дворян повесят. У него есть любимый лесничий, которого он имеет все основания считать вполне преданным. Тургенев решился спросить, присоединится ли он, в случае возмущения крестьян против помещиков, к восставшим и станет ли он его, Тургенева, убивать. Лесничий сильно побледнел и ответил, наконец, прерывающимся голосом „Конечно, присоединюсь". Что вы скажете о таком разговоре?» [103]. Боязнь крестьянской революции, этой, по мнению Тургенева, стихийной силы, все сметающей и уничтожающей, и заставляла его быть убежденным постепеновцем. Отрицая «всякий бунт и всякий заговор», он говорил: «не такими путями должны мы идти вперед» (П IV, 201).

Одним из существенных элементов либерализма Тургенева в этот период была мысль о возможном единении всех прогрессивных общественных сил, о сближении всех любящих родину. Уже в 1855 г. он мечтает о возможности такого слияния, и теперь продолжает думать об этом [104]. Ему казалось, что почвой для объединения может быть общая, глубокая и непримиримая, вражда к феодально-крепостнической системе и самодержавию. Однако для такого сближения не было оснований, потому что у демократов и либералов была разная стратегия и тактика, были разные цели: в одном случае социализм, завоеванный революционным путем; в другом — буржуазно-демократический строй, достигнутый при помощи постепенных реформ.

Эта идея о сближении передовых общественных сил на почве общенационального дела положена в основу характера Инсарова [105]. Высокая цель, которую стремится осуществить Инсаров,— освобождение родины от захватчиков — объединяет его со всем болгарским народом. «Заметьте: последний мужик, последний нищий в Болгарии и я — мы желаем одного и того же. У всех у нас одна цель», — говорит Инсаров (гл. XIV). Глубокие народные корни Инсарова увидел даже Шубин, сказавший: «Он с своею землею связан — не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся к народу: влейся, мол, в нас, живая вода!» (гл. XII). Это слияние всех в осуществлении великой, стоящей перед нацией цели дает человеку «уверенность и крепость», непреклонную волю, делает его «железным человеком», превращает в бойца, у которого нет конфликта между личным и общим. Инсаров не сможет «для удовлетворения личного чувства изменить своему делу и своему долгу» (гл. XVII).

Общенациональный характер задач, которые стремится разрешить Инсаров, несомненно, противопоставляется Тургеневым делу русской революционной демократии. Для Тургенева большими общенародными целями были национально-освободительная борьба, которой он глубоко сочувствовал, и освобождение крестьян мирным путем. Недаром он говорил, что «в России начиналась новая эпоха ‹когда готовились реформы.— *М. Г.*›, и такие фигуры, как Елена, Инсаров, являются провозвестниками того, что пришло позже» [106].

Отстаивая важнейшую общенациональную задачу — освобождение народа от крепостной зависимости,— Тургенев полагает, что ее решить нужно мирным, а не революционным путем, так как крестьянская революция явится страшным катаклизмом. Поэтому он считает ее сторонников — революционных демократов — «полубезумными Дон-Кихотами», стремящимися развязать разрушительные силы народного движения.

В вопросе о революции, как и в вопросе о наследстве 30—40-х годов, у Тургенева теперь снова некоторые общие с Герценом точки зрения. В этом отношении весьма характерно предисловие Герцена «От редакции»

к «Письму из провинции» «Русского человека», опубликованное в «Колоколе» (л. 64) 1 марта 1860 г., т. е. почти одновременно с речью Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» и романом «Накануне». На требование «звать к топору», звать к крестьянской революции, предъявленное ему «Русским человеком», Герцен отвечает: «Но к *топору*, к этому ultima ratio* притесненных, мы звать не будем *до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора*». Только в том случае, если большинство людей объединено одним громадной исторической важности стремлением, естествен и закономерен кровавый переворот. Так было в 1789 г. «1789 год увлек всех, вот отчего его непреодолимая сила. Тогда были минуты, в которые сердца Мирабо и Робеспьера, Сиэса и Лафайета бились одинаким образом; потом пришло с развитием разветвление, раскаяние и отчаянный бой». Подобно Тургеневу, Герцен полагает, что, защищая общенациональную идею, можно объединить большинство людей, даже разно мыслящих. В 1848 году не было «той веры, одной и нераздельной», как в 1789 году, а происходила непримиримая классовая борьба, ознаменовавшаяся страшными кровопролитиями. «Июньская кровь взошла у меня в мозг и нервы,— говорит Герцен,— я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности». Если в России произойдет народное восстание, то «это будет великое несчастие»,— полагает, как и Тургенев, Герцен [107].

В 1859—1860 гг. между Тургеневым и Герценом был известный идейный контакт, хотя имелись и существенные политические разногласия. Отношения Герцена и Тургенева на всем протяжении их знакомства, начавшегося в 40-х годах, менялись в зависимости от той общественно-политической позиции, которую занимал каждый из них в конкретно-исторических условиях эпохи. Начальные годы революционного подъема в России были временем наибольшей политической близости Герцена и Тургенева. Тургенев для Герцена сейчас — «величайший современный русский художник» [108]. Герцен следит за его литературной деятельностью, с большим сочувствием отзывается о его произведениях и видит в Тургеневе союзника и товарища. Он объясняет свое сближение с Тургеневым их общим чувством любви к родине, тревогой за ее судьбы, горячей жаждой освобождения народа, верой в его могучие силы. «Я верю в способность русского народа,— писал Герцен в обращенном к Тургеневу письме «Еще вариация на старую тему»,— я вижу по озимовым всходам, какой может быть урожай ⟨...⟩ Вот отчего, любезный друг, вы нашли созвучную струну в моем направлении».

По признанию Герцена, у него и у Тургенева одна и та же цель, хотя о средствах ее достижения они спорили. Общая цель — освобождение крестьян, уничтожение прогнившей феодально-крепостнической системы, задерживающей рост творческих сил народа. «Не станем спорить о путях,— обращается Герцен к Тургеневу,— цель у нас одна, будемте же делать все усилия, каждый по своим мышцам, на своем месте, чтоб уничтожить все заборы, мешающие у нас свободному развитию народных сил, поддерживающие негодный порядок вещей, будемте равно будить сознание народа и самого правительства. А потому и заключаю мое длинное письмо к тебе словами: На работу, на труд,— на труд в пользу русского народа, который довольно в свою очередь поработал на нас!» [109].

Совместная работа на пользу народа революционного демократа Герцена и либерала-постепеновца Тургенева стала возможной потому, что Герцен в это время, как указывал В. И. Ленин, колебался между демократизмом и либерализмом: «...Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного

* последнему, решительному доводу (лат.).

народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к „верхам". Отсюда его бесчисленные слащавые письма в „Колоколе" к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения ⟨...⟩ Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» [110].

Хотя в период подготовки крестьянской реформы либерал брал в Герцене иногда верх над демократом, он все же в решении крестьянского вопроса расходился с Тургеневым. Герцен готов был принять реформу «сверху», если она даст волю и землю крестьянам, но он примет и революционное решение крестьянского вопроса. «Освобождение крестьян с землею — один из главных и существенных вопросов для России и для нас. Будет ли это освобождение „сверху или снизу" — мы будем за него!» — говорит Герцен [111]. Герцен предпочитает сейчас «мирный путь», но он не исключает возможности и «пути развития кровавого».

Реформа «сверху», проведенная Александром II в интересах помещика, отрезвила Герцена, освободила его от либеральных иллюзий. Он понял, что только революционным путем можно разрешить крестьянский вопрос. А Тургенев навсегда остался противником революционных методов переустройства социальных отношений. Вот почему уже в начале 60-х годов Герцен и Тургенев пойдут разными путями. Тот контакт, который намечался ранее, будет разрушен [112].

Итак, выступив со статьей «Гамлет и Дон-Кихот» и дополнив «Рудина» новым эпилогом, Тургенев включился в полемику между Герценом и Чернышевским — Добролюбовым и стал в ней на сторону Герцена. Высказанные Тургеневым в ходе этой полемики мысли о революции и ее деятелях имеют большое значение для уяснения политических позиций писателя в период революционной ситуации 1859—1861 гг. Прежде всего, чрезвычайно интересна его мысль о закономерности появления в определенные исторические периоды революционных деятелей. Отсюда и проистекает устойчивый интерес Тургенева к революции, не покидавший его до конца жизни, отсюда его стремление разобраться в целях, стоящих перед деятелями революции, в их характере и действиях.

Второй эпилог романа «Рудин» и статья «Гамлет и Дон-Кихот» — отклик писателя на революционную действительность тех лет. В революционерах он видит замечательные черты, глубоко противоположные свойствам «лишнего человека» — волю, уменье достигать намеченной цели, чистоту стремлений, полный отказ от своего эгоистического «я», однако, несмотря на эти качества, их деяния кажутся писателю безрезультатными, а их цели — призрачными.

Нельзя не подчеркнуть, что в характере «Дон-Кихотов революции» Тургенев усматривает именно те черты, которые выдвигали на первый план деятели дворянского освободительного движения. Это тот же образ «гражданина», патриота, готового во имя родины пожертвовать жизнью. Он прошел большим планом через поэзию декабристов и Лермонтова.

Как и «лучших людей из дворян» предшествующей эпохи, Тургенева страшит широкое крестьянское движение, он видит в нем «бунт бессмысленный и беспощадный». Идее крестьянской революции Тургенев противопоставляет идею общенациональной борьбы за свободу родины, объединяющую всех (дело Инсарова), или же мирный путь реформ, для осуществления которого необходимы такие «сознательно-героические натуры», как Инсаров и Елена, без которых это дело не двинется вперед.

В период революционной ситуации 60-х годов Тургенев продолжает оставаться на позициях дворянского освободительного движения, к этому времени уже изжившего себя,— отсюда его конфликт с революционными демократами.

е. Чернышевский и Тургенев в 1860 г.

В небольшом эпизоде второго эпилога заключены мысли, весьма существенные для мировоззрения Тургенева начала 60-х годов. Обратили ли на них внимание революционные демократы или они остались ими незамеченными? Надо думать, что Чернышевский их учитывал, когда в «Полемических красотах» писал о причинах расхождения Тургенева и «Современника». Он имел в виду его «взгляд на вещи» [113], всю сложную и противоречивую систему его воззрений, среди которых самым неприемлемым для революционной демократии было его скептическое отношение к революции, сказавшееся в концовке «Рудина» и в статье «Гамлет и Дон-Кихот». Вот почему именно сейчас резко меняется оценка Чернышевским «Рудина»: из весьма благожелательной, почти восторженной, какой она была в 1856—1857 гг., она стала теперь крайне резкой и даже отрицательной.

В статье о книге «Собрание чудес. Повести, заимствованные из мифологии» Готорна Чернышевский отзывается о «Рудине» саркастически. Этой «прекрасной повести», как он иронически ее характеризует, он отказывает в художественности. По замыслу своему, пишет Чернышевский, «повесть должна была бы иметь высокий трагический характер, посерьезнее шиллерова Дон Карлоса, а вместо того вышел винегрет сладких и кислых, насмешливых и восторженных страниц, как будто сшитых из двух разных повестей». Такие несообразности получились потому, что автор хотел сначала вполне сочувственно изобразить в качестве своего героя человека, «имевшего самое сильное и благотворное влияние на развитие наших литературных понятий, затмевавшего величайших ораторов блеском красноречия,—человека, не бесславными чертами вписавшего свое имя в историю, сделавшегося предметом эпических народных сказаний» — Чернышевский имеет в виду Бакунина; но затем автор изменил свое намерение и стал «вместо портрета живого человека рисовать карикатуру, как будто лев годится для карикатуры» — Чернышевский объясняет это желанием Тургенева угодить своим литературным советникам [114].

Этот резкий и несправедливый полемический выпад, несомненно, был вызван тем, что Чернышевский не принял второй части эпилога, рисующей картину смерти Рудина, так как не мог согласиться с возможностью превращения «лишнего человека» в революционера,— вот почему, на его взгляд, роман оказался произведением противоречивым.

Естественно возникает вопрос, мог ли Чернышевский знать о характере второго эпилога, когда писал статью о Готорне, напечатанную в июньской книжке «Современника»?— ведь IV том «Сочинений» Тургенева с дополненным текстом «Рудина» вышел лишь в конце 1860 г. Надо думать, что знал. Подготовкой издания «Сочинений» Тургенев занимался в первую половину 1860 г. В письме к Герцену от 2/14 июня он просит выслать ему журнальные тексты «Поездки в Полесье» и «Аси»: «Мне эти повести крайне нужны — я продал полное издание своих сочинений и взялся всё пересмотреть, а срок уже проходит». Текст «Рудина», вероятно, был просмотрен ранее, потому что просьбу к Чернышевскому не откликаться на новый эпилог Тургенев мог передать через Панаева только во время своего пребывания в Петербурге — с 9/21 февраля по 24 апреля/6 мая. Выполняя поручение, Панаев должен был ознакомить Чернышевского с содержанием «конца „Рудина“».

Чернышевский выполнил просьбу Тургенева и ни словом не обмолвился о новом эпилоге, чтобы не привлечь внимания цензуры ко всему изданию сочинений Тургенева. Изощренный в языке намеков и околичностей, он стремился, тем не менее, глухо сказать, что именно последняя

часть эпилога, внесенная в 1860 г., придала двойственность образу Рудина и приблизила его к Бакунину, которого многие считали прототипом Рудина. Сам Тургенев связывал образ Рудина с личностью Бакунина [115]. В плане своей повести он поставил рядом с именем Рудина букву «Б» (ПСС VI, 464), но он не считал образ Рудина копией Бакунина. Тургенев с удовлетворением отнесся к мнению С. Т. Аксакова, увидевшего между Рудиным и Бакуниным лишь внешнее сходство, а не внутреннее. Для Аксакова оказалось важным, что Рудин — тип определенных людей, которых он не раз встречал на своем веку [116]. В ответ Тургенев писал: «Мне приятно также и то, что вы не ищете в „Рудине" копии с какого-нибудь известного лица... Уж коли с кого списывать, так с себя начинать» (П II, 340).

Личность Бакунина дала Тургеневу известный материал для создания обобщающего образа «лишнего человека». У Бакунина он заимствовал для Рудина лишь некоторые свойственные людям его поколения черты: замечательное красноречие, увлечение немецкой идеалистической философией. Однако Бакунин был далек от рудинской неспособности к делу. Уехав из России, он развернул за границей кипучую революционную деятельность. Индивидуально-бакунинское выступает в незначительных сторонах характера Рудина. Так, оба легко берут в долг деньги, спокойно живут на чужой счет. Но и эта бакунинская черточка в образе Рудина интерпретируется как психологический признак идеалиста 30—40-х годов, пренебрегающего жизненными благами и, как ребенок, относящегося к деньгам. Образ Рудина — типический образ, хотя в него вкраплены индивидуальные черточки молодого Бакунина [117]. В журнальном тексте сходство Рудина с Бакуниным не было слишком заметно. Но когда Тургенев дописал эпилог с картиной смерти Рудина, он значительно приблизил своего героя к Бакунину, участнику пражского народного восстания 1848 года и революционных событий в Дрездене в 1849 г.

Русские революционеры-разночинцы должны были считать Бакунина подлинным революционером. Вся жизнь Бакунина после событий 1848—1849 гг. (арест, смертный приговор, выдача царскому правительству, заключение в крепости, ссылка в Сибирь на вечное поселение) могли вызвать у них лишь глубокое сочувствие к нему как жертве царизма и реакции. Им не были известны его малодушие, проявленное в тюрьме, покаянная «Исповедь», признание своей революционной деятельности «политическим безумием», письмо к Александру II о помиловании. Они не могли предугадать политическое будущее Бакунина, когда мелкобуржуазное бунтарство приведет его к анархизму и он станет одним из его вождей. В этом причина того, что для Чернышевского Бакунин 40—50-х годов герой-революционер. Автор статьи о Готорне пишет о нем в эзоповской манере. Это — человек, «имевший самое сильное и благотворное влияние на развитие наших литературных понятий», «не бесславными чертами вписавший свое имя в историю»,— замечает Чернышевский, имея в виду не «литературные», а «политические» понятия, не вообще «историю», а историю революционного движения.

Новая трактовка Рудина в эпилоге — превращение его из «лишнего человека» в Дон-Кихота революции и приближение его к Бакунину — побудили Чернышевского дать резкую и несправедливую оценку романа в целом. Новый эпилог «Рудина», как и статья «Гамлет и Дон-Кихот», были для Тургенева «программными» произведениями, излагающими его взгляды на революцию. Для революционной демократии эти воззрения были неприемлемы. А противоречивое изображение Рудина (на парижской баррикаде — он лев, борец за свободу; в имении Ласунской — фразёр и позёр, бездельный человек) было воспринято Чернышевским как карикатура на Бакунина. Глубокое возмущение таким портретом революционера и заставило его вступить с Тургеневым в полемику, отвергнуть

«Рудина» с художественной стороны, предъявить Тургеневу обвинение в неумении строить произведение в целом и образ главного героя в частности. Статья о Готорне объявила войну Тургеневу. Вполне понятно, что Тургенев почувствовал себя оскорбленным и принял окончательное решение разорвать с «Современником».

В процессе работы «Рудин» превратился из повести со статичным, «вытянутым в струнку» характером главного героя в социально-психологический роман с широким охватом типических явлений русской жизни, с героем — культурным деятелем, характер которого дан в развитии и объяснен общественными условиями.

История создания романа «Рудин» была, несомненно, сложной. Естественно возникает вопрос, не нарушают ли цельность образа героя дополнения, сделанные Тургеневым в 1855 г. и 1860 г.,— ведь не раз критика упрекала его в противоречивости характера Рудина. В действительности этой противоречивости нет, а вносить новые эпизоды в биографию героя позволили композиционные принципы, положенные автором в основу создания образа.

Доработки и дополнения сделаны были Тургеневым не столько под влиянием друзей, особенно Боткина, как это принято считать, сколько под влиянием общественно-политических условий в России. Сложную историю создания романа «Рудин» нельзя понять, если ее изучение не связывать с идейно-политической борьбой 1855—1860-х годов. Уже в первой редакции романа, написанной в Спасском летом 1855 г., Тургенев глубоко критически подошел к «лишним людям», передовым дворянским интеллигентам 30—40-х годов, раскрыв их общественную несостоятельность. Это критическое отношение к передовым деятелям эпохи николаевской реакции было продиктовано исторической обстановкой в России, вызванной поражением в Крымской войне.

В эпилоге журнальной редакции 1856 г., изобразив Рудина старым, усталым, готовым на примирение с действительностью, Тургенев предугадывал те выводы, к которым с конца 1857 г. начнут приходить Чернышевский и Добролюбов, говоря о «лишних людях». Создав образ Покорского и поставив его над Рудиным, Тургенев наметил ту линию, которая должна идти от лучших людей 30—40-х годов к молодому поколению 60-х годов. Вот почему «Рудин» был тогда сочувственно встречен Чернышевским.

Однако по мере того как в России нарастала революционная ситуация, Чернышевский и Добролюбов отказываются от наследия «лишних людей», считают их «отцами» современных либералов, а не революционеров-просветителей. В разгоревшуюся по поводу наследства 30—40-х годов полемику между Чернышевским — Добролюбовым, с одной стороны, и Герценом, с другой, включился и Тургенев, внеся второй эпилог и поддержав Герцена. «Революционизирование» Рудина возмутило Чернышевского и побудило его изменить свое положительное отношение к роману на отрицательное, тем более, что новый эпилог романа и статья «Гамлет и Дон-Кихот» ясно обнаружили полную неприемлемость для Тургенева идеи крестьянской революции, хотя писатель считал вполне закономерным появление в определенные исторические периоды деятелей революции, признавал их высокую моральную красоту.

Идейные противоречия Тургенева, ярко сказавшиеся в конце 50—начале 60-х годов, являются характерными противоречиями дворянского освободительного движения, уже изжившего себя. Интерес к революционным деятелям проявляется у Тургенева не вопреки его либерализму, как это принято у нас полагать, а вытекает из его мировоззрения, на которое легла печать дворянского освободительного движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Современник», 1855, № 11, отд. V, стр. 87.

[2] О хронологии действия в романе «Рудин» — см.: В. В. Данилов. Хронологические моменты в «Рудине» И. С. Тургенева.— «Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук», т. XXIX. Л., 1925, стр. 160—166, а также примечания к «Рудину»: И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем Издание Академии наук СССР (в дальнейшем: ПСС), т. VI, стр. 568—569.

[3] Герцен АН, т. XIV, стр. 11.

[4] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 392.

[5] Письма Тургенева цитируются по вышедшим томам академического издания с указанием: П, том (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

[6] М. К. Клеман. Комментарии к «Рудину».— И. С. Тургенев. Рудин. Дворянское гнездо. Изд. 2-е. М.—Л., «Academia», 1936, стр. 423—448; Г. В. Прохоров. Творческая история романа «Рудин».— ТСб. Орел, 1940, стр. 108—135. Внешняя история работы Тургенева над «Рудиным» подробно освещена И. А. Битюговой в примечаниях к роману (ПСС VI, 549—556).

[7] Точку зрения Г. В. Прохорова принял С. М. Петров в «Послесловии» к роману «Рудин» (И. С. Тургенев. Рудин. М.—Л., Гослитиздат, 1950, стр. 132). На нее он ссылается и в книге «И. С. Тургенев. Творческий путь». М., Гослитиздат, 1961, стр. 187. Ее разделяет Г. Б. Курляндская в статье «О романе Тургенева „Рудин“» («Учен. зап. Казанского гос. ун-та», т. 116, кн. 1. Общеуниверситетский сборник, 1956, стр. 283) и в работе «Романы И. С. Тургенева 50 — начала 60-х годов».— Там же, т. 116, кн. 8. Кафедра литературы, 1956, стр. 27).

[8] Впервые опубликованы Прохоровым в названной статье по копии этих материалов, сделанной Н. В. Измайловым (хранится в ИРЛИ). Они включены в варианты романа «Рудин», напечатанные в VI томе ПСС Тургенева. Ссылки в нашей работе на план «Рудина» делаются по этому изданию.

[9] Г. В. Прохоров. Указ. статья, стр. 126—127.

[10] Там же, стр. 127.

[11] Н. В. Богословский. Литературные взгляды Тургенева.—«Красная новь», 1938, № 11, стр. 249—268; А. Лаврецкий. Литературно-эстетические взгляды Тургенева.— «Литературный критик», 1938, № 11, стр. 66—100; а также его кн. «Эстетические взгляды русских писателей». М., Гослитиздат, 1963, стр. 5—48; Н. Л. Бродский. Белинский и Тургенев.— «Белинский, историк и теоретик литературы». Сборник статей. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 323—342; Л. В. Павлов. Литературно-критические взгляды Тургенева 40-х годов.— «Учен. зап. Карело-Финского гос. ун-та», т. III, вып. 1. Петрозаводск, 1949, стр. 62—84; К. Г. Чмшкян. И. С. Тургенев — литературный критик. Ереван, 1957; Л. Н. Назарова. Тургенев-критик.— «История русской критики», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 509—530; Л. Н. Назарова. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853).— «Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 162—167.

[12] Письмо к Тургеневу от 10 июля 1855 г.— БиТ, стр. 61—62.

[13] Чернышевский, т. II, стр. 90—92.

[14] См. А. Лаврецкий. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М.,Гослитиздат, 1941, стр. 230; Б. И. Бурсов. Чернышевский как литературный критик. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 24; М. С. Каган. Эстетическое учение Чернышевского. Л.—М., «Искусство», 1958, стр. 60; Б. С. Рюриков. Н. Г. Чернышевский. Критико-биографический очерк. М., Гослитиздат, 1961, стр. 102—103.

[15] Чернышевский, т. II, стр. 73.

[16] Анненков пошел в оценке диссертации Чернышевского много дальше Тургенева, увидев в ней отрицание не только искусства, но и науки и просвещения: «Чернышевский написал книгу для магистра себе: об эстетическом отношении искусства к действительности наподобие Руссо: о вреде просвещения. Недурно, и нелепостями играет очень ловко. Замечательно, что он защитил бесполезность науки и ничтожество искусства в *Университете*» (Отрывок неопубликованного письма 1855 г., вероятно, написанного Анненковым Тургеневу вскоре после защиты Чернышевским диссертации.— ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 7).

[17] «Статьей Чернышевского <...> были здесь все недовольны, главное потому, что она служит как бы комментарием к запискам другого автора. Такая наивная откровенность вовсе неуместна»,—писал Боткин Тургеневу 10 ноября 1856 г. (БиТ, стр. 104—105). О том же в письме к Дружинину от 9 октября 1856 г., где Боткин просит передать Панаеву, «чтоб он остановил Чернышевского от дальнейшего развития последней статьи его», так как в Москве все возмущены ее несвоевременностью и ребяческой откровенностью, служащею комментариями к воспоминаниям другого автора. Это нехорошо и вредно».—Письма к А. В. Дружинину. Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948, стр. 50—51 (Летописи Гос. Лит. музея, кн. 9).

[18] «Статья о Белинском (IX книжка) произвела остервенелое бешенство на Бот-

кина и Анненкова: как, дескать, человек, говоря о Станкевиче и всей компании, прямо указывает и на живых людей, принадлежавших к этой компании... Трухнули очень; Анненков упирает на то, что будто бы все переврано Чернышевским. Вообразите, какой вышел изумительный случай, спасший редакцию „Современника" от окончательного яда Василия Петровича: при наборе, как-то нечаянно, выпало его имя, и таким образом, к величайшей радости Панаева, Василий Петрович не поименован. Хорошо, что так случилось, а то все телеграфы облиты были бы ядом!..» (Т. и круг «Совр.», стр. 284).

[19] См. также письмо к Панаеву от 3/15 октября и к Л. Н. Толстому от 16/28 ноября 1856 г.

[20] В письме от 16/28 декабря 1856 г. Тургенев горячо возражает Л. Толстому, обвинившему Чернышевского в фетишизации Белинского и в обращении к старине, которую не следовало бы трогать. Он рад, что сказана наконец правда о Белинском, ведь «дело идет об имени человека, который всю жизнь был — не скажу мучеником (вы громких слов не любите), но тружеником, работником спекулятора, который его руками загребал деньги и часто себе приписывал его заслуги. (Я сам был не раз этому свидетелем); вспомните, что бедный Б⟨елинский⟩ всю жизнь свою не знал не только счастья или покоя — но даже самых обыкновенных удовлетворений и удобств; что в него за высказывание тех самых мыслей, которые стали теперь общими местами, со всех сторон бросали грязью, камнями, эпиграммами, доносами; что он смертью избег судьбы, может быть очень горькой...» (П III, 60—61).

Б. М. Эйхенбаум в статье «Лев Толстой за чтением Белинского» («Молодая гвардия», 1956, № 2, стр. 232—234) указывает, что именно это письмо Тургенева побудило Толстого заняться чтением Белинского и пересмотреть свое отношение к критику.

[21] См. также письмо к Д. Я. и Е. Я. Колбасиным от 19/31 октября 1856 г.

[22] Вл. Бонч-Бруевич. От редакции. — «Письма к А. В. Дружинину», стр. 18-а — 18-г.

[23] Письмо Дружинина к Тургеневу от 27 июня 1855 г.— Т. и круг «Совр.», стр. 175. См. также его письмо к Тургеневу от 28 июля 1855 г. — Там же, стр. 186.

[24] Письмо Боткина к Некрасову от 19 апреля 1856 г.— «Голос минувшего», 1916, № 10, стр. 93.

[25] Письма к Тургеневу от 13 октября 1856 г. и 26 января 1857 г.— Т. и круг «Совр.», стр. 194 и 206.

[26] Некрасов, т. X, стр. 304.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174—176.

[28] Чернышевский, т. XIV, стр. 333.

[29] «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым».— В кн.: П. Анненков. Литературные воспоминания. ⟨М.⟩, 1960, стр. 408.

[30] Кроме Г. В. Прохорова, так же думает Г. А. Бялый — см.: «История русской литературы», т. VIII, ч. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 346; Г. А. Бялый. Тургенев и русский реализм. М.—Л., 1962, стр. 70. До Прохорова ту же мысль высказывал М. К. Клеман в кн.: «Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и творчества». Л., ГИХЛ, 1936, стр. 84.

[31] «Современник», 1855, № 5, отд. V, стр. 117.

[32] И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М. 1950, стр. 238—239.

[33] Об этом см. нашу статью «Первая повесть И. С. Тургенева „Андрей Колосов". (В поисках нового героя)».— «Учен. зап. Харьков. Гос. библиотечного ин-та», вып. V. Вопросы литературы, 1961, стр. 135—159.

[34] Предположение, что заключительной части XII главы не было в первой редакции романа, сделал М. К. Клеман в «Комментарии» к «Рудину» (И. С. Тургенев. Рудин. Дворянское гнездо. М.—Л., «Academia», 1936, стр. 441), аргументируя лишь тем, что она не предусмотрена планом. Мотивировки, предлагаемой нами, у него нет. С Клеманом согласна И. А. Битюгова, автор текстологического комментария к «Рудину» (ПСС VI, 556).

[35] Г. В. Прохоров. Указ. статья, стр. 127.

[36] Белинский, т. X, стр. 18, и т. XII, стр. 433.

[37] Герцен АН, т. IX, стр. 28.

[38] В. П. Боткин. Письмо к Фету от августа 1862 г. — А. Фет. Мои воспоминания, т. I. М., 1890, стр. 402—403.

[39] Там же, стр. 403.

[40] Добролюбов, т. II, стр. 209 и 210.

[41] Там же, стр. 208.

[42] С. И. Данелиа в работе «О романе Тургенева „Рудин"» («Статьи о русской литературе». Тбилиси, 1956, стр. 60—93) тоже считает, что Рудин был просветителем, но в доказательство своего положения идет иным путем. Он рассматривает характер философских воззрений Рудина и приходит к выводу, что тургеневский герой не был самостоятельным мыслителем, а выступал как пропагандист чужих философских идей, причем эта пропаганда в условиях николаевской России была актуальной и прогрессивной. Эти соображения не вызывают возражений. Однако вопрос о Рудиных в период возникновения революционной ситуации 60-х годов не мог быть только истори-

ческим вопросом, а являлся глубоко злободневным. Роман судил не только прошлое «лишних людей», но и их настоящее, их роль именно сейчас, в середине 1850-х годов.

[43] Н. Л. Бродский. Генеалогия романа «Рудин» — в сб. «Памяти П. Н. Сакулина». М., 1931, стр. 18—35.

[44] См. письмо Тургенева к М. Н. Толстой от конца июля—начала августа ст. ст. 1855 г. (П II, 303).

[45] «Библиотека для чтения», 1857, № 5, «Критика», стр. 40; см. также: А. В. Дружинин. Собр. соч., т. VII. СПб., 1865, стр. 370.

[46] Некрасов, т. X, стр. 259.

[47] См., например, статью Н. И. Пруцкова «В. П. Боткин и литературно-общественное движение 40—60-х годов XIX столетия». Н. И. Пруцков пишет: «Следует сказать, что благодаря Боткину „Рудин" является одним из произведений Тургенева, связывающих его с традициями кружка Станкевича и „Современника", с лагерем Некрасова—Чернышевского. Для Боткина это было одним из последних проявлений его симпатий к своему прошлому, одним из последних эпизодов, связывающих его с прогрессивной журналистикой и литературой» («Учен. зап. Грознен. гос. пед. ин-та», № 3, филологич. серия, вып. 3, 1947, стр. 97). Но Тургенев еще не расходился с «Современником» в период создания «Рудина», а потому «связывать» его с журналом не было нужды. К тому же Боткин хотел смягчить образ Рудина, т. е. ослабить критическое отношение к «лишним людям», чего ему не удалось достичь.

[48] Некрасов, т. X, стр. 254.

[49] Там же, т. IX, стр. 333.

[50] Чернышевский, т. III, стр. 351, 353, 222—223.

[51] Ап. Григорьев. Собр. соч. Под ред. В. Ф. Саводника, вып. 10. И. С. Тургенев и его деятельность. (По поводу романа «Дворянское гнездо»). М., 1915, стр. 20.

[52] Герцен АН, т. IX, стр. 35—36.

[53] У членов кружка Покорского тоже имеются реальные прототипы: Субботин — поэт Красов, Щитов — Клюшников, Шеллер — Кетчер. См. Н. Л. Бродский. Поэты кружка Станкевича.— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1912, т. XII, кн. 4. СПб., 1913, стр. 1—70; В. В. Данилов. Комментарий к роману И. С. Тургенева «Рудин». М., 1918, стр. 22—35.

[54] Герцен АН, т. IX, стр. 10.

[55] Там же, стр. 31.

[56] О том, что Покорский — «образ не только Станкевича, но и Белинского», пишет и Н. Л. Бродский в статье «Белинский и Тургенев».— Сб. «Белинский, историк и теоретик литературы». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 337.

[57] Чернышевский, т. III, стр. 179, 197, 198, 210—211.

[58] Добролюбов, т. III, стр. 62—63.

[59] В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». 1829—1836. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 178.

[60] С оценкой образа Покорского в вышеупомянутой статье С. И. Данелиа нельзя согласиться. Он полагает, что Покорский «только для того и введен, чтобы читатель мог сравнить с ним Рудина 〈...〉 Вся композиционная функция образа Покорского исчерпывается обрисовкою личности Рудина, и самостоятельного значения он не имеет» (стр. 69). С. И. Данелиа, несомненно, упрощает образ Покорского, сводя его значение к подсобной в отношении Рудина, чисто композиционной роли. В Покорском, как и в Рудине, обобщены определенные черты действительности.

[61] Герцен АН, т. IX, стр. 44.

[62] Там же, стр. 223—224.

[63] А. И. Незеленов. Тургенев в его произведениях. СПб., 1885, стр. 130—131.

[64] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Собр. соч., т. 7. История русской интеллигенции, ч. I. СПб., 1911, стр. 148—149, 150.

[65] В. В. Данилов. Комментарий к роману И. С. Тургенева «Рудин», стр. 48.

[66] С. Малахов. Творческий путь Тургенева.— Сб. «И. С. Тургенев. (К пятидесятилетию со дня смерти)». Л., ГИХЛ, 1934, стр. 29. До Малахова подобную точку зрения высказал Я. А. Роткович — см. его статью «„Лишние люди" в произведениях И. С. Тургенева».— «Литература и язык в политехнической школе», 1932, № 2, стр. 17—27.

[67] Е. И. Кийко. Роман Тургенева «Рудин». Послесловие.— В кн.: И. С. Тургенев. Рудин. М.—Л., Детиздат, 1950, стр. 132. Аналогичная точка зрения и у С. М. Петрова («Рудин». Послесловие.— В кн.: И. С. Тургенев. Рудин. М.—Л., Гослитиздат, 1950, стр. 131, и в его же вступительной статье «И. С. Тургенев. Критико-биографический очерк»). Иная трактовка этого вопроса дана С. М. Петровым в книге «И. С. Тургенев. Творческий путь». М., Гослитиздат, 1961, стр. 203—211. П. Г. Пустовойт (в кн.: «Иван Сергеевич Тургенев». М., 1957, стр. 48) придерживается той же, что и Е. И. Кийко, точки зрения.

[68] Эгоизм, как черта характера Лежнева, подчеркивается Тургеневым не только в эпилоге, но и раньше. Еще в начале романа, после первой встречи с Лежневым в каби-

нете Ласунской, Рудин объясняет его «желание быть оригинальным» — эгоизмом. «Во всем этом много эгоизма, — говорит он, — много самолюбия и мало истины, мало любви. Ведь это тоже своего рода расчет: надел на себя человек маску равнодушия и лени, авось, мол, кто-нибудь подумает: вот человек, столько талантов в себе погубил! А поглядеть попристальнее — и талантов-то в нем никаких нет» (гл. IV).

[69] М. Горький. История русской литературы. М., ГИХЛ, 1939, стр. 171, 176.

[70] В. Батуринский. К биографии И. С. Тургенева. 3. Воспоминания о И. С. Тургеневе американского писателя Хьялмара Бойезена. — «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 69.

[71] Выражение Тургенева в письме к Достоевскому от 2/14 марта 1862 г. (П IV, 348).

[72] В трех последующих изданиях — бр. Салаевых — Тургенев отделил «Рудина» от других романов и поместил его в одном томе с повестями 1850-х годов; однако в последнем прижизненном издании 1880 г. снова ввел его в группу романов и прямо назвал его романом в «Предисловии» к III тому.

[73] Окончательный разрыв Тургенева с «Современником» зафиксирован в его письме к Панаеву от 1/13 октября 1860 г. (П II, 139), но, как известно, разрыв этот подготавливался ранее.

[74] Н. А. Добролюбов. Письмо к С. Т. Славутинскому, ноябрь 1859 г. — «Огни», кн. 1. Пг., 1916, стр. 53.

[75] «Современник», 1856, № 3, отд. V, стр. 94—95 (см. также Некрасов, т. IX, стр. 388—390).

[76] Двойственность образа Рудина, на которую обратил внимание Некрасов, не раз отмечалась и в последующей критике (В. В. Данилов. Комментарий к роману И. С. Тургенева «Рудин», стр. 64—72) и в советском литературоведении.

[77] А. М. Гаркави в статье «Поэма „Саша“» («Некрасовский сборник», II. Под ред. Н. Ф. Бельчикова и В. Е. Евгеньева-Максимова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 151—170), сопоставляя Рудина и Агарина, приходит к выводу, что Тургенев изобразил деятеля прошлого, а Некрасов — современного либерала и дал его сатирический портрет. Что касается Агарина, А. М. Гаркави прав, но с его взглядом на Рудина согласиться нельзя — выше в нашей статье шла речь о слиянии в романе двух точек зрения на «лишних людей» — «исторической» и «современной». Выводы, сделанные в статье, не совсем убедительны еще и потому, что автором не учтены высказывания Некрасова о романе Тургенева.

В оценке образа Рудина мы полностью разошлись с Г. Н. Антоновой, автором статьи «Роман Тургенева „Рудин“ и журнальная полемика о „лишних людях“ в первой половине 50-х гг. XIX в.» («Учен. зап. Орловского гос. пед. ин-та», т. 17, Межвузовский тургеневский сборник, 1963, стр. 130—149). В основу этой работы положена плодотворная мысль об изучении «Рудина» в связи с полемикой вокруг «лишних людей», однако эта мысль не подтверждена анализом ни романа, ни критических отзывов о нем. Решительные возражения вызывает главный тезис исследовательницы: Тургенев «искал причины существования Рудиных прежде всего в самих свойствах человеческой личности» (стр. 149). Автору не удалось опровергнуть утверждение, что тургеневский «лишний человек» — типический характер передового дворянского интеллигента, сформировавшегося в условиях мрачной николаевской реакции 30—40-х годов, и доказать, что изображен он внеисторично, в некоей неизменной психологической сущности. В статье не вскрыты социальные корни колебаний Тургенева между славянофилами, учения которых он никогда не разделял, и Герценом, с которым у него было много общего (см. в том же сборнике интересную статью Л. В. Павлова «И. С. Тургенев и А. И. Герцен. К истории взаимосвязей в 40-е годы»).

[78] «Голос минувшего», 1916, № 9, стр. 182.

[79] «Современник», 1856, № 2, отд. V, стр. 205. — Курсив наш (см. Некрасов, т. IX, стр. 374).

[80] В. Боград. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959, стр. 291.

[81] Чернышевский, т. III, стр. 780. Более детальный анализ «Разговора отчасти литературного, а более нелитературного содержания» сделан нами в статье, подготовленной для III тома серии «Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева».

[82] «Современник», 1857, № 2, отд. V, стр. 358—364 (см. Чернышевский, т. IV, стр. 696—701).

[83] «Отечественные записки», 1857, № 1, отд. II, стр. 1—28. Вторая статья — там же, № 4, отд. II, стр. 49—72.

[84] А. В. Дружинин. Повести и рассказы И. С. Тургенева. — «Библиотека для чтения», 1857, № 5, отд. «Критика», стр. 39 (курсив наш). Хотя в своей статье Дружинин поставил перед собой задачу открыть в таланте Тургенева такие стороны, на которые до него еще не указывала критика, тем не менее он повторил Дудышкина не только в оценке «Рудина», но и в ряде других мыслей. На это было обращено внимание

в анонимной статье «Новая эстетическая теория „Библиотеки для чтения“» («Отечественные записки», 1857, № 4, отд. II, стр. 124—136).

[85] «Весьма замечательна также критическая статья г. Дудышкина о повестях и рассказах г. Тургенева. Критик верно оценивает всю двенадцатилетнюю деятельность писателя ⟨...⟩, доказывает ясно, как мелки идеалы, описываемые г. Тургеневым в его повестях. Это все тот же измельчавший Печорин, с жаждою деятельности, при душевной и телесной апатии, с презрением к скромному, честному труду, видящий в нем одну пошлость жизни и не понимающий, сколько пошлости заключается в этом страшном, даже комическом искании одних сильных ощущений, в стремлении сделать что-нибудь великое, ровно ничего не делая». — «Сын отечества», 1857, № 6, стр. 137. Автором статьи был В. Р. Зотов (см.: Б. Ф. Егоров. В. Р. Зотов — критик и публицист 1850-х гг. — «Учен. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 78. Труды по русской и славянской филологии, вып. II, 1959, стр. 141).

[86] Чернышевский, т. IV, стр. 701.— Эта мысль была ясна и многим другим современникам. Так, Е. Я. Колбасин, сообщавший жившему за границей Тургеневу литературные новости, изложил в письме к нему основные мысли статьи Дудышкина и дал ей такую оценку: «Недобросовестность и задние идейки, недостойные порядочного человека, делают всю критику гадчайшею ⟨...⟩ Возьмись за этот самый вопрос человек с чистой совестью, всякий волен был бы согласиться или не согласиться, но никто не был бы возмущен и не послал бы критику — подлеца». Дальше Колбасин пишет о возмущении Л. Толстого статьей Дудышкина (Т. и круг «Совр.», стр. 314).

[87] Чернышевский, т. IV, стр. 698—699.

[88] Там же, т. III, стр. 567—568.

[89] Добролюбов, т. II, стр. 62, 49—52, 56, 58—59, 61.— Эти намеки на революцию выброшены были из статьи Добролюбова цензором.

[90] Герцен АН, т. XIV, стр. 118—119.

Т. И. Усакина полагала, что статья «Very dangerous!!!» является откликом только на «Литературные мелочи прошлого года», потому что, как свидетельствует сам Герцен в письме к М. К. Рейхель от 20 мая 1859 г., его статья была закончена 8 мая (ст. ст.) 1859 г. По мнению Т. И. Усакиной, Герцен не мог ознакомиться со статьей «Что такое обломовщина?», напечатанной в пятой книжке «Современника» (подписана к печати 11 мая 1859 г.) еще и потому, что статья «Very dangerous!!!» была напечатана в «Колоколе», л. 44, 1 июня 1859 г. (Герцен АН, т. XIV, стр. 493). Однако в статье Герцена имеются места, явно перекликающиеся со статьей «Что такое обломовщина?», например, слова о том, что теперь, когда в России не может быть «лишних людей», «очень естественно Онегины и Печорины делаются Обломовыми». Герцен мог прочитать статью Добролюбова и внести дополнение в корректуру своей, ранее написанной, статьи.

[91] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

[92] Герцен АН, т. XIV, стр. 317, 320, 321, 325.

[93] См.: Н. Л. Бродский. Тургенев в работе над романом «Накануне» («Свиток», 1922, № 2, стр. 80—91); М. К. Клеман. Комментарий к «Гамлету и Дон-Кихоту» (Соч. 1930, т. XII, стр. 535—536); он же. Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и творчества. Л., 1936, стр. 113; он же. Комментарии к роману «Накануне» (И. С. Тургенев. Накануне. Отцы и дети. М.—Л., «Academia», 1936, стр. 519); К. Бонецкий. Послесловие к роману «Накануне» (И. С. Тургенев. Накануне. М.—Л., Гослитиздат, 1949, стр. 141—142); А. И. Батюто. Комментарий к «Накануне» (III, 376); Г. Б. Курлянская. Романы И. С. Тургенева 40-х — начала 60-х годов («Учен. зап. Казанск. гос. ун-та», т. 116, кн. 8. Кафедра литературы, 1956, стр. 96—98); Ю. Г. Оксман. Тургенев и Герцен в полемике о политической сущности образов Гамлета и Дон-Кихота.—«Научный ежегодник за 1955 г. Саратовск. гос. ун-т, филолог. факультет», отд. III, 1958, стр. 27; Ю. Д. Левин. Комментарий к статье «Гамлет и Дон-Кихот» (ПСС VIII); И. А. Винникова. И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Очерки и наблюдения. Под ред. Е. И. Покусаева. Саратов, 1965, стр. 6—30 (глава «Статья „Гамлет и Дон-Кихот“ и демократический герой в романе „Накануне“»).

При выходе в свет романа современники тоже отметили его связь со статьей «Гамлет и Дон-Кихот». См. Н. К-ский ⟨Н. Н. Булич⟩. Две повести Тургенева «Накануне» и «Первая любовь».— «Русское слово», 1860, № 5, отд. II, стр. 16; М. И. Дараган. О повести Тургенева «Накануне».—«Наше время», 1860, № 9.

[94] Первое упоминание о задуманной статье встречается в письме к Панаеву от 3/15 октября 1856 г., в котором Тургенев сообщает, что она будет готова до Нового года (П III, 19). Однако статья тогда не была написана. В письме к Панаеву от 6/18 марта 1857 г. Тургенев снова подтверждает, что статья «почти совсем готова» (П III, 106). По-видимому, он уже начал работать над ней. В описании черновой тетради из парижского архива Тургенева, сделанном А. Мазоном, упоминается план статьи «Гамлет и Дон-Кихот», на первом листе которого указаны даты начала и конца написания статьи: «Начато 11-го марта /27-го февраля 1857 г. в Дижоне, в середу. Кончено 28-го дек. 1859/9-го янв. 1860 г. в С.-Петербурге в понедельник. Писано с большими пере-

рывами» (M a z o n, p. 58. — По-видимому, эти даты относятся не к плану статьи, как полагает А. Мазон, а к ее тексту).

[95] Исследователи творчества Тургенева берут под сомнение это свидетельство писателя, ссылаясь при этом на два письма Тургенева к С. А. Миллер (в замужестве Толстой), от 12/24 октября 1853 г., где Каратеев уже упоминается в качестве знакомого, и к Некрасову от 29 октября/ 10 ноября 1854 г., в котором Тургенев сообщает, что привезет с собой из Спасского «небольшую, но очень недурную повесть Каратеева (которого ты у меня видел)». По-видимому, Тургенев предназначал ее для «Современника». На основании этих данных возникновение первоначального замысла «Накануне» отодвигают или к 1853 г., как это сделал без всяких пояснений А. И. Батюто в примечаниях к роману (III, 373), или к 1854 г., как предположил М. К. Клеман: «Судя по 〈...〉 письму Тургенева к Некрасову (29 окт. 1854 г.), рукопись Каратеева (вряд ли здесь идет речь о какой-нибудь другой) была известна Тургеневу еще за год до отъезда Каратеева на войну — не в 1855-м, а в 1854-м году» (Соч. 1930, т. VI, стр. 371). Эту же мысль Клеман высказывает и в комментариях к «Накануне» (И. С. Т у р г е н е в. Накануне. Отцы и дети. Подготовка текста и комментарии М. К. К л е м а н а. М.—Л., «Academia», 1936, стр. 498).

В академическом издании сочинений Тургенева комментатор (А. И. Батюто) относит предположительно возникновение замысла «Накануне» к 1853 или 1854 г. (ПСС VI, 496).

Однако это только гипотезы, которым можно противопоставить иные предположения. Прежде всего, неясно, почему изучающие историю творческой работы Тургенева над «Накануне» берут под сомнение воспоминания Тургенева о В. Каратееве и полагают, что Тургенев перепутал события, отнеся к 1855 г. передачу Каратеевым тетрадки с рассказом о своей любви к девушке, уехавшей с болгарином на его родину. В действительности Тургенев точен: то, что Каратеев уходил в Севастополь с ополчением в 1855 г., подтверждается письмом Тургенева к Дружинину от 20 августа / 1 сентября 1855 г., где он пишет: «Бедный Каратеев был у нас накануне выступления в поход с ополчением» (П II, 308). И нет данных для предположения, что память изменила Тургеневу, когда он в предисловии к романам (в издании «Сочинений» 1880 г.) рассказал о Каратееве и его тетрадке. Знакомство с Каратеевым в 1853 г. само по себе не может являться доказательством, что именно в этом году Тургенев получил тетрадку с описанием его отношений с девушкой, полюбившей болгарина. Неизвестно также, почему ставится знак равенства между «небольшой, но очень недурной повестью Каратеева», о которой Тургенев писал Некрасову в октябре 1854 г., и той тетрадкой, которую Каратеев передал Тургеневу, уходя на войну. Прочитав рассказ Каратеева, этот прообраз «Накануне», Тургенев заметил: «История этой любви была передана искренне — хотя неумело. Каратеев, действительно, не был рожден литератором» (XI, 406). Последнее замечание как бы подводит итог неоднократным впечатлениям Тургенева от проб пера Каратеева. «...романтик, энтузиаст, большой любитель литературы и музыки, одаренный при том своеобразным юмором», как характеризует его Тургенев (XI, 405), Каратеев мог «пописывать». Благожелательный к молодым начинающим писателям, Тургенев, возможно, хотел ему помочь в напечатании той повести, о которой идет речь в письме к Некрасову от 29 октября 1854 г., и ни откуда не следует, что эта повесть и была рассказом на сюжет будущего «Накануне», рассказом, не доведенным до конца, как указал Тургенев, «набросками», как, по его словам, называл их сам автор (XI, 406).

Вряд ли Тургенев захотел бы поместить в «Современнике» незавершенную вещь. К тому же, работая над «Накануне», Тургенев говорил, что «занят планом повести, мысль которой извлечена мною *из одного рассказа* Каратеева» (П III, 289). Выделенные нами слова «из одного рассказа» не оставляют сомнений, что у Каратеева были и другие произведения.

[96] Ч е р н ы ш е в с к и й, т. IV, стр. 295—296.

[97] См. об этом: М. О. Г а б е л ь. Вопросы изучения творчества И. С. Тургенева. Харьков, 1959.

[98] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261; т. 23, стр. 398.

[99] В литературе, посвященной статье «Гамлет и Дон-Кихот», было высказано мнение, что Тургенев со своей трактовкой героя Сервантеса выступил против интерпретации Герценом образа Дон-Кихота, данной в «Письмах из Франции и Италии» (1855). Говоря здесь об обанкротившихся деятелях революции 1848 г., Герцен характеризует их как смешных Дон-Кихотов. Позднее Герцен согласился с тургеневской оценкой Дон-Кихота и признал этот образ героическим. В «Концах и началах» (1862) он называет Гарибальди и Маццини «великими безумцами, святыми Дон-Кихотами».

[100] Д о б р о л ю б о в, т. II, стр. 229.

[101] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 206.

[102] Н. В. Щ е р б а н ь. Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем.— «Русский вестник», 1890, № 7, стр. 13.— Тургенев цитирует слова Гринева из «Капитанской дочки» Пушкина, гл. XIII.

[103] Цит. по статье Клемана «И. С. Тургенев и Проспер Мериме».— «Лит. наслед-

ство», т. 31-32, 1937, стр. 716.— Этот страх перед крестьянским движением до конца жизни не покидал Тургенева (см. воспоминания Я. П. Полонского «Тургенев у себя в его последний приезд на родину—в кн.: Я. П. Полонский. На высотах спиритизма. СПб., 1889).

[104] См. письмо к С. Т. Аксакову от 16/28 октября 1855 г. (П II, 317—318).

[105] См. письмо к И. С. Аксакову от 13/25 ноября 1859 г. Мысль, что в основу характера Инсарова положена идея общенациональной борьбы, была высказана М. К. Клеманом в комментариях к «Накануне» (И. С. Тургенев. Накануне. Отцы и дети. М.—Л., 1936, стр. 520—521).

[106] Письмо к Л. Фридлендеру от 25 декабря 1875/6 января 1876 г.

[107] Герцен АН, т. XIV, стр. 239, 242—243.

[108] Там же, стр. 270.

[109] Там же, т. XII, стр. 436.

[110] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 259.

[111] Герцен АН, т. XIII, стр. 363.

[112] В настоящей статье нет возможности остановиться на всесторонней характеристике отношений Тургенева и Герцена. Об этом см.: С. Рейсер. Тургенев — сотрудник «Колокола» (ТСб. Орел, 1940, стр. 136—147).

[113] Чернышевский, т. VII, стр. 713.

[114] Там же, стр. 449. — Чернышевский намекает на Боткина («рассудительного, умеющего так хорошо упрочивать свое состояние», «полученное по наследству») и на Анненкова («с таким достоинством держащего себя в кругу людей с состоянием», хотя и не получившего большого наследства).

[115] «Что за человек Бакунин, спрашиваете вы? Я в Рудине представил довольно верно его портрет»,— писал Тургенев М. А. Маркович 16/28 сентября 1862 г. То же рассказала со слов Тургенева в своих воспоминаниях Н. А. Островская («Тургеневский сборник». ⟨Пг., 1915⟩, стр. 95).

[116] С. Т. Аксаков. Письмо к Тургеневу от 18 февраля 1856 г.— «Русское обозрение», 1894, № 12, стр. 580.

[117] Вопрос о Бакунине как прототипе Рудина рассмотрен в статье Н. Л. Бродского «Бакунин и Рудин» («Каторга и ссылка», 1926, № 5, стр. 136—169), и нет нужды здесь снова возвращаться к нему.

«ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЕ АРАБЕСКИ» В «ДЫМЕ»

Статья А. Б. Муратова

1

Споры вокруг романа «Дым» — споры давние. Они начались еще в 1867 г., сразу же после появления романа, вызвавшего резкие нарекания многих русских читателей в России и за рубежом. Это были живые, часто раздраженные голоса современников. Острота полемики ярко свидетельствовала о том, что тургеневский роман стал фактом острой общественно-политической борьбы 60-х годов [1].

Спор о «Дыме» продолжается и в наши дни. Но теперь это спор о месте Тургенева в общественной жизни и его отношении к насущным проблемам времени [2].

Причину продолжающихся споров можно видеть в малой изученности романа и прежде всего — вопросов, связанных с общественной позицией писателя в 60-е годы. В ряду таких вопросов самой непроясненной, пожалуй, является проблема так называемых «гейдельбергских арабесок». Хотел ли Тургенев создать в «Дыме» памфлет против лондонской эмиграции, или основной удар романа направлен против мнимых, способных к ренегатству единомышленников Герцена? Ведь от того или иного решения этого вопроса во многом зависит интерпретация идейного смысла романа в целом.

Затянувшийся спор о политическом смысле «гейдельбергских арабесок» может быть разрешен путем непосредственного обращения к истории общественно-политической борьбы 60-х годов и прежде всего — к истории «молодой эмиграции». Ведь не случайно Губарев живет в Гейдельберге, а не в Лондоне. Назвав в письме к Герцену эти главы романа «гейдельбергскими арабесками», Тургенев подчеркнул тем самым связь своего повествования с историей русской студенческой колонии в Гейдельберге.

Вспомним некоторые факты. После временного закрытия Петербургского университета в 1861 г. немало русских студентов уехало в Гейдельберг. Их привлекал тамошний университет, в котором преподавали профессора, пользовавшиеся мировой известностью. Наиболее прогрессивная часть студенчества — многие из студентов были участниками волнений 1861 года в Петербурге, Москве и Казани — взяла на себя инициативу создания русской читальни. По свидетельству А. Л. Линева, одного из самых деятельных участников этой читальни, она была создана с целью «поддерживать, пропагандировать и укреплять» направление Герцена [3].

«Колокол» находился тогда на вершине своей славы, а имена Герцена, Огарева и Бакунина связывались с представлением о высоком революционном подвиге во имя России. В 1861—1862 гг. к Герцену ездили почти все члены читальни, ибо посещение Лондона считалось необходимым для всякого, кто становился или считал себя эмигрантом.

О тесной связи Лондона и Гейдельберга мы находим много свидетельств в письмах студентов, а также в воспоминаниях Н. И. Пирогова (он был послан для наблюдения за занятиями тех, кто за границей «приготовлялся к профессорскому званию»). «Лондон сделался Иерусалимом не только для русской молодежи, но и для людей серьезных, чуть не государственных,— пишет он. — Многие ехали туда, а многие возвращались оттуда через Гейдельберг...»[4]. Лондонские деятели, в свою очередь, внимательно следили за пополнением рядов эмиграции. Огарев, который более, чем Герцен, верил в возможность союза с новым поколением революционеров за границей, вел переговоры с гейдельбергскими организаторами читальни о практических действиях в период подготовки ожидавшейся крестьянской революции. Его письма членам гейдельбергской колонии и опубликованная недавно рукопись «Заграничные общества» (март—ноябрь 1862 г.) дают достаточное представление о революционно-пропагандистском плане, выработанном в Лондоне[5]. Издатели «Колокола», считавшие деятелей гейдельбергской читальни своими соратниками, безусловно видели неоднородность студенческой среды и были осведомлены об ее идейных расхождениях. Однако, веря в близкую революцию и готовясь к ней, они не хотели усугублять «раздор в нашем собственном лагере»[6]. Один из гейдельбержцев, Д. И. Воейков, пишет: «Гейдельбергская колония пользовалась особым благоволением лондонских вождей, издания их высылались даром в русскую читальню, которая должна была служить органом обращения новоприезжих»[7].

Молодежь активно помогала переправлять лондонские издания в Россию. Глава колонии В. И. Бакст и студент А. Ф. Стуарт, оказавший финансовую помощь, создали так называемую Бернскую типографию, которая взяла на себя часть изданий «Вольной русской типографии» в Лондоне. В Гейдельберге была издана «Сущность религии» Л. Фейербаха, предпринята попытка печатать свой периодический орган «Летучие листки» (вышел только первый номер, содержащий перепечатку листков «Великорусса») и т. д.[8]

В это время еще не столь острыми были разногласия как между старой и новой эмиграцией, так и среди самой молодежи за рубежом. Только что вырвавшиеся из России, полные ненависти к произволу царизма, эти, еще совсем юные «борцы», часто даже не отдававшие себе ясного отчета, с чем именно и как они будут бороться, верили, что здесь, за границей, они могут подготовить себя к настоящему делу на родине.

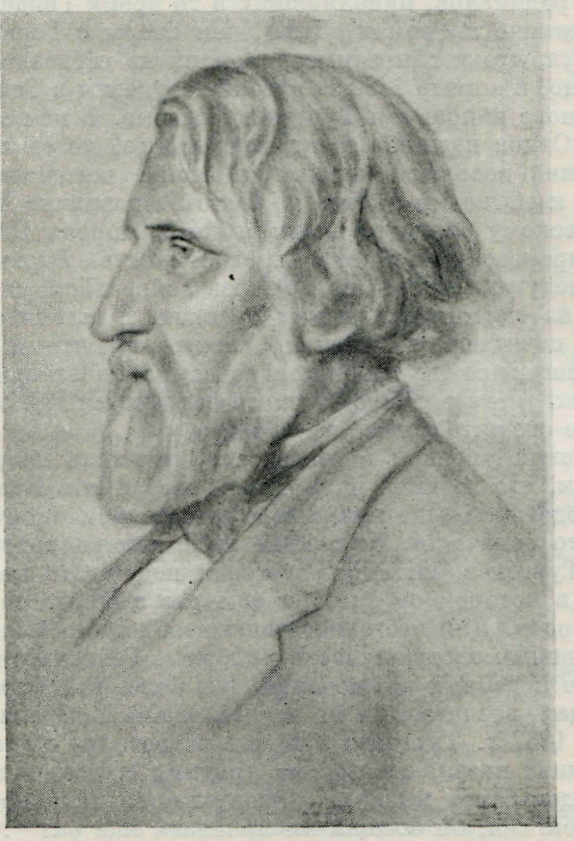
«Надо было поговорить тогда с каждым из этих невольных изгнанников,—писал Н. И. Пирогов,— чтобы составить себе понятие о той массе горечи и злобы, которая успела накопиться в сердцах несчастных юношей»[9].

Это был короткий (приблизительно до начала 1863 г.) период в деятельности русской эмиграции, когда, казалось, может быть достигнуто единство действий и взглядов молодежи и Герцена — Огарева. Молодежь смотрела на «лондонских старичков» как на своих учителей, таковыми считали себя и сами «лондонские изгнанники».

Роль Огарева в деле сближения молодежи и издателей «Колокола» была, как известно, особо значительной. Им был составлен революционно-пропагандистский план, он постоянно поддерживал связь с главными деятелями читальни В. И. Бакстом и В. Ф. Лугининым, он писал боевые агитационные статьи («Что нужно народу?», «Что нужно помещикам?», «Что надо делать войску?», «Что надо делать духовенству?»), которые должны были служить как бы руководством к действию. Молодежь видела в Огареве не только единомышленника и соратника Герцена: с его именем связывалась практически-агитационная линия «Колокола». «Поблагодарите от лица всех нас нашего любимого поэта — вашего друга за его общение с нами. С нетерпением ждем его статьи («Что надо делать войску?» —

А. М.>. В войске такая сила, которая может упрочить дело свободы. Надо только развить в нем не кровавые, а социальные инстинкты», — писал Герцену 1 ноября 1861 г. учившийся в Гейдельберге Я. Н. Ханыков [10].

Как же воспринял деятельность этой молодежи Тургенев? Как сложились его отношения с Герценом и гейдельбергскими студентами в 1862 г. и в какой мере эти отношения определили план «Дыма»? Ответ на эти вопросы дает изучение истории создания романа.



ТУРГЕНЕВ

Рисунок К. Ф. Лессинга (карандаш, мел). Баден-Баден, 1867

Внизу слева подпись и дата рукой художника. В правом углу — сведения о художнике, написанные неизвестной рукой

Эрмитаж, Ленинград

1862 год — остро переломный год в истории революционного движения и общественной мысли в России. Годы революционной ситуации, заставившие каждого яснее определить свою позицию и отношение к насущным задачам времени, способствовали четкому размежеванию демократов и либералов. Это было время, когда «все встало на свои места», как писал в «Прологе» Чернышевский, когда выявилось истинное значение деятельности различных общественных группировок. 1862 год стал значительной вехой и в жизни Тургенева. Он был годом окончательного расхождения писателя с «Современником», годом появления «Отцов и детей», годом обострившегося разлада Тургенева с издателями «Колокола». Весной он посетил Герцена и Огарева в Лондоне. Устные беседы положили

начало спорам, суровым и принципиальным, которые были продолжены Герценом в «Концах и началах», а Тургеневым — в частных письмах к нему. Это были споры о судьбах России и ее пути после реформы 1861 года [11].

Но могли ли углубившиеся разногласия вызвать у писателя намерение карикатурно изобразить людей, несогласных с ним во взглядах? Некоторые новые документы дают право утверждать, что события 1862—1866 гг., позволившие Тургеневу ближе познакомиться с новым поколением молодых радикалов, наполнивших в то время Гейдельберг, оказали не меньшее влияние на роман «Дым», чем споры с Герценом. При этом нельзя забывать, что и сам замысел романа не оставался неизменным.

Как известно, в апреле 1862 г. русские студенты в Гейдельберге через К. К. Случевского направили Тургеневу письмо. В нем молодежь осудила создателя «Отцов и детей» за отрицательную, по ее мнению, оценку нового поколения революционеров. Отношение революционно настроенной молодежи к «Отцам и детям» не было безразлично Тургеневу, и он ответил Случевскому большим письмом (14/26 апреля 1862 г.), пояснявшим смысл произведения и его направленность. Тургенев заканчивал свое письмо следующими словами: «Через Гейдельберг я не поеду — а я бы посмотрел на тамошних молодых русских. Поклонитесь им от меня, хотя они меня почитают отсталым... Скажите им, что я прошу их подождать еще немного, прежде чем они произнесут окончательный приговор.— Письмо это вы можете сообщить кому вздумается. ⟨...⟩ Работайте, работайте — и не спешите подводить итоги».

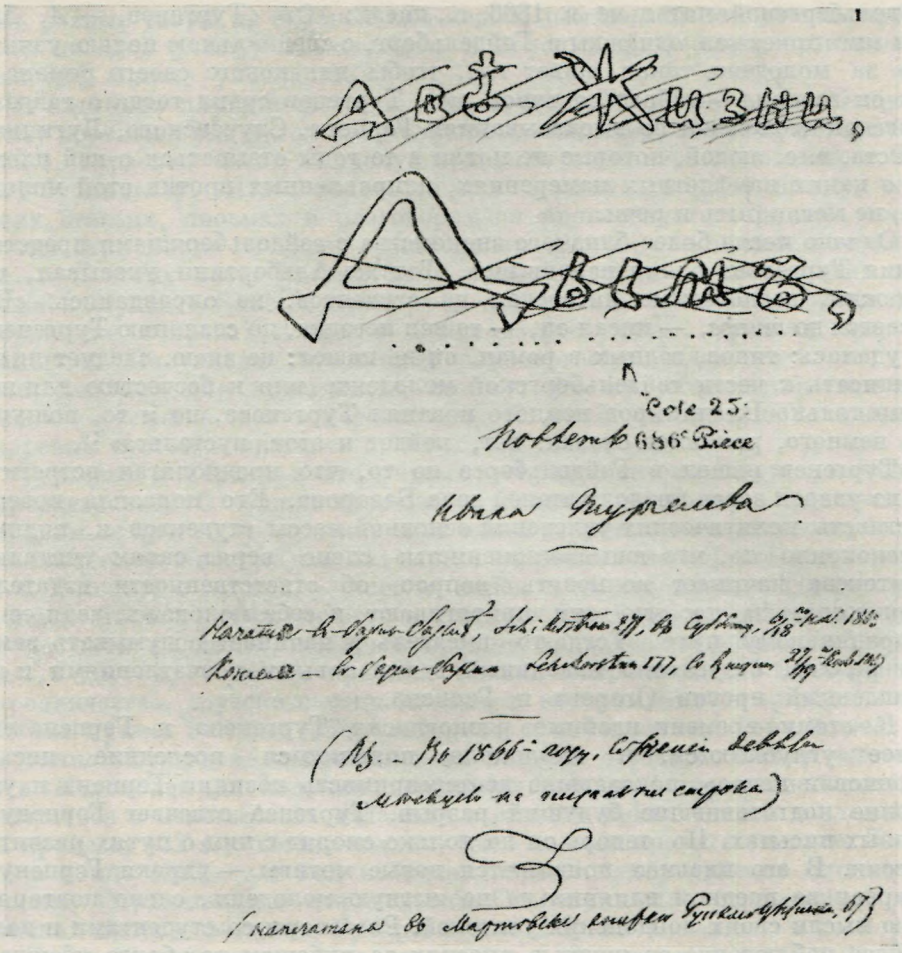
Сильно задетый упреком в отсталости, писатель не только убеждал студентов в том, что не имел намерения разоблачить Базарова, но и советовал им «подождать еще немного» с вынесением окончательного приговора. Что это означало? Не считая свою литературную деятельность законченной, Тургенев, видимо, советовал подождать появления нового произведения, в котором он смог бы еще раз выявить свое отношение к деятелю 60-х годов. Для этого писателю необходимо было лучше узнать думы и стремления молодежи после реформы. Гейдельберг был прекрасным местом для подобных наблюдений, тем более что Тургенев не мог не знать о надеждах, возлагаемых на эту молодежь издателями «Колокола».

В сентябре 1862 г. Тургенев впервые встретился с теми, кому писал несколько месяцев назад, отвечая на критику «Отцов и детей». Краткое посещение Гейдельберга вызвало у писателя желание поближе познакомиться со студентами; он обещал им приехать еще раз [12].

Через месяц он застал в Гейдельберге жаркие споры, в которых сам принял активное участие. Споры были вызваны обсуждением адреса царю. К составлению этого адреса Тургенев, как известно, имел самое непосредственное отношение [13].

Глубокий интерес литературы в начале 60-х годов к разночинцу, ставшему во главе революционного движения, не ослабевал и в дальнейшем. Но определившийся вскоре крах революционной ситуации явился для многих писателей доказательством неверности пути, по которому шли молодые демократы. Стремясь разобраться в многообразных и полных драматизма событиях 60-х годов, эти писатели часто были не в состоянии найти истинную причину бездействия новой общественной силы и стали приписывать это ее ошибкам, а нередко и гневно нападать на нигилизм. Так было, например, с Достоевским и Лесковым.

Изменившаяся обстановка, проявившаяся вскоре растерянность демократических сил сказались и на настроениях Тургенева. Либеральные взгляды не позволили писателю верно понять и оценить события 60-х годов. В период работы над «Дымом» неверие в правильность пути разночинной молодежи было присуще ему еще в большей степени, чем во вре-



«ДЫМ»

Черновой автограф, 1865—1867

Заглавный лист рукописи с вариантами названия романа и позднейшими записями Тургенева, уточняющими время его написания и напечатания

Национальная библиотека, Париж

мя работы над «Отцами и детьми». Оторванному от родины писателю, имевшему возможность следить за событиями, происходящими в России, лишь по сообщениям прессы и друзей, она представлялась в каком-то «газообразном состоянии», где нет ничего определенного и прежние «направления» и «партии» сами не знают, что делать и куда звать. В то же время писатель не желал делать поспешных выводов о перспективах деятельности и социальных устремлениях русской молодежи тех лет. Он не знал, скажет ли она свое новое слово в «эпоху великих преобразований», и потому хотел осмотреться и понаблюдать за ее жизнью. Для этого он и отправился в Гейдельберг; думая о новом романе, Тургенев считал необходимым познакомиться с образом мыслей молодых разночинцев там, где было наибольшее сосредоточение молодежи.

О том, что поездка в Гейдельберг была необходима Тургеневу *как писателю*, говорят свидетельства современников. Так, Н. В. Альбертини[14] отвечая на вопросы следственной комиссии по делу о

гейдельбергской читальне в 1866 г., писал: «Он ⟨Тургенев. — *А. М.*⟩ при мне приезжал однажды в Гейдельберг, с специальною целью узнать, что за молодежь такая живет там, чтобы для нового своего романа — так он говорил — набраться типов...»[15]. Тургенев судил тогда о гейдельбергской молодежи по высказываниям Герцена, Случевского, Лугинина, Бакста, т. е. людей, которые не могли в те годы отзываться о ней плохо; ни о каких памфлетных намерениях, направленных против этой молодежи, не могло быть и речи.

Однако после более близкого знакомства с гейдельбержцами представления Тургенева о них изменились. Тот же Альбертини указывал, что надежды, возлагаемые писателем на студентов, не оправдались. «Что касается до *типов*, — писал он, — то вся поездка, по сознанию Тургенева, не удалась: типов, годных в роман, он не нашел: не знаю, следует ли это приписать к чести гейдельбергской молодежи или к бесчестию для нее. Один только Владимиров немного позанял Тургенева, но и то, пощупав его немного, романист сказал: нет, нейдет и этот, пустельга»[16].

Тургенев нашел в Гейдельберге не то, что предполагал встретить: он не увидел здесь продолжателей дела Базарова. Его поразила поверхностность политических увлечений основной массы студентов и, видимо, обеспокоило то, что юные «герценисты» слепо верят своим учителям. Тургенева начинает волновать вопрос об ответственности издателей «Колокола» за то, что они притягивают к себе молодежь, ведя ее по неправильному пути. Тогда-то писатель и начинает обдумывать замысел романа, безусловно навеянный этими новыми впечатлениями и направленный против Огарева и Герцена.

К этому времени идейные разногласия Тургенева и Герцена еще более углубляются: в «Колоколе» появляются последние письма «Концов и начал», показавшие непримиримость позиции Герцена и уже вполне подготовившие будущий разрыв. Тургенев отвечает Герцену в личных письмах. Но теперь он не только спорит с ним о путях развития России. В его письмах появляются новые мотивы — упреки Герцену и Огареву во вредном влиянии на неопытную молодежь, слепо повторяющую мысли своих лондонских учителей. Разговоры со студентами и дальнейшее наблюдение за жизнью русских за рубежом все более убеждали Тургенева в этом.

Тургенев, как и многие его современники, ошибочно сближал «русский социализм», проповедуемый издателями «Колокола», со славянофильством. Он был убежден, что Герцен присваивает себе давно обветшалое знамя славянофильской партии. Вот один из характерных упреков, содержащихся в письме к Герцену от 27 октября/8 ноября 1862 г., т. е. месяц спустя после посещения Гейдельберга: «...в силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свежую крупинку снега на иссохший язык, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и нам, должно быть дорого, по цивилизации, по законности, по самой революции, наконец — и, налив молодые головы вашей еще не перебродившей социально-славянофильской брагой, пускаете их хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге». Итак, с точки зрения Тургенева, Герцен и Огарев не только сами стоят на неверных позициях, но и наполняют «социально-славянофильской брагой» головы молодых людей.

Среди этих «молодых голов» были и гейдельбергские студенты, которые, по убедительному свидетельству Н. И. Пирогова, в 1862 г. все еще «боготворили Герцена и Бакунина». «Это была какая-то, уже именно неглубокомысленная, смесь западных социальных утопий на славянофильской канве, — писал Пирогов. — Наши община, вече, мирские сходки, с общей подачей голосов, служили этою канвою, по которой вышива-

лись разные узоры на европейский лад. Я помню, как эти утопии прельщали не одну учащуюся молодежь, и молодые профессора, ездившие за границу, немало увлекались» [17].

В пагубном влиянии на молодежь Тургенев особенно винил Огарева. Этому посвящен ряд писем писателя. Так, например, 21 ноября/3 декабря 1862 г. Тургенев писал Герцену, объясняя свое нерасположение к Огареву-публицисту: «Итак, Огареву я не сочувствую, во 1-х) потому, что в своих статьях, письмах и разговорах он проповедует старинные социалистические теории об общей собственности и т. д., с которыми я не согласен...» К этому месту письма была сделана весьма знаменательная приписка о студенте Бакстe, главе гейдельбергской читальни, ревностном сторонникe Огарева: «Бакст в Гейдельберге, напр., объявил мне, что „Николай Платонович не потому опровергает „Положение", что оно несправедливо для крестьян, а потому, что им освящается принцип *частной собственности* в России"». В. И. Бакст был вполне солидарен с Огаревым в этом вопросе.

Тургенев и Герцен в это время — представители двух различных мировоззрений. С одной стороны, — полное признание крестьянской реформы, с другой, — критика ее; с одной стороны, — отрицание революционных возможностей народа, вера в «меньшинство образованного класса в России», с другой, — вера в народ и «крестьянскую революцию»; с одной стороны, убежденность в том, что для России нет другого пути, кроме пути развития, который прошла западноевропейская цивилизация, с другой, — резкая критика Запада и проповедь, в духе раннего народничества, «русского социализма», к которому Россия придет своим особым путем. Это был спор либерала с демократом. Герцен вел его публично; Тургенев, лишенный возможности отвечать своему оппоненту в «Колоколе» (он получил неофициальное предостережение и совет не печататься в нелегальных изданиях в связи с привлечением к следствию по процессу «32-х»), хотел, видимо, тоже полемизировать открыто. Тогда-то, в конце 1862 г., и был набросан перечень действующих лиц нового романа. Отрицательное отношение к Огареву нашло отражение в этом списке: против фамилии Губарева стоит буква О.

Расшифровка этого имени, сделанная в 30-х годах нашего века, была правильна. Дополнительным доказательством тому служит следующее обстоятельство: по замыслу 1862 г. действие романа должно было быть хотя бы отчасти связано с Англией, где жил в это время Огарев. К списку «Главных лиц будущей повести: „Дым", 1862» Тургеневым сделана приписка: «Мертвая тишина *полудня* (в Англии, с Гарсией)» [18].

Но был ли реализован замысел 1862 г. так, как он был задуман? При сравнении состава действующих лиц в названном списке и в последней редакции «Дыма» может показаться, что автор осуществил свои прежние намерения: число основных героев в романе осталось тем же самым, произошли сравнительно небольшие изменения — Иван Петрович Суханчиков был заменен Матреной Суханчиковой, исчез Василий Васильевич Чекмезов, появился Бамбаев и т. д. Тем не менее, мы можем утвердительно сказать, что первоначальный замысел претерпел значительные изменения. В 1867 г. роман существенно отличался от того, который был задуман в 1862 г.: Англия даже не упоминается в окончательном тексте.

Судя по первоначальному наброску имен героев, автор собирался писать об «учителях», смущающих молодежь своими идеями. Именно в этом плане должна быть понята запись «Губарев — О.», подтверждаемая личным спором Тургенева с Герценом и Огаревым. Но в тексте 1867 г. разоблачаются не «учителя», а те, кто опошлял их идеи. Место учителей заняли вульгаризаторы их идей [19]. Герцен видел слабые стороны общест-

венного движения 60-х годов и остро критиковал их. Тургенев, в свою очередь, подметил и осудил эти слабые стороны. И хотя художественный суд писателя опирался на иные, чем у Герцена, идейные позиции, он не был направлен против издателей «Колокола».

В пору реализации замысла «Дыма» социальные взгляды Тургенева не изменились, но спор его с Герценом уже утратил свой открыто враждебный характер. Посылая 5/17 мая 1867 г. экземпляр своего нового романа Герцену и пользуясь этим случаем, чтобы возобновить прерванную связь с ним, Тургенев сам недвусмысленно указал на объект своей сатиры. Он писал: «...да сверх того, и Гейдельбергские мои арабески тебе, вероятно, не понравятся. Как бы то ни было — дело сделано. Одно меня несколько ободряет: ведь и тебя партия молодых рефюжиэ пожаловала в отсталые и в реаки; расстояние между нами и поуменьшилось».

Что это за «партия молодых рефюжиэ»? В 1862 г. молодежь Гейдельберга пожаловала, как мы видели, Тургенева в «отсталые», в данном письме к Герцену писатель сам напоминает об этом. Теперь, в 1867 г., эта молодежь, по словам Тургенева, отнесла к «отсталым» и Герцена. Сомнений нет, Тургенев говорит о «молодой эмиграции» и ее разрыве с лондонскими пропагандистами. Главными вехами этого разрыва явились: съезд русских эмигрантов в Женеве (1864 г.) и две статьи А. А. Серно-Соловьевича [20]. В 1862 г. новое поколение революционеров за рубежом увлекалось идеями Герцена. В 1867 г. молодежь уже считала «лондонских изгнанников» своими идейными противниками, сошедшими с арены общественной борьбы. Вот что имел в виду Тургенев, когда писал, что расстояние между ним и Герценом «поуменьшилось», их обоих эмигранты записали «в отсталые и в реаки».

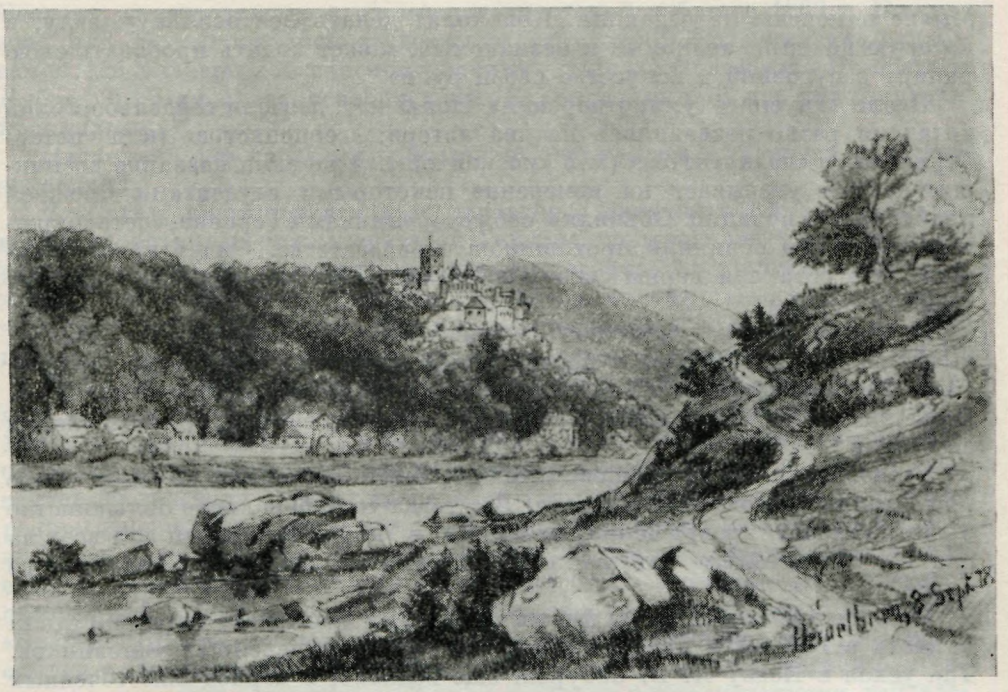
В адрес русской эмигрантской молодежи и была направлена теперь критика Тургенева.

2

Но прав ли был исторически Тургенев в своих суждениях о гейдельбергской молодежи? Какими реальными сведениями мы располагаем о ее деятелях? Освещение этого вопроса позволяет убедиться в правоте писателя.

Как уже было отмечено, в 1861—1862 гг. в Гейдельберге возникла русская читальня; тогда же была сделана попытка сближения молодежи и Герцена. Но уже осенью этого года среди студентов начались разногласия, быстро утратившие свой идейный характер. Это, в свою очередь, привело к падению роли читальни и вскоре к фактической ликвидации ее. Состав русской колонии оказался слишком пестрым. Настоящих революционеров, которые остались верны своим идеалам до конца, было немного (Н. Д. Ножин, В. И. Бакст, А. Л. Линев и некоторые другие), большинство гейдельбержцев составляли люди умеренных взглядов (В. Ф. Лугинин, Н. В. Альбертини, Г. С. Веселитский-Божидарович). Некоторые оказались «революционерами» только на час (Е. В. де Роберти, А. О. Преженцов). Немало было и реакционно настроенных, не скрывавших своей антипатии к демократически мыслящим студентам (А. и Д. Воейковы, В. И. Герье, В. И. Сергиевич, Л. И. Лаврентьев и другие). «Материалов для сатиры Гейдельберг мог доставить кучу, — писал один из критиков, посвятивших этой части „Дыма“ несколько обличительных страниц,— там были все оттенки, от ультра-красных, велико- и малороссийских радикалов до безобидных филистеров остзейского происхождения, мечтавших о популяризации в России интересов des gesammten Vaterlandes» [21].

В заграничных университетских городах оказались не только вынужденные изгнанники, но и те, которые гнались за «общественной модой». Радикализм последних был весьма поверхностным.



ГЕЙДЕЛЬБЕРГ
Рисунок (карандаш) Е. А. Греч, 1860-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Герцен «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма» [22]. «Процесс 32-х» показал, насколько действенна была пропаганда «Колокола». Смелыми статьями о Польше Герцен «спас честь русской демократии» [23]. Но это отпугнуло от него либеральную часть общества. Процесс размежевания ярко проявился и в среде гейдельбергских студентов, еще недавно называвших себя сторонниками Герцена. В 1863 г. началось «прозрение»: кончились «славные дела» гейдельбергской молодежи, кончилось и паломничество к Герцену в Лондон. Читальня, ставшая открытым для всех клубом, утратила свой политический характер [24]. Думается, что не только о либералах, открыто ставших после 1863 г. на сторону самодержавия, и не только о падении влияния «Колокола» в России сообщал Герцен в известном письме к Тургеневу от 29 марта/10 апреля 1864 г.: «Мы испытываем отлив людей с 1863 — так, как испытали его прилив от 1856 до 1862» [25]. Герцен, безусловно, имел в виду и многочисленных русских за границей, которые «осознали» свои «ошибки молодости» и «раскаивались» в них. Бывшие сторонники Герцена посылали теперь в редакцию «Колокола» письма, выражавшие недовольство направлением статей своих недавних учителей. Подобные послания вызвали уже в 1863 г. специальное письмо Герцена, в котором говорилось:

«Мы получили длинное письмо из Гейдельберга от 6 августа, автор не прочь, чтобы мы напечатали его без имени, но с нашим ответом. Мы не напечатаем ни имени, ни письма, ни ответа.

Мы еще раз просим всех господ, недовольных нами, посылать статьи в другие русские журналы, особенно когда в них, как в гейдельбергском послании, все так согласно с постановлениями императорской цензуры.

Мы не намерены из редакции „Колокола" делать фехтовальную залу, в которую каждый, знакомый и незнакомый, может ходить пробовать свою рапиру с пуговкой и искусство своей руки»[26].

После «гнусного умиротворения» Польши [27] деятели гейдельбергской читальни резко разделились на два лагеря: «герценистов» (или «петербуржцев») и «катковистов» (или «москвичей»). Уже само название возникших партий указывает на изменение некоторыми студентами прежней политической позиции. Объявляя себя сторонниками Герцена, «петербуржцы» тем самым обвиняли противников в ренегатстве. Они открыто говорили, что остаются верны своему учителю. Польский вопрос послужил началом борьбы.

Наиболее радикальная часть студенчества, во главе с В. Бакстом, вывесила подписной лист в пользу семей погибших повстанцев, другая, более многочисленная группа, во главе с реакционно настроенным В. И. Герье, организовала подписку в пользу солдат, погибших при подавлении восстания [28].

Разногласия среди членов читальни были настолько сильны, что о примирении не могло быть и речи. Вот тогда-то либеральное большинство и потребовало превращения читальни в клуб, открытый для всех за плату. «Герценисты» отказались принимать участие в делах этого клуба.

В то же время многие из бывших активных «деятелей» читальни стали уезжать в Россию и превращались там в благонамеренных чиновников. Так уехал в Пензу Я. В. Сабуров, еще недавно, в период ожесточенных споров, объявлявший себя «герценистом». Узнав, что он стал судебным следователем, сторонник левого крыла читальни Линев писал 21 января 1865 г.: «Неужели тысячи трудовых рублей (крестьянских — мы еще старого завета с вами), потраченных на нас, должны были достаться человеку, который берет на себя общественные обязанности только из-за того, чтобы убивать скуку. И не значит ли это оживлять умирающее чиновничество, эту нарисованную форму без смысла. Не верю, не верю, чтобы это был Яков Сабуров. Вашу руку, Сабуров, и пойдемте вместе» [29]. Но Сабуров, как и многие другие, уже не мог идти прежним путем.

С 1864 г. все меньше становится русских учащихся в Гейдельберге: они, минуя теперь не только Гейдельберг, но и Лондон, направляются прямо в Женеву, куда и переместился центр русской революционной молодежи за границей. Ко времени, когда в России возникло дело «о лицах, бывших основателями или членами устроенной в Гейдельберге русской читальни, цель которой состояла в распространении революционной пропаганды», оказалось, что почти все, привлеченные к дознанию комиссией Муравьева, уже разочаровались в своей «революционной» деятельности. Период спада революционного движения оказал воздействие и на умонастроение недавних «радикалов». Суровый приговор по делу о читальне явился следствием страха правительства, напуганного выстрелом Каракозова. Массовые аресты и ссылки только из одного подозрения в сочувствии «нигилизму» стали обычным явлением.

К следствию были привлечены: А. Л. Линев, С. Т. Константинов, В. И. Бакст, В. Ф. Лугинин, Н. В. Альбертини, Н. Л. Владимиров, А. Ф. Стуарт, Г. С. Веселитский-Божидарович, В. Ф. Нагель, Н. Дубровин, Пав. А. Каннист, Ник. А. Неклюдов (число русских в Рейдельберге в 1862 г. достигало 60, но далеко не все они принимали участие в политических спорах). Названные лица (кроме Бакста и Лугинина) уже вернулись в Россию. Следственная комиссия имела возможность «расправиться» со всеми, но административным взысканиям подверглись только первые восемь человек. Это и были, как установило следствие, организаторы русской молодежи в Гейдельберге, люди, лучше других знавшие Герцена и

Огарева, участвовавшие в их пропагандистской работе в 1862 г. Вокруг этих лиц группировались студенты, с их судьбой была связана судьба самой гейдельбергской русской колонии. Нагель, Неклюдов, Капнист и Дубровин были сразу освобождены. Их образ мыслей не был признан крамольным.

Насколько же серьезным оказался радикализм «опасных» деятелей читальни?

В. Бакст, видный деятель студенческого движения 1861 г., один из немногих истинных последователей Герцена, пользовался большим авторитетом в среде эмиграции. С его именем связаны все крупные события в жизни гейдельбергских студентов: организация читальни, выход «Летучих листков», деятельность Бернской типографии и т. п. Вплоть до 70-х годов он не прекращал своих связей с семьей Герцена и Огаревым [30].

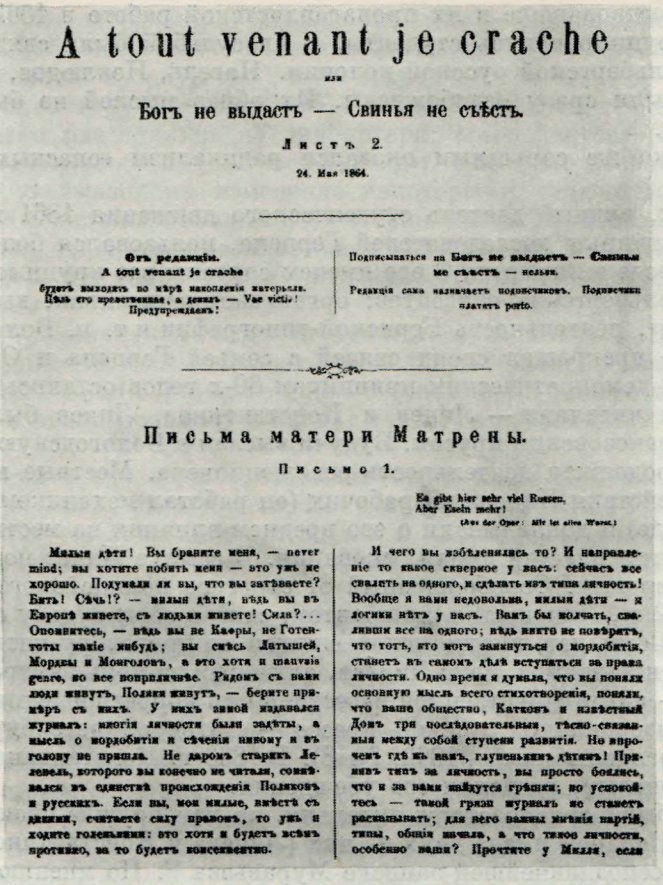
Верными демократическим принципам 60-х годов остались и два других деятеля читальни — Линев и Константинов. Линев был связан в 1866 г. с каракозовским кругом. Будучи выслан в Вологодскую губернию, он и там продолжал деятельность революционера. Местные власти опасались воздействия Линева на рабочих (он работал механиком на солеваренном заводе) и докладывали о его вредном влиянии на местное общество [31]. Опасения властей имели основания. В ссылке Линев познакомился с П. Л. Лавровым. Освобожденный от строгого полицейского надзора в октябре 1872 г., Линев стал эмигрантом, связав свою судьбу с журналом «Вперед!». Шесть лет, вместо полагавшихся по приговору пяти, провел в ссылке и Константинов, друг Линева, активный деятель эмиграции. Константинов — автор единственной известной нам корреспонденции гейдельбержцев в заграничной русской прессе — статьи «О петербургских пожарах» («Правдолюбивый», 1862, № 8). В 1866 г. Константинов был еще связан с Линевым, разделял его убеждения.

Таковы были организаторы читальни, не изменившие своих взглядов и в 1866 г. Недаром имена двух из них (Линева и Константинова) упоминаются во всеподданнейшей записке Муравьева [32]. По мнению комиссии, эти люди были наиболее «неблагонадежны».

Иная участь постигла других осужденных в 1866 г. Комиссия хорошо поняла, видимо, что они не представляют серьезной угрозы самодержавному государству. В 1869—1870 гг. сосланные (они были осуждены, как и Линев с Константиновым, на пять лет) уже были освобождены досрочно.

К активным деятелям читальни принадлежал и Лугинин, уехавший в Гейдельберг продолжать образование еще в 1860 г. Вскоре он становится главою, наряду с В. Бакстом, гейдельбергской читальни и сближается с Герценом. «Во время пребывания Лугинина в Лондоне Герцен переписывался с Гейдельбергом через Лугинина», — значится в «Справке III Отделения» [33]. Лугинин возил письмо Огарева с проектом адреса царю к Тургеневу и передавал тургеневский ответ в Лондон, он же помогал материально многим начинаниям эмиграции [34]. Но при всем этом Лугинин всегда оставался только либералом, чего и сам никогда не скрывал. «Как я ни стараюсь принудить себя, — писал он графине Салиас 30 ноября 1864 г., — а нигилистов pur sang * не могу я переваривать и, несмотря на все старания мои, остаюсь не более как жирондою» [35]. «Наука всецело увлекала меня, а политика скорее отталкивала, по крайней мере, в том виде, как в то время ее проповедовали тогдашние корифеи нашего движения, — писал он позднее.—Конечно, я был, как и большинство моих современников, горячий сторонник представительной формы правления и мирного разрешения нашего векового спора с Польшей. При этом, сколько я себя помню, я всегда враждебно относился к так называемому социальному

* чистокровных (франц.).



A tout venant je crache

или

Богъ не выдастъ — Свинья не съѣстъ.

Листъ 2.

24. Мая 1864.

Отъ редакціи.
A tout venant je crache
будетъ выходить по мѣрѣ накопленія матерьяла.
Цѣль его нравственная, а девизъ — Vae victis!
Предупреждаемъ!

Подписываться на Богъ не выдастъ — Свинья не съѣстъ — нельзя.
Редакція сама назначаетъ подписчиковъ. Подписчики платятъ porto.

Письма матери Матрены.

Письмо 1.

Es gibt hier sehr viel Russen,
Aber Esein mehr!
(Aus der Oper: Mir ist alles Wurst.)

Милыя дѣти! Вы браните меня, — never mind; вы хотите побить меня — это ужь не хорошо. Подумали ли вы, что вы затѣваете? Бить! Сѣчь!? — милыя дѣти, вѣдь вы въ Европѣ живете, съ людьми живете! Сила?... Опомнитесь, — вѣдь вы не Кафры, не Готентоты какіе нибудь; вы смѣсь Латышей, Мордвы и Монголовъ, а это хотя и mauvais genre, но все поприличнѣе. Рядомъ съ вами люди живутъ, Поляки живутъ, — берите примѣръ съ нихъ. У нихъ зимой издавался журналъ: многія личности были задѣты, а мысль о мордобитіи и сѣченіи никому и въ голову не пришла. Не даромъ старикъ Лелевель, которого вы конечно не читали, сомнѣвался въ единствѣ происхожденія Поляковъ и русскихъ. Если вы, мои милые, вмѣстѣ съ дикими, считаете силу правомъ, то ужь и ходите голенькими: это хотя и будетъ всѣмъ противно, за то будетъ консеквентно.

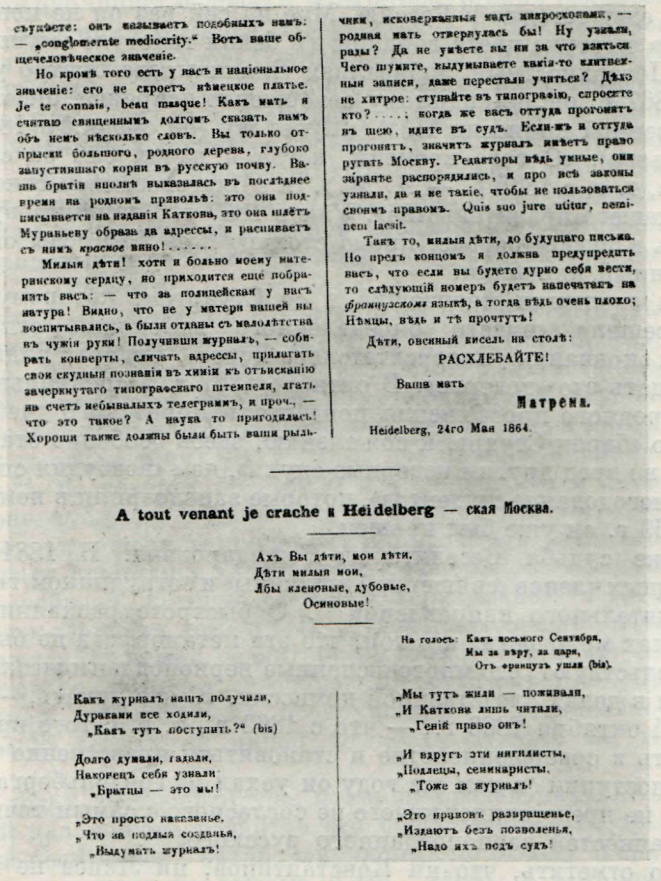
И чего вы взбѣленились то? И направленіе то какое скверное у васъ: сейчасъ все свалить на одного, и сдѣлать изъ типа личность! Вообще я вами недовольна, милыя дѣти — и логики нѣтъ у васъ. Вамъ бы молчать, свалявши все на одного; вѣдь никто не повѣритъ, что тотъ, кто могъ заикнуться о мордобитіи, станетъ въ самомъ дѣлѣ вступаться за права личности. Одно время я думала, что вы поняли основную мысль всего стихотворенія, поняли, что ваше общество, Катковъ и извѣстный Домъ три послѣдовательныя, тѣсно-связанныя между собой ступени развитія. Не впрочемъ гдѣ жь вамъ, глупенькимъ дѣтямъ! Принявъ типъ за личность, вы просто боялись, что и за вами найдутся грѣшки; но успокойтесь — такой грязи журналъ не станетъ раскапывать; для него важны мнѣнія партій, типы, общія начала, а что такое личности, особенно ваши? Прочтите у Милля, если

«A TOUT VENANT JE CRACHE, или БОГ НЕ ВЫДАСТ — СВИНЬЯ НЕ СЪЕСТ»
ЖУРНАЛ РУССКИХ СТУДЕНТОВ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ
Лист второй, 24 мая 1864 г., страница 1
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

движению, то есть насильственному разрешению социального вопроса, вполне сочувствуя вместе с тем всякому успеху кооперативного движения» [36]. Поэтому в споре Огарева и Тургенева в 1862 г. Лугинин стал на сторону последнего; он также ратовал за превращение читальни в открытый для всех клуб. Лугинин возлагал большие надежды на им же впервые организованное в России ссудо-сберегательное товарищество, построенное по образцу шульце-деличевской кооперации [37]. Но несмотря на умеренность взглядов Лугинина, Герцен ценил его, так как это был «честнейший, чистейший человек» [38]. Герцен считал, что только Лугинину можно было бы доверить материальную часть «Колокола» [39].

Трудно сказать, что повлияло на смягчение судьбы вернувшегося в Россию Лугинина: просительные письма его отца, богатого костромского помещика, или же другие, неизвестные нам обстоятельства. Но в 1867 г. Лугинину было разрешено жить в имении отца, затем — лечиться за границей; в 1869 г. с него уже был снят строгий полицейский надзор.

Но если Лугинин никогда не менял своих либеральных убеждений, то трое других (Владимиров, Стуарт и Веселитский-Божидарович), объявлявших себя крайними радикалами в 1862 г., через два года полностью выявили свою благонамеренность.



съуѣдете: онъ называетъ подобныхъ намъ: — „conglomerate mediocrity.“ Вотъ ваше общечеловѣческое значеніе.

Но кромѣ того есть у васъ и національное значеніе: его не скроетъ нѣмецкое платье. Je te connais, beau masque! Какъ мать я считаю священнымъ долгомъ сказать вамъ объ немъ нѣсколько словъ. Вы только отпрыски большого, родного дерева, глубоко запустившаго корни въ русскую почву. Ваша братія вполнѣ выказалась въ послѣднее время на родномъ приволѣ: это она подписывается на изданія Каткова, это она шлетъ Муравьеву образа да адресы, и распиваетъ съ нимъ *красное* вино!.....

Милыя дѣти! хоти и больно моему материнскому сердцу, но приходится ещё побранить васъ: — что за полицейская у васъ натура! Видно, что не у матери вашей вы воспитывались, а были отданы съ малолѣтства въ чужія руки! Получивши журналъ, — собирать конверты, сличать адрессы, прилагать свои скудныя познанія въ химіи къ отысканію зачернутаго типографскаго штемпеля, ягать въ счетъ небывалыхъ телеграммъ, и проч., — что это такое? А наука то пригодилась! Хороши также должны были быть ваши рыльчики, исковерканныя надъ микроскопами, — родная мать отвернулась бы! Ну узнали, разы? Да не умѣете вы ни за что взяться. Чего шумите, выдумываете какія-то клятвенныя записи, даже перестали учиться? Дѣло не хитрое: ступайте въ типографію, спросите кто? . . . . ; когда же васъ оттуда прогонять въ шею, идите въ судъ. Если-жъ и оттуда прогонять, значитъ журналъ имѣетъ право ругать Москву. Редакторы вѣдь умные, они зараніе распорядились, и про всѣ законы узнали, да и не такіе, чтобы не пользоваться своимъ правомъ. Quis suo jure utitur, neminem laedit.

Такъ то, милыя дѣти, до будущаго письма. Но предъ концомъ я должна предупредить васъ, что если вы будете дурно себя вести, то слѣдующій номеръ будетъ напечатанъ на *французскомъ* языкѣ, а тогда вѣдь очень плохо; Нѣмцы, вѣдь и тѣ прочтутъ!

Дѣти, овсяный кисель на столѣ:

РАСХЛЕБАЙТЕ!

Ваша мать

Матрена.

Heidelberg, 24го Мая 1864.

A tout venant je crache в Heidelberg — ская Москва.

Ахъ Вы дѣти, мои дѣти,
Дѣти милыя мои,
Лбы кленовые, дубовые,
Осиновые!

На голосъ: Какъ восьмого Сентября,
Мы за вѣру, за царя,
Отъ француз ушли (bis).

Какъ журналъ нашъ получили,
Дураками все ходили,
„Какъ тутъ поступить?“ (bis)

Долго думали, гадали,
Наконецъ себя узнали:
„Братцы — это мы!

„Это просто наказанье,
„Что за подлыя созданья,
„Выдумать журналъ!

„Мы тутъ жили — поживали,
„И Каткова лишь читали,
„Геній право онъ!

„И вдругъ эти нигилисты,
„Подлецы, семинаристы,
„Тоже за журналъ!

„Это нравовъ развращенье,
„Издаютъ безъ позволенья,
„Надо ихъ подъ судъ!

«A TOUT VENANT JE CRACHE, или БОГ НЕ ВЫДАСТ — СВИНЬЯ НЕ СЪЕСТ»
ЖУРНАЛ РУССКИХ СТУДЕНТОВ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ

Лист второй, 24 мая 1864 г., страница 2

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Как уже говорилось, Тургенев сначала заинтересовался первым из них, Владимировым, но быстро убедился в несерьезности его убеждений. И это понятно. Следствие установило на основании свидетельских показаний, что Владимиров в 1862 г. был «одним из наиболее резко высказывающих свои либеральные идеи»[40]. Однако в этих показаниях отмечаются и другие качества его личности. Студенты, знавшие Владимирова по Гейдельбергу, единодушно характеризуют его как человека, чей радикализм уживался с чрезмерной самоуверенностью и даже позерством; «...сильно увлекающийся демократ, самодовольный и самоуверенный в общем характер», — записал А. П. Баумгартен в своих ответах на вопросы следователя [41]. Стуарт же отметил, что еще в Петербургском университете у Владимирова была «репутация незначительного, но самоуверенного человека», даже наклонного к сплетне[42]. Разгадал этого «радикала» и Герцен. Но интересно, что на него, как и на Тургенева, Владимиров сначала произвел хорошее впечатление. «Владимирова я помню, — писал Герцен 18/30 января 1864 г. Н. А. Герцен и М. Мейзенбуг, — он очень хороший, кажется, молодой человек» [43]. Но когда перед отъездом в Россию в мае 1864 г. Владимиров явился к Герцену в последний раз, тот так писал своим детям о произведенном на него впечатлении: «Был у меня Воло-

димиров; он едет сегодня в Россию. Мне на сей раз он не понравился — фат и глуп, в сюртуке цвета горлицы и в белом галстухе с мушками—лебу пандан» [44]. Поверхностный либерализм Владимирова быстро улетучился. В декабре 1867 г. он, по-видимому совершенно искренне, писал председателю следственной комиссии П. А. Шувалову (он сменил в 1866 г. умершего Муравьева): «С того времени, когда я начал сам за себя думать ⟨с 21-го года, т. е. с 1865 г. — *А. М.*⟩, я с благоговением отношусь к направлению нашего правительства». Уже в 1867 г. Владимирову было разрешено жить в любом городе, кроме столиц [45]. В 70-е годы он — вполне благонамеренный чиновник.

Подобная эволюция произошла и со Стуартом, которому Комиссия вскоре разрешила «вместо определенного взыскания отправиться в г. Дерпт для окончания университетского курса». Стуарт, видимо, постарался оправдать это «доверие». В октябре 1867 г. в специальной записке министру народного просвещения попечитель Дерптского учебного округа писал, что «барон Стуарт, к сожалению, здесь особенно старается распространить во вред другим неверные слухи», чем «возбудил справедливое против себя негодование студентов», которые заподозрили в нем шпиона [46]. В январе 1869 г. он уже был прощен.

Такова же судьба Веселитского-Божидаровича. В 1881 г. он был одним из видных членов «священной дружины» и сотрудником газет и журналов охранительного направления [47]. О быстроте раскаяния Веселитского в «грехах молодости» и о том, что эта метаморфоза не была случайной, свидетельствуют его многочисленные верноподданнические письма, находящиеся в делах следственной комиссии. «Смею думать, — писал он, например, 14 октября 1866 г., — что с 1862 г., т. е. с того времени, как начал входить в совершеннолетие и становиться нравственно ответственным за свои поступки ⟨в том же году он уехал из Гейдельберга — *А. М.*⟩, жизнь ⟨моя⟩ не представляет ничего не согласного с самым точным выполнением обязанностей верноподданного русского» [48].

Интересно отметить, что ни Константинов, ни Линев не писали никаких просительных и «извинительных» писем, в то время как толстое, более чем на 500 листах, дело гейдельбержцев почти наполовину заполнено слезными письмами Владимирова, Веселитского и Стуарта. Они не без основания были удивлены первоначальной строгостью приговора — ссылкою на пять лет.

В упоминавшейся записке гр. Муравьева, кроме Линева и Константинова, было названо имя Альбертини, либерального критика «Голоса» и «Отечественных записок» А. А. Краевского. Связанный с демократическими кругами, Альбертини дважды (в 1861 и в 1862 гг.) подвергался аресту. Однако уже в конце 1862 г. он совершенно «разошелся во мнениях» [49] с Герценом и другими эмигрантами и, приехав в Гейдельберг, сторонился «душной» политической атмосферы. «Я избегаю всяких сношений с ними ⟨русскими. — *А. М.*⟩; но в таком городе, как Гейдельберг, нельзя же не встречаться соотечественникам», — писал Альбертини Краевскому 6 октября 1862 г. [50] «Его пятнадцатилетнюю ссылку по делу о гейдельбергской читальне нельзя не признать вопиющей несообразностью: никакой опасности для самодержавия этот человек уже не представлял», — справедливо указывал Б. П. Козьмин [51].

Итак, на вопрос, каков был радикализм деятелей гейдельбергской читальни, можно с уверенностью ответить: почти все они оказались лишь попутчиками Герцена и общественного движения. Но если таковы были «руководители» гейдельбержцев, то что же являла собою «масса»? Напомним кратко о некоторых ее представителях.

Н. И. Бакст, брат В. И. Бакста, в 1862 г. радикал и социалист, впоследствии совершенно отошел от общественного движения [52]. Он известен как

либеральный публицист «Слова» и «С.-Петербургских ведомостей», а в 80-х годах как сторонник Каткова. Преженцов — в 70-х годах сотрудник либеральных газет и журналов. Случевский уже в конце 60-х годов — реакционный публицист. А вот и видные чиновники: Неклюдов — товарищ министра внутренних дел, Капнист — управляющий канцелярией Министерства юстиции, Сабуров — сенатор. А. Ф. Кони вспоминал о некоем Г. Г. П..., который в начале 60-х годов «увлекался революцией», а в начале 70-х годов стал агентом III Отделения за границей [53].

Проследим подробнее за быстрой эволюцией общественных взглядов одного из рядовых и весьма типичных деятелей гейдельбергской читальни — Е. В. де Роберти.

В 60-х годах он, вместе с Преженцовым и Сабуровым, выпускал сатирический листок «A tout venant je crache *, или Бог не выдаст — свинья не съест» (в «Дыме» упоминается этот листок с примечанием: «Исторический факт»). Участники журнала претендовали на глубокое понимание явлений русской жизни и были убеждены, что им удалось это выразить в сатирических произведениях. Найденные два номера журнала не подтверждают этого [54], не говорит об этом и сохранившаяся в скупом пересказе С. Сватикова публицистическая статья де Роберти того же времени.

В статье, посвященной польскому вопросу, и в редактируемом де Роберти журнале громились «катковисты», говорилось о «судьбах польской и русской свободы», которые «связаны неразрывно» [55]. Де Роберти причислял себя к «герценистам» и был убежден, что «очень сошелся» с издателем «Колокола» [56]. А имя редактора «Русского вестника» было для этого гейдельбергского студента своеобразным ругательством. Однако Герцен быстро сумел распознать за поверхностным «герценизмом» типичный либерализм. В 1864 г. он пишет Огареву: «Ничего не жду от де Роберти» [57].

В 70-х годах де Роберти уже целиком предан научной деятельности, отразившей дальнейшее развитие его общественных воззрений. Он видный ученый-позитивист, автор «скучной», по отзыву Герцена [58], книги «Политико-экономические этюды» (СПб., 1869), в которой содержалось «опровержение» учения К. Маркса. В 80-х годах де Роберти счел возможным подписаться под прямым панегириком Каткову (которого он недавно так «ненавидел»), появившимся в «Новом времени» (1887, № 4091, 21 июля). Де Роберти писал автору статьи К. А. Скальковскому 5 августа 1887 г.: «Читал одну — и только одну — умную статью о Каткове и очень рад узнать, что она ваша. Статья в самом деле прекрасная, и с нею можно вас только поздравить. Читая ее, я даже удивлен смелости „Нового времени“, ее напечатавшего, и поэтому приписал ее сначала Суворину» [59].

В 1905 г. де Роберти примкнул к кадетской партии и выступал на заседаниях ее руководящих органов [60]. В 1915 г. он был убит в своем имении. Следствие установило, что «крестьяне не скрывают своей радости по поводу смерти де Роберти, крайне обострившего свои отношения с крестьянами возбуждением против них целого ряда судебных дел» [61]. Таков путь типичного либерала, вообразившего себя в 1862—1864 гг. «герценистом».

Гейдельбержцы быстро разочаровали Тургенева, но был ли он осведомлен об их дальнейшей эволюции?

Общение писателя со студентами, начавшееся в 1862 г., не прекращалось и в дальнейшем. Он хорошо знал Случевского, братьев Бакстов, Лугинина, Альбертини, обоих де Роберти[62] и, видимо, был знаком со многими другими. Гейдельбергская молодежь считала даже необходимым «информировать» автора «Отцов и детей» о своей жизни: так, например,

* «На всякого проходящего я плюю» (франц.).

он получал сатирический листок «Бог не выдаст — свинья не съест», выходивший в малом числе экземпляров и высылавшийся только избранным редакцией лицам. Тургенев продолжал посещать Гейдельберг. «Иногда съездишь в Гейдельберг — почитаешь — впрочем, без большого удовольствия», — писал он И. П. Борисову 5/17 июня 1864 г., жалуясь на отсутствие в Бадене русских журналов. «В первые годы пребывания своего в Бадене ⟨т. е. в начале 60-х годов.— *А. М.*⟩ Тургенев сиживал часто около кургауза, окруженный русскими студентами из Гейдельберга», —вспоминает товарищ Тургенева по Берлинскому университету [63].

Эти беседы и встречи показали Тургеневу наносный характер их общественных увлечений, отсутствие у них серьезных мыслей. В суждениях о духе молодежи, которую Тургенев увидел за границей, он опирался прежде всего на свои наблюдения над жизнью русской колонии в Гейдельберге, деятели которой оказались, по его выражению, «весьма обыкновенными колпаками». Подобные впечатления сложились не у одного Тургенева. Даже люди, более близко знавшие многих членов читальни и в общем сочувствующие им, отзывались об их деятельности отрицательно.

До нас дошли немногочисленные воспоминания о жизни гейдельбергских студентов. Авторы этих мемуаров — преимущественно либералы — не однородны в своих высказываниях о современной молодежи: одни из них относились к ней сочувственно, другие — насмешливо и раздражительно. Но и те и другие оказались единодушны в оценке ряда явлений, и это единодушие нельзя признать случайным совпадением. Шумиха, раздутое самолюбие спорщиков и несерьезность самих споров были отмечены и Пироговым [64], и Новицким [65], и Альбертини, почти дословно повторяющим слова Новицкого [66], и Л. Г. (корреспондентом «Голоса») [67], и Романовичем-Славатинским; об этом же говорят корреспонденции М. Волзовского и С. А. Усова в «Библиотеке для чтения» [68]. «Это был интересный момент в истории русской эмиграции, момент, изображенный Тургеневым в его „Дыме“, — писал, например, Романович-Славатинский. — Мне кажется, что некоторые лица этой повести срисованы с гейдельбергских оригиналов 1861 г.: по крайней мере, читая ее, я узнавал в ней моих коротких знакомых» [69].

О тех же качествах эмигрантской молодежи свидетельствовал и демократический деятель 60-х годов В. О. Ковалевский. После возвращения в Россию в 1866 г. Ковалевский, осведомленный о деятельности лондонских эмигрантов, был обвинен в шпионстве. Оскорбленный этими слухами, он вернулся за границу, чтобы выяснить источник сплетен. Ковалевскому сообщили, что слух этот распространял Н. Бакст в отместку за то, что Ковалевский был «невольным поводом» обвинения самого Бакста в нечестном поступке. Распространение сплетни было столь широко, что о ней узнал и Герцен. 14 сентября 1866 г. Ковалевский написал ему с целью опровергнуть нелепый слух. Вот отрывок из этого письма: «Вспомните, что я никогда не касался, бегал гнусной Баксто-Стуарто-Веселицко-Владимировской партии, ничтожной, самолюбивой, сплетничавшей, представлявшей в своей деятельности прообраз того, что мы видим в эмиграции после окончания спектакля...» В подтверждение своих высказываний Ковалевский ссылался на другую клевету, сфабрикованную в Гейдельберге [70]. Трудно, конечно, утверждать, насколько данная характеристика справедлива по отношению ко всем упомянутым в письме студентам; трое из них в то время были привлечены по делу о читальне. Однако распространенное в среде русских за границей увлечение мнимореволюционной болтовней, сплетнями и клеветой отмечалось и другими [71]. Сам же писатель говорил, что в сценах у Губарева он показал «массу людей, занятых революционной сплетней» [72].

Суждения Ковалевского о раздутом самолюбии гейдельбергских студентов, которые возомнили себя опасными для русского правительства людьми, имели основание. В большинстве случаев это была поза «вьюношей» (выражение Потугина), опьяненных своей оппозицией, своими с апломбом высказанными тирадами. Это подтверждается судьбой почти всех гейдельбергских деятелей. Первое же серьезное испытание (польское восстание) вызвало распад русской читальни. Ковалевский оказался прав. Эти люди «напрасно эмигрировали». Как мы видели, радикализм всех названных в письме лиц не был серьезным. Недаром Ковалевский не называет имен Линева, Константинова, Лугинина, которые тоже были привлечены к дознанию и о руководящей роли которых в организации и делах читальни он не мог не знать [73].

Мнение о «несерьезности» гейдельбержцев продолжало жить вплоть до 80-х годов. Газета «Общее дело» в одной из заметок 1879 г. писала: «В самом начале 60-х гг., когда затевалось столько дел великих и малых, геройских и смехотворных, когда покойный генерал Мирославский готовил борцов польского восстания, когда Герцен будил своим „Колоколом" всю Россию, когда благородные юноши переносили свободное слово в Петербург и выпускали энергические листки „Великорусса" <...>, — другие, более благоразумные юноши, показывали самодержавию кукиш в кармане в Гейдельберге, а Евгения Тур мечтала с г. Тургеневым о конституции в России...» [74].

Тургенева не раз упрекали в том, что он не заметил серьезных идейных споров внутри эмиграции. Ограничив изображение русской молодежи кружком Губарева, он, якобы, тем самым подвел под понятие «губаревщины» не только всю «молодую эмиграцию», но и вообще все русское революционное движение 60-х годов [75]. Это верно только отчасти. Писатель действительно не показал радикально настроенную молодежь и не вывел на сцену нового Базарова, так как считал, что он еще не выявил себя с достаточной силой. Не отрицая существования этих новых Базаровых, Тургенев обратил свое внимание не на их деятельность, а на те качества русской зарубежной молодежи, которые особенно поразили его и которые он, не без основания, счел типичными для этого переходного времени. Писатель полагал, что эта молодежь, по крайней мере такая, какую он увидел в Гейдельберге, похожа на кружок Губарева. В образах Губарева, Ворошилова, Биндасова, Бамбаева нашла отражение та часть русских «радикалов», которая под воздействием событий 60-х годов (спад революционного движения, реакция) оказалась способной изменить своим убеждениям. Гейдельберг давал яркий материал для таких обобщений.

«...в Гейдельберге, — размышляет Литвинов, — теперь более сотни русских студентов; все учатся химии, физике, физиологии — ни о чем другом и слышать не хотят... А пройдет пять-шесть лет, и пятнадцати человек на курсах не будет у тех же знаменитых профессоров... ветер переменится, дым хлынет в другую сторону... дым... дым... дым!» К этому месту романа сделана весьма интересная сноска. «Предчувствия Литвинова сбылись, — пишет Тургенев. — В 1866 г. было в Гейдельберге учащихся русских в летний семестр тринадцать, а в зимний — двенадцать» (гл. XXVI) [76]. Тургенев, видимо, предвидя возможность упреков в искажении действительности, реальными фактами хотел подтвердить правильность мысли своей и своего героя и потому ввел данное уточнение. Уже нет в Гейдельберге тех, кто изучал науки, нет и тех, кто спорил на собраниях у Губарева; сам глава кружка, а с ним и все, кто его окружал, свободно вернулись в Россию, не подвергаясь там никаким преследованиям. Оставшиеся же утратили свой пыл. Шум, поднятый русскими студентами в 1862 г. в Гейдельберге, по мнению Тургенева, был не более, чем дымом, который к 1866 г. уже рассеялся.

«Я ездил на консультацию с Фридрейхом (знаменитым доктором) в Гейдельберг, — писал Тургенев М. В. Авдееву 6/18 февраля 1866 г.,— видел там кое-каких русских. И они все опустивши хвост ходят: молодые герои, на которых они надеялись, как на каменную стену, оказались весьма обыкновенными колпаками,—и „Московские ведомости" торжествуют и царят во всю длину и ширину нашей эпохи». Таков итог наблюдений Тургенева.

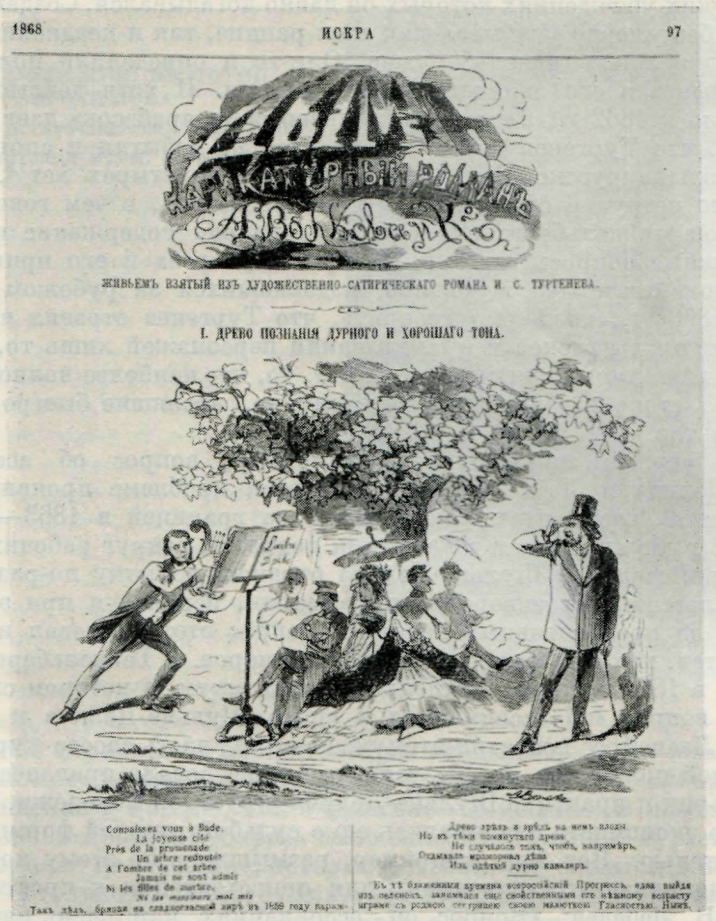
На вопрос, что на самом деле представляла русская читальня в 1866 г. и каково было направление мыслей ее посетителей, вполне определенный ответ дает письмо Л. И. Лаврентьева (в то время еще учившегося в Гейдельбергском университете) к Герье от 1/13 мая 1866 г. «Событие 4 апреля ⟨выстрел Каракозова. — *А. М.*⟩ и в отдаленном Гейдельберге произвело большой переворот, — пишет он,— оно соединило членов здешнего русского общества, — лиц во многом несогласных между собою. По поводу же этого дела сошлись решительно все — единогласно. Конечно первым делом было составление поздравительного адреса» [77]. Лаврентьев теперь— один из наиболее постоянных посетителей читальни.

Тургенев, таким образом, не погрешил против истины. Единство в среде оставшихся гейдельбергских студентов было достигнуто на основе составления верноподданнического адреса и подписки на портрет Александра II. «Колокол» они уже больше не получали, его заменили «Московские ведомости». Читальня стала вполне удовлетворять реакционно настроенных Лаврентьевых.

И это был довольно закономерный результат: гейдельбергская русская колония, состоящая из молодежи, еще ясно не определившей свое мировоззрение, распалась под первыми серьезными ударами жизни. Неудача революционного движения 60-х годов, крах революционной ситуации и наступившая вслед за ним реакция обусловили глубокий кризис всего русского общества и отразились на его действиях и умонастроении. Гибель «Земли и Воли», падение влияния «Колокола», а вскоре и прекращение его, ренегатство Кельсиева — все это указывало на серьезные изменения русской жизни середины десятилетия. Эти изменения и этот кризис с особенной силой сказались в среде русской эмиграции, и прежде всего в Гейдельберге. Их-то и подметил Тургенев, обративший внимание на характерные черты кризиса. «В Гейдельберге набралась масса русских, которые уже решительно ничего не делали, судя по словам самих профессоров, и наконец бесследно рассеялись», — говорил впоследствии писатель в беседе с одним из бывших гейдельбергских студентов [78].

Поэтому говорить о том, что Тургенев хотел оклеветать радикальную молодежь, несправедливо. Он знал о существовании в те же 60-е годы иной революционной молодежи, но не против нее был направлен «Дым». Почему Тургенев не изобразил эту молодежь, мы узнаём из его письма к Д. И. Писареву (от 23 мая/4 июня 1867 г.). «...вы, — писал он, — не сообразили того, что если Базаров и жив — в чем я не сомневаюсь, — то в литературном произведении упоминать о нем нельзя: отнестись к нему с критической точки — не следует, с другой — неудобно; да и, наконец, ему теперь только можно *заявлять* себя — на то он Базаров; а пока он себя не заявил, беседовать о нем или его устами — было бы совершенною прихотью, даже фальшью». И далее: «Мне было бы очень легко ввести фразу вроде того — что „однако вот, мол, есть у нас теперь дельные и сильные работники, трудящиеся в тишине",— но из уважения и к этим работникам и к этой тишине я предпочел обойтись без этой фразы; молодежи не нужно, чтобы ей мазнули медом по губам, — я по крайней мере так думаю».

Таким образом, Тургенев сознательно обошел молчанием тех революционеров, которые и во время реакции продолжали свою деятельность. Однако, вопреки его утверждению в письме к Писареву, намек на сущест-


1868 ИСКРА 97

ДЫМЪ
КАРИКАТУРНЫЙ РОМАНЪ
А. Волковъ и К°

ЖИВЬЕМЪ ВЗЯТЫЙ ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННО-САТИРИЧЕСКАГО РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА.

I. ДРЕВО ПОЗНАНІЯ ДУРНОГО И ХОРОШАГО ТОНА.

Connaissez vous à Bade,
La joyeuse cité
Près de la promenade
Un arbre redouté
A l'ombre de cet arbre
Jamais ne sont admis
Ni les filles de marbre,
Ni les marginaux mal mis

Такъ дѣлъ, бряцая на сладкогласный лиръ въ 1859 году караж-

Древо дрѣлъ и зрѣлъ на немъ плоды
Но въ тѣни помянутаго древа
Не случалось такъ, чтобъ, напримѣръ,
Отдыхала мраморная дѣва
Или одѣтый дурно кавалеръ.

Въ тѣ блаженныя времена всероссійскій Прогрессъ, едва выйдя изъ пеленокъ, занимался еще свойственными его нѣжному возрасту играми съ родною сестрицею своею малюткою Гласностью. Нынѣ,

«ДЫМ. КАРИКАТУРНЫЙ РОМАН»

Рисунки и текст А. М. Волкова

Начало «романа». На переднем плане Тургенев (справа) и В. А. Соллогуб (слева)

«Искра», 3 марта 1868 г., № 8

вование подобных людей в романе все же сохранился. Их немного, но эти «несколько имен, которых потомство не забудет, произносилось со скрипением зубов» в гостиной Ратмирова. По представлениям Тургенева, это были русские деятели, живущие как в России, так и за границей. Тургенев не имел памфлетных намерений против радикальной молодежи вообще, а сатирически изобразил «уродливую» жизнь тех, кто «примазался» в определенный момент к Герцену.

3

История русской эмиграции после 1862 г. давала повод к такому критическому ее изображению. Изменение лица читальни в Гейдельберге, последовавшее вслед за шумными спорами о Польше, все более обострявшийся разрыв Герцена и молодежи, ренегатство бывших «эмигрантов», которые как ни в чем не бывало возвращались в Россию, не подвергаясь никаким репрессиям,— такова была одна из сторон их жизни. Это видел и Тургенев. Теперь он мог дать оценку шумливым «герценистам»,

о неглубоких убеждениях которых он давно догадывался. Создавая роман, писатель безусловно учитывал как свои ранние, так и позднейшие наблюдения над жизнью гейдельбержцев. Они-то и определили политический смысл «Дыма» в его окончательной редакции. И хотя действие романа приурочено к 1862 г., анализ «гейдельбергских арабесок» дает право утверждать, что Тургенев изобразил не столько события и споры 1862 г., сколько жизнь русской эмиграции следующих четырех лет[79].

Все это нетрудно обнаружить, если проследить, о чем говорят и думают герои «гейдельбергских арабесок», каково содержание их споров, какие важные вопросы времени волнуют Губарева и его приятелей.

Просмотр газет и журналов, издававшихся за рубежом русскими в 1862—1866 гг., позволяет говорить, что Тургенев отразил в романе в виде различных намеков и высказываний персонажей лишь то, что было наиболее характерно для споров тех лет, то, что наиболее волновало умы, оставляя в стороне вопросы менее типичные, носившие быстро преходящий характер.

Таким важным вопросом был, например, вопрос об ассоциациях Шульце-Делича и Лассаля (интерес к этой проблеме проявился среди определенной части русской молодежи за границей в 1863—1865 гг.).

В 1863 г. большой шум в Германии поднялся вокруг рабочих ассоциаций. Спор Лассаля и Шульце-Делича отражал попытку по-разному разрешить классовые противоречия в Германии, используя при этом товарищества на кооперативных началах. Вопрос этот волновал и русских, особенно тех, кто жил в атмосфере самих споров. В Гейдельбергском университете в 1864 г. проф. Дитцель вел практикум, в котором специально ставился вопрос «об ассоциациях и споре Шульце-Делича и Лассаля», а доцент Ласпейрес посвятил этому же вопросу часть своего курса «О хозяйственной политике». Это безусловно содействовало привлечению интереса к теории и практике Шульце-Делича у русской молодежи, а взгляды немецкого экономиста связывались ею с судьбой русской формы ассоциации — артелью. Вот как, например, размышляет по этому поводу один из «командированных за границу для приготовления к профессорскому званию» В. Лебедев: «Вопрос об ассоциациях нам очень близок, наш народ сам, без содействия образованных классов, выработал свою ассоциацию — артель. Это позволяет думать, что рабочие товарищества привились бы у нас очень хорошо, но, разумеется, не прямо пересаженные с западноевропейской почвы на русскую, а измененные соответственно духу и потребностям народа» [80] (вспомним, что и для Губарева важна была финансовая сторона вопроса об ассоциациях Шульце-Делича и Лассаля, чтобы использовать ее применительно к русской артели). Скоро подобного рода взгляды получили массовое распространение за рубежом (и нашли отклик в России [81]). Упоминание об ассоциациях и споре Шульце-Делича и Лассаля в «Дыме» может служить одним из доказательств невозможности отождествления образа Губарева с Огаревым, не возлагавшим надежд на теорию и практику немецких экономистов. Среди радикальной части русской эмиграции возникло даже стремление противостоять сторонникам таких теорий. В 1864—1865 гг. рядом ведущих деятелей «молодой эмиграции» (Н. И. Утиным, В. И. Касаткиным, Л. И. Мечниковым и др.) была предпринята попытка создать новую программу «Колокола», где прямо говорилось о задаче выступать против «прусских экономических воззрений (Шульц-Делич), представляющих вовсе ненужный и логически несостоятельный компромисс между теодицеею капитала и социализмом» [82].

Таков смысл скупого намека в «Дыме», проясняющего содержание кратких реплик Губарева и вообще «гейдельбергских арабесок». Это содержание оказывается тесно связанным со спорами внутри гейдельбергской русской колонии и не имеет прямого отношения к Герцену и Огаре-

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ, ПРОТОТИП ВОРОШИЛОВА
Гравюра А. И. Зубчанинова, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

ву. Всячески стремясь отъединить образ гейдельбергского вожака молодежи от истинных революционеров, Тургенев говорит о Губареве после его возвращения в Россию, как о «дантисте»-помещике. В наборной рукописи романа биография Губарева была еще более полной: Тургенев писал, что тот женился на женщине, которая «оставила ему капитал в 80 000 руб. сер. ⟨...⟩ Он только из-за этого капитала и женился на ней. Все это знают-с, а все ему поддакивают, когда он говорит о покойнице» [83].

Конечно, Тургенев не снял совершенно в новом варианте «Дыма» полемику с «лондонской эмиграцией», ведь сущность их спора о путях социально-политического развития России не изменилась. Полемика осталась, но изменился объект изображения. Направляя свой удар в сторону мнимо оппозиционной молодежи, Тургенев, конечно, не мог совершенно обойти молчанием Герцена и Огарева.

Кружок Губарева знаком с идеями Герцена [84]. Это обнаруживается в ряде намеков, в ссылках на какого-то Андрея Ивановича, который хвалил в разговоре с Губаревым какую-то брошюру, а также смыслом самих высказываний Губарева. «Ну, и артель... как зерно...»; «Община... Понимаете ли вы? Это великое слово! ⟨...⟩ Разве вы не видите, что... мм... что нам... нам нужно теперь слиться с народом, узнать... узнать его мнение?..» (гл. IV) — это явный намек на герценовско-огаревскую проповедь «русского социализма», их веру в особый, самобытный путь развития России, их призыв идти в народ. Все это Тургенев называл «славянофильством», подчеркивая тем самым, что он не видит серьезной разницы между народническими воззрениями Герцена и идеями славянофилов. То, что «сущность народничества лежит глубже: не в учении о самобытности и не в славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя» [85], Тургенев не понял. Он чисто внешне воспринял близость народнической и славянофильской идей.

Но вместе с тем говорить о романе как о памфлете против лондонской эмиграции нельзя. Расчет Тургенева был иной. Вкладывая в уста недале-

кого Губарева герценовские идеи, соединенные с проектами шульце-делличевских ассоциаций, автор «Дыма» хотел лишь указать, что славянофильская (по его представлениям) проповедь «русского социализма» приводит к Герцену совершенно ненужных ему союзников, которые к тому же быстро опошляют его идеи и столь же быстро изменяют своему вождю. В 1867 г. Тургенев повторил в «Дыме» то, в чем он упрекал Герцена пять лет тому назад: зачем вы наливаете «социально-славянофильской брагой» головы молодых людей и «пускаете их хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге». «... так действовать, как ты теперь действуешь—бесплодно»,—убеждал он Герцена тогда и как бы говорил это же теперь. События 1863—1866 гг. подтвердили опасения Тургенева.

Образ Губарева — это образ тупого, ограниченного человека, возомнившего себя большой общественной силой. Он повторяет избитые фразы о «народности», «самобытности», «общине», но за этими словами нет ничего серьезного. Это не оппозиция, а дым, пена. «Мне все хотелось спросить у этих господ, — говорит Литвинов, — из чего они так хлопочут?» (гл. V).

В образе Губарева Тургенев сатирически изобразил тех, кто в 1862 г., прельстившись герценовской фразеологией, стал его «союзником», но уже в 1865 г., испугавшись ответственности, отвернулся от своего учителя (Губарев возвращается в Россию в 1865 г.). Это типическое обобщение жизненного явления, характерного для России середины 60-х годов.

О типичности этого образа, выходящего за рамки эмигрантского бытия, Тургенев писал Я. П. Полонскому 2/14 января 1868 г.: «... как же ты говоришь, что не знаком с типом „Губаревых"?— Ну, а г-н Краевский А. А.—не тот же Губарев? Вглядись попристальнее в людей, *командующих* у нас, — и во многих из них ты узнаешь черты того типа». Как типический был воспринят образ Губарева и В. И. Лениным, использовавшим его в своей характеристике явлений политической борьбы начала XX века [86].

Таков глава кружка. Столь же характерны и другие персонажи «гейдельбергских арабесок». Они, как и Губарев, выхвачены из среды русских студентов в Гейдельберге.

Тургенев часто говорил, как бы в ответ на критику, упрекавшую писателя в тенденциозности, что он не может «выдумывать» образ, что только непосредственное наблюдение жизненных явлений может дать ему материал для романа, повести или рассказа. «Мне всегда нужна встреча с живым человеком, непосредственное знакомство с каким-нибудь жизненным фактом, прежде чем приступить к созданию типа или к составлению фабулы,— говорил он М. М. Ковалевскому,— конечно, я не какой-нибудь фотограф, я не срисовываю своих образцов, но уже Белинский заметил, что что-нибудь выдумать, взять что-либо из головы я совершенно не способен» [87].

Итак, только «непосредственное знакомство с каким-нибудь жизненным фактом» давало первоначальный толчок к созданию характера; последующие наблюдения позволяли углублять возникший в творческом воображении образ будущего героя произведения. Получалось художественное обобщение, синтезирующее характерные черты своего времени.

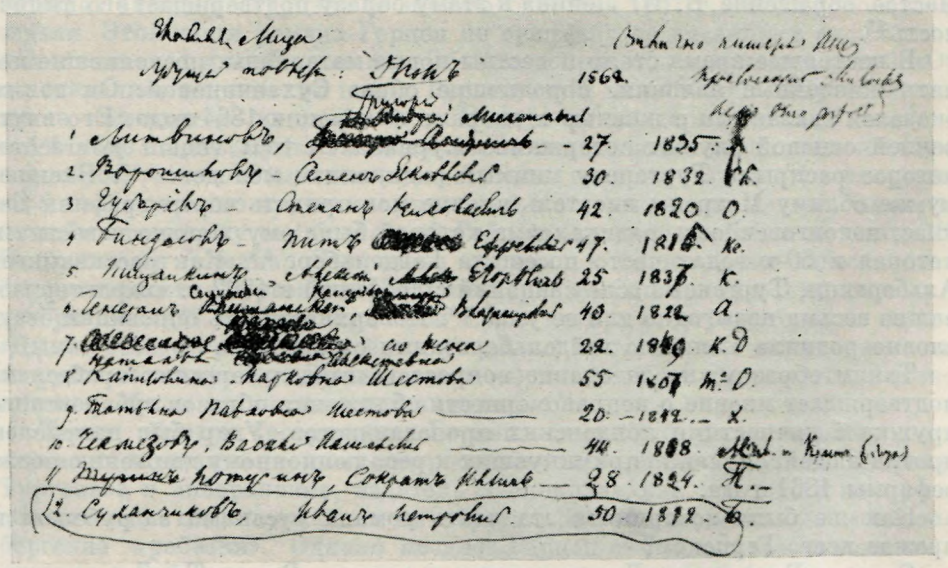
Впоследствии Тургенев много раз повторял мысль о своей приверженности к реальным фактам, высказывая ее особенно часто в 60-х годах, в связи с жестокими и несправедливыми нападками на «Отцов и детей» и «Дым». Об этом он часто говорил и писал своим друзьям [88], а в 1869 г. счел необходимым прямо декларировать в статье «По поводу „Отцов и детей"». Это был один из основных принципов его творчества, которому он не изменил и в «Дыме». Создавая этот роман, Тургенев был лишен возможности наблюдать жизнь России: он судил о ней лишь по тем беглым впечатлениям, которые давали ему поездки на родину, а также по сообщени-

ям русской прессы. Но эти в значительной мере случайные впечатления не могли заменить Тургеневу глубокого и полного знакомства с русской действительностью, а потому и не могли дать достаточного материала для нового романа. Писатель, который «всегда умел распознавать и показывать типический характер новых, нарождающихся общественных явлений, еще далеко не упрочившихся, но уже растущих и развивающихся» [89], не мог писать о том, что мало знал.

В то же время Тургенев близко наблюдал жизнь русских за рубежом в первой половине 60-х годов. Этой жизни и посвящен «Дым». При создании романа Тургенев не мог, как и ранее, руководствоваться одной «идеей», т. е. создавать героев, иллюстрирующих ту или иную мысль автора. В основе «Дыма» лежат жизненные наблюдения писателя. «Я очень хорошо понимаю, — писал он Полонскому 27 февраля/11 марта 1869 г., — что мое постоянное пребывание за границей вредит моей литературной деятельности—да так вредит, что, пожалуй, и совсем ее уничтожит: но и этого изменить нельзя. — Так как я — в теченье моей сочинительской карьеры — никогда не отправлялся от *идей*, а всегда от *образов* — (самому даже Потугину лежит в основании известный образ) — то при более и более оказывающемся недостатке *образов*—музе моей не с чего будет писать свои картинки. Тогда я — кисть под замок и буду смотреть, как другие подвизаются».

Одной из таких «картинок» и стали «гейдельбергские арабески».

Исследователи тургеневского творчества установили почти все прототипы образов «Дыма» [90]. Так, общепризнанным стало утверждение, что в облике Ратмирова Тургенев изобразил генерала Альбединского, в Ирине узнают княжну Долгорукую и т. д. Непосредственным прототипом Ворошилова, этого «добрейшего» человека, «точно на ординарцы присланного к науке, к цивилизации», служил Случевский. Это подтверждается и самими жизненными фактами и авторским указанием: в первоначальном



«ДЫМ»

Перечень «главных лиц будущей повести». Черновой автограф, 1862

Буквами зашифрованы имена прототипов героев романа

Национальная библиотека, Париж

В верхнем углу справа надпись рукой Тургенева (проба пера)

списке «Дыма» против фамилии Ворошилова стоят буквы *Сл.* Вышедший в отставку офицер Случевский, как и Ворошилов, изучал за границей философию. Непосредственный прототип был сразу же угадан современниками [91]. Совпадают и характеристики персонажа и его прообраза. Еще в 1862 г., во время посещения Гейдельберга писатель обратил внимание на «легкомысленность» занятий Случевского, колеблющихся между стихотворениями, социализмом и тригонометрией. Мнение о нем не изменилось и позже. В письме к Н. Н. Рашет от 29 декабря 1864/10 января 1865 г. Тургенев так охарактеризовал заканчивающего учебу доктора философии: «...что поделывает милейший поэт-живописец-историк-философ-экономист-публицист Случевский? Поклонитесь ему от меня дружески». А позже писатель удивлялся «детскому незнанию» и «хвастливой заносчивости» автора «вздорной» брошюры «Явления русской жизни под критикою эстетики» [92].

Ворошилов не был прямым выпадом против определенного лица, Тургенев хотел изобразить одного из типичных «губаревцев», который «бросает пыль в глаза тем, что цитирует последние слова науки, не зная ни первых, ни вторых...» [93]. Колоритная личность Случевского могла послужить основой для зарождения типического характера. Но в то же время нельзя забывать, что в Гейдельберге было немало подобных Ворошиловых. Е. В. де Роберти, С. А. Усов, Г. С. Веселитский, П. Рокасовский, два офицера — товарищи Случаевского, «с ним всегда вместе ходившие» и навестившие однажды Тургенева [94], и другие студенты только что сняли военный мундир и, как их собрат из тургеневского романа, пошли в «ординарцы к науке». А. В. Романович-Славатинский так вспоминает об одном из них—Веселитском-Божидаровиче, «отставном гвардейце, самом передовом из передовых»: «Человек хорошо воспитанный, он и радикализм свой обставлял каким-то гвардейским этикетом» [95].

Образ «витязя золотой доски», созданный Тургеневым, вобрал в себя черты многих людей. Это глубокое обобщение, а не карикатура. Частое обращение В. И. Ленина к этому образу подтверждает его типичность [96].

В настоящее время стали известны новые материалы, позволившие понять жизненные явления, породившие образ Суханчиковой. Он также оказался связанным с жизнью и спорами эмиграции 1864 года. Его внутренней основой служит содержание журнала «A tout venant je crache», которое раскрыло Тургеневу мнимый радикализм молодежи [97]. Внешнему же облику Матрены писатель вполне мог придать черты графини Салиас, недолговечность радикализма которой была ему хорошо известна и которая в 60-х годах часто посещала Гейдельберг [98]. Как рассказывает Альбертини, Тургенев после свиданий с графиней в 1862 г. «характеризовал ее весьма невыгодно для ее ума» [99]. Поверхностность оппозиции безусловно роднила Салиас с гейдельбергскими студентами.

Таким образом, исследование вопроса о «гейдельбергских арабесках» подтверждает мнение о неправомерности сближения образов губаревского кружка с личностями лондонских пропагандистов. Удар был направлен против людей, случайно примкнувших к революционному движению после реформы 1861 года.

Как же была воспринята эта часть романа русскими за рубежом и прежде всего Герценом?

Отзывы Герцена о «Дыме» суровы и резки. «Роман Тургенева очень плох, и он за него получил 5 т. сереб. от Каткова»,— писал он 24 апреля/6 мая 1867 г. Н. А. Тучковой. «Читали ли вы „Дым" И. Тургенева? — спрашивал он Г. Н. Вырубова десять дней спустя. — Не стыдно ли в седине своей мастурбировать такую дрянь. Я его немного задел» [100]. Но эти строгие отзывы вызваны не антинигилистическим характером романа;

Герцен не воспринял «Дым» как карикатурное изображение своей деятельности или как пасквиль на демократию.

Герцен и Огарев не были удовлетворены общей проблематикой романа; оба признали его творческой неудачей. Считая, что роман обнаружил крах таланта Тургенева, уже не способного откликаться на передовые вопросы времени, Огарев писал в стихотворении, посвященном писателю:

Я прочел ваш вялый «Дым»
И скажу вам не в обиду —
Я скучал за чтеньем сим
И пропел вам панихиду [101].

Антинигилистические романы Герцен безоговорочно осуждал. Издатель «Колокола» отвечал на их появление статьями вроде той, которой он встретил «Взбаламученное море» Писемского (статья называлась «Ввоз нечистот в Лондон»). Но «Дым» не был воспринят Герценом как клевета на передовую молодежь. Статья «Отцы сделались дедами» также не преследовала цели охарактеризовать «Дым» как роман реакционный.

«Шуточная заметка», в которой Герцен «задел» Тургенева, была направлена против многоречивого тургеневского Потугина, высказывающего не слишком новые, по мнению Герцена, и не попадающие в цель истины. Потугин представлялся автору статьи «куклой, постоянно говорящей не о том, о чем с ней говорят», а сами речи героя напоминали публицисту «продымленную воду», которую Тургенев «сливает Каткову в передник». «Но нельзя же взять совсем безличные и не очень новые меха да в них налить продымленную воду, назвать их Натугиным или Потугиным, заставить постоянно сочиться, как каучуковую грушу, и выдавать их за живых людей...», — писал Герцен [102]. В том же духе он высказывается и в заметке «Новый роман Тургенева „Дым“», опубликованной в «Колоколе» 1 мая 1867 г. Герцен был недоволен появлением «Дыма» на страницах «Русского вестника», но «гейдельбергские арабески», на которые Тургенев специально обращал внимание Герцена (в письме 5/17 мая 1867 г.), его нисколько не задели. Этой части романа Герцен по существу не касается в своих письмах и заметках для «Колокола». Объясняя причины появления статьи «Отцы сделались дедами», он писал Тургеневу 19 мая 1867 г.: «Шуточная заметка моя идет не из злобы ⟨...⟩ Но что ты поддерживаешь Каткова — это больно видеть, будто ты не нашел бы издателя без гнусного доносчика, о котором ты сам отзывался (кажется, мне говорил Авд⟨еев⟩) с омерзением ⟨...⟩ Я искренно признаюсь, что твой Потугин — мне надоел. Зачем ты не забыл половину его болтанья? Гейдельбергские арабески не знаю» [103]. Не принимая романа, Герцен не отрицал в то же время известной наблюдательности Тургенева. Весьма характерны герценовские письма к дочери Тате (17 и 19 января 1868 г.), в которых отрицательная оценка «Дыма» соседствует с вопросом: «А „Дым“ прочли?» и с пояснением, что «в русской литературе Тургенев все же не такой дюжинник, чтоб позволительно было не знать его сочинений» [104].

Таким образом, возражения Герцена, возможно, были вызваны отголосками полемики с ним, содержащимися в речах Потугина. Упрекая Тургенева в либерализме, издатель «Колокола», как это видно из приведенного выше письма, сначала не обратил особого внимания на «гейдельбергские арабески». Однако позднее Герцен высказал свое отношение к сценам у Губарева, признав их довольно верным обобщением слабых сторон жизни русской эмиграции. На этом следует остановиться несколько подробнее.

17/29 апреля 1868 г. Герцен послал Огареву письмо, в котором негодовал по поводу неблаговидного поступка Н. А. Вормса. Резкий тон письма, где содержались грубые и необъективные оценки ряда деятелей «молодой

эмиграции», понятен: оно написано после многих столкновений Герцена с русской молодежью за границей, которые привели к открытому разрыву. Но едва ли только раздражению Герцена можно приписать такие слова: «Тург⟨енев⟩ с ними только пошутил — их надобно выставить к позорному столбу — во всей наготе, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве и доносничестве. И, может, если силы не ослабеют, я еще и буду их палачом и положу им клеймо глупости на лоб. Передняя, казарма, застенок полицейский и дьячки могли только развести этот испанский воротник на шее России» [105]. При всей субъективности и несправедливости данной оценки «молодой эмиграции» в целом, в ней верно подмечены черты поведения известной части русской молодежи за границей, черты, которые всегда вызывали недовольство Герцена. Их он подробно характеризовал еще в «Былом и думах» (см., например, его характеристику «хористов революции» в гл. XXXVI, ч. V, и гл. III, ч. VI).

Но если в тех частях «Былого и дум» речь шла об эмиграции из стран Западной Европы, то в середине 60-х годов Герцен обращает внимание на русскую молодежь. «Хористы революции» были и в среде молодых радикалов за границей. Герцен был не прав в суровости своего приговора, но он верно понял отрицательные черты движения. Вот некоторые из оценок Герцена. 18/30 декабря 1864 г. он писал о «чудовищном самолюбии» и ограниченности представителей «молодой эмиграции», проявившихся на женевском эмигрантском съезде. «Мне с ними ужасно скучно — все так узко, ячно, лично — и ни одного интереса, ни научного, ни в самом деле политического, никто ничему не учится, ничего не читает», — сообщал он Огареву несколько дней спустя [106].

О том же Герцен скоро скажет в новых главах «Былого и дум» («В. И. Кельсиев» и «Молодая эмиграция»), а также в статье «Еще раз Базаров».

А. С. АЛЬБЕДИНСКАЯ (рожд. кн. ДОЛГОРУКАЯ), ПРОТОТИП ИРИНЫ
Фотография, 1860-е годы
Литературный музей, Москва

И. М. ТОЛСТОЙ, ПРОТОТИП КАЙЗЕНБАХА
Фотография, 1860-е годы
Литературный музей, Москва

О последней Герцен писал Огареву: «Я нарочно разграничил базаровщину с нигилизмом — к нему только отчасти принадлежали Мих⟨айлов⟩, Доброл⟨юбов⟩ и Чернышевский»;«Базаров нравственно—выше последующих базароидов» [107]. Герцена отталкивала грубость, «желчность», громадное самомнение и страсть к кривотолкам, которые были довольно широко распространены в среде «молодой эмиграции» и которые он счел характерными признаками заграничных «базароидов». Потому-то и понятно обращение Герцена к тургеневскому роману. В сценах у Губарева редактор «Колокола» теперь увидел художественное обобщение отличительных черт «хористов революции».

Для тех же, кто жил в атмосфере самих споров, сразу же было ясно, что сатира Тургенева направлена против мнимой оппозиционности гейдельбергских студентов. Об этом вспоминал, как показано выше, Романович-Славатинский. Преженцов и Е. В. де Роберти узнали себя в романе [108]. К такому же мнению склонялся и С. Сватиков, специально изучавший историю русской колонии в Гейдельберге [109].

Приведем еще один чрезвычайно любопытный отклик на «Дым». Он содержится в обнаруженном нами письме уже не раз упоминавшегося Лаврентьева к Герье от 1/13 июля 1867 г. Отзыв этот, написанный человеком, принимавшим участие в жизни русской колонии в Гейдельберге, содержит вполне определенный ответ современника на интересующий нас вопрос: в чей адрес была направлена сатира Тургенева. Вот что пишет Лаврентьев: «„Дым“ произвел на меня самое неприятное, грустное впечатление: нет в нем ни одного лица, на котором можно было бы сочувственно остановиться. Картина до того мрачная, до того грязная, что остается сожалеть только об авторе, громадный талант которого погиб и погиб, как видно, безвозвратно. Не знаешь, чему удивляться: отсутствию ли всякого эстетического чувства в авторе, его ли бесплодному озлоблению против всех и каждого. Допустим, однако (хотя я совершенно противного мнения),

что талант может снизойти до того, что начнет изображать одно пошлое в жизни, и в этом случае истинный художник все-таки проявится: в его произведении все-таки не будет забыта художественная сторона изображаемого предмета (нужно ли вспоминать Гоголя?). Скажут, пожалуй, что нельзя прилагать высокую мерку к какой-либо повести, что повесть, с натуры списанная, заслуживает тоже внимания и может быть прочтена не без пользы. По-моему, это неверно: всякие посторонние для искусства цели к нему прилагаться не должны, и писанный с натуры рассказ есть произведение не художника, а ремесленника, как фотография и настоящая картина. Но в повести Тургенева даже и этого мнимого достоинства нет: не нужно быть очень наблюдательным, чтобы сейчас же заметить, что его лица не суть лица действительные. Все эти Губаревы и компания на действительных Губаревых, которыми в известную эпоху Гейдельберг изобиловал, совершенно непохожи: здесь были субъекты гораздо характернее изображенных. Почти ко всякому лицу можно подобрать подходящее лицо в действительности: в повести только бледные их портреты. Нечего и говорить, что для полной обстановки недостает очень характерного русско-заграничного типа, встречающегося здесь очень часто; это не тот Потугин, которого неизвестно почему сам автор в конце повести называет умным (в повести он только резонирует и резонирует злобно, но вовсе не умно) и добрым (не в своей ли глупости и простоте он проявил свою доброту?), — это не тот жалкий Потугин, говорю я, которого изобразил Тургенев, но Потугин действительный, который, приехав за границу, сжег за собою корабли и который не рассуждает только, а действует, и действует с озлоблением во вред народу и государству, к которому принадлежит. Вот на этого-то Потугина-настоящего и можно было бы нацелить свою желчь, коли Тургеневу уж непременно захотелось над кем-нибудь разразиться; что было бы гораздо лучше, чем срывать свое озлобление на мальчишках, едва выскочивших из-под розог. Если ко всем недостаткам тургеневской повести присоединить еще: нерусский синтаксис, неровный слог и употребление площадных выражений, тогда повесть эта снизойдет на предмет, о котором не стоит и разговаривать. Я бы и не стал о ней говорить, если б написал ее какой-нибудь Писарев; но произведения Тургенева всякий считает своею обязанностью читать и рассуждать о прочтенном» [110].

Эти строки написаны человеком, ненавидевшим Писарева, Чернышевского, Герцена и все с ними связанное, человеком, который совершенно нетерпимо относился ко всем проявлениям радикального образа мыслей в среде русской колонии в Гейдельберге.

Автор письма упрекает Тургенева в том, что образы его романа мало характерны, хотя и непосредственно взяты из жизни, ибо не примазавшихся к Герцену «мальчишек», а людей типа Герцена хотел бы видеть Лаврентьев разоблаченными в тургеневском романе. Несбывшиеся желания и вызывали недовольство Лаврентьевых.

Единственный обнаруженный отзыв, вышедший из среды гейдельбергских студентов, — еще одно убедительное свидетельство, что в романе не было карикатуры на Герцена и Огарева или их ближайшее окружение. Непосредственными прототипами «Дыма» послужили члены русской колонии в Гейдельберге.

4

Когда говорят о «Дыме», то часто заглавие этого романа соотносят лишь с «гейдельбергскими арабесками» и затем делают вывод об антинигилистической сущности произведения. Но это неверно. Роман «Дым» не распадается на самостоятельные части: сцены у Губарева — одно из звеньев общего замысла. Идея этого замысла сконцентрировалась в моно-

логе Литвинова, который и представляет собою как бы вывод писателя. «... и всё вдруг показалось ему дымом, всё, — говорит Тургенев, — собственная жизнь, русская жизнь — всё людское, особенно всё русское ⟨...⟩ всё торопится, спешит куда-то — и всё исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул — и бросилось всё в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и — ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последние годы... Дым, шептал он, дым; вспомнились горячие споры, толки и крики у Губарева, у других, высоко- и низкопоставленных, передовых и отсталых, старых и молодых людей... Дым, повторял он, дым и пар. Вспомнился, наконец, и знаменитый пикник, вспомнились и другие суждения и речи других государственных людей — и даже всё то, что проповедовал Потугин... дым, дым и больше ничего. А собственные стремления, и чувства, и попытки, и мечтания? Он только рукой махнул» (гл. XXVI).

Эти слова полны большого смысла и имеют определяющее значение для понимания общей мысли автора. Созданный в эпоху реакции, «Дым» отразил настроения писателя, тщетно пытающегося разрешить вопрос о деятеле 60-х годов или же найти общественную силу, которая смогла бы устранить назревшие противоречия русской действительности.

Писатель хорошо видел, что среди консервативной части русского общества появилось стремление вернуться назад, свести на нет результаты реформы. Это была открытая реакция, против которой и направлен в значительной своей части «Дым»: сцены с баденскими генералами принадлежат к числу наиболее острых сатирических картин в творчестве Тургенева. С другой стороны, спад революционного движения служил для него убедительным доказательством тщетности революционных методов борьбы.

Как говорилось выше, Тургенев утверждал, что в условиях русской действительности середины 60-х годов новый общественно-ценный деятель еще не «заявил» себя. Базаровы стали редкостью, а прежние их единомышленники полностью себя дискредитировали. Вот почему в романе нет типичного тургеневского героя — выразителя важнейших потребностей времени. В центре «Дыма» стоит «обыкновенный» честный человек Литвинов, который говорит, что «русским еще рано иметь политические убеждения» (гл. IV). Он не знает, куда идти, не знает, где и в чем искать идеалы. Не знал этого и сам автор.

В «Призраках» и «Довольно» громко зазвучала давняя тургеневская тема о слепых, враждебных человеку жизненных силах, с которыми невозможно бороться. В письмах писателя часто возникают образы «пены», «дыма» как символы непрочности, призрачности, неустойчивости жизни, ее неясности. Заглавие «Дым», данное новому роману, по существу подводило итог размышлениям писателя над вопросом, куда идет Россия. В этом заглавии не содержится дискредитации революционного движения. «Дым» — не только роман-отрицание, но и роман-сомнение [111].

Это сразу же подметили современники писателя и прежде всего Писарев, отзыву которого Тургенев придавал особое значение, ибо считал этого критика выразителем умонастроений радикальной молодежи [112].

Указав, что в «Дыме» не изображена прогрессивная часть русской молодежи, Писарев справедливо расценил это как смещение исторической перспективы. Он находил, что горизонт Литвинова, а вместе с ним и создателя его Тургенева, слишком узок и что с высоты «муравьиной кочки», занятой писателем, невозможно достаточно зорко обозреть русскую жизнь и выявить наиболее характерные черты ее.

«Вы смотрите на явления русской жизни глазами Литвинова,—писал Писарев Тургеневу 18/30 мая 1867 г., — вы подводите итоги с его точки

зрения, вы его делаете центром и героем романа, а ведь Литвинов — это тот самый друг Аркадий Николаевич, которого Базаров безуспешно просил не говорить красиво. Чтобы осмотреться и ориентироваться, вы становитесь на эту низкую и рыхлую муравьиную кочку, между тем как в вашем распоряжении находится настоящая каланча, которую вы же сами открыли и описали. Что же сделалось с этою каланчой? Куда она девалась? Почему ее нет по крайней мере в числе тех предметов, которые вы описываете с высоты муравьиной кочки? Неужели же вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца? Или неужели же он с 1859 года успел переродиться в Биндасова? Если же он жив и здоров и остается самим собою, в чем не может быть никакого сомнения, то каким же образом это случилось, что вы его не заметили? Ведь это значит не заметить слона и не заметить его не при первом, а при втором посещении кунсткамеры, что оказывается уже совершенно неправдоподобным. А если вы его заметили и умышленно устранили его при подведении итогов, то, разумеется, вы сами, de propos délibéré *, отняли у этих итогов всякое серьезное значение» [113].

Итак, Писарев считал роман неудавшимся.

К числу верно изображенных частностей Писаревым были отнесены «гейдельбергские арабески». Критик воспринял их как типическое обобщение людей, так или иначе опошляющих высокие идеи. «Сцены у Губарева, — писал он, — меня нисколько не огорчают и не раздражают. Есть русская пословица: дураков в алтаре бьют. Вы действуете по этой пословице, и я с своей стороны ничего не могу возразить против такого образа действий. Я сам глубоко ненавижу всех дураков вообще, и особенно глубоко ненавижу тех дураков, которые прикидываются моими друзьями, единомышленниками и союзниками...» [114].

Высказывание такого авторитетного читателя, каким был Писарев, весьма показательно. Оно находится в явном соответствии с историческими фактами, легшими в основу сцен у Губарева.

Но означает ли все это, что Тургенев изобразил в «Дыме» не важные, не существенные стороны русской жизни? Еще Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?», говоря об особенностях таланта Тургенева, писал, что именно «живое отношение к современности» упрочило за автором «Накануне» «постоянный успех в читающей публике» [115]. Романы Тургенева были чрезвычайно злободневны, писатель умел затрагивать наиболее важные проблемы своего времени. Этому же служили и «гейдельбергские арабески».

Проблема ренегатства и мнимой революционности во второй половине 60-х годов была очень актуальна.

В. И. Кельсиев, один из «опасных» для правительства эмигрантов, бывший сторонник Герцена, 20 мая 1867 г. перешел границу России и отдал себя в руки властей. Это был заметный в истории революционного движения случай открытого перехода на сторону реакции человека, пользующегося репутацией революционера. Кельсиев раскаялся в своем прошлом, о чем свидетельствует «Исповедь», написанная им для собственной реабилитации в заключении, и книга «Пережитое и передуманное» (СПб., 1868) — подцензурный вариант «Исповеди». Это событие вызвало большой общественный резонанс в России [116] и среди русских за границей. Герцен откликнулся на него специальной статьей «В. И. Кельсиев».

В связи с отступничеством Кельсиева возникли споры о судьбе эмиграции (см., например, полемику между Н. Я. Николадзе и А. А. Серно-Соловьевичем [117]). Это отступничество показало, что почва для данных споров в сущности была подготовлена ранее: ренегатство среди русской мо-

* умышленно (франц.).

лодежи за границей не было в эти годы единичным явлением. Мнимая революционность многих стала особенно заметна. Почему эмигрировали люди, подобные Кельсиеву, что представляет собой современная эмиграция — вот вопросы, которые в 1868 г. встали перед многими. Одна из статей в «Неделе» была многозначительно озаглавлена: «Для чего иногда люди эмигрируют?» Этот и подобные вопросы ранее возникали и перед Герценом, затронувшим в ряде статей проблему эмиграции. Посильный ответ на эти же вопросы попытался дать в «Дыме» и Тургенев. Смысл этого ответа был ярко воплощен в «гейдельбергских арабесках». Таким образом, писатель и в этом романе «обратил внимание на вопрос, стоявший на очереди и уже смутно начинавший волновать общество» [118].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обзор критических отзывов 60-х годов, посвященных роману «Дым», см. в статье В. Кузнецовой «Критическая борьба вокруг романа И. С. Тургенева „Дым“» (Уч. зап. Калининградского пед. ин-та, 1961, вып. 9, стр. 10—33) и в комментариях Е. И. Кийко: Тург АН. Сочинения, т. IX, стр. 528—542.

[2] Прямо противоположные точки зрения на роман высказаны, например, в недавно появившихся статьях — Г. В. Исаченко «О романе И. С. Тургенева „Дым“. (К вопросу о творческом методе и мировоззрении художника)». — Филологический сборник. (Статьи аспирантов и соискателей.) Вып. I. Алма-Ата, 1963, стр. 270—279, и И. А. Винниковой в ее кн.: «И. С. Тургенев в шестидесятые годы. (Очерки и наблюдения)». Саратов, 1965, стр. 92—94.

[3] А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М. К. Лемке, т. XV. Пг., 1920, стр. 475.

[4] Н. И. Пирогов. Сочинения, т. II. Киев, 1910, стр. 300.

[5] См.: А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, т. XV, стр. 480—500; «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 502—511 и т. 63, 1956, стр. 107—125.

[6] «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 113.

[7] Д. В⟨о е й к о в⟩. Земство и призыв правительства к борьбе с революционною пропагандою. Лейпциг, 1879, стр. 31.

[8] Подробнее об этом см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“». — «Лит. наследство», т. 41-42, стр. 1—48. То же в кн.: Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 483—577.

[9] Н. И. Пирогов. Указ. изд., стр. 276.

[10] «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 709.

[11] См. об этом статью И. А. Винниковой «Полемика И. С. Тургенева с А. И. Герценом в 1862—1863 годах» в ее кн.: «И. С. Тургенев в шестидесятые годы. (Очерки и наблюдения)». Саратов, 1965, стр. 31—52.

[12] «В Гейдельберге я видел Тургенева. Он был тут проездом всего на 2 часа, — но говорил мне, что через месяц приедет сюда опять и останется тут надолго», — сообщал Н. В. Альбертини Краевскому 12/24 сентября 1862 г. (ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, л. 116). О том же писал из Баден-Бадена сам Тургенев 16/28 сентября 1862 г. М. А. Марко-Вовчок: «Я ездил на днях в *ваш* Гейдельберг. Ничего, город интересный. Уезжая отсюда, я дня два там пробуду, посмотрю на диких русских юношей».

[13] См. письма Тургенева к В. Ф. Лугинину от 26 сентября/8 октября 1862 г. и к Герцену от 4/16 октября 1862 г. и комментарии к ним (Тург АН. Письма, т. V, стр. 513—516 и 520).

Когда писатель получил уведомление о вызове по делу «32-х», он, видимо, не без оснований, подумал, что правительству стала известна его поездка в Гейдельберг (письмо Тургенева к Герцену от 31 января/12 февраля 1863 г.). Та же мысль пришла и Герцену. «... я сам полагаю, — отвечал он Тургеневу 8/20 февраля 1863 г., — что Гейдельберг и разговоры его навлекли это» (вызов Тургенева. — *А. М.*). — Герцен АН, т. XXVII, кн. 1, стр. 292.

[14] Из гейдельбергских знакомых Тургенева Альбертини был наиболее близок писателю. «Я вам писал, кажется, что здесь был Тургенев. Он сюда приезжал в другой раз, но всего на два дня. Вечера мы с ним проводили вместе», — писал Альбертини Краевскому 23 октября 1862 г. Тургенев встречался с Альбертини и в мае 1862 г. у Герцена в Лондоне (ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, лл. 123, 93).

[15] ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, лл. 135 об. — 136.

Следы тургеневского замысла середины 1860-х годов можно отыскать и в переписке писателя. Так 18/30 марта 1862 г. он писал Достоевскому, сообщая о работе над «Призраками»: «Я было начал другую вещь — и вдруг схватился за эту и работал несколько дней с увлечением». Через месяц, в письме к Е. Я. Колбасину от 12/24 апреля 1862 г.

Тургенев снова говорит о каком-то неизвестном нам произведении: «Я провел зиму как-то вяло, и мало работал; кое-что начал, кое-что задумал...». И уже более определенно о том же в письме к Каткову от 14/26 апреля 1862 г.: «Надеюсь к осени — т. е. по возвращении из деревни — доставить вам новый труд, хотя не столь обширный, но задуманный с любовью». Это сообщение проникло и в периодическую печать: газета «Le Nord» (1862, № 364, 30 декабря) сообщала о предполагавшемся появлении в «Русском вестнике» «нового романа И. С. Тургенева» (см. также замечание Герцена по этому поводу.— Герцен АН, т. XVII, стр. 307). По-видимому, речь идет о замысле романа, о котором Тургенев говорил Альбертини и осуществление которого зависело от поездки в Гейдельберг.

[16] ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 136.

[17] Н. И. Пирогов. Указ. изд., стр. 276, 335.

[18] Тург АН. Сочинения, т. IX, стр. 397.

[19] Изменение замысла отразилось не только на сценах у Губарева, но захватило, по-видимому, весь роман. Значительное место в первоначальном варианте Тургенева занимал образ Потугина: в списке действующих лиц ему единственному уделено несколько слов: «К Потугину: взволнованная улитка (улитка с намёчком). Третьестепенная порода» (А. Мазон, стр. 88). Подобная характеристика не могла относиться к герою, который выражал бы мысли и настроения автора. В намерения Тургенева, очевидно, входило изображение человека недалекого, который «тужится» то ли быть умным человеком, то ли играть какую-то большую роль. В списке 1862 г. он назван Сократом Потугиным (зачеркнутый вариант его фамилии — Тугин). Позднее, в результате изменения замысла романа, иронически звучавшее имя героя было заменено нейтральным — Созонт.

[20] См. указ. статью Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“».

[21] Н. Русланов. Русские Belles-lettres в Баден-Бадене. (По поводу романа «Дым»).— В кн.: Новые писатели. Сборник литературных произведений. Под ред. Н. Тиблена, т. I. СПб., 1868, стр. 289.

Настоящее имя автора этой интересной статьи о «Дыме» до сих пор остается неизвестным. Фамилия Н. Русланов — явный псевдоним, созданный по аналогии с именем одного из персонажей романа — Ратмировым. Однако псевдоним может быть с достаточной долею вероятности раскрыт. Статья написана человеком, близко знавшим среду, обрисованную Тургеневым в «Дыме»: автор знает, что Тургенев «часто ездил в Гейдельберг, бывал в знаменитой читальне, беседовал с юными соотечественниками» (цит. статья, стр. 288—289). Наиболее близким из таких людей к редактору сборника Тиблену был в те годы Н. И. Бакст, который принимал деятельное участие в журнале «Современное обозрение». «Здесь находится Бакст Ник., посвящающий меня во все гейдельбергские достопримечательности и сообщающий сведения о русской литературе, в которой он, оказывается, играл роль и заправлял „Современным обозрением“ или Тибленом после вашего выбытия оттуда»,— писал М. А. Антонович А. Н. Пыпину 26 июня 1867 г. (ГПБ, ф. 621, А. Н. Пыпина, № 34, л. 4). Бакст и был, видимо, автором статьи о «Дыме» в тибленовском сборнике.

[22] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

[23] Там же, стр. 260.

[24] См. показания А. Л. Линева по делу о читальне (ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 81).

[25] Герцен АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 454 (в автографе описка: 10 марта).

[26] Герцен АН, т. XVII, стр. 242.

[27] Письмо Герцена к Тургеневу от 29 марта/10 апреля 1864 г. — Герцен АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 454.

[28] Вторая подписка, видимо, прошла удачно. О ее результатах можно судить по сохранившемуся в архиве Герье любопытному документу — черновику письма к Н. А. Столыпину (главе русской миссии в Карлсруэ), написанному рукой Л. И. Лаврентьева с поправками Герье. В нем говорилось:

«М. г. Николай Аркадьевич,

Русские, находящиеся в Гейдельберге и Геттингене, открыли подписку на пожертвование в пользу раненых русских солдат в Польше. Я, с моей стороны, предложил гг. подписчикам собранные подпискою деньги переслать через посольство в Россию. Гг. подписчики, приняв мое предложение, изъявили вместе с тем желание, чтобы результаты подписки были обнародованы в газете „День“, издаваемой в Москве под редакциею г. Аксакова. Считая приятным долгом исполнить желание гг. подписчиков, я имею честь переслать вашему превосходительству собранную сумму со списком подписавшихся лиц и просить вас покорно переслать ее по назначению» (ЛБ, ф. Герье, 35.58).

[29] ЦГАОР, ф. 109-И, д. 100, ч. 115, л. 4.

[30] Сведения о Бакстe см. в «Лит. наследстве» (тт. 61—63) и в воспоминаниях П. Д. Боборыкина «Доктор Владимир Бакст» («Еврейская трибуна», Париж, 1920, № 26, стр. 4—5); а также: П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. II. ‹М.›, 1965, стр. 106—107.

[31] ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, лл. 314—316, 370.

[32] «Былое», 1907, № 8, стр. 196.— Линев принимал деятельное участие в делах читальни. Так, например, он литографировал и распространял известные письма Огарева, принимал участие, вместе с Константиновым, в издании какой-то книги Фейербаха и т. д.

[33] «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 110.

[34] См., например, воспоминания А. А. Слепцова («Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», т. III. Саратов, 1962, стр. 249—282), а также документы по эмиграции, опубликованные Б. П. Козьминым в «Лит. наследстве», т. 41-42, стр. 63.

[35] ЦГАЛИ, ф. 447, оп. 1, ед. хр. 19, л. 18.

[36] В. Л у г и н и н. Свидание с Маццини.— «Русская старина», 1910, № 9, стр. 484—485.

[37] Лугинину принадлежит несколько статей на эту тему и книга «Очерк двухгодичной деятельности Рождественского ссудного общества». М., 1870.

[38] Письмо Герцена к М. Мейзенбуг ⟨между 20 и 23 октября/1 и 4 ноября 1866 г.⟩.— Г е р ц е н АН, т. XXVIII, стр. 237.

[39] Письмо Герцена к сыну от 25 февраля/9 марта 1866 г.— Там же, стр. 168.

[40] ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, л. 58.

[41] Там же, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 262.

[42] Там же, лл. 356 об. — 357.— Наклонность Владимирова к сплетням имеет в виду и В. О. Ковалевский (см. далее).

Как явствует из показаний Альбертини, Тургенев встречался с Владимировым в Гейдельберге в 1862 г. и, вероятно, не раз беседовал с ним. Однако сам Владимиров на следствии полностью отрицал свое знакомство с писателем. «В Гейдельберге с Тургеневым не виделся и знаком не был,— отвечал он,— знаю только, что он бывал в Гейдельберге на короткое время. Полагаю даже, что он не знает моего имени» (ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 188). Владимиров или не желал, чтобы имя Тургенева упоминалось в связи с делом о читальне, или же, что мало вероятно, свидание с автором «Отцов и детей» не оставило в его памяти заметного следа.

[43] Г е р ц е н АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 422.

[44] Письмо от 14/26 мая 1864 г. — Там же, стр. 477.

[45] ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, лл. 208, 243.

[46] Там же, лл. 106 и 199.— Об одном таком «ложном навете» сообщалось и в упомянутой записке попечителя Дерптского учебного округа. Желая, видимо, заявить о своей полной благонадежности, Стуарт указал начальству на некоего студента Вейнерта, который якобы на одном торжественном собрании «провозгласил тост в честь общей отчизны». Тем самым Стуарт обвинял Вейнерта в политическом сепаратизме, несовместимом с интересами русской самодержавной политики в Прибалтике (там же, л. 199—199 об.)

[47] См. кн.: Д. О. З а с л а в с к и й. М. П. Драгоманов. Киев, 1924, стр. 126—132.

[48] ЦГАОР, ф. 109-И, д. 222, л. 170. Уже в 1866 г. Веселитскому было разрешено уехать в Египет (там же, лл. 89, 96).

[49] М. К. Л е м к е. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908, стр. 178.

[50] ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, л. 119.

[51] Б. П. К о з ь м и н. Письмо Н. П. Огарева Н. В. Альбертини.— «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 885.

[52] Ноты разочарования звучат в письмах Н. И. Бакста 1866 г. Его настроение вызвано массовым ренегатством молодежи. «Обманы, бездушие, бессердечие ⟨...⟩,— чего-чего тут нет,— писал он Сабурову из Берлина.— Как самодовольно они теперь смеются над прошедшими увлечениями,— как будто эти увлечения и эти разочарования принадлежат мне. Нет, это много для них, они на это не способны, они — tabulae rasae, над которыми нелепые случаи наигрывают то или другое» (ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 199).

[53] А. Ф. К о н и. На жизненном пути, т. I. СПб., 1912, стр. 640—643. Здесь имеется в виду Г. Г. Перетц (см. о нем: «Лит. наследство», т. 41-42, стр. 56).

[54] «Вопросы литературы», 1959, № 1, стр. 180—181.

[55] С. С в а т и к о в. Из воспоминаний о Е. В. де Роберти.— «День», 1915, № 119, 2 мая.

[56] А. И. Г е р ц е н. Поли. собр. соч. и писем, т. XVII. Пг., 1922, стр. 72.

[57] Письмо от 21 февраля/4 марта 1864 г.—Г е р ц е н АН, т. XXVII, кн. 2, стр. 441.

[58] «Лит. наследство», т. 64, 1958, стр. 737.

[59] ИРЛИ, 8082. LXVIIб. 115, л. 21.

[60] «Вестник Европы», 1915, № 5, стр. 421.

[61] ЦГИА СССР (Ленинград), ф. 1282, оп. 1, № 1149, л. 10.

[62] См., например, письмо Тургенева к Н. И. Баксту 10/22 марта 1866 г. — Л. Ф. де Роберти Тургенев знал еще в 1859—1860 гг. («Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 478—479).

[63] Б. У. Ф. ⟨Икскюль-Фиккель⟩. Иван Сергеевич Тургенев в 1839—1882 гг. — «Русская старина», 1884, № 5, стр. 395.

[64] Н. И. Пирогов. Указ. изд., стр. 335—336.

[65] П. Новицкий. С берегов Рейна.— «Время», 1862, № 7, стр. 171—181.

[66] «В Гейдельберге много русских,— каждый день прибывают новые. Что делают они? А все то же, что и у нас. Есть люди дельные, с стремлениями заниматься делом, наукой, и в самом деле занимающиеся; есть и шелопаи,— собачники, голубятники, губки, пропитавшиеся пивом, есть всякие»,— писал Альбертини Краевскому 6 октября 1862 г. (ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, л. 119). Ср. с оценкой «собачников» в указ. статье Новицкого, стр. 172.

[67] «Голос», 1870, № 135, 17 мая.

[68] М. Волзовский. Из Гейдельберга. — «Библиотека для чтения», 1864, № 4-5, стр. 23—24.—У. ⟨С. А. Усов.⟩ Из Гейдельберга. Немецкое решение русской усобицы.— Там же, № 6, стр. 19—20.

[69] «Вестник Европы», 1903, № 4, стр. 541.— Характеристику женевской эмиграции, очень близкую по тону к губаревским сценам «Дыма», дал М. В. Авдеев в письме к Тургеневу от 30 октября 1865 г. (см.: Тургеневский сборник, I, 1964, стр. 408—409).

[70] «Лит. наследство», т. 62, стр. 268, 270.

[71] Новицкий, человек далеко не крайних радикальных взглядов, но к III Отделению никакого отношения не имевший, был обвинен в шпионстве в 1862 г.; В. И. Касаткин распространял какую-то сплетню о П. С. Мошкалове («Лит. наследство», т. 62, стр. 395); П. В. Долгоруков обвинил без достаточных оснований Л. Блюммера в шпионстве в 1864 г. и т. д. Интересно, что слух о «шумихе», поднятой молодежью в Гейдельберге, достиг Петербурга еще в 1862 г. «О Гейдельберге в Петербурге — дурная молва,— сообщал Альбертини Краевскому 19 ноября.— Это — чистая напраслина. Я знаю тут более людей серьезных и дельных, чем бродыхлыстов; без них, последних, нигде не обходится; но ведь по ним не следует делать общие заключения» (ГПБ, ф. 391, письма Альбертини, л. 127). По выражению Тургенева, «город Гейдельберг отличался сочинением сплетен» еще в 1860 г.; там распустили слух, что автор «Записок охотника» «держит у себя насильно крепостную любовницу», а Бичер-Стоу его «в этом публично упрекала» (Тург АН. Письма, т. IV, стр. 147). Об этой сплетне Тургенев упоминает в «Дыме».

[72] Письмо Тургенева к Полине Виардо от 29 марта/10 апреля 1867 г.

[73] Как свидетельствует один из бывших эмигрантов, Е. К. Гижицкий, К. Маркс, наблюдавший за жизнью русских в Германии, говорил: «Между русскими встречаются странные личности, они живут за границей, называют себя эмигрантами, говорят не иначе как под секретом; несмотря на то, что называют себя эмигрантами, боятся на каждом шагу скомпрометироваться; а потом, смотришь, возвращаются себе в Россию и живут себе там преспокойным образом» («Лит. наследство», т. 41-42, стр. 1).

[74] «Общее дело», 1879, № 20, стр. 9.

[75] См., например: Л. В. Пумпянский. «Дым». Историко-литературный очерк.— Соч. 1930, т. IX, стр. X—XII; А. Г. Цейтлин. «Дым».— Сб. «Творчество И. С. Тургенева». М., Учпедгиз, 1959, стр. 399.

[76] В черновом автографе «Дыма» указанное примечание Тургенева звучало еще определеннее: «Вот цифры русских студентов в Гейдельберге за 1862—1866 годы — по семестрам: ⟨*пропуск*⟩ Нечего и прибавлять, что в течение этого времени никаких затруднений к выезду за границу не прибавилось» (Тург АН. Сочинения, т. IX, стр. 421).

[77] ЛБ, ф. Герье, 47.26, л. 15.

[78] А. Н. Луканина. Мое знакомство с И. С. Тургеневым. — «Северный вестник», 1887, № 3, стр. 52.

[79] Это было замечено еще современниками Тургенева. Н. Н. Страхов, например, так писал в статье о «Дыме»: «Немало в „Дыме“ выходок против людей и мнений, принадлежащих к движению до 1862 года; но несравненно многочисленнее, продолжительнее и сравнительно сильнее выходки против мнений и настроений, получивших верх после 1862 года» («Отечественные записки», 1867, май, кн. 1, стр. 172).

[80] «Журнал Министерства народного просвещения», 1864, ч. CXXII, отд. II, стр. 344.— Тургенев, видимо, хорошо был осведомлен о популярности этих взглядов среди русских в Гейдельберге. Писатель был близко знаком с Лугининым, основателем первого в России ссудо-сберегательного общества на кооперативных началах, с Е. В. де Роберти, также живо интересовавшимся этим вопросом (см. его письма к Г. Н. Вырубову — ИРЛИ, 2193. VIм. 51).

[81] Эти вопросы обсуждались и в демократических кругах России. Так, М. А. Антонович перевел книгу Э. Пфейфера «Об ассоциации» (СПб., изд. О. И. Бакста, 1866). Влияние этой книги было столь велико, что началось создание товариществ по примеру ассоциаций Шульце-Делича; это подчас принимало комическую форму (см.: А. М. Скабичевский. Литературные воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 226—227). Много внимания уделял проблеме ассоциаций и В. А. Зайцев.

[82] «Лит. наследство», т. 63, стр. 245—246.

[83] Тург АН. Сочинения, т. IX, стр. 425.— Образ Губарева связан с русскими гейдельбержцами и еще одной конкретной чертой. Лаврентьев сообщал Герье в одном из писем середины 60-х годов, что русские «радикалы» в Гейдельберге любят озадачить

всякого новоприезжего вопросом: «Позвольте узнать ваши политические убеждения». При этом Лаврентьев подчеркивает, что «таких людей немало», и ссылается на конкретные факты (ЛБ, ф. Герье, 47. 26, л. 21). Подобные явления, видимо, наблюдал и Тургенев. Один из первых вопросов, который Губарев задает Литвинову: «Вы, позвольте узнать, каких придерживаетесь мнений? ‹...› Да, то есть, собственно, какие ваши политические убеждения?» (гл. IV).

[84] Кроме того, в черновой и наборной рукописях «Дыма» более, чем в окончательном тексте, подчеркнуто близкое знакомство Губарева с идеями круга «Современника» (см. об этом в комментарии Е. И. Кийко к роману: Тург АН . Сочинения, т. IX, стр. 514).

[85] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 422.

[86] Ленинский сборник, т. XIII. М.—Л., 1930, стр. 102.

[87] «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 14.

[88] См., например, подборку высказываний Тургенева на эту тему в кн.: «Русские писатели о литературном труде», т. II. Л., «Сов. писатель», 1955, стр. 747—756.

[89] Г. А. Б я л ы й. И. С. Тургенев.— В изд.: История русской литературы, т. VIII, кн. 1. М.—Л., АН СССР, 1956, стр. 398.

[90] Прототипы романа «Дым» раскрыты в исследованиях: А. М а з о н, стр. 88—90; см. также комментарии к роману «Дым» — Соч. 1930, т. IX, стр. 419—437.

[91] «Тургенев и его время». М.—Пг., 1923, стр. 294 (приведены пометы на экземпляре «Русского вестника», принадлежавшем члену Совета министра внутренних дел В. М. Лазаревскому).

[92] Письмо к Н. Н. Рашет от 7/19 декабря 1866 г.

[93] Письмо к П. В. Анненкову от 14/26 февраля 1868 г.

[94] ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 349 об.

[95] «Вестник Европы», 1903, № 4, стр. 541.

[96] См. А. Г. Ц е й т л и н. Литературные цитаты у Ленина. М.—Л., 1934, стр. 70—72, а также мою статью «Образы романа И. С. Тургенева „Дым“ в работах и письмах В. И. Ленина».— Сборник студенческих научных работ ЛГУ, вып. 4, 1963, стр. 240—249.

[97] См. мою заметку об этом — «Русская литература», 1959, № 4, стр. 199—202.

[98] О графине Салиас как возможном прототипе образа Суханчиковой см. Соч. 1930, т. IX, стр. 423—424.

[99] ЦГАОР, ф. 95-И, оп. 1, д. 311, л. 136.

[100] Г е р ц е н АН, т. XXIX, кн. 1, стр. 89 и 101.

[101] «Лит. наследство», т. 61, стр. 594.

[102] Г е р ц е н АН, т. XIX, стр. 261.

[103] Там же, т. XXIX, кн. 1, стр. 102.

[104] Там же, стр. 260.

[105] Там же, стр. 326.

[106] Письма к Огареву.— Там же, т. XXVII, кн. 2, стр. 556; т. XXVIII, стр. 9.

[107] Письма от мая 1868 г. (без числа) и от 25 апреля/7 мая 1868 г.— Там же, т. XXIX, кн. 1, стр. 352 и 332.

[108] С. С в а т и к о в. Указ. воспоминания о Е. В. де Роберти.

[109] С. С в а т и к о в. Русские студенты в Гейдельберге (1861—1862 гг.).— «Новый журнал для всех», 1912, № 12, стр. 69—81.

[110] ЛБ, ф. Герье, 47. 27, л. 26.

[111] Подробнее о заглавии романа см. в моей заметке — «Вестник ЛГУ», 1962, вып. 1, стр. 159—161.

[112] В письме к Анненкову от 24 апреля/6 мая 1867 г. Тургенев писал: «... что-то скажет Писарев? Не смейтесь! Для меня это довольно важно — как симптом».

[113] Д. И. П и с а р е в. Сочинения, т. IV. М., Гослитиздат, 1956, стр. 424—425.

[114] Там же, стр. 424.

[115] Д о б р о л ю б о в, т. II, стр. 208.

[116] См., например, отклики на книгу Кельсиева «Пережитое и передуманное»: «Вестник Европы», 1868, № 7; «Неделя», 1868, №№ 11, 27, 46; 1869, №№ 1—4; «Отечественные записки», 1868, № 12.

[117] Имеется в виду статья Н. Я. Николадзе «Русская эмиграция» («Современность», Женева, 1868, № 3) и ответ на нее А. А. Серно-Соловьевича «Миколка-публицист. По поводу статейки „Русская эмиграция“». Женева, 1868.

[118] Д о б р о л ю б о в, т. II, стр. 208.

«НОВЬ»

Статья А. Г. Цейтлина

1

После напечатанья «Дыма» Тургенев-романист умолкает почти на десятилетие. Лишь в 1877 г. в журнале Стасюлевича «Вестник Европы» (кн. 1 и 2) выходит в свет «Новь», названная «романом», очевидно, из-за ее большого объема [1]. Напомним, что все предыдущие романы назывались Тургеневым повестями, но для «Нови» было сделано исключение. В беседе с Б. А. Чивилевым Тургенев скажет: «Роман такой, какого еще, кажется мне, до сих пор не писал... *по крайней мере по объему*.— Ну, а по замыслу?— спросил я.— И по замыслу это будет даже позначительнее „Отцов и детей"...»[2]. В другом случае Тургенев придаст «Нови» иное жанровое определение, но будет почти так же энергично настаивать на важности ее замысла. «Так как я на этой повести имею намерение раскланяться с читателями, то я хочу положить в нее все, что у меня на душе, благо сюжет попался — как мне кажется — подходящий»,— пишет он Стасюлевичу [3].

Роман «Новь», посвященный изображению «хождения в народ», дался Тургеневу с большим трудом и писался им медленнее всех его предыдущих романов. Замысел произведения о революционных народниках возник относительно рано — в 1872 г.— и характеризовал все ту же беспримерную чуткость Тургенева к только еще нарождающимся явлениям жизни. Однако у романиста занял очень много времени процесс собирания нужного ему материала. Работая над «Новью», Тургенев сблизился с рядом революционных народников, которые «стали появляться ⟨...⟩ частенько в его парижском кабинете». Познакомясь с Г. А. Лопатиным, Тургенев называл его «умницей и молодцом», «светлой головой». Беседы с П. Л. Лавровым доставили Тургеневу ценные для него сведения о русской молодежи, учившейся в ту пору за границей, и в частности о передовых русских девушках, «живших отшельницами». Он «жадно расспрашивал» Лаврова и «был взволнован» тем, что услышал [4]. Ценные сведения Тургенев получил в результате ознакомления с материалами народнических процессов и в первую очередь процесса «нечаевцев» 1871 года. Эти факты сочетались с наблюдениями, которые Тургенев собрал во время своих последних приездов в Россию в кругу высшей петербургской бюрократии и орловского крупно-поместного дворянства. Все это в феврале 1872 г. закрепилось в «кратком рассказе новой повести» и в формулярном списке действующих в ней лиц [5].

Однако писать такой роман, живя за границей, было затруднительно. «... у меня,— писал Тургенев 21 декабря 1872 г./2 января 1873 г. С. К. Кавелиной,— готов сюжет и план романа — ибо я вовсе не думаю, что в нашу эпоху перевелись типы и описывать нечего — но из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте— не взяты живьем; а *сочинять* в известном смысле я не хочу — да и пользы

от этого нет никакой — ибо никого обмануть нельзя. Следовательно, нужно набраться материалу. А для этого надо жить в России»[6].

«Большой роман» был временно «положен под сукно», и работа над ним возобновилась лишь с конца 1874 г. под влиянием тех благоприятных впечатлений, которые Тургенев вынес из своего пребывания на родине летом этого года, и тех материалов, которые были им в это время собраны [7]. Вскоре после этого был создан второй, распространенный план романа, заключающий в себе формулярные списки действующих лиц «Нови».

Обдумывание плана и собирание материалов к роману затянулось, но Тургенев не терял бодрости. 3/15 января 1876 г. он писал Салтыкову-Щедрину: «... подождите моего романа — а пока не серчайте на меня, что я, чтобы не отвыкнуть от пера, пишу легкие и незначительные вещи... Кто знает, мне, быть может, еще суждено зажечь сердца людей». С начала 1876 г. «Новь» стала писаться довольно быстро, но с большим трудом, уходившим как на самый процесс писания, так и на заключительную стилистическую отделку текста [8]. 26 октября/7 ноября 1876 г. автор «Нови» писал Полонскому: «Мой роман переписан, кончен ⟨...⟩ Что из него вышло — неизвестно; намерения были хорошие — но каково исполнение?»

Прежде чем передать «Новь» в редакцию «Вестника Европы», Тургеневу пришлось посчитаться с возражениями своего ближайшего друга, П. В. Анненкова, прочитавшего, по просьбе Тургенева, роман в рукописи. Этот первый по времени читатель «Нови» поздравлял Тургенева «с окончанием замечательного произведения, предназначенного производить бури и волнения не один год». «Вы,— говорил Анненков,— написали очень серьезную вещь, продуманную насквозь так, как с „Отцов“ не была продумана у вас ни одна вещь». В романе «всё так правильно, как часовой механизм, стоит на настоящем своем месте». Предсказывая Тургеневу реакцию «изумления, ужаса, проклятия и ругательств на первых порах», которые ему «следуют по всем правам», Анненков вместе с тем был несколько встревожен памфлетными деталями «Нови». «Вот видите ли,— говорил он о выпадах этого рода,— они уже тем несколько противны, что брошены как будто для задобрения либеральной или революционной юной партии, без нужды для романа, и при том не мотивированы ничем и стоят наголо, как личное ощущение или гневный порыв ⟨...⟩ Например, взбешенный Нежданов отвечает Калломейцеву, говоря о Ладисласе: он клеврет ренегата. Просто — но за этим восклицанием есть целая *нерассказанная* история, а без такой истории — оно становится эхом партии, камнем, поднятым на улице и брошенным в середину искуснейшей сети рассказа, хотя в памфлетном смысле оно, восклицание, совершенно верно и непогрешительно».

Тургенев был озабочен этой критикой Анненкова и писал ему: «... я желал бы знать более определенным образом значение вашего слова: памфлетический элемент. Кроме явных (и не скрываемых) намеков на Стасова, кн. Вяземского, певца Славянского — считаете ли вы, напр., обед у купца Голушкина тоже принадлежащим к области памфлета — или только некоторой карикатурой — à la Dickens». В ответ Анненков возобновил совет «избегать бесполезных скандалов при серьезном деле»: «... как ни забавно у вас сравнение, например, одного лица с выражением физиономии И⟨оанна⟩ Предтечи, нажравшегося акрид — я хохотал ему от души — но не есть ли это именно *бесполезный* скандал. Да вот еще вспомнил. Превосходный ваш дьякон с лошадиным хвостом на голове вопрошает учеников деревенской школы о поздних родах мамаши богородичной. Мне кажется это очень придуманной чертой, вывертом, не очень подходящим ни к дьякону, ни к школе, а бесплодный скандал в результате неизбежен».

Эта переписка Тургенева с Анненковым в конце 1876 г. чрезвычайно интересна, поскольку она содержит указания на ряд неизвестных нам деталей первоначального текста и касается сатирических тенденций, столь характерных именно для этого романа. Тургенев посчитался с некоторыми советами Анненкова, однако он не мог освободить «Новь» от памфлетности, содержавшейся в самом идейно-художественном замысле этого романа. Впрочем, и сам Анненков в дальнейшем просил Тургенева: «... вы не очень-то кладите слова мои в строчку. Они частью происходят и от старости желудка, не ценящего более разные пикантные haut gout * и уже не переваривающего трюфелей и пикулей, но это не резон, чтобы других лишать приправы, особенно у нас, где многие только ею и питаются».

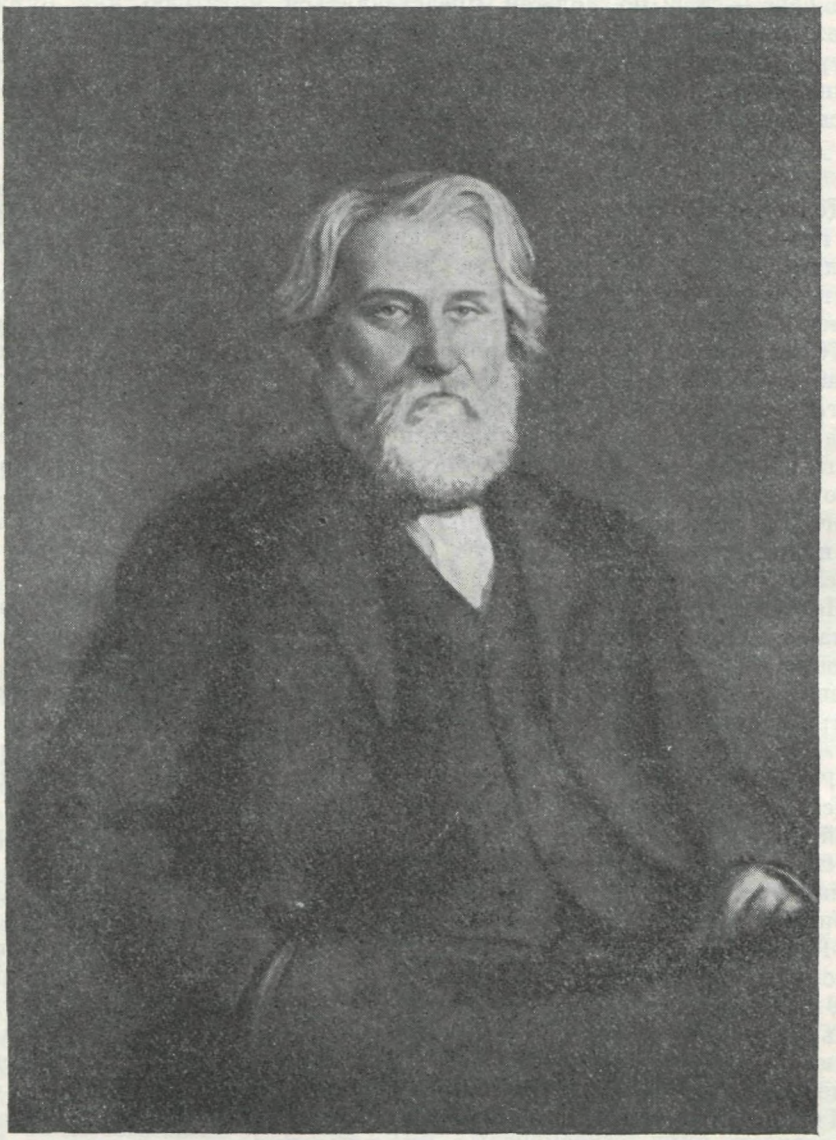
После того как Тургенев завершил эту дополнительную работу и рукопись «Нови» была переслана в редакцию «Вестника Европы», началось ее трудное хождение по мытарствам цензуры. Роман едва не был запрещен к печати; особенно тяжелая угроза нависла над его второй частью. «Вы, — писал Тургеневу Анненков,— должны уже теперь знать, какой цензурный ураган прошел мимо 2-й части „Нови“, но не задел ее и не опрокинул. У меня есть предположение, что спасением своим „Новь“ обязана какому-нибудь Нептуну повыше Тимашева или, может быть, Нептунше, которые и вогнали эоловых детей в преисподнюю»[9]. Тургенев воспринял появление второй части «Нови» в «нетронутом виде», как «вещь необычайную» («слишком много было шансов *против*»[10]), а угрозу ее «истребления» объяснял тем, что он тронул «больное место» самодержавной России [11].

Идейный замысел «Нови» нашел обстоятельное раскрытие уже в программе к этому роману. В основу его легло противопоставление «романтиков реализма» «настоящим практикам на американский лад». Первые «ищут в реальном ⟨...⟩ нечто великое и значительное, а это вздор: настоящая жизнь прозаична и должна быть такою»; вторые «так же спокойно делают свое дело, как мужик пашет и сеет». Первых представляет в романе Нежданов, вторых — Соломин; вокруг них сгруппированы остальные персонажи «Нови».

Работа Тургенева над программой и биографическими формулярами этого романа чрезвычайно любопытна. Здесь впервые были намечены стилистические формулы, которые затем раскрылись в тексте романа. Первоначальный замысел романа, записанный 17/29 июля 1870 г., начинается так: «Мелькнула мысль нового романа. Вот она: есть *романтики реализма* ⟨...⟩ Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу». «Знаете, кто он, собственно, был? Романтик реализма!»— скажет в XXXVIII главе о Нежданове Паклин. В биографическом формуляре о Нежданове сказано: «Темперамент *уединенно-революционный, но не демократический*»; в романе: «Ну, брат, — промолвил Паклин,— я вижу: ты хоть и революционер, а не демократ!» (гл. II). Сипягина в формуляре охарактеризована как «русская позёрка», в романе она, говоря словами Марианны в главе XIII,— «вся ложь», «комедиантка», «позёрка» и т. д.

За каждым из образов «Нови» стоит или один определенный прототип, или несколько моделей, использованных романистом в их совокупности. О Паклине записано: «рот, как у Языкова (М. А.)», «взять несколько от наружности Скачкова». О Марианне: «Наружность вроде Луизы ⟨дочь Виардо⟩, только более женственная». О Сипягине: «Средняя пропорциональная между Абазой и Жемчужниковым (и Валуевым)...». О Калломейцеве: «Рабски и по мере возможности оскорбительно списать Ивана Петровича Новосильцева, прибавив к нему Маркевича. Надо, чтоб промелькнул его двоюродный брат Мишка Лонгинов». Как и «Дым», «Новь» при-

* деликатесы (франц.).



ТУРГЕНЕВ

Портрет маслом Н. Н. Ге. Авторское повторение, 1882. Впервые портрет был выполнен в 1871 г. в Петербурге

Музей Л. Н. Толстого, Москва

надлежит к числу романов, наиболее богатых «личным», прототипическим материалом.

В «концепте» «Нови» уже определились идейные задачи, которые Тургенев здесь перед собою поставил. О Нежданове и Соломине он писал еще в 1870 г., за шесть лет до окончания романа: «Фабула мне еще далеко не видна..., но вот что steht fest*: № 1 должен кончить самоубийством ⟨...⟩

* установилось твердо (нем.).

Nota bene — № 2 не должен представляться читателю как буржуа и отсталый, а нигилистка должна возбуждать сочувствие ⟨...⟩. Женская фигура (нигилистка) должна пройти in dem Hintergrund*». Все эти идейно-композиционные задания самому себе Тургенев настойчиво стремился выполнить.

2

Действие «Нови» точно датировано 1868 годом; лишь события последней главы романа перенесены на два года позднее. Некоторые исследователи обвиняли Тургенева за эту датировку, находя гораздо более уместным изображение позднейшего этапа народнического движения. «Неясно,— заметил, например, Л. В. Пумпянский,— почему Тургенев в 1876 году выбрал для своего романа не главную эпоху хождения в народ, не знаменитую весну 1874 года, а гораздо более раннюю, первичную фазу своего движения, лето 1868 года, когда революционной молодежью произведены были лишь первые попытки проникновения в толщу народной массы. Цензурные трудности были бы не больше. Вероятная причина чисто литературная: „Новь“ не удалась, не удалась именно в роли развернутого, широкого общественно-политического романа; тем больше была бы эта неудача, если бы Тургенев попытался изобразить массовое политическое движение 1874 года»[12].

Не будем говорить здесь о мнении Пумпянского, будто бы «Новь» «не удалась» — как будет показано далее, в тургеневском романе правдиво отражен ряд существенных сторон русской действительности, в том числе и революционно-народнической борьбы. Утверждение Пумпянского игнорирует важнейшие факты творческой истории романа. Тургенев задумал «Новь» еще в 1870 г. почти за четыре года до начала «хождения в народ», и, естественно, не мог отразить его наивысшего подъема. 1868 год представлялся романисту началом нового этапа в жизни русской передовой молодежи, и он это очень точно подчеркнул в своих характеристиках «текущего момента». Первая из них содержится уже во второй главе «Нови» и вложена в уста героя романа, Нежданова. «Какая тебе еще неприятность нужна? — закричал он внезапно зазвеневшим голосом.— Пол-России с голода помирает, „Московские ведомости“ торжествуют, классицизм хотят ввести, студенческие кассы запрещаются, везде шпионство, притеснения, доносы, ложь и фальшь — шагу нам ступить некуда...». Здесь каждое слово героя может быть подтверждено реальными фактами эпохи. Тургенев напоминает, что в 1868 г. уже не существовал «Колокол» Герцена, что только что начал входить «в силу лицей г-на Каткова» и т. д.

Избранная Тургеневым дата начала «Нови» объективно совпадала с существенными сдвигами в русском освободительном движении. «Белый террор», отдельных проявлений которого коснулся Нежданов, был результатом неудачи выстрела Каракозова и разгрома ишутинской организации. «В конце 60-х годов, в связи с прогрессирующим разорением и голодовками в деревне, снова стало острее сказываться недовольство среди крестьянства. 1868—1869 годы ознаменовались возрождением открытого студенческого движения. 1868 год — пора, когда „Отечественные записки“ Краевского перешли в руки Некрасова и Щедрина, когда из-за границы в Россию попал журнал М. А. Бакунина „Народное дело“, когда в „Неделе“ началось печатание одного из основных теоретических произведений народничества — „Исторических писем“ П. Л. Лаврова. Ближайший же год принес с собою публикацию программной для русского народничества статьи Н. К. Михайловского „Что такое прогресс“ и революционную деятельность кружка Нечаева и Ткачева, последователей

* на заднем плане (нем.).

Бакунина, планировавших на весну 1870 года начало всероссийского восстания против царизма»[13]. Разумеется, Тургенев знаком был не со всеми этими фактами. Однако чутьем большого художника, в высокой мере обладавшего «тактом действительности», он почувствовал, что именно эта пора была началом нового этапа в развитии русской общественной мысли [14].

Изображая события 1868 года, автор «Нови» естественно должен был ответить на вопрос о том, каково положение народной массы, крестьянства, освобожденного от крепостной неволи. Романист ответил на этот вопрос лапидарной формулой Нежданова: «Пол-России с голода помирает». В «Нови» не было картин крестьянской голодухи, но Тургенев подчеркнул, что она является следствием жестокой эксплуатации крестьян помещиками. Маркелов спрашивает Нежданова: «... когда наши предшественники устроили освобождение крестьян — что ж? могли они предвидеть, что одним из последствий этого освобождения будет появление целого класса помещиков-ростовщиков, которые продают мужику четверть прелой ржи за шесть рублей, а получают с него ⟨...⟩: во-первых, работу на все шесть рублей, да сверх того ⟨...⟩ целую четверть хорошей ржи — да еще ⟨...⟩ с прибавком! то есть — высасывают последнюю кровь из мужика!» (гл. XXI)[15]. Недалекий Маркелов не винит «наших эманципаторов», которые всего этого «предвидеть не могли». Он полностью отражает здесь либеральные мнения самого Тургенева, идеализировавшего крестьянскую реформу. Однако даже Тургенев вынужден был признать, что объективным «последствием» этой реформы явилось стремительное обнищание крестьянства.

Именно следствием этой неизбывной нищеты пореформенного крестьянства является пьянство. «...в кабаках,— читаем мы в десятой главе «Нови»,— еще толпился народ. Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяные песни, гнусливые звуки гармоник; из внезапно раскрытых дверей било грязным теплом, едким запахом спирта, красным отблеском ночников. Почти перед каждым кабаком стояли крестьянские тележонки, запряженные мохнатыми, пузатыми клячами; покорно понурив кудластые головы, они, казалось, спали; растерзанный, распоясанный мужик в пухлой зимней шапке, свесившейся мешком на затылок, выходил из кабака — и, прислонившись грудью к оглоблям, пребывал недвижим, что-то слабо ощупывая и разводя и шаря руками; или худощавый фабричный в картузе набекрень, с вышущенной китайчатой рубахой и босой — сапоги-то остались в заведении — делал несколько нерешительных шагов, останавливался, чесал спину — и, внезапно ахнув, возвращался вспять...».

Эта потрясающая по своему будничному трагизму картина народного пьянства не оставляла сомнений в том, что «одолевает вино русского человека», темнит его сознание, приглушает в нем способность к протесту. Русский мужик и фабричный пьют «с горя», заливая водкой свою нищету. Ядовитый хмель приносит за собою непробудный сон:

Один царев кабак — тот не смыкает глаз;
И, штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая!

(гл. XXX)

«Темный народ,— говорит Маркелов о сипягинских мужиках.— Поучать надо. Бедность большая, а растолковать некому, отчего эта самая бедность происходит» (гл. X). За двадцать с лишком лет до толстовского «Воскресения» Тургенев показывает в «Нови» политическую темноту бывших крестьян Маркелова и их патриархальную консервативность.

«Прежний их помещик, по их словам, был барин простой, только чудаковатый; они пророчили ему разорение — потому: порядков не знает и всё на свой салтык норовит, не так, как отцы». Несознательность русского пореформенного крестьянства изображена Тургеневым в своей предельной концентрированности. «Маркелов вздумал разъяснить крестьянам принцип ассоциации и ввести ее у себя, а они упирались. Один из них даже сказал по этому поводу: „Была яма глубока... а теперь и дна не видать...“ — а все прочие крестьяне испустили глубокий, дружный вздох, что совсем уничтожило Маркелова» (гл. XI).

Во всем этом еще не было искажения действительности: патриархальные и косные крестьяне боялись непонятных для них нововведений, тем более опасных, что они исходили от барина, хотя бы и «простого». Знаменательно, однако, что народнический революционер Маркелов делал ставку не на наиболее сознательных, а на самых «никудышных» крестьян. Среди них — сипягинский буфетчик Кирилл, известный «как горький пьяница». «Забубенная голова,— аттестует его Маркелов,— да ведь нам деликатничать не приходится» (гл. X). В более чем сомнительном активе Маркелова значился «еще какой-то Менделей, по прозвищу Дутик; только на этого Дутика положиться было трудно: в трезвом виде храбр, а в пьяном труслив; и почти всегда пьян бывает». Нежданов готов был увидеть в этом общий закон крестьянской революции, адептами которой делались лишь одни «изгои» русской деревни: «Я заметил: коли кто уж очень охотно тебя слушает и книжки сейчас берет — знай: этот из плохоньких, ветерком подбит» (гл. XXX).

Маркелов и Нежданов выражали здесь одно из самых твердых убеждений Тургенева, еще в 1862 г. писавшего Герцену: вы «в сущности *отрекаетесь от революции*—потому что народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор par excellence* — и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности — что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах»[16].

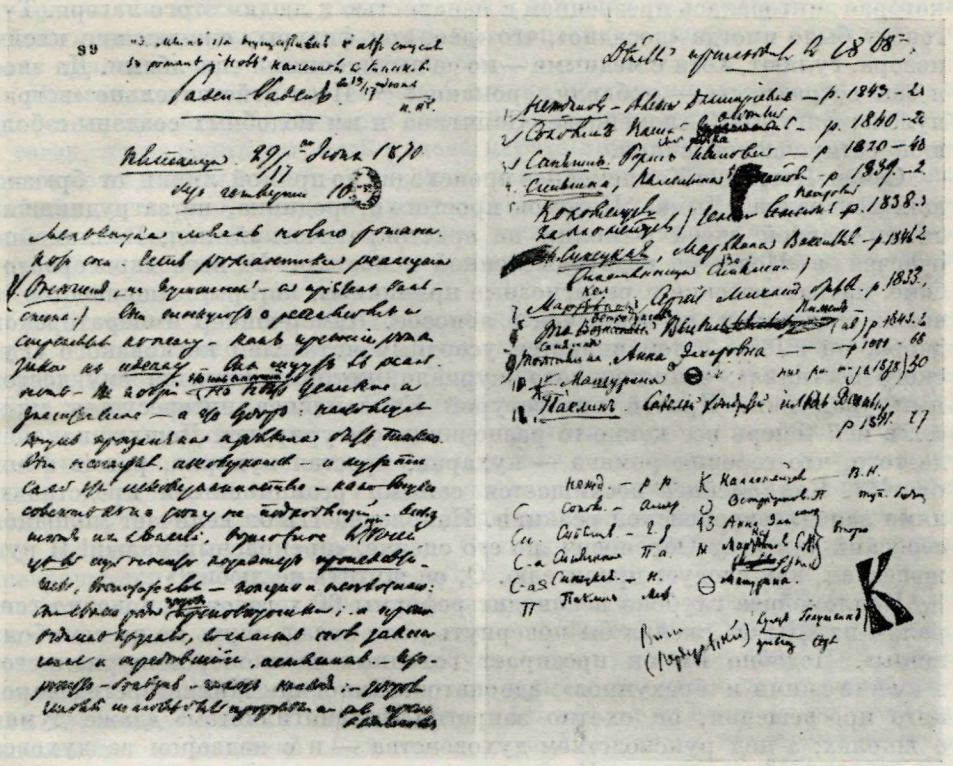
Тургенев был абсолютно прав в отношении «зародышей буржуазии», возникшей в недрах русского крестьянства, в кулачестве. Он его, правда, не изобразил в «Нови», но оставил его достаточно выразительную зарисовку [17]. Крестьян же он часто наделял чертами дворянской рефлексии: «Помнишь,— напоминал Нежданов,— была когда-то — давно тому назад — речь о „лишних“ людях, о Гамлетах? Представь: такие „лишние люди“ попадаются теперь между крестьянами!» (гл. XXX).

Крестьянская масса «Нови» представляет собою лишь анархически настроенную толпу. Символом этих «борцов» является «голоплецкий Еремей». Как бы олицетворяя собою русский народ в сметке и в преданности прогрессивным идеям века, он в то же время первым завязал Маркелову руки за спину и представил его по начальству. Образом Еремея Тургенев стремился подчеркнуть, что простой народ не пойдет за Маркеловыми и Неждановыми и что ему враждебна самая идея революции. В первом автор «Нови» был безусловно прав; во втором ярко проявилась его либеральная ограниченность.

Отвечая в 1876 г. одному своему корреспонденту, желавшему побеседовать с ним по вопросам крестьянского быта, Тургенев заявил: «...с точки зрения вашей специальной цели я едва ли могу быть вам полезен, ибо уж так давно живу в отдалении от русских крестьян, что сведения мои утратили всякую свежесть»[18]. Это отсутствие «свежести», недостаточное

---

* по преимуществу (франц.).



«НОВЬ»

Первоначальный замысел романа и список действующих лиц

Черновой автограф, 1870—1872. Лист 1 и 1 об.

На первой странице помета автора: «Мысль эта осуществилась 6 лет спустя в романе „Новь", конченном в Спасском 15/27 июля. И. Т.»

Национальная библиотека, Париж

знание народа явственным образом отразилось в «Нови». Тургенев вывел там различные типы крестьян, но об одном, и именно наиболее протестантском, сказал почти мимоходом. «А то еще вот на какого я наскочил... впрочем, этот был из сердитых. „Уж ты, говорит, барин, не размазывай — а прямо скажи: отдашь ли ты всю свою землю, как есть — аль нет?" — „Что ты,— отвечаю я ему,— какой я барин?" (И еще, помнится, прибавил: Христос с тобою!) — „А коли ты из простых,— говорит,— так какой в тебе толк? И оставь ты меня, сделай милость!"» (гл. XXX).

Этих крестьян, «сердитых» на владевших землею бар, было уже немало в пореформенной русской деревне. Лучшие из них пошли в народнические кружки и приняли участие в революционной борьбе; нам известно самоотверженное поведение таких крестьян на политических процессах 70-х годов. «Новь» почти не отразила эту замечательную разновидность пореформенного русского крестьянства. И причина этого заключается не только в возможных цензурных преследованиях и даже в недостаточной информированности романиста, но прежде всего в том, что замысел романа основывался на идее *безучастности* «народа» к революции, осуществляемой «меньшинством образованного класса».

Итак, крестьяне показаны в «Нови» забитыми, покорными и политически пассивными, но вместе с тем жестоко эксплуатируемыми дворянами [19]. А деятели реакции изображены Тургеневым с той силой обличения,

которая диктовалась презрением и ненавистью к людям этого лагеря. Тургеневу было иногда «досадно», что «две, три фигуры, ожидающие клейма позора, гуляют, хотя с медными — но не выжженными еще лбами. Да авось я еще встряхнусь»,— добавлял романист [20]. И он действительно «встряхнулся»: фигуры Калломейцева, Сипягина и им подобных созданы с большой сатирической силой.

Семен Петрович Калломейцев происходит по прямой линии от брюзжащих генералов «Дыма». Потомок простого огородника, не затруднившийся переделкой своей фамилии на аристократический лад, Калломейцев очерчен в «Нови» с недвусмысленной ясностью. У него «консервативные, патриотические и религиозные принципы», которые защищаются им всеми средствами, не исключая и доносов. Камер-юнкер императорского двора, он вместе с тем является усердным читателем катковского «Русского вестника», единственного журнала, который кажется ему достойным уважения. Прочей литературой Калломейцев интересуется мало: «... в ней теперь все какие-то разночинцы фигурируют. Дошли, наконец, до того, что героиня романа — кухарка, простая кухарка, parole d'honneur!*». Калломейцев восхищается самыми реакционными представителями западноевропейской реакции. Наполеона III он величает молодцом, сербский диктатор Обренович, по его оценке, «прекрасный малый! И рука железная, как следует правителю. О, он шутить не любит!»

Калломейцев глубоко ненавидит реформы 60-х годов и, подобно генералам из «Дыма», желал бы повернуть дело назад, «чуть не до семибоярщины». Подобно им он презирает голодных щелкоперов-журналистов, а вместе с ними и «брехунцов», адвокатов. Чиновник Министерства народного просвещения, он охотно запретил бы «нигилистам» «даже думать о школах; а под руководством духовенства — и с надзором за духовенством — сам бы заводил». Надзор за всем опасным и антиправительственным осуществляется Калломейцевым со всей энергией. В бытность свою чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе он «навострился ⟨...⟩ на красных, да вот еще на раскольников», которых он, как гончая собака, брал «верхним чутьем». Принадлежа к новой породе помещиков-ростовщиков, готовых заводить «собственные кабаки» «да ссужать мужичков хлебом и деньгами за сто и за полтораста процентов», Калломейцев был фигурой глубоко типической. Образ этого защитника дворянских прерогатив в какой-то мере даже опережал свое время. «Из таких людей, потерявших уважение даже к собственной среде ⟨...⟩, позднее набрался состав первых земских начальников (1889). Фигура Калломейцева — ценный исторический документ к истории подготовки „системы“ Александра III» [21].

«Консерватор-Калломейцев поразительно гнусная личность; выставь его Тургенев одного, я бы решил, что мерзче и гаже быть ничего не может, но, узрев в романе либерала-Сипягина», я решил, «что либерал-Сипягин — трипль-экстракт, квинт-эссенция мерзости и подлости»,— писал народник эмигрант Алисов [22]. Сипягин действительно в какой-то мере «гаже», ибо лицемернее Калломейцева. В программе «Нови» мы читаем: «Неделя в дворянском, не очень барском, либеральном доме. Всю фальшь выставить». В образе Сипягина в самом деле раскрыта была «вся фальшь» дворянско-бюрократического либерализма. В отличие от Калломейцева, Сипягин движется к власти «учтиво и мягко», обнаруживая в отношении демократической молодежи «какую-то заискивающую снисходительность»: ведь он «известен как человек убеждений либеральных, прогрессивных». Сипягину как будто бы чужд махровый консерватизм. Все в нем: пренеудобный и пребезобразный шотландский дорожный картуз,

* честное слово! (франц.).

рукопожатие враскачку, умильная речь, текущая «без малейшей запинки» и достигающая «высот истинного красноречия»,— должно характеризовать человека европейской культуры.

Все это, однако, только маска. Сипягин постоянно играет, непрерывно рисуется, неизменно лицемерит перед своими слушателями. Он делает это и тогда, когда велит устроить в своей карете книжную полку: «Борис Андреич не то, чтобы любил,— а желал, чтобы другие думали, что он любит работать в карете, подобно Тьеру». Он позирует и тогда, когда приветствует собеседника «с высоты своего галстуха», и тогда, когда задает вопрос единственно для важности, и тогда, когда ораторствует на тему о дворянской предприимчивости.

Сипягин не просто либерал, но «либеральный бюрократ»; именно отсюда возникает его лицемерие. Дядя «вовсе не человек, он чиновник»,— справедливо говорит о Сипягине Марианна. Либерализм для Сипягина — всего лишь путь к карьере. Неглупый и расчетливый Сипягин понимает, что время «реформ» еще не прошло и что правительству нужны люди, которые проводили бы нужный курс руками, облеченными в мягкие перчатки. Эти перчатки могут быть, однако, мгновенно сняты, когда для благополучия Сипягина возникает определенная угроза. Узнав о том, что его шурин Маркелов арестован, Сипягин из «либерала» немедленно превращается в «льва рыкающего».

Уже раньше, получив оскорбительный для него отказ Соломина, Сипягин подумал, что тот «ломается, как истый плебей.— Все эти русские, когда вообразят, что знают что-нибудь,— из рук вон! — Au fond*, Калломейцев прав!». Теперь, в момент угрозы, возникшей для его дальнейшей карьеры, Сипягин окончательно сближается с Калломейцевым. Он выпытывает у Паклина местонахождение Нежданова и доносит на него губернатору; он не брезгает даже тем, чтобы уговаривать Маркелова покаяться перед властью. В сцене у губернатора [23] Сипягин полностью раскрывает свое существо реакционера, лишь по тактическим соображениям напялившего на себя либеральную одежду. По остроумному выражению Г. А. Бялого, Тургенев здесь «не позволяет Сипягину отделить себя от Калломейцева»[24].

«Позёрка» и «мадонна», Валентина Михайловна Сипягина действовала аналогичным образом в пределах своего дома, стремясь покорить крамольного нигилиста, шпионя за Марианной и в конце концов спровоцировав ее на бегство от Сипягиных [25].

Вокруг этих образов в критике 70-х годов разгорелась оживленная полемика. «Русский вестник» находил, что «как типы, они удачно схвачены с внешней стороны; как фикция — они, так сказать, памфлетны и в общем довольно ничтожны, чтобы служить вместилищем столь необъятной антипатии, какую обнаруживают к ним остальные действующие лица романа»[26]. Рупору идей «дворянского реванша» вторил «Голос»: «... Сипягины и Калломейцевы — даже не одиозные люди; они просто карикатуры, и намеренное преувеличение автором их природных недостатков и слабостей опять-таки слишком грубо бьет в глаза читателю»[27]. На той же точке зрения стояли: «Русский мир», находивший, что в обоих образах слишком «много напряженной разогретой злобы»[28], «Биржевые ведомости», упрекавшие Тургенева в склонности к стереотипности и шаржу [29], «Гражданин», считавший, что Тургенев «не захотел хорошенько разглядеть» и показать в консерваторах «внутреннего человека» [30]. «Что раздражило, чуть не до бешенства, ту журнальную котерию, которая так ревниво отстаивает сипягинско-калломейцевские принципы? Почему ⟨...⟩ господа этой котерии так поторопились отождествить себя с Сипягиными

* В сущности (франц.).

и Калломейцевыми и бурно поднялись на свою собственную защиту?» [31]. Их озлобление свидетельствовало о верности образов, говорило об обличительной силе тургеневского реализма.

Вся остальная печать 70-х годов единодушно отмечала правдивость фигур Калломейцева и Сипягина. Первый «очерчен оригинально, забавен и натурален»[32]. Второй «обрисован от ног до головы с тем мастерским, в высшей степени злым и тонким, свойственным только одному Тургеневу, юмором»[33]. Пререкания того и другого представляют собою «одну из самых живых и естественных страниц романа»[34]. Это люди, «метко очерченные», стоят «живьем» [35]. Чрезвычайно эмоционально о том же писал П. Ф. Алисов: «Сипягин очень опасен для многих; юноша раскроет ему доверчиво свои объятия, и Сипягин, поворковавши над ним, как сизая горлинка, понежив и поласкав по головке, немедленно сдаст его в самое темное отделение арестантского дома и сам за ним запрет дверь»; «Либерал и консерватор, выведенные в романе, не исключительные лица, это — типы типов, имя им легион; государственный высший мир ими живет и дышет»; «Господа консерваторы и либералы! К топору вас приговорил не молодой, пламенный, негодующий юноша, а великий сердцеведец, великий современный писатель, седой старик, умудренный опытом, всю жизнь тонко и сильно наблюдавший жизнь. Не знаю, как на вас подействует этот приговор, но, откровенно говоря, меня мороз дерет по коже при мысли об вас...»[36].

Даже такой резко консервативный историк русской литературы, как И. И. Иванов, признавал, что Калломейцев — «самое гнусное лицо» в произведениях Тургенева, а «русский генерал-сановник, чиновник высшего служебного положения — едва ли не единственный предмет вполне убежденного, настойчивого, очень яркого отрицательного чувства» романиста. Обе эти сатирические фигуры являются «блистательным доказательством» того, что талант Тургенева «не обнаруживал ни малейших признаков усталости и ослабления» [37].

Эти образы произвели большое впечатление на читателей. «Мир, противостоящий миру революционеров, мир Калломейцевых, Сипягиных, показался мне ненавистным. Сипягин особенно противен был своими лисьими повадками ⟨...⟩ Тургенев не дал им ни одной положительной черты»,— писал С. И. Мицкевич [38].

3

Итак, Тургенев проявил в «Нови» глубокое сочувствие к нищему и бесправному крестьянству и вместе с этим — ненависть к эксплуатирующему его реакционному дворянству. То и другое обусловило собою сильнейшие стороны реализма «Нови». Однако народные и дворянские представители играют в действии романа второстепенную роль. Главное внимание писателя отдано тем, кто стремится поднять крестьянскую массу на борьбу — революционным народникам.

Тургенев изобразил их, хотя и критически, но с большим сочувствием. «Молодое поколение,— писал он Стасюлевичу,— было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников,— что́, во-первых, несправедливо — а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей, как клевета и ложь;— либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что́ опять несправедливо — и сверх того вредно.— Я решился выбрать среднюю дорогу — стать ближе к правде;— взять молодых людей большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско». Тургенев считал такой замысел не обидным для революционных народников. «...молодые

люди,— писал он далее,—не могут сказать, что за изображение их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне,— если не к их целям — то к их личностям» [39].

И нужно сказать, он не ошибся в своих надеждах. Члены партии Народной Воли в своей листовке 1883 г. отмечали: «Глубокое чувство сердечной боли, проникающее „Новь" и замаскированное местами тонкой иронией, не уменьшает нашей любви к Тургеневу. Мы ведь знаем, что эта ирония не ирония нововременского или катковского лагеря, а сердца, любившего и болевшего за молодежь» [40].

Заняв в отношении революционных народников такую позицию, Тургенев не обратил достаточного внимания на внутреннюю многосоставность и противоречивость этого движения. Как основательно указывалось уже его современниками, автор «Нови» смешал два различных периода исторического развития народнического движения. Такая ошибка в ту пору была почти неизбежной: в 1876 г., когда писалась «Новь» «никто не мог хорошо знать молодежь наших кружков, не будучи сам членом этих кружков. Вследствие этого, изображенное в „Нови" может относиться лишь к ранним фазам движения» [41]. Все же более раннее, «бакунинское» течение в романе Тургенева доминирует над более поздним, «лавровским». В самом деле, уже в первой главе Пимен Остродумов рассуждает о том, что в Москве «человек один подвернулся ненадежный 〈...〉 сместить его надо, а не то и вовсе устранить»,— иначе говоря делается явный намек на убийство нечаевцами строптивого студента Иванова (ср. в XXII гл.: Василий Николаевич «ни пред чем не отступит. Если нужно — убьет»). Маркелов в главе XI толкует «о городских мещанах и семинаристах, которые были, впрочем, более полезны тем, что очень крепки телесной силой и уж как примутся действовать кулаками — так уж ну!». Маркелов «пытается поднять», «возмущает» крестьян, которые в одном из уездов «поднимаются — не хотят платить податей, собираются толпами» («уже началось!» — с радостью говорит Марианна). Наконец, Остродумов «был убит одним мещанином, которого он подговаривал к восстанию». Все эти рассыпанные по роману детали свидетельствуют об ориентации его героев на немедленное восстание. Правда, наряду с этим говорится и о хождении в народ; но им интересуются лишь герои, стоящие в отдалении от политического действия. Именно такое соотношение внутренних сил характеризовало собою раннюю пору народнического движения.

Во главе группы революционеров стоит некий Василий Николаевич — под этим условным именем скрыт Нечаев; чтение и сожжение его директивного письма (гл. II) обставлено всеми приемами подпольной конспирации [42]. Совершенно иную фигуру представляет собою Кисляков, очерченный одними комическими штрихами, человек, у которого нет, очевидно, никаких убеждений, одна громадная, растрачиваемая на пустяки энергия. Он — единственный член революционного сообщества, которого не только выпустили на свободу, но «даже не препятствовали ему снова „скакать по губерниям"» [43].

Галерея народнических персонажей «Нови» начинается подчеркнуто плебейскими образами Пимена Остродумова и Машуриной: «В этих неряшливых фигурах, с крупными губами, зубами, носами 〈...〉 сказывалось что-то честное и стойкое, и трудолюбивое». Остродумов (определенный в формулярном списке как: «семинар, тупец 〈...〉 Усердный и честный, но ограниченнейший») вполне оправдывает в действии романа эту не очень лестную характеристику. Более значителен образ Машуриной. И в ней, как и в Остродумове, акцентирована физическая непривлекательность: по мнению Тургенева, революции отдаются в первую очередь те лица, которым по тем или иным причинам не повезло в жизни. Ироническое замечание романиста об удивительном и редком «целомудрии» Машуриной вызвало возму-

щение народнической критики [44]. Однако, чем дальше развивался образ Машуриной, тем он больше наполнялся глубоким психологическим содержанием. В разговоре с Марианной неожиданно отражается внутренняя мягкость этой, казалось бы, тупой и ограниченной женщины, а в финальном разговоре с Паклиным она становится трогательной. От первой до последней строки романа Машурина одухотворена чувством глубокой любви к Нежданову.

Эта лирическая окраска образа Машуриной была с сочувствием отмечена критикой и читателями 70-х годов. «...с искусством истинного художника ⟨...⟩ несколькими штрихами г. Тургенев успел уже так оттенить внутреннее содержание этой „неряшливой фигуры", что в душу читателей успело уже запасть зерно симпатии к этой простоволосой акушерке, действительно со спартанским стоицизмом несущей тяжелый крест своей тяжелой трудовой жизни, не согретой и не освещенной взаимностью втайне любимого человека, насквозь пропитанной чувством долга и деятельным самоотвержением» [45]. Алисов оценил «любовь молчащей, грубоватой на вид Машуриной к Нежданову» и «глубоко задумался над святою деликатностью ее чувства» [46]. Вера Фигнер отмечала жизненную верность Машуриной («вылитый портрет Веры Любатович, которую мы прозвали „Волчонком" за ее резкость») [47].

Демократически настроенным читателям тех лет «очень понравились ⟨...⟩ Остродумов и Машурина; они были целиком преданы великому делу, и ничто их не могло устрашить. Их грубая внешность ⟨...⟩ привлекала, а не отталкивала...» [48].

Жизненной правдивости Тургенев добился также в образе Маркелова, связавшего свою судьбу с революцией. Правда, и его приход к ней также объяснялся многочисленными личными неудачами. В Маркелове, как и в Машуриной, оттенялась его духовная чистота: «Человек искренний, прямой, натура страстная и несчастная, он мог ⟨...⟩ оказаться безжалостным, кровожадным, заслужить название изверга — и мог также пожертвовать собою, без колебания и без возврата». В Маркелове, небогатом помещике, живет страстная ненависть к эксплуататорскому классу, из которого он вышел, и не менее горячее желание революционного дела. Тургенев оттеняет достоинство, с каким Маркелов держался у губернатора, но несколько идеализирует с либеральных позиций покорность на суде: «... его короткие, но прямые и правдивые ответы возбуждали в самих его судьях чувство, похожее на сострадание». Критика отметила психологическую верность образа Маркелова [49]. Это,— писал Михайловский,— «фигура едва ли не самая яркая и законченная» [50]. Фанатик, слепо любящий народ, он «готов пожертвовать последнею каплею крови для его блага ⟨...⟩. Одно, два поколения Маркеловых ошибутся, но третье — не ошибется» [51]. Читателями-народниками Маркелов был воспринят «как сильная личность, как смелый борец ⟨...⟩ Его решительная прямолинейность, его смелый призыв крестьян к бунту, его отказ отвечать на допросе у губернатора,— все это чрезвычайно импонировало молодому читателю» [52].

В образе Алексея Нежданова с наибольшей силой проявился свойственный автору «Нови» физиологический фатализм. Тургенев с самого начала романа подчеркивает в Нежданове его «недемократический» темперамент, ставя это в зависимость от незаконного происхождения своего героя: «отец-аристократ оставил ему в наследство свою нервозность». Герой «Нови», по его собственному признанию, «был рожден вывихнутым... хотел себя вправить, да еще хуже себя вывихнул». К началу романа Нежданов отчужден не только от аристократической, но и от демократической среды — он едет «на кондицию», чтобы «на время удалиться» от Остродумовых, Машуриных и Паклиных, ему с ними тягостно.

МАРИАННА, ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «НОВЬ»
Акварель К. Г. Кащеева, 1951
Музей И. С. Тургенева, Орел

Критики «Нови» в подавляющем большинстве своем отрицательно отозвались об этой фаталистической тенденции главного образа. Как отмечал Ткачев, «верно поняв и мастерски очертив характер Нежданова», Тургенев «не сумел объяснить ⟨...⟩ его происхождения». Он указывал на фиктивность комплекса незаконнорожденности: «... как будто гувернантка в княжеском доме» так уже «сильно отличалась по своим внутренним качествам от своего сиятельного патрона»[53]. Михайловский утверждал, что тягостное сознание Неждановым своей незаконнорожденности нетипично: «это редко бывает на Руси, особенно в том кругу, где вращается Нежданов»[54]. В русском революционном движении,— основательно указывал впоследствии Л. Г. Дейч, — «встречаются лица законнорожденные, страдающие всеми теми противоречиями, какие Тургенев приписал незаконнорожденному Нежданову, и, наоборот, бывают незаконнорожденные, вполне свободные от подобных изъянов», вроде Н. Морозова, Войнаральского и других [55].

Нежданов ненавидит дворянство. Он не только не верит в победу революции, но почти радуется собственному ничтожеству. «Коли ты рефлектер и меланхолик, какой же ты, к чёрту, революционер?» — говорит он себе в одну из особенно тягостных минут. «О Гамлет, Гамлет,— скорбно восклицает он, — ⟨...⟩ как выйти из твоей тени?..» Героем «Нови» избран человек, нисколько не верящий в революцию, лишенный энтузиазма. Пассивность крестьянства ужасает Нежданова и вселяет в него сознание полной бессмысленности борьбы: «Или уж точно взять топор?.. А на кого идти, с кем, зачем? Чтобы казенный солдат тебя убубухал из казенного ружья? Да ведь это какое-то сложное самоубийство!» Нежданов исходит из мысли, что если русский народ разбудить — «это будет не то, что *мы* ⟨народники.— *А. Ц.*⟩ думаем». Мысль эта безусловно правильна, но романист вкладывает в нее не только антинародническое, но и

антиреволюционное содержание: еще в пору своей полемики с Герценом Тургенев настаивал на величайшей консервативности русского крестьянства.

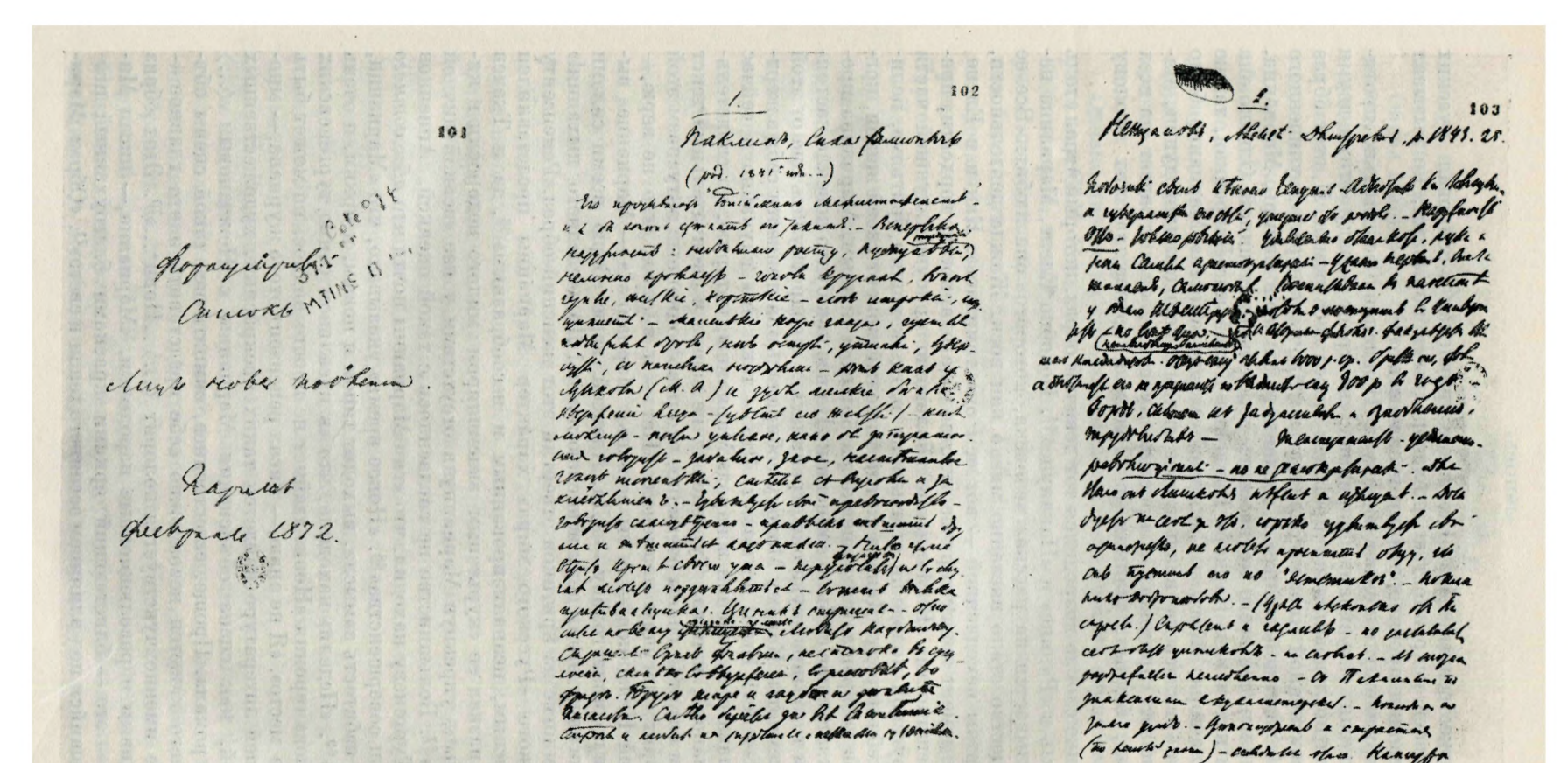
Отсутствие веры в свое дело и неумение сблизиться с народом обусловливают полную неудачу неждановской деятельности. «Вот уже две недели как я хожу „в народ" — и, ей-же-ей, ничего глупее и представить себе нельзя». Картина пропагандирования крестьян изобилует тягостными, «глупыми» подробностями, но в ней отсутствует даже революционная убежденность пропагандиста (а она-то во всяком случае существовала в действительности). Тургенев настойчиво ведет Нежданова по этому пути: ему мужики душу «помяли, хуже чем бока у Маркелова». Но после того, как Нежданов не сумел «опроститься», ему только «оставалось вычеркнуть себя совсем», что герой «Нови» и сделал.

Современное литературоведение признает в Нежданове, этом «романтике реализма», «исторически правильное выражение объективных противоречий народнического революционного сознания»[56]. В художественном раскрытии этих противоречий Тургенев пользовался своим старым литературным методом. Это было единодушно признано критикой различных направлений. Считая, что «как характер случайный, исключительный, Нежданов до конца выдержан в очень верном тоне», «Русский вестник» в то же время находил этого героя очень несовременным. «Его внутренний разлад исходит от причин, едва ли продолжающих действовать среди нынешнего поколения революционеров», перешедших к Нежданову от Рудина, Гамлета Щигровского уезда и Чулкатурина. Это мнение решительно господствовало в критике «Нови»[57].

Не могло быть сомнения в том, что образ Нежданова не отражал собою ведущего типа народнических революционеров. «Именно потому, что в их среде большинство составляли не Неждановы, а люди сильного ума и удивительной энергии, политическое движение в России приняло к концу 70-х годов небывалые размеры»[58]. Отсюда — естественно возникающий вопрос: «Хорошо ли было ставить в центре романа личность, в которой так мало внутреннего сродства с настроением группы, воплощающей в себе смысл и мораль проходящих перед нами картин?»[59]. Казалось бы, на этот вопрос следовало дать отрицательный ответ. Нельзя было,— указывал Михайловский,— возрождать в Нежданове Чулкатурина; «типичнейшие представители интеллигенции 40-х годов не могут быть такими же типичнейшими представителями 70-х: слишком многое изменилось на Руси за эти три, четыре десятка лет. Слов нет, Неждановы возможны и теперь и даже наверное существуют. Но не все существующее может занять центральное положение в политическом романе. Скептик, да еще прирожденный скептик, неверующий, здесь особенно неуместен, потому что он — исключение»[60].

Знаменательна, однако, та поправка, которую Михайловский сделал в некрологе Тургенева. В нем он признал, что автору «Нови» «по каким-то особым внутренним требованиям его творчества, *нужно* было поставить в центре романа именно Нежданова»[61]. «Рудинский тип» не доминировал в 70-е годы, но он существовал в это время, и Тургенев имел право проследить формы его участия в народническом движении.

Путь Нежданова был в какой-то мере характерен для определенного слоя русских народников, в нем были отражены реальные исторические процессы. Нежданов «содрогнулся, сбился с пути, столкнувшись с резко отталкивающею внешностью народной жизни; ступи он шаг вперед ⟨...⟩, смрад рассеялся бы, безобразные призраки исчезли, и перед его взором раскрылся бы мир великой поэзии и великого смысла...»[62]. Это утверждение Алисова можно, конечно, оспаривать; во всяком случае Тургенев не изобразил такого Нежданова. Однако перед ним отнюдь не была закрыта дорога исцеления.



«НОВЬ»

«Формулярный список лиц новой повести». Автограф, февраль 1872 г.

Заглавный лист и листы с «формулярами» Паклина и Нежданова

Национальная библиотека, Париж

Как художественный образ Нежданов привлекал и волновал русских читателей «своей искренностью и благородными порывами, но вызывал сожаление своими противоречиями и слабостью»[63].

Рефлектирующему и сомневающемуся Нежданову решительно противостояла полная энтузиазма Марианна; контраст между этими двумя образами был последовательно проведен через весь роман. И этот образ отличался жизненной «неполноценностью»: дочь генерала, уличенного «в громадной казенной краже» и сосланного за нее в Сибирь, Марианна, казалось бы, меньше всего могла стать передовой женщиной. Однако она пошла иным путем, чем Варвара Павловна Коробьина-Лаврецкая, также дочь генерала-вора. Жить у Сипягина «в зависимости» Марианне было «тошно; она рвалась на волю всеми силами неподатливой души». Марианну отличает «прямизна и простота чувства», она страдает «за всех притесненных, бедных, жалких на Руси» и готова за них «голову сложить».

В Марианне словно возродился тот девичий образ, который играл столь большую роль в «Рудине» и «Накануне»[64]. Подобно Елене, Марианна немедленно отзывается на рассказ человека, которого она любит: «Все ее крепкое существо стало внезапно мягко как воск. Жажда деятельности, жертвы, жертвы немедленной — вот чем она томилась». Как и в Елене, в ней в этот момент живет горячее чувство «благодарности, гордости, преданности, решимости». В Марианне воплощено присущее лучшей части тогдашней русской молодежи стремление идти «к нашим братьям», целиком отдать себя народу. Даже в самый тяжелый момент своей жизни, когда Нежданов возвращается душевно разбитым и пьяным, Марианна преодолевает охватившие ее было сомнения: «На нее как будто повеяло настоящим запахом того мира, куда она стремилась... и содрогнулась она от этой грубости и темноты. Какому Молоху собиралась она принести себя в жертву? Однако — нет! Быть не может! Это — так; это случайно и сейчас пройдет». Глава о «хождении в народ» Марианны, которую, по свидетельству Драгоманова, написал Тургенев [65], не вошла в окончательный текст «Нови». Но и без этой главы очевидно, что революционный энтузиазм этой девушки горит могучим пламенем. «Нет — я в *самое дело* не верю,— признается ей Нежданов.— А ты веришь, Марианна?» — Марианна выпрямилась и подняла голову.— «Да, Алексей, верю. Верю всеми силами души — и посвящу этому делу всю свою жизнь! До последнего дыхания!»

Лишь немногие из критиков отвергли этот женский образ. Рецензенту консервативного «Русского мира» характер Марианны представлялся «крайне неясным, неанализированным и несообразным» [66], да и Ткачев иронически назвал ее «курьезным экземпляром милого недоросля в кисейном платье», упрекнув Марианну в отсутствии у нее «всякой личной инициативы» [67]. Большинство не согласилось с такой оценкой. Анненков в письме к Тургеневу находил, что «тип Марианны почти что *абсолютного* достоинства и совершенства» [68]. «Новое время» указывало, что «Марианна, несмотря на избитость замысла, выходит типом и новым, и ярким, и очень интересным» [69]. «Неделя» находила, что «в идеальном сонме тургеневских женских типов» героиня «Нови» «займет не просто видное, но может быть самое видное место». «Я не знаю,— писал рецензент этого журнала,— много ли в нашей литературе найдется таких прекрасных, художественных произведений, как сцена объяснения Марианны с Неждановым ⟨...⟩ в XV главе романа. Проще, естественнее, симпатичнее такой сцены объяснения ничего кажется невозможно себе представить и что главное — в этой сцене именно чувствуется колорит ⟨...⟩ „Нови“...» [70]. Этот образ сочли правдивым и революционные народники. «Марианна,— писал Михайловский,— это — блистающий яркими красками благоуханный цветок, раскрывшийся под влиянием весеннего тепла и света» [71]. «Образ Мари-

анны,— писал Алисов,— так дивно поэтичен; в ее трезвой и чудной натуре лежит так много бесконечно хорошего...»[72]

Образ Марианны был, однако, исключением: большая часть народнических образов «Нови» возбудила к себе явно настороженное отношение критиков этого лагеря. «Новь» не приняли ни Лопатин и Михайловский, ни Ткачев, считавший Остродумова, Маркелова, Машурину «статистами», «случайными актерами»[73]. Эту всеобщую ущербность тургеневских народников резко критиковал впоследствии Дейч, указывавший, что «всех этих обиженных и несчастных» революционеров Тургенев «выдумал — они только плод его фантазии». Не было ни такого коверканья языка, на которое пускались революционеры «Нови», ни такого питья водки в кабаках. «Лица неждановского типа ⟨...⟩ не кончали самоубийством на воле, до ареста, а так или иначе стремились попасть в тюрьму, где или вылечивались от этого недуга», или становились мирными обывателями[74].

Однако мнение на этот счет Дейча нельзя считать единственным. В разрез с ним С. И. Мицкевич, бывший в те годы народником, указывал, что все 2000 человек, пошедших в народ, «были к этому мало подготовлены, неумело переодевались, неумело подходили к крестьянам и к осени (1874 г.) они были почти все арестованы. Кабаки, трактиры были обычными местами пропаганды и агитации»[75]. При этом, естественно, должны были открыться многочисленные слабые стороны народнической пропаганды, и Тургенев изображал последние близко к истине.

Лавров был решительно не согласен с Дейчем. «Группа, составляющая центр всего рассказа и привлекающая симпатии читателя, несмотря на свои недостатки, это — группа молодых людей, глубокие убеждения которых сделали их врагами порядка вещей, существующего в России. Они живут своим трудом; они горды своей бедностью; они ищут не выгодной карьеры или личного счастья; они хотят „служить“ народу, подавленному господствующими классами...». Несмотря на их недостатки, ошибки, недостаток ума и пр., деятельность их вызывает «любовь и уважение», люди эти «суть представители высшей нравственности». Для Лаврова являлось несомненным, что «Машурины, Остродумовы, Маркеловы были живые лица, типы, которые действительно встречались; даже Нежда новы были возможны ⟨...⟩, но дело в том, что лишь художник-индивидуалист мог ограничиться этими личностями»[76]. Ошибка Тургенева — в том, что он не показал главный слой, определяющий народническое движение. «Дело в том, что в революционной партии были не *одни* Машурины, Остродумовы и Неждановы ⟨...⟩ Процессы 1877-го и следующих годов показали, что люди иного типа были налицо, а между тем даже отдаленного намека на эти весьма характеристические типы» Тургенев не сделал[77]. Едва ли, однако, это можно поставить ему в вину: ведь роман писался задолго до этих процессов, художником мало осведомленным в делах революционеров. Но в утверждениях Лаврова особенно важен их итог: молодежь Тургенев выставил «как единственную представительницу высокого нравственного начала»[78]. Вывод этот решительно подтвержден всем содержанием романа. Не веря в успех народнической революции, автор «Нови» тем не менее изображает борцов за нее людьми очень высокого нравственного уровня.

С. Н. Кривенко в беседе с Тургеневым указал на то, что в народническом движении были «гораздо более яркие и симпатичные фигуры», на что тот ответил: «Не отрицаю этого и охотно допускаю, но я таких людей близко не видел, не видел их деятельности, а затем, подумайте, как бы я стал изображать их деятельность? Ведь тогда „Новь“ не могла бы появиться в русской печати»[79]. В последнем замечании заложена истина: то, что Нежданов, Машурина, Маркелов и другие были сделаны «неудачниками», несомненно, ослабило подозрительность цензоров.

Тургенев не написал того романа о противоречиях самой тактики хождения в народ, которого от него ждал современный нам исследователь [80]. Но некоторые черты этой тактики он все же смог отразить. «... люди,— комментировал он свой роман в беседе с Кривенко,— до того уходят в борьбу, в технику разных своих предприятий, что совершенно утрачивают широту кругозора» [81]. По справедливому замечанию Кропоткина, Тургенев «понял две характерные черты самой ранней фазы этого движения, а именно: непонимание агитатором крестьянства, вернее — характерную неспособность большинства ранних деятелей движения понять русского мужика, вследствие особенностей их фальшиво литературного, исторического и социального воспитания — и, с другой стороны,— их гамлетизм, отсутствие решительности, или, вернее, „волю, блекнущую и болеющую, покрываясь бледностью мысли", которая действительно характеризовала начало движения 70-х годов» [82].

Не будем много говорить здесь о правдоподобии отдельных фигур тургеневских народников. Оно бесспорно: Вера Фигнер признала величайшую характерность не только Марианны, но и Машуриной [83]. П. Ф. Якубович подчеркивал, что образы, созданные Тургеневым,— Рудин, Инсаров, Елена, Базаров, а также Нежданов и Маркелов — «не только живые и выхваченные из жизни образы, ⟨...⟩ это типы, которым подражала молодежь и которые сами создавали жизнь» [84].

4

Подлинным «героем» «Нови» является не Нежданов, а Соломин. Именно ему принадлежит почетная роль «плуга» в русском освободительном движении, роль «просвещения», без которого невозможна и революция. «Учение,— писал Тургенев,— не только свет, по народной пословице,— оно также и свобода. Ничто так не освобождает человека, как знание...» [85]. Это «знание» и принес с собою Василий Федотыч Соломин, заводский механик, подлинный человек из народа.

«Времена переменились; теперь Базаровы *не нужны* ⟨...⟩ Базаров все-таки еще тип, провозвестник, крупная фигура, одаренная известным обаянием, не лишенная некоторого ореола: это всё теперь неуместно ⟨...⟩ Мы вступаем в эпоху *только полезных* людей... и это будут лучшие люди. Их, вероятно, будет много; красивых, пленительных — очень мало». Это письмо от 11/23 сентября 1874 г. к А. П. Философовой уже намечает жизненный облик Соломина [86], который задуман и осуществлен как «обыкновенный человек». У Соломина подчеркнуто прозаическая и демократическая внешность: он некрасив, неуклюж и в то же время прост в обращении. Он остроумен и может быть очень язвительным, когда перед ним враг; в остальных случаях он «почти постоянно улыбался, и улыбка его была тоже какая-то бесхитростная — но не безотчетная, как и весь он».

Соломин негодует на притеснителей и любит фабричных, которые со своей стороны отвечают ему всеобщей любовью, ценят его и гордятся им. Он достаточно проницателен, чтобы понять, что борьба между «landed gentry»* и буржуазией окончится победой последней; однако — от этого народу легче не станет, так как купец — хищник. Политическая программа Соломина резко отличает его от народников. Цель у него с Маркеловым «одна, а дорога другая», вернее, одна не цель, а идеал. Он нисколько не верит в революционную активность крестьянства, поскольку из мужиков свою выгоду знают только кулаки, с которыми Соломину, конечно, не по пути. Опорой не является и рабочий класс: «у нас фабричные не то, что за границей,— самый тихоня народ». На чем основывается

* «поместным дворянством» (англ.).

ПРОТОТИПЫ СИПЯГИНА

Крупные чиновники царской России 1860—1870-х годов: П. А. Валуев (вверху), Д. А. Оболенский и А. А. Абаза,
Фотографии, 1860—1870-е годы

Литературный музей, Москва

«...я не копирую действительные эпизоды или живые личности, но эти сцены и личности дают мне материал для художественных построений» (Т у р г е н е в)

это утверждение Соломина — неизвестно. Стало быть, надо ждать, двигаться медленно, с остановками, применить «постепеновство снизу». Бесцельно строить баррикады, они все равно будут разрушены — в деле революции «не только первые и вторые погибнут — но и десятые и двадцатые». Соломин «сочувствовал» революционерам, но сознавал отсутствие народа, без которого нельзя ничего поделать и который готовить долго. Отсюда — осторожность тактики Соломина. «Надо показать, что он остается цел не как хитрец и виляка и трус, а как умный и дельный малый, который даром не хочет путать ни себя, ни других» [87].

Понимая, что герой подобного типа может не привлечь к себе симпатии передового читателя 70-х годов, Тургенев сопровождает образ Соломина еще бо́льшим количеством аттестаций, чем это было в «Дыме» в отношении Потугина и Литвинова. Идеализация Соломина начинается буквально с первого упоминания его имени и заканчивается лишь в эпилоге «Нови». И Паклин сразу называет Соломина «чудесным», и Нежданову он чрезвычайно и с первого взгляда понравился, и Марианна им увлечена. Перед Соломиным, как мальчишка, волнуется Сипягин, даже Валентине Михайловне он «импонирует». В конце романа показан завод Соломина «на каких-то артельных началах», он обязательно «продолбит», станет победителем. «Такие, как он,— заявляет Паклин,— они-то вот и суть настоящие. Их сразу не раскусишь, а они — настоящие, поверьте; и будущее им принадлежит ⟨...⟩ это — крепкие, серые, одноцветные, народные люди ⟨...⟩ Помилуйте: человек с идеалом — и без фразы; образованный — и из народа; простой — и себе на уме... Какого вам еще надо?» (гл. XXXVIII).

Достоевский уже в январе 1877 г. заявил, что взгляд Тургенева на Соломина «совершенно ошибочен» и он с ним «глубоко не согласен» [88]. Не согласилась с воззрением романиста на Соломина и вся русская критика, действовавшая в этом отношении с поразительным единодушием. Орган дворянских консерваторов иронизировал: «Найден Еруслан Лазаревич новейшей Руси, витязь sans peur et sans reproche *, с идеалом и без фразы, умный, как день, и здоровый, как рыба. Он уже едет по этой настоящей исконной дороге и зовет нас за собою, и, как светоч в пустыне, блестит нам его златоверхий шатер... виноваты: его артельная сыроварня в городе Перми». Журнал Каткова отвергает программу Соломина: «...из этого бессилия он указывает такой выход, который гораздо хуже самого бессилия. Не страшна и не долговечна подземная работа Дон Кихотов и Гамлетов революции; но если бы России предстояло в самом деле попасть в лапы бездушных, наглых, ограниченных Соломиных, тогда, действительно, за нее пришлось бы ужаснуться» [89]. «Русскому вестнику» вторил «Русский мир»: «...ликовать ли нам, что нашим детям предстоит попасть в загребистые лапы Соломиных? ⟨...⟩ если бы действительно русская жизнь подготовляла в будущем господство Соломиных, тогда... тогда, лучше в Камчатку уйти» [90]. Умеренно-либеральная печать обращала внимание на различие дела Соломиных с русской революцией [91], она отрицала за этим выжидающим и высматривающим человеком право называться «положительным героем» [92].

Один Анненков находил, что «Соломин очерчен чрезвычайно тонко, почти ⟨...⟩ химическими чернилами, которые выступают ясно только на огне размышления и углубления в эту персону» [93], да Алисов патетически восклицал, что «Соломин и Марианна — носители судеб будущего. Я верю Тургеневу, что они существуют; святою радостью наполняется моя душа при этой мысли. Эти исполинские натуры, уравновешенные физически, нравственно и умственно, пророчат нам великое будущее...» Но и Алисов вынужден был признать в «исполинской натуре» Соломина «отсутствие ху-

* без страха и упрека (франц.).

дожественной полноты», что в значительной мере обесценивало его восторги [94]. Большинство народников Соломина отвергло: по мнению Русанова, «симпатичный автору Соломин поражал их ‹революционеров.— *А. Ц.*› такой „умеренностью и аккуратностью“ в своих реформационных замыслах, что больно за Марианну, прельстившуюся этим кулаком от науки, этим новым воплощением Штольца из „Обломова“» [95]. По мнению Михайловского, «туманна фигура Соломина и даже совершенно неправдоподобна. Он, по рекомендации автора, человек честный, прямой, не виляющий, а между тем постоянно виляет, то есть его заставляет вилять сам же автор — стоящий в фальшивом положении» [96]. Ткачев причислял Соломиных к «самым заурядным эгоистам», свободным «от всяких идеалов, вечно пекущихся прежде всего о собственной своей рубахе». Более того,— Ткачев находил, что «основной принцип» деятельности Соломина «решительно ничем не отличается от основного принципа господ Сипягиных. Та же двуличность, то же хамелеонство, то же „хитрое“ лавирование между Сциллою и Харибдою, интересами волков, с одной стороны, и овец,— с другой» [97]. Дейч решительно отказывал Соломину в праве на чувство Марианны: «С уверенностью можно сказать, что ни одна из передовых девушек 70-х годов, в период хождения „в народ“, не вышла бы замуж за „уравновешенного“, „ни холодного, ни горячего“ молодого человека, каким Тургенев представил Соломина» [98].

Так был отвергнут критикой этот столь симпатичный Тургеневу образ «постепеновца снизу». Отрицание Соломина в значительной мере обусловливалось тем, что на всем протяжении романа он не совершает ни одного такого поступка, который соответствовал бы многочисленным тургеневским рекомендациям. Критике предоставлялось верить романисту на слово; она этой возможностью не воспользовалась.

В ответ на вопрос Кривенко: «А не думаете ли вы, что Соломины легко могут превращаться в простых буржуа или в самодовольных навозных жуков?» — Тургенев ответил: «Это уж от них зависит, это смотря по человеку или людям и по тому, как они будут действовать — в свою пользу или нет, в одиночку или согласно, поддерживая друг друга» [99]. Вопрос о возможности трансформации Соломина был как нельзя более естественным, поскольку образ этот был неясным и не удовлетворяющим читателей. Характерен позднейший ответ на этот вопрос Дейча — он был убежден именно в неизбежности превращения Соломина «в простого буржуа». «Спустя пару-другую лет, он ‹Соломин.— *А. Ц.*› убедился, что завод „на артельных началах“ не может у нас идти как следует, а потому он стал единым его собственником. Дело у него пошло хорошо: рабочим у него было немного лучше, чем у других хозяев, но и „прибавочную стоимость“ он получал бóльшую, чем они. Соломин сам много трудился, вникал во все. Предприятие его все увеличивалось и расширялось. Он стал очень богат. Из Перми переселился в столицу, где приобрел собственный роскошный особняк на Каменно-Островском проспекте. Дети подросли. Марианна, сильно состарившаяся, подурнела. Соломин завел себе на стороне танцовщицу... Конец его также не трудно предсказать: он умер почтенным, всеми уважаемый гласным Думы» [100].

Этой истории последующей жизни Соломина нельзя отказать в выразительности, но нельзя в то же самое время и не признать ее односторонней. Луначарский был более объективен, говоря о множестве путей, которыми мог бы в дальнейшем пойти тургеневский герой. Соломин «может быть оппортунистом, вроде Потугина ‹...› Сначала будет он директором, а потом хозяином фабрики,— и всегда он будет знать, чтó делает ‹...› Перед ним расстилаются широкие горизонты. Тургенев не смеет, да и не может еще окончательно сказать, какие это горизонты, куда приложит свои силы этот новый общественный тип» [101]. Бросается в глаза согласие

марксистского критика с тем, что говорил о будущем Соломина сам автор «Нови».

Современная нам критика справедливо подчеркнула, что идеально-декларативная фигура Соломина проверки времени не выдержала, что она представляла собою «воплощение несбывшейся либеральной утопии» [102], что в ней «ощущается чисто культурническая тенденция», граничащая «с отказом от революционных методов борьбы» [103]. Нельзя отказать Соломину в реализме: его только никак нельзя назвать революционером.

В цитированном выше письме к С. К. Кавелиной от 21 декабря 1872/2 января 1873 г. Тургенев писал: «... из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте, не взяты живьем». Первым из этих «не довольно изученных лиц» был, конечно, Соломин, вторым, нужно полагать, его «factotum» — фабричный рабочий. «Павел (сделать из него лицо)»,— записал Тургенев в черновых планах «Нови» [104]. Этот человек «книжки всякие читает», он «какой-то удивительный ⟨...⟩, все-то он знает, так тебя глазами насквозь и нижет», «преумный и прехитрый, будущая „голова“». Действия Павла в значительной мере подтверждают его характеристику: ловкость его проявилась прежде всего в том, как он вызволил Нежданова из «кружала», а затем и в его обращении с чиновниками и жандармами, приехавшими арестовать Нежданова и Соломина. Фигура Павла привлекла к себе внимание Алисова, заявившего, что в народной среде этот фабричный рабочий «будет действовать не только не хуже, но и лучше Соломина» [105]. Тургенев понимал жизненную значительность созданного им образа. «Быть может,— писал он 17/29 декабря 1876 г. Кавелину,— мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла, соломинского фактотума, будущего народного революционера, но это слишком крупный тип,— он станет со временем (не под моим, конечно, пером — я для этого слишком стар и слишком долго живу вне России) центральной фигурой нового романа. Пока — я едва назначил его контуры». «Контуры» были бы означены определеннее, если бы Павел был теснее связан с фабричной средой, где, по словам Маркелова, «только копни: что в муравьиной кучке, сейчас заворошатся». Не веря в движение масс, Тургенев не развил этой характеристики. Ему, по словам Гл. Успенского, был в значительной мере непонятен «угрюмый рабочий» [106].

Завершим нашу характеристику образов «Нови» Паклиным. Этому персонажу в романе предназначалась немаловажная роль, и Тургенев недаром именно с него начал серию «формулярных списков» действующих лиц задуманного романа. Уже в первой главе «Нови» мы находим выразительный портрет Паклина, вслед за которым следуют его характеристика и предыстория. Паклин — не народник и не революционер, но он интересуется этим движением, стремится ему помочь и вместе с тем остро видит его слабые стороны. Такая независимая позиция Паклина дает ему возможность свободно высказываться на разнообразные темы русской общественной жизни. Например, в гл. IV «Нови» слова Паклина: «...мы никого не знаем», «...мы уходим теперь в тот же лес, сиречь в народ, который для нас глух и темен — не хуже любого леса!» «Мы» — сказано здесь, конечно, совершенно условно: Паклину не доверяют, да и он слишком труслив, чтобы идти «в народ». Трусость доводит Паклина до фактического доноса на близкого ему Нежданова — и недаром по выходе из губернаторского дома его охватывает невыразимое отчаяние.

Уже современная «Нови» критика отмечала особую значительность речей Паклина. «Маленький уродец Паклин — Мефистофель романа, он острит так умно, замечания его так глубоки и метки, что я уверен, что сам Тургенев, слышно для всех, говорит его устами и сидит в его уродливом теле» [107]. С этим утверждением Алисова вполне солидарен был и Михайловский; по его мнению, в уста Паклина автор «Нови» «вкладывает много сво-

их собственных, тургеневских шпилек и острот, а отчасти и серьезных мыслей, предоставляя, впрочем, свое серьезное задушевное более Нежданову...» [108]. Из уст Паклина исходит суждение о «всероссийском критике» Скоропихине, которое Тургенев находит «верным и метким», ирония над авторами повестей с направлением и многое другое, вплоть до заключающих роман слов «Безымянная Русь!». Анненков протестовал против того, что такое «многозначительное восклицание» было передано Паклину: по мнению этого критика, оно «заслуживало бы быть помещенным в другие, более авторитетные уста. Паклин брякнул тут мысль повыше его разумения, да и не ему следовало бы давать ключ к уразумению всего смысла произведения, а кому-нибудь другому...» [109]. Тургенев, однако, не согласился с Анненковым: восклицание «Безымянная Русь!» было оставлено Паклину, интеллектуальные качества которого установлены романистом еще в биографическом «формуляре»: «Гораздо шире и глубже и дельнее Пигасова. Смело берется за все важнейшие вопросы и любит их разрешать меткими суждениями» [110].

К каким же идеологическим выводам приводит нас система образов «Нови»? Эти выводы немаловажны. Тургенев утверждает ею, во-первых, нищету и бесправие пореформенного крестьянства. Оно покорно существующему порядку и само пресекает деятельность революционеров-пропагандистов, борющихся за народные интересы. Власти и дворянство охраняют старый порядок, они усердно эксплуатируют народ. Между помещиками-консерваторами и помещиками-либералами имеются некоторые внутренние различия, но они ничтожны и касаются больше тактики: и тут, и там перед нами ревнители дворянских интересов. Буржуазия законопослушна. Отдельные русские купцы — вроде Голушкина [111] на словах поддерживают народнических революционеров, но отшатываются от них при первой угрозе со стороны власти. Мелкобуржуазный либерализм (в лице Паклина) слаб и по этой причине склонен к ренегатству. Народники в своей лучшей и небольшой части полны жертвенного энтузиазма, в большинстве же своем или разъедены рефлексией (Нежданов), или решительны, но глубоко ограничены (Маркелов, Остродумов). Все они без исключения не знают пути к народу.

Будущее — за простыми, «серыми, одноцветными» людьми. Их представитель Соломин может, однако, пойти различными путями. Рабочие в массе своей так же пассивны, как и крестьяне. Но передовые по своему сознанию «фабричные» заслуживают внимания художественной литературы — это люди будущего.

5

Критика 70-х годов с исключительным единодушием расценила «Новь», признав в этом последнем тургеневском романе полное падение творчества писателя. «Русский мир» писал: «Романа в собственном смысле ⟨...⟩ почти нет. Это не что иное как длинный фельетон, повествующий о том, как некие питомцы петербургского нигилизма ходили бунтовать народ и как некие камергеры и действительные статские советники слабо этим встревожились и поехали к губернатору жаловаться. В промежутках рассказано, сверх того, как некая генеральская дочка отвергла любовь одного нигилиста, приняла оную от другого и сочеталась законным браком с третьим. Почему это так случилось и откуда собственно вышли эти характеры и эти отношения — остается для читателя неизвестным» [112]. Того же мнения держался и «Русский вестник»: «Увы, да романа и нет ни на первой, ни на второй, ни на третьей сотне страниц. Перед читателями проходит вереница лиц, большею частью не играющих никакой роли, лиц поголовно ничтожных и... антипатичных» [113]. «Отечественные записки»

резко критиковали ту «антихудожественную грубость», с которой Тургенев вкладывал свои собственные мысли в уста первого попавшегося персонажа [114]. «Голос» увидел в «Нови» перепев старинных знакомых мотивов, лишенных на этот раз прежней «свежести и задушевности» [115]. Тургенев,— утверждало «Новое время»,— в «Нови» «с большим старанием и искусством подражает самому себе» [116]. «Как художественное произведение роман не удовлетворяет даже снисходительным требованиям. В нем так же мало поэзии, как и пластического творчества» [117]. Достоинства «Нови» признавались этой критикой в оскорбительной для Тургенева форме: «Как у отцветших женщин красота плеч переживает увядание всего остального, художественная техника не изменяет г. Тургеневу и в этом его последнем, далеко не удачном в других отношениях произведении» [118].

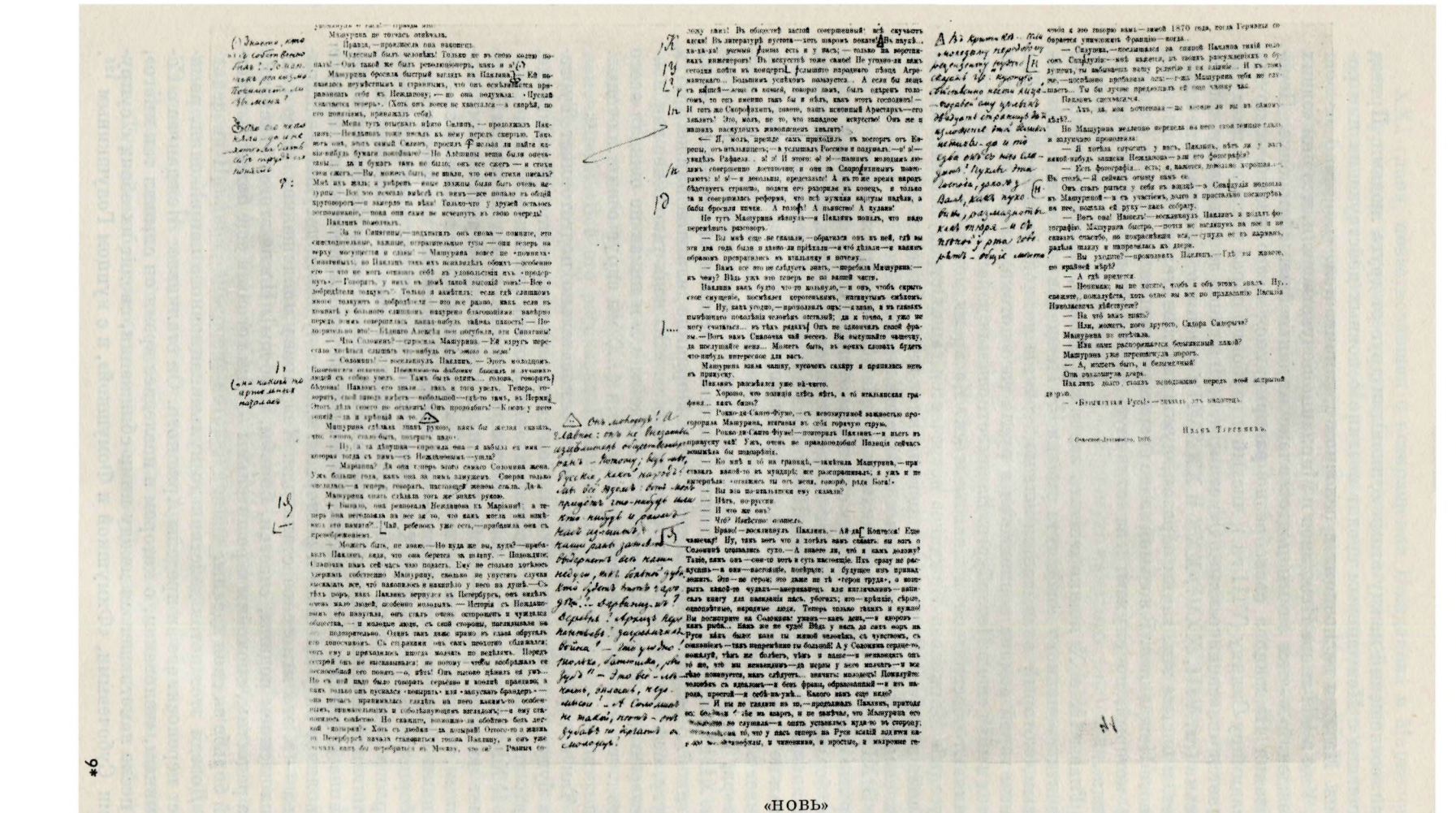
Нет нужды подробно опровергать все эти критические суждения. Они в известной мере обусловлены тем, что «Новь» являлась романом нового типа. В этом *политическом* романе Тургенев прибегал к новым приемам повествования, которые подготавливались им в «Отцах и детях» и «Дыме», но достигли наибольшей полноты именно здесь. Не находя в «Нови» «поэзии» и «пластического творчества», критики в сущности искали того, что в романе и не могло содержаться.

«Новь» — единственный тургеневский роман с эпиграфом, твердо фиксирующим политическую тенденцию произведения. «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». «...*плуг* в моем эпиграфе,— комментировал Тургенев,— не значит революция — а просвещение» [119]. Тем самым в романе сразу бралась под сомнение вся революционная деятельность народников. Увидев, что Остродумов, Нежданов и другие осуждены автором, читатели с нетерпением ожидали представителя просвещения — Соломина.

Как и прежние произведения, «Новь» в своих событиях твердо рассчитана «по календарю»: все они происходят весною, летом и осенью 1868 г. и лишь события 38-й главы переносятся на полтора года вперед, на зиму 1870 г.

«Экспозиция действующих лиц отличается в его 〈Тургенева〉 новом романе непомерною растянутостью и, что всего удивительнее в таком опытном беллетристе, крайнею неискусностью. Вся первая половина романа израсходована на экспозицию, причем автор не дал себе труда поставить выводимые лица хоть в какую-нибудь правдоподобную житейскую связь, хоть в какое-нибудь драматическое соотношение» [120]. Это утверждение критика «Русского вестника» решительно неверно. В основном экспозиция сосредоточена в первых шести главах «Нови». В I—IV главах выведены Остродумов, Машурина, Паклин, Нежданов и приходящий к нему на дом Сипягин. Уже в этих первых главах определены взаимоотношения: презрение Остродумова к Паклину, любовь Машуриной к Нежданову. Экспозиция этих четырех персонажей увязана с делом, которому они служат: письмо пришло — «скоро ехать надо будет». В разговоре персонажей во II главе сразу выясняется характер собравшегося кружка и вместе с тем политическая обстановка обозначившейся реакции. Появление Сипягина приводит к началу внешнего завязывания действия: Нежданов получает приглашение ехать на кондиции. Здесь Тургенев совершает отступление к событиям вчерашнего дня: «Но прежде следует рассказать, каким образом Нежданов встретился с ним 〈Сипягиным〉 в театре». Сцена в театре, изложенная предельно сжато, тем не менее возбудила сильное неудовольствие критики [121].

С V главы действие переносится в имение Сипягиных Аржаное. В трех последовательных сценах экспонируются Сипягина и ее сын, Калломейцев и Марианна. И здесь, как и раньше, уже вполне определяется характер



«НОВЬ»

Авторская правка в гранках журнала «Вестник Европы», где роман был впервые напечатан, 1877

Фрагмент

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

взаимоотношений между этими отличными друг от друга людьми. Приезд Сипягина с Неждановым сводит воедино основных действующих лиц романа. На этом экспозиция в основном заканчивается.

Уже в VII главе Нежданов и Марианна почувствовали, что они «одних убеждений»,— тем самым подготовлено их дальнейшее сближение. Переживания Нежданова своеобразно раскрываются в его письме к другу, Владимиру Силину (VIII гл.), чистый и глубокий образ которого до конца остается «внесценическим». Отметим, что Нежданов пишет другу четыре письма (гл. VIII, XXVI, XXX и XXXVII); ответов от Силина он не получает, и письма эти, таким образом, нужны исключительно для раскрытия одного Нежданова. В восьмой главе впервые упоминается о некоем Соломине, который, по слухам, «на отличную ногу поставил фабрику соседа-купца».

Главы IX и X можно считать завязкой «Нови», положившей начало развитию основного конфликта романа [122]. Нежданов знакомится с Маркеловым, который оказывается членом той же тайной организации. Тем самым герой романа вовлекается в русло того потока, из которого он так хотел выйти еще в Петербурге. Взаимоотношения действующих лиц быстро начинают обостряться и завязываться. Во время недолгого пребывания в усадьбе Маркелова Нежданов встречается там с Остродумовым и Машуриной; в саду у Сипягиных неожиданно для себя делается свидетелем объяснения между Маркеловым и Марианной.

В XII главе на первый план выступает Сипягина, стремящаяся «покорить» Нежданова. В «Нови» словно оживают мотивы «Месяца в деревне»: богатая и праздная барыня кокетничает со студентом, но, в отличие от Натальи Петровны, Сипягина Нежданова не любит. Образ Сипягиной показан не только в действии, но и в предыстории. Кокетство Сипягиной вызывает возмущение Марианны, и она назначает Нежданову место для разговора. Их разговор «в тот же вечер в одной из липовых аллей» сада (гл. XIII) способствует избавлению Нежданова от иллюзий в отношении Сипягиной. В результате объяснения он и Марианна делаются ближе друг к другу, становятся «хорошими приятелями». «Вы ведь такой же, как я — несчастный — и нрав у вас тоже... дурной»; «... я никак не ожидал всего того... что теперь произошло между нами ⟨...⟩ мы вдруг очень... очень... сблизились».

Так неторопливо и в то же время основательно подготовляет Тургенев будущие конфликты «Нови». Тем самым опровергается утверждение, будто этот роман «внешним образом завязан очень рутинно» [123].

К XIV главе с достаточной ясностью определяется, что действие «Нови» течет по двум руслам — любовно-психологическому, ограниченному Аржаным, и социально-политическому, в основном происходящему за границами Сипягинского имения — в усадьбе Маркелова, на фабрике и в губернском городе. XIV и XV главы сильно продвигают вперед действие первого русла, доводя его до кульминации. Преодолевая сопротивление Сипягиной, понявшей, что Нежданов от нее отвернулся, Нежданов и Марианна дружески сближаются. XV глава рисует их объяснение, которое наполняет их умилением и восторгом: «... эта чудесная девушка — Марианна — в это мгновенье стала для Нежданова воплощением всего ⟨...⟩ воплощением родины, счастья, борьбы, свободы!» После этого объяснения оба радостны, спокойны и решительны — они готовы к еще более беззаветной борьбе за свои идеалы.

Доведя этот поток действия до кульминационного напряжения, романист переносит его за пределы Аржаного. Он сталкивает Нежданова с Соломиным, «человеком, о котором в последнее время он слышал так много», и, после наметившегося между ними сближения, сводит их обоих с супругами Субочевыми, «Фимушкой и Фомушкой», и с купцом Голушкиным [124].

XXI глава, повествовавшая о возвращении Нежданова и Маркелова, дает Тургеневу возможность углубить конфликт между двумя планами: происходит ссора обоих из-за Марианны, ссора, которая, однако, завершается благополучным примирением «соперников». Но в XXII главе писатель теснее связывает Марианну с политическим планом сюжета: Нежданов рассказывает ей обо всем, она с живейшим интересом слушает его рассказ, она стала ему «дорогою, и близкой, и нужной... главное: нужной...».

Завершая на этом первую часть «Нови», Тургенев начинает вторую приездом Соломина в Аржаное (гл. XXIII). Тем самым оба сюжетных плана еще более переплетаются. Вслед за этим событием достигает наивысшей остроты конфликт между Марианной и Сипягиной, завершающийся изгнанием Нежданова из Аржаного и бегством с ним Марианны «на волю». Действие надолго переносится в фабричную квартиру Соломина — вводятся новые лица (Татьяна), в отношениях Марианны и Нежданова определяется некоторая перемена. Нежданов готовится начать «хождение в народ». Это совпадает по времени с волнениями крестьян, отказывающихся платить подати. Но еще до того как рассказать о результатах неждановской пропаганды, происходит свидание Марианны с Машуриной (гл. XXXI), важное для раскрытия обоих женских образов и особенно для психологии Марианны.

Отвечая на критику Кавелина, считавшего, очевидно, что крестьяне изображены в «Нови» бледно, Тургенев в письме к нему от 17/29 декабря 1876 г. объяснил это «некоторой преднамеренностью»: «Так как мой роман не мог захватить и их (по двум причинам: во-первых, вышло бы слишком широко и я бы выпустил нити из рук; во-вторых, я не довольно тесно и близко знаю их теперь, чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое двигается в их внутренностях), то мне осталось только представить ту их жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д.». Вот почему Тургенев строит свой сюжет таким образом, что работа революционеров среди крестьян воспринимается, как правило, только опосредствованно. Автор не изображает в подробностях ни одной сцены между народом и революционерами [125], за исключением эпизода с попыткой Нежданова агитировать крестьян в кабаке (гл. XXXII). Да и этот эпизод Тургенев сопровождает замечанием: «Всё это рассказал Павел потом Соломину», хотя совершенно очевидно, что рассказ этот ведет сам автор. Содержащиеся в нем динамика, бытовой гротеск и трагический юмор были высоко оценены рядом критиков. Анненков писал, что в «Нови» «есть поразительные, просто трагические ⟨сцены⟩, как последняя нервная пропаганда Нежданова и сцена в кабаке. Пафос почти невыносимый, но грандиозности кабацкой колоссальной, как сама Россия» [126].

С приездом к Соломину Паклина действие «Нови» вступает в свою катастрофическую стадию. «Вести, которые он привез, были действительно очень дурны. Маркелова схватили крестьяне и препроводили в город. Дурковатый приказчик выдал Голушкина: его арестовали. Он в свою очередь всё и всех выдает ⟨...⟩ Нет никакого сомнения, что он выдал Нежданова; полиция может ежеминутно нагрянуть на фабрику. Василию Федотычу тоже грозит опасность». В этих тревожных условиях Паклин составляет план действия, который должен прежде всего обезопасить его самого. Главы XXXIII, XXXIV и XXXV отводятся на изображение этой диверсии Паклина, диверсии, которая только усилила опасность для Нежданова и Марианны: «наши молодцы» жандармы наведены болтливым Паклиным на их след и вот-вот должны прибыть на фабрику.

Именно теперь, когда судьба остальных действующих лиц прояснилась, Тургенев обращается к своим героям. Нежданов чувствует себя уже

далеким не только от дела, в которое он не верит, но и от Марианны. Их объяснение в XXXIII главе полно исключительной психологической тонкости, которая была оценена критикой: «Мотивы эти,— писал Михайловский,— изучены Тургеневым до тонкости, и надо удивляться той виртуозности, с которою он их разыгрывает» [127]. В том же глубоко психологическом плане рассказано о последних часах жизни Нежданова, его кратком разговоре с Соломиным. Сцена самоубийства Нежданова изложена с почти протокольной сдержанностью. Соломин и Марианна быстро уезжают, поручив Павлу встретить, как следует, «господ чиновников».

Глава XXXVIII заключает в себе финал романа. После краткого рассказа о результатах суда дается диалог оставшихся на свободе Паклина и Машуриной. Именно теперь произносятся крылатые слова Паклина. Народнические пропагандисты потерпели поражение, но в борьбу вступают «серые, одноцветные» люди, на авансцену выходит «безымянная Русь». Вот почему финал «Нови» не совсем минорен. «Грустная картина! Но г. Тургенев не любит обрывать свои романы на текущей минуте; в тумане и хаосе настоящего он всегда указывает светлый луч, светлую искру, зарождающуюся в грядущем» [128]. В «Нови» этот прием применен, пожалуй, с большей силой, чем в предшествовавших ему романах — «Отцах и детях» и «Дыме».

Сюжетно-композиционный план «Нови», его «романическую часть» пробовали опорочить, утверждая, что она «наполнена несообразностями, которые до конца так и остаются неулаженными и неразъясненными» [129]. Утверждение это совершенно неверно. За исключением эпизода у Фомушки и Фимушки, действие романа «развивается органически, из данных своего мотива, второстепенные лица не заслоняют главных, и рассказ течет свободно и занимательно, если признать занимательным самое данное рассказа» [130], т. е. если подходить к «Нови», как к социально-политическому роману, каким он в действительности и является.

Это роман о социальных конфликтах эпохи, главный из которых — конфликт между народническими революционерами и народной, крестьянской массой, которая их не понимает и на их зов не поднимается. Наряду с этим основным конфликтом, в тургеневском романе существует и второй — между революционерами и консервативным дворянством. Нельзя считать его «побочным» [131], хотя бы потому, что он занимает в сюжете «Нови» главное в количественном отношении место. Тургеневу удалось с большой художественной силой запечатлеть коренное различие интересов Нежданова, Маркелова и Марианны, с одной стороны, Сипягиных и Калломейцевых — с другой, и проистекающую отсюда ненависть их друг к другу.

Однако второстепенные конфликты «Нови» не ограничиваются враждою двух станов. В революционном стане нет единства. Маркелов недоволен Неждановым, который, в свою очередь, внутренне чужд всему народническому кружку. Всем им в этом движении решительно противостоит Соломин.

Сюжет и композиция «Нови» двуплановы. Личной теме, например, психологическим переживаниям незаконнорожденного Нежданова, придана общественная окраска. В романе играет очень большую роль тема любви: Нежданов и Марианна, Маркелов и Марианна, Соломин и Марианна, Машурина и Нежданов. Нельзя сказать, что любовь для «Нови» — только один из рычагов движения сюжета [132]: через нее раскрываются характеры, ее мотивы существенны даже для Машуриной. Вместе с тем даже чувство любви в «Нови» пронизано общественным содержанием: оно всегда сочетается — иногда очень противоречиво — с чувством революционного долга. Во имя последнего Маркелов «уступает» Нежданову Марианну, а Нежданов делает это в отношении Марианны и Соломина.

Маркелов уже не говорил Нежданову «иначе как: „ты", и в этом неожиданном *ты*, обращенном к человеку, в котором он открыл счастливого соперника, которого он только что оскорбил кровно, которого он готов был убить, разорвать на части,— в этом „ты" было и бесповоротное отречение, и моление смиренное, горькое, и какое-то право» (гл. XXI). В «Нови» Тургенев показывает любовь в ее сочетании с духовной близостью людей.

Мотивы идейной солидарности или, наоборот, отчужденности и прямой вражды отражаются на стиле «Нови». Возьмем портреты. Нежданов «с тем же недоуменьем глядел на это светлое, приветное — и в то же время столь чуждое лицо, которое так близко на него надвинулось и так снисходительно улыбалось ему». Лицо Марианны «находилось в почти черной тени; но так вопросительно, так настойчиво глядели на Нежданова ее смелые глаза, такое презрение, такую обидную жалость выражали ее сжатые губы, что он остановился в недоумении...» (гл. XII). В портретах «Нови» кратко, но чрезвычайно выразительно запечатлена и любовь Сипягиной к позе, и намеренная неуклюжесть нигилистки Феклы Машуриной и озлобленность «желчевика» Маркелова. В Нежданове все «изобличало породу: маленькие уши, руки, ноги, несколько мелкие, но тонкие черты лица, нежная кожа, пушистые волосы, самый голос, слегка картавый, но приятный» (гл. IV). Эта сжатая портретная зарисовка Нежданова подчеркивает в нем главное, что его мучает — полуаристократическое происхождение.

Отличается ли «Новь» глубиной психологического анализа? Анненков давал на этот вопрос безусловно утвердительный ответ. «Лицо Нежданова, Марианны, их связь и сцены между ними бесспорно принадлежат к шефд'еврам вашей кисти. Я даже полагаю, что такой глубокий анализ душевного состояния обоих, как по отношению друг к другу, так и по отношению *к делу*, есть редкость во всех литературах — не только в нашей»[133].

Наоборот, Михайловский считал психологическое искусство «Нови» несовершенным. «Во-первых,— указывал он,— „Новь" — роман политический, а потому в нем психическое движение должно хоть отчасти основываться на политических мотивах». Этого Михайловский не находил ни в одном образе, за исключением Марианны[134]. Во-вторых, «все действующие лица „Нови" являются в известном смысле вполне готовыми, что, мимоходом сказать, придает им какую-то деревянность. Процесс образования идей и чувств, толкнувших их на опасную дорогу, или совсем скрыт (Машурина, Остродумов, Соломин), или коротенько рассказан „словами", да и то очень неполно»[135].

В этом вопросе Анненков гораздо ближе к истине, нежели Михайловский, оба аргумента которого не выдерживают критики. Тургенев, действительно, не показал «процесса образования» убеждений Машуриной или Остродумова — он не ставил перед собою этой задачи. В роман они приходят уже сформировавшимися революционерами. Из этого, однако, не следует, что такой «процесс» в «Нови» отсутствует — мы его видим во всей полноте в образе Марианны. В конце романа она, конечно, совсем иная, нежели в его начале. За несколько месяцев Марианна вполне определилась: перед ней не только вырос четкий идеал, но и наметились пути борьбы за его достижение. Не будем уже говорить о том большом пути психического перерождения, который прошел Нежданов. И второстепенные образы «Нови» претерпели существенные изменения: таков хотя бы Сипягин. И вся эта психологическая динамика неизменно основывается на политических мотивах. Фаталистическая концепция «неполноценности» демократических персонажей «Нови» нисколько не препятствует их психологической углубленности.

В «Нови», как и в «Дыме», Тургенев прибегает уже к тому приему внутреннего монолога, которым он избегал пользоваться, например, в «Рудине». По существу такими внутренними монологами Нежданова являются его письма к Силину [136], особенно третье по счету письмо, написанное вскоре после приезда Нежданова к Соломину. В «Нови», как и раньше, Тургенев остается мастером психологической характеристики. На одной странице IV главы (от слов: «он был ужасно нервен, ужасно самолюбив, впечатлителен и даже капризен» и вплоть до конца этого абзаца) романист сумел с исчерпывающей полнотой очертить глубоко противоречивую психику своего героя.

Политические тенденции пронизывают не только изображение человека, но и природы. Нежданов стреляется в серый и сырой день возле той «старой-престарой яблони», которая привлекла его внимание еще в первые минуты после приезда к Соломину. «Ствол этой яблони оброс сухим мохом; шероховатые, обнаженные сучья, с кое-где висевшими красновато-зелеными листьями, искривленно поднимались кверху, наподобие старческих, умоляющих, в локтях согбенных рук». Эта яблоня не случайно привлекла к себе внимание Нежданова: она была так же стара и уродлива по своему виду, как и его переживания, в ней была такая же кривизна, как и в его душе...

В то же время Тургенев сохраняет в «Нови» всю поэтичность своего прежнего пейзажа. Беседы и любовные объяснения Нежданова и Марианны протекают в березовой роще. Бегство из Аржаного происходит в свежую и росистую ночь, в самом начале рассвета. «Ах, то утро! Какое оно было славное, свежее, молодое!» — с тоской вспоминает Нежданов впоследствии. Пейзажи «Нови» поразительно конкретны, точны, материальны. «Погода была июньская, хоть и свежая: высокие, резвые облака по синему небу, сильный, ровный ветер, дорога не пылит, убитая вчерашним дождем, ракиты шумят, блестят и струятся — все движется, все летит; перепелиный крик приносится жидким посвистом с отдаленных холмов, через зеленые овраги, точно и у этого крика есть крылья и он сам прилетает на них, грачи лоснятся на солнце, какие-то темные блохи ходят по ровной черте обнаженного небосклона... это мужики двоят поднятый пар» (гл. XXI).

«Роман,— писали о «Нови» «С.-Петербургские ведомости»,— сух и тяжеловат, даже самый язык его, всегда у Тургенева столь изящный и поэтический, носит отпечаток выделанности и сухости» [137]. И с этим суждением также невозможно согласиться; язык «Нови» остается всегдашним тургеневским языком. Его эпитеты, как всегда, образуют оригинальные оксюмороны: «заискивающая снисходительность», «горделивая скромность», «грустная гадливость», «Анна Захаровна терзалась угнетенной злобой». В нем по-прежнему много выразительных сравнений: цвет лица Маркелова «переходил в ту черноту, которую вежливые люди величают бронзой, но которая русскому глазу напоминает голенище». Павел принес Соломину «пару только что вымытых замшевых белых перчаток, каждый палец которых, расширенный к концу, походил на бисквит». Речь автора «Нови» изобилует разговорными и простонародными оборотами: Нежданов «даже несколько наддавал, как говорится, пару», «сено на дне было волжко», «лошади зашевелились, он их осторожно отпрукнул», «Сипягин, как говорится, даже не гукнул» и т. д.

По-прежнему мастерски индивидуализирована речь каждого персонажа: болтливая, претендующая на остроумие, но порою язвительная и меткая речь Паклина, патетическая речь Сипягиной, постоянно тяготеющий к ораторским оборотам и приемам язык Сипягина, желчная и злобная речь Маркелова, эмоционально-психологическая у Нежданова, образная и ладная речь Татьяны: в ее уста было вложено то словечко «опроститься»,

которым Тургенев так дорожил как простонародной оценкой интеллигентского «хождения в народ»[138]. И наряду с языком каждого из действующих лиц «Нови» Тургенев достигает очень большого искусства в диалоге. В нем решительно доминирует общественно-политическая и социальная тематика, этот диалог представляет собою поединок противников. Таковы разговоры между Калломейцевым и Соломиным, между Неждановым и Маркеловым; такова и беседа в карете, во время которой Сипягин искусно вытягивает у Паклина сведения о местонахождении Нежданова и Марианны. Сипягин начинает разговор с Паклиным, «пуская в ход свои благосклоннейшие баритонные ноты». « — Но какое же то самонужнейшее дело, которому я обязан удовольствием вашего посещения? — „А! проклятый директор департамента! — снова подумал Паклин.— Будет тебе ломаться. английская морда!“ — Брат вашей супруги,— промолвил он громко,— господин Маркелов, схвачен мужиками, которых вздумал возмущать,— и сидит взаперти в губернаторском доме. Сипягин вскочил во второй раз.— Что... что вы сказали? — залепетал он уж вовсе не министерским баритоном — а так, какою-то гортанной дрянью» (гл. XXXIV).

В «Нови» с новой силой проступает тургеневский смех, то добродушный, то язвительный. С юмором описана сцена встречи Паклина с Машуриной, которой он предлагает зайти к нему. «Дама величественно измерила его взором — и, не сказав слова, пошла дальше.— Милая Машурина я вас узнал ⟨...⟩ — Ио соно контесса Рокка ди Санто-Фиуме! — отвечала дама низким голосом, но с удивительно чистым русским акцентом.— Ну что контесса... какая там контесса... Зайдите, поболтаемте...— Да где вы живете? — спросила вдруг по-русски итальянская графиня.— Мне некогда».

С тем же юмором, но с большей насмешкой описывает романист все те «штучки», которые супруги Сипягины проделали с нужным им Соломиным: «Вот это женка моя,— проговорил он, мягко нажимая своею ладонью спину Соломина и как бы надвигая его на Валентину Михайловну,— а вот, моя милая, наш первый здешний механик и фабрикант, Василий... Федосеевич Соломин.— Сипягина приподнялась и, красиво взмахнув снизу вверх своими чудесными ресницами, сперва улыбнулась ему — добродушно — как знакомому; потом протянула ему свою ручку ладонью вверх, прижимая локоток к стану и наклонив головку в сторону ручки... словно просительница» (гл. XXIII).

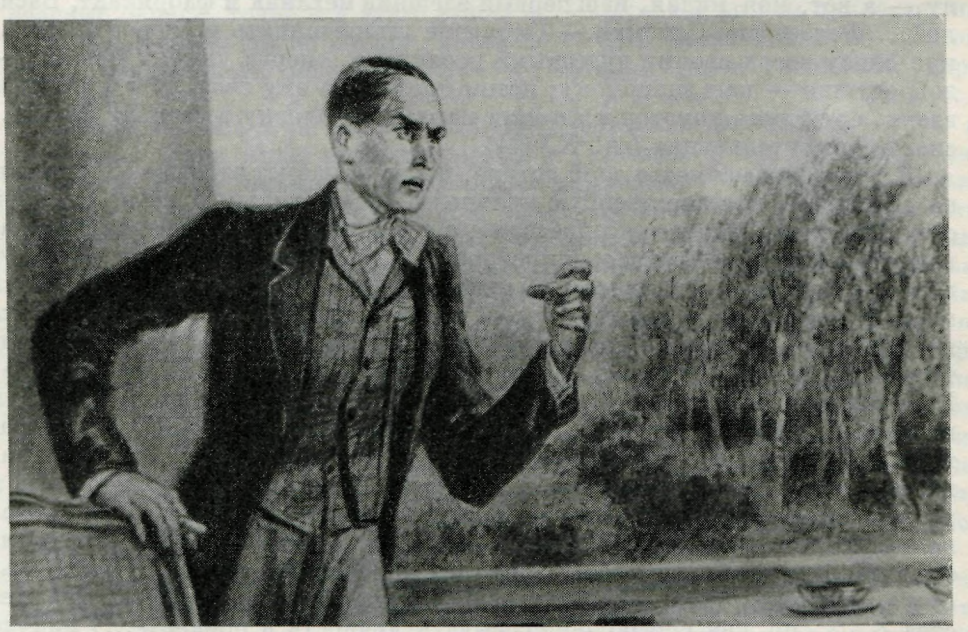
Юмор уступает место злой сатире, когда романист изображает Сипягина держащим государственную «длинную, обстоятельную речь. С одной стороны, он похвалил консерваторов, а с другой одобрил либералов, отдавая сим последним некоторый преферанс и причисляя себя к их разряду; превознес народ — но указал на некоторые его слабые стороны; выразил полное доверие к правительству — но спросил себя: исполняют ли *все* подчиненные его благие предначертания? Признал пользу и важность литературы, но объявил, что без крайней осторожности она не мыслима! Взглянул на запад: сперва порадовался — потом усомнился; взглянул на восток: сперва отдохнул — потом воспрянул!» (гл. XXIV). Изображение Сипягиных, Калломейцева полно того памфлетного элемента, против которого так протестовал Анненков. Ознакомясь с романом еще в рукописи, он настойчиво убеждал Тургенева в том, что «*истина памфлетная* — не есть художественная или беллетристическая истина», что «памфлет никогда не бывает весел», что он равносилен «простому ругательству», которое, быть может, и уместно «как вопль оскорбленного чувства ⟨...⟩, но как способ обрисовывать личность в романе ⟨...⟩ никуда не годится»[139]. Тургенев не внял этим советам своего друга: «Новь» вышла самым обличительным из его романов, полным гневной, бичующей сатиры.

6

Тургенев с волнением ждал, что скажут о «Нови» читатели и критика. Первые в свою очередь с величайшим нетерпением ждали появления этого романа. «Задолго до наступления 1877 г. распространилось сенсационное известие, что знаменитый автор „Рудина“, „Накануне“ и „Отцов и детей“ 〈...〉 написал новый роман из жизни социалистов» [140]. У рецензента «Недели» «даже сердце замирало от какого-то страха 〈...〉 что-то будет, что-то *он* скажет?» [141]. В публике ходили толки, легенды, слухи: читателей истомило «долгое литературное безвременье», и они жаждали «увидеть живые художественные образы живой и современной действительности» [142]. «Роман читался с азартом всеми» [143], «многие тысячи русских людей бросились жадно читать его» [144]. Библиотеки давали первый номер «Вестника Европы» с условием через два дня возвратить, «ибо все хотят прочесть „Новь“» [145]. «Нужно ли прибавлять, что от появления почтальона с этими книгами до того момента, как у нас началось чтение вслух нового тургеневского романа, прошло лишь несколько минут, поглощенных беглым осмотром оглавлений, усаживанием за круглый стол и нетерпеливыми справками о том, сколько страниц нового романа помещено в этом номере!» [146]

Внимание читателей привлек к себе уже эпиграф к «Нови»: он «казался особенно пикантным, и потому его старались выдвинуть на первый план. Действительно, он многих заинтриговывал и в значительной степени усилил нетерпение ожидавших и чаявших... „нового слова“» [147].

Читатели резко разошлись в своих суждениях о «Нови»: «Одни говорят, что в этом романе Тургенева все дело заключается в том, что все персонажи большого света вышли картонажные и глупые, а все нигилис-



КАЛЛОМЕЙЦЕВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «НОВЬ»
Акварель К. Г. Кащеева, 1951
Музей И. С. Тургенева, Орел

СИПЯГИН. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «НОВЬ»
Акварель К. Г. Кащеева, 1951
Музей И. С. Тургенева, Орел

ты — идеалы честности; другие бранят Тургенева за то, что нигилисты все вышли ничтожные и совсем неудачные как типы; третьи недовольны тем, что нигилисты Тургенева не довольно симпатичны; четвертые негодуют на Тургенева за его отсталость в изображении типов передовых людей; словом сказать, все недовольны, и красные, и багровые, и розовые, и белые! Довольны только пока, говорят, два человека, и то из этих двух один сам Тургенев, второй — издатель „Вестника Европы" Стасюлевич, которому Тургенев дал тысячу лишних подписчиков» [148].

Редактор «Гражданина» В. П. Мещерский, которому принадлежала эта фельетонная классификация читателей «Нови», начал поход многочисленной группы реакционеров против тургеневского романа. «1 февраля ⟨...⟩ вышел февральский „Вестник Европы", с окончанием романа Тургенева „Новь". К вечеру уже слышал строгие о нем суждения. Видел господина, бросившегося на эту вторую половину с жадностью. Начал, читал, читал, и вдруг швырнул книгу, наполовину не докончив; сказав: гадость, мерзость!» [149]. Только что прочитавший начало «Нови» философ и критик Н. Н. Страхов писал Толстому: «Шлепнулась самым жестоким образом ⟨...⟩ Исполнение — ниже всякой критики — насильственный рассказ, не оживленный интересом к тому, ради чего писан» [150].

В числе отрицателей «Нови» оказались и Некрасов и Щедрин, которые были возмущены содержавшейся в тургеневском романе критикой тактики народников. Некрасов говорил о Тургеневе: «Если он хотел показать нам, что направление юнош неудовлетворительно — он не доказал; если хотел примирить с ними других — не успел; если хотел нарисовать объективную картину — она не удалась. Все-таки люди были крупнее (первые), да и хождение в народ — недосказано, оно бывало не так глупо» [151]. Предельной резкостью тона отличался отзыв о «Нови» Салтыкова-Щедрина в письме к Анненкову [152].

Как отнеслись к «Нови» рядовые народники? Их голоса в данном случае разделились. Одни, как например Дейч, отнеслись к «Нови» как к «собранию нелепых курьезов и бессмыслиц» хуже «Бесов» и резко критиковали романиста, который, «приступив к роману ⟨...⟩, не видел ни единого социалиста», изобразив этих последних состоящими из одних «калек» [153]. Не столь враждебно отнесся к «Нови» Кривенко, который, однако, считал, что Тургенев «гораздо лучше сделал бы, если бы совсем не писал этого неблестящего и в литературном отношении романа». Но Кривенко отличал «Новь» от «Бесов»: «Там я видел озлобление ⟨...⟩, а тут находил нечто примиряющее, нечто происходящее совсем из иного источника: порой недоразумение и недостаточное знакомство с молодежью (а не предумышленность), порою скорбь и досаду (а не нетерпимость и злобу), а порой несомненно и добрые стремления и желания» [154].

Рядовые писатели-народники и близко стоявшие к народничеству писатели отзывались о «Нови» как об «оригинальнейшем произведении последнего времени» (Златовратский) [155]. «Прочли ли вы „Новь“? — спрашивал свою мать молодой Гаршин.— Вот Иван Сергеевич на старости лет тряхнул стариною. Что за прелесть! Я не понимаю только, как можно было, живя постоянно не в России, так гениально *угадать* все это». И несколько далее: «Марья Дмитриевна страшно негодует на Тургенева за „Новь“. Осмеял „де“ Нежданова! Осмеял! Когда читаешь, плакать хочется. А разве это не знак глубокого сочувствия автора к „Нови“, что он из среды ее ни одного подлеца не выбрал? А разве их мало?» [156].

Очень сочувственными были отзывы народовольцев, например, Веры Фигнер, поражавшейся «верностью типов» «Нови» [157], а также той молодежи 70-х годов, которая вскоре от народничества перешла к марксизму. Так, например, С. И. Мицкевич писал: «Впечатление этот роман произвел на меня огромное, он до основания потряс мое традиционное, казалось, столь прочно заложенное миросозерцание; он его не только потряс, но он его почти совсем разрушил. Для меня многое вдруг стало ясно и понятно. Я понял, что есть два мира: мир богатых помещиков, фабрикантов, представляемый Калломейцевыми, Сипягиными, хозяевами фабрик, охраняемый полицией, армией, а значит царем, и мир угнетенных бедняков — крестьян и рабочих, а революционеры — это и есть лучшие люди, которые хотят просветить крестьян и рабочих и поднять их на революцию против их угнетателей ⟨...⟩. Неудача попытки поднять крестьян не воспринялась мною тогда как катастрофа всего движения. Думалось, что нельзя сразу раскачать темное крестьянство, надо идти туда и упорно работать» [158].

Завершим этот обзор читательских отзывов о «Нови» мнением Анненкова, который был, пожалуй, самым восторженным почитателем этого романа. Основную идею произведения он формулировал следующим образом: «...все это дикое, неумелое, почти позорное брожение есть результат невозможности существовать с абсолютизмом. Народ еще не чувствует этой невозможности, а образованный класс ⟨...⟩ уже страдает акутным абсолютизмом, вошедшим внутрь. От этого противоречия и весь кавардак». Либеральные убеждения Анненкова не могли не отразиться в его оценке романа и в частности в совершенно превратном истолковании заключительных слов Паклина: «Безымянная Русь. Да, это та, которая уже стоит на кафедрах, пишет в журналах, мечется из стороны в сторону под предостережениями, увольнениями, притеснениями. Об ней-то надо упомянуть, она-то и упразднит безобразников, в ней-то и будущность». Анненков делал ставку на буржуазную интеллигенцию, уповая на ее силу. Он решительно разошелся в этом с автором «Нови», для которого «безымянная Русь» была символом демократических низов, подымавшихся на борьбу с самодержавием. Но, превратно понимая важнейшие эпизоды «Нови»,

Анненков был прав, определяя ее как «без преувеличения важнейшее явление» русской литературы тех лет. «Пускай идет роман и ворочает нутро публики, а вы проси́те только у бога годок-другой жизни, и тогда увидите, каким лучезарно светлым взойдет он, покупавшись в грязях и солончаках журналистики и публики» [159].

Тургенев, которому не могли быть известны многие из приведенных выше читательских оценок «Нови», считал, что бо́льшая часть публики отвергла роман. «Восторженные письма Кавелина и его дочери, А. Головнина, заявления Пыпина и Е. Утина ⟨...⟩ в счет ставить нечего; даже ваше, столь дорогое для меня мнение is not conclusive *, как говорят англичане; безапелляционный суд публики решил — и не в мою пользу — в этом обманываться нечего». Так писал Тургенев Анненкову 10/22 января 1877 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Изучение «Нови» началось сравнительно недавно. Вульгарно-социологическая статья В. В. Буша в сб. «Тургенев» (Л., 1934) вызвала резкую критику С. И. Мицкевича («Тургенев и революционное народничество».— «Литературный критик», 1934, № 9, стр. 181—186). В 1924—1925 гг. Луначарский писал о «Нови»: «Роман очень не понравился. Говорили даже, что он свидетельствует об упадке таланта Тургенева, что он скучен и неправдив. Все это — совершеннейшая неправда. Пусть читатель нашего времени перечитает романы Тургенева, и я убежден, что „Новь“ ему понравится более всех. Это — высокохудожественный, захватывающий роман» (А. В. Л у н а ч а р с к и й. Литература шестидесятых годов.— В его кн.: Статьи о литературе. М., Гослитиздат, 1957, стр. 209).

Утверждение Луначарского, что роман «Новь» не понравился, нуждается в уточнении. П. Ф. Алисов писал, что он захватывает «один из самых животрепещущих вопросов нашего времени» и показывает, что «осужденный на регрессию мозг Тургенева деятельно работал и способен на многое» (П. Ф. А л и с о в. Несколько слов о романе «Новь» И. С. Тургенева. Genève — Bale — Lyon, 1877, стр. 4); ⟨об Алисове см. в сообщении Е. Н. Дунаевой — настоящ. том, стр. 570—578⟩. Лавров рассматривал роман как дальнейшее развитие мотивов, намеченных в «Накануне»: «Русские Инсаровы ⟨...⟩ получили возможность „проявить себя в современном русском обществе“ (Соч. Добролюбова, III, 320). Новые Елены не могли уже сказать: „Что делать в России?“ Они наполняли тюрьмы. Они шли в каторгу» (Т. в восп. рев., стр. 31—32).

Из работ последних лет о «Нови» существенны: послесловие К. И. Бонецкого к изданию романа (М., Гослитиздат, 1949) и кандидатская диссертация А. А. Земляковской «Роман Тургенева „Новь“» (Моск. гор. пед. ин-т им. Потемкина), 1955. ⟨Также статьи: Ф. Д. К у т и щ е в. Образы народников в романе И. С. Тургенева «Новь».— «Учен. зап. Шахтинского пед. ин-та», т. II, вып. 1, 1957; Г. Б. К у р л я н д с к а я. К вопросу о характере Нежданова из романа Тургенева «Новь».— «Учен. зап. Казанского ун-та», т. 117, кн. 2, 1957, и вышедшие после смерти А. Г. Цейтлина: Е. М. Е ф и м о в а. К вопросу об идейном содержании романа «Новь».— «Учен. зап. Орловского пед. ин-та», т. 17, Межвузовский тургеневский сборник, 1963, стр. 150—179 и Л. А. Н и к о л а е в а. Тургенев и Щедрин в 70-е годы. (Из истории литературной полемики вокруг романа «Новь») — там же, стр. 180—217. — *Ред.*⟩.

[2] Б. Ч⟨и в и л е в⟩. Отрывочные воспоминания о Тургеневе.— «Русские ведомости», 1883, № 280, 12 октября.

[3] Письмо от 26 января/7 февраля 1873 г.

[4] Глеб Успенский в жизни. М.— Л., 1935, стр. 166; Т. в восп. рев., стр. 98; И. И. И в а н о в. И. С. Тургенев. Жизнь — личность — творчество. Нежин, 1914, стр. 694.

[5] Комментарий Ю. Г. Оксмана к «Нови».— Соч. 1930, т. IX, стр. 439. В дальнейшем все цитаты из «формулярного списка» действующих лиц романа приводятся по кн.: А. М а з о н.

[6] Ср. в письме к А. Ф. Писемскому от 17/29 марта 1873 г.: «... нельзя, решительно нельзя писать русские вещи, рисовать русскую жизнь, пребывая за границей...» Ср. аналогичное заявление в письме от 19/31 января 1874 г. к М. В. Авдееву.

[7] Письмо к А. Ф. Онегину от 8/20 марта 1874 г. См. также указ. комментарий — Соч. 1930, т. IX, стр. 445.

[8] Тургенев сообщает Флоберу 22 июня/4 июля 1876 г.: «...я провожу ночи без сна, над письменным столом ⟨...⟩ Мой проклятый роман совершенно поглотил меня...»

* не является окончательным (англ.).

Ему же 27 июля/8 августа: «...вещь невероятная!— я *окончил* мой большущий роман и могу снова приняться за работу,— мне надо переписать его; он должен быть готов через два месяца, что будет нелегко; вы знаете, что значит переписывать. Бывают страницы, где не остается ни строчки». Этому, однако, несколько противоречит позднейшее (22 января/3 февраля 1877 г.) признание Полонскому: «... ни одно из моих больших произведений не писалось так скоро, легко (в 3 месяца) — и с меньшим количеством помарок». Ср. письмо к А. А. Мещерскому от 13/25 августа 1876 г., в котором сообщается, что стилистическая обработка текста производилась «с остервенением».

[9] Переписка Тургенева и Анненкова о «Нови» опубликована М. Д. Беляевым в альманахе «Литературная мысль», вып. 1, Пг., 1923 (цитируемые места — на стр. 196, 198, 199, 200, 202, 205, 206).

[10] Письмо к Стасюлевичу от 6/18 февраля 1877 г.

[11] Письмо к А. М. Жемчужникову 15/27 марта 1877 г. См. также цензурную историю «Нови» в указ. комментарии, стр. 450—455.

[12] Л. В. Пумпянский. «Новь». Историко-литературный очерк.— Соч. 1930, т. IX, стр. 157.

[13] История СССР, т. II. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 3. М., 1954, стр. 453—454.

[14] Л. Г. Дейч, отрицавший реалистичность «Нови», указывал на то, что «в 1868 г. была полная глушь ⟨...⟩ не было *нигде* в России *ни единого революционного кружка, задавшегося какой-либо тайной конспиративной целью*» («Русские революционеры в романе „Новь" И. С. Тургенева».— «Творчество», 1922, № 1-4, стр. 36). Деятельность Нечаева решительно опровергает это утверждение.

[15] Ср. в «Господах Головлевых» (очерк «Выморочный») Щедрина условия расчета, предлагаемого Иудушкой мужику Фоке: «Так вот как мы с тобой сделаем: я тебе шесть четвериков отмерить велю, а ты мне, через восемь месяцев, два четверичка приполнцу отдашь — так оно четвертца в аккурат и будет! Процентов я не беру, а от избытка ржицей...» (Щедрин, т. XII, стр. 247). Очерк «Выморочный», появившийся в «Отечественных записках», 1876, № 8, мог повлиять на автора «Нови». Впрочем, условия, предлагаемые тургеневским помещиком-ростовщиком, еще тяжелее «Иудушкинова предложения», от которого «у Фоки даже дух занялся».

[16] Письмо от 26 сентября/8 октября 1862 г.

[17] См. запись С. Н. Кривенко «Всемогущий Житкин» — Соч. 1930, т. XI, стр. 583—584. В письме Тургенева к Н. А. Щепкину дается более точное написание фамилии: Жикин (письмо от 20 июля/1 августа 1876 г., т. е. на последнем этапе работы над «Новью»).

[18] Письмо к А. В. Половцову от 23 июня/5 июля 1876 г.

[19] Тенденциозно закрывая глаза на этот факт эксплуатации, орган консервативного дворянства с удовольствием подчеркнул: такого рода «мужики — единственные живые лица в романе; видно, что г. Тургенев не решился их переделывать и прилаживать, а изобразил такими, какими знал их раньше» (В. Г. Авсеенко. «Новь» И. С. Тургенева.— «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 927).

[20] Письмо к А. С. Суворину от 14/26 февраля 1875 г.

[21] Л. В. Пумпянский. Указ. статья, стр. 160—161.

[22] П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 9.

[23] «Губернатор города С» вполне раскрывается в гл. XXXV «Нови» как убежденный реакционер, исполнительный и высокомерный носитель административной власти. Б. М. Маркевич в «Голосе» находил всю сцену у губернатора неестественной. Возражая против этого, рецензент «Северного вестника» указывал, что «именно эта сцена замечательна по своей правдивости и дорисовывает окончательно нравственную личность российского „охранителя"», т. е. Калломейцева (Ал. Б. Комментаторы «Нови».— 1877, № 20, 20 мая). Рецензент был прав, но, естественно, что Маркевич, сатирически изображенный в образе Калломейцева, не мог одобрить это свое в высшей степени отрицательное изображение!

[24] Г. А. Бялый. Тургенев.— «История русской литературы», т. VIII, ч. 1. М.— Л., 1956, стр. 389.

[25] «Таким образом,— иронизировал журнал Каткова по поводу объяснения Сипягиной с Марианной,— ненавистная барыня получает жесточайший реприманд и с позором удаляется со сцены, а „честность" торжествует в лице угнетенной племянницы. То есть, так думает г. Тургенев, получающий вдохновение из романов г-жи Смирновой, а как об этом будут думать читатели — не знаем» («Русский вестник», 1877, № 2, стр. 925). На сей раз, однако, с ультраконсервативным журналом не согласился даже «Голос», отметивший связь образа Сипягиной с предшествовавшими ей фигурами: Сипягина — «та же Одинцова „Отцов и детей", только положенная на подкладку Дарьи Михайловны „Рудина"». Рецензент «Голоса» находил, что глава, посвященная *«завлечению* Нежданова г-жей Сиягиною, особенно удалась г. Тургеневу» («Голос», 1877, № 6, 6 января). Другие критики единодушно признали типичность этой женской фигуры: «Валентина Михайловна представляет из себя тип флегматической кокетки, весьма удачно и прекрасно задуманной и очерченной г. Тургеневым» (А. М. Скабичев-

с к и й.— «Биржевые ведомости», 1877, № 11, 12 января). «Каждый из нас часто встречал подобных личностей; она бессердечна, ограниченна, бесстрастна и необычайно пошла...» (П. Ф. А л и с о в. Указ. соч., стр. 10). «...характер этой Сикстинской мадонны в ранге тайной советницы очерчен Тургеневым с неподражаемым мастерством тонкого знатока женской натуры» (П. Н. Т к а ч е в. Уравновешенные души. «Новь». Роман в двух частях. Соч. И. Тургенева.— П. Н. Т к а ч е в. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. IV. М., 1933, стр. 98.— Впервые: «Дело», 1877, №№ 2—4, за подписью: П. Никитин).

[26] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 907—940.

[27] «Голос», 1877, № 48, 17 февраля; ср. специально о Калломейцеве: «...уже не характер, даже не живой образ, а весьма сомнительного вкуса шарж, который странно встретить на страницах серьезного произведения» («Голос», 1877, № 6, 6 января).

[28] W. Литературное обозрение.— «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

[29] Заурядный читатель ⟨А. М. С к а б и ч е в с к и й⟩. Мысли по поводу текущей литературы. Новые произведения г. Тургенева: «Сон», «Новь».— «Биржевые ведомости», 1877, № 11, 12 января.

[30] В. О л ь. Русская периодическая литература.— «Гражданин», 1877, № 4, 30 января, стр. 117.

[31] Ал. Б. Комментаторы «Нови».— «Северный вестник», 1877, № 20, 20 мая.

[32] В. М. ⟨В. В. М а р к о в⟩. Новый роман И. С. Тургенева.— «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января.

[33] Т о р ⟨В. П. Б у р е н и н⟩. Новый роман И. С. Тургенева.— «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

[34] «СПб. ведомости», 1877, № 34, 3 февраля.

[35] «Северный вестник», 1877, № 20, 20 мая.

[36] П. Ф. А л и с о в. Указ. соч., стр. 9—10.

[37] И. И. И в а н о в. Указ. соч., стр. 701, 692, 702.

[38] С. И. М и ц к е в и ч. Указ. статья, стр. 183.

[39] Письмо от 22 декабря 1876/3 января 1877 г.

[40] Т. в восп. рев., стр. 7.

[41] Из воспоминаний П. А. Кропоткина.— Т. в восп. рев., стр. 140.

[42] Ткачев иронизировал по поводу введения в «Новь» «собственных имен», с которыми не соединяются никакие сколько-нибудь определенные представления (Указ. изд., стр. 91).

[43] Л. Г. Дейч справедливо указывал на неправдоподобие такого обращения правительственных органов с Кисляковым: «Столь снисходительно в описываемое Тургеневым время правительство не относилось даже к третьестепенным лицам, хотя бы самым отдаленным образом прикосновенным к революционной деятельности» (Указ. статья, стр. 41).

[44] «Одно только можно сказать,— с возмущением писал Михайловский, касаясь этого места первой главы,— какое нам дело до целомудрия госпожи Машуриной и какие уж мы с г. Тургеневым контролеры чужого целомудрия?» (Записки профана.— «Отеч. записки», 1877, № 2, стр. 316 второй пагинации). Дейч свидетельствует: «Когда, будучи юношами, мы прочли эти строки ⟨о Машуриной⟩,— то, помню, возмущенно восклицали: „Какая пошлость!“» (Указ. статья, стр. 36).

[45] Л. О. ⟨К. В. Л а в р с к и й⟩. Письма провинциального читателя.— «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

[46] П. Ф. А л и с о в. Указ. соч., стр. 8—9.

[47] В. Н. Ф и г н е р. Студенческие годы. М., 1924, стр. 47.

[48] С. И. М и ц к е в и ч. Указ. статья, стр. 183.

[49] «Голос», 1877, № 6, 6 февраля.

[50] Н. К. М и х а й л о в с к и й. Указ. статья, стр. 317.

[51] П. Ф. А л и с о в. Указ. соч., стр. 5.

[52] С. И. М и ц к е в и ч. Указ. статья, стр. 183.

[53] П. Н. Т к а ч е в. Указ. изд., стр. 104.

[54] Н. К. М и х а й л о в с к и й. Указ. статья, стр. 318.

[55] Л. Г. Д е й ч. Указ. статья, стр. 37.— Наоборот, И. И. Иванов подкреплял правоту автора «Нови», сравнивая с Герценом, у которого якобы «всю жизнь не закрывалась роковая трещина в мыслях, во вкусах, во всей природе» и т. д. (Указ. соч., стр. 703).

[56] Г. А. Б я л ы й. Указ. статья, стр. 388.

[57] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 935, 934. Ср. «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля и «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января.

[58] Из литературных воспоминаний Н. С. Русанова.— Т. в восп. рев., стр. 265.

[59] «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января.

[60] Н. К. М и х а й л о в с к и й. Указ. статья, стр. 322.

[61] Н. К. М и х а й л о в с к и й. Полн. собр. соч. Изд. 4. СПб., 1908, т. V, стр. 820.

[62] П. Ф. А л и с о в. Указ. соч., стр. 6.

[63] С. И. М и ц к е в и ч. Указ. статья, стр. 183.

[64] «Марианна — это та же Елена в „Накануне", но Елена нашего времени, новая Елена, которая нашла своего Инсарова в России» («Неделя», 1877, № 3, 16 января). «Она близко напоминает Елену в „Накануне": в ней та же пылкость, порывистость и решительность, но, кажется, она обещает быть натуральнее возлюбленной болгарского агитатора» («СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января).

[65] Т. в восп. рев., стр. 174. Однако это сообщение Драгоманова не всеми признается за достоверное (см.: Соч. 1930, т. IX, стр. 453).

[66] «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

[67] П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 118, 119.

[68] «Литературная мысль», кн. 1, 1923, стр. 196.

[69] «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

[70] «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

[71] Н. К. Михайловский. Письма постороннего в редакцию «Отечественных записок».— Поли. собр. соч. Изд. 4. СПб., 1908, т. V, стр. 824.

[72] П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 7.

[73] П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 92.

[74] Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 38—40.

[75] С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

[76] Т. в восп. рев., стр. 33—36.— Факт этот не отрицал и Мицкевич, добавлявший, однако: «Конечно, были среди народников и люди много покрупнее выведенных Тургеневым, но было немало и таких» (Указ. статья, стр. 183—184).

[77] Там же, стр. 36—37.

[78] Там же, стр. 37.

[79] Там же, стр. 240.

[80] Л. В. Пумпянский. Указ. статья, стр. 162.

[81] Т. в восп. рев., стр. 242.

[82] П. А. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. Пб., 1907, стр. 115.

[83] В. Н. Фигнер. Студенческие годы, стр. 47.

[84] Т. в восп. рев., стр. 7.

[85] «По поводу „Отцов и детей"»; ср. письмо Тургенева к крестьянам Спасского-Лутовинова от 4/16 сентября 1882 г.

[86] Это заметил еще Лавров (Т. в восп. рев., стр. 30).

[87] А. Мазон, стр. 122.

[88] Ф. М. Достоевский. Дневник писателя.— Собр. соч., т. XII. М.— Л. 1929, стр. 29.

[89] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 932, 941.

[90] «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

[91] «Голос», 1877, № 6, 6 февраля.

[92] «Неделя», 1877, № 3, 16 января.— «Сила и ум этого героя высказываются больше в иронических улыбках»,— писало «Новое время» (1877, № 308, 6 января).

[93] Письмо к Тургеневу от 9 ноября 1876 г.— «Литературная мысль», кн. 1, стр. 196.

[94] П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 6, 8.

[95] Т. в восп. рев., стр. 265.

[96] Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 324.

[97] П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 129.

[98] Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 39.

[99] Т. в восп. рев., стр. 241.

[100] Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 41.

[101] А. В. Луначарский. Указ. статья, стр. 211—212.

[102] Г. А. Бялый. Указ. статья, стр. 390.

[103] К. И. Бонецкий. Указ. статья, стр. 283.

[104] А. Мазон, стр. 136.

[105] П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 7.

[106] Глеб Успенский в жизни, стр. 167.

[107] П. Ф. Алисов. Указ. соч., стр. 4.

[108] Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 319.

[109] Письмо Анненкова к Тургеневу от 24 февраля 1877 г.— «Литературная мысль», кн. 1, стр. 207.

[110] А. Мазон, стр. 113. См. также Тург АН. Сочинения, т. XII, стр. 317 (здесь исправлена опечатка первой публикации: «борется» вм. «берется»).— *Ред.*

[111] Фигура купца Голушкина, «парня дурковатого, избалованного и крайне самолюбивого», жаждущего популярности и играющего «в оппозицию», раскрыта в сцене «столпотворения» во время обеда (гл. XX). Анненков находил эту сцену «пьяного обеда» — «одной из самых веселых и живых сцен романа» («Литературная мысль», кн. 1, стр. 200). «Русский вестник» писал: «Что сказать об этой, на вид весьма рискованной, фигуре — мы право не знаем; может быть в действительности нашим революционерам и случалось завербовывать подобные личности, а может быть и нет; по крайней мере, в известных политических процессах они не фигурировали, и по нашему личному впе-

чатлению — Голушкин, в особенности как старообрядец, неправдоподобен» (1877, № 2, стр. 922).

[112] «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

[113] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 921.

[114] Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 325.

[115] «Голос», 1877, № 6, 6 января.

[116] «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

[117] В. М. Общий вывод о последнем романе Тургенева.— «СПб. ведомости», 1877, № 43, 12 февраля.

[118] «Голос», 1877, № 48, 17 февраля.

[119] Письмо к Стасюлевичу от 26 июля/7 августа 1876 г.

[120] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 921.

[121] См. статью П. Н. Ткачева. Указ. изд., стр. 96 и «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 913.— Особенно подробно критиковал «несообразности» этого эпизода А. М. Скабичевский («Биржевые ведомости», 1877, № 11, 12 января).

[122] См. А. А. Земляковская. Указ. диссертация, стр. 175.

[123] «Новое время», 1877, № 308, 6 января.

[124] Дом Субочевых, в котором время «казалось, остановилось», образует острый контраст столпотворению, творящемуся в доме Голушкина. «Очевидно, что эти „антики", не имеющие внешней связи с ходом романа, извлечены на белый свет единственно для пущего контраста с людьми, слишком торопливо бегущими по пути прогресса» (В. М.— «СПб. ведомости», 1877, № 6, 6 января). Сцена у Субочевых была резко раскритикована. «Русский вестник» утверждал, что эта глава «по всем признакам ‹...› вставлена в роман из тетрадки, долго залежавшейся в бумагах автора» (1877, № 2, стр. 922). Буквально в тех же выражениях писал об этом и «Русский мир» (1877, № 35, 6 февраля). «Очень плохая и неизвестно для чего вставленная пародия старосветских помещиков Гоголя» (Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 320—321). «Фомочка и Фимочка — старосветские помещики Гоголя, только в шутовских колпаках и почему-то с полным отсутствием религиозного чувства» (В. Ольь. Русская периодическая литература.— «Гражданин», 1877, № 4, стр. 118). «Голос» (1877, № 6, 6 января) критиковал этот эпизод за замедление нормального течения рассказа и отсутствие правды. «Пчела» (В. В. Чуйко — 1877, № 5, стр. 74) находила его ничем не связанным с содержанием романа, «ненужным, в высшей степени деланным». Лишь «Биржевые ведомости» (1877, № 11, 12 января) признавали, что этот «вставной эпизод, не имеющий с романом ничего общего и пришитый к нему на живую нитку», в то же время «прелестен и производит на читателя освежающее впечатление».

Тургенев не защищал главы о Фомушке и Фимушке. Он писал: «...это был мой каприз — я вспомнил такую старенькую чету, которую знал когда-то» (письмо к Полонскому от 22 января/3 февраля 1877 г.). «Фомушка и Фимушка — вставной кусок; его можно вынуть безо всякого ущерба целому... Это одно их осуждает бесповоротно. Я просто не устоял перед желанием нарисовать старорусскую картинку в виде d'un repoussoir* или оазиса...» (письмо к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г.).

[125] См. А. А. Земляковская. Указ. диссертация, стр. 184.

[126] «Литературная мысль», кн. 1, стр. 196.— Ср. в «Русском мире», 1877, № 35, 6 февраля: «Та часть романа, где рассказано хождение Нежданова „в народ", очень хороша и блестит той краткой изобразительностью, в которой некогда г. Тургенев был так силен».

[127] Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 321.

[128] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 931.— В устах критика катковского журнала такое признание звучит особенно неожиданно.

[129] «Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля.

[130] «Голос», 1877, № 6, 6 января.

[131] Как утверждает А. А. Земляковская.— Указ. диссертация, стр. 171.

[132] Там же.

[133] Из письма к Тургеневу от 9 ноября 1876 г.— «Литературная мысль», кн. 1, стр. 196.

[134] Н. К. Михайловский. Указ. статья, стр. 318.

[135] Там же, стр. 317.

[136] А. А. Земляковская. Указ. диссертация, стр. 212.

[137] «СПб. ведомости», 1877, № 43, 12 февраля.

[138] Реакционная критика была недовольна этим крылатым выражением: «Слово „опро́ститься", „опростелые", очевидно, придумано автором не вскользь, не мимоходом, а всерьез, как нечто такое, чему суждено играть роль на Руси, пожалуй, такую же, как слово „нигилист". Автор повторяет эти словечки чуть не в каждой главе ‹это совершенно неверно! — *А. Ц.*› и, очевидно, желает, чтоб оно не проскользнуло как-нибудь мимо внимания читателя, но вошло бы во всеобщий оборот... Только навряд ли это будет...» («Русский вестник», 1877, № 2, стр. 925). «Судя по тому, как часто автор повторяет и подчеркивает это словечко, надо думать, что ему очень хочется пустить его в

* контраста (франц.).

ход, сделать его такой же кличкой, какой во время оно сделалось слово „нигилист". Но, увы, это тщетная затея. „Опростелые" не пойдут в обиход, потому что словечко это сочинено искусственно и выражает только одну, и притом не самую главную сторону типа» («Русский мир», 1877, № 35, 6 февраля).

[139] «Литературная мысль», кн. 1, стр. 197, 200, 199.

[140] Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 32.

[141] «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

[142] «Новое время», 1877, № 308, 25 марта.

[143] Там же, 1877, № 385, 6 января.

[144] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 907.

[145] «Гражданин», 1877, № 2, стр. 45.

[146] «Неделя», 1877, № 3, 16 января.

[147] П. Н. Ткачев. Указ. изд., стр. 88.

[148] «Гражданин», 1877, № 2, стр. 45.

[149] Там же, № 5, стр. 142.— Такого же рода бессодержательные анекдоты о читательницах «Нови» см. в заметке: «Мглы и туманы» Е. Былинкина.— «Гражданин», 1877, № 8, стр. 229.

[150] Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, стр. 99—100.

[151] «Из записной книжки А. Н. Пыпина».— «Лит. наследство», т. 49-50, 1946, стр. 192.

[152] Письмо от 17 февраля 1877 г.— Щедрин, т. XIX, стр. 87—88.

[153] Л. Г. Дейч. Указ. статья, стр. 33.— См. резкую полемику этого критика с трактовкой «Нови» Д. Н. Овсянико-Куликовским (там же, стр. 34—35).

[154] Т. в восп. рев., стр. 217.

[155] С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 184.

[156] В. М. Гаршин. Полн. собр. соч., т. III. М.— Л., 1934, стр. 109—110.

[157] В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. V. М., 1929, стр. 62.

[158] С. И. Мицкевич. Указ. статья, стр. 183.

[159] «Литературная мысль», кн. 1, стр. 198, 197, 205—206.

ТУРГЕНЕВ И РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЛЕКЦИЯ «ЗЕМЛЕВОЛЬЦА» С. С. РЫМАРЕНКО О РОМАНЕ «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Предисловие и публикация Р. А. Таубина

Публикуемая лекция Сергея Степановича Рымаренко [1] (около 1839—1869) «По поводу новой повести И. С. Тургенева „Отцы и дети“» представляет значительный интерес для исследователей. В ней весьма отчетливо отразилось отношение к Тургеневу и особенно к роману «Отцы и дети» целого поколения революционной молодежи начала 60-х годов, воспитавшегося на идеях Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Она позволяет вскрыть корни идейно-теоретических разногласий, наметившихся в период революционной ситуации 1859—1861 гг. между Тургеневым и наиболее последовательными деятелями революционно-демократического лагеря в России. При всей высокой оценке Тургенева как талантливого и чуткого к явлениям современности художника они не всегда могли принять то истолкование характера общественного развития страны, которое отражалось в произведениях Тургенева. Лекция Рымаренко помогает объективно установить, каково было подлинное отношение непосредственных участников революционного движения второй половины 50-х — начала 60-х годов к Тургеневу как к писателю, к его идейным позициям, к положительным героям его произведений, к общественному значению его литературной деятельности. Этот документ необходимо учитывать при выяснении вопроса о том, почему видные деятели революционного движения указанного периода не принимали тургеневской характеристики мировоззрения революционеров 60-х годов как «нигилизма».

Детство и юность Рымаренко прошли в Харькове. В 1855 г. он стал членом Харьковского тайного общества, к которому принадлежали также Я. Н. Бекман, М. Д. Муравский, В. О. Португалов, В. В. Ивков и др. Вместе со своими друзьями Рымаренко воспитывался на идеях Шевченко и Герцена, Чернышевского и Добролюбова. Здесь он приобретал первый опыт революционной работы, здесь формировалось его сознание революционера-демократа.

В апреле 1858 г. Рымаренко, вместе со 137 другими студентами Харьковского университета, подписал коллективное заявление, в котором они в знак протеста против самоуправства властей требовали уволить их из университета. Вслед за тем Рымаренко принял решение покинуть Харьков и переехать в Петербург — для продолжения образования и для участия в освободительном движении [2].

В Петербурге Рымаренко, поступивший в Медико-хирургическую академию, включился в активную деятельность, направленную на подготовку народной революции в России. Здесь с августа 1858 г. и до 30 мая 1862 г., когда он был арестован, развернулись его недюжинные дарования организатора, вожака революционной молодежи, талантливого пропагандиста, умелого конспиратора, одного из виднейших участников и руководителей тайного революционного общества начала 60-х годов — «Земли и Воли». Особенно большого напряжения деятельность Рымаренко достигла, в 1860—1862 гг., в годы подъема массового крестьянского движения по всей стране крупных студенческих выступлений против самодержавия в Петербурге, Москве, Казани.

Вместе с братьями А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичами, А. А. Слепцовым и профессором П. В. Павловым Рымаренко принял деятельное участие в создании в 1859—1862 гг. «воскресных школ» в Петербурге. Непосредственно руководимые им Самсоньевская и Введенская школы оказались главными центрами распространения революционной пропаганды среди рабочих и солдат в Петербурге. Он участвовал в организации народной библиотеки в здании Самсоньевской воскресной школы, готовил с группой своих товарищей (И. И. Аверкиевым, Ю. Р. Посниковым и др.) издание журнала для народа, под видом общества распространения грамотности активно работал над созданием общества для политического просвещения народа. С целью подготовки вожаков, способных руководить предстоящей революцией, он организовал в 1858—1862 гг. несколько литературно-политических кружков из студентов Медико-хирургической академии.

На видное положение Рымаренко в «Земле и Воле» указал Л. Ф. Пантелеев, рассказавший в своих воспоминаниях о том, что в члены этой организации его принимали в начале 1862 г. А. А. Слепцов и Рымаренко, что именно Рымаренко дал ему и Н. И. Утину «...несколько практических указаний насчет формирования конспиративных кружков», что Рымаренко «пользуется между студентами-медиками большою популярностью и много между ними работает» [3]. М. Н. Слепцова ссылаясь на свидетельство А. А. Слепцова, утверждала, что Рымаренко связывала с Чернышевским личная дружба [4].

Следовательно, в петербургский период своей жизни и деятельности Рымаренко закалился как революционер и мыслитель, вошел в первые ряды деятелей, под водительством Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова направлявших общерусское освободительное движение. В. И. Ленин, говоря в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» о наступлении в 1862 г. реакции, в числе других фактов указал на «многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.)»[5]. Из этого ясно, что Ленин, очевидно знавший о революционной деятельности Рымаренко, считал его видной фигурой революционно-демократического лагеря в период революционной ситуации 1859—1861 гг.

Непосредственным поводом к аресту Рымаренко в мае 1862 г. явилось обвинение его в заказе оборудования для типографии, а также в составлении и распространении прокламации «Чего мы хотим?». В ходе следствия, на основании показаний ряда лиц, арестованных одновременно с ним (студентов Медико-хирургической академии Гюбнера, Мультановского, Ляпустина, Краковецкого, содержателя типографии купца И. Маркова и др.), были выявлены и другие направления революционной и пропагандистской деятельности Рымаренко. В частности, выяснилось, что он организовал в Медико-хирургической академии несколько нелегальных студенческих кружков, связанных между собою и поддерживающих связь с университетскими кружками (кружок Н. И. Утина) и с кружками в Артиллерийской академии (кружок П. Л. Лаврова).

На допросах в следственной комиссии и на судебных заседаниях Особого присутствия Правительствующего сената Рымаренко держался с достоинством, проявив в большинстве случаев находчивость и осторожность, характерные для ученика и друга Чернышевского.

Арест и двухлетнее заключение в крепости подорвали здоровье Рымаренко. Высланный по приговору суда в 1865 г. под надзор полиции в Астрахань, он умер там в 1869 г., едва достигнув тридцатилетнего возраста.

В качестве одного из наиболее удобных средств для воспитания молодежи в революционном духе в кружках того времени практиковались литературные чтения и обсуждения самых значительных произведений современной литературы. Эту форму работы успешно использовал и Рымаренко в своей пропагандистской деятельности в Медико-хирургической академии. Среди бумаг, захваченных при обыске и аресте Рымаренко, оказался и рукописный текст его лекции о романе «Отцы и дети», подготовленный для чтения на втором занятии одного из руководимых им кружков в марте

1862 г. Извлеченная нами из следственного дела Рымаренко рукопись его лекции представляет собою черновой автограф, не предназначавшийся для печати. Но он содержит полный текст лекции, разработанной Рымаренко сразу после опубликования романа в «Русском вестнике» (1862, № 2, ценз. разр. 28 февраля), очевидно, в начале марта.

Посвященная характеристике Тургенева как писателя и анализу его романа, лекция Рымаренко имела в виду главную цель — определить с революционно-демократических позиций сущность «нового человека», подлинного революционера-шестидесятника. Недаром один из членов следственной комиссии, С. Р. Жданов, придавал этому документу особое значение и в специальной записке требовал тщательно допросить автора лекции о ее целях, содержании и истинном назначении. Он находил, что эта лекция «выражает положительные убеждения г. Рымаренко ⟨...⟩ В этой брошюре все его прошлое и настоящее» [6]. Важно подчеркнуть, что в своем разборе «Отцов и детей» Рымаренко был вполне самостоятелен — известная статья М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени», во многом совпадающая с лекцией Рымаренко, появилась несколько позднее: она была напечатана в третьей книжке «Современника» за 1862 г. (ценз. разр. 20 марта и 6 апреля; вышла в свет 13 апреля). То обстоятельство, что лекция Рымаренко во многом совпала со статьей Антоновича, объясняется тем, что в обоих этих документах нашел свое выражение общий взгляд на роман Тургенева в целом и на его героя Базарова, который сложился в редакции «Современника» и среди революционно-демократической молодежи, объединившейся вокруг журнала.

В полном соответствии с традициями революционно-демократической критики Рымаренко в своей лекции отказывается от рассмотрения новой повести Тургенева «с точки зрения эстетической критики» и противопоставляет ей другую точку зрения — «исторической и современной правды». В общей оценке Тургенева как «художника современного общества», который «умеет подхватывать налету внутренние движения современной общественной жизни и раскрывать их смысл», Рымаренко следует за Добролюбовым, видевшим секрет успеха произведений Тургенева в их современности, в необычайной чуткости писателя к животрепещущим вопросам общественного развития России.

Для подтверждения такого понимания предшествующего творчества Тургенева Рымаренко указывает на два его романа — «Рудин» и «Накануне». В первом из них Тургенев явился, по его мнению, «художником-историком», обрисовавшим «интереснейший момент нашей общественной жизни, именно — жизнь московских кружков 40-х годов». Характерно, что при этом Рымаренко не упоминает о той полемике вокруг романа, которая разгорелась в период назревания в России революционной ситуации 1859—1861 гг.*, хотя эта полемика, нашедшая отражение на страницах «Современника», не могла быть ему неизвестной. Но ему важно было подчеркнуть прежде всего, что в этом романе Тургенев показал историческую почву, породившую «фалангу сильных деятелей, имена которых войдут в историю». Правда, он указывает тут же, что эта почва «подавила не столь сильные натуры и выродила их в Рудиных»,— но эта проблема, проблема «лишних людей», в данном контексте не интересовала автора лекции.

Обращаясь к роману «Накануне», Рымаренко определяет главное его значение, которое заключается в том, что «Тургенев понял зарождающуюся идею действий в нашей молодежи и дал легкий абрис деятеля». Считая, что Тургенев поступил «в высшей степени добросовестно, заставив своего дельного героя только проживать в России, а силы свои прилагать вне ее», Рымаренко прямо и открыто высказывает по поводу Инсарова мысли, сходные с теми, которые Добролюбов в статье о «Накануне» вынужден был излагать с помощью намеков и иносказаний. «Инсаров — это эмиграция русской силы. Болгаром его можно и не считать: он болгар оттого, что в России за такую деятельность его давно бы посадили в Алексеевский равелин».

---

* Анализ этой полемики дан в настоящем томе в статье М. О. Габель «Творческая история „Рудина“».— *Ред.*

Название нового романа Тургенева — «Отцы и дети» — дает автору лекции повод высказать свое понимание общественной и политической сущности конфликта между «отцами и детьми» в современных условиях. Эту сущность Рымаренко видел в стремлении большинства «отцов» помешать «детям» вырабатывать передовые убеждения, строить свою жизнь в соответствии с этими убеждениями и принимать участие в борьбе за народное счастье.

Горячность, с которой Рымаренко говорит об этом предмете, не была случайной: острые столкновения с «отцами» пережили многие из его товарищей по Харьковскому университету (Е. Ильенко, В. О. Португалов и др.); в семье самого Рымаренко произошел резкий раскол, в результате которого на одной стороне оказался отец Степан Алексеевич, а на другой — его дети Сергей и Елена, жена Елена Францевна и муж дочери Н. П. Баллин [7]. Отчетливое представление о конфликте в семье Рымаренко дают письма его отца. 11 декабря 1861 г. С. А. Рымаренко писал сыну Сергею, жалуясь и негодуя на равнодушие к нему со стороны детей: «Бог с вами, дети! видно век таков: отцы — тряпки, глупы, дети — гении, а потому в злосчастной стране и идет все шиворот-навыворот...» [8] Те же жалобы звучат и в письме от 12 января 1862 г.: «Плохо, брат Сергей, плохо! Кстати, теперь уж и побранить тебя не грех: время на сочинение народных каких-то азбук у тебя есть, а для того, чтобы добиться толку в Академии о том, когда именно прием,— так и времени нет. По нашему глупому старому разуму, прежде следовало бы похлопотать о родном, а потом уж о преобразовании человечества. А по-вашему выходит шиворот-навыворот. Досадно это; да что делать: еще не родился тот мудрец, который мог бы убедить молодое поколение в том, что оно... Ну! да бог с вами!» [9]

Противоречия и разногласия в семье Рымаренко были типичны для многих сотен и тысяч семей в России конца 50-х — начала 60-х годов. Письма С. А. Рымаренко к сыну, как и многие факты из жизни ближайших друзей Рымаренко, убедительно доказывают, что конфликт «отцов» и «детей» был известен автору лекции не только понаслышке или из литературы, но и из опыта его собственной жизни. Характерно, что он дает в лекции исторический анализ этого конфликта, прослеживая, как с изменением общественных условий менялся и характер отношений между старшим и младшим поколениями: «Несколько лет тому назад отцы сильно задевали нас, сыновей, они нападали на наше начинавшееся развитие, противоположное по характеру, чем их развитие. Но тогда все столкновения носили более мирный, теоретический характер. Мы были тогда страстно поглощены работою своего развития, и потому в наших стычках с отцами была заметна та же страстность, что отцам нашим было еще сносно: они утешали себя умозаключениями вроде: „Перемелется — мука будет“, „Молодо — зелено“; а для охлаждения молодых порывов говорили: „Обуха плетью не перешибешь“. Но в наше время характер этих отношений изменился: меньше страстности с нашей стороны и больше отчаянного ожесточения с другой». Отражения этого «отчаянного ожесточения» он не обнаружил в романе, что и дало ему повод к ироническому замечанию: «Тут три отца, и ни один из них не напоминает нам те сотни, которые мы видели. Один только походит несколько, но и тот не настоящий отец, а дядя». Рымаренко считает роман в этом плане лишенным «современной правды», не типичным и противопоставляет картине, изображенной Тургеневым, исполненную драматизма тяжелую борьбу «сильных людей из нашей молодежи» за свое «человеческое достоинство» против «óтчего деспотизма».

Переходя к рассмотрению образа Базарова, Рымаренко говорит о больших трудностях, которые встают перед писателем, задумавшим вывести в своем романе типическую фигуру «молодого порядочного человека», и даже о невозможности создания при настоящих условиях такого типа: «Мы вообще думаем, что современного молодого человека нельзя выбирать еще в герои романа: глубокий анализ его действий подлежит больше ведению III Отделения, нежели художника современного общества». Отсюда для писателя вытекают две возможности — говорить о герое современной жизни «обиняками» (если бы к этому времени уже был опубликован роман «Что делать?», Рымаренко мог бы сослаться здесь на его героев), или пойти по пути искажения правды жизни. С этой точки зрения он и выносит приговор роману, в котором

ТУРГЕНЕВ
Фотография Ваккеза и Радиге. Баден, 1864
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Тургенев, по его мнению, «представил нам несуществующий ныне тип или, если он и существует, то не как тип, но как отдельная личность, ни в каком случае не типичная, тем более не передовая». При этом главную причину отхода Тургенева от «исторической и современной правды» в создании Базарова Рымаренко видит во враждебном отношении к материализму со стороны писателя, который сам был воспитан «в противоположных началах идеализма», а также в том, что, живя за границей, он не имел возможности наблюдать современную действительность и «составил» тип Базарова «по воспоминаниям», сохранившимся от прежних лет.

Анализ Базарова и присущих этому образу противоречий приводит автора лекции к совершенно категорическому выводу: «...главное лицо повести — призрак или миф. Я отрицаю типичность его и современную правду». Однако этот тезис безус-

ловного отрицания типичности Базарова не выдержан у Рымаренко до конца. В другом месте своей лекции он признает за Базаровым известную долю исторической правды, связывая его материализм, его «отрицание мира искусств и поэзии», его «близорукий взгляд на природу человека» с тем, что переживали поодиночке «лучшие люди» в России после 1849 г. и что они «пережили всею массою» «в период от 1855 до 1857 года».

В этом признании Базарова «отошедшим типом», отразившим предшествующий этап общественного развития, но уже не соответствующим умонастроению лучшей части русской молодежи в начале 60-х годов, можно видеть зародыш того более объективного и исторически обоснованного понимания Базарова, которое с большей полнотой и последовательностью выразилось в значительно более поздних высказываниях о романе Тургенева передовой русской критики [10].

Но в целом лекция Рымаренко об «Отцах и детях» отражает воззрения русских революционных демократов, складывавшиеся в период созревания революционной ситуации 1859—1862 гг., когда они жили страстной верой в то, что демократическая революция в России близка и неизбежна. Одушевленные этой верой, они требовали и от литературы выражения своих идей и стремлений. Те же произведения, которые не отвечали таким требованиям, вызывали у русских «революционеров 61 года» безоговорочное осуждение и отрицание.

Поэтому было бы неправомерным и неисторичным ставить вопрос, прав или неправ был Рымаренко в своей оценке романа Тургенева. Эта оценка не совпадает, конечно, с тем объективно-историческим отношением к «Отцам и детям», которое сложилось (хотя и не без острых споров и грубых порой заблуждений) в работах советских исследователей творчества Тургенева. Но тем не менее лекция Рымаренко является документом первостепенного значения, так как она обогащает наше представление о литературных и общественных взглядах революционной демократии начала 60-х годов и о характере той острой, изобилующей драматическими моментами борьбы, которая была вызвана появлением «Отцов и детей».

Лекция Рымаренко публикуется по черновому автографу. ЦГАОР, ф. 112-И, ОППС, он. 1, 1862 г., ед. хр. 23, «Производство высочайше учрежденной в С.-Петербурге Следственной комиссии о студентах Медико-хирургической академии Рымаренке, Гюбнере, Мультановском, Ляпустине, Краковецком и о содержателе типографии купце Маркове», т. III, лл. 70—83.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Краткая характеристика революционной деятельности и мировоззрения С. С. Рымаренко дана в статье: Р. А. Таубин. Революционер-демократ С. С. Рымаренко.— «История СССР», 1959, № 1.

[2] Таким же образом поступила и большая часть его товарищей по выступлению. Некоторые из них уехали в Москву, другие — в Петербург; руководящие члены тайного общества (Я. Н. Бекман, М. Д. Муравский, В. О. Португалов и др.) — в Киев.

[3] Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М.—Л., Гослитиздат, 1958, стр. 291—295.

[4] М. Н. Слепцова. Штурманы будущей бури.— «Звенья», II. М.— Л., 1933, стр. 447.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29.

[6] ЦГАОР, ф. 112-И, ОППС, оп. 1, 1862 г., ед. хр. 23, т. III, л. 113.

[7] Н. П. и Е. С. Баллины поддерживали тесные связи с рядом деятелей революционного движения на Украине (Я. Н. Бекманом, В. О. Португаловым и др.). В 1860 г. Н. П. Баллин, служивший по судебному ведомству, воспользовавшись советом Рымаренко, вышел в отставку и открыл в Харькове книжный магазин с целью издания и распространения дешевых и полезных книг для народа. Он стал комиссионером Н. А. Серно-Соловьевича, который посылал ему литературу и помогал советами. Харьковский дом Баллиных превратился в своеобразную коммуну, в которой горячо обсуждались злободневные вопросы внутренней и внешней политики России, художественной литературы и общественного движения.

[8] ЦГАОР, ф. 112-И, оп. 1, 1862 г., ед. хр. 23, т. I, л. 47а.

[9] Там же, лл. 61—62.

[10] Например, в статье Н. В. Шелгунова «Люди сороковых и шестидесятых годов».— «Дело», 1869, № 12.

ПО ПОВОДУ НОВОЙ ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Об новой повести Тургенева «Отцы и дети» так много говорят в обществе, что на наших литературных собраниях было бы странно пропустить без внимания такое явление в современной литературе. Поэтому я решился сказать об этой повести несколько слов, которые выразят мои личные впечатления и тех людей, с которыми мне приходилось толковать по поводу ее [1]. Впрочем я должен сказать, что от очень немногих пришлось мне позаимствоваться для составления определенного взгляда на эту повесть, большею же частию приходилось выслушивать мнения, не имевшие для меня никакой ценности, потому что они рассматривали дело с совершенно другой точки зрения, чем я; они не замечали тех сторон, которые особенно привлекали мое критическое внимание. Именно — они смотрели на повесть с точки зрения эстетической критики. Вполне признавая необходимость такой точки зрения, я смотрю на предмет с другой точки, именно — с точки зрения исторической и современной правды. Я сейчас докажу, почему эта точка зрения в приложении к новой повести Тургенева гораздо важнее первой. «Отцы и дети» представляют нам действие хронологически современное нам. Автор прямо пишет, что действие происходило в 1860 и 1861 гг.[2] Что может быть современнее этого? Уже одно это обстоятельство сильно затрагивает читателя. Известно, что Тургенев пользуется славою художника современного общества во всех его особенных проявлениях и во всех его сферах. Критики говорят, что он умеет подхватывать налету внутренние движения современной общественной жизни и раскрывать их смысл, указывать их происхождение и пророчить о их будущности. Я вполне признаю за Иваном Сергеевичем такую славу. Действительно, стоит припомнить «Рудина» и «Накануне», чтобы убедиться в этом.

В «Рудине» пред нами был обрисован интереснейший момент нашей общественной жизни, именно — жизнь московских кружков 40-х годов. Это полная содержания жизнь, которая, с одной стороны, дала нам фалангу сильных деятелей, имена которых войдут в историю, с другой стороны, самою силою и полнотою своего внутреннего содержания подавила не столь сильные натуры и выродила их в Рудиных. Тургенев явился художником-историком этого интересного момента, и мы ему за то бесконечно благодарны.

В «Накануне» он изобразил добрые задатки проснувшегося после тридцатилетней спячки общества. Он поступил в этой повести в высокой степени добросовестно, когда заставил своего дельного героя только проживать в России, а силы свои прилагать вне ее. Инсаров — это эмиграция русской силы. Болгаром его можно и не считать: он болгар оттого, что в России за такую деятельность его давно бы посадили в Алексеевский равелин, а в крайнем случае его могло бы постигнуть еще большее несчастие: он провалялся бы в цензурном чистилище, и мы не были бы с ним вовсе знакомы. Повторяю, Тургенев поступил в высшей степени добросовестно, назвав Инсарова болгаром и послав его работать в Болгарию. Всякий из читателей думал, что ему можно было бы найти работу и в России, да для автора было неудобно давать ему такое назначение. Русская молодежь была польщена Инсаровым: она увидела в нем свои связанные руки, свою скованную обручем голову, вздохнула по его свободе, по его жертве и стала мечтать, как бы не выпускать таких людей в Болгарию, а дать им дело в России. Тургенев понял зарождавшуюся идею действий в нашей молодежи и дал легкий абрис деятеля. Все поняли что он не мог пустить более густого колера, и не винили его за невозможное.

Теперь понятно, милостивые государи, почему, принимаясь за чтение новой повести Тургенева, а теперь принимаясь за оценку ее, я по преимуществу сосредоточивал и сосредоточиваю свое критическое внимание на исторической и современной правде действия, характера лиц и всей обстановки. Художественная правда уже достаточно гарантирована именем Тургенева.

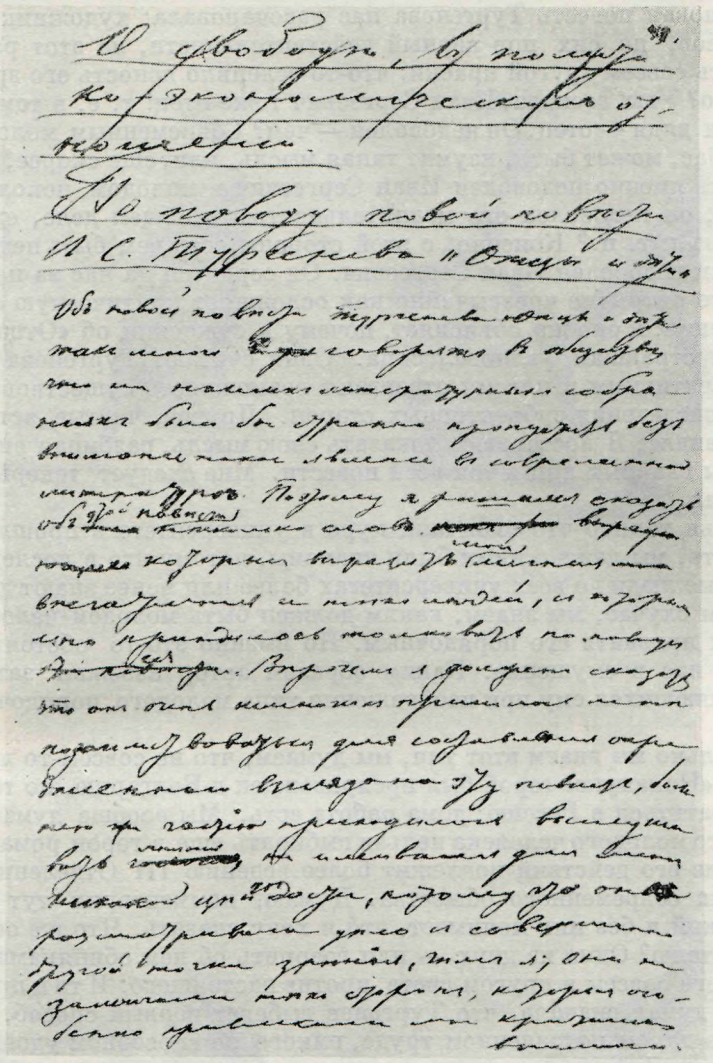
Какую же сторону общественной жизни обрисовал Иван Сергеевич в новой своей повести? Одно название: «Отцы и дети» кинуло нас в море нетерпеливых ожиданий, в страстное желание предугадать содержание повести. Браво! — закричали мы: — Иван Сергеевич снова угадал, о чем надо было поговорить, настоятельно надо, потому что в последнее время отношения детей к отцам сделались самыми натянутыми, самыми тяжелыми. Несколько лет тому назад отцы сильно задевали нас, сыновей, они нападали на наше начинавшееся развитие, противуположное по характеру, чем их развитие. Но тогда все столкновения носили более мирный, теоретический характер. Мы были тогда страстно поглощены работою своего развития, и потому в наших стычках с отцами была заметна та же страстность, что отцам нашим было еще сносно: они утешали себя умозаключениями вроде: «Перемелется — мука будет», «Молодо-зелено»; а для охлаждения молодых порывов говорили: «Обуха плетью не перешибешь». Но в наше время характер этих отношений изменился: меньше страстности с нашей стороны и больше отчаянного ожесточения с другой. Перемена эта произошла оттого, что вышесказанные умозаключения оказались несостоятельными: перемололось, но не вышло такой муки, из которой отцы думали спечь сухари по образу и подобию своему. Разумеется, я говорю о большинстве отцов и большинстве из нас; может быть, что изо ста случаев встретим два, где отношения выработались иные. Но эти исключения не рисуют всей картины. Они пропадают за одним общим мрачным фоном.

Вот первые мысли, которые возбудило во мне одно название новой повести Тургенева. Но, вместо подтверждения моего предположения, я испытал по прочтении повести полное разочарование, и не одно, а два-три. Но об них после. Посмотрим на тургеневских отцов и детей, именно на их взаимоотношения. Тут три отца, и ни один из них не напоминает нам те сотни, которые мы видели. Один только подходит несколько, но и тот не настоящий отец, а дядя. И я очень жалею, что он не настоящий отец — тогда бы он помирил меня с современною правдою: он представил бы нам настоящий образчик отеческих отношений к сыну, который встречается в настоящее время на каждом шагу. Посмотрите, с каким наслаждением бросается он на чужих сыновей, в которых чует совсем иную жизнь, чем прожита им. Представьте себе, как хорошо относился бы он к своему собственному сыну? Это был бы тип. Отчего же автор лишил нас наслаждения такою современною правдою и дал нам два образчика исключений? Может быть, он пожалел слишком растревожить нас?.. По-моему, напрасное опасение: действительная жизнь дает нам ежечасно самые неутешительные спектакли, в которых разыгрываются отцово-сыновние сцены, значит нервы уже несколько попривыкли. А что вышло из такой исключительности для достоинства самой повести?

Вышло то, что она лишена современной правды в одной из главных сторон своих. По крайней мере, она не типична. Нет, не такие драмы вырабатывались по поводу столкновений отцов с детьми в наше время *. Я здесь, между присутствующими, вижу несколько человек, готовых сказать: да, это верно, мы в том поручимся [3]. Те, на которых я намекаю,— люди с характером и развитием, не уступающим базаровскому, но они

---

* *Далее зачеркнуто:* Слишком сильно были натянуты струны, чтобы произвести такой слабый звук, который звучит во всей новой повести.



«ПО ПОВОДУ НОВОЙ ПОВЕСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА „ОТЦЫ И ДЕТИ“»
ЛЕКЦИЯ С. С. РЫМАРЕНКО

Автограф, 1862. Лист первый

Рукопись сохранилась в деле Следственной комиссии «о студентах Медико-хирургической академии», 1862

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

пережили не такие минуты. За тысячи верст принуждены были одни из них бежать, без копейки в кармане, чтобы спасти свое человеческое достоинство от отчего деспотизма; тяжелую борьбу принуждены были выдержать другие, чтобы отстоять свои убеждения от нетерпимости отца, от желания выше всего поставить свой авторитет. Еще более грустные сцены припоминаются мне теперь, но я об них умолчу.

Вот общий фон нашей современной правды в этом мире отношений; вот драмы, полные правды и значения и с рамкою развития общества. Я говорю прямо: сильные люди из нашей молодежи почти все прошли такую школу; говорю это безо всякого другого намерения, кроме указания на правду, и

поэтому новая повесть Тургенева нас разочаровала: художник современных нравов, до сих пор верный действительности, на этот раз взял на свою кисть совсем другой краски: что-то ослепило ясность его зрения. Что же именно? Увы, господа, Иван Сергеевич тоже отец! т. е. в том смысле, в котором и дядя — отец. Он недоволен — чем? Современным молодым поколением. Вас, может быть, изумит такая мысль, или, еще скорее, вы спросите, чем же именно недоволен Иван Сергеевич в молодом поколении? Может быть, он недоволен его медлительностью в общем деле, его нерешительностью и т. п.? Конечно, с этой стороны есть чем быть недовольным. Но не этим недоволен Иван Сергеевич. Он сердится на нас за наш материализм. Это открытие чрезвычайно как осложняет критическую оценку его произведения, и оно же объясняет, почему в суждении об «Отцах и детях» слышится страшная разноголосица. Одни считают Тургенева писателем чисто объективным и потому отвергают возможность существования в его новом произведении субъективных сторон. Другие, чистые эстетики, вовсе их не видят. Я постараюсь доказать свою мысль, разбирая внимательно характеры главных лиц и тон всей повести. Мне следует теперь говорить о сыновьях.

Сыновья только что окончили курс в университете в прошлом году [4], может быть, мы даже с ними были знакомы, потому что в последнее время порядочные люди во всех университетах более или менее знают друг друга. Во всяком случае, мы знаем, каким должен быть молодой человек, чтобы мы могли признать его порядочным. Но именно это-то обстоятельство и приводит нас в смущение. Каким образом автор избежал затруднений, представляющихся ему при изображении типа молодого порядочного человека?

Насколько мы знаем этот тип, мы думаем, что не совсем-то легко такое дело... В «Накануне» герой был препровожден в Болгарию, но теперь пора ему возвратиться в Россию: дома работа есть. Мы вообще думаем, что современного молодого человека нельзя выбирать еще в герои романа: глубокий анализ его действий подлежит более ведению III Отделения, нежели художника современного общества. Думаю, комментарии тут — лишнее дело, всякий и без них понимает, что́ я хочу сказать. Что же остается делать писателю? Одно из двух — или говорить об нем обиняками, или изображать его совсем в другом свете, против настоящего. И то и другое незавидно. Я думал сначала, что Тургенев выберет первый способ, и заранее сожалел о даром потраченном труде, никого не способном удовлетворить. Но ошибся. Действительно, ни одного намека на современную деятельность молодого поколения нельзя было найти. Он выбрал второй способ, т. е. представил нам несуществующий ныне тип или, если он и существует, то не как тип, но как отдельная личность, ни в каком случае не типичная, тем более не передовая.

Я возьму одного для анализа Базарова, так как другой герой очень незначителен, и сам автор относится к нему отчасти пренебрежительно. Базаров — сильный характер и сильный ум. Таким хочет изобразить его автор, но в то же время заставляет его употреблять свой характер на бесплодное взнуздывание самого себя в тех случаях, где того вовсе не требуется, и разнуздывания, где требовалось бы поболее воздержания. Он клеймит себя названием идеалиста, когда позволил себе увлечься прекрасной формой чего бы то ни было: картиною природы, изяществом женского существа, и в то же время позволяет ⟨себе⟩ целовать женщину (не давшую ему на то никакого права, женщину, которую он должен был уважать по силе своего умственного развития и понимания вещей). Сильный ум его доводит до отрицания очевидности и даже до названия горохового шута со стороны самого автора. Чем же объяснить такие противоречия?

«Дымъ», интермеццо.

Грав. Фрейндъ

Романъ начинается пріѣздомъ нигилиста въ деревню Кирсановыхъ. Аркадій Кирсановъ бросается въ объятія отца, а Базаровъ саркастически улыбается, ибо радость при свиданіи отца съ сыномъ, по мнѣнію автора, для человѣка, занимающагося естественными науками—неестественна.

За тѣмъ авторъ тотчасъ же тащитъ своего героя въ нѣсколько минутъ обѣгать всѣ дорожки сада».

«Дымъ», интермеццо.

Грав. Фрейндъ.

Потомъ заставляетъ его читать на болотѣ лекцію сравнительной анатоміи.

Дальше заставляетъ своего героя шагать черезъ кладбища, другими словами сказанный герой и ходитъ-то не какъ всѣ добрые люди, — а «выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго», нагруженный лягушками, которыхъ ему вездѣ насовалъ щедрый авторъ,—идетъ онъ пить чай (синильную кислоту пить бы ему вмѣсто чая).

«„ОТЦЫ И ДЕТИ“. КАРИКАТУРНЫЙ РОМАНЪ»
Рисунки и текст А. М. Волкова, гравюры Ф. Фрейнда
Начало «романа». «Искра», 7 апреля 1868 г., № 12

Легче всего было бы объяснить все это несовершенством личных качеств героя, его неразвитостью. Если бы так, то и дело было бы кончено: мало ли каких чудаков не выводит прихотливая фантазия автора. Но в том-то и беда, что причина здесь лежит в субъективном воззрении автора на сущность материализма. По его мнению, материализм — язва настоящего молодого поколения, и вот он представляет нам одного из таких страдальцев, покрытого язвами. Для возбуждения к нему полного сочувствия автор одарил страдальца крепкими от природы силами, как бы говоря: «Посмотрите, что делается с лучшими из вас, пораженными язвами материализма. Как искажает он вашу природу, как заставляет насиловать самих себя, грязнить ваши уши, глаза, до того, что вы не понимаете ни искусств, ни поэзии, отравили и всю жизнь вашу, и даже по милости-то всё этого материального гнойного заражения. Фи!».

Вот та предпосланная идея, которая породила «Отцов и детей». Я уже сказал, что отношение отцов к детям не типично, и выразил предположение, что ясность зрения писателя чем-то ослеплена. Теперь ясна причина такого явления: автору нужно было представить в возможно лучшем, мягком свете отцов, чтобы контраст с сыновьями вышел резче. Он этого достиг с художественным искусством. В природе отцов царствует гармония, спокойствие, в действиях их более или менее видна целесообразность; напротив, в сыновьях царствует ералаш. Причина та же: отцы, хотя люди и отсталые, но не заражены, как сыновья, язвою материализма. Посмотрим теперь, в чем же она выражается, по мнению автора? В отрицании мира искусств и поэзии, в близоруком взгляде на природу человека, в стыдливости естественных движений внутренней жизни человеческого существа. Вы припомните себе сами разные случаи в жизни Базарова, к которым относятся такие дикости.

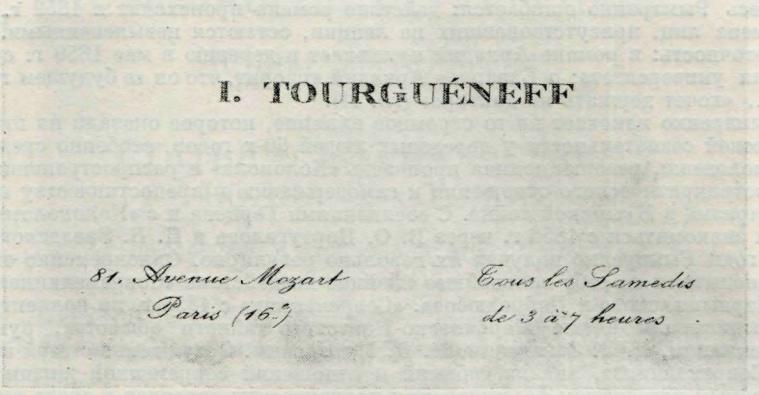
Можем ли мы теперь признать такие вещи атрибутами материализма и такого материалиста, как Базаров, за одного из нас? Очевидно — нет! Откуда же его взял автор? Положим, что он не понимает сущности материализма, что он считает его язвою и т. д., но где же он подметил такие черты? Очень просто! В каждом из нас, в известном периоде нашего развития. В 16 или 17 лет все мы были такие материалисты, как Базаров в 25 лет, вполне сформировавшийся и одержимый большими силами. То, что высказывает Базаров, как твердые материалистические убеждения,— тем самым мы франтили в лета нашей юной юности, франтили с замиранием сердца, потому что к этому франтовству примешивалась страстность борьбы, веденной нами со всем отжившим. Такое явление теперь уже реже встречается и, если в ком долго удерживается, то показывает некоторую неподатливость и тупость. Такую эпоху франтовства мы пережили в периоде от ⟨18⟩55 по ⟨18⟩57 год, пережили всею массою, поодиночке же ее переживали лучшие люди после ⟨18⟩49-го вплоть до ⟨18⟩55, когда большинство молодежи, задавленной гнетом, падало все ниже и ниже и было пробуждено только сильным голосом с Альбиона и общим позором родины [5].

Этот страстный период борьбы, не знавший никаких сделок, никаких уступок, продолжался не более двух лет и уступил место более положительному и спокойному взгляду на жизнь. Материализм был заметным фоном во всем этом периоде, и мы, надеюсь, не имеем права раскаиваться в нем и в настоящее время, когда он, ясный и спокойный, лег в основание нашего миросозерцания.

Тургенев, по всему вероятию, наблюдал молодежь в этот бурный период. После ⟨18⟩57 года он большею частию проживал за границею и поэтому не мог следить с необходимым вниманием за метаморфозами в нашей внутренней жизни. Воспитанный сам в противоположных началах идеализма, Тургенев был сильно поражен переворотом, совершившимся в

умах русской молодежи в после-севастопольский период. Он был неприятно поражен отсутствием видимой гармонии и отошел в сторону с грустными мыслями о язвенности материализма. По этим воспоминаниям он составил и тип Базарова.

Вся ошибка его в том, что Базаров — уже отошедший тип, а Тургенев его представил живым. Признавая в молодежи силу, энергию и ум, проникнутый убеждением во вреде материализма, Тургенев впал в бездну логических и художественных даже ошибок, рисуя Базарова.


I. TOURGUÉNEFF

81, Avenue Mozart
Paris (16e)

Tous les Samedis
de 3 à 7 heures

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ТУРГЕНЕВА
Париж, 1850-е годы (?)
Центральный архив литературы и искусства, Москва
В сохранившихся письмах Тургенева этот его парижский адрес не упоминается

Я уже говорил о них, о противоречии в характере, в уме и бессмыслии. Тургенев выделил страстность как историческую черту материализации убеждений молодежи и оставил за Базаровым одно умничание, отчего он и вышел призраком, а не живым человеком. Автор до того увлекся своим негодованием на материальное направление, что сам несколько раз прорывался, как говорят. Припомните себе его отзывы о девятом издании пресловутого Бюхнера. Спокойный человек так не выражается [6]. Под конец, желая доказать, что и общественные отношения материалиста к низшим братиям терпят в своей человечности, он заставил Базарова глумиться над мужиком, и потом от себя прибавил, что его мужики называли гороховым шутом, между тем как в начале статьи ⟨!⟩ говорил, что дворовые и крестьяне любили Базарова за простоту и охотно с ним толковали. Как объяснить такую путаницу, как не ослеплением автора и желанием так или иначе кольнуть материалистов?

Какой же общий вывод ⟨из⟩ всего сказанного? Вот он: главное лицо повести — призрак или миф. Я отрицаю типичность его и современную правду. От ложности основного характера и весь колорит ее страдает и стонет. Может быть, необходимо сказать несколько слов об остальных лицах и сценах. Но я сомневаюсь в этой необходимости тем более, что мне пришлось бы выступить на почву эстетической критики, на которой я не чувствую себя достаточно сильным, чтобы сообщить интерес своим выводам.

Еще одна личность стоила бы тщательной обработки, это эмансипированная N.N. Но, опасаясь прослыть за рыцаря, я сдерживаю себя, в надежде, что найдутся из присутствующих членов более меня способные выполнить такую задачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С кем именно беседовал Рымаренко в ходе подготовки своей лекции, не удалось точно установить. Известно только, что о ней знал П. В. Павлов (ЦГАОР, ф. 112-И, оп. 1, 1862 г., ед. хр. 23, т. III, л. 58). Вероятно, главными советчиками Рымаренко были Н. А. Серно-Соловьевич и А. А. Слепцов. Это видно, в частности, из совпадения образа положительного героя, нарисованного им в лекции, с характеристикой настоящего революционера, данной в известном «Ответе „Великоруссу"» — документе, составленном Н. А. Серно-Соловьевичем в согласии с А. А. Слепцовым и другими сторонниками Чернышевского («Ответ „Великоруссу"» был опубликован в «Колоколе», 1861, л. 107, 15 ноября).

[2] Здесь Рымаренко ошибается: действие романа происходит в 1859 г.

[3] Имена лиц, присутствовавших на лекции, остаются невыясненными.

[4] Неточность: в романе Аркадий приезжает в деревню в мае 1859 г. сразу после окончания университета; о Базарове Аркадий говорит, что он «в будущем году», т. е. в 1860 г., «хочет держать на доктора» (гл. II).

[5] Рымаренко намекает на то огромное влияние, которое оказали на пробуждение политической сознательности у передовых людей 60-х годов, особенно среди прогрессивной молодежи, революционная проповедь «Колокола» и распространение в тех же кругах острокритического отношения к самодержавию и крепостничеству после поражения царизма в Крымской войне. С сочинениями Герцена и с «Колоколом» Рымаренко начал знакомиться с 1856 г. через В. О. Португалова и П. В. Завадского; в последующие годы Рымаренко получал их довольно регулярно. Одновременно он и его товарищи испытали на себе сильнейшее идейное воздействие «Современника», особенно статей Чернышевского и Добролюбова. «Современник» с 1855 г. по коллективной подписке выписывали члены Харьковско-Киевского тайного общества, руководимого Я. Н. Бекманом, П. В. Завадским, М. Д. Муравским. Обсуждение статей из «Колокола» и «Современника», анализ событий и отношений современной жизни — вот что было главным источником формирования политических взглядов в среде демократической молодежи 60-х годов.

[6] Рымаренко напоминает о разговоре Николая Петровича и Павла Петровича по поводу рекомендуемой Аркадием отцу книги Бюхнера «Stoff und Kraft» («Материя и сила», гл. X). Заметим, что сам Рымаренко, будучи сторонником материализма Герцена и Чернышевского, критически относился к вульгарному материализму Бюхнера, Фогта и Молешотта.

П. Л. ЛАВРОВ О ТУРГЕНЕВЕ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

СТАТЬЯ О ЖУРНАЛИСТИКЕ КОНЦА 60-х ГОДОВ

Предисловие и публикация А. Л. Смоляк

Статья Лаврова «Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях» хранится в его фонде в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 6). Сохранился черновой автограф этой статьи и беловой список, сделанный неизвестной рукой. Статью следует отнести к июню — июлю 1869 г. Она посвящена критическому обзору январской — майской книжек «Вестника Европы» 1869 г. Лавров, вероятно, намеревался опубликовать эту статью в «Отечественных записках», где он выступил в марте 1868 г. со статьей «Письмо провинциала о задачах современной критики»[1], но его новая статья не была напечатана.

В годы ссылки в Вологодскую губ. (1866—1870) Лавров сотрудничал в «Невском сборнике», в журналах «Современное обозрение», «Книжный вестник», «Отечественные записки», «Женский вестник», «Библиограф» и в газете «Неделя». Наряду с публицистическими статьями, он в это время значительное внимание уделяет литературной критике. В литературе о Лаврове — публицисте и идеологе народничества — почти не отражена его деятельность как литературного критика. В «Биографии-исповеди» («Автобиографии»)[2], говоря о сотрудничестве в журналах тех лет, Лавров упоминает только о появлении в 1870 г. в газете «Неделя» своих «Исторических писем», а между тем нам известен ряд его критических статей этого периода. В журнале «Книжный вестник», № 18-19 за 1866 г. он поместил обзор первых книжек «Вестника Европы», а в № 21-22 и 23-24 — обзор «Современная журналистика» (статья первая), о значении политической, учено-литературной и специально-ученой печати, а также о журнале «Отечественные записки». В 1868 г. он напечатал вышеупомянутую статью в «Отечественных записках». В том же году в «Вестнике Европы» появилась его статья «Критика русских писателей в Германии» (№ 12, стр. 903—916) — по поводу книги Юлиана Шмидта о Тургеневе («Iwan Turgenjew von Julian Schmidt». — «Preussische Jahrbücher», Bd. XXII, 1868). В журнале «Библиограф», 1869, № 1, были опубликованы две статьи Лаврова: «Письмо в редакцию» (в рукописи под названием «Письмо провинциала о задачах литературной критики»[3]) и «Обозрение периодических изданий. — „Неделя", 1868, № 1—52 и 1869, № 1—29». С января 1870 г. Лавров ведет в газете «Неделя» раздел «Журналистика», в котором были помещены три его статьи: обзор журнала «Отечественные записки» за 1869 г. (1870, № 5, 1—13 февраля, стр. 169—181), характеристика «Отечественных записок» и «Дела» (1870, № 11, 15—27 марта) и журнала «Дело» и «Вестника Европы» № 1 и 2 за 1870 г. (1870, № 16, 19 апреля). Кроме того, в «Отечественных записках» 1869 г., № 5 и 9 в статье «Цивилизация и дикие племена» имеется критический отзыв о романе Тургенева «Дым» — см. разделы: «Потугин вместо предисловия» и «Потугинская цивилизация вместо послесловия»[4]. Все литературно-критические статьи Лаврова по цензурным условиям печатались без подписи, под разными псевдонимами и инициалами, но, как писал Лавров, «публике было известно его сотрудничество в

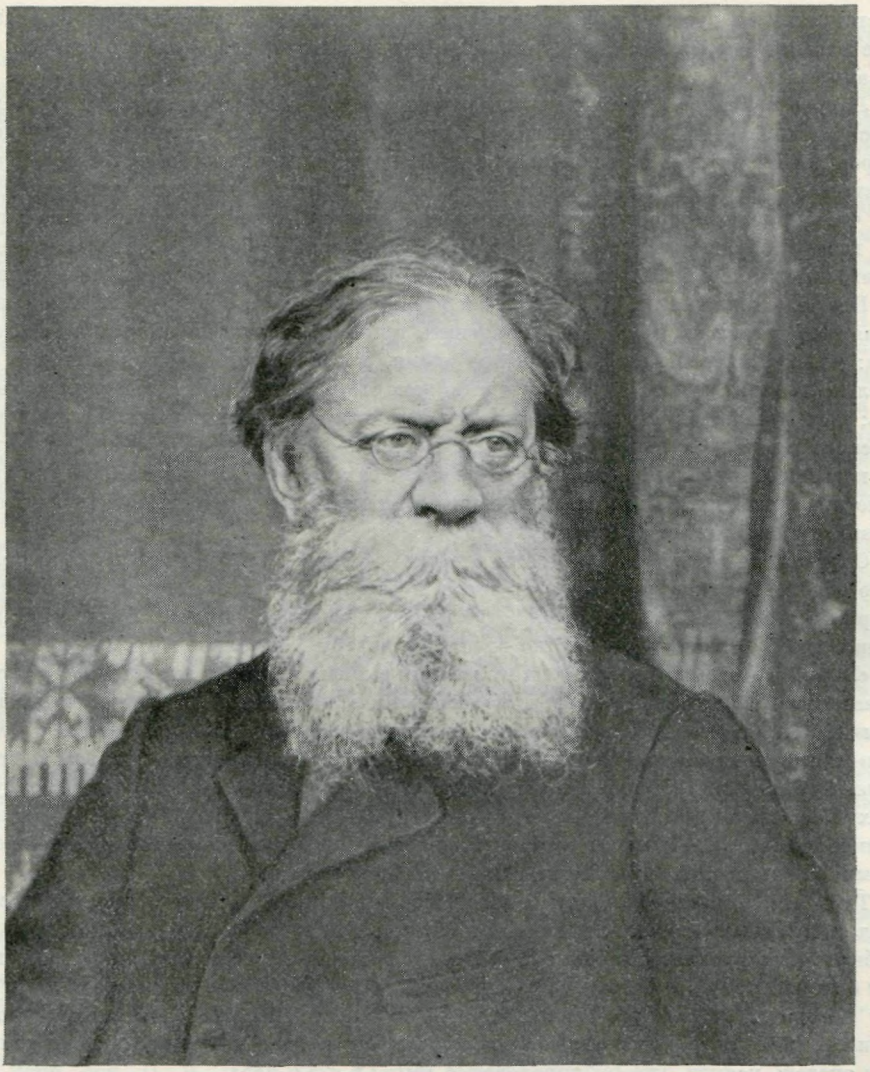
журналах», и потому его наиболее известные псевдонимы были «весьма прозрачной маской» [5].

Публикуемая статья «Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях» представляет значительный интерес для характеристики литературно-критической деятельности Лаврова. Лавров в своих статьях стоял на уровне передовых революционных идей 60-х годов, был последователем Белинского и Чернышевского. Он не только поддерживал традиции Чернышевского, но и творчески их развивал, требуя от критики «правильного направления» в области общественных вопросов и «излечения» недоверия в обществе к «критике и литературе» [6]. Резкий спад революционного движения после выстрела Каракозова и наступление реакции сказались и на литературе этого периода. Реакционная пресса — журналы «Русский вестник», «Литературная библиотека», «Всемирный труд» — повела яростную кампанию против демократии. В конце 1866 г. были закрыты «Русское слово» и «Современник». Реакционные органы были наполнены антинигилистическими произведениями. «Журналистика нравственно принижена, говорит вполголоса, а кричат лишь те, которые ожидают, что их погладят по головке», — писал Лавров. Лавров в своих литературно-критических статьях выступает против деятелей «реакционного начала». «Не может быть ничего вреднее для разумной критики, — писал он, — как игнорирование силы врагов, пренебрежение тем, что действует сильнее всего» [7]. Лавров со свойственной ему публицистической страстностью выступал против реакции, отстаивая идеи революционной демократии.

В публикуемой статье, посвященной разбору либерального журнала «Вестник Европы», Лавров резко критикует этот журнал за отход от прогрессивных идей и приближение к позициям «благонамеренности». Автор статьи анализирует причины упадка литературы, являющейся отражением настроений общества, так как под каждым вопросом литературы скрывается вопрос общественный. «Три вопроса, — писал Лавров, — возбуждают в самом обществе раздражительные столкновения и споры: это вопрос о православном духовенстве ⟨...⟩, вопрос о Польше, с которым связывают обвинение в недостатке патриотизма, вопрос о нашей молодежи 50—60-х годов, с которым связывают обвинение в нигилизме — самое страшное из всех».

Останавливаясь на польском вопросе, явившемся пробным камнем группировки сил после восстания 1863 года, Лавров выступает против «катковского патриотизма», против реакционных публицистов, которые видели в русском революционном движении, объединявшемся ими в понятии «нигилизм», следствие «польской интриги». Вопрос о «нигилизме, его происхождении и роли в развитии мысли русского общества» в освещении Лаврова представляет наибольший интерес. Во время наступившей реакции, «когда слово „нигилист" было обращено в орудие доноса», когда типы «Отцов и детей» перешли в пошлые фигуры повестей Авенариуса, Писемского и даже под пером Гончарова обратились в карикатурную личность героя «Обрыва», Лавров резко отделяет роман «Отцы и дети», который либеральная и реакционная критика считала началом антинигилистического романа, от потока последующей антинигилистической литературы. «...Роман „Отцы и дети" никогда не стоял на точке той ультраблагонамеренности, на которую пытались стать позднейшие беллетристы», — писал Лавров.

Роман «Отцы и дети» был напечатан в 1862 г., во время, когда революционная демократия вела ожесточенную борьбу с либералами, когда она представляла собой «партию с влиятельными органами в прессе и адвокатов у нее было тогда довольно». Базаров тогда «создавал впечатление, что если есть в русском обществе сила, эта сила в Базаровых». К этой же оценке романа «Отцы и дети» Лавров возвращается и в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», написанной после смерти Тургенева. «„Отцы и дети", — писал Лавров, — вызвали самую ожесточенную полемику в лагере передовой прессы, целую литературу объяснений и комментариев...» Он был написан, когда нигилизм был движением за лучшее будущее, которое влечет «к нему все лучшие силы молодой интеллигенции, вооружает против него всю общественную дрянь начала 60-х годов⟨...⟩ Борцы за новое чуяли, что „Отцы и дети" могут обратиться в орудие против них ⟨...⟩ Но и реакционеры находили и могли находить, подобно Каткову, что это оружие ненадежное, что в могучей фигуре Базарова много нравственно привлекательного для тех, кто поглубже вглядится в этот тип людей» [8]. Еще в конце 60-х годов



П. Л. ЛАВРОВ
Фотография, 1880-е годы
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Лавров писал о Базарове «как о самой могучей личности из всей выставленной галереи типов»[9].

В 1867 г. вышел в свет роман Тургенева «Дым». Тургенев вышел «на бой уже не с сильным, а едва дышащим врагом»,— писал Лавров, имея в виду, что «период нигилизма кончился». Появление романа «Дым» было встречено враждебно как революционной, так и либеральной критикой. Противоречия, присущие Тургеневу как художнику и мыслителю, проявились в этом романе в еще большей степени, чем в «Отцах и детях». Правдивое и резкое обличение реакции сочетается у него с карикатурным изображением русских революционных кружков. «...цель автора ⟨...⟩— писал Лавров, — представить *одинаково* пустоту или „*дымность*“... всех русских общественных стремлений». Лавров расценивал роман как стремление Тургенева «обвинить молодое поколение в ничегонеделании, пустых разглагольствованиях о будущем России»[10]. Но, стремясь быть объективным, Лавров писал, что в этом романе «прекрасно представлена автором русская

аристократия и в русском либерализме есть порядочная доля губаревщины, но сказать, что в русской демократии и аристократии нет дельных людей — значит вовсе не признавать фактов»[11].

Лавров обвиняет Тургенева в намерении «увести общественные слои от борьбы к абстрактной идеальной цивилизации». Отождествляя самого Тургенева с Потугиным, Лавров писал: «Нужно нам поменьше людей, которые говорили бы громкие слова, не понимая их, людей бессильных для оживляющей мысли, жаждущих успокоиться на том, что было когда-то свежею мыслью, людей, которые, качая своею утомленной головой, говорят борцам мысли: „довольно, довольно, вся ваша борьба и ваша мысль—дым. Все это пройдет, пора остановиться, пора успокоиться, пора устраивать муравейник"»[12].

Позднее, в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», Лавров, вспоминая свои отзывы о «Дыме», смог объяснить причины, вызвавшие появление этого романа: «... Тургенев переживал тяжелое время, когда сознавал себя непонятым и не видел надежды на лучшее нигде: ни в реформах сверху, на которые недавно все надеялись; ни в инициативе интеллигенции, которая, с одной стороны, оказалась трусливою и неспособною к деятельной оппозиции, с другой — все враждебнее отступала от союза как с конституционалистами-западниками, так и с помазанными елеем и постным маслом жалкими остатками славянофилов-народников; ни в народе, наконец, который оставался чужд политическим интересам»[13].

Оправдывая свои прежние резкие отзывы о «Дыме», Лавров писал: «Конечно, это легко обдумать и сказать *теперь*, но тогда, в разгаре борьбы за остатки расстроенного лагеря искателей „настоящего дня", думалось и говорилось иначе. Я тогда из моей кадниковской ссылки очень жестко отнесся к автору „Довольно" и „Дыма"»[14].

«Борьбой за остатки расстроенного лагеря» вызвано и отношение Лаврова к «Воспоминаниям о Белинском» Тургенева, помещенным в апрельской книжке «Вестника Европы» 1869 г. Огорченный разноречивой критикой «Дыма», в «Воспоминаниях о Белинском» он старается объяснить молодому поколению свои политические взгляды и стремления. 8/20 апреля 1869 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «Искренно радуюсь успеху моей статьи о Белинском; мне приятно думать, что она оказалась не совсем недостойной его памяти — и может возбудить, вместе с воспоминанием о нем, несколько полезных размышлений — особенно в молодом поколении».

Тургенев, противопоставляя Белинского Добролюбову, считал, что Белинский, обладая «главными чертами великого критика», «никогда бы не позволил себе той ошибки, в которую впал даровитый Добролюбов; он не стал бы, например, с ожесточением бранить Кавура, Пальмерстона, вообще парламентаризм, как неполную и потому неверную форму правления ⟨...⟩ Он бы понял всю несвоевременность (у нас, в России, в 1862 году) подобных нападений; он бы понял, какой партии они должны были оказать услугу, кто бы порадовался им!» (X, 282, 285).

Одной из причин разрыва Тургенева с «Современником» в 1860 г., как известно, была статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»[15] по поводу романа Тургенева «Накануне». В «Современнике» была помещена статья М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени»[16] о романе «Отцы и дети». Очевидно, эту статью имел в виду Тургенев, говоря о «глумлении, излюбленном свистании, зубоскальстве» в критике (X, 295). Лавров не одобряет отношения Тургенева к «Современнику» (взгляды которого Лавров поддерживал и разделял), он упрекает Тургенева в неуважении к памяти Белинского, ставит ему в вину чтение лекции о Пушкине среди людей, «у которых одно упоминание имени Белинского возбудило негодование». Впоследствии Лавров более объективно отнесся к лекции о Пушкине (часть которой была приведена в «Воспоминаниях о Белинском») и отметил как положительное явление то, что «лектор поставил, к негодованию своих невежественных слушательниц и слушателей, Белинского рядом с Лермонтовым и Гоголем». В этом Лавров видел свидетельство того, что «литературная революция, предшественница политической и социальной, развертывала свое знамя...»[17].

Но из этого не следует, что в 70—80-е годы, после близкого знакомства Лаврова с Тургеневым и с последующей его литературной деятельностью, в корне изменилось отношение Лаврова к творчеству Тургенева. В конце 60-х годов Лавров также вы-

соко ценил творчество Тургенева как великого художника слова, но укорял его за «шатания по разным лагерям». Интересны замечания Лаврова в связи с выходом в свет объяснения Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», приложенного к изданию его сочинений 1869 г. Тургенев в этом объяснении доказывал, что критика Антоновича в «Современнике» была несправедлива, что автор, изображая Базарова, «честно и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному типу», что, за исключением воззрений на искусство, он разделяет все взгляды Базарова. Лавров, не принимая объяснений Тургенева, критиковал его за сотрудничество в «Русском вестнике», но тем не менее отмечал, что произведения Тургенева сами по себе «хороши и списаны с действительности»[18].

Лавров протестовал против появившихся в журнале «Дело» статей Лунина «Кто лучше?» и Свияжского «С невского берега», презрительно отозвавшихся о Тургеневе. Лавров возмущен безобразной выходкой журнала «Дело», поместившего эти статьи «в журнале с традицией Писарева»[19]. В том же журнале «Дело» 1870 г., № 2, была помещена статья Н. В. Шелгунова, в которой тот писал о Тургеневе: «Это честный, искренний человек, не становившийся никогда на ходули, переживавший всем существом своим вопросы, о которых он говорил, страдавший и радовавшийся вместе со своими героями, приглядывавшийся ко всем явлениям жизни и горячо любивший страну, для которой он жил и действовал...». Лавров с некоторыми оговорками присоединяется к этой характеристике Тургенева. Но несмотря на высокую оценку творчества Тургенева как художника, Лавров «видел в нем всегда только либерала, хотя либерала настолько имеющего более чутья, чем его товарищи, что он готов был сочувствовать и даже содействовать *всякой* нарождающейся силе, оппозиционной по отношению абсолютизма, как только он мог на минуту предполагать, что она может на минуту проявиться как сила»[20].

* * *

Статья печатается по беловому списку, хранящемуся в архиве П. Л. Лаврова — ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 18—43. Черновые варианты приведены по автографу, лл. 1—17.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] П. Л. Лавров. Письмо провинциала о задачах современной критики.— «Отечественные записки», 1868, № 3, отд. II, стр. 123—142. Статья напечатана без подписи; но в оглавлении третьей книжки и второго тома (в № 4) имя автора обозначено криптограммой: ...р ...р... (то есть: Петр Лавровъ).

[2] П. Л. Лавров. Биография-исповедь (Автобиография).— Избр. соч. П. Л. Лаврова, т. I. М., 1934, стр. 81.

[3] ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 4.

[4] Избр. соч. П. Л. Лаврова, т. I, стр. 507—508.

[5] П. Л. Лавров. Биография-исповедь (Автобиография), стр. 81.

[6] П. Л. Лавров. Письмо провинциала о задачах современной критики.—«Отечественные записки», 1868, № 3, отд. II, стр. 133.

[7] П. Л. Лавров. Письмо в редакцию.— «Библиограф», 1869, № 1, стр. 6

[8] См. настоящ. том, стр. 225 и 227.

[9] П. Л. Лавров. Обозрение периодических изданий. «Неделя», 1868, № 1—52; 1869, № 1—29.— «Библиограф», 1869, № 1, стр. 7.

[10] Там же.

[11] П. Л. Лавров. Журналистика. «Вестник Европы», «Дело» № 3-й 1870 г.— «Неделя», 1870, № 16, 19 апреля, стр. 536.

[12] П. Л. Лавров. Цивилизация и дикие племена. Потугинская цивилизация вместо послесловия.— «Отечественные записки», 1869, № 9, стр. 128.

[13] П. Л. Лавров. И. С. Тургенев и развитие русского общества — настоящ. том, стр. 230.

[14] См. настоящ. том, стр. 231—232.

[15] «Современник», 1860, май, отд. III, стр. 37—45.

[16] «Современник», 1862, март, отд. II, стр. 65—114.

[17] См. настоящ. том, стр. 220.

[18] П. Л. Лавров. Журналистика.— «Неделя», 1870, № 16, 19 апреля, стр. 536.

[19] П. Л. Лавров. Журналистика.— «Вестник Европы», «Дело» № 2.— «Неделя», 1870, № 11, 15 марта, стр. 373.

[20] П. Л. Лавров. И. С. Тургенев и развитие русского общества.— Т. в восп. рев., стр. 73.

ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛА О НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

Тому полтора года, я послал в редакцию «Отечественных записок» письмо, где изложил, как умел, свои соображения о задачах критики в настоящую эпоху, переживаемую русским обществом, причем неизбежно было оценить некоторые явления нашей литературы [1]. Редакция мне сделала честь поместить мое письмо, за исключением некоторых мест, которые она нашла, может быть, несправедливыми относительно большинства наших лириков [2]. Но и к помещенной части она сделала примечание, в котором высказала свое разногласие со мною в оценке некоторых современных литературных явлений [3]. Именно, ей показалось, что я слишком много возлагаю надежд на журнал, одно место программы которого я подверг в своем письме критическому анализу [4]. Этот журнал ратовал противу «направления» как покойная Боборыкинская «Библиотека для чтения» [5]. Я доказывал, что направление неизбежно явится, но допускал, что оно будет весьма далеко от направления «Русского вестника» [6], «Всемирного труда» [7], «Литературной библиотеки» [8]. Насколько мне известно, редакция в этом сомневалась.

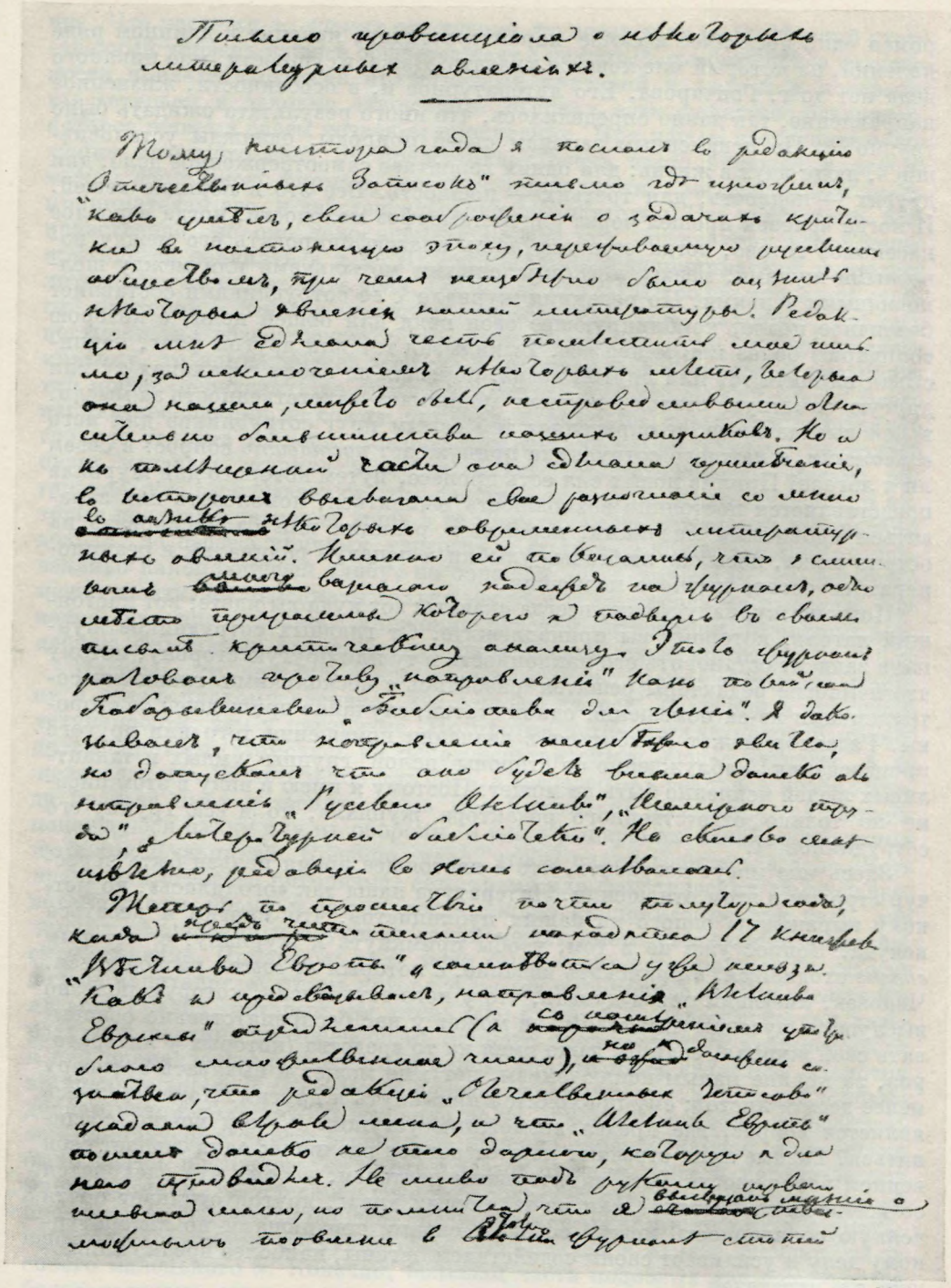
Теперь, по прошествии почти полутора года, когда пред читателями находится 17 книжек «Вестника Европы», сомневаться уже нельзя. Как я предсказывал, направления «Вестника Европы» определились (я с намерением употребляю множественное число), но я должен сознаться, что редакция «Отечественных записок» угадала вернее меня и что «Вестник Европы» пошел далеко не тою дорогой, которую я для него предвидел. Не имею под руками первого письма моего, но помнится, что я высказал мнение о невозможности появления в этом журнале статей, которые составляют самую яркую сторону упомянутых выше псевдопатриотических изданий. Беру это мнение назад. Появление подобных статей на страницах «Вестника Европы» не только возможно, но весьма вероятно и зависит от обстоятельства, вовсе чуждого содержанию статей — от талантливости их авторов. Разумеется, должно ожидать, что ни г. Ратч [9], ни г. Коялович [10], ни г. Крестовский [11], ни г. Авенариус [12] не украсят своими именами страницы «Вестника Европы», так как их литераторство, an und für sich *, такого макулатурного свойства, а «Вестник» имеет такое количество талантливых сотрудников [13], что обращаться на толкучий рынок литературы ему не приходится: он запасается в магазинах. Но мысли всех этих цветков, выросших на богато унавоженной почве русской литературы с 1862 года, принимаются с удовольствием, лишь бы они были подписаны не столь грязными именами (не говорю о самих личностях). Это уже стало заметно с первых книжек 1868 года, когда «Вестник Европы» (как Фауст, помолодевший по чарованию Мефистофеля, черта современности) отказался от своей серьезно исторической задачи, заменил толстые трехмесячные книги ловкими и гибкими ежемесячными книгами и стал все более увлекаться страстью к прекрасной Гретхен-беллетристике. Теперь, поместив конец романа г. Гончарова [14], он сбросил покров Изиды и может быть причислен с полным правом к могучей фаланге, ведущей борьбу благонамеренности противу безнравственности, катковского патриотизма противу неисчислимых интриг, жертвою которых беспрестанно делается наша Русь, по недогадливости или глупости,— не знаю, как уже думают наши великие патриоты.

Я вовсе не имею в виду критику романа г. Гончарова. Конечно, «Отечественные записки» посвятят ему подробную статью**[15]. Для меня этот

---

* в себе и для себя (нем.).

** *Далее зачеркнуто:* Скабичевский или кто другой сделает это несравненно лучше меня.



«ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛА О НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ».
СТАТЬЯ П. Л. ЛАВРОВА

Автограф, 1869. Лист первый

Центральный архив Октябрьской революции, Москва

роман одно последнее и самое характеристичное явление в длинном ряде явлений, на который мне хочется указать. Даже, в сущности, мне никакого дела нет до г. Гончарова. Его литературное и, в особенности, жизненное направление, так давно определилось, что иного результата ожидать было трудно [16]. По неизменным законам своей природы, однажды установившись, люди идут в жизнь: для одних вероятнее самоотверженное дело, для других — подлость, для третьих — пошлость. Все это в порядке вещей. И когда человек прошел через ряд метаморфоз молодости, когда взрослое насекомое готово, тогда остается лишь классифицировать его между навозными жуками, между легкомысленными мотыльками или между шелковичными червями. Но редакция журнала с ее сотрудниками составляет безличное целое, комбинирующее свои цели для общей цели, с которою солидарны более или менее все. Выкидывая тот или другой флаг, надписывая на щите тот или другой девиз, помещая на своих страницах ту или другую заметную статью, журнал принимает ответственность за мысли, в ней высказанные, и определяет тем самым круг сотрудников для него *возможных*, а каждого сотрудника принуждает *поставить* вопрос: в своем ли я лагере? Прилив новых сил есть процесс, путем которого для журнала представляется постоянно возможность оживиться, помолодеть или заразиться ядовитыми миазмами, перейти к реакции или балансировать на острие ножа, посылая любезные улыбки и поцелуи радикалам и реакционерам со своего шаткого подножия.

Поэтому журналу можно всегда сказать: вот куда вы идете; вот настоящий лагерь, которому вы принадлежите. От главных сотрудников журнала зависит остановить его наклонность в ту или другую сторону, потому что немногие редакторы решатся разойтись с несколькими главными сотрудниками из-за помещения одной статьи, случайно пришедшей со стороны. Редактор может ошибиться в значении помещения того или другого произведения. Заблуждение со стороны целой группы умных и талантливых людей искренно быть не может. Поэтому я имею в виду в этом письме не только ответственного редактора журнала, но и всю группу его сотрудников [17].

Здесь мне могут возразить, что в настоящее время нельзя быть чересчур строгим в этом отношении. Литература наша так «оголилась», по меткому выражению одного из наших публицистов, что многим и деваться некуда. Вопрос уже не в том, чтобы примкнуть к журналу, с которым *вполне* сходишься, а приискать издание, с которым *не совсем* расходишься. Человек, имеющий повод думать, что у него есть мысль, которую полезно выслушать русским читателям, не может у нас беспрепятственно основывать свой журнал, если бы даже имел на то средства (которых у литераторов, за крайне малым исключением, нет); не может и выдавать брошюру менее десяти листов; ему приходится примкнуть к другим. Конечно, здесь является вопрос, где предел возможных уступок? С кем можно соединиться? Разные лица отвечают на этот вопрос различно: один лишает себя всякой возможности быть влиятельным деятелем, потому что расходится со всеми из-за пустяков или из-за личных дрязг, другой отрицает почти всякую солидарность между собою и своими товарищами по литературному делу и усиливает своим содействием органы, наиболее вредно влияющие на читателей.

Общего правила тут дать нельзя, но можно сказать, что отрицать солидарность очень легко, но совершенно бесполезно; если читатель видит в данном журнале часто встречающуюся подпись сотрудника, то он неизбежно возлагает на него часть ответственности за помещаемые там заметные статьи, принадлежащие другим лицам, открещиваться от них возможно лишь путем печатного протеста, который у нас употреблялся несколько раз, но настолько некстати, что вызывает лишь комическое воспомина-

ние. Что касается до *личных* отношений, то здесь дело иное. Низкий нравственный уровень нашего общества дает с каждым годом все менее возможности прилагать строгий нравственный критерий к людям, с которыми мы вступаем в деловые отношения. Журнал есть существо безличное, которое живет в своем печатном проявлении. При нашем настоящем положении печатного дела он представляет очень часто большое различие между фиктивною фирмою, которой принадлежит, материальным предпринимателем его, и действительным руководителем. Это разделение безнравственно, но оно дело времени и, конечно, литературу всего менее приходится обвинять в нем. До капиталиста-предпринимателя никакому литератору не может быть дела. Он может прилагать более или менее строгий критерий к *действительному* руководителю дела, находить, что есть поступки, не дозволяющие с ним идти вместе, но, если *он* выдерживает критику, то компанейское участие в журнале как в торговом предприятии может переходить из рук в руки без особенного вреда для дела. Всего неприятнее фикции не совсем приличных фирм, но, как я уже сказал, это горькое условие времени, которое исчезнет, как лишь всякому дозволено будет издавать журнал и нести за него ответственность. Весьма загадочно, кто выигрывает от этих фикций, никого не обманывающих, и которые получают значение лишь в те минуты, когда почтенные литераторы доходят до пафоса уличных торговок и выливают более или менее справедливо накопившуюся злобу, не обращая вовсе внимания, что из этого может выйти, но отыскивая только место, где бы побольнее ужалить. Конечно, для нравственного унижения русской литературы легальная поддержка фиктивных литературных фирм весьма целесообразна.

Надеюсь, что читатель видит из предыдущего, какие обширные уступки я делаю плохому времени, и я ожидаю скорее обвинения в излишней уступчивости, чем в ригоризме. Но против исторических условий приходится бороться, становясь на почву действительно существующего, а не желательного. Желательное есть цель, а средство — в реальной почве. Когда братьев бьют и теснят, лишь Дон-Кихоты не хватаются за первую попавшуюся палку для их обороны, а ждут рыцарских мечей, обвязанных шарфами Дульциней. Конечно, надо, чтобы палка годилась в дело. Есть время для строгого ригоризма; есть время для фанатических самопожертвований; есть время и такое, когда только крепкий союз для дела, вне личных озлоблений и неудовольствий может иметь какое-либо практическое значение. Признаюсь, для меня было очень странно, что бегство от долгов капиталиста, фирма которого стояла на журнале, имело следствием падение органа, который мог очень еще служить центром действия литературной партии, имеющей очень немного представителей в прессе, хотя к ней принадлежит большинство наших талантливых деятелей, несмотря на трудное время [18]. Еще менее считаю простительным для людей с убеждением разом выходить из журнала из-за личных самолюбий и пошловатой камарадерии*, когда журнал не изменил своему знамени, а это знамя было знамя почтенное [19]. Когда разные оттенки данной партии имеют много органов, то отчего же и не побаловать своего самолюбия или своей преданности собутыльнику. Но когда органов мало и число их все уменьшается, то подобные поступки очень уже близки к измене знамени из-за своего маленького *я*. Конечно, большая часть подобных дел совершается бессознательно, но неужели сознательность действий должна составлять принадлежность худших кружков, а бессознательность — правило для лучших.

В отношении направления статей журнала нельзя быть столь уступчивым, потому что журнал действует не отдельными статьями, а совокуп-

---

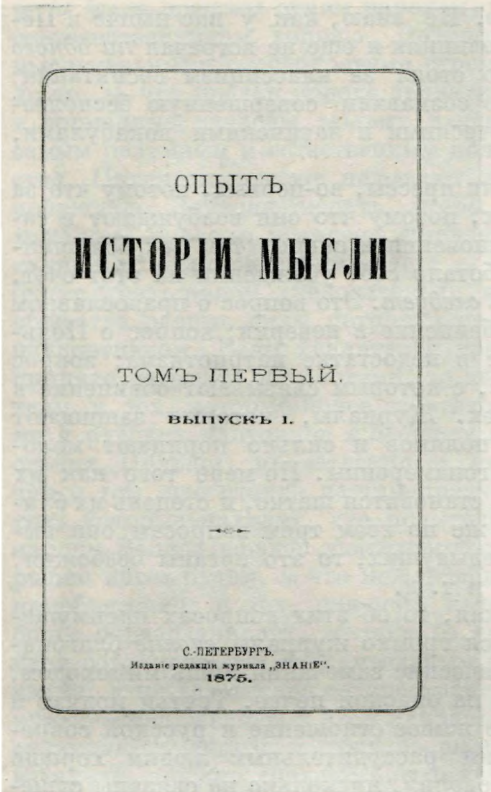
* товарищества (франц.).

ностью их. И здесь, разумеется, приходится брать в соображение реальную почву. Немцы уже в 30-х годах этого столетия находили безнравственным правило, которого держался в своей деятельности в конце прошлого века Эммануил Кант: не говорить против убеждения, но умалчивать иные свои убеждения. Действительно, это правило, абсолютно говоря, безнравственно; но то, что для Германии составляло требование общественной нравственности в 30-х годах, еще далеко не достигнуто Россиею, имеющею скоро вступить в 70-е годы. У нас еще не так часты и те, которые не говорят против своего убеждения. Следовательно, как ни желательно, чтобы наша пресса стала на более высокую нравственную ступень, реальная почва этого не дозволяет. «Москва» выставила на своем знамени знаменитую русскую троицу: православие, самодержавие и народность [20]; кажется, этот девиз, совершенно искренно защищаемый ею, мог бы ей служить охраною. Но К. К. Арсеньев совершенно верно заметил, что она говорила слишком громко, и — ее постигла катастрофа [21]. Обычай нравственного принижения, обычай хитрить и лицемерить, скрытничать и увертываться — обычай рабов — остался среди нас наследием прежнего доброго времени. Администрации так же странно, чтобы литература заговорила громко, как старому помещику оскорбительно, что его Степка, Ильюшка не целуют его барские руки и не ломают пред ним шапки после освобождения. Дерзость! Положим, говорят и вещи, в сущности, совершенно благонамеренные, да громко, а потому дерзко. Надо говорить вполголоса. При подобных требованиях и слишком наглядных примерах понятно, что литература наша нравственно принижена, говорит вполголоса, а кричат лишь те, которые ожидают, что за этот крик их погладят по головке. Делать нечего, остановимся хоть на мудром правиле прошлого века, на жизненном правиле Канта.

Будем судить органы нашей прессы по тому, что́ они говорят, а не по тому, что́ обходят. Обходить приходится — если приходится — именно самые живые вопросы, наиболее интересующие читателей, следовательно, обходя их, журнал сам подрывает свою силу, свое влияние, которые пропорциональны общности умственной жизни, существующей между читателями и журналом. За умолчание было бы слишком строго требовать в наше время к ответу. Но за *высказанные* вещи это возможно. Однако и тут мы берем самую мягкую мерку. Мы не считаем себя в праве предположить, что редакция помещает что-либо в своем журнале *против* своего убеждения. Мы считаем, что она в самом деле сочувствует мыслям, в ее журнале высказанным, по крайней мере в тех статьях, где редакция не помещает оговорки в виде примечания, что, дескать, помещая статью во внимание к достоинствам ее в одном отношении, она далеко не согласна с нею в другом. Этот обычай у нас существует, редакция всегда может ему следовать; поэтому, если не следует, значит не имеет к тому повода. При малом числе наших журналов без этого и обойтись нельзя.

Итак, мы принимаем, что все журналы наши *искренни* в высказываемых ими направлениях. Если так, то *судить* их, собственно, не за что, а можно только классифицировать. Там, где предполагается искреннее убеждение, нравственный суд произносит оправдательный приговор над личностью; но, относя журнал к категории тех или других органов, критик ставит нравственный вопрос главным сотрудникам журнала: разделяют ли они это убеждение? Намерены ли быть отнесены к этой категории? Считают ли возможным способствовать журналу идти по той дороге, по которой он идет? Не следует ли им употребить все свое влияние, все свои усилия, чтобы остановить его слишком быстрое приближение к точке зрения органов, пользующихся не особенно выгодною репутациею?

Конечно, категории наших журналов можно установить только по тем вопросам, которые действительно служат современною меркою благо-

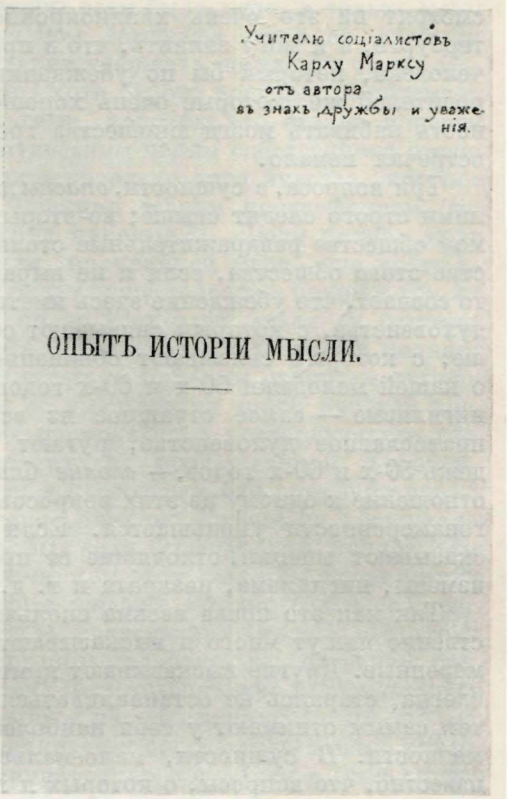

ОПЫТЪ

ИСТОРІИ МЫСЛИ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе редакціи журнала „ЗНАНІЕ".
1875.


Учителю социалистовъ
Карлу Марксу
отъ автора
въ знакъ дружбы и уваженія.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ МЫСЛИ.

«ОПЫТ ИСТОРИИ МЫСЛИ» П. Л. ЛАВРОВА (СПб., 1875)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА КАРЛУ МАРКСУ
«Учителю социалистов Карлу Марксу от автора в знак дружбы и уважения»
Обложка и шмуцтитул первого тома
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

намеренности или неблагонамеренности. Фритредерство и протекционизм, Бисмарк и Наполеон III, Маццини и Кастеллар [22], pro и contra новых судов, pro и contra крупного землевладения — все это сделалось в последние годы более или менее нейтральною почвою, где можно высказывать свои мнения без особенного опасения последствий. Оно, конечно, лишь более или менее, потому что случаются и такие казусы, что за достоинство «его величества короля прусского», как выражается Фамусов [23], и за испанских революционеров приходится дорого поплатиться журналам (например, «Неделе») [24], хотя все-таки это бывает лишь между прочим. Вопрос о крупном землевладении вызывает до сих пор, с одной стороны, кличку социалистов, но к этому уже попривыкли, и, кроме того, защитники крупного землевладения сами неизбежно стоят на шаткой почве: им приходится прямо порицать крестьянскую реформу и видеть *в ней* социалистическое стремление, чего — по высшим соображениям — делать неудобно, и они лицемерят. Уже гораздо сомнительнее вопрос о классицизме и реализме, потому что официально классицизм признан органом спасения отечества [25]; но, в сущности, и этот вопрос представляет лишь повод к блестящим турнирам, иногда к кровавым поединкам, но опасности не представляет. Во-первых, свыше не было ни одного предостережения за многочисленные статьи в пользу реализма; во-вторых, в обществе

смотрят на это очень хладнокровно. Не знаю, как у вас нынче в Петербурге, а я могу заявить, что в провинции я еще не встречал *ни одного* человека, который бы по убеждению стоял за классицизм воспитания; родителей же, которые очень хорошо сознавали совершенную бесполезность набивать мозги юношества греческими и латинскими вокабулами, встречал немало.

Три вопроса, в сущности, *опасны* для прессы, во-первых, потому что за ними строго следят свыше; во-вторых, потому что они возбуждают в самом обществе раздражительные столкновения и споры, так как большинство этого общества, если и не выработало себе убеждений на этот счет, то сознает, что убеждение здесь иметь *следует*. Это вопрос о православном духовенстве, с которым связывают обвинение в неверии; вопрос о Польше, с которым связывают обвинение в недостатке патриотизма; вопрос о нашей молодежи 50-х и 60-х годов, с которым связывают обвинение в нигилизме — самое страшное из всех. Журналы, которые защищают православное духовенство, ругают поляков и сильно порицают молодежь 50-х и 60-х годов,— *вполне* благонамеренны. По мере того как их отношение к одному из этих вопросов становится шатко, и степень их благонамеренности уменьшается. Если же по всем трем вопросам они высказывают мнения, отходящие от предыдущих, то это органы безбожия, измены, нигилизма, разврата и т. д. и т. д.

Так как это почва весьма скользкая, то об этих вопросах преимущественно пишут много и высказываются громко журналы *вполне* благонамеренные. Другие высказывают критические замечания лишь мимоходом, слегка, стараясь не останавливаться на опасной почве. Третьи молчат и тем самым отнимают у себя наиболее живое отношение к русской современности. В сущности, мало-мальски рассудительным людям хорошо известно, что вопросы, о которых я говорил, нисколько не связаны существенно с обвинениями, которые при этом не раз приходится слышать. Можно быть очень верующим человеком, можно даже желать, чтобы наше духовенство получило высокое нравственное влияние на наше общество, и в то же время сознавать и доказывать, что в *настоящем* его состоянии оно не имеет никакого влияния или очень вредное; что оно *не может* руководствовать народными школами или отвращает народ от ученья; что оно *не может* быть органом возвышения народной нравственности, потому что само воспитывается дурно, представляет само многочисленные примеры пьянства, разврата, продажности в консисториях, деспотизма епископов и благочинных. Неверующие рады подобным явлениям; верующие их оплакивают; но и те и другие могут одинаково указывать на них, даже верующие укажут скорее, так как для них они больнее. По-видимому, и Главное управление по делам печати смотрит так же на этот вопрос, потому что статьи в «Неделе» по этому предмету, отличавшиеся вполне критическим взглядом на дело, не вызвали предостережения, хотя этому журналу не проходило даром ничто [26]. Само собою разумеется, что до самых оснований православной церкви у нас журналы не касаются. Оно и было бы вовсе неловко. Закон карает всякое отрицательное отношение к тем положениям, которые вошли в сущность православного учения, или к тем лицам, которых он признал достойными почитания. Там, где закон дозволяет лишь односторонний взгляд, там не молчит лишь журнал экстраблагонамеренный. Лишь специально духовные журналы упражняются в полемическом богословии — без возражений.

Точно так же патриотизм вовсе не связан с руганием поляков. Патриотизм, как любовь, принимает многоразличные формы, от самой животной до самой идеальной, сообразно развитию личности, которая принимает это чувство на себя. Патриотизмом называют люди, стоящие на низшей ступени развития, то чувство, которое побуждает желать, чтобы все на-

роды были поедены одним народом, чтобы всем было худо, а только моим соотечественникам хорошо. Патриотизмом называют люди со слабыми мыслительными способностями стремление удержать во что бы то ни стало то, за что предки дорого заплатили, хотя бы это вовлекло и потомков в громадные расходы людьми и деньгами, хотя бы это стояло поперек самым разумным и естественным политическим целям собственного отечества. Патриотизмом же называют люди развитие того чувства, которое побуждало Дантона желать, чтобы Франция «своим просвещением (ses lumières) и своею энергиею привлекала народы» [27]. Люди дикие, люди глупые и люди развитые всегда — или, по крайней мере, еще долго — будут стоять рядом, следовательно, и будут существовать в одном и том же обществе разные виды патриотизма; но во всех этих видах он остается патриотизмом. Если хвалителей графа Муравьева и ругателей поляков принято называть патриотами, то нет все-таки причины отрицать патриотизм и тех, которые более заботятся об уменьшении траты русской крови и русских капиталов *в будущем* на периодически повторяющиеся восстания Польши, нравственно и материально поддержанной Европою, чем о том, что́ стоило нашим предкам *в прошедшем* это приобретение; и тех, которые находят, что политическое влияние России на славянские народы Запада вообще удесятерилось бы, если бы польский вопрос был решен иным путем, и что пожертвование при этом было бы далеко ниже приобретения; и тех, наконец, которые желают России более свободы, более образованности, желают ее видеть представительницею передовых идей современности и влиятельным органом развития, вследствие ее развития, а не вследствие ее пространства. Как ни боязливо высказывались критические взгляды в этом направлении в нашей литературе, но они высказывались иногда и даже не вызывали административных кар; следовательно, должно допустить, что администрация допускает в этом случае разные виды патриотизма.

Вопрос о нашей молодежи нам ближе других, затрагивает более наши жизненные отношения, а обвинение в нигилизме наиболее страшно, следовательно, тут, так сказать, самый корень разделения прессы по степени ее благонамеренности. В сущности и тут вопрос и обвинение связаны крайне внешним образом. Весьма сложное социальное явление в нашем обществе 50-х и 60-х годов, особенно же в молодежи, принято называть *нигилизмом*. Много раз уже говорили о нелепости этого названия, но оно удержалось. Примеры тому нередки в истории. Так, противников Филиппа II в Нидерландах окрестили их враги столь же мало осмысленным названием «Les Gueux» *, и это имя осталось в истории [28]. Вероятно так будет и с нигилизмом. Это теперь название фазиса в движении мысли русского общества. Название неважно, и потому отчего же его и не удержать? Но важно обстоятельство, что так называемый нигилизм конца пятидесятых и начала шестидесятых годов имеет очень много сторон. В нем была доля необходимого физиологического стремления молодежи к более широкой жизни; в нем была доля неизбежных следствий исторического развития нашего общества, неизбежных условий почвы и среды; в нем была доля идеалистических стремлений человека к истине и справедливости, патриотического желания лучшего для отечества, самоотверженной борьбы с тем, что представлялось как нравственное зло; была доля личного раздражения и личного честолюбия; была доля увлечений внешними формами; была доля карикатуры и игры словами; была доля себялюбия и лицемерия. Во всех исторических явлениях некоторой важности без того не обходится. Критике предстоит решить, *какова* была доля всех этих элементов. Конечно, для этого надо изучать вопрос спокойно, без раздражения,

* Нищие (франц.).

разносторонне, а не ограничиваясь некоторыми исключительными его явлениями. Критик, который изучил бы явление нашего так называемого нигилизма спокойно и беспристрастно, не может считаться нигилистом, если бы он и доказал, что в этом движении элементов естественно-необходимого, исторически-неизбежного и идеалистически-нравственного было более, чем остальных. Между тем в этом вопросе — самом опасном, как я уже сказал,— благонамеренность прессы оценивается именно тем, насколько одностороне выставляются в ее органах элементы низшего сорта, присутствовавшие в нигилизме. И подобный взгляд поддерживается фактами весьма серьезного свойства. Роман «Всякие», несмотря на его не очень высокое литературное достоинство и на блестящую защиту его присяжным поверенным, вызвал не только судебное преследование, но и осуждение автора [29]. Статья в «Неделе» по поводу университетского юбилея, несмотря на весьма серьезное, так сказать, чисто ученое отношение к предмету, подала, между прочим, повод к предостережению [30]. Значит, отношение прессы к этому вопросу уже подходит к тому, что мы говорили об отношении ее к православным догматам. Полемические богословы ораторствуют, зная, что возражений читатели нигде не прочтут; прессе говорить неловко, так как всем известно, что можно говорить *лишь* в *одну* сторону, и пресса молчит, если она не экстраблагонамеренна. Так и здесь. Экстраблагонамеренная пресса ратует, зная, что ее противники связаны по рукам и по ногам. Уважающая себя пресса молчит или высказывается отрывочно, очень осторожно.

Установив эти положения, перехожу к доказательству, что «Вестник Европы» *в существенном* своем направлении журнал не только вполне благонамеренный, но экстраблагонамеренный. Однако недаром же я говорил в начале во множественном о направлениях этого журнала и теперь назвал упомянутое мною направление *существенным*, в отличие от других. По большей части вопросов, лежащих вне трех упомянутых *опасных* сфер, «Вестник Европы» проводит весьма либеральные идеи, и это, конечно, привлекает на его страницы такое число талантливых и почтенных деятелей нашей науки, литературы вообще и публицистики. В области истории, иностранной политики, в вопросе о классицизме и реализме в обучении он вовсе не разделяет мнений журналов *вполне* благонамеренных, полемизирует с ними и навлекает на себя их громы. В вопросе земском он за земство. В крестьянском вопросе, хотя г. Колюпанов и проповедовал некоторого рода закрепощение крестьян в эпоху, когда им можно будет переходить с места на место, но это едва ли следует принимать очень строго [31]. Таким образом, все это взятое вместе доставило журналу то видное значение, которым он пользуется в публике. Это и есть *одно* направление «Вестника Европы».

Каково же отношение журнала к *опасным* вопросам русской современности? Нельзя сказать, чтобы он об этих вопросах говорил много и посвящал им руководящие статьи. Но тем не менее он стал к ним в совершенно определенное отношение*.

Относительно первых двух вопросов я ограничусь весьма немногими указаниями, тем более вескими, что я имею при этом в виду статьи ученого, который, насколько известно, имеет видное участие в самой редакции журнала, следовательно, каждое мнение которого, высказанное в журнале, служит определением его направления.

В первых же номерах «Вестника Европы» 1868 года Костомаров поместил статью «Патриарх Фотий и первое разделение церкви» [32], начинающуюся словами:

---

* *Далее зачеркнуто:* частью в исторических статьях, частью в беллетристике.

«В продолжении ряда веков совершало и совершает христианство свой великий процесс обновления человечества. Ветхий человек с своим языческим строем религиозных, научных, политических, социальных, нравственных убеждений долго упорствовал, под защитою римской империи за свое существование и без пощады силился замучить своего кроткого, незлобивого врага, который каждым новым своим страданием одерживал над ним новую победу».

На следующей же странице читаем:

«Сохранилось предание, что Византия просвещена была первозванным апостолом Андреем, посещавшим после того Синай и благословившим наш Киев. Это предание долго составляло и теперь составляет славу нашей православной церкви и опору против притязаний Запада. Апостол Андрей был старший брат Петра и прежде последнего призван Христом к апостольству. Таким образом, после насаждения им семян христианства в Византии и в Киеве, старшинство все-таки остается за нами, православными, греками и русскими, а не за Римом и Западом, где опираются на историческое старшинство Петра. Понятно, что западные ученые старались и стараются заподозрить достоверность этого предания».

Уже из этих цитат читатель чувствует себя в области полемического богословия, которое, как уже сказано, не может ожидать противоречия, потому что ограждается карою закона. Далее (стр. 124) встречаем «коварного» Максима Циника. Наконец, вся вторая статья есть безусловная защита Фотия; особенно интересны здесь страницы 600, 633 и след. Я вовсе не имею в виду оценивать доводы почтенного историка. Для меня характеристично помещение на страницах журнала светского статьи характера богословско-полемического, следовательно, публичное заявление полнейшей благонамеренности в области, не допускающей возражений.

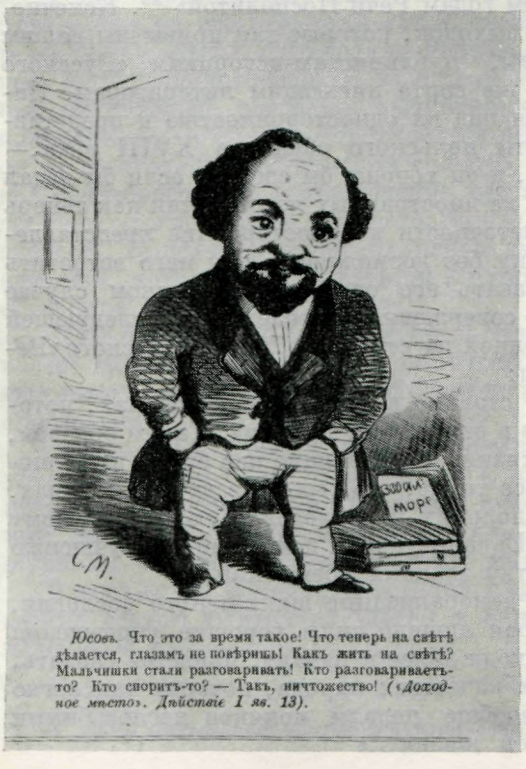
Для характеристики отношения журнала ко второму вопросу обращаемся к другому сочинению того же г. Костомарова, помещенному в нынешнем году, именно к «Последним годам Речи Посполитой» [33]. Конечно, нельзя ожидать здесь тех грубых выходок, которые так привычны нашим знаменитым Ратчам, Кояловичам, публицистам-историкам «Русского вестника» [34] и другим подобного же сорта лягающим литераторам. Насколько г. Костомаров возвысился над их односторонностью и представляет *все* характеристические черты польского общества XVIII века,— это дело его исторической совести, и он хорошо бы сделал, если бы издал свое сочинение в переводе на один из иностранных языков, так как теперь весьма может быть, что многие неточности и односторонние представления могли вкрасться в его картину без возможности для него встретить возражение от тех, кто *мог* бы указать его ошибки. Во всяком случае сочинение это, *по направлению*, совершенно определилось следующей характеристикой поляков, помещенной на стр. 709 и 712 февральского «Вестника Европы» за нынешний год:

«Причины падения Польши не столько в тех дурных сторонах, которые были в нравах нации, сколько в отсутствии хороших. Таким образом, перебирая все формы и явления жизни, поражающие нас своим разрушительным характером, мы найдем все то же, что было и в других странах, но мы не найдем в Польше тех здоровых противодействующих дурному начал, которые в других странах Европы давали движение к улучшению в общественном строе и к торжеству здравых убеждений.

Корень падения Польши в той деморализации шляхетского сословия, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошие учреждения и увеличивала власть дурных; восходя далее к началу, придется сказать, что корень падения Польши в тех качествах народа, которые так легко увлекли его к деморализации и вообще делали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни...»

«Поляк всегда действовал преимущественно под влиянием сердца; ум и воля подчинялись у него этому влечению, и часто парализовались им. Народные добродетели и пороки объясняются этим свойством; поляк легко воспламеняется, когда затрагивается его сердце, и легко охлаждается, когда сердце от утомления начинает биться тише, легко доверяется тому, что льстит желанию его сердца, и легко теряет доверие, когда слышит что-нибудь неприятное сердцу, и в обоих случаях легко попадается в самообольщение и обман: голос холодного, здравого рассудка, хотя бы самый дружеский, ему противен, увлекаясь чувством, он считает возможным невозможное для его сил, затевает великое дело и не кончает его, делается несостоятельным, когда для дела оказывается недостаточно сердечных порывов, а нужно холодное обсуждение и устойчивый труд, он способен к чрезвычайной деятельности, но не надолго, и может скоро впасть в лень и апатию; он добр до беспредельности и способен на величайшие самопожертвования в пользу доброго дела в минуту увлечения, но редко способен вести его с постоянством, может бросить его на полдороге, легко сделаться свирепым, жестоким, но также по увлечению сердца и не надолго. Не в натуре поляка ни постоянная долгая дружба, ни упорная мстительность. При первом неприятном на его сердце впечатлении, он рассорится с вернейшим другом, изменит ему, но зато легко протянет руку заклятому врагу, если тот удачно польстит его чувству. Его легко поднять до восторга и довести до уныния; от этого он часто бывает чрезмерно кичлив и заносчив, но часто падает духом и унижается в несчастии, то чрезвычайно храбр, то чрезвычайно труслив, то чересчур бурлив и неугомонен, то чересчур податлив...».

«Польское легкомыслие вошло у всех в пословицу, но никто не скажет, чтобы оно происходило от врожденной тупости и недостатка способностей; напротив, поляки народ очень даровитый, но сердечность увле-



Юсовъ. Что это за время такое! Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ? Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто споритъ-то? — Такъ, ничтожество! (*«Доходное мѣсто». Дѣйствіе I яв. 13*).

КАРИКАТУРА
НА А. Ф. ПИСЕМСКОГО,
АВТОРА РОМАНА
«ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ»

Гравюра с рисунка неизвестного художника. Из серии «Сцены из комедий Островского»

«Искра», октябрь 1864 г., № 42

КАРИКАТУРА
НА АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКИЕ
ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Сатирический отклик на романы
В. П. Клюшникова, А. Ф. Писемского и
Н. С. Лескова (Стебницкого)

Гравюра с рисунка неизвестного художника «1865 комический год. Карикатурный альбом. Приложение к „Искре“ 1866 года (Предсказания „Искры“ на 1865 год, удобные и для 1866 года)». СПб., 1865

кала их за пределы рассудка, вводила в ошибочные взгляды, приводила к промахам; и только горький опыт, охлаждающий сердечные увлечения, заставлял их увидеть истину; отсюда и польская пословица: „Мудр поляк после беды“; но самый опыт редко исцелял поляка; при первом случае он впадал в новое самообольщение. Та же легкомысленная сердечность увлекла поляка незаметно к порокам, несправедливостям, низостям и преступлениям; сердечность, располагавшая панов к гостеприимству и веселой жизни, приводила их к потребности увеличивать свои средства, и, не приучив себя думать над тем, чего сердцу хочется, пан не обращал большого внимания на то, что эти средства доставались ему крайним угнетением его подданных, захватом чужой собственности и даже продажей чести и отечества. Последнее, так позорившее Польшу перед концом ее существования, происходило более от необдуманности, чем от расчетливого презрения к отечеству. Поляк, готовый на все дурное из корысти, готов был, по влечению сердца, бескорыстно разделить свое состояние с другими...»

«Поляки спокон веку кричали о свободе, но свобода у них была только сердечная, а никак не разумная, последняя стремится к тому, чтобы всему обществу было хорошо, чтобы склонности и побуждения каждого лица подчинялись потребности общего добра, идеал ее — порядок, гармония; при свободе сердечной, не управляемой умом, мало думают или совсем не думают о том, что прямо не соприкасается с побуждениями сердечной жизни. Человек, в сущности добродушный, желает, чтобы было хорошо только тем, кого он часто видит и с которыми делит свои сердечные ощущения, а до тех, с кем соединяет его только идея, ему мало дела...» «Свобода сердечная ищет только удовлетворения частных склонностей и симпатий; идеал ее — беспорядок, потому что без всеуравнивающего ума, дающего всему место и время, размер и границы, невозможно

согласить разнообразия личных свойств и побуждений. Польша это сознавала и в продолжение веков не затруднялась говорить открыто, что она существует беспорядком (nierządem Polska stoi). Мы не знаем, существовал ли другой подобный народ, который признавал бы нормальным состоянием общества беспорядок».

Справедливо заметил г. Костомаров (709), что «нет ничего труднее объяснить, отчего образовался такой или иной народный характер», но я полагаю, что он мог бы прибавить: установить общие черты народного характера едва ли не труднее, чем объяснить их, а при некоторых общественных настроениях историк, переходящий в область народной психологии, науки, весьма мало установившейся, есть не более как публицист. Ученость г. Костомарова не позволяет сомневаться, что он очень хорошо знает малую степень достоверности народно-психологических обобщений и что, следовательно, помещая свою характеристику, он нисколько не ошибался насчет того, будто какая-либо народная характеристика может быть в наше время *неизбежным результатом науки*. В глазах столь замечательного ученого оно могло иметь значение лишь субъективно полученного обобщения, которое он находил *полезным* высказать современным русским читателям. Это его право, и я могу только удивляться, почему это г. Костомаров в глазах иных слывет еще *не вполне* благонамеренным. Уж чего, кажется, лучше!

Но здесь дело не о личности автора, а о журнале. Полагаю, что, поместив подобную характеристику поляков, «Вестник Европы» дал достаточное ручательство *полнейшей* благонамеренности своего направления. Можно бы подыскать и еще подтверждение тому же, но достаточно и предыдущего. Я предпочитаю перейти к последнему вопросу. Для него материала более.

В этом случае органом мнений редакции является преимущественно беллетристика, что уже гораздо важнее...

«Как же это важнее? — может спросить читатель; — напротив, беллетристика в журнале — дело случайное, второстепенное. Кто обращает внимание на беллетристику? Это забава, а суть журнала — в других статьях».

Оно справедливо для журнала, желающего явно выставить свое знамя, но совсем не так для уклончивых изданий, которые, в сущности, принадлежат к данному лагерю, но прямо заявить это не решаются, иногда пред другими, иногда же пред самими собою. В беллетристике заявляются сами собою симпатии редакции, и это тем более справедливо в отношении «Вестника Европы», что он до сих пор был довольно разборчив в выборе беллетристических произведений.

Но этот отдел имеет в *наших* журналах несравненно бóльшую важность, чем ему придают. Идея, воплощенная в типы романа или даже в звучный стих стихотворца, имеет во сто раз больше читателей в нашем обществе, чем критическая статья, как бы последняя хороша ни была. Только в этой форме идея становится действительно влиятельным элементом в обществе, возбуждает споры, разбор, вызывает на мысль большинство так называемого цивилизованного общества. Есть многочисленные кружки у нас в России, до которых идея вовсе не дойдет, пока не перельется в беллетристическую форму. Кто не знает Базарова, Лопухова, Кирсанова, Рахметова? А изо всех знакомых с этими личностями, спорящих из-за них, очень малая доля знакома со статьями, где несравненно подробнее, разностороннее развиты те же идеи, которых представителями явились эти личности. Но серьезные статьи не читались, и даже большинство говоривших о них говорило с чужого слова, понаслышке, не вошло в прямое сношение с мыслью и чувством проповедников. К тому же число людей, способных усвоить и переработать отвлеченную мысль, не особенно велико. Оттого и действие было слабо, поверхностно. Реальные типы,

живые образы действуют несравненно сильнее и дают возможность людям, понимающим дело, уяснить его там, где интерес к нему уже возбужден беллетристикою, а без нее возбужден бы не был.

Поэтому русские журналы, не особенно внимательные в этом отношении, действуют неосторожно, если только они считают себя проводниками какой-либо идеи. Идея их наилучшим образом проводится путем беллетристики. Здесь дело не только в художественной отделке, в строгой реальной истине, сколько в *умной* композиции. Скука и вялость — вот враги тенденциозного романа. Как проводник идеи, он имеет такое же право на место в литературе, как и все остальное. Он должен быть правдоподобен и убедителен, как речь адвоката, убежденного в своем деле. Но он страшно вредит делу, если усыпит присяжных или надоест им. Тенденциозная беллетристика должна быть прежде всего занимательною, умною. Конечно, художественность не мешает, но не составляет *для журнала цели* и непременного условия.

Антинигилистическая беллетристика началась знаменитым типом Базарова, но роман «Отцы и дети» далеко не стоял на точке той ультраблагонамеренности, на которую пытались стать позднейшие беллетристы. Во-первых, по самому времени он был писан, когда еще можно было предполагать политическую силу в движении весьма сложном, как я уже это заметил выше, окрещенном названием *нигилизма*. Имея пред собою партию, силу которой переоценивали и приверженцы и противники, партию с влиятельными органами в прессе, с округленными нравственными идеалами, г. Тургенев имел собственно право отнестись к ней односторонне с своей точки зрения; адвокатов у ней было тогда довольно, и они по силе таланта в своей сфере далеко превосходили г. Тургенева в его сфере [35]. В сущности же, Базаров и не был вовсе типом до такой степени низким, как показалось многим, как, может быть, желал даже сам автор. Хвалители «Записок охотника» и порицатели последних произведений г. Тургенева постоянно предполагали в нем более мыслителя, чем художника, а в нем художник в большей части случаев одерживает всегда полную победу над мыслителем; последний же элемент у него всегда был очень слаб. И с типом Базарова случилось почти то же. Назло автору из романа получилось впечатление, что если где в русском обществе есть сила, эта сила в Базаровых, как они ни неприглядны. Конечно, это не мешало Базарову быть типом весьма односторонним и не исчерпывающим десятой доли содержания нигилистического движения.

Вместе с началом полемики о типе Базарова судьба нигилизма быстро изменилась. Его сила оказалась лишь силою мысли и таланта, а реальная почва общественных привычек и развитие большинства цивилизованного русского общества оказались для него слабою поддержкою. Скоро он был лишен своих лучших сил; его органы ослабели; всякая защита его стремлений могла повлечь за собою кару закона, а число лиц, потерпевших действительно подобную кару, было немалочисленно; по силе же мысли, таланта и характера оно было громадно.

Тогда-то *вполне благонамеренная* беллетристика развернула свои силы с полной уверенностью, что противники бессильны. Тогда-то потекли те пахучие струи произведений Писемского [36], Клюшникова [37], Стебницкого [38], которые доставили монтионовскую премию [39] этим писателям за их направление. Тогда-то и наш драматург граф А. Толстой нашел самым педагогическим средством для русского общества в его критических стремлениях — палку Пантелея. Тот же граф А. Толстой впоследствии в своей «Былине» обещал своему отечеству, что, «наглотавшись татарщины всласть», оно назовет татарщину Русью. Надо полагать, что граф А. Толстой считает палку чисто русским педагогически-политическим оружием [40]. Но за периодом 1863—1864 гг., когда эти господа приобрели известность,

последовал 1866 год. Благонамеренные писатели имели уже пред собою не бессильных противников, а совсем безмолвных. Период нигилизма как заметного явления в истории русской цивилизации кончился. Что в нем было необходимого, исторически неизбежного, идеально-нравственного — должно было искать себе других органов, других форм проявления, другого оружия, другого плана действия. Что в нем было личного, мелкого, пустого, карикатурного — или внесло эти элементы в другие лагери или осталось отжившею формою. Недавние девизы, недавние оружия теперь были современны лишь на могилах павших бойцов, над постелью инвалидов, оставивших лучшие свои силы на старом поле битвы. Для нового боя требовалось вперед взять в соображение новую почву и новые усовершенствования военного дела у противников.

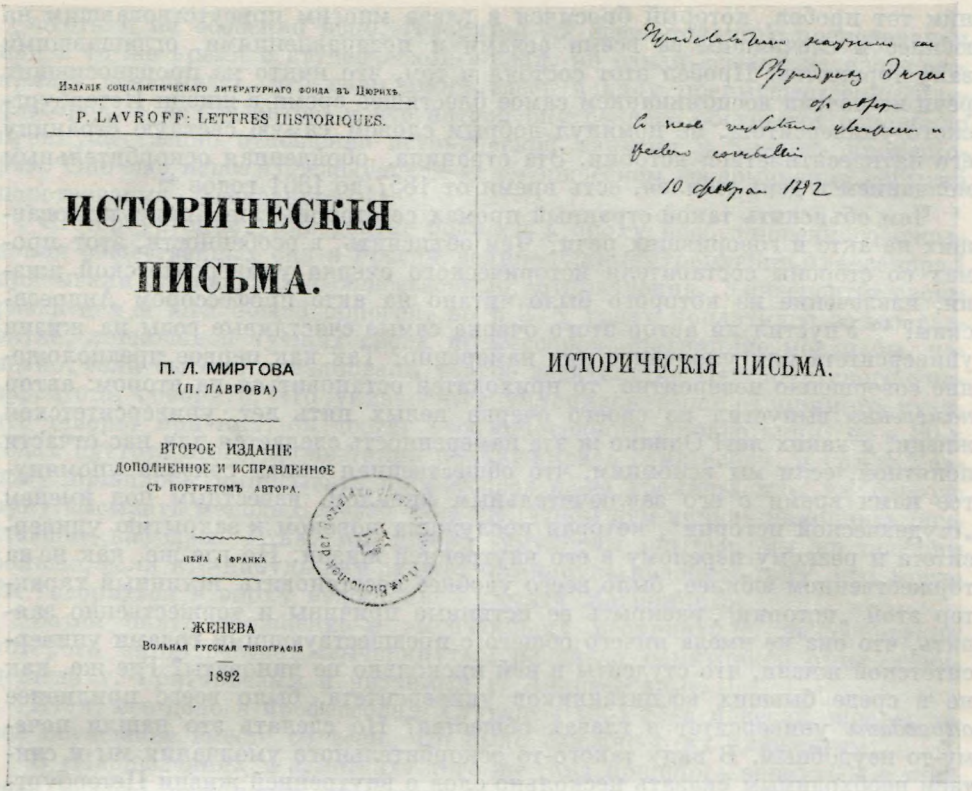
В этот период венец благонамеренности в беллетристике получили новые беллетристы, и г. Авенариус мог похвалиться наибольшим успехом. Если он не отличился талантом, то беззастенчивость его плевков на трупы убитых и на постели инвалидов заслуживает полного внимания. Многие последовали его примеру, но, стараясь отбить друг у друга пальму ругательства польской интриге и русскому нигилизму (двум вещам *существенно различным*), никто не отбил ее у г. Авенариуса. Г-н Тургенев вторично вышел на сцену на бой уже не с сильным, а с едва дышащим врагом,— что, очевидно, представляло нравственный прогресс, но и тут он как художник совершенно уничтожил свои стремления как мыслителя. Фигура Ирины до того отодвинула на второй план Губарева и К°, что они остались незаметны. Может быть, опять против воли автор несравненно ярче осветил ничтожество Ратмировых, чем Губаревых; говорю может быть, потому что, по-видимому, цель автора была представить *одинаково* пустоту или *дымность* (если позволено так выразиться) всех русских общественных стремлений [41].

У всех этих благонамеренных беллетристов был прием очень обычный: они представляли *одну* сторону, *немногие* элементы дела. Они не обращали даже внимания на то, что в Лопуховых, Кирсановых, Рахметовых, хотя и не столь художественно, но с большей ясностью были установлены черты, которые *должно* взять в соображение при обсуждении дела, так как это были элементы движения, *по крайней мере*, настолько же реальные, как и элементы, разбросанные в Базаровых, Губаревых, в героях романов гг. Писемских, Клюшниковых, Стебницких, Боборыкиных, Авенариусов и проч. и проч. Задача романиста, имеющего в виду нарисовать *действительную* картину общества 50-х и 60-х годов, заключается в расположении *всех* этих элементов в своей картине сообразно *реальному* их значению, их количественному и качественному содержанию в русском нигилизме. Задача эта еще не выполнена никем.

«Вестник Европы» перешел в свой новый фазис в 1868 году, когда и 1866 год принадлежал уже минувшему, когда le spectre rouge* в России оказался очень обыкновенною фантасмагориею. Журнал с преимущественно исторической традицией, он, казалось, имел все данные, чтобы исторически всесторонне оценить явление, принадлежавшее минувшему, и содействовать рассеянию боязни пред призраками, боязни, постоянно мешавшей правильному ходу жизни и развитию литературы. Как же он отнесся к этой фантасмагории?

Он, во-первых, поместил в июне 1868 года полустихотворение г. Полонского «Ночь в Летнем саду», где в туманной аллегории было ясно, если не порицание нигилизма, то поползновение напакостить ему [42]. Ни умственные качества, ни социальная карьера, ни литературное прошедшее этого стихотворца не позволяют ставить ему очень высоких нравственных

* красный призрак (франц.).



Издание социалистическаго литературнаго фонда въ Цюрихъ.

P. LAVROFF: LETTRES HISTORIQUES.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

П. Л. МИРТОВА
(П. ЛАВРОВА)

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ЦѢНА 1 ФРАНКЪ

ЖЕНЕВА
Вольная русская типографія
1892

Представителю научного соц<иализма> Фридриху Энгел<ьсу> от автора в знак глубокого уважения и <дру>жеского сочувствия 10 февраля 1892

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ПИСЬМА» П. Л. ЛАВРОВА (ЖЕНЕВА, 1892)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

«Представителю научного соц<иализма> Фридриху Энгел<ьсу> от автора в знак глубокого уважения и <дру>жеского сочувствия 10 февраля 1892»

Титульный лист и шмуцтитул

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

требований, следовательно, к нему приходится всегда относиться *снисходительно*. Но помещение этого произведения на страницах «Вестника Европы» было характеристично для направления редакции как потому, что оно было помещено в 1868 году, так и потому, что оно принадлежит далеко не к немногим стихотворениям г. Полонского, имеющим некоторое достоинство в художественном отношении.

В марте 1869 года «Вестнику Европы» пришлось говорить об университетском юбилее [43]. Тесная связь истории Петербургского университета за последние годы с фазисами нигилистического движения и реакции ему делало серьезно-историческое отношение к вопросу невозможным без оценки движения в университетской молодежи 60-х годов. Журнал не исторический, не связанный вовсе с жизнью университета 1857—1861 годов настолько, насколько связана редакция «Вестника Европы», нашел нужным стать именно на историческую точку зрения и отнестись к вопросу научно, т. е. всесторонне. В «Неделе» от 16 февраля нынешнего года было напечатано: «Неделю назад происходило, как известно, торжество пятидесятилетнего юбилея Петербургского университета. Мы вовсе не намерены излагать пред читателями бессодержательные и ничего не выражающие подробности, которыми было обставлено это торжество. По нашему мнению, мы сделаем гораздо лучше, если хоть несколько попол-

ним тот пробел, который бросился в глаза многим присутствовавшим на юбилее и следившим за всеми речами и поздравлениями, оглашавшими залу торжества. Пробел этот состоял в том, что никто из произносивших речи не почтил воспоминанием самое блестящее время в жизни Петербургского университета, не помянул добрым словом самую светлую страницу его пятидесятилетней истории. Эта страница, обойденная оскорбительным молчанием в день юбилея, есть время от 1857 до 1861 годов [44].

Чем объяснить такой странный промах со стороны лиц, присутствовавших на акте и говоривших речи? Чем объяснить, в особенности, этот промах со стороны составителя исторического очерка университетской жизни, извлечение из которого было читано на акте профессором Андреевским? [45] Упустил ли автор этого очерка самые счастливые годы из жизни университета или умолчал о них намеренно? Так как первое предположение совершенно невероятно, то приходится остановиться на втором: автор *намеренно* выпустил из своего очерка целых пять лет университетской жизни, и каких лет! Однако ж эта намеренность сделается для нас отчасти понятной, если мы вспомним, что общественная молва связала упомянутое нами время с его заключительным финалом, известным под именем „студенческой истории", которая послужила поводом к закрытию университета и резкому перелому в его внутренней жизни. Но где же, как не на торжественном юбилее, было всего удобнее восстановить истинный характер этой „истории", раскрыть ее истинные причины и торжественно заявить, что она не имела ничего общего с предшествующими годами университетской жизни, что студенты в ней нисколько не виноваты? Где же, как не в среде бывших воспитанников университета, было всего приличнее *оправдать* университет в глазах общества? Но сделать это нашли почему-то неудобным. В виду такого-то оскорбительного умолчания мы и считаем необходимым сказать несколько слов о внутренней жизни Петербургского университета в период 1857—1861 годов».

Затем очерчена совершенно спокойно картина этой жизни, где автор стремился восстановить истину, особенно в тех вопросах, которые наиболее прикасались к жизненным интересам общества.

Гораздо уклончивее, а в особенности односторонне отнесся к вопросу «Журнал *истории*, политики и жизни», как титулуется ныне «Вестник Европы». На стр. 424—425 встречаем слова: «Неизбежные в полувековом периоде колебания и в общественном настроении, и в воззрениях правительства едва ли на каком-либо из наших учреждений отразились так быстро и сильно, как на Петербургском университете. Бывали для него и тяжелые эпохи, когда поощрение сменялось недоверием, и времена испытаний, когда университет с особой живостью стремился сблизиться с обществом, расширить благотворное влияние науки на общество, а вместе и самому освежиться принятием в себя общественных сил; но обстоятельства не всегда благоприятствовали, а враги просвещения истолковывали всякий раз превратно естественное стремление науки к жизни, видя в этом опасность для самих себя.

Позднейшей истории предоставим очистить семена от плевел. Высочайший рескрипт Петербургскому университету должен всем служить примером, как можно относиться к прошедшему в такие торжественные минуты, которые отделяют одну половину века от другой. Рескрипт обращается ко всем преподавателям и питомцам университета, которые „расширяли своими учеными трудами пределы различных отраслей знания, обширными своими сведениями содействовали важным частям государственного управления и составили себе почетное имя в науке, литературе и государственной службе". Далеко не так отнесся нынешний состав профессоров к истории своего университета, если судить по исторической записке, читанной на акте 8 февраля г. Андреевским».

Хотя и не особенно ясно, говорится ли здесь только о преподавании или в то же время о студенческой жизни, но самая ссылка на слова рескрипта доказывает, что надо иметь здесь в виду преимущественно профессоров, а не студентов, и что автора внутреннего обозрения оскорбило преимущественно отношение исторической записки к бывшим профессорам. Оно еще яснее в последующем аллегорическом воспоминании событий царствования Александра I:

«Петербургский университет родился в эпоху необыкновенного оживления общественных сил в России: великодушные стремления Александра I призывали к жизни все общественные отправления. Университет своим развитием и шел общей дорогой, но в 20-х годах поплатился за это развитие, лишившись лучших своих профессоров. Магницкие могли бы, конечно, если бы они праздновали первое десятилетие Петербургского университета, говорить, что университет уклонился было от прямого пути, что теперь, при них, он достиг необыкновенного процветания; но в 30-х годах пустота этого процветания обнаружилась сама собой, и графу Уварову пришлось выписывать профессоров из-за границы или на скорую руку высылать молодых людей туда же, чтобы кем-нибудь наполнить опустевшие кафедры. Итак, мы теперь умудрены опытом; мы не поверим больше, если кто-нибудь нам скажет что-нибудь подобное тому, что могло бы говориться в эпоху недостойной памяти Магницких».

Затем опять обращение к высочайшему рескрипту[46], на основании которого автор считает «вычеркнутым из числа памятников отчет, сочиненный г. Григорьевым и читанный г. Андреевским».

Итак, все дело в профессорах! Студенты 1861 года понесли справедливое осуждение вместе со всем, что было связано с их движением.

В «Наблюдениях и заметках» того же тома пришлось вернуться к юбилею, и здесь уже почти неизбежно было говорить не только о профессорах, а также и молодежи, т. е. не только о либералах школы Грановского, а также о нигилистах. Автор «Наблюдений» говорит о нынешних профессорах университета:

«...в финале отчета они превознесли себя до небес, а в газете „Голос“[47] передовая статья, весьма похожая на краткое изложение того отчета, известила нас, что нынешние студенты не то, что прежние, как, например, начала шестидесятых годов, и делают такие успехи под руководством нынешних профессоров, что „студенты второго курса решают вопросы, которые были бы не под силу иному западному ученому“».

Казалось бы, сравнение нынешних студентов с *тогдашними* приходило само собою, а с ним и живой вопрос и требование истории. Но это обойдено молчанием.

Несколько ниже еще положительнее возбуждалось то же требование. Автор говорит: «Мы не можем по поводу новых стипендиатов, названных императорскими, пройти молчанием тех мыслей, которые были возбуждены в газете „Весть“ щедротами монарха[48]. Этот орган явился со внушением будущим стипендиатам, а именно, по мнению его, молодые люди, осчастливленные такими стипендиями, должны всегда помнить это и отличаться *впоследствии* особенной верностью к тому, кто их облагодетельствовал».

Вот вы ждете фактического, исторического разбора отношений нашей молодежи к правительству. Но дело завершается весьма сомнительным парадоксом: «Сказать одним, что вы должны обнаружить особую привязанность, не значит ли сказать другим: а вы от этого свободны?» Затем шпильки «Вести», и делу конец.

Итак, в истории Петербургского университета «журнал истории, науки и жизни» видит лишь историю профессоров? Итак, нелепое отношение «Записки» к периоду 1857—1861 годов — действительно самому живому

и блестящему для Петербургского университета,— было несправедливо *только* относительно профессоров этого времени? Редакция ожидает появления записки г. Григорьева в печати и обещает ответить тогда. Приходится ожидать, но желательно, чтобы ответ не ограничился тогда профессорами.

Я далек от мысли ставить низко тот кружок профессоров, который в этот период занимал кафедры, особенно сравнительно с нынешними. Они бы не допустили такого поистине скандального диспута, который происходил при защите *философской* диссертации г. Владиславлева [49]. Они имели настолько нравственного чувства, что не допустили ⟨бы⟩ в свою среду человека, которого сама природа предназначала быть впоследствии специальным адвокатом крупных мошенников. Они бы покраснели, вероятно, при мысли обратиться к студентам *чрез газеты*, как бы заявляя тем, что между ними и студентами столь же мало живой связи, как между газетным публицистом и подписчиком. Некоторые из них, кроме того, имели бесспорные ученые достоинства, не только сравнительно со своими (за очень немногими исключениями) весьма жалкими преемниками, но и безусловно. Все это так. Но в 1861 году они играли довольно печальную роль. Они не умели быть руководителями молодежи, которая им *верила*. Они не умели понять своего времени. Они остались в стороне от движения идей, от общественных вопросов, когда их положение было таково, что требовало именно от них *первого* слова или грозило им потерею всякого влияния, потерею даже возможности бороться со злом, не уступать своих кафедр безнравственным ничтожествам. Они не замарали себя, как многие другие, это правда. Но они и остались каждый со своими одиночными силами. Холодно оставила их молодежь, идя бороться и гибнуть за другими предводителями. Враждебно посмотрела на них реакция, неизбежно связывая с их деятельностью явления, мимо которых они прошли, сторонясь боязливо. Презрительно отнеслись к ним презренные преемники, для которых наука и идея лишь ступеньки по лестнице пустых почестей и звонких приобретений. Им осталось в одиночку идти путем науки, путем публицистики, путем юридической деятельности. В этом отношении многие из них не только не проиграли, но выиграли. Многие из них как люди остались высоко во мнении лиц, их знающих. Но никогда им уже не стать на то влиятельное место, на которое на одну минуту их поставила история русской мысли, на то место, значения которого они не поняли и которым воспользоваться *не сумели*. Они сами отказались от роли *исторических* деятелей, и это едва ли не самая печальная судьба, которая может постигнуть честных и умных людей. Их ученики гибли в безнадежной борьбе за идеи, им чуждые. Их места заняли ренегаты мысли. Они не погибли, они не отреклись, но они остались в стороне, не имея возможности помочь гибнущим, не имея возможности бороться с ренегатами, не сочувствуя вполне никому из борющихся, не вызывая ничьего полного сочувствия. Жалкая участь для честных и умных людей!

Но неужели эта печальная роль *посторонних* в период самого горячего возбуждения настолько озлобила их против молодежи, окружавшей их когда-то такою любовью, против движения, от которого они посторонились сами, не борясь с ним, когда *могли* это сделать, что и теперь, когда все это принадлежит истории, они радуются, что другие оплевывают это движение, эту молодежь? Неужели они видят историю в памфлете на побежденных, в карикатуре на убитых? Не хотелось бы этому верить.

В апреле нынешнего года «Вестник Европы» поместил «Воспоминания» г. Тургенева о Белинском. Здесь, казалось бы, не могло быть места оценке позднейшего периода, которому «журнал истории, науки и жизни» не нашел нужным посвятить особой статьи. Но г. Тургенев не мог не воспользоваться случаем, чтобы отвечать — *замолчавшим*. К Добролюбову,

БАЗАРОВ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ОТЦЫ И ДЕТИ»
Акварель П. М. Боклевского, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

покровительственно признанному «даровитым», еще автор отнесся снисходительно, укоряя его лишь за его ошибки, за нападение на Кавура (как будто в самом смысле движения, одним из предводителей которого был Добролюбов, не лежало отрицание кавуров?). Далее г. Тургенев говорит о Белинском:

«Однако же не прибегал он к глумлению, к „излюбленному" свистанию, к зубоскальству. Сочувственный смех, возбуждаемый в известной части публики тем „свистанием",— недалеко ушел от того смеха, которым встречались безнравственные выходки Сенковского... И здесь и там выпячивалась та же склонность к грубой потехе, к гаерству...»

Признаюсь, надо иметь значительную долю непонимания, чтобы сравнивать столь разнохарактерные литературные явления, как «Библиотеку» 30-х годов и «Современник» 50-х. Но я уже сказал, что г. Тургенев в этом отношении не силен, а злоба его на *развенчавший* его журнал довольно естественна. Насколько Тургенев витал в наипошлейших сферах нашего общества, видно из того, что он говорит в своих лекциях о Пушкине пред «немногочисленным» обществом в 1859 году [50]. Конечно, оно состояло из людей той сферы, которая была ему всего ближе. Между этими пошляками «одно упоминание» имени Белинского «возбудило негодование». Хорош литератор, находящий нужным читать лекции *в таком* обществе! Следы этой сферы всегда остались на мысли г. Тургенева. Редакция «Вестника Европы», помещая без оговорки сравнение г. Тургенева, показывает, что и для нее «Современник» 50-х годов кажется тем же, что «Библиотека» 30-х.

С января по май месяц нынешнего года помещался в «Вестнике Европы» роман г. Гончарова. Начат он давно, и первые главы поместил автор в 1859 году в «Современнике». Автор утверждает, что программа романа была набросана еще ранее и что он сообщал ее тогда же «близким ему людям». Относительно Марка Волохова он сознался, что это лицо приняло

теперь «более совершенный оттенок». Не знаю, что за люди, «близкие» автору. Пишущий эти строки никогда с редакцией «Современника» дела не имел. Тем не менее я утверждаю, что г. Гончаров, помещая свой первый отрывок в «Современнике», *не мог* сообщить этой редакции весь план своего романа так, как он теперь явился на глаза публики, *не мог* обрисовать пред этою редакциею ни типа Марка Волохова, *несколько* подходящего к нынешнему, ни типа Веры в ее последнем фазисе. Г-н Гончаров достаточно умен, чтобы знать, что его роман в этой форме, несмотря на все художественные красоты частностей первых четырех частей, принят бы не был, и люди, имевшие тогда значение в этой редакции, были тоже достаточно умны, чтобы поставить против подобного романа свое veto [51].

«Обрыв» есть произведение столь искусственно-тенденциозное и тенденциозный конец так явно пришит белыми нитками к предыдущему, что скачок заметен для наименее внимательного читателя. Г-н Гончаров совершенно сознательно приносит в жертву благонамеренности лучшее свое создание, тип Веры. Он с некоторым цинизмом бросает почти всех своих героев на жертву карикатуре. Под ногами Волохова чуть-чуть не разверзается геенна и вы ждете, что около него запрыгают чертята финала Дон-Жуана. Вера жаждет прощенья бабушки, как многочисленные моления шалуньи детских книжек сентиментальной Германии. Бабушка обращается в женщину-волчицу сказки Эркмана-Шатриана [52], бродящую по дебрям, и если «Обрыв» будет иллюстрирован, я рекомендую иллюстрацию этой сказки, способную напугать провинциальных барышень. Райского при этом можно смело изобразить милой собачкой, которая, высунув язык, бегает то около постели плачущей шалуньи Веры, то по дебрям и лесам за *шествующей* бабушкой... Мне кажется, что г. Гончаров должен был от души хохотать внутренне над публикою, просматривая корректуру последней части. Я даже думаю, что он обчелся и хотел, чтобы этот презент появился 1 апреля, зная аккуратность выхода книжек «Вестника Европы», а презент пришелся на 1 мая. Не без иронии, может быть, видел он и то, что редакция принимает это за серьезное дело, что она предполагала, будто он имеет в виду художественную правду. К чему она г. Гончарову? Ну, побаловался в продолжение четырех частей; приплел к ним фигуру Волохова, чтобы хоть белые нитки были налицо, а затем к чёрту художественную правду. Положение автора требовало благонамеренного конца. Этот конец карикатурен; положим. Автор это знает лучше вас; да ему он был нужен именно таким; ему нужна была мораль по заранее определенному шаблону. Если вы ждали иного, тем хуже для вас; вы позабыли, что автор — г. Гончаров, или забыли *кто* такой г. Гончаров. Не смешно ли ему ставить какие-то художественные или нравственные требования? Он очень хорошо понимает, что такое художественная правда, но с чего вы взяли, что он дорожит ею? Даже весьма возможно, что и нравственные задачи ему понятны — в других; но с чего вы взяли, что в своем романе он ставит себе подобные задачи? Благонамеренность — вот его цель.

В этом отношении мораль романа безупречна. В лице Волохова — ближайшего предка нигилистов — доказано, что стремления молодежи конца 50-х и начала 60-х годов были карикатурны, бесчестны, бестолковы и крайне мелки; что тут не было ничего естественно-необходимого, ничего исторически-неизбежного, ничего идеально-нравственного; а так, нечто среднее между дьявольским наваждением, желанием стащить чужое пальто и желанием травить собаками прохожих; что, наконец, нигилисты, в случае любовного фиаско, пылали желанием идти в юнкера «на гибельный Кавказ». Очень, очень метко.

В лице Веры — предшественницы женщин последнего времени — доказано, что стремление к самобытности в женщине — вздор; что но-

вый женский идеал — галиматья; что решение всему — в советах бабушек и в часовне. Крепостной порядок обрисован так любовно, что становится жаль, отчего это все не осталось по-прежнему. Марфинька так счастлива, что приходит на ум, что же дурочка Вера глядела? Вот с кого пример-то следовало брать. А Тушин, что за человек! А Райский, что за чистая, изящная натура! А бабушка, что за воплощенная мудрость! Ну, скажите, пожалуйста, когда Русь наша была полна такими чудными людьми, таким блаженством, когда преследовали только каких-то бестолковых кандидатов в юнкера, подобных Волохову, людей, пишущих подложные письма, чтобы воспользоваться чужими деньгами,— что за безумие было искать лучшего? Действительно, глупость непомерная... Нигилисты, женский вопрос, реформы, просвещение, самобытность, искренность чувства, истина в мысли, справедливость в жизни, критика всюду, решимость идти за убеждением, несмотря ни на что... все это глупость, глупость и глупость...

Не так ли почтенная редакция «Вестника Европы»? Не так ли гг. сотрудники «Вестника Европы»? Г-на Гончарова я не спрашиваю. При том трезво расчетливом, цинически-утилитарном отношении его к собственным созданиям, которое видно из его романа, его спрашивать *нечего*. Но редакция, поместив этот роман, заявила свое отношение к живому вопросу русского общества. Сотрудники журнала солидарны с его направлением по *существенным* вопросам современности.

Итак, *это* убеждение редакции? Итак, с *этим* сотрудники журнала признают себя солидарными?

Помещая конец романа, редакция, конечно, имела в виду и петербургские события последних месяцев [53]. Она была рада заявить свое отношение к современной молодежи...

Мне остается признать, что «Вестник Европы» высказал этим совершенно определенно свое направление, и что это направление *вполне благонамеренно*, т. е. ставит этот журнал совершенно в одну категорию с «Русским вестником», «Всемирным трудом», «Литературной библиотекою» и «Зарею» [54]. Это большой успех в литературной нравственности.

Гг. Авенариус и Стебницкий! Постарайтесь написать роман поталантливее, понатужьтесь, переделайте раза два, три, даже попробуйте поработать общими силами,— авось лучше будет. Только смотрите, не изменяйте направление. Если роман выйдет несколько поталантливее, то будьте спокойны: «Вестник Европы» купит его.

Но что скажут сотрудники журнала по другим отделам? Что скажут те, которые составляют его настоящую силу, настоящую поддержку? Как они отнесутся к этому откровенному заявлению направления? Между ними есть хорошие честные имена...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья Лаврова «Письмо провинциала о задачах современной критики» опубликована в «Отечественных записках», 1868, № 3, стр. 123—140 без подписи. Автограф этой статьи хранится в ЦГАОР, в ф. Лаврова (ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 3).

[2] В статье «Письмо провинциала о задачах современной критики» редакция журнала опустила следующую часть, восстановленную нами по автографу: «Чьи же имена встречаете вы в числе сотрудников этого отживающего института ⟨иностранной цензуры.— *А. С.*⟩, этого предмета вечного неудовольствия нашей литературы? Имена наших известных лириков, тех самых, у кого так наболело сердце от всех общественных бедствий, тех самых, которые так чутко выражают общественное мнение в своих звучных стихах. Извините, господа, если вы таким образом сможете поддерживать достоинство поэтов-певцов прекрасного, то не удивляйтесь, что публика будет улыбаться болям вашего сердца. Цензорская служба весьма почтенна, как всякая гражданская служба, да для вас ли? Мне скажут, что я изменил свою задачу, что я забегаю из области литературы в область практической жизни. Меня вызывает к этому один из наших

лириков сам. Он недавно напечатал статью, где очень наивно доказывал, что наши поэты прежде нашей критики сказали все то, что она говорит. В прежнее время эта статья доставила бы много пищи юмористическим рецензентам: теперь смеяться даже и над этим жалким произведением неловко. Но я не имею в виду говорить о ней в целом. Дело в том, что автор между прочими красивыми фразами о молодом поколении говорит в этой статье: „Кого смело можно назвать честным тружеником, на каком поприще ни трудись он, тот ратник молодого поколения. Кто не продает своих убеждений, тот ратник молодого поколения. Кто, несмотря на свое звание, ни на положение в обществе ⟨...⟩ слушается своего внутреннего голоса и по силам своим избирает себе дело или ремесло и не стыдится его, тот ратник молодого поколения“» (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 3, л. 18). Речь идет о статье Я. П. Полонского «Прозаические цветы поэтических семян» («Отеч. записки», 1867, № 4, стр. 729).

[3] Редакция «Отечественных записок» с января 1868 г. состояла из Н. А. Некрасова и Г. З. Елисеева (М. Е. Салтыков присоединился к ним осенью того же года). Печатая статью Лаврова, редакция поместила следующее примечание: «Соглашаясь с основными принципами этой статьи, мы с удовольствием даем ей место в этом журнале, хотя имеем свои причины смотреть несколько иначе на разные частные явления нашей журналистики, рассматриваемые почтенным автором» (стр. 123).

[4] Имеется в виду «Вестник Европы», основанный в 1866 г. М. М. Стасюлевичем. На протяжении двух лет он выходил по четыре тома в год и назывался журнал «историко-политических наук». С 1868 г. «Вестник Европы» стал выходить ежемесячно, в программу его были введены беллетристика и хроника; журнал стал называться «исторический, политический и литературный». В декабре 1867 г. редакция «Вестника Европы» опубликовала свою программу, в которой утверждала, что общество «прожило эпоху журнальных направлений», что «направление в журналах есть только фраза», что наступила эпоха недоверия к направлениям (стр. VI). В связи с этим Лавров в статье «Письмо провинциала о задачах современной критики» писал: «Исполняя честно и добросовестно свое дело, редакция не могла, не может, да и никогда не будет иметь возможности остаться без направления ⟨...⟩ По естественному желанию создать дельный орган редакция принуждена была дать ему направление и чем более она проникается желанием создать влиятельный орган, журнал, входящий в жизнь общества, тем живее она почувствует необходимость установить свой взгляд на жизненные требования общества и тем определеннее станет его направление» (стр. 124).

[5] «Библиотека для чтения» — журнал, основанный в 1833 г. О. И. Сенковским и книгопродавцем А. Ф. Смирдиным. В 1864 г. издателем «Библиотеки для чтения» стал П. Д. Боборыкин. В 1865 г. журнал прекратил на № 8 свое существование. В статье «Письмо провинциала о задачах современной критики» Лавров писал: «Помнится, первый раз эта светлая идея ⟨создание журнала без направления.— *А. С.*⟩ явилась у г. Боборыкина в „Библиотеке для чтения“. Тогда над ней много смеялись и провести ее, конечно, не удалось г. Боборыкину: он поместил сначала статью г. Эдельсона о „Взбаламученном море“, потом „Некуда“, и направление явилось независимо от его воли» (стр. 141).

[6] «Русский вестник» — журнал, издававшийся М. Н. Катковым с 1856 г., с начала 60-х годов стал органом крайней реакции. «Русский вестник» вел ожесточенную борьбу с революционным движением.

Статья Каткова «О нашем нигилизме. (По поводу романа Тургенева „Отцы и дети“)».— «Русский вестник», 1862, № 7, стр. 402—426.— Она явилась началом антинигилистического похода в русской литературе.

[7] «Всемирный труд» — ежемесячный литературный журнал реакционного направления, издававшийся в Петербурге с 1867 г. М. А. Ханом. В нем сотрудничали В. П. Авенариус и В. В. Крестовский, авторы антинигилистических романов.

[8] «Литературная библиотека» — журнал, издававшийся с 1866 г. в Петербурге Ю. М. Богушевичем; как и «Всемирный труд», примыкал к лагерю реакционной журналистики.

В нем сотрудничали: В. Г. Бенедиктов, П. А. Вяземский, В. П. Клюшников, Н. С. Лесков и др.

[9] Василий Федорович *Ратч* — генерал, автор книг «Сведения о польском восстании 1863 года» и «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа» (издана анонимно в Вильно в 1866 г.).

[10] Михаил Осипович *Коялович* (1828—1891) — профессор богословия, историк и публицист славянофильского направления.

[11] Всеволод Владимирович *Крестовский* (1840—1895) в 1864—1867 гг. напечатал в «Отечественных записках» роман «Петербургские трущобы»; в 1869 г. в «Русском вестнике» появился его антинигилистический роман «Панургово стадо».

[12] Василий Петрович *Авенариус* (1839—1923) — писатель, автор антинигилистических романов «Современная идиллия» (1865) и «Поветрие» (1867). О «Поветрии» см.: А. М. Скабичевский. Русское недомыслие.— «Отеч. записки», 1868, № 3, и Н. В. Шелгунов. Типы русского бессилия.— «Дело», 1868, № 3.

[13] В «Вестнике Европы» в 1868—1869 гг. помещали свои произведения Тургенев, Гончаров, Островский, Полонский, Стасов и др.

[14] «Конец» романа «Обрыв» (пятая часть) был напечатан в «Вестнике Европы», 1869, № 5 (первые четыре части появились в № 1—4). Роман вызвал единодушное осуждение критики революционно-демократического лагеря.

[15] В «Отечественных записках», 1869, № 6, М. Е. Салтыков-Щедрин поместил (без подписи) статью «Уличная философия», в которой резко критиковал взгляды Гончарова на «молодое поколение».

[16] Лавров имеет в виду деятельность Гончарова как цензора Петербургского цензурного комитета (с 1856 г.), и члена Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания (с 1863 г.; в 1865 г. Совет был преобразован в Совет Главного управления по делам печати). По обязанности члена Совета Гончаров наблюдал за журналами «Современник», «Русское слово» и др. В 1867 г. он оставил службу и вышел в отставку.

[17] Редакция «Вестника Европы» поместила в ноябрьской книжке 1869 г. статью Е. И. Утина «Литературные споры нашего времени», в которой тот писал: «...изображая молодое поколение в образе Базарова или еще более грубой фигуре Марка Волохова, писатели старшего поколения показали, что они имеют мало общего с стремлениями людей новых идей...» (стр. 373). В письме Стасюлевичу от 12 ноября 1869 г. Гончаров заявлял по поводу статьи Утина: «При всем моем уважении к его уму я не могу с моею откровенностью не заметить, что он оказывает странную услугу молодому поколению, признавая фигуру Марка его представителем в романе» (Стас., т. IV, стр. 337). Лавров в статье о «Вестнике Европы» расценивает появление статьи Утина как попытку редакции вернуть журналу доброе имя («Неделя», 1870, № 16, 15—19 апреля).

[18] Имеется в виду журнал «Современное обозрение», основанный в 1868 г. владельцем одной из петербургских типографий и книгоиздателем Н. Л. Тибленом. К участию в журнале им были привлечены некоторые бывшие сотрудники «Современника» и другие писатели демократического направления (Ю. Г. Жуковский, П. Л. Лавров, Ф. Д. Нефедов, А. Н. Пыпин, Ф. М. Решетников и др.). Выпустив шесть книжек «Современного обозрения», Тиблен бежал от долгов за границу, в связи с чем журнал прекратил свое существование.

[19] Речь идет о заявлении сотрудников «Недели» (Д. Д. Минаева, Н. Соколовского, А. П. Пятковского, Н. А. Демерта, Г. И. Успенского), помещенном в «С.-Петербургских ведомостях». В заявлении указывалось: «Г. Генкель, приступив без нашего ведома к различным переменам в составе редакции, ввиду экономических или каких-либо других соображений, сделал невозможным всякое дальнейшее наше участие в его газете» (1869, № 37, 6 февраля). 26 января 1869 г. в «Неделе» было помещено письмо Н. С. Курочкина об отказе от участия в газете. Лавров писал по этому поводу: «Выход сотрудников по личным неприятностям из журнала — дело обыкновенное, но протест предполагает изменение направления журнала или изменение направления сотрудников. К удивлению, направление журнала не изменилось, и статьи, помещенные некоторыми из подписавшихся под протестом в других изданиях, доказывают, что и они продолжают писать в том же направлении. Как же объяснить желание повредить изданию, имеющему одно литературное знамя с протестующими. Кажется, всякий, кто носит это знамя, мог бы для поддержания его оставить в стороне многие личные неудовольствия, даже вполне справедливые, лишь бы не повредить одному из этого знамени» («Библиограф», 1869, № 1, стр. 37).

[20] «Москва» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, издававшаяся И. С. Аксаковым с 1 января 1867 г. по 21 октября 1868 г. За время своего существования несколько раз приостанавливалась. «Москва» критиковала с позиций позднего славянофильства внутреннюю политику правительства. 21 октября 1868 г. она была приостановлена на шесть месяцев (за «преувеличенное изображение нужд по случаю бывшего в некоторых губерниях неурожая») и не была возобновлена.

[21] Статья К. К. Арсеньева «Русские законы о печати» («Вестник Европы», 1869, № 4, стр. 734—811), в которой сообщались сведения о причинах закрытия «Москвы».

[22] Эмилио *Кастелар* (род. 1832) — испанский писатель и политик; с 1868 г.— член кортесов; агитировал в пользу федеративной республики.

[23] Имеются в виду слова Фамусова в монологе «Вкус, батюшка, отменная манера»: «Его величество король был прусский здесь...» («Горе от ума», д. II, явл. 5).

[24] В газете «Неделя», 1869, № 1—18, в разделе «Политика», регулярно сообщалось о революционных событиях в Испании, об ослаблении власти папы, о победах на выборах в кортесы республиканцев и демократов. 5 мая 1869 г. за статью «Испания» «Неделя» получила третье предупреждение и была закрыта на шесть месяцев («Неделя», 1869, № 20, 9 ноября).

[25] В конце 60-х годов в газетах и журналах велась полемика о классицизме и реализме в среднем образовании. «Неделя» посвятила несколько статей этому вопросу (О. Волоколамский. Борьба классицизма и реализма на русской почве.— 1868, № 9, 10, 12, 14, 16; его же «Педагоги и педагогика» — 1868, № 5; «Обнаруженный обман» — 1869, № 3, 4), в которых выступала против «Московских ведомостей», проводивших идею преобразования реальных гимназий в классические, введения греческого и латинского языков в гимназиях. В 1871 г. министром народного просвещения Д. А. Толстым была проведена реформа среднего образования, в связи с которой были созданы классические гимназии, а реальные гимназии преобразованы в реальные

училища. Право поступления в университет предоставлялось только окончившим классические гимназии.

[26] В «Неделе» 1869 г. печатались статьи Н. Демерта «Земство и сельское духовенство» (№ 6—8, 28 января — 11 февраля), «Мнимые нападки на духовенство» (№ 9, 16 февраля) и др. Одной из причин закрытия газеты 5 мая 1869 г. на шесть месяцев была статья «Несколько слов по поводу трудов по исследованию раскола» (1869, № 18, 20 апреля. См. также прим. 24).

[27] Жорж Жак *Дантон* (1759—1794) — деятель французской революции. В 1792 г. министр юстиции и фактический глава республиканского правительства Франции.

[28] *Филипп II* (1527—1598) — испанский король. С 1555 г. стал королем Испании и Нидерландов.

Гёзы (Les Gueux) — союз нидерландских дворян, образовавшийся в 1565 г. с целью защиты страны от поработивших ее испанцев.

[29] Первые 15 глав романа А. С. Суворина «Всякие» в 1865 г. печатались в «С.-Петербургских ведомостях». В романе были изображены с симпатией участники кружка Чернышевского. Цензура запретила печатание романа. В 1866 г. Суворин издал его отдельной книгой без разрешения цензуры. Петербургский окружной суд постановил заключить Суворина в тюрьму на два месяца, а роман уничтожить. По апелляции присяжного поверенного К. К. Арсеньева, Петербургская судебная палата постановила: «Подвергнуть Суворина аресту в военной гауптвахте в течение трех недель, сочинение „Всякие" уничтожить». Второе издание книги было выпущено в 1907 г. (см. Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России. М., 1962, стр. 54—55).

[30] Статья «По поводу университетского юбилея». См. о ней далее — прим. 44.

[31] В «Вестнике Европы» 1868 г. были напечатаны статьи Н. П. Колюпанова «Три года Новгородского земства» (№ 2), «Самарское земство» (№ 7 и 8), «Девятнадцатое февраля 1870-го года» (№ 10).

[32] «Вестник Европы», 1868, № 1, стр. 120—163; № 2, стр. 591—633.

[33] Там же, 1869, № 2, стр. 685—758 и № 3, стр. 154—285.

[34] В «Русском вестнике» были опубликованы статьи, посвященные польским делам: М. Н. Катков. «Польский вопрос» (1863, № 1), «Мнимое и действительное» (1863, № 5); Н. П. В—в. «Общий характер притязаний польской партии в западном крае» (1863, № 8); Д. И. Иловайский. «После раздела» (1864, № 3).

[35] Вероятно, Лавров имеет в виду журнал «Современник», во главе которого стояли Чернышевский и Добролюбов, бывшие властителями дум молодого поколения.

[36] Антинигилистические романы Писемского — «Взбаламученное море» (1863) и «Русские лгуны» (1865).

[37] В. П. Клюшников в 1864 г. поместил в «Русском вестнике» роман «Марево» — одно из наиболее резких антинигилистических произведений того времени; в 1866 г. в «Литературной библиотеке» — роман «Большие корабли».

[38] М. Стебницкий — псевдоним Н. С. Лескова, которым он пользовался в начале своей литературной деятельности. В 1864 г. Лесков опубликовал в «Библиотеке для чтения» антинигилистический роман «Некуда», который вызвал резкое осуждение всей передовой критики («Русское слово», 1865, март, стр. 15). Лавров писал в статье «Письмо провинциала о задачах современной критики»: «Я упомянул о первом романе Стебницкого. Он доставил этому автору не весьма почетную славу, а вместе с тем и погубил „Библиотеку для чтения". Многие сотрудники ее оставили, многие сотрудники отшатнулись» («Отеч. записки», 1868, № 3, стр. 126).

[39] Лавров имеет в виду монтионовскую премию — премию добродетели (Prix de vertu), назначаемую по завещанию французского филантропа Антуана Оже *Монтиона* (1733—1820) за сочинения, способствующие улучшению нравственности.

[40] Речь идет о стихотворениях А. К. Толстого: «Пантелей-целитель» («Русский вестник», 1866, № 9) и «Змей Тугарин» («Вестник Европы», 1868, № 2; под названием «Былина»). А. К. Толстой к середине 60-х годов стал сотрудником «Русского вестника» и сторонником антинигилистического движения.

[41] В статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», Лавров отмечал, что хотя Тургенев не заметил «сохранившиеся и укрепившиеся живые силы общества», он дал «самую смелую для него картину кружка, дирижировавшего тогда судьбами России 〈...〉 За признание *этого* дымом, да еще очевидно зловредным, удушающим, Ивану Сергеевичу прощали многое» (см. настоящ. том, стр. 231—232).

[42] Стихотворение Я. П. Полонского «Ночь в Летнем саду» («Вестник Европы», 1868, № 6, стр. 457—473) — сатира на демократическое движение. Полонский писал в нем: «... демократия — зло; пускай цветут верхи и пусть гниют коренья! И думать, что идут все соки от корней, не значит ли опаснейших идей быть провозвестником. О! Это преступленье!».

[43] «Вестник Европы» поместил по поводу пятидесятилетия университета две статьи: в разделе «Внутреннее обозрение» — «Юбилей Петербургского университета» (1869, № 3, стр. 424—426) и сообщение в разделе «Наблюдения и заметки» (там же, стр. 456—459).

[44] Речь идет о статье в «Неделе» от 16 февраля 1869 г.— «По поводу университетского юбилея». В этой статье подчеркивалась роль Петербургского университета в раз-

витии народного образования в 1857—1861 гг. Эти годы автор статьи считал периодом расцвета Петербургского университета: в нем читали лекции профессора Костомаров, Пыпин, Кавелин, Стасюлевич, Спасович; аудитории университета были доступны не только студентам и вольнослушателям, но и посторонней публике; издавался университетский «Сборник»; существовала касса для вспомоществования бедным студентам и студенческая библиотека. Автор статьи, однако, старался доказать, что студенческие волнения осенью 1861 г. не были подготовлены обстановкой, сложившейся в университете. В 1869 г. студенты Петербургского университета вновь выдвинули требования о праве учреждения студенческой кассы, праве общих студенческих сходок, о создании студенческой библиотеки. В названной статье «Неделя» поддерживает требования студентов. 6 марта редакция газеты получила предостережение за помещение этой статьи («Неделя», 1869, № 12, 9 марта).

[45] Профессор И. Е. Андреевский прочел «Историческую записку о Петербургском университете» 8 февраля 1869 г. во время юбилейных торжеств. Эта записка была составлена профессором восточной словесности В. В. Григорьевым. По поводу поручения писать историю Петербургского университета Григорьеву автор статьи «Наблюдения и заметки» в «Вестнике Европы» писал: «Как будто гуманные науки в университете представлены так дурно, что историка пришлось искать между ориенталистами» (1869, № 3, стр. 458).

[46] В разделе «Внутреннее обозрение» в статье «Юбилей Петербургского университета» приводятся слова «высочайшего рескрипта»: «Ученое сословие, проникнутое сознанием своих высоких обязанностей, будет по-прежнему утверждать в многочисленных своих слушателях знания, основанные на истине и добре, а пользующиеся ее научным руководством со временем сами окажут услуги отечественному просвещению, государственной и общественной деятельности и подобно достойнейшим из их предшественников сослужат свою службу России» («Вестник Европы», 1869, № 3, стр. 426).

[47] Имеется в виду передовая статья в газете «Голос» (1869, № 40, 9 февраля) по поводу юбилея Петербургского университета. В статье сообщалось, что все профессора Петербургского университета были избраны Советом университета и пользуются большим уважением у студентов.

[48] «Высочайшим рескриптом» по поводу юбилея Петербургского университета было учреждено 100 стипендий на сумму 30 000 рублей и 20 000 рублей было подарено университету на пособия нуждавшимся студентам. Реакционная газета «Весть» восторженно приветствовала этот дар. Автор статьи «Наблюдения и заметки» высмеивает «Весть» за выражение верноподданнических чувств.

[49] Защита докторской диссертации М. И. Владиславлевым «Философия Плотина» состоялась 14 января 1869 г. на философском факультете Петербургского университета на публичном диспуте. Несмотря на серьезные возражения неофициальных оппонентов, проф. Градовского и других, декан философского факультета профессор Срезневский взял докторанта под свою защиту и «Владиславлев получил докторский диплом» (К. Д. Ушинский. Философский диспут в Петербургском университете.— «С.-Петербургские ведомости», 1869, № 15, 15 января).

[50] В «Воспоминания о Белинском», написанные в 1869 г., Тургенев включил отрывки из своей лекции о Пушкине 1859 г. (XI, 288—292).

[51] В предисловии «От автора» к роману «Обрыв» («Вестник Европы», 1869, № 11) Гончаров писал: «Слух об этом романе проник в публику гораздо прежде, нежели он был дописан автором, и мог породить ожидания, может быть преувеличенные. Причину этого слуха должно отнести к нескромности автора и близких ему людей, которым он сообщал неоднократно программу романа 〈...〉 А в 1859—1860 годах автор поместил несколько глав в „Современнике“ и „Отечественных записках“ под заглавием: „Эпизоды из жизни Райского“ („Беловодова“, „Бабушка“ и „Портрет“)». В 1860 г. Гончаров намеревался напечатать в «Современнике» два отрывка из «Обрыва»: «Софья Николаевна Беловодова» и «Бабушка», но напечатан был только один — «Беловодова»; очерк «Бабушка» был возвращен Гончарову и появился в «Отеч. записках», 1861, № 1.

[52] Эмиль *Эркман* (1822—1899) и Луи Шарль Александр *Шатриан* (1826—1890) — французские писатели, выступавшие под общим псевдонимом Эркман-Шатриан. Здесь речь идет о персонаже сказки Эркмана-Шатриана «Гюг-волк», дочери саксонского бургграфа Гюга, прозванного волком, женщине-волчице, бродившей по лесам. Саркастическое сравнение бабушки с женщиной-волчицей относится к эпизоду из VII главы последней части «Обрыва», когда бабушка, узнав о беде Веры, уходит из дому.

[53] Имеется в виду студенческое движение в Петербургском университете, Медико-хирургической академии, Технологическом институте в начале 1869 г. и участие в нем С. Г. Нечаева. В марте 1869 г. было распространено воззвание Нечаева «К обществу», в котором говорилось: «...протест наш тверд и единодушен, и мы скорее готовы задохнуться в ссылках и казематах, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя в наших академиях и университетах...» (Сб. «Нечаев и нечаевцы». М., 1931, стр. 9).

[54] «Заря» — учено-литературный и политический журнал реакционного направления. Издавался в Петербурге с 1869 по 1872 г., редактор В. В. Каширев. В журнале участвовали: Достоевский, Писемский, Крестовский, Лесков, Клюшников и др.

СТАТЬЯ О РОМАНЕ «НОВЬ»

Публикация К. Г. Ляшенко и А. Л. Смоляк
Предисловие А. Н. Дубовикова

Судьба статьи Лаврова о романе «Новь», напечатанной анонимно в лондонском журнале «The Athenaeum» («Nov' by Ivan Tourguénief».— 1877, № 2573, 17 февраля), весьма своеобразна: говоря о последнем романе Тургенева, почти все, кто писал о нем, упоминают ее, но при этом используют только те несколько цитат, которые были приведены самим Лавровым в его более поздней статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества». Удивительно, что за 50 лет, прошедших с того времени, когда Октябрьская революция сняла клеймо запрета с произведений зарубежной «вольной печати», никто не счел нужным переиздать у нас эту статью в русском переводе. Практически она осталась до сих пор неизвестной и читателям Тургенева и подавляющему большинству исследователей его творчества.

В результате этого в общей картине критических откликов на роман «Новь» образовалась значительная брешь, заполнить которую необходимо хотя бы потому, что среди ранних отзывов о романе, в частности, среди тех, которые исходили от деятелей революционного лагеря, статья Лаврова занимает особое место: она отличается несомненной объективностью, спокойной серьезностью тона, свободой от предвзятых оценок и приговоров. Повторив через семь лет в своей итоговой статье о Тургеневе некоторые из основных мыслей, высказанных сразу по прочтении романа, Лавров заявил, что его взгляд на «Новь» «с тех пор», т. е. с 1877 г., «не изменился» (Т. в восп. рев., стр. 30). В свете этого авторского признания первоначальная оценка романа, данная тогда Лавровым, приобретает еще большее значение, поскольку она содержала, очевидно, не мимолетные и случайные, а глубоко продуманные суждения выдающегося идеолога революционного народничества о последнем романе Тургенева.

Историю создания настоящей статьи Лаврова надо начинать с его встреч с Тургеневым в Париже, куда он приехал на две недели в конце 1876 г. «Он мне говорил о „Нови", которая должна была появиться в первых книжках „Вестника Европы" 1877 г., и обещал мне прислать корректуру статьи, как только она получится» (там же, стр. 30). Вряд ли главное содержание беседы заключалось только в информации автора о предстоящем в скором времени напечатании романа — об этом Лавров уже давно знал (см., например, письмо Тургенева к нему 1/13 февраля 1876 г.). Можно думать, что во время разговора возникла также мысль о написании Лавровым критической статьи о романе, которая привлекла бы к нему внимание английской читающей публики. Только этим, а также желанием дать Лаврову возможность написать статью заблаговременно, следует объяснить обещание Тургенева о высылке в Лондон корректурных листов романа. Ведь если бы во время беседы речь шла только о его прочтении, подобная спешка была бы ненужной и Лавров мог бы спокойно подождать выхода в свет и доставки в Лондон первых книжек «Вестника Европы» за 1877 г.

Последующие письма Тургенева свидетельствуют, что он придавал данному им обещанию серьезное значение и был озабочен своевременным выполнением его. 26 декабря 1876 г./7 января 1877 г. он объясняет виной Стасюлевича задержку с присылкой обещанной корректуры. «Полагаю, однако, что они должны прибыть сегодня или завтра; как только я получу — то ⟨...⟩ пошлю один к Лопатину, с тем чтобы он так же скоропостижно доставил его вам. В этом прошу вас не сомневаться».

1/13 января 1877 г. Тургенев извещает Лаврова в короткой записке, что посылает ему «изуродованные опечатками 10 листов» — очевидно это были чистые листы из январской книжки «Вестника Европы» с текстом первой части романа. Надо полагать, что сразу вслед за этим (или немного позднее) Тургенев, получивший из Петербурга корректуру второй части «Нови», переслал один из ее оттисков, опять-таки через Лопатина, Лаврову. Через несколько дней, 5/17 января, он писал Лаврову: «Хотя я не видал Лопатина, с тех пор как я ему вручил корректурные листы „Нови", однако

я знаю, что он их к вам отправил. А я с своей стороны прошу вас, как только вы их прочтете, препроводить их обратно ко мне, так как они мне очень нужны — и потом уже написать мне ваше мнение (которым я весьма дорожу), какое бы оно ни было — выгодное или невыгодное — безо всяких прикрас и оговорок».

Таким образом, уже в середине (не позднее 5/17) января Лавров располагал полным текстом романа. Тогда же он прочитал его находившимся в Лондоне П. А. Кропоткину и «некоторым членам прежней наборни „Вперед"» (Т. в восп. рев., стр. 32). Об этом чтении и о впечатлении, которое произвел на слушателей роман, речь идет в одном из писем, вошедших в публикацию «Тургенев в материалах перлюстрации III Отделения и Департамента полиции» (см. настоящ. том, стр. 322).

К концу месяца, т. е. почти за две недели до выхода февральской книжки «Вестника Европы» с окончанием романа, статья Лаврова была готова. К этому времени он располагал уже согласием владельца «Атенеума» Чарлза Дилка (о нем см. «Лит. наследство», т. 73, кн. вторая, стр. 95—100) на помещение в его журнале статьи о новом романе Тургенева. 1 февраля 1877 г. Лавров отослал статью редактору «Атенеума» с сопроводительным письмом, которое мы даем в русском переводе:

$18\frac{1}{II}77$

21 Alfred Place
Tottenham Court Road

Милостивый государь!

Я обещал сэру Чарлзу Дилку дать для «Атенеума» статейку на французском языке о новом романе г-на Тургенева. Он предложил мне направить рукопись по вашему адресу, что я теперь и исполняю. Вторая часть романа должна появиться в «Вестнике Европы» сегодня, но я читал ее в корректуре. Извините мой плохой английский язык.

Искренне ваш Петр Л а в р о в

To the Editor of «The Athenaeum»
20 Wellington Street, Strand. W. E.

Черновой и перебеленный текст этого письма был найден А. Л. Смоляк среди бумаг Лаврова (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 3, ед. хр. 63, лл. 1 и 3 об.). Не приходится сомневаться, что дата в заголовке письма указана Лавровым по новому стилю. Поэтому его ссылка на то, что вторая часть романа появится «сегодня», должна быть признана ошибкой — Лавров забыл, что «Вестник Европы», гордившийся своей аккуратностью, выходит первого числа каждого месяца, но не по новому, а по старому стилю.

Рядом с этим письмом в архиве находится черновой текст второго письма к тому же лицу, которое по содержанию можно датировать 2 февраля. Приводим его также в русском переводе:

Милостивый государь!

Я очень сожалею, что сэр Чарлз Дилк не сообщил вам, что рукопись будет на французском языке; он хорошо знал об этом. Я заслуживаю порицания за то, что не рассчитал размера моей статейки, но поскольку она не будет опубликована на этой неделе и мы располагаем достаточным временем, прошу вас оказать мне любезность и вернуть мою рукопись. Я сокращу статейку наполовину, исключив то, что мне кажется наименее важным для ее содержания. У меня есть некоторый опыт в редакторском деле, и я знаю, что вы чрезмерно обременены всякими рукописями, которые вам приходится читать. Я не хочу осложнять 〈?〉 вашу работу. Если вы пришлете мне рукопись обратно, то я верну ее вам в сокращенном виде — в тот же день, если получу ее утром, и на следующий день, если получу ее вечером.

То, что статейка не будет напечатана на этой неделе, не имеет значения. Так будет даже лучше, потому что г-н Тургенев опасался, что вторая часть романа может быть не пропущена русской цензурой; только через два-три дня станет известно, вышла ли вчера вторая часть.

Я написал заглавие по образцу, который нашел в № 2571 «Атенеума» (стр. 155) — «The Fortnightly Review and International Copyright», потому что я предполагал, что

статья о романе, опубликованном не отдельно, а в журнале, не может быть озаглавлена так же, как это принято в отношении отдельных книг; но если вы решите иначе, я написал бы такое заглавие: «Nov'(Virgin soil) by Mr Ivan Tourguéneff („Vestnik Jevropy", January and February)».

Не были ли бы вы так любезны сообщить мне день и час, когда вас можно видеть в редакции с наименьшим для вас неудобством, на случай, если возникнет надобность в личной беседе.

Ваш покорный слуга

⟨Петр Лавров⟩

По-видимому, предложение Лаврова было принято редакцией; статья подверглась некоторому сокращению, и в таком виде ее английский перевод появился 17 февраля в «Атенеуме».

Уже на следующий день этот номер журнала был в руках у Тургенева. Сообщая Стасюлевичу в письме 6/18 февраля 1877 г. о появлении «в лондонском „Атенеуме" большого разбора „Нови"», Тургенев высказывал далее предположение, что автором этого разбора был А. Дилк. В свете приведенных выше данных искренность этого предположения должна быть взята под сомнение. Скорее всего это был рассчитанный шаг автора, не заинтересованного в том, чтобы его связь с Лавровым стала известна в петербургских кругах. Думается, что такое предположение не может быть поколеблено ссылкой на слова самого Лаврова в статье 1884 г.: «Иван Сергеевич едва ли знал,что она (статья в „Атенеуме".— *А. Д.*) принадлежит мне» (Т. в восп. рев., стр. 30). В этом мимоходом брошенном и не очень уверенном замечании сказалась, вероятно, или ошибка памяти, или сознательное намерение не предавать огласке факт, что Тургенев был в курсе дела со статьей в «Атенеуме».

Через две недели после напечатания статьи Лаврова в «Атенеуме» он получил письмо от Н. П. Огарева, в котором старый друг и соратник Герцена сообщал, что прочел «Новь» Тургенева: «Во всяком случае, произведение замечательное, и прочесть его необходимо» («Лит. наследство» т. 39-40, стр. 597). «Откликаясь на следующий же день на это письмо, Лавров писал Огареву 5 марта: «Дорогой Николай Платонович, я „Новь" читал в корректуре; мне присылал ее Тургенев. Роман недурен, хотя прежние его романы мне кажутся в эстетическом отношении лучше. Но направление очень недурное. В „Атенеуме" есть очень благоприятный отзыв о нем. Если вы желаете, я вам пришлю листок, но он очень ходил по рукам и загрязнился» («Лит. наследство», т. 62, стр. 296). Содержащаяся здесь краткая оценка романа как бы резюмирует размышления Лаврова по поводу последнего романа Тургенева.

В одном из примечаний к статье 1884 г. Лавров отметил, что его статья о «Нови» была напечатана в «Атенеуме» в сокращенном виде, так как она «оказалась слишком длинной» для журнала (Т. в восп. рев., стр. 31). В архиве Лаврова сохранился черновой автограф (написанный по-французски), который содержит полный текст статьи о «Нови». Этот автограф и положен в основу настоящей публикации (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 327, лл. 1—5).

Упоминая об этой рукописи в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества», Лавров писал, что в ней «недостает нескольких страниц». Анализ автографа позволяет установить, что утрачен был лишь один лист, т. е. две страницы текста — от слов: «для класса несчастных и обездоленных...» (стр. 203 настоящей публикации) до слов: «„Хитрая механика" ⟨...⟩ выдержала...» (стр. 206). Этот пропуск восстановлен в настоящей публикации по тексту «Атенеума». Несколько отрывков и отдельных фраз, приведенных Лавровым из его статьи о «Нови» в статье 1884 г., даются в этом авторском переводе. Многочисленные мелкие варианты чернового автографа в публикации не воспроизводятся — они имеют чисто стилистический характер и отражают в своем большинстве трудности, которые испытывал Лавров, формулируя свои мысли о романе на чужом языке.

Статья печатается в переводе Н. П. Панаевой (с французского яз.) и Т. М. Литвиновой (с английского яз.).

НОВЫЙ РОМАН г-на ТУРГЕНЕВА

Из всех современных русских романистов, имя и слава которых проникли в Европу, имя г-на Ивана Тургенева без всякого сомнения получило самую широкую известность, и его репутация наиболее упрочена. Многие из его произведений переведены на французский, английский и немецкий языки. Он постоянно проживает в Париже, и его близкие отношения со знаменитостями литературного и артистического мира всех стран уже давно создали ему вторую родину на берегах Сены и Рейна. Широкий гуманизм, которым проникнуто его творчество, наряду с глубоким реализмом созданных им картин и персонажей делают его произведения понятными даже для тех читателей, которым совершенно чужды русские нравы. Поэтому вполне правомерно желание рассказать английским читателям о новом романе г-на Тургенева как о произведении, которое представляет не только местный, национальный, но и общий интерес, тем более что «Атенеум» взял на себя труд знакомить своих читателей с литературной деятельностью г-на Тургенева при выходе в свет каждого его нового произведения.

Сюжет нового романа г-на Тургенева не может не вызвать интереса у тех читателей, которые не только ищут в произведении искусства художественной красоты и законченности деталей, но и изучают общество, изображаемое автором с помощью выведенных им типов. В новом произведении самого выдающегося русского романиста показана русская революционная молодежь в ее борьбе с существующим в стране порядком. Персонажи романа представляют новое общество, формирующееся в атмосфере энтузиазма и сомнений. Именно «Новь» — таково заглавие романа г-наТургенева—именно социальная новь и те пионеры, которые поднимают ее, орошая своей кровью,— эта социальная борьба в России и составляет содержание романа.

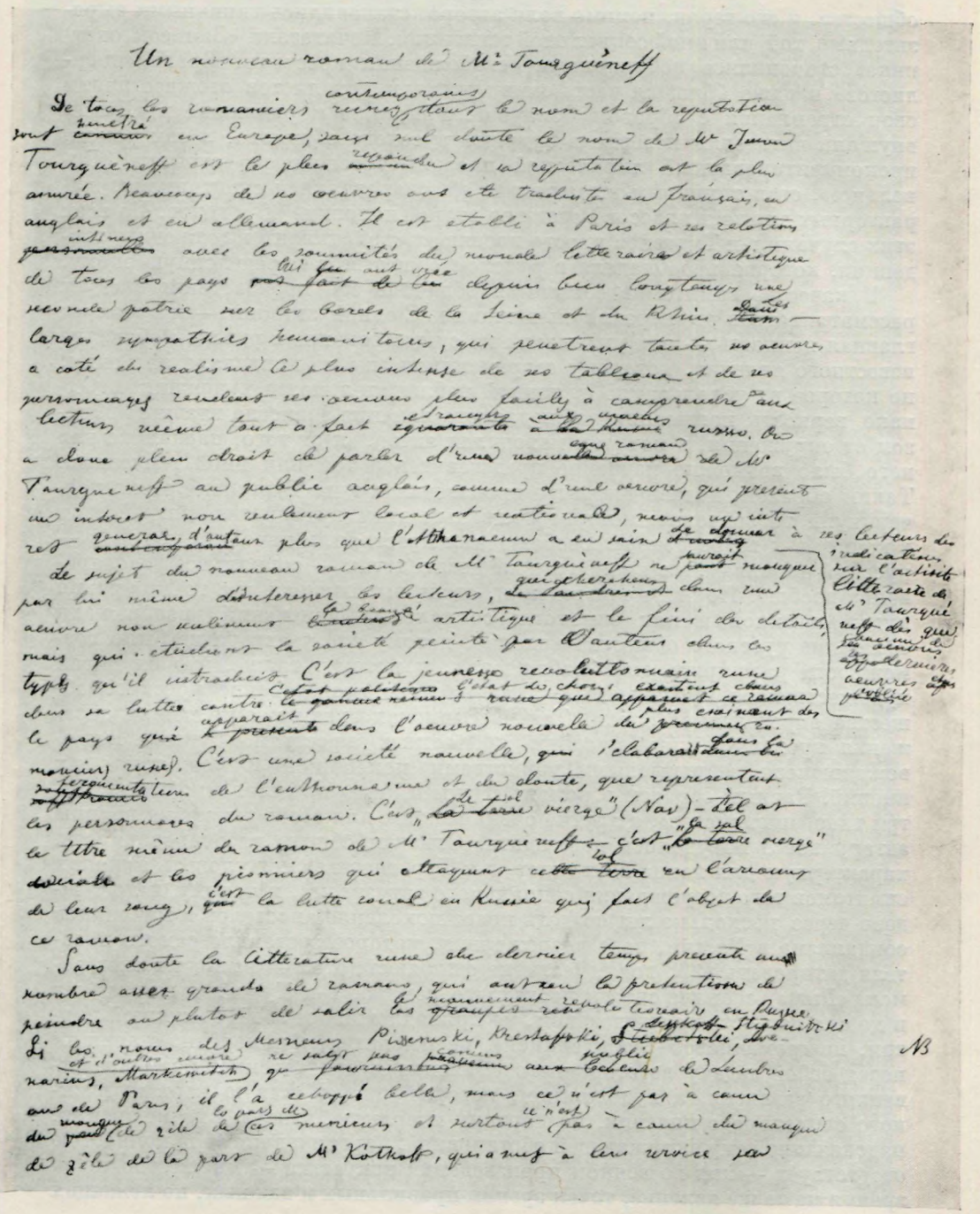
Без сомнения, русская литература последнего времени представлена довольно значительным числом романов, якобы изображающих, а вернее очерняющих, революционное движение в России. Если имена гг. Писемского, Крестовского, Лескова-Стебницкого, Авенариуса, Маркевича и многих других еще не известны лондонской или парижской публике — значит ей повезло; однако это объясняется отнюдь не недостатком рвения со стороны этих господ и, в особенности, со стороны г-на Каткова, который предоставил в их распоряжение свой журнал («Русский вестник»), хорошо известный непримиримой ненавистью к полякам, малороссам, прибалтийским немцам, к самым безобидным русским либералам и, вполне естественно, к наиболее радикальной части русской прессы и русского общества. Упомянутые мною романисты (я прошу извинения у Джорджа Элиот, Золя, Ауэрбаха за то, что применяю к этим господам название, которое может создать впечатление, что я ставлю их в ряд с этими уважаемыми именами) на протяжении примерно тринадцати последних лет изливают непрерывный поток брани на русскую революционную молодежь, которую они изображают как игрушку «польской интриги», как «Панургово стадо», как сброд глупцов и негодяев, как шайку воров, убийц, грязных развратников. Русского читателя, который в течение тринадцати лет поглощал в журнале г-на Каткова эту прелестную «литературу с тенденцией», должно быть сильно удивлял тот факт, что число этой молодежи, столь рьяно предаваемой, столь активно преследуемой явной и тайной полицией, приговариваемой судами к столь суровым наказаниям, возрастало с каждым годом и что в ходе процессов, постоянно заканчивавшихся приговорами к каторжным работам, было обнаружено лишь микроскопическое количество тех «ужасов», которые считались главной характерной чертой русского революционного движения. Впрочем, эта «литература с тенденцией» достигла намеченной цели: г-н Катков платил и до сих пор платит весьма

приличные гонорары поставщикам романов, которые обличают «польскую интригу» или «оргии нигилистов», а русская полиция, которая не блещет особой проницательностью, немало пользовалась более или менее прямыми доносами романистов, добровольно превратившихся в полицейских агентов; многие лица из числа самых безобидных подверглись преследованиям, арестам и еще того хуже потому, что на них указало русской полиции «верноподданническое» перо романистов — сотрудников г-на Каткова. Они вполне добросовестно исполняли свои обязанности тайных агентов.

Крайне прискорбно, что наряду с ними должен быть назван русский романист неоспоримого таланта, разум которого, однако, уже давно помутнен беспощадным недугом. Это г-н Достоевский, которого никто не поставит в один ряд с перечисленными мною выше дельцами, но который также давно уже ведет в своих романах упорную кампанию против русской революционной молодежи. Впрочем, он рисует ее в особой манере: превосходно умея изображать различные ненормальные душевные состояния, он показывает читателю целую галерею различного рода умалишенных. И поскольку возникает мысль, что он вообще не в состоянии создать героя с уравновешенной психикой, его революционеры-сумасшедшие (особенно в «Идиоте» и в «Бесах») не производят столь отталкивающего впечатления.

Когда говорят о г-не Тургеневе, то речь идет не о «романисте с тенденцией», а о художнике по преимуществу реалистическом. Его талант никогда не был на службе у какой-либо партии, у какой-либо идеи. Его поражает какое-то реальное течение, возникающее в окружающей среде; он схватывает характерные черты реальных лиц, вырабатываемых обществом в его историческом развитии; он вдыхает жизнь в персонажи, которых создает; он искренно симпатизирует этим лицам, которые обязаны ему своим существованием, и эта симпатия придает его сочинениям привлекательность, которую, пожалуй, один только Диккенс умел вносить в свои произведения.

Не раз говорили, что г-н Тургенев является выразителем той или иной политической тенденции, возникавшей в русском обществе. Сборник рассказов, принесший ему славу и названный им «Записки охотника», был расценен как одно из лучших выражений идей партии, которая требовала освобождения русского крестьянства. Много позднее, в разгар возникшего среди части русского общества оппозиционного движения, вдохновляемого группой «Современника», роман г-на Тургенева «Отцы и дети» рассматривался консерваторами как жесточайший удар по русским радикалам — «нигилистам», а вокруг главного героя этого романа, типичного представителя «нигилизма», немедленно возникла горячая полемика, ничего общего не имевшая с вопросами искусства. Спустя несколько лет другой его роман — «Дым» — вызвал нападки со стороны всех русских партий как произведение, проповедующее безнадежность и равнодушие ко всему, что делалось в России, и одинаково осуждающее как консерваторов, так и радикалов. Во всех этих восхвалениях и во всех этих нападках была доля истины и доля заблуждения. Весьма сомнительно, чтобы автор «Записок охотника» ставил себе задачу *проповедовать* с помощью своих рассказов освобождение крестьян. Он вовсе не собирался *проповедовать* против «нигилистов», создавая образ Базарова; он был очень далек от того, чтобы *проповедовать* индифферентизм и уныние в своем романе «Дым». Однако современные идеи влияли на г-на Тургенева тем сильнее, что в силу своей артистической натуры он был особенно впечатлительным, а его личные связи, заставлявшие его видеть разные элементы общества с определенной стороны и под определенным углом зрения, делали его суждения несправедливыми в отношении социальных явлений и групп, которые ему не удавалось достаточно близко наблюдать; создавая живые и симпатичные образы, он ярко освещал некоторые стороны русского



«НОВЫЙ РОМАН г-на ТУРГЕНЕВА». СТАТЬЯ П. Л. ЛАВРОВА О РОМАНЕ «НОВЬ»
Черновой автограф на французском языке, 1877. Лист первый
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

общества, и его герои, помимо воли автора, становились типичными выразителями той или иной социальной тенденции. Почитатели «Записок охотника» становились поборниками освобождения крестьян. Враги «нигилистов» и даже бóльшая часть самих русских нигилистов отождествляли свои стремления с образом Базарова. Генералы и радикалы в «Дыме» внушали читателям неверие в будущее русского общества, и сам роман, прокомментированный лирической прозой тургеневского отрывка «Довольно!», стал типичным выражением разочарования и скептицизма, характерных для всех классов России во второй половине 60-х годов. Во всех этих случаях г-н Тургенев просто посвящал свой талант выражению тенденции, которая преобладала в русском обществе в определенную эпоху.

В качестве симптомов состояния общества эти произведения следует рассматривать в двух различных планах. С одной стороны,— и в этом их главная ценность,— они указывали на существование в русском обществе известного явления, которому современники еще не придавали значения, но которое не ускользнуло от тонкой наблюдательности художника. Однако верность понимания наблюдаемого явления зависела главным образом от окружения, в котором находился автор, и от того, насколько для него было возможно изучение представителей той или иной тенденции. Таким образом, названные выше произведения г-на Тургенева резко подчеркнули то значение, которое с каждым днем приобретал для России в конце 40-х годов вопрос освобождения крестьян, в начале 60-х годов — русский нигилизм, а в конце того же десятилетия — социальное разочарование вообще. Но эти произведения, столь выдающиеся и с точки зрения художественной и как симптомы социальных изменений, изображали состояние русского общества неполно, потому что у автора не было возможности расширить свои наблюдения, и потому, также, что он писал художественное произведение, а не научное исследование русского общества определенной эпохи. Так, в «Записках охотника» не нашли отражения кровавые бунты русских крепостных крестьян, бунты, сопровождавшиеся непрерывными убийствами помещиков и поджогами их имений. Равным образом в романе «Отцы и дети» представлено лишь два-три типа «нигилистов», а другие очень важные для этого движения группы автору вовсе не удалось наблюдать. Отмечая общую разочарованность, характерную для конца 60-х годов, г-н Тургенев не смог уловить никаких симптомов того возрождения социального энтузиазма, которому было суждено через несколько лет создать новое поколение апостолов и мучеников социализма в России, того возрождения, которое заставило самого писателя датировать 1868 годом (если не ошибаюсь, это год выхода в свет романа «Дым»[1]) события своего последнего романа. Г-н Тургенев всегда был и до сих пор остается человеком, не принадлежащим к определенной партии, не «романистом с тенденцией», не мыслителем, намеренно ставящим перед собой задачу всестороннего объяснения определенной фазы общественного развития, а художником, который рисует живую картину важного социального явления, но картину неполную, взятую с точки зрения, подсказанной ему окружающей обстановкой, картину, в которой полностью отсутствует — как во всяком произведении искусства — множество точек зрения на то же явление, точек зрения правильных и важных, но лежащих вне горизонта автора.

Новый роман г-на Тургенева следует рассматривать под этим же углом зрения. Никто из сколько-нибудь знакомых с автором и его прошедшим не может подумать ни на минуту, чтобы г-н Тургенев был демагог, или даже чтобы он симпатизировал людям насильственного и кровавого переворота. Он как художник снова схватил здесь характерные черты современного русского общества. Он опять оставил в стороне многие точки зрения, входящие в рассматриваемый им вопрос. Он снова создал несколько живых

ПОРТРЕТЫ ЖЕНЩИН ИЗ ЧИСЛА ОСУЖДЕННЫХ ПО «ПРОЦЕССУ ПЯТИДЕСЯТИ», 14 МАРТА 1877 г.

Фотографии (монтаж), 1877

У каждого портрета — фамилия осужденной и приговор. В центре: «Осуждены, после двух лет одиночного заключения, за социально-революционную пропаганду» (весь текст на английском языке)

Литературный музей, Москва

«... из 52-х политических преступников—18 женщин!! А мне г-да критики говорят, что я выдумал Марианну, что таких личностей не бывает!» (Тургенев)

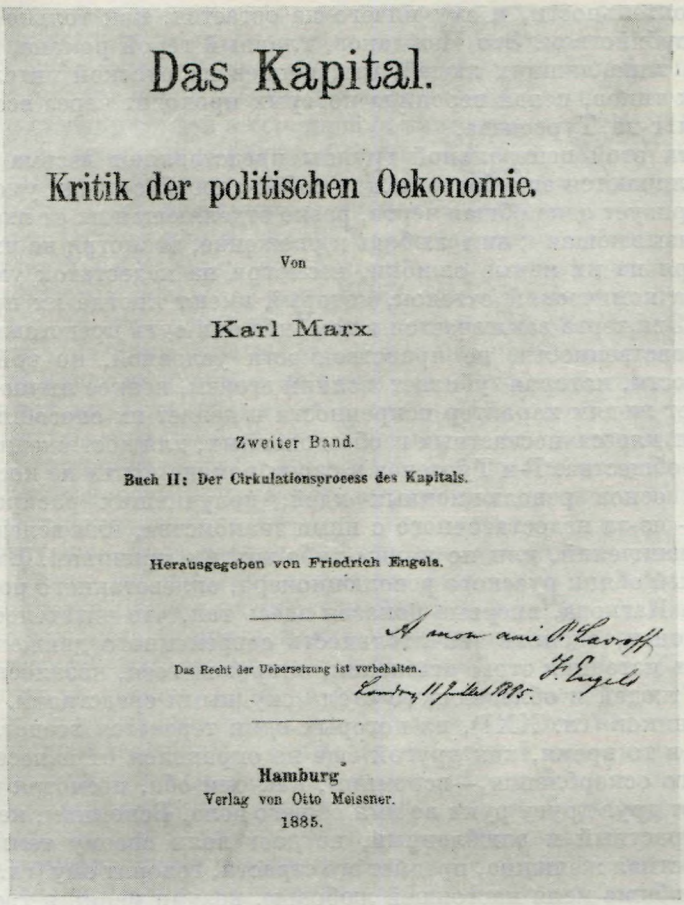
типов, которые навлекут на него ругательства одних, симпатии других. Он набросал несколько симпатичных или поразительных сцен, которые останутся в литературе. Укажу мимоходом на сцену ссоры и примирения двух соперников в главе XXI, на две полных глубокого психологического смысла сцены между героем и героиней романа в главах XXVIII и XXXIII и, наконец, на сцену самоубийства в главах XXXVI—XXXVII, не говоря уже о сцене между двумя женщинами в главе XXVI и о фигуре либерального сановника с его блестящими речами и его деятельностью, которая заканчивается шпионажем и полицейским доносом во имя гражданского долга в главе XXXV. Он создал несколько картин природы, какие мало кто из современных писателей способен создавать. Но я не буду останавливаться на всех этих деталях. В этом отношении уже предшествующие произведения г-на Тургенева показали всю меру его таланта; в этом отношении новый роман не лучше и не хуже предыдущих; к тому же для английского читателя, который не читал романа или прочтет его в переводе, пришлось бы выписывать большие отрывки, и все равно бóльшая часть прелести оригинала исчезла бы в переводе. Я буду говорить главным образом о значении нового романа как выражения русского общественного развития последних лет.

Господствующее впечатление, получаемое при чтении романа, заключается в том, что наблюдатель-художник был живо поражен важностью революционного движения среди русской молодежи. Группа, составляющая центр всего рассказа и привлекающая симпатии читателя, несмотря на свои недостатки,— это группа молодых людей, глубокие убеждения которых сделали их врагами порядка вещей, существующего в России. Они живут своим трудом; они горды своей бедностью; они ищут не выгодной карьеры или личного счастья; они хотят «служить» народу, подавленному господствующими классами; они хотят для него действительной свободы; они хотят поднять его против существующего строя. Типы революционеров, которые выводит г-н Тургенев, очень разнообразны. Тут и одержимый идеей революции желчный энтузиаст, человек с ограниченным умом, Маркелов; он доверяется людям, которые его предают, его схватывают и выдают властям те самые крестьяне, за которых он готов отдать жизнь. Тут и акушерка, революционерка, полная решимости, угловатая, скупая на слова, готовая, как солдат, выполнять получаемые ею приказы: передать письмо, принять участие в мятеже; это — Машурина. Тут и юная убежденная энтузиастка Марианна, героиня романа, которая отказывается от всех жизненных благ, чтобы «служить народу», которая жаждет революционной деятельности и мученичества за правое дело. Тут и уравновешенный революционер, который знает, как слаба еще партия, понимает невозможность такого скорого торжества революции, которого жаждут и на которое надеются его товарищи; но он знает также, «что нет другого пути» к достижению лучшего будущего для русского народа; постепенно он завоевывает неоспоримый авторитет среди этих людей; он умеет покорять друзей обаянием своей симпатичной личности, а врагов и равнодушных людей своим умственным превосходством; это Соломин, который пользуется, очевидно, полным сочувствием автора. Тут, наконец, и случайно попавший в среду революционеров студент-филолог, побочный сын вельможи, унаследовавший артистические замашки и скептицизм, что мешает ему близко сойтись с крестьянами и полностью отдаться делу революции; в глубине души он не верит ни в революцию, ни в свою деятельность; но он стыдится своего скептицизма, он старается заглушить его; он требует действий тем энергичнее и устремляется в революционное движение с тем бóльшим фанатизмом, что ему необходимо подавить в глубине собственной души тайное отвращение и терзающие его сомнения; но наступает момент, когда он больше не может сохранять иллюзий относительно своей мораль-

ной несостоятельности, и ему ничего не остается, как только покончить жизнь самоубийством. Это Нежданов, главный герой романа, новая разновидность типа лишних людей, отщепенцев из русской интеллигенции, один из тех типов, целая вереница которых проходит через все повести и все романы г-на Тургенева.

Личности этой центральной группы представляют весьма различные типы и различаются еще более между собой способностями, умом; но всех их характеризует одна общая черта, резко отделяющая их от людей другой группы, вызывающая к ним любовь и уважение, несмотря на их недостатки, несмотря на их явные ошибки, несмотря на недостаток ума у одних из них и на комический оттенок, который имеют иногда их приемы деятельности. Эта черта заключается в том, что они суть представители иной, высшей нравственности, не нравственности условной, но той глубокой нравственности, которая убивает всякий эгоизм, всякое личное вожделение, придает людям характер искренности и делает их способными на все жертвы для класса несчастных и обездоленных, для достижения лучшего устройства общества. Г-н Тургенев в своем романе почти не коснулся теоретических основ революционных идей, получивших распространение в России,— из-за недостаточного с ними знакомства, или вследствие цензурных ограничений, или по каким-либо другим причинам. Вместе с тем нравственный облик русского революционера, оклеветанного романистами школы г-на Каткова, впервые показан здесь так, что читательская масса может, наконец, оценить значительность современного движения в России, увидеть источник этого движения, опирающегося, казалось бы, лишь на горстку людей и обладающего столь скудными средствами. Вспомним двух соперников (гл. XXI), из которых один терзается всепоглощающей ревностью, в то время, как другой еще не оправился от нанесенного ему смертельного оскорбления,—вспомним, как они оба, несмотря ни на что, протягивают друг другу руки во имя общего дела. Вспомним, как молодой человек, страстный и влюбленный, не дает воли своему темпераменту, когда прелестная женщина, предмет его страсти, говорит ему (гл. XXVIII): «Если ты любишь меня настоящей любовью, возьми меня; я твоя»[2]; и он не смеет отдаться своему чувству, ибо в глубине души не уверен в том, что это — настоящая любовь, и не чувствует себя достойным. Вспомним двух женщин, противостоящих друг другу (гл. XXVI): верную супругу, не совершившую ни одной «ошибки», хотя она и доводила поклонников своим кокетством до самоубийства, и юную девушку, сказавшую человеку, за которым пошла беззаветно, не помышляя о браке: «возьми меня, если ты меня любишь». Вспомним, как она сказала той, «непорочной»: «Я уверена в том, что я гораздо честнее вас!» — и читатель не может не признать, что она права. Вся эта группа преобразователей общества дышит атмосферой чистоты, искренности, самоотверженности и уважения к честному труду. И даже, когда бремя оказывается для них непосильным, когда бóльшая их часть, не выдержав гнета, падает, мы готовы сказать вслед за автором: «Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». Да, говорим мы себе, не Маркеловым, Неждановым и Машуриным дано поднять русское крестьянство на восстание. Такие, как Соломин, могут подготовить почву, но и им не под силу разбудить крестьян. И *если* писатель прав, *если* в самом деле в настоящую минуту в лагере русской революции имеются лишь типы, подобные тем, что он описал, то до русской революции далеко, очень далеко.

Но прав ли он? Нет ли в наблюдениях писателя пробела? Не ускользнул ли от его внимания другой тип, тип революционера более оснащенного и деятельного, нежели его герои, более способного придать стремительность движению? Те, кто имел возможность ближе узнать русскую революционную молодежь, ответят, вероятно, на этот вопрос утвердительно. Впрочем,



Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Zweiter Band.

Buch II: Der Cirkulationsprocess des Kapitals.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

A mon ami P. Lavroff
F. Engels
Londres, 11 juillet 1885.

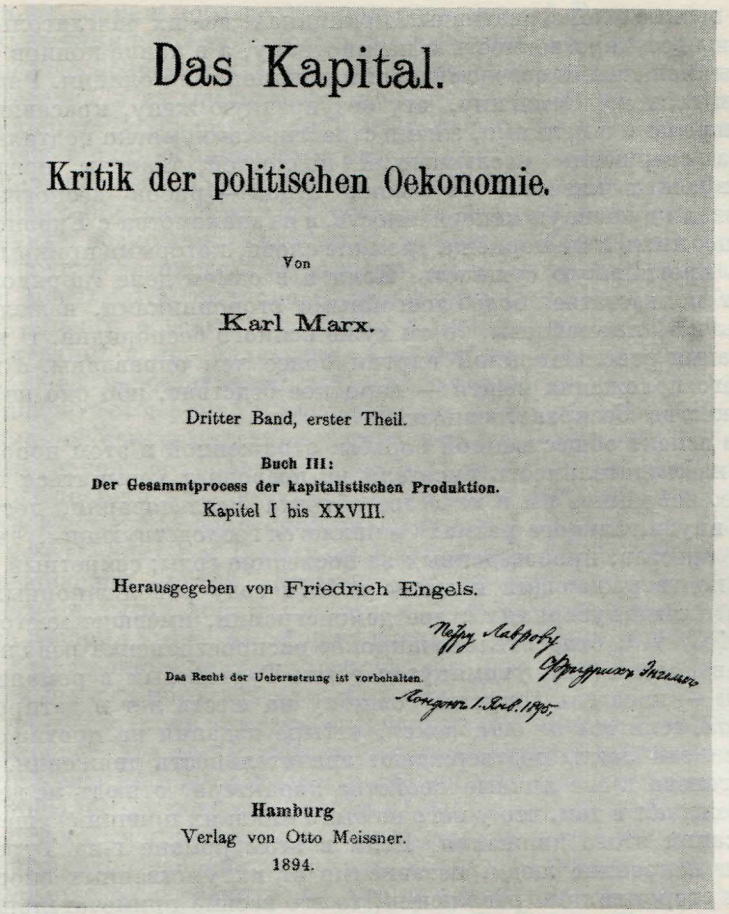
Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1885.

«КАПИТАЛ» КАРЛА МАРКСА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА П. Л. ЛАВРОВУ:
«Моему другу П. Лаврову. Ф. Энгельс. Лондон, 11 июля 1885» (на французском языке)
Титульный лист второго тома (Гамбург, 1885). Издание подготовлено Ф. Энгельсом
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

они ли правы, или другие, близко ли торжество революции, далеко ли, или оно вообще невозможно, прочитав роман г-на Тургенева, всякий будет вынужден признать, что изо всех группировок, которые писатель предлагает вниманию читателя, только эта обладает нравственной силой, не преследует эгоистических целей, не ищет наслаждений, свободна от личного честолюбия и готова трудиться с жаром и самоотвержением ради будущности русского народа. Всякому становится ясно, что только среди этих людей следует искать истинных друзей общественного прогресса.

Писатель противопоставляет им представителей революционной рутины, с одной стороны, а с другой — поборников государственного либерализма и ретроградную партию хищных собственников (мы здесь не останавливаемся на двух-трех представителях старой школы, которых автор ввел в свое повествование в виде эпизода и, на наш взгляд, совершенно неуместно). Вот перед нами Паклин, хвастун, который бранит все направо и налево, не годный ни к какому полезному действию, готовый на любой компромисс и заслуживающий, наконец, презрение товарищей, пострадав-



Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:
Der Gesammtprocess der kapitalistischen Produktion.
Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Петру Лаврову
Фридрихъ Энгельсъ

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Лондонъ 1. Янв. 1895.

Hamburg
Verlag von Otto Meissner.
1894.

«КАПИТАЛ» КАРЛА МАРКСА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА П. Л. ЛАВРОВУ:
«Петру Лаврову Фридрих Энгельс. Лондон. 1 янв⟨аря⟩ 1895 г.»
Титульный лист третьего тома (Гамбург, 1894). Издание подготовлено Ф. Энгельсом
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

ших из-за его безответственности. А вот Кисляков, революционный корреспондент à vapeur *, скачущий без причины и смысла из одного конца России в другой, рассылающий во все концы пачки писем,— ничтожество, всецело поглощенное самим собой. Вот Голушкин, тщеславный купец, спекулирующий революционными идеями и в минуту опасности предающий все и вся. Где-то, на заднем плане, ибо он так ни разу и не появляется на сцене, маячит деспотическая фигура предводителя революционеров, Василия Николаевича (писатель, должно быть, имеет в виду Нечаева), отдающего бессмысленные распоряжения и посылающего своих сторонников принимать участие в неосуществимых бунтах. Все это — пыль и мусор, забившиеся в новые машины и изнашивающие их прежде времени, мешая им успешно производить свою работу. С другой стороны, мы видим Сипягина, либерального оратора и будущего министра, и Калломейцева, защитника собственности и религии. Эти люди только и говорят, что о сво-

* стремительный (франц.).

боде и о великих консервативных принципах, все их разглагольствования посвящены государственности и патриотизму, а в конце концов они становятся обыкновенными осведомителями и шпионами полиции. Рядом с ними мы видим госпожу Сипягину, эту безупречную жену, красавицу с медоточивыми речами и мелкими, злыми страстишками, мягко подталкивающую мужа на свершение неслыханных подлостей. Таковы представители господствующих классов. От своих отцов — рабов деспотизма — они унаследовали душевную испорченность, а из знакомства с Европой почерпнули одно лишь лицемерие да громкие слова, которыми прикрывают свою насквозь прогнившую сущность. Если и в самом деле «порядок» на Руси не может похвастаться более достойными сторонниками, нежели господа Сипягины и Калломейцевы, то он хуже всякого беспорядка. В таком случае упования революционной партии более чем оправданы, а продление настоящего положения вещей — народное бедствие, ибо оно не что иное, как торжество безнравственности.

Таков аспект общественной борьбы, отраженной в этом новом романе. Острота наблюдательности писателя не позволяет усомниться в том, что движение, избранное им в качестве объекта исследования, достигло достаточно внушительного размаха и является господствующим. Число политических арестов, произведенных за последние годы; секретный циркуляр 1875 г., подтверждающий наличие в 1874 году революционных центров в тридцати семи губерниях[3]; две демонстрации, имевшие место в Петербурге в 1876 г.[4]; относительно широкое распространение революционных брошюр в России (так, упомянутая г-ном Тургеневым в романе «Хитрая механика» — писатель допустил ошибку на шесть лет в датировке ее — выдержала, если мы не ошибаемся, четыре издания на протяжении двух лет),— все эти факты подтверждают значительность движения. Прошлое г-на Тургенева и его личные свойства характера, отнюдь не демагогического, убеждают в том, что у него не было никаких причин сгущать краски при описании этого движения. Если в этом романе г-на Тургенева *все* честные и искренние люди, независимо от их умственных способностей, являются сторонниками революции, то это весьма примечательно, особенно когда речь идет об авторе, который в своем творчестве всегда подчинялся исключительно требованиям художественного реализма, чем и навлекал на себя нападки то одной, то другой партии. Без сомнения, английские читатели, знакомые с недавно вышедшей в свет работой г-на Д. Макензи Уоллеса о России, будут немало удивлены тем, что русский романист придает такое большое значение «foolish youth» * («Россия», II, 416), которой г-н Уоллес уделил всего несколько строк в двух толстых томах своего весьма добросовестного исследования, посвященного современной России[5]. Этим читателям самим надлежит решить, кто может с большей проницательностью судить о моральной и социальной ценности партий в России.

Можно предвидеть, что этот общественный роман навлечет на г-на Тургенева нападки еще более язвительные, чем те, которым он подвергался раньше. Русские либералы и ретрограды будут кричать о несправедливости, о клевете. Революционеры осудят его главным образом за сатирическое описание революционной среды, за нелепые положения, в которые он иногда ставит лучших представителей их партии, за ошибки в изображении революционной практики; в то же время революционеры недооценят ту моральную высоту, на которую г-н Тургенев поднимает их партию. Я сказал выше, говоря о прежних произведениях г-на Тургенева, что эти произведения представляют всегда неполную картину наблюдаемого им движения; это справедливо и для этого романа. Его личные отношения позволили ему наблюдать и выразить лишь одну сторону революционного движения в России. Было бы очень интересно проследить,

* легкомысленной молодежи (англ.).

какие стороны социального положения современной России ускользнули от взора художника, а какие он умышленно оставил в стороне, но это заняло бы гораздо больше места, чем то, на которое может претендовать настоящая статейка и за пределы которого я уже, вероятно, перешел. Итак, я вынужден отказаться от всякой попытки серьезно исследовать этот вопрос и должен буду ограничиться несколькими строчками в заключение.

Широкие связи г-на Тургенева с влиятельными лицами из среды русских правящих кругов и русского общества в целом дали ему полную и неограниченную возможность наблюдать различные типы русского консерватизма и государственного либерализма. Если он пришел к выводу, что эти партии могут быть достойно представлены Сипягиными и Калломейцевыми, то, значит, совесть художника заставила его признать, что это типы, характерные и преобладающие в настоящее время. Здесь он не мог погрешить из-за недостаточной осведомленности.

Совсем иначе обстоит дело с русскими революционерами. Изучение типов нелегальной конспиративной партии вообще сопряжено с большими трудностями, и вполне вероятно, что г-н Тургенев не имел возможности наблюдать их достаточно пристально. Этим могут быть объяснены некоторые ошибки в деталях, некоторое смешение движения 1863—1870 годов (именно о нем говорит г-н Тургенев) с движением 1873—1876 годов, носившим совершенно другой характер,— к нему-то и относятся многие лица и многие события романа. Этим же объясняется полное отсутствие, о чем я уже говорил выше, некоторых очень характерных и даже преобладающих в современном движении типов, которых художник не смог бы обойти, если бы ему довелось их наблюдать.

В заключение я хочу сказать следующее: из романа г-на Тургенева как будто следует, что по наблюдениям автора русский крестьянин и русский рабочий еще не подготовлены к восприятию революционной пропаганды. Если бы речь у него шла о 1868—1870 годах, может быть, он и был бы прав; однако участившиеся за последние годы аресты и осуждения значительного числа рабочих, крестьян, солдат, обвиняемых в революционной пропаганде, указывают на то, что за эти несколько лет в данном вопросе, как и во многих других, произошли изменения. Впрочем, все это частности, в целом же роман г-на Тургенева, который только что опубликован в январском и февральском номерах «Вестника Европы» и который, по-видимому, уже переводится в «Le Temps» [6], не только представляет эстетическое наслаждение, но и радует как опыт социального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Роман «Дым» был опубликован в «Русском вестнике», 1867, № 3; в 1868 г. вышло в свет отдельное издание романа.

[2] Лавров передает здесь в сокращенном виде следующие слова Марианны, обращенные к Нежданову: «Алеша, ты знаешь, что когда ты мне скажешь, как честный человек — а я тебе верю, потому что ты точно честный человек,— когда ты мне скажешь, что ты меня любишь той любовью... ну, той любовью, которая дает право на жизнь другого,— когда ты мне это скажешь,— я твоя». В последующих строчках, снова обращаясь к тем же словам Марианны, Лавров также передает их содержание, не стремясь к точности цитаты.

[3] Возможно, имеется в виду записка гр. Палена о результатах судебного следствия по делу о революционной пропаганде в 37 губерниях России, изданная за границей («Записка министра юстиции графа Палена. Успехи революционной пропаганды в России». Издание второе. Женева, типография газ. «Работник», 1875).

[4] Демонстрация учащихся 30 марта 1876 г. во время похорон народника-революционера П. Ф. Чернышева и демонстрация 6 декабря 1876 г. на Казанской площади.

[5] Речь идет о двухтомном труде Дональда Мэкензи *Уоллеса* (p. 1841) — «Russia» (1877), написанном им после шестилетнего пребывания в России. Наряду с верными наблюдениями, книга заключала в себе поверхностные суждения о русской жизни.

[6] Французский авторизованный перевод «Нови» под заглавием «Les Terres vierges» был напечатан в газете «Le Temps» с 24 января по 25 марта 1877 г.

И. С. ТУРГЕНЕВ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА*

Публикация редакции «Литературного наследства»
Примечания К. П. Богаевской

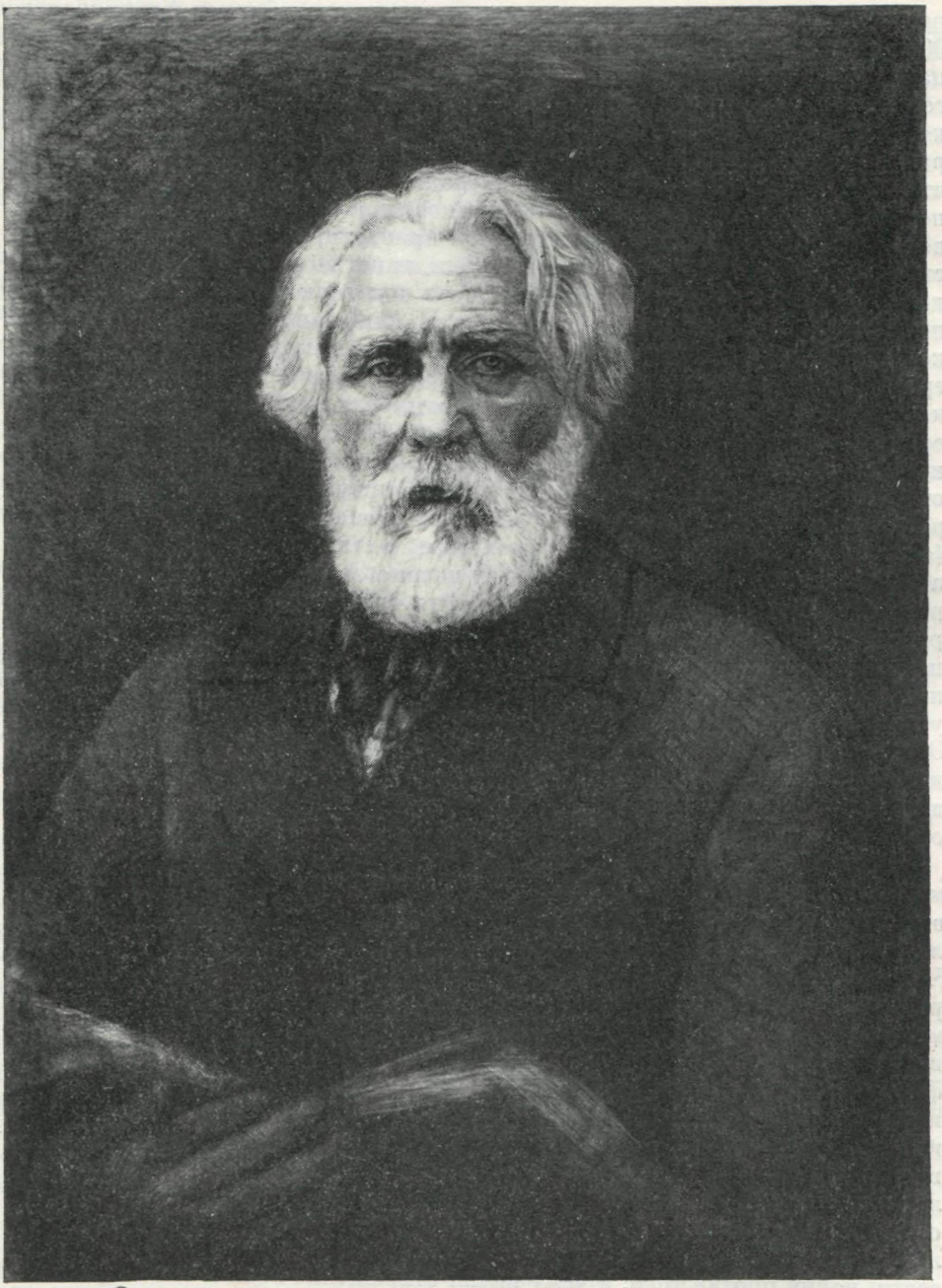
> ... я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы... то, что Шекспир называет: the body and the pressure of time.
>
> Изд. 1880, III, пред., V—VI[1]

И. С. Тургенев перешел в историю. Не прибавится ни одной новой строки к его произведениям, ни одного нового дела к его жизни. Эти произведения и эта жизнь лежат перед наблюдателем как законченное целое, которое можно и следует оценить, не опасаясь, что новое произведение художественного творчества, новый фазис изменчивой жизни, может прибавить к этому целому новую черту, может принудить наблюдателя к изменению оценки целого. Если в рукописях великого художника слова окажутся ненапечатанные отрывки, если появится на свет тот «дневник»[2], о котором он иногда упоминает, едва ли можно допустить, что эти посмертные откровения выкажут Ивана Сергеевича сколько-нибудь иным, чем теперь уже знают его по его литературным произведениям и по его разговорам.

Не о художнике и не о частном человеке имею в виду я сказать несколько слов здесь. Эстетической оценке не место на страницах «Вестника Народной Воли»; лишь более близкие к нему люди, чем я, имеют возможность и право говорить о различных сторонах его частной жизни, о различных проявлениях его личного характера. К тому же в этих двух отношениях, как мне кажется, мнение о нем установилось уже в форме довольно определенной оценки. Один из первых для нашего времени — если даже не первый — художников слова по ясности, цельности и красоте образов, по творчеству живых личностей, он оставил ряд произведений и галерею типов, которые вошли невыделимою составною частью в историю не только русского слова, но всемирного искусства. Он был человек «добрый» в самом точном и обширном значении этого слова и имел право не только во имя своего понимания, не только во имя своего художественного творчества, но во имя всей своей жизни написать слова о доброте (I, 353—354): «Да, одно это слово имеет еще значение перед лицом смерти. Всё пройдет, всё исчезнет, высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений, всё рассыплется прахом... „Всё великое земное разлетается, как дым...“ Но добрые дела не разлетятся дымом, они долговечнее самой сияющей красоты»[3].

Я имею в виду иную сторону его деятельности. И. С. Тургенев принадлежал к поколению, которое пережило едва ли не более значительное изменение в русском обществе, чем все предыдущие, не исключая, может быть, и того, которое было современником первой ломки российских обычаев при Петре I. Тогда ломка шла именно лишь в формах внешнего обычая, а строй общественной мысли оставался почти нетронутым; в последние полвека все элементы мысли и жизни общества в России подверглись самым коренным потрясениям, и старая Русь декабристов, Жуковского и первых годов Николая представляет предание, которое едва ли не так же трудно нам воскресить в его реальности, как французу современной третьей

* Мы печатаем первую часть статьи Лаврова «И. С. Тургенев и развитие русского общества» по «Вестнику Народной Воли», 1884, № 2. Вторая часть этой статьи широко известна. Она вошла в сборник Т. в восп. рев., стр. 20—79. Текст статьи сверен А. Л. Смоляк с автографом и правленной Лавровым корректурой, хранящимися в его архиве (ЦГАОР, ф. 1762, оп. 2, ед. хр. 357).—*Ред.*



ТУРГЕНЕВ

Офорт В. В. Матэ, 1883

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

В 1880 г. Тургенев позировал В. В. Матэ, который сделал ряд набросков, использованных им впоследствии для этого офорта наряду с фотографией М. М. Панова

республики пережить мыслию состояние духа якобинцев и жирондистов 90-х годов прошлого века. Это поколение, родившееся во второй половине царствования Александра I, видело еще ту эпоху, о которой Тургенев говорил в 1868 г.: «Время было тогда очень уже смирное» (I, 12)[4], настолько смирное, что автор «Ревизора» в 1836 г. не сознавал, что начинает литературную революцию, и коронованный капрал, Николай I, не сознавал, что своею высочайшею волею разрешал ей начинаться. Это поколение пережило литературный расцвет русского натурализма, который явился во имя эстетической правды борцом за правду нравственную и за достоинство человека, униженное рабством большинства населения России, раболепием и животными инстинктами ее господствующего меньшинства. Это поколение прошло через период пробуждения развитой доли меньшинства, когда ненависть к существующим порядкам николаевщины выразилась громадным развитием подпольной литературы, а ряд все умножающихся крестьянских бунтов доказывал необходимость изменения экономической организации общества, что фатально должно было повлиять и на все группы, недоступные прямому влиянию роста общественной мысли. Это поколение отпраздновало «именины сердца», ту кратковременную и призрачную эпоху реформ, когда «политические свободы» казались уже для оптимистов (а многие ли были тогда не оптимистами?) «так возможны, так близки», а тяжелое похмелье так скоро последовало за именинным пиром, внося раздор в среду «русских либералов». Это поколение увидело, старея, как ряды этих либералов редели, усиливая своими ренегатами ряды реакционеров и спекуляторов, из которых первые возобновили традицию Магницкого[5], вторые являлись на смену старых наивных взяточников со всеми усовершенствованиями европейских биржевых и акционерных порядков. Это поколение дожило и до того революционного движения русской молодежи, которое доказало, что на почве России существовал материал не для одних обломовых и гамлетиков, а в то же время расшатало все основы русского самодержавия.

Человек развитой и в высшей степени гуманный, И. С. Тургенев не мог оставаться безучастным к грозной эволюции русского общества, совершавшейся около него и к «быстро изменявшейся физиономии русских людей культурного слоя» (III, пред. VI)[6] под влиянием этой эволюции. Человек в полной мере «добрый», он мог вглядываться с сочувствием в хорошие стороны даже тех групп, которые не были для него симпатичны во многих отношениях. Первостепенный художник, он должен был стараться воспроизвести, воплотить в живые образы эту «быстро изменяющуюся физиономию», насколько он мог ее уловить в отдельных личностях, доступных его наблюдению. Но он пытался сделать и более. Под влиянием уважения и доверия, внушаемого многим его честною и гуманною натурою, и под влиянием собственного увлечения в нем от времени до времени проявлялось стремление деятельно участвовать в эволюции, совершавшейся около него. Эти случаи в его жизни были не особенно часты, но зато как любимый и влиятельный художник слова он мог в своих произведениях вести войну против того, к чему питал отвращение во имя своего развития; вести войну за то, что было ему симпатично. Еще более: в тех словах, которые поставлены эпиграфом этой статьи и которые писаны в августе 1879 г., И. С. Тургенев заявил, что ряд его главных произведений имел в виду «изобразить и воплотить в надлежащие типы... самый образ и давление времени».

Итак, он сознательно участвовал в процессе общественного преобразования, который совершался в русском обществе в его время; он сознательно в главных своих произведениях хотел быть не только художником, отражающим в образах, им созданных, верно и живо *некоторые* черты своего времени, но *общественным* художником, который уясняет «образ и дав-

ление времени» в его целом при помощи ряда живых разнообразных типов, ряда, охватывающего точно так же полно характеристические черты эпохи в ее целом, как всякий художник для создания отдельного типа живой личности охватывает все ее характеристические черты. С этой точки зрения общественного искусства И. С. Тургенев может подлежать оценке на страницах этого издания, хотя бы потому, что ни в одном легальном русском издании подобная оценка, высказанная прямо в связи с фактами современной истории русского общества, не была бы еще возможна.

Неподражаемая сила и живость, с которою наш романист мог создавать отдельные живые личности, не подлежит ни спору, ни сомнению. Но сделал ли он то же для «образа и давления времени», которое стремился «изобразить и воплотить»? Мог ли он даже по самому тому складу художественного творчества, которого он представил такие блестящие образцы, быть способным выполнить эту задачу? Мы постараемся это рассмотреть.

Художественное «изображение и воплощение» эпохи в ее целости требует ряда характеристических типов, которые были бы расставлены на разных планах рассказа соответственно их действительной роли в данную эпоху общественного развития. Для этого необходимы не только сила художественного творчества, не только ширина гуманного взгляда на людей и события, но еще весьма разностороннее наблюдение современной жизни данного общества, долгое и близкое общение с его главными деятельными группами. Необходимо и глубокое понимание тех процессов, которые перерабатывают личные типы, вызывают в обществе новые задачи, отодвигают прежние на второй план. Всего необходимее в последнем отношении склонность художника проникать воображением в процесс эволюции, связывающий различные фазисы психической жизни одной и той же личности в ее последовательных трансформациях, связывающий в этой личности идеалы и задачи жизни вчерашние с сегодняшними, связывающий в последовательных поколениях идеалы и задачи жизни отцов с идеалами и задачами жизни их детей.

Изучая самый способ творчества личных типов в ряде произведений Ивана Сергеевича, можно убедиться, что последнюю задачу он никогда и не мог себе поставить. Единственные факты развития личности, им подмечаемые, это — переход из детства к зрелости и особенно пробуждение женщины в девушке (преимущественно под влиянием любви). Но вне этого личности, им созданные с неподражаемою живостью, остаются без изменения во все время его наблюдения. Благоприятные или грозные компликации событий развертывают перед нами — иногда перед самими героями Тургенева — невидимые прежде в них черты характера; их ломают обстоятельства; но в основных своих чертах они *готовы* в первой сцене, когда нам их представляет их творец, и с теми же чертами они сходят со сцены. Мы не видим настоящих ренегатов, которые когда-то не позволяли думать, что они сделаются ренегатами. Мы не видим действительно очерствевших людей, которых мы знали неспособными к черствости; искренних сторонников развития, обратившихся в пошляков; слабых людей, в которых жизнь выковала твердость и решимость на дело. Во всех рассказах великого художника группы людей с определенными наклонностями сталкиваются при определенных условиях. Эти люди и остаются верны основным чертам своего характера в продолжение всего рассказа. Любовь женщины часто является развивающим, изменяющим элементом. Как заметил здесь верно один критик, «женщина особенно дорога Тургеневу, когда, преображенная чудом любви, она находится в состоянии страстного тяготения к чему-то великому и светлому, но неопределенному, далекому, туманному»[7]. Как только это «преображение» совершилось, и она остается неизменною. Драма совершается под влиянием внешних событий для всех ее участников. Она давит одних, ласкает других, но мы расстаемся с ними, оставляя их

с теми же существенными чертами характера, которые мы в них видели при первом знакомстве с ними, или при первом кризисе, их определившем. Может быть, эта особенность творчества Ивана Сергеевича сообщает еще более пластичности образам, им созданным, как свет, концентрированный на неподвижную статую, но она оставляет в стороне огромную область основного изменения в характере и в целях жизни, изменения, которое совершается очень нередко в личностях, иногда вырабатывает героя из весьма обыкновенного смертного, всего же чаще, путем едва заметных уступок и падений, доводит личность до мыслей и поступков, которые для нее были совершенно *невозможны* в прежнее время. Едва ли иной участник первой «Земли и Воли» начала 60-х годов не оскорбился бы совершенно искренно, если бы ему *тогда* показали его теперешнюю фигуру инженера-спекулятора. Едва ли иная даровитая анархистка не убила бы себя тому немногие годы, если бы ей *тогда* сказали, что она будет чувствовать «глубокую вражду» к людям, умирающим на виселице за свободу русского народа. Прогрессированье и регрессированье личностей под влиянием среды составляет один из весьма важных элементов драмы нашей жизни. Но для художника, ставящего себе целью воплотить в живые типы общественные явления, способность разглядывать и понимать эти процессы эволюции составляет совершенно необходимый элемент творчества, и тот, чье творчество личных типов направлено в иную сторону, может быть, окажется слабым в отношении способности уловить смысл общественных процессов именно потому, что он выкажет громадную силу в пластичной обрисовке личностей, удерживающихся на одном моменте своего развития.

Зная, что значительная часть жизни Ивана Сергеевича была проведена им за границею, можно предполагать, что лишь при необыкновенных условиях он был бы в состоянии приложить к современной русской жизни то разностороннее наблюдение, которое было бы ему необходимо для решения поставленной им задачи, и войти в долгое и близкое общение с главными деятельными при этом группами. Обширное знакомство, доверие, внушаемое характером Ивана Сергеевича людям самых разнообразных лагерей, и широкая гуманность, позволившая ему сохранить восприимчивость к самым различным направлениям, могли лишь отчасти пополнить эти недостатки, и великий романист чувствовал это. Он жадно прислушивался к тому впечатлению, которое производили его произведения на родине, волновался и унывал, когда они встречались недружелюбно, волновался и унывал потому, что не мог не сознавать возможности ошибок при недостаточном наблюдении и недостаточном общении с деятелями на родине, а в то же время понимал, что «изображение и воплощение в надлежащие типы» русской общественной жизни требует от общественного художника полного умственного общения с течением мысли в России. Ошибки и пробелы были почти неизбежны, и только тонкому нравственному чутью художника, ширине его взгляда мы обязаны, что ошибки эти были не значительно больше, а что иногда, напротив, он угадывал некоторые действительные явления русской жизни далеко вернее и шире, чем его сверстники, соперники его по таланту, но стоявшие далеко ниже его по развитию.

Само собою разумеется, что вне художественной деятельности общение Ивана Сергеевича с русским обществом в последовательных фазисах эволюции последнего могло и проявляться реже и представлять некоторые неровности, легко объясняемые как удалением его от России и отрывочностью его сношений с нею, так и влиянием той среды, в которой он пребывал более постоянно. К тому же здесь приходится пользоваться для сведений частными сообщениями, которые могут быть лишь случайными, а во многих случаях факты остаются неизвестными по неудобству для лиц, знающих дело лучше других, обнародовать то, что им известно. В этом отношении

личность И. С. Тургенева будет обрисована дополнительными чертами еще в будущем. Тем не менее и то, что до сих пор известно, представляет уже материал, который, по всей вероятности, будет лишь дополнен в будущем, но существенных изменений едва ли потерпит. Мои личные сношения с Иваном Сергеевичем были далеко не так часты и близки, чтобы я мог внести значительный вклад в эту картину, но, может быть, не лишним будет сообщить и в этом отношении две-три черты, на которые не было указано другими, а частью и не могло быть указано в легальной прессе.

Сделаем же краткий очерк того, как указанные выше фазисы эволюции русского общества, пережитые поколением, к которому принадлежал Иван Сергеевич, отразились в его произведениях и в его жизненной деятельности.

Иван Сергеевич мало останавливался на типах того «очень уже смирного времени», которое другой знаменитый его современник, Герцен, характеризовал следующим образом («Полярная звезда» VII, I):

«Россия *будущего* существовала исключительно между несколькими мальчиками, только что вышедшими из детства, до того ничтожными и незаметными, что им было достаточно места между ступней самодержавных ботфорт и землей — а в них было наследие 14 декабря,— наследие общечеловеческой науки и чисто-народной Руси... (113). Нравственный уровень общества пал, развитие было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни. Остальные — испуганные, слабые, потерянные — были мелки, пусты; дрянь александровского поколения заняла первое место... Под этим большим *светом* безучастно молчал большой *мир* народа; для него ничего не переменилось... Между этой крышей и этой основой дети первые приподняли голову... этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя (116)» [8].

Тургенев в своих воспоминаниях и в своей лекции 1859 г. о Пушкине назвал это время «смирным по духу и трескучим по внешности» (I, 13)[9] и спросил «на какой ступени общества тогда не царила пошлость?» (I, 37)[10]. Он сам принадлежал к тем «ничтожным и незаметным мальчикам», поколению которых было суждено «привести в себя ошеломленную Россию». Он упомянул (I, 8) о «свободных, чуть не республиканских убеждениях»[11] молодежи своего времени. Но в типах, им созданных, он воссоздал лишь одну сторону тех «кружков», из которых выработались первые протестанты против «царства пошлости» и против унижения человеческой личности.

Умственная и нравственная распущенность, дозволяющая в обществе это царство пошлости и это унижение личности, не могла исправиться сама собою. Новое поколение было воспитано в кружках, где дисциплинировалась слабая личность и выработывалась упражнением личность сильная. Первые, всегда наиболее многочисленные, всегда обреченные на отсутствие инициативы и самостоятельности в мысли и в жизни, могли только обменять обычай одного поколения на обычай другого, обычай царства пошлости и унижения личности на обычай протеста против этого царства. Но вторые, будущие борцы за лучшее будущее, могли совершить свое дело лишь при условии, чтобы их окружала хотя небольшая среда этих людей нового обычая, обычая протеста. Художник-наблюдатель не мог не подметить противоречия, представляемого многочисленными второстепенными участниками этого движения мысли, когда требования протеста, критики, самостоятельного развития повторялись людьми, слепо и почти бессознательно подчинявшимися новым формулам, не способными ни к какой самостоятельной и оригинальной деятельности. Художник-наблюдатель подметил и более сложное явление — фразеров, которые вырастали на этой почве нового обычая, фразеров, одаренных блестящей способностью формулировать новое течение, воплощать его в яркое и возбудительное слово, но не способных воплотить его в энергическое дело,

внести его в жизнь. Впоследствии, в воспоминаниях созревшего художника, как результат наблюдения жизненной несостоятельности этого самого многочисленного слоя, вышедшего из воспитательных кружков «ничтожных и незаметных мальчиков» первой половины николаевского времени, эти «кружки» вызвали образы преимущественно отрицательные. И вот Гамлет Щигровского уезда восклицает (II, 303 и след.):

«Кружок — да это гибель всякого самобытного развития; кружок — это безобразная замена общества, женщины, жизни. Кружок — это ленивое и вялое житье вместе и рядом, которому придают значение и вид разумного дела; кружок заменяет разговор рассуждением, приучает к бесплодной болтовне, отвлекает вас от уединенной, благодатной работы, прививает вам литературную чесотку; лишает вас, наконец, свежести и девственной крепости души. Кружок — да это пошлость и скука под именем братства и дружбы...; в кружке... ни у кого нет чистого, нетронутого места в душе; в кружке поклоняются первому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику... В кружке процветает хитростное красноречие; в кружке наблюдают друг за другом не хуже полицейских чиновников...» [12].

И не следует думать, что это для Тургенева *только* «преувеличения» Гамлета Щигровского уезда. В 1863 году, в фантастическом рассказе, где пред художником восстают сны человечества о прошедшем и настоящем, высасывая кровь и жизнь из человека, который сказал творческой силе этих снов: «возьми меня!», в этом рассказе истощающее действие этих «призраков» напоминает автору состояние, в котором он выходил «в четвертом часу ночи от московских приятелей, с которыми с самого обеда толковал о будущности России и значении общины» (VIII, 37) [13].

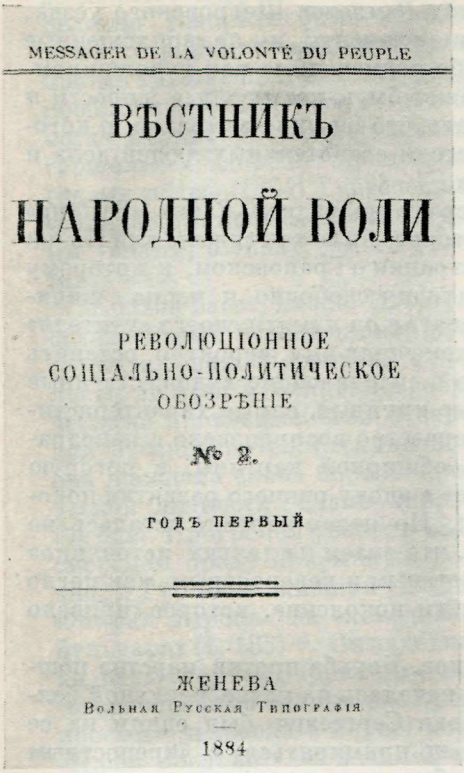
Как поразительный продукт этих «кружков» художник дал нам Рудина, этого «замечательно умного, хотя в сущности пустого» человека (III, 62), который мог вызвать в голове младших товарищей тот хаос, когда «белое казалось черным, черное — белым, ложь — истиной, фантазия — долгом» (III, 72) и который предсказывал себе: «Я кончу тем, что пожертвую собой за какой-нибудь вздор, в который даже верить не буду» (III, 110) [14].

Во всех тех изданиях «Рудина», которые мне удалось видеть, он умирает в июньские дни на баррикадах. Мне говорили, что в первом издании этого не было [15]. Мне кажется, что для психологической верности типа оно и совсем не могло быть, или могло быть лишь как случайность. Тип Рудина есть именно тот, который может выработаться и почти необходимо вырабатывается в периоды, когда новый поток мысли создает массу личностей, готовых идти за «вождем» во имя нового учения, и когда, вследствие этого явления, становятся вождями, рядом с теми, кто ведет на энергическое и самоотверженное дело, и такие, которые наслаждаются ролью вождей, направляют свой обширный ум и разнообразные способности на художественную выработку в себе типа вождя, но остаются неспособными на реальное дело. Эти обыкновенно на баррикадах не умирают.

Художник в своем личном творчестве имеет полное право создавать Рудиных, и Рудин Тургенева есть живая, типическая личность, характеризующая свое время. Оно характеризовано и теми статистами этого движения, которые будут подавлены средою, как Гамлеты Щигровского уезда, или обратятся в благоразумных практических Лежневых. Но общественный художник, который «воплощает в надлежащие типы образ и давление времени», видит не только это.

Сам Тургенев замечает не только это. Напомним слова Лежнева (III, 68 и след.):

«Вы представьте, сошлись человек пять-шесть мальчиков, одна сальная свеча горит, чай подается прескверный и сухари к нему старые-престарые; а посмотрели бы вы на все наши лица, послушали бы речи наши! В глазах



MESSAGER DE LA VOLONTÉ DU PEUPLE

ВѢСТНИКЪ

НАРОДНОЙ ВОЛИ

РЕВОЛЮЦІОННОЕ
СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

№ 2.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ЖЕНЕВА
Вольная Русская Типографія

1884

И. С. ТУРГЕНЕВЪ
и
РАЗВИТІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

... я старался, насколько хватало сил и умѣнія, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащіе типы... то, что Шекспиръ называетъ: the body and the pressure of time. Изд. 1880, III, пред. V—VI.

И. С. Тургеневъ перешелъ въ исторію. Не прибавится ни одной новой строки къ его произведеніямъ, ни одного новаго дѣла къ его жизни. Эти произведенія и эта жизнь лежатъ передъ наблюдателемъ, какъ законченное цѣлое, которое можно и слѣдуетъ оцѣнить, не опасаясь, что новое произведеніе художественнаго творчества, новый фазисъ измѣнчивой жизни, можетъ прибавить къ этому цѣлому новую черту, можетъ принудить наблюдателя къ измѣненію оцѣнки цѣлаго. Если въ рукописяхъ великаго художника слова окажутся ненапечатанные отрывки, если появится на свѣтъ тотъ „дневникъ", о которомъ онъ иногда упоминаетъ, едва-ли можно допустить, что эти посмертныя откровенія выкажутъ Ивана Сергѣевича сколько нибудь инымъ, чѣмъ теперь уже знаютъ его по его литературнымъ произведеніямъ и по его разговорамъ.

Не о художникѣ и не о частномъ человѣкѣ имѣю въ

«И. С. ТУРГЕНЕВ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА».
СТАТЬЯ П. Л. ЛАВРОВА
«Вестник Народной Воли» № 2. Женева, 1884
Обложка журнала и страница с началом статьи

у каждого восторг, и щеки пылают, и сердце бьется, и говорим мы о боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии — говорим мы иногда вздор, восхищаемся пустяками; но что за беда!»[16]

Да, мы узнаём их; это те мальчики, «ничтожные и незаметные», которые «первые приподняли голову». Они говорят не только «о боге и о поэзии», но и о свободе; не только «о будущности человечества», но и о страданиях русского народа, о возмутительности русского императорского самовластия. Это была среда, которая сделала возможными Грановских, Белинских, Герценов, Бакуниных, окружила их атмосферою, дозволившею им укрепиться и развиться, сделаться учителями и вождями поколений, создать свободный русский станок за границею, оставить свой неизгладимый след в революционных партиях Европы во имя характеристического изречения: «радость разрушения есть радость творчества». Широкая гуманность Ивана Сергеевича и его искренняя доброта побудили его вложить в уста Лежнева слова: «Рудину мы были тогда обязаны многим» (III, 68)[17]. Но рядом с Рудиным развивались в этих же самых кружках настоящие учители, развивались те, имена которых мы только что написали. Между теми, из которых художник почерпнул некоторые черты для «замечательно умного, хотя и пустого» Рудина, оказались и люди, способные в случае нужды умереть на баррикадах за дело, которому «верили». Если справедливо, что сцена

смерти Рудина прибавлена впоследствии, это есть невольное признание художника, что в кружках, выработавших Гамлетов Щигровского уезда, Лежневых и Рудиных, были весьма важные элементы, им не «воплощенные в надлежащие типы», были силы, им слабо подмеченные как художником, но весьма существенные. Тип Рудина, может быть, пострадал в живости и цельности от этой черты (если не допускать, что он умер за «вздор, в который даже не верил»), но выработка в России сознательных людей дела и энергической решимости была отмечена.

И Тургенев знал их. В Покорском стоит на заднем плане «Рудина» образ, навеянный Станкевичем, потеря которого была так тяжела для Ивана Сергеевича. Он оставил нам несколько страниц о Грановском, к которому «как к роднику близ дороги, всякий подходил свободно и черпал живительную влагу»[13]. Старательный этюд посвятил он памяти своего «учителя» Белинского[19]. Лишь цензурные условия помешали ему, вероятно, оставить воспоминания о Герцене и Бакунине. Но в «надлежащие художественные типы» он не воплотил эти личности, самые крупные, самые характеристические для этого периода. Его личное творчество воспроизвело с неподражаемою силою и верностью *один угол* обширной картины, в которую развертывались «образ и давление времени» в эпоху раннего развития поколения, к которому он сам принадлежал. Но целая картина осталась не нарисованною, и если мы забудем о том, что знаем из других источников о людях этого времени, нам покажется чудесным и невероятным, как могло из «кружков» гамлетиков и фразеров выйти поколение, которое «привело в себя ошеломленную Россию».

Тем не менее оно вышло из этих кружков. Борьба против царства пошлости и угнетения человеческой личности началась на почве реальной беллетристики и литературной критики. Иван Сергеевич был одним из ее участников. Он дал Аннибалову клятву «не примиряться» с «крепостным правом», причем под этим термином он «собрал и сосредоточил все, против чего решился бороться до конца» (I, 3)[20]. Мы можем теперь определить яснее область, которая подразумевалась под этим термином: это было не только унижение личностей раба и рабовладельца в процессе легального рабства: это было унижение личности русского интеллигентного человека перед мумиею чистообрядного православия, неспособного постоять ни за что и ни против чего; это было унижение личности члена русского общества перед архаическим самодержавием русского императорского правительства. Борьба началась. Идя на литературной почве, она устанавливала значение художника и требования художественной правды. Прежде чем в «Муму», или в «Постоялом дворе», в «Бригадире» Тургенев воплотил в вечно живые образы ужасы легальных крепостных отношений, он в критике «Фауста» Гёте (1845 г.) высказывал, что «у каждого народа... литературная эпоха... мало-помалу приуготовляет другие, более обширные развития человеческого духа» (I, 126). Он видел в «Фаусте» «чисто эгоистическое произведение», так как «для Фауста не существует общество, не существует человеческий род: он весь погружается в себя; он от одного себя ждет спасения» (I, 105 и след.). Он намекал, что «лишь в переходное, неопределенное время позволительно было поэту быть только человеком... пока не существует твердой почвы для человека, не любящего жить одними мечтаниями» (I, 205 и след.). Мефистофель для него — «бес людей..., которых глубоко смущает какое-нибудь маленькое противоречие в их собственной жизни и которые с философическим равнодушием пройдут мимо целого семейства ремесленников, умирающих с голода» (I, 206 и след.). Он ставил выше «„другой могучий образ“, пред которым бледнел и исчезал Мефистофель, это воплощенное проявление критического начала в ограниченной сфере отдельной личности» (I, 207). Тургенев поднимал вопрос: «...каким образом может человек, не выходя из сферы лично человеческого, дойти

до полного округления своего существования?» (213) [21]. Тогда более определенно говорить было нельзя, но читатели приучились разглядывать между строками жажду деятельности с обществом и для общества, борьбу против тяготеющих над литературой и над обществом сил. Это была эпоха пребывания Белинского в Петербурге и знакомства с ним Тургенева, эпоха, когда Белинский защищал мнение «черни» против Пушкина, что «печной горшок» ей «дороже» произведений искусства (I, 42) [22]. Лишь двадцатью годами позже (1864) Тургенев писал, что «искусство» и «красота» «сильнее» «народности, права, свободы, человечества» (VIII, 53) [23], но это было, как мы увидим, в эпоху самого болезненного уныния в его литературной деятельности.

Борьба заострялась. Идол реализма, автор «Мертвых душ», самый бессознательный революционер русской мысли, какие только бывают на свете, издал свою «Переписку с друзьями», и русские литературные натуралисты со всей публикою, пробужденною их критическими и беллетристическими произведениями, отвернулись от своего идола, доказывая тем, что для русской интеллигенции натурализм был лишь формою, под которою она жаждала слова борьбы против царства пошлости и унижения человеческой личности. Стало циркулировать громовое письмо Белинского к Гоголю. Прогремел февраль 1848 года. Умер Белинский, произнося в предсмертном бреду призывную речь к русскому народу. Настали июньские дни, и Тургенев, живший уже два года за границею, увидел ту «трагедию», которая выросла из «комедии», по-видимому, начавшейся на парижских бульварах (I, 133) [24]. Он находил, что ему «не приходилось драться ни по ту, ни по сю сторону баррикад» (там же), но он видел отражение битвы, слышал «веерообразные залпы» расстреливаний инсургентов, видел, наконец, того простого человека в блузе, которого он изваял для потомства в рассказе «Наши послали!». С началом «Современника», в первом номере которого появился «Хорь и Калиныч», началась его настоящая деятельность как романиста, и он вступил в число первоклассных европейских писателей. Из-за невинной статьи о Гоголе на него обрушилась бессмысленная, но тяжелая рука николаевского правительства и после двухнедельного ареста он отправился почти на четыре года ссыльным в свое именье [25].

Заметим здесь, что Иван Сергеевич в приведенном выше месте предисловия к своим большим повестям говорит лишь о воплощении в типы изменений «физиономии русских людей культурного слоя», а не народа и потому ему нельзя поставить в упрек, что он не начертил надлежащим образом нарождающийся тип кулака, который должен был сделаться столь характеристичным для русского общества последнего периода, а в Колупаевых и Расторгуевых другого великого современного писателя сделался теперь для читателя вполне знакомым. Симпатичный Хорь, мелодраматический Наум «Постоялого двора» и слегка очерченный Николай Иванович «Певцов» представляют наброски, которые и живы, и верны, но которые не дают ни малейшего представления о роли этого развивающегося класса в «образе и давлении времени» последнего периода.

В своей ссылке Иван Сергеевич написал «Рудина» [26] и дожил до нового царствования, которое доставило ему свободу, возможность снова ехать за границу и оттуда участвовать в тех «именинах сердца», которые праздновала тогда русская интеллигенция, полная надежд; эпоху, когда Катков был защитником английских свобод и «Русский вестник» читался молодежью чуть ли не с таким же удовольствием, как «Современник», который находился под руководством Н. Г. Чернышевского и в котором с 1857 года начал работать Добролюбов.

Оптимистические надежды охватили не только легальную Россию, но и эмиграцию. Герцен писал 18 февраля 1858 г.:

«Ты победил, Галилеянин! ... Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая,— а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России; он столько же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами — для великого будущего.— Имя Александра II отныне принадлежит истории» [27].

Еще 1 апреля 1861 г. основатель русской свободной типографии говорил: «Из дали нашей ссылки мы приветствуем его... именем *освободителя*!» [28]

Бакунин в 1862 г. печатал:

«19 февраля 1861 года Александр II был самым великим, самым любимым, самым могучим царем, который когда-либо царствовал в России».

И прибавлял:

«И теперь было бы еще не поздно... Теперь... за кем мы пойдем?.. За Романовым, за Пугачевым, или, если новый Пестель найдется, за ним? — Скажем правду; мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если бы Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского» [29].

Едва ли кому покажется удивительным, что И. С. Тургенев разделял эти увлечения. Зиму 1857—58 годов он проводил в Риме вместе с кн. В. А. Черкасским, В. П. Боткиным, гр. Н. Я. Ростовцевым и некоторыми другими русскими. Они «устроили сходки, на которых обсуждались все стороны этого жизненного вопроса» (о намерении правительства освободить крестьян), и результатом этих совещаний был план основания журнала, программу которого и объяснительную записку к которому писал Иван Сергеевич. Ее характер вполне соответствовал «именинному» настроению времени (см. «Русскую старину» за сентябрь 1883 г.) [30].

В «Записке» Ивана Сергеевича говорилось о «правдивой и честной попытке русского правительства устроить наш крестьянский и земледельческий быт», «о тайном и даже явном сопротивлении дворянского сословия», о расчете дворянства на комитеты «для утверждения и охранения того, что оно считает своими правами», о «власти, в настоящем случае недействительной и даже слабой, при всем своем вообще громадном могуществе». Для внесения «света в этот хаос» предлагалось средство:

«Оно состоит в возбуждении и призвании всех живых общественных сил к дружному содействию царю — следовательно, в возбуждении и призвании также и тех сил, которые до сих пор были поставлены в недоверчивое отдаление от правительства — и готовы теперь с радостью, открыто, безо всяких задних мыслей и тайных намерений, отдаться в распоряжение власти, явно стремящейся к водворению и упрочению общего блага. Эти силы — я назову их: это русская наука и русская литература...»

«Мы чувствуем, что мы можем быть полезны власти — и мы все проникнуты готовностью быть ей полезными, сослужить ей в настоящем случае посильную службу... мы идем к власти, не потому что она — власть, а потому что она желает истины и добра,— и не налагает на нас никакого отречения, не принуждает нас к лукавству. Мы верим ей; пусть и она поверит нам».

Журнал, которому имелось в виду дать скромное название «Хозяйственного указателя», должен был быть «исключительно и специально посвящен разработке всех вопросов, касающихся собственно до устройства крестьянского быта и вытекающих из того последствий» и должен был являться «адвокатом распоряжений правительства» и «пояснять его намерения». Успокоивая всячески «власть» на счет возможной опасности этого издания и доказывая его полезность для самого правительства, записка Ивана Сергеевича кончалась словами:

«Много темного оставило нам прошедшее; но выйти еще можно из темноты на свет, когда царь идет впереди своего народа. Связать его лучшие

«ПОСТОЯЛЫЙ ДВОР»
Из серии изданий С.-Петербургского комитета грамотности. СПб., 1881
Обложка и страница первая рассказа
Гравюры И. И. Матюшина и В. Ф. Адта по рисункам И. С. Панова

силы воедино и направить их к великой цели может только царь; и совершение этого подвига достойно того сердца и ума, в котором созрела мысль об освобождении русского крестьянина».

Кн. Черкасский взял записку с собой в Россию «на рассмотрение предержащих властей», которые, конечно, нашли все это «рановременным», а затем русский либерализм начал мало-помалу опохмеляться от «именин сердца».

К этой эпохе надежд и постепенного их разрушения относятся три из тех произведений Ивана Сергеевича, на которые нам следует обратить внимание. Это — «Накануне», «Гамлет и Дон-Кихот» и лекция о Пушкине, читанная для небольшой великосветской аудитории, но отрывки из которой Иван Сергеевич поместил в своих воспоминаниях[31]. Все эти произведения относятся к 1859 г. К этому же времени относится и первое — весьма, впрочем, не близкое мое знакомство с Иваном Сергеевичем по поводу чтений в пользу Литературного фонда, на первом из которых (10 января 1860 г.) он читал «Гамлета и Дон-Кихота», а потом способствовал устройству моих «Бесед о современном значении философии» в ноябре того же года в пользу того же фонда.

В своей лекции о Пушкине Тургенев напомнил «ложную величавость» официальной школы николаевского времени, где все «гремело, кичилось, считало себя достойным украшением великого государства и великого народа,— а час падения приближался» (I, 35 и след.). Он говорил о дальнейшей эпохе, когда «сила независимой, критикующей, протестующей личности восстала против фальши, против пошлости — а на какой ступени общества тогда не царила пошлость? — против того ложно общего, неправедно-узаконенного, что́ не имело разумных прав на подчинение себе

личности» (I, 37 и след.); об эпохе, когда «общество, пораженное внезапным сознанием собственных недостатков, предчувствуя другие, еще более горькие разочарования в будущем — которые и сбылись,— с жадностью обратило слух свой к новым голосам и принимало только то, что́ отвечало его новым потребностям. „Торквато Тассо“ Кукольника, „Рука всевышнего“ исчезли, как мыльные пузыри; но и „Медным всадником“ нельзя было любоваться в одно время с „Шинелью“» (I, 37). Лектор поставил, к негодованию своих невежественных слушательниц и слушателей, Белинского рядом с Лермонтовым и Гоголем. Литературная революция, предшественница политической и социальной, развертывала свое знамя и провозглашала свою традицию.

В «Гамлете и Дон-Кихоте» Тургенев выставил прямо догматически то превосходство людей смелого, самоотверженного дела над людьми эгоистического самоуглубления и неспособности к делу, которое в художественных формах составляет главное содержание «Накануне». Он признал за людьми типа Гамлета «вражду с ложью» (I, 345) и то, что их скептицизм не есть индифферентизм (там же), но он отметил, что они «одиноки», «бесплодны» и «бесполезны массе». Его возвышение Дон-Кихота,— я это очень хорошо помню,— показалось натянутым для публики и было большею частью отнесено к чему-то вроде литературного каприза. Но теперь, имея за собою прошедшие с тех пор почти четверть века и позднейшие произведения Ивана Сергеевича, читатель открывает иной смысл в словах, казавшихся тогда странными:

«Некоторая доля смешного неминуемо должна примешиваться к поступкам, к самому характеру людей, призванных на великое новое дело (I, 351)... Масса людей всегда кончает тем, что идет, беззаветно веруя, за теми личностями, над которыми она сама глумилась, которых даже проклинала и преследовала, но которые, не боясь ни ее преследований, ни проклятий, не боясь даже ее смеха, идут непреклонно вперед, вперив духовный взор в ими только видимую цель, ищут, падают, поднимаются и наконец находят (I, 343)... Попирание свиными ногами встречается всегда в жизни Дон-Кихотов — именно перед ее концом; это последняя дань, которую они должны заплатить грубой случайности, равнодушному и дерзкому непониманию... Это пощечина фарисея... Потом они могут умереть. Они прошли через весь огонь горнила, завоевали себе бессмертие и оно открывается перед ними» (I, 350—351).

Мне придется несколько далее припомнить читателю эти строки.

О «Накануне» пришлось бы здесь говорить много, если бы мое дело в этом отношении не было очень сокращено тем, что я могу указать читателю на страницы, писанные под живым впечатлением повести Ивана Сергеевича одним из тех людей «дела» того времени, в горячем слове которых осуществилось для России все *дело*, тогда возможное; одним из тех учителей молодого поколения, в каждой строке которых билась ненависть к существующему и жажда возрождения России, билась нарастающая революция. Это были учителя, руководители и духовные отцы лучших людей семидесятых и восьмидесятых годов. Я могу сказать читателю одно: перечтите статью Н. А. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» (Соч. Добролюбова, III, 277 и след.)[32].

Один из самых сильных и передовых умов эпохи оценил в этой статье с неподражаемой верностью значение типов, выведенных в повести, и «выразившиеся во всем ее строе общественную потребность дела, живого дела, начало презрения к мертвым принципам и пассивным добродетелям» (Соч. Добролюбова, III, 286). Он показал «живую связь» личности Елены «со всем нашим образованным обществом», ее жажду настоящего дела и ее невозможность довольствоваться тем, чем удовлетворяются даже «хорошие» люди около нее; ее мечты о достижении блага «без борьбы,

«ЖЕНСКАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ, НАЭЛЕКТРИЗОВАННАЯ РОМАНАМИ „НАКАНУНЕ“ И „ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ“».
Сатирический отклик на романы Тургенева и М. В. Авдеева
Карикатура неизвестного художника
«Искра», 17 марта 1861 г., № 10

без ущерба кому бы то ни было»; ее готовность идти туда, где есть это «настоящее дело». Если бы Добролюбов дожил до настоящего времени, он узнал бы Елену, отвечающую Инсарову (IV, 94): «Знаю», в той «русской девушке», которая, стоя на таинственном «Пороге», отвечает тоже: «Знаю... Я готова» (см. в конце этой статьи), не нуждаясь даже в той личной любви, которая проникала все существо Елены, сливаясь с ее исканием «настоящего дела».

Художник восклицал с Шубиным: «Нет еще у нас никого, нет людей, куда ни посмотри» (IV, 144). Он мрачно писал с Еленой: «Что делать в России?» (IV, 168). Только стихийным инстинктом Увара Ивановича он предсказывал: «Дай срок; будут» (IV, 144). Критик «Накануне» тоже писал: «Таких русских людей не бывает, не должно и не может быть», прибавляя, впрочем: «в настоящее время по крайней мере». Он, недавно написавший: «Что такое обломовщина?» и «Темное царство», с полным основанием мог сказать: «Русская жизнь сложилась так хорошо, что в ней все вызывает на спокойный и мирный сон и всякий бессонный человек кажется, не без основания, беспокойным и совершенно лишним человеком» (Соч. Добролюбова, III, 305 и след.). Он ясно противоположил «удобопонятную» задачу Инсарова, который мог сказать: «Последний мужик, последний нищий в Болгарии и я — мы желаем одного и того же» (IV, 66), и замыслы которого, по Добролюбову, «найдут сочувствие во всяком порядочном человеке» — «неудобопредставимой» задаче русского революционера перед сонным миром Обломовых, перед глухим

«темным царством», перед неуверенными ни в себе, ни в чем гамлетиками образованного общества, и перед народом, чуждым издавна тем самым людям, которые понимали его страдания, видели, куда надо идти, но могли выработать в России общность желаний и стремлений лишь ценою собственных «неудобопредставимых» дел, собственных страданий, ошибок, увлечений, ценою неисчислимых жертв, ценою собственной гибели. Добролюбов знал, что существует «круговая порука во всем, что делается перед его глазами» (Соч. Добролюбова, III, 311), и что зло, гнетущее Россию, может быть разрушено не отдельными кусками, а коренным, общим переворотом. Добролюбову нужны были не только фанатики с искренними и сильными убеждениями (I, 340). Он отбрасывал в сторону Дон-Кихота, отличительные черты которого — «непонимание ни того, за что он берется, ни того, что выйдет из его усилий» (Соч. Добролюбова, III, 107). Он требовал людей, для которых личное счастье было бы нераздельно со счастьем общественным, немыслимо без него, людей, способных при этом «броситься на поиск счастия, приблизить его к людям, разрушить все, что ему мешает» (Соч. Добролюбова, III, 310). Ему нужны были «русские Инсаровы» для борьбы с «врагом внутренним», со «средою». Он писал (Соч. Добролюбова, III, 321 и след.):

«От этой среды, от ее пошлости и мелочности и должны освободить нас новые люди, которых появление так нетерпеливо и страстно ждет все лучшее в нашем обществе...

...С... внутренним врагом ничего не сделаешь обыкновенным оружием; от него можно освободиться, только переменивши сырую и туманную атмосферу нашей жизни, в которой он зародился, вырос и усилился, и обвеявши себя таким воздухом, которым он дышать не может...

Возможно ли это?.. Да... Старая общественная рутина отживает свой век; еще несколько колебаний, еще несколько сильных слов и благоприятных фактов, и явятся деятели...

...Не долго нам ждать его (образа русского Инсарова): за это ручается то лихорадочное, мучительное нетерпение, с которым мы ожидаем его появления в жизни. Он необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в такт, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только концом другого дня. Придет же он наконец, этот день! И во всяком случае канун недалек от следующего за ним дня. Всего-то какая-нибудь ночь разделяет их».

Этот день настал. Новым Еленам не пришлось уже говорить: «Что делать в России?»

Ивану Сергеевичу принадлежит в «Накануне» большая литературная заслуга: он подметил и «воплотил в надлежащий тип» зарождение этой жажды к делу и отвращения от людей, к нему равнодушных, которое пустило корни в конце 50-х годов. Елена была действительно не только типом единично-художественным, но весьма важным литературным «документом» эволюции русского общества. Обставляющие ее типы были тоже характеристичны, и «Накануне» едва ли не более всех других повестей И. С. Тургенева удовлетворяло той задаче, которую он ставил себе в словах, принятых за эпиграф в этой статье. Но достаточно припомнить несколько строк из приведенной уже статьи Добролюбова, чтобы убедиться, что и здесь перед нами все-таки лишь высокохудожественное выполнение *одного угла* картины, которую частью дополняли другие талантливые современники Ивана Сергеевича. За «лучшими» людьми, за Берсеневым, за Шубиным, Курнатовским, Добролюбов видел еще многое (Соч. Добролюбова, III, 318).

«Там за ними начинается другой слой: с одной стороны, совсем сонные Обломовы, уже окончательно потерявшие даже обаяние красноречия, которым пленяли барышень в былое время, с другой, деятельные Чичи-

ковы, неусыпные, неустанные, героические в достижении своих низеньких и гаденьких интересов. А еще дальше возвышаются Брусковы, Большовы, Кабановы, Уланбековы, и все это злое племя предъявляет свои права на жизнь и волю русского люда».

Но Добролюбов умолчал и не мог не умолчать еще об одной группе, малочисленной, но особенно важной в данном случае, о группе, которой в «Накануне» мы не встречаем в обстановке Елены, но элементы которой мы видим смутно зарождающимися в ее душе. По сюжету «Накануне» относится к 1853 году. Конечно, люди конца 50-х годов тогда еще не действовали. Но женские и мужские первообразы Елен воспитывались и тогда не одною «болью о чужом страдании». У молодежи того времени были учители. Берсеневы приносили Еленам того времени и печатные статьи Белинского, и переписанное письмо к Гоголю, и стихи Некрасова, и «Кто виноват?», и напечатанное за границей «С того берега», и первые произведения русской подпольной литературы, получившей такое огромное распространение в последние годы царствования Николая. Литературная революция уже началась в России и, рядом с Еленами, выработавшимися на почве лично пережитой «боли о чужом страдании», целое поколение людей с меньшею инициативою, с меньшею способностью самостоятельной выработки убеждений, росло в традиции революции. Носители этой традиции, учители развивавшихся поколений, были теми людьми *дела*, которые поставили себе «неудобопредставимую» задачу «броситься на поиск общественного счастья, приблизить его к людям, разрушить все, что ему мешает», «переменить сырую и туманную атмосферу» русской жизни. Они боролись оружием слова, но в устах Белинского, Герцена, Некрасова, Чернышевского, Добролюбова слово было не только словом, но и делом. Оно было оружием подготовляющейся революции. Только их воспитывающее слово могло подготовить ту среду, в которой началось и то, что называют «делом» в более узком смысле. Слишком редки личности, которые, как Елена, могут воспитать в себе «презрение к мертвым принципам» и «потребность к живому делу» путем личного опыта и размышления; но и Елене нужен был человек, который указал бы, где «настоящее дело». Большинству нужны учителя и эти учителя, эти революционеры в области слова, составляли характеристический элемент русского общества в ту эпоху, когда должны были совершаться события «Накануне». Они составляли еще более заметный элемент в то время, когда Тургенев писал свою повесть. Условия цензуры затрудняли, конечно, воплощение этой черты в «надлежащие» типы. Но для картины того времени эта черта была настолько существенна, что без нее и немыслимо было бы дальнейшее общественное развитие русского общества.

Существовали самые зачатки практического дела. Правда, это были зачатки слабые, раздутые в нечто серьезное лишь полицейскими карьеристами, но все-таки зачатки. Петрашевцы сидели в «мертвом доме». Самое полицейское преувеличение рисовало для молодежи эту довольно невинную попытку как нечто весьма серьезное.

К концу 50-х годов революционный характер передовой литературы сделался уже так заметен, что возмутил упорных оптимистов, не отрезвившихся вполне от «именинного» настроения, и толкнул в реакцию иных вчерашних либералов. «Русский вестник» принял тот характер, без которого трудно теперь вообразить себе что-либо, до чего касается г-н Катков, нынешний руководитель воли Александра III. На страницах «Русского вестника» появились в 1861 году «Отцы и дети».

Но я считаю нужным прежде упомянуть об одном эпизоде из моих воспоминаний этого времени, не особенно важном, но относящемся к участию Ивана Сергеевича в тогдашнем общественном движении.

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ КИРСАНОВ, ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ОТЦЫ И ДЕТИ»
Акварель П. М. Боклевского, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

Осенью 1861 г., около эпохи «колокольного похода» и появления воззвания «К молодой России»[33], шли в петербургском литературном мире горячие толки об основании литературного клуба (который и был основан под фирмою «шахматного» клуба), и мне приходилось чаще обыкновенного бывать в собраниях молодых литераторов и нелитературной молодежи, группировавшейся около них. На одном из этих вечеров хозяин, мой близкий тогдашний приятель, литератор (и теперь здравствующий)[34], познакомил меня с молодым человеком, поляком, которого звали Бенни и который только что приехал тогда из-за границы. Этот же литератор мне говорил, что Бенни привез с собою разные бумаги от Тургенева и от Герцена (кажется) и, между прочим, я очень хорошо помню, что говорилось о «проекте конституции», написанном И. С. Тургеневым[35]. Ни одной из этих бумаг я не видал и не читал. Я был сотрудником «Отечественных записок» и редактором «Энциклопедического словаря». Меня считали очень умеренным. В «Современнике» и в «Русском слове» печатались против меня статьи. Я не считал себя в праве спрашивать, чтобы мне показали эти бумаги, а те, до кого дело относилось, не находили нужным сообщать мне подобные вещи. Тем не менее мне случилось присутствовать чуть ли не при последней минуте существования этих бумаг. Несколько позже, в период гонения на студентов, арестовали сходку их в квартире литератора Альбертини[36]. Узнал я это немедленно на вечере у одного бывшего правоведа (ныне почтенного сенатора[37], если он не умер, как до меня дошли смутные слухи), где был и Бенни и мой приятель литератор, меня с ним познакомивший. Бенни очень испугался полученного известия, опасаясь, по-видимому, тоже ареста. Высказана была необходимость сжечь бумаги, которые всё еще находились в кармане у Бенни (не знаю все ли, но, насколько помнится, тут тоже говорилось о проекте конституции Ивана Сергеевича). Мой приятель и Бенни удалились в другую комнату обширной квартиры хозяина, который охотно называл себя «чиновником-пролетарием». Там совершилось, по-видимому, ауто-да-фе. Так как весьма возможно, что до сих пор живы люди, которые

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ КИРСАНОВ.
ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ
«ОТЦЫ И ДЕТИ»
Акварель П. М. Боклевского, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

тогда не только слышали о существовании проекта конституции Ивана Сергеевича, но и читали его, то очень не худо было бы, если бы они сообщили то, что помнят об этом, так как самый текст, по-видимому, погиб. Мне не случилось говорить об этом с Иваном Сергеевичем, да я, признаюсь, никогда и не придавал особой важности тем проектам, которые писались в этот период «именинного» настроения. Но для биографии Ивана Сергеевича это имело бы свое значение. Бенни впоследствии участвовал в последней экспедиции Гарибальди и был убит.

«Отцы и дети» вызвали самую ожесточенную полемику в лагере передовой прессы, целую литературу объяснений и комментариев; сам Иван Сергеевич посвятил подобным комментариям в конце 60-х годов целую статью своих «Литературных и житейских заметок»[38]. Мы имеем, кроме того, его письмо по этому поводу к русским гейдельбергским студентам от 26/14 апреля 1862 года[39] («Общее дело», № 56); наконец, я слышал лично его объяснения в том же смысле. Так что теперь существует вполне достаточный материал для того, чтобы судить о действительном плане автора, о том, как поняли его различные группы его читателей в то время, когда «Отцы и дети» появились, и как он сам понимал свое произведение уже в 1862 году, остановившись и все укрепляясь в этом воззрении и впоследствии. Факт возбуждения «Отцами и детьми» такого движения мысли, которое они вызвали, указывает на их общественное значение, на то, что они затронули живой вопрос времени, но если автор и его читатели развиваются в разных средах, то нисколько не удивительно, что движение мысли у последних совершится в направлении совершенно ином, чем то, которое имеет в виду автор, а когда это движение достигнет известной силы, то его обратное воздействие на автора осветит для него его процесс творчества с новой стороны, остававшейся для него самого не сознанной во время его творчества, но потом нераздельно сливающейся с его представлением о собственном произведении.

Иван Сергеевич сам писал (I, 106): «Нужно постоянное общение с средою, которую берешься воспроизводить». При частом и все более продолжительном пребывании его за границею, это общение его с Россиею

неизбежно ослабевало. Он говорит (I, 97), что первая мысль его повести явилась у него за границею в августе 1860 г.[40]; появилась же повесть в марте 1862 г. Большую часть этого времени он провел за границею, а между тем в России все яснее становился раскол между либеральными группами тех, которые продолжали ждать от правительственных реформ блага для России, и тех, которые видели возможность чего-либо лучшего лишь в энергическом давлении общества на правительство, или даже в решительном революционном вмешательстве русской интеллигенции для изменения политического строя, неспособного к какому-либо добру для народа, хотя способного допустить разрастание всякого зла. Но и между последними те, для которых политические свободы по типу Тьера, Кавура или Пальмерстона составляли крайнюю мечту политического идеала для России, начинали враждовать с теми, которые понимали, что эти внешние формы свободы могли получить содержание для масс лишь при экономической эмансипации последних от нового рабства, наложенного капиталом на пролетариат, и стремились предотвратить для России печальный период капиталистической эксплуатации. Если И. С. Тургенев в своей лекции о Пушкине 1859 г. указывал, что уже в эпоху Гоголя «Медным всадником» нельзя было любоваться вместе с «Шинелью», то в эпоху Добролюбова это отрицание наслаждения в искусстве одною эстетическою формою должно было сделаться еще резче, обратиться для многих людей нового обычая в рутинный прием мысли и получить в иных случаях карикатурный характер. Иван Сергеевич мог предвидеть этот фазис, мог умом признать законность или фатальность его различных проявлений, но, оставаясь художником в душе, он не мог не возмущаться этими проявлениями. Он чувствовал, как он писал это в своем дневнике (I, 99, примеч.), «невольное влечение» [41] к растущей силе представителей общественного течения, которая отвертывалась от искусства и готова была отрицать его во имя общественных забот, как ко всякой честной силе, но это нравственное влечение соединялось невольно с эстетической неприязнью, и тип Базарова вырос из-под его пера как фатальное воплощение нового течения, как сила, о которой «думать нечего», а которую «надо слушаться или ненавидеть» (IV, 305). Перед нею все окружающее мелко, слабо и, частью, пошло; Базарова же «в пошлости никто бы не упрекнул» (IV, 252). Но эта сила «трагическая» («Общее дело», № 56, стр. 5). «Фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель» (там же); она влекла к себе того, который дал когда-то «Аннибалову клятву» и участвовал в войне против «царства пошлости», но она в то же время отталкивала художника своею «грубостью, бессердечностью, безжалостною сухостью и резкостью» (там же) и, независимо от воли автора, отталкивала от себя и читателя. К тому же в группе, которую Иван Сергеевич воплощал в Базарове, его, проникнутого влиянием западного европеизма, возмущали и некоторые другие стороны. Для него в западных теоретических учениях были догматические принципы, относительно которых он не мог сказать, что он «не принимает ни одного принципа на веру» (IV, 194). Его возмущали не только как дело «несвоевременное», но и как политическая ересь нападения «Современника» на «Кавура, Пальмерстона, вообще на парламентаризм, как на неполную и потому неверную форму правления» (I, 31). Его возмущало не столько самое нападение на дорогие для него догматы в эстетике и политике, сколько бесцеремонность «глумления», «излюбленного свистания» (I, 42) [42]. И это раздражение невольно переходило в краски, которыми он обрисовал Базарова, особенно же в те фигуры бессмысленных последователей нового обычая, которые составляли фон для главной фигуры, в личности этих ничтожных прихвостней силы, Кукшиных и Ситниковых, у

которых «вечно скребет на душе» (IV, 279). Впоследствии, когда Базаров стал мишенью для реакции, когда слово «нигилист» «было превращено в орудие доноса» (I, 104), когда типы «Отцов и детей» перешли в пошлые фигуры повестей Авенариуса, Писемского и даже под пером Гончарова обратились в карикатурную личность героя «Обрыва», когда Иван Сергеевич «замечал холодность, доходящую до негодования» в людях «близких и симпатических» ему и «получал поздравления, чуть не лобызания» от людей противного ему лагеря (I, 99), он возмутился против непонимания образа, им созданного. Он совершенно искренно утверждал, что он, «за исключением воззрений на художества,— разделял почти все его (Базарова) убеждения»[43]; что Базаров «честен, правдив и демократ до конца ногтей» («Общее дело», № 56, стр. 5); что вместо «нигилист» следует читать «революционер»; что вся повесть «направлена против дворянства, как передового класса», который «дальше благородного смирения или кипения» не доходит (там же). Для автора, в виду искажения типа Базарова в полемике партий и в трансформациях его тенденциозными реакционерами, давно исчезли из виду те слабые следы собственного раздражения, которые он невольно вплавил в грозную фигуру Базарова, а все живее выступало нравственное влечение к борцу против пошлости жизни. Но недостаток «постоянного общения с средою, которую он взялся воспроизвести», имел следствием, что повесть произвела и должна была произвести на ее читателей 1863 года совсем иное впечатление.

Базаров, Ситников, Кукшина были типы живые, взятые из действительности. Базаров был бесспорно силой, силой честной и революционной, а что около всякой новой общественной силы являются и должны являться несостоятельные, пошлые подражатели, было совершенно неизбежно. Итак, художник был прав как художник. Но если бы Иван Сергеевич вгляделся ближе в «среду» 1861—1862 годов в России, он сказал бы себе, что этой среде мало было дела до художественной правды, когда поэт выставил перед нею тип «нового человека». При борьбе партий, заострявшейся с каждым днем, при возникновении революционного брожения, первых прокламаций, университетских историй, ареста М.Л.Михайлова, при быстро развивавшейся около Каткова литературе доносов и нравственной грязи, вопрос был не в том, сила ли Базаров — это чувствовалось и противниками, и сторонниками революции,— не в том, действительно ли новое движение вызывает к жизни, между прочим, и конкретные типы, схожие с Базаровым, с Ситниковым, с Кукшиной; но в том, составляют ли эти типы ту характеристическую особенность нового движения, которая делает его движением за лучшее будущее, которая влечет к нему все лучшие силы молодой интеллигенции, вооружает против него всю общественную дрянь начала 60-х годов. Дело было в том, случайность ли для русского общества этих годов появление этой силы с ее неизбежными прихвостнями или они составляют необходимую ступень для дальнейшего развития русских Инсаровых, для которых «жизнь дело грубое» (IV, 82), составляют необходимое следствие предшествовавшего развития русской интеллигенции. Борцы за новое чуяли, что «Отцы и дети» могут обратиться в орудие против них, и никто из них не мог бы удивиться, как удивился Иван Сергеевич, если бы в 1863 году услышал обвинение «нигилистов» в пожаре Апраксинского рынка (I, 96)[44]. Но и реакционеры находили и могли находить, подобно Каткову, что это оружие ненадежное, что в могучей фигуре Базарова остается много нравственно-привлекательного для тех, кто поглубже вглядится в этот тип людей, «не принимающих ни одного принципа на веру» (IV, 194) и «отрицающих», потому что «в теперешнее время полезнее всего — отрицать» (IV, 222). Художник, создавший Базарова, «сам не зная, любил ли он или нет выставленный характер» (I, 102)[45], был прав как художник-инди-

видуалист, потому что создал живой тип, но он, как русский своего времени, свидетельствовал о своем недостаточном «общении» с русскою средою и ее жгучими вопросами дня: русские 60-х годов могли и должны были *или* страстно любить, *или* страстно ненавидеть то течение времени, которое воплощалось в типе Базарова, и нравственное возмущение среди борцов 60-х годов было неизбежно.

Но был ли он прав как художник общественный? «Воплотил ли он», как «стремился», по собственному сознанию, сделать это, «в надлежащие типы самый образ и давление времени»? Грозные, трагические силы Базаровых и карикатурность их подпевал Ситниковых и Кукшиных составляли ли характеристические черты общества этого времени? Если бы около Базаровых были *только* или даже *преимущественно* Ситниковы и Кукшины, да, пожалуй, бесхарактерные Аркадии, ищущие кого бы то ни было, кто держал бы их под башмаком, неужели возможно было бы воспитательное революционное действие на общество статей Чернышевского и Добролюбова? Неужели под «глумлением» над «принципами», под повальным «отрицанием», под «эгоистическим нигилизмом» поклонников Писарева (ср. «Underground Russia», америк. изд. 1883, стр. 14 и след.)[46] самым существенным, самым характеристическим признаком времени не был рост *положительных* убеждений, готовности на жертвы из-за этих убеждений, *серьезное* отношение к тому, что действительно было серьезно, *страстное* стремление к тому «настоящему дню», о котором писал Добролюбов, кончая разбор «Накануне»? Художник нарисовал с привычным ему мастерством опять-таки *угол* картины, но не воспроизвел «образ и давление времени». Ни в Базарове, ни в его обстановке не видно подготовления поколения тех пропагандистов и пропагандисток, которые понесли «благую весть» в народ как кузнецы, как фабричные работники и работницы, как сельские учителя и учительницы, тех Мышкиных, которые клеймили своим словом судей и прокуроров, тех Перовских, Осинских, Желябовых, которые шли умирать за идею на виселице. Точно так же нет для Базаровых предшественников, подготовивших их, ни в стариках Кирсановых, лучшая часть жизни которых заключается в «волшебном мире» воспоминаний, ни в старике Базарове, который, хотя и знал наперечет «тех-то, в южной армии, по четырнадцатому», но находил, что «его дело — сторона». Мы ничего не знаем о том накоплении ненависти к самодержавию, которая от «Аннибаловых клятв» Тургенева и молодых порывов Герцена переходила в разрушительный анализ Чернышевского и в страстное слово Добролюбова, чтобы позже вызвать фанатическое движение молодежи в народ и трагедию на берегах Екатерининского канала[47]. Поколения сменяются, их типы оказываются иными; художник-индивидуалист воспроизводит их с поразительною живостью; но художник общественный не говорит нам, совершается ли здесь чудо, или необъяснимая случайность, или логическая эволюция истории.

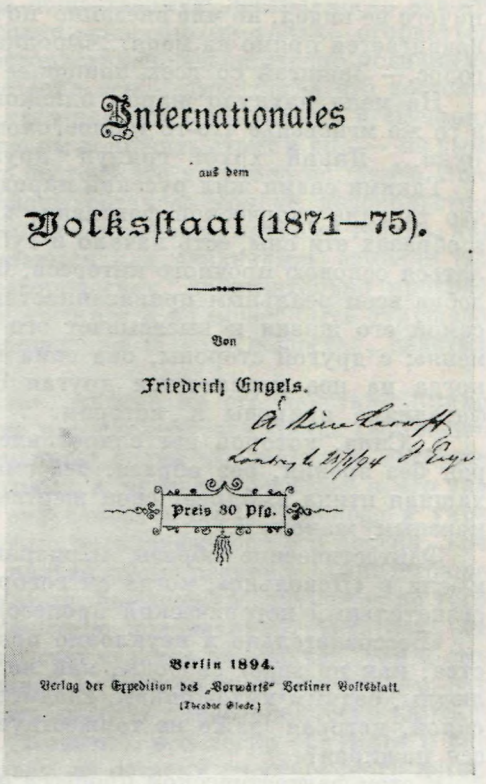
При подобном отношении к жизненным вопросам в России совершенно понятно, что Иван Сергеевич был глубоко угнетен тем, что последовало за 1863 г., и это подавленное состояние отразилось в группе произведений, таких как «Призраки» (1863), «Довольно» (1864) и «Дым» (1867). Именинное настроение в России рассеялось окончательно. Реакция открыто вступила в свои обычные права. Катков торжествовал и имел за собой значительную партию сочувствующих. Чернышевский пошел на каторгу. Председатель Литературного фонда подписывал адресы Муравьеву-вешателю[48]. Выстрел Каракозова перенес диктатуру последнего из Вильно даже в Петербург, и там гимны ему раздались уже не из уст какого-нибудь автора «Коляски» или неповинного в каких-либо идеях «Кузнечика-музыканта»[49], но из уст «музы мести и печали» [50]. Новое поколение внутренних ташкентцев-хищников[51] жаждало добычи. Сам Тургенев переживал

СБОРНИК СТАТЕЙ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА (БЕРЛИН, 1894) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ П. Л. ЛАВРОВУ:
«Петру Лаврову, Лондон, 25 января 1894 г. Ф. Энгельс» (на французском языке)

Титульный лист

Сборник состоит из статей Ф. Энгельса на международные темы, опубликованных в газете «Volksstaat» в 1871—1875 гг.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва



Internationales

aus dem

Volksstaat (1871—75).

Von

Friedrich Engels.

Preis 80 Pfg.

Berlin 1894.

Verlag der Expedition des „Vorwärts" Berliner Volksblatt.

тяжелое время, когда сознавал себя непонятым и не видел надежды на лучшее нигде: ни в реформах сверху, на которые так недавно все надеялось; ни в инициативе интеллигенции, которая, в одной своей доле, оказалась трусливою и неспособною к деятельной оппозиции, в другой,— все враждебнее отступала от союза как с конституционалистами-западниками, так и с помазанными елеем и постным маслом жалкими остатками славянофилов-народников; ни в народе, наконец, который оставался чужд политическим интересам.

Тем не менее этот народ, сближению которого с передовою интеллигенциею никогда не верил Иван Сергеевич, представлялся ему не смирным и примиренным со своею судьбою, но в «великую ночь», когда «можно видеть, что́ бывает закрыто в другое время» (VIII, 19), сны этого народа воплощались для поэта в грозное видение (VIII, 25 и след.):

«...вдруг возле самого моего уха раздался грубый бурлацкий смех — и что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться... с берега отпрянуло эхо — и разом и отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары весел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрып снастей и колес, и лошадиное скаканье, звон набата и лязг цепей, гул и рев пожара, пьяные песни и скрежещущая скороговорка, неутешный плач, моление жалобное, отчаянное — и повелительные восклицанья, предсмертное хрипенье и удалой посвист, гарканье и топот пляски... „Бей! вешай! топи! режь! любо! любо! так! не жалей!" слышалось явственно...

„Степан Тимофеич! Степан Тимофеич идет!" — зашумело вокруг — идет наш батюшка, атаман наш, наш кормилец! — Я по-прежнему

ничего не видел, но мне внезапно почудилось, как будто громадное тело надвигается прямо на меня... Фролка! Где ты, пес? — загремел страшный голос.— Зажигай со всех концов — да в топоры их, белоручек!

На меня пахнуло жаром близкого пламени, горькой гарью дыма, и в то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мне в лицо и на руки... Дикий хохот грянул кругом...»

Такими снами жил русский народ в фантазии поэта. Но поэт находил, что та сила творческой фантазии, которая способна дать ему пережить в образах эти сны, есть начало и губящее жизнь и само неспособное сделаться основою прочного интереса. Фантастическая Эллис ревниво враждебна всем реальным привязанностям и интересам поэта, она враждебна самой его жизни и высасывает его кровь, когда он ей сказал «возьми меня»; с другой стороны, она сама гибнет, обращается в «ничтожество», когда на нее надвигается другая стихийная сила реального процесса фатализма природы и истории.

«...Сила, которой нет сопротивления, которой все подвластно, которая без зрения, без образа, без смысла — все видит, все знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы, как змея их давит и лижет своим мерзлым жалом»[52].

Фантастические образы «Призраков» поэт перевел на язык точной мысли в «Довольно», когда он говорил о природе (охватывающей и бессознательный исторический процесс) (VIII, 55):

«Бессознательно и неуклонно покорная законам, она не знает искусства, как не знает свободы, как не знает добра... Где же нам, бедным людям, бедным художникам, сладить с этой глухонемой, слепорожденной силой, которая даже не торжествует своих побед, а идет, идет вперед, все пожирая?»

В этом фантастическом процессе поэту, подавленному современностью, казалось (VIII, 53—54) «страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко-неинтересна — и нищенски плоха». Эта жизнь представлялась для него одним бесцельным повторением бессодержательных действий:

«Те же самые грубые приманки, на которые так же легко попадается многоголовый зверь — людская толпа, те же ухватки власти, те же привычки рабства, та же естественность неправды — словом, то же хлопотливое прыганье белки в том же старом, даже неподновленном колесе»[53].

Это самое настроение мысли, в конкретном приложении к русской современности, автор высказывает и в «Дыме», развивая перед читателем процесс мысли Литвинова (V, 178 и след.):

«...все вдруг показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь — все людское, особенно все русское. Все дым и пар, думал он; все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же да то же; все торопится, спешит куда-то — и все исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул — и бросилось все в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и — ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последние годы... дым, шептал он, дым...»[54].

Само собою разумеется, что повесть, в которой он воплотил это воззрение в живые образы, не могла быть картиною эпохи, не могла быть «воплощением в надлежащие типы образа и давления времени», но разве лишь углом этой картины, углом, где с особенным мастерством восставали типы правительственных ташкентцев и пустых говорунов, рабов нового обычая, сродни Кукшиным и Ситниковым — хотя немного честнее, на что следует обратить внимание — а громадное пустое пространство между теми и другими наполнилось кем же? Потугиными, неспо-

собными ни на какую энергическую общественную деятельность защитниками «ци-ви-ли-за-ции»; Литвиновыми, способными только оторваться от личной страсти во имя личного достоинства, но недостаточно логичными даже для того, чтобы рассудить, что если все — дым, тогда это достоинство тоже — дым, а потому не для чего дорожить им (Санин в «Вешних водах», 1871 г., и не дорожит), если же им дорожить стоит и оно — не дым, то следует раскинуть умом, в чем же состоит это достоинство; далее Ириною, в которой от человеческой жизни осталось только недовольство; наконец, эксплуататором нового обычая Губаревым, который теперь, как руководитель людей, которого «слушаются или ненавидят», заменил Базарова. Силы нет нигде. Жизнь историческая, действительно прогрессивная, из этого общества улетела. У него нет и не может быть будущего. Людям, мечтающим о благе, о возрождении *такого* общества, действительно можно сказать: «довольно!».

Когда человек переживает болезнь, многие из его действий приходится ему не ставить на счет. Уныние и подавленность Ивана Сергеевича в этот печальный период были временною болезнью, которую нетрудно объяснить и действительными событиями в русском обществе и его удалением от России, не позволявшим ему заметить сохранившиеся и укрепившиеся живые силы общества и новые пробивающиеся его ростки. Точно так же как он в «Отцах и детях», влагая самые резкие и сухие выражения в уста Базарова в той сцене, когда он болезненно раздражен до того, что готов подраться с Аркадием, очевидно подсказывает читателю, что эту сцену Базарову *действительно* на счет ставить не следует, так и ему, автору, в общем развитии его общения с идеями и стремлениями русского общества, несправедливо ставить на счет односторонность картины общества, представляемой «Дымом». Конечно, это легко обдумать и сказать *теперь*, но тогда, в разгаре борьбы за остатки расстроенного лагеря искателей «настоящего дня», думалось и говорилось иначе. Я тогда из моей кадниковской ссылки очень жестко отнесся к автору «Довольно» и «Дыма». Не знаю, было ли ему известно, что неподписанная статья, в состав которой входил этот отзыв, принадлежит мне[55] (моя подпись, как ссыльного, была неудобна для редакции, и я даже не уверен, знали ли всегда редакции, что они печатают *мою* статью), или, может быть, Иван Сергеевич не обратил вовсе внимания на немногие страницы вступления и заключения в статье, содержание которой могло и не интересовать его,— но мы впоследствии, когда сошлись несколько ближе, никогда не говорили об этом, и он не дал мне заметить, знает ли он это. При первой нашей встрече за границей, в салоне весьма известного русского парижанина[56], при чем присутствовали В. Ф. Корш и г. Ханыков, Иван Сергеевич воспользовался первым удобным оборотом разговора, чтобы повести речь об «Отцах и детях» и горячо защищаться против неверного понимания этого произведения читателями и критикою. Так как я никогда не смотрел на Базарова, как на тенденциозную карикатуру, то мне было очень легко согласиться в этом с Иваном Сергеевичем, но я тогда же высказал ему, что я ставлю ему в вину его изображение в «Дыме» кружка Губарева и его поклонников, особенно в эпоху, когда группы, к которым можно было применять направление этого кружка, подверглись весьма ясно характеризованному гонению. Тургенев не защищался.

Замечательно, что «Дым», в котором изображение передовых кружков русского общества было гораздо одностороннее и гораздо менее привлекательно, чем в «Отцах и детях», вызвал сравнительно меньшее раздражение в этих кружках. Частью этому причину можно искать в том, что под ударами реакции они потеряли многих трусливых или рутинных защитников. Но может быть и то, что нельзя было не поставить на счет автору самую смелую для него картину кружка, дирижировавшего тогда

судьбами России, начиная с его молодых генералов разного типа, кандидатов на места министров и генерал-губернаторов и кончая «храмом, посвященным высшему приличию», с его «тайной тишиной» (V, 189), храмом, в котором злые языки узнавали будто бы приемную императрицы. За признание *этого* дымом, да еще очевидно зловредным, удушающим, Ивану Сергеевичу прощали многое. ⟨...⟩

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитата из предисловия Тургенева к собранию романов в издании сочинений 1880 г. (бр. Салаевых, М.).

В дальнейшем Лавров приводит тексты Тургенева по этому изданию с указанием в скобках тома (римскими цифрами) и страниц (арабскими).

[2] Дневник Тургенева за ноябрь 1882—январь 1883 г. опубликован в «Лит. наследстве», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 393—398. См. там же (стр. 365—392) статью И. С. Зильберштейна, в которой дана сводка сохранившихся данных о дневнике Тургенева за предшествующие годы.

[3] Цитата из статьи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот».

[4] Цитата из очерка Тургенева «Литературный вечер у П. А. Плетнева».

[5] Михаил Леонтьевич *Магницкий* (1778—1855) — попечитель Казанского учебного округа (1819—1826), прославившийся на этом посту своим ретроградством и изгнанием ряда передовых профессоров Казанского университета.

[6] Цитата из упомянутого предисловия Тургенева к романам.

[7] Источник цитаты не установлен.

[8] Цитаты из «Былого и дум» Герцена (ч. IV, гл. XXV — Герцен АН, т. IX, стр. 35 и 38; впервые: «Полярная звезда на 1855 год», кн. 1. Лондон, 1855).

[9] См. прим. 4.

[10] Цитата из лекции Тургенева о Пушкине 1859 г. См. прим. 31.

[11] См. прим. 4.

[12] Цитата из рассказа «Гамлет Щигровского уезда».

[13] Цитата из повести «Призраки» (гл. XXIII).

[14] Цитаты из VI и XI глав романа «Рудин».

[15] Конец эпилога романа о гибели Рудина на баррикадах впервые был напечатан в издании 1860 г., т. IV. См. об этом подробнее в статье М. О. Габель «Творческая история романа „Рудин“» в настоящ. томе.

[16] Цитата из VI главы «Рудина».

[17] То же.

[18] Цитата из очерка Тургенева «Два слова о Грановском».

[19] «Воспоминания о Белинском» 1869 г.— II глава «Литературных и житейских воспоминаний».

[20] Цитата из очерка «Вместо вступления» к «Литературным и житейским воспоминаниям».

[21] Цитаты (иногда неточные) из статьи Тургенева «Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург».

[22] Эпизод, рассказанный Тургеневым в «Воспоминаниях о Белинском».

[23] Цитаты из рассказа «Довольно» (гл. XIV и XV).

[24] Цитата из очерка «Наши послали!»

[25] Лавров здесь неточен: Тургенев был под арестом ровно месяц (с 16 апреля по 16 мая 1852 г.), после чего его выслали 18 мая в Спасское; окончилась ссылка писателя 23 ноября 1853 г., т. е. через полтора года (см. «Летопись», стр. 62, 63 и 71).

[26] Лавров ошибается: «Рудин» был написан не в период ссылки, а позже, в июне — июле 1855 г., во время летнего пребывания Тургенева в Спасском.

[27] Цитата из статьи Герцена «Через три года (18 февраля 1858 г.)», напечатанной в «Колоколе», 1858, л. 9, 15 февраля (Герцен АН, т. XIII, стр. 195—196).

[28] Цитата из статьи Герцена «Манифест», напечатанной в «Колоколе», 1861, л. 95, 1 апреля (Герцен АН, т. XV, стр. 52).

[29] Цитата из брошюры М. А. Бакунина «Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель?» (Лондон, 1862).

[30] «Записка об издании журнала „Хозяйственный указатель“» Тургенева, датированная: Рим. 9-го (21-го) января 1858 г. (с программой журнала), была впервые опубликована в «Русской старине», 1883, № 9, прилож., стр. 7—15 (XI, 434—443. См. также комментарий к ней, стр. 553—554).

[31] Отрывки из лекции о Пушкине включены Тургеневым в «Воспоминания о Белинском».

[32] Здесь и далее Лавров цитирует статью Добролюбова по изданию 1862 г. (под ред. Н. Г. Чернышевского. СПб.).

[33] Прокламация «Молодая Россия», написанная членом кружка Московского университета П. Г. Заичневским и распространявшаяся в мае 1862 г., призывала «ре-

зать помещиков» и «истребить» царскую семью. Она была отрицательно встречена Чернышевским и Герценом, считавшими ее призыв к оружию несвоевременным и ошибочным (см. статью Герцена «Молодая и старая Россия».— Герцен АН, т. XVI, стр. 199—205 и комментарии к ней — 411—412). Текст прокламации вошел в кн.: «За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. Составил Вл. Бурцев», ч. I. London, 1897, стр. 40—46.

[34] Лицо не установленное.

[35] Артур *Бенни* (1840—1867) — журналист и революционный деятель 60-х годов. Приехав в Россию из Лондона летом 1861 г., он отправился в путешествие по стране с целью сбора подписей под конституционным адресом Александру II. Из этой попытки ничего не получилось. Копия проекта адреса сохранилась в парижском архиве Тургенева; на ней надпись: «Проект адреса государю, писанный в 1860-м году. Он был вручен Бенни — но впоследствии истреблен» (Mazon, p. 60). Подробнее о Бенни и его поездке см.: письма его к В. И. Кельсиеву и к Герцену 1862—1863 гг.— «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 23—36, а также кн.: С. А. Рейсер. Артур Бенни. М., 1933, и комментарий к письму Тургенева редактору «С.-Петербургских ведомостей» от 14 (26) февраля 1868 г. в защиту памяти Бенни (XI, 530—531).

[36] Николай Викентьевич *Альбертини* (1826—1890) — публицист, сотрудник «Отечественных записок» и «Голоса»; впоследствии политический деятель, связанный с Герценом. Осенью 1861 г. предоставил свою квартиру для сходки студентам Петербургского университета, о чем стало известно III Отделению. Об Альбертини см. статью Б. П. Козьмина в «Лит. наследстве» т. 61, 1953, стр. 881—891, и стр. 78, 84 настоящ. тома.

[37] Лицо неустановленное.

[38] «По поводу „Отцов и детей“» — V глава «Литературных и житейских воспоминаний». Впервые напечатана в «Сочинениях» Тургенева. М., 1869, ч. I.

[39] Письмо Тургенева к гейдельбергским студентам от 14/26 апреля 1862 г. адресовано К. К. Случевскому.

[40] Цитаты из названной главы (см. прим. 38).

[41] Там же.

[42] Цитаты из «Воспоминаний о Белинском».

[43] Цитаты (не вполне точные) из названной главы (см. прим. 38).

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Лавров имеет в виду книгу С. М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» (первое изд. —Милан, 1882).

[47] 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале был убит бомбой Александр II.

[48] В апреле 1865 г. М. Н. Муравьев был возведен в графское достоинство. В связи с этим он получил множество приветствий от реакционной части общества. Председателем Литературного фонда в это время был Е. П. Ковалевский.

[49] Лавров имеет в виду книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847) и в особенности, вероятно, верноподданническую главу — «О лиризме наших поэтов».

«Кузнечик-музыкант» — поэма Я. П. Полонского (1859).

[50] 16 апреля 1866 г. на торжественном обеде в честь М. Н. Муравьева, назначенного председателем Верховной комиссии по делу Каракозова, Некрасов прочитал хвалебное стихотворение, посвященное Муравьеву, надеясь этим шагом предотвратить нависшую над «Современником» угрозу закрытия (см. В. Е. Евгеньев-Максимов. Жизнь и деятельность Некрасова, т. 3. М., Гослитиздат, 1952, стр. 301—304). Текст этой «оды» Некрасова остается неизвестен. В течение многих десятилетий ему приписывалось стихотворение другого автора («Бокал заздравный поднимая...»). Эта ошибка была опровергнута Б. Я. Бухштабом в статье «О „муравьевской оде“ Некрасова» («Каторга и ссылка», 1933, № 12; перепеч. в сб. «Некрасов в русской критике». М., Гослитиздат, 1944, стр. 183—189).

[51] Лавров намекает на сатирический цикл Щедрина «Господа ташкентцы», печатавшийся в «Отечественных записках» в 1869—1872 гг.

[52] Цитаты из повести «Призраки» (гл. XI, XVI, XXIV).

[53] Цитаты из рассказа «Довольно» (гл. XIII, XIV, XVI).

[54] Цитата из XXVI главы романа «Дым».

[55] Статья Лаврова «Цивилизация и дикие племена».— «Отечественные записки», 1869, № 9.

[56] М. К. Клеман предполагает, что под «русским парижанином» Лавров имеет в виду Г. Н. Вырубова (Т. в восп. рев., стр. 80).

ГЕРМАН ЛОПАТИН О ТУРГЕНЕВЕ

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

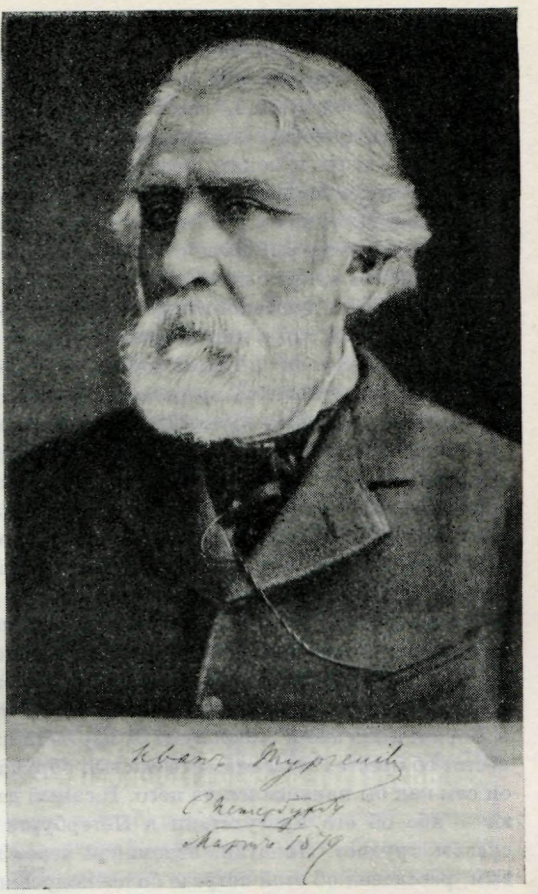
Вступительная статья и публикация А. Н. Дубовикова

Вопрос об отношении Тургенева к русскому революционному движению 70-х годов подвергался рассмотрению во многих книгах, статьях и публикациях, но несмотря на это он не может еще считаться до конца выясненным. Среди основных источников, на которые обычно опираются исследователи и комментаторы, наибольшую ценность (наряду с письмами и художественными произведениями Тургенева) представляют высказывания о нем и о его творчестве самих деятелей революционного народничества — П. Л. Лаврова, П. Ф. Якубовича, Г. А. Лопатина и некоторых других. К сожалению, такого рода высказываний сохранилось не очень много — почти все они были собраны М. К. Клеманом в небольшой сравнительно книжке «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников» (1930). За прошедшие с тех пор без малого четыре десятилетия фонд этих высказываний пополнился весьма незначительно [1]. В связи с этим особенную ценность приобретают публикуемые ниже материалы Лопатина, в первую очередь его статья о Тургеневе, написанная в октябре 1883 г. в форме открытого письма к издателю газеты «Daily News». До сих пор были известны только поздние воспоминания Лопатина о Тургеневе, сообщенные им в беседе с С. П. Петрашкевич-Струмилиной в ноябре 1913 г.[2] Новонайденная статья, написанная всего через пять недель после смерти Тургенева, в день его похорон, является документом значительно более достоверным и надежным, чем воспоминания, рассказанные Лопатиным через тридцать лет [3].

Автограф открытого письма Лопатина о Тургеневе был обнаружен нами в 1954 г. среди бумаг М. П. Драгоманова, входивших в состав «пражской коллекции» Герцена — Огарева, которая в то время находилась в ЦГАОР, а позднее была передана в ЦГАЛИ. Автограф занимает четыре листа почтовой бумаги, заполненных с обеих сторон характерным для Лопатина мелким изящным почерком; текст «письма» подписан его инициалами: «Н. L.». Автограф содержит несколько зачеркнутых слов и фраз, часть которых не поддается прочтению, а также небольшое количество исправлений, из которых в публикации отмечены лишь наиболее существенные.

1

Герман Александрович *Лопатин* (1845—1918), известный участник революционного движения 70—80-х годов, неоднократно подвергавшийся арестам и ссылкам, совершивший ряд смелых до дерзости побегов, познакомился с Тургеневым во второй половине 1873 г. После неудачной попытки освободить Чернышевского Лопатину удалось летом 1873 г. бежать из Сибири. Он сумел добраться до Петербурга и через некоторое время выехал под чужим именем за границу для встречи с Лавровым, налаживавшим в Цюрихе издание журнала «Вперед!». Приехав к Лаврову, Лопатин жил затем то в Швейцарии, то в Лондоне, то в Париже, выезжая при этом почти каждый год нелегально в Россию. Его знакомство с Тургеневым состоялось в Париже, очевидно, по рекомендации Лаврова.



ТУРГЕНЕВ

Фотография К. А. Шапиро. Петербург, март 1879 г., с автографической подписью писателя. Выполнена для альбома: «Портретная галерея русских литераторов, ученых и артистов с биографиями и факсимиле. Изд. фотографа Константина Шапиро» (СПб., 1880)

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

В марте 1879 г. Тургенев встречался с Г. А. Лопатиным в Петербурге

Первое упоминание о Лопатине встречается в письме Тургенева к Лаврову от 9/21 февраля 1874 г. Яркая и оригинальная личность Лопатина несомненно возбудила у Тургенева живой интерес, о чем свидетельствует другое его письмо к Лаврову, от 23 ноября/5 декабря 1874 г.: «Я видел здесь нашего несокрушимого юношу Л〈опати〉на; он умница и молодец по-прежнему и сообщил мне много интересных фактов — светлая голова!» В своих поздних воспоминаниях Лопатин рассказывал о Тургеневе: «Когда я бывал в Париже, всегда заходил к нему. Он интересовался моими рассказами о России, в особенности после моих странствий» (Т. в восп. рев., стр. 125—126).

Встречи их продолжались вплоть до 1879 г. В письмах к Лаврову этих лет Тургенев часто упоминает имя Лопатина. Через него он передает Лаврову свой ежегодный взнос в размере 500 франков для поддержки издания «Вперед!»; через него отправляет в январе 1877 г. Лаврову, жившему тогда в Лондоне, корректурные листы романа «Новь». Помимо этих деловых упоминаний, он порой просто выражает желание повидаться с Лопатиным, побеседовать с ним за обеденным столом. В биографических заметках о Лопатине, напечатанных впервые в 1888 г. и переизданных отдельной брошюрой в 1919 г., Лавров писал: «Он жил постоянно в Париже, где сблизился с Иваном Сергеевичем Тургеневым, который очень полюбил его 〈...〉 Он содействовал основанию Парижской библиотеки, был посредником между Тургеневым и ею, а также между ним и мною в период моего пребывания в Лондоне; через его руки большею частью проходили вклады, вносимые Иваном Сергеевичем на продолжение „Вперед!“»[4]. На других страницах этого же очерка Лавров отмечает, что Тургенев вместе с ним уговаривал Лопатина написать воспоминания о пережитом и что он угадывал в молодом революционере «блестящий литературный талант»[5].

Эти свидетельства Лаврова могут быть дополнены рассказом Г. И. Успенского, вошедшим в его автобиографическую заметку «Мои дети». Успенский вспоминает здесь, как он, будучи в 1875 г. в Париже, пришел вместе с Лопатиным к Тургеневу: «Такой горячей, умной, веселой, продолжительной беседы, которую возбудил Герман Александрович, я не видывал, и видел в возбуждении Ивана Сергеевича великую радость — знать и понять нового энергичного „русского"...»[6]

Дружеская симпатия Тургенева к Лопатину не была поколеблена и после того, как последний выступил в печати с решительным осуждением романа «Новь». В предисловии к вышедшему в Женеве в 1877 г. сборнику «Из-за решетки» Лопатин упрекал русскую художественную литературу в искаженном изображении участников революционной борьбы и их душевного мира. Не смешивая Тургенева с реакционными писателями, Лопатин считал, что и он содействовал своим романом «искажению образа нашего „мученика правды ради" в глазах нашего общества»: «Частью недостаток знакомства с последним движением и его представителями, частью условия нашей подневольной прессы принудили даже его избрать своими героями наименьше характерные и многочисленные типы и заставить их действовать самым несообразным, чтобы не сказать смешным, образом; вследствие чего у читателя невольно получается самое неверное представление как о внутренних мотивах, толкающих наших революционеров на избранный ими путь, так и о формах их деятельности и о степени состоятельности их упований»[7].

В 1879 г. Тургенев встретился с Лопатиным в Петербурге, куда тот приехал нелегально, под именем Севастьянова, решив, как он говорит в автобиографии, «переселиться в Россию». Петербургским властям стало известно о приезде «государственного преступника», и над ним нависла угроза ареста. Когда Лопатин навестил в гостинице только что вернувшегося из Москвы Тургенева, тот предупредил его об опасности и посоветовал немедленно покинуть Петербург. Об этом сообщил сам Тургенев по приезде в Париж в письме к Лаврову от 31 марта/12 апреля 1879 г., написанном в ответ на известие об аресте Лопатина: «Несчастье, обрушившееся на Лопатина,— было неизбежно; он сам как бы напросился на него. В самый день моего отъезда я умолял его уехать на юг — ибо об его присутствии в Петербурге полиция *знала*. Что теперь сделать — сказать трудно». Лопатин, вспоминая через много лет о своем знакомстве с Тургеневым, рассказал об этой встрече более подробно [8].

Приговоренный к ссылке и отбывавший ее сначала в Ташкенте, а затем в Вологде, Лопатин в феврале 1883 г. снова совершил побег и вскоре появился в Париже. Лавров поспешил уведомить об этом уже тяжело больного Тургенева, на что тот отвечал 12/24 марта 1883 г.: «Радуюсь благополучному возвращению Л⟨опатина⟩ и надеюсь скоро с ним свидеться, но мне еще так плохо, что ранее 5 или 6 дней это невозможно». Следующее письмо к Лаврову (оно оказалось последним), написанное 1/13 июня 1883 г., Тургенев тоже целиком посвящает Лопатину: «Так как мне последнее время словно полегчало и я стал способен если не говорить, то хоть слушать,— то не будете ли вы так добры, не попросите ли Лопатина зайти ко мне, когда ему вздумается (если хотите, конечно, и вы с ним) — и я бы очень ему порадовался». Получив это приглашение, Лопатин отправился в Буживаль и добился, чтобы его допустили к больному. Но Тургенев вновь находился в тяжелом состоянии и просил приехать к нему в другой раз. Стесненному в средствах Лопатину трудно было решиться еще на одну поездку в Буживаль: «Я ушел и все собирался съездить. Но... пять франков!Вы понимаете?.. и вдруг я узнаю, что он умер... а несказанное так и осталось несказанным» (Т. в восп. рев., стр. 122).

2

Через четыре дня после смерти Тургенева, 26 августа/7 сентября 1883 г., Лавров опубликовал во французской социалистической газете «Justice» письмо, в котором утверждал, что Тургенев по собственной инициативе поддерживал издание «Вперед!» денежными взносами по 500 франков ежегодно. Русская либеральная печать хранила молчание по поводу этого выступления Лаврова, до тех пор пока Катков не перепечатал (без комментариев) письмо Лаврова в передовой статье «Московских ведомостей», № 251,

10/22 сентября. Немедленно вслед за тем в либеральных газетах появились статьи с протестами против заявления Лаврова и «инсинуации» Каткова. Письмо Лаврова объявлялось в них «клеветой, возведенной на усопшего», а поддержка Тургеневым эмигрантов истолковывалась как филантропический акт, как проявление доброты и сердечности человека, который «не отказывал в помощи, когда просящая рука протягивалась к нему» («Новости», 1883, № 242, 12/24 сентября).

С решительным опровержением письма Лаврова выступил Стасюлевич, письмо которого в редакцию «Новостей» было напечатано в № 244 этой газеты 14/26 сентября. Опираясь на свое близкое знакомство с Тургеневым, Стасюлевич отвергал самую возможность оказания им помощи революционному изданию и бросал в адрес Лаврова недостойный намек, что он был подкуплен Катковым. В заключение Стасюлевич выдвинул свой главный козырь, которым не замедлили воспользоваться и другие либеральные публицисты. Он перепечатал текст письма к нему Тургенева от 21 декабря 1879 г./2 января 1880 г., в котором писатель заявлял, что он «всегда был и остался „постепеновцем", либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только *свыше*,— принципиальным противником революции...» (Соч. 1930, т. XII, стр. 405). В роли защитника «чести» покойного выступил и Я. П. Полонский, дополнивший аргументацию Стасюлевича еще одним соображением: «Он изучал нигилизм и всякие другие измы, как ученый доктор изучает гашиш (даже на себе пробует его действие), для того чтобы написать о нем ученую диссертацию» («Новое время», 1883, № 2711, 15/27 сентября). На страницах этой же газеты принял участие в полемике и Суворин (под псевдонимом «Незнакомец»). Объясняя «благодеяние» Тургенева его добротой и слабохарактерностью, а также «тяжелым положением, в котором находится русская эмиграция», он называл его денежные взносы Лаврову «милостыней». Соглашаясь с письмом «Незнакомца», редакция «Нового времени» нападала и на Каткова, и на Стасюлевича, упрекая последнего за слишком деликатное обращение с «лжецом и нахалом» Лавровым (там же, № 2709, 13/25 сентября и № 2711, 15/27 сентября).

В этой напряженной обстановке в кругу петербургских революционеров-народников созрело намерение выступить с прокламацией, которая должна была дать отпор реакционным и либеральным газетам и определить отношение к великому писателю со стороны революционной молодежи. Написанная П. Ф. Якубовичем прокламация была нелегально отпечатана и распространена в день похорон Тургенева. В ней с глубоким презрением и негодованием давалась отповедь и «нововременским флюгерам», «у которых за душой не имеется ни одного истинного, не продажного чувства», и «забитым в угол либералам», которым «ужасно хочется прицепиться к такому удобному случаю, как погребение Тургенева, и отвести свою наболевшую либеральную душу хотя бы в грандиозной демонстрации легального свойства». В заключительной части прокламации говорилось: «Г-ми Стасюлевичами, Я. Полонскими и комп., якобы друзьями покойного, опубликованы как письменные, так и устные мнения И. С. Тургенева о русской революции, в которую он будто бы не верил и которой не служил. Но мы и не утверждаем, что он верил. Нет, он сомневался в ее близости и осуществимости путем геройских схваток с правительством; быть может, он даже не желал ее и был искренним постепеновцем,— это для нас безразлично. Для нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь, признавал ее „святой" и самоотверженной...»[9].

Рядом с этим первостепенной важности документом мы можем теперь поставить неизвестную до сих пор статью Лопатина, в которой, тоже с позиций непосредственного участника революционной борьбы, дается широкая и принципиально обоснованная характеристика отношения Тургенева к революции.

История написания этой статьи подробно отражена в неизданных письмах Лопатина к Лаврову, сохранившихся в архиве последнего и находящихся теперь в ЦГАЛИ [10]. Эти письма в известной мере дополняют статью и освещают также обстоятельства, связанные с попыткой Лопатина опубликовать ее в английской газете. Ниже мы приводим все выдержки из этих писем, относящиеся к работе Лопатина над статьей о Тургеневе, сопровождая их необходимыми комментариями.

3

Почти весь октябрь 1883 г. Лопатин провел в Лондоне, что было связано в первую очередь с выполняемой им революционной работой — незадолго перед тем он взял на себя задачу восстановления партии «Народной Воли», для чего готовился к поездке в Россию. Вместе с тем его переезд в Лондон был вызван в какой-то мере и личными причинами — окончательным разрывом с женой, З. С. Корали (по первому браку Апсеитовой), которая осталась в Париже. Хорошо налаженная почтовая связь между Лондоном и Парижем (письма, как показывают почтовые штемпели, приходили на другой день после их отправки) облегчала Лопатину его переписку с Лавровым, которая протекала весьма интенсивно вплоть до отъезда Лопатина в Россию (он выехал из Лондона через Стокгольм и Гельсингфорс 26 октября и вернулся в Лондон 18 декабря 1883 г.).

3 октября 1883 г. Лопатин писал Лаврову:

«О письме насчет Тургенева подумаю, когда справлюсь с письмом к Зине, давящим меня как кошмар ⟨...⟩ К тому же мне хотелось бы взглянуть сначала на то, как вы выразили свое отношение к нему во внутреннем обозрении В⟨естника⟩ Н⟨ародной⟩ В⟨оли⟩» (л. 8—8 об).

Из этого первого упоминания явствует прежде всего, что инициатива в деле написания «письма насчет Тургенева» исходила от Лаврова. Сам он, ввиду того недостойного характера, который приобрела полемика вокруг его заявления, вынужден был отказаться от дальнейших публичных выступлений по этому вопросу [11]. Но он считал, очевидно, необходимым, чтобы в западноевропейской печати появилось прямое подтверждение тех фактов, которые он сообщил о Тургеневе в газете «Justice»,—тем самым широким кругам европейской общественности должен был стать ясен истинный смысл обвинений в лжи и клевете, которые выдвинула против Лаврова русская либеральная печать. Судя по приведенной выдержке из письма Лопатина, первоначально предполагалось, что некролог Тургенева для «Вестника Народной Воли» будет написан Лавровым. Очевидно, он, по тем же соображениям, отказался от этого, и некролог был написан Л. А. Тихомировым (см. его текст ниже, на стр. 248—249).

Получив на следующий день, 4 октября, письмо Лаврова, Лопатин отвечал ему:

«*Где* вас ругают и обвиняют во лжи? Только в русских газетах или и в *иностранных*? Почему вы рекомендуете мне „Pall Mall Gazette“? Ведь она, кажется, консервативная? Разве потому, что там работал Энгельс, который мог бы рекомендовать меня со стороны veracity*? Я, конечно, ничего не имею против письма в английские газеты; но мне нужен какой-нибудь повод или предлог для этого письма. Вот, если бы вы могли прислать мне какую-нибудь французскую газету, где ваше письмо было подвергнуто сомнению, это было бы недурно. Сверх того, боюсь, что мое письмо выйдет непременно очень длинным» (л. 9).

Нужно думать, что Лавров продолжал настаивать на своем предложении и ожидал от Лопатина более определенного, чем в его первом письме, ответа. Таким ответом и явилось письмо от 4 октября: в нем уже обсуждается практический вопрос, в какую газету его направить. В «Pall Mall Gazette», которую предложил Лавров, Энгельс действительно сотрудничал в прошлом — в 1870—1871 гг. он помещал там корреспонденции о франко-прусской войне. Лопатин давно находился в дружеских отношениях с Энгельсом, часто встречался с ним в Лондоне, и мысль прибегнуть к совету и содействию друга и соратника Маркса была для него вполне естественной.

Разговор с Энгельсом состоялся, и в результате его проект использования «Pall Mall Gazette», превратившейся к этому времени в реакционный орган, отпал. 6 октября Лопатин сообщает Лаврову о новом плане, выдвинутом младшей дочерью Маркса Элеонорой (домашние и друзья звали ее Туси),— с ней Лопатина связывала давняя дружба, возникшая еще летом 1870 г., когда он в первый раз появился в лондонском доме Маркса и когда Туси со всем рвением подростка взялась за обучение Лопатина английскому языку [12].

---

* правдивости (англ.).

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Надъ незарытой еще могилой поэта, у его свѣжаго трупа происходитъ настоящая свалка. Среди этого шума и гама громче всѣхъ раздаются голоса нововременскихъ флюгеровъ, у которыхъ за душой не имѣется ни одного истиннаго непродажнаго чувства, а въ головѣ никакой ясной полит. программы, кромѣ программы чуткаго прислушиванія къ вѣяніямъ времени. Въ годину небывалаго пригнетенія родины эти бульварные руководители общест. мнѣнія ударяются въ область красоты, искусства для искусства и какой-то якобы высшей правды внѣ условій мѣста и времени; во имя формы глумятся надо всѣмъ, въ чемъ просвѣчиваетъ ненавистная имъ революціонная мысль и чувство. Умеръ Тургеневъ—они и его привлекаютъ въ свои жирныя объятія, и его торопятъ отдѣлить ревнивой стѣной отъ всякой злобы дня, отъ русской молодежи, отъ ея идеаловъ, надеждъ и страданій; лицемѣрно преклоняясь передъ нимъ, лицемѣрно захлебываясь отъ восторга, они силятся доказать, что онъ былъ художникъ-поэтъ и ничего больше, пропагандистъ отвлеченной отъ жизни красоты и правды, и что въ этомъ будто бы и заключается его великое общественное значеніе.

Забитые въ уголъ либералы пытаются протестовать противъ такой узкой постановки вопроса; но съ другой стороны имъ ужасно хочется прицѣпиться къ такому удобному случаю, какъ погребеніе Тургенева, и отвести свою наболѣвшую либеральную душу хотя бы въ грандіозной демонстраціи легальнаго свойства. Они дрожатъ и трусятъ, какъ бы кто не вырвалъ у нихъ изъ рукъ этого предвкушаннаго наслажденія, и съ пѣной у рта ополчаются поэтому на Лаврова, опубликовавшаго извѣстное письмо, клянутся всѣми существующими клятвами въ чистотѣ своихъ помысловъ и намѣреній. Они забываютъ при этомъ даже то, что Тургеневъ, видя угнетеніе русской печати, не могъ не сочувствовать свободному слову. Этимъ объясняется и слабость ихъ протеста противъ нововременской характеристики Тургенева, какъ исключительно художника.

Но намъ, русскимъ революціонерамъ, нечего страшиться; для нашихъ цѣлей совершенно безразлично, великолѣпны будутъ похороны Тургенева или же нѣтъ: намъ важно не временное самоуслажденіе, которымъ способны удовлетвориться господа либералы, а осязательные, реальные факты, смѣлые и замѣтные шаги впередъ. Поэтому мы можемъ громко сказать, кто былъ Тургеневъ для насъ и для нашего дѣла. Баринъ по рожденію, аристократъ по воспитанію и характеру, „постепеновецъ" по убѣжденіямъ. Тургеневъ, быть можетъ, безсознательно для самого себя своимъ чуткимъ и любящимъ сердцемъ сочувствовалъ и даже служилъ русской революціи. Не за красоту слога, не за поэтическія и живыя описанія картинъ природы, наконецъ не за правдивыя и неподражаемо-талантливыя изображенія характеровъ вообще такъ страстно любитъ Тургенева лучшая часть нашей молодежи, а за то, что Тургеневъ былъ честнымъ провозвѣстникомъ идеаловъ цѣлаго ряда молодыхъ поколѣній, пѣвцомъ ихъ безпримѣрнаго, чисто-русскаго идеализма, изобразителемъ ихъ внутреннихъ мукъ и душевной борьбы,—то страшныхъ сомнѣній, то беззавѣтной готовности на жертву. Образы Рудина, Инсарова, Елены, Базарова, Нежданова и Маркелова—не только живые и выхваченные изъ жизни образы, но—какъ ни страннымъ покажется это съ перваго взгляда—это типы, которымъ подражала молодежь и которые сами создавали жизнь. Борцовъ за освобожденіе роднаго народа еще не было на Руси, когда Тургеневъ нарисовалъ своего Инсарова; по базаровскому типу воспиталось цѣлое поколѣніе такъ называемыхъ нигилистовъ, бывшихъ въ свое время необходимой стадіей въ развитіи русской революціи. Безъ преувеличенія можно сказать, что многіе герои Тургенева имѣютъ историческое значеніе. Глубокое чувство сердечной боли, проникающее „Новь", и замаскированное мѣстами тонкой ироніей, не уменьшаетъ нашей любви къ Тургеневу. Мы вѣдь знаемъ, что эта иронія не иронія нововременскаго или катковскаго лагеря, а сердца любившаго и болѣвшаго за молодежь. Да къ тому же не съ подобной ли же ироніей относимся теперь сами мы къ движенію семидесятыхъ годовъ, въ которомъ, несмотря на его несомнѣнную искренность, страстность и героическую самоотверженность, дѣйствительно было много наивнаго?...

Г. г. Стасюлевичами, Я. Полонскими и комп., якобы друзьями покойнаго, опубликованы какъ письменныя, такъ и устныя мнѣнія И. С. Тургенева о русской революціи, въ которую онъ будто бы не вѣрилъ и которой не служилъ. Но мы и не утверждаемъ, что онъ вѣрилъ. Нѣтъ, онъ сомнѣвался въ ея близости и осуществимости путемъ геройскихъ схватокъ съ правительствомъ; быть можетъ, онъ даже не желалъ ея и былъ искреннимъ постепеновцемъ—это для насъ безразлично. Для насъ важно, что онъ служилъ русской революціи сердечнымъ смысломъ своихъ произведеній, что онъ любилъ революціонную молодежь, признавалъ ее „святой" и самоотверженной...

Катковъ съ нами согласенъ. Согласно и правительство, разославшее 17-го сентября по всѣмъ петерб. редакціямъ циркуляръ слѣд. содержанія: „Не сообщать рѣшительно ничего о полицейскихъ распоряженіяхъ, предпринимаемыхъ по случаю погребенія И. С. Тургенева, ограничиваясь сообщеніемъ лишь тѣхъ свѣдѣній по этому предмету, которыя будутъ опубликованы въ офиціальныхъ изданіяхъ." (№ 3359).

ПОРОГЪ.

Неопубл. «Стихотвореніе въ прозѣ» Тургенева.

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь; за дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... Русская дѣвушка.

Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины зданія медлительный, глухой голосъ.

„О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?"

—Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

„Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обида, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?"

—Знаю.

„Отчужденіе полное, одиночество?"

—Знаю... Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

„Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?"

—Да... и отъ нихъ.

„Хорошо. Ты готова на жертву?

—Да.

„На безымянную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить."

—Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

„Готова ли ты... на преступленіе?"

Дѣвушка потупила голову.

—И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

„Знаешь ли ты, заговорилъ онъ наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?"

—Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

„Войди!"

Дѣвушка перешагнула порогъ—и тяжелая завѣса упала за нею.

—„Дура!" проскрежеталъ кто-то сзади.

—„Святая!" пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

Лет. тип. «Н. В.» С. Петербургъ 25 сент. 1883 г.

«И. С. ТУРГЕНЕВ»

Прокламация народовольцев. СПб., 25 сентября 1883 г.

Распространялась в Петербурге в день похорон Тургенева. Текст написан П. Ф. Якубовичем. В прокламации впервые опубликовано стихотворение в прозе «Порог»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Отвечаю, как всегда, немедленно. 〈...〉 В „Pall Mall" теперь другая редакция, с которой Engels не имеет никакой связи. Но Туси может сунуть туда через Aveling'а [13]. Она же предлагает сунуть в „Daily News" (конечно, не ручаясь вполне за успех ни в том, ни в другом случае). Но говорит, что письмо должно быть *коротко* и притом написано как можно *скорее*. Но в том-то и загвоздка, что я не умею писать коротко...» (л. 10).

В следующем письме, датированном 9 октября, Лопатин отвечает на какие-то советы Лаврова, касающиеся содержания и объема будущего «письма о Тургеневе», и делится с ним своими соображениями о сложившемся уже в его сознании плане этого письма:

«Ваше письмо от 7-го пришло вчера вечером, без меня. Попробую нацарапать сегодня письмо о Т〈ургеневе〉. Но вместить даже то, что вы говорите, в 7—8 строк (!) немыслимо. Я и не собирался передавать отрицательных отзывов Т〈ургенева〉 о революционерах; да никогда и не слыхал их от него. Письмо Стасюлевича прочел. Почтенный князь совершенно переврал ваше свидание [14]. Это-то больше и поощряет меня взяться за перо. 〈...〉 Никаких „воспоминаний" о Т〈ургеневе〉 я писать не собирался. Я именно хотел только (в виде письма к вам): 1) Подтвердить факт о 500 frs. 2) Сказать, что он помогал через меня эмигрантам. 3) Рассказать, как он смотрел на овацию в его пользу, и 4) сказать, что он предупреждал меня о последнем аресте» (л. 11).

В тот же день «письмо о Тургеневе» было написано, однако оно действительно получилось слишком длинным, и это повело к ряду осложнений, о которых идет речь в письме от 10 октября:

«Вчера, устыдившись ваших увещаний, я схватил перо и здесь же, в Br〈itish〉 M〈useum〉 навалял письмо о Тургеневе, которое тут же принялся перевозить на английский берег. Воспользовавшись прибытием Литвинова, я оторвал последний листик и вручил ему для ускорения дела. К ужасу моему, у меня вышло ни мало, ни много, как 8 страниц (!), или 10 000 букв, т. е. почти целый газетный столбец мелкого английского петита, на каковой я ухлопал почти целый день. С отчаянием в душе оттащил мое детище к Туси, но не застал ее дома. Сегодня она наотрез объявила мне, что *ни одна* английская газета не примет моей рапсодии, что это не письмо, а статья и проч. Говорю: „Что делать? Я не умею писать иначе. Сейчас же отошлю мое чадо Л〈авро〉ву, чтобы он видел, что не леность помешала мне выполнить это дело". Говорит: „Напишите маленькое фактическое письмо только о самом главном". Ответствую: „И Л〈авров〉 советовал мне то же. Но я не умею сокращать и отказываюсь от этого".— „Хотите, я сокращу вам, а вы перепишете с теми изменениями, которые сочтете нужными?" — „Много обяжете меня. Обязуюсь даже переписать без всяких изменений".

Она проворно начертала две странички, а я переписал их, как школьник поздравительное письмо к родителям. Затем она прибавила от себя письмецо к издателю „D〈aily〉 N〈ews〉", и все сие было брошено в почтовый ящик. Ручаться за напечатание она, конечно, не может, но говорит, что до сих пор он еще ни разу не отказывал ей. Буду следить теперь за „D〈aily〉 N〈ews〉". Если письмо появится в „D〈aily〉 N〈ews〉", то пришлю вам экземпляр; буде же нет, то пришлю обе черновые, чтобы вы видели, что я сделал все возможное. Она уверяет, что передала в сокращении *мое* письмо; но это не совсем точно: в особенности фраза о сочувствии революционерам, хотя и смягченная мною, все же вышла слишком сильна. Но капризничать не приходилось, и я взял на душу этот грех. Очень настаивала она на том, чтобы я писал всюду my old friend Turgeneff *; иначе, говорит, не пройдет; и я еле-еле мог умолить ее ограничиться однократным употреблением более неопределенного иностранного термина my friend **» (л. 12—12 об.).

Из этого обстоятельного письма становится ясным, почему большое письмо Лопатина (собственно говоря, как признает и он сам,— статья) не появилось в английской газете. Пожалуй, самое интересное в приведенном письме—это рассказ о том, какую активную роль в этом деле сыграла Элеонора Маркс. Написанное ею за Лопатина краткое письмо о Тургеневе было напечатано в утреннем выпуске «Daily News» 11 октября.

---

* мой старый друг Тургенев (англ.).
** мой друг (англ.).

ЭЛЕОНОРА МАРКС
Фотография, 1876
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

12 октября Лопатин шлет Лаврову очередное письмо, в котором сообщает:

«Посылаю вам три газетных вырезки: одна из них — мое (?) письмо о Т⟨ургеневе⟩. Первая подчеркнутая фраза, несмотря на мои смягчения, вышла все-таки очень резка, и мне могут выдрать за нее уши. Во второй таковой же фразе у Туси стояло innumerable*; я смягчил на many and many**; а наборщик напечатал money and many ***. Чёрт-издатель пропечатал и мой адрес, который я скрывал от публики и друзей. Письмо появилось утром, а вечером я уже стал „a public character ****“ ⟨...⟩ Вы знаете, что Стасюлевич (со слов Мещерского) задел лично Клемансо, сказав, что он притворился поверившим вам *из личной ненависти к Тург⟨еневу⟩*. Возможно, поэтому, что „Justice“ вздумает перепечатать мое подтверждение. Если это будет так, то пришлите мне этот №. Со временем я вышлю вам первую редакцию моего письма, быть может, она пригодится вам для „В⟨естника⟩ Н⟨ародной⟩ В⟨оли⟩“» (л. 14).

Мысль о напечатании лопатинского заявления и в «Justice» была одобрена Лавровым, но, вероятно, он предпочел, чтобы это была не перепечатка из «Daily News», а первоначальный полный текст. Лопатин ответил ему письмом, помеченным: «Понедельник, утро» — это было 15 октября.

«Ваше субботнее письмо получил, конечно, только сейчас. Начинаю с тургеневщины. Письмо Стасюлевича непременно прочтите и поскорее. Я думаю, вы согласитесь после этого, что я имел право назвать Мещерского по имени. ⟨...⟩ Вы не ошибаетесь, я действительно не собирался писать особых „воспоминаний“ о Т⟨ургеневе⟩. Во-первых, божусь, что я ничего очень интересного не помню. Во-вторых, клянусь, что Т⟨ургенев⟩ никогда не *говорил* о „либералах“ и „правительстве“, а просто *сплетничал*

---

* бесчисленные (англ.).
** многочисленные (англ.).
*** деньги и многие (англ.).
**** популярной личностью (англ.).

и рассказывал анекдоты о высокопоставленных лицах и о царской фамилии. Посылаю вам черновую моего первого письма в „D⟨aily⟩ N⟨ews⟩". Я желал бы, чтобы оно появилось в печати без изменений и с следующим (примерно) предисловием: „Вследствие всевозможных инсинуаций и обвинений, появившихся в русских газетах по поводу моего письма в „La Justice", Г. А. Лопатин нашел нужным обратиться в „D⟨aily⟩ N⟨ews⟩" с своим собственным письмом по тому же предмету, которое мы приводим ниже. Но длина этого письма по чисто русскому вопросу помешала принятию его в английские газеты, и ему пришлось удовольствоваться напечатанием коротенького, чисто фактического письма, в котором он, как посредник в денежных сношениях Т⟨ургенева⟩ со мною, подтверждает с своей стороны сообщенное мною известие". Дело в том, что я не желал бы помещения чего-либо в „В⟨естнике⟩ Н⟨ародной⟩ В⟨оли⟩" прямо *от меня*. В случае ареста, я желал бы опираться снова на мою старую отговорку, что это писано *обо мне*, даже с моего ведома, но не по моей инициативе. Я не помещал ничего в агитационных русских органах. (Конечно, эти соображения и желания ничуть не помешали бы мне печатать в них что угодно под псевдонимом, известным *негласно* всему свету. Мне нужен только *юридический* locus standi *.) Быть может, и не одобрите этого нежелания выступить на сцену под собственным именем. Но, не считая себя никогда эмигрантом, я, право, не вижу никаких резонов дозволить осудить себя и лишиться прав состояния из-за каких-то *пустяков*. Добро бы за дело! а то за подпись под ерундой» (л. 38—38 об.).

17 октября Лопатин послал Лаврову еще одно письмо; возвращаясь в нем к тому же вопросу о перепечатке его статьи во французской газете, он вновь подчеркивает два своих условия: «1) чтобы в нем не делали изменений и 2) чтобы оно имело вид дошедшего до редакции *факта*, а не *моей* статьи» (л. 17).

Посылая Лаврову 22 октября вырезку из «Таймса» о похоронах Тургенева, Лопатин изложил свое итоговое мнение обо всем происшедшем:

«Мне кажется, что *теперь* либералы должны быть *благодарны* вам: правительство *явно* сделало все, чтобы отнять у похорон демонстративный характер и обесцветить их; *и несмотря* на это, т. е. прямо *назло* ему, демонстрация вышла грандиозною, т. е. щелчком ему по носу. Ваше письмо помогло *подчеркнуть* этот характер похорон и помешало царской фамилии, войску, полиции и т. п. испортить дело, фальшиво *слившись* с обществом у этой могилы» (л. 21).

Французский перевод статьи-письма Лопатина о Тургеневе появился в «Justice» 22 или 23 октября — уже 24 октября Лопатин извещал Лаврова:

«„Justice" пробежал мельком, на омнибусе, *больших* отступлений не заметил» (л. 24 об.).

Это было последнее упоминание о публикуемом нами документе в письмах Лопатина к Лаврову.

Дальнейшая судьба автографа Лопатина представляется довольно ясной. От Лаврова он перешел к Драгоманову — очевидно, в связи с намерением последнего опубликовать его в одном из зарубежных русских изданий. Трудно сказать, когда именно мог возникнуть такой проект, но он бесспорно существовал: в папке с автографом Лопатина находится лист, на котором рукой Драгоманова переписано начало «письма о Тургеневе» со следующим подстрочным примечанием:

«Мы имеем русский автограф этого письма, подписанный инициалами автора, которых, впрочем, воспроизводить здесь не считаем удобным, хотя автор и предназначал их для помещения в газете. Нам неизвестно, был ли напечатан в английской газете перевод этого письма, но так как, во всяком случае, газета эта с трудом доступна для русской публики и так как письмо это заключает некоторые данные для характеристики Тургенева, то мы считаем полезным напечатать здесь это письмо» (л. 1).

По каким-то неясным для нас причинам копирование письма Лопатина было прервано на первых же строчках, проект Драгоманова остался неосуществленным, и этот интересный и значительный документ не вошел своевременно в литературу о Тургеневе.

---

* предлог (лат.; буквально: место стоянки, пристанище).

4

От народовольческой прокламации, выпущенной в Петербурге в день похорон Тургенева, письмо Лопатина, при почти полном совпадении в общей оценке отношения Тургенева к революции, отличается отсутствием полемического элемента, сдержанным тоном и строгой фактичностью.

Несомненный интерес представляет прежде всего первая часть письма, в которой дается выразительная картина полицейских мероприятий, направленных на недопущение каких бы то ни было демонстраций во время похорон Тургенева. В русской легальной печати об этом ничего не сообщалось в связи с тем, что еще 17/29 сентября Министерство внутренних дел разослало по всем редакциям петербургских газет секретный циркуляр, в котором предлагалось «не сообщать решительно ничего о полицейских распоряжениях, предпринимаемых по случаю погребения И. С. Тургенева, ограничиваясь сообщением лишь тех сведений по этому предмету, которые будут опубликованы в официальных изданиях»[15].

Несмотря на это категорическое запрещение, слухи о полицейских мерах просочились в общество из официальных сфер и получили настолько широкое распространение, что в печати появились специальные опровержения. Так, в газете «Новости» (№ 250, 20 сентября) под рубрикой «Русская летопись» было напечатано: «Прежде всего необходимо категорически опровергнуть все курсирующие в городе слухи о препятствиях, встречаемых будто бы „распорядительным комитетом для погребения тела И. С. Тургенева". Все ограничения, поставленные готовящемуся печальному торжеству и опубликованные распорядительным комитетом, не выходят за пределы требований внешнего благочиния»[16].

Достоверность сообщаемых Лопатиным сведений об усиленном наряде полиции, подкрепленном воинскими силами, подтверждается подлинными документами «Дела о похоронах И. С. Тургенева», сохранившимися в архиве департамента полиции и опубликованными в извлечениях Ю. Никольским в 1917 г. Например, в конфиденциальном «Распоряжении со стороны полиции» указывалось: «Особый наряд от полиции и жандармов. Часть этого наряда сопровождает шествие, и, кроме того, по пути следования усиленный наряд полиции. Волково кладбище с утра будет очищено от публики, а затем усиленные наряды полиции займут посты около двух входных ворот и у Новой церкви, близ которой приготовлена и могила. Кроме того, в шествии будет находиться 100 человек наблюдательной охраны, а на кладбище — 130 человек наблюдательных агентов. На случай потребности в усилении наряда, в помещении Ямской команды будет находиться полицейский резерв. Чтобы оберечь забор кладбища, который может повалиться от напора публики, которая не будет допущена на кладбище без билетов, кругом него будут поставлены казаки...»[17].

Наиболее ценным в публикуемом письме Лопатина является выразительная характеристика политических позиций Тургенева — она очень объективна и доказательна. Не преувеличивая и не преуменьшая степени свободомыслия Тургенева и его сочувствия делу революции, Лопатин сумел показать, что «он был всегда горячим другом политической свободы и непримиримым ненавистником самодержавия». Письмо Лопатина действительно вполне объясняет, почему Тургенев, никогда не бывший революционером и не обладавший строго продуманной системой политических взглядов, «всегда относился с самым горячим сочувствием ко всякой самоотверженной борьбе с ненавистным ему самодержавием и всегда был готов помочь участникам в этой борьбе всем, что он считал совместимым с собственным самосохранением, не разбирая при этом тех программ и знамен, под которыми сражались эти люди».

«Письмо» Лопатина печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 17 б, лл. 2—5 об.). Фамилии Тургенева и Лаврова в автографе всюду обозначены инициалами. В публикации эта особенность не отмечается.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статью С. И. Мицкевича «Тургенев и революционное народничество» («Лит. критик», 1934, № 9) и воспоминания П. П. Викторова, опубликованные Н. В. Алексеевой (И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960).

[2] Впервые опубликованы в ж. «Красная новь», 1927, № 8; перепечатаны — Т. в восп. рев., стр. 109—136.

[3] Говоря о большей достоверности публикуемого документа, мы не хотим ставить под сомнение ценность поздних воспоминаний Лопатина. Наоборот, в ряде мест, как будет показано ниже, оба источника совпадают — убедительное свидетельство того, что и в преклонном возрасте Лопатин сохранил отличную память.

[4] «Процесс 21-го, с приложением биографической заметки о Г. А. Лопатине». Париж, 1888, стр. XXX—XXXI. Перепечатано отдельной брошюрой: П. Л. Лавров. Герман Александрович Лопатин. Пг., 1919.

[5] Там же, стр. II.— Несколько ниже Лавров называет Лопатина «писателем, блестящие страницы писем которого восхищали Тургенева» (стр. VII).

[6] Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., Изд-во АН СССР, т. XIV. ⟨М.⟩, 1954, стр. 588. Заметка «Мои дети» написана в 1893 г., когда Успенский находился в психиатрической лечебнице. Но, по справедливому указанию комментатора, она была написана «по-видимому, в период относительного улучшения здоровья писателя» (там же, стр. 742). О том, что «знаменитый романист» был увлечен «могучей индивидуальностью Лопатина», вспоминает и Н. С. Русанов («Г. А. Лопатин» — в кн.: «Галерея Шлиссельбургских узников», ч. I. СПб., 1907, стр. 195—196; подпись: Н. Е. Кудрин).

[7] Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим процессам в период 1873—77 гг., осужденных и ожидающих суда. Женева, типография газеты «Работник», 1877, стр. XV. Это предисловие, занимающее видное место в ряду критических откликов на роман «Новь», остается трудно доступным даже для исследователей (лишь отрывок из него был воспроизведен М. К. Клеманом, притом не вполне исправно, в сб. Т. в восп. рев., стр. 326—329, в прим. к воспоминаниям В. Ф. Гинтовта-Дзевалтовского). Ввиду этого мы перепечатываем в приложении к настоящей публикации его текст в части, относящейся к художественной литературе.

[8] Т. в восп. рев., стр. 126—127.— Судя по этому рассказу Лопатина, он виделся с Тургеневым в Петербурге три или четыре раза. Первая их встреча произошла после 8/20 марта 1879 г.,когда писатель приехал из Москвы в Петербург; последнее свидание следует датировать 21 марта/2 апреля, т. е. днем отъезда Тургенева за границу, что согласуется и с указанием последнего в цитированном выше письме к Лаврову; но в отличие от этого письма Лопатин относит предупреждение Тургенева о предстоящем аресте к встрече, состоявшейся накануне, т. е. 20 марта/1 апреля. М. К. Клеман ошибочно отнес первую встречу Тургенева с Лопатиным и совет немедленно покинуть Петербург к 9/21 февраля 1879 г. («Летопись», стр. 277). Источником этой ошибки явился неисправный текст первой публикации письма к Лаврову от 31 марта/12 апреля 1879 г.: «В самый день моего приезда ⟨вместо правильного: отъезда— *А. Д.*⟩ я умолял его уехать на юг...» («Былое», 1906, № 2, стр. 218—219; см. также: Т. в восп. рев., стр. 101—102).

[9] Т. в восп. рев., стр. 3—8.— Здесь же, в комментариях к прокламации (стр. 8 — 14), сжато охарактеризована полемика в печати, вызванная письмом Лаврова.

[10] ЦГАЛИ, ф. 285, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 1—44 об.—В дальнейшем при цитировании этих писем указываются в скобках только номера листов. Ответные письма Лаврова к Лопатину остаются неизвестными.

[11] Несколько позднее Лавров писал в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества»: «Всем известные обстоятельства делают для меня, по моему мнению, неприличным говорить о той сцене, которая разыгралась в русской прессе после его смерти» (Т. в восп. рев., стр. 78).

[12] Вопросу о дружбе, связывавшей Лопатина с Марксом и его семьей, посвящены книги: В. Антонов. Русский друг Маркса Г. А. Лопатин. М., 1962; Ю. М. Рапопорт. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960.— Очерк жизни Элеоноры Маркс-Эвелинг дан в книге: О. Б. Воробьева и И. М. Синельникова. Дочери Маркса. М., 1961, стр. 101—143.

[13] Эдуард *Эвелинг* (1851—1898) — английский социалист, пропагандист идей Маркса. В 1884 г. Элеонора Маркс стала его гражданской женой.

[14] См. ниже прим. 3 к письму Лопатина.

[15] Л. С. Утевский. Смерть Тургенева. Пб., 1923, стр. 70.

[16] Глухие упоминания о готовящихся в Петербурге полицейских мероприятиях содержатся в письмах Стасюлевича к жене, написанных по пути из Вержболова в Петербург, когда он сопровождал гроб с прахом Тургенева (Стас., стр. 236—239).

[17] «Былое», 1917, № 4, стр. 150—151.

9 октября ⟨18⟩83.

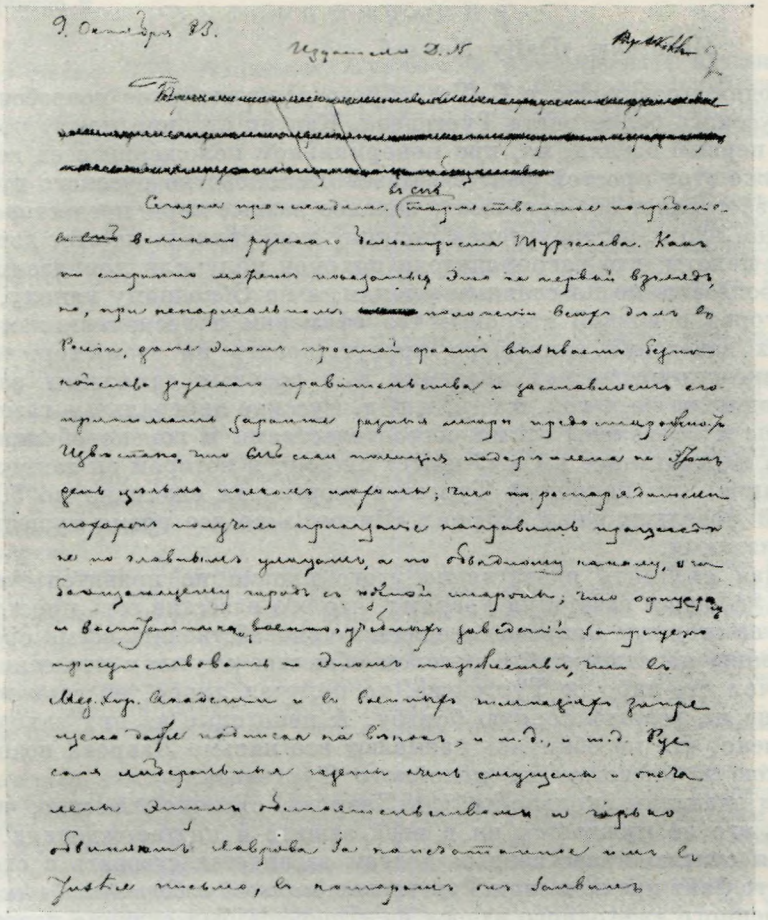
Издателю «Daily News» *

Сегодня происходит в С.-Петербурге торжественное погребение великого русского беллетриста Тургенева. Как ни странно может показаться это на первый взгляд, но, при ненормальном положении всех дел в России, даже этот простой факт вызывает беспокойство русского правительства и заставляет его принимать заранее разные меры предосторожности. Известно, что с.-петербургская полиция подкреплена на этот день целым полком пехоты; что распорядители похорон получили приказание направить процессию не по главным улицам, а по Обводному каналу, огибающему город с южной стороны; что офицерам и воспитанникам военно-учебных заведений запрещено присутствовать на этом торжестве, что в Медико-хирургической академии и в военных гимназиях запрещена даже подписка на венок, и т. д. и т. д. Русские либеральные газеты очень смущены и опечалены этими обстоятельствами и горько обвиняют Лаврова за напечатанное им в «Justice» письмо, в котором он заявил во всеуслышание, что покойный Тургенев жертвовал ежегодно по 500 frs на русский революционный журнал «Вперед!» во все время существования этого издания.

Желая смягчить впечатление этого письма на правительство и общество **, наши газетчики уверяют, что это известие есть просто ловкий маневр со стороны Лаврова, желавшего способствовать всеми средствами увеличению царствующей в русском обществе смуты; и что если Лавров и получал что-либо от Тургенева, то получал лично, на свои нужды, а никак не на революционную борьбу. А некоторые из них заходят даже так далеко, что не обинуясь называют все письмо Лаврова недостойною выдумкою и клеветою на покойного Тургенева.

Всем знающим сколько-нибудь Лаврова, отлично известно, что правдивость его не нуждается ни в чьей защите и подтверждениях. Тем не менее, я считаю нравственным долгом засвидетельствовать с своей стороны, что факт предложения Тургеневым *по своей собственной инициативе* определенного ежегодного взноса на «Вперед!» был отлично известен мне в свое время. Мало того, так как «Вперед!» издавался в Лондоне, а Тургенев жил в Париже, то все эти взносы совершались всегда через *мое посредство* со всеми принятыми в этих случаях письменными формальностями, следы которых сохранились, конечно***, и по сей час в архивах редакции. Объяснять себе этот факт филантропическими чувствами Тургенева значило бы прибегать к уловке, которая не может обмануть никого решительно. Несомненно, что Тургенев был очень добрый человек и охотно помогал нуждающимся, а особенно пострадавшим в самоотверженной борьбе с правительством за общественную свободу. Никто не может знать этого лучше меня, который во все время пребывания моего в Париже был его grand aumônier**** по части пособий эмигрантам. На мне лежала обязанность разузнавать о лицах, находящихся в крайней нужде и заслуживающих пособия, и посылать их к Тургеневу, с указанием рода и размера ожидаемой от него помощи. Я же должен был расследовать и устранять разных quasi-революционных попрошаек, которыми кишат все большие города. И, к чести русской эмиграции, я должен сказать, что, несмотря на великодушный образ действий Тургенева в подобных случаях, примеры обращения к его великодушию были сравни-

* Далее в автографе густо зачеркнуты три строки.
** на правительство и общество *вписано*
*** конечно *вписано вместо зачеркнутого*: по всей вероятности
**** Высшее духовное лицо при короле Франции, заведовавшее раздачей милостыни



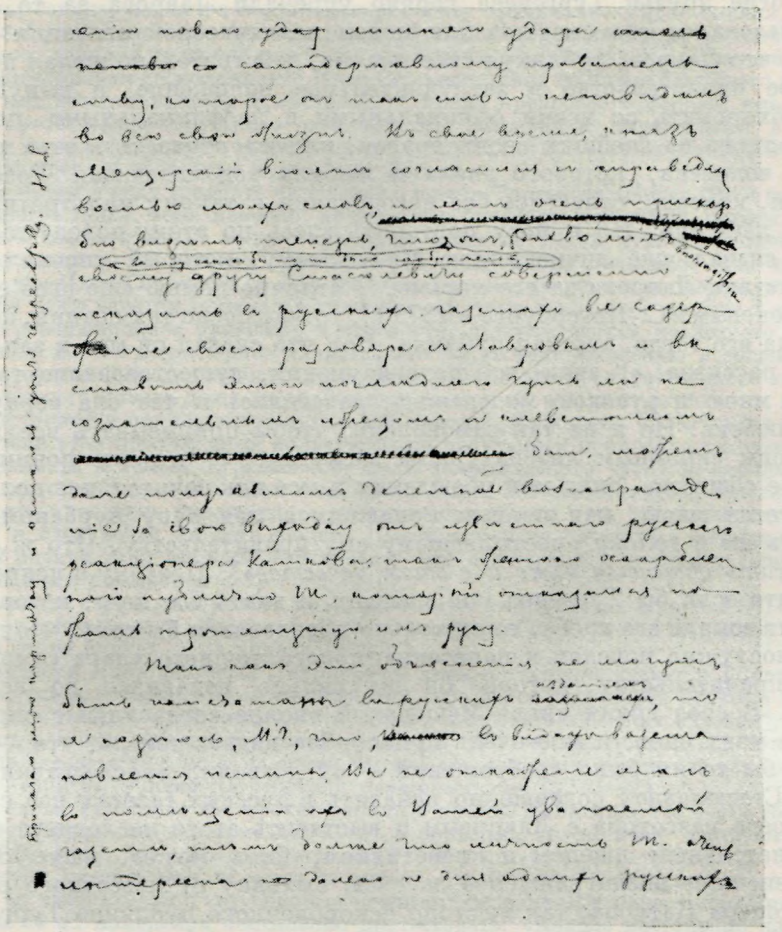
СТАТЬЯ Г. А. ЛОПАТИНА О ТУРГЕНЕВЕ
Автограф, 9 октября 1883 г. Лист первый
Центральный архив литературы и искусства, Москва
Статья предназначалась для английской газеты «Daily News» и написана в форме письма к ее издателю

тельно очень редки. Но все это не имеет ни малейшего отношения к вопросу о Лаврове, ибо всем известно, что Лавров, так же как и я, никогда не нуждался в посторонней помощи, что он всегда жил только трудами своих рук и постоянно имел достаточно средств не только для собственного прожитка, но и для помощи другим.

Конечно, было бы нелепо утверждать, что Тургенев разделял вполне программу «Вперед!» или безусловно сочувствовал ей. Прежде всего, как художник Тургенев не был человеком строго * определенной политической программы и мало думал над подобными вопросами. Но он был всегда горячим другом политической свободы и непримиримым ненавистником самодержавия. Не менее горячо ненавидел он и наш доморощенный ханжеский и беспочвенный клерикализм (и его наилучшее ** воплощение— Победоносцева)[1]. Затем он горячо и искренне любил наш

---

* строго *вписано*
** наилучшее *исправлено из:* наивысшее



СТАТЬЯ Г. А. ЛОПАТИНА О ТУРГЕНЕВЕ
Автограф, 9 октября 1883 г. Последний лист с подписью автора: «Н. L.»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

простой народ, наше крестьянство, и охотно мечтал о наступлении для него лучших дней, которые он представлял себе в довольно туманных, полусоциалистических, полуфантастических образах [2]. Но несмотря на отсутствие строгой продуманности в его политических взглядах, он всегда относился с самым горячим сочувствием ко всякой самоотверженной борьбе с ненавистным ему самодержавием и всегда был готов помочь участникам в этой борьбе всем, что он считал совместимым с собственным самосохранением, не разбирая при этом тех программ и знамен, под которыми сражались эти люди. Конечно, многие из этих людей хорошо помнят еще и могут засвидетельствовать перед целым светом тот неизменно ласковый прием, который они встречали у него. Что касается лично до меня, то я никогда не забуду той предупредительной заботливости, с которой он поспешил предупредить меня в 1879 г., что мое пребывание в С.-Петербурге под чужим именем стало известным властям, которые деятельно разыскивают меня, и того дружеского участия, с которым он горячо умолял меня бросить все и поскорее покинуть столь опасный для меня С.-Петербург.

Многие друзья Тургенева горячо упрекали Лаврова за то, что он воспользовался его смертью для целей политической агитации. Несомненно, что Лавров, публикуя свое письмо, действительно желал поставить русское правительство в затруднительное положение и вынудить его или похоронить со всеми официальными и неофициальными почестями прах одного из злейших своих врагов, или же отказать в этих почестях праху человека, которого знала и любила вся читающая Россия, не могшая, конечно, отнестись без негодования к такому мальтретированию своего любимца. Но я могу повторить здесь по этому поводу только то, что я сказал уже лично князю Мещерскому, который упрекал в моем присутствии Лаврова за его письмо. Я отлично помню еще свое свидание с Тургеневым в С.-Петербурге в 1879 г., тотчас после тех оваций, которыми осыпала его тогда русская публика. Вот что сказал он мне в заключение своего рассказа: «Я знаю, что недоразумения, существовавшие так долго между мною и русскою молодежью, рассеялись и что она вернула мне свою любовь. Но я не так самонадеян, чтобы приписывать все эти овации моим скромным литературным заслугам. Я отлично понимаю, что русское общество, зная мои убеждения и мое исключительное положение, пользуется мною, как первым попавшимся под руку чурбаном, чтобы бросить им в голову опостылевшему ему правительству. Что ж,— *я рад послужить обществу даже и в этом качестве*»[3]. Поэтому я искренне думаю, что если бы Тургенев мог слышать и знать тот шум, который происходит вокруг его гроба, то он только порадовался бы тому, что даже его прах послужил поводом к нанесению нового лишнего удара самодержавному правительству, которое он так сильно ненавидел во всю свою жизнь. В свое время князь Мещерский вполне согласился с справедливостью моих слов, и мне очень прискорбно видеть теперь, что — в силу каких бы то ни было соображений — он дозволил впоследствии своему другу Стасюлевичу совершенно исказить в русских газетах все содержание своего разговора с Лавровым и выставить этого последнего чуть ли не сознательным лжецом и клеветником, быть может, даже получившим денежное вознаграждение за свою выходку от известного русского реакционера Каткова, так жестоко оскорбленного публично Тургеневым, который отказался пожать протянутую им руку [4].

Так как эти объяснения не могут быть напечатаны в русских изданиях, то я надеюсь, милостивый государь, что, в видах восстановления истины, вы не откажете мне в помещении их в вашей уважаемой газете, тем более что личность Тургенева очень интересна далеко не для одних русских.

Прилагаю мою карточку и остаюсь yours respectfully *

H. L.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сходную с этими высказываниями Лопатина характеристику политических позиций Тургенева содержал некролог, напечатанный в первом номере «Вестника Народной Воли», вышедшем в свет в Женеве осенью 1883 г. Хотя редакционное предисловие к номеру помечено августом, можно думать, что номер вышел не ранее начала октября, а некролог был написан в конце сентября, уже после того, как разгорелась полемика вокруг заявления Лаврова,—упоминание об этой полемике имеется в тексте некролога. Подписан он инициалами «Л. Т.» — его автором был Л. А. Тихомиров, тогда еще не вставший на путь ренегатства. Приводим текст некролога:

«22 августа/3 сентября в Париже скончался Иван Сергеевич Тургенев. Россия потеряла в нем одного из величайших своих художников слова и честного гражданина. Покойный не был никогда ни социалистом, ни даже революционером, но русские социалисты-революционеры не могут забыть, что горячая любовь к свободе, ненависть

* уважающий вас (англ.).

к произволу самодержавия и к мертвящему элементу официального православия, гуманность и глубокое понимание красоты развитой человеческой личности постоянно одушевляли этот великий талант и еще более усиливали его общественное значение. Благодаря этим сторонам своего таланта Иван Сергеевич умел во время всеобщего рабства работать над восстановлением нравственного права крепостного народа, умел схватить тип протестующего русского разночинства, развивал и вырабатывал русскую личность и создал себе почетное место среди духовных отцов освободительного движения, охватившего в настоящее время всю Россию.

Мы не имеем в виду говорить читателям о жизни Тургенева вообще. Но в ней есть. однако, многое такое, чего, конечно, не коснутся биографы легальной прессы или — еще хуже — что они могут только исказить. Один из таких пунктов представляет отношение покойного к нашему социально-революционному движению. Мы оговорились уже, что Иван Сергеевич не был ни социалистом, ни революционером, и прибавим, что он даже едва ли понимал с должной ясностью социализм вообще и русское социально-революционное движение в частности. Многим чертам последнего он не сочувствовал. Но тем характернее является его сочувствие движению в общем, как оппозиции против самодержавного деспотизма. Факт этого сочувственного отношения, доходившего иногда даже до содействия, теперь на все лады отрицается и затирается запуганной и приниженной легальной прессой. Из мелких малодушных побуждений деятели этой прессы, даже пользующиеся репутацией порядочности, позволяют себе зачеркивать в жизни Тургенева ту долю политического чутья и гражданского мужества, которая у него на самом деле всегда была. Мы считаем своей обязанностью перед памятью великого художника — восстановить факты в их истинном свете и постараемся в следующей книжке нашего „Вестника" дать читателям материалы для правдивой оценки этой стороны Тургенева — его отношения к русскому социально-революционному движению» (стр. 209—210).

В последних строках некролога Тихомиров имеет в виду статью Лаврова «И. С. Тургенев и развитие русского общества», которая появилась в «Вестнике Народной Воли», № 2 (дата этого номера — 24 апреля 1884 г.).

[2] 22 октября Лопатин писал Лаврову: «В моем поспешном письме о Т〈ургеневе〉 есть фраза, где я говорю, что он представлял себе более счастливое будущее народа в довольно смутных — „полусоциалистических, полуфантастических образах". Нельзя ли будет или сюпримировать 〈вычеркнуть — *А. Д.*〉 ее, или изменить как-нибудь? Таково мое *впечатление*, но я не сумел бы *подтвердить* его никакими изречениями Тургенева, если бы у меня потребовали *доказательств*» (л. 21—21 об.).

[3] Эти слова Тургенева так прочно запали в память Лопатина, что через тридцать лет он почти буквально повторил их: «Ведь я понимаю, что не меня чествуют, а что мною, как бревном, бьют в правительство» (Т. в восп. рев., стр. 126).

[4] Лопатин имеет в виду то место из письма Стасюлевича в редакцию «Новостей», в котором он рассказывал о «глубоком огорчении», вызванном в семье Виардо письмом Лаврова, и об их намерении немедленно протестовать: «Виардо настаивали на своем и успокоились только тогда, когда один из русских, не знакомый лично с г-м Лавровым, взял на себя труд объясниться с ним предварительно. Все дальнейшее я слышал от этого самого лица, беседовавшего с г-м Лавровым. Нельзя, конечно, было поставить г-на Лаврова в невозможное положение, а именно, требовать от него полнейшего опровержения всего письма, а потому ему предложили согласиться, по крайней мере, на напечатание возражения ему, которое выяснило бы сущность дела, с обязательством для него — не продолжать полемики. Г-н Лавров не согласился и на такое предложение, объяснив при этом, что напечатанное им письмо было именно искусным «маневром», рассчитанным на действие этого письма в России; что он не может пропустить такого случая, как смерть Тургенева; по его соображениям, вследствие его письма, должны последовать распоряжения, которые глубоко огорчат все образованное общество и в России, и в Европе, именно это-то и желательно, с его точки зрения; наконец, в своем положении, он не считает возможным стесняться в выборе средств и т. д.» («Новости», 1883, № 244, 14/26 сентября).

Имя лица, беседовавшего с Лавровым, не названное Стасюлевичем, оставалось до сих пор неизвестным, и только из настоящего «письма» Лопатина мы узнаем его фамилию. Нет сомнения, что это был А. А. Мещерский, часто навещавший больного Тургенева и рассказавший об этом в воспоминаниях «О последних днях Тургенева» (см. о нем — «Лит. наследство», т. 73, книга первая, стр. 418—419).

Лопатин, очевидно, не до конца разоблачил неблаговидную роль Мещерского. Отвечая в письме от 19 октября на какой-то упрек Лаврова по этому поводу, Лопатин писал ему: «Я не „упустил из виду" брехни Мещерского и отлично помню, как было дело, но не мог упомянуть об этом, не рассказав сначала его брехни, а письмо и без того было длинно. Если бы оно появилось, то я думал послать его Мещерскому при особом письме, где упомянул бы и об этом и объяснил бы ему зараз, почему я считал себя вправе назвать его по фамилии. В моем же письме для английской печати я сказал просто, что он „исказил" *весь* разговор с вами» (л. 19—19 об.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ «ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ» (ЖЕНЕВА, 1877)

К ЧИТАТЕЛЮ

〈...〉 Но оставим наших публицистов и обратимся на минуту к нашим художникам, прислушивающимся чутким ухом к трепетанию народной жизни и воплощающим свои открытия в живых образах, ярко раскрывающих перед нашими умственными очами настоящую *суть* каждого нового веяния. Тут прежде всего выступает перед нами «уважаемый писатель» и «огромный талант», Федор Достоевский, обижающийся, если не упоминают в печати, что он был в каторге за «государственное» преступление. Он развязно говорит «мученику правды ради»: «Подай сюда свою душу! я ее искалечу и пущу в обращение. Это мое право художника». Он и понятия не имеет об этой душе, да и не чувствует, по-видимому, ни малейшей нужды в ее изучении. Он, как шелковичный червь или паук, черпает нити своей волшебной ткани из самого себя и рисует нам эту душу такою, какою она представляется его собственному больному воображению. В его голове — голове художника — возникает образ по поводу последнего политического процесса, и он изливает этот образ, налепив на него ярлык de la haute actualité * в виде двух, трех фраз, выхваченных из процесса, или в виде двух, трех черт характерной наружности, подмеченной у кого-либо из подсудимых. Что ему до того, что тут дело касается до чужой души, души человека, у которого все, кроме этой души, отнято, человека, который ни сам защищаться, ни настоящих защитников иметь не может! Велик русский холоп в холопстве своем! Особенно, когда он обладает благородством души, могущим довести его даже до жертв в пользу своих идеалов... бессознательно построенных на холопской патриархальности!.. И если «уважаемый писатель» и «бывший государственный преступник» обращается так бесцеремонно и безжалостно с своими историческими преемниками, то чего же ожидать от заурядных холопов всех шерстей и мастей? На них уж приходится только рукой махнуть!..

Даже такие художники-джентльмены, как Ив. С. Тургенев, которого, конечно, никто не заподозрит в добровольном холопстве, посодействовали своими трудами искажению образа нашего «мученика правды ради» в глазах нашего общества. Частью недостаток знакомства с последним движением** и его представителями, частью условия нашей подневольной прессы принудили даже его избрать своими героями наименьше характерные и многочисленные типы и заставить их действовать самым несообразным, чтобы не сказать смешным, образом; вследствие чего у читателя невольно получается самое неверное представление как о внутренних мотивах, толкающих наших революционеров на избранный ими путь, так и о формах их деятельности и о степени состоятельности их упований. В самом деле, кто такие эти «революционеры» г. Тургенева? Это — или аристократический вы〈...〉док, кидающийся как будто со зла и наперекор своей созерцательной, художнической натуре в крайнюю демократическую деятельность; или «неудачник», потерпевший крушение в любви; или же это разные Остродумовы и Машурины—люди, «скорбные главою», хотя и «чистые сердцем», служащие послушными пешками в руках какого-то закулисного «воротилы». Есть тут еще заправский Хлестаков, выбравший случайно для своей брехни революционную почву, да прохвост Голушкин... Вот и весь персонал представителей нашей революционной молодежи! Есть тут, правда, еще молодое, симпатичное женское существо; но это— ребенок, с прекрасными порывами молодой души, с страстной жаждой принести себя поскорее в жертву за что-то высокое и благородное. Это — вновь завербованный адепт, а не деятель. Затем есть еще, пожалуй, Соломин, человек умный (по словам автора); но он поставлен в такой таинственной тени, что сам чёрт не разберет, что он такое: русский ли это Шульце-Де-

---

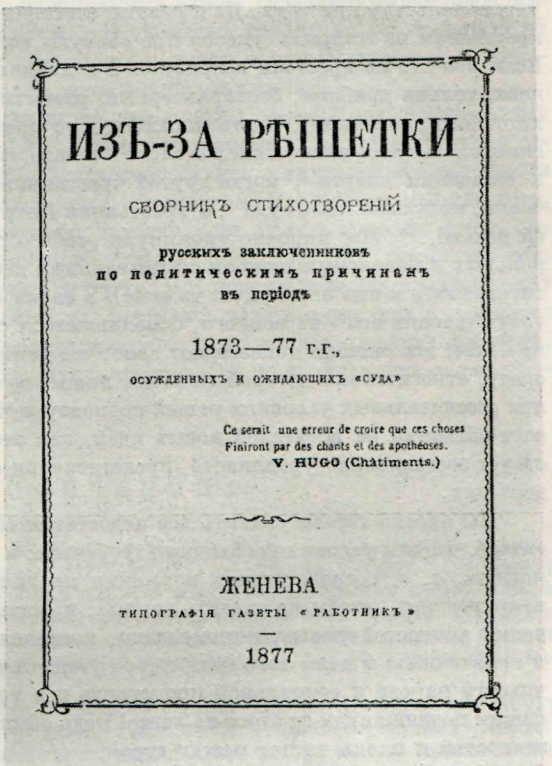
* острой злободневности (франц.).

** Видный уже из того, что чисто «народническое» движение последнего шестилетия вставлено автором в рамки «заговорщицкого» движения времен нечаевщины, т. е. автор смешал две ступени развития, резко различающиеся между собою по своим основным воззрениям на способ достижения новых порядков.

СБОРНИК «ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ» (ЖЕНЕВА, 1877)

Обложка

В предисловие к сборнику вошел критический разбор романа «Новь», написанный Г. А. Лопатиным



ИЗЪ-ЗА РѢШЕТКИ

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

русскихъ заключенниковъ
по политическимъ причинамъ
въ періодъ

1873—77 г.г.,

ОСУЖДЕННЫХЪ И ОЖИДАЮЩИХЪ «СУДА»

Ce serait une erreur de croire que ces choses
Finiront par des chants et des apothéoses.
V. HUGO (Châtiments.)

ЖЕНЕВА
ТИПОГРАФІЯ ГАЗЕТЫ «РАБОТНИКЪ»
—
1877

лич[1], alias * Верещагин [2], ожидающий нивесть каких чудес от артельных сыроварен и гвоздилен; или же это тонкий агитатор, с иронией смотрящий на промахи своих чересчур горячих и неумелых товарищей и старающийся осторожно заручиться прочным влиянием на простой народ, внушив ему беспредельное доверие и уважение к себе. Итак, вот мотивы, толкающие, по мнению Тургенева, наших революционеров на их дорогу. Это — фальшивое общественное положение, житейские неудачи, обманутая любовь, умственная несостоятельность и слабость характера... Но факты жизни громко вопиют против такой простой разгадки. Переберите всех личностей последних процессов: много ли вы найдете людей, которым бы жизнь не распахивала дверей для того, что принято называть в обществе благополучием? Где это «фальшивое общественное положение и житейские неудачи»,— когда мы видим тут людей с аристократическими именами, с независимым состоянием, с блестящею ученою карьерой, бросающих все это, чтобы поднять на свои плечи крест подвижничества за народ? Где эта «обманутая любовь»,— когда мы видим, что ни тюрьма, ни каторга не в состоянии разорвать личных связей русских социалистов? Где эта «бесхарактерность и недомыслие»,— когда мы видим, что одни и те же личности судятся во второй и в третий раз, т. е. после того как прежние заключения и муки успели уже просветлить их разумение и испытать их решимость и настойчивость? А *народ* г. Тургенева? Как *он* смотрит на усилия своих доброжелателей? Он или глядит на них, как коровье стадо, вылупя глаза и не понимая ни слова; или же, поняв в чем дело, поспешно тащит своих доброхотов в стан, наклав им предварительно в загорбок... Много ли случаев такого рода известно г. Тургеневу из *действительности*? И не поражает ли, напротив, всякого хотя бы ничтожность числа отобранных у крестьян экземпляров разных запрещенных изданий, по сравнению с распространенными? Что касается до нас, то мы знаем, *насколько* мы обязаны благожелательному и сознательному

* другой (лат.).

укрывательству крестьян. Да и разные отставные солдаты, вычитывающие по временам крестьянам из «старых» указов про «новую» волю, могут рассказать ту же сказку... Если кое-кто из крестьян и пристает к социализму, то это, по словам героя г. Тургенева, только дряблые, бесхарактерные, разбитые натуры, «развинченные гамлеты чахоточного сложения»[3]. И это писалось в то время, когда крестьянин Марк Малиновский, сказав свое умное и смелое слово в сенате, сидел в центральной каторжной тюрьме, в ожидании смерти [4]; когда другой крестьянин, Григорий Крылов, умирал в заключении, не дождавшись суда [5]; а крестьянин Петр Алексеев выступал перед судом с своей речью!..*[6] Мы нарочно упомянули особо о г. Тургеневе, не желая смешивать его вольных и невольных ошибок с завываниями доброхотных холопов, одинаково отвратительных и когда они кричат «живио!» в своих «славянских комитетах», и когда они ревут «распни его!» на всякого, осмелившегося сбросить с себя ливрею холопства. Тем не менее, эти ошибки показывают ясно, что даже сильный талант бессилен изобразить среду, относительно которой он имеет лишь кое-какие отрывочные сведения, особенно при стеснительных условиях нашей подцензурной прессы; и что если он и не натравливает общество на носителей новых идей, как это делают другие, то все-таки способствует составлению уродливого представления о новом историческом моменте и его деятелях.

Мы охотно готовы свалить все недостатки «Нови» на цензурные условия и согласиться, что эти условия необходимо требовали: и неверного помещения центра тяжести повести, т. е. сосредоточения внимания на личностях слабых, неумелых, наивных, непрактичных, чтобы не сказать глупых; и оставления в тени и даже полного исключения личностей умных, понимающих, последовательных, энергических, деятельных и практичных; и даже того натянутого утешения, которое заключается в невосприимчивости народа к социальной пропаганде и в неопасности пропагандистов... Но ведь нашим подвижникам от этого не легче! Ведь обыкновенная публика не разбирает таких тонкостей и плохо читает между строк.

Художественные образы насильственно врываются в ее воображение, становятся для нее живыми лицами, и она не в силах удержаться, чтобы не судить о новом направлении и его представителях по «Нови».

Стоит ли толковать после этого о деятелях ванькиной литературы — о шпионах Третьего отделения, помещающих свои «злохудожества» в «Русском вестнике», литературных флюгарках вроде Незнакомца [7], о наездниках и башибузуках «Голоса», уверявшего, что казанская демонстрация произведена на «иностранные деньги» [8] и пользующегося каждым процессом социалистов, чтобы намекнуть, кому следует знать, что если бы дали волю печати (читай: «Голосу»), то она бы живо пресекла в корне это зло, — и о множестве других «литераторов» этого сорта, столь же неизбежных во всякой прессе, как сочинители кабацких прошений в адвокатуре.

Кажется, уже довольно! Ведь мы не пишем здесь литературной характеристики «рабьих речей» [9] и коснулись их лишь для того, чтобы показать читателю цвет и запах того источника, из которого он почерпает свои сведения о личности русского социалиста. Не первый год народилось у нас это племя, у которого всегда готово на языке «слово и дело государево», и не со вчерашнего дня ворвалось оно в нашу литературу. Литература, которая добивается свободы печати, чтобы поступить в околодочные, которая подает доносы в форме передовых статей, достаточно рекомендует этим сама себя, и мы отказываемся раскапывать далее эту грязь. Мы и то слишком зарвались, коснувшись этого наболевшего места. Мы хотели только показать, что объяснения занимающего нас явления, даваемые нашею литературою, характеризуют только самих ответчиков и литературу, в которой они подвизаются, а не явление, которое они берутся разбирать;

---

* Скажем мимоходом, что всюду на белом свете констатирован тот факт, что к социалистическому движению пристают обыкновенно наиболее интеллигентные из рабочих, самые энергичные люди и лучшие мастера. Так было в 1848—1871 годах во Франции, в 1864 г. в Германии (Лассальянское движение) и в Интернационале; то же самое было и в Парижской Коммуне и, наконец, то же самое происходит на наших глазах за последнее время и на Руси.

и что все литературно-художественные изображения наших революционеров представляют уродливые портреты, которые обманывают общество, отвлекают его внимание от изучения действительных материалов и мешают подвигу наших мучеников действовать на наше апатичное общество с надлежащею полнотою и силою.

Довольно уродовали душу русского «мученика правды ради»! Пора, наконец, ему самому сказать свое «душевное слово»! Пора показать «отцам» их «детей» словами самих этих «детей»! Пора дать возможность обществу судить о внутренней физиономии наших подвижников за народ по неподдельным документам! Мы думаем, что для того, чтобы раскрыть перед одним человеком душу другого, едва ли есть средство лучше лирики; ибо истинно поэтическая стихотворная строфа не допускает лжи: последняя сейчас же скажется в деланности и холодности стиха. Вот почему, в видах ознакомления нашего общества с нашими подвижниками, мы решились начать с выпуска в свет этого сборника стихотворений, писанных разновременно, в различных тюрьмах империи, лицами, содержащимися в настоящую минуту под стражею по обвинению в социально-революционной пропаганде [10].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Германе *Шульце-Деличе* см. настоящ. том, стр. 90.

[2] Николай Васильевич *Верещагин* (1839—1907) — агроном, брат художника В. В. Верещагина. В 1866 г. организовал первую в России артельную сыровырню и затем энергично содействовал дальнейшему распространению этого опыта. Народники придавали большое значение верещагинским артелям, видя в них одно из средств для того, чтобы предотвратить переход крестьянского хозяйства в России на путь капиталистического развития.

[3] Имеется в виду следующее место из романа «Новь» (письмо Нежданова к другу Силину): «Помнишь, была когда-то — давно тому назад — речь о „лишних" людях, о Гамлетах? Представь: такие „лишние люди" попадаются теперь между крестьянами! Конечно, с особым оттенком... притом они большей частью чахоточного сложения. Интересные субъекты — и идут к нам охотно; но собственно для дела — непригодные; так же, как и прежние Гамлеты» (гл. XXX).

[4] Марк Прохорович *Малиновский* (ок. 1851—1876) — крестьянин д. Пеньково, Романово-Борисоглебского у., Ярославской губ., с 1867 г. работал в Петербурге слесарем. Арестованный 15 ноября 1873 г. за революционную пропаганду среди рабочих, он был предан суду Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и приговорен 14 октября 1874 г. «к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на семь лет». Отбывал наказание в Ново-Белгородской центральной каторжной тюрьме, где и умер, по-видимому, от туберкулеза. В женевской газете «Работник» (№ 2, февраль 1875 г.) была напечатана статья о суде над Малиновским с изложением его речи в сенате (см. о нем: А. Файнштейн. Марк Малиновский, рабочий-пропагандист начала 70-х годов. М., изд-во «Красная новь», 1923).

[5] Григорий Федорович *Крылов* (1849—1876) — крестьянин с. Андреевского, Новоторжского у., Тверской губ., участник «хождения в народ». В марте 1874 г. был арестован по делу 193-х, но вскоре освобожден и отдан под надзор полиции. Арестованный снова в августе того же года, был посажен в тюрьму и летом 1876 г. умер в тюремной больнице от туберкулеза (см.: «Деятели революционного движения в России», т. II. Семидесятые годы, вып. 2. М., 1930, стб. 696).

[6] Петр Алексеевич *Алексеев* (1849—1891) — крестьянин по происхождению, был рабочим на ткацких фабриках, участвовал в революционном движении 70-х годов. Его речь на «процессе 50-ти», произнесенная 10 марта 1877 г., приобрела историческое значение как яркое свидетельство возросшего революционного сознания рабочего класса в России. За эту речь Петр Алексеев был приговорен к 10 годам каторги.

[7] Незнакомец — псевдоним А. С. Суворина. Лопатин имеет в виду его превращение из либерала в крайнего реакционера, которое совершилось в 1877 г., вскоре после того, как он стал издателем газеты «Новое время».

[8] Либеральная газета «Голос», издававшаяся А. А. Краевским, изложила свое мнение о демонстрации у Казанского собора в Петербурге, состоявшейся 6 декабря 1876 г., в передовой статье № 341, 10/22 декабря и в фельетоне «Листок», № 343, 12/24 декабря 1876 г.

[9] «Рабьи речи» — получившее широкое распространение выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина, которое было употреблено им в рассказе «Зиждитель» (1874), вошедшем в цикл «Помпадуры и помпадурши».

[10] Вслед за этим речь идет о собранных в книге стихотворениях, в которых выражена *«лирическая* сторона души нашего революционера». Предупреждая читателей, что составители сборника «не имели в виду полного изображения физиономии русского революционера», автор предисловия снова обращается к роману Тургенева:

«Однако и предлагаемого уже достаточно, чтобы показать, насколько заслуживают доверия лубочные изображения наших революционеров, хотя бы и писанные патокой, как в первой части «Нови». В самом деле, не характерно ли, что те самые люди, которые, по словам «маститого беллетриста», И. С. Тургенева, негодуют на личное чувство, чуждаются поэзии, стыдятся стихов и поставляют чуть ли не задачею жизни презрение к эстетике вообще и к поэзии в частности, что эти самые люди выступают теперь в публику с томиком стихотворений? О, как же вы плохо знаете, гг. маститые беллетристы, ту среду, которую вы беретесь описывать, несмотря на всю вашу многоопытность, на все ваше сердцеведение!» (стр. XXV).

В отрывке из предисловия, приведенном в сб. Т. в восп. рев., М. К. Клеман произвольно перенес эти строки в другое место — после абзаца «Художественные образы‹...› по „Нови“», находящегося на стр. XIX.

ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОЙ КНИГИ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО О ТУРГЕНЕВЕ

Публикация М. И. Перпер

Многие русские революционеры, оказавшиеся за рубежом, чувствовали себя представителями родной страны и ее культуры. Очень ясно и остро ощущал это Степняк, только в исполнении этого долга находивший оправдание своей жизни за границей. В одной из публичных лекций, прочитанных им в США весной 1891 г., Степняк рассказал о том, как неожиданный успех его небольшой книжки о русских революционерах («Подпольная Россия»), вышедшей в 1882 г. в Милане на итальянском языке и очень скоро переведенной на несколько других языков, заставил его задуматься над тем, какую пользу может принести делу русской революции сочувственное внимание и помощь свободолюбивых людей других стран. Со времени выхода этой книги прошло девять лет, им были написаны три больших публицистических книги о России, роман о русских революционерах, в Англии было основано Общество друзей русской свободы, начавшее издавать журнал «Свободная Россия» («Free Russia»), организацией такого же общества в Соединенных Штатах Степняк занимался в свой приезд туда в 1891 г. Кратко сообщив своим слушателям о том, что он сделал и делает для осуществления своей мечты — свержения царизма в России, русский революционер заключил: «Стоило ли ослабить ряды активных борцов на одного человека и сделать из него писателя? Да, стоило. Пусть мои книги не занимают видного места в литературе, но мне удалось оказать некоторое влияние на понятия мыслящих людей нашего поколения, а это приближает торжество моей мечты».

Для того чтобы зарубежные читатели могли справедливо оценить требования и действия русских революционеров, надо было рассказать им о России, показать ее. Степняк, Кропоткин, Плеханов понимали, как важно скорее и лучше ознакомить Западную Европу с творчеством русских писателей. Они это и делали всеми возможными способами.

Среди работ Степняка о русской литературе его статьи о Тургеневе занимают особое место. В отличие от некоторых современных ему критиков в России, Степняк очень высоко ценил замечательного мастера русской прозы и уважал в нем человека, сумевшего, благодаря своему таланту, преодолеть многие слабости своего характера. Видеть Тургенева Степняку ни разу не удалось, но он много слышал о писателе от часто встречавшихся с ним П. Л. Лаврова, М. П. Драгоманова, П. А. Кропоткина. Тургенев дважды откликнулся на произведения молодого народника, и эти отзывы, сообщенные Степняку друзьями, поддержали его в решении заняться литературным трудом. «... У вашего знакомого есть и талант и огонь — пусть он продолжает трудиться на этом поприще!» — писал Тургенев Лаврову 28 августа/9 сентября 1875 г., прочитав пропагандистскую сказку «Мудрица Наумовна»; а через семь лет, ознакомившись с только что вышедшей в Италии книгой «Подпольная Россия», он говорил Н. П. Цакни (русскому журналисту, тогда народовольцу-эмигранту, жившему в Париже): «Написано в высшей степени талантливо, есть места даже художественные...» и указал на литературные недостатки (прежде всего на склонность к риторичности), которые автору следовало преодолеть.

О Тургеневе Степняк рассказывал своим английским друзьям: писателям и артистам, членам молодого тогда фабианского общества, английским социалистам — участникам встреч в доме поэта Уильяма Морриса, либеральной молодежи, объединявшейся вокруг критика Джорджа Перриса, говорил о нем и в своих публичных лекциях о России, часто цитируя (в собственном переводе) излюбленный отрывок из «Рудина» — рассказ о кружке Покорского. Неудивительно поэтому, что когда возникла мысль включить в серию биографий классиков мировой литературы (которую выпускала крупная издательская фирма «Вальтер Скотт») книгу о Тургеневе, издательство предложило именно Степняку подготовить ее. Получив его согласие, представитель издательства литературовед Ф. Марзиэлс писал ему (4 марта 1889 г.): «Я очень рад, что вы решили написать для нас эту книгу. Размер ее должен быть 150—200 страниц. О типе глав и характере изложения можно судить по уже вышедшим томам, которые я пришлю вам для ознакомления».

Степняк в течение многих месяцев с увлечением работал над заказанной ему книгой о Тургеневе. Он просматривал каталоги Библиотеки Британского музея, просил друзей сообщать ему о появляющихся в России публикациях, штудировал доступную ему литературу и перечитывал произведения Тургенева, переводя обширные отрывки из них. Некоторое представление об этой подготовительной работе дает письмо, полученное им от З. А. Венгеровой, готовившейся в то время в Париже к экзамену на степень магистра филологических наук:

Paris, le 29 avril ⟨18⟩90
21, Rue Valette

Многоуважаемый г. Степняк,

Г-н Бурцев поручил мне достать для вас из Петербурга книгу о Тургеневе моего брата С. А. Венгерова и некоторые другие материалы для вашей работы о Тургеневе. На днях получила книги, которые и посылаю вместе с этим письмом. Кроме того, прилагаю библиографический список книг, необходимых, по мнению брата, для составления работы о Тургеневе:

I. Биография:

1) Воспоминания Панаева.

2) Пыпин «Белинский».

3) Головачева-Панаева «Воспоминания» в «Историческом вестнике». Относиться очень осторожно.

4) Анненков в «Вестнике Европы», 1884 г., № 2.

5) Воспоминания Житовой в «Вестнике Европы», 1884 или 1885 г. Первостепенной важности.

6) «Северный вестник», 1887 г., № 1—3, Луканиной.

7) Фета «Воспоминания» в «Русском обозрении», 1890 г., № 1—3. Первостепенной важности. Тут ряд новых и важных писем Тургенева.

8) «Северный вестник», 1883 г., № 10.

9) Полонского («Северный вестник»), № XI.

10) Аргамакова в «Историческом вестнике», 1883 г., № 11.

II. По критике:

1) Белинский.

2) Добролюбов.

3) Аполлон Григорьев.

4) Писарев.

5) Страхов («Критические статьи о Тургеневе и Толстом», СПб., 1885).

6) В известной степени книжка Буренина (СПб., 1885).

7) Михайловский, т. VI.

8) Миллер «Русские писатели после Гоголя».

Относительно своей книги брат просит, если бы вы захотели ею пользоваться, помнить, что она писана, когда автору было 19 лет.

С. М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ
Фотография, 1870-е годы
Литературный музей, Москва

Затем брат просит передать вам пожелания всяческого успеха в вашем столь интересном предприятии: знакомить англичан с нашей литературой. Надеюсь, что мы скоро услышим о выходе в свет вашего труда и прошу вас принять уверение в моем истинном уважении.

Зинаида Венгерова

В следующем письме от 17 мая 1890 г. Венгерова сообщала: «... получила из Петербурга несколько брошюр о Тургеневе в дополнение присланных ранее книг; пересылаю их вам сегодня. ⟨...⟩ Если вам нужны еще какие-либо справки о Тургеневе, пожалуйста, напишите, и я тотчас же спишусь с братом».

По записным книжкам Степняка можно проследить ход его работы над книгой о Тургеневе: записи библиотечных шифров, многочисленные выписки из произведений Тургенева и трудов о нем, планы, хронологические схемы и перечни, конспект книги, черновые наброски отдельных глав. Степняк писал медленно и трудно, многократно переделывая и переписывая каждый абзац. До нас дошли четыре редакции первой половины книги, четыре черновых редакции и беловой текст раздела о «Дворянском гнезде», переработанного в самостоятельную статью, две черновых редакции и окончательный текст (машинопись) статьи о «Рудине».

Книгу о Тургеневе Степняк не завершил. Вероятно, одной из причин было отсутствие доброкачественных английских переводов большинства произведений Тургенева.

Степняк мог цитировать «Записки охотника», «Рудина», «Дворянское гнездо» и даже рассчитывать на то, что часть его читателей уже знакома с этими произведениями,— но большинство повестей и рассказов Тургенева на английском языке вообще еще не появлялось, а сделанные в Соединенных Штатах переводы романов с немецкого или французского, а то и с обоих языков сразу, были такого низкого качества, что рецензенты могли лишь выражать сочувствие Тургеневу. В Англии эти американские переводы распространения не получили, хотя и находились в продаже. Перейдя к рассмотрению «Накануне», Степняк оказался перед необходимостью пересказать подробно содержание романа и перевести наиболее существенные места из него. Так же пришлось бы поступить и со всеми остальными произведениями Тургенева, а это грозило значительным увеличением объема книги и весьма усложняло труд автора, с чрезвычайной ответственностью относившегося к качеству перевода. Можно думать, что результат вообще не удовлетворял Степняка, отнюдь не считавшего пересказ хорошим способом знакомства с художественными произведениями.

Среди тянувшейся к Степняку передовой английской молодежи была Констанция Гарнет, молодая учительница, знавшая несколько языков. По его совету она изучила русский язык, по его поручению ездила в 1891 г. в Россию и затем, при его деятельной помощи, взялась за переводы произведений русских писателей. Степняк решил дать английским читателям полного Тургенева — в сопровождении обстоятельных критических статей. Он успел переработать часть своей недописанной книги в самостоятельные статьи о «Рудине» и о «Дворянском гнезде», которые и были напечатаны в первом и втором томах собрания сочинений Тургенева в переводах К. Гарнет в 1894 г. (первый том подписан к печати 20 апреля, второй — 3 сентября). В статье о «Рудине» Степняк, обещая английским читателям «рассказать вкратце историю жизни Тургенева шаг за шагом, по мере появления его произведений», дает общую характеристику творчества писателя, который «был полон любви к свету, солнцу и живой поэзии»; Тургенев создал «целую галерею живых фигур, в особенности женских», обрисовал «широкий круг психологических наблюдений, разъяснил тончайшие оттенки человеческих чувств», изобразил «наиболее передовых мыслящих людей России ⟨...⟩ с точностью, глубиной, удивительной тонкостью и ясностью». «Но полным признанием он все-таки не пользовался, потому что ему пришлось писать в смутное время политической и общественной борьбы, когда лучшие люди страны были поглощены другими целями и интересами...» (С. М. Степняк-Кравчинский. Сочинения, т. II. М., ГИХЛ, 1958, стр. 488—501).

После гибели Степняка английское собрание сочинений Тургенева продолжало выходить, а вступительные статьи к томам писал муж переводчицы литературовед Эдуард Гарнет. В 1919 г. он выпустил составленную из этих статей небольшую (в 200 страниц) книжку о Тургеневе, никогда не переиздававшуюся.

* * *

Ниже публикуются в переводе с английского автографа фрагменты незаконченной книги Степняка о Тургеневе. Первая наиболее отделанная биографическая часть этой книги содержит обширные цитаты из «Воспоминаний» В. Н. Житовой, пересказ многих эпизодов из этой книги и сочинений других мемуаристов, перевод и пересказ отдельных мест из сочинений Тургенева («Литературных и житейских воспоминаний», «Стихотворений в прозе», «Автобиографии», повести «Переписка» и др.). Все это в публикации исключено, как и те разделы из второй части книги, которые были переработаны в опубликованные уже статьи.

Автографы, с которых сделан перевод, хранятся в ЦГАЛИ, ф. 1158 (С. М. Степняка-Кравчинского), он. 1, ед. хр. 59 (основная рукопись), 118, 126, 136, 137, 139 (записные книжки, из которых извлечены, между прочим, и страницы о «Накануне»), 73 («История одной мечты»), 101 и 258 (переведенный Степняком отрывок из «Рудина»), 226, 352 и 792 (письма З. А. Венгеровой, Ф. Марзиэлса и Н. П. Цакни).

ТУРГЕНЕВ *

Биография занимает важное место в изучении деятельности любого человека, оказавшего влияние на жизнь общества, так как помогает разобраться и в своеобразии его личности, и в причинах его поступков и в линии его поведения. Особенно большое значение получает биография, когда речь идет о писателе. Ведь жизненный опыт не только формирует в какой-то степени его личность, но и служит материалом, из которого он сам творит живые образы, живые характеры.

Конечно, нельзя быть писателем, не обладая достаточной долей творческой фантазии; теория «экспериментального романа», провозглашаемая крупнейшим из современных французских прозаиков [1], является лишь одним из многих доказательств богатства его фантазии. Но способность художника принимать, подобно Протею, любой облик, влезать в шкуру тех призрачных существ, которые он сам породил [2], чувствовать вместе с ними и угадывать их затаеннейшие мысли,— эта способность проявляется с особенной силой, когда ей на помощь приходят воспоминания о действительно пережитом и передуманном.

Личный опыт — вот капитал художника, и нет писателя, который бы из него не черпал. Особенно справедливо это в отношении крупнейших талантов — таких, как Тургенев, Джордж Элиот, Теккерей, Джейн Остен, граф Толстой,— которые стремятся быть верными правде жизни. Источником вдохновения для них всех служил личный опыт. В основе почти каждого созданного ими персонажа был живой прообраз, в подоплеке многих сюжетных ходов и эпизодов, составляющих необходимую часть художественной ткани произведения, обнаруживаются конкретные факты.

Пытаться проследить историю жизни большого писателя — все равно что вести раскопки в прекрасной горной цепи, контуры которой скрыты пышной растительностью,— кустарником, лесом, цветами; задача исследователя — копать вглубь, пока он не дойдет до гранитной основы, определившей очертания, которыми мы любовались. Подобное исследование, разумеется, никогда не бывает исчерпывающим, ибо бо́льшая часть жизни всякого человека остается тайной даже для самых близких друзей. Но геологам достаточно пробурить несколько шурфов, чтобы разведать искомые залегания и установить их границы.

Те документальные сведения о Тургеневе, которыми мы располагаем, хотя они и далеко не полны, позволяют все же предпринять изучение его жизни с двух сторон — как истории формирования его личности и как источника для его творчества. Прежде всего обратимся к событиям его детства, которое в обоих отношениях было важнейшим периодом его жизни ⟨...⟩

К счастью для детей — Ивана и его старшего брата Николая — Варвара Петровна совсем не занималась их образованием, доверив его всецело французским и немецким гувернерам. Впрочем, сколько-нибудь существенного влияния на детей эти иностранцы, которых она к тому же меняла, как перчатки, не оказали. Как почти всюду в русских помещичьих семьях, в доме у Тургеневых эти учителя, совсем не говорившие по-русски, или, что хуже, говорившие на ломаном русском языке, были предметом не столько уважения, сколько насмешек.

Мальчики были предоставлены сами себе. Истинными воспитателями их были крепостные; с ними они играли, дружили, жили под общим гнетом, и так же, как они, зависели от милостей и капризов того же деспота. Условия не наилучшие для воспитания молодых дворян, но не такие уж плохие. Дворовая челядь русских помещиков представляла собой любо-

* Перевод с английского М. И. Перпер.

пытное явление. Это был бесспорно самый несчастный разряд крепостного крестьянства. Сельское население во времена крепостничества находилось в полной и абсолютной власти своих помещиков или их управляющих, однако самая многочисленность крестьян спасала их от наиболее неприятных последствий этой зависимости — вторжения в их личную жизнь. Они жили в собственных избах, пусть дымных, тесных и грязных; у них были клочки собственной земли, которые они возделывали для себя; скопив немного денег, они могли получить относительную свободу, откупаясь оброком от своего господина. Законных прав у крепостных не было никаких. Но существовали неписанные обычаи и традиции. В деревне был свой «мир», т. е. самоуправление, правда очень ограниченное и шаткое, но все же имевшее какую-то степень самостоятельности. Эти привилегии, не обусловленные законом, а проистекавшие из характера сложившихся общественных отношений, крестьянин утрачивал, когда его забирали от сохи в господский дом.

Зато дворовые были рабами в самом полном смысле слова, рабами, постоянно находившимися на глазах у господина, вынужденными исполнять все его прихоти и терпеть все его капризы и припадки гнева, не имевшими никакой собственности, рабами, которые даже собственное тело и душу не могли назвать своими.

И все же — так странно действует человеческое тщеславие — эти несчастные,— только потому, что их было сравнительно немного, что они находились близко к господам и одевались по-особенному,— с презрением взирали на основную массу крестьянства, как на людей, стоящих ниже.

В замечательном рассказе Тургенева из крестьянской жизни «Постоялый двор» крепостная горничная Дуняша чувствует себя глубоко обиженной, оскорбленной сватовством Акима только потому, что он — простой мужик, а она — потомственная дворовая. Между тем поклонник ее держал постоялый двор и мог ей предложить относительное благосостояние и независимость. Таково характерное свойство дворовых людей. Придворные какого-нибудь мелкого князя, полуголодные и задерганные, с таким же нелепым тщеславием смотрят на рядовых граждан княжества. Отношение дворовой прислуги к господам, особенно к господам из старых дворянских родов, в течение ряда поколений владевших своими поместьями, напоминает отчасти отношение бедных членов клана к своему вождю. Так уж устроен человек, что он не может жить собою одним. Ему необходимо выйти за пределы собственной личности, посвятить себя чему-то или кому-то, пусть даже отдать сокровища своей души недостойному, только бы не замкнуться в себе, не засохнуть в безжизненном одиночестве.

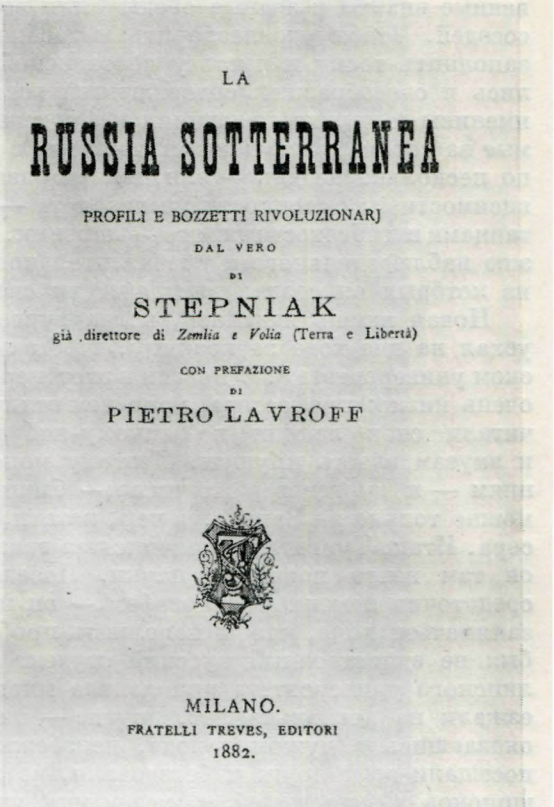
Толстой в «Детстве и отрочестве» дал нам замечательно яркий пример этой бескорыстной, слепой, собачьей привязанности в образе няни Савишны, которая была настолько предана интересам своих господ, что отказалась от замужества и знать не хотела своей родни; а когда госпожа собралась вознаградить ее за многолетнюю службу свободой и обеспечить ее старость, разорвала в клочки вольную и разрыдалась, сетуя, что, видно, не угодила господам, раз они хотят ее прогнать. Подобные персонажи не так уж редки. Они проходят через всю русскую литературу, начиная с «Капитанской дочки» Пушкина, именно потому, что люди такого типа встречались постоянно в русской действительности 〈...〉

Жизнь русского мальчика среди крепостных слуг нельзя уподоблять жизни юного римского патриция или сына плантатора из южных штатов, выросшего среди отцовских рабов. Крепостные были русские, как и сам барчук. Они любили свою родину, испытывали патриотические чувства, и лучшие среди них имели свою гордость, свое человеческое достоинство, свои высокие помыслы. Их было за что уважать и любить. Это были преданные, любящие люди. Неудивительно, что маленький Тур-

«ПОДПОЛЬНАЯ РОССИЯ»
С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО.
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ (МИЛАН, 1882)

Книга издана на итальянском языке
с предисловием П. Л. Лаврова

Титульный лист



LA

RUSSIA SOTTERRANEA

PROFILI E BOZZETTI RIVOLUZIONARJ

DAL VERO

DI

STEPNIAK

già direttore di *Zemlia e Volia* (Terra e Libertà)

CON PREFAZIONE

DI

PIETRO LAVROFF

MILANO.
FRATELLI TREVES, EDITORI
1882.

генев чувствовал себя с ними гораздо лучше, чем со своей матерью. У них находил он истинную доброту и душевность. Из их рассказов он познакомился с историей своего рода ⟨...⟩

Уже студентом, восемнадцати-девятнадцати лет, Тургенев стал противником крепостного права. Каждое лето он приезжал в свое родное Спасское. Мать, не проявлявшая к нему нежности в детстве, теперь полюбила взрослого сына, отдавала ему предпочтение перед всеми и даже старалась себя сдерживать ради него. При нем в царстве ужаса становилось легче дышать и мрачная раздражительность Варвары Петровны уступала место более ровному и мягкому настроению. Весь дом поэтому с надеждой ждал приезда Тургенева. Но, разумеется, облегчение бывало только временным и непрочным. Тургенев осторожно уговаривал свою мать изменить обхождение с дворовыми, доказывая, что, если она перестанет притеснять людей, они будут служить ей не за страх, а за совесть. Но привычка к деспотизму слишком глубоко укоренилась, и замечания сына только заставляли ее спрашивать подозрительно: «Что, разве кто-нибудь жаловался тебе?»[3] Тургенев отчаялся и бросил безнадежное дело. Дома он, впрочем, старался не засиживаться. Он увлекся охотой и неделями бродил по полям и лесам с ружьем и собакой, наслаждаясь природой, приглядываясь к крестьянам, обнаруживая и изучая разные типы, встречающиеся среди них, и все больше приучаясь любить их, уважать и жалеть.

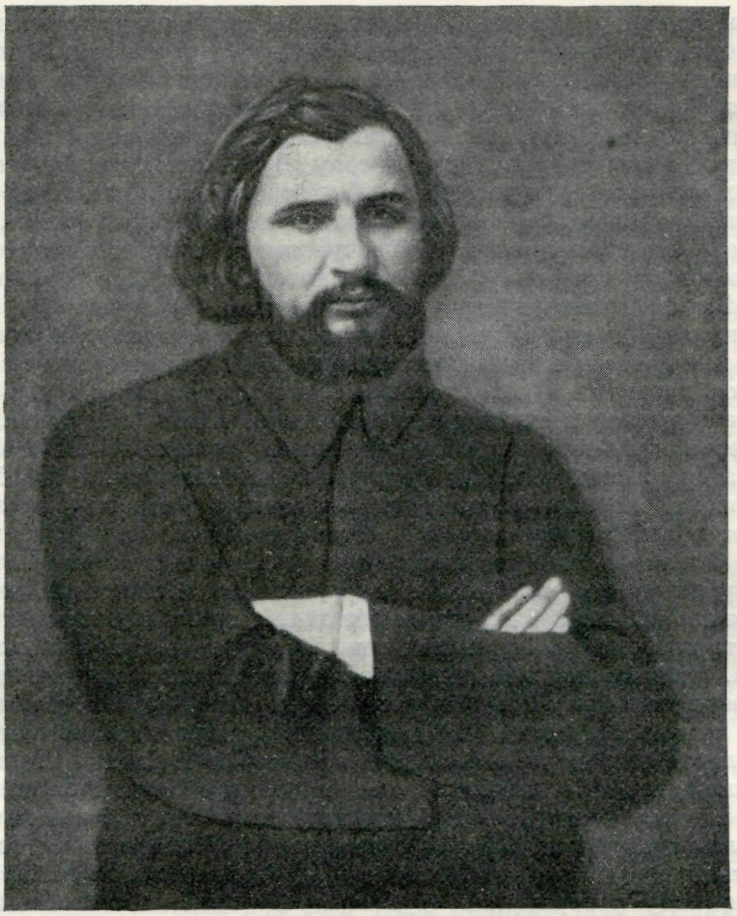
Встречался он и с представителями своего класса, непрерывным потоком проходившими перед его глазами. В доме Тургеневых царило старинное гостеприимство — обычай, необходимый в стране, где дворянские поместья находились на таком расстоянии друг от друга, что обыкно-

венные визиты и званые обеды были возможны лишь для самых близких соседей. Чтобы удовлетворить потребность общения с себе подобными и заполнить тоску и пустоту деревенской жизни, наши предки превращались в своеобразных содержателей гостиниц <...> В дни рождений, на именины и другие праздники к Тургеневым съезжались родные и знакомые за сотни верст, целыми семьями, с чадами и домочадцами, и гостили по несколько недель — ели, пили и развлекались кто как хотел,— в зависимости от склонностей и возраста — кто охотой, кто пикниками, кто танцами и любезностями, кто — картами. Все это обогащало память и фантазию наблюдательного и впечатлительного юноши образами и картинами, из которых он создал впоследствии свою удивительную галерею.

Новая жизнь началась, когда Тургенев, по окончании университета, уехал на два года за границу, чтобы завершить образование в Берлинском университете [4]. В России в этот период университетская наука стояла очень низко; профессора, мало чем отличавшиеся от школьных учителей, читали свои лекции по какому-нибудь учебнику, приспособленному к вкусам власть имущих. Поэтому молодые люди, стремившиеся к знаниям — и Тургенев в их числе,— были убеждены, что серьезно учиться можно только на Западе, в чем, кстати, их поддерживали и сами профессора. Итак, Тургенев отправился за границу в поисках знаний. Но нашел он там нечто поважнее науки. Поселившись в Берлине — тогдашнем средоточии немецкой философии,— он начал усердно посещать лекции и заниматься дома, чтобы пополнить пробелы в своем образовании. Но он был не единственный русский студент в Берлине. Громкая слава Берлинского университета привлекала много русской молодежи. Одни приезжали на несколько лет, другие — на несколько месяцев, и все они, оказавшись в чужом городе, неизбежно стремились сплотиться, часто посещали друг друга и беседовали, не стесняемые боязнью полицейских шпионов. Среди людей, с которыми Тургенев встречался в Берлине, достаточно назвать имена профессора истории Грановского, чьи великолепные лекции составили эпоху в русской университетской науке, великого агитатора и революционера Михаила Бакунина, а также одаренного юношу Станкевича, который прожил немногим больше 20 лет и не оставил никаких трудов, но успел глубоко повлиять на всех, с кем соприкасался. Это была, должно быть, одна из тех благородных, идеальных натур, которые покоряют своей моральной чистотой и высоким душевным строем.

Большое влияние оказал также на Тургенева — об этом нельзя было писать в русской печати — его дядя Николай Тургенев, известный декабрист (член общества, устроившего 14 декабря 1825 г. военное восстание в Санкт-Петербурге) [5]. Это был один из благороднейших и замечательнейших людей своего поколения. Прирожденный государственный деятель, он рано привлек внимание министров Александра I и самого царя, назначившего его на пост министра внутренних дел и говорившего, что это единственный человек, который в состоянии заменить великого министра Сперанского. Николай Тургенев занимал и другие важные посты. Уже в 1820 году он подал царю записку о необходимости уничтожить крепостное право [6]. Записка эта произвела на царя такое впечатление, что он обещал непременно «сделать что-нибудь для крепостных» — и не выполнил обещания.

Несмотря на отсутствие прямых доказательств участия Николая Тургенева в заговоре 14 декабря, он как член тайного общества, подготовившего почву для этого заговора, был вместе с другими приговорен к смертной казни и избежал мести Николая I только благодаря тому, что случайно оказался за границей в тот момент, когда царь Александр внезапно умер и заговорщики решили воспользоваться растерянностью, охватившей высшие правительственные сферы. Николай Тургенев поселился



ТУРГЕНЕВ
Фотография с дагерротипа 1840-х годов
Экземпляр из бумаг А. И. Герцена
Центральный архив литературы и искусства, Москва

после этого во Франции, где выпустил книгу «Россия и русские», в которой впервые перед лицом западного цивилизованного мира утверждалось право русского народа на свободу.

Живя за границей, Тургенев время от времени бывал у своего дяди и глубоко к нему привязался. Ореол мученика за великое дело, так сильно импонирующий молодежи, могучий ум, поразительная целеустремленность и сила характера (всегда производившая особое впечатление на Тургенева),— все это вместе взятое оказало сильнейшее воздействие на двадцатилетнего юношу. Он сделался восторженным поклонником своего дяди, который преподал ему первые уроки политического мышления, передал ему сквозь всю жизнь пронесенную ненависть к крепостничеству, свои свободолюбивые идеалы.

Итак, первая поездка за границу привела Тургенева в лагерь сторонников русской свободы. Это благотворное влияние имело, однако, и неприятную сторону. Николай Тургенев был политическим эмигрантом. Для подданных мрачного и подозрительного Николая I было вовсе не безопасно встречаться, а тем более сближаться с таким известным врагом

царя, как Николай Тургенев. То, что их связывали родственные отношения, не меняло дела по существу. Молодой Тургенев старался держать свои посещения дяди втайне, но у него никогда не было уверенности в том, что ему удалось обмануть бдительность полицейских шпионов, следивших за домом знаменитого эмигранта. Уже в старости Тургенев рассказывал нашему другу, профессору Драгоманову, о муках страха, терзавших его из-за этих посещений. Чувство страха, бывшее проклятием его детства, вновь охватило Тургенева, причем в такой форме, которая далеко не благотворно действует на чувствительный, склонный к фантазированию и от природы робкий характер.

В 1841 году Тургенев вернулся в Россию ⟨...⟩

Он уже переступил грань, отделяющую подростка от мужчины. Его взгляды и стремления сделались шире. Он сильно подвинулся в своем умственном развитии и стал гораздо богаче опытом.

В петербургском литературном мире, тогда настолько узком, что всякое новое, сколько-нибудь интересное лицо привлекало к себе внимание, Тургенева сразу заметили как остроумного собеседника, как образованного человека, отлично владеющего семью языками и хорошо знающего европейскую литературу, и как аристократа, пробующего силы в литературе [7]. Однако в том литературном кружке, куда его неудержимо влекло, он произвел впечатление неблагоприятное. Юношеская резкость и самонадеянность (усугубленные воспитанием среди крепостных), беспорядочность пылкого воображения отталкивали от него лучших из современников, которые лишь позднее разглядели золото под грязью. Позерство, стремление блистать в обществе, рисовка — черты, вообще свойственные молодым людям, у Тургенева доходили до крайности. Один из его ближайших друзей рассказывает, что в глазах Тургенева того периода походить на других было самым унизительным состоянием, в какое мог попасть смертный [8]. Он хотел отличаться от всех и во всем. Иногда это стремление побуждало его рассказывать о себе такие вещи, от которых впоследствии он упорно открещивался. Так он называл клеветой приписываемое ему утверждение, будто перед Сикстинской Мадонной он чувствовал зуд под коленями и ощущал, как икры его ног становились треугольниками. Однако в свое время он именно это утверждал [9].

Он не мог вынести, чтобы кого-либо хвалили или превозносили. Новым светилом на литературном небосклоне был тогда Достоевский. Тургенев вызвал своими шутками и насмешками в талантливом, но недостаточно находчивом и страшно впечатлительном молодом человеке глубочайшую ненависть, от которой автор «Преступления и наказания» так и не избавился до конца жизни. Особенно болезненно подействовала на Достоевского сочиненная Тургеневым пародия на «Бедных людей» (в виде послания героя к автору), в которой до отвращения часто повторялись ласкательные слова, употребляемые персонажами Достоевского [10].

Сочинение пародий и карикатур на друзей и знакомых было в то время излюбленным занятием Тургенева. Он находил удовольствие в высмеивании даже таких людей, к серьезным задачам и занятиям которых он на самом деле относился с сочувствием и уважением [11]. Лишь бы произвести впечатление — только это одно имело для него важность. Короче говоря, он был одним из тех, кто, по русской поговорке, для красного словца не пожалеет ни мать, ни отца. На него смотрели как на человека, от которого нельзя ждать ни одного искреннего слова, ни одного искреннего движения души; чья речь становится занимательной только когда он принимается фантазировать, сознательно искажая факты и рассказывая самые невозможные небылицы.

Иногда пренебрежение к правде приводило его к тому, что он позволял себе шутки явно дурного тона [12] ⟨...⟩

В то время он очень страдал от безденежья, так как мать нарочно выдавала ему совершенно мизерное содержание. А ему хотелось блистать великолепием, богатством, и чтобы скрыть свою бедность, он прибегал ко всяческим недостойным ухищрениям, не говоря уж о простой лжи.

Трудно поверить, что таким был когда-то человек, которого мы знаем деликатнейшим, утонченно вежливым, щедрым и великодушным, почти идеально простым в обхождении и высоко благородным. Тем не менее, все это правда. Изучая жизнь Тургенева, мы наблюдаем не только развитие его замечательного таланта, но и постепенное превращение грубого, самонадеянного, бесцеремонного юноши в скромнейшую, чистейшую, благороднейшую личность. «Внутренний человек» постепенно пробился сквозь грубую скорлупу, в которую был заключен; в этом процессе высвобождения и очищения немалую роль сыграли годы и пережитые страдания, но больше всего — священное пламя искусства, неугасимо пылавшее в его душе. Искусство не выносит притворства, неискренности, аффектации. Искусство есть истина. Ложное искусство — это не плохое искусство, а вообще не искусство, так же как поддельное золото вообще не золото. Тургенев родился художником в самом полном, самом истинном смысле этого слова.

Даже в худший период своей жизни, когда он был беззастенчивым хвастуном, он делался простым, естественным, правдивым, как только брал в руки перо. По мере же того, как развивался его талант художника, в нем самом все больше и больше перевешивало стремление к правдивости. Конфликт между заключенными в нем двумя характерами должен был разрешиться победой лучшего и сильнейшего из них. То, что возобладало в основном, должно было победить и в частностях.

К этому времени относится вступление Тургенева в литературу. В 1843 г. он написал поэму («Параша»). Почему он начал пробу сил с поэзии, объяснить нетрудно. Ему хотелось выразить все, что бурлило в его молодом сознании, и он воспользовался для этого наиболее популярной в то время литературной формой.

Верховным властителем дум был тогда великий поэт Пушкин, которого мы считаем основателем нашей национальной литературы. Со смерти Пушкина (1837) прошло всего несколько лет. Лучшие произведения Пушкина — поэмы; его проза, за исключением одной неоконченной повести, не идет ни в какое сравнение с ними. И вот русскую литературу заполонили стихи. Даже Гоголь, наиболее поэтический из наших гениальных писателей, начинал стихами.

Человеку с таким поэтическим талантом, как Тургенев, нетрудно было ошибиться в своем призвании и попытаться следовать за учителем не только в содержании, но и в самой форме. Прием, оказанный его первой поэме, поддержал это заблуждение, побуждая его продолжать в том же духе.

Русская литература, находившаяся тогда в периоде становления — все написанное до Пушкина, за исключением, пожалуй, одной только комедии Фонвизина, имеет лишь цену исторических документов,— эта молодая литература получила, к счастью, замечательного критика Белинского, который так же велик в своей области, как Пушкин в своей. В Западной Европе о нем не слышали, да, пожалуй, и не услышат. Даже в России, где его имя — одно из самых славных, широкая публика уже его не читает. Творчество критика, как и всякого крупного публициста, обычно исчерпывается и поглощается его современниками целиком. Его влияние подобно воздействию дождя, который, впитавшись в почву, вызывает к жизни новые побеги, но не образует вечно текущих рек. При всем том влияние Белинского на современников — да и на последующее поколение — было огромно.

Художественного критика часто недооценивают, считают его деятельность как бы второразрядной. Может быть, это отчасти происходит потому, что каждый человек, обладающий литературным вкусом, является в какой-то мере художественным критиком, так же как каждый, кто может увлечь ребенка сказкой или живо описать характер, пейзаж, является в какой-то мере писателем. Между тем глубочайшее постижение красоты встречается столь же редко, как высочайшая способность к творчеству. Великих критиков так же мало, как великих поэтов и прозаиков,— еще меньше, пожалуй. В России, где литературный вкус сравнительно высок, на полдесятка великих поэтов, романистов, драматургов и сатириков приходится только один великий критик — Белинский ⟨...⟩ Белинский был передовым мыслителем, блестящим, огненным публицистом и в то же время художественным критиком, обладающим настоящим художественным чутьем. Проницательность его представляется чуть ли не сверхъестественной. Прочитав первое юношеское произведение Достоевского, он не только приветствовал его как великого писателя, но пророчески предсказал всю его литературную судьбу. Так же он сразу определил возможности одного второстепенного писателя, Григоровича, указав новый тип произведений, которым тот обогатит русскую литературу. Прочитав первые стихи Лермонтова, напечатанные анонимно в незначительном журнале, Белинский объявил его великим поэтом, будущей славой земли русской.

Эстетическое чутье Белинского было безошибочно. Навряд ли найдется хоть одно его суждение, которое не было бы принято и подтверждено потомством, а если между Белинским и современными критиками обнаруживаются расхождения, то всякий непредубежденный судья станет на сторону того, кто наблюдал первые шаги писателей, а не на сторону его новейших противников, которые имеют возможность судить этих писателей на основании всего их творческого пути.

Невозможно переоценить услуги, оказанные Белинским русской литературе в тот ранний период ее становления, когда и писатели и читатели одинаково нуждались в твердом советчике и руководителе, способном указать правильный путь и предостеречь от опасностей.

Это Белинский истребил старую напыщенную, подражательную школу лжеискусства. Это он истолковал творчество Пушкина и Гоголя, обеспечив победу их направлений и облегчив первые шаги их последователям.

Развитие русской литературы по тому пути, по которому оно пошло, было неизбежно, потому что только этот путь отвечал национальному духу русского народа. Но навряд ли это развитие совершилось бы так быстро и уверенно без могучей помощи великого критика.

Когда Тургенев вступал на литературное поприще, Белинский был в апогее своей славы и расцвете сил. С бьющимся сердцем принес молодой автор экземпляр только что вышедшей своей поэмы на квартиру Белинского, оставил его слуге, отворившему дверь, и уехал затем к себе в Спасское — ожидать отзыва Белинского. Этот отзыв, появившийся в майской (1843 года) книжке «Отечественных записок», может служить еще одним примером проницательности критика. Как всегда с начинающими писателями, в которых он признавал талант, Белинский был очень снисходителен, но не перехвалил Тургенева. Он достаточно ясно дал понять, что это поэт не первого ранга, отметил подражание Пушкину и особенно — Лермонтову, но подражание исторически оправданное, а не рабское [13]. Ведь только совершенно лишенные дарования люди впадают в холодное и бездушное подражательство, а критик обнаружил у молодого автора «необыкновенный поэтический талант», верную наблюдательность, глубокую мысль, выхваченную из тайника русского сознания, глубокое

чувство действительности — качества, показывающего в авторе сына своего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его.

В прозе Тургенева все эти качества действительно выступают ярко, но поразительно, что великий критик сумел обнаружить их и в другой форме, чуждой истинному призванию писателя.

Этот отзыв Белинского, говорит Тургенев, определил его судьбу, дал ему мужество возвратиться к литературным занятиям [14].

Однако эту небольшую поэму (она называлась «Параша») нельзя найти в собрании сочинений Тургенева. Писатель, так высоко ценивший поэзию, считал свои стихотворные произведения негодным хламом, не имел у себя ни одного экземпляра своих поэм, никогда не перечитывал их и чувствовал к ним положительную, чуть ли не физическую антипатию. Он говорил, что дорого бы дал, чтобы их вообще не существовало на свете[15] ⟨...⟩

Но Тургенев не отказывался от своих пьес, хотя некоторые из них слабее «Параши». Эта странная антипатия к собственным стихотворениям объясняется, вероятно, особенностями психологии писателя, который на протяжении трех лет пытался покорить своей воле упрямого Пегаса и так устал от этих бесплодных попыток, что потерял веру в себя и «возымел твердое намерение вовсе оставить литературу»,— как он сам сообщает в своих воспоминаниях[16]. В столе у него лежало несколько рассказов и очерков, но по своей чрезвычайной скромности и робости, боязни поверить в свои литературные силы, Тургенев не придавал им никакого значения и даже не пытался их опубликовать ⟨...⟩

⟨...⟩ В 1846 г. г-жа Виардо, после гастролей в Петербурге, уехала в Берлин, где у нее был ангажемент в Королевской опере. Тургенев последовал за ней и провел за границей четыре года. Этот период особенно значителен в жизни писателя. Ведь именно тогда, во время своего длительного пребывания за пределами родины, он «нашел себя», понял характер своего дарования, что почти так же важно, как обладать этим дарованием.

Тургенев написал тогда большую часть очерков, собранных потом под общим заглавием «Записок охотника». Это было выполнение его Аннибаловской клятвы, его способ борьбы против ненавистного врага — крепостного права.

В своих воспоминаниях Тургенев говорит, что не мог бы написать эти очерки, если бы не уехал из России. Ему нужно было удалиться от этого страшного зла, именуемого крепостничеством, чтобы лучше его разглядеть и определить его истинные размеры. Очутившись в чуждой, безразличной для него обстановке, не возбуждавшей в нем никаких художнических переживаний, он сумел внимательнее прислушаться к голосу своего еще до конца не раскрывшегося таланта и следовать его велениям [17].

Первый рассказ из этого замечательного ряда называется «Хорь и Калиныч». Это превосходное изображение «во весь рост» двух крестьян, закадычных друзей, представляющих полную противоположность друг другу. Один — прирожденный поэт и мечтатель, другой — практический мыслитель, человек с задатками государственного или политического деятеля. Этот двойной портрет остается одним из лучших образцов писательского мастерства Тургенева.

«Хорь и Калиныч» был напечатан в одном из русских журналов [18] и встретил восторженный прием со стороны Белинского и читательской публики. Воодушевленный этим одобрением, Тургенев написал за несколько месяцев еще семь очерков, а за два года создал почти все произведения, составившие книгу, которая вышла в 1852 году под прославленным теперь названием «Записки охотника».

Эта книга определила творческий путь писателя, позволила ему сразу занять высокое место в литературе и остается до сих пор самым популяр-

ным из его произведений. Отношение читателей к Тургеневу в дальнейшем не раз менялось. Мы не знаем писателя, который бы пережил больше взлетов и падений во мнении публики, чем он. Но «Записки охотника» оставались незыблемо на своем месте. Самые раздраженные критики никогда не осмеливались нападать на них,— даже те, чья слепота доходила до почти полного отрицания за Тургеневым какого-либо таланта, делали исключение для этой книги, называя ее шедевром, нетленным гениальным творением.

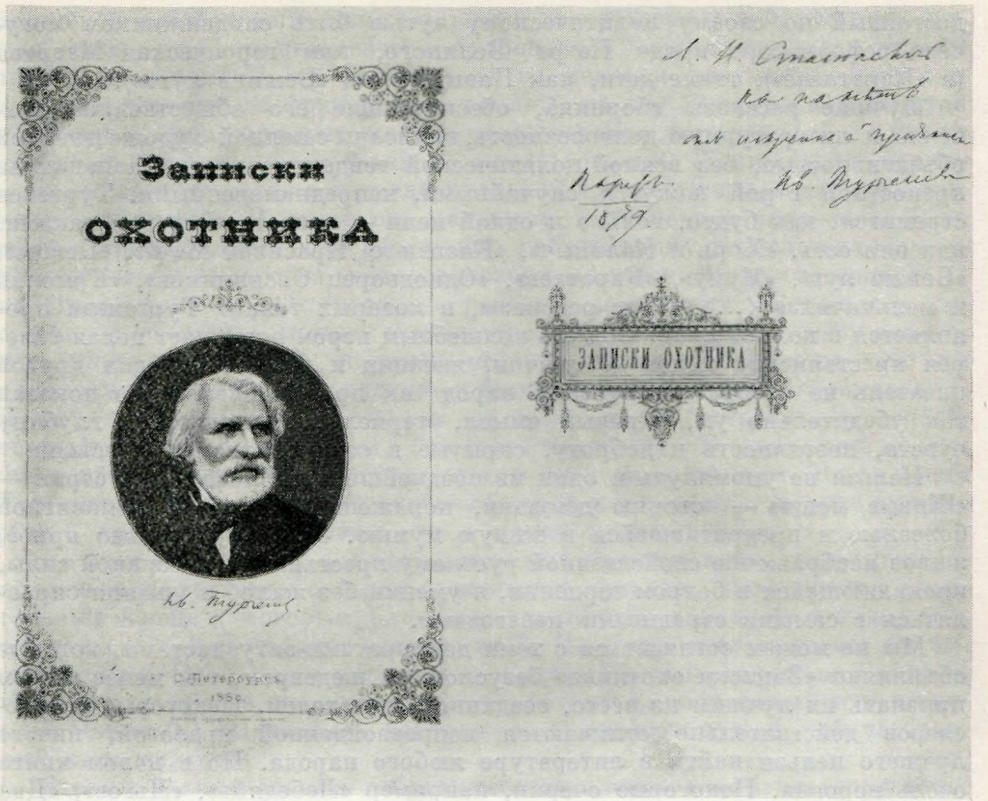
Переменчивое, своенравное и бесцеремонное коллективное существо, именуемое читающей публикой, на этот раз оказалось заодно с критиками. Книга сразу была раскуплена, и читательский спрос на нее все возрастал; до самого конца жизни эта книга служила автору источником постоянного дохода. Несомненно, общественное и политическое значение этой книги как протеста против крепостного права, как удара по крепостничеству ценилось не меньше, чем ее художественные достоинства.

В одной английской статье о Тургеневе говорится, будто царь Александр II заметил как-то, что без «Записок охотника» не было бы освобождения крестьян [19]. Этому навряд ли кто поверит. Но никто не оспаривает широко распространенного мнения, что «Записки охотника» являются русской «Хижиной дяди Тома» и сыграли такую же роль в подготовке освобождения крестьян, какую сыграл роман Бичер-Стоу в деле освобождения черных рабов южных штатов.

Рискуя показаться самонадеянным, я должен заметить, что эта освященная временем оценка преувеличена, а вернее ошибочна. «Записки охотника» отнюдь не являются русской «Хижиной дяди Тома», во-первых, и не сыграли приписываемой им роли в освобождении крестьян, во-вторых. Не требуется повторять ту самоочевидную истину, что в такой стране, как Россия, ни одна книга не могла оказать столь решительное, непосредственное и ощутимое влияние на ход политических дел; подобное действие возможно только в странах, где общественное мнение является решающей силой, определяющей всю жизнь нации. И нетрудно доказать, что книга Тургенева — даже в ограниченных размерах, допускаемых условиями русской жизни — такого действия не имела. Безусловно, в свое время она сыграла роль в развитии борьбы против крепостного права. Ее объявили «возмутительной», Тургенева арестовали на месяц, а потом выслали на шесть лет в его поместье [20], правда, под другим предлогом; цензора, пропустившего книгу, сместили с должности за недосмотр... И все же нельзя рассматривать «Записки охотника» как самое значительное антикрепостническое произведение в России, подобное аболиционистскому роману Бичер-Стоу в Соединенных Штатах. Тургенев писал не для масс, а для немногих избранных, и через этих избранных он в конце концов завоевал внимание более широких читательских кругов [21].

«Антон Горемыка», крестьянская повесть Григоровича, вот что произвело в России впечатление, в какой-то мере напоминающее эффект «Хижины дяди Тома». Теперь эта повесть забыта, потому что как произведение литературы она столь же незначительна, как и знаменитая американская книга. Но она полна сочувствия к страданиям угнетенных крепостных крестьян и имела когда-то огромный успех у широкой публики, которая в России, как и всюду, живет эмоциями. Над повестью Григоровича, а не над рассказами Тургенева, проливались потоки слез: без такой поливки подобные произведения, видимо, не могут успешно прозябать.

Влияние «Записок охотника» было и благотворнее и несравненно обширнее, чем влияние всех «Антонов Горемык» вместе взятых. Но оно



«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА». ПЕРВОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНИЕ (СПб., 1880) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ:

«Л. И. Стасюлевич на память от искренне ей преданного Ив. Тургенева. Париж, 1879»

Титульный лист с портретом Тургенева (гравюра И. И. Матюшина) и шмуцтитул. Дата выхода книги в свет «1880» обозначена неточно — она вышла в октябре 1879 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

было совершенно иным, потому что в основе его лежала не чувствительность публики, возбудить которую не слишком трудно, а не допускающее преувеличений истинное художественное достоинство. Истинное искусство убеждает само по себе. Его достоверность — в нем самом. Оно само живет, и его произведения так же реальны для нас, как то, что мы видим и осязаем. Люди, никогда не бывавшие на войне, чувствуют, прочитав «Войну и мир» Толстого, что там дана истинная картина войны, как она есть. Так же воспринимаются рассказы Тургенева. Они обладают абсолютной убедительностью. Человек, никогда не бывавший в русской деревне, не видевший в лицо русского крестьянина, не сомневается, что в произведениях Тургенева изображены действительные русские характеры.

Эти яркие, живые, чудесные рассказы редко оставляют тяжелое впечатление. Крепостное право в них большей частью находится за сценой, иногда вообще за пределами видимости. Нам редко приходится жалеть крестьян. Но зато мы учимся любить и уважать их, видим, что они такие же люди, как мы сами, и одарены такой моральной силой и умственными способностями, которым могут позавидовать даже самые гордые из нас. В книге нет прямого протеста против крепостных порядков. Но что может быть сильнее и неодолимее этого косвенного протеста? Держать в рабстве народ, среди которого есть такие люди, как Хорь,

достойный по своему политическому чутью быть сподвижником могучего реформатора вроде Петра Великого, как героическая Матрена (в «Каратаеве»), такие дети, как Павлуша (из «Бежина луга»)...

Лучшие рассказы сборника, обеспечившие его общественное значение и литературную долговечность, написаны с полной художественной объективностью, без всякой политической тенденциозности. Нападки на крепостной строй кажутся случайными, непреднамеренными. Тургенев стремится, как будто, только к одной цели — описать крестьян такими, как они есть. «Хорь и Калиныч», «Касьян с Красивой Мечи», «Певцы», «Бежин луг», «Муму», «Каратаев», «Однодворец Овсянников», «Ермолай и мельничиха» ⟨...⟩ — вот рассказы, в которых талант Тургенева проявляется в полной силе. Под его волшебным пером возникает целая галерея крестьянских типов — мужчин, женщин и детей. Ни один другой писатель не изображал русский народ так проникновенно, не показал так убедительно ум, здравый смысл, терпеливое мужество, глубину чувств, поэтичность и доброту, скрытые в сердце русских крестьян.

Нельзя не упомянуть и один из позднейших рассказов этой серии — «Живые мощи» — историю девушки, пораженной какой-то непонятной болезнью и превратившейся в живую мумию. Это поразительно яркое, живое изображение свойственной русскому крестьянину пассивной силы, проявляющейся в бодром терпении, в умении без жалоб и уныния справляться с самыми страшными невзгодами.

Мы не можем согласиться с теми демократами-энтузиастами, которые объявляют «Записки охотника» безусловным шедевром, тем менее можем признать их лучшим из всего, созданного писателем. Некоторые из рассказов действительно отличаются непревзойденной красотой, ничего лучшего нельзя найти в литературе любого народа. Но в целом книга очень неровна. Некоторые очерки, например «Лебедянь», «Льгов», «Два помещика», «Малиновая вода», представляют собой просто беглые зарисовки наблюдений, не отличающиеся ни глубиной, ни емкостью мысли [22].

Другие, вроде «Конторы» и «Бурмистра», чересчур прямолинейно изображают зло крепостничества. Современников они, возможно, волновали больше других рассказов, но на нас уже не могут производить такого впечатления, так как описывают общественное явление, оставшееся в прошлом и теперь представляющее лишь исторический интерес, а не живых людей, которые увлекают воображение читателя во все времена.

Рассказы Тургенева значительно способствовали усилению того взгляда на вещи, при котором уничтожение крепостного права стало не только политической, но и нравственной необходимостью. Но влияние «Записок охотника» простирается гораздо дальше. Тургенев сумел духовно сблизить образованные сословия с народными массами, он перекинул мост через разделявшую их бездну сословных предрассудков и кастовых различий. Оттого что Тургенев, когда писал свою книгу, ставил перед собой определенную цель и цель эта достигнута, книга не потеряла своей художественной ценности, ибо она прежде всего — произведение искусства. Теперь ее понимают лучше, чувствуют глубже и непосредственнее, более широко читают, чем четверть столетия назад. Уже два поколения воспитаны на этой книге, и для многих еще она останется источником таких же свежих и ярких впечатлений, возбуждающих мысль [23] ⟨...⟩.

В романе «Накануне» нашли выражение новые стремления нового поколения, жажда активного участия в жизни, дел, а не слов [24].

Это нравственное пробуждение россиян началось с женщин. Образованные женщины появились в России только в сороковых годах. Прежде мысль о женском образовании воспринималась как дерзкое вольтерьянство, которым грешили лишь очень немногие из дворян. Чтобы быть

достойной руки самого блистательного из представителей русской аристократии, от барышни-невесты требовалось совсем немного: умение читать молитвенник, да расписаться на деловом документе. Если она вдобавок еще читала французские романы, на нее смотрели как на чудо учености. Наши прадеды мало интересовались литературой, а наши прабабки даже не подозревали ее существования. Женщины не принимали никакого участия в интеллектуальной жизни страны, ничего не понимали в политике. В семье они занимали подчиненное положение. Зато они не подвергались непосредственно губительному воздействию крепостнического государства, которое коверкало жизнь мужчин, уродуя их характер, приучая к трусости и рабской покорности. Недостаток умственного развития вполне компенсировался силой непосредственного, искреннего энтузиазма, энергией страсти, которую мужчины того же поколения растрачивали впустую, в бесплодных попытках и стремлениях. И вот, когда время разговоров прошло, когда потребовались дела, впереди оказались женщины. Так было не всегда. В следующий период мы встречаем мужчин, не уступающих в энергии женщинам. Но во время Тургенева этот контраст был особенно силен, и писатель — верное зеркало своего времени — отобразил его в своих произведениях.

Во всех его романах мы находим рядом с высоко интеллектуальными, но слабыми, бесхарактерными мужчинами сильных, энергичных, решительных женщин, которым, благодаря цельности характера и силе воли, принадлежит нравственное главенство [25]. Но нигде этот контраст не выступает так ярко, как в «Накануне». Главный персонаж романа Елена — характер не просто энергичный, но героический, восходящий к пушкинской Марии (из «Полтавы»), которая «с неженскою душой любила бранный звон литавр».

Здесь я должен сделать небольшое отступление о генеалогии русского романа, о духовном родстве лучших русских писателей. Следуя за г. де Вогюэ [26], бесспорно талантливым и блестящим критиком, но слишком часто оказывающимся плохим путеводителем по русской литературе, все зарубежные авторы, насколько мне известно, считают родоначальником русской прозы Гоголя, а Тургенева изображают его прямым последователем. Это, на мой взгляд, совершенно ошибочно. Гоголь был величайшим прозаиком, которого знала Россия. Он стоит выше всех наших писателей, поскольку он определил новое направление русской литературы, привел ее от пустого романтизма к описанию реальной жизни. Гоголь был первым русским реалистом: он основал школу, которая требовала от писателя искусства проникать воображением в самые недра земной жизни, а не парить над ней в безжизненной атмосфере романов с невозможными, несуществующими героями. Но Гоголь не был нашим первым романистом. Настоящий родоначальник русской литературы не Гоголь, а Пушкин.

Трудно найти двух писателей, настолько противоположных, как Гоголь и Тургенев. Гоголь сух, как поросль кактусов: ни тени, ни травинки кругом. «Мертвые души» — это сборище характеров, поразительно живых и ярких, но стоящих как-то особняком, отдельно друг от друга, словно портреты в картинной галерее. Их не связывают ни движения страстей, ни какие-либо внутренние отношения и влияния. Гоголь не умел описывать человеческие страсти, он оказывался до смешного беспомощным, когда пытался изобразить любовные сцены. Его замечательная книга более похожа на путевые записки, чем на роман. Ни настоящего, живого сюжета, ни проблеска чувства, ни единого женского образа, ни одной поэтической строки. Даже его знаменитые лирические отступления не более, чем великолепные образцы риторики.

Тургенев явно представляет полную противоположность. Никто в русской литературе не умел так искусно, как он, сплетать разные элементы

ПОВЕСТЬ «НАКАНУНЕ». ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Вырезка из журнала «Русский вестник» (1860, № 1)

Экземпляр, подаренный автором А. Н. Островскому

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

НА КАНУНѢ

ПОВѢСТЬ

I

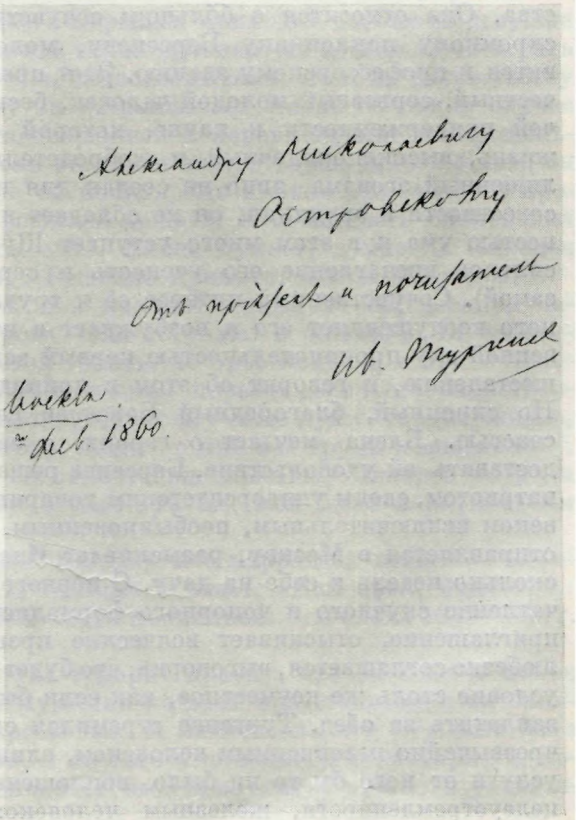
Въ тѣни высокой липы, на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Кунцова, въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней 1853-го года, лежали на травѣ два молодыхъ человѣка. Одинъ, на видъ лѣтъ двадцати-трехъ, высокаго роста, черноглазый, съ острымъ и немного кривымъ носомъ, высокимъ лбомъ и сдержанною улыбкой на широкихъ губахъ, лежалъ на спинѣ и задумчиво глядѣлъ вдаль, слегка прищуривъ свои небольшіе сѣрые глаза; другой лежалъ на груди, подпершись обѣими руками кудрявую бѣлокурую голову, и тоже глядѣлъ куда-то вдаль. Онъ былъ тремя годами старше своего товарища, но казался гораздо моложе: усы его едва пробились и на подбородкѣ вился легкій пухъ. Было что-то дѣтски-миловидное, что-то привлекательно-изящное въ мелкихъ чертахъ его свѣжаго, круглаго лица, въ его сладкихъ, карихъ глазахъ, красныхъ, выпуклыхъ губкахъ и бѣлыхъ ручкахъ. Все въ немъ дышало счастливою веселостью здоровья, дышало молодостью, безпечностью, самонадѣянностью, избалованностью, прелестью молодости. Онъ и повелъ глазами, и улыбался, и подперъ

романа в единое художественное целое. Живые, напряженные и драматичные сюжеты его романов вызывают тем большее восхищение, что они чрезвычайно просты. Тургенев — художник и поэт, и генеалогию его надо вести от поэта, от Пушкина, чьим восторженным учеником и поклонником он всегда себя объявлял. Но за образец Тургенев брал не прозаические повести, которыми наш великий поэт занимался в конце своего творческого пути. Ведь Пушкин смотрел сперва на прозу как на более низкий род литературы, не требующий такого труда, такого напряжения мысли, такой строгой упорядоченности, как поэзия, представляющий собой нечто вроде приятной болтовни. Так кавалерийский офицер считает для себя позором служить в пехоте. И в самом деле, большинство повестей Пушкина — это простые небрежные рассказы, далеко не первоклассные, как «Дубровский» и «Метель», либо страдающие серьезными недостатками, как «Капитанская дочка». Высокое понимание прозы пришло к Пушкину в самом конце жизни,— как можно видеть по его незаконченным «Египетским ночам». Но Пушкин оставил нам роман, который он писал, главу за главой, в течение восьми лет, в который он вложил всю силу своего таланта. Несмотря на некоторые неровности, вызванные слишком большими промежутками между написанием и изданием, этот роман в стихах — величайший в нашей литературе, и в нем следует искать истоки творческого метода Тургенева. Простота, искренность, правдивость — вот характерные свойства русского искусства во всех его отраслях, свойства, соответствующие характеру русского народа. Пушкин первый положил эти принципы в основу словесного искусства. Тургенев следовал за ним по пятам, не только свято, целиком и

полностью, соблюдая эти великие заповеди истинного родоначальника русской литературы, но и подражая ему в форме своих произведений. Романы Тургенева можно назвать поэмами, так они кратки и сжаты, сосредоточенны, свободны от всяких ненужностей. Это чистое выдержанное вино, без единой капли воды, без примеси. Та же ясность и выразительность, то же изящество, та же сдержанность.

Сравнивая два родственных характера — Марию и Елену,— трудно различить, какой создан поэтом, а какой прозаиком. Мы ни на минуту не хотим предположить, что Тургенев заимствовал у Пушкина образ героической девушки, возможно, он даже не думал об этом, не видел никакой родственной связи между своей Еленой и героиней пушкинской поэмы. И характер девушки и основные линии романа были взяты из жизни, из истинного происшествия ⟨...⟩ [27]

Тургенев вспомнил об этой истории, когда искал сюжет для выражения новых мыслей, новых понятий, заполнивших его сознание. Лучшего нельзя было найти. Главной в новом романе Тургенева должна была стать политическая идея. Но в тот период (незадолго до отмены крепостного права) в русской жизни нельзя было найти ни политический мотив, соответствующий замыслу писателя, ни подходящего героя (дон-кихоты и чудаки тут не годились, а о том, чтобы сделать героем иностранца, немца или француза, например, не могло быть и речи. Другое дело славяне— братья по крови и языку, да к тому же наполовину русские по образованию. Стремления такого героя были близки и понятны русской девушке, и она могла полюбить его, не утрачивая своей национальности, оставаясь русской) ⟨...⟩



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ, ПРИЛОЖЕННАЯ К ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПОВЕСТИ «НАКАНУНЕ»:

«Александру Николаевичу Островскому от приятеля и почитателя Ив. Тургенева. Москва, ⟨1⟩-го фев⟨раля⟩ 1860.

Надпись сделана на вкладном листе к вырезке из журнала «Русский вестник» (1860, № 1)

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

В подлинно художественных произведениях литературы как естественное воспринимается чаще всего вовсе не то, что само собой разумеется. Убедительнее и правдоподобнее оказывается неожиданное — и не только в сюжетных поворотах, но и в характерах героев.

Характер Елены в условиях ее происхождения и воспитания кажется необъяснимым. Ее мать — это преждевременно состарившаяся слезливая робкая женщина, рабски преданная мужу, который обращается с ней снисходительно-пренебрежительно, на манер восточного паши. Отец Елены Стаховой — напыщенный тупица, самодовольный упрямый эгоист ⟨...⟩

Елена предстает перед нами спокойной, серьезной, сердечной девушкой. За ней усердно ухаживают два молодых человека. Один из них — Шубин, одаренный молодой скульптор, на голову выше всех прочих ее поклонников, ибо в нем одном горит искра божия — прирожденный талант. Кажется, сама природа выделила его и поставила выше простых смертных. В доме Стаховых он принят как свой, он был товарищем детских игр Елены. Елена, как большинство людей героического склада, не знает толка в художестве, а характер Шубина — ветреный, импульсивный, переменчивый, как погода,— не импонирует ей ничуть. Говорят, что художественная натура представляет собой сочетание двух начал: мужского и женского. Шубин может служить блестящим подтверждением этой мысли. Он капризен, непостоянен, истеричен, как женщина, его чувства страшно обострены, но быстро проходят, ни любовь, ни ненависть не захватывают его надолго. Даже его благородство кажется не столько проявлением высокой души, сколько слабостью воли. Такая девушка, как Елена, не может смотреть на этого слабого человека иначе как сверху вниз, с высоты своего юного, еще не осознанного превосходства. Она относится с бóльшим сочувствием к другу Шубина, своему скромному поклоннику Берсеневу, молодому ученому, который готовится к профессорскому званию. Этот превосходный во всех отношениях, честный, серьезный молодой человек, бескорыстный и в любви и в горячей приверженности к науке, которой он собирается посвятить свою жизнь, высокопорядочный и добродетельный до смешного, совершенно лишенный эгоизма, явно не создан для первых ролей. При всей добросовестности и эрудиции, он не обладает ни в малейшей степени самобытностью ума и в этом много уступает Шубину, но на Елену производит сильное впечатление его ученость и серьезность (качество сродное ей самой). Сочувственный интерес ее к трудам и воззрениям молодого ученого воодушевляет его и возбуждает в нем надежды. Шубин со свойственной ему проницательностью первый замечает, как близки они к осуществлению, и говорит об этом в припадке раздражения своему другу. Но скромный, благородный Берсенев сам становится поперек своему счастью. Елена мечтает о героях, о замечательных людях, и, чтобы доставить ей удовольствие, Берсенев решает познакомить ее с болгарским патриотом, своим университетским товарищем, которого он считает человеком исключительным, необыкновенным, и к тому же героем. Берсенев отправляется в Москву, разыскивает Инсарова и приглашает его на несколько недель к себе на дачу. С первого взгляда герой производит впечатление скучного и чопорного формалиста, он долго не хочет принять приглашение, отыскивает всяческие препятствия, наконец, весьма нелюбезно соглашается, выговорив, что будет платить приятелю за комнату — условие столь же неуместное, как если бы, побывав в гостях, он вздумал заплатить за обед. Тургенев стремился сделать своего героя сильным и чрезвычайно независимым человеком, слишком гордым, чтобы принимать услуги от кого бы то ни было, воплощением решительности и страстной целеустремленности, железным человеком.

Из всех романов Тургенева «Накануне», пожалуй, самый богатый по числу, разнообразию и оригинальности характеров. Шубин, Берсенев, Увар Иванович, отец и мать Елены, не говоря уже о ней самой, все это яркие, живые, правдивые образы. Не удался только главный герой. Инсаров дубоват, несмотря на все качества, которыми автор его наделил. Тургенев не встречал в жизни таких людей, а без живой натуры перед своим мысленным взором он рисовать не умел.

Увидев Инсарова, Елена испытала разочарование. Не таким представлялся ей герой. Но он ее интересует, ей лестно и приятно, что он находит удовольствие в ее обществе. Он часто бывает у Стаховых, и родители, не видя в нем кандидата в женихи, не мешают его беседам с Еленой. Постепенно молодые люди сближаются. Елена, уже слышавшая от Берсенева историю Инсарова, из его собственных уст узнает новые, другим неизвестные, подробности его богатой приключениями жизни, узнает об опасностях, которым он подвергался, о смертной казни, которой едва избежал, о цене, объявленной за его голову. Она гордится доверием, ей оказанным, чувствует, что эта тайна, которую она разделяет, связывает их вместе и внутренняя связь между ними крепнет. Ее охватывает тревога, с ней происходит что-то необычное. Всю жизнь она чего-то ждала, ее мучили безответные вопросы, неясные, непонятные ей самой порывы. Кто-то должен был прийти и разрешить эти вопросы, указать ей путь. Такому человеку она отдаст себя, посвятит ему жизнь, пойдет за ним всюду, отказавшись от всех своих привычек, от родных, от отечества [28] 〈...〉

И вот последнее слово записано в дневник. Загадка разрешена. Жребий брошен. Счастье или несчастье ждет Елену — это уже зависит не от нее. Да и не искание семейного счастья руководит ею, она стремится к неженскому делу.

Тут Инсаров вдруг пропадает. Берсенев приходит сообщить девушке об его отъезде. Еще раз, движимый великодушием, он соглашается играть роль второй скрипки. Его любовь самоотверженна, и он не дает чувству ревности ее отравить. Поэтому он рассказывает Елене об одном случае из жизни Инсарова — как заподозренный в неравнодушии к хорошенькой девушке, он сказал, что если бы такое несчастье случилось с ним, он немедленно бы уехал,— и дает ей понять, что именно это сейчас и произошло: Инсаров полюбил и решился бежать. В истинности объяснения нельзя усомниться. Оставшись одна, Елена думает, думает... Наконец она встает и выходит из дому. Решение принято, мосты сожжены.

〈...〉 Застигнутая дождем, Елена находит приют в заброшенной часовенке и встречает там Инсарова. Они вступают в разговор. Елена требует объяснения, почему он хотел уехать, не простившись, и когда Инсаров отказывается отвечать, в героическом порыве девичьего самоотвержения, она признается ему в любви, отдает ему свою душу, сердце, жизнь, обещает следовать за ним повсюду, делить с ним все труды и опасности... И потрясенный ее любовью, ее самоотверженностью, Инсаров гордо и радостно приветствует ее: «Так здравствуй же, моя жена перед людьми и перед богом!» 〈...〉

«Когда ж наша придет пора? Когда у нас народятся люди?» — спрашивал Шубин в «Накануне» и слышал в ответ: «Дай срок, будут».

В следующем же романе такие люди появились. Вся эпоха 1855—60 гг. была эпохой ломки 〈...〉

Базаров силен тем, что всегда говорит правду, что он смел и полон энергии, что он единственный мужчина из всех представителей интеллигентного типа, выведенных Тургеневым. И любопытно, что Тургенев взял его не из крупного дворянства, а из того умственного пролетариата, который должен был в действительности стоять во главе русского умственного движения 〈...〉

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду творческая практика Эмиля Золя и его воззрения на цели и существо художественной литературы, высказанные в книге «Экспериментальный роман» (E. Zola. Roman experimentale. Paris, 1880).

[2] Здесь и в предыдущем абзаце Степняк использует известные шекспировские выражения из характеристики поэтического творчества в комедии «Сон в летнюю ночь» (акт V, сцена 1):

Поэта взор скользит в безумье дивном
С небес на землю и с земли на небо;
Когда ж творит воображенье формы
Вещей неведомых,— поэт пером
Дает им плоть, воздушному «ничто»
Даруя место в мире и названье.

[3] См. В. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961, стр. 95—99.

[4] См. «Литературные и житейские воспоминания».

[5] О родстве писателя с декабристом Н. И. Тургеневым и об их встречах за границей Степняк слышал от М. П. Драгоманова, который в своих опубликованных в 1892 г. в Женеве «Воспоминаниях о знакомстве с И. С. Тургеневым» также называет Н. И. Тургенева дядей писателя. На самом деле они принадлежали к разным родам (древнейшим известным предком декабриста считался Борис Тургенев, живший в первой половине XVII в., а род писателя восходит к татарскому мурзе из Золотой орды Льву Тургеневу, крещенному Иваном, 1425—1462, и насчитывает 14 поколений), но общность фамилии и возникшая между ними в годы пребывания молодого Тургенева за границей близость дали основания для легенды о родстве.

[6] Эта записка «Нечто о крепостном состоянии в России» была опубликована Н. И. Тургеневым в 1862 г. за границей.

[7] См. И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1950, стр. 280.

[8] Анненков 1960, стр. 382.

[9] Там же.

[10] См. А. Я. Панаева. Воспоминания. М., 1948, стр. 156—158.

[11] Анненков 1960 (стр. 384) и Панаева (стр. 250—251, 301).

[12] Следует опускаемый здесь анекдот о приглашении друзей на обед, который не был приготовлен. См. Анненков 1960 (стр. 384—385) и Панаева (стр. 127—129).

[13] Ср. письмо Тургенева к Полине Виардо от 18/30 апреля 1848 г.: «Глупый человек подражает рабски; умный человек без таланта подражает претенциозно и с усилием, с самым худшим изо всех усилий, с усилием быть оригинальным».

[14] «Литературные и житейские воспоминания».

[15] Письмо Тургенева к С. А. Венгерову от 7/19 июня 1874 г.

[16] Ср. Тургенев. Автобиография.

[17] «Литературные и житейские воспоминания».

[18] Рассказ «Хорь и Калиныч» был напечатан в № 1 «Современника» за 1847 г.

[19] Этот анекдот не раз повторялся в печати. См., например: Е. П. Кавелина. «И. С. Тургенев в оценке своих ближайших современников». СПб., 1887.

[20] На самом деле Тургенев вынужден был провести в Спасском около двух лет: с мая 1852 г. по декабрь 1853 г. Ошибка Степняка вызвана неправильным пониманием слов Анненкова «Шесть лет за тем прожил наш поэт безвыездно в России» (Анненков 1960, стр. 397).

[21] Нижеследующие три абзаца взяты из другой черновой редакции.

[22] В суровой оценке «Лебедяни» и некоторых других рассказов Тургенева Степняк следует за Белинским (см., например, письмо Белинского к Анненкову от 15 февраля 1848 г. — Белинский, т. XII, стр. 466).

[23] Далее в рукописи следует не приводимое здесь подробное рассмотрение романов «Рудин» и «Дворянское гнездо». См. об этом выше, в вступ. заметке.

[24] Следующие ниже замечания о «Накануне» представляют собой черновой набросок, обнаруженный в записных книжках Степняка. В переводе использованы формулировки и обороты из конспекта книги о Тургеневе, написанного в основном по-русски.

[25] Ср. Анненков 1960, стр. 337—338; также: П. А. Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. СПб., 1907, стр. 108—109.

[26] Имеется в виду книга — Э. де Вогюэ «Русский роман» («Le roman russe». Paris, 1888), сложившаяся из его статей о русских писателях; эти статьи печатались в течение ряда лет в «Revue des Deux Mondes» и служили источником фактических сведений, а часто и суждений для многих европейских и американских журналистов.

[27] Степняк предполагал изложить здесь рассказанную Тургеневым (в предисловии к изданию 1880 г.), а также Анненковым (стр. 427—428) историю болгарина Катранова, оставившего писателю свое сочинение, сюжет которого лег в основу «Накануне».

[28] Здесь Степняк намеревался включить записи из дневника Елены. На поле черновика написано по-русски: «Ввести дневник».

СТАТЬЯ С. К. БРЮЛЛОВОЙ О РОМАНЕ «НОВЬ»

Вступительная статья и публикация Н. Ф. Будановой

Имя Софьи Константиновны *Брюлловой* (рожденной Кавелиной; 1851—1877), корреспондентки Тургенева, на преждевременную смерть которой писатель откликнулся задушевным некрологом, известно лишь немногим исследователям русской литературы. Личность этой высокоодаренной и незаурядной женщины заслуживает самостоятельного серьезного изучения. Многообразные умственные интересы, соединенные с упорным систематическим трудом, резко критическое отношение к существующему строю, жажда общеполезного служения — эти и некоторые другие черты роднят ее с русскими передовыми женщинами 60—70-х годов прошлого столетия.

В настоящей статье сделана попытка осветить — на основе как опубликованных, так и архивных материалов — еще мало изученные связи и отношения Тургенева с С. К. Брюлловой [1].

С. К. Брюллова, дочь известного либерального историка и публициста К. Д. Кавелина и А. Ф. Корш (сестры редакторов «С.-Петербургских» и «Московских ведомостей»), родилась в Петербурге 16 декабря 1851 г. Круг выдающихся представителей русской интеллигенции, с которыми К. Д. Кавелин был связан в 50—60-е годы, несомненно, сыграл благотворную роль в ее умственном и духовном формировании.

Осенью 1863 г. Кавелина поступила в одну из первых открывшихся тогда в России женских гимназий — Василеостровскую,— будучи уже основательно подготовленной дома (занималась русским, французским, английским и немецким языками, музыкой и арифметикой). И. Ф. Рашевский, преподававший словесность в гимназии, сумел пробудить у своих учениц любовь к русской и иностранной литературам. «Шиллер читался с жадностью, о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Некрасове и Тургеневе и говорить нечего: они зачитывались и декламировались наизусть». К гимназическому периоду относятся и первые литературные опыты Кавелиной. «Ее первое более обширное классное упражнение — помнится, разбор повести Тургенева о Рудине — уже давало предчувствовать будущий писательский талант и определяло характер всей ее последующей деятельности. Живо, бойко проведена в этом разборе мысль, что Рудин — говорун, а не человек дела. Эта сторона порицалась строго, без колебаний и смягчающих обстоятельств». К этому же периоду относится и написанная Кавелиной, еще по-детски неумело и беспомощно, повесть из польского быта, в которой «выведены ксендзы, паны и молодой поляк, преданный России, порицавший заблуждения своих земляков, оплакивавший несчастья родины и, наконец, павший жертвою озлобления и ненависти своих земляков. В этом произведении живо отразились толки и споры, происходившие тогда в нашем обществе» [2].

Серьезные занятия (дома Кавелина продолжала изучать английский язык и музыку), поездки летом за границу, посещение музеев и осмотр достопримечательностей способствовали ее умственному росту. В 1867 г., 15-ти лет, Кавелина окончила гимназию с серебряной медалью. В последний год пребывания в гимназии она углубленно занималась историей и приобрела за короткий период настолько серьезные знания по этому предмету, что сразу же после окончания гимназии была допущена к преподаванию так называемого пропедевтического (начального) курса истории в

младших классах Василеостровской гимназии. В 1870 г. она была назначена преподавательницей всеобщей истории в старших классах. Следует отметить, что Кавелина была первой женщиной в России, допущенной к преподаванию истории в старших классах женской гимназии. По свидетельству начальника петербургских женских гимназий И. Т. Осинина, «в старших классах некоторых женских гимназий имелись учительницы иностранных языков, но по всем другим учебным предметам учительницы не допускались» [3].

Кавелина вела преподавательскую работу в течение шести лет. Женских высших учебных заведений тогда еще не существовало, и ей приходилось самообразованием пополнять свои знания. Не ограничиваясь чтением специальной литературы по истории, она изучила греческий и латинский языки — притом настолько основательно, что могла свободно читать древних авторов. Попутно она занималась и славянскими языками (чешский, польский), изучала также историю искусства и теорию музыки. Получаемое за преподавание жалованье Кавелина отдавала на оплату за право учения нуждающихся гимназисток. Во время пребывания семьи Кавелиных летом 1870 и 1871 гг. в с. Иванове Тульской губ. (имение К. Д. Кавелина) она обучала грамоте и арифметике крестьянских детей, что повело затем к созданию в этом селе школы.

Кавелина росла и формировалась под непосредственным влиянием отца, который был для нее всегда высоким нравственным авторитетом. По своему положению в обществе она была тесно связана с лагерем дворянско-буржуазной либеральной интеллигенции, общественно-политические позиции которой она во многом разделяла. Не случайно поэтому, что подлинный демократизм и любовь к народу сочетались в ней со страхом перед крестьянским бунтом и перед новым, грозным «рабочим вопросом», заявившим о себе в 1870-е годы в России. Так, в письме к отцу от 5 июля н. с. 1873 г., откликаясь на его рассказ о расправе крестьянина с помещиком, Брюллова ужасается, что «красный петух у нас так в нравах», и видит в этом «плачевное состояние народного развития, образования 〈...〉 дикость и грубость, поколебать которые очень трудно» [4]. В поисках решения «рабочего вопроса» она обращается то к русской сельской общине (см. письмо к Кавелину от 24 июля 1875 г.), то к «трезвости и практичности ума» англичан, которые «выработали у себя политическую свободу» (письмо к нему же от 31 июля 1875 г.) [5].

Политические и общественные проблемы русской действительности волнуют Брюллову, она постоянно ищет на них ответа, и эта пытливая работа ума обрывается лишь ее неожиданной смертью.

Откликами на события героической борьбы балканских славян за свое освобождение и назревающей русско-турецкой войны полны ее письма к отцу 1876 г. Сочувствуя вместе с другими представителями передовой русской интеллигенции самоотверженной борьбе славян, она вместе с тем отчетливо видит политическую и экономическую гнилость Российской империи и неоднократно выражает мысль о необходимости борьбы с рабством внутри страны. «Но как хорошо бы было,— писала она отцу 20 июля 1876 г.,— если бы мы хоть с половинною горячностью против этой относились к своим, домашним вопросам 〈...〉 Школ нет за неимением средств, а на всякую чужеземную благотворительность, включая Патти, мы куда как щедры. Все шик, блеск и треск. Все это вовсе не значит, что я не сочувствую герцеговинцам. Я только желаю, чтобы наша прыть в отношении к ним перенеслась бы и на внутренние наши бедствия и нужды». И далее в письме к отцу от 28 июля 1876 г.: «Дела идут скверно, сербов бьют, пора, наконец, прервать подлое молчание... А страшно, потому что у нас ничего нет и своего дела по горло...» и тут же интересуется, что думает о событиях на Балканах русский народ, потому что «в конце концов так называемые „мы“ — это не Орест Миллер [6], и не Стасюлевич, и не я, и не ты, а сермяга, серая Русь, прозябающая, унылая и свиная; быть может, ей предстоит великое будущее, но настоящее — куда как неутешительно» [7].

В последний год жизни Брюлловой усиливается ее критическое отношение к русскому абсолютизму, о чем свидетельствует ее последняя статья о «Нови», публикуемая в настоящем томе. Резко отрицая существующий строй и признавая неиз-

бежность и закономерность революционной борьбы, противницей которой она была, Брюллова еще сохраняет веру в возможность коренного преобразования России «сверху», путем реформы.

Усиление политической реакции в России в 1870-е годы, полное отсутствие надежды на правительственные реформы, рост революционного движения — все это способствовало крушению веры многих демократически настроенных русских интеллигентов в мирное переустройство общества. Следы колебаний — от веры в реформы к неверию в нее и признанию революции как тяжелого, кровавого, но единственно возможного решения противоречий — налицо в статье Брюлловой (см., например, начало статьи).

Широкую известность среди петербургской интеллигенции Кавелина приобрела после ее участия в публичном диспуте с известным педагогом В. Д. Сиповским о преподавании истории в средних учебных заведениях (состоялся в С.-Петербургском педагогическом обществе 20 февраля 1871 г.).

По поводу этого диспута «С.-Петербургские ведомости» сообщали следующее: «Последнее заседание Педагогического общества, происходившее в субботу, 20 февраля, было весьма многолюдно ⟨...⟩ Занятия заключались в чтении реферата г. Гуревичем „О преподавании истории в среднеучебных заведениях“ и в прениях по тезисам г. Сиповского ⟨...⟩ Прения по тезисам г. Сиповского были весьма оживлены, благодаря г-же Кавелиной, весьма удачно оппонировавшей. До сих пор в Обществе женщины играли пассивную роль, и это, сколько мы помним, еще первая попытка активного участия женщины в занятиях Общества. К величайшему нашему удовольствию, мы можем сказать, что эта попытка была удачной. Г-жа Кавелина, видимо, обладает необходимыми научными и педагогическими познаниями, что, при логичности ее доводов и при умении говорить, сколько мы заметили, произвело на всех весьма благоприятное впечатление. Дружные рукоплескания часто прерывали ее речь. Г-жа Кавелина возражала весьма толково...» [8]

Реферат Сиповского «О преподавании истории в средних учебных заведениях» был прочитан им на заседании Общества 2 января 1871 г., опубликован в печати и вызвал полемику в педагогической среде. Среди «противников» Сиповского была и Кавелина. Основная мысль Сиповского заключалась в том, что необходимо заменить систематическое преподавание всеобщей истории в гимназиях освещением лишь самых важных эпох в развитии человечества, сгруппировав их вокруг наиболее характерных деятелей и событий [9].

Кавелина соглашалась с Сиповским в его критике недостатков преподавания истории в гимназиях и неудовлетворительного состояния учебников, но была против отмены систематического преподавания истории. Сиповский позднее так охарактеризовал своего молодого «противника»:

«Возражения ее были сильны, на них лежала печать такого сильного убеждения, в них было так много горячности,— молодой, хорошей горячности и любви к делу, что я, не соглашаясь с возражениями, не мог в то же время не чувствовать уважения к ним. Вместе с тем, невольно являлась досада. „Да, с этаким энтузиазмом, думалось мне, в самый сухой, мертвый учебник можно вдохнуть живую душу“» [10].

Среди многочисленных слушателей на диспуте присутствовал и Тургенев, рассказавший о нем в письме к П. Виардо от 22 февраля/6 марта 1871 г.: «...puis je vais à une réunion du comité pédagogique, où une jeune demoiselle de dix-neuf ans (fille d'un professeur de mes amis, M. K...) défend une thèse d'histoire avec une science, un aplomb et une éloquence rares, devant deux cents personnes. Voilà certes du nouveau, et pas l'ombre de pédantisme, une naïveté d'enfant, une si grande absence de préoccupation personnelle, que cela ôte toute timidité. C'est phénoménal! On l'a applaudie à tout rompre. Il y a eu beaucoup de demoiselles dans l'auditoire, des institutrices»*.

---

* «...потом я отправляюсь на собрание педагогического общества, где молодая девятнадцатилетняя барышня (дочь профессора из числа моих друзей, г. К⟨авелина⟩) перед двумя сотнями слушателей в диспуте на историческую тему отстаивает свое мнение с редкостными знаниями, уверенностью и красноречием. Вот это, несом-

О сильном впечатлении, произведенном на него личностью Кавелиной, Тургенев вспомнил позднее в некрологе, ей посвященном: «Это был незабвенный для меня вечер. Молоденькая, небольшого росту, девушка в простом сереньком платьице, с белым платочком на шее, с назад зачесанными недлинными русыми волосами, говорила почти еще детским голосом так умно и увлекательно, возражала так дельно, выказывала такое разнообразное знание своего предмета, такие энциклопедические сведения,— что все слушатели (а их собралось много на этот диспут) были поражены — скажу прямо: очарованы. Несколько недоверчивые, снисходительные улыбки, которыми ее встретили сначала, скоро приняли другое выражение — выражение удивления и внимания. Девушка не была красавицей; но более миловидного, симпатического лица представить нельзя: нежно-белый лоб светился умом и чуткостью мысли, та же живая мысль играла в глазах, звучала в голосе; все ее существо было не то что напряжено— а сильно и весело оживлено... и какая простота при этом, какая душевная стройность и ясность! Вы бы не назвали этой девушки ни скромной, ни смелой: оба эти слова не шли к ней... но вы чувствовали: хорошая, честная, в лучшем смысле — образованная личность появилась перед вами и охотно сообщалась вам. Дело шло о способах преподавания истории: Софья Константиновна была тысячу раз права в том, что́ она защищала: но в самых ударах, наносимых ею противнику, было столько грации — и не элегантно-самоуверенной, на французский лад — а добродушной, русской, почти невинной, бессознательной...» (XI, 269—270).

О том же вспоминала много лет спустя (под несомненным влиянием написанного Тургеневым некролога) Е. И. Апрелева: «Он ⟨Тургенев⟩ и в этот раз приехал поздно, прямо с педагогического диспута Софьи Константиновны Кавелиной с известным преподавателем истории, Сиповским, если не ошибаюсь.

Впечатление, вынесенное им с этого диспута, было огромное, потрясающее.

Молоденькая, восемнадцатилетняя девушка с ясными глазами в сером платье и белом платочке на шее поразила его и многосторонним знанием, и точностью, определенностью приводимых ею доводов, и тою простотою, искренностью и сдержанностью, с которыми она вела прения в присутствии многочисленных слушателей.

Тургенев был очарован, но его приводило в восхищение и внушало ему какое-то трогательное благоговение главным образом то, что эта очаровавшая его девушка была *русская* девушка. В ней он видел нарождающийся новый тип честной, благородной *русской* женщины, бодрой, умной, кроткой, веселой при изумительном трудолюбии и обширности образования. Лицо его, когда он это высказывал, сияло и глаза утратили обычное грустное выражение. Для него вечер в педагогическом собрании, на котором так блистательно выступила талантливая, симпатичная русская девушка, составлял радостное событие, и радость эта подтверждала его горячую любовь к родине... Какими несправедливыми показались мне упорно преследующие его упреки в том, что он, живя за границей, изменил России, разлюбил ее...» [11].

В фельетоне «Недельные очерки и картинки» А. С. Суворин также подчеркивал, что для Тургенева «в этой девушке являлся новый тип русской женщины, резко выделявшийся между так называемыми нигилистками и женщинами прежнего покроя. „Вот вам новая тема, Иван Сергеевич“,— говорили ему многие в этот вечер, и он припоминал и повторял ее доводы, ее манеру говорить, воспроизводил ее живой образ, на что он такой мастер» [12].

Со времени защиты диспута между Тургеневым и Кавелиной завязалась переписка; от нее сохранились лишь семь писем Тургенева [13].

Тургенев, знавший Кавелину еще ребенком, с интересом следил за ее педагогической деятельностью, читал ее исторические статьи, делился с нею политическими и художественными новостями, ценя в ней образованную собеседницу с тонким критическим чутьем. К ее отзывам о своих произведениях он внимательно прислушивался и во многом соглашался с ней (см. письма от 16/28 января 1872 г., 21 декабря 1872/2 января 1873 г. и 4/16 января 1877 г.).

ненно, нечто новое, и ни тени педантизма, детская непосредственность, такая полная отрешенность от всего личного, что исчезает всякая робость. Это удивительно! Ей хлопали оглушительно. В аудитории было много барышень, учительниц» (франц.).

В цитированном уже некрологе Тургенев вспоминал и о встречах с Кавелиной во время своих приездов в Петербург после 1871 г.: «Мне потом довольно часто приходилось беседовать с Софьей Константиновной; иногда я вступал с нею в спор. Но всякий раз я уносил с собою убеждение, что в ней воплотился один из лучших наших женских типов. В каждом ее слове, взгляде, движении высказывалась душа свободная — свободная прежде всего! чуждая всему мелкому, низкому, узкому, деятельная, трудолюбивая, всегда готовая помочь, принести пользу, кроткая при всей энергии, веселая при всей глубине натуры. И как она умела любить! как ее любили!» (XI, 270).

В мае 1873 г. Кавелина вышла замуж за художника П. А. Брюллова (1840—1914), племянника знаменитого автора «Последнего дня Помпеи» [14]. По господствовавшим тогда законам ей, как замужней женщине, пришлось оставить любимую педагогическую деятельность. Однако ни счастливый брак и новые обязанности, ни материально обеспеченная жизнь не смогли заглушить в ней жажду знаний и труда. Начинается научно-литературная деятельность Брюлловой. За короткий срок она успела опубликовать ряд статей, в основном, исторического содержания, из которых укажем главные: «Венское общество женского труда» [15], «Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху» [16], «Новая теория о происхождении Франции» [17]; Брюллова перевела также на русский язык (с английского) избранные труды Тацита [18]. Несколько мелких рецензий и заметок (о женском образовании, о грамотности в России, о художественных выставках и др.) были опубликованы ею в «Неделе», «Голосе», «С.-Петербургских ведомостях», «Новом времени» и других изданиях.

Замыслы исторических трудов Брюлловой, осуществить которые она не успела, поражают своей обширностью. Так, она работала над созданием учебника для женских гимназий и над дополнением к нему — книгой для исторического чтения. Написанные ею с этой целью лекции «Сто лет из истории Франции. Религиозные войны и Генрих IV» и «Гракхи и аграрные законы» ей удалось прочесть в 1875—1876 гг. ученицам старших классов двух частных петербургских гимназий [19]. Она мечтала также прочесть курс о государственных и политических учреждениях Англии и серьезно готовилась к нему. В последние годы Брюллова работала над капитальным трудом «История нравов XVIII столетия». Исторические работы Брюлловой заслуживают специального изучения.

Любопытна также незавершенная статья Брюлловой по женскому вопросу, сохранившаяся в ее архиве [20]. Статья эта написана ранее 1872 г., так как в ней упоминается — как событие недавнего времени — открытие Высших женских медицинских курсов.

Преждевременная смерть Брюлловой 5 октября 1877 г. (ей не было еще и полных 26 лет) вызвала многочисленные сочувственные отклики в печати и в частных письмах [21]. Авторы ряда некрологов не только отдавали должное необычайной умственной одаренности и образованности Брюлловой и ее высоким нравственным достоинствам, но стремились также определить ее общественное значение. Так, например, П. А. Гайдебуров утверждал, что если бы «противники женского образования хоть раз в своей жизни встретились с личностью, подобной Софье Константиновне, они бы наверно сделались горячими его сторонниками. И в этом заключается, может быть, самое важное значение покойной Кавелиной-Брюлловой» [22].

Еще более отчетливо эта мысль выражена В. Д. Спиовским, который писал: «Тип таких ученых женщин особенно дорог в наше переходное время. Они скорее всего могут способствовать тому, что для женщин наконец откроются двери в те святилища науки, которые до сих пор упорно закрывают пред женщиной многие стражи и жрецы науки. Покойная С. К. Кавелина представляла яркий и весьма красноречивый пример того, чем при благоприятных условиях может стать даровитая русская женщина. Подобные явления у нас так редки, что смерть ее и в этом отношении представляет, бесспорно, чувствительную общественную утрату» [23].

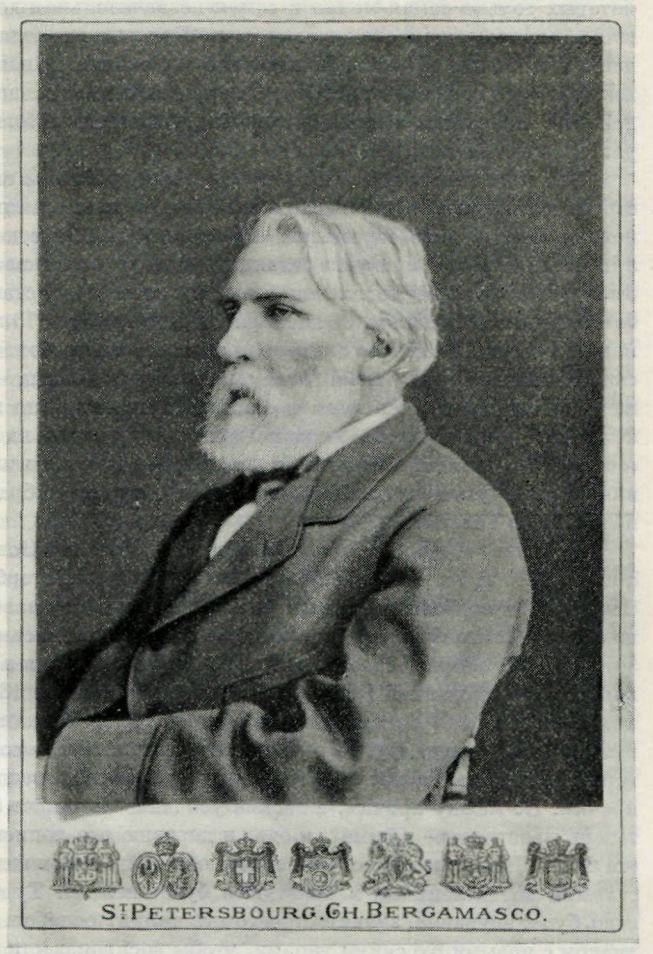
В неопубликованном письме П. В. Анненкова к К. Д. Кавелину от 8 декабря н. с. 1877 г. содержатся его воспоминания о Брюлловой: «Ни здесь, за границей, ни у себя дома мне еще не случалось встречать такой легкой, веселой работы головы и

мысли, какой она отличалась, несмотря на то, что работа эта часто бывала очень сложного характера. После нескольких минут беседы с Софьей Константиновной всякому невольно приходило на мысль, что добросовестный предварительный труд, приметы которого сказывались во всех ее словах, составлял просто одну из функций ее организма, давался ей свободно и не требовал никакого напряжения сил, что и сказывалось в простоте ее фразы, в скромном покрое, так сказать, одежды, в которую облекались у ней понятие и представление. Тут не было и признака наряда, красивой фальши, кокетства и изобретательности для скрытия недостатков мысли, или для выставки ее выгодных сторон. Глядя на постоянную ровность духа и настроения ее, чем вообще отличалось ее существование, можно было подумать, что морщины никогда не набегали на ее красивый, умный лоб или скоро разгонялись быстро одолевающей силой памяти и соображения, возвращая ему блеск молодости и свежести по-прежнему. Вот почему, помню, куда бы она ни являлась — везде шли навстречу к ней горячие симпатии: так велико было обаяние для всех ее знакомых без исключения этой дельности и бодрости мысли, не боящейся вопросов и выросшей между тем самородным цветком на такой почве, как добродушие, честность и откровенность характера, удивительная восприимчивость и веселость натуры, не повредив и не разрушив их своим ростом. Вы знаете, что мне случалось вступать с ней по временам в беседы и прения, и никогда не забуду я впечатлений, вынесенных мною из этих минут. Никакого признака внутреннего отвращения или досады к возражению или опровержению никогда не встречал я у нее,— раскрывались только светлые ее глаза более обыкновен-

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА НА ФОТОГРАФИИ К. И. БЕРГАМАСКО, 1874:

«Софье Ивановне Лаврентьевой на память от И. Тургенева. С.-Пбург, март 1880»

Центральный архив литературы и искусства, Москва



ТУРГЕНЕВ

Фотография К. И. Бергамаско. Петербург, 1874. С дарственной надписью Тургенева на обороте, март 1880 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ного и устремлялись вперед, словно приглядываясь к незнакомому предмету, а затем уже целым потоком вырывались у нее вопросы по поводу спорного пункта, обвиваясь вокруг него, как полосы огня вокруг неожиданной преграды. Чувствовалось невольно, что за этими вопросами наступит для нее минута, когда она выйдет победительницей из своих сомнений и овладеет темой, наложив на нее печать собственной мысли...»[24].

После смерти Брюлловой ее многочисленные друзья и знакомые (среди которых был и Тургенев) по подписке собрали значительные денежные средства для учреждения в ее память стипендии в Василеостровской гимназии [25].

* * *

Для историков литературы и исследователей творчества Тургенева значительный интерес представляет большая неопубликованная статья Брюлловой, посвященная роману «Новь». Она дает яркое представление об общественно-политических взглядах Брюлловой и ее таланте как литературного критика и публициста.

К. Д. Кавелин в черновых набросках к биографии Брюлловой следующим образом характеризует эту работу: «...замечателен по мыслям и объему оставшийся в бумагах покойной разбор „Нови“ Тургенева. Это произведение великого русского писателя возбудило в мыслящих русских кружках очень разнообразные суждения, из

которых только самая малая и самая незначительная доля перешла в печать. Восхищаясь романом, ценя его очень высоко, Брюллова передала на письме мысли, на какие навело ее чтение „Нови". По странной случайности начало и конец ее писательской деятельности посвящены разбору Тургенева. Она началась ученической критикой „Рудина" и окончилась зрелым, красивым, исполненным огня и внутреннего содержания разбором последнего его романа» [26].

Как известно, замысел «Нови» возник у Тургенева еще в 1870 г., о чем свидетельствует хранящаяся в парижском архиве писателя заметка, в которой определена основная «мысль нового романа». К февралю 1872 г. относится «Формулярный список лиц новой повести» и первая редакция «Краткого рассказа новой повести» [27]. Брюллова была в числе тех немногих лиц, которых писатель поставил в известность о своей работе над новым романом. 21 декабря 1872/2 января 1873 г. он писал ей: «...я сам понимаю и чувствую, что мне следует произвести нечто более крупное и современное — и скажу вам даже, что у меня готов сюжет и план романа — ибо я вовсе не думаю, что в нашу эпоху перевелись типы и описывать нечего — но из двенадцати лиц, составляющих мой персонал, два лица не довольно изучены на месте — не взяты живьем; а *сочинять* в известном смысле я не хочу — да и пользы от этого нет никакой — ибо никого обмануть нельзя. След⟨овательно⟩, нужно набраться материалу. А для этого надо жить в России».

Тургенев обдумывал и обрабатывал роман «Новь» в течение семи лет — с июля 1870 г. по ноябрь 1876 г. В мае 1876 г. в Петербурге, незадолго до отъезда в Спасское, где работа над романом была в основном завершена, Тургенев встретился на обеде у Стасюлевича с Брюлловой. В неизданном письме Брюлловой к отцу с рассказом об этой встрече содержатся любопытные сведения о «Нови» (на письме карандашная помета, сделанная Кавелиным: «Вторник, 1 июня 1876 г. Павловск»): «С тех пор, как я тебе писала в последний раз, мы два раза виделись с Стасюлевичами: раз они были у нас на даче, другой — мы были у них в городе собственно ради Тургенева, который там обедал и после обеда читал новую свою вещицу, написанную так, между прочим. Не между прочим, а весьма усидчиво он пишет большой роман, который уже теперь пространнее „Дыма", и едет в деревню его дописывать. Очень любопытно, что́ это будет. Действие происходит в конце шестидесятых годов, стало быть, пробавляться старыми впечатлениями и заметками будет нельзя. Тургенев сам говорит, что, если вещь будет неудачна, значит, просто его талант ослабел. Он полагает, что достаточно знаком с новыми русскими типами, чтобы воспроизвести их верно. А мне кажется, что он ошибается. Маленькая его штучка — фантастическая (называется „Сон") и очень странная» [28].

Брюллова, отрицательно относившаяся к последним повестям Тургенева, далеким от современной русской действительности, с недоверием ожидала и появления его нового романа.

Еще до опубликования романа в «Вестнике Европы» его читали многие друзья и знакомые писателя, принадлежавшие к различным общественно-политическим лагерям. Среди них были, например, Стасюлевич, Анненков, Кавелин, Е. И. Утин, Лавров, Лопатин, Кропоткин и др. Брюллова также имела возможность познакомиться с романом до его опубликования: вскоре после получения в Петербурге рукописи роман читали на литературном вечере у Стасюлевича, в кругу друзей которого он получил высокую оценку [29]. 22 ноября/4 декабря 1876 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу: «Радуюсь вашему одобрению, а также похвалам Кавелина и его дочери: это большое ручательство» [30]. По-видимому, к этому времени Кавелин и Брюллова были знакомы лишь с первой частью романа, так как 2/14 декабря 1876 г. Тургенев писал Стасюлевичу: «Продолжаю душевно радоваться добрым отзывам о „Нови" и надеюсь, что, прочтя весь роман, Кавелин сдержит свое обещание и напишет мне письмо». Наконец, 15/27 декабря Тургенев сообщает Стасюлевичу, что получил письмо Кавелина с оценкой «Нови», а 29 декабря 1876/10 января 1877 г. пишет, что получил «премилое письмо» от Брюлловой. Письмо Брюлловой, содержащее подробный отклик на роман Тургенева, не сохранилось, но до нас дошло ответное письмо Тургенева. Несомненно, что эта ее первая оценка романа и ответ ей писателя послужили толчком

к написанию большой статьи, посвященной анализу «Нови». О содержании письма Брюлловой нам дают достаточное представление письма Тургенева к ней от 4/16 января 1877 г. и к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г. Как следует из содержания этих писем, Брюллова, вслед за отцом, так высоко оценила общественное значение романа, что Тургенев отвечал ей: «Прежде всего ваше письмо причинило мне великую радость ⟨...⟩ Тут дело не в литературном самолюбии, которое во мне никогда слишком сильно не было,— а в другом, более серьезном чувстве. Следовательно: вы можете понять, как мне было приятно ваше мнение, именно ваше. Теперь публика выскажет свое мнение: я не буду к нему равнодушен; но моя жатва уж сделана».

Высоко оценив достоинства романа, Брюллова указала, вероятно, Тургеневу на слабое и одностороннее изображение им крестьянской среды. Тургенев следующим образом объясняет это в письме к Кавелину: «Что же касается до изображения крестьян, то тут с моей стороны была некоторая преднамеренность. Так как мой роман не мог захватить и их (по двум причинам: во-первых, вышло бы слишком широко и я бы выпустил нити из рук; во-вторых, я не довольно тесно и близко знаю их *теперь*, чтобы быть в состоянии уловить то еще неясное и неопределенное, которое двигается в их внутренностях), то мне осталось только представить ту их жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются с Неждановыми, Маркеловыми и т. д.».

По свидетельству писателя, он, под влиянием этого упрека Брюлловой, «прибавил два-три дополнительных штриха» при характеристике крестьян (письмо к Брюлловой от 4/16 января 1877 г.). В журнальной публикации «Нови» после слов: «...не нужен я ему с моими брошюрами — и всё тут!», — появилась следующая характеристика крестьянина Елизара, отсутствовавшая в беловом автографе: «У здешнего фабричного Павла — (он правая рука Василия, преумный и прехитрый, будущая „голова“ ⟨...⟩) — у него есть приятель из мужиков, Елизаром его зовут... тоже светлый ум — и душа свободная, безо всяких пут; но как только он со мною — точно стена между нами!— так и смотрит „нетом“!» [31] Может быть, именно под влиянием Брюлловой Тургенев нарисовал этот «светлый» образ крестьянина? Однако решение этого вопроса не входит в нашу задачу и требует специального изучения.

Любопытно, что Брюллову, вероятно, удовлетворил ответ Тургенева, потому что она в своей статье не возвращается к «крестьянской теме».

В черновой рукописи статьи Брюлловой, посвященной «Нови», есть зачеркнутая фраза, позволяющая точно установить, когда она была начата: «Мы взялись за перо 4 февраля 1877 г.». Работа над статьей продолжалась, очевидно, вплоть до последних месяцев жизни Брюлловой, о чем свидетельствует одно из позднейших добавлений к первоначальному тексту статьи, сделанное ею карандашом на полях рукописи и дающее основание предполагать знакомство Брюлловой с брошюрой М. П. Драгоманова «Внутреннее рабство и война за освобождение» (Genève — Bâle— Lyon, 1877; помечена Драгомановым: Женева, 29 авг. 1877.— См. далее стр. 297 и 315).

* * *

Роман Тургенева, ожидаемый с большим нетерпением, вызвал страстные споры в печати и в самых разнообразных слоях русского общества. Тургенев, внимательно следивший за откликами критики, с грустью писал И. И. Маслову 5/17 марта 1877 г.: «...я никогда не подвергался такому единодушному порицанию в журналах». И, действительно, оценка романа критиками различных общественно-политических направлений в первые месяцы после опубликования романа была в целом отрицательной.

Особенно ожесточенным нападкам роман подвергся со стороны реакционной печати, недовольной, прежде всего, сатирическим изображением Калломейцевых и Сипягиных и сочувственным отношением писателя к революционной молодежи. Идеологическая подоплека подобных выступлений реакционной критики, отрицавшей полностью также и художественные достоинства романа, была ясна передовым органам печати.

Демократическая критика в целом также отрицательно встретила «Новь», не удовлетворенная ни программным смыслом романа, ни образами революционеров-народников, которые она сочла шаржем на революционную молодежь, ни, наконец, образом Соломина как «носителя будущего». В силу цензурных условий при анализе «Нови» критики этого лагеря о многом вынуждены были умалчивать и недоговаривать, чем в значительной степени объясняется противоречивость их оценок [32].

Об отношении критиков-народников к роману Тургенева Брюллова судила прежде всего по статьям Профана (Н. К. Михайловского) [33] и П. Никитина (П. Н. Ткачева) [34], с которыми она во многом полемизирует. Как известно, позднее, уже после смерти Тургенева, когда отшумели полемические битвы, народники смогли подойти к оценке «Нови» и творчества писателя в целом уже более трезво и объективно, признав его выдающуюся роль для дела русского освободительного движения.

Статья Брюлловой, полемически направленная и против критиков-«консерваторов» и против критиков-«радикалов», не сумевших, по ее мнению, понять общественно-политическое значение романа Тургенева, представляет для нас тем больший интерес, что в ней смело и открыто, без оглядки на цензуру, выражены демократические взгляды и симпатии ее автора и затронуты такие вопросы современной русской действительности, о которых в условиях полицейского и цензурного гнета царской России 70-х годов открыто писать было невозможно. Поэтому публикуемая статья должна занять совершенно особое место среди многочисленных критических откликов на «Новь», появившихся в русских изданиях.

Неудовлетворенная оценкой, которую получил роман Тургенева в русской критике, Брюллова ставит перед собой задачу «сказать несколько слов только об общественном значении „Нови“, о котором нельзя писать свободно на берегах Невы, Волги и Днепра и о которой тем не менее идут жаркие прения в гостиных, в кабинетах и в частных письмах».

Брюллова была связана с широкими кругами петербургской интеллигенции например, круг Кавелина, Стасюлевича и «Вестника Европы», художники-передвижники, педагогическая среда; наконец, либеральные юристы К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович, Е. И. Утин, участвовавшие во многих политических процессах конца 60—70-х годов, от которых Брюллова знала, как свидетельствует ее статья, неофициальные подробности из зала суда, не попавшие в печать, и т. д.). Бесспорно, что она была в курсе самых жарких и ожесточенных споров, вызванных «Новью», и ее статья во многом является их отражением.

При чтении статьи Брюлловой прежде всего обращает внимание резко критическое отношение автора к существующему строю. Очень ярко Брюллова передает ту удушающую атмосферу правительственного гнета, который распространялся на все стороны общественно-политической, экономической и культурной жизни России 70-х годов, в особенности на положение интеллигентной молодежи. Резкой критике в ее статье подвергнута реакционная деятельность министра просвещения Д. А. Толстого. Политику правительства по отношению к молодежи Брюллова характеризует как «сознательное и энергичное детоубийство».

Брюллова стремится объяснить социальные причины, толкающие молодежь на путь революционной борьбы, и оправдывает эту борьбу, так как «за последние годы правительство само как будто взяло на себя труд доказать нам невозможность реформы, невозможность медленного, спокойного пересоздания общества».

Много места Брюллова уделяет в своей статье характеристике народнического движения, слабые стороны которого не ускользнули от ее внимания. Так, например, она отмечает, что народники-пропагандисты плохо знали и понимали народ — ту почву, которую они собирались возделывать. Несомненно, что Брюллова проявляла живой интерес к народничеству и была о нем достаточно хорошо осведомлена. Об этом свидетельствует ее знакомство с материалами политических процессов 70-х годов в России и с крупными заграничными органами народников — журналами «Вперед!» и «Набат».

Есть основания предполагать, что Брюллова была в курсе полемики, которая развернулась в 1874 г. между руководителями двух направлений в народничестве —

П. Н. Ткачевым и П. Л. Лавровым. На этой полемике следует остановиться несколько подробнее, так как она, на наш взгляд, помогает более отчетливо уяснить отношение Брюлловой к революционной народнической молодежи, что тесно связано с трактовкой ею идейного смысла романа «Новь» и, в частности, образа Соломина.

В 1874 г. в Женеве Ткачев опубликовал брошюру «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала „Вперед!“», в которой он выступил против революционной программы Лаврова. Идее народной, социальной революции, выдвинутой Лавровым, Ткачев противопоставил идею политического восстания, произведенного меньшинством. «...революция ⟨...⟩ тем-то и отличается от мирного прогресса, что первую делает меньшинство, а второй большинство»,— писал Ткачев. «Насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, *навязать* ему это сознание...» По мнению Ткачева, длительная подготовка революции «есть не иное что, как утопический путь *мирного прогресса*» [35].

Лавров откликнулся на выступление Ткачева брошюрой «Русской социально-революционной молодежи», в которой подверг резкой критике утверждения Ткачева о том, что русский народ всегда готов к революции и в любой исторический момент может ее совершить, что революционер всегда должен считать себя в праве призывать народ к бунту, и т. д. «Революционеры, настоящие революционеры,— писал Лавров,— не считают себя в праве этого сделать. Они *подготовляют* победу до начала битвы, подготовляют армию для битвы, подготовляют *себя* для нее и тогда, *только* тогда — *делают* революцию», ибо «каждый неудачный *бунт* есть отложение победы *революции* на более далекое будущее». Подготовка социальной революции в России, по мнению Лаврова, должна заключаться в расширении и укреплении революционной пропаганды [36].

В этой полемике принял участие Ф. Энгельс, откликнувшийся на нее статьями в газете «Volksstaat» 1874—1875 гг. Энгельс высмеял «великие притязания» Ткачева, его «ребяческие» представления о революции, характеризующие его как «зеленого, на редкость незрелого гимназиста» [37].

Тургенев, ознакомившись с полемикой, выразил свое отношение к ней в письме к Лаврову от 23 ноября/5 декабря 1874 г.: «Любезнейший Петр Лаврович, виноват, что не тотчас отвечал вам и не поблагодарил за присылку брошюр, которые я прочел со вниманием и удовольствием. В вашей полемике против Ткачева вы совершенно правы; но молодые головы вообще будут всегда с трудом понимать, чтоб можно было медленно и терпеливо приготовлять нечто сильное и внезапное... Им кажется, что медленно приготовляют только медленное — вроде постепенных реформ и т. д. Это самое впечатление выносят молодые люди из чтения вашего журнала, который в большом количестве проник в Россию и получил там авторитет и значение».

Несомненно, что полемика между двумя идеологами народнического движения нашла свое отражение в «Нови». Это, прежде всего, осуждение ткачевской идеи о готовности народа к революции, о том, что его всегда можно поднять на бунт, «навязав» ему революционное сознание. Несомненно также, что Тургеневу была близка мысль Лаврова «медленно и терпеливо приготовлять нечто сильное и внезапное», получившая художественное воплощение в образе Соломина, хотя Соломин и не является законченным типом народника-лавриста. Наконец, высказывания Лаврова о необходимости для революционера тщательно подготовить себя для будущей деятельности среди народа также могли быть учтены писателем при создании образа Соломина.

В статье Брюлловой есть следующая фраза, подтверждающая предположение о ее знакомстве с этой полемикой: «Нечаевцы, долгушинцы, сотрудники журнала [„Вперед!“ и] „Набат“ — люди большей частью весьма молодые, мало образованные теоретически, возводящие даже в принцип отрицание высшей науки, не создающие никаких положительных политических доктрин, но ломающие беспощадно *все старое*. Социальные убеждения их так же радикальны, как и политические. Народ, масса в их глазах

святыня, ради него, а не ради культурного слоя только, хотят они изменить теперешний строй жизни. Но для этого надо притянуть массы к революции, надо поселить в них те же идеи, которыми проникнуты люди, додумавшиеся сами до революции».

Совершенно очевидно, что название «Вперед!» было зачеркнуто не случайно. В невежестве, незрелости, в незнании элементарных революционных истин упрекал Ткачева Лавров (ср. с оценкой, данной Ткачеву Энгельсом). Ткачев был особенно недоволен той пропагандой научных знаний, которая велась на страницах «Вперед!». «Всякий, кто хочет содействовать *мирному* прогрессу, должен учиться, учиться и учиться, накоплять и распространять знания; они необходимое условие этого прогресса. Но они совсем не необходимое условие революции. Они создают прогресс, но не они создают революцию»,— писал он в своей брошюре [38]. Мысль о «навязывании» революционных идей народу с целью поднять его на бунт также характерна для программы Ткачева (ср. фразу Брюлловой о тех формулах, которые «слишком рано хотели навязать пропагандисты» народу).

Та революционная молодежь, о которой пишет в начале своей статьи Брюллова,— это, скорее всего, молодежь бакунинско-ткачевского направления. В оценке, данной Брюлловой революционной молодежи, сказалось также влияние статьи К. К. Арсеньева «Политический процесс 1869—1871 гг.», в которой он характеризует представителей революционного движения второй половины 60-х годов как людей молодых, неопытных, не выходящих в умственном отношении за пределы среднего уровня, ничем не заявивших своих прав на политическую борьбу [39].

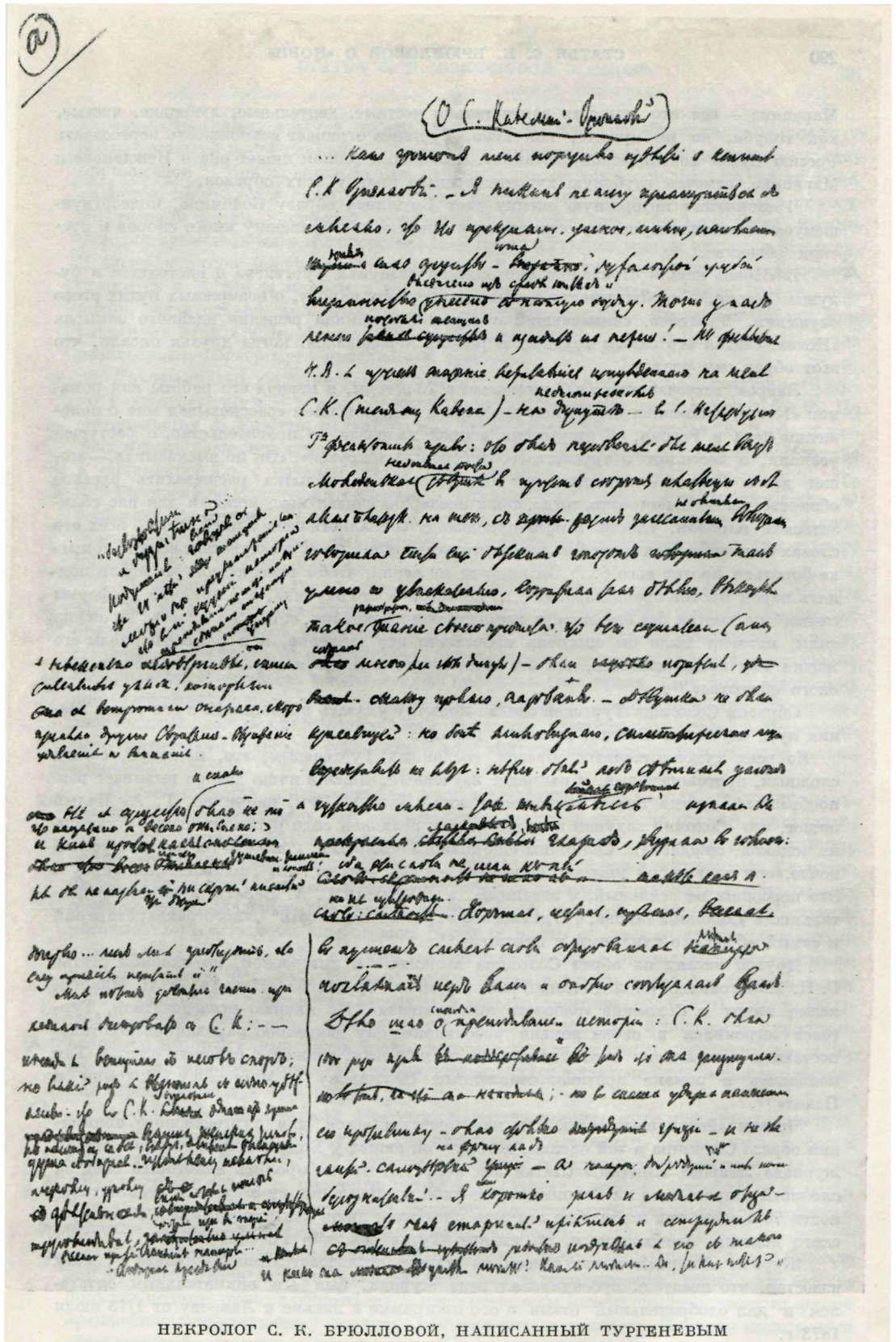
Следует отметить, однако, что знаменитый «Процесс 50-ти» (1877), продемонстрировавший не только слабые, но и сильные стороны народничества, привлек внимание Брюлловой: она выделила незаурядную личность П. А. Алексеева, произнесшего на суде яркую политическую речь, заключительные слова которой: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» — В. И. Ленин назвал «великим пророчеством русского рабочего-революционера» [40].

Брюллова горячо сочувствует благородным стремлениям революционной молодежи вывести народ из нищеты и бесправия; она признает высокие нравственные достоинства этой молодежи. Однако, вместе с тем, она подчеркивает, что путь, избранный этой молодежью, — ошибочен, что народ нужно будить по-другому, что сами пропагандисты слишком молоды, неопытны и политически незрелы.

Брюллова оценивает роман Тургенева как правдивое и глубокое отражение современной русской действительности со всеми ее противоречиями. Его опубликование она приветствует как событие большой общественно-политической значимости. Полемизируя по этому вопросу с некоторыми критиками (например, с В. Г. Авсеенко [41]), она отмечает, что в романе «Новь» Тургенев «задел самое больное, самое живое место нашего общественного тела — нашей молодежи, наших ходителей в народ ⟨...⟩ Это роман тенденциозный с начала до конца, это, прежде всего, общественное явление, политическая profession de foi».

Защищая писателя от обвинений в том, что он якобы создавал карикатуру на молодежь, представив ее в романе недалекой и безвольной, Брюллова сопоставляет героев «Нови» с их возможными реальными прототипами — участниками революционного движения — нечаевцами, долгушинцами, «казанцами». Более прав был, конечно, Лавров, позднее упрекавший Тургенева в одностороннем изображении народнического движения. «Процессы 1877 и следующих годов показали,— писал он,— что люди иного типа были налицо, и между тем даже отдаленного намека на эти весьма характеристические типы для „образа и давления времени“ не дал художник в группе тех живых личностей, которых он создал в „Нови“ пред глазами читателя» [42].

Брюллова убедительно показывает, что Тургенев относится к своим героям-народникам с симпатией и сочувствием, хотя и не разделяет их политических убеждений. «Он не вывел ни одного пропагандиста негодяя, пьяницу и мошенника, хотя таковые имеются. Он не хотел заплевать их. Нежданов, Машурина, Остродумов, Маркелов,



НЕКРОЛОГ С. К. БРЮЛЛОВОЙ, НАПИСАННЫЙ ТУРГЕНЕВЫМ
(«ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ „ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ"»)

Черновой автограф. 19/31 октября 1877 г. Лист первый

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Марианна — все это личности замечательно честные, деятельные, любящие, чистые, как голуби, но не мудрые, как змеи. Тургенев отрицает возможность пересоздать Россию путем политической агитации». С большим теплом пишет она о Нежданове и Марианне, отмечая глубокую художественную правду этих образов.

Чрезвычайно интересную оценку дает Брюллова образу Соломина, подвергнувшемуся почти единодушному осуждению в критике и вызвавшему много споров в русском обществе.

В «Нови» нашли отражение многолетние раздумья Тургенева о настоящем и будущем России, о необходимости служения русскому народу, о возможных путях этого служения. Тургенев, связывавший с образом Соломина решение идейного замысла «Нови», считал его самым трудным в романе и радовался, когда друзья писали, что этот образ ему удался.

Лавров, встречавшийся с Тургеневым в 70-е годы, в период его работы над романом «Новь», вспоминал о том, как писатель с раздражением «рассказывал мне о положении дела в России, об отсутствии всякой надежды на правительство, о растущей реакции, о бессилии и трусости его либеральных друзей». «Он не высказывал,— пишет далее Лавров,— надежды на то, чтобы наша попытка расшевелить русское общество удалась; напротив, тогда, как и после, он считал невозможным для нас сблизиться с народом, внести в него пропаганду социалистических идей. Но во всех его словах высказывалась ненависть к правительственному гнету и сочувствие всякой попытке бороться против него ⟨...⟩ Он никогда не верил, чтобы революционеры могли поднять народ против правительства ⟨...⟩ но история его научила, что никакие „реформы свыше" не даются без *давления*, и энергического давления, снизу на власть; он искал силы, которая была бы способна произвести это давление, и в разные периоды его жизни ему представлялось, что эта сила может появиться в разных элементах русского общества» [43].

Образом Соломина Тургенев сделал попытку указать правильный с его точки зрения путь служения России, русскому народу.

Из всех художественных образов, созданных Тургеневым, это, пожалуй, самый сложный, противоречивый, и наименее изученный. Даже в наши дни он вызывает разнообразные, иногда прямо противоположные оценки. Так, например, Г. А. Бялый пишет, что «Соломин задуман и подан не как реальная сила русской жизни, а как сила искомая, ожидаемая. Соломины еще должны появиться, пока что их нет на русской почве, они только, по мнению Тургенева, нужны России, эти „постепеновцы снизу". Это персонаж не реальный, а заданный...». По мысли Г. А. Бялого, конкретная деятельность Соломина такова, что делает его «„революционность" „чисто декларативной" и самый образ его туманным и неясным» [44].

Другой взгляд на образ Соломина выражен в интересной, но спорной статье Г. П. Макогоненко «Политический смысл романа Тургенева „Новь"». Г. П. Макогоненко видит в Соломине «рабочего интеллигента». По мнению исследователя, Тургенев «стремился в своем романе революционному движению народников противопоставить исторически новое, выросшее им на смену, движение рабочего класса. Так появились в романе противопоставленные Нежданову и Маркелову Соломин и Павел» [45].

Чрезвычайно существенны, как нам представляется, для тургеневского понимания образа Соломина и той оценки, которую он нашел у Брюлловой, некоторые статьи журнала Лаврова «Вперед!» Статьи эти помогают также пролить некоторый свет на сложный вопрос: имел ли Соломин какие-либо реальные истоки в русской действительности 70-х годов или же он был задуман писателем лишь как программный образ русского деятеля, необходимого, по мнению Тургенева, для России?

Журнал «Вперед!» почти совсем не изучен исследователями Тургенева [46], хотя известно, что писатель субсидировал этот журнал, был его внимательным читателем и дал одобрительный отзыв о его программе в письме к Лаврову от 1/13 июля 1873 г.

Характерно, что основное возражение Тургенева вызвала выраженная в программе «Вперед!» мысль о том, что либеральная русская интеллигенция бессильна помочь

народу. «Программу вашу я прочел два раза со всем подобающим вниманием: со всеми главными положениями я согласен — я имею только одно возражение — и одну appréhension *. Мне кажется, что вы напрасно так жестоко нападаете на конституционалистов, либералов и даже называете их врагами; мне кажется, что переход от государственной формы, служащей им идеалом, к вашей форме — ближе и легче, чем переход от существующего абсолютизма...»,— писал Тургенев в этом письме к Лаврову. К числу вопросов, нашедших на страницах «Вперед!» довольно широкое отражение, относится и вопрос о мирном и революционном путях преобразования России. Очевидно, значительная часть русской интеллигенции, честной и преданной народу, еще сохраняла веру в возможность «бескровной революции», и редакция «Вперед!» сочла необходимым подвергнуть критике эту теорию.

Таковы статьи, опубликованные в 1874 г.— «Потерянные силы революции. (Письмо к несогласному)» [47] и «Неизбежная вражда. (Переписка двух приятелей)» [48]. По свидетельству А. Гизетти, первая из них принадлежит перу Лаврова [49]. В обеих статьях представлен спор сторонника революционного переустройства русского общества и «легалиста» (ср. с началом статьи Брюлловой).

Революционер, ведущий полемику с «легалистом» в статье «Потерянные силы революции», не считает его врагом; это «несогласный», он «*возможный* враг», но и «*возможный* союзник», так как есть вопросы, в которых оба придерживаются одинакового мнения.

«Во-первых,— заявляет сторонник революционного переустройства общества,— вы не верите в правительство: это — общее для нас отрицание. Во-вторых, вы признаете права народа на строй общества, где *его* интересы, экономические и нравственные, будут стоять на первом месте, определять все частности общественного строя; вы признаете обязанность интеллигенции положить свое время, свои силы, свой труд на содействие народу в улучшении его положения, в развитии сил и средств, необходимых для осуществления этого будущего общественного строя, обусловленного интересами народа: это — общее для нас утверждение, и утверждение весьма важное».

Однако средства для достижения лучшего будущего для народа у спорящих различны. «Легалист» считает, что народная революция — «дело не нашего поколения», что нужно «подготовлять в народе самосознание, вырастить в нем самодеятельность, воспользоваться существующими порядками, существующими легальными формами, чтобы вырастить то поколение, которое, сознав свои силы, привыкнув к деятельности в узкой сфере, развернет эти силы и в сфере более широкой...» Орудия, при помощи которых «легалист» хочет подготовить народ «в малом объеме» «к самоуправлению, к правильному решению собственными усилиями своих дел, к правильным методам мышления» — артель и школа. «Первая, прилагаемая к самым разнообразным областям труда, должна ⟨...⟩ воспитать взрослых к самоуправлению, послужить зерном будущей свободной автономной общине. Вторая должна воспитать в подростке мыслящего человека, которому были бы доступны трудные задачи теории и практики; она должна дать то поколение русского народа, которое будет достаточно зрело для приобретения принадлежащих ему прав».

Артель и школа легальны. Поэтому сторонник мирного пути преобразования русского общества считает возможным «на легальной почве начать деятельность, которая без потрясений, без кровавых и напрасных жертв сначала укрепит силы русского народа, поставит его на ту почву, на которой он сознает и сумеет употребить свои силы, а тогда... тогда никто, конечно, не в состоянии будет устоять против его сознательного решения, против его зрелой и ясно выраженной воли».

Интересна высказанная в этой статье революционером мысль о том, что «легалист» для русского правительства такой же враг, как и революционер, потому что «*всякая* попытка поднять народ в общественном или умственном отношении есть попытка прямо враждебная существующему порядку, попытка революционная». В статье подвергнута обстоятельной и убедительной критике теория мирного реформистского пути

* опасение (франц.).

преобразования общества, охарактеризованная как «микроскопическое, медленное лечение поодиночке бесчисленных ран народа, когда всё новые раны открываются одна за другою...» Революционер призывает «легалиста» одуматься и стать в ряды революции, пока еще не поздно: «Мы сегодня еще только не согласны между собою, но может быть завтра мы уже будем врагами» [50].

Статья «Неизбежная вражда» посвящена той же теме. Здесь «легалист» в качестве «широкой, но мирной программы русского деятеля» предлагает организацию рабочих артелей, устройство домов для рабочих, основание ссудных касс. Особенно большое значение он придает народному образованию: «Народное образование,— утверждает «легалист»,— есть сила, при помощи которой можно достигнуть величайших результатов, и на это должны обратить внимание все просвещенные люди России. Грамотная и разумная Россия внесет правильные отношения в судебные, земские и государственные сферы. В последней сфере необходимо преобразование, возможное без кровавой революции только у вполне просвещенного народа, но зато составляющее важнейшее условие для мирного исхода всех прочих изменений в жизни общества: преобразование это — республиканская конституция» [51].

Можно с уверенностью утверждать, что подобные споры о возможных путях преобразования России происходили неоднократно в 70-е годы между революционером Лавровым и «постепеновцем» Тургеневым, что эти вопросы снова и снова вставали перед писателем в период его работы над романом «Новь» и нашли свое отражение в образе Соломина.

Интересно, что Лавров проводил грань между обычными буржуазными постепеновцами, мечтающими о замене императорской власти конституционной формой правления, и теми людьми, которые искренне верили в возможность легального переворота при помощи народа и во имя народа. Подобных людей Лавров считал «заблуждающимися» и верил «в честность многих из них и в их преданность народному делу гораздо более, чем в искренность большинства революционеров, стремящихся к диктатуре» [52].

В письме к Стасюлевичу от 26 июля/7 августа 1876 г. Тургенев, разъясняя смысл эпиграфа к «Нови», писал, что «плуг» «не значит революция, а просвещение». Программа «пробуждения» народа, проводимая Соломиным (организация школы, больницы на фабрике, завода на артельных началах в Перми), несомненно близка к программе «легалиста» из статей «Потерянные силы революции» и «Неизбежная вражда». Она близка также к той картине скромной и полезной деятельности на благо народа, которую Тургенев рисует в письме к А. П. Философовой от 11/23 сентября 1874 г.: «Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального ⟨...⟩ нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску — нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы ⟨...⟩ Что может быть, например, низменнее — учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом⟨...⟩ Чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова — вот всё, что нужно ⟨...⟩ Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорового развития, разложения и сложения; ей нужны помощники — не вожаки, и лишь только тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности». Характерно, что тот же Лавров первый указал на значение этого высказывания писателя для понимания образа Соломина.

О связи программы народного служения, изложенной Тургеневым в письме к Философовой, с образом Соломина свидетельствуют также воспоминания публициста-народника С. Н. Кривенко, в которых приведено интересное высказывание писателя о своем герое.

«...я убежден,— сказал ему Тургенев,— что такие люди сменят теперешних деятелей: у них есть известная положительная программа, хотя бы и маленькая в каждом отдельном случае, у них есть практическое дело с народом, благодаря чему они имеют отношения и связи в жизни, т. е. имеют почву под ногами, на которой можно твердо стоять и гораздо увереннее действовать, тогда как люди, не имею-

щие не только прочных корней, но и просто поддержки ни в народе, ни в обществе, уже самою силою обстоятельств обречены на гибель и должны действовать урывками, постоянно озираясь и затрачивая непроизводительно, хотя бы на одно это, массу сил». Далее, на вопрос Кривенко: «А не думаете ли вы, что Соломины легко могут превращаться в простых буржуа или в самодовольных навозных жуков?» — Тургенев ответил: «Это уж от них зависит, это смотря по человеку или по людям и по тому, как они будут действовать,— в свою пользу или нет, в одиночку или согласно, поддерживая друг друга. Но подобные превращения всегда и во всех положениях ведь возможны» [53].

Очевидно, что Брюллова близка к тургеневскому пониманию образа Соломина. Она видит в нем «идеал русского деятеля», «желанного для русской земли пахаря», Соломин в ее представлении — «работник, труженик на поприще чисто практическом». Соломин — просветитель, воспитатель народа, он, по словам Брюлловой, «не верит, чтобы народ можно было разбудить и поднять так, как предполагают его друзья»; «он сам будит его потихоньку, исподволь школой, больницей, человечным обращением, и этот путь кажется ему единственно возможным».

Заслуживает серьезного внимания попытка Брюлловой определить ту роль, которую Соломины будут играть в будущем. Это предположение кажется на первый взгляд неожиданным. «Мы не думаем,— пишет она,— чтобы в лице Соломина Тургенев хотел представить последнее слово русской мысли, русского гения, не думаем даже, чтобы он изображал собою главного двигателя будущей российской революции. Нам кажется, что Соломины — это желанные для русской земли пахари. Только тогда, когда они вспашут „новь" вдоль и поперек, на ней можно будет сеять те идеи, за которые умирают наши молодые силы. Когда на десять русских придется шесть Соломиных, существующий порядок вещей станет невозможным, и если правительство опоздает реформою, Соломин XX века и его ученик, плутоватый, сметливый и энергичный Павел сознательно, трезво возьмутся за топор. Он не выпадет из их рук, им не нужно будет переодеваться: народ их и без того будет знать, потому что они сами — народ. Соломины будут *не вожаки*, а рядовые революции, которая и возможна-то будет только тогда, когда у нее окажутся такие рядовые».

Итак, по мысли Брюлловой, в современных ей условиях русский народ, темный, забитый и приниженный, не созрел ни для революции, ни для революционной пропаганды, и нужны долгие годы мирной, воспитательной работы, чтобы ему стали доступны революционные идеи. Народ, разбуженный и просвещенный Соломиными, не допустит старого порядка вещей, и правительство вынуждено будет уступить ему свои права, в противном случае он сознательно (ему уже будут доступны революционные идеи) возьмет силой эти права (ср. с идеями «легалиста» в статьях «Потерянные силы революции» и «Неизбежная вражда»).

При всем своем неприятии существующего строя, Брюллова все-таки сохраняет веру в возможность мирного пути переустройства общества. «Неизбежна ли революция? — спрашивает она.— Да, неизбежна, как и везде, если не будет вовремя реформы».

Вероятно, в этом же направлении шла мысль Тургенева при создании образа Соломина. Ведь Соломин был задуман писателем как «постепеновец снизу», «русский революционер», что, в понимании писателя, очевидно, не исключало друг друга. Главное для Соломина, по мысли Тургенева,— его конечная цель — «торжество низшего класса» [54], и если эта цель не будет достигнута долгими годами просветительской деятельности, то он сознательно встанет в будущем на путь революции.

Лавров боролся за «легалиста», так как видел в нем «заблуждающегося» и считал возможным для него переход в ряды революции. Такой же путь, несомненно, возможен был и для Соломина, для этого у него много предпосылок. Глубокую и интересную оценку образу Соломина дал А. В. Луначарский, заметивший, что «в таком типе, как Соломин, опять-таки есть разные водоразделы». По мнению Луначарского, он «может быть оппортунистом, вроде Потугина, может оказаться и Наживиным. Сначала будет он директором, а потом и хозяином фабрики,— и всегда знает, что делает. Он может выйти на этот путь, но может выйти и совсем на другой путь 〈...〉 Опять-таки чело-

век типа Соломина мог бы выродиться в меньшевика. Может быть, для этого в нем больше всего данных. Но могло оказаться в нем соединение трезвости с большим запасом энергии, которая появилась вместе с революционным выступлением рабочего класса, и тогда из него мог бы выйти настоящий революционер» [55].

Зоркий и умный наблюдатель общественной жизни, Тургенев не прошел мимо рабочего движения, развивавшегося в Европе и России в 70-е годы. Рабочему движению и I Интернационалу большое внимание уделял журнал «Вперед!», подписчиком которого состоял Тургенев; о Парижской Коммуне, этом первом опыте пролетарского государства, писатель, вероятно, многое слышал от Лаврова, который сам был участником Коммуны и дал ей исторически верную оценку [56]. Об интересе Тургенева к зарождавшемуся русскому рабочему движению свидетельствует, прежде всего, образ рабочего Павла, который в силу цензурных условий, а также недостаточного знакомства писателя с вопросом только намечен в романе. Однако Тургенев задумывался над тем, какое место займет этот общественный тип в будущем, как, несомненно, он задумывался и над той ролью, которую будет играть в деле будущего переустройства России новый появившийся класс. Об этом убедительно свидетельствует его высказывание в письме к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г.: «Быть может, мне бы следовало резче обозначить фигуру Павла, соломинского фактотума, будущего *народного* революционера, но это слишком крупный тип,— он станет со временем (не под моим, конечно, пером — я для этого слишком стар и слишком долго живу вне России) центральной фигурой нового романа. Пока — я едва назначил его контуры». (Оченв характерно, что в публикации письма Тургенева в «Русской мысли» 1892 г. вместо слой «народный революционер», как Тургенев называет Павла, поставлены слова «будущиь деятель».) Высказывание Брюлловой об образе Павла еще раз свидетельствует о том, что она была, очевидно, близка к тургеневскому пониманию романа.

* * *

Естественно возникает вопрос, с какой целью писала Брюллова свою статью, опубликование которой, как она это отчетливо представляла, было немыслимо в России в силу существовавших цензурных условий. Однако статья, несомненно, предназначалась для широкой аудитории, о чем свидетельствует, например, такая фраза Брюлловой: «...к тому же о художественной стороне романа можно вдоволь говорить и в России ⟨...⟩ Мы хотели бы сказать несколько слов только об общественном значении „Нови", о котором нельзя писать свободно на берегах Невы, Волги и Днепра...» Об этом же говорят и заключительные строки статьи. К сожалению, в переписке и других архивных материалах Брюлловой нам не удалось обнаружить никаких упоминаний об этой статье (кроме приведенных выше сведений о ней Кавелина). Можно только предположить, что Брюллова намеревалась ее опубликовать в виде отдельной брошюры за границей, например, в Женеве, которая была в 70-е годы центром русской политической эмиграции и где нелегально издавались политические брошюры и другая литература оппозиционного характера по отношению к политике русского царизма.

Статья Брюлловой дает нам возможность более объективно подойти к вопросу об отношении к роману Тургенева русской демократической интеллигенции. Несомненно, что оно было более сочувственным, чем это принято считать на основе опубликованных критических откликов. Многие из числа демократически настроенных читателей романа, лишенные возможности открыто выступить в печати с выражением своих общественно-политических позиций, без чего трудно было писать о «Нови», предпочитали молчать и выражать свое отношение к роману Тургенева лишь в устных спорах.

Статья С. К. Брюлловой (Кавелиной) о романе Тургенева «Новь» публикуется по черновому автографу (ИРЛИ, ф. 119, 21.007/CXLIV б. 16). Основной текст дает последнюю авторскую редакцию статьи; наиболее существенные варианты приводятся под строкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В конце 1877—1878 гг. К. Д. Кавелин работал над биографическим очерком Брюлловой, который предполагал опубликовать. В архиве ИРЛИ сохранились: 1) «Материалы для биографии С. К. Кавелиной-Брюлловой» (письма и воспоминания о ней разных лиц, оттиски и вырезки печатных некрологов, ей посвященных, собранные Кавелиным); 2) черновые наброски биографического очерка Брюлловой (рукою Кавелина); 3) беловой список биографического очерка Брюлловой (рукою Кавелина и других лиц, с замечаниями и дополнениями на полях) — ф. 119, 20.825 — 20.831/CXLIIIб. 1—2.

Нами использованы также хранящиеся в фонде Кавелина рукописи некоторых сочинений Брюлловой и ее переписка.

[2] Беловой список биографического очерка Брюлловой.— ИРЛИ, ф. 119, 20.825/CXLIIIб. 1, лл. 12—14.—Сочинение Брюлловой о «Рудине» не сохранилось, а первая половина ее исторической повести находится в ИРЛИ (ф. 119, 21.004/CXLIVб. 16).

[3] Там же, л. 35.

[4] Там же, 20.489/4/CXXXIXб. Письмо помечено Брюлловой: «6 июля 1873». Сверху поправка Кавелина: «23 ⟨июня⟩/5 июля суб⟨бота⟩». Исправления и уточнения, внесенные Кавелиным в датировки писем дочери, в дальнейшем специально оговариваться не будут.

[5] Там же, 20.489/5/CXXXIXб.

[6] Орест Федорович *Миллер* (1833—1889) — историк литературы и критик, профессор Петербургского университета.

[7] ИРЛИ, ф. 119, 20.489/5/CXXXIXб.

[8] «С.-Петербургские ведомости», 1871, № 54, 23 февраля.

[9] В. Д. Сиповский. О преподавании истории в средних учебных заведениях.— «Семья и школа», 1871, кн. 2, № 2, стр. 23—55; беловой список биографического очерка Брюлловой — ф. 119, 20.825/CXLIIIб. 1, л. 51.

[10] «Женское образование», 1877, № 8, стр. 476.

[11] Е. Ардов (Апрелева). Из воспоминаний об И. С. Тургеневе.— «Русские ведомости», 1904, № 4, 4 января.

[12] «Новое время», 1877, № 580, 9 октября.

[13] «Русская мысль», 1897, № 6, стр. 18—29.

[14] О нем см.: «Биржевые ведомости», веч. вып., 1914, № 14537, 5 декабря; «Новое время», 1914, № 13915, 6 декабря; «Речь», 1914, № 332, 8 декабря; «Зодчий», 1914, № 52, стр. 583.— «Дело» П. А. Брюллова хранится в архиве Академии художеств (ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 14, 78 «Б»).

[15] «Педагогический листок С.-Петербургских женских гимназий», 1874, № 5-6, стр. 125—139.

[16] «Вестник Европы», 1876, № 1, стр. 49—83.

[17] Там же, 1877, № 2, стр. 581—631.

[18] Тацит, в изложении В. Б. Донна. СПб., изд. В. О. Ковалевского, 1876 (Сборник древних классиков для русских читателей).

[19] В архиве Брюлловой этих лекций обнаружить не удалось.

[20] ИРЛИ, ф. 119, 21.005/CXLIVб. 16.

[21] «Вестник Европы», 1877, № 11, стр. 444—449 (Стасюлевич, Тургенев); «Женское образование», 1877, № 8, стр. 474—477 (В. Д. Сиповский); «Воспитание и обучение», 1877, № 10, стр. 472—473; «Неделя», 1877, № 41 и 43, 9 и 23 октября (П. А. Гайдебуров); «Новое время», 1877, № 580, 9 октября (А. С. Суворин); «Северный вестник», 1877, № 161, 9 октября; «St. Petersburger Herold», 1877, от 7 октября и 24 ноября.

См. также письма М. М. Стасюлевича к Л. И. Стасюлевич от 5—10 и 19 октября 1877 г.— ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, ед. хр. 103 (в выдержках приведены: Стас., т. II, стр. 133—135) и неизданную статью И. М. Гревса «С. К. Кавелина-Брюллова» (черновик).— Архив АН СССР (Ленинград), ф. 726, оп. 1, ед. хр. 243; 36 лл. (написана в 1930-е годы).

[22] «Неделя», 1877, № 41, 9 октября.

[23] «Женское образование», 1877, № 8, стр. 476—477.

[24] ИРЛИ, ф. 119, 20.340/CXXXVIIIб.28.

[25] Сохранился подписной лист о сборе пожертвований (ИРЛИ, ф. 119, 20.828/CXLIIIб.2). Среди подписавшихся были — А. Н. Пыпин, М. Е. Салтыков, В. Д. Спасович, Стасюлевич, Тургенев (подпись — не автограф) и др. Сообщение «Об учреждении стипендии в Василеостровской гимназии» было опубликовано в «Правительственном вестнике», 1878, № 105, 11 мая.

[26] ИРЛИ, ф. 119, 20.826/CXLIIIб. 1, л. 11 об. В рукописи вместо: «Это произведение» первоначально было: «Это последнее великое произведение». Считаем нужным привести этот вариант, так как письмо Кавелина к Тургеневу с развернутой оценкой «Нови» не сохранилось. По поводу этого отзыва Тургенев писал Стасюлевичу 15/27 декабря 1876 г.: «Я такое получил письмо от Кавелина... что, не обинуясь, скажу: во

всей моей литературной карьере я не испытал ничего, что бы доставило мне большее удовольствие!» См. также письмо Тургенева к Кавелину от 17/29 декабря 1876 г.

[27] См.: L'élaboration d'un roman de Turguénev: «Terres vierges». Par A. M a z o n.— «Revue des études slaves», 1925, t. V, cah. 1-2, p. 86—107; М а з о н, стр. 106—137; Ю. Г. О к с м а н. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1921, стр. 59—72.

[28] ИРЛИ, ф. 119, 20.489/5/CXXXIX б.

[29] См. письма Тургенева к Стасюлевичу 1876 г.

[30] Авторская дата письма: «Понедельник, 4-го дек./23-го нояб. 1876» не соответствует календарным данным. Понедельник приходился на 4 декабря н. с. 1876 г. и, следовательно, на 22 ноября с. с.

[31] «Вестник Европы», 1877, № 2, стр. 519. Это добавление было вписано Тургеневым на полях корректурных листов «Нови» (ГПБ, ф. 795, № 25, л. 224; ср. Тург АН. Сочинения, т. XII, стр. 403.).

[32] См. об этом подробнее выше в статье А. Г. Цейтлина «Новь».

[33] Записки профана. «Новь».— «Отечественные записки», 1877, № 2, стр. 311—326.

[34] П. Н и к и т и н. Уравновешенные души. (Новь. Роман в двух частях. Сочинение И. Тургенева).— «Дело», 1877, № 2—4.

[35] П. Н. Т к а ч е в. Задачи революционной пропаганды в России. ⟨Женева⟩, 1874, стр. 7.

[36] ⟨П. Л. Л а в р о в⟩. Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: Задачи революционной пропаганды в России. Лондон, 1874, стр. 19, 37.

[37] Ф. Э н г е л ь с. Эмигрантская литература. ⟨Статьи III и IV⟩.—«Volksstaat», 1874, № 117 и 118, 6 и 8 октября; 1875, № 36 и 37, 28 марта и 2 апреля; перепеч.: К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, изд. 2-е, т. 18. М., Госполитиздат, 1961, стр. 522, 524, 526.

[38] П. Н. Т к а ч е в. Задачи революционной пропаганды в России, стр. 17.

[39] Константин Константинович *Арсеньев* (1837—1919) — известный либеральный адвокат, критик и публицист; участвовал в качестве защитника в процессе С. Г. Нечаева. За опубликование его статьи «Политический процесс 1869—1871 гг.» в № 11 «Вестника Европы» 1871 г., журнал получил первое цензурное предостережение, в котором отмечалось, что в статье «высказывается мысль о том, что участие молодых людей в тайном обществе с преступными целями, послужившее поводом к возбуждению означенного процесса, было будто бы вызвано стеснительными со стороны правительства мерами; что такое превратное истолкование действий правительства, возбуждая к нему недоверие, обнаруживает вредное направление журнала» («Правительственный вестник», 1871, № 284, 28 ноября).

[40] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 377.

[41] «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 908.

[42] Т. в восп. рев., стр. 36.

[43] Там же, стр. 25—26.

[44] Г. Б я л ы й. Тургенев и русский реализм. М.— Л., «Советский писатель», 1962, стр. 231.

[45] «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, серия филолог. наук», 1939, вып. 4, стр. 263. Г. П. Макогоненко здесь впервые привлек материалы полемики между Ткачевым и Лавровым в качестве источника для изучения «Нови».

[46] Первой попыткой подобного изучения (преимущественно лишь в связи с образом Нежданова) является статья А. Чернавиной «И. С. Тургенев и журнал „Вперед!" (К вопросу об истории создания романа „Новь")».— «Сборник студенческих научных работ» Ленинградского государственного ун-та, серия гуманитарных наук. Л., 1963, стр. 49—52.

[47] «Вперед!», т. II, 1874, стр. 224—249.

[48] Там же, т. III, 1874, стр. 1—44.

[49] «Былое», 1925, № 2, стр. 46.

[50] «Вперед!», т. II, стр. 224—226, 231, 244, 249.

[51] Там же, т. III, стр. 25.

[52] ⟨П. Л. Л а в р о в⟩. Русской социально-революционной молодежи, стр. 50.

[53] Тург. в восп. рев., стр. 240—241.

[54] М а з о н, стр. 108.

[55] А. В. Л у н а ч а р с к и й. Русская литература. Избранные статьи. М., Гослитиздат, 1947, стр. 97—98.

[56] П. Л. Л а в р о в. Парижская коммуна. Изд. 2-е. Пг., «Колос», 1919; письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер.— «Голос минувшего», 1916, № 7-8, стр. 124—125, 134—136 и др.

<СТАТЬЯ О РОМАНЕ «НОВЬ»>

Мы переживаем тяжелое, безотрадное время. Гнет, реакция сверху достигли своей апогеи, договорились до абсурда. Душно... ни писать, ни говорить, ни действовать искренно нет возможности. Разговоры в интимных кружках вертятся в заколдованном круге, из которого нет выхода. «Положим, нас давят,— говорят одни,— но зачем же мы позволяем себя давить? Tout peuple n'a que le gouvernement qu'il mérite [1*]. Стало быть мы сами гнилы, апатичны, тупоумны, если не оказываем протеста. Надо пересоздать Россию снизу, надо заводить школы, фабрики, жить в деревнях, поднять земледелие, благосостояние народа...» «Всё это невозможно,— возражают другие,— потому что гнет распространяется во все сферы жизни. Вы пишете статью, ее вырезывают, вы заводите школу, ее закрывают за то, что вы нигилист и т. д. На каждом шагу для малейшего дела требуется геройство, а за геройство вас отправляют в Сибирь».— «Да, но пока мы сами не подымемся [2*], не начнем работать над собою, до тех пор нас вечно будут давить сверху: сделайте завтра революцию, сбросьте царствующий дом, что́ вы послезавтра поставите на его место? Где у нас почва, где материал для конституции, для местного самоуправления?» — «Правда, но ведь при этом режиме этот материал никогда не выработается; когда нас стесняют везде и во всем, мы не можем развиваться...» И так до бесконечности, как сказка про белого бычка. Очевидно — спорящие исходят из одной точки: что существующее невозможно, невыносимо; но они ищут различных путей для выхода: один хочет начать пересоздание общества сверху — это революция, другой снизу — это реформа. Спор, которого мы привели главные тезисы, не предполагает двух индивидуумов. Каждый из нас наедине с самим собою проделывает тот же процесс мышления. Бывают у каждого из нас минуты, когда склоняешься к революции, бывают более спокойные, когда надеешься на реформу, надеешься добиться чего-нибудь потихоньку, понемногу [3*].

За последние годы правительство само как будто взяло на себя труд доказать нам невозможность реформы, невозможность медленного, спокойного пересоздания общества. Это медленное пересоздание возможно только посредством *школы*, посредством воспитания масс, требует нескольких поколений. Наше правительство систематически истребляет школу, ведет систематическую, ожесточенную войну против молодежи, занимается сознательно и энергично детоубийством [1]. История представляет немало гадостей, содеянных царскими руками, но мы еще не встречали нигде и никогда, чтобы эти руки душили и мучили *по преимуществу* молодое поколение. Его более или менее берегут и берегли везде и всегда. Глупо ли, умно ли — его лелеяли, его взращивали в тех или других идеях, но не относились к нему с злорадством, с ненавистью [4*]. В настоящее время у нас в России каждый человек, не окончивший еще курса учения, сидящий на университетской или гимназической скамье — есть ео ipso [5*] человек опасный, враг бога небесного и земного, его считают на все способным, его нещадно карают за всякий мало-мальски выходящий из ряду проступок. Студенты недовольны профессором за то, что он поставил им дурные баллы, и сделали ему скандал, освистали. Их не только

1* Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает (франц.).

2* *Сверху карандашом вписано*: разовьемся

3* *Далее зачеркнуто*: Если взять за исходную точку данную минуту, т. е. 4 февраля 1877 года, то *и снова начато*: Мы взялись за перо 4 февраля 1877 г., [и пишем] и в эту минуту не может не преобладать то безнадежное, отчаянное настроение, которое прямо

4* *Далее зачеркнуто*: Толстого [2]

5* тем самым (лат.).

выключают из заведения, с лишением права поступить в какое-либо другое — но отправляют по этапу «на место родины» [3]. Недавно открывшиеся женские курсы подвергаются тому же: за невзнос платы за слушание лекции студентка обязуется в 24 часа оставить Петербург. Министр, зараженный греко- и латино-бесием, загромождает полудикую, нечесаную Русь псевдоклассическими гимназиями, преследуя реальное образование, насущно необходимое нашему краю и нашему времени [6*]. От Белого моря до Кавказа, волосатые обитатели которого едва справляются с русским языком, склоняют латинские и греческие глаголы, читают Ливия, Цицерона и Софокла. Требуется от ученика такая безукоризненная точность в переводах, непогрешимость в употреблении форм и оборотов, что сами учителя нередко попадаются впросак, вследствие чего [7*] нашу родину наводнили чехи и русины — наемные телохранители классицизма [4].

Наверху не обращают внимания на то, что при этой системе из 25 юношей-гимназистов выпускной экзамен выдерживают два, три, а остальные так и остаются недоучками; что ежегодно бывает по нескольку самоубийств 12-ти — 13-тилетних мальчиков [5]. Реальные училища битком набиты, но из них нет хода в университет. А что ожидает тех счастливцев, которые правильно проспрягали второй аорист мудреного глагола?— Чиновничья атмосфера, отсутствие нравственной связи между студентами и карьеристами-профессорами; профессора не карьеристы, искренно любящие дело, живые и талантливые, увольняются по высочайшему повелению [8*], и тоже иногда с запрещением читать где-либо и что-либо [9*]. Всякие попытки студентов к корпоративной самостоятельности (студенческие кассы, сходки и проч.) приравниваются к политическому преступлению. Надо быть человеком исключительным, оригиналом, чудаком, чтобы при этих условиях отдаться науке, заниматься своим «делом». Именно наука не дается нашему юношеству. Лишенные духовного руководства, окруженные холодом, казенщиной и жандармами, они либо, плюнув на все, также делают карьеру, либо изламываются, проникаются презрением к существующему порядку, и, не выходя из болезненного, нервного чувства огорченного недовольства, ищут в книжках того, чего нет в действительности.

Молодежь нельзя заставить думать спокойно, бесстрастно. Лучшие экземпляры ее, относясь отрицательно к общему строю Российского государства, не могут пребывать в том душевном равновесии, без которого невозможна научная жизнь. И вот рождаются бесконечные мечты о пересоздании России, конечно, сверху, потому что это радикальнее, скорее, осязательнее, потому что без этого нельзя приниматься за реформу внизу, в массах. Как во всяком общественном [10*] движении, и в этих есть гнилые частицы: юный лентяй, шалопай, живя на счет отца, числясь в университете, не занимается целый день ничем, кроме курения папирос и болтовни на дешевые либеральные темы, оправдываясь тем, что, де, при существующих порядках работать невозможно. Какая-нибудь барыня, возомнив себя рожденной для высших целей, оставляет детей на целый день и рыщет без устали; брянчат либеральные мелодии. Все это карикатуры, достойные смеха или жалости [11*]. Но нельзя подводить к этим уродливым образам все то движение,

---

[6*] *Далее зачеркнуто*: когда мы так страшно отстали от Европы в производительности и промышленности

[7*] *Первоначально*: для нас требуется громадное количество чехов и русинов, съевших собаку на классиках.

[8*] *Далее зачеркнуто*: (как, например, Драгоманов) [6]

[9*] *Далее зачеркнуто*: (Лесгафт) [7]

[10*] *Первоначально*: революционном

[11*] *Далее на полях зачеркнуто*: но нельзя, нарисовав два, три таких образа, отделываться ими от [даль‹нейших›] тех мыслей, на которые наводит

С. К. БРЮЛЛОВА
(*рожд.* КАВЕЛИНА)
Фотография, 1873
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

которое с каждым годом более и более охватывает молодежь, принимая часто дикие формы, потому что это движение, болезненное, исковерканное, происходит на счет умеренного, научного, в ущерб ему [12*]. Эта черта резко отделяет современных революционеров от предыдущих, декабристов, петрашевцев и последователей Чернышевского.

Нечаевцы [8], долгушинцы [9], сотрудники журнала «Набат» [13*]— люди большей частью весьма молодые, мало образованные теоретически, возводящие даже в принцип отрицание высшей науки, не создающие никаких положительных политических доктрин, но ломающие беспощадно *все старое* [14*]. Социальные убеждения их так же радикальны, как и политические. Народ, масса в их глазах святыня, ради него, а не ради культурного слоя только, хотят они изменить теперешний строй жизни. Но для этого надо притянуть массы к революции, надо поселить в них те же идеи, которыми проникнуты люди, додумавшиеся сами до революции. Учить народ сельскому хозяйству, грамоте, ремеслам, не освободив его от того гнета, который вымучивает из него подати,— бесполезно и не выведет

[12*] *Далее зачеркнуто*: [Рука] Как всякое общественное движение, оно стремится захватить возможно больший круг; учение имеет

[13*] *Первоначально*: «Вперед!» [10] и «Набат» [11]

[14*] *Далее зачеркнуто*: (не исключая и того, что в этом старом создано наукой, искусством, к которым университет или неоконченная гимназия не сумели им внушить ничего, кроме ненависти).

его из нищеты. Итак—идти [15*] в народ, просветить его светом революционного учения — вот задача. Народу не нужна теперь ни наука, ни искусство. Ему не до того. И вообще заниматься этим теперь, когда массы стонут под гнетом податей, а другие сословия под гнетом цензуры и тайной полиции — преступный сибаритизм. Что народ, экономически приниженный, сразу отзовется на голоса вожаков — представлялось несомненным в глазах юношей и молодых девушек, только что переставших быть детьми. С горячею верою в свои формулы, в правоту своего дела, с поспешностью нервных детей нашего века бросились они к тому сфинксу, который называется русским народом, сфинксу, к которому трудно подойти, которого никто до сих пор не разгадал [16*]. Но к образованному слою, к дворянству мужик чувствовал и долго еще будет чувствовать недоверие. Чтобы перешагнуть через эту первую преграду, новые люди, уходя на проповедь, сбросили с себя все внешние признаки своего сословия, оделись в тулуп, перевели свои идеи на народный язык [17*], стали говорить притчами. Как же откликнулся народ на их искренний, молодой призыв? До сих пор, по-видимому, холодно, с недоумением.

На Казанской площади пропагандистов вязали и били мозолистые, красные, рабочие руки. Резкие выходки против религии и царя были встречены с негодованием [12].

Очевидно — «народники» не разгадали сфинкса, оказались ему ненужными, лишними, оказались слишком высокими, слишком отвлеченными, или слишком односторонними, или потому что пошли, очертя голову, не оглядываясь на то, что у них под ногами, не изучив той почвы, в которой теперь вязли эти бедные молодые ноги. И лишь весьма немногие из них задались вопросом, точно ли нужна народу революция, точно ли именно революция, а не что другое. Что это? Тупоумие, узкость, фанатизм или просто юность? Кто эти люди? Глупцы, мечтатели, плуты, шалопаи?

Правительство не дало нам исследовать этого вопроса, не дало высказаться за или против них — оно поспешило окрестить их святым, дорогим ⟨нам⟩ именем мучеников. Да, все эти безбородые недоучки, все эти растрепанные фантазерки, все эти горячие головы — все они теперь фигурируют в терновых венках, с изможденными лицами. Их судит десяток сенаторов, заведомых подлецов [18*], без присяжных; в отчетах, напечатанных в газетах, искажаются ответы подсудимых, слишком красноречивые адвокаты высылаются из Петербурга, но результаты судбища ясны — никому не оказано пощады: шестнадцатилетние девочки за передачу прокламаций и за крик: «Вперед, за мной» во время казанской сцены — сосланы на несколько лет в каторжную работу [13].

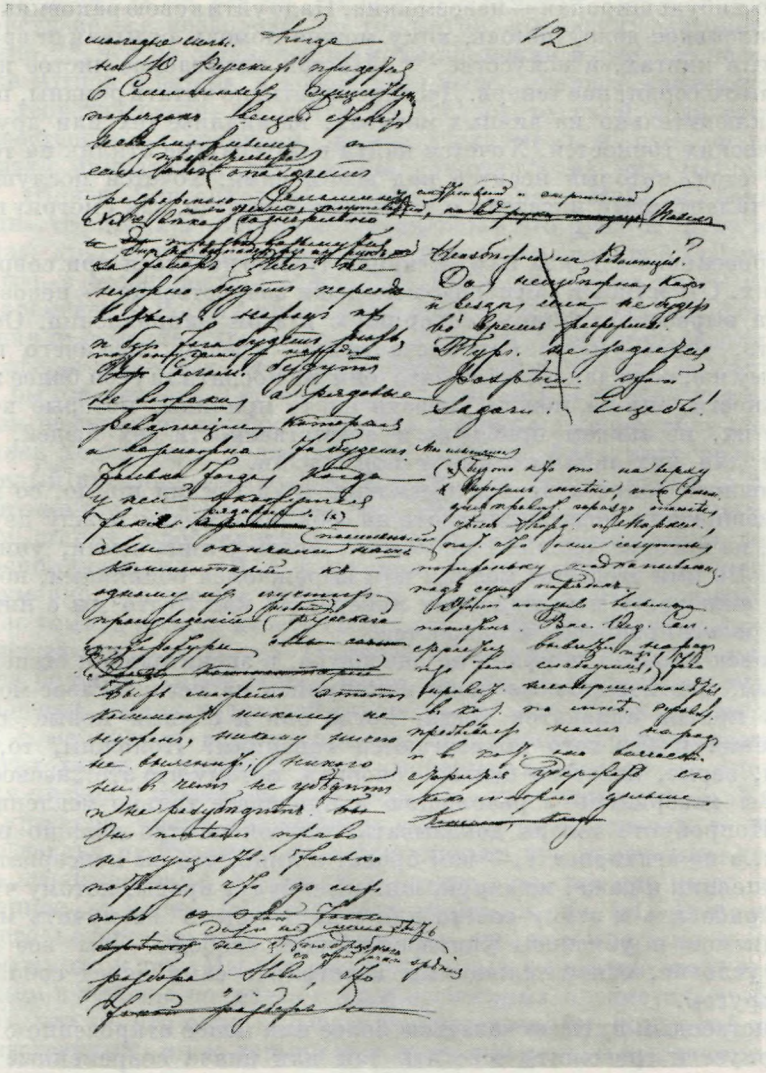
Мы понимаем в правительстве чувство самосохранения, мы понимаем, что для усмирения бунтовщиков посылаются войска и пушки. Но ведь эти бунтовщики потерпели фиаско. Они никого не возмутили, их выдали головой. Они беззащитны, безвредны, они — почти *дети*. И теперь тысячи этих детей населяют Сибирь или сходят с ума и заживо гниют в одиночном заключении. Страшно нынче быть матерью юноши-сына или молодой дочери, если они порядочные люди. Их ждет беспощадная судьба: все эти сосланные, замученные, сгноенные в тюрьме — вопиют о мщении, и ни одна свежая молодая душа не может быть глуха к этим воплям.

[15*] *Далее зачеркнуто*: поучить народ, доказать ему необходимость революции

[16*] *Далее зачеркнуто*: по очень простой причине: русского народа до сих пор не было; была масса закрепощенных животных, отделенная непроходимой бездной от образованного слоя. [Народ]

[17*] *Далее зачеркнуто*: стали распространять тенденциозные брошюры, напечатанные, конечно, без цензуры

[18*] *Далее зачеркнуто*: в особом присутствии Сената



СТАТЬЯ С. К. БРЮЛЛОВОЙ О РОМАНЕ «НОВЬ»
Черновой автограф, 1877. Лист двенадцатый
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Правительству, самому верховному судье ничего бы *даже не стоило* быть великодушным в этом случае. Он ничем бы не рисковал. Теперь он создал кучи горючего материала, которые будут преемственно переходить от поколения к поколению, увеличиваясь, разрастаясь с каждым годом. Куда нам идти освобождать славян от турецкого ига: мы и сами рабы и поставлены чуть ли не хуже подданных султана, потому что нас, что ни царствование, морочат либеральными реформами, под которые потом подкапываются негодяи, давя под развалинами тех людей, которые их созидали [14].

Глядя на все это, утешаешься только одним: чем хуже, тем лучше. Пусть договорится этот безумный режим до чёртиков, пусть сам доведет народ до тех формул, которые ему слишком рано хотели навязать пропагандисты. Пока жутко и тошно честному человеку в России, деятельность

сколько-нибудь широкая — невозможна. Надо уйти в свою раковинку, делать свое, маленькое дело, помочь, кому можно помочь, отдыхая от времени до времени в книгах, в искусстве [19*]. Но так называемое чистое искусство даже как-то сердит нас теперь. Досадно, противно читать романы, построенные исключительно на личных мотивах, на анализе тех или других психологических тонкостей. Хочется найти в литературе отклик на тот болезненный стон, который носится над всеми нами, хочется послушать, что думает талантливый писатель о теперешней минуте, как смотрит на новых людей.

Откровенного взгляда на этот вопрос трудно добиться при современных условиях. Отнестись к погибшей молодежи сочувственно — невозможно... Цензура вырежет страницу, говорящую в этом направлении. Осуждать, упрекать, учить уму-разуму несчастных — грешно: лежачего не бьют. Да к тому же, осуждая их за то, что они не посвятили себя более здоровой деятельности, мы не можем указать на те причины, которые исказили, помяли их, не можем привлечь к ответственности тех людей, которые создали для них невыносимый строй жизни.

Ни одного вопроса нельзя рассматривать в России прямо, со всех сторон. Смешно или подло принимать на себя роль судьи между двумя сторонами, из которых одна сейчас может стереть с лица земли, уничтожить другую. Во имя этого мы молчим или выражаемся обиняками, когда речь идет об ошибках и заблуждениях либералов, как будто мы с ними солидарны, и все вопросы искажаются.

Человек написал памфлет на адвокатов, в значительной степени справедливый. Все порядочные люди накинулись на него: «Разве можно выступать против адвокатов тогда, когда они и с ними новые судебные учреждения и без того подвергаются гонениям? Положим, то, что вы сказали, верно, но этого нельзя говорить, потому что это „несвоевременно“». Вы изверились в революцию и признаете только медленный прогресс. Попробуйте теперь доказывать, что юношество должно работать, учиться, а не агитировать,— вам бросят в лицо, что вы консерватор, буржуй, чиновник и даже, пожалуй, шпион, и будут правы, потому что вы не могли прибавить к этому совета для г-на Толстого не мучить молодежь классицизмом и убиением университетской свободы. Мы все вопросы ставим условно, относительно, мы изолгались сами перед собой и друг перед другом.

Единственный путь высказаться более или менее откровенно о том, что нас волнует и тревожит, осветить так или иначе современные типы и положения — это художественное произведение. Говорим более или менее, потому что у нас нередко запрещаются и романы, и повести, даже картины. В сумме, однако, к ним относятся менее строго, чем к «серьезной» статье, написанной в убедительном и увлекательном тоне [20*].

Как же воспользовались этой льготой наши новейшие беллетристы? Г-н Достоевский в своих «Бесах» является настолько враждебным молодежи, что мог выразить свои чувства где и в какой угодно форме, не прибегая к образности. Г-н Гончаров в «Обрыве» также изобразил дикого нигилиста в самом непривлекательном виде. Тургенев — единственный русский литератор, воспользовавшийся своим положением художника, чтобы поставить вопрос честно, прямо, откровенно, высказаться открыто,

---

[19*] *Далее зачеркнуто*: Но и тут не уйдешь от горького, болезненного чувства, которое возбуждает современный порядок.

[20*] *Далее зачеркнуто*: Переложите на простой, серьезный язык Щедрина, и цензура его заест, в настоящем своем виде он забавен, смешон, аллегоричен, не ставит точек над i и потому может себе позволить гораздо больше, чем ученый или публицист.

на все стороны. И он не мог высказать всего, что думал, потому что и беллетристу не все позволено, но то, что он высказал, настолько недвусмысленно [21*], что не оставляет ни иоты сомнения в том, что недосказано.

После «Отцов и детей», в которых он вывел впервые нигилиста, но нигилиста теоретического, он почти не касался русской молодежи. Живя преимущественно за границей, редко заглядывая к нам, он все больше печатал миниатюры; содержание некоторых из них («Пунин и Бабурин», «Конец Чертопханова», «Степной король Лир», «Собака», «Живые мощи», «Бригадир») очевидно сложилось в его душе в эпоху «Записок охотника»; другие изображали типы русских за границей («Дым», «Вешние воды»), в особенности бомонда, страсти и отношения чисто личные [15].

Тем временем в России много воды утекло. Кончилось крепостное право, возникли земские учреждения, новые суды. Женщины вышли из замкнутой сферы мелочных, семейных отношений, которые так чудно схватывал в былые времена Тургенев, и расширили круг своей деятельности. Нигилизм перешел из теории в практику, вместо филантропов-помещиков народились ходители и ходительницы в народ. Всех этих явлений наш талантливый писатель не касался. Мы думали, что он перестал понимать нас, и читали его последние вещи, как бы отдавая дань уважения некогда мощному старцу, пробавляющемуся теперь лишь отжившими, выдохшимися воспоминаниями. «И к чему нам эти образы? — говорили мы.— Это все умерло, это все уж избито, уж пережевано». Нас волновало свое, новое, нас томила жажда видеть себя и свое время изображенными мастерскою, свежею кистью. И вот Тургенев в последнем большом романе задел самое больное, самое живое место нашего общественного тела — нашей молодежи, наших ходителей в народ... [22*] Его «Новь» не фотография, не этюд — не только верное, вполне объективное воспроизведение тех или других типов и явлений. Это — картина, в которой есть центр, которая вся писана в известном тоне, освещена известным светом. Мы всюду видим Тургенева, видим его взгляды на дело, на описываемую им среду, даже его взгляд на будущее, на новые, только что намеченные типы. Это роман — *тенденциозный* с начала до конца, это, прежде всего, крупное общественное явление, политическая profession de foi. Говорят — это именно его недостаток, это парализовало его художественную сторону. Может быть, это и так. Мы оставим этот вопрос в стороне; стоит поспорить двум людям в течение получаса о художественных предметах, чтобы обнаружилось, что то́, что один называет художественным, то другой называет не художественным, и что термин этот при современном состоянии эстетики не подлежит точному определению [23*]. К тому же о художественной

[21*] *Далее зачеркнуто*: что заслуживает глубокого уважения, глубокого сочувствия.

[22*] *Далее зачеркнуто*: Мы предполагаем в наших читателях основательное знакомство с «Новью» и потому не будем пересказывать ее содержания, что заняло немало места в так называемых литературных обозрениях наших газет.

К живым, современным, наболевшим вопросам невозможно и даже просто преступно относиться чисто художественно, вполне объективно, т. е. взять два-три наличных типа, представить их вполне реально, вполне верно — и только. Самый подбор этих типов, самая группировка сцен совершится непременно под влиянием общего взгляда на тот или другой вопрос. Если этого общего взгляда нет в авторе — его навяжут ему читатели, которые непременно будут доискиваться, что же он хотел сказать, кому он сочувствует, кому нет. [Тургенев] При этом несомненно возникают споры и несогласия. [Один понимает] Так как ни один талантливый беллетрист не [пишет] привешивает этикеток к своим героям, то и является спор о том, каковы эти герои, как описал их автор, какие стороны выставил более или менее.

[23*] *Далее зачеркнуто*: Всё, что мы лично можем сказать о романе — это то, что действующие лица выступают перед нами живо, [корпусно] рельефно. О них можно спорить, их можно оценять так или иначе, как можно различно оценять живых людей: о ходячих идеях, о куклах, одаренных человеческими качествами,— нечего спорить.

стороне романа можно вдоволь говорить и в России. Критик «Русского вестника» безжалостно изобличил Тургенева в массе неверностей и несообразностей, разобрал по косточкам, что в Александринском театре нет мест в 3 рубля и проч. [16]

Мы хотели бы сказать несколько слов только об общественном значении «Нови», о котором нельзя писать свободно на берегах Невы, Волги и Днепра и о котором тем не менее идут жаркие прения в гостиных, в кабинетах и в частных письмах.

Говорят, молодежь, так называемые народники, не узнают себя в изображении Тургенева, находят, что он был несправедлив к ним, выведя как представителей их людей либо слабохарактерных, либо слабоумных, оставив без внимания лучшие экземпляры, соединяющие большой ум, большое образование с твердостью воли. Этого упрека наше юношество, конечно, не может сделать автору печатно, ибо в «народниках» не дозволяется признавать не токмо великих нравственных доблестей, но и человеческих сторон. Это говорится под сурдинку и, может, выскажется разве в заграничных изданиях [17]. Точно так же ни один порядочный человек не станет печатно возражать на этот невысказанный упрек, что мы не видели между нечаевцами, долгушинцами и казанцами ни одного человека с большим, основательным, реальным образованием, с знанием той почвы, которую взялся возделывать, с ясно сознанными политическими идеалами. Тургенев высказал эту мысль устами и делами своих героев. Он не вывел ни одного пропагандиста негодяя, пьяницу и мошенника, хотя таковые имеются. Он не хотел заплевать их. Нежданов, Машурина, Остродумов, Маркелов, Марианна — все это личности замечательно честные, деятельные, любящие, чистые, как голуби, но не мудрые, как змеи. Тургенев отрицает возможность пересоздать Россию путем политической агитации. Агитаторы, с которыми он встречался в жизни, казались ему субъектами слишком молодыми, слишком увлекающимися [18], а иногда — просто тупыми [24*]. Часть обвинений этого рода отпадает весьма легко, если припомнить, что Тургенев писал «Новь» шесть лет, что она сложилась в нем под влиянием нечаевского процесса; Василий Николаевич — это Нечаев [19]. Вскоре после окончания нечаевского дела Арсеньев [20] написал статью о понижении уровня политических преступников. Петра Алексеева Тургенев не имел в виду, когда писал «Новь». Но Петр Алексеев и теперь является единичным явлением, тогда как история долгушинцев, казанцев и даже недавно разбиравшейся группы [21] представляет во многом разительное сходство с сценами Тургенева.

И он представил нам эти типы, составляющие, на его взгляд, большинство. Он представил нам несколько глав из того мартиролога, которому заглавие «Революционные идеи в России».

Несколько юношей взялись распахать ту «новь», которая называется русским мужиком. Но их постигает трагическая судьба. «Новь» не трогается с места, им не пронять ее. Они топчутся по ней, орошают ее слезами и пóтом, а она все не поддается. Все они, кроме Нежданова, изверившегося в деле, гибнут от рук «охранителей существующего порядка», которым эта «новь» выдает их с руками и ногами [25*]. Когда дело доходит до развязки, ни один из них не трусит за свою особу. Идея им всего дороже. Маркелов и Остродумов умирают за нее, как герои. Мариан-

---

[24*] *Далее на полях зачеркнуто*: Не забудем и того, что Тургенев писал больше всего под влиянием нечаевского [процесса] дела, что «Новь» начата и задумана давно, что Петр Алексеев говорил после появления «Нови», что

[25*] *Далее зачеркнуто*: а гибнут они, как герои, и много сил, напрасно растраченных, [чувствуется] под этой безотрадной жизнью.

«ЖЕНСКИЙ ТРУД»
Офорт П. А. Брюллова, 1874
Литературный музей, Москва

на готова умереть. Ее спасает случай, без малейших усилий с ее стороны.

Тургенева упрекают и в том, что он не показал нам raison d'être [26*] ходителей в народ, не показал, из чего и как они возникли [22]. Действительно, жаль, что он этого не сделал. Но, спрашивается, мог ли он это сделать? Во-первых, для этого он должен был бы захватить очень далеко и сказать много такого, за что бы его роман не увидел света, во-вторых, изобразив Сипягина и Калломейцева, он вместе изобразил направление нашего правительства, в котором эти люди играют первую скрипку и создают порядки, вызывающие революционное брожение. В первой сцене слегка намечены некоторые черты этого порядка: «Ничего особенного не случилось,— отвечает с досадою Нежданов на навязчивые расспросы Паклина,— а случилось то, что нельзя носу на улицу высунуть, в этом гадком городе, в Петербурге, чтоб не натолкнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху!» [27*].

«Поднимать новь следует не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом»,— говорит Тургенев.— Эти юноши — сохи. Они захватили поверхностно, не глубоко, они не задели этой «нови» за живое, потому что не знали ее.

Ни одной минуты, однако, не может прийти в голову читателю, что Тургенев думает вовсе не поднимать этой нови, стать на сторону «охранителей». Мастерски, злостно и вместе юмористически очерченный образ Сипягина и Калломейцева — это вызов всей партии покойной «Вести» [23],

---

[26*] разумное основание, смысл (франц.).

[27*] *Далее зачеркнут следующий текст из 2-й главы «Нови»*: «—Жить здесь больше невозможно ∞ Басанова арестовали» (текст приведен Брюлловой не полностью).

Каткова, Валуева с tutti quanti [28*]. Они уже прислали ему расписки в получении оплеухи [24], как некогда хотели послать после «Дыма» [25]. Если нечаевская молодежь ропщет на Тургенева, то уж, конечно, не менее ропщет молодежь припомаженная, раздушенная; Тургенев стоит теперь один, окруженный горсткою людей, занимая самое невыгодное место — место среднее между радикалами и консерваторами, за это ему скажут когда-нибудь спасибо [29*], но стоит, не виляя, не отлынивая, а твердо, громко высказывая свою мысль, не угодную ни тем, ни другим.

Тургенев выводит и того человека, который пашет плугом [30*]. Об этом пахаре после. Этот пахарь опять-таки одинаково противен радикалам красным и белым. Мы прежде всего хотим выяснить то настроение, под влиянием которого писалась «Новь», то чувство, которое автор высказывает по отношению к молодежи, есть ли это карикатура на молодежь. Можно ли вообще назвать карикатурой то, что вызывает у вас слезы? Когда Нежданов отдает последние деньги на пропаганду, когда Маркелова, раздавшего крестьянам большую часть своей земли, выдают эти же крестьяне, когда Марианна и Нежданов, собираясь в народ, переодеваются в мужицкие костюмы, стараются говорить народным языком, когда Нежданов идет в кабак и возвращается пьяный, не понятый никем [31*] и стреляется — читателю не смешно, а больно. И это не выдумка: мы знаем из жизни факт подобного рода. Были, может быть, и факты другого рода, но это не значит, что *таких* не было.

Вся фигура Нежданова — живая, скорбная и страшно правдивая. И вся его скорбь оттого, что ум у него пытливее других, что он не доктринер, как Маркелов, не энтузиаст и вечный ученик, как Машурина и Остродумов, способные к непрестанному jurare in verba magistri [32*]. Его мучит мысль, что «новь не так следует поднимать». Но как? До разрешения этой мысли он не дожил. Его заело сомнение, презрение к самому себе за это сомнение и отчасти то, что, он замечал, Марианна любила не его, а Соломина [33*].

Много говорят и спорят в наших гостиных фашионабельных и нефашионабельных *о Марианне*. Обвиняют Тургенева за то, что он выбрал свою героиню не из лучших, не из образованнейших русских женщин. Марианна — воспитания домашнего, а не гимназического, не университетского. Правда; но из университетских женщин, которые все известны наперечет, ни одна не пошла в народ. Они работают на другом поприще. Во всяком случае, странно упрекать автора за то, что он выставил тот, а не другой тип, если этот тип идет к делу. В этом никак нельзя отказать Марианне. $^{9}/_{10}$ наших заговорщиц — Марианны. Это — личность, надломленная преждевременною, мелочною, бесплодною борьбою, стремящаяся всею душою вырваться из ненавистной, лживой обстановки, где все претит и личному чувству и общим ее взглядам. Эти общие взгляды сложились в ней более путем инстинктов, аспираций, словом, более путем так называемых сердечных процессов, нежели умственных [34*]. Марианна лю-

---

[28*] со всеми прочими (итал.).

[29*] *Далее зачеркнуто*: «Новь», по его мнению, надо поднять — и он высказал, как, по его мнению, поднять ее.

[30*] *Далее зачеркнуто*: Но он пашет медленно, тщательно и потому еще долго будет пахать свою безграничную «новь».

[31*] *Далее зачеркнуто*: когда это непонимание доводит его до самоубийства

[32*] *Буквально*: клясться словами учителя (лат.); слепо верить во что-либо, не иметь собственного суждения.

[33*] *Далее зачеркнуто*: на которого инстинктивно опиралась как на силу, думая, что сердце ее принадлежит Нежданову.

[34*] *Далее зачеркнуто*: В этом отношении есть, пожалуй, нечто общее между ею и Еленою в «Накануне». Но Марианна — Елена другого поколения, пожалуй, дочь

бит идею, не задумываясь над практическим ее применением, над ее осуществимостью. Идея эта — горячо прочувствованная, выстраданная в безотрадной обстановке, изломавшей ее молодое сердце. Она крепко жмет руку человека, сочувствующего также этой идее. Этот человек — мужчина, красивый, лично ей симпатичный, и взаимное сочувствие, взаимное понимание посреди совершенно чуждой обстановки принимает характер любви. Это — явление чисто случайное. Попади в это время Марианна на женщину, подобную Нежданову, она бы горячо привязалась к ней, пошла бы с ней рука об руку, но не с тем чувством, которое невольно напросилось к ней в сердце, когда она встретилась с мужчиной. В любовных отношениях Марианны и Нежданова страсть, непосредственное, чувственное увлечение играет весьма незначительную роль. Они уходят вместе на дело, говорят всего больше о деле, они живут рядом дверь об дверь, и только раз, как будто между прочим, Марианна говорит другу:

«— Алеша, ты знаешь, что когда ты мне скажешь, как честный человек — а я тебе верю, потому что ты точно честный человек; когда ты мне скажешь, что ты меня любишь тою любовью... ну, тою любовью, которая дает право на жизнь другого, когда ты мне это скажешь — я твоя ⟨...⟩.

— Когда я тебе это скажу...

— Да, тогда! Но ведь ты сам видишь, ты мне теперь этого не говоришь... О, да, Алеша, ты точно честный человек. Ну, и давай толковать о вещах более серьезных».

Любовь ее быстро переходит в чувство жалости, снисходительной жалости к его нравственной недужности и слабосилию, с которыми она невольно ежеминутно сравнивает стойкость, определенность Соломина. Увлеченная, горячо, страстно верующая в свою миссию, Марианна отдается ей цельно и здорово. У ней нет в голове той рефлексии, тех теоретических завалов, которые мучат Нежданова. Ее мучил сипягинский дом, Анна Захаровна и Валентина Михайловна. Вырвавшись оттуда, она искренно, жарко бросилась в новую жизнь. Ее разговоры с Татьяной и Соломиным на фабрике кажутся многим читателям «Нови» глупыми и аффектированными [26]. По нашему мнению, это верх совершенства и проникнуто величайшею правдою. Дело в том, что каждая женщина нашего среднего интеллигентного круга невольно гораздо больше соприкасается с мелочами будничной жизни, чем мужчина, и потому имеет гораздо больше возможности узнать именно эту, будничную жизнь. Но и женщина среднего круга смотрит на нее сбоку, издалёка. Редкая из них сумеет спечь пирог, сварить суп, вымыть пол, и каждой из них случалось тысячу раз, придя на кухню, чтобы для шутки помесить тесто или порубить котлеты, встретить насмешливый взгляд кухарки, устремленный на неумелые барские руки. В таком точно положении очутилась Марианна. Она [35*] пошла «в народ» и, пока Нежданов разносил книжки и проповедовал [36*], оставалась на фабрике, снедаемая страстным желанием поскорее сблизиться, слиться с этим народом.

Горячность, с которой она принимала советы Татьяны, в лице которой училась *«у народа»*, горячность, с которой мыла горшки, чесала мальчишку и проч.,— несколько детская, но весьма соответствующая ее основному настроению. Она, без сомнения, не смотрела на эти занятия как на

Елены... Елена любит кошек и собак несколько сентиментально, ее стремления чисто семейные, более пассивные, чем активные, она любит Инсарова как силу, как нечто, перед чем она преклоняется.

[35*] *Первоначально*: искренно, горячо бросилась

[36*] *Далее зачеркнуто*: [она] старалась вникнуть в самую жизненную жизнь фабрики, в которой провела несколько дней.

Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу

Галерная ул. № 20.

С. Петербургъ

Новь

романъ

И. С. Тургенева

Ce manuscrit
appartient
à Mr Ivan Tourgueneff
50, Rue de Douai
Paris

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ГАЛЕРНАЯ 20
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

13/25 ноября 1876.

Передано въ собственность Императорской Публичной Библіотеки, вмѣстѣ съ письмами и телеграммами корреспондентовъ, помѣщенными въ моемъ архивѣ для замѣчательныхъ лицъ, въ которомъ рукопись была первоначально напечатана.

М. Стасюлевичъ

10 ноября 1883 г.

I

«НОВЬ»

Наборная рукопись. Автограф, 1876

Титульный лист с пометами автора: владельческая надпись (на французском языке) и адрес М.М. Стасюлевича. Внизу штамп редакции «Вестника Европы» и рукой М. М. Стасюлевича: дата получения рукописи и запись о передаче ее в Публичную библиотеку

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Новь.

романъ

Поднимать слѣдуетъ
новь не поверхностно сыпь-
дящей сохой, но глубоко за-
бирающимъ плугомъ
(изъ записокъ одного хозяина
агронома)

I.

Весною 1868-го года, часу въ первомъ дня, въ Петербургѣ, взби-
рался по черной лѣстницѣ пятиэтажнаго дома въ Офицерской
улицѣ человѣкъ лѣтъ двадцати семи небрежно и бѣдно одѣтый.
Тяжело шлёпая отоптанными калошами медленно покачивая
грузное, неуклюже тѣло, человѣкъ этотъ достигнулъ наконецъ
самаго верха лѣстницы остановился передъ оборванной
полураскрытой дверью и не позвонивъ въ колокольчикъ а только
шумно вздохнувъ, ввалился въ небольшую темную передню.

— Нежданов дома? крикнулъ онъ густымъ и усталымъ
голосомъ.

— Его нѣтъ — а здѣсь войдите, раздался въ сосѣдней комнатѣ
другой, тоже довольно грубоватый женскій голосъ

— Машурина? переспросилъ новопришедшій

— Она самая и есть А Вы — ветродумовъ?

— Именъ ветродумовъ отвѣчалъ тотъ — и, старательно
снявъ сперва калоши потомъ повѣсивъ на 1 воздѣ
ветхую шинелишку вошелъ въ комнату, откуда раз-
дался женскій голосъ

Низкая, неопрятная, со стѣнами выкрашенными
мутно-зелёной краской комната эта едва освѣща-
лась двумя запыленными окошками. Только и бѣлыхъ
ней мебели что желѣзная кроватка въ углу, да столъ
по серединѣ да нѣсколько стульевъ, да этажерка, завален-
ная книгами — Возлѣ стола сидѣла женщина лѣтъ
тридцати, простовопорая, въ темной широкой блузѣ —
и курила папиросу — Увидавъ вошедшаго ветродумова,

«НОВЬ»
Наборная рукопись. Автограф, 1876
Лист второй с началом романа
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

конечную свою задачу, но как на школу, как на орудие сближения с народом, служения ему:

«—Мне, Татьяна Осиповна ⟨...⟩ хотелось бы выучиться какому-нибудь ремеслу... да мы еще поговорим об этом с вами. Шью я плохо. Если б я выучилась стряпать — можно бы в кухарки пойти.

Татьяна задумалась.

— Как же так в кухарки? Кухарки у богатых бывают, у купцов, а бедные сами стряпают. А на артель готовить, на рабочих... Ну, уж это совсем последнее дело!

— Да мне бы хоть у богатого жить, а с бедными знаться. А то как я с ними сойдусь?..»

Во имя сближения с народом она бросает свой дворянский костюм и курение, которое народ в женщинах недолюбливает. Она не брезгает ничем, она готова на всякие жертвы, и в этом отношении цельнее Нежданова, который нет-нет да и понюхает с гримасой мужицкий тулуп. Она жаждет пожертвовать собой, а пока жертвует своим трудом на единичные подвиги милосердия. Соломин доказывает ей, что в этих-то мелких делах и заключается служение народу, что «чесать шелудивому мальчику голову большая жертва». Мало-помалу, незаметным для себя образом, Марианна совершенно подчиняется его ⟨Соломина⟩ влиянию [37*], начинает чувствовать к нему и к его делу безграничное доверие, повиноваться ему, тогда как Нежданов постепенно гаснет на ее глазах, теряя веру в начатое дело, заеденный скепсисом, неудачей своих первых попыток на поприще агитации. Похоронив Нежданова со слезами сожаления о бедном страдальце, Марианна выходит за Соломина. «Это бессердечно!» — восклицают многие [27]. Но ведь она никогда его не любила страстно, да и он не любил ее «тою любовью», о которой она говорила ему, и сам это высказал в письме к Силину.

И разве дело изменилось бы, если бы Марианна сочеталась с Соломиным двумя, тремя месяцами позже? Конечно, соблюдение декорума всего менее заботило и ее, и Соломина. Они оба вспоминали с грустью Нежданова, но [38*] Марианна не изменила ему, что называется. Любовь Соломина к ней — цельная, выдержанная, глубокая, как все его чувства. И его обаяние над нею также обусловливалось общим строем его характера.

«— Вернись поскорее, Нежданов,— говорит Соломин, отпуская его на разведки.— Ты обещаешь, Нежданов? Обещаешь?

— Да.

— Да — наверное?

— Коли тебе все здесь покоряются, начиная с Марианны».

Соломин — это тот пахарь, который, по мнению Тургенева, пашет плугом и потому подымет крепкую, заматерелую «новь». Это тот пахарь, которого Тургенев противопоставляет Машуриной, Остродумову, Нежданову и Маркелову, пашущим сохою, ломающимся о новь. Соломин — это идеал русского деятеля, образ, быть может не существующий в действительности, т. е. не существующий в том виде, как его изобразил Тургенев. Отдельные черты его характера разбросаны по разным личностям Российской империи. Но соединение их в одном лице, в тех сочетаниях, в тех пропорциях, в которых выведены они Тургеневым, мы, да, быть может, и сам автор, не встречали в русской жизни. Итак, это — то же, что Штольц, Тушин, Улинька и прочие идеальные образы русской литературы? В том-то и дело, что нет. Что придает названным типам мертвенность — это то,

---

[37*] *Далее зачеркнуто*: [его авторитет] его мнение — для нее становится авторитетом, в нем есть та определенность, она ⟨на⟩ него опирается, ему повинуется.

[38*] *Далее зачеркнуто*: Марианне приходилось мало вспоминать именно его любовь.

что они обрисованы не полно, не живо, что на них, как на манекены, наброшена драпировка «деятельности», «честности», «сострадательности», что под этой драпировкой ничего нет, что они не двигаются, не действуют, а только говорят всё в одном духе. Соломин — не то. Мы предполагаем, что он не списан с натуры, потому что не встречали таких лиц, да и то, быть может, они есть, да редко〈?〉, но не чувствуем в нем фальши. Все его черты, все его слова так отчетливы, так определенны, так последовательны, что образ его не представляется нам окруженным туманом и полумраком Улиньки, Штольца и Тушина. И тем не менее это все-таки идеальный образ, такой, какого бы желал автор встречать почаще в России, но которого едва ли встречал *точно таким*. Имеет ли право беллетрист нашего времени изображать идеальные характеры, создавать то, что на языке живописцев называется «отсебячиной»? По нашему мнению, имеет, если у него найдется настолько силы воображения, настолько чувства правды, что он создаст «отсебячину» вполне живую, «с плотью и кровью».

Мы в России более всего страдаем отсутствием характеров и в жизни, и в литературе. Задатки для характера в каждом из нас есть, но они разбросаны, заросли тысячью сорных трав, называемых скептицизмом, идеализмом, гамлетизмом и прочими *измами*. Таковы были все прежние герои Тургенева, таковы и Нежданов, и Паклин. Соломин — это характер, выработавшийся из основных черт русского человека с примесью тех элементов, которые в действительности к нему пока не примешиваются или примешиваются весьма редко. Это человек из народа [39*]; ему незачем и идти в народ. Он весь с головы до пяток сидит в нем; но он выше его по познаниям, потому что учился в Англии. Но и учился он не так, как большинство наших русских юношей, слушающих понемножку всех профессоров во всех европейских университетах. Он учился только своему делу, своей специальности и вернулся в Россию блистательно подкованным в этом отношении. Тут он прямо взялся за дело, стал вести фабрику — и практически разрешать рабочий вопрос; рабочие его обожают, верят ему, как богу. Между ними есть люди, горячо ему преданные. У него на фабрике «кое-что завелось», т. е. школа, касса, больница и т. д. Фабрика для него — вся жизнь. Он урвется на час, на два, но нигде не расплывается, не заспоривается, не забалтывается, а спешит *к делу*. Это дело он любит всем сердцем, верит ему глубоко, ведет его вполне сознательно. Из-за этого дела он не раз сталкивается с хозяином фабрики, кулаком Фалеевым. Нежданов стал расспрашивать Соломина, какие социальные идеи он пытается провести во вверенной ему фабрике и намерен ли он устроить дело так, чтобы работники участвовали в барыше.

«Душа моя! — отвечал Соломин.— Мы школу завели и больницу маленькую — да и то патрон упирался, как медведь!».

Соломин держит себя с этим Фалеевым весьма и весьма независимо, даже круто: «...Василий Федотыч с ним, как с малым младенцем; а хозяин хотел какую-то противность учинить, так его Василий Федотыч сейчас отчеканил; брошу, говорит, сейчас всё, тот сейчас хвост и поджал». На обеде у Сипягина он высказывает мысль, что кулак-купец заедает работника не хуже дворянина, на которого смотрит как на нечто уже вовсе отживающее. У Маркелова он наиболее чутко откликается на рассказ о притеснении рабочей артели. В эпилоге мы узнаем, что он отправился в Пермь и устроил свой завод на артельных началах. Итак, Соломин верен себе до конца, это работник, труженик на поприще чисто практическом, но практическом не в смысле кулачества, наживы, а в смысле уменья организовать дело, ужиться с народной массою, привязать ее к себе,

[39*] *Далее вачеркнуто*: не ушедший далее уездного училища

приучить ее к новым формам жизни, к новым приемам. Соломин создаст школу таких тружеников. Тургенев нигде не выставляет его человеком большого общего образования, сильным теоретиком, способным к обобщению, к широкой, синтетической концепции, к глубоким, тонким идеям. Не из этих элементов рождается и его политическое credo.

Это credo у него несомненно есть; оно нигде не высказано целиком, одним духом, и потому поверхностные чтецы не сумели его разглядеть в его коротких, часто отрывочных замечаниях и находят, будто Соломин — нечто неопределенное, противоречивое [28]. Мы постараемся собрать по крохам все, что он где-либо говорит, и определить на основании этого его политические стремления и взгляды и вместе с тем ту роль, которую Тургенев, по нашему мнению, ожидает от него в будущем. Это последнее нам хочется сделать потому, что одни говорят, будто Соломин через десять лет наденет халат и начнет попивать, другие, что он пойдет с топором.

Соломин недоволен существующим порядком вещей. Нравственная, умственная и материальная убогость русского народа его огорчает [40*]. «Народ — соня»,— говорит он на обеде у Сипягина. «И вы хотите его разбудить?» — вопрошает фистулой Калломейцев. «Это было бы не худо».

Но как разбудить этот народ и что обещать ему при пробуждении? Нельзя сказать, чтобы второй вопрос представлялся Соломину ясно, и едва ли Тургенев, оставляя читателя в сомнении насчет этого вопроса, сделал это нечаянно, по недомолвке или неясности своего собственного представления: Соломин — человек не блестящего политического образования. Когда его приятели начинают пестрить свои разговоры именами Гейне, Бёрне и Прудона, он упорно молчит и улыбается своею широкою улыбкою. В Англии, как он сам говорит, он вращался в одной только сфере и составил себе понятие о landed gentry [41*] весьма трезвое, по тому, что видел лично. Он нигде не пустил общей фразы. Язык его — не язык культурного слоя, не книжный, а почти мужицкий. Нигде он не задумывается над политическими формами, формулами, доктринами. К существующему порядку он относится отрицательно [42*] главным образом потому, что на его глазах массы эксплуатируются кулаками-купцами, кулаками — российскими gentry вроде Калломейцева, наконец, правительством. Уровень народного развития приводит его в грусть своею низкостью. Он задумывается серьезно над тем, как вывести народ из этого положения, и посреди своих дум встречается с компанией «народников», «опростелых». Он прислушивается к их идеям, к их планам, к их жаргону. Лично они ему чрезвычайно симпатичны, но он с недоверием относится к их начинаниям, и его политическое credo как будто окончательно развивается лишь под влиянием споров и разговоров с Неждановым, Маркеловым и т. д. Он не верит, чтобы народ можно было разбудить и поднять так, как предполагают его друзья. Этот народ ему хорошо знаком, для него это не fata morgana [43*], это — «соня», «овцы», «темнота», которую не только вдруг, а и через десятки лет не растолкаешь. Он сам будит его потихоньку, исподволь школой, больницей, человечным обращением, и этот путь кажется ему единственно возможным. Слушая пламенные речи своих приятелей, он высказывает свои мысли, возбуждая даже негодование Маркелова, который обрывает его презрительным именем «постепеновца». Внимательно читая, его никак нельзя упрекнуть, как делают иные, будто он точно нарочно толкает Нежданова в огонь, не предупреждая его об опас-

---

[40*] *Первоначально*: неприятно поражает.
[41*] поместном дворянстве (англ.).
[42*] *Первоначально*: враждебно
[43*] мираж (итал.).

Л. Н. ФИГНЕР —
ОДНА ИЗ ОСУЖДЕННЫХ
ПО «ПРОЦЕССУ ПЯТИДЕСЯТИ»

Фотография, 1870-е годы

Литературный музей, Москва

«Машурина—вылитый портрет Веры Любатович, которую мы прозвали „Волчонком" за ее резкость, а Марианна — очень напоминала мою сестру Лидию»
(Вера Фигнер)

ности, чтобы овладеть его невестой [29]. Это обличает совершенное невнимание при чтении «Нови». Соломин не сангвиник [44*]. Он говорит гораздо меньше и даже не так красно, как Нежданов, Маркелов. Он видимо спокойно, медленно прислушивается к их мыслям, как бы желая поучиться у них, вынести из них нечто новое, новые аргументы в их пользу. Но он не пьянеет от споров. Ночью у Маркелова «Нежданов вдруг пришел в азарт; Соломин тихонько встал и, перейдя через всю комнату, запер открывшееся за головой Нежданова окошко...— Как бы вы не простудились,— добродушно промолвил он в ответ на изумленный взгляд оратора».

Не сочувствуя «прыганью в окно», «дерганью зубов», как выразился Паклин, Соломин, однако, не боится скомпрометировать себя, водясь с теми, кто пускается на такие опасные операции. Он дает Нежданову и Маркелову убежище на своей фабрике, но просит их не заниматься там пропагандой. Эта просьба весьма смахивает на трусость, но сходство чисто внешнее. Дело в том, что на этой самой фабрике Соломин проводил свою систему пробуждения народа, там у него завелось *кое-что*, что должно было содействовать этому пробуждению, и он хотел продолжать далее именно в этом направлении. А затем он подкрепляет свою просьбу весьма

44* *Далее зачеркнуто*: не теоретик. То, что для них дело спешное, не терпящее отлагательства, то для него — дело нескольких поколений, дело тихой, но упорной, усидчивой работы.

—Постепеновцы до сих пор сверху шли, а мы попробуем снизу,— говорит он на обеде у Голушкина.

— Не нужно, к чёрту,— завопил Голушкин.

— Т. е. вы хотите в окно прыгнуть?

— И прыгну!

Прямо с обеда ночью Соломин спешит на фабрику. Там его дело, любимое и неотлагательное.

простым и наивным мотивом: «он дал слово хозяину, что не пустит пропагандистов» — и это в его устах не есть ренегатство. Он столько же, сколько купец Фалеев, боялся и не доверял этой пропаганде, только с другой точки зрения. Пропагандист был дантист, подходивший со щипцами вырывать зуб [30].

Когда Нежданов и Марианна поселились на фабрике Соломина и оттуда стали предпринимать свои экскурсии в народ, Соломин, правда, не отговаривал их, как водится, стращаньем, насмешками и навязываньем своих убеждений с ножом к горлу. Но беспрестанно проскальзывает и даже прямо высказывается его недоверие к успеху их предприятия. Переодеванье кажется ему чем-то глупым, смахивающим на маскарад, и он это прямо говорит. Его тревожит будущее Нежданова, он находит совершенно бесполезным бросаться под колесницу Джаггернаута [45*] и желает избавить и друзей своих от мученической смерти, никому не нужной [31]. Несомненно, что ему еще более жалко Марианну, чем мужчин. Он ее полюбил с первого взгляда своей простою, незатейливою, но теплою любовью, почти так же, как некогда полюбил голубоглазую ирландку Полли. И с Марианной он высказывается искреннее, охотнее, чем с Неждановым, потому что Марианна легче поддается на простой, незатейливый разговор, потому что на первых порах сфера ее деятельности ограничивается Татьяниной кухней.

«Так-то, так-то, Марианна... Вот вы и начали!» «Какое начала, Василий Федотыч!» И Марианна слушает и слушается его. Он ей понятнее, чем Нежданов. К тому же — противуположные полюсы притягиваются. Здоровое, определенное, трезвое [46*] мировоззрение Соломина ее втягивает, между тем как опыты Нежданова — один другого неудачнее, окончательно надламывают ее.

Она идет за Соломиным и, вероятно, не сидит сложа руки на том заводе, который он устроил в Перми на артельных началах: Тургенев не любит обертывать своих героинь в грязные пеленки, как Лев Толстой [47*]. Соломин кончает тем, чем начал; он до конца — выдержан, он весь из одного куска, не двусмыслен нигде, и оттого представляется живым лицом, а не куклой, как Чацкий, Штольц и Тушин [32]. Симпатичен ли он, или нет,— другой вопрос. Будь он живой человек — он вероятно был бы симпатичен одним и крайне антипатичен другим. Но нельзя упрекнуть этот образ в туманности, неясности. Это, напротив, один из самых отчетливых образов, которые когда-либо создавал Тургенев.

Мы не думаем, чтобы в лице Соломина Тургенев хотел представить последнее слово русской мысли, русского гения, не думаем даже, чтобы он изображал собою главного двигателя будущей российской революции. Нам кажется, что Соломины — это желанные для русской земли пахари. Только тогда, когда они вспашут «новь» вдоль и поперек, на ней можно будет сеять те идеи, за которые умирают наши молодые силы. Когда на десять русских придется шесть Соломиных, существующий порядок вещей станет невозможным, и если правительство опоздает реформою, Соломин XX века и его ученик, плутоватый [48*], сметливый и энергичный Павел сознательно, трезво возьмутся за топор. Он не выпадет из их рук, им не нужно будет переодеваться: народ их и без того будет знать, потому что они сами — народ. Соломины будут *не вожаки*, а рядовые революции,

---

[45*] *Далее вачеркнуто*: и потому не лезет вперед с громкими фразами

[46*] *Далее вачеркнуто*: неполомanное

[47*] *Далее вачеркнуто*: Соломин не погнушался в последнюю минуту заступничества Сипягина за Марианну: он решил спасти ее, оставить ее в живых. Ссылка, которая была бы геройством вовсе в его глазах бесполезным

[48*] *Далее вачеркнуто*: на все руки молодец

которая и возможна-то будет только тогда, когда у нее окажутся такие рядовые [49*].

Мы слышали, будто кто-то наверху выразил мнение, что Соломины для правительства гораздо опаснее, чем Неждановы и Маркеловы, потому что они иезуиты, потихоньку подкапывающиеся под существующий порядок [33].

Этот отзыв весьма понятен. Василий Федотович Соломин старается вывести народ из того слабоумия, из того нравственного несовершеннолетия, в котором, по мнению правительства, пребывает наш народ и в котором оно всячески старается удержать его как можно дольше.

Мы окончили посильный наш комментарий к одному из лучших произведений новой русской литературы. Быть может, этот комментарий никому не нужен, никому ничего не выяснит, никого ни в чем не убедит и не разубедит. Он имеет право на существование только потому, что до сих пор даже не могло быть подробного с этой точки зрения разбора «Нови» [50*] и потому, что весьма немногие из наших критиков оценили то, что смело можно было оценить даже печатно: политическую честность *Тургенева, доведенную до щепетильности*, искренность, прямоту, которою проникнут роман [34]. Россия вспомнит это когда-нибудь с благодарностью, вспомнит, что маститому нашему писателю приходилось тысячу раз проскальзывать между Сциллой и Харибдой, вспомнит, что он первый [51*] отделил личный, нравственный характер народников от их политических задач и приемов и, представив их честными, благородными людьми, героями, плюнул в лицо нашим «охранителям».

Тургенев теперь стоит одинокий, отвергнутый крайнею левою и крайнею правою стороною. Он с достоинством занимает самое неблагодарное место между двумя лагерями [52*]. Но, несомненно, для того, чтобы занять это место и крепко держаться на нем, требуется большая честность, большой запас энергии и нравственных сил. Гораздо легче вертеться флюгером, куда подует ветер, угождая по возможности всем и каждому!

Тургенев пока не угодил никому, разве двум-трем лицам. Посмотрим, что скажет будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта фраза Брюлловой дает возможность предположить, что она уже знала брошюру «Детоубийство, совершаемое русским правительством» (Женева, 1877), посвященную «Процессу 50-ти». М. П. Драгоманов, сообщив в предисловии к брошюре сведения о суровой и самоотверженной жизни подсудимой С. И. Бардиной и ее подруг-студенток в Цюрихе, пишет: «А все это вместе, надеемся, достаточно обрисовывает, чего стоит России то *детоубийство*,— истребление молодого поколения,— которым занято наше правительство уже не первый год и против которого пора уже поднять дружное противудействие отцам, матерям и братьям истребляемых лучших сил нашей молодежи» (стр. 8).

[2] Речь идет о гр. Дмитрии Андреевиче *Толстом* (1823—1889), пребывание которого на посту министра народного просвещения было ознаменовано рядом реакционных реформ начальной и средней школ. Стремясь ограничить доступ в университеты выходцам из недворянских кругов и в целях борьбы с революционными настроениями среди молодежи, Толстой провел в 1871—1872 гг. реформу среднего образования, в результате которой в классических гимназиях было значительно усилено преподавание древних

[49*] *Первоначально:* такие армии. *Далее на полях вачеркнуто*: Неизбежна ли революция?— Да, неизбежна, как и везде, если не будет вовремя реформы. Тургенев не задается разрешением этой задачи. Еще бы!

[50*] *Далее вачеркнуто*: что такой разбор и невозможен в России.

[51*] *Далее вачеркнуто*: [отделил] признал в народниках честность, симпатичность

[52*] *Далее вачеркнуто*: Прав ли он, или нет, другой вопрос. Несомненно, что он честен и велик в своей независимости.

языков, а реальные гимназии были преобразованы в реальные училища; воспитанники реальных училищ были лишены права поступать в университет. При Толстом была ограничена автономия университетов и усилен над ними политический надзор. Реформы Толстого в области образования вызвали широкое недовольство среди демократической и либеральной интеллигенции (см.: А. В. Никитенко. Дневник, т. III. М., Гослитиздат, 1956, стр. 203—205, 207—208, 209).

О резко отрицательном отношении Брюлловой к деятельности Д. А. Толстого свидетельствует также ее отзыв о статье, помещенной в «Правительственном вестнике» 21 мая 1873 г. (№ 120), в которой сообщалось о запрете русским студенткам посещать лекции в высших учебных заведениях Цюриха (см. об этом также «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 20—23). 7/19 июля 1873 г. Брюллова писала К. Д. Кавелину: «Заявление, пожалуй, написано прилично. Но я восстаю не против тона, а против сущности. Из-за того, что десяток уродов бьют баклуши и кутят в Цюрихе, запирать двери *всем* женщинам, желающим учиться, когда отзывы университетского начальства о них наилучшие — это вопиющее безобразие. Ты говоришь: „обещают высшее учебное заведение в России". Обещать — не хитро. Откройте, а потом мешайте ехать в Цюрих, потому что „оно, де, не нужно, учитесь дома". Потом, что за аргументы: „так как другие европейские государства, где высшие заведения также недоступны женщинам, поставляют сравнительно с Россиею незначительный контингент слушательниц, то ясно, что русских женщин влечет в Цюрих не одна жажда знания ⟨...⟩" По-моему, это доказывает только, что между русскими женщинами стремление к образованию сильнее, чем у немок, итальянок, француженок и проч. Дождется Дмитрий Андреевич настоящих революционерок и нигилисток, а не режущих только лягушек, да трупы ⟨...⟩ это деспотизм и фальшивая метода герметического закупоривания» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/4/CXXXIXб.).

[3] Ср. с нашумевшим осенью 1874 г. инцидентом, произошедшим между студентами Медико-хирургической академии и реакционным петербургским профессором И. Ф. Ционом. В «Дневнике» А. В. Никитенко приведен об этом следующий рассказ: «На днях произошел скандал в Медико-хирургической академии: студенты объявили, что они не хотят слушать лекций профессора ⟨И. Ф.⟩ Ц⟨иона⟩, занимающего кафедру физиологии, и разделились на две партии: одни свистали, другие аплодировали. Отчего это именно произошло, говорят весьма различно. И далее: «Случившееся в Медицинской академии повторилось в Горном корпусе, в Технологическом институте и в университете ⟨...⟩Студенты требовали увольнения Ц⟨иона⟩, который и уволен под видом отпуска за границу на год. В Горный корпус и Технологический институт потребовалось послать жандармов ⟨...⟩ Пострадал более всех Горный корпус. Там распоряжался Валуев. Человек двадцать воспитанников схвачены и, как говорят, препровождены в пересыльную тюрьму, а оттуда на железную дорогу до Динабурга. Оттуда, одев их в казенные полушубки, их по этапу отправили на родину. И все это в несколько часов, без всякого разбирательства степени их вины» (А. В. Никитенко. Дневник, т. III. М., 1956, стр. 322, 323 и 324; записи от 24 октября, 3 и 10 ноября 1874 г.).

[4] В связи с проводимой Д. А. Толстым политикой насаждения классицизма возросла потребность в преподавателях древних языков, удовлетворить которую были не в силах отечественные историко-филологические институты и факультеты. Тогда Министерство народного просвещения в качестве преподавателей стало использовать кандидатов и магистров духовных академий, а также приглашать славян из заграничных университетов. При Лейпцигском университете была создана специальная филологическая семинария, где готовились для России преподаватели древних языков из числа русских, западных славян и немцев. По докладу Д. А. Толстого (август 1873 г.) был установлен двухлетний срок обучения в Лейпцигской семинарии; на содержание ее стипендиатов и профессора русское правительство ежегодно отпускало 7000—10 000 рублей в год (С. В. Рождественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, стр. 506—507).

[5] Ср.: «Между тем эти распоряжения чиновного идиота ⟨Д. А. Толстого. — *Н. Б.*⟩ отзываются жестокими следствиями на нашей молодежи. Не говорим уже о самоубийствах гимназистов, самоубийствах, число которых все увеличивается и причина которых до того очевидна, что каждый раз на следствии начальство пытается всеми силами убедить читателей газет, что виною самоубийств не был нелепо строгий экзамен по мертвым языкам» (⟨П. Л. Лавров⟩. Что делается на родине?—«Вперед!», т. I. Цюрих, 1873, стр. 48).

[6] Михаил Петрович *Драгоманов* (1841—1895) — украинский историк, этнограф и публицист, защитник идеи украинской автономии. В 1875 г. был отстранен от преподавания в Киевском университете по политическим мотивам и в 1876 г. эмигрировал в Женеву. 12 августа 1876 г. Брюллова писала К. Д. Кавелину: «Кстати: знаешь ли ты, что малороссийская литература *запрещена*, что по-малороссийски *вовсе запрещено писать*? Это мне говорил Пыпин. Драгоманова преследуют ужасно. Он не думал вовсе уходить за границу, но ужасно бедствует. В газетах об этом, конечно, ничего нет» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/5/CXXXIXб.).

[7] Петр Францевич *Лесгафт* (1837—1909) — ученый-анатом, педагог и прогрессив-

ный общественный деятель. В 1871 г. был уволен из Казанского университета (где с 1868 г. заведовал кафедрой физиологической анатомии) за выступление против установления правительственного надзора над университетом.

[8] Сергей Геннадиевич Нечаев (1847—1882), революционер-заговорщик, имел значительное влияние на революционную студенческую молодежь конца 60-х — начала 70-х годов. В программе группы Нечаева, относящейся к зиме 1868/69 г., провозглашалось, что главной целью «товарищества» является достижение счастья народа. «Но убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию ⟨...⟩ Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение» («Правительственный вестник», 1871, № 162, 9 июля, стр. 4). Для достижения выдвинутых в программе целей Нечаев считал допустимыми любые средства. «Нечаевщина» — это тактика заговорщичества, бунтарства, терроризма, авантюризма, сыгравшая отрицательную роль в развитии массового революционного движения. Деятельность Нечаева была резко осуждена Марксом и Энгельсом (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26. М., 1935, стр. 84, 208, 292—293).

Политический процесс нечаевцев — «Дело о заговоре, составленном с целью ниспровержения существующего порядка управления в России» проходил в С.-Петербургской судебной палате с 1 июля по 27 августа 1871 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике», 1871, № 155—206. Обвинительные акты и приговоры суда перепеч. в сб.: «Государственные преступления в России в XIX веке. Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского)», т. I. СПб., 1906, стр. 159—227. Нечаевский процесс послужил для Тургенева толчком в его дальнейшей работе над «Новью», замысел которой восходит к 1870 г. Об отражении некоторых сторон нечаевского движения в романе «Новь» — см. в статье Л. А. Николаевой «Проблема „злободневности" в русском политическом романе 70-х годов» (в кн.: Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 397—409).

[9] Долгушинцы — кружок революционных народников, созданный осенью 1872 г. в Петербурге Александром Васильевичем Долгушиным (1848—1885). Долгушинцы отрицали необходимость длительной подготовки революции и считали, что ее можно вызвать путем организации крестьянских бунтов. В созданной ими под Москвой в 1873 г. тайной типографии были изданы прокламации «Как должно жить по закону природы и правды» (сокращенное изложение брошюры В. В. Берви-Флеровского «О мученике Николае»), «Русскому народу» и «К интеллигентным людям» (две последние написаны Долгушиным). Долгушинцы распространяли их во время своего «хождения в народ». Политический процесс над долгушинцами, обвинявшимися «в составлении и распространении прокламаций преступного содержания», происходил в Петербурге, в особом присутствии Сената с 9 по 15 июля 1874 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике», 1874, № 162—169, 172 и 173; перепеч. в указ. сб. «Государственные преступления в России в XIX веке», т. I, стр. 254—318; см. также: А. А. Кункль. Долгушинцы. М., 1932. См. также мою статью «Роман „Новь" и процесс долгушинцев».— «Тургеневский сборник», II. М.— Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 182—185.

[10] «Вперед!»— русский журнал, издававшийся в Цюрихе и Женеве в 1873—1876 гг. П. Л. Лавровым и отражавший взгляды правого крыла революционного народничества. Выходил не периодически (всего было издано 5 выпусков). В основу программы «Вперед!» была положена идея всенародной социальной революции, для осуществления которой провозглашалась необходимость длительной подготовительной работы путем пропаганды социалистических идей среди народа. «На первое место,— говорилось в программе «Вперед!»— мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена не только *с целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа ⟨...⟩ Революций искусственно вызывать нельзя, потому что они суть продукты не личной воли, не деятельности небольшой группы, но целого ряда сложных исторических процессов» («Вперед!», т. 1, 1873, стр. 12, 16). Журнал уделял также много внимания рабочему движению на Западе и деятельности I Интернационала. В 1874—1875 гг. в Лондоне издавалась газета «Вперед!» такого же направления (см. подробно в кн.: П. Л. Лавров (П. Миртов). Народники-пропагандисты 1873—78 годов. СПб., 1907, стр. 79—135).

[11] «Набат» — русский журнал, издававшийся в Женеве и Лондоне в 1875—1881 гг. П. Н. Ткачевым (1844—1885) и выражавший взгляды одного из левых направлений в революционном народничестве. «Набат» выдвигал идею политического переворота в России, совершаемого революционерами-заговорщиками с целью создания революционного государства. Ткачев и его сторонники призывали к немедленному восстанию, утверждая, что народ всегда готов к революции и в любой исторический момент может ее совершить. Разногласия между ткачевцами и лавровцами по вопросам тактики нашли свое выражение в печатной полемике 1874 г. См. об этом выше, во вступительной статье, а также в кн.: П. Л. Лавров (П. Миртов). Народники-пропагандисты 1873—78 годов, стр. 165—176).

[12] Казанская демонстрация — открытое революционное выступление рабочих и студентов-народников — состоялась в Петербурге, на Казанской площади, 6 декабря 1876 г. В расправе над демонстрантами, наряду с подоспевшей полицией, принимал участие и находившийся на площади народ, плохо разбиравшийся в том, что происходило (см.: «Первая рабочая демонстрация в России». М.— Л., ГИЗ, 1927, стр. 66). Любопытная запись об отношении толпы к демонстрации содержится в дневнике А. В. Никитенко от 27 декабря 1876 г.: «Говорят, что многие молодые женщины, приставшие к выходке у Казанского собора — иные только из любопытства замешавшиеся между другими,— избиты толпою чуть не до полусмерти. В этом видят патриотическое настроение массы! На знамени было написано: „Земля и воля". В толпе это растолковали, что вот бунтовщики хотят у народа отнять землю и волю, которые уже даны им царем» (А. В. Никитенко. Дневник, т. III, 1956, стр. 403—404). Политический процесс над участниками демонстрации проходил в Петербурге, в особом присутствии Сената, 18—25 января 1877 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике», 1877, № 15—20, 22, 23, 25—27, 31; перепеч. в указ. сб. «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, б. г. и б. м., стр. 1—127.

Некоторые современники Тургенева связывали казанскую демонстрацию с сюжетом «Нови», о чем свидетельствует, например, следующая запись в «Дневнике» реакционера В. П. Мещерского: «Любопытно, что говорят, будто конец романа происходит на Казанской площади в Петербурге, как будто Тургенев предсказывает и предвидел эпизод 6 декабря» («Гражданин», 1877, 8 января, № 1, стр. 14). Тургенев отнесся к казанской демонстрации отрицательно, о чем свидетельствуют его письма к друзьям в декабре 1876 г. Опасаясь за судьбу второй части «Нови» и имея в виду возможные цензурные затруднения, Тургенев написал специальное «предохранительное» письмо Стасюлевичу (от 22 декабря 1876/3 января 1877 г.), в котором разъяснил основную мысль романа, подчеркнув, что эта мысль «в сущности — *цензурна* и благонамеренна».

[13] Очевидно, что Брюлловой были известны некоторые любопытные подробности процесса, не попавшие в официальную печать. Как показывают опубликованные материалы «Дела о преступной демонстрации, бывшей на Казанской площади, в С.-Петербурге, 6 декабря 1876 г.», среди осужденных была 16-летняя Ф. И. Шефтель, обвинявшаяся в том, что, «идя впереди толпы», она кричала: «За мною, вперед» («Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 14).

[14] Эта мысль Брюлловой очень близка к тем идеям, которые выражены М. П. Драгомановым в брошюрах «Турки внутренние и внешние» (Genève — Bâle — Lyon, 1876) и «Внутреннее рабство и война за освобождение» (1877). В этих брошюрах, посвященных балканской проблеме, Драгоманов писал о противоречии между «исторической миссией России» и «турецкими порядками в самой России» и выдвигал требование политической свободы внутри страны. По мысли Драгоманова, русское правительство, особенно с 1866 г., «откровенно отказалось даже от того черепашьего прогресса, которым плелось прежде, и испортило само даже им самим дарованные полуреформы: крестьянскую, земскую, судебную, цензурную. Куда ж тут освобождать других?». И далее: «„Прогрессионное" правительство царя-освободителя являло во все эти двадцать лет в своем роде единственное явление из истории: истребления и удаления от дел именно тех людей, которые наиболее искренно встретили сначала самые робкие намерения правительства покончить с системой Николая I. Если политическая мудрость состоит в том, чтоб истреблять людей своей партии и поручать исполнение своих „предначертаний" врагам их,— то, бесспорно, мы обладали за последние двадцать лет мудрейшим правительством!» (М. П. Драгоманов. Внутреннее рабство и война за освобождение, стр. 14, 18). Говоря о «врагах» «предначертаний», Драгоманов, очевидно, имел в виду таких реакционных государственных деятелей, как А. Е. Тимашев, П. А. Валуев, Д. А. Толстой, П. А. Шувалов, о которых он упоминает в своей брошюре.

[15] Ср. с отзывом Брюлловой о «Вешних водах» в письме к Кавелину от 4 января 1872 г.: «„Вешние воды" и прелесть и гадость. Прелесть по форме, по художественности отделки, живости колорита, нуль по мысли, по идеалам, в ней выведенным. Поневоле вспомнишь Хвощинскую, которая сильна именно свежестью и силою мысли» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/4/CXXXIXб.).

[16] Пересказав подробно содержание первых глав «Нови» и, в частности, сцену у кассы Александринского театра, В. Г. Авсеенко заключает: «Пусть читатель подумает, сколько удивительных несообразностей вместилось на этих страницах! Во-первых, случай с офицером в кассе никак не мог произойти, потому что трехрублевых кресел в Александринском театре нет и никогда не было, не только во втором, но и в первом ряду» («Русский вестник», 1877, № 3, стр. 913).

[17] Возможно, что Брюллова здесь полемизирует с Г. А. Лопатиным, упрекавшим Тургенева в искаженном изображении народнического движения. «Частью недостаток знакомства с последним движением и его представителями,— писал Лопатин,— частью условия нашей подневольной прессы принудили даже его ⟨Тургенева.— *Н. Б.*⟩ избрать своими героями наименьше характерные и многочисленные типы и заставить их действовать самым несообразным, чтобы не сказать смешным, образом,

вследствие чего у читателя невольно получается самое неверное представление, как о внутренних мотивах, толкающих наших революционеров на избранный ими путь, так и формах их деятельности и о степени состоятельности их упований» (анонимное предисловие к сборнику «Из-за решетки». Женева, 1877, стр. XV). «И это писалось в то время, когда ‹...› крестьянин Петр Алексеев выступал перед судом с своей речью!..» (там же, стр. XVII—XVIII). По мнению Лопатина, Тургенев оставил в стороне «умных, понимающих, последовательных, энергических, деятельных и практичных» представителей народничества и сосредоточил внимание на личностях «слабых, неумелых, наивных, непрактичных, чтобы не сказать глупых» (там же, стр. XVIII—XIX).

[18] Возможно, что Брюллова имеет в виду «пропагандистов» вроде Владимира Гавриловича *Дехтерева* (1854—1903), прототипа Кислякова в «Нови». В письме к А. П. Философовой от 18/30 августа 1874 г. Тургенев дал уничтожающую характеристику подобным «новым людям», упрекая их «в скудости мысли, в отсутствии познаний и главное: в бедности, в нищенской бедности дарования...». Однако Тургенев тут же добавил: «Я бы мог назвать вам молодых людей с мнениями гораздо более резкими, с формами гораздо более угловатыми — перед которыми я, старик, шапку снимаю, потому что чувствую в них действительное присутствие силы, и таланта, и ума».

[19] Вероятно, об этом Брюллова узнала от самого Тургенева. Любопытно, что вопрос о влиянии нечаевского процесса на замысел «Нови» был затронут исследователями довольно поздно (впервые: А. Е. Грузинский. И. С. Тургенев. Пг., 1918, стр. 177—179, 186). Документальное подтверждение этого было обнаружено в опубликованных А. Мазоном черновых материалах «Нови» (Мазон, стр. 116, 123, 124, 128).

[20] О К. К. Арсеньеве см. прим. 39 к вступ. статье.

[21] Речь идет о судебном деле революционеров-народников, получившем название «Процесса 50-ти» (или процесса «Москвичей»), проходившем в Петербурге, в особом присутствии Сената, с 21 февраля по 14 марта 1877 г. Материалы процесса опубликованы в «Правительственном вестнике» (1877, № 39—43, 45—58, 60, 62, 64 и 66; перепеч. в сб. «Государственные преступления в России в XIX веке», т. II, стр. 128—334). Среди привлекавшихся по этому делу были С. И. Бардина, О. С. и В. С. Любатович, Л. Н. Фигнер и др., бывшие цюрихские студентки, наборщицы журнала «Вперед!». О них Тургенев и раньше мог многое знать от Лаврова (см.: Тург. в восп. рев., стр. 23—24).

В связи с «Процессом 50-ти» Тургенев писал Стасюлевичу 27 февраля / 11 марта 1877 г.: «...один Аристарх, например, уверял, что Марианн нет, что я их выдумал — а тут вдруг процесс, где из 52-х революционеров — *18* женщин — дело небывалое и неслыханное в Европе — ни в какое время!».

[22] См., например: ‹Н. К. Михайловский›. Записки профана.— «Отечественные записки», 1877, № 2, стр. 316—320). Об этом же писал Г. А. Лопатин в предисловии к сборнику «Из-за решетки»: «Итак, вот причины, толкающие, по мнению Тургенева, наших революционеров на их дорогу. Это — фальшивое общественное положение, житейские неудачи, обманутая любовь, умственная несостоятельность и слабость характера...» (стр. XVI).

[23] «Весть» — политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1863—1870 гг. В. Д. Скарятиным и Н. Н. Юматовым (с 10 номера за 1867 г.— В. Д. Скарятиным). Выражала идеологию дворянско-крепостнической оппозиции реформам 1860-х годов. Откровенно реакционная программа газеты успеха не имела, и «Весть» была вынуждена прекратить свое существование.

Очевидно, Брюлловой были хорошо известны реальные прототипы образов Калломейцева и Сипягина и понятна сатирическая направленность этих образов как представителей определенной социальной среды. В черновых материалах к «Нови» Тургенев называет среди лиц, послуживших ему прототипами для образов Калломейцева,— И. П. Новосильцева (1827—1890), М. Н. Лонгинова (1823—1875), Б. М. Маркевича, известных своими реакционными взглядами. В образе Сипягина, по замыслу писателя, должны были найти отражение некоторые черты таких русских государственных деятелей, как Д. А. Толстой, П. А. Валуев (1815—1890) — см.: Мазон, стр. 109, 120, 123, 129. *Б. М. Маркевич* (1822—1884), реакционный романист, сотрудник катковского «Русского вестника», явился в основном прототипом для образа Ladislas'a, а отчасти и Калломейцева.

[24] Брюллова, вероятно, имеет в виду эпизод с Б. М. Маркевичем, который, узнав себя в Ladislas'e, не ограничился травлей Тургенева в печати и угрожал ему дуэлью. По этому поводу Тургенев писал Стасюлевичу 22 января/3 февраля 1877 г.: «Мистерия „Ладисласа" разрешилась; я получил от него большой пакет, содержащий копию с письма, написанного ему мною в 1863 году, когда меня вытребовали в Россию, якобы заговорщика вместе с Ничипоренко и т. д. Все это, разумеется, разлетелось дымом; но Маркевич в то время (вместе с А. Толстым) хлопотал обо мне — и я ему послал письмо, в котором благодарил его за сочувствие. Посылая мне копию, он как бы желает упрекнуть меня в перемене моих отношений к нему. Не я виноват, что он впоследствии оказался таким „клевретом". Все это довольно невинно; хорошо то, что он сам подписывается: Ladislas». Упоминаемое письмо Тургенева к Марке-

вичу — от 6/18 февраля 1863 г. На присланной Тургеневу копии этого письма помета: «Pour copie conforme. „Ladislas“» (С подлинным верно. «Ладислас»).

[25] Речь идет, вероятно, об известном эпизоде с «генералами»; рассказ о нем Тургенева приведен в воспоминаниях Н. А. Островской: «Знаете ли: когда вышел „Дым“, они, настоящие генералы, так разобиделись, что в один прекрасный вечер в английском клубе совсем было собрались писать мне коллективное письмо, по которому исключали меня из своего общества» (Тургеневский сборник. ‹Пг., 1915›, стр. 91).

[26] Ср.: «Отечественные записки», 1877, № 2, отд. II, стр. 324—325; «Дело», 1877, № 3, стр. 106—107.

[27] Ср.: «Дело», 1877, № 3, стр. 108.

[28] Ср.: «Отечественные записки», 1877, № 2, отд. II, стр. 324; «Дело», 1877, № 3, стр. 111; «Неделя», 1877, № 12, стр. 431; «Из-за решетки». Женева, 1877, стр. XVI.

[29] Ср.: «Русский вестник», 1877, № 2, стр. 938—939; «Дело», 1877, № 3, стр. 119—120.

[30] Ср.: «...мы, русские, какой народ? Мы все ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь — и разом нас излечит, все наши раны заживит, выдернет все наши недуги, как больной зуб. Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! только, батюшка, рви зуб!! ‹...› А Соломин не такой: нет,— он зубов не дергает — он молодец!» (гл. XXXVIII).

[31] Ср.: «Индийцы бросаются под колесницу Джаггернаута ‹...› она их давит, и они умирают — в блаженстве. У нас есть тоже свой Джаггернаут... Давить-то он нас давит, но блаженства не доставляет» (гл. IV).

[32] Для характеристики отношения Брюлловой к героям Л. Н. Толстого и к тем картинам семейного счастья, которые рисует писатель, любопытно ее высказывание о романе «Война и мир». 2 января 1870 г. она писала Кавелину: «Вышел недавно шестой том „Войны и мира“, который, по-моему, довольно-таки слаб. Военные картины по-прежнему хороши ‹...› Семейные картины местами невозможны. Все герои и героини женятся и, по мнению Толстого, безгранично счастливы. Но он так цинически, так животно и грубо передал суть семейного идеала, что меня местами просто воротило. Покорно благодарю за такое счастие!» (ИРЛИ, ф. 119, 20.489/4/CXXXIXб.).

[33] Возможно, что отзыв о Соломине «наверху» связан с борьбой, развернувшейся в цензурном комитете вокруг романа «Новь» и обстоятельно изложенной, с привлечением архивных материалов (см.: Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1921, стр. 59—72). Об этой борьбе Тургенев писал Ю. Шмидту 13/25 апреля 1877 г.: «Даже в теперешнем своем виде книга едва не подверглась сожжению (большинство цензурного комитета осудило ее), и только председатель его, министр внутренних дел, спас книгу. Спасибо дипломатичности издателя, который, несмотря на мое нежелание, из предусмотрительности разделил роман на две части: настоящий яд заключается, собственно, во второй, а так всё и проскользнуло. Не хотели поднимать скандала. Министр заявил, что, прочитай он раньше сразу всю книгу, он, без сомнения, запретил бы ее...».

[34] Ср. со статьей «Комментаторы „Нови“» («Северный вестник», 1877, № 20, 20 мая)— в ней в заслугу Тургеневу ставится «гражданское мужество, с которым автор „Нови“ открыто и смело поставил вопрос, вокруг которого лавировали наши беллетристы и критики, опасаясь подойти к нему, что называется, вплотную».

ТУРГЕНЕВ В МАТЕРИАЛАХ ПЕРЛЮСТРАЦИИ III ОТДЕЛЕНИЯ и ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

I. ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ И ОТЗЫВЫ О НЕМ (1861—1879)

Публикация К. Г. Ляшенко и А. Л. Смоляк

‹1›

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Ф. М. БУРДИНА ИЗ ПЕТЕРБУРГА К ТУРГЕНЕВУ В ПАРИЖ

7 декабря 1861 г.

Вчера кончилась студенческая история [1]: 200 человек прощены совершенно, около сорока исключены из университета и отданы на поруки родителям, с правом поступить снова в университет через несколько времени. Самое строгое наказание обрушилось человек на пять, наиболее виновных, которые посылаются на службу в дальние губернии и то на короткий срок; то же самое определено и тем людям, которые участвовали в беспорядках, не принадлежа к университету. Но, к сожалению, меры снисходительности не принесли своих плодов, и на днях снова была история в университете: студенты прибили субинспектора Шмидта, который, хотя, по общим слухам, был не прав, наделавши дерзостей студенту, но, тем не менее, что за защита кулачное право? [2]...

ЦГАОР, ф. 109, секр. архив, оп. 1, ед. хр. 1483, л. 1—1об.

О письме Федора Михайловича *Бурдина* (1827—1887), актера Александринского театра, Тургенев упоминает в письме к П. В. Анненкову, датированном серединой января с. с. 1862 г.: «Я получил от Бурдина письмо, в котором он заявляет желание играть главную роль в „Нахлебнике“ или „Чужом хлебе“...». Вероятно, Тургенев подразумевал письмо Бурдина от 7 декабря 1861 г., которое перлюстрировалось III Отделением.

[1] Имеются в виду студенческие волнения в Петербургском университете в октябре—декабре 1861 г. Тургенев писал Анненкову 14/26 октября 1861 г.: «Самые печальные слухи доходят до нас — не знаешь, чему верить и что думать. Сообщите, хотя вкратце, перечень фактов, совершающихся около вас».

[2] Об этом случае Анненков писал Тургеневу 4/16 декабря 1861 г.: «Здесь снова скандал произошел. Студент-поляк, не матрикулированный, явился в университет в польском костюме и прибил вкупе с товарищами инспектора Шмидта, требовавшего его удаления» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 8, л. 11—11 об.).

〈2〉

АГЕНТУРНАЯ ЗАПИСКА III ОТДЕЛЕНИЯ

〈Петербург.〉 27 февраля 1875 г.

В кругу студентов в настоящее время ходят усиленные толки по поводу музыкально-литературного вечера [1], данного И. С. Тургеневым в Париже с участием гг. Курочкина, Галкина [2], Венявского [3] и г-жи Виардо в пользу недостаточной русской молодежи, которая рассказывает, что Тургенев дал вечер этот исключительно с целью оказать вспомоществование русским эмигрантам, к которым он всегда будто бы относился с сочувствием.

ЦГАОР, ф. 109, секр. архив, оп. 1, ед. хр. 2159, л. 1.

[1] Имеется в виду литературно-музыкальное утро в пользу русской читальни в Париже 15/27 февраля 1875 г. В нем участвовали П. Виардо, Н. Курочкин, Г. Успенский, Тургенев, пианистка А. Н. Есипова и др. («Летопись», стр. 232).

[2] Николай Владимирович *Галкин* (1850—1906) — скрипач, дирижер и педагог. В 1874—1877 гг. концертмейстер оркестра в Берлине, концертировал в Германии, Франции, Бельгии, Голландии.

[3] Генрик *Венявский* (1835—1880) — знаменитый польский скрипач-виртуоз и композитор.

〈3〉

ИЗ ПИСЬМА М. И. ЯНЦИНА ИЗ ЛОНДОНА к В. Н. СМИРНОВУ и Р. Х. ИДЕЛЬСОН

22 января 〈1877 г.〉

... Я уже писал вам, что получен тургеневский роман «Новь» и что мы собирались вкупе прочесть этот роман. П〈етр〉 Л〈аврович〉 прочел нам его в течение двух вечеров [1]. Роман написан прекрасно, я очень сожалею, что вам теперь нельзя прочесть его, так как очень может быть, что он не будет пропущен.

Тургенев в своем романе рисует типы революционеров 68 года (нечаевцев-бунтовщиков), но как свой идеал он выдвигает тип интеллигентного человека из народа, который смотрит на дело так, что переворот в социально-экономических отношениях должен быть результатом предварительного воспитания народа путем школ, артелей и т. п.

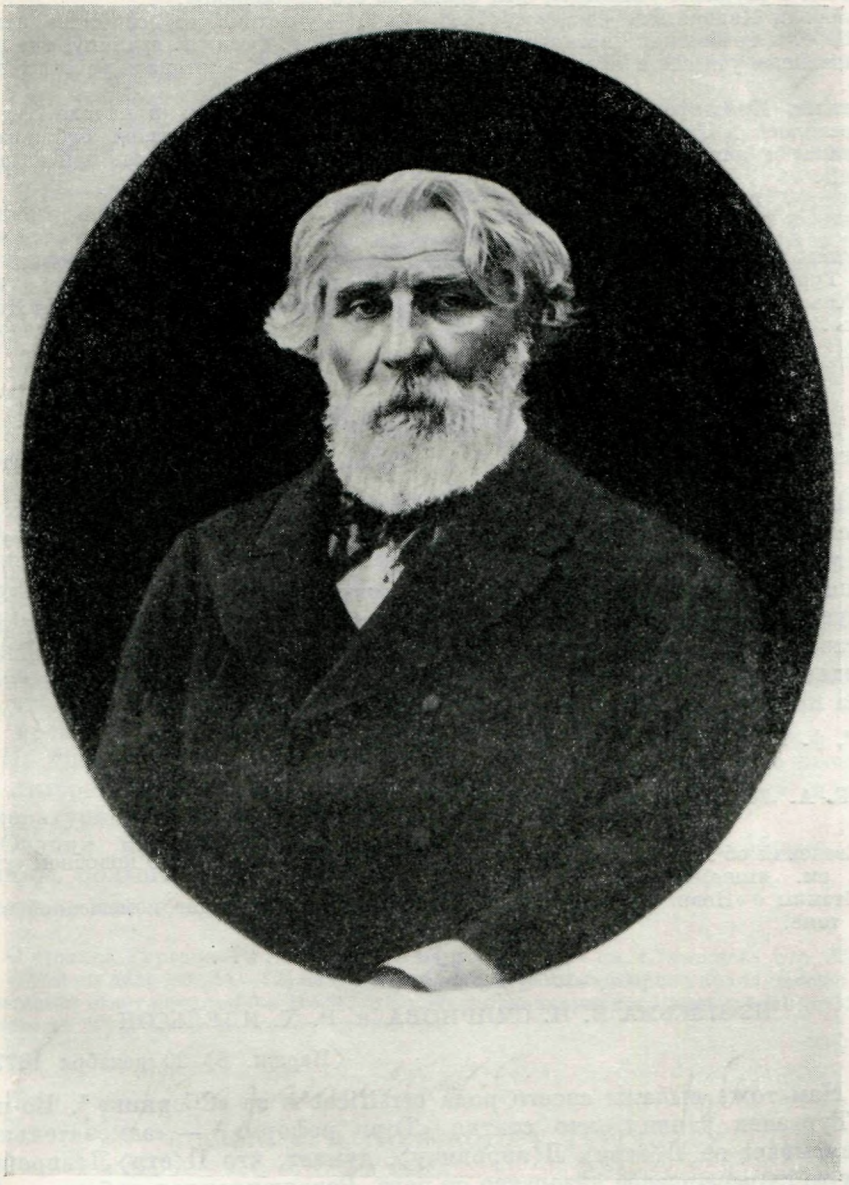
Тургенев почти нигде не заставляет Соломина (фамилия человека, олицетворяющего этот тип) высказываться прямо в этом смысле, но это проглядывает из отношения Соломина к деятельности революционеров-агитаторов.

И хотя типы революционеров в этом романе выставлены людьми чрезвычайно симпатичными, честными, но верящими в *иллюзию*, которая должна разбиться о действительность при первом столкновении с нею.

Рядом с революционерами Тургенев рисует тип либерала и консерватора, отдавая полную дань пошлости и мерзости последних. Действительно, характеризуя эти последние типы, Тургенев показал, что ему знакома их сфера до тонкости.

Тургенев, впрочем, не преминул нарисовать карикатуру революционера, но как бы вскользь, не выставляя это за общее явление. Да и то должно быть ему хотелось удовлетворить желанию русского Лассаля попасть в роман, ну, он и черкнул его портрет, заставив эту карикатуру написать несколько писем о ее неутомимой агитаторской деятельности в народе... [2]

ЦГАОР, ф. 1737, оп. 1, ед. хр. 65, лл. 88 об.— 89 об.



ТУРГЕНЕВ

Литография. С фотографии М. М. Панова, 1880

Экземпляр, принадлежавший Н. А. Герцен, дочери А. И. Герцена. На паспарту надписи рукой неустановленного лица

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Михаил Иванович *Янцин* — в 70-е годы сблизился с лавристами, уехал в Лондон для работы в журнале «Вперед!», был одним из его наборщиков.

Валерьян Николаевич *Смирнов* (1848—1900) — участник студенческих волнений 1869 г. и нечаевской организации. Летом 1871 г. бежал за границу, где принял ближайшее участие в журнале «Вперед!», вел отдел «Летопись рабочего движения».

Розалия Христофоровна *Идельсон* — жена В. Н. Смирнова, в начале 70-х годов поселилась в Цюрихе, была кассиром цюрихской эмигрантской библиотеки, примыкала к лавристам, оказывала Лаврову материальную помощь при издании «Вперед!».

[1] Роман «Новь» Лавров читал в корректуре, полученной им от Тургенева. См. письмо Тургенева к Лаврову от 26 декабря 1876/7 января 1877 г.

[2] Речь идет о С. Г. Нечаеве, изображенном в романе под именем «Василия Николаевича».

⟨4⟩

ИЗ ПИСЬМА Г. А. ЛОПАТИНА к П. Л. ЛАВРОВУ

⟨Париж. 25 февраля⟩ 9 марта 1877 г.

... Впередское гнездо близится к разорению, коль скоро начали подумывать о сдаче дома. Да это и следовало ожидать. Думаю, что Тургенев скоро увернется от них.

В понедельник он дает литературно-музыкальное утро (в пользу бедных русских Парижа) [1]. Посмотрим, что-то выйдет ⟨...⟩ А отзывы русских газет о «Нови» не особенно благоприятны; многие из них не лишены справедливости [2]. Конечно, эта вещь «деланная», а не «вырванная из жизни» и не «вылившаяся из души». Ну, да бог с ней!..

ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, ед. хр. 283, л. 109—109 об.

О Г. А. *Лопатине* см. стр. 235—254 настоящ. тома.

[1] Сведений об этом литературно-музыкальном утре не имеется. О подобном «утре» 1875 г. см. выше, стр. 322.

[2] Отзывы о «Нови» собраны в статье А. Г. Цейтлина о романе, помещенной в настоящ. томе.

⟨5⟩

ИЗ ПИСЬМА В. Н. СМИРНОВА к Р. Х. ИДЕЛЬСОН

⟨Париж. 8⟩ 20 декабря 1877 г.

... Нам тоже выданы своего рода certificat'ы за «Сборник» [1]. Во-первых, Тургенев заявил, что статья «Торг реформ» [2] — «замечательная» и приписывает ее П⟨етру⟩ Л⟨авровичу⟩, думает, что П⟨етр⟩ Л⟨аврович⟩ почему-то скрывает свое авторство от него. Революционная публика в Париже тоже очень хвалит эту статью. Даже П⟨етр⟩ Л⟨аврович⟩ на своей лекции заявил, что вышла интересная «новинка» — журнал «Вперед!», и заметил, что там находится прекрасная статья «К рабочему движению в Германии» [3], написанная с тем жаром и с тем искусством, которые свойственны автору хроник рабочего движения в «Вперед!». Каков «certificat»?

Брандт [4] смеется над Николаем [5] и советует ему не гордиться отзывом Тургенева: говорит, что скорее этим отзывом нужно обидеться, ибо Тургенев знает столько же в политической экономии, сколько свинья в апельсинах, что, вероятно, Маркс после этого похвалит стихотворение «Тюремные видения» [6]...

ЦГАОР, ф. 1737, оп. 1, ед. хр. 99, лл. 125 об.— 126.

[1] Имеется в виду том V журнала «Вперед!», вышедший в конце декабря 1877 г.
[2] «Торг реформ» — точнее «Плоды реформ. Очерк успехов экономической эксплуатации в России за последние годы» — статья Н. Г. Кулябко-Корецкого, помещенная в V томе «Вперед!».
[3] «К рабочему движению в Германии» — статья В. Н. Смирнова, помещенная в V томе «Вперед!».
[4] *Брандт* — возможно, Роман Федорович Брандт (1853—1920), славист, проживавший в 1876—1877 гг. за границей.
[5] Николай Григорьевич *Кулябко-Корецкий* (1846—1931) — участник революционного движения 70-х годов. В 1875 г. привлекался к дознанию по обвинению в перевозке из-за границы газеты «Работник», скрылся за границу, был одним из редакторов журнала «Вперед!»; в 1879 г. по возвращении в Россию был арестован; впоследствии писал статьи по экономическим вопросам.
[6] «Тюремные видения» — стихотворение Н. А. Морозова, помещенное в V томе «Вперед!».

‹6›

АГЕНТУРНАЯ ЗАПИСКА III ОТДЕЛЕНИЯ

‹Петербург. 9 марта 1879 г.›

В последние дни в Москве устроены были шумные и небывалые овации известному писателю И. С. Тургеневу. В честь его давались обеды, на которых произносили страстные речи студенты, профессора университета, редакторы газет, адвокаты и сам г. Тургенев. В речах этих почти прямо высказывалось, что Россия стоит накануне конституционного переворота и какой-то особой демократизации. Овации сопровождались поднесением лавровых венков и другими признаками воодушевления, так что этими празднествами исключительно была занята Москва последнее время.

На днях г. Тургенев прибыл в Петербург. Здесь назначено несколько его литературных чтений. Первое состоится сегодня, 9 марта, в пользу Литературного фонда в зале Благородного собрания.

Овации, которые подготовляются г. Тургеневу в Петербурге, могут принять бóльшие размеры и значение, чем даже в Москве.

ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1879 г., д. 22, л. 8 об.

О чтениях Тургенева в Петербурге в марте 1879 г.— см. «Летопись», стр. 278—279. В том же деле (лл. 11—12) находятся две телеграммы: запрос управляющего III Отделением и ответ начальника Моск. губернского жандармского управления от 12 марта о чтениях Тургенева в пользу студентов.

‹7›

ПИСЬМО В. П. ГАЕВСКОГО к ТУРГЕНЕВУ

31 марта/12 апреля 1879 г.

Сейчас я получил для доставления вам, любезнейший Иван Сергеевич, прилагаемый адрес харьковцев, не знающих вашего парижского адреса. Вместе с сим я извещаю их об исполнении этого поручения. Если вздумаете отвечать им, то ответ можете переслать через меня.

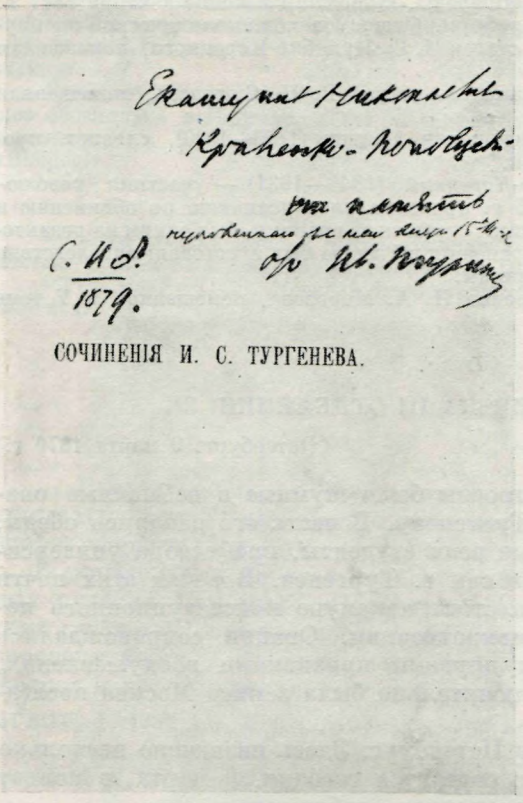
В мае или июне, надеюсь, увидимся в Париже.

Искренно преданный В. Гаевский

Литейная, 48.

ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1879 г., д. 22, л. 14. Копия.

Ответ Тургенева на это письмо Гаевского от 9/21 апреля 1879 г. и копия его ответа харьковской интеллигенции опубликованы по материалам Гаевского в «Сборнике III» Гос. Публичной библиотеки РСФСР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955, стр. 80.



СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА.

«СОЧИНЕНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА» (Т. V, М., 1874) С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ:

«Екатерине Николаевне Кравченко-Половцевой на память незабвенного для меня вечера 15-го м⟨арт⟩а от Ив. Тургенева. С. Пб. 1879»

Шмуцтитул

Собрание В. Г. Лидина, Москва

15/27 марта 1879 г. Тургенев посетил литературно-музыкальный вечер Женских педагогических курсов в Петербурге, где был встречен горячими овациями

⟨8⟩

АДРЕС ХАРЬКОВСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ТУРГЕНЕВУ

Харьков. 21 марта 1879 г.

Ивану Сергеевичу ТУРГЕНЕВУ

В тяжелый момент русской жизни харьковцы шлют вам свой привет как светлому другу народа, верному «либералу сороковых годов» и любимому автору отцов, детей и внуков. Они радуются тому восторженному приему, какой сделан был в столицах вам, чуткому наблюдателю и предвестнику новых форм общественного развития.

⟨*Следует 50 подписей*⟩

ЦГАОР, ф. 109, 3 эксп., 1879 г., д. 22, лл. 15—16. Копия.

⟨9⟩

ИЗ РУКОПИСИ Н. П. ОРЛОВА «БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК»

...Некоторыми критиками было раздуто и преувеличено так называемое «охлаждение» русской публики к Тургеневу, начавшееся после появления «Отцов и детей». Это мнение, одно время господствовавшее в нашей литературе, глубоко огорчало и заставляло страдать Тургенева, но он имел счастье пережить его и в 1879 году в бытность свою в России увидел такое сочувствие к себе и такой взрыв народного энтузиазма к себе, который выпадает на долю редких писателей.

В этом году он около месяца прожил в России и преимущественно в Москве и в Петербурге. Обещал свое сотрудничество и принял участие в образовании предполагавшейся к изданию в Москве на паях газеты «XIX век».

18 февраля он появился в Москве в зале заседаний Общества любителей российской словесности. Неожиданная весть, что Тургенев будет присутствовать в заседании Общества, привлекла такое множество публики, преимущественно молодежи, что обширная университетская физическая аудитория далеко не могла вместить всех желавших попасть в нее. Едва показался Тургенев, как своды залы огласились взрывом оглушительных рукоплесканий. Когда прекратились продолжительные рукоплескания, представитель от студентов сказал Тургеневу глубоко прочувствованную речь, в которой проводил ту мысль, что в сочинениях Ивана Сергеевича хранится завет будущим молодым литераторам «быть правдивыми в истории и жизни», а также благодарил его за то, что он честно стремился понять идеалы молодого поколения. Дрожащим от волнения голосом Тургенев отвечал: «Я так мало подготовлен к такой встрече, что не буду даже пытаться передать волнующие меня чувства. Благодарю за сочувствие. Сказанное здесь должно относиться к моим намерениям, нежели исполнениям». С этого дня овации Тургеневу всё увеличивались. В Петербурге был устроен для него литературный обед, на котором Тургенев высказал, между прочим, что рознь, существовавшая между старым и молодым поколениями в 60-х годах, подмеченная и описанная в «Отцах и детях», теперь уже не существует: найдена почва, на которой оба поколения могут сойтись, так что все сыновья нашей великой родины скоро сольются в одно деятельное и единодушное служение России.

Это было 13 марта 1879 года. Через два дня слушательницами Высших женских курсов были устроены самые страстные овации Тургеневу, что произвело на него особенно сильное впечатление...

ЦГАОР, ф. 1167, оп. 2, ед. хр. 3497, лл. 15 об.— 17.

Николай Павлович (Иванович?) *Орлов* — нотариус Московского окружного суда; его фамилия оказалась в заметках Г. А. Лопатина, в связи с этим квартира Орлова 14 октября 1884 г. была обыскана, сам же он 6 августа 1884 г. выехал за границу и в Россию не возвратился.

При обыске в его квартире были взяты рукописи, среди них «Биографический очерк» и «Последние минуты Тургенева. Его похороны в Париже». Последняя представляет собою переложение, близкое к тексту статьи А. А. Мещерского «О последних днях Тургенева» («Новое время», 1883, № 2699, 3 сентября).

II. ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА

Публикация С. С. Волка и К. Г. Ляшенко
Предисловие и комментарии С. С. Волка

Царизм преследовал Тургенева при жизни и его память после смерти. Редактор либеральной петербургской газеты «Голос» А. А. Краевский рассказывал, что Александр III, когда ему доложили о кончине Тургенева, сказал: «Одним нигилистом меньше». Слышавший этот рассказ литератор В. П. Гаевский, упоминая о запрете студентам собирать деньги на венок писателю и других полицейских мерах, записал в дневнике: «Мертвый Тургенев продолжает пугать министров и полицию» [1].

Откровенная вражда правительства к Тургеневу стала, видимо, еще более злобной после того, как живший в Париже Лавров опубликовал письмо, в котором сообщал, что издаваемому им революционному периодическому изданию «Вперед!» Тургенев оказывал регулярную денежную помощь [2].

Правительство делало все возможное, чтобы заглушить интерес общественности к похоронам Тургенева. В Департаменте полиции завели даже «дела» по этому поводу.

Решение Городской думы произвести погребение тела за счет жителей Петербурга было опротестовано градоначальником Грессером [3]. Директор Департамента полиции В. К. Плеве потребовал от псковского и виленского губернаторов и жандармских властей принять вдоль Варшавской железной дороги «без всякой огласки с особой осмотрительностью меры к тому, чтобы〈...〉 не делаемо было торжественных встреч». В дополнительной телеграмме Плеве сообщал, что министр внутренних дел гр. Д. А. Толстой приказал «не допустить речей» [4].

Все эти приказания держались в тайне. Петербургским газетам 17 сентября был разослан секретный циркуляр Министерства внутренних дел: не сообщать ничего о полицейских распоряжениях по случаю погребения, кроме официальных извещений. Об этом циркуляре оповестила общественное мнение народовольческая листовка [5].

Следствия правительственных мер сказались тотчас по приходе специального вагона с гробом на пограничную станцию Вержболово. Чтобы не допустить прибытия тела в столицу в праздничный день, Департамент полиции приказал задержать вагон на три дня на границе.

Сопровождавший гроб с прахом писателя М. М. Стасюлевич сообщал тогда в своих письмах: «хотели запереть тело на три дня в сарай с прочей кладью, но я и священник воспротивились». Когда, наконец, вагон двинулся, его стал сопровождать жандармский офицер. В другом письме Стасюлевич писал: «Памятны для меня были эти три дня, не только в этом году, но в течение всей моей жизни! Ведь можно подумать, что я везу тело Соловья-разбойника!» [6]

Из Петербурга отменили посвященное памяти Тургенева заседание Общества любителей российской словесности в Москве, на котором предполагалось выступление Льва Толстого.

Начальник управления по делам печати Е. М. Феоктистов предупредил отношением министра внутренних дел о том, что Толстой — «человек сумасшедший; от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи — и скандал будет значительный» [7].

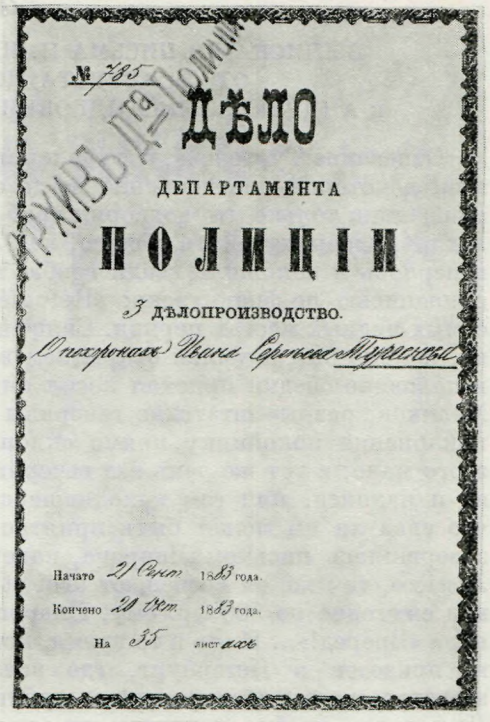
В самом Петербурге полиция произвела еще более тщательные приготовления. 27 сентября тотчас по прибытии поезда на Варшавский вокзал траурный кортеж направили на Волково кладбище.

Вдоль похоронного шествия стояли войска, по пути следовал усиленный наряд полиции и около ста агентов. Повсюду на кладбище, у ограды, у церкви, у могилы находились крупные полицейские отряды, сновало 130 «наблюдательных агентов». Кругом забора было поставлено около 500 казаков. Публика допускалась на кладбище только по билетам. Речи, произнесенные на кладбище, прошли предварительную цензуру градоначальника Грессера, который в этот день лично следил за «порядком».

«О ПОХОРОНАХ
ИВАНА СЕРГЕЕВА ТУРГЕНЕВА»

Дело Департамента полиции, 21 сентября—20 октября 1883 г. Обложка.

Центральный архив Октябрьской революции, Москва


№ 785

ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ

3 ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

О похоронах Ивана Сергеева Тургенева

Начато 21 Сент. 1883 года.

Кончено 20 Окт. 1883 года.

На 35 листах

АРХИВЪ ДП. ПОЛИЦІИ

В. П. Гаевский в дневнике отметил, что на похоронах не было «ни одного военного мундира, ни одного не только министра, но сколько-нибудь высокопоставленного лица. Администрация, видимо, была напугана» [8].

Хотя намеченная накануне группой передового студенчества демонстрация на похоронах не состоялась из-за обилия полиции, революционной молодежи удалось распространить на кладбище только что отпечатанную в «летучей» народовольческой типографии М. П. Шебалина прокламацию «И. С. Тургенев», написанную поэтом-народовольцем П. Ф. Якубовичем. «Над незарытой еще могилой поэта, у его свежего трупа происходит настоящая свалка»,— писал он, обличая «нововременских факиров» и «бульварных руководителей общественного мнения» вроде Суворина, а также трусливых либералов, стремившихся затушевать общественное значение Тургенева и доказать, что он был «художник-поэт и ничего более» [9].

Листовка П. Ф. Якубовича выразила настроения не только революционного народничества, но и всей передовой молодежи [10]. Об этом свидетельствуют публикуемые ниже письма нескольких петербургских студентов (об одном из них известно только, что он народоволец), перлюстрированные для Департамента полиции в сентябре 1883 г. Эти письма резко контрастируют с робким и заискивающим письмом М. И. Венюкова, так же как и другие русские либералы, перепуганного публикацией заявления Лаврова и его появлением на официальной панихиде в русской церкви в Париже 26 августа 1883 г.

* * *

Смерть и похороны Тургенева имели революционизирующее значение. О вызванном ими подъеме в русском передовом обществе см. также далее материалы обзора Л. Р. Ланского «Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева».

‹1›

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА М. И. ВЕНЮКОВА[11] ИЗ ПАРИЖА ОТ ‹29 АВГУСТА› 10 СЕНТЯБРЯ 1883 г. к АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ БОЛЬШЕВУ В ПЕТЕРБУРГ

Отпевание Тургенева, к сожалению, не обошлось без глупой демонстрации, в которой мне искренно жаль священника Васильева. Представьте: священник только что водворил гроб на катафалк среди церкви и пошел в алтарь, чтобы начинать обедню, как Лавров и К° большою толпою вошли в церковь и положили сзади гроба, то есть лицом к входу церкви, венок с надписью по-французски: «Réfugiés russes»*, а затем водворились на самых видных местах церкви. Священник ничего этого не видал и, вероятно, немало был изумлен открытием венка перед панихидою. А между тем в половине обедни приехал посол князь Орлов в ленте, приехали Лорис-Меликов, разные штатские генералы и проч. и всем им приходилось при поклонении покойнику прямо склоняться на оппозиционный венок. Но этого мало: в тот же день все вечерние парижские газеты говорили о венке и надписи, при сем находившейся, все упоминали об Орлове и др., что едва ли им может быть приятно. Наконец, бестактность эмигрантов завершилась письмом Лаврова, напечатанным в радикальной газете «La Justice», там же он возвещает urbi et orbi**, что Тургенев при жизни давал ежегодно по 500 фр. ему, Лаврову, на издание революционного журнала «Вперед!»... И это в то время, когда Тургенев еще не похоронен, даже не привезен в Петербург, где вследствие подобных глупых выходок может состояться запрещение публичных похорон. И для чего это? Для того, чтобы показать из-за угла шиш русской полиции! Ребятишки!..

Пометы на полях: 1) *Рукою министра внутренних дел Д. А. Толстого*: Не мешало бы поместить это в записку государю. 6 сентября; 2) *рукою директора Департамента полиции В. К. Плеве*: Исполнить резолюцию его сиятельства; 3) *рукою чиновника*: Помещено 12/IX***.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 6, л. 92—92 об.

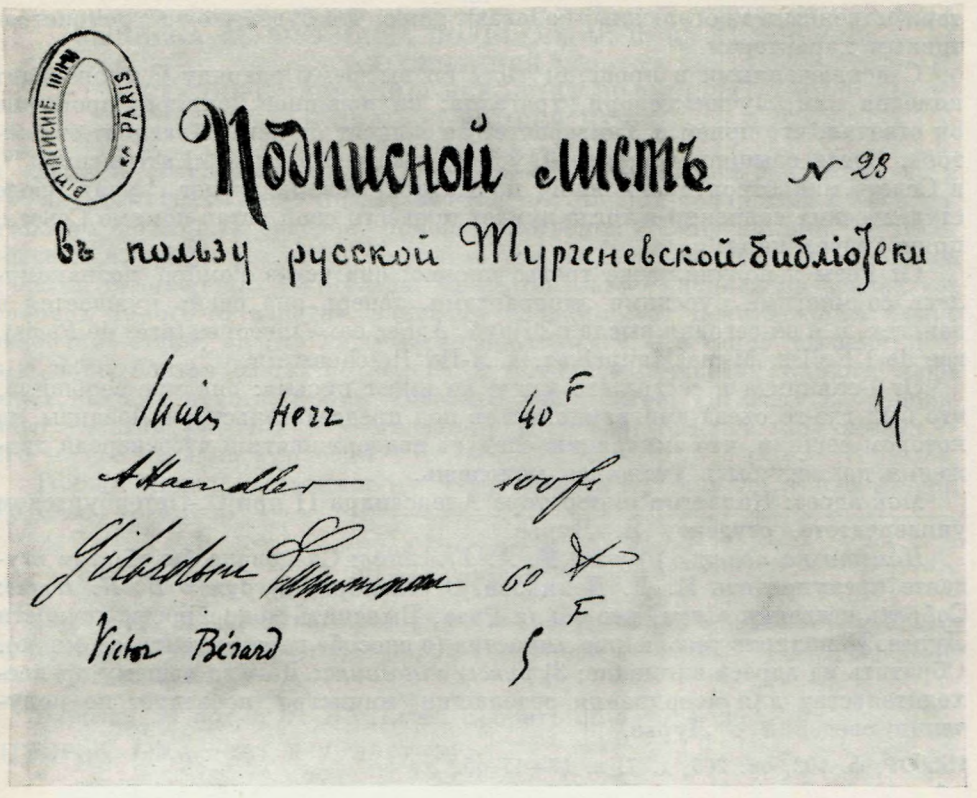
‹2›

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Ю. Ф. БЕЛОПОЛЬСКОГО[12] ИЗ ПЕТЕРБУРГА ОТ 1 СЕНТЯБРЯ 1883 г. к ФЕДОСЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ПОПЛАВСКОЙ В КИЕВ, ФОТОГРАФИЯ ДЕ-МЕЗЕРА НА КРЕЩАТИКЕ

Наше, то есть молодежи и в частности мое, житье можно охарактеризовать: «как-нибудь живем, а что дальше будет — не знаем». Так что нового и занятного ничего здесь в этом самом умственном и жизненном центре нет. Только все выше и громче раздается «песнь торжествующей свиньи»[13],— ну да это еще бабушка надвое сказала! Скоро будем хоронить Тургенева, и в пику этой самой свинье мы похороним его с превеликим торжеством, а свинья заявляет, что это «потрясение основ и польская интрига», ибо Иван Сергеевич ни Геок-Тепе не брал, ни столоначальником ни в каком министерстве не состоял, а написал какие-то «Записки охотника».

---

* «Русские эмигранты» (франц.).
** городу и миру (лат.).
*** Многочисленные пометки о документах, разосланных по различным ведомствам — в основном жандармским управлениям,— нами не воспроизводятся.



ПОДПИСНОЙ ЛИСТ В ПОЛЬЗУ РУССКОЙ ТУРГЕНЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ. ПАРИЖ, 883

Экземпляр, сохранившийся в бумагах П. Л. Лаврова
Центральный архив Октябрьской революции, Москва

Козловскому, если желаете, передайте поклон и следующую вещь: что адрес мой и небольшую посылку он получит чрез одного едущего из Питера в Киев на днях.

Пишите мне по следующему адресу: С.-Петербург, студенту Технологического института Юрию Федоровичу Белопольскому.

Помета на полях В. К. Плеве: Справку о нем.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 8—8 об.

‹3›

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА Я. ЛУРЬЕ[14] ИЗ ПЕТЕРБУРГА ОТ 8 СЕНТЯБРЯ 1883 г. К СТУДЕНТУ УНИВЕРСИТЕТА ФИШЕЛЮ ТОЛКАЧЕВСКОМУ[15] В КИЕВ

Замечательно, как власти косо смотрят на сочувствие, оказываемое Тургеневу: фотограф Шапиро [16] выставил портрет Тургенева в траурной драпировке, а полиция распорядилась снять его; в Университете запретили собирать на венок Тургеневу; говорят, что нарочно для этого приезжал Грессер к ректору в Университет. Роза пишет, что Лавров напечатал в газете «Justice» заявление, в котором говорит, что Тургенев был сотрудником в газете «Вперед!» Здесь, конечно, похороны Тургенева будут

торжественны и многолюдны; полагают даже, что будет что-то с демонстративным характером.

С исключенными в прошлом году по высшему разряду [17] происходит комедия или, лучше говоря, трагедия: на поданное Делянову прошение он отвечал, что прием в Университет не зависит от него, а зависит от ректора. Здесь слышно, что новый устав, так называемый «Катковский» [18], в Совете министров провалился; но Катков, говорят, ждет случая вроде студенческих волнений и тогда думает провести свой устав помимо Совета, прямо через царя.

От Розы я получил уже третье письмо: она через Ромбро познакомилась со многими русскими эмигрантами, теперь она очень нуждается в деньгах, и я ей сегодня выслал 26 руб. Адрес ее: Vincennes (près de Paris), rue de l'Eglise, M-me Mauprivez, à M-lle Reichenstein.

От Белькинда и сестра его давно не имеет письма: она мне сообщила, что был где-то съезд эмиграционистов под председательством Леванды, на котором решили, что эмиграцию следует поддерживать и что впереди движения должна быть учащаяся молодежь.

Мой адрес: Коллегия императора Александра II при С.-Петербургском университете, студенту Я. Лурье.

Пометы на полях: 1) *рукою Д. А. Толстого*: Следовало бы об этом студенте предупредить И. Д. Делянова. 9 сентября; 2) *рукою В. К. Плеве*: Собрать сведения о том, кто такая Роза. Выяснить подробности личности Лурье. Исполнить резолюцию министра (о способе переговорить со мною). Обратить на адреса внимание; 3) *рукою чиновника*: Доклад вашему превосходительству для исполнения резолюции министра последует по получении сведений о Лурье.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 17—17 об.

‹4›

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЗА ПОДПИСЬЮ «СЕМЕН» [19] ИЗ ОДЕССЫ ОТ 11 СЕНТЯБРЯ 1883 г. К M-LLE G. TETELMANN [20], MONTREUX (SUISSE), POSTE RESTANTE

У нас теперь какая-то странная жизнь. Все живут, словно медведи в берлогах и рыбы под льдом, лишенные личного «я»; а между тем затишия в обществе теперь никакого нет. Разве гниющий пруд не заключает в себе миллионы жизней? Газеты, несмотря на драконовские строгости цензуры, исподволь сообщают то об одном, то о другом убийстве, хищении, грабеже. Кроме этих официальных известий, идет своя неутомимая работа общественных трихин, нас разъедающих. Еще пройдет немного времени, и страшно будет за человека. Прежде были торжествующие свиньи, а теперь пойдут волки. С этим народом труднее будет справиться. Благодарю вас за описание знаменитого зáмка, но мы в тысячу раз богаче гнилого Запада и шиллионскими узниками, и всякими зáмками и замкáми.

Учительница Софии Ш. была тягаема и подвергаема пытливому допросу во святой инквизиции, узнавшей, что лет 15 тому назад она давала концерты с благотворительной целью и отдавала деньги не на нужды святых отцов, а будто бы на дело.

Тургенев умер; стоит теперь еще умереть Щедрину и тогда хоть живьем в гроб ложись! Везде эти люди заменяли нам и парламент, и сходки, и жизнь и свободу!

Пометы на полях рукою В. К. Плеве: Какие имеются сведения об этой Тетельман. В. П.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 25—25 об.

‹5›

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ЗА ПОДПИСЬЮ М. В. ИЗ ПЕТЕРБУРГА ОТ 30 СЕНТЯБРЯ 1883 г. к СТУДЕНТУ АРКАДИЮ ЛЬВОВИЧУ ЗИЛЬБЕРШТЕЙНУ В ОДЕССУ, УНИВЕРСИТЕТ

Хотя я думал отправиться с венком от Медицинской академии, но я охотно согласился быть представителем от бывших товарищей одесситов. Рабочие некоторых заводов, приславшие венки с депутациями, не были внесены в список без всяких причин; тем же, которым удалось добиться участия в похоронах Тургенева, было приказано надписи на венках «от рабочих такого-то завода» заменить словами: «от почитателей». Слово «рабочий» стало, видите ли, уже нелегальным [21]. До такой степени ночные воры боятся света, возможности пробуждения среди темного люда иных, высших чувств, кроме животных инстинктов! Но факт добровольного участия рабочих в чествовании Тургенева весьма поучителен,— его ничем не замаскируешь!

Только смерть заставляет нас встрепенуться, так мало в нас жизни! Грустно, товарищ!

Буря бы грянула, что ли?!
Чаша с краями полна! [22]

Постойте, может быть, мне придется сообщить вам и о подвигах живых для живых. Veniat, veniat tempus et quidem celeriter,— sive properabis sive retractabis!*.

Помета на полях В. К. Плеве: Собрать об авторе сведения.

ЦГАОР, ф. 102, оп. 265, д. 7, л. 50—50 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Из дневника В. П. Гаевского».— «Красный архив», 1940, № 3, стр. 231.
[2] См. об этом выше, стр. 237—238.
[3] Л. С. Утевский. Смерть Тургенева. Пб., 1923, стр. 71.
[4] Ю. Никольский. Дело о похоронах И. С. Тургенева.— «Былое», 1917, № 4, стр. 148—149.
[5] Литература партии «Народной воли». Париж, 1905, стр. 953.
[6] Стас., т. III, стр. 237—238.
[7] Ю. Никольский. Указ. статья, стр. 153.
[8] «Красный архив», 1940, № 3, стр. 233.
[9] Литература партии «Народной воли», стр. 951—952.
[10] См. подробнее выше, стр. 238.
[11] Михаил Иванович *Венюков* (1832—1901) — путешественник и этнограф; корреспондент «Колокола», впоследствии придерживался либеральных взглядов; с 1877 г. — эмигрант.
[12] Г. (Ю.) Ф. *Белопольский* — студент-технолог; с 1881 г. народоволец. Видимо, после перлюстрации публикуемого письма, за ним было установлено наблюдение. В мае 1884 г. он был арестован и выслан из Петербурга. Упоминаемый в письме Козловский, скорее всего Д. Ф. Козловский — киевский народоволец.
[13] «Песнь торжествующей свиньи» — перефразировка тургеневского названия «Песнь торжествующей любви» в соответствии с щедринским выражением «торжествующая свинья» («За рубежом», гл. 6), по замыслу сатирика означавшим наступившее с царствованием Александра III господство реакции.
[14] Я. *Лурье* — студент Петербургского университета, находился под надзором полиции.
[15] Ф. Толкачевский — Ф. М. *Тукацнер-Толкачевский* — студент 3-го курса Медицинского факультета Киевского университета. Подозревался в рассылке революционных прокламаций, уволен из университета в 1884 г.
[16] К. *Шапиро* — известный тогда фотограф, выполнявший поручения землеволь-

* Должно прийти время, к тому же быстро,— будешь ли ты его торопить или оттягивать! (лат.).

цев и народовольцев по распространению портретов известных революционеров. В канун похорон Тургенева он устроил студенческую сходку. По донесению градоначальнику «одного лица, пользующегося полным доверием, присутствовавшего на сходке», «Шапиро во время сходки держал себя как истый революционер». Он настаивал, чтобы демонстрация на похоронах непременно состоялась (Ю. Николький. Дело о похоронах И. С. Тургенева.— «Былое», 1917, № 4, стр. 153 и 154).

[17] Имеются в виду студенты, исключенные из Петербургского университета в ноябре—декабре 1882 г. в связи с протестом против адреса царю («поляковская история»).

[18] Новый (более реакционный по сравнению с уставом 1863 г.) университетский устав был прозван «Катковским» по имени одного из его вдохновителей—редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова.

[19] Семен — вероятно, Соломон *Коган* («Евг. Симановский», «Е. Семенов»), студент Новороссийского университета в Одессе, народоволец; работал в одесских кружках под руководством В. Н. Фигнер. Дал откровенные показания, после чего был выпущен на поруки. Эмигрировал в Швейцарию.

[20] Екатерина (Катерина) Александровна *Тетельман* — участница одесских народовольческих кружков (см. Г. Борзяков. Революционная молодежь в Одессе в 1882—1884 гг.— «Каторга и ссылка», 1929, № 8-9, стр. 134). В эмиграции вышла замуж за видного участника Военной организации «Народной воли» Э. А. Серебрякова.

[21] Свидетельство неизвестного М. В. о том, что в похоронах Тургенева приняли участие рабочие нескольких заводов, возможно, следует связать с теми беседами о творчестве писателя, которые проводились в рабочих кружках Петербурга народовольческой группой В. А. Бодаева, Н. М. Флерова, И. И. Попова. Особенно большое впечатление на рабочих производили беседы связанного с этой группой П. Ф. Якубовича, который после рассказа о жизни Тургенева очень выразительно читал «Записки охотника» и некоторые «Стихотворения в прозе».

По воспоминанию И. И. Попова, один рабочий кружок действительно хотел возложить на гроб венок с надписью: «Тургеневу — рабочая группа партии „Народная воля“». Публикуемое письмо отчасти подтверждает это сообщение мемуариста. Попов, однако, объясняет далее, что сама народовольческая организация решила воздержаться от всякой демонстрации и в том числе от венка, чтобы не дать восторжествовать охранникам, в изобилии стянутым к траурной церемонии (И. И. Попов. Революционные организации в Петербурге в 1882—1885 гг.—«Народовольцы после 1-го марта 1881 г.» М., 1928, стр. 63; И. И. Попов. Минувшее и пережитое. Л., 1924, стр. 110).

[22] Цитата из стих. Некрасова «Песня народного борца» (1868).

ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРГЕНЕВЕ

ТУРГЕНЕВ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ ЛЕТОМ 1838 г.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ

Публикация Л. М. Долотовой

Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина (в замужестве *Петрово-Соловово*; 1819—1896), отрывок из путевых записок которой печатается ниже, принадлежала к известной дворянской семье, из которой вышли драматург А. В. Сухово-Кобылин, романистка Е. В. Салиас де Турнемир и художница С. В. Сухово-Кобылина. Не отличаясь, в противоположность брату и сестрам, особыми талантами, Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина была, судя по отношению к ней родных и друзей, человеком редкого обаяния и душевной привлекательности. Такой рисуют ее и материалы семейного архива Сухово-Кобылиных и письма к ней Огарева, посвятившего «Душеньке» Сухово-Кобылиной цикл стихов «Buch der Liebe» [1].

В 1836—1839 гг., к которым относится дневник Е. В. Сухово-Кобылиной, она путешествовала с матерью, сестрами и братьями по Германии, Австрии, Франции и Италии. Тургенев посетил Сухово-Кобылиных во время их пребывания в Гейдельберге. Запись в дневнике об этом знакомстве сделана 14/26 июля 1838 г., но произошло оно несколько ранее. В воскресенье 19 июня/1 июля [2] Сухово-Кобылины совершили длительную прогулку, а «на следующей неделе», как сказано далее, у них был Тургенев. Таким образом, его посещения следует отнести к первой неделе или первой декаде июля н. с. 1838 г. В конце записи о Тургеневе, где говорится об его отъезде из Гейдельберга, сказано: «На этой же неделе приехал к нам Александр 8 июля/26 июня».

В опубликованной переписке Тургенева и материалах к его биографии пребывание писателя в Гейдельберге летом 1838 г. не нашло отражения. В автобиографическом конспекте Тургенева «Мемориал» о летних месяцах 1838 г. сказано кратко: «Путешествие по Германии»[3]. В письмах Н. В. Станкевича родным от 18/30 июня и Я. М. Неверова Т. Н. Грановскому от 20 июня/2 июля содержатся сведения только о том, что Тургенев был проездом в Эмсе в конце июня 1838 г. [4] Очевидно, оттуда он и направился в Гейдельберг. О знакомстве Тургенева летом 1838 г. с семьей Сухово-Кобылиных также не было известно. Имена Сухово-Кобылиных появляются в письмах Тургенева гораздо позже. 1/13 декабря 1850 г., в письме к П. Виардо, он дает характеристику Е. В. Салиас де Турнемир, прибавляя: «Мы с ней большие друзья». А 5/17 декабря, в том же письме, упоминает: «Да, кстати, я снова встретил Солового и его жену, которая приходится сестрой этой самой графине Салиас». Публикуемой записью устанавливается гораздо более ранняя дата знакомства Тургенева с Сухово-Кобылиными и уточняется маршрут его путешествия до приезда в Берлин. Содержание этой дневниковой записи представляет интерес не только для биографов Тургенева, но и для историков его творчества: Е. В. Сухово-Кобылина передает рассказ Тургенева о пожаре на пароходе «Николай I» 18/30 мая 1838 г. Впоследствии Тургенев собирался включить очерк об этом происшествии в состав «Литературных и житейских воспоминаний», однако рассказ был продиктован им П. Виардо по-французски лишь в июне 1883 г., а русский перевод, подготовленный А. Н. Луканиной, просмотрен автором незадолго до смерти.

Дневниковая запись, сделанная Е. В. Сухово-Кобылиной со слов Тургенева, отделена от описываемого события одним месяцем, а рассказ самого писателя — сорока пятью годами; из-за условий, в которых создавался «Пожар на море»,— тяжелая болезнь Тургенева, невозможность писать самому, по-русски,— ранняя запись его впечатлений приобретает для нас особый интерес.

Добросовестность Е. В. Сухово-Кобылиной в передаче тургеневского рассказа очевидна: в своих путевых записках она хочет только закрепить все виденное и слышанное; сама она характеризует себя как рассказчика «сокращающего, а не прибавляющего». Свойственная Сухово-Кобылиной живость, восприимчивость, хорошая память, и то, что это записано по свежим следам,— придает необычайную свежесть и непосредственность пересказу.

В публикуемом тексте явственно ощущается молодость Тургенева: его увлекает «остро-сюжетная» сторона происходящего, он охотно подмечает комические черточки в поведении других людей и далек от критической оценки самого себя. В этом отношении текст записи составляет разительный контраст с рассказом «Пожар на море», где в описание события вплетаются нити многолетних раздумий Тургенева о жизни и смерти и где присутствует уже трезвая оценка юношеского кокетства и малодушия.

Вместе с тем публикуемая запись отмечена печатью ранней наблюдательности Тургенева, способностью схватить детали; теснятся лица — круг их шире, чем в рассказе «Пожар на море»,— стремительно развертывается действие, и сама нестройность картины, динамика бесхитростного пересказа Сухово-Кобылиной создают ощущение жизненной правды. Обращает на себя внимание скептическое замечание Тургенева о том, что в такой тяжелый момент все «сделались христианами»,— замечание, очень характерное для него и впоследствии развитое в рассказе «Пожар на море». Интересны также некоторые образные выражения, принадлежащие, очевидно, самому Тургеневу, а не Сухово-Кобылиной, например, о том, как карета, вещи, шали, серебро кн. Шаховской — «все пошло рыбу ловить». И, разумеется, при всей краткости его, должен быть отмечен критический отзыв Тургенева о Московском университете.

Отрывок печатается по автографу ЛБ, ф. 223 (Петрово-Соловово), дневник Е. В. Сухово-Кобылиной, № 7, лл. 263—264.

Да, теперь помню, на следующей неделе был у нас новый посетитель. Это был Тургенев. Он приехал в Гейдельберг и просил позволения явиться, разумеется, что мы сказали, что очень ради,— и он поутру и явился. Разговор был сей час готовый, он приехал на «Николае», который сгорел [5], сей час начал рассказывать,— а я в эту минуту снимаю с него должность и тут сама представляю из себя рассказчика, но сокращающего, а не прибавляющего.

Их было 160 человек на пароходе, всё почти женщины и дети, последних было 50 человек, и все почти русские, очень мало иностранцев. Подъезжая к Травемюнде, за $1^1/_2$ часа загорелся пароход, все спали, некоторые из запоздалых мужчин сидели внизу в каюте и играли в карты, вдруг в три часа ночи входит женщина, совсем почти неодетая, бледная как полотно, и кричит: Горим, горим! Все вскочили, побежали наверх, на палубу, в трубе огонь, пробивается во все места, а вокруг суетятся матросы. В один миг отвсюду сбежались. Женщины как были на постелях, так и пришли, кто в рубашке, кто в мужниной шинели, кто в простынке. Наконец, на носу стало слишком жарко, все столпились на корме, женщины плачут, дети кричат, мужчины толпятся, уговаривают. Это был такой хаос, шум, гвалт, писк, крик, молитвы к богу, кто стоит на коленах, кто в землю кланяется, все, говорит он, сделались христианами. В самом деле положение было ужасное. Быть от земли далеко, между огнем и водою. Лодок нету, видишь огонь ближе и ближе, пол начинает быть тепл, и ниоткуда не видишь спасения. Направить пароход никуда нельзя, он

ТУРГЕНЕВ <?>

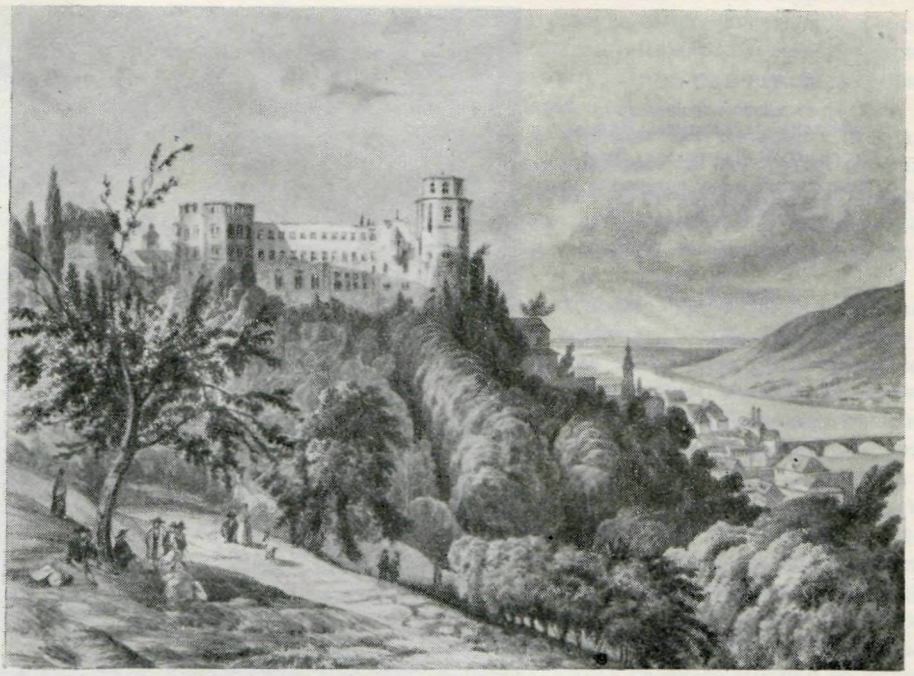
Портрет маслом неизвестного художника, 1830-е годы. Копия

Музей И. С. Тургенева, Орел

Местонахождение оригинала неизвестно

идет прямо; они начали звонить во все колокольчики, что есть силы, подавать знак, между тем, немцы, бывшие на пароходе, числом трое, преспокойно сговорились, подошли к одной из лодок, спустили ее на воду, сели и уехали. Осталась одна маленькая лодочка, ее стали отвязывать, Эмилия Пушкина, которая была на пароходе с сыном, матерью, сестрой Демидовой и Демидовым [6], увидя, что отвязывают, вскочила в лодку с ребенком, лодка, будучи на балансе, так сильно начала качаться, что матрос испугался и закричал, ее оттуда выдернули, не успела она выйти, как вскочил в нее помещик какой-то (забыла фамилию), лодка оборвалась и полетела вниз вместе с ним, и его уж больше не видали, а только показалась опрокинутая лодка сзади. Тут они остались без всякой надежды.

В это время один Маёр [7] фабрикант говорил, что он ничего не боится, что он по речной воде 10 верст плывет, застегнул свой сертук, кредитив в клеенку завернул, привязал к себе и кинулся в море, и он также не показывался больше на поверхности, вероятно, его подтянуло. Наконец, через час показались три или две, не знаю наверное, лодки. Крик, шум поднялся на пароходе, все забегали, восклицания радости, можно себе представить, что это было. Ни одна женщина, надобно заметить, не упала в обморок, все старухи так бегали, что за ними поспеть нельзя было, но как сесть на лодки? Мужчины сговорились сперва отпустить всех детей и женщин, а сами после. Спуститься иначе нельзя было, как по веревке с кормы вниз в лодку, а детей просто кидали, а снизу ло-



ГЕЙДЕЛЬБЕРГ
Акварель неизвестного художника, 1849
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

вили. Тут уж все пошло живо, только то, что никому до чемодана своего нельзя было дотронуться, и все с тем оставили пароход, что на них было, счастлив тот, у кого в кармане лежал кредитив. Их высаживали всех на ближнюю мель и ворочались за остальными. Когда все было собрано на мели по пояс в воде, мужчины решились нести на руках женщин и детей до берега, который был за $^1/_4$ версты. Таким образом их всех перетащили, но до Травемюнде оставалась целая миля, они наняли кое-каких фурманов, которые съехались. Смотрите, вот честность немецкая. Видя в таком ужасном положении народ божий, без гроша денег иные и измученные, усталые, они брали с человека по дукату, чтобы довезти. Этот маскерад прибыл в Травемюнде в 7 часов, кажется, утра, народу собралась тьма смотреть их; они населили весь городок, и на другой день все лежало в постели. Да и к тому же им не в чем было встать. Все решительно сгорело. У кн. С. А. Шаховской [8] удивительная карета, шали, вещи, серебро, все пошло рыбу ловить, у Эмилии также. Словом, никто ничего не спас; кто хотел спасать и кидал сверху в лодку, то из лодки выкидывали в море, а то было очень грузно — можно себе представить отчаяние иных, хоть Софьи Алексеевны: я думаю, она до сих пор плачет. Тем можно бога благодарить, что они не сгорели, это их счастье.

Вот вам история о пароходе. Признаюсь, это занимательная и любопытная сцена для глаза наблюдателя, если бы этот наблюдатель не смешался бы с толпою наблюдаемых. Этот Тургенев приходил к нам часто, два раза обедал, на третий день опять пришел, побранился с маменькой об Московском университете, говорит, что он полон дураками; маменька при мне такую ему нотацию пропела, что он с тех пор не казал глаз к нам,— и уехал не простясь. Туда и дорога.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. «Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. III. М.—Л., 1934, стр. 187—274 и «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 648—651.

[2] В автографе ошибка в переводе со старого стиля на новый: 31/19 июня.

[3] См. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 342.

[4] См. «Переписка Николая Владимировича Станкевича». М., 1914, стр. 64; ЛБ, ф. 84, п. 3, ед. хр. 24.

[5] В русских газетах были опубликованы заметки об этом происшествии, основанные на информации заграничной прессы. «Северная пчела» сообщала: «Пароход „Николай I", под командою капитана Шталя, со 132 пассажирами и 38 чел. экипажа, загорелся на пути из С.-Петербурга, в ночи на 31(19) мая около одной мили от Травемюндского рейда, близ Грос-Клюца» (1838, № 117, 27 мая, раздел «Внутренние известия»).

[6] Эмилия Карловна *Мусина-Пушкина* (рожд. Шернваль; 1810—1846). Имя ее упомянуто в списке отъезжающих за границу («С.-Петербургские ведомости», 1838, № 84, 19 апреля); там же сказано, что с ней едут дети: Владимир, Алексей и Александра.

Мать ее — жена выборгского губернатора К.-И. Шернваля, рожд. Гассер, во втором браке — баронесса Валлен.

«Сестра Демидова» — Аврора Карловна (рожд. Шернваль, во втором браке — Карамзина; 1813—1902). Под фамилией Демидова в данном контексте следует разуметь, очевидно, ее мужа, Павла Николаевича *Демидова* (1798—1840), егермейстера и камергера двора, хотя в списках отъезжающих за границу стоит имя А. Г. Демидова, упоминаемое также и в «Мемориале» Тургенева (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 352).

[7] В списке отъезжающих за границу упоминается Иоганн Генрих Мейер, ганноверский подданный («С.-Петербургские ведомости», 1838, № 90, 26 апреля); в сообщениях о пожаре на «Николае I» имя сахаровара Мейера упоминается в числе погибших («Северная пчела», 1838, № 117, 27 мая; «С.-Петербургские ведомости», № 117, 29 мая).

[8] Софья Алексеевна *Шаховская* (рожд. Мусина-Пушкина; 1790—1878); имя ее значится в списке отъезжающих за границу («С.-Петербургские ведомости», 1838, № 84, 19 апреля).

ТУРГЕНЕВ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПАРИЖЕ 1848 г.

ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ П. А. ВАСИЛЬЧИКОВА, 1853—1854 гг.

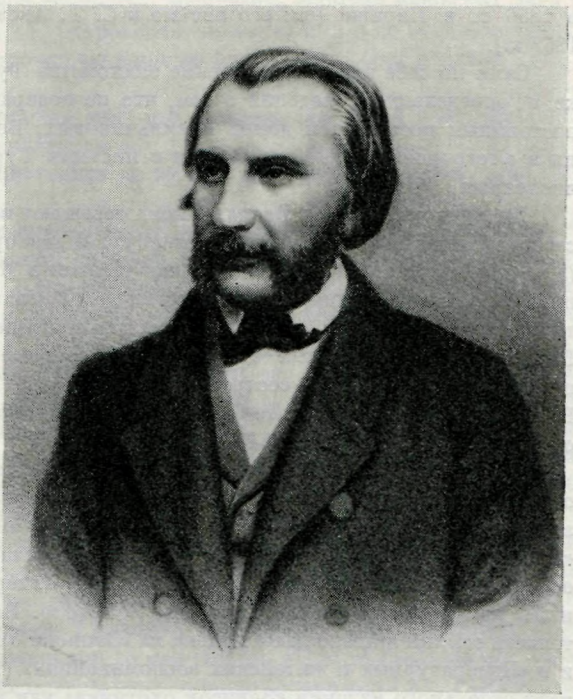
Публикация Л. М. Долотовой

Имя Петра Алексеевича *Васильчикова* (1829—1898) в литературе о Тургеневе почти не встречается. Известно только одно упоминание о нем самого писателя. В письме к Е. А. Черкасской (рожд. Васильчиковой) от 13/25 марта 1858 г. из Пизы, осведомляясь о ее родных и общих римских знакомых, Тургенев спохватывается: «... я только сейчас вспомнил, что другой ваш брат, Петр, с вами. Пожалуйста, пожмите ему крепко руку от меня. Жалко очень, что я его дождаться не мог.— Авось мы все увидимся летом».

Сын сенатора А. В. Васильчикова, П. А. Васильчиков в 70-е годы был уполномоченным Общества попечения о раненых и больных воинах, а затем занимал пост председателя Общества «Красного креста» в Черногории [1]; при дворе он состоял гофмейстером. Основные сведения о более раннем периоде жизни Васильчикова содержатся в некрологе его матери, написанном его университетским товарищем П. И. Бартеневым [2]. Из некролога видно, что Васильчиков с детства воспитывался в сфере, не чуждой литературных и художественных интересов. Мать его была связана личной дружбой с Крыловым, Карамзиным и Жуковским. В 1831 г. в доме Васильчиковых жил, в качестве учителя их старшего сына Василия, Гоголь, который и позднее посещал их дом. Младший брат П. А. Васильчикова Александр Алексеевич был известен впоследствии как искусствовед, историк и директор Эрмитажа.

Окончив в 1847 г. 1-ю Московскую гимназию, Васильчиков поступил на филологический факультет Московского университета. С конца 1851 г. он поселился в Петербурге, где служил в 1853—1854 гг. чиновником в губернском правлении [3], а в 1855 г. был ротным командиром в 1-й дружине ополчения. Васильчиков и на службе не утратил прежних филологических интересов: он стремился всячески помогать Бартеневу в его архивных разысканиях, в письмах к нему сообщал о петербургских частных собраниях рукописей [4]. В Петербурге Васильчиков, благодаря широким родственным связям, был постоянным посетителем известнейших литературных салонов. По линии матери, урожденной Архаровой, Васильчиков приходился двоюродным братом В. А. Соллогубу, женатому с 1840 г. на дочери Михаила Юрьевича Виельгорского. В доме последнего, где Васильчиков постоянно проводил вечера, он чаще всего и встречался с Тургеневым.

С братом Мих. Ю. Виельгорского Матвеем Юрьевичем Тургенев сблизился еще в театральный сезон 1843/44 г., когда они оказались в одном кругу русских поклонников таланта Полины Виардо. Тогда же, очевидно, Тургенев познакомился и с Михаилом Юрьевичем Виельгорским, хозяином известного в Петербурге 1830—1850-х гг. литературно-музыкального салона, устроителем концертов, композитором-дилетантом и меценатом.



ТУРГЕНЕВ

Литография М. Барышева, 1858.
С фотографии С. Л. Левицкого, 1856

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Современники Мих. Ю. Виельгорского отмечают широту его интересов, простоту в обращении и добродушие; именно он в 1842 г., используя свое положение при дворе и связи, помог Герцену получить разрешение на возвращение из новгородской ссылки: «Все сделано графом Вьельгорским. Недаром он магнетически как-то понравился мне при первой встрече»,— записал Герцен в дневнике 9 июля 1842 г. [5]

В. А. Соллогуб очертил довольно пестрый круг лиц, являвшихся в гостеприимный дом его тестя: «... раза два, три в неделю собирались не только известные писатели, музыканты и живописцы, но также и актеры, и начинающие карьеру газетчики (что в те времена было нелегкой задачей), и даже просто всякого рода неизвестные людишки». Присутствие в доме Виельгорского Соллогуба (он занимал с женой отдельную половину) значительно расширяло рамки салона за счет литературных связей писателя. «У меня в то время собирались все тузы русской литературы»,— вспоминает Соллогуб и называет имена Тютчева, Вяземского, Гоголя, В. Ф. Одоевского, Некрасова, И. И. Панаева, Бенедиктова, Писемского. «Изредка в зверинце появлялась высокая фигура молодого Тургенева» [6].

Д. В. Григорович также вспоминает о литературных чтениях, происходивших в доме Виельгорских: «Стоило явиться молодому даровитому писателю, граф Соллогуб не давал ему покоя, пока не приведет его в гостиную графа Вельегорского; явится ли новое выдающееся произведение, граф Соллогуб спешил познакомить с ним общество и с этой целью собирал у тестя избранный кружок слушателей. Чтец он был превосходный: редкий автор, читая свое произведение, мог выразить все тонкости, подчеркнуть с таким искусством счастливые места и мысли, как делал это граф Соллогуб. Таким образом читал он, между прочим, комедию Островского „Банкрот“ („Свои люди — сочтемся“) до появления ее в печати» [7]. Кроме Соллогуба, в доме Мих. Ю. Виельгорского жил А. В. Веневитинов (брат поэта), женатый с 1843 г. на его дочери; с ним Тургенев и позднее поддерживал дружеские отношения (см. его письмо к А. В. Веневитинову от 20 июля/1 августа 1856 г.). Васильчиков виделся с Тургеневым также в доме своих дальних родственников, князей Васильчиковых; с одним из них, Александром Илларионовичем, земским деятелем и публицистом, Тургенев встречался

в 1856 г. в Париже (см. его письмо к С. Т. Аксакову от 27 декабря 1856/8 января 1857 г.).

Сами по себе эти петербургские знакомства Тургенева — факт, известный в науке, но определенных сведений о том, что по возвращении из спасской ссылки он был постоянным посетителем домов Васильчиковых, Веневитиновых и Виельгорских, нет ни в «Летописи» М. К. Клемана, ни в письмах Тургенева этой поры, очень немногочисленных, впрочем.

Дневниковые записи Васильчикова освещают период в жизни Тургенева, начиная с возвращения его из ссылки в Петербург 9 декабря 1853 г. и кончая июнем 1854 г. (в начале августа 1854 г. Васильчиков уезжает в Москву). Из первой дневниковой записи о Тургеневе видно, что он посетил дом Виельгорских сразу же по приезде в Петербург, 9 декабря 1853 г.[8] Трудно сказать с определенностью, был ли до этого знаком Васильчиков с Тургеневым или увидел его впервые. Возможно, что они встречались и раньше, так как с сестрой Васильчикова, Екатериной Алексеевной, женой В. А. Черкасского, Тургенев был знаком еще в 1845 г. (см. его письмо к Е. А. Карлгоф от 24 ноября/6 декабря 1845 г.).

Содержание первой беседы Тургенева у Виельгорских естественно определяется обстоятельствами его жизни и творческими интересами в 1852—1853 гг. Тургенев говорит прежде всего о причинах своей ссылки — ему важно оправдаться совершенной «невинностью» если не своих поступков, то образа мыслей; пересказ Васильчикова в основных фактах совпадает со страницами «Литературных и житейских воспоминаний», касающимися статьи Тургенева о Гоголе. Естественно, что объяснение обстоятельств ссылки лишено даже намека на «Записки охотника», отсутствующего, впрочем, и в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869); указание на появление в печати отдельного издания «Записок охотника» как на действительную причину ссылки появилось только в тургеневской автобиографии 1875 г.

В этот же вечер 9 декабря у Виельгорских беседа касается двух тем, характерных для автора «Записок охотника». Тургенев делится с собравшимися своими наблюдениями над русским крестьянином, пополнившимися во время жизни писателя в Спасском-Лутовинове; запись раскрывает редкую, даже для Тургенева, степень остроты восприятия природы.

Все последующие дневниковые записи от декабря 1853 г. и первого полугодия 1854 г. говорят о частых встречах Васильчикова с Тургеневым. В дневнике приводятся критические замечания Тургенева о литературных явлениях, из которых заслуживает особого внимания его отзыв о Гоголе. Встречаются беглые автооценки Тургенева, упоминания о чтении им своих произведений. Дневник Васильчикова помогает также полнее очертить круг знакомств Тургенева в 50-е годы и уточнить ряд моментов его биографии. Но главный интерес для исследователя тургеневского творчества представляют сделанные Васильчиковым записи рассказов Тургенева о Французской революции, свидетелем которой он был в июньские дни 1848 г. в Париже. Этих записей три: от 3—5, 15—17 и 18—23 февраля 1854 г. При чтении их сразу же бросается в глаза то, что в совокупности они составляют канву мемуарного рассказа Тургенева «Наши послали!», опубликованного впервые в «Неделе», 1874, № 12, 24 марта и включенного Тургеневым в том же году в цикл «Литературные и житейские воспоминания» (Сочинения И. С. Тургенева (1844—1874). М., изд. бр. Салаевых, 1874, ч. 1, стр. 104—114). Рассказ был написан Тургеневым в четыре дня: автограф его, хранящийся в парижском архиве писателя, имеет авторскую помету: «Начат в Париже, *rue de Douai*, 48, в пятницу 20-го марта 1874 в двен⟨адцать⟩ час⟨ов⟩ дня. Кончен там же в понедельник 23-го марта 1874 в $^1/_4$ 6-го веч⟨ера⟩»[9]. Эта авторская дата, а также отсутствие каких-либо предварительных набросков говорит о том, что создание рассказа «Наши послали!» было отделено от описываемых в нем событий промежутком в 26 лет.

Рассказы Тургенева, записанные Васильчиковым, на двадцать лет предваряют создание мемуарного очерка. Естественно возникает вопрос: что́ Тургенев отобрал из своих воспоминаний для рассказа, не получили ли в позднейшем изложении те же факты иной интерпретации, не было ли попросту что-то забыто за два десятилетия?

О стремлении Тургенева с предельной точностью воскресить события июньских дней в Париже говорит его разговор с Н. А. Островской, приведенный в ее воспоминаниях:

«Мне хотелось бы, чтобы вы прочли маленькую брошюрку: „Они послали".

— Да мы читали.

— Читали?! Она интересна именно тем, что я рассказал в ней действительное происшествие,— происшествие удивительное.

— Да,— сказала я,— тут удивительно не то, что этот рабочий сказал, а то, что они вспомнили его послать.

— Конечно. И заметьте, что я нисколько не прикрасил и ничего не прибавил» [10].

Рассказ «Наши послали!» недаром снабжен подзаголовком «Эпизод из истории июньских дней 1848 г. в Париже». Тургенев действительно стремится воссоздать историческую картину, употребляя для этого сдержанную и документально точную манеру изложения.

«Февральские и июньские дни 1848 года застали его еще в Париже,— писал П. В. Анненков, сам очевидец революции 1848 года,— и при этом нельзя не сказать о замечательной его способности подмечать характерные общественные явления, мелькавшие у него перед глазами, и делать из них картины, выражающие дух и физиономию данного момента с поразительной верностью» (Анненков 1960, стр. 396). Можно удивляться памяти художника, в которой так надолго запечатлелись все конкретные детали событий, лица, фразы,— и все же в фактической канве рассказа есть существенные отличия от воспоминаний Тургенева, записанных Васильчиковым в феврале 1854 г. Краткая оценка событий 15 мая, данная в начале записи от 3 февраля 1854 г., совпадает с письмом Тургенева к П. Виардо, озаглавленным: «Точный отчет о том, что я видел в понедельник 15 мая (1848)». И там и здесь звучит мысль о роли случайности в исторических потрясениях, о непредвиденности их. Развернутая далее панорама Парижа в июньские дни аналогична той, что дана в рассказе «Наши послали!». Атмосфера назревавшего восстания, известие о его начале, полученное от прачки, картина парижских улиц, «веселость и беззаботность» толпы, несмотря на предгрозовой воздух,— всё это моменты совпадения, иногда текстуального, дневниковой записи и рассказа. Следующие затем в рассказе две картины — описание баррикады и появления колонны национальной гвардии — в дневниковой записи переданы очень кратко. Зато здесь зафиксированы эпизоды, совершенно отсутствующие в рассказе,— о поисках Тургеневым доктора для раненого и о хождениях его по улицам Парижа меж баррикадами, по другую сторону Сены. Вместо всего этого в рассказе «Наши послали!» стоит только одна фраза: «Мне не приходилось драться ни по ту, ни по сю сторону баррикад; я вернулся домой». Существенные отличия имеются и в описании последующих июньских дней. Мучительность безвыходного положения во время массовых расстрелов восставших, постоянные попытки Тургенева получить новые сведения о происходящем, его столкновение с караульным офицером и домашний арест — все это передано в дневниковой записи подробнее и динамичнее. Зрелище предместья св. Антония, мучения пленных в подземельях Тюильрийского дворца, рассказ военного хирурга о расправе с восставшими в улице Culture St. Jean — все эти драматические картины говорят о том, с какой силой запечатлелись в сознании Тургенева июньские дни.

Запись от 15 февраля 1854 г. передает, собственно, только сюжетную канву части рассказа «Наши послали!», связанной с Гервегом, и почти лишена тех деталей, из которых создается в рассказе мрачный и величавый образ старика-посланца; но она подтверждает лишний раз строгое следование жизненной правде в рассказе Тургенева.

Что касается последней дневниковой записи об июньских событиях, датированной 18—23 февраля, трудно определить, в какой из этих дней было сообщено Тургеневым зафиксированное здесь; запись носит характер итоговой, и рассказанное самим Тургеневым перемежается в ней с суждениями Васильчикова и других лиц. Так, предсказание секретаря французской миссии относительно шансов Кавеньяка во время выборов 10 декабря 1854 г., очевидно, припомнил кто-то из присутствовавших у Виельгорских, а отнюдь не сам Тургенев. Но несомненно, что уничтожающая характеристика Луи

Наполеона и средств, с помощью которых он шел к власти, принадлежит самому Тургеневу. Сценка, которой кончается запись, живо рисует, также со слов Тургенева, образ Герцена и его реакцию на события в Париже.

Из воспоминаний Е. М. Феоктистова было известно, какое значение имели рассказы Тургенева — очевидца событий революции 1848 года — для круга Грановского: «В 1850 году впервые я увидал И. С. Тургенева — у графини Салиас, к которой привез его В. П. Боткин. Он только что вернулся из-за границы, где был свидетелем Февральской революции и последовавших за нею событий. Можно себе представить, как были интересны его рассказы особенно для людей, примыкавших к кружку Грановского,— для людей, которые с горячим участием относились ко всему, что происходило тогда во Франции и отражалось в Европе»[11]. Дневниковые записи Васильчикова говорят о том, что и в начале 1854 г., после ссылки, Тургенев вновь и вновь возвращался в своих устных рассказах к впечатлениям об июньских днях 1848 г. в Париже. Васильчиковы, Барановы, Виельгорские и Веневитиновы были для него гораздо менее близкой средой, чем окружение Грановского, но потребность высказаться, при невозможности писать, заставляла его искать слушателей. Разумеется, у Тургенева не могло быть в то время *замысла рассказа* «Наши послали!», так как в 1854 г. нечего было и думать о том, чтобы написать и напечатать очерк о событиях революции 1848 года. Но художественная ткань повествования была уже сплетена. Не отрывочные воспоминания и беглые оценки, а картину июньских дней рисовал Тургенев своим слушателям в 1854 г.— он рассказывал так, как уже тогда мог бы написать.

Записи Васильчикова отличаются большой степенью достоверности. Это определяется прежде всего их характером — дневник ведется для себя, поэтому Васильчиков бесхитростно записывает все, что удержалось в памяти; кроме того, дневник заполняется по свежим следам, большей частью на следующий день после встречи с Тургеневым. Записям Васильчикова свойственна некоторая стилистическая шероховатость, но она лишний раз говорит о добросовестности автора дневника и его стремлении передать без собственных «красот стиля» живую разговорную речь Тургенева. Вместе с тем, необходимо помнить, что это запись устной речи Тургенева, сделанная другим лицом. Ничего не добавляя, Васильчиков мог что-то опустить, сократить пересказ из-за спешки (так, явно скомкана запись рассказа Тургенева в части, касающейся Гервега). Кроме того, Тургенев обращался к определенной аудитории, что диктовало рассказчику меру раскрытия самых глубоких вопросов, связанных для него с революцией 1848 года. Все это несколько суживает рамки сравнения дневниковой записи с рассказом «Наши послали!», которое, однако, напрашивается само собой.

Рассказ «Наши послали!» обнаруживает, при сравнении с дневниковой записью, отбор жизненного материала и вместе с тем насыщение ткани повествования художественными деталями, лепку отдельных образов, поразивших сознание писателя, таких, как блузники на батарее и «высокая, черноволосая женщина», «подпоясанная портупеей с заткнутым пистолетом». Мастерские средства найдены были впоследствии Тургеневым в рассказе для описания отряда национальной гвардии— «медленно волнуясь и вытягиваясь, как длинный черный червяк, показалась» «колонна гражданского войска»; с той же словесной емкостью и точностью передает Тургенев впечатление от внезапного залпа — «вдруг, над самой моей головой, что-то нестерпимо сильно затрещало и рявкнуло — точно мгновенно разорванный громадный холст». Диалог, почти отсутствующий в дневниковой записи, становится в рассказе одним из основных средств характеристики повстанца, пришедшего к Гервегу.

Основное же отличие заключается в том, что в рассказе, по сравнению с дневниковой записью, сглажены следы активного отношения автора к происходящим событиям. Тургенев, как он предстает перед нами в дневниковой записи, полон жадного стремления увидеть своими глазами все, что совершается в Париже; он бежит за доктором для раненого и спешит перебраться на ту сторону Сены, в кварталы Парижа, занятые восставшими,— «сопереживание» присуще ему в высшей мере. Вряд ли Тургенев, передавая в 1854 г. свои впечатления об июньских днях, намеренно сообщил устному изложению личный характер для придания ему большей достоверности. Скорее можно полагать, что двадцать лет спустя, при написании «Наши послали!» Тургенев сгладил

Наши послали!

... Канун[ом] четвертое [сентября] 1870 года, [вечер]ом, [в] [Ст]ал писать [в] [Ст]ал писать [в] [Ст]ал писать

авторское активное отношение к происходящему. Недаром он объединяет себя с «пятью, шестью такими же фланерами» — автор рассказа предстает перед нами гораздо более нейтральным наблюдателем, чем это было на самом деле.

Трудно сказать с уверенностью, что́ именно определило сдержанный тон тургеневского рассказа. К этому было, вероятно, много причин. Сыграла свою роль давняя опаска Тургенева быть принятым за участника тех событий, свидетелем которых он оказался. «Говорили, что он был сослан за то, что находился в Париже во время июньских дней 1848 года. Тогда были большие строгости»,— пишет Н. А. Тучкова-Огарева о слухах по поводу ссылки Тургенева в Спасское (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания М., 1959, стр. 283). Сковывала и невозможность открытого упоминания о Герцене, своих дружеских отношениях с ним и отдельных точках соприкосновения во взглядах, о чем Герцен писал московским друзьям 2 августа/21 июля 1848 г. из Парижа: «...Тургенев Иван Сергеевич 〈...〉 нравственно он чрезвычайно развился, и я им доволен с своей стороны» (Герцен АН, т. XXIII, стр. 82). Тон повествования в очерке «Наши послали!» определяется не только общей творческой манерой Тургенева, но и специфическими, совершенно не изученными принципами отбора жизненного материала для «Литературных и житейских воспоминаний». Как бы то ни было, дневниковые записи Васильчикова вскрывают более ранний пласт жизненных впечатлений Тургенева, чем это отложилось в его художественном творчестве, они помогают уяснить значение революции 1848 года для идейного развития писателя, и в этом заключается их ценность для нас.

Дневник П. А. Васильчикова, отрывки из которого публикуются ниже, представляет собою две объемистые переплетенные тетради. Он начинается записью от 27 ноября ст. ст. 1853 г. и регулярно заполняется в течение года; в дальнейшем записи следуют с перерывами и обрываются на 1865 годе. Помимо литературных и театральных впечатлений много места в дневнике Васильчикова занимают рассказы современников о декабристах, фактические сведения о подготовке крестьянской реформы, характеристика военных действий России и описание смерти Николая I. Кроме собственно дневниковых записей, в первой тетради имеется список знакомых Васильчикова, а вторая тетрадь частично носит характер альбома стихотворений, переписанных разными лицами, в обеих тетрадях есть также записи хозяйственных расходов. Почерк Васильчикова от года к году становится все более неразборчивым и в конце дневника уже не поддается прочтению — записи приобретают вид однообразных волнистых линий.

Помимо публикуемых нами ниже записей Васильчикова о разговорах и рассказах Тургенева, среди них имеются строки просто регистрирующие встречи с писателем. Приводим их здесь в хронологическом порядке как материал для «Летописи жизни и творчества Тургенева»:

31 декабря 1853 г. «Я вчера вечером сидел у Лонгиновых, которых отец недавно умер, там были между прочим Эммануил Нарышкин [12], Тургенев, Панаев».

26 января 1854 г. «Вчера у нас была небольшая вечеринка, два брата Лонгинова, Тургенев, кн. Мещерская (Оболенская) [13] и М. Рябинин» [14].

29, 30 января 1854 г. «Вчера у нас обедали Тургенев и М. Рябинин».

1, 2 февраля 1854 г. «Воскресенье (31) мы провели вечер дома: у нас были И. Тургенев, Ю. Толстой [15], Д. Лонгинов [16] и М. Рябинин».

6 февраля 〈1854 г.〉 «Вчера я обедал дома, вечером был у Виельгорских и оттуда с Тургеневым поехал к М. Лонгинову».

6 июня 1854 г. «Я остаюсь в Петергофе у Тургенева».

Выдержки из дневника публикуются по автографу (ЛБ, ф. 45, п. I, ед. хр. 2; п. II, ед. хр. 3).

10 декабря 1853 г. Вчера у Виельгорских я с большою радостью встретил И. С. Тургенева, только что воротившегося в Петербург. Он пострадал совершенно невинно. После смерти Гоголя энтузиазм, возбужденный им в Москве, почести, с которыми он был похоронен, должны были неприятно отозваться во многих тут. Между прочим, здешний попечитель, Мусин-Пушкин, отзывавшийся о Гоголе как о лакейском писателе, запретил о нем писать [17]. Тургенев хотел было тут напечатать весьма невинную статью о Гоголе, но ему запретили. Тургенев послал это письмо в Москву, к Боткину, даже не с намерением ее напечатать, хотя и тут бы не было ничего ни предосудительного, ни противузаконного. Назимов захотел, чтоб ее поместили в «Московских ведомостях». Мусин-Пушкин представил это государю, в самом дурном виде, и Тургенева посадили в 1-ю Адмиралтейскую часть; там он просидел более месяца, в тесной комнатке квартального; к нему даже никого не пускали; потом его послали на жительство в деревню, где он оставался почти два года. Напрасно просили о нем наследник, Назимов и многие другие знавшие и любившие его; государь отвечал на все ходатайства: пускай еще посидит [18].

Тургенев, конечно, один из самых милых людей, которых я когда-либо встречал; какая у него должна быть душа, как он сочувствует природе: я помню один вчерашний рассказ, который на меня произвел большое впечатление, может быть отчасти благодаря его фантастическому характеру. Он говорил о том, как он сочувствует природе, как, когда он созерцает ее, им часто овладевает восторг и как, если он предается этому восторгу, им овладевает потом какое-то сладостное чувство, душа ноет, что-то как будто сосет сердце. Он говорил, что он раз прошедшую осень совершенно предался этому чувству и что оно усилилось в нем до такой степени, что он вошел в какое-то странное состояние. Ему показалось, будто все его окружающее, деревья, растения — все силилось говорить ему и не могло, все, казалось, хотело сказать ему что-то и давало как-то ему почувствовать, что оно связано. Перед ним стояла небольшая красивая береза. «Мне показалось, не знаю почему,— продолжал он,— что она была женского рода; я сказал внутренно: я знаю, что ты женщина, говори; и в ту же минуту один сук березы медленно, как будто с грустью, опустился. Волосы стали у меня дыбом от испуга, и я бежал опрометью...»

Много было говорено тоже о русском крестьянине, и между прочим Тургенев замечал, до какой степени, несмотря на его необразованность, до какой степени его трудно разобрать, до какой степени он многосложен; до какой степени все систематическое мало может служить к пониманию или к пользе русского человека. Говорили и о том, как сильна в нем религиозная сторона; а от этого, разумеется, разговор перешел к раскольникам, к их характеру, к их большему количеству и распространению, которому иногда способствует и само государство: так в Ярославле попытка основать единоверческую церковь для уменьшения раскола повела только к большему его распространению...

15 декабря 1853 г. Виельгорский мне рассказывал, как он присутствовал у Волконского при первом чтении «Ревизора» [19]. Пушкин присутствовал. Все были в восхищении. Михаил Юрьевич Виельгорский и князь Вяземский (Петр) одни позволили себе некоторые замечания.

18 декабря 1853 г. Когда французы были в Москве, устроена была тайная комиссия для переноса и сохранения бумаг и драгоценностей и т. п.: боялись, чтобы французы не вошли в Петербург ⟨...⟩, боялись тоже и за памятник Петру Великому и думали о средствах его скрыть и перенести. В то время именно доложили один раз А. Н. Голицыну [20], что отставной капитан Булгаков желает его видеть. Входит старик на деревянной

ноге и на костылях и говорит, что он видел странный сон и что он просит передать его государю. Ему снилось, что он шел по Дворцовой площади. Когда он подошел к углу Миллионной, он услышал за собою странный шум, как мерные удары большого молота по камню. Он обернулся и увидел за собою памятник Петра Великого, идущий за ним; в испуге он снял картуз и посторонился, памятник поглядел на него пристально и проехал мимо. Булгаков, влекомый какой-то неведомой силой, пошел за ним. Петр Великий переехал через Троицкий мост и поехал к Каменному острову, где жил тогда император перед отъездом в армию. Петр Великий подъехал к крыльцу, в это время император выходит из дворца в полном мундире и, скрестя руки, подходит к Петру Великому, который сказал ему: «Молодой человек, отчего подверг ты Россию таким опасностям. За Петербург бояться нечего; он будет безопасен, пока я буду стоять на том месте, где я теперь нахожусь». Сказав это, Петр Великий повернул лошадь и поскакал назад. Император закричал: «Коляску, коляску!», и Булгаков проснулся. Замечательно то, что Булгаков не знал и не мог знать про тайную комиссию и особенно про намерение насчет памятника Петру Великому. А. Н. Голицын рассказал это государю, и памятник Петру Великому был оставлен в покое как по тяжести переноски, так и потому, что на этот сон смотрели как на предзнаменование, памятника не трогали. А. Н. Голицын рассказывал это Мих. Ю. Виельгорскому. Виельгорский рассказал это Пушкину, на которого этот рассказ сделал большое впечатление и который вследствие оного написал «Медного всадника».

25—26 декабря 1853 г. 24-го я был поутру у Тургенева: каждый раз, как я бываю у этого человека, я его больше люблю, он мне больше нравится.

27—29 декабря 1853 г. Как нарочно, я после театра встретил у Веневитиновых Тургенева [21]; мы разговаривали о поэзии, и Тургенев и я читали попеременно вслух стихи, именно, сколько я помню, «Восточные стихотворения» Пушкина [22] и его «Отрывок» [23]; последнее стихотворение уже давно мне нравилось; оно производило всегда на меня при чтении какое-то непонятно тягостное чувство. Тургенев говорит, что Пушкин выразил в этой поэме дар пророчества!

30 декабря 1853 г. Тургенев выразил, мне кажется, довольно верную мысль, именно ту, что Гоголь есть произведение в некотором отношении Петра I; потому что самые характеры, которые живут в его повестях, могут только быть произведением того насильственного перелома, который Петр I произвел в России, потому что, может быть, гоголевское направление в литературе есть бессознательно противодействие всему дурному, принесенному без сомнения благодетельною реформою Петра [24]. Баранов говорил мне на днях, что жгут «Мертвые души» (I часть), дай бог, чтобы это было неправда; это было бы самоубийство. Дубельт, говорят, до того яростен против памяти Гоголя, что не может даже равнодушно говорить о ней: странно, ведь, кажется, только в «Ревизоре» Гоголь выводит на сцену жандарма, и то роль его, кажется, довольно прилична ⟨...⟩.

Сегодня я с Милютиным говорил о записках императрицы Екатерины: на свете существует только 3 или 4 экземпляра: один у государя, другой у кн. Воронцова, третий в Москве, писанный рукою Пушкина [25] ⟨...⟩

Впрочем, цензорам трудно и не быть строгим: кн. Львов потерял место цензора (место нарочно сделанное теперь очень выгодным) за то, что пропустил «Записки охотника» Тургенева [26]. Строгость цензуры особенно

увеличилась после 48 г., она стала просто инквизициею. Прежде можно было много писать — пример тому статьи Белинского и Искандера (Герцена).

11 января 1854 г. Последняя повесть Тургенева «Два приятеля», печатанная в «Современнике», очень мила[27]. Он мне говорил, что он сомневается очень в ее достоинстве ⟨...⟩

3 февраля 1854 г. Тургенев у сестры[28] в прошедшее воскресенье рассказывал свои впечатления во время 15 мая и 24 июня в Париже. Во время самой Февральской революции он был в Брюсселе; то, что он рассказывал, было так интересно, что я постараюсь рассказать, как вспомню; жаль, что он сам не записал ничего. Он говорил, во-первых, что 15 мая никто не думал о возмущении: вторжение в палату было противно интересам и желаниям социалистов, по крайней мере предводителей: все сделалось как-то само собой, без предумышленности.

Уже недели за две до Июньского возмущения все ожидали его со дня на день, несмотря на это, все казались спокойны и веселы. Наконец, в первый день возмущения прачка, принеся белье, рассказала Тургеневу, что строят баррикаду на boulevard St. Denis. Тургенев тотчас пошел туда (он сам жил на boulevard des Italiens), на бульварах толпа, веселость и беззаботность непомерная, магазины и лавки все отперты. Только уже не видно было экипажей по приближении к месту, где была баррикада. Тургенев подошел к тому месту, где стояла уже готовая баррикада, на ней блузники с ружьями и знаменами с надписями (la République démocratique et sociale ou la mort, Vive la république démocratique et sociale *). Окна всех домов кругом открыты и наполнены лицами любопытных, женщин, кормилиц с детьми etc. Тургенев подошел к самой баррикаде в числе многих, и блузники разговаривали с ними. Подошел отряд национальной гвардии, начальник отряда стал переговариваться с инсургентами, и те, которые стояли между отрядом и баррикадой, должны были отойти в сторону. Между тем шум разговоров вокруг все продолжался; начальник воротился к своему отряду, и вдруг раздался неизвестно откуда выстрел. Воцарилась мертвая тишина, и все окна затворились. Вдруг из окон дома, стоящего наискосок, раздался залп, и несколько человек национальных гвардейцев повалились. Тургенев и стоящие с ним побежали в соседнюю улицу, чтобы скрыться от выстрелов, и там вошли в какую-то комнату, где было уже несколько человек и, между прочим, один раненый прохожий; просили доктора, и Тургенев взялся побежать за одним доктором, который жил неподалеку. Надобно было пройти через двор фабрики, который с одной стороны отделялся от глухого переулка решеткой, а с другой — от соседней улицы стеной. Тургенев прошел через двор, но, открывая калитку, чтобы перейти через улицу, он услышал выстрелы и увидел уже, что отряд солдат (la ligne) берут небольшую баррикаду. Через три или четыре минуты баррикада была взята, и Тургенев перешел через улицу, на которой валялось несколько мертвых тел, и вошел к доктору, у которого уже было несколько раненых, но неопасно. Когда он воротился, уже прежняя баррикада была взята и на ней стоял уже отряд de la ligne. Все это продолжалось не более 20 минут. Тургенев пообедал, хотя неохотно, у ресторана и пошел ходить по улицам. Толпа была ужасная и по-прежнему все было беззаботно и весело. Между тем распространился слух, что инсургенты заняли весь город по ту сторону Сены. Тургенев отправился туда. Уже вечерело. (За несколько дней перед тем ⟨?⟩ входили

* Республика, демократическая и социальная, или смерть, Да здравствует демократическая и социальная республика (франц.).

войска.) Les quais * были покрыты войсками, которые расположились под открытым небом. Офицер, командующий постом на Pont Neuf, пропустил Тургенева. На той стороне моста блузники помогли ему перейти через баррикаду, и он пустился ходить по улицам: везде баррикады, ночью воздвигнуты были 3000 баррикад, три баррикады в виде крепости, костры на площадях и на улицах, блузники с ружьями. Множество любопытных приходило смотреть на лагерь инсургентов; это было как будто временем перемирия. Тургенев вошел в погребок (marchand de vin) на Place Maubert и потребовал вина; так как он был один не в блузе, то на него стали смотреть искоса, один блузник подошел к нему с стаканом и сказал: Citoyen! Voulez-vous trinquer à la République démocratique et sociale?**, но другой перебил: Ne violentez point les opinions du citoyens; il n'a peut-être pas votre manière de voir ***. Блузники беспрестанно приходили с приказаниями, приказы отдавались шёпотом, писались записки карандашом и отсылались. Тургенев, видя, что на него смотрят косо, принимают за réac [29] или за лазутчика, вышел из погребка и так же беспрепятственно воротился домой. Тургенев плохо спал и на другой день чем свет был разбужен пальбой. День был превосходный, зной страшный, на улицах ни души ****.

4 февраля. Cavaignac запретил выходить на улицу, и каждому национальному гвардейцу приказано было стеречь дом, в котором он живет. Ставни, лавки везде закрыты. По пустынным улицам проходили только изредка отряды войска (национальной гвардии, garde mobile), пехоты с кавалерией, проезжали пушки, гремя по мостовой, фуры (ambulances) с ранеными, проскакивали адъютанты и ordonnances *****, покрытые пылью и кровью.

Тургенев говорил, что томительнее и ужаснее этого дня и двух следующих нельзя себе ничего вообразить. Издали беспрерывно раздавались раскаты ружейных залпов и пушечные выстрелы. Тургенев весь этот день ничего не ел, кроме куска хлеба и стакана вина, он беспрестанно только и делал, что ходил из комнаты на улицу, доходил до первого караульного и возвращался потом. Третий день был еще томительнее и ужаснее второго: все в доме были в ужасе, никто почти не спал ночи. Тургенев сошел поутру вниз, чтобы посмотреть на улицу. К нему подошел вдруг офицер национальной гвардии и спросил его трагическим тоном, почему он не исполняет долг гражданина и не находится в рядах национальной гвардии. Тургенев ответил, что он русский.— «Ah, vous êtes un agent russe, vous êtes venu ici pour exciter la discorde, la guerre civile, vous semez de l'or parmi les insurgés» ******. Тургенев сказал ему, что у него не было ни копейки.— «Pourquoi portez-vous ce costume (Тургенев, зная, что ему нельзя будет никуда пройти, был в кургузой куртке) — c'est pour pactiser avec les insurgés» *******. По приказанию его Тургенева тотчас окружили четыре национальных гвардейца, и офицер сказал: «A la mairie» ********. Mairie

* Набережные (франц.).

** Гражданин! Хотите чокнуться за демократическую и социальную республику? (франц.).

*** Не невольте гражданина; может быть, у него иной взгляд на вещи (франц.).

**** Запись 3 февраля прервана Васильчиковым на слове «зной», а окончание фразы дописано уже после даты «4 февраля». В этом и в других подобных случаях, встречающихся далее в тексте дневника, мы переносим окончание фразы в предыдущую запись.

***** ординарцы (франц.).

****** А, вы русский агент, вы явились сюда, чтобы возбуждать распри, гражданскую войну, вы раздаете деньги мятежникам (франц.).

******* Почему вы так одеты 〈...〉 — это для того, чтобы стакнуться с мятежниками (франц.).

******** В мэрию (франц.).

находилась неподалеку от того дома, где жил Тургенев, и каждые 5 или 10 минут оттуда слышались небольшие залпы: расстреливали пленных инсургентов. Тургенев: «Mais on fusille à la mairie?» * Офицер: «Propos d'insurgé» **. Его повели: к счастью, на пороге соседнего дома Тургенев встретил одну Mme Grille, которая знала его и которая была известна всему околотку: она заступилась за него, и Тургенев был только mis aux arrêts dans sa chambre ***.

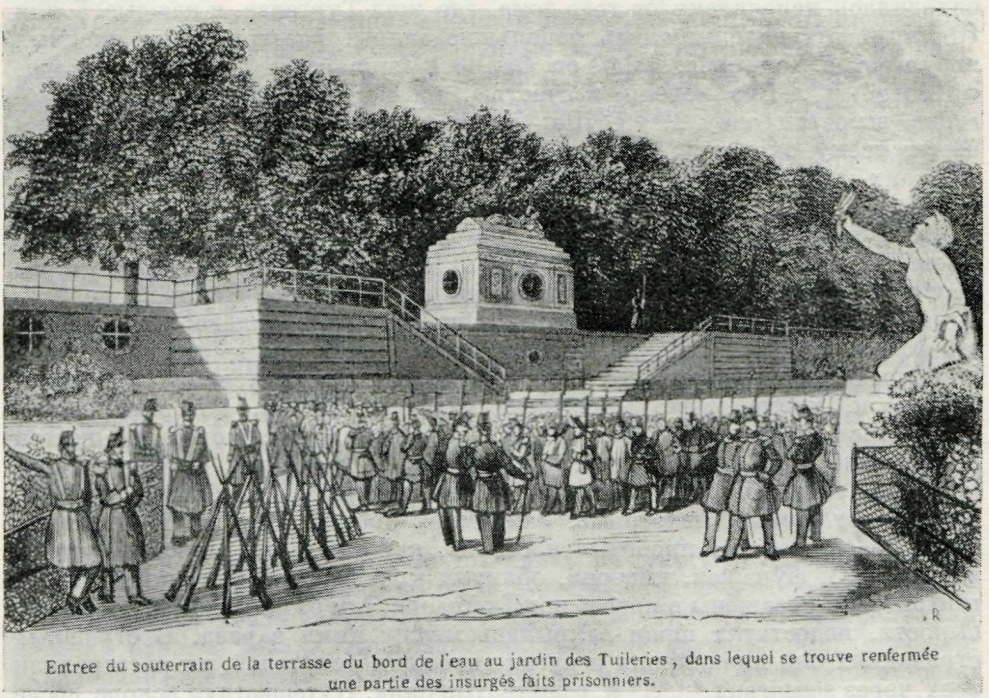
5 февраля. Арест продолжался недолго, впрочем. На другой же день он мог по-прежнему свободно выходить. Четвертый день был еще ужаснее первых, пальба, особенно пушечная, была мучительна. Наконец, по улице проскакал усатый ordonnance, крича направо и налево: «le faubourg est à nous!» ****. Что увеличивало ужас этого дня — это следующие друг после друга известия о смерти генерала Бреа, Negrées, архиепископа [30] и, кроме этого, множество нелепых слухов, которые распространялись со всех сторон. Только на пятый или скорее на шестой день можно было снова ходить по улицам, и зрелище, особенно в faubourg St. Antoine, было ужасное: улицы, разрытые и облитые кровью, дома разрушенные, некоторые, например, Magasin à la petite Jeannette (если не ошибаюсь), пробитые насквозь, как кружево. Повсюду трофеи из блуз <?>, фуражек, киверов, облитых кровью. Часть пленных инсургентов были посажены в погреб под Тюильери, там от ран, духоты, тесноты, сырости, недостатка пищи открылась между ними зараза. В страшных страданиях они проклинали и ругали своих победителей: их расстреляли всех через soupiraux ***** и решетчатые окна. Путешествуя вскоре после по Южной Франции, Тургенев ездил в дилижансе с военным хирургом, который казался грустен и мрачен, он сказал Тургеневу, что он не может еще оправиться от впечатления Июньских дней: полк, которому он принадлежал, брал баррикаду в улице Culture St. Jean. Солдаты схватили старика с ружьем и руками, черными от пороха, и не думая, чтоб он мог быть опасным, отпустили его; старик тотчас же вошел в соседний дом и из окна убил полковника. Солдаты, которые страстно любили своего начальника, поклялись перерезать всех живущих в этой улице. Более 38 женщин и детей были расстреляны тут: чтобы не попадать в своих, солдаты били прежде женщин прикладами по затылкам, а потом расстреливали их à bout portant ****** на полу. Тургенев уверял, что в эти дни было убито до 30 000 человек, это число, конечно, преувеличено, хотя, с другой стороны, едва ли можно верить счислениям французов [31].

15 февраля 1854 г. Третьего дня [32] Михаил Юрьевич Виельгорский попросил Тургенева рассказать ему свои воспоминания о Июньских днях. Он рассказал это с прибавлением некоторых подробностей.

16, 17 февраля. Он рассказывал, между прочим, что в одном доме с ним над его комнатою жил немецкий поэт Herwegh ******* (человек довольно известный, но который, как видно, не понравился Тургеневу) с женою (ур. Ziegmunt). Они ожидали 5-летнего сына, который должен был прибыть из Берлина с нянькой своей и должен был прибыть именно 22 или 25 июня, т. е. в самый разгар возмущения. Тургенев на третий день

---

* Но в мэрии расстреливают? (франц.).
** Выдумки мятежников (франц.).
*** подвергнут домашнему аресту (франц.).
**** предместье в наших руках! (франц.).
***** отдушины (франц.).
****** в упор (франц.).
******* *Здесь и далее в автографе*: Herwick.



ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 ГОДА В ПАРИЖЕ
В Тюильрийском саду. У входа в подвал галереи, куда были брошены пленные повстанцы
Гравюра неизвестного художника
«L'Illustration», 8 июля 1848 г.

перестрелки зашел к Herwegh и нашел его в большом волнении по этому случаю. Вдруг слуга приходит весь дрожащий и бледный и объявляет, что блузник требует г-на Herwegh. Входит мрачная, свирепая фигура старика в грязном, засаленном платье, с длинными всклокоченными седыми волосами. Он пришел объявить Гервегу, что сын его приехал, что он помещен в таком-то доме возле barrières * (la gare ** St. Denis была в руках инсургентов). Старик этот прошел через часть города, занятую войсками, подвергаясь на каждом шагу опасности быть расстрелянным, для того чтобы известить Гервега, которого он никогда не видал, которого он считал врагом своим — réac, aristo, чтобы известить его о приезде сына. Он объявил, что возвратится тотчас же на баррикады и на вопросы и увещеванья Тургенева и Гервега он объявил, что он ищет только смерти, что он желает умереть, что ему нечем кормить себя и семейство. Он отказался от денег, и его насилу уговорили остаться до вечера и принять пищу. Девять генералов было убито в продолжение этих 〈?〉 дней. Жестокость с инсургентами надобно приписать тому страху, который они внушали всем буржуа и жителям Парижа. Они не были достойны этой жестокости: их били и резали и ссылали как разбойников без суда, а между тем они занимали половину города и не разграбили ни одного дома, а между тем они занимали Quartier Latin, в их руках были все Collèges, дети тех aristo, которые с ними обошлись так жестоко, и они не только не тронули их, но даже окружили их охранною стражею.

* заставы (франц.).
** вокзал (франц.).

18, 19, 20, 21, 22, 23 февраля. Поутру [33] ездил слушать чтение у Виельгорских. Тургенев читал «Постоялый двор», повесть уже известную мне, но которую я тем не менее прослушал еще в другой раз с большим удовольствием 〈...〉

Теперь вот мои memoranda *, во-первых, окончу рассказы Тургенева.

Инсургенты Июньских дней дрались за исполнение несбыточной мечты; многие без надежды на успех, а с намерением только умереть, потому что им нечем было жить, потому что они видели, что те, которые до 24 февраля сулили им права и богатство, не исполняли обещания. Они жаловались на то, что их обманывали, и их в самом деле жестоко обманули. Herwegh нашел потом сына своего в определенном месте у одной женщины, все родственники которой, за исключением ребенка, были убиты. Тургенев был в Париже во время избрания Людовика Наполеона. Тургеневу любопытно 〈было〉 следить за тем, как влияние этого человека мало-помалу возрастало. Тургенев говорил, как он в первый 〈раз〉 увидел первые попытки Людовика Наполеона приобрести народность: какой-то французский Dulcamara[34] продавал на boulevard различную дрянь и между прочим раздавал всем окружающим даром брошюрки о Людовике Наполеоне

* записки для памяти (лат.).

ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1848 ГОДА В ПАРИЖЕ
Обыск «подозрительных» граждан на парижских улицах
Гравюра Э. Форе
«L'Illustration», 8 июля 1848 г.

(это было в начале июня 48 г.), потом разные подпущенные группы собирались вокруг Вандомской колонны и толковали о Людовике Наполеоне. Потом собирались на улице небольшие толпы, кричали Vive Napoléon, vive l'Empereur *, раздавался неизвестно откуда пистолетный выстрел, приходила национальная гвардия, и все рассеивалось. Чтобы иметь средства для всего этого, Людовик Наполеон сначала занял у Парижа 12 миллионов (английское правительство гарантировало заем), потом у Фульда [35] 4 миллиона. Никто не думал, что он будет избран президентом. Накануне получения известия об его избрании секретарь при французской миссии Ferrière (Le Flot был тогда французским посланником) объявлял всем у Виельгорских, que l'élection du général Cavaignac est assurée **. Избранный президентом, и даже до избрания, Людовик Наполеон окружил себя толпою пьяных оборвышей à figures patibulaires ***, вооруженных палками, которые постоянно его окружали. Когда Людовик Наполеон, только что избранный, делал смотр национальной гвардии, вся эта когорта, пьяная, шатаясь на ногах, толкая всех, испуская запах дешевого вина, бежала за ним, крича: «Vive l'Empereur». Национальная гвардия стояла безмолвною. Champgarnier [36] сказал в этот день: Il m'est aussi facile de faire un empereur que de m'acheter un sac de pralines ****. Вся эта пьяная когорта (les Elyséens, les Décembristes) окружала постоянно Elysée Bourbon, крича Vive l'Empereur и оскорбляя прохожих. Тургенев рассказывал, что, проходя раз с Герценом, один из Élyséens сказал другому: C'est parce que ces gredins là sont des républicains, qu'ils ne crieront pas «Vive l'Empereur» *****. И потом грубым голосом потребовал у них, чтобы они кричали «Vive l'Empereur!» Герцен отвечал, что он русский, но что если ⟨бы⟩ он даже был француз, он не стал бы кричать для такого пошляка и подлеца, как Людовик Наполеон. Они едва успели убежать от пьяной ватаги, которая бросилась было на них.

27 февраля 1854 г. Вот как ценят и уважают тут русскую литературу. Накануне отъезда сестры (Черкасской) мы обедали все вместе у Кушелева [37]. У него в кабинете висит портрет, писанный Dowe[38], портрет, замечательный странным выражением глаз. Сестра Баранова заметила, что эта картина напоминает «Портрет» Гоголя.— «Как, вы читали Гоголя?» — сказал Кушелев с удивлением; и на утвердительный ответ он прибавил, что он этому удивляется, что он не понимает, как можно читать Гоголя, что он писал сальности для лакеев, что он сам хвастает тем, что он не читал Гоголя. Это еще ничего. Кушелев глуп, как сивый мерин; но когда гр. А. Толстой ходил к гр. Орлову хлопотать о Тургеневе, который пострадал за статью о Гоголе, гр. Орлов сначала спросил: какой Гоголь? а потом прибавил: «Sâchez qu'aucun homme comme il faut ne lit Gogol» ******.

12 мая 1854 г. Какой-то, вероятно, из наших эмигрантов (Герцен?) в одной французской «Revue» написал, что из наших писателей тот, кто с большею очевидностью и ясностью выставил ошибки правительства, это Ив. Тургенев [39]. Бедный Тургенев и без того уже раз невинно пострадал, вот и другая беда к нему привалила.

---

* Да здравствует Наполеон, да здравствует император (франц.).
** что избрание генерала Кавеньяка обеспечено (франц.).
*** разбойничьего вида (франц.).
**** Мне так же легко сделать императора, как купить фунт конфет (франц.).
***** Эти негодяи не будут кричать «Да здравствует император», потому что они республиканцы (франц.).
****** «Знайте, что ни один порядочный человек не читает Гоголя» (франц.).

18 июня 1854 г. Ездил с Тургеневым, с Некрасовым, с Панаевым и его женой на Красную Горку смотреть вражьи суда, которые стояли против этого места, мы провели там целый день [40].

20 января 1855 г. Тургенев говорил мне когда-то, что он одно время вздумал описывать сны свои поутру.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. заметку «Князья и дворяне Васильчиковы».— «Всемирная иллюстрация», 1878, № 471, 14 января, раздел «Генеалогия и геральдика», стр. 50.

[2] «Московские ведомости», 1855, № 115, 20 сентября.

[3] Имя П. А. Васильчикова не значится в адрес-календарях на 1853—1855 гг., но в письмах к матери он упоминает о своей службе в губернском правлении, а из дневника видно, что Васильчиков исполняет различные поручения вице-губернатора (п. VI, ед. хр. 34, л. I об. и п. I, ед. хр. 2, л. 131 об).

[4] ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 552.

[5] Герцен АН, т. II, стр. 218.

[6] В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., «Academia», 1931, стр. 404 и 413.

[7] Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1961, стр. 114.

[8] Здесь и далее даты дневниковых записей приводятся по старому стилю.

[9] Mazon, p. 81.

[10] «Тургеневский сборник». ⟨Пг., 1915⟩, стр. 132—133.— Островская относит этот разговор с Тургеневым к 1876 году. Судя по упоминанию о только что написанном стихотворении «Крокет в Виндзоре», которое датировано 20 июля/1 августа 1876 г., встреча произошла в этот же или на следующий день; Тургенев и Островские вместе ехали до Берлина, а 25 июля/6 августа Тургенев уже был в Буживале («Летопись», стр. 249).

[11] Е. М. Феоктистов. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929, стр. 1.

[12] Очевидно, речь идет об Эммануиле Дмитриевиче *Нарышкине* (1813—1902).

[13] Вероятно, Софья Васильевна *Оболенская*, жена Б. В. Мещерского.

[14] Михаил Андреевич *Рябинин* (1814—1867); в литературе о Тургеневе имя его неизвестно; упоминается в переписке Ф. И. и Э. Ф. Тютчевых как знакомый Карамзиных и Виельгорских (Ф. И. Тютчев. Стихотворения. Письма. М., 1957, стр. 401 и 402).

[15] Юрий Васильевич *Толстой* (1824—1878) — впоследствии историк и политический деятель, который занимал в эти годы должность правителя Особенной канцелярии министра внутренних дел.

[16] Дмитрий Николаевич *Лонгинов* (1820—1878) — брат М. Н. Лонгинова, сделавший бюрократическую карьеру; в 1853—1854 гг. состоял чиновником особых поручений VI класса при Особой канцелярии Министерства иностранных дел.

[17] Суждение о Гоголе как о «лакейском писателе», высказанное М. Н. Мусиным-Пушкиным, попечителем Петербургского учебного округа и председателем Петербургского цензурного комитета (1845—1856), Тургенев передает в письме к В. П. Боткину от 3/15 марта 1852 г.; ср. запись в дневнике А. В. Никитенко от 20 апреля/2 мая 1852 г. (А. В. Никитенко. Дневник, т. I. Л., Гослитиздат, 1955, стр. 351).

[18] История публикации «Письма из Петербурга» Тургенева, последующего ареста и ссылки писателя прослеживается по его письмам 1852—1853 гг. (см. также Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959: стр. 246—296; там же — литература вопроса).

Вмешательство в. к. Александра Николаевича было вызвано неоднократным обращением к нему Тургенева (Тург АН. Письма, т. II, стр. 381—384 и 635—637). За Тургенева активно хлопотал В. И. Назимов (1802—1874), попечитель Московского учебного округа и председатель Московского цензурного комитета в 1849—1855 гг. (см. «Тургеневский сборник», II. М.— Л., 1966, стр. 226—248).

[19] Описка Васильчикова или ошибка памяти Виельгорского: из писем и воспоминаний современников известно, что первое чтение «Ревизора» произошло у Жуковского 18 января 1836 г. (см. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 19 января 1836 г.— «Остафьевский архив князей Вяземских», т. III, ч. 1, СПб., 1899, стр. 284—285, а также: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., 1950, стр. 65).

[20] Александр Николаевич *Голицын* (1773—1844) — сенатор, член Государственного совета, министр духовных дел и народного просвещения, был доверенным лицом Александра I.

Подобный, но более короткий и менее выразительный рассказ опубликован М. И. Семевским, неизвестно с чьих слов, в «Русской старине», 1874, № 8, стр. 786 (в разделе «Листы из записной книжки „Русской старины“»).

[21] Эта встреча произошла 27 декабря, так как выше Васильчиков упоминает о том, что в этот день видел Рашель в «Андромахе».

[22] Имеются в виду «Подражания Корану», от которых Тургенев приходил в восторг, перечитывая их осенью 1853 г. (Тург АН. Письма, т. II, стр. 180 и 206—207).

[23] Под таким названием в посмертном издании сочинений Пушкина было опубликовано Жуковским стихотворение «Странник» (т. IX. СПб., 1841, стр. 183—186).

[24] Ср. в письме Тургенева к П. Виардо 21 февраля/4 марта 1852 г. слова о Гоголе: «Он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого».

[25] Менее чем через пять лет «Записки» Екатерины II были напечатаны в лондонской типографии Герцена по копии, доставленной ему П. И. Бартеневым,—она была снята с экземпляра, хранившегося в императорском архиве (см.: Герцен АН, т. XIII, стр. 378 и 591 — 592, а также Л. Б. Светлов. Из разысканий о деятельности А. И. Герцена. 1. А. И. Герцен и П. И. Бартенев.— «Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. VIII, 1951, вып. 6, стр. 542—544).

[26] См. об этом в указанной выше статье Ю. Г. Оксмана.

[27] Повесть «Два приятеля» была опубликована в январской книжке «Современника» 1854 г.

[28] Очевидно, речь идет о сестре Васильчикова — Анне Алексеевне, жене П. Т. Баранова, жившей постоянно в Петербурге. Следует заметить, однако, что и вторая сестра Васильчикова, Екатерина Алексеевна, жена В. А. Черкасского, за несколько дней до этого приехала с мужем из Москвы.

[29] Ср. письмо Тургенева к Герцену от 5/17 мая 1867 г.: «... ведь и тебя партия молодых рефюжиэ пожаловала в отсталые и в реаки».

[30] Генералы Ж. Б. Ф. Бреа и Ф. М. Негрие командовали дивизиями, брошенными на подавление восстания в предместьях Сен-Марсель и Сент-Антуан; оба убиты 25 июня 1848 г. В тот же день был смертельно ранен в неожиданной перестрелке парижский архиепископ Аффр, обратившийся на площади Бастилии к сражавшимся на баррикадах с увещанием сложить оружие.

[31] По отчету парижского префекта полиции общее число погибших не превышало полутора тысяч, в то время как по данным английской печати оно доходило до 50 000 (см. Даниэль Стерн. История революции 1848 года, т. II. СПб., 1907, стр. 365).

[32] Очевидно, 13 февраля: запись помечена числами 13, 14, 15 февраля, то есть Васильчиков 15-го записывает впечатления трех дней. Перед словами «Третьего дня» зачеркнуто ошибочное: «Вчера».

[33] Вероятно, 18 февраля.

[34] Дулькамара — персонаж из оперы Г. Доницетти «Любовный напиток», ярмарочный шарлатан.

[35] Банкир Ахилл *Фульд*, один из активных сторонников Луи Наполеона, занял после его избрания место министра финансов; он оказывал крупные услуги президенту, неоднократно добиваясь у Национального собрания увеличения кредита на его представительство.

[36] Генерал Н. А. Т. *Шангарнье* был назначен 1 июля 1848 г. командующим национальной гвардией и в последующие годы подавлял все попытки восстаний, способствуя, таким образом, укреплению президента.

[37] Александр Григорьевич *Кушелев* (по материнской линии Безбородко; 1800—1855) — камергер, сенатор, с 1850 г. государственный контролер. Оценка им Гоголя как «лакейского» писателя, отражая общую позицию русских правящих верхов, носила тем более демонстративный характер, что Кушелев был попечителем Нежинского лицея и почетным членом Академии наук.

[38] Джордж *Дау* (Dowe, 1781—1829) — английский художник, работавший в жанрах исторической и портретной живописи. В 1819—1828 гг. жил в Петербурге, где создал множество портретов.

[39] Несомненно имеется в виду известный отзыв о «Записках охотника» в книге Герцена «О развитии революционных идей в России» (Герцен АН, т. VII, стр. 228). Васильчиков допускает неточность: работа Герцена появилась по-французски не в журнале, а отдельными изданиями — в 1851 и 1853 гг.

[40] Английская эскадра вошла в Финский залив в марте 1854 г., однако не предпринимала никаких крупных операций. В июле к ней присоединилась французская эскадра. В октябре обе эскадры покинули Балтийское море.

М. К. Клеман в «Летописи» (стр. 73) датировал эту поездку на Красную горку лишь приблизительно, началом июля 1854 г., основываясь на письме И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 10 июля 1854 г.: «Некрасов расскажет тебе о нашей поездке на *Красную горку*〈...〉 Мы ездили — я, Тургенев, Некрасов, моя жена и Васильчиков» (последний был ошибочно принят публикатором письма Панаева за публициста Александра Илларионовича Васильчикова.—«Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пг., 1922, стр. 214—215).

ТУРГЕНЕВ
И СЕМЬЯ ДЕКАБРИСТА Н. И. ТУРГЕНЕВА

ИЗ ДНЕВНИКОВ Ф. Н. ТУРГЕНЕВОЙ, 1857—1883 *

Публикация М. П. Султан-Шах

Трудно переоценить значение неисчерпаемого богатства архива братьев Тургеневых [1]. В составе этого огромного архива, как известно, хранятся бумаги трех поколений: труды, переписка, дневники, деловые бумаги. Исследователи обращались и обращаются к бумагам братьев Тургеневых — Андрея Ивановича, Александра Ивановича, Николая Ивановича, Сергея Ивановича [2].

Архивные материалы членов семьи Николая Ивановича — «последних Тургеневых», за исключением переписки с И. С. Тургеневым, сравнительно мало известны. С ними, главным образом с Петром Николаевичем Тургеневым, знакомят нас А. А. Фомин [3], В. М. Истрин и Е. И. Тарасов [4].

Бумаги Тургеневых можно рассматривать как отдельные архивы. В архиве жены Н. И. Тургенева, Клары Тургеневой, рожденной Виарис (1814—1891), хранятся 175 писем разных лиц к ней за 1834—1884 гг., в том числе 37 писем И. С. Тургенева [5] и одно письмо П. А. Вяземского [6].

В архиве Альбера Николаевича Тургенева (1843—1892), художника, гравера, коллекционера и юриста, хранятся: 28 писем и телеграмма И. С. Тургенева [7] и альбом рисунков [8]

В архиве Петра Николаевича Тургенева (1853—1912), известного скульптора, почетного члена имп. Академии наук, передавшего в Академию наук весь архив «братьев Тургеневых», хранятся 116 писем к нему от разных лиц, в том числе два письма И. С. Тургенева [9] и письма по поводу передачи в Россию архива Тургеневых: Н. Ф. Дубровина (1898), Л. Н. Майкова (1898), А. А. Фомина (1902—1911), Д. И. Толстого (1904—1910), В. И. Семевского (1909), Е. И. Тарасова (1911) и А. А. Шахматова (1911—1912).

Наибольшую часть архива младшего поколения Тургеневых представляет собой архив старшей дочери Николая Ивановича— Фанни Александры Николаевны Тургеневой (1835—1890) — ее переписка, записные книжки и дневники. Е. И. Тарасов, получавший от Петра Николаевича Тургенева сведения для биографии его родных, пишет: «Фанни Николаевна была очень образованной девушкой, она вращалась в парижском ученом мире посреди членов Института и Академии наук и среди таких писателей, как Клод Бернар, Ренан, Леопольд Делиль» [10].

П. А. Вяземский в своем очерке об А. И. Тургеневе говорит: «Он переписывался и с просителями своими, и с братьями, и с друзьями, и с знакомыми, и часто с незнакомыми ⟨...⟩ при обширной, разнообразной переписке он еще вел про себя одного подробный дневник. В фолиантах переписки и журнала его будущий историк нашего времени ⟨...⟩ найдет без сомнения содержание и краски для политических, литературных и общественных картин прожитого периода» [11]. В какой-то мере эти слова могут быть отнесены к Ф. Н. Тургеневой, унаследовавшей от отца и дяди поразительную работоспособность.

---

* Перевод с французского М. П. Султан-Шах.

В архиве Тургеневых сохранилось около 30 писем самой Ф. Н. Тургеневой к разным лицам за 1857—1878 гг.— в черновиках, либо неотправленных [12]. Писем, полученных ею за 1845—1887 гг., сохранилось около 200, в том числе 17 писем И. С. Тургенева [13] и 17 писем Жюля Моля — известного французского ориенталиста [14].

Особое место в ее архиве занимают дневники. Свои дневники и переписку Ф. Н. Тургенева вела на французском языке, изредка на английском. Дневники ее разнородны.

В первую очередь это просто дневники, иногда называемые ею «Journal» (с 5 октября 1851 г. по 6 декабря 1879 г.); сюда заносились почти всегда чрезвычайно лаконичные записи обо всем, что занимало, привлекало внимание (не только самой Ф. Н. Тургеневой, но и других членов семьи), начиная с вопросов политики, крупных событий мирового значения (польское восстание 1863 года, турецкая война 1877—1878 гг.) и кончая семейной хроникой, характерами и настроениями отдельных лиц, родных и знакомых.

Предельная краткость записей затрудняет их понимание, а сухие перечисления фамилий иногда или вовсе лишают возможности их комментирования или позволяют комментировать лишь предположительно.

В некоторых случаях Ф. Н. Тургенева отступала от обычной своей манеры: она, например, очень подробно рассказывает об обеде 3 марта/19 февраля 1863 г., устроенном в день второй годовщины крестьянской реформы (см. ниже в текстах). Поездкам за границу, в частности поездке в Россию в 1857 г.[15], посвящаются специальные «тома». Подробно и трогательно повествует Ф. Н. Тургенева о последних часах жизни Ж. Моля [16], о похоронах Н. В. Ханыкова [17]. Несколько коротких строк отводится взволновавшему Париж в июне 1878 г. «освещению Яблочкова» [18].

Очень большое место в дневниках первого типа занимают перечисления имен участников разного рода собраний, обедов, раутов, балов и пр., большей частью в доме Тургеневых, иногда у знакомых, иногда в посольствах.

В одном из писем к Е. И. Тарасову [19] Петр Николаевич Тургенев сообщает имена друзей отца первых лет его жизни в Париже (1830-е годы): «...друзьями его были несколько итальянцев и испанцев, нашедших убежище в Париже, из них особенно генералы Пене и Уллоа» [20].

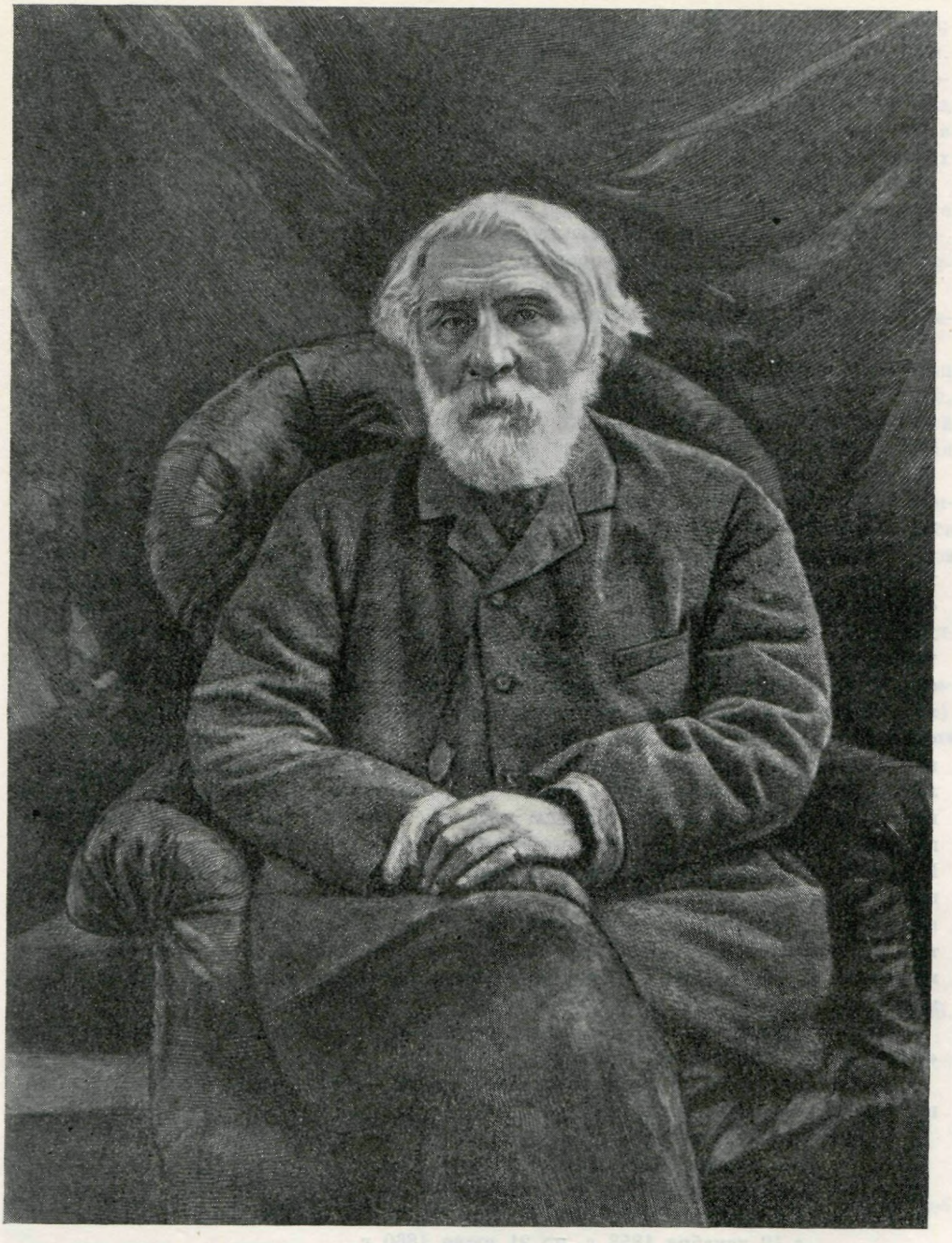
В. М. Тарасова в статье «О времени знакомства Тургенева с Н. И. Тургеневым» пишет: «Н. И. Сазонов, Н. М. Сатин, М. А. Бакунин, П. В. Анненков, Н. А. Мельгунов, В. П. Боткин, Н. В. Ханыков наряду с польскими, итальянскими и другими эмигрантами были постоянными посетителями его ⟨Н. И. Тургенева.— *М. С.*⟩ квартиры» [21].

И в последующие годы среди посетителей дома Тургеневых встречаем много имен русских, французов, немцев, англичан, поляков; эмигрантов, постоянных жителей Парижа, приезжих; представителей науки и искусства, политических и общественных деятелей, людей очень различных воззрений и положений в обществе. Сама Ф. Н. Тургенева в воспоминаниях 1872—1874 гг., к сожалению только начатых, именно так характеризует сборища в родительском доме: «nos réunions vraiment cosmopolites»*[22].

Почти ежедневно Ф. Н. Тургенева заносит в дневник названия книг, прочитанных, надо думать, не ею одной; чтение довольно разнообразное: французские и английские книги и газеты, изредка русские. Иногда предметом ее чтения является «Колокол» (например, 14 декабря 1867 г.). Почти ежедневно отводятся часы для занятий русским языком. Ф. Н. Тургенева трудится над каталогами, в частности над каталогом «Revue des Deux Mondes» [23]. Цель этих занятий не ясна; возможно для справок отцу. Интересны упоминания об устраиваемых концертах, о посещениях музеев, лекций, театров, о частых поездках в окрестности Парижа. Иногда на протяжении многих страниц дневника отсутствует указание года и месяца. Для установления точной даты в таких случаях приходится обращаться либо к ранним, либо к более поздним записям и последовательно подходить к нужному дню. Обращает на себя внимание такая особенность Ф. Н. Тургеневой: записывая фамилии гостей, она тут же делает подсчеты гостей за определенные часы (завтрак, обед), за день. Затем подводит итог за месяц, за год!

---

* наши действительно космополитические сборища (франц.).



ТУРГЕНЕВ

Гравюра В. В. Матэ, 1893. С фотографии 1883 г.
«Всемирная иллюстрация» 28 августа 1893 г., № 10

Иногда, перечисляя фамилии лиц, с коими тогда-то и там-то (вне своего дома) встретилась, по привычке также подводит итог!

Второй вид дневниковых записей Ф. Н. Тургеневой, иногда озаглавленных ею «Lettres» (15 декабря 1851—31 декабря 1881 г.), представляет собой краткую регистрацию ее переписки и переписки родителей и братьев (когда, кто, кому, от кого). До 1877 г. Ф. Н. Тургенева вела эти записи в тех же тетрадях, но большей частью навстречу дневниковым записям, от конца тетради. Только с декабря 1877 г. для регистрации писем стали отводиться специальные тетради [24]. Несмотря на краткость, эти записи чрезвычайно важны перечнем имен корреспондентов. Писем и телеграмм, полученных от И. С. Тургенева, зарегистрировано 115, отправленных ему — 118.

Сличение количества дошедших до нас писем Тургенева к семье Н. И. Тургенева с количеством «зарегистрированных» Ф. Н. Тургеневой писем — невозможно по той причине, что, с одной стороны, бóльшая часть писем Тургенева — без дат; с другой,— между дневниками Ф. Н. Тургеневой имеются разрывы (см. ниже).

Третий вид тетрадей, которые Ф. Н. Тургенева вела параллельно с дневниками и которые она иногда называла «Fragments», предназначались для записей услышанных ею высказываний, рассказов разных лиц, бесед, для выписок из книг и газет. Как видно из приведенных ниже текстов, темы бесед чрезвычайно разнообразны: и творчество Тургенева, и музыка, и персидские поэты, и политическая жизнь Франции, и жизнь русской деревни.

В архиве Ф. Н. Тургеневой имеются еще несколько особых тетрадей. Во-первых, тетрадь с наименованием «Livres prêtés» 1855 [25], в ней Ф. Н. Тургенева записывала фамилии знакомых и названия данных им для прочтения книг и фамилии знакомых, давших ей книги («Livres empruntés»). Записи здесь тянутся до 1865 г. Вторая «особая» тетрадь примерно такого же содержания, но с иным названием: «Livres en circulation», с 1879 г. до 1884 г.[26] Эти две тетради убедительно говорят о роли семьи Тургеневых, знакомивших французов не только с творчеством И. С. Тургенева, но также и с творчеством Пушкина, Гоголя, Лермонтова и других русских писателей. «Тургенев в огромной мере способствовал популяризации русской литературы среди западных читателей»,— пишет М. П. Алексеев [27]. Отнюдь не претендуя на такую же роль, Ф. Н. Тургенева, «русская во Франции» (как она сама себя называет), тем не менее содействует пробуждению интереса к русской литературе в широком кругу парижских знакомых. В третьей «особой» тетради (вернее, записной книжке) с очень разнообразными и беспорядочными записями, помимо нескольких записей, опять-таки о книгах, данных и взятых для прочтения, о врученных (видимо, визитных) карточках и нанесенных визитах, много записей 1877—1881 гг.— перечней книг И. С. Тургенева, полученных из магазинов, и перечней книг, ранее составлявших часть домашней библиотеки (для памяти, для проверки?) [28].

Следует упомянуть еще одну записную книжку, названную Ф. Н. Тургеневой: «Where is it» — с записями адресов [29].

Всего в архиве Ф. Н. Тургеневой 50 тетрадей — разного рода дневников и записных книжек. Имеются пропуски:

в дневниковых записях —

с 1 апреля 1852 г. по 10 августа 1853 г.
с 22 декабря 1854 г. по 6 мая 1857 г.
с 19 июля 1857 г. по 9 декабря 1857 г.
с 19 декабря 1858 г. по 21 июля 1860 г.
с 3 сентября 1860 г. по 10 ноября 1861 г.
с 30 мая 1862 г. по 4 января 1863 г.
с 26 ноября 1863 г. по 12 января 1864 г.
с 24 апреля 1870 г. по 31 июля 1871 г.;

в регистрации писем —

со 2 марта 1852 г. по 6 мая 1857 г.
с 17 декабря 1858 г. по 22 июля 1860 г.
с 12 сентября 1860 г. по 31 января 1863 г.
с 29 апреля 1870 г. по 31 июля 1871 г.

Ф. Н. Тургенева имела склонность не только к подсчетам и к подведению итогов; очевидно, пользуясь своими собственными записями, она составляла разные сводки. Так, в дневнике 1869—1870 гг. на особой странице она делает перечень приездов в Вербуа и отъездов в Париж с 1856 по 1869 г.! [30] В дневнике за март — декабрь 1875 г. она составляет список принятых и отосланных визитных карточек за 1875—1877 гг.[31], а в дневнике за декабрь 1875 — июнь 1876 г.— список принятых и отосланных визитных карточек 1 января 1876 г.[32]

Дневники Ф. Н. Тургеневой ценны главным образом тем, что в них отведено много строк И. С. Тургеневу — встречам, беседам, переписке с ним и о нем, начиная с 1857 г. до последнего дня его жизни (не говоря о богатом материале для биографий Н. В. Ханыкова, Ж. Моля, О. Барро и др. лиц).

Много материала для канвы жизни Тургенева дают краткие записи Ф. Н. Тургеневой о встречах и о переписке с ним.

«Фрагменты» бесед Тургенева с разными лицами, «фрагменты» бесед третьих лиц о Тургеневе дают (даже тогда, когда они сообщают факты уже известные), пожалуй, более того, что могут дать многие документы: они воскрешают и приближают живой образ Тургенева. См., например, описание обеда у Милютиных 3 марта/19 февраля 1863 г. или разговор о музыке 11 апреля 1872 г.

Ф. Н. Тургенева заносит в дневник беседы с писателем о будущем Франции (11 января, 12 октября 1873 г.и 17 февраля 1875 г.); о будущем Германии и о рабочем вопросе (23 июля 1875 г.), беседы, которые дают материал для лучшего понимания взглядов Тургенева.

Записи Ф. Н. Тургеневой печатаются в переводе с французского, выборочно, именно те, которые связаны с именем Тургенева.

С целью представления материала в хронологическом порядке в данной публикации объединены записи дневников всех трех видов («Journal», «Lettres», «Fragments»).

Не включены в общий хронологический ряд записи названных выше трех «особых» тетрадей, выделенных в приложения (I—III).

1857

18 сентября. Папа г-ну Тургеневу в Париж ⟨письмо⟩.

29 сентября. Мама г-ну И. Тургеневу в Париж ⟨письмо⟩.

30 сентября. Г-н Тургенев папе из Парижа [33] ⟨письмо⟩.

№ 4614, лл. 7, 6 об.

1858

24 мая. Иван Тургенев папе из Парижа ⟨письмо⟩.

24 мая. Папа Ивану Тургеневу в Париж ⟨письмо⟩.

№ 4614, лл. 21 об., 23 об.

⟨1860⟩

⟨*Без даты*⟩. Г-н Иван Тургенев. [M-elle Полина Тургенева. 210, ул. Риволи]

№ 4609, л. 57.

1861

18 ⟨ноября⟩. 2 Тургеневых [34], 1 Иннис [35], 1 Ханыков, 2 Моль, 1 А. Чепмен [36].

25 ноября. Мы едем к Ивану Тургеневу.

28 ноября. 3 Тургеневых [37], 1 Боткин, 1 Жанрон [38], 1 Ханыков.

№ 4967, л. 2—2 об.

1862

4 января. Вечером: 2 Ложель [39], 1 Чепмен, 1 Тюдор, 2 Тургеневых, 1 Иннис, 1 Ханыков, 1 Боткин, 1 Ташар [40].

11 января. 2 Тургеневых, 1 Иннис, 2 Жанрон, 1 Ханыков, 1 Боткин, 2 Моль, 1 г-жа Мартен.

1 февраля. Вечером: 1 И. Тургенев, 1 г-жа Моль, 1 Ложель, 1 Чепмен, 2 Ташар, 2 Вигонь [41], 1 Бертран [42], 1 Пюэрари [43], 1 Ланфрей [44], 1 Боткин, 1 Ханыков.

11 февраля. Вечером мама и Фанни у Ивана Тургенева.

12 февраля. 2 Вигонь, 1 Иннис, 2 Тургеневых, 4 нас — 9.

3 марта. Вечером: 1 m-elle Жюльен Орвиль, 2 Тургеневых, 1 Иннис, 2 Ташар, 2 Мерсье [45], 2 Моль, 2 Морисо [46].

9 марта. 2 Тургеневых, 1 Иннис, 1 Моль, 1 Кемпбелл [47], 1 Ханыков, 1 Дьяков; маленький стол: г-н Дьяков [48], 2 нас, 1 Пьер; папа в своей комнате.

№ 4967, лл. 4 об., 5, 6, 6 об., 7 об.

1863

17 января. Вечером: 1 Швабе [49], 1 Эллис [50], 1 Батби [51], 1 Клаве [52], 1 Верде, 1 Бертран, 1 де Фремио, 1 Ханыков, 1 И. Тургенев, 1 Милютин [53], 4 де Пейроне [54], 1 Вио-Бонато [55], 1 Фревен, 2 де Ломени [56], 2 Мерсье, 2 де Боншоз [57].

31 января. За обедом: 2 Милютиных [58], 1 Бартелеми-Сент-Илер [59], 1 Моль, 1 Верде, 1 Боткин, 1 Ханыков, 1 Иван Тургенев, маркиз Арконати [60], 5 нас — 14.

21 февраля. 4 де Пейроне, 1 Ханыков, 1 Милютин, 1 Иван Тургенев, 1 Верде, 1 Батби, 1 Боткин, 1 Линдау [61], 2 Моль, 1 Клаве, 2 Вигонь, 2 Мерсье, 18 (4 нас) — 22.

№ 4967, лл. 13 об., 14 об., 16

1 марта. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

№ 4603, л. 30 об.

2 марта. Папа, мама, Фанни у Ивана Тургенева.

3 марта. Папа, мама, Фанни, Альбер обедают у г-на и г-жи Милютиных с Иваном Тургеневым, гг. Ханыковым, Боткиным, Щербанем [62].

№ 4967, л. 16.

Н. И. ТУРГЕНЕВ
Фототипия К. Фишера. С фотографии 1860-х годов
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Я не забуду приятных переживаний этого вечера [63]. 3 марта годовщина, вторая годовщина объявления эмансипации. Г-н Милютин захотел собрать нескольких друзей и в особенности — видеть моего отца. Он нас всех пригласил, маму, Альбера и меня. У него мы застали Ивана Тургенева, гг. Боткина, Ханыкова и Щербаня. Великолепный русский обед ожидал нас — суп, блинчики, икра, жаркое, каша, огурцы, грибы; затем — французский обед, не менее великолепный — рыба, цыплята, трюфеля, паштет из почек и проч. Десять раз я боялась задохнуться. Богатство цветов было волшебное. В конце обеда, когда подали шампанское, г-н Милютин предложил тост за государя и за народ! За освободителя и за освобожденных! Сказав об эмансипации, он встал и долго говорил о папе. «Мы,— сказал он,— пришли в такое время, когда уже не одни разделяли это мнение: вопрос освобождения занимал многие умы и нас была сотня, тысяча; но когда Николай Иванович начал выступать против рабства, он был один, один!» (вот что я поняла из речи, произнесенной по-русски и краткое изложение которой г-н Милютин сделал по-французски для мамы). Он предложил здоровье папы. У всех у нас были слезы на глазах, и я не уверена, что Милютины не могли бы сказать того же о себе. Папа встал и долго говорил об эмансипации, о своем плане и о плане Комиссии, о последнем с большой похвалой. Мы выпили за здоровье г-на Милютина, и я не могла удержаться, чтобы не пожать ему руку и поблагодарить его от всего сердца за то, что он сказал о папе. Он прибавил: «Мы не должны забывать, что, помимо людей, проявивших больше или меньше доброй воли, больше или меньше способностей, высшее влияние, высшая воля руководили этим великим делом. Сам бог, кажется, все направлял. Никогда люди одни не смогли бы выполнить этого труда, нужно было преодолеть столько препятствий, столько осложнений, и так мало было последовательности и понимания». Иван Сергеевич вынул из кармана лист бумаги и стал его просматривать, посмеиваясь. «Я не могу прочесть моего

собственного почерка»,— затем он встал и громким голосом прочел четыре страницы спича, где он сочетал имена г-на Милютина и папы. Он прочел так быстро, что я не всё поняла, но г-н Милютин потребовал автограф для своего сына, г-жа Милютина взяла его и обещала нам сделать перевод. Я приложу его сюда [64]. После этой речи пили за здоровье папы и г-на Милютина. Я сказала Боткину: «Следовало бы выпить за здоровье Ивана Сергеича как автора „Муму“ и „Постоялого двора“». Уже минут десять как эта мысль волновала меня, я хотела бы ее высказать, но чувствовала, что не мне надлежит это сделать. Подсказать ее Боткину, казалось мне, будет превосходно; поэтому я была несколько разочарована, когда он ответил мне: «О нет, зачем же? Сейчас не время». Тем не менее, через несколько минут он встал и произнес несколько слов, прося не забыть тех, кто своими сочинениями способствовали распространению идеи освобождения и сочувствия крестьянам. «В первом ряду стоит автор „Записок охотника“, предлагаю выпить за его здоровье».

Все присоединились с жаром. Иван рассказал тогда о происхождении своей книги. Он сочинял стихи, «отвратительные, так как они были посредственны, а стихи не должны быть посредственными». Совершенно разочаровавшись в литературной деятельности, он собирался покинуть Россию, когда один из его друзей, издававший либеральный журнал («в котором теперь на меня нападают,— прибавил он,— но это неважно»), затрудняясь, чем бы наполнить его столбцы, попросил у него каких-либо очерков о русской деревенской жизни. «Я так хорошо знал эту жизнь, что мне было совершенно просто описать ее. В одну ночь я написал эпизод (кажется, 1-ю главу „Записок“) [65]. Я уехал из России и только в Берлине узнал об успехе моего очерка».

Г-н Милютин попросил потом не забывать отсутствующих друзей. «Кавелина»,— сказала мама. «Кавелина и многих других,— ответил г-н Милютин,— наших товарищей по Комиссии — в сущности у нас теперь 3000 товарищей, это мировые посредники (мировые судьи),— они, за малыми исключениями, превосходны».— «Да, несомненно»,— заметила г-жа Милютина.— «Итак, я предлагаю выпить за их здоровье. Один из первых назначенных мировых судей отбыл 14 лет каторжных работ в Сибири. Это был . . . . . 1824 года [66]», рассказал нам г-н Милютин. «Они назначаются помещиками».

После этих различных тостов поговорили еще немного, затем мы вышли из-за стола. Пришел Жорж Милютин [67] и обошел всех гостей. Его мать сорвала чудесную розу из великолепной середины и послала ее с ним маме. Вернувшись домой, я попросила эту розу у мамы и хочу сохранить ее как можно лучше. Боткин предложил мне руку, но Иван настойчиво попросил, и я перешла в гостиную с ним. Вскоре мужчины вернулись в столовую выпить кофе. Г-жа Милютина осталась и беседовала с нами любезно и просто. Г-н Ханыков присоединился к нам, а затем, в $10^1/_4$ час. пришли все мужчины. В 11 час. пили чай, в полночь мы были здесь; я обняла папу, который сказал мне, что мы должны быть довольны, что о нем так говорят. «Люди независимые, которым я ни в каком отношении не могу быть полезным, являются ко мне в Париж, чтобы так говорить со мной, это прекрасно. Как мне не быть этим тронутым?».

Париж — 3 марта 1863—5 [68].

Мне хотелось бы прибавить к этому еще кое-что запомнившееся мне. Мне хотелось бы прибавить все, что я услышала, передумала, перечувствовала в этот вечер; рассказы г-жи Милютиной о доброте, о такте, о твердости императора; о том, как он появлялся на вторниках великой княгини [69], где встречался со всеми либералами, которых не смел при-

нимать у себя. «К чему эти окольные пути?»— сказала мама.— «О, мадам, дворянство причинило много зла кое-кому из его предшественников, как ему не принимать по отношению к нему мер предосторожности?»

Мне хотелось бы также вспомнить мое восхищение, чувство благодарности к г-ну Милютину и к Ивану Сергеичу, но я хотела бы забыть, что помимо моей воли тень г-на Ш.... [70] неприятно вставала между мной и большой фигурой моего дорогого однофамильца. О! как было досадно не быть в состоянии избавиться от этого видения и как уменьшалось мое восхищение от сознания, что он мог смотреть на него без отвращения! О! Иван Сергеич, как можете вы думать о сближении с этим неприятным воплощением французской буржуазии, с этим представителем биржи, светских расчетов самых неинтересных, самых низменных. Вы, автор «Анчара»[71], «Переписки», «Дворянского гнезда»! Не для такой среды вы должны были бы воспитывать Полину. Если она удовлетворена, тем хуже для нее. Тем хуже также и для вас. Вы должны были указать ей, заставить ее мечтать о другом идеале. Даже в течение последних двух лет вы могли это сделать, мне кажется. Вы сумели оказать влияние на других женщин, почему же вы не пытались влиять на нее?..

Но я поддаюсь увлечению и пишу здесь то, что мне хотелось бы (что я возможно должна была бы) написать Ивану Тургеневу самому; а тетради моей до этого дела нет.

№ 4635, лл. 5—7.

14 марта. Вечером: 1 Линдау, 1 Клаве, 1 Батби, 2 де Фарж, 3 Бонмер [72], 1 Верде, 2 Тургеневых, 1 Боткин, 1 Бертран, 1 Герпен [73], 1 Дуглас [74], 2 де Пейроне.

№ 4967, л. 17 об.

⟨16 марта⟩. Я люблю Россию, русских солдат. В воскресенье, когда я вновь увидела Осипа [75], мысль, что он их ненавидит, умерила радость встречи с ним. Когда он сказал мне, что они развращены и ужасно жестоки, я на мгновенье почувствовала к нему неприязнь. А между тем, когда Иван Сергеич сказал мне почти то же самое, я едва ли не обрадовалась, так как мысль Осипа подтверждалась... О противоречие! Значит так будет всегда для меня — русской во Франции, а перед французскими ядрами в Кремле — француженки, находящей утешение при мысли об энергии, затраченной для перевозки их туда! — О, Иван Сергеич так порадовал меня в субботу! Уходя, я сказала ему: «Я надеялась, что, слушая вас, я уясню себе ⟨все⟩, но мне это не удалось, а не знать что́ думать по тому или иному вопросу, для меня — истинное страданье!» — «Так будет с вами часто случаться в русских вопросах».— «Но это невыносимо!» — «Тогда не думайте о них».— «Но я не могу».— «Что я могу сказать вам?»

№ 4603, л. 9.

21 марта. За обедом: 2 Тургеневых, 1 Иннис, 1 Виарис [76].

7 апреля. Вечером: 1 И. Тургенев. Мама и Фанни в Вербуа.

18 апреля. Вечером: 3 де Пейроне, 1 Ложель, 1 Батби, 1 Верде, 1 Мартен, 1 Фонтанес, 1 Ханыков, 2 Тургеневых, 1 Иннис, 1 Лисиньоль [77], 2 Вигонь, 5 — нас.

25 апреля. Вечером: 1 Дуглас, 2 де Боншоз, 1 Батби, 1 Линдау, 1 Ханыков, 1 Милютин, 2 Моль, 2 Шмидт [78], 2 Голланд [79], 2 Ларнак [80], 1 Тургенев, 1 Иннис, 1 Чёрч, 1 Клаве. 4 ⟨нас⟩, 1 Вигонь.

№ 4967, лл. 18, 19 об., 20 об., 21.

10 мая. Как мне было досадно сегодня. Я полагала, что день будет спокойным. Я радовалась, что буду читать «Отцы и дети», что запишу в дневник, а у меня не оказалось и десяти свободных минут.

⟨28 июня?⟩ И. Тургеневу, в Баден ⟨в перечне фамилий, озаглавленном: «Брошюры: Польша, Июнь. 1863. Господам⟩» [81].

№ 4603, лл. 18 об., 28.

29 ноября. Иван Тургенев. Папе из Парижа ⟨письмо⟩.

№ 4967, л. 35

1864

27 января. Мама Ивану Тургеневу в Петербург ⟨письмо⟩.

12 февраля. Иван Тургенев маме из Петербурга ⟨письмо⟩.

19 февраля. Мама Ивану Тургеневу в Петербург ⟨письмо⟩.

17 июня. Мама Ивану в ⟨к?⟩ Глатиньи ⟨письмо⟩.

28 ноября. Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

29 ноября. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

№ 4967, лл. 39, 39 об., 40, 47, 57 об.

31 декабря. Князь Горчаков говорил недавно: «Были три великих человека в Европе — император Наполеон III, маркиз Виелопольский и я. Император умален, маркиз Виелопольский уничтожен, один я сверкаю во всем блеске» [82].

Иван Тургенев

№ 4636, л. 4.

1865

1 января. «О нет, не говорите мне про охоту»,— сказал Альбер, вставая из-за стола.— Гг. Барро [83], Самарин [84], Иван Тургенев и д-р Клавель [85] — все восхищались этим занятием. Альбер откровенно выражал отвращение, внушаемое ему охотой, а Самарин ручался, что излечит его в короткий срок в деревне. Альбер прибавил: «Война — ее я понимаю, охоту — нет!» — Самарин опять сказал со своей улыбкой, утонченной и немного загадочной: «Я знаком с этим, это — филантропия».

На следующий день Иван опять говорил об охоте, я ему сказала: «Я сделала все возможное, чтобы понять любовь к охоте, мне это не удалось, а видеть, как вы ее любите — было одним из наиболее веских аргументов в ее пользу».

И. Тургенев: Это — страсть, она делает ⟨вас⟩ хищным. Вы чувствуете себя совершенно изменившимся.

Я: Но это скверное чувство, которое надо было бы обуздать.

И. Тургенев: Надо дать выход, как бы это сказать, дурным инстинктам, без этого они могли бы принять другое направление, более пагубное.

КЛАРА ТУРГЕНЕВА
Портрет маслом неизвестного художника, 1840-е годы
Воспроизводится по фототипии
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1 января 1865.

Иван Тургенев: В Орле произошел курьезный случай несколько лет тому назад. Один крестьянин жил очень плохо со своей женой; однажды в поле они ссорились сильнее обычного, спор был очень жаркий. Женщина исчезла. Спустя несколько дней по соседству находят труп, который едва можно распознать. Крестьянина сажают под арест, судят, он сознается, его приговаривают к кнуту и ⟨к ссылке⟩ в Сибирь. В момент исполнения приговора женщина возвращается в деревню. Снова допрашивают мужа, который продолжает настаивать на своем преступлении. «Тяжело быть так наказанным, но что же делать?» — повторял он с покорностью. Тогда судья открыл дверь и ввел женщину. Муж бросается и восклицает: «Несчастная, значит я никогда от тебя не избавлюсь!»

Мама: «Это напоминает Ксавье де Местра: „Зачем я не привел жену на праздник?“» [86]

№ 4636, лл. 4 об. — 5.

⟨*3 января*⟩. Тато, Полина, ее отец и г-жа Иннис.

№ 4605, л. 13.

7 февраля. Гости принятые: 1 Иван Тургенев, 1 Mrs Беджот, 1 Miss Баддикем.

11 февраля. За обедом 2 Мартен, 1 Моль, 1 Ханыков, 2 Тургеневых, 1 Иннис, 1 Клавель, 1 М. Ташар, 5 нас — 14.

18 февраля. Приготовления весь день ⟨...⟩ В⟨ечером⟩ смотреть на следующей странице [87] ⟨...⟩ Мужчины: Шерер [88], Моль, де Фарж, Бонмер, Баддикем [89], Морисо, де Боншоз, де Пейроне, Беджот [90], Фаллен, Кемпбелл, Ханыков, де Фремио, де Шаналь [91], Мейнье, Жанро [92], Ларнак,

Клечковский [93], Вио Бонато, Уиллис, Мартен-Пашу [94], Арле-Дюфур [95], Батби, Дюлу [96], Кош [97], де Ломени, Кошен [98], Мотт [99], Блок [100], Брюэр [101], Тургенев, Лоу, де Моллер [102], Ганьер [103], де Рушо, Дюпон-Уайт [104], Фавр [105], Клавель, С⟨ен⟩т-Илер [106], Барро, Кокрель [107], де Пресансе [108], Бонетти [109]. Дамы: Шерер, Моль [110], де Фарж, Бонмер, Баддикем [111], Морисо, Дуглас, де Пейроне, де Фабри, 2 Штоквел, Берн [112], Пауер, де Шаналь [113], Мейнье [114], Жанро, Ларнак, Иннис, де Беранже, Уиллис, Мартен-Пашу [115], Арле-Дюфур, Монгальви, де Ломени, Кошен, Мотт, 2 Лоу, Ганьер [116], дю Плесси, Фавр [117], Кокрель, де Пресансе [118].

25 февраля. ⟨...⟩ в церкви Пасси в 11 часов — венчанье Полины Тургеневой. Завтрак в Гранд-отеле. 37 человек гостей. 1 Мартен-Пашу, 3 де Пейроне, 2 Кош, 1 Дюлу, 3 де Бутейр, 1 Поме [119], 3 Жоанн [120], 4 нас, 4 Брюэр, 2 Тургеневых, 1 Иннис, маркиз де Надайак [121], 3 незнакомки, 2 незнакомых, 1 незнакомая. Гранд-отель. 1 Ханыков, 1 Мерижо, 1 Барласс [122], 1 Фельде. В 5 часов мы возвращаемся [123].

№ 4615, лл. 37, 39 об., 41, 41 об.

1866

30 мая. И. Тургенев маме. Клуа [124] ⟨письмо⟩.

№ 4615, л. 21 об.

1 июня. За завтраком: 1 Иван Тургенев.

№ 4616, л. 16.

1 июня 1866 — Иван Тургенев: Пять или шесть лет тому назад я разговаривал с моим бывшим другом Николаем М. о конституции; я говорил ему, что только парламентарное правление мне представляется разумным. Он мне сказал, что он ни за что не желал бы его, что для России годится только бюрократия, бюрократия разумная.— «Чтобы достичь чего-то иного»,— возразил я.— «Нет, нет, навсегда, навсегда!» И он так оживился, стал ходить по комнате и сказал мне, что я писатель, что он не может слушать такие вещи и, так как я продолжал, он встал передо мной, топая ногами, и сказал: «Замолчите!» — «Видно, что вы привыкли говорить с чиновниками, а не с людьми — отправляйтесь в свои канцелярии разговаривать так!» Так как он умный человек, он остановился и сказал мне, что я прав. «...Он сказал сам: то, что совершается в Польше, дело разрушения, Тамерлановo дело» [125].

...Когда Муравьев вошел в тюрьму Каракозова, он воскликнул: «Как, нет наручников!» и тотчас же ему их надели [126].

№ 4636, л. 43.

9 октября. Папа и Иван верхом.

25 октября. Мама ⟨...⟩ в Париж с Альбером. Они обедают у тетушки: 3 Вигонь, 2 Тургеневых, 2 Виарис.

№ 4616, л. 25.

1867

27 февраля. Г-н Иван Тургенев — папе из Бадена ⟨письмо⟩.
19 мая. Папа читает Ивана весь день.

№ 4616, лл. 72 об., 54 об.

ТУРГЕНЕВ — АВТОР РОМАНА «ДЫМ»
Карикатура А. М. Волкова
Гравюра из серии «1867 комический год»
«Искра», 23 апреля 1867 г., № 14

5 июня. П а п а: г. Блюм говорит, что Франция могла бы заполонить Германию!

Г-н Ж. М о л ь: Конечно, в Баденской провинции было 8000 человек.

П а п а: Это несколько меняет вопрос.

Г-н Ж. М о л ь: Нет, потому что Пруссия отвела свои войска.

И. Т у р г е н е в: Если бы положение оставалось таким, каким было два года назад, Германии нечего было бы опасаться со стороны Франции.

№ 4637, л. 27.

⟨Б. д. июнь⟩. П а п а: Немцам хочется отведать польского.

И. Т у р г е н е в: От этого происходят междоусобные войны.

№ 4637, л. 27.

17 ⟨июня⟩. Гости: 1 дю Плесси, 1 И. Тургенев, 1 Полина (с папой).

12 ⟨июля⟩. Перчатки для И. Тургенева.

9 ⟨декабря⟩. Вечером мы читаем «Дым».

№ 4616, лл. 58, 60 об., 86 об.

19 декабря. Г-н Т а ш а р: «Дым» отнюдь не является книгой для барышень, там имеются такие места...

Фанни Т у р г е н е в а: О, там имеются точки, и они ⟨стоят⟩ не на i.

№ 4638, л. 5 об.

1868

⟨21 февраля?⟩. Г-н А р а п е т о в [127]: Кто удивляет меня, так это г-н Виардо.

Г-н Д ю п о н - У а й т: Это его можно было бы назвать лишним человеком.

Г-н де Л⟨ о м е н и⟩: А, я понимаю, вы говорите о г-не Т. ⟨...⟩ Если бы г-н Виардо исчез ⟨...⟩

Г-н Х а н ы к о в: Если бы он исчез, то это поставило бы всех в затруднительное положение.

⟨22⟩ марта. Ш а н а л ь: За 30 лет я не читал ничего, что так очаровало бы меня, как «Дым».

№ 4638, лл. 20 об., 25.

⟨24 марта⟩. Гости: Иван Тургенев.

№ 4616, л. 99 об.

Иван Т у р г е н е в: ...Как-то на днях рассказывали императору об одном из этих господ. «Ах да,— сказал император,— это еще один баденский генерал» [128]. ...Существуют глупые люди, но, вообще говоря, у них достаточно ума для того, чтобы не показывать этого постоянно. Но г. Свербеев [129] ...говорит непрестанно: это — болтун худшего сорта, болтун медлительный; когда вы в его обществе, вам точно дождь льет в голову.

№ 4638, л. 24 об.

26 ⟨марта⟩. Альбер к Ивану. За обедом [130]: 1 И. Тургенев, И. Гагарин [131], 1 Ханыков, 1 Моль, 2 Амурские [132], 2 де Пейроне, 1 князь Голицын [133], 1 кн. Трубецкой [134], 5 нас — 15.

№ 4616, л. 99 об.

Иван Т у р г е н е в: Они ненавидят друг друга (Чичерин и Катков).

Кн. Г о л и ц ы н: Почему же?

Иван Т у р г е н е в: Ведь они были очень близки и до сих пор не могут себе простить, что были друзьями.

(Говоря о спектаклях в Бадене):

«...С г-жей Виардо были там ее ученицы... и пели; мы были очень сильны в хоровом пении».

(И. С. Гагарин смотрит на меня весьма многозначительно). «Но как-то в роли колдуна я лежал на земле; я поднял глаза и увидел кронпринцессу Прусскую [135], которая смотрела на меня и иронически, совсем нелестно, улыбалась,— мне это было довольно неприятно — случаются же такие мелкие огорчения».

Г-жа де П е й р о н е: ⟨...⟩ Вы — фат.

Иван Т у р г е н е в: Но она, знаете ли, держала лорнет на некотором расстоянии от глаз и рассматривала меня как насекомое. У нас был партер королей, как в Эрфурте [136].

Иван Г а г а р и н: Вы, однако, не очень демократичны, комната подобная этой, полная монархов,— что же оставалось для публики?

Иван Т у р г е н е в: О, начинали мы совсем демократично. Мы следуем за ходом времени.

Фанни Т у р г е н е в а: В обратном смысле, разве вы находите, что времена протекают так?

Иван Г а г а р и н (смеясь): Я совершенно не знаю, как протекают времена. Как они должны были бы протекать — другое дело!

ЛЕШИЙ

Карикатура М. С. Знаменского — из серии «Русско-славянский Олимп» (гравюра Ф. Фрейнда)

«Искра», 1 декабря 1868 г., № 46

«В Баден-Бадене, 23-го бывшего мая ⟨...⟩ Шла оперетка в двух действиях „Леший", и слова этой оперетки принадлежали самому г. Тургеневу. Затем роль „Лешего" исполнял тоже сам автор „Дыма"...» («Искра», 1868, № 23)

Иван Тургенев: Вот вы, могу сказать, два великих знатока персидского. Мне хотелось бы знать, точны ли переводы Рюккерта? [137]

Г-н Ж. Моль: Нет.

Г-н И. Тургенев: О! Вот, наконец, нечто определенное. А Даумер?

Г-н Ж. Моль: О! Даумер — это вовсе не перевод. Я не поленился поискать у Гафиза оды, которые он переводил, и так и не смог их найти. Это — человек, читавший с большим увлечением эти стихотворения и сам в свою очередь начавший писать [138].

И. Тургенев: Мне жаль, вы, можно сказать, лишаете меня иллюзии. Я был так очарован этими стихами!

Фанни Тургенева: Отнесите к самому Даумеру испытанное вами удовольствие.

Г-н Ж. Моль: Прочтите Розенцвейга [139], он очень точен.

Г-н И. Тургенев: А Фирдуси в переводе ⟨...⟩ * Это, признаюсь, скучно, трудно читать Фирдуси помногу без скуки.

(Г-н Моль делает гримасу.)

Фанни Тургенева: Подождите пока не появится перевод г-на Моль.

Мама: Фирдуси вам показался скучен?

Г-н Ж. Моль: Были моменты, когда мне было скучно. Но, вы понимаете, невозможно перевести 120 000 стихов без того, чтоб не было скучных моментов; но вообще это меня занимало. — Почитайте Николя [140] — его перевод очень плоский, но точный, примечания на редкость глупы. Очень уж он невежествен, этот человек, до противности. Сколько мог, я правил, но так как у него собачий характер, я не сделал всего, что хотел. Он отправился в Персию в качестве повара.

Г-н Ханыков: В качестве булочника.

Г-н Ж. Моль: Он был очень молод, изучил язык, стал известен французскому посольству и оказался очень для него удобным. Он знал

---

* *Пропуск в рукописи.*

цену вещам, он знал разговорный язык. Он подвизался там в качестве переводчика, не официального, а как свой человек. Затем он продвинулся ⟨в чинах⟩ и, наконец, его послали в качестве консула в...* на Каспийском море, так как он ни с кем не уживается. Там он устраивается с туркменами как хочет. Его думали послать в ...*, но посол запротестовал и просил оставить его в ...*.

Г-н И. Тургенев: А старый перс?

Г-н Ж. Моль: Вот его история ⟨...⟩**

№ 4638, лл. 27—28 об.

4 августа. Чтение Ивана.

18 ⟨августа⟩. Вечером мы читаем «Бригадира».

20 ⟨ноября⟩. Альбер и Пьер в Париже. Вебер [141], лошади Мея. Иван Тургенев.

23 ⟨ноября⟩. Приезд Ивана.

№ 4617, лл. 14, 16, 28 об., 29

1869

27 ⟨марта⟩. Гости: 1 Иван Тургенев, 1 г-жа Кламажеран [142].

2 апреля. Пьеру исполнилось 16 лет! — Вечером 1 Иван Тургенев

№ 4617, лл. 48 об., 49 об

9 ⟨октября⟩. Приезд мужа Жермены, который привозит «Муму».

№ 4618, л. 20 об

1870

6 ⟨января⟩. Мама И. Тургеневу (6 страниц) ⟨письмо⟩.

9 ⟨января⟩. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

12 ⟨января⟩. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

13 ⟨января⟩. Здесь Милютин, Рустейко, И. Тургенев, г-н Свербеев.

15 ⟨января⟩. Вечером: 1 Моль, 1 Мартен, 1 Дюпон-Уайт, 1 Рассел (Л.) [143], 3 де Пейроне, 1 де Перпиня, 1 де Боншоз, 3 Свербеевых, 1 Лис синьоль, 1 Иван Тургенев, 1 Ханыков.

16 ⟨января⟩. За обедом: 2 Милютиных, 1 С. Свербеев, 1 Ханыков, 1 И. Тургенев.

16 апреля. И. Тургенев Альберу ⟨письмо⟩.

№ 4618, лл. 72, 40 об., 41, 69

---

* *Пропуск в рукописи.*

** *Следует рассказ г-на Моля о гибели старого перса и об авантюристе-сыне*

Гаспадар

~~Некрологъ~~

Николай Ивановичъ Тургеневъ

Некрологъ

№ 17

1

10 отрек

Прошу встретить негаз. верстку обычн. строчкою

27 октября / 10 ноября нынѣшняго года скончался въ своей вилѣ Вербуа (Vert-Bois - или: "Зеленая Роща" какъ называлъ ее покойникъ) возлѣ Буживаля въ окрестностяхъ Парижа - одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ - и прибавимъ смѣло, какъ бы отвѣчая передъ нелицемѣрнымъ судомъ потомства - одинъ изъ благороднѣйшихъ Русскихъ людей, Николай Ивановичъ Тургеневъ

Мы не намѣрены входить теперь въ подробную оцѣнку покойнаго, какъ политическаго дѣятеля, ученаго и публициста: превосходныя статьи 2-го Пыпина, ~~недавно помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы~~; въ которыхъ онъ столь часто опирается на свидѣтельство Николая Ивановича и цѣнитъ рѣшенъ его - снова обратили въ послѣдніе время вниманіе мыслящей части публики на этого изгнанника особаго рода, который, проведя почти полъ-столѣтія въ отдаленіи отъ родины, жилъ, можно сказать, только Россіей и для Россіи. - Конечно, ни одинъ будущій Русскій историкъ, когда ему придется излагать постепенные фазисы нашего общественнаго развитія въ XIX-мъ столѣтіи не обойдетъ молчаніемъ Н. И. Тургенева, онъ укажетъ на него какъ на одного изъ самыхъ типическихъ представителей всей знаменательной эпохи которой присвоено названіе Александровской - и въ точки которой были заложены или возбуждены зачатки преобразованій совершившихся при другомъ Александрѣ.

Мы ограничимся сообщеніемъ нѣкоторыхъ біографическихъ, библіографическихъ данныхъ и посильнымъ воспроизведеніемъ личнаго характера и образа человѣка, къ которому чувство глубокаго сердечнаго уваженія привязывало насъ болѣе, чѣмъ узы отдаленнаго родства

Николай Ивановичъ родился не въ 1787-мъ и не 1790-мъ году, какъ было ошибочно показано въ нѣсколькихъ біографіяхъ - а 11/22 Октября 1789 года - отъ Ивана Петровича Тургенева и Катерины Александровны, у рожденны Казаловой - Родился онъ въ Симбирскѣ, гдѣ и провелъ первое свое дѣтство; - но воспитывался ~~[illegible]~~ въ Москвѣ, на Маросейкѣ, въ домѣ принадлежавшемъ его семейству (нынѣ этотъ домъ -

«НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТУРГЕНЕВ»

Некролог, написанный Тургеневым для журнала «Вестник Европы»

Наборная рукопись. Автограф, 11—16/23—28 ноября 1871 г. Лист первый

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

1871

21 ноября. И. Тургенев маме ⟨письмо⟩.

23 ноября. Фанни Ивану из Вербуа ⟨письмо⟩.

24 ноября. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

25 ноября. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

26 ноября. И. Тургенев к Фанни ⟨письмо⟩.

27 ноября. Фанни Ивану с ул. де Лилль ⟨письмо⟩.

29 ноября. В 10 часов Альбер и Пьер верхом к г-ну Гербет [144], в 11 часов по железной дороге заехать за Иваном. За завтраком Иван. Он нам читает свою статью [145]. В пять часов Пьер и мама отвозят его в Рюейль; Альбер отправляется в Рюейль встретить маму.

2 декабря. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

3 декабря. Заседание семейного совета Пьера. Утром мальчики верхом в Марли. В 10 часов Гаэтан в Париж по железной дороге к г-ну Моль, возвращается с ним в мэрию в Рюейль. Туда приходят г-н Барро и Габриель [146], коляска заезжает за г-ном Иваном Тургеневым и за генералом Гандиль на вокзал; Пьер в 2 часа едет на вокзал встретить г-на Ложеля. Мама едет в мэрию с Иваном Тургеневым и генералом Гандиль, которые пробыли 5 минут здесь с Жанроном. Ожидают Ложеля полчаса в мэрии. Леони и Пьер совершают прогулку в фаэтоне. В 2 часа собрание семейного совета Пьера в зале мэрии. Мама — опекунша, Альбер — заменяющий опекуна. Члены: г-н Одилон Барро, г-н Моль, г-н Иван Тургенев, г-н Ложель, генерал Гандиль.

11 декабря. Иван Тургенев к Фанни ⟨письмо⟩.

19 декабря. Иван Альберу — письмо г-жи Милютиной.

21 ⟨*декабря*⟩. 1 Деф⟨ей⟩ и Гатен [147], который приносит нам «Journal des Economistes» ⟨...⟩. Фанни и Альбер переводят статью Ивана Тургенева [148].

22 декабря. Мама Ивану — письмо Милютиной.

25 декабря. Мама Ивану 4 стр.— письмо Б.[149] Статья Ивана — Гагарину. Статья г-жи Чепмен [150] Ивану Тургеневу. Иван маме — письмо Бартенева.

26 декабря. Статьи Ивана и г-жи Чепмен г-ну Ханыкову.

№ 4619, лл. 120, 120 об., 121, 121 об., 48 об., 118 об., 50, 118, 117, 54, 117, 116 об.

1872

1 января. Фанни Ивану Тургеневу статья А. Л. ⟨d'A. L.⟩ [151].

14 марта. Иван маме ⟨письмо⟩.

17 марта. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

21 марта. Пьер едет на станцию за Иваном и г-ном Х⟨аныковым⟩. Ивана нет.

11 апреля. В 5 часов Альбер и Пьер едут за Иваном и г-ном Ханыковым. В 6 часов приезжает г-н Мартен. Иван очень оживлен и весел. Альбер и Пьер провожают их вечером в коляске.

№ 4619, лл. 116, 111 об., 111, 70 об., 78.

Иван Тургенев, г-н Х⟨аныков⟩, священник г. П.[152] у нас.

И. Тургенев говорит о своем волнении, когда он слушал «Ифигению в Тавриде» утром на репетиции: «Во всей музыке нет ничего более прекрасного — я это всегда утверждал, и стою на этом. Это так прекрасно — несчастная Ифигения — все женщины подхватывают хором ту же ноту — впечатление потрясающее. Я был уничтожен, потрясен — музыкальные впечатления я всегда ставил на первое место (в ряду впечатлений от произведений искусств) — для меня так: впечатления музыкальные, потом литературные, потом живопись» [153].

Фанни: Однако впечатления литературные представляются мне наиболее возвышенными.

И. Тургенев: Ну, не для меня. Для меня впечатления музыкальные — наиболее сильные, а доказательство — я никогда не плакал от чтения.

Фанни: Но вы заставляли плакать других.

И. Тургенев: Тут я могу лишь поклониться, ответить мне нечего.

Г-н Ханыков: Это доказывает лишь, что вас трудно пронять.

И. Тургенев: Но этот хор в «Ифигении», видите ли, вы не можете себе представить, что это такое. Это великолепно, я даже не могу думать об этом без волнения. Это божественно! А как г-жа Виардо пела! Там есть одно слово «безжалостно» ⟨«impitoyable»⟩,— не я, а Ренье [154] сказал, что надо было обладать гениальностью, чтоб так произносить «р». Понимаете, это — как раз в меру, на волосок больше — было бы слишком, стало бы нелепым.

Фанни г-ну Ханыкову: От божественного до нелепого...

Г-н Ханыков: ...лишь один шаг.

И. Тургенев: О, знаете, это восхитительно.

Фанни г-ну Мартену: Это он восхитителен.

Г-н Мартен: О! совершенно.

И. Тургенев: Был потрясающий момент, там есть один стих «моя отчизна уничтожена!» Как она произнесла это! Там было несколько французов, они сильно побледнели, оркестр остановился,— невозможно было продолжать — так это сильно. Присутствовало лишь пять-шесть человек, но если эта сцена повторится в воскресенье в цирке и произведет такое же сильное впечатление на всех зрителей,— это будет событием. Что касается меня, я плакал как теленок.

Г-н Ханыков: Скажите-ка, хотел бы я знать, разве телята плачут?

Все смеются.

Фанни: Говорят ведь «à veau-l'eau» [155].

И. Тургенев: Мне кажется, телята делают «м-м», а когда люди плачут, они тоже иногда так делают. Но я так не делал.
И. Тургенев продолжает говорить о силе музыкальных впечатлений. ⟨...⟩
И. Тургенев: Через четыре года у вас президентом Республики будет Гамбетта [156].
Альбер: О, это было бы ужасно!
Г-н Ханыков: Нет, совсем нет.
Фанни: Власть — хорошее успокоительное средство.
Г-н Ханыков: Без малейшего сомнения.
И. Тургенев: Гамбетту уже называют в Париже прирожденным реакционером.

⟨13 апреля⟩. В субботу 13-го мы говорим об этом предсказании д-ру К⟨лавелю⟩, который находит его вполне вероятным и который, как нам кажется, склонен назвать Гамбетту прирожденным реакционером.

№ 4639, лл. 2 об.— 4.

19 ⟨апреля⟩. Альбер и Пьер в Париже. Продажа и скачки. Встречают Ивана — с 11 часов до 6.

2 мая. Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

10 мая. Мама Ивану из Парижа ⟨письмо⟩.
Иван к Фанни. Париж ⟨письмо⟩.

11 мая. Иван маме. Париж ⟨письмо⟩.

В 2 часа Иван здесь и г-жа Клечковская. Все 4 с Иваном, на выставке, где встречаем г-на Барро, Габриеля, 2 Голланд, 1 Циглера [157], 2 Мартен, 1 Арле, 1 Клечковск⟨ую?⟩, 1 Виардо.

12 ⟨мая⟩. Альбер и Пьер к Ивану.

13 мая. Мама Ивану — из Парижа ⟨письмо⟩.
Мама, Фанни, Альбер, Пьер в ландо к Ивану. Мама и Фанни в Лувре ⟨...⟩ затем на выставке⟨...⟩ (На выставке: Ложель, Иван, Циглер и т. д.)

15 июня. Фанни Ивану Сергеичу Тургеневу 6 стр. письмо г-жи Ломени.

3 июля. Иван Тургенев к Фанни. Москва ⟨письмо⟩.

№ 4619, лл. 82, 109, 108 об., 87 об., 88, 108 об., 88, 107, 106.

7 ⟨октября⟩. Альбер едет в Париж в 8 ч. 20, к Ивану, Ханыкову, больным.

15 октября. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

16 октября. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

17 октября. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.
Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

18 октября. Пьер в Париж в 11 час. без 10; поездки: ⟨к⟩ ⟨...⟩ Ивану Тургеневу, разговор о Мериме.

28 октября. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

5 ноября. Альбер и Пьер в Париж в фаэтоне в 12 часов, после Деф⟨ей?⟩ к Ивану, Прилежаеву.

17 декабря. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

18 декабря. Мама Ивану 6 стр. ⟨письмо⟩.

26 декабря. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

27 декабря. За обедом: 2 Голланд, 1 С. Придо, 1 Одилон Барро, 1 Ханыков, 1 Иван Тургенев, 1 Г. Гроньяр [158], нас 4.

№ 4620, лл. 29, 80, 79 об., 80, 32, 79, 35 об., 76 об., 75 об., 54.

У нас, улица Лилль. Г-н Барро за обедом беседует с Иваном Тургеневым и говорит ему: «Мы не знали России, вы же нас с ней познакомили, вы сослужили большую службу России и нам также».

№ 4639, л. 32

30 декабря. Нанесенные визиты ⟨...⟩ Boys * к Ивану.

31 декабря. Иван Тургенев Альберу. Париж ⟨письмо⟩.

№ 4620, л. 75—75 об.

1873

9 января. Альбер верхом к ⟨...⟩ Ивану Тургеневу.

11 января. Гости: Иван Тургенев, 1 Прилежаев, Е. Одье[159]⟨...⟩ Вечером boys к Ивану, бал. Фанни ожидает их долго и пишет А. Гельмгольц [160].

№ 4620, л. 60—60 об.

Иван Тургенев: Да, через 25 лет Франция удивит мир своею бакалеей. Французы сделаются маленькими, маленькими, как орешки. Я не говорю этого французам, но таково мое убеждение.

№ 4639, л. 36 об.

16 января. Альбер Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

17 января. Иван Тургенев Альберу ⟨письмо⟩.

21 января. Иван Альберу ⟨письмо⟩.

28 января. Иван Альберу ⟨письмо⟩.

30 января. Фанни И. Тургеневу ⟨письмо⟩.

17 февраля. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.

18 февраля. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

* мальчики (англ.).

19 февраля. Иван Альберу ⟨письмо⟩.

28 февраля. Иван маме ⟨письмо⟩. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

1 марта. Иван маме ⟨письмо⟩.

№ 4620, лл. 71, 70 об., 69 об., 69.

26 апреля. Гости: 1 А. Дайси [161], 1 Иван Тургенев.

8 августа. Мама И. Тургеневу ⟨письмо⟩.

12 августа. Иван маме. Вербуа ⟨письмо⟩.

22 августа. Иван маме ⟨письмо⟩.
Мама Ивану с Альбером ⟨письмо⟩.

23 августа. Иван маме книгу Леруа-Болье [162].

26 августа. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.

27 августа. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

28 ⟨августа⟩. Фанни, Тато и Клер читают вслух «Вешние воды».
Фанни Ивану ⟨письмо⟩.

29 августа. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

4 сентября. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.
Иван пишет ⟨Альберу, см. № 4621, л. 69⟩, что не приедет; Фанни посылает ему подарок для Полины.

7 сентября. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

16 сентября. Мама Ивану. Дьепп ⟨письмо⟩.

№ 4621, лл. 22, 73, 72 об., 55 об., 72, 72 об., 69, 57 об., 69, 68 об.

12 октября. Иван Тургенев в аллее ⟨*нрзб.*⟩. Мама спрашивает его: «Что-то будет?» Иван отвечает: «Да что это вы? я-то думал, что вы скажете „вот как Тургенев (или „Иван Сергеич", как вы меня называете) был прав!". Но вот что, поставьте здесь», он чертит на песке, «поставьте здесь гильотину и гильотинируйте меня, если ничего не случится. У нас будет республика, республика с Тьером. Через 20 лет, когда захотят говорить о существах безобидных, скажут: голуби, французы и т. д. Если вы мне скажете, что издадут справедливые законы, прогресс утвердится, я вам отвечу: „Нет! Глупости, конечно, делать будут, но революции не произойдет"».

№ 4640, л. 10 об.

15 октября. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

16 октября. Иван маме ⟨письмо⟩.

2 ноября. Иван маме из Парижа ⟨письмо⟩.

4 ноября. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

Ф. Н. ТУРГЕНЕВА
Фототипия. С фотографии, 1860-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

6 декабря. Иван маме ⟨письмо⟩.

11 декабря. Boys к Ивану.

13 декабря. Гости: Элиза Пайель, И. Тургенев.

19 декабря. Иван Альберу ⟨письмо⟩.

20 декабря. Иван маме ⟨письмо⟩.
Мама Ивану ⟨письмо⟩.

21 декабря. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

№ 4622, лл. 79, 79 об., 78 об., 77, 14, 14 об., 77, 76 об.

1874

13 января. Здесь гости: 1 Брокà [163], 1 Валет [164], 1 Мале [165], 1 С. Шаналь, 1 Иван, 1 Е. Ложель, 1 Эмма.

14 января. Иван маме ⟨письмо⟩.
Мама Ивану ⟨письмо⟩.

19 января. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.
Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

21 января. Иван маме ⟨письмо⟩.
Мама Ивану ⟨письмо⟩.

30 января. Альбер к Ивану.

31 января. Мама и Фанни к Ивану и к Виардо — карты. Одье, Ж. Жанро.

24 февраля. Гости: 1 Осип, 1 Иван Тургенев, 1 Ольга Смирнова [166], 2 Баддикем, 1 Тато [167].

25 февраля: Гости: 1 Иван, 3 Шаррейрон, 2 Вигонь, 2 Голицыны ⟨...⟩ Утром мама и Фанни переводят два письма с французского на английский для Ивана [168].

7 марта. В $11^1/_4$ час. Фанни к г-же Моль, с ней в церковь Троицы. Свадьба Клоди Виардо, Жоржа Шамро. Г-н Ханыков, Иван, семейство де Мюсси [169], и т. д.

8 марта. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.
Гости: 2 Вигонь, 1 Осип, 3 Муравьевых, 2 Ларнак, 2 де Шаналь, 1 де Низенгейм, 1 Иван, 1 Ханыков, 1 кн. Голицын, 1 княгиня Голицына [170], Софи, Этьен, Борис, Леони, Г. Вигонь, 1 Моль, 1 Прилежаев, 1 А. Ложель, 1 Е. Ложель.

20 марта. Пьер к Ивану.

15 апреля. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

16 апреля. Иван маме ⟨письмо⟩.

7 мая. Гости. Иван Тургенев.

№ 4622, лл. 21, 71 об., 71, 24 об., 29 об., 30, 32 об., 69, 33, 36 об., 66 об., 47 об.

8 сентября. Boys к Ивану, с ним к дому Сегаласа [171], купленному Иваном.

13 ⟨ноября⟩. В 10 часов письмо от Полины, в $11^1/_2$ — 3 Брюэр, 1 Иннис. Завтрак; девочка очаровательна [172]. Все в саду. Альбер, Фанни, 2 Брюэр в Буживале. Дом Ивана.

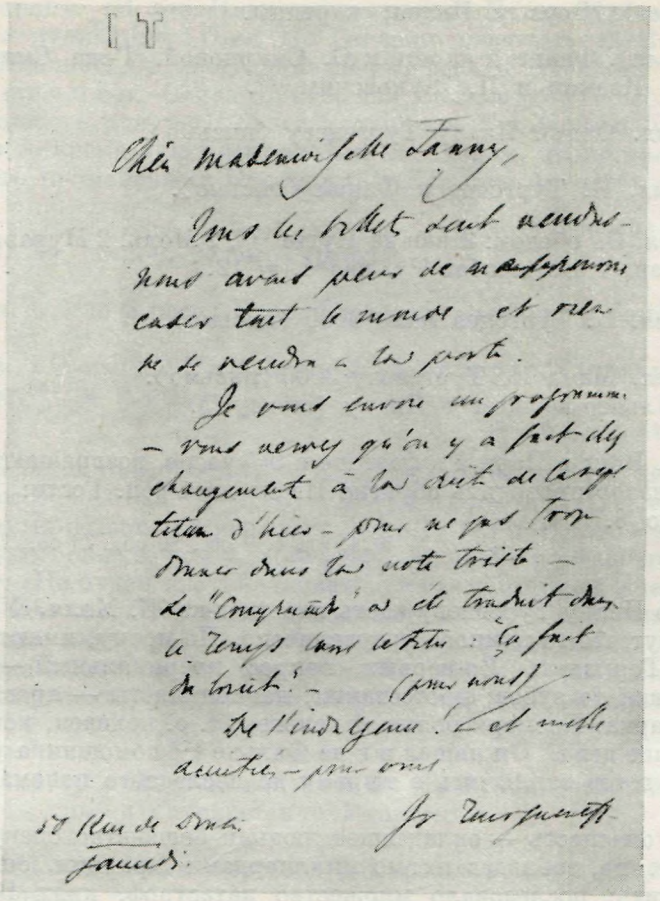
№ 4623, лл. 16, 32.

1875

17 ⟨февраля⟩. Гости в полдень: Иван Тургенев, нелепый. Boys — смотреть лошадей.

№ 4623, л. 58.

И. Тургенев: Наступит царство господина Прюдома [173]. Теперь господин Прюдом — республиканец. Рента возрастет через год до 135. Франция будет что ни на есть спокойная, что ни на есть буржуазная. Человеку с фантазией, поэту (я не о себе говорю) нечего будет делать во Франции. Я не вижу все в розовом свете, я не говорю, что будет великолепно. Будет три течения, которые подорвут страну: клерикализм, интернационал и Германия. Нынешняя республика тормозит то большое движение, которого я желаю. Если бы мне было на 20 лет меньше, я был бы бонапартистом, потому, что бонапартизм приблизил бы тот факел, который должен воспламенить здание.
Мама: Значит, вы понимаете Пьера?



ПИСЬМО ТУРГЕНЕВА к Ф. Н. ТУРГЕНЕВОЙ
Автограф, 15/27 февраля 1875 г., Париж
Славянская библиотека (Bibliothèque Slave), Париж

И. Тургенев: Нет, ибо он в глубине души не революционер; я был бы бонапартистом, потому что я революционер, но стать бонапартистом и получить жандармским сапогом по затылку,— увольте.

...Католический священник— вестник ада, вот мое последнее слово.

№ 4640, лл. 38 об.— 39.

26 февраля. Фанни И. Тургеневу ⟨письмо⟩.

27 февраля. Альбер в ландо с Ольгой Смирновой, ⟨на⟩ улицу Дуэ. Здесь 2 Рафалович и Фанни с ними ⟨на⟩ улицу Дуэ. Русский концерт, музыка, Иван и т. д.[174]

23 марта. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

№ 4623, лл. 66 об., 60 об., 65.

24 марта. За обедом: сэр Артур Гордон [175], леди Гордон, мисс Гордон, Кеминг, г-н Анненков, г-н Ханыков, г-н и г-жа Моль, г-н Иван Тургенев, г-жа Дайси, m-elles М. и Е. Шоу-Лефевр, 4 нас — 15.

7 ⟨апреля⟩. Boys у Ивана, картины.

10 ⟨апреля⟩. Фанни в карете к О. Смирновой. Г-жа Смирнова очень раздражена Иваном и П. Жуковским [176].

13 апреля. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

14 апреля. И. Тургенев к Фанни ⟨письмо⟩.

17 апреля. За обедом: 2 ван де Путте [177], 2 Моль, 2 Муравьевых-Амурских, 1 Иван, 1 Боголюбов [178], нас 4. = 12.

18 апреля. И. Тургенев маме 3000 ⟨письмо⟩.

19 апреля. Мама И. Тургеневу 3000 ⟨письмо⟩.
Утром Альбер пешком к Ивану (money *).

28 июля. Boys в Париж в фаэтоне в $9^1/_2$ часов, возвращаются в 5 часов, едут в $5^1/_2$ часов проводить обратно Ивана до Френ. Гости: Иван Тургенев с 4 до 6.

№ 4624, лл. 4, 9 об., 10 об., 79 об., 79, 12—12 об., 79, 13, 39—39 об.

Я читаю Ивану Тургеневу часть письма г-на Ж. Моля. «Уф,— говорит он мне,— тут что-то немного преувеличено. По-моему, имеются три опасности для Германии. Во-первых, вопрос клерикальный — каждый немец вооружен до зубов; протестанты, националисты — яростные сторонники Бисмарка. Бисмарк большой человек, т. е. человек, который совершает большие дела. Он нашел в г-не Фальке [179] помощника ужасающего. Г-н Фальк готов заключить в тюрьму до последнего пономаря, если понадобится.

Вторая опасность — овладевшее людьми бешенство спекуляции. Они вообразили, что, завладев пятью миллиардами Франции, они могут себе все позволить; последовало множество катастроф, крах Вены и т. д.

Третья опасность, существующая для других государств, так же как и для Германии, подымающийся прилив, остановить который невозможно ничем — это рабочий вопрос. До тех пор, пока нельзя будет сказать, что г-н Арч [180] сообщил неточные сведения, невозможно будет сделать что-либо против этого прилива. Г-н Арч сказал: „Докажите мне, что это не так", и этого никто не смог ему доказать. Вот что он говорил: „Рабочий, который работает всю свою жизнь, у которого нет пороков, не имеет права болеть ни одного дня, и даже если он не болеет, ему нечего будет оставить детям; у него едва хватит денег на собственные похороны". На это нечего сказать!» ⟨...⟩

(Однажды, говоря о П. В. Жуковском...) Мама сказала: «Если он понимает, каково положение его сестры [181], он должен жестоко страдать». Иван ответил: «Да, конечно, положение очень ложное; его не очень-то беспокоит сторона... как бы это сказать, сторона религиозная, но ложное положение его тяготит». Когда я передала этот разговор Альберу, он был поражен тем смыслом, какой придал Иван слову «религиозный», делая его равнозначущим слову «честь».

Говоря 28 июля о Павле Жуковском, он нам сказал: «Этот юноша — вулкан; он из воспламеняющихся. В Италии женская красота в особенности привлекает его. Сегодня — Джионина, завтра Жанетта и т. д.» (Фанни is fairly disgusted at this)**. На следующий день Фанни говорит

---

* деньги (англ.).
** очень возмущена этим (англ.).

отцу И. Гагарину: «И это Иван читает мораль Павлу Жуковскому! Он называет его вулканом». Отец И. Гагарин отвечает: «А Иван, что он из себя представляет? Он не вулкан, он уже весь испепелен».

Иван Т у р г е н е в: Самое горькое для Арнима то, что после третьего осуждения милость для него будет испрошена Бисмарком. Так как он был послом в то время как Бисмарк был канцлером, право просить о милости для него принадлежит Бисмарку, и Бисмарк этого не упустит [182].

№ 4641, лл. 8 об.— 10.

2 августа. За обедом: Иван Тургенев.

18 августа. Около 5 часов Иван Тургенев. Беседует с мамой, Фанни.

21 августа. ⟨Гости:⟩ В $5^1/_2$ часов 1 Хагемейстер, 1 Ханыков, в 6 часов 1 Мак Дермот [183], в 7 часов 1 Иван.

№ 4624, лл. 41, 45, 45 об.

Разговор идет о тщеславии, Иван рассказывает, что г-н де Жуи, пустынник с Шоссе д'Антен [184], присутствовал на обеде в его честь. Один из приглашенных встает и предлагает ⟨выпить за⟩ здоровье г-на де Жуи, у которого «ума больше, чем у Вольтера». Другой приглашенный встает и продолжает: «Не будем преувеличивать, скажем: который умен, подобно Вольтеру». После обеда г-н де Жуи подходит к № 2 и берет его за руку: «Благодарю вас, мой друг, за суровую откровенность!»

Иван рассказывает также, что он видел князя Горчакова в Бадене и что князь ему повторял два года подряд одно и то же слово *.

№ 4641, лл. 12 об.— 13.

В 10 час. Альбер и Пьер на вокзал с гг. Моль, Хагемейстером, Ханыковым, Клаве́. Альбер спускается с Иваном.

24 августа. Гости: Иван Тургенев (возвращает 3000). Альбер и Пьер отвозят его домой.

25 августа. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

16 ⟨сентября⟩. Пьер к Ивану, возвращается туда с Мишей.

5 ноября. Мама, Фанни, Альбер в коляске к Ивану Тургеневу и Виардо. Дождь.

9 декабря. Гости: 1 Иван, 2 Рафалович.

13 декабря. Иван маме ⟨письмо⟩. Мама Ивану 4000 ⟨письмо⟩.

№ 4624, лл. 45 об.— 46, 46 об., 74, 51 об., 61, 68, 69 об.

1876

⟨*4 января*⟩. Днем гости здесь ⟨в Париже⟩: 1 г-жа Одье, гр. Муравьева-Амурская, г-жа Ларнак-мать, Иван (с 4000 франков), Тато.

⟨*5 января*⟩. У мамы после службы [185] на ул. Бак, Альбер, Пьер, Иван, Ханыков, г-жа Рафалович, тетушка.

* Очевидно, Ф. Н. Тургенева хотела дописать что-то, дальше оставлено несколько пустых строк.

14 января. Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

14 ⟨января⟩. Boys у Ивана.

3 февраля. В 7 часов. 1 Ханыков, 1 Р. Барро [186], 1 Адамс [187], 1 Форд, 1 де Рувилль [188], 2 Черкасских [189], 2 Ренан [190], 1 Иван Тургенев — 14.

10 февраля. Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

11 февраля. И. Тургенев маме ⟨письмо⟩.

27 февраля. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

28 февраля. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

2 марта. Обед 2 марта. Отец Гагарин, князь и княгиня Черкасские, граф и графиня Муравьевы-Амурские, Чернов, Ханыков, Иван Тургенев, г-н и г-жа Пьер Самарины [191], 1 Екатерина Баранова — 15.

Князь Черкасский говорит об эмансипации, об участии, которое принимали папа и Милютин в этом деле, приготовляя и осуществляя его. «Они принадлежали к двум различным поколениям, а подобное дело может осуществляться лишь силами двух поколений».

Мама отвечает ему, что не следует забывать тех, кто принимал участие в эмансипации и кто еще среди нас, и предлагает ⟨выпить⟩ за князя Черкасского, затем за Ивана, добавив: «Помогите мне»,— на что Иван ответил: «Я всегда огорчался тем, что не был красноречив —это величайший дар». Альбер напоминает Ивану о том, что сказал император по поводу «Записок охотника».

8 марта. Boys у Ивана, у Виардо.

11 марта. Фанни идет одеваться, с Пьером к г-же Рафалович (князь Черкасский, Иван Тургенев).

18 марта. Boys днем у Ивана.

15 апреля. Гости: 1 Иван Тургенев, 1 Е. Мартен, 1 Ро⟨вик?⟩, 1 Сприфико. Волнение из-за лошадей.

22 ⟨апреля⟩. Фанни, Альбер, Клер в ландо на чтение к И. Тургеневу.

30 апреля. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

1 мая. Иван Тургенев Альберу ⟨письмо⟩. Иван Тургенев к Фанни ⟨письмо⟩.

3 мая. За обедом: 3 Фавр, 1 Ханыков, 2 Гандиль, 1 Трекур, 1 Арапетов, 2 Фредерикс [192], 2 Муравьевых-Амурских, 1 Рольстон [193], 1 Иван Тургенев, всего 18.

№ 4625, лл. 17, 19, 77 об., 22 об., 29 об., 76, 75 об., 38, 40 об., 41 об., 44, 52 об., 55 об., 72 об., 72, 59.

Иван Тургенев г-же Фавр: В Швейцарии имеется заяц; когда он перебегает из кантона Ваадт ⟨Во⟩ в кантон Бернский — власти предупреждают друг друга.

№ 4641, л. 33 об.

11 мая. Гости: 1 Ташар, 1 Иван, в саду, Иван и Boys искать собаку.

12 мая. Boys к Ивану с собакой.

ТУРГЕНЕВ СРЕДИ ШАХМАТИСТОВ В ПАРИЖСКОМ «CAFE DE LA REGENCE»
(стоит за последним столом)
Гравюра Леона Шапона с рисунка Симона Орсен-Деона, 1874
«Café de la Régence», Париж
Гравюра опубликована в журнале «Le Monde illustré», от 7 марта 1874 г. (без портретных зарисовок внизу)

24 мая. Гости: 2 Вигонь, княгиня Мещерская и ее сын, 1 Отмар, 1 Раймон Барро, 1 С〈офи〉 Киренс, 1 Ханыков, 1 Иван, 1 Осип, урок.

28 мая. Альбер и Пьер к Ивану утром.

№ 4625, лл. 61, 61 об., 65 об., 66 об.

6 июня. Разговор идет о Виардо и об их влиянии на И. С. Тургенева. Фанни говорит: *Все они такие заурядные.* 〈...〉

Отец И. Г а г а р и н: «Живые мощи» — это его шедевр, теперь он не был бы способен написать и половину того.

Ф. Т у р г е н е в а: Он пошел поздравить В. Гюго с его выступлением! — Он говорил ему о том, чтобы поместить статью о Рылееве в «Rappel». Мама и я, мы напустились—мы ему сказали, что статья о Рылееве не должна валяться в «Rappel'е»; он возражал, и сказал, что эту газету

читают больше других ⟨...⟩ Он сам был поражен невежеством В. Гюго, который сказал ему: «Да, да, Рылеев, Платон Зубов — заговорщики!» [194]

№ 4641, л. 36—36 об.

11 августа. К 5 часам все четверо с г-ном Арапетовым к Ивану и Виардо. Мы посещаем шале Ивана; восхитительно.

13 сентября. В $10^1/_2$ часов мама, Фанни, Альбер, Пьер в коляске; мы встречаем Ивана, он едет вместе с нами в Везине и т. д.

16 сентября. Иван пишет ⟨Альберу⟩, что он не приедет ⟨письмо⟩.

4 октября. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

5 октября. Гости: Иван и Першерон [195], 2 Вигонь; мы идем в сад.

№ 4626, лл. 22 об., 30, 30 об., 74 об., 35.

Иван Т у р г е н е в: Это крестовый поход, Россия дает нам представление о том, чем были крестовые походы. И говорят о социалистах, о нигилистах, едущих в Сербию; вовсе не в этом дело — ими руководит религиозное чувство, одного патриотизма было бы недостаточно. Если бы крестьянам сказали, что избивают славян, что убивают детей, это им бы...*[196]

№ 4641, л. 39.

12 октября. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

13 октября. Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

11 ноября. Фанни едет поездом ⟨из Парижа⟩ 12 ч. 35 м. В зале ожиданий встречает Ивана Тургенева и г-на Декена [197]. Фанни представляет их друг другу. Они входят в один вагон. Кроме них одна дама, знакомая г-на Декена. Они все время беседуют: Турция, Сербия, Россия, Франция. Иван горько жалуется на французскую прессу. Г-н Декен говорит, что она не выражает общественного мнения ⟨...⟩ Пьер уезжает ⟨из Вербуа⟩ лишь после визита Ивана, который пришел вместе с Дюберне, и повидал маму.

12 ноября. Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

14 ноября. Иван маме ⟨письмо⟩.
Мама Ивану ⟨письмо⟩.

15 ноября. Телеграмма от Ивана.

18 ноября. Здесь в $11^1/_2$ часов Иван Сергеич, Семи Викерс, Нелли Эйлуорд. Завтрак. Boys в конюшне и в оранжерее с Иваном. Затем после отъезда Ивана boys в конюшне.

№ 4626, лл. 74, 51—51 об., 72 об., 53 об., 55.

9 декабря. Князь Орлов [198] — Фанни: «Рассказывал он вам (Иван Тургенев) как еще совсем молодым человеком он был у одной старой дамы, с мнением которой он очень считался. Он хотел казаться очень хорошо воспитанным. Входя, он разбивает очень красивую вазу, он удирает и больше туда ни ногой. Заставьте его рассказать об этом, он очарователен, рассказывая».

№ 4607, л. 2.

* *Запись обрывается.*

ПАРИЖ. ИТАЛЬЯНСКИЙ БУЛЬВАР

Гравюра Анри Линтона с рисунка Эдмона Морена. Приложение к журналу «Le Monde illustré» (5 июня 1858, № 60)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

10 декабря. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

11 декабря. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

12 декабря. За обедом: 2 Муравьевых-Амурских, 1 Рахманов[199], 1 Иван Тургенев, 1 Ханыков, 1 Арапетов, 1 Боголюбов — 7.

14 декабря. Иван Тургенев Альберу ⟨письмо⟩.

№ 4626, лл. 71, 71 об., 65, 71.

27 декабря. Павел Жуковский: Я видел Ивана Сергеича сегодня утром, он взбешен всем и всеми, он говорит, что, если бы он был англичанином, он покончил бы с собой[200].

№ 4607, л. 2 об.

1877

6 ⟨января⟩. Альбер Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.
Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.
Альбер к Ивану.

12 ⟨января⟩. Boys к ⟨...⟩ Ивану.

19 января. В 6 часов. «Монитер». Фанни и Олив потрясены. Мама занята счетами, мы ей ничего не говорим. Альбер, Пьер Ж. ⟨Г.⟩ ... В...,

на б⟨ульва⟩ре встречают Ивана, который их расстраивает, они возвращаются огорченные [201].

27 февраля. Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

1 марта. Иван Тургенев маме ⟨письмо⟩.

3 марта. 19 февраля — эмансипация. За обедом: 1 Иван, 1 Ханыков, 1 Жуковский, 2 Муравьевы-Амурские, 2 Корсаковы, 1 Рахманов, 1 Кочубей, 1 Боголюбов, 1 Анна Гельмгольц, 4 нас, всего 15.

19 марта. Boys наносят визиты! Парадная форма! К де Мюсси, Муравьевым-Амурским, Эд. Бертрану, Ивану.

7 апреля. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

№ 4627, лл. 44 об., 44, 6 об., 9—9 об., 12. 42 об., 27 об., 34 об., 41.

10 апреля. В 7 часов приходят: 2 Мерсье, 2 Ларнак, Гр⟨...⟩ Дюф⟨...⟩ 1 Ханыков, 1 Иван Тургенев, 1 отец Гагарин, 4 нас — 12.

№ 4628, л. 6

12 апреля. Иван маме ⟨письмо⟩.

№ 4627, л. 40 об

20 ⟨апреля⟩. Альбер пешком в 1 час к Ивану, который находится в Буживале.

№ 4628, л. 12

26 апреля. Иван Фанни, маме ⟨письмо⟩.

27 апреля. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

28 апреля. Иван Тургенев Альберу ⟨письмо⟩.
Альбер Ивану ⟨письмо⟩.

№ 4627, л. 40 об

30 апреля. Утром boys к Ивану по поводу дома Эверарда. Иван их раздражает.

24 мая. Альбер и Пьер к Ханыкову, к Ивану.

№ 4628, лл. 17, 26 об.— 27.

6 ⟨августа⟩. Мама Ивану ⟨письмо⟩.

7 августа. В 3 часа 20 коляска едет за Иваном. В 5 часов Альбер отвозит его в коляске. Иван говорит о Плевне, и я вижу, как Альбер делает гримасу и плачет от волнения.

8 августа. Мы едем в Шату, Везине и т. д. в коляске: мы четверо, Картье, Фриц. В Буживале мы встречаем Ивана и 2 Виардо.

9 ⟨августа⟩. В $6^1/_2$ часов. 1 Иван, 1 Арапетов.

1 сентября. Альбер к Ивану.

2 сентября. Альбер к Ивану. Пьер ему навстречу

19 сентября. Мама Ивану Тургеневу ⟨во⟩ Френ ⟨письмо⟩.

20 сентября. Иван маме ⟨письмо⟩.

21 сентября. В 11 часов Пьер и Альбер на станцию встретить м-ра Джеймса [202]. Иван приезжает также. Завтрак. Джеймс, Иван, Габриель, очень оживленный. Пьер объявляет, что он от этого заболел. Споры бесконечные. Визит г-жи Лакруа, глупа. Иван увозит Джеймса.

26 сентября. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.

28 сентября. Иван маме. Френ ⟨письмо⟩.

26 октября. Фанни Ивану с Луи ⟨письмо⟩.

29 октября. Иван Тургенев к Фанни. Париж ⟨письмо⟩.
Фанни к Луи ван де Путте письмо Ивана.

№ 4629, *лл.* 67, 22 об., 23, 23 об., 37 об., 38, 64 об., 50 об., 51, 64, 62 об., 63.

7 декабря. Альбер и Пьер в Париже ⟨...⟩ к Ивану; возвращаются в $7^1/_2$ часов.

№ 4630, л. 25 об.

Гаэтан читает гнусную статью в «Pays», в которой м⟨арш⟩ал [203] сравнивается с Базеном [204]. Полковник [205] находит, что сравнение справедливо. Я возмущена. У Альбера такое впечатление, будто Иван стал более умеренным и простил бы маршалу государственный переворот.

№ 4607, л. 36.

1878

6 февраля. Альбер в 5 часов пешком к Ивану.

27 ⟨февраля⟩. Гости здесь: 1 Иван, в саду и во 2-м ⟨этаже⟩. Интересно.

1 марта. Boys были у Рольстона, отец коего приехал [206]; он ужасен. Иван, Онегин [207] и Альбер беседуют в гостиной Рольстона. Герберт [208] производит на Альбера очень плохое впечатление. Boys отвозят Ивана к г-же Гончаровой.

3 марта. Гости: 1 С. Шаналь, 1 Иван Тургенев, 2 Вигонь, 2 Кабюше.

4 марта. Я еду к Мари Р⟨енан⟩. Я рада встретить там Ивана Тургенева. В досаде, что сижу рядом с Шербюлье [209], говорю с ним о Фонтанезе и об Артистическом кружке, а затем злюсь на себя за то, что говорила с ним. Справа сидит Ренан. 2 Ренан, 2 Бюлоз [210], 1 Гийом [211], 1 Гейне, 1 Нольте, 1 Шербюлье, 1 Берже [212], 1 Иван Тургенев (по правую руку Мари Ренан), 1 Масперо [213], 1 незнакомый, 1 д'Алиньи, 1 Гено де Мюси, 1 я.

8 ⟨марта⟩. Утром письмо от Ивана, мама на него отвечает.

18 марта. Мама, Альбер и я. С г-жей А⟨ббади⟩ в Артистический кружок, потом к Антокольскому [214], ул. Байе. ⟨...⟩ Потрясающий Христос, Иван Грозный. Иван Тургенев и т. д. Антокольский очень любезен. Онегин приезжает.

14 апреля. Каталог Ивана! [215]

№ 4630, лл. 51, 59, 60 об., 61, 62—62 об., 64, 68 об., 77 об.

18 ⟨мая⟩. Здесь гости: генерал де Ривьер, г-н Мартен, Иван Тургенев. Альбер и Фанни застают его здесь. Он говорит о жеребцах для своего брата. Пьер загорается этой мыслью. Приезжает г-жа Дежарден.

№ 4631, л. 18.

24 мая. Иван Тургенев Альберу. Билеты ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 11.

27 мая. Мама отвезла три билета Ивана к Прилежаевым.

11 июня. Альбер и Пьер к Ивану.

9 июля. Boys встречают Ивана.

№ 4631, лл. 22 об., 35 об., 55.

21 августа. Альбер г-ну Виардо письмо для Ивана.

№ 4610, л. 17.

21 ⟨сентября⟩. Трокадеро. Русский концерт — очень хорош, особенно церковное пение Бортнянского [216] и скрипка г-на Барцевича [217]. Издали видим Муравьевых-Амурских, Ивана, Габриеля, Арапетова и т. д.

23 ⟨сентября⟩. Пьер едет к Ивану, который находится в Париже.

24 ⟨сентября⟩. Здесь ⟨Вербуа.— *М. С.*⟩ застаю в гостиной Ивана и г-жу Барро [218].

27 ⟨сентября⟩. В Везине ⟨...⟩ Встречаем Ивана.

28 ⟨сентября⟩. Фанни и Олив в Париж без десяти десять. Фанни встречает в трамвае Ивана, он очень разговорчив, в вагоне тоже.

Еду на вокзал. ⟨В Париже.⟩ Олив приезжает туда же, мы уезжаем в $1^1/_2$. Я замечаю Ивана. В Рюейль встречаю 3 Клапье [219]. В трамвае с ними и с Иваном.

№ 4632, лл. 18 об., 20, 21, 22—22 об.

4 ноября. Мама Ивану с Фрицем ⟨письмо⟩.

5 ноября. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.

6 ноября. Фанни Ивану ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 22.

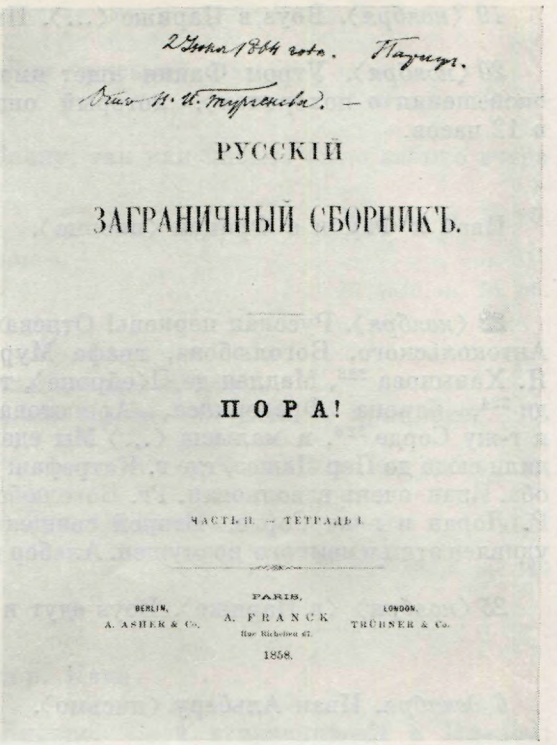
Иван ⟨к Ф. Н. Тургеневой — письмо — см. № 4610, л. 22⟩ сообщает утром, что не поедет в Рамбуйе. Он приезжает и находит boys.

8 ⟨ноября⟩. Во время обеда приходит телеграмма от Ивана — г-н Ханыков в очень тяжелом состоянии [220].

№ 4632, лл. 53 об., 54 об.

9 ноября. Фанни Ивану наспех с улицы де Лилль ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 22 об.


2 Июня 1864 года. Париж.
Книга Н. И. Тургенева. —

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ПОРА!

ЧАСТЬ II. — ТЕТРАДЬ I.

BERLIN, A. ASHER & Co. PARIS, A. FRANCK Rue Richelieu 67. LONDON, TRÜBNER & Co.

1858.

КНИГА С НАДПИСЬЮ: «2 ИЮНЯ 1864 ГОДА. ПАРИЖ. ОТ Н. И. ТУРГЕНЕВА»

Титульный лист сборника составленного Н. И. Тургеневым

Литературный музей, Москва

11 ⟨*ноября*⟩. Почтальон приносит письмо Ивана к Альберу [221]. Мы потрясены. Мама пишет Прилежаеву, Альбер пишет Ивану ⟨см. № 4610, л. 22, 22 об.⟩.

№ 4632, л. 59.

Мама отцу Прилежаеву письмо Ивана с Фрицем в 4 час.

№ 4610, л. 22 об.

15 ⟨*ноября*⟩. ⟨В Париже⟩ Я потрясена, Альбер подходит ко мне и говорит: «Мама здорова, но я получил телеграмму из Рамбуйе — все кончено [222]. Я от священника, он будет у него в 5 часов». Мы спорим — надо ли идти в посольство — решаем вернуться к священнику. Мы садимся в vis-à-vis, Альбер и я. Едем за Мари и Оливеттой в пансион, потом к священнику. Мы застаем лишь г-жу Прилежаеву, Иван выходит от нее.

№ 4632, л. 62.

Телеграмма Ивану.

№ 4610, л. 23.

16 ⟨*ноября*⟩. Альбер едет в Рамбуйе на панихиду. Он встречает Ивана в поезде. Прилежаев в Рамбуйе.

17 ⟨*ноября*⟩. Альбер уезжает ⟨в Париж⟩. Пьер и я, мы в отчаянии. Он возвращается к $4^1/_2$ часам; он видел Ивана.

18 ⟨*ноября*⟩. Фанни пишет Ивану Тургеневу в то время, как Альбер редактирует ответ.

19 ⟨ноября⟩. Boys в Париже ⟨...⟩. Пьер у Ивана.

20 ⟨ноября⟩. Утром Фанни ищет имена и составляет список ⟨для оповещения о похоронах⟩, который она посылает Ивану с Фрицем в 12 часов.

№ 4632, лл. 63, 64, 64 об., 65.

Иван к Фанни с Фрицем ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 23.

22 ⟨ноября⟩. Русская церковь! Отпевание г-на Ханыкова ⟨...⟩ Я вижу Антокольского, Боголюбова, графа Муравьева-Амурского, Ивана, г-на Я. Ханыкова [223], Мадлен де П⟨ейроне⟩, тетушку, Mrs Иннис, В. Арнольди [224], барона Фредерикса, Арапетова, etc. Золотарева [225], Лорана и г-жу Сорде [226], и малыша ⟨...⟩ Мы едем на ул. де Лилль, boys заходили сюда до Пер Лашез, где г. Катрефаж [227] и Иван говорят очень хорошо оба. Иван очень взволнован. Гг. Боголюбов, Иван, Альбер и Пьер. M-elle Р. Лоран и г-жа Сорде. Второй священник кончил в одну минуту, Иван удивлен этим и немного возмущен. Альбер тоже.

25 ⟨ноября⟩ ⟨в Париже⟩. Boys едут к Ивану и в посольство.

№ 4632, лл. 65 об.— 66, 68 об.

6 декабря. Иван Альберу ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 25.

13 ⟨декабря⟩. Мы добиваемся согласия Альбера поехать в Париж к Ивану.

№ 4632, л. 78 об.

14 декабря. Альбер Ивану ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 25 об.

1879

19 ⟨января⟩. Фриц возвращается из Парижа вечером и приносит Альберу письмо от Ивана.

20 ⟨января⟩. Альбер к ⟨...⟩ Ивану, который узнает о смерти брата! [228]

24 ⟨января⟩. Альбер едет к Ивану.

15 ⟨апреля⟩. Выходя [229], встречаем Муравьевых-Амурских, Варенькy [230], Фредериксов, Ивана, Рафаловича.

22 ⟨апреля⟩. Я на коленях прошу маму написать Ивану — получается целая история. Мама пишет. ⟨...⟩ Мама рассердилась на меня без особых оснований — я редко видела ее такой — и все потому, что, когда она отказывалась написать Ивану, я ответила ей: «Ну что ж, выйдем и поедем к графине, ты только ею дорожишь».

23 ⟨апреля⟩. Альбер и Пьер выходят на мгновенье посмотреть лошадь для Ивана.

№ 4633, лл. 20 об., 21, 22, 49, 52 об.— 53, 53 об.

Иван маме ⟨письмо⟩.

24 апреля. Альбер Ивану с Луи ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 35 об.

25 ⟨апреля⟩. Утром Луи к Ивану, так как письмо было забыто вчера вечером. Boys с Иваном.

№ 4633, л. 54 об.

Иван Альберу с Луи ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 35 об.

26 ⟨апреля⟩. Иван здесь в $12^1/_2$.

28 ⟨апреля⟩. Иван пишет. Альбер едет к нему.
За обедом: 2 Фавр, мы ожидаем Ивана, который не приезжает.

№ 4633, лл. 55, 55 об., 56.

30 апреля. Альбер Ивану с Луи ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 35 об.

1 мая. Boys к Ивану.

2 мая. За завтраком: 1 Тюдор, Иван.

9 ⟨мая⟩. Гости: Иван, С. Киренс. Boys отправляются с Иваном; лошадь и Сансон ⟨?⟩.

10 ⟨мая⟩. Утром письмо от Ивана ⟨Альберу, см. № 4610, л. 36 об.⟩. Мама и я в коляске к Ивану. ⟨...⟩ Утром boys ⟨едут⟩ к Гюбло сказать, что Иван берет лошадь. Когда они возвращаются, письмо от Ивана, который просит лошади не брать. Альбер отвечает ему, прося его самого сказать об этом Гюбло.

11 ⟨мая⟩. Письмо от Ивана ⟨Альберу, см. № 4610, л. 36 об.⟩, который оставляет лошадь за собой.

12 ⟨мая⟩. Альбер в $4^1/_2$ часа у Мишалона для Ивана.

17 ⟨мая⟩. Левердье приходит из-за ливреи для Ивана. Утром Иван в саду. Он очарователен. Выбор бутонов.

№ 4633, лл. 56 об., 57, 60 об., 61, 61 об., 62 об. 65, 66.

21 мая. Иван Альберу ⟨письмо⟩.
Мама Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 37—37 об.

26 ⟨мая⟩. Утром Иван дает знать ⟨письмом к П. Н. Тургеневу, см. № 4610, л. 37⟩, что не будет. Мама ему отвечает. Уезжаем без него около 9 час. Boys одни, коляска Ивана. Прибытие в Вербуа. Коляска Ивана помещена у Тато.

28 ⟨мая⟩. Гости: 1 Иван. Дела улажены — г-жа Жанро, которую Иван слушает с изумлением. Е. Ларнак, г-жа Фавр, очень долго.

31 (мая). У мамы очень болит рука, она плачет (...) Иван хочет поехать в Фонтенбло, Альбер пишет ему, что это очень трудно.

№ 4633, лл. 71, 72 об., 75.

1 июня. Иван Альберу. Телеграфная карточка, 1-я полученная нами.

№ 4610, л. 38

2 июня. Фонтенбло: Альбер и Пьер с Иваном Сергеичем и Жоржем Р., князем Орловым на вокзал (...) Иван к княгине Трубецкой.

№ 4634, л. 3.

5 июня. Альбер Ивану (письмо).

8 июня. Иван Альберу (письмо).

10 июня. Иван Альберу (письмо).

№ 4610, л. 38—38 об.

12 (июня). Гости: 1 Иван, 1 г-жа Жанро, 2 Вигонь, 1 Жорж, 1 Е. Мартен. Отъезд Ивана.

13 июня. Иван в 11 часов, в полдень.

№ 4634, лл. 6 об., 7.

17 июля. Мама Ивану (письмо).

18 июля. Иван маме (письмо).

19 июля. Иван Альберу (письмо).
Мама Ивану (письмо).

№ 4610, л. 40 об., 40.

4 августа. Мама пишет Ивану.

7 (августа). За обедом: 4 нас, 1 Джон ван де Путте, 1 А. Плетнев [231], 1 И. Тургенев, 1 Арапетов, 2 Муравьевых-Амурских — 10. Иван рычит, говоря о разводе [232]. Вечером boys, Джон и А. Плетнев в Гренуйере [233]. Они увозят Ивана, 5 в коляске.

№ 4634, л. 30, 31 об.

10 августа. Иван Альберу (письмо).

20 августа. Мама Ивану с Фрицем (письмо).
Иван маме (письмо).

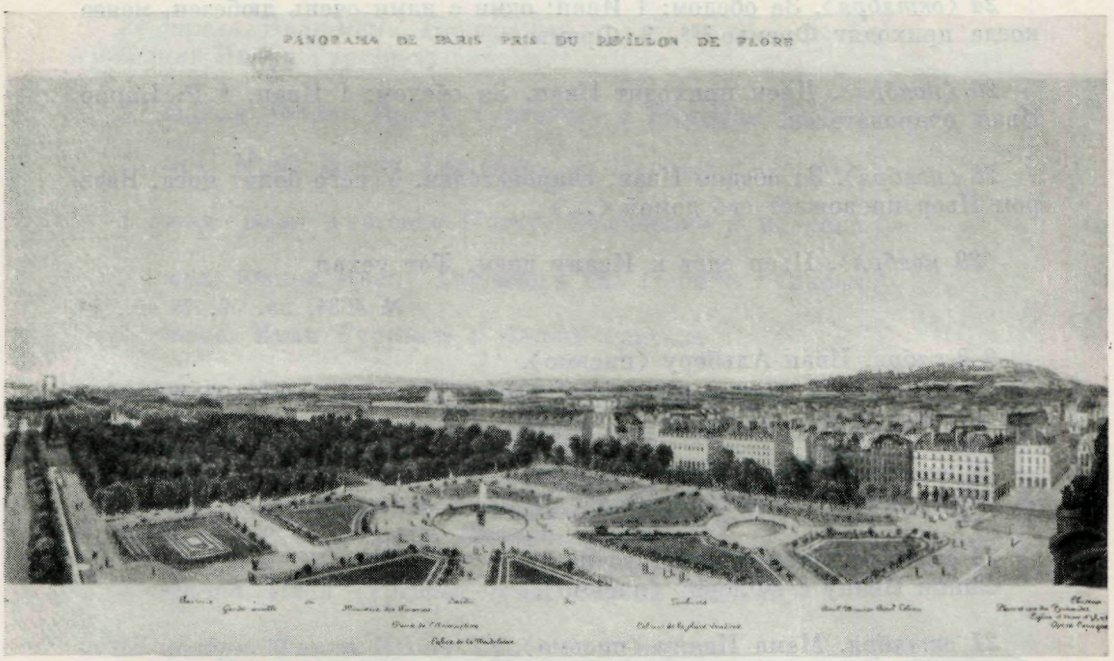
№ 4610, л. 42—42 об.

Утром Бонлье заходит сюда, отправляясь к Ивану Тургеневу.

21 (августа). За обедом Иван Тургенев очень любезен.

10 (сентября). Иван вечером — мы за столом, он спорит с Амалией, он довольно нелеп, и это меня огорчает.

12 (сентября). Иван приезжает после завтрака.



ПАНОРАМА ПАРИЖА
Вид с крыши Pavillon de Flore (фрагмент)
Цветная литография, 1860-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

13 сентября. Письмо от Ивана ⟨Альберу. См. № 4610, л. 44⟩.

№ 4634, лл. 36, 36 об., 43 об., 44, 44 об.

Фанни Ивану с Мари ⟨письмо⟩.

17 сентября. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

24 сентября. Иван Альберу ⟨письмо⟩.

№ 4610, л. 44, 44 об.

9 октября. Фанни Ивану Тургеневу. Френ ⟨письмо⟩.

№ 4611, л. 3.

11 ⟨октября⟩. Олив в Париже утром относит сочинения Ивана к г-ну ван де Путте для Люси.

22 октября. Мама и Фанни пишут Ивану ⟨два письма. См. № 4611, л. 4 об.⟩ и т. д.

№ 4634, лл. 54, 58 об.

22 октября. Иван маме ⟨письмо⟩.

23 октября. Иван к Фанни ⟨письмо⟩.

№ 4611, л. 4 об.

24 (октября). За обедом: 1 Иван; один с нами очень любезен, менее когда приходят Фремье [234]. 3 Фремье.

26 (ноября). Днем приходит Иван. За обедом: 1 Иван, 1 Р. Барро. Иван очарователен.

28 (ноября). За обедом Иван, очарователен. У него болит нога. Вечером Пьер провожает его домой (...)

(29 ноября). Пьер едет к Ивану днем. Тот уехал.

№ 4634, лл. 59, 73 об., 74.

9 декабря. Иван Альберу (письмо).

№ 4611, л. 8.

1880

28 января. Альбер Ивану (письмо).
Иван маме. Париж (письмо).

19 октября. Иван маме карточка.
Фанни Ивану с (Флери) (письмо).

21 октября. Мама Ивану (письмо).

27 ноября. Фанни Ивану Тургеневу (письмо).

30 декабря. Фанни Ивану (письмо).

№ 4611, лл. 13, 33 об., 34 об., 37, 40 об.

1881

7 ноября. И. Тургенев Альберу (письмо).
Фанни Ивану Тургеневу (письмо).

16 ноября. Фанни Ивану Тургеневу (письмо).

(Без даты). Иван Тургенев (письмо).

№ 4611, лл. 70 об., 71 об., 82.

1882

12 января. И. Тургенев (в перечне полученных карточек).
И. Тургеневу (в перечне отосланных карточек).

13 апреля. Фанни Ивану (письмо).
Мама Ивану.
Телеграмма. Альбер Ивану (письмо).

19 апреля. Иван маме (письмо).
Мама Ивану (письмо).
Фанни Ивану (письмо).

20 апреля. Иван— карточка.
Фанни Ивану (письмо).

24 апреля. Иван маме. Телеграмма.
Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

29 апреля. Фанни Ивану Тургеневу с Жозефом ⟨письмо⟩.

25 мая. Мама Ивану Тургеневу из Парижа ⟨письмо⟩

1 июня. Иван Тургенев Пьеру. Сообщение и коляска.

9 июня. Фанни Ивану Тургеневу ⟨из Парижа⟩ ⟨письмо⟩.

11 июня. Иван Тургенев к Фанни ⟨письмо⟩.

13 июня. Мама Ивану Тургеневу. Вербуа ⟨письмо⟩.

20 июня. Иван Тургенев ⟨письмо⟩.

7 июля. Иван Тургенев Альберу ⟨письмо⟩.
Мама Ивану Тургеневу. Молоко ⟨письмо⟩.

5 августа. Иван Тургенев маме. Молоко ⟨письмо⟩.

18 ноября. Фанни Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

№ 4612, лл. 89 об., 9 об., 10, 10 об., 11, 14, 15 об., 16, 16 об., 17, 19, 19 об., 21 об., 32 об.

1883

4 мая. Альбер едет в Буживаль — Иван говорит ему о Пьере: «У него талант, настоящий талант. У моей тоже, но ленива. Поздравьте Пьера от меня». И во второе посещение Альбера опять: «Не забудьте поздравить от меня Пьера». Мадмуазель Арно [235] говорит, что он просил прочитать ему то, что говорилось в Салоне по поводу Пьера.

5 мая. Альбер едет в Буживаль, Иван говорит ему о г-не Виардо, о смерти которого он только что узнал: «Это был очень хороший человек»

6 мая. Альбер едет в Буживаль. Иван говорит с ним о Гаэтане Вигонь: «Я его видел в Вербуа верхом. Он красив со своим большим носом. Этому-то трудно будет стать республиканцем». Ивану дали газету, где говорится, что у него мания преследования. Он этим очень расстроен и написал письмо к Шамро, которое мадмуазель А⟨рно⟩ не отправила.

№ 4642, л. 3, 3 об.

17 июля. Иван Альберу ⟨письмо⟩.
Альбер Ивану Тургеневу ⟨письмо⟩.

3 сентября. Г-жа Виардо маме. Иван умер в 2 ч.! ⟨письмо⟩.
Мама г-же Виардо ⟨письмо⟩.

4 сентября. Г-жа Виардо Альберу ⟨письмо⟩.
Альбер г-же Виардо ⟨письмо⟩.

№ 4612, лл. 58, 58 об., 61.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ИРЛИ, ф. 309, № 1—5018.— В дальнейшем ссылки будут даваться только на номера единиц хранения.

[2] Советские исследователи: М. П. Алексеев. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты. — «Международные связи русской литературы». Сб. статей. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 233—285; М. И. Гиллельсон. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева. — «Русская литература», 1963, № 2, стр. 138—143; он же. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева.— Там же, 1964, № 1, стр. 125—134; он же. А. И. Тургенев и его литературное наследство.— В кн.: «А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826)». М.— Л., изд. «Наука», 1964, стр. 441—504; С. Н. Дурылин. Русские писатели у Гете в Веймаре.— «Лит. наследство», т. 4-6, 1932, стр. 287—323; С. С. Ланда. О некоторых особенностях революционной идеологии в России.— В кн.: «Пушкин и его время. Исследования и материалы», вып. 1. Л., изд. Гос. Эрмитажа, 1962, стр. 67—231; Ю. М. Лотман. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени.— «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 63, 1958; он же. П. А. Вяземский и движение декабристов.— Там же, вып. 98, 1960, стр. 24—142; В. В. Пугачев. Из истории русской общественно-политической мысли начала XIX века. (От А. Н. Радищева к декабристам).— «Учен. зап. Горьковского ун-та», вып. 57, 1962, стр. 3—174; он же. А. И. Тургенев в 1825—1826 годах.— Там же, вып. 58, 1963, стр. 465—476; В. М. Тарасова. Экономика Симбирской губернии в первой трети XIX века и хозяйство Тургеневых.— «Учен. зап. Марийского Гос. пед. института им. Н. К. Крупской», т. 9. ‹Иошкар-Ола›, 1955, стр. 24—86; она же. К вопросу о ранних преддекабрьских организациях.— Там же, т. 15, 1957, стр. 57—81; она же. О времени знакомства Тургенева с Н. И. Тургеневым.— «Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 276; П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.— Л., ГИЗ, 1928, стр. 272—300.

[3] А. А. Фомин. Петр Николаевич Тургенев и его дар русской науке. Материалы для биографии.— «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности ими. Академии наук за 1912 г.» (Приложение).

[4] «Архив братьев Тургеневых», вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 годы, т. II. СПб., 1913, стр. VIII — XVIII.

[5] Письма Тургенева к Кларе Тургеневой (№ 4708). См.: Тург АН. Письма, т. IV, стр. 145—146, 204—205, 343; т. V, стр. 101, 176, 213—214, 360—361; т. VI, стр. 78; т. IX, стр. 206, 233, 265; т. X, стр. 72, 158, 163, 173, 179, 202, 229; т. XI, стр. 125, 208, 342, 346; т. XII, кн. 1, стр. 20, 45—46, 99, 149, 158, 206—208, 369.

[6] Письмо П. А. Вяземского к Кларе Тургеневой, № 3826.

[7] Письма Тургенева к А. Н. Тургеневу (№ 4710, телеграмма — № 3763). См.: Тург АН. Письма, т. VII, стр. 346; т. VIII, стр. 211—212; т. X, стр. 99, 145, 229; т. XI, стр. 9, 218, 254; т. XII, кн. 1, стр. 144, 372, 388.

[8] Альбом А. Н. Тургенева, № 4482.

[9] Письма Тургенева к П. Н. Тургеневу (№ 4712). См.: Тург АН. Письма, т. XIII.

[10] «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, стр. XII — XVIII.

[11] Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. VIII. СПб., 1883, стр. 282.

[12] Заслуживают внимания письма К. и Ф. Н. Тургеневых к разным лицам от 8/20 и 16/28 ноября 1878 г. с подробным описанием похорон друга семьи Н. И. Тургенева — ориенталиста Н. В. Ханыкова (1822—1878). См. приложение V. И. Ю. Крачковский говорит о нем: «Наш знаменитый путешественник и эпиграфист, друг И. С. Тургенева, Ханыков сделал очень много для арабистики, но, вспоминая его, приходится повторить слова Н. И. Веселовского: „Ханыков был один из замечательных русских ориенталистов; к сожалению, в России не нашлось места, которое бы соответствовало его способностям и громадной эрудиции“» (И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.— Л., 1950, стр. 194). См. также «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 85—86.

[13] Письма Тургенева к Ф. Н. Тургеневой (№ 4709). См. Тург АН. Письма, т. IV, стр. 333; т. IX, стр. 177, 263, 290—291, 349; т. X, стр. 66, 82, 106, 137, 139, 145, 187; т. XI, стр. 27, 218—219.

[14] Жюль (Юлиус) *Моль* (1800—1876) — французский ориенталист, немец по происхождению; переводчик Фирдоуси. Один из самых близких друзей Тургеневых. Его письма к Ф. Н. Тургеневой — № 3447. Интересны записанные Ф. Н. Тургеневой 22 октября 1875 г. беседы с ним о борьбе партий, о Тьере. См. дневник «Fragments», 12 июля 1873 — 7 мая 1875 г., № 4640, лл. 11 об.—12.

[15] О поездке в Россию — см. дневник с 7 мая по 18 июля 1857 г., № 4601.

[16] Дневник с 15 декабря 1875 по 7 июня 1876 г., № 4625, лл. 6 об.— 19 об.

[17] См. выдержки из дневника за 15—22 ноября 1878 г., приведенные в текстах.

[18] Дневник за время с 18 апреля по 24 августа 1878 г., № 4631, лл. 22 об. и 35 об.

[19] «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, стр. XIV.

[20] Гулельмо *Пепе* (1782—1855) — итальянский генерал, политический деятель, военный писатель, автор мемуаров.— Жироламо *Уллоа* (р. 1810 — ум. после 1880)— итальянский генерал, военный писатель.

[21] «Тургеневский сборник». М.—Л., 1964, стр. 276—278.

[22] Воспоминания Ф. Н. Тургеневой 1872—1874 гг., № 4595, л. 9.

[23] Дневник с 1 мая 1868 по 6 июня 1869 г., № 4617, л. 25,

[24] Специальные тетради для регистрации писем с 1 декабря 1877 г. по 7 октября 1879 г. и с 1 октября 1879 г. по 31 декабря 1881 г., № 4610, 4611.

[25] № 1368. Выписки из этой тетради даются отдельно. См. приложение I.

[26] № 4968. То же. См. приложение II.

[27] М. П. А л е к с е е в. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе.— «Труды Отдела новой русской литературы». М.— Л., 1948, стр. 39—80.

[28] № 4608. Выписки из этой тетради даются отдельно. См. приложение III.

[29] Записная книжка с адресами, № 4609.

[30] Дневник с 6 июня 1869 г. по 23 апреля 1870 г., № 4618, л. 80 об. Эти сводки способствуют уточнению некоторых дат писем Тургенева.

[31] Дневник с 20 марта по 14 декабря 1875 г., № 4624, лл. 1—2.

[32] Дневник с 15 декабря 1875 г. по 7 июня 1876 г., № 4625, л. 1 об.; в архиве братьев Тургеневых сохранилось довольно много полученных семьей Тургеневых визитных карточек (№ 4479—4481), послуживших справочным материалом для раскрытия имен.

[33] Даты писем от Тургенева,— несомненно, даты получения.

[34] И. С. Тургенев и его дочь Полина.

[35] Мари *Иннис* (ум. 1879) — гувернантка Полины Тургеневой.

[36] А. *Чепмен* — вероятно, муж Мэри Вестон. См. ниже — прим. 150.

[37] Очевидно, И. С. Тургенев, Полина Тургенева и Ольга Александровна Тургенева, в замужестве Сомова.

[38] Филипп Огюст *Жанрон* (1809—1877) — французский писатель, художник, политический деятель. См. о его смерти — № 4628, л. 6 (дневник Ф. Н. Тургеневой за апрель — июнь 1877 г.).

[39] Антуан Огюст *Ложель* (псевдоним Vernier, p. 1830) — французский писатель, историк, инженер. Сотрудник «Temps», «Revue des Deux Mondes». См. M. P a r t u r i e r. Une amitié littéraire. Paris, 1952, p. 49. Интересны записанные Ф. Н. Тургеневой 11 декабря 1875 г. высказывания Ложеля о положении Франции (№ 4640, лл. 15 об.—17).

[40] Семья *Ташар* — ближайшие соседи по дому в Париже и друзья Тургеневых. В дневниках Ф. Н. Тургеневой очень часты упоминания этой фамилии.

[41] *Вигонь* — семья сестры Клары Тургеневой, Софи Вигонь. Свою тетушку Ф. Н. Тургенева называет «Тато».

[42] Эдуард *Бертран*. В архиве имеются его визитные карточки.

[43] Г-жа Эжен *Дюэрари* — визитная карточка.

[44] Пьер *Ланфрей* (1828—1877)— французский историк, писатель и политический деятель. Поддерживал политику Тьера. Его некролог (вырезка из газеты без назв.)— см. № 4607, л. 40 об. Упоминания о нем в кн.: M. P a r t u r i e r. Une amitié littéraire, p. 17.

[45] Очевидно, члены семьи Ашиля *Мерсье* (1830—1891), французского экономиста.

[46] Жюль *Морисо* — визитная карточка.

[47] *Кемпбелл*, врач, англичанин — визитная карточка.

[48] Возможно, Николай Николаевич *Дьяков* — муж В. А. Бакуниной.

[49] Мистрис Салиас *Шевабе* — визитная карточка.

[50] Вероятно, Джордж Вельбор *Эллис* — второй секретарь посольства Великобритании в Париже.

[51] Ансельм Поликарп *Батби* (1828—1887)— французский экономист, юрист, политический деятель; профессор политической экономии. В 1870 г.— депутат Национального собрания.

[52] В архиве Тургеневых имеются визитные карточки: «Е. Клаве» и «Жюль Клаве».

[53] Николай Алексеевич *Милютин* (1818—1872) — в 1859—1861 гг. товарищ министра внутренних дел. Активный участник и руководитель подготовительных работ по проведению крестьянской реформы. Ему посвящена книга французского писателя Леруа-Больё: «Un homme d'état Russe d'après sa correspondance». Paris, 1884.

[54] По всей вероятности, члены семьи Пьера Дени графа *Пейроне* (1778—1854) — французского государственного деятеля. В архиве Тургеневых хранится переписка с ними (№ 2719, 3669, 4288, 4290, 4654).

[55] *Био-Бонато* — врач. В архиве Тургеневых имеется его визитная карточка.

[56] Луи Леонар *Ломени* (1815—1878) — французский историк литературы; член Французской Академии с 1870 г.

[57] Франсуа Поль Эмиль *Буанорман де Боншоз* (1801—1875) — французский исто-

рик, автор популярного труда «Histoire de France» (История Франции). Paris, 1834 (в двух томах).

[58] Н. А. Милютин и его жена — Мария Аггеевна, рожд. Абаза (1834—1903), во втором браке Стиль. Состояла с Тургеневым в переписке.

[59] Жюль Бартелеми *Сент-Илер* (1805—1895) — французский государственный деятель, публицист, философ и историк; автор трудов по религии Востока, переводчик Аристотеля; член Французской Академии. Сторонник умеренной республики и мирной политики. Друг Тьера. В 1880 г.— министр иностранных дел.

[60] Маркиз *Арконати*—знакомый семьи Н. И. Тургенева. См. № 4595, л. 17 об. (воспоминания Ф. Н. Тургеневой).

[61] Рудольф *Линдау* (1829—1910) — немецкий писатель и путешественник; сотрудник «Revue des Deux Mondes» и «Journal de St.-Pétersbourg». См. о нем статью: G. Jonas. Turgenevs Briefe an Paul und Rudolf Lindau.—«I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen». Herausgegeben von G. Ziegengeist. B. I. Akademie-Verlag, Berlin, 1965, S. 108—145.

[62] Николай Васильевич *Щербань* (1834—1893) — автор воспоминаний о Тургеневе. См. о нем «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 450.

[63] О вечере 3 марта 1863 г. Тургенев писал И. П. Борисову 22 февраля / 6 марта 1863 г.

[64] О речи Тургенева на парижском обеде у Милютиных — см. Соч. 1930, т. XII, стр. 536—539. Перевод речи М. А. Милютиной на французский язык неизвестен (к тетради Ф. Н. Тургеневой листок не приложен). В архиве Тургеневых хранятся листы с речью Тургенева в его же переводе на франц. яз. (№ 1256).

[65] «Первая глава» «Записок охотника» — «Хорь и Калиныч» написана Тургеневым в 1846 г.; в 1847 г. рассказ появился в первом номере «Современника».

«Один из его друзей, издававший либеральный журнал» — И. И. Панаев. По этому поводу сам Тургенев говорит в «Воспоминаниях о Белинском»: «... только вследствие просьб И. И. Панаева, не имевшего чем наполнить отдел смеси в 1-м нумере „Современника“, я оставил ему очерк, озаглавленный „Хорь и Калиныч“» (X, стр. 302).

[66] Пропуск в рукописи; следует, вероятно, читать: «декабрист 1825 года». У Ф. Н. Тургеневой ошибочно 1824 (догадка Н. В. Измайлова).

[67] Юрий Николаевич *Милютин* (1856—1912) — сын М. А. и Н. А. Милютиных.

[68] Цифра 5, по-видимому, должна обозначать 5 марта — дату окончания записи.

[69] В. к. *Елена Павловна* (1806—1873) — жена в. к. Михаила Павловича. М. А. Милютина, несомненно, черпала сведения о ее приемах из рассказов своего брата — А. А. Абазы, состоявшего в 1862—1863 гг. гофмейстером двора Елены Павловны.

[70] Лицо не установленное.

[71] Так было названо в переводе на французский язык «Затишье».

[72] Возможно, семья Жозефа Эжена *Бонмер* (1813—1893) — французского писателя, в молодости автора водевилей, а впоследствии автора исторических трудов, сотрудника многих французских изданий и «Русского вестника» (с 1858 г.). См. его корреспонденции «Письма о крестьянах и земледелии во Франции».— «Русский вестник», 1859, т. 19, 21—24; 1860, т. 27, 28, 30; 1861, т. 34—36 («Lettres à la Russie sur la situation actuelle des paysans et de l'agriculture en France»). Или семья Лионеля *Бонмер*, адвоката (визитная карточка).

[73] Возможно, Жан Шарль *Герпен* (1798—1872) — французский ученый, медик по образованию, экономист и зоолог. Автор сочинений по различным вопросам сельского хозяйства, медицины, педагогики и др.

[74] По всей вероятности, Робер Кенн *Дуглас* (род. 1838) — английский ориенталист, хранитель китайских и японских книг в Британском музее, профессор. Секретарь конгресса востоковедов в Лондоне в 1874 г., делегат конгресса в Петербурге в 1876 г.

[75] Осип Федорович *Рустейко* (ум. около 1907) — друг Н. И. Тургенева и Мицкевича, поляк, эмигрант. Обучал П. Н. Тургенева русской истории, русскому языку и литературе. Был посредником при передаче архива братьев Тургеневых в Россию. См. о нем «Архив бр. Тургеневых», вып. 3, стр. XIV.

[76] Кто-то из родственников матери Ф. Н. Тургеневой — Клары Тургеневой, рожд. Виарис.

[77] Эммануель *Лисиньоль* — визитная карточка.

[78] Генрих Юлиан *Шмидт* (1818—1886) — немецкий литератор, знакомый Тургенева, состоял с ним в переписке (1868—1881).

[79] Возможно, Гийом Луи *Голланд* (род. 1822) — немецкий филолог.

[80] В архиве Тургеневых имеются визитные карточки: «Эмиль Ларнак» и «Жюльен Ларнак. Адвокат».

[81] Польское восстание 1863 года и расправа с ним царского правительства чрезвычайно волновали современников. В Париже в 1863 г. был издан ряд брошюр и книг, посвященных Польше. Трудно сказать, какую именно брошюру рассылала Ф. Н. Тургенева в июне 1863 г. Есть основание предполагать, что речь идет о брошюре «L'In-

surrection polonaise par le comte de Montalembert» (Paris, 1863). Автор разосланной брошюры — Шарль Форб, граф де Монталамбер (1810—1870) — французский политический деятель, оратор и публицист, занимавшийся историей Польши. Ф. Н. Тургенева неоднократно встречалась с ним в 1863 и 1866 гг. в доме Ж. Моля; там же обсуждалась «брошюра г. Монталамбера» (см. № 4603, л. 13 об.; № 4967, л. 23; № 4616, л. 9).

[82] Об А. М. *Горчакове* — см. в дневнике Тургенева 1882 г.— «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 393—394 и 405 (публикация и комментарии И. С. Зильберштейна). Провозгласивший себя императором в 1852 г. Наполеон III, «клятвопреступник, задушивший республику», был ненавистен передовым слоям французского общества. В. И. Ленин в статье «Уроки Коммуны» говорит о режиме, под который с его воцарением подпала Франция: «Этот режим довел страну не только до разорения экономического, но также до унижения национального» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 451). М. Е. Салтыков-Щедрин в IV главе очерка «За рубежом» пишет, что при Наполеоне III «... люди странным образом обезличились, измельчали и потускнели» (Щедрин, т. XIV, стр. 162). Граф Виелопольский, по предложению которого был произведен рекрутский набор в Польше (см. письмо Тургенева к Ханыкову от 3/15 февраля 1863 г.), назван в прокламациях польского национального комитета «преступником, предателем родины» («La Pologne et la diplomatie». Paris, 1863, p. 18). См. о нем: В. Д. Спасович. Жизнь и политика маркиза Виелопольского. СПб., 1882.

[83] Камилл Гиацинт Одилон *Барро* (1791—1873) — адвокат, государственный деятель Франции. Был сторонником Луи Филиппа; при Луи Бонапарте (Наполеоне III)— глава министерства. Автор воспоминаний («Mémoires posthumes», 1875—1876 гг.) Интересна беседа с ним, записанная Ф. Н. Тургеневой незадолго до его смерти — 12 июля 1873 г.,— о Франции и о ее деятелях (№ 4640, лл. 3—4). Салтыков-Щедрин так характеризует его в очерке «За рубежом»: «... этому человеку всю жизнь хотелось кому-нибудь послужить и, наконец, удалось-таки послужить Бонапарту» (Щедрин, т. XIV, стр. 163).

[84] Юрий Федорович *Самарин* (1819—1876) — публицист и общественный деятель, славянофил; принимал участие в подготовке крестьянской реформы в России, позже — в Польше.

[85] Адольф *Клавель* (род. 1815) — врач. Старый друг Н. И. Тургенева (см. «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, стр. XI).

[86] Эта реплика «Que n'ai-je amené ma femme à la fête!»— довольно точная цитата из гл. XXV «Expédition nocturne autour de ma chambre» Ксавье де Местра (Oeuvres complètes du comte Xavier de Maistre. Paris, 1828, p. 126—127).

[87] Список (приглашенных?), видимо, был составлен предварительно. С кем именно из перечисленных в нем лиц встретился на вечере Тургенев, сказать трудно из-за неясности помет и подсчетов Ф. Н. Тургеневой.

[88] Эдмон Анри Адольф *Шерер* (1815—1889) — французский политический деятель, писатель, литературный критик, редактор «Temps».

[89] Мистер Уильям Б. *Баддикем* — визитная карточка. В дневнике Ф. Н. Тургеневой за 1867 г. упоминается эта фамилия с различными инициалами. См. № 4616, л. 44; 4617, л. 52.

[90] Возможно, Вальтер *Беджот* (1826—1877) — английский писатель, экономист.

[91] Один из членов семьи Шаналь — близких знакомых Тургеневых с 1842 г. См. № 4595 (воспоминания Ф. Н. Тургеневой).

[92] Жорж *Жанро* (ум. 1872) — адвокат, французский государственный деятель.

[93] Граф *Клечковский* — визитная карточка.

[94] Жозеф *Мартен-Пашу* (1802—1873) — французский пастор протестантского вероисповедания, писатель. Один из основателей «Ligue permanente de la paix», переименованной в «Société des amis de la paix». Многолетний друг Н. И. Тургенева. Его речь над гробом последнего см.: «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, стр. XIV—XV.

[95] В дневниках Ф. Н. Тургеневой встречаются упоминания имени Густава *Арле*.

[96] Жюль *Дюлу* — визитная карточка.

[97] Эдмон *Кош* — визитная карточка.

[98] По всей вероятности, Пьер Сюзан Огюстен *Кошен* (1823—1872) — французский публицист, общественный деятель; автор трудов по истории, педагогике и др., в том числе книги «Abolition de l'esclavage» (Paris, 1861).

[99] Густав *Мотт* — визитная карточка.

[100] Морис *Блок* (1816—1901) — французский экономист; автор книг по статистике и политической экономии; сотрудник «Temps», «Journal des Économistes» и др. изданий. О нем как об авторе некролога Н. И. Тургенева в «Temps», 26 ноября 1871 г., см.: «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, стр. XVI.

[101] Гастон *Брюэр* (1835—1885) — будущий муж Полины Тургеневой.

[102] Возможно, Федор Антонович *Моллер* (1812—1875) — живописец, портретист.

[103] Жюст Шарль Владимир *Ганьер* (1807—1889) — французский политический деятель, фурьерист; экономист, публицист.

[104] Шарль Врук *Дюпон-Уайт* (1807—1878) — французский экономист, политический деятель; автор многочисленных трудов по политическим и социальным вопросам. Некоторые сведения о нем сообщает Б. Н. Чичерин в «Путешествии за границу» (М., 1932, стр. 46).

[105] В архиве Тургеневых имеются визитные карточки Эдмона и Леопольда *Фавр*

[106] С⟨ен⟩т-Илер — см. Жюль Бартелеми *Сент-Илер* (прим. 59).

[107] Атанас Жозюе *Кокрель* (1820—1875) — французский историк, богослов. Стоял во главе либерального протестантизма во Франции; блестящий оратор. В 1850—1864 гг.— помощник пастора Мартена-Пашу. В 1864 г. лишен места за свободомыслие. Автор трудов по истории искусств и истории церкви; издатель писем Вольтера о веротерпимости. Или его отец — Атанас Лоран Шарль *Кокрель* (1795—1868) — богослов-реформатор, проповедник; основатель газет «Le Protestant», «Le libre examen», «Le lien».

[108] Эдмон Део де *Пресансе* (1824—1891) — французский политический деятель, оратор, пастор, писатель.

[109] Возможно, Огюстен *Бонетти* (1798—1879) — французский публицист.

[110] Мари *Моль* — жена Ж. Моля.

[111] В архиве братьев Тургеневых хранится переписка К. Тургеневой с г-жей Баддикем (№ 4260, 4450).

[112] В архиве братьев Тургеневых хранится переписка с семьей Берн (№ 3102, 3484—3486, 3883).

[113] Софи *Шаналь* — художница, приятельница Ф. Н. Тургеневой.

[114] Мари *Мейнье* — визитная карточка.

[115] Элеонора *Мартен-Пашу*, жена пастора (см. прим. 94).

[116] Луиза *Ганьер* (рожд. Миньро; 1832—1902), жена И. Ш. В. Ганьера, писательница, автор романов на социальные темы. Некоторые романы переводились на русский язык и печатались в журналах: «Женский вестник» (1867, 1869), «Неделя» (1871), «Беседа» (1872), «Магазин иностранной литературы» (1874).

[117] Алиса *Фавр* — визитная карточка.

[118] Элиза Франсуаза Луиза де *Пресансе* (рожд. дю Плеси Гуре; 1826—1901) — жена Э. Д. де Пресансе, писательница. Автор романов и книг для детей. В русском переводе ее произведения печатались в серии «Зеленая библиотека» (1869), в «Педагогическом сборнике» (1881) и др.

[119] Луи Эдмон *Поме* (1831—1901) — художник, переводчик и поэт (перевел «Мцыри» Лермонтова). Знакомый Тургенева и его почитатель. Участвовал в опереттах «Слишком много жен» и «Последний колдун» («Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 90 и 221 — программа спектакля). См. о нем статью: Н. С. Никитина. Тургенев и Луи Поме.— «Тургеневский сборник», I. М.— Л., 1964, стр. 326—329.

[120] Адольф Лоран *Жоанн* (1813—1881) — французский литератор, географ, путешественник, поэт.

[121] Роже Франсуа Сижисмон маркиз Надайак *дю Пуже* (1816—1876) — владелец стекольной и хрустальной фабрики в Клуа.

[122] Г-жа *Мерижо* и г-жа *Барлас* — владелицы пансиона, в котором училась Полина Тургенева.

[123] О свадьбе дочери Тургенев сообщал в письмах к П. В. Анненкову и Н. С. Тургеневу 16/28 февраля 1865 г.

[124] 16/28 февраля 1865 г. Тургенев писал брату: «Фабрика моего зятя находится в Département d'Eure et Loir, près de Cloyes — и называется „Rougemont"».

[125] В этом «фрагменте» идет речь о Н. А. Милютине. Значительно позже — 13/25 октября 1882 г.—Тургенев писал барону Икскуль-Фиккелю: «Хотя деятельность его ⟨Милютина — *М. С.*⟩ в Польше требует многих оговорок (впрочем он сам назвал ее Тамерлановым делом и видел в нем печальную необходимость), тем не менее я никогда не забуду огромных услуг, оказанных им России в деле освобождения крестьян...». (Оригинал по франц.).

[126] Михаил Николаевич *Муравьев* гр. (1796—1866) — административный деятель, за жестокое подавление польских восстаний 1831 и 1863 гг. получил прозвище «Вешатель». В 1866 г.— председатель следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова, казненного за покушение на жизнь Александра II. Тургенев мог почерпнуть передаваемые здесь сведения только из устных рассказов.

[127] Иван Павлович *Арапетов* (1811—1887)— чиновник Министерства уделов, знакомый Тургенева. В 1859 г. член комиссии по подготовке крестьянской реформы. Изображен в повести «Затишье» (Помпонский). Сохранились три письма Арапетова к Тургеневу 1868 г. и письмо Тургенева к нему без даты.

[128] Здесь имеются в виду «генеральские сцены» в романе «Дым». Александр II мог читать «Дым» в «Русском вестнике» (март 1867 г.) или по отдельному изданию, вышедшему в начале ноября 1867 г.

Кто рассказывал «императору об одном из этих господ» и кого уподоблял император баденским генералам — Ф. Н. Тургенева не называет.

[129] Трудно сказать, кого именно из большой семьи Д. Н. и Е. А. Свербеевых имел в виду Тургенев. Свербеевы были знакомы с семьей Н. И. Тургенева и часто бывали в Париже.

[130] Об этом обеде см. письмо Тургенева к П. Виардо от 14/26 марта 1868 г.

[131] Иван Сергеевич *Гагарин* (1814—1882) — писатель, перешедший в католичество. С 1838 г. жил в Париже, где основал славянскую библиотеку. О нем и о созданной им библиотеке см. статью: М. П. Алексеев. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции.— «Русская литература», 1963, № 2, стр. 73—81, а также письмо Гагарина к Герцену.— «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 61—63.

[132] Николай Николаевич *Муравьев-Амурский* (1809—1881) — генерал-адъютант, член Государственного совета, генерал-губернатор Восточной Сибири (1847—1861); его жена — Екатерина Николаевна (рожд. Ришмонд).

[133] Августин Петрович *Голицын* (1824—1875) — писатель и переводчик. Основные его труды посвящены вопросам истории религии. Перевел на французский язык «Дым» в 1867—1868 гг. Об этом переводе имеется свидетельство Мериме в «Вестнике Европы», 1874, № 3, стр. 172. См. также Тург АН. Сочинения, т. IX, стр. 543—544.

[134] Николай Иванович *Трубецкой* (1807—1874). См. о нем — Тург АН. Письма, т. III, стр. 701 и т. VII, стр. 96—97 и 477.

[135] Виктория Аделаида *Мария Луиза* — жена кронпринца Фридриха Вильгельма, будущего императора Германии Фридриха III.

[136] Эрфурт был в 1808 г. местом свидания Наполеона I, Александра I и других монархов.

О спектаклях в Бадене см.: «Лит. наследство», т. 73, кн. 1 — статьи Р. Оливье «Либретто оперетт и комедия» (стр. 69—90) и Г. Швирца «Представления оперетты „Последний колдун"» (стр. 208—224).— Говоря о своем участии в спектакле, Тургенев вспоминает именно оперетту «Последний колдун».

[137] Фридрих *Рюккерт* (1788—1866) — немецкий ученый, поэт и переводчик. Пользуясь его переводами на немецкий язык (с санскрита — эпизод из древнеиндийской поэмы «Махабхарата» — повесть о Нале и Дамаянти; с древнетаджикского языка — эпизод из «Шах-Наме» Фирдоуси), Жуковский создавал свои поэмы «Наль и Дамаянти» и «Рустем и Зораб» (см. В. А. Жуковский. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1956, вступ. статья Н. В. Измайлова, стр. 43—45 и прим., стр. 828—829).

[138] Георг Фридрих *Даумер* (1800—1875) — немецкий философ и поэт. Многие его стихотворения переведены на русский язык И. Ф. Тюменевым, Д. В. Коломийцевым, В. С. Лихачевым, С. А. Свиридовой (С. Свириденко); некоторые — положены на музыку И. Брамсом.

Реплика Моля интересна тем, что совершенно зачеркивает мнение некоторых биографов Даумера (например, Коша), которые принимали его за переводчика Рафиза, основываясь, возможно, на том, что Даумер давал сборникам своих стихотворений название «Гафиз». Вейт Валентин так пишет о Даумере: «Его величайшим поэтическим творением является представленный им «Гафиз» в полных значения, совершенно самостоятельных стихах...» («Allgemeine deutsche Biographie». IV. Leipzig, 1876, S. 774.— Приводим цитату в переводе с нем.).

[139] Винцент *Розенцвейг-Шваннау* (1791—1865) — австрийский ориенталист. Перевел на немецкий язык с персидского «Диван» Гафиза.

[140] По всей вероятности, Адольф Огюст Жан Батист *Николя* (1814— ?) — переводчик Омара Хаяма на французский язык; составитель книг: «Dialogues persans-français accompagnés de notes sur les principales règles de Grammaire persane...» (Paris, 1869; 2-е изд.); «Dictionnaire français-persan» в двух томах (Paris, 1885—1887) и др.

[141] Е. *Вебер* — ветеринарный врач.

[142] Жена Жана Жюля Кламажерана (1827—1903), адвоката, французского политического деятеля, сотрудника «Journal des Économistes».

[143] Лорд Джон *Рассел* (1792—1878) — английский государственный деятель (его имя встречается в дневнике Ф. Н. Тургеневой 9 апреля 1872 г.— № 4619, л. 76 об.); или лорд Артур *Рассел* — визитная карточка.

[144] Эмиль *Гербет* — нотариус, к которому обращались Тургеневы, очевидно, по делу оформления документов о смерти Н. И. Тургенева, последовавшей 29 октября/10 ноября 1871 г., и об опекунах П. Н. Тургенева. Заседание «семейного совета» по делу опеки состоялось в мэрии 3 декабря 1871 г. Тургенев пишет об этом «совете» Ж. Этцелю 18/30 ноября 1871 г.

[145] Некролог «Николай Иванович Тургенев», написанный И. С. Тургеневым, был впервые опубликован в «Вестнике Европы», 1871, № 12, стр. 913—920 (вышел в свет 13 декабря).

[146] Габриель *Гроньяр* — врач, часто посещавший семью Тургеневых, позже один из душеприказчиков О. Барро, издателей его мемуаров (1875—1876).

[147] *Дефей* — преподаватель в семье Тургеневых.— Эжен Гатен принес номер «Journal des Économistes», очевидно, с речью Ипполита Пасси, произнесенной

в «Société d'Économie Politique» (см. «Архив братьев Тургеневых», вып. 3, стр. XVII — XVIII).

[148] Очевидно, Ф. Н. и А. Н. Тургеневы переводили с русского на французский язык некролог отца, написанный Тургеневым (см. прим. 145). В бумагах Тургеневых хранятся несколько экземпляров переводов на французский язык (рукой Фанни Николаевны и Альбера Николаевича) этого некролога, некрологов из лондонской газеты «Athenaeum» от 9 декабря 1871 г. и из нью-йоркской газеты «Nation» от 14 декабря 1871 г. (№ 2033).

[149] Петр Иванович *Бартенев* (1829—1912) — издатель и редактор журнала «Русский архив». Письмо Бартенева не сохранилось. Известно ответное письмо Тургенева от 16/28 декабря 1871 г.

[150] Мэри *Чепмен* (рожд. Вестон; 1806—1885) — американская журналистка. Участвовала в борьбе с рабством. Очевидно, здесь тоже речь идет о некрологе Н. И. Тургенева.

[151] По всей вероятности, статья А.-О. Ложеля.

[152] Василий Андреевич *Прилежаев* (1831—1887) — протоиерей в русской посольской церкви в Париже.

[153] 11 апреля 1872 г. Тургенев присутствовал на репетиции концерта, в программу которого входили отрывки из оперы Глюка «Ифигения в Тавриде». 13 апреля «Journal des Débats» объявлял о назначенном на 14 апреля 1872 г.— «восьмом и последнем популярном концерте классической музыки, имеющем быть в Зимнем цирке в воскресенье 14 апреля», и сообщал программу концерта: Ouverture de Struensée (Meyerbeer). Le Rouet d'Omphale, I-re audition (Saint-Saëns). Fragments d'Iphigénie en Tauride (Glück). Songe, prière, air avec choeur par Mme Viardot. Fragments du septuor (Beethoven). J'ai pardonné, mélodie (R. Schumann). Marguerite (F. Schubert), par Mme Viardot. Suite d'orchestre (E. Guiraud). L'orchestre sera dirigé par M. J. Pasdeloup.

[154] Возможно, Жак Огюст Адольф *Ренье* (1804—1884) — французский историк литературы.

[155] «По теленку вода» — выражение бессмысленное. Ф. Н. Тургенева ошиблась или написала в шутку. Существует выражение: «à vau-l'eau» (т. е. по течению воды), которое звучит так же, но здесь было бы неуместным.

[156] Об отношении Тургенева к Гамбетте см.: «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 394 и 408—409.

[157] *Циглер* — врач патолого-анатом.

[158] О *Гроньяре* — см. прим. 146.

[159] Эдмон *Одье* — визитная карточка.

[160] Анна *Гельмгольц* — жена Г.-Л.-Ф. Гельмгольца, немецкого ученого, естествоиспытателя, дочь Ж. Моля.

[161] По всей вероятности, Альберт *Дайси* — профессор права в Оксфорде.

[162] Очевидно, Пьер Поль *Леруа-Болье* (1843—1896) — французский экономист, автор многочисленных трудов по вопросам экономики, в том числе: «La question ouvrière au XIX siècle» (1871), «Le travail des femmes au XIX siècle» (1873). Возможно, что именно эту книгу пересылал Тургенев. Или его брат — Анри Жан Батист Анатоль *Леруа-Болье* (1842—1912) — профессор истории и публицист. С 1872 г. по 1881 г. он четыре раза приезжал в Россию. Результатом этих поездок явилась книга «L'Empire des Tzars et les Russes». Paris, 1881—1882 и дополнительно «Un homme d'état Russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite» (1884). На русский язык это дополнение переведено В. В. Тимощук (см. ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1654/3573).

[163] Поль *Брока* (1824—1880) — французский лингвист, антрополог и хирург.

[164] Клод Дени Огюст *Валет* (1805—1878) — французский политический деятель, юрист.

[165] Г-жа Альфонс *Мале* — визитная карточка.

[166] Ольга Николаевна *Смирнова* (1834—1894) — дочь А. О. Смирновой; автор фальсифицированных мемуаров от имени своей матери.

[167] О Тато — см. прим. 41.

[168] По всей вероятности, Ф. Н. Тургенева и ее мать переводили письмо Тургенева в Англию по поводу намерения Оксфордского университета присудить ему почетную степень доктора гражданского права. См. письмо Тургенева к Рольстону от 10/22 февраля 1874 г.

[169] Анри Гено де *Мюсси* — врач (визитная карточка).

[170] Луиза *Голицына* (рожд. де ла Рош-Аймон; 1825—1885) — жена А. П. Голицына.

[171] *Сегалас* — врач, у которого Тургенев купил дом в Буживале. См. письмо Ф. Н. Тургеневой к неустановленному лицу (приложение IV).

[172] Дочь Полины Тургеневой — Жанна *Брюэр*.

[173] Господин Прюдом — персонаж в произведениях французского писателя А. Монье. Тип пошлого, самоуверенного буржуа.

[174] Артур (Артемий) Германович *Рафалович* (род. 1853 г.) — экономист. Корреспондент «Journal des Débats», «Temps» и других; редактор журналов: «Économiste

français», «Journal des Économistes» и др. В 1880-х годах — член Совета торговли и мануфактуры Министерства финансов (в России) и агент этого Министерства в Париже.

Концерт в пользу русской читальни с участием Тургенева, П. Виардо, Н. С. Курочкина, А. Н. Есиповой, Глеба Успенского и др. Об этом концерте см. письма Тургенева к Золя от 13/25 февраля и к Вырубову от 5/17 февраля 1875 г.

[175] Артур Гамильтон *Гордон* (род. 1829) — английский дипломат.

[176] О П. В. *Жуковском* см. далее прим. 5 к воспоминаниям Липгарта.

[177] Ван де *Путте* — друзья Тургеневых; по имени в дневниках упоминается только Джон ван де Путте.

[178] О *Боголюбове* см. далее публикацию его воспоминаний.

[179] Адальбер *Фальк* (1827—1900) — прусский государственный деятель.

[180] Джозеф *Арч* (род. 1826) — английский социалист, руководитель революционного движения сельских рабочих в 1872 г. Основатель национального Союза землепашцев. Прибыл в Париж в 1875 г. как член делегации рабочей ассоциации мира. В статье «В Англии» (1912) В. И. Ленин писал о нем: «Недавно сотрудник одной рабочей газеты в Англии посетил Джозефа Арча, старого вождя сельских рабочих, который много погрудился над пробуждением их к сознательной жизни. Это дело не удалось сразу — наивен был и лозунг Арча — „три акра (акр — немного более $^1/_3$ десятины) земли и корова" — каждому сельскому рабочему,— погиб созданный им союз,— но его дело не погибло, и организация сельских рабочих в Англии снова становится на очередь дня» (В И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 40).

[181] Сестра П. В. Жуковского — Анна Васильевна *Жуковская* (позже баронесса Верман; 1842—1899). «Ложность положения» — ее близость с в. к. Алексеем Александровичем. См. о ней письмо Тургенева к Рольстону от 30 декабря 1871/11 января 1872 г., а также «Русский архив», 1908, № 1, стр. 111 и «Адрес-календарь» на 1868—1871 гг.

[182] Тургенев имеет в виду «Процесс Арнима», явившийся завершением разногласий между всемогущим канцлером Германии — Бисмарком (1815—1898) и послом Германии во Франции — Гарри Арнимом (1824—1881), в котором Бисмарк видел личного врага. Привлекавшийся к судебной ответственности Арним выразил свое отношение к канцлеру в брошюре: «Pro nihilo. Vorgeschichte des Arnim Processes». Zürich, 1875.— См. «Pro nihilo. Les antécédents du Procès d'Arnim». Paris, 1876 и А. З. М а н ф р е д. Внешняя политика Франции 1871—1891 гг. М., 1952.

[183] *Мак-Дермот* — полковник (визитная карточка).

[184] Виктор Жозеф Этьен де *Жуи* (1764—1846) — французский писатель; автор трагедий, комедий, водевилей, либретто опер, рассказов. До 1812 г. Жуи помещал свои рассказы в газетах, позже объединяя их в сборники. Один из таких сборников: «Hermite de la Chaussée d'Antin ou observations sur les moeurs et les usages parisiens au commencement du XIX siècle.» (Пустынник с шоссе д'Антен, или Заметки о парижских нравах и обычаях в начале XIX века). Paris, 1812—1814 (в 5 томах). 24 декабря 1825 г. в № 154 «Северной пчелы» Ф. В. Булгарин извещал «любителей легкого и забавного чтения» о выходе в свет новой книги «Антенский пустынник, или Изображение французских нравов и обычаев в начале XIX столетия. Соч. г. Жуи» в переводе с французского членом Вольного общества любителей российской словесности — Шаплетом (Самойло Самойловичем). О Жуи см.: «Труды по славянской филологии», изд. Русским институтом при Стокгольмском университете, т. 4.— «Gogol et Pétersbourg. Recherches sur les antécédents des contes Pétersbourgeois pas Nils Åke Nilsson». Stockholm, 1954.

[185] После панихиды по Ж. Молю.

[186] Один из сыновей О. Барро (Раймонд или Рауль).

[187] Возможно, Чарлз Френсис *Адамс* (Эдамс) (1806—1886)—американский дипломат и общественный деятель; принимал участие в борьбе с рабством. Или его сын Чарлз Френсис *Адамс* (род. 1835) — экономист.

[188] *Рувилль* — французский пастор реформатского вероисповедания.

[189] Владимир Александрович *Черкасский* (1824—1878) — общественный и государственный деятель; публицист, член редакции «Русской беседы»; принимал участие в подготовке крестьянской реформы. Ему посвящена книга О. Трубецкой «Князь В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии» (1901). Его жена — Екатерина Алексеевна *Черкасская*. См. о ней выше, прим. 28 к дневнику П. А. Васильчикова.

[190] Эрнест Жозеф *Ренан* (1823—1892) — французский писатель, историк и философ. Его жена — Мари *Ренан*.

[191] Петр Федорович *Самарин* (1832—1901) — юрист, общественный деятель. Его жена — Анна Павловна *Самарина* (рожд. Евреинова).

[192] В архиве Тургеневых имеются визитные карточки: «Барон Леон Фредерикс. Полковник. Адъютант военного министра» и «Баронесса Фредерикс, рожд. Арапова».

[193] Вильям *Рольстон-Шедден* (1828—1889) — английский фольклорист, критик и историк литературы. Приятель Тургенева. См. о нем ЛА, т. VI, стр. 25—27 (статья:

В. И. Маслов. Письма к В. Рольстону). См. также Тург АН. Письма т. VI, стр. 627.

[194] О встречах Тургенева с В. Гюго см. статью: М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомые.— «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 868—894. См. также статью Д. Стремоухова: D. Stremooukhoff. «Lettres de Tourguèneff à Victor Hugo».— в сб. «Revue des Études Slaves», т. 27. Mélanges. André Mazon. Paris. 1951, p. 241—245. Запись Ф. Н. Тургеневой позволяет полагать, что Тургенев виделся с Гюго еще раз в мае 1876 г. Судя по приведенным выше записям, сведениями, которые Ф. Н. Тургенева сообщает 6 июня 1876 г. И. С. Гагарину, Тургенев мог поделиться с нею или с ее братьями 24 или 28 мая. Дело в том, что 22 мая Гюго выступил в Сенате (куда он был избран 30 января 1876 г.) от своего имени и от имени «политических друзей», требуя амнистии «для событий 18 марта» — («... je demande pour les faits du 18 mars l'amnistie pleine et entière».— «L'amnistie au Sénat. Séance du lundi 22 mai 1876». Victor Hugo. Actes et paroles. Depuis l'exil. 1870—1876. Paris, 1876, p. 305—321).

Выступление Гюго должно было сделаться сразу же известным Тургеневу и, очевидно, с этим именно выступлением «он пошел поздравить В. Рюго». Этот визит может быть датирован 23—27 мая 1876 г. В этом же году исполнялось 50 лет со дня казни декабристов. Знаменательна попытка Тургенева популяризировать во Франции имя Рылеева. «Rappel» — политическая газета, основанная в 1869 г. Виктором Гюго, его сыновьями Шарлем и Франсуа, О. Вакери и др.

[195] В архиве Тургеневых имеются визитные карточки: «Поль Першерон с женой» и «Эмиль Першерон».

[196] О событиях на Востоке Тургенев говорит во многих письмах 1876—1877 гг. См., например, письма: к Флоберу, к Вревской и к Полонскому.

[197] Жозеф *Декен* (1807—1882) — профессор ботаники.

[198] Николай Алексеевич *Орлов* — см. о нем далее, прим. 34 к воспоминаниям Липгарта.

[199] Возможно, Александр Алексеевич *Рахманов* — муж Елены Сергеевны, рожд. Волконской (в первом браке Молчановой, во втором — Кочубей; 1835—1916).

[200] П. В. Жуковский передает слова Тургенева как реакцию на сообщение газет о политике английского правительства в период разрешения восточного вопроса. Как пишет корреспондент «Голоса», «все европейские публицисты высказываются один за другим по восточному вопросу. Литературное движение, вызванное нынешними событиями на Балканском полуострове, уже создало целую библиотеку...» («Голос», 1876, 12 декабря). Возмущение Тургенева политикой Англии выразилось в стихотворении «Крокет в Виндзоре». Как говорит Б. М. Эйхенбаум, стихотворение это «написано под впечатлением балканских событий — жестокого подавления турками революционного восстания в Болгарии (в мае 1876 г.). Английское правительство занимало позицию невмешательства, а на деле помогало Турции...» (X, 603. См. об этом же: Г. Бялый. Тургенев и русский реализм. М.— Л., 1962, стр. 175—176).

[201] Дневники Ф. Н. Тургеневой 1876—1877 гг. изобилуют такого рода записями. Напряженно следя по газетам за ходом обсуждения в Константинополе «великими державами» восточного вопроса, семья Тургеневых вместе с другими русскими остро переживала сообщения о вооружении русской армии, очевидно, видя в нем подготовку к новой войне.

[202] Генри *Джеймс* (1843—1916) — американский писатель, романист; почитатель Тургенева. О знакомстве Тургенева и Джеймса см. статью: В. П. Батуринский. К биографии И. С. Тургенева.— «Минувшие годы», 1908, № 8, стр. 48—60.

[203] Мари Эдм Патрис Морис *Мак-Магон* герцог Мажента (1808—1893) — французский бонапартистский маршал и политический деятель, противник Тьера; с 1873 г., после отставки Тьера, президент Французской республики до 1879 г. О Мак-Магоне, о положении Франции см. письма Тургенева к Флоберу от 17/29 ноября, к Л. Пичу от 19 ноября/1 декабря 1876 г., к Стасюлевичу от 24 ноября/6 декабря 1877 г. и др.

[204] Франсуа Ашиль *Базен* (1811—1883) — французский маршал. Во время франко-прусской войны в 1870 г. сдался в плен. Тургенев писал М. А. Милютиной 8/20 августа 1870 г.: «Армия Базена так-таки не успела вовремя убраться из Меца. Нельзя не согласиться, что неспособность генералов французских и их администрации еще на сто процентов превосходит нашу неспособность во время Крымской кампании...».

[205] Полковник *Мак-Дермот*.

[206] Отец Рольстона — Уильям Патрик *Рольстон-Шедден*. См. статью: М. П. Алексеев. William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century — в сб. «Oxford Slavonic Papers», vol. XI, 1964, p. 83—93.

[207] Об А. Ф. *Онегине* см. далее прим. 31 к воспоминаниям Липгарта.

[208] Возможно, Джон Роджерс *Герберт* (1810—1890) — английский художник.

[209] По всей вероятности, Виктор *Шербюлье* (1829—1899) — французский писатель, романист. Сотрудник «Revue des Deux Mondes». Его романы в переводе на русский язык: «Граф Костя», «Роман честной женщины», «Мисс Равель» — печатались в журналах: «Модный магазин», «Библиотека для чтения» и др. Интересно его предисловие к книге Марка Монье «Théâtre des marionettes» (1871), частично переведенное В. С. Ку-

рочкиным (В. С. Курочкин. Собрание стихотворений. Под ред. И. Г. Ямпольского. Л., 1947, стр. 459,— «Принц Лутоня»).

[210] Шарль *Бюлов* (род. 1843) — французский журналист; сын Франсуа Бюлоза (1803—1877)— издателя журналов: «Revue des Deux Mondes», «Revue de Paris» и др.

[211] Жан Батист Клод Эжен *Гийом* (род. 1822) — скульптор.

[212] Возможно, Филипп *Берже* (род. 1846) — французский ученый, арабист.

[213] Гастон Камилл Шарль *Масперо* (1846—1916) — французский ученый, египтолог.

[214] Тургенев познакомился с М. М. Антокольским и с изваянной им статуей Ивана Грозного в Петербурге в 1871 г. На Всемирной выставке в Париже были выставлены работы Антокольского, среди них: «Иоанн Грозный» — гипсовая статуя, «Христос перед судом народа» — мраморная статуя и «Последний вздох» (Христос на кресте) — бронзовый барельеф. В 1880 г. в числе скульптур Антокольского, выставленных в Академии художеств, был бюст Тургенева, исполненный в 1877—1878 гг. в Париже. Много данных о знакомстве Тургенева с Антокольским находится в кн.: И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945.

[215] По всей вероятности, имелся в виду каталог картин Тургенева («Catalogue de tableaux modernes ⟨...⟩ tableaux anciens ⟨...⟩ Formant la collection de M. Ivan Tourguèneff...»), продажа которых объявлялась на 20 апреля 1878 г. См.: «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев». М.— Л., 1958, стр. 217.

[216] Дмитрий Степанович *Бортнянский* (1751—1825) — русский композитор, классик церковной хоровой музыки.

[217] Станислав Карлович *Барцевич* (1858—1928) — известный скрипач. В 1876 г. окончил Московскую консерваторию. Концертировал в России и в Западной Европе. Профессор Варшавского музыкального института.

[218] Агат *Барро* (рожд. Дефосе) — жена К.-Г.-О. Барро.

[219] Семья Александра *Клапье* — адвоката, французского политического деятеля, автора исторических трудов и трудов по политической экономии.

[220] Телеграмма Тургенева — № 3763.

[221] Письмо Тургенева к А. Н. Тургеневу (видимо о том, что состояние здоровья Н. В. Ханыкова ухудшилось) не сохранилось.

[222] Известие о смерти Н. В. Ханыкова. Телеграмма не сохранилась.

[223] Яков Николаевич *Ханыков*, двоюродный брат Н. В. Ханыкова.

[224] Варвара Дмитриевна *Арнольди* (рожд. Свербеева).

[225] Иван Федорович *Золотарев* (1813—1881) — член Русского географического общества; чиновник Министерства внутренних дел.

[226] *Лоран* и г-жа *Сорде* — домоправители Н. В. Ханыкова.

[227] Жан Луи Арман *Катрефаж де Бро* (1810—1892) — французский ученый-естествоиспытатель, член нескольких ученых обществ, путешественник, автор трудов по медицине, географии, антропологии.

О похоронах Н. В. Ханыкова см. письмо Тургенева к Я. П. Полонскому от 10/22 ноября 1878 г. Сохранились письма Ф. Н. Тургеневой этого времени (черновики) к Лорану Сорде и к А. В. Плетневой об участии Тургенева в похоронах Ханыкова. (См. приложение V.) Упоминание о том же встречается в неоконченном письме Ф. Н. Тургеневой к неустановленному лицу (№ 3765).

[228] Николай Сергеевич *Тургенев* (род. 1816 — умер 7 января 1879). 9/21 января Тургенев писал Флоберу: «Вчера я получил известие о смерти моего брата; это меня сильно огорчило и лично и по воспоминаниям прошлого. Мы видались с ним очень редко и между нами не было почти ничего общего; но брат — это иногда меньше, но нечто иное нежели друг, менее сильно и более семейно».

[229] После молебна по случаю неудавшегося покушения на Александра II народовольца А. К. Соловьева 2 апреля 1879 г.

[230] Варвара Дмитриевна *Арнольди*.

[231] Александр Петрович *Плетнев* (1852—1911) — сын П. А. Плетнева, приятель А. Н. Тургенева.

[232] Очевидно о разводе дочери (состоялся в 1882 г.).

[233] «Гренуйер» (Лягушатник, или Лягушатница) — «водяное заведение» — место отдыха и развлечений «лодочников» и «парижских ротозеев» на Сене, недалеко от Буживаля. Гренуйер вдохновлял Ренуара и Моне, писавших там в 1868—1869 гг. несколько ярких сцен («немного преувеличенных», по словам Ренуара) дает Мопассан. См., например, его рассказ «La femme de Paul».

[234] Семья Эммануэля *Фремье* (род. 1824) — скульптора. В его школе учился П. Н. Тургенев.

[235] Г-жа *Арно* — гувернантка, затем экономка в доме Виардо.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

«КНИГИ РОЗДАННЫЕ» ‹И ПОЛУЧЕННЫЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ› 1855—‹1865› [1]

‹*1855*› *19 декабря*. Г-ну Родригез — ‹...› «Записки русского барина» [2] И. Тургенева ‹л. 5 об.›

1856 29 ноября. Г-же Пауер — ‹...› «Записки охотника» ‹л. 8›

23 декабря. Г-же Стоу [3] — «Записки охотника» И. Тургенева ‹л. 8›

‹*1857*› *28 марта*. От г. Плетнева [4] «Рассказы и повести» [5] 3-я часть. И. Тургенева ‹л. 17 об.›

4 апреля. Г-ну Рустейке — 1 т. «Рассказов» И. Тургенева, при‹надлежа›т г-ну Плетневу ‹л. 9 об.›

‹*1858*› *апрель*. От г-на Рустейки — «Рассказы и повести» Тургенева 2 т. ‹л. 19›

15 июня. Г-же Берн — 2 т. И. Тургенев «Сцены из русской жизни» [6] ‹л. 11›

Июнь ‹Г-ну Вигоню› — И. Тургенева «Рассказы» ‹л. 2 об.›

11 сентября. Г-же Ложель — «Сцены из русской жизни» 2 т. ‹л. 11›

17 сентября. Гаэтану Виарис — 1 т. «Записок охотника» ‹л. 11›

22 октября. Г-ну д-ру Маестри — 2 т. И. Тургенева ‹л. 11›

24 декабря. Г-же Моль — 1 т. Иван Тургенев «Охотник» 1 т. пер‹евод› Делаво [7] ‹л. 11›

Декабрь. Г-ну Рустейке — «Записки охотника», пер‹евод› Шарьера ‹л. 11 об.›

1859 октябрь. Г-ну д-ру Шерону — ‹...› 2 т. Ивана Тургенева ‹л. 12›

1860 17 июля. Г-ну Рустейке — «Сцены из русской жизни» И. Тургенева 2 т. ‹л. 13 об.›

1861 январь. От г-на Ивана Тургенева — «Накануне» I т. (на русском языке) ‹л. 21›

15 февраля. От г-на Тургенева — 2 т. Сочинения ‹л. 21 об.›

1 мая. M-elle Лартиг — 2 т. Ивана Тургенева «Русские рассказы» [8] ‹л. 14 об.›

10 декабря. Г-же Пауер — 2 т. Ивана Тургенева ‹л. 30 об.›

1862 21 января. Г-ну Ташару — ‹...› 2 т. И. Тургенева ‹л. 30 об.›

Октябрь. Г-ну Молю — ‹...› Пушкин ‹от› И. Т. ‹л. 32›

24 октября. Г-ну Уолкеру — 2 т. И. Тургенева ‹л. 33›

25 декабря. Г-ну Мартену — «Рудин» И. Тургенева ‹л. 33›

1863 19 января. Г-ну И. Тургеневу — Крауфорд, при‹надлежи›т г-же Моль ‹л. 33›

10 марта. От г-жи де Пейроне — I т. Охотник, русск. ‹л. 22 об.›

Г-ну Лонгу [9] — ‹...› I т. Тургенева при‹надлежи›т г-же де Пейроне ‹л. 34›

Апрель. Г-ну Батби — «Рудин», «Охотник» при‹надлежа›т г-же де Пейроне ‹л. 34 об.›

9 июня. Г-же Пайель — «Рудин» ‹л. 35›

28 июля. Г-же Мейнье — «Отцы и дети» И. Тургенева ‹л. 35 об.›

14 августа. Г-же Браве — «Рудин» ‹л. 35 об.›

‹*1864 12 февраля*› ‹От M-elle Картер› — I ‹т.› Тургенева ‹л. 24 об.›

31 марта. Г-же С. Шаналь — ‹...› I т. Пушкина, перев. Иван [10] ‹л. 38›

21 апреля. Ей же I т. «Отцы и дети» ‹л. 38›

‹*1865 25 апреля*› ‹Сдано в переплет› — 2 ‹т.› Тургенева ‹л. 29 об.›

[1] ИРЛИ, ф. 309, № 1368, «Livres prêtés 1855 ‹—1865›».

[2] «Mémoires d'un seigneur russe». Под таким заглавием появились во Франции в 1854 г. «Записки охотника» в переводе Эрнеста Шарьера (1805—1870). Об Э. Шарьере и его переводах см. статьи: М. К. Клеман. «Записки охотника» и французская публицистика 1854. (Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. М., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 305—314) и М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника».—«Записки охотника» И.С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 55—65.

[3] Гарриет *Бичер-Стоу* (1811—1896) — американская писательница. «... Николай Иванович ‹Тургенев› имел оживленные сношения с американскими журналистами и проповедниками эмансипации негров, как M-me Chapman и M-me Бичерстоу, автор „Хижины дяди Тома“»,— пишет его биограф Е. И. Тарасов («Архив братьев Тургеневых», вып. 3, стр. XIV).

[4] Петр Александрович *Плетнев* (1792—1865) — критик и поэт.

[5] «Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 г. по 1856 г.», ч. 1—3. СПб., 1856.

[6] По всей вероятности, Ф. Н. Тургенева имела в виду «Scènes de la vie russe. Nouvelles russes...» в переводе Кс. Мармье («Les deux amis», «Jacques Passinkoff», «Moumou», «Faust», «Le ferrailleur» ⟨Бреттер⟩, «Les Trois portraits»). Paris, 1858 — первый выпуск и «Scènes de la vie russe» ⟨...⟩ Deuxième série в переводе Луи Виардо и Тургенева («Le pain d'autrui», «Une correspondance», «Deux journées dans les Grands Bois», «Le partage») Paris, 1858 — второй выпуск. См. Тург АН. Письма, т. III, стр. 526—527.

[7] «Chasseur» — «Récits d'un chasseur par Ivan Tourgueneff» в переводе Ипполита Делаво. Об И. Делаво и о его переводах см. статью Ф. Я. Приймы «Новые данные о „Записках охотника" Тургенева во французской литературе» («Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Орел, 1955, стр. 331—351). См. также Тург АН. Письма, т. III, стр. 516—517.

[8] Очевидно и здесь имеется в виду сборник «Scènes de la vie russe». См. прим. 6.

[9] По всей вероятности, Джеймс *Лонг* (1814—1887). О нем см. статью: М. П. Алексеев. Тургенев и Джеймс Лонг.— «Тургеневский сборник». I. М.— Л., 1964, стр. 312—315.

[10] Очевидно, изданная в Париже в 1862 г. книга: Alexandre Pouchkine. Poêmes dramatique. Traduit du russe par Ivan Tourgueneff et Louis Viardot. Boris Godounoff. Le baron avare. Mozart et Saliéri. La Roussalka. L'invité de pierre. Paris, 1862.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

«КНИГИ В ОБРАЩЕНИИ»[1]
1879—1883

1879 15 мая. Кларе Вигонь ⟨...⟩ — «Записки охотника» И.Т., перевод Шарьера, 2 т. ⟨л. 2⟩

⟨*17*⟩ *мая.* Ивану Тургеневу — «The Innocents abroad»* Марка Твэна, 1 т. ⟨л. 2 об.⟩

24 мая. Леди Минто — ⟨...⟩ Ивана Тургенева «Новь» ⟨л. 4 об.⟩

26 мая. Г-ну Жоржу Родье — «Новь», «Дым» ⟨л. 5⟩

29 мая. Леди Минто — ⟨...⟩ «Записки охотника», перев⟨од⟩ Делаво ⟨л. 4 об.⟩

Июнь. Г-же Родье — «Сцены из русской жизни», 2 т. в зеленом переплете ⟨л. 5⟩

18 августа. М-elle Бон — ⟨...⟩ «Отцы и дети» И. Тургенева ⟨л. 3 об.⟩

10 сентября. ⟨Ей же⟩ — «Отцы и дети» И. Тургенева ⟨л. 3 об.⟩

17 декабря. Полковнику Мак Дермоту — ⟨...⟩ «Записки охотника» И. Т. перев⟨од⟩ Шарьера, 2 т. ⟨л. 7⟩

1880 29 октября. Ивану Тургеневу — 1. M. S. Онегина; 2. Письмо Пушкина Сергею Тургеневу 21 августа; 3. Письмо Пушкина Александру Тургеневу 14 июля; 4. Билет — канун дуэли; ⟨5⟩. Письмо Сергея Пушкина Александру Тургеневу. Москва 1837.[2] ⟨л. 18⟩

1881 17 декабря. Гаэтану Виарис — ⟨...⟩ Иван. «Жид» и т. д. 1 т. ⟨л. 14⟩

1882 3 июня. Г-же Ревиль — «Мертвые души» Гоголя, «Дворянское гнездо» И. Т. в переплете ⟨л. 15⟩

1883 7 января. Д-ру ⟨Магену⟩ — ⟨...⟩ И. Т. «Дворянское гнездо» ⟨л. 19 об.⟩

1883 марта. ⟨Ему же⟩ — ⟨...⟩ И. Т. «Вешние воды» ⟨л. 22⟩

28 июля. ⟨Ему же⟩ — «Записки русского барина» 2 т., «Живые мощи», «Московитские рассказы» [3], «Дмитрий Рудин» ⟨л. 30⟩

Август. ⟨Ему же⟩ «Отцы и дети» ⟨л. 30⟩

[1] ИРЛИ, ф. 309, № 4968 — «Livres en circulation».

[2] Эта запись совершенно особая — о передаче Тургеневу подлинных пушкинских «документов»: 1. M. S. Онегина, т. е. манускрипт Онегина — беловая рукопись первой главы «Евгения Онегина» (напечатана в вариантах — Пушкин. Полн. собр. соч., т. VI. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1937, стр. 543—556). 2. Письмо Пушкина к С. И. Тургеневу от 21 августа 1821 г. (там же, т. XIII, 1937, стр. 31—32). 3. Письмо Пушкина к А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. (там же, стр. 102—103). 4. Билет— канун дуэли — записка Пушкина к А. И. Тургеневу от 26 января 1837 г. (там же, т. XVI, 1949, стр. 223). 5. Письмо Сергея Львовича Пушкина к А. И. Тургеневу от 4 июня 1837 г. (напечатано в «Вестнике Европы», 1880, № 12, стр. 821).

* «Простаки за границей» (англ.).

Эти пять документов Тургенев передал Стасюлевичу: три — для публикации два — для Пушкинской выставки. (В архиве братьев Тургеневых хранится расписка Стасюлевича от 27 октября/8 ноября 1880 г. в получении этих документов — ИРЛИ, ф. 309, № 4976). Все они после опубликования 2-го, 3-го и 5-го в «Вестнике Европы» (1880, № 12, стр. 819—821) были возвращены в семью Тургеневых, а в 1903 г.— среди прочих материалов — переданы П. Н. Тургеневым в Академию наук (В. И. Срезневский. Автографы Пушкина, поступившие в библиотеку Академии наук в 1903 г.— «Пушкин и современники», вып. II. СПб., 1904, стр. 1—13), ныне в ИРЛИ (ф. 244).

[3] «Nouvelles moscovites» — сборник рассказов Тургенева, изданный в Париже в 1869 г. (переиздан в 1874, 1880 гг.). Сюда входят: «Le Juif» (Жид), «Petouchkof» (Петушков), «Le Chien» (Собака), «Apparitions» (Призраки), «Annouchka» (Ася), «Le Brigadir» (Бригадир), «Histoire du lieutenant Yergounof» (История лейтенанта Ергунова). О переводах рассказов этого сборника — см. статью: Р. М. Горохова. К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» («Тургеневский сборник». I. М.—Л., 1964, стр. 257—269). См. также Тург. АН Письма, т. VIII, стр. 23—24, 33, 35—37.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

⟨ЗАПИСНАЯ КНИЖКА⟩ [1]

1877. Книги полученные: ⟨...⟩ От И. Тургенева «Новь» ⟨л. 2 об.⟩ Книги розданные: ⟨...⟩ А. Бон — «Живые мощи» ⟨л. 3⟩

Январь. Книги присланные С. Иором: ⟨...⟩ «Живые мощи» ⟨л. 14⟩

1 ⟨января⟩ ⟨Визитные⟩ карточки ⟨...⟩ Иван с визитом ⟨лл. 6, 9⟩

5 мая. Книги присланные С. Иором: ⟨...⟩ Иван Тургенев «Новь» ⟨л. 14 об.⟩

Без даты ⟨тоже⟩ ⟨...⟩ «Записки русского барина» ⟨л. 15⟩

30 мая. ⟨Книги купленные⟩ ⟨...⟩ Иван. «Живые мощи» ⟨л. 12 об.⟩

6 августа ⟨тоже⟩ Иван Тургенев «Новь» ⟨л. 12 об.⟩

Декабрь. Отремонтировать: ⟨...⟩ 1 том И. Тургенев ⟨л. 13 об.⟩

1878 Книги, присланные С. Иором ⟨...⟩ «Живые мощи» (для А. Бон) ⟨л. 17⟩. ⟨Книги розданные:⟩ А. Бон — «Живые мощи» ⟨л. 42⟩

1879 1/13 января. Карточки посланные: ⟨...⟩ Ивану Тургеневу; полученные: ⟨...⟩ Иван Тургенев ⟨л. 34⟩

июль ⟨Книги, присланные С. Иором:⟩ ⟨...⟩ 12 т. Ивана Тургенева ⟨л. 42 об.⟩

6 августа ⟨тоже⟩ 9 т. Иван Тургенев ⟨л. 2⟩

1880 Иван. Сочинения: «Новь». У Ф. Т. в Вербуа: «Дворянское гнездо», «Московские рассказы», «Д. Рудин», «Странные истории» [2], «Живые мощи», «Отцы и дети», «Дым», «Вешние воды», «Записки охотника» ⟨л. 41 об.⟩

1881 Сочинения И. Тургенева. У Ф. Т. 97 ул. де Лиль. Переплетено Расселем: «Живые мощи», «Вешние воды», «Дым», «Дворянское гнездо», «Новь», «Отцы и дети», «Странные истории», «Д. Рудин», «Московские рассказы», «Новые сцены из русской жизни (Елена)» [3], «Записки охотника». Вербуа. «Живые мощи», «Вешние воды», «Дым», «Дворянское гнездо», «Новь», «Рудин», «Записки русского барина» 2 т., ⟨л. 46 об.⟩

⟨*Без даты*⟩ Библиотека. Иван. Сочинения.

На русском языке: «Отцы и дети», «Дым», Сочинения 2 ⟨т.⟩

У Фанни: «Записки охотника» Делаво, «Вешние воды», «Живые мощи», «Дым», «Дворянское гнездо», «Новь».

На французском языке: «Московитские рассказы», «Записки охотника» Делаво, «Сцены из русской жизни», «Отцы и дети», «Вешние воды», «Живые мощи», «Д. Рудин», «Странная история», «Новые сцены из русской жизни», «Новь», «Дворянское гнездо», «Дым».

На английском языке: «Лиза», «Отцы и дети».

⟨Книги розданные⟩: Люси ван де Путте: «Отцы и дети», «Вешние воды», «Живые мощи», «Д. Рудин», «Странная история», «Новь», «Дворянское гнездо», «Дым», «Записки охотника» Шарьера ⟨л. 42⟩.

[1] ИРЛИ, ф. 309, № 4608. Записная книжка.
[2] Etranges histoires. Paris, 1873 («Etrange histoire», «Le roi Lear de la steppe», «Toc... toc... toc...», «L'abandonnée»). Сборник. См. Vladimir B o u t c h i k. Bibliographie des oeuvres littéraires russes traduites en français. Tourguenev, Dostoevski, Leon Tolstoi. Paris, 1949, p. 6.
[3] См. прим. 6 к приложению I.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Ф. Н. ТУРГЕНЕВА — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ[1]

‹Париж 26 августа/7 сентября 1874 г.›

... Что касается Ивана Сергеича, то по приезде мы узнали, что он и семья Виардо купили дом в Буживале! Дом доктора Сегаласа, в котором в прошлом году жили Рафаловичи. Имение — участок и лес — значительное и очень красиво расположено. Но в тех местах считают, что дом дурно построен, и мама опасается, как бы это не стало источником неприятностей,— рабочие уже там; а мы слишком хорошо знаем по собственному опыту, что́ влечет за собой ремонт старых стен, чтоб не страшиться того, что, видимо, собирается предпринять Иван Сергеевич...

[1] ИРЛИ, ф. 309, №4848. Письмо черновое, датируется 7 сентября 1874 г. на том основании, что оно написано на следующий день после возвращения из девятидневного путешествия по Голландии. Вернулись же Тургеневы к вечеру 6 сентября 1874 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Ф. Н. ТУРГЕНЕВА — А. В. ПЛЕТНЕВОЙ

‹16›/28 ноября 1878 г. Вербуа

Мой дорогой друг,

Когда у нас горе, мы еще чаще, чем обычно, думаем о тех, кого любим горячо и искренне; у меня, во всяком случае, это так и у вас, надеюсь, тоже, а потому вы поймете, что мне сейчас хочется поговорить с вами.

Из русских газет вы должны были узнать о смерти нашего друга господина Ханыкова, и вы, конечно, понимаете, что для нас это большая утрата, создавшая вокруг нас такую пустоту, которую ничто не сможет заполнить,— отходит кусок прошлого; с ним мы могли говорить обо всем, что нас более всего интересует — о России и об ушедших годах. Он знал так много и знал всё так точно и основательно! Он всегда готов был дать справку, обсудить вместе с нами то́, что нам хотелось уяснить себе. В Лондоне в 1870—71 годах он был с нами безотлучно, помогая нам пережить эти месяцы печалей и волнений, а с 1871 г. он не переставал проявлять к нам истинную дружбу. Его мужество во время болезни было, право, героическим. Альбер не мог на него налюбоваться. Как только мы узнали из его письма к маме, что он болен, Альбер стал очень часто навещать его. Увы, как мы сетовали на трудность пути и дальность расстояния между Вербуа и Рамбуйе, так все осложнявшие. Когда мама поехала навестить бедного дорогого больного, она была очень тронута его приемом, его терпением и спокойствием.

14-го Альбер уехал от него в 5 часов вечера. 15-го телеграмма слуг известила, что все кончено.

Отец Прилежаев, за несколько дней до того причащавший нашего друга, вернулся на следующий день в Рамбуйе, чтобы отслужить панихиду; Альбер и Иван Сергеич там к нему присоединились. В пятницу 22-го служба в русской церкви объединила друзей г-на Ханыкова — русских и французов. Ученые, члены Академии наук, Антропологического общества, Географического и Азиатского обществ оказались многочисленными на кладбище Пер Лашез. Г-н Катрефаж произнес речь, из которой видно, как высоко ценили нашего друга в научном мире Франции. «Такие люди,— сказал под конец г-н де Катрефаж,— заставляют любить их родину за границей». Иван Сергеич тоже выступил — и очень хорошо. Он задыхался от волнения. Эта смерть была для него очень горестна; ему, как и нам, известно, каким ценным человеком был дорогой

усопший, сколько он трудился и какое место занял в тех областях науки, которые он изучал и углублял. И он также знает, как покойный всегда был готов оказать услугу, быть полезным. Ах, конечно, у русских в Париже немало причин его оплакивать!

Что касается нас, мы так опечалены, что не думаем о переезде в город. Мы остаемся здесь. Для здоровья мамы так лучше.

Ф. Т.

ИРЛИ, ф. 309, № 3764. Письмо черновое. Оригинал по-французски.

Александра Васильевна *Плетнева* (рожд. княжна Щетинина; 1825—1901) — вторая жена П. А. Плетнева. О ней см.: А. Ф. К о н и. На жизненном пути, т. II. СПб., 1912, стр. 378.

Помимо публикуемого здесь письма Ф. Н. Тургеневой сохранилось несколько ее писем в фонде П. А. Плетнева (ф. 234, он. 4, № 177) и среди них два с упоминанием Тургенева (от 16 мая 1877 и 2 февраля 1880 г.). Приводим выдержку из этого последнего письма (лл. 12—15): «Иван Сергеич приезжал попрощаться с нами. В четверг он уезжает в Россию — вы его, вероятно, увидите; он всегда рассказывает мне о вас с большой симпатией. Я огорчена, что, возвратясь в Париж, мы его там не увидим». В архиве Тургеневых также находится черновик ответа К. Тургеневой (по-французски) домоуправителю Ханыкова Лорану Сорде от 8/20 ноября 1878 г., в котором имеются строки: «Мы получили сегодня утром ваше письмо и тотчас же отослали вложенный в него список в Париж господину Ивану Тургеневу, который взял на себя уведомительные письма» (№ 3766). Сохранился экземпляр извещения о кончине Ханыкова с адресом Муравьева-Амурского, написанным рукой И. С. Тургенева (№ 3767).

ВОСПОМИНАНИЯ И. Е. ЦВЕТКОВА, 1874

Публикация И. С. Зильберштейна

У Тургенева было немало друзей, но еще значительнее количество людей, с которыми он только встречался и беседовал. Многие из них оставили свои воспоминания о писателе. Однако далеко не все мемуарные и дневниковые записи такого рода обнаружены и напечатаны. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что для настоящего тома удалось собрать и впервые обнародовать записи девяти мемуаристов о встречах и беседах с Тургеневым. Эти записи относятся к разным периодам его жизни на протяжении сорока пяти лет — с 1838 по 1883 год.

1

В огромной литературе о Тургеневе имя Ивана Евменьевича *Цветкова* (1845—1917), автора печатаемых здесь воспоминаний, ранее не упоминалось. Он встретился с писателем лишь однажды в доме общих друзей — композитора Владимира Никитича Кашперова, в позднейшие годы профессора Московской консерватории, и его жены Адели Николаевны. Но эта единственная встреча оказалась такой содержательной и так превосходно запечатлена Цветковым, что воспоминания о ней будут с интересом прочитаны не только исследователями, но и широкими кругами читателей.

Сын бедного священника, Цветков с трудом добился осуществления своей мечты — получить высшее образование. В 1873 г. он окончил математический факультет Московского университета, а в следующем году поступил на должность бухгалтера в Московский земельный банк. Вскоре Цветков занял здесь видное положение, а в 1895 г. стал председателем оценочной комиссии банка.

В конце 70-х годов, обладая лишь минимальными познаниями в области русского изобразительного искусства, Цветков становится коллекционером-любителем рисунков русских художников. И так как у него тогда не было серьезных конкурентов, в сравнительно короткий срок Цветков собрал замечательную коллекцию [1]. Видное место в ней занимали листы, относящиеся к концу XVIII — началу XIX вв. Среди них были подлинные шедевры. Достаточно сказать, что Цветкову удалось достать пленительной прелести эскиз, исполненный В. А. Тропининым в 1827 г. итальянским карандашом с натуры для известного портрета Пушкина. В дальнейшем Цветков собирал и произведения, исполненные маслом. А когда в 1909 г. он принес в дар городу Москве свою коллекцию, в ней было 1200 рисунков и 300 картин. Вот что было сказано в связи с этим в одной газете: «Оценить на деньги дар Цветкова не представляется возможным. Во всяком случае, на него было затрачено не меньше миллиона рублей» [2].

После 1917 г. эта коллекция была преобразована в Государственную Цветковскую художественную галерею, развернутую в доме, построенном для этой цели дарителем. О лучших творениях 404 русских художников, представленных в этой галерее, рассказал ее хранитель А. В. Бакушинский [3]. Но, к сожалению, в 1926 г. Цветковская галерея была закрыта, а ее экспонаты переданы Третьяковской галерее.

Следует сказать, что вкусы Цветкова были ограниченными и дальше передвижников он не шел. Художник В. В. Переплетчиков так охарактеризовал его: «Цветков действительно любитель искусства, он неутомимо, по силе своих средств, собирает рисунки, картины; он особенно любит жанристов. Только одна беда, понимание его дошло до 80-х годов XIX столетия и ни ну, ни тпру. Все новое, хорошее, понимается им очень туго, лучше сказать, совсем не понимается. Но любит по-своему и художника и картины» [4]. К молодым художникам Цветков относился безучастно. Вот что пишет по этому

поводу Я. Д. Минчиков: «Как ни интересовался Иван Евменьевич искусством, какое бы внимание ни уделял художникам, биографиям и мелочам их жизни — все же художник поддержки от него не мог ожидать никакой, особенно из молодых, хотя бы и талантливый. Он признавал только установившееся в его время направление в искусстве и ничего нового предугадать не мог. К молодым силам относился полупрезрительно и не церемонился по отношению к ним в выражениях» [5].

В 1899 г. Цветков был выбран Московской городской думой в Совет Третьяковской галереи для того, чтобы В. А. Серов, И. С. Остроухов и А. П. Боткина-Третьякова, люди передовых воззрений в вопросах искусства, не могли по собственному усмотрению решать вопросы, связанные с приобретениями для галереи. Цветков доставил им немало волнений на протяжении шести лет его деятельности в Совете галереи. Когда он со своим единомышленником Н. П. Вишняковым вышли из Совета, Серов, делясь своей радостью с Боткиной, писал: «Это единственно благородный до сих пор поступок с их стороны» [6]. Сам Цветков так объяснял свой выход из Совета галереи: «Я люблю школу реалистическую и всегда был против уродливого декадентства (...) Когда начали покупать для галереи картины с явно декадентским направлением, я предпочел лучше уйти, чем участвовать в собирании недостойных вещей» [7].

Цветков пользовался известностью в художественных кругах России: он был действительным членом Академии художеств, председателем Московского общества любителей художеств, а затем его почетным членом[8].

2

Вряд ли Цветков был большим любителем литературы. Естественно предположить, что диапазон его интересов в этой области был не широк. Вот, например, что пишет Цветков в своих воспоминаниях о пребывании в 1872 г. в Женеве: «Узнавши, что в табачном магазине эмигранта-поляка Столковича помещается целая библиотека русских запрещенных книг, я познакомился со Столковичем и с большой жадностью начал вкушать эти запрещенные плоды. Но плоды эти очень скоро мне надоели, набили оскомину. Единственно, что мне показалось очень интересным — это записки Герцена под названием „Былое и думы“ и особенно его роман „Кто виноват?“, который приводил меня в восторг» [9].

Бывая у Кашперовых, Цветков мог здесь нередко видеть литераторов, со многими из которых композитор и его жена издавна поддерживали хорошие отношения. К числу близких знакомых принадлежал и Тургенев, с которым Кашперовы познакомились в Париже в декабре 1856 г., по рекомендации Герцена. Спустя несколько недель — в январе 1857 г. — они вновь встретились с Тургеневым в Берлине, на квартире М. И. Глинки, в ту пору тяжело болевшего [10].

19 февраля 1860 г. Тургенев поместил в «С.-Петербургских ведомостях» сводку рецензий, в которых итальянская пресса высоко оценивала поставленную в Милане оперу Кашперова «Мария Тюдор», и сопроводил эту сводку положительным отзывом о таланте композитора. Сохранившаяся переписка их (семь писем Тургенева и одиннадцать Кашперова) относится к 1857—1864 гг.

Цветков вспоминает, что встретился с писателем у Кашперовых «как-то в субботу в июне 1874 года». Можно с точностью назвать день встречи,— это было 1 июня, в Москве [11].

Произведение Тургенева, о котором шла речь во время беседы в доме композиторов,— роман «Новь». И позже Тургенев не раз выражал сомнение в том, придется ли ему завершить эту работу. Вот, например, что он писал 1/13 августа 1874 г. из Карлсбада М. В. Авдееву: «Жалею, что не успел окончить своего большого труда („Новь“); в нем было, сколько мне кажется, кое-что дельное. Но, впрочем, беда не большая: другие скажут, что я хотел сказать...» И лишь в январе 1876 г. Тургенев писал П. Гейзе: «Все время вожусь с большим романом („Новь“), но никак не доведу его до конца, может быть удастся окончить в этом году». И действительно, в конце сентября того же 1876 г. Тургенев сообщал Стасюлевичу, что окончательно переписал «Новь» и скоро отправит рукопись для напечатания в «Вестник Европы».

Очень интересны записанные Цветковым слова Тургенева о том, что работу над «Новью» вдохновляло желание мстить «обскурантам, перебежчикам, ренегатам».

Любопытны высказывания Тургенева о том, как он работает над образами своих героев.

Интересно сказанное им о том, как реагировали на роман «Отцы и дети» и молодежь, и старшее поколение, а также о большом успехе, выпавшем на долю этого романа в Соединенных Штатах Америки [12].

Но, пожалуй, самое драгоценное в воспоминаниях Цветкова — записанные им мысли, высказанные Тургеневым относительно того, какую он избрал бы себе специальность, если бы мог заново начать жизнь: «Я выбрал бы карьеру пейзажиста. Карьера пейзажиста мне нравится больше всех известных карьер. Пейзажист не зависит ни от издателя, ни от цензуры, ни от публики; он — вполне свободный художник. В природе так много прекрасного, что сюжет всегда для него готов, готов целиком. Умей только выбрать его. Расправь свой холст, бери краски и пиши. Лгать тут не нужно».

Известно, что Тургенев бесконечно любил природу и почти в каждом из своих произведений любовно и проникновенно описывал ее. Недаром Ипполит Тэн называл Тургенева «совершеннейшим из пейзажистов» [13], а Лев Толстой говорил о его описаниях природы: «Они удивительны; ничего лучшего ни в одной литературе не знаю» [14].

Самыми любимыми Тургеневым художниками-пейзажистами были барбизонцы. Прежде всего, роднило его с этой группой мастеров благоговейное отношение к природе. Барбизонцы, несомненно, привлекали Тургенева утонченной простотой сюжетов. Лирические пейзажные зарисовки, занимающие огромное место в «Записках охотника», созвучны творениям барбизонцев, для которых «пейзаж был не декорацией, а известным состоянием души». Поэзия будничной природы в полотнах Теодора Руссо и его товарищей гармонировала с пейзажами в произведениях молодого Тургенева. «Сочетанием воздуха и света с тем, что оживлено воздухом и озарено светом, я хочу добиться, чтобы слышно было, как стонут деревья при северном ветре, как птицы зовут птенцов», — вот о чем мечтал Руссо. Так же как и Руссо, Тургенев отказался от искусственного «классического» пейзажа; оба они пытались создать пейзаж, непосредственно передающий не только природу, но и чувства, вызываемые в них природой. Недаром Рихард Мутер, желая отыскать в беллетристике параллель пейзажу Руссо, из всей сокровищницы произведений мировой литературы мог назвать произведения одного лишь Тургенева. Там «все так свежо и ясно, как будто не прошло через посредство пера, а прямо вышло из лесов и степей»,— писал Мутер о «Записках охотника», подчеркивая близость в изображении природы у Теодора Руссо и Тургенева [15].

Характерно, что, распродав в 1878 г. свое собрание картин, Тургенев оставил у себя из произведений барбизонцев пейзаж Теодора Руссо. За несколько месяцев до смерти в пространных письмах к Я. П. Полонскому Тургенев объяснял сущность и значение творчества Коро и Руссо: «Что касается до Руссо — то вся ошибка твоя состоит в том, что ты хочешь видеть в нем *окончательную* картину, а это эскиз, студия* (домик даже так и остался неоконченным), но студия гениальная, особенно дорогая для живописцев, потому что в ней сохранилась вся поэтическая свежесть и сила первого впечатления» (письмо от 1/13 сентября 1882 г.).

Эту же картину имеет в виду французский литератор Мельхиор де Вогюэ, описавший свою беседу с больным Тургеневым. Узнав о смерти генерала Скобелева, Тургенев сказал: «Скоро я последую за ним». «Глядя на это тело, изможденное жестокими страданиями, — пишет далее Вогюэ,— я почувствовал, что он говорил правду. Вся жизнь как будто отхлынула и сосредоточилась в голове, великолепной и увенчанной лесом белых волос, которые он порою встряхивал гордым движением раненого льва. Глаза его часто останавливались на картине Руссо, которую он любил больше всех, потому что Руссо понимал одинаково с ним душу и силу природы: старый, лишенный верхушки дуб, изможденный годами, потрясаемый декабрьскими ветрами, которые развевают его последние порыжелые листья. Между этой картиной и этим благородным стариком была словно братская связь, была одинаковая покорность приговорам судьбы [16].

* Тут — этюд.— *И. З.*

Сохраненное Цветковым утверждение писателя, что он хотел бы родиться художником-живописцем, как-то по-новому освещает тему «Тургенев и живопись». В моей книге «Репин и Тургенев» (1945) я довольно подробно останавливался на отношении писателя к русским художникам и французским пейзажистам. Но тема эта далеко еще не исчерпана. И я надеюсь осветить ее в одной из ближайших своих работ «Тургенев и изобразительное искусство». В такой же мере мечтаю завершить давно начатую мною книгу «Тургенев-рисовальщик»,— как известно, он принадлежал к числу тех великих русских писателей, которые неплохо рисовали.

Воспоминания И. Е. Цветкова печатаются по автографу ЦГАЛИ, ф. 904 И. Е. Цветкова), оп. 1, ед. хр. 22.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. И. Янжул. И. Е. Цветков.— «Русская старина», 1911, № 2, стр. 331.

[2] «Новая художественная галерея».— «Раннее утро», 1909, № 99, 1 мая.

[3] А. Бакушинский. Живопись и рисунки XVIII—XX столетий в Цветковской галерее. М., 1925.

[4] В. В. Переплетчиков. Дневники. Не изданы; хранятся в ЦГАЛИ.

[5] Я. Д. Минченков. Воспоминания о передвижниках. Л.—М., 1965, стр. 298.

[6] Из письма В. А. Серова к А. П. Боткиной от 11 марта 1905 г.—Не издано.— Отдел рукописей Третьяковской галереи.

[7] Н. С—к о. Цветковская галерея.—«Русское слово», 1909, № 176, 1 августа.

[8] «Только любовь к картинам, своим и чужим, собирание картин составляют для меня высочайшее наслаждение и нравственное успокоение; здесь все мои душевные радости, которыми жива душа моя. Любовь к искусству есть страсть самая сильная и самая продолжительная изо всех страстей, присущих человеческому сердцу», — писал И. Е. Цветков брату П. Е. Цветкову 8 июня 1890 г. (не издано.— ЦГАЛИ, ф. 901, оп. 1, ед. хр. 57, л. 98—98 об.).

[9] И. Е. Цветков. Воспоминания (на рукописи его пометка: «Написано по просьбе И. И. Янжула в 1909 г. как материал для моей биографии»). Не издано. Хранится в ЦГАЛИ.

[10] В. Н. Каширов. Воспоминания о М. И. Глинке.— «Русский архив», 1869, № 7-8, стб. 1141—1142.

[11] В начале мая 1874 г. Тургенев отправился из Парижа в Петербург и, прожив здесь три недели, приехал 28 мая в Москву, где оставался до 4 июня. Суббота приходилась на 1 июня. Возвращаясь из Спасского в Москву, Тургенев провел здесь всего четыре дня (с 28 июня до 2 июля), но навещать никого не мог, так как острые приступы подагры почти лишали его возможности двигаться. Поэтому естественно предположить, что Кашперовых Тургенев навестил в 1874 г., в первый свой приезд в Москву.

[12] О том, что роман «Отцы и дети» получил широкое признание в США, Тургенев узнал летом 1873 г. в Карлсбаде. Вот как передает Н. А. Островская в своих воспоминаниях рассказ мужа: «Я зашел к нему справиться о здоровье... Перед ним куча писем; говорит, что был болен, да теперь выздоровел, а сам так и сияет. Письма эти все из Америки с выражением восторга к его таланту. Переводчик и издатель его сочинений в Америке (Брет Гарт, кажется) пишет, что издание разошлось быстро, и посылает почтенный куш денег. Один какой-то критик говорит, что американцам особенно нравятся „Отцы и дети“, потому что в Базарове они находят что-то американское» («Воспоминания о Тургеневе Н. А. Островской». — «Тургеневский сборник». ‹Пг., 1915›, стр. 102). Подробно о связях Тургенева с деятелями США см. в моих комментариях к публикации дневника Тургенева за 1882—1883 гг.— «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 402—405.

[13] Статья Ипполита Тэна в «Journal des Débats», 1875, 19 февраля; см. Л. Пумпянский. Тургенев и Запад.— Т. Сб. Орел, 1940, стр. 103.

[14] В. Лазурский. Дневник. Пред. и прим. К. Шохор-Троцкого.— «Лит. наследство», 1939, т. 37-38 (второй толстовский том), стр. 450.

[15] Р. Мутер. История живописи в XIX веке. Пб., изд-во «Знание», 1900, т. II, стр. 244.

[16] M. Vogué. Le roman russe. Paris, Plon, p. 198—199; ср. «Иностранная критика о Тургеневе». Спб., 1884, стр. 136.

ВСТРЕЧА С И. С. ТУРГЕНЕВЫМ

Раз как-то в субботу в июне ⟨18⟩74 года прихожу я к Кашперовым[1]. Встречает меня в передней Адель Николаевна и тихо говорит: «Вы пришли к нам на Тургенева». Я ответил, что я знал, что у них в этот день и час обещал быть Тургенев, и что за тем собственно и шел, чтоб его посмотреть и, если удастся, послушать. Вхожу в гостиную. Полумрак. Кашперов читает либретто своей новой оперы «Боярин Орша», перед ним сидит массивная фигура Тургенева. Кашперов знакомит меня с ним и возобновляет чтение. Я сел сбоку Тургенева и стал рассматривать его с головы до ног. Я не знаю, не припомню ни одной наружности старика, которая была бы так величественна и так почтенна, как наружность Тургенева. Иван Сергеевич огромного роста, прекрасно сложен; голова громадная, украшенная роскошными, густыми и длинными серебряно-седыми волосами, напоминает голову льва; лицо открытое, окаймленное снежно-белою бородою, с прекрасными добрыми глазами[1*]. Говорит он поразительно высоким тенором. Разговор касался сценических условий будущей оперы Кашперова, разговор, довольно неинтересный для меня, да, как мне показалось, и для самого Тургенева. По окончании этого чтения мы перешли в столовую пить чай. Здесь Тургенев высказал, что пишет новый роман, очень большой, и уже около трети его написал.

— Жаль только, что писать как-то некогда. Уж слишком жизнь-то цивилизованная меня поглощает. Вы не поверите, встаешь и не видишь как проходит день. Право, как-то ложусь я спать в 12 часов и спрашиваю: неужели опять ночь, неужели больше часу прошло с того времени, как я вчера ложился спать? Так быстро проходит время. Ужасно досадно, если мне не удастся докончить этот роман. И знаете, что подмывает меня продолжать этот роман, это — месть.

— Иван Сергеевич! Вы ли это говорите,— заметила Адель Николаевна.

— Да, Адель Николаевна, месть, месть этим Лонгиновым, Катковым и прочим обскурантам, перебежчикам, ренегатам. Мне очень досадно, что в последнее время меня так обругали в «Русском вестнике»[2], досадно именно потому, что теперь, когда я выведу их из мрака к свету, они скажут: «Это он на нас клевещет в отместку за нашу ругань». Но словом уверяю вас, что обрисовал я их гораздо раньше их ругани.

— А скоро надеетесь выпустить ваш роман? — спросил его Кашперов.

— О, вряд ли. Затянулся он как-то, забросил его, даже листы уж пожелтели... Что прежде было мне ясно, наглядно, теперь, с течением времени, потускнело. Разве вот теперь снова позапасусь[2*] впечатлениями и наблюдениями.

— Ну и как, какое впечатление производит на вас настоящая русская жизнь?

— Как вам сказать, теперь привести в известность эти наблюдения, эти впечатления очень трудно. Мне кажется, ни с чем наблюдающего человека нельзя так верно сравнить, как с итальянской систерной, в которую стекает все, что попало. В первое время получается какая-то муть

[1*] *Вариант описания внешности Тургенева*: Представьте себе человека огромного роста, косая сажень в плечах, высокая, как гора, грудь, [прекрасное] симпатичное лицо с прекрасными, умными и добрыми глазами, лицо, окаймленное снежно-белой бородой.

[2*] *Первоначально*: понаберусь

и грязь и только тогда, когда все это уляжется, отстоится,— можно сказать, с чем имеешь дело. Русская жизнь, без сомнения, произвела на меня впечатление; но какого рода оно, это вполне уяснится для меня только потом.

— А напрасно вы так затягиваете вашу работу. Вы бы этого не делали, если бы знали, с какою жадностью читается здесь все, что́ выходит из-под вашего пера.

— Ну, право, в последнее время вряд ли было что́ интересного. Это были большею частью отрывки.

— А «Вешние воды»?

— Что же «Вешние воды»? «Вешние воды» — это сцены, мало имеющие общего с русской жизнью [3*]. От русской жизни я отстал; я не знаю, какие идеалы в настоящее время у русского человека, особенно у русской молодежи. Я не знаю вас, молодежь,— сказал Иван Сергеевич, обращаясь к старшим детям Кашперова.

— Отчего же вы не едете сюда в Россию?— спросил его Кашперов.— Стали бы работать...

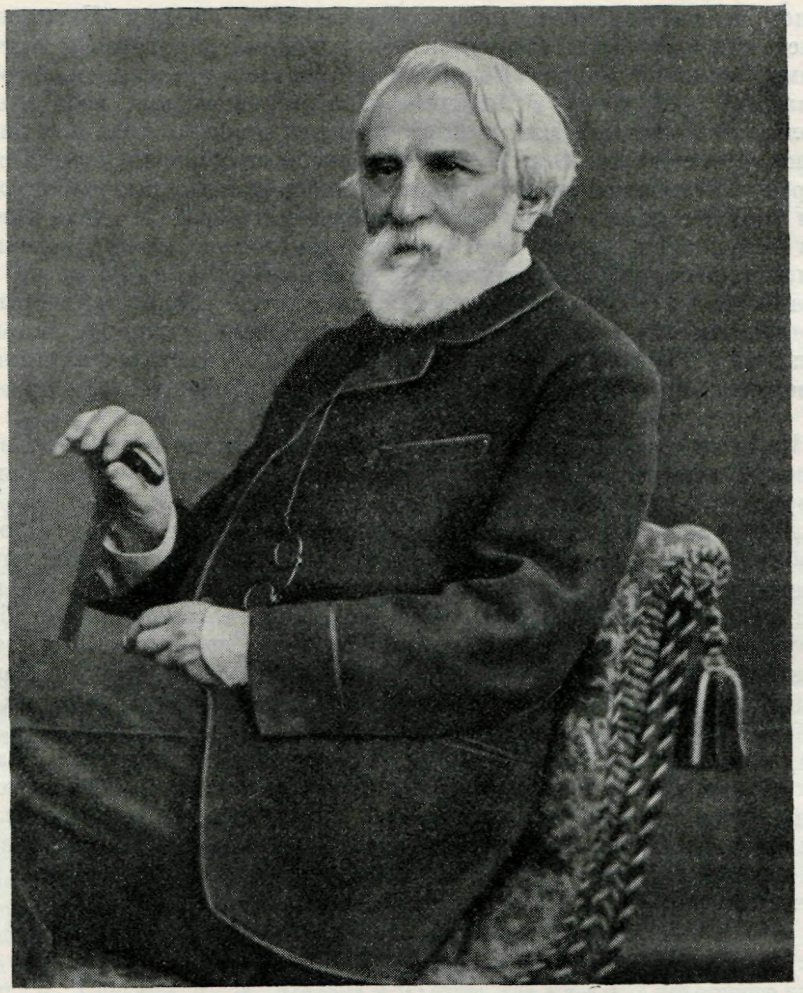
— Такова, должно быть, судьба русского человека [4*]; что он ни делает, как он ни парит, а в конце концов иль сопьется, иль заиграет в карты, иль уедет за границу, словом, так иль иначе пропадет. Мне очень хотелось бы приехать сюда пожить, да [5*] вряд ли это удастся. Да и жар-то литературный уж пропадает. Правда, говорят, что с уничтожением какого-нибудь дурного качества в человеке необходимо уничтожается какое-нибудь соответственное и качество хорошее. Так в прежнее время мне нравилось, когда меня хвалили в печати. Из желания похвал, из желания отличиться (чувства, согласитесь, не вполне почтенного [6*]) я работал и работал очень много. Теперь это чувство во мне почти пропало: я почти равнодушен стал к похвалам и порицаниям печати, стал в этом отношении почти на христианскую высоту, но вместе с этим пропала и энергия в работе.

Затем Адель Николаевна начала допытывать его насчет тайны творчества, насчет поэтического вдохновения. Иван Сергеевич на этот вопрос ответил так:

— В большинстве случаев я списывал с натуры. Конечно, я не мог списывать целого типа с одного человека. Одну черту берешь с одного, другую подходящую берешь с других. Замечательно, многие скверные черты я брал с людей, которых я просто обожаю; многие гадкие черты брал у самого себя, поймаешь [7*] этакую гадину и пришпилишь: «на, мол, вот тебе». Конечно, не обходилось и без чистой выдумки, особенно, когда дело касается чувств; возьмешь и рассиропишь себя: «И невольная слеза катится с глаз» и тому подобное. Этого, конечно, так рано не следовало бы знать молодым людям,— прибавил Иван Сергеевич, обращаясь к детям Кашперова; — идеалы не быль; но без них жить нехорошо, тяжело жить без них.

В дальнейшем разговоре Иван Сергеевич высказался, что карьера писателя ему не нравится. «Литератор,— сказал он,— прежде всего лгун; затем, в какой страшной зависимости он и от издателя, и от цензуры, и от почтеннейшей публики». Зависимость от публики Иван Сергеевич развивал таким образом: «Написал я Базарова. Поднялся гвалт: не только старички, но и молодое поколение отнеслось ко мне враждебно». При этих словах я не мог удержаться, чтоб не возразить Ивану

[3*] *Далее зачеркнуто*: Я отлично знаю, что
[4*] *Первоначально:* русских людей
[5*] *Далее зачеркнуто*: нельзя
[6*] *Первоначально*: хорошего
[7*] *Первоначально:* возьмешь



ТУРГЕНЕВ
Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1880
Литературный музей, Москва

Сергеевичу, что молодежь никогда не относилась враждебно к нему, а за Базарова в особенности. Внимательно, любезно выслушав меня, Иван Сергеевич согласился со мной и продолжал так:

— Но старички или бранили меня ужасно, или уж так хвалили, что не дай бог никому слышать таких похвал. Я как-то раз обедал в Английском клубе. После обеда подходят ко мне несколько старичков и один из них генерал, и начинает беззубо чамкать: «Позвольте, милостивый государь, заявить вам нашу сердечную признательность за то, что вы в вашем последнем романе так прекрасно отделали этих нигилистов» и т. д. Вы представить себе не можете, в какое исступление привела меня эта генеральская демонстрация; я готов был просто избить их, беззубых. Я не хочу сказать, что в жизни писателя не бывает радостей. О, нет, радости бывают, и радости высокие. Так, в последнее время я получаю от своих друзей в Америке известия, что моему Базарову очень посчастливилось в Американских штатах, что его там читают с увлечением, особенно колонисты. От людей, мне мало знакомых, я узнаю, что в одном

западном штате колонисты назвали даже свою общину «Базаров». Ничего нет мудреного, что со временем эта община обратится в значительный американский город «Базаров». Но самым убедительным образом доказал мне мой успех в Америке один американский издатель. Этот издатель, не известный мне до того времени даже по имени, присылает мне письмо, в котором пишет, что он от изданий моих сочинений столько приобрел, что считает своею нравственною обязанностью поблагодарить меня и просит принять от него 1000 франков в презент. Я знаю, как ценит деньги американец, и если этот американец считает своею нравственною обязанностью благодарить какого-то автора в Европе, которого он никогда не видал, и, по всей вероятности, никогда не увидит, с которым быть в хороших отношениях ему нет никаких интересов, если этот американец присылает 1000 франков, то можно быть уверенным, что его издания моих произведений идут хорошо! Здесь факт говорит убедительнее дружеских писем.

— И после такого успеха не только в России, но и даже в Европе и Америке вы не довольны вашей карьерой писателя? — возразил ему Кашперов.

— Да, карьерой писателя я недоволен. И если бы можно было войти в утробу матери и родиться снова, если бы можно было снова выбирать себе карьеру, я не выбрал бы карьеры писателя; точно так же как не выбрал бы карьеры композитора, ученого, адвоката, генерала. Я выбрал бы карьеру пейзажиста. Карьера пейзажиста мне нравится больше всех известных карьер. Пейзажист не зависит ни от издателя, ни от цензуры, ни от публики; он — вполне свободный художник. В природе так много прекрасного, что сюжет всегда для него готов, готов целиком. Умей только выбрать его. Расправь свой холст, бери краски и пиши. Лгать тут не нужно. Напротив, чем вернее[8*], точнее схватит[9*] он лежащую пред его глазами картину природы, тем его собственная картина будет выше, совершеннее. А самый-то процесс этого творчества — тихий, без увлечений, но в то же время дающий человеку самое высокое, самое чистое наслаждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сын поэта А. Н. Плещеева — А. А. Плещеев вспоминал о семье Кашперовых: «Один из ⟨...⟩ маленьких домов, куда любили заглянуть на „огонек“ и где хозяева встречали гостей с сердечным радушием, находился у Арбатских ворот, в Калашном переулке. ⟨...⟩ Тут можно было слышать изумительные квартеты и вообще концерты, литературные чтения, о которых много говорили в Москве ⟨...⟩ Тургенев дружил с В. Н. Кашперовым и его супругой Аделаидой Николаевной, очаровательной хозяйкой, умнейшей женщиной и тонким художественным критиком, к голосу которого все прислушивались. Тургенев останавливался, когда приезжал в Москву, у Масловых, живших на Пречистенском бульваре. У Кашперовых Иван Сергеевич читал свои новые произведения ⟨...⟩ Когда у Кашперовых ждали Тургенева, чувствовалась какая-то суетня, торжественность. Редкий гость! Когда показывалась фигура Ивана Сергеевича, его встречали не только хозяева, но и их семья и приглашенные. Москва чуть не в тот же день знала, что Тургенев провел несколько часов у Кашперовых и даже прочел какой-то отрывок из написанного нового рассказа. Москвичи словно следовали за писателем, зная у кого он был и где его ждут» (А. Плещеев. Виденное и слышанное. —«Возрождение», Париж, 1936, № 3964, 10 апреля.

[2] Имеется в виду статья Б. М. Маркевича «Три последние произведения г. Тургенева», напечатанная в «Русском вестнике», 1874, № 5. В ней с реакционных позиций разбирались рассказы «Живые мощи», «Наши послали!» и «Пунин и Бабурин». Тургенев писал П. В. Шумахеру 5/17 июня 1874 г. из Спасского: «... Катков имеет особую способность — присущую, впрочем, всем ренегатам — воспитать себе клевретов, которые за него с азартом лезут в грязь. Черт с ним и с ними».

[8*] *Далее зачеркнуто*: правдивее

[9*] *Первоначально*: переда⟨ст⟩

ХУДОЖНИК О ТУРГЕНЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ Э. К. ЛИПГАРТА, 1875

Публикация Р. Б. Заборовой

Мемуары Э. К. Липгарта, охватывающие время встреч его с Тургеневым в 1875—1883 гг., представляют несомненный интерес по содержащимся в них сведениям об отношении Тургенева к искусству, по данным о парижских литературных и общественных связях писателя, а также по сообщенным в них подробностям о работе Липгарта над портретом Тургенева (об этом портрете см. также запись в дневнике Тургенева от 31 декабря 1882/12 января 1883 г. и комментарии к нему И. С. Зильберштейна в «Лит. наследстве», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 394 и 410).

Автор воспоминаний — Эрнст Карлович *Липгарт* (1847—1932), живописец-декоратор и портретист. Он родился в Дерпте, в семье искусствоведа и коллекционера Карла Эдуарда фон Липгарта (1807—1894). С детства Э. К. Липгарт пристрастился к искусству, особенно восхищаясь картинами итальянских мастеров в коллекции отца.

Первым его учителем был В. Крюгер. С 1863 г. он учился у Ф. Ленбаха во Флоренции, изучал в Венеции декоративное искусство Джованни Баттиста Тьеполо; в 1864 г. послал из Венеции во Флоренцию картину «Воскресение», которая была выставлена во флорентийской академии.

В 1866—1868 гг. он путешествовал с художником Ленбахом по Испании; в 1869 г. выставил картину «Освобождение Андромеды Персеем»; с 1879 г. учился у Гюстава Жаке, Г. Р. Буланже и Ж. Лефевра в Париже, где в течение некоторого времени изготовлял рисунки для иллюстрированных изданий «La Vie moderne», «La Vie élégante», «Chefs-d'oeuvre d'art au Luxembourg» и др.

Как живописец он выступал в годичных парижских Салонах с 1879 г. и принимал участие в выставках русских художников в Париже.

С 1885 по 1896 г. Липгарт служил преподавателем декоративной живописи в рисовальной школе Общества поощрения художников в Петербурге; с 1887 г. принимал участие в академических выставках. Лучшие его картины: «Богини, отправляющиеся на суд Париса» (1887),«Притча о мудрых и неразумных девах» (1887), «Отдых натурщицы» (1888), «Молодая мать» (1889), портрет отца художника (1889) и др.

С 1893 г. Липгарт — академик живописи. Его картина «Успение Магдалины» получила в 1894 г. похвальный отзыв Лефевра. В 1894 г. Липгарт поступил хранителем в Эрмитаж, где реставрировал картины Корреджио, А. Д. Габбиани, Карраччи и другие, составлял каталог картин испанской школы, копировал Веласкеза, Мурильо, Рафаэля и других для Мюнхенской галереи, выполнял работы по росписи дворцовых плафонов, а в летнее время путешествовал по Германии, Австрии, Венгрии, Италии. С 1902 г.— он действительный член Академии художеств. Одновременно Липгарт сотрудничал в журналах «Старые годы», «La Revue de l'art chrétien», «Zeitschrift für bildende Kunst», «Jahrbuch der Königlichen Preussischen Kunstsammlungen» и др. Подготовил в Эрмитаже издания: «Каталог картинной галереи». Ч. I. СПб., 1912 и «Леонардо да Винчи и его школа». Л., 1928.

В Эрмитаже хранится архив Липгарта, включающий в себя: родословные таблицы семейства Липгартов и другие биографические документы, мемуары Липгарта 1920—начала 1930-х годов [1], черновой автограф воспоминаний о Тургеневе от 25 августа 1917 г.; искусствоведческие работы Липгарта 1913 — начала 1930-х годов и б. д. («L'école du Giotto», «Raphael», «La Madonna Litta et les manières de procéder de Léonard de Vinci», «Первая картина, писанная в Риме Микельанджело Меризи да Караваджо», «Dessins du Louvre», «Находки Липгарта в Итальянской школе галереи Эрмитажа», материалы для каталога картин: «Итальянская школа», «Испанская школа» и др.); рисунки его, среди которых — автопортреты в молодости (1860-е годы), портрет отца (1864), карикатуры и шаржи на Ф. Ленбаха (1868), портрет Ламберта (1886), «Мадонна с младенцем», «Юпитер», «Страшный суд»; гравюры — портрет матери, портрет отца, вид итальянского города; фотоснимки с работ Липгарта.

Большое место занимают в архиве Липгарта эпистолярные материалы: письма Липгарта к отцу и другим лицам; письма к нему В. Боде, К. Крюгера, Г. Кука, герц. Сергея Лейхтенбергского, Ф. Ленбаха, П. Леруа, в. к. Марии Николаевны, А. Половцова, К. Риццо, В. В. Стасова, И. И. Толстого, М. С. Урусовой, А. Франши, Г. Фриццони, Ж. Шамеро, М. Щербатовой и многих других, 1863—1930-х гг. Здесь же хранятся работы других лиц, среди них — портреты Липгарта, сделанные Францем Ленбахом, М. Я. Виллие, Г. С. Верейским; брошюра К. Крюгера «Ernst Liphart» и проч.

В собрании П. Л. Вакселя, хранящемся в ГПБ, имеется ряд писем к Липгарту художников, скульпторов, писателей, композиторов, в том числе письма Э. Бержера, Ж. Бланша, Г. Буланже, Ф. Вилло, Э. Гонкура, Ф. Давида, М. Дебутена, А. Дюмасына, Э. Золя, Ф. Ленбаха, Ж. Лефевра, принцессы Матильды, Ж. Ришпена, О. Родена, Г. Шарпантье и других.

С Вакселем, которому Липгарт передал публикуемый ниже автограф своих воспоминаний о Тургеневе, его связывала любовь к искусству, интересы коллекционирования.

Платон Львович *Вакселъ* (1844—1918), чиновник Министерства иностранных дел, музыкальный критик, автор ряда статей по вопросам музыки, литературы и искусства, был известным собирателем рукописей, картин, рисунков, гравюр и фотографий [2]. Воспоминания о Тургеневе представляли для него тем больший интерес, что он благоговейно хранил письма Тургенева к его отцу Льву Николаевичу Вакселю, художнику-карикатуристу, автору «Карманной книжки для охотника», состоявшему также в переписке с С. Т. Аксаковым, Фетом и другими писателями.

Кроме этих мемуаров, в собрании Вакселя хранился также рисунок Липгарта «И. С. Тургенев на смертном одре», воспроизводившийся в печати [3].

В личном архиве Вакселя имеется также 76 писем к нему Липгарта 1902—1917 гг.

Воспоминания Липгарта, возможно, предназначались к публикации с помощью Вакселя, в свое время деятельного сотрудника «Journal de St.-Pétersbourg», так как, кроме автографа, Отдел рукописей ГПБ располагает списком с него, в обложке, надписанной Вакселем, с карандашной правкой стилистического характера и редакторским заголовком: «I. S. Tourguenew. Souvenirs de E. Liphart».

Воспоминания о Тургеневе, вчерне написанные в конце августа 1917 г., составили главу в вышеуказанных незаконченных воспоминаниях Липгарта «Mes mémoires», конца 1920 — начала 1930-х годов (Гос. Эрмитаж, ф. Липгарта, № 69). Черновой автограф «Mes souvenirs de Tourguenew» за подписью Липгарта, датированный 25 августа 1917 г., хранится там же (№ 80, лл. 4—9).

Нами печатается текст перевода белового автографа «Mes souvenirs de Tourguenew» (с незначительной карандашной правкой Вакселя) — ГПБ, собрание П. Л. Вакселя и Э. П. Юргенсона, ф. 124, оп. 2, ед. хр. 2499, лл. 1—5. Окончание воспоминаний, отсутствующее в беловике, воспроизводится по черновому автографу также в переводе.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРГЕНЕВЕ*

Впервые я увидел нашего великого писателя в 1875 году на выставке акварелей художественного кружка, помещавшегося на Вандомской площади. Я только что с трудом оторвался от сказочно красивой и пленительно обаятельной фантазии Луи Лелуара [4], когда, повернувшись, встретился глазами с детски добрым взглядом Павла Жуковского [5], сохранившимся у него до конца жизни. Он вошел вслед за высоким и крепким стариком со львиной головой, обрамленной густой белой гривой, с небольшой, по-европейски подстриженной бородой; густые брови затеняли его запавшие грустные глаза.

Я поклонился своему приятелю издали, не желая мешать ему, поскольку он был не один. Но, улучив подходящую минуту, он подошел ко мне и шепнул: «Я с Тургеневым»,— и тут я получил полную возможность наблюдать великого романиста. Его лица ни на минуту не покидало почти мрачное выражение, и даже самым прелестным выдумкам тогдашних акварелистов не удалось вызвать у него улыбку; завеса сдвинутых бровей оставалась все время опущенной. Надо полагать, что это непритязательное искусство, целиком зиждящееся на остроумии и мастерстве исполнения, не было в силах развлечь его. А между тем, мой дорогой учитель и друг Гюстав Жаке [6] справедливо говорил: «Акварель должна быть забавой, если она претендует на большее, я ее не признаю».

Немного позже я имел честь встретиться с Тургеневым у княгини Мони Урусовой [7], и тут я увидел другого человека: брови поднялись до середины лба, открыв большие голубые глаза, светящиеся добротой, оживлением, весельем: дело в том, что Тургенев беседовал с хорошенькими женщинами, наделенными живым и тонким умом; это было настоящее скрещение оружия, о веселом бряцании которого я до сих пор храню чарующее воспоминание.

Хозяйка дома представила меня как молодого художника, обучающегося в Париже, и Тургенев, естественно, заговорил об искусстве. Он в то время находился под обаянием Харламова [8], восторгался его «мощью» и сравнивал по мастерству исполнения с Рембрандтом, которого русский художник особенно внимательно изучал в Эрмитаже. Тургенев восхищался «выразительностью» его широкого «мазка», и как это ни кажется странным теперь, когда этого живописца справедливо относят к слащавым, в начале своего поприща он таким не был. Тургенев был прав: портреты г-на и г-жи Виардо [9] действительно отличались силой исполнения. Так как Иван Сергеевич жил в доме Виардо [10], он любезно пригласил меня посмотреть их портреты работы Харламова, а заодно и его собственную картинную галерею, как он называл своего чудесного Теодора Руссо [11], который один стоил целой галереи.

Я прекрасно помню, что в тот вечер меня, признаться, очень покоробило определение успеха, данное Тургеневым, когда разговор коснулся этой темы: «Если торговец картинами приходит к вам в мастерскую и выкладывает за вашу картину деньги, уверенный, что тотчас ее перепродаст с огромной выгодой любителю, который уже имеется в виду,— это успех». Бедняга Харламов, мне кажется, отчасти оказался жертвой такой теории своего покровителя; приторность итальяночек, которых у него рвали из рук английские торговцы, убила того Харламова, которого предвещали портреты Виардо.

В 1879 г. г-н Эмиль Бержера [12] основал «La Vie moderne», и, по рекомендации Гюстава Жаке, я был приглашен в качестве портретиста современников. В ту пору я рисовал почти исключительно пером, и мои альбомы рисунков предопределили мое сотрудничество в этом журнале, где наброски,

* Перевод с французского Р. Б. Заборовой.

минуя гравера по дереву, воспроизводились непосредственно цинкографией, по способу незадолго до того открытому Жилло-отцом [13], давшим ему ходкое название «жиллотаж». Лучшие результаты достигались именно при воспроизведении рисунков, сделанных пером. Мне заказали портрет Тургенева, и на мою долю выпало редкое счастье получить согласие маститого писателя на сеансы в его кабинете. Вскоре я увидел, что задача была не из легких. Я уже говорил о его подвижных бровях, которые внезапно придавали лицу выражение то хмурое, то веселое. Тургенев сказал мне, что Харламов, рисуя его портрет, уже обратил внимание на эту особенность.

Писатель вставал очень рано и назначил мне прийти к девяти часам; вдруг отворяется дверь и какой-то человечек в домашних туфлях, с большой головой и с необычайно крючковатым носом хищной птицы, входит, не постучавшись, еле поздоровавшись, бросает быстрый взгляд на стол, покрытый утренними газетами, сгребает все со словами: «Они ведь вам не нужны?» и исчезает как пришел. Это был г-н Виардо. Тургенев улыбнулся моему, вероятно, комичному выражению лица при виде такого маневра и сказал: «И так каждое утро». А я про себя усмехнулся: «Всякая малость на пользу».

Мы полюбовались картинной галереей (так Тургенев называл своего единственного Теодора Руссо — тщательно отделанный этюд подножия дерева, окруженного ковром мха и травы, создающих прекрасный букет) и после такого, можно сказать, «разбега» принялись за работу. Вскоре сеанс был прерван визитом. Г-н Тэн [14] пришел исповедовать Тургенева, который, однако, не поддавался и на каждый вопрос гостя о прочитанных книгах, о любимых авторах сам отвечал вопросами. Г-н Тэн незадолго до того опубликовал исследование об английской литературе. Тургенев любезно заговорил об этой книге, но Тэн сказал: «Теперь я занят совсем другой темой, и вчерашняя работа для меня уже не существует; я никогда не оглядываюсь назад, а всецело отдаюсь занимающему меня новому сюжету» *. Тургенев же, хотя и был очень приветлив, от расспросов уклонился.

Г-н Тэн уехал, и я смог закончить рисунок, который был напечатан в «La Vie moderne» и подарен мною Боголюбову для музея имени Радищева, который он основал в своем родном городе Саратове [17].

Тургенев вознаградил меня, почтив показом галереи г-на Виардо, представлявшей собою, по-видимому, застекленный дворик, ибо свет падал сверху. Должен сказать, что мне запомнились только два портрета четы Виардо, писанные Харламовым, действительно великолепные, а в сходстве я мог убедиться сам, так как оригинал, по-прежнему в домашних туфлях, присоединился к нам. Г-н Виардо написал прекрасную книгу об Испании[18], которую мой отец читал нам на наших очаровательных собраниях на площади Питти во Флоренции, часто удостоивавшихся посещений в. к. Марии Николаевны [19], что дало мне возможность сказать комплимент автору, очень на этот счет чувствительному. Благодаря этой книге г-н Виардо в качестве просвещенного любителя искусства был избран членом жюри ежегодных выставок картин. Но вскоре его освободили от этих обязанностей, убедившись в полной бесполезности присутствия такого люби-

* Несколько лет спустя, когда вышел третий том «Происхождения современной Франции», мне довелось слышать в салоне принцессы Матильды [15] столь справедливую критику этой работы, что я доставлю себе удовольствие воспроизвести ее здесь. Г-н Клодиюс Поплен [16], известный художник-эмальер (как говорили,— морганатический супруг принцессы), выслушав суровое осуждение этого труда со стороны присутствующих бонапартистов, сказал: «Что поделаешь, г-н Тэн близорук; он видит только мелочи и регистрирует их точно и беспристрастно, но целое ускользает от него. Отсюда — отсутствие общей картины, отсутствие выводов».— *Прим. Липгарта.*

ТУРГЕНЕВ
Рисунок Э. К. Липгарта. Париж, 1880-е годы
Литературный музей, Москва

теля, который всегда принимал сторону одной и той же группы художников, забравшей его в свои руки.

Я продолжал часто встречаться с Тургеневым у княгини Урусовой, где бывали также донна Лаура Мингетти [20] и графиня Потоцкая [21], пленившая Тургенева, как и всех, кто знал это дивное создание. Мой друг Павел Жуковский, став ревностным поклонником Вагнера, переехал в Байрейт. Когда я спросил Тургенева: «Как же это он с вами расстался?»— Тургенев ответил: «Жуковский — тот же плющ. Ему нужен дуб, чтобы за него цепляться, ему не хватает жизнеспособности, чтобы самому быть чем-то». И правда, после Вагнера такою опорой стал для него Александр III,— да еще какой величественной и могучей опорой [22].

Не помню теперь точно, в каком году это происходило, но Тургенев был уже серьезно болен грудной жабой, причинявшей ему тяжкие муки, когда я поехал навестить его в Буживаль, где он занимал флигель на вилле госпожи Виардо [23]. Бедный Иван Сергеевич сидел в кресле на балконе, откуда открывался веселый вид на Сену. Было бесконечно грустно и трогательно видеть его уже еле говорящим, но таким признательным за то, что пришли его проведать. Он сообщил мне, что я буду иметь удовольствие послушать г-на Эмиля Ожье [24], который живет в Круасси, совсем поблизости, и придет прочитать одну из своих пьес. Я хотел было скромно удалиться, но Тургенев настоятельно просил меня остаться. Всем известны портреты Ожье, этого высокого, полного, даже несколько тучного и тем не менее красивого человека. Он выбрал для чтения «Авантюристку» и тотчас, не заставляя себя упрашивать, принялся читать. Но что сказать? Читал он прескверно, сопровождая каждую фразу испытующим взглядом, обращенным на слушателей, как бы вопрошая: «Вы поняли?» — и поджимая при этом чуть запавшие губы. Он прочитал один акт и ушел, напутствуемый благословениями милейшего Тургенева, который буквально рассыпáлся в благодарностях. В парижской среде, где я

вращался, к Эмилю Ожье относились с безграничным восхищением, и когда я, бывало, робко пытался похвалить Дюма-сына [25], которого недолюбливали, ему неизменно противопоставляли Ожье как драматурга, куда более талантливого и остроумного. Я видел Ожье только один раз, зато при особых обстоятельствах, когда он явно хотел показать себя с самой выгодной стороны, во всем блеске — и что же? — он не произвел на меня никакого впечатления.

Как не вспомнить об обеде у госпожи Фредерик Вилло (супруги секретаря Луврского музея) [26], где я впервые увидел Дюма! Это было нечто ослепительное,— впечатление незабываемое. Обходительность, тонкая и в то же время очаровательно-добродушная улыбка, полное отсутствие рисовки и, наконец, фейерверк остроумия, подлинного остроумия, выражавшегося не только в острословии, но и в совершенно неожиданных и всегда отмеченных здравым смыслом суждениях о людях и вещах. Этот человек сразу вызывал обожание; он мог бы сделать из меня все, что ему угодно. Конечно, и у Ожье были свои достоинства, они сказываются в его произведениях, но внешне они у него не проявлялись, он был лишен блеска.

Теперь подхожу к одной тягостной для меня истории, которую я, тем не менее, расскажу, ибо здесь в полной мере проявились безразличие и пассивность Тургенева, который, однако, иногда взрывался, неожиданно проявляя властность. Издатель Глазунов [27], подготовлявший новое издание полного собрания сочинений Тургенева, хотел поместить в первом томе фронтисписом портрет писателя. Тургенев рекомендовал меня как модного тогда художника, специализировавшегося на портретах пером. Глазунов прислал к нему для переговоров своего доверенного, и мы пришли к соглашению относительно гонорара. Дюжарден [28] должен был перевести рисунок на медь, а Эд [29] — напечатать. Я немедленно принялся за работу и сделал портрет, который показал русским художникам нашего кружка: Харламову, Боголюбову и прежде всего Леману [30]; все они в один голос его одобрили. Тут я получил дерзкое письмо от некоего г-на Онегина [31], который вкрался в ближайшее окружение Тургенева; он писал, что находит мой портрет отвратительным и употребит все свое влияние (по-видимому, немалое), чтобы воспрепятствовать его напечатанию. Это свалилось на меня, как снег на голову. Захватив с собой несколько оттисков, я отправился к Тургеневу, которого застал больным, в постели. Я рассказал ему о случившемся и показал свою работу. Он попросил подать ему карандаш и на одном из оттисков написал чрезвычайно лестный для меня отзыв *, а ставя свою подпись, сказал буквально следующее: «Что ж поделаешь, есть люди, которые под предлогом дружбы втираются к вам, вмешиваются в ваши дела и несносно вас тиранят».

Позже, уже в Петербурге, я узнал, что после кончины бедного Тургенева г-н Онегин все же одержал верх; я примирился бы с этим, если бы портрет, которым он, вместо сделанного мною, открыл издание, был шедевром; но увы, это всего-навсего гравюра на стали, из тех, что дюжинами фабрикуются в Лейпциге по фотографиям. Г-н Онегин не преминул опорочить меня в ядовитом предисловии, где он, на свой лад рассказывая эту историю, утверждает, будто, принимая во внимание слабохарактерность писателя, можно не удивляться, что я заставил его подписать все, что хотел, даже и вопреки его собственному мнению **.

---

* *Вариант чернового автографа*: Я рассказал ему об этом инциденте, показав свою работу. Он попросил подать ему карандаш и написал внизу: «Я вполне удовлетворен портретом Липгарта и прошу его печатать»,— самая лестная оценка и при том одобрение, данное на самом портрете. *〈Цитата в кавычках на русском языке.〉*

** *Далее следует окончание чернового автографа.*

Все это смехотворное вранье, изложенное в язвительном предисловии г-на Онегина, долго оставалось мне неизвестным, так как в то время я не знал ни слова по-русски [32].

В последний раз я видел этого бедного, нежно любимого мною великого человека на смертном одре. Он был прекрасен как бог, величественный в своем покое. Сперва я сделал эскиз, воспроизведенный на открытках, а затем окончательный рисунок, более прямоличный и взятый несколько сверху в более выгодном ракурсе. «Le Monde Illustré» опубликовал его. Оригинал я преподнес г-ну Мельхиору де Вогюэ [33], пропагандисту русской литературы во Франции.

Пока я рисовал, наш посланник князь Орлов [34] пришел проститься с покойником в сопровождении обоих своих сыновей, таких же стройных, как и я в ту пору. Он был так взволнован, что бросился мне на шею, обливаясь горючими слезами.

27 августа 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сообщение об этих мемуарах см.: «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 880.

[2] См. описание собрания Вакселя в изд. Гос. Публичной библиотеки: «Краткий отчет рукописного отдела за 1914—1938 гг.» Л., 1941, стр. 45—48 и обзор Э. Э. Найдича «Автографы русских писателей в собрании П. Л. Вакселя». — «Сборник III». Л., 1955, стр. 89—102.

[3] Этот рисунок был передан приемным сыном Вакселя Э. П. Юргенсоном в 1918 г. в Пушкинский Дом («Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев». М.— Л., 1958, стр. 110). Художественная открытка с этим рисунком имеется в фонде Липгарта в Эрмитаже.

[4] Александр Луи *Лелуар* (1843—1884) — художник. Дебютировал в Париже картиной «Избиение младенцев» (1863). Автор замечательных по композиции и колориту картин: «Даниил во рву львином» (1864), «Борьба Иакова с ангелом» (1865), «Крестины на Канарских островах» (1868), «Раб» (1874) и др. С 1875 г. писал преимущественно жанровые сцены. Создал ряд акварелей: «Весна», «Отдых» (1877), «Серенада», «Искушение», «Фаворит, «Танцовщица», «Синяя птица» (1878) и др.

[5] Павел Васильевич *Жуковский* (1845—1912) — сын поэта, художник. Он учился у Ленбаха во Флоренции, в ателье которого с ним и познакомился Липгарт, сохранивший в своем архиве рисунок Ленбаха карандашом — «Joukoffsky par le duc Serge Leichtenberg». Жуковский был близким знакомым Тургенева в Париже и состоял с ним в переписке. Жуковский подарил Тургеневу пушкинский перстень «Талисман», доставшийся ему от отца. В 1874 г. Тургенев был посредником между П. В. Жуковским и Стасюлевичем в связи с изданием последним сочинений В. А. Жуковского в серии «Русской библиотеки» (см. письмо Тургенева к Стасюлевичу от 19/31 октября 1874 г.).

[6] Гюстав Жан *Жаке* (1846—ок. 1909) — живописец. Учился в Ecole des Beaux-Arts. Впервые выступил с аллегорическими картинами «Застенчивость» и «Печаль» на парижской выставке 1866 г. В течение 1866—1909 гг. создал ряд жизненных, выразительных, виртуозных по технике жанровых, исторических картин и портретов («Жанна д'Арк, молящаяся за Францию», 1878; «Менуэт», 1880; «Девушка со шпагой» и др.). Липгарт посвятил ему в своих мемуарах отдельную главу — «Gustave Jacquet».

[7] Моня Урусова — кн. Мария Сергеевна *Урусова*. См. о ней в комментариях И. С. Зильберштейна к дневнику Тургенева — «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 405—406. В «Mes mémoires» Липгарт характеризует ее как хозяйку парижского салона, в котором встречались знаменитые писатели, пианисты, художники. В гл. «Victor Hugo» он описывает посещение ею Виктора Гюго в 1880 г. (М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства.— «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 862).

[8] Алексей Алексеевич *Харламов* (1842—1922) — живописец, портретист. См. о нем в кн.: И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М., 1945 (гл. III «Тургенев и художник Харламов», гл. IV «Спор Тургенева со Стасовым о Репине и Харламове»).

[9] О Полине *Виардо* см. далее стр. 499—500 настоящ. тома.

[10] Луи *Виардо* (1800—1883) — писатель, искусствовед; с 1840 г. муж Полины Виардо, певицы Итальянского театра, директором которого он был. Изучил музеи и картинные галереи Италии, Испании, Англии, Бельгии, Германии и России и написал ряд трудов по истории искусства, из которых наиболее значителен «Musées d'Europe» (5 тт., 1860). Перу Л. Виардо принадлежит также ряд исторических и историко-литературных работ. С помощью Тургенева он, в частности, переводил с русского сочинения Пушкина, Гоголя и самого Тургенева (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 271—274).

[11] Теодор *Руссо* (1812—1867) — пейзажист, один из основателей «интимного пейзажа», автор картин «Выход из Фонтенеблоского леса», «Болото в ландах», «Берег реки» и др. Продавая свою картинную галерею в апреле 1878 г., Тургенев Руссо своего «однако не продал» (см. его письмо к Стасюлевичу от 25 марта/6 апреля 1878 г. и письмо к Я. П. Полонскому от 17/29 апреля 1878 г.).

[12] Эмиль *Бержера* (1845—1923) — писатель, публицист и художественный критик. Дебютировал как журналист под псевдонимом Жан Руж. Автор многих стихотворений, поэм («Школьный учитель», «Страсбург» и др.), пьес («Друг» «Отец и Мария»), романа «Виоль» и ряда публицистических очерков. После смерти Т. Готье в 1872 г. издавал «Journal officiel». Как художественный критик опубликовал в 1875 г. «Артистическую галерею» — очерки о современных художниках и скульпторах, а в 1878 г. — «Шедевры искусства на всемирной выставке 1878 г.» В 1879 г. основал журнал «La Vie moderne».

Тургенев встречался с Бержера на обедах у Флобера.

[13] Фирмин *Жилло* (1820—1872) — гравер, основатель (в 1850 г.) способа изготовления клише на цинковых пластинках, получившего название жиллотаж. Он и его сын Карл (1853— ок. 1903) исполняли работы для «La Vie moderne» по заказам Георга Шарпантье и Э. Бержера.

[14] Ипполит Адольф *Тэн* (1828—1893) — политический деятель и писатель. См. о нем: «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 416—417.

[15] Принцесса *Матильда* (1820—1904) — дочь вестфальского короля Жерома Бонапарта. В 1840 г. вышла замуж за А. Н. Демидова, кн. Сан Донато, с которым в 1848 г. разошлась. В эпоху Второй империи дом ее был одним из литературных центров Парижа, где собирались знаменитые художники и писатели того времени. Флобер был ее близким другом. Тургенев в 1871—1880 гг. бывал в ее блестящем салоне (см. упоминания об этом в его письмах к Флоберу). В собрании П. Л. Вакселя хранятся шесть писем ее к Липгарту по вопросам искусства, сотрудничества Липгарта в «La Vie moderne» и др. В архиве Липгарта имеется репродукция с его рисунка «Le salon de la princesse Mathilde, rue de Berri».

[16] Клод Марсель *Поплен* (1825—1892) — живописец, эмальер и писатель. Выступил в 1850-х годах с картинами исторического содержания, в начале 1860-х годов — с эмалевыми портретами. Автор трудов по искусству (1866—1869) и сборника стихотворений (1875).

[17] О А. П. Боголюбове, его музее и подаренном Липгартом портрете—см. далее публикацию его воспоминаний.

[18] Из книг Л. Виардо об Испании Липгарт, возможно, имел в виду «Notices sur les principaux peintres d'Espagne». Paris, 1839.

[19] В. к. *Мария Николаевна* (1819—1876) — дочь Николая I. Принимала участие в управлении женскими учебными заведениями. После смерти мужа — герцога Максимилиана Лейхтенбергского, состоявшего президентом Академии художеств, заняла его место, а впоследствии получила звание председательницы Общества поощрения художеств. По воспоминаниям Липгарта, отец его сопровождал Марию Николаевну при посещениях ею антикварных магазинов, реставрационных мастерских и частных картинных галерей.

[20] Лаура *Мингетти* (рожд. Актон; в первом браке кн. Кампо Реале) — жена известного государственного итальянского деятеля Марка Мингетти (1818—1886). Была любительницей искусства, но мало понимала в нем. Липгарт познакомился с ней и с ее дочерью во Флоренции в середине 1860-х годов («Mes mémoires», гл. «Florence»).

[21] Эммануэла *Потоцкая* (рожд. Пиньятелли) — жена гр. Николая Потоцкого. Происходила из знатной неаполитанской семьи. Липгарт, познакомившийся с Потоцкими в 1870-х годах в салоне М. С. Урусовой и расписывавший потом в их дворце плафон «Ночь», характеризует Потоцкую как живую и остроумную собеседницу. Он писал с нее первую деву в картине «Притча о разумных и неразумных девах» («Mes mémoires», гл. «Ouroussow et les Potocky»).

[22] Речь идет о встречах с Тургеневым в начале 1880-х годов, так как увлечение П. В. Жуковского музыкой Рихарда Вагнера (на исполнение опер которого в Байрейте съезжались со всех концов света) относится к этому времени. Для оперы Вагнера «Парсифаль», написанной в Байрейте в 1881—1882 гг., Жуковский изготовлял эскизы декораций и костюмов. В словах «после Вагнера — Александр III» скрывается намек на одобрение в 1890 г. царем проекта памятника Александру II, порученного Жуковскому.

[23] Посещение Липгарта состоялось, вероятно, летом 1882 г. Диагноз — грудная жаба («angine de poitrine») — был поставлен проф. Шарко 5/17 апреля 1882 г., и 25 мая/6 июня тяжело больного Тургенева перевезли в Буживаль. Диагноз был неправильным. О болезни и состоянии Тургенева в это время имеются более точные сведения в воспоминаниях доктора Л. Б. Бертенсона «Иван Сергеевич Тургенев» (СПб., 1883, стр. 5—6) и в неопубликованных воспоминаниях психиатра Н. К. Скворцовой-Михайловской, учившейся у Шарко. В дневнике Тургенева от 31 декабря 1882/12 января 1883 г. о ее посещении записано: «очень интересная девица-врач» («Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 396; см. о ней там же — стр. 417).

«Докторов медицины — женщин было очень мало в Париже,— пишет Скворцова о своем знакомстве с Тургеневым в 1881 г., — а слава профессора Шарко велика ⟨...⟩ о защите написали в газетах. Таким образом Тургенев узнал об этом и спрашивал у кого-то из русских о моей работе. Мне посоветовали отнести ему мою диссертацию, что я и сделала при первой возможности». Видимо в апреле — мае 1883 г., после диагноза Шарко и до перевоза Тургенева в Буживаль, она посетила его снова, получив, по ее словам, «от M-me Виардо письмо, что Иван Сергеевич просит меня приехать к нему. Я знала, что в это время он был тяжко болен. Когда я приехала к нему, меня тотчас же провели к нему. Он лежал на механической кровати с двойным дном. Верхняя часть поднималась на винтах, так как больной не мог двигаться. Он попросил меня сесть и объяснил, зачем позвал меня. Передаю его словами: „Видите, в каком я положении. Страдаю невыносимо. Помочь мне не могут, кто бы ни лечил меня. Я человек неверующий и считаю себя вправе распоряжаться своей жизнью. Прошу вас, дайте мне отраву, чтобы прекратить мои мученья". ⟨...⟩ Собравшись с силами, я начала его уговаривать, что при нервных болезнях (тогда его болезнь считалась такой) не следует говорить о неизлечимости ⟨...⟩ Все русские, конечно, следили за его болезнью. Ему временами становилось лучше, и тогда к нему допускали близких или приятных ему людей. Потом его болезнь ухудшалась, и так все время. Его болезнь была *саркомой спинного мозга*. Тогда писали и говорили, что только один наш русский врач, Бертенсон-младший ⟨ошибка: старший — *Р. З.*⟩ поставил верный диагноз» (ГПБ, ф. 699, ед. хр. 8, лл. 37—41).

[24] Эмиль *Ожье* (1820—1889) — драматург. См. о нем также в комментариях к дневнику Тургенева.— «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 401.

[25] Александр *Дюма-сын* (1824—1895) — писатель, автор романов и лирических драм («Роман женщины», «Дама с камелиями» и др.). Тургенев отзывался о Дюма-сыне отрицательно (см. его письма к Флоберу от 27 октября/8 ноября 1872 г. и к Э. Золя 27 апреля/9 мая 1875 г.). Но некоторые пьесы Дюма Тургеневу нравились: «Monsieur Alphonse» он определял, например, как вещь «в целом весьма примечательную и захватывающую» (см. письма к Флоберу и к Жорж Санд от 24 ноября/6 декабря 1873 г.). Липгарта с Дюма-сыном познакомил Фредерик Вилло. Липгарт состоял с Дюма в переписке по вопросам иллюстрирования его произведений.

[26] Фредерик *Вилло* (1809—1875)—художник и гравер, ученик и друг Делакруа, картины которого он гравировал. С 1848 г. был хранителем, а с 1861 г.—секретарем Лувра и составил каталог его экспонатов (1855). Вилло был частым посетителем салона принцессы Матильды, куда ввел и Липгарта, с которым познакомился в 1869 г.

M-me Фредерик Вилло — жена его Паулина (рожд. Барбье), рисовальщица. Одну из ее картин Вилло, как видно из его переписки с Липгартом, подарил последнему.

[27] Иван Ильич *Глазунов* (1826—1889) — петербургский книгопродавец и издатель. Издал ряд учебных курсов и полных собраний сочинений русских писателей, в том числе Тургенева. Портрет Тургенева был заказан Липгарту по заключении А. В. Топоровым договора с Глазуновым на новое издание сочинений Тургенева летом 1882 г.

[28] Эдвард *Дюжарден* (1817—1889) — бельгийский художник, гравер и литограф, автор картин и гравюр на религиозные, исторические сюжеты, а также ряда портретов.

[29] Возможно, Эдуард Шарль *Эд* — резчик по кости, выставивший в парижском Салоне 1877—1882 гг. рельефы с историческими сценами и портретные медальоны (из бронзы и слоновой кости).

[30] Егор (Юрий) Яковлевич *Леман* (1834—1901) — художник-портретист. Учился в Академии художеств с 1850 г. В течение 1853—1862 гг. был удостоен ряда медалей, в том числе золотой — за картину «Прощание с женихом». Получив в 1863 г. звание художника, поселился в Париже.

[31] Александр Федорович *Отто* — см. о нем «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 401. В своих мемуарах (гл. «Paris») Липгарт высмеивает любовь Онегина к жизни на чужой счет.

[32] Сведения Липгарта о работе над портретами Тургенева, и в частности над портретом для Полного собрания сочинений под редакцией М. М. Стасюлевича (изданного в 1883 г. И. И. Глазуновым), добавляя некоторые детали к известной в литературе истории этого портрета, являются, однако, односторонними. Портрет для издания был сделан в январе 1883 г. и отдан, как сообщал Тургенев А.В. Топорову 21 января/2 февраля 1883 г., для гравирования. Первый оттиск офорта был доставлен в апреле в Петербург с надписью Тургенева: «Париж, 28(16) апреля 1883 г. Вполне одобряю. Ив. Тургенев». По свидетельству Топорова, «портрет, исполненный Липгартом, оказался хорош, и ввиду полного признания, в апреле 1883 г., сходства портрета самим Иваном Сергеевичем, И. И. Глазунов нашел портрет весьма удовлетворительным» («Русская старина», 1883, № 10, стр. 256).

Однако Стасюлевич поместил его лишь потому, что не хотел задерживать издания, и написал в предисловии, что Тургенев одобрил портрет по «душевной доброте и деликатности: ему было тяжело огорчить художника отказом». И действительно, Тургенев сознался в письме к Топорову от 8/20 июня 1883 г.: «...я сам надеялся на Липгарта, возбужденный успехом его замечательного портрета Флобера; но оказалось, что на этот раз он сделал фиаско — и портрет не годится, несмотря на то, что я по обыкновен-

ной моей распущенности его вполне одобрил». «Он, действительно, мало напоминает хорошо знакомые всем нам живущим и дорогие черты физического лица,— писал Стасюлевич в предисловии,— зато история этого портрета заключает в себе несомненно верные черты беспредельного благодушия Тургенева, которые он, в силу того же благодушия, назвал „распущенностью"». В следующих переизданиях Стасюлевич заменил портрет Липгарта гравированным портретом с фотографии М. М. Панова, сделанной в Москве в 1880 г.

Другой портрет работы Липгарта от января 1883 г., с головой, повернутой влево (гравюра на дереве), был помещен в одном из парижских журналов. Гравюра на дереве с рисунка Липгарта от 4 сентября 1883 г., изображавшая Тургенева на смертном одре, была воспроизведена в «Le Monde Illustré» 1883 г. и в «Ниве» 1883, № 38 (см. воспроизведение на стр. 643 настоящ. тома). Портреты эти были впоследствии переданы в Пушкинский Дом А. Ф. Онегиным и М. К. Глазуновым (см. указ. выше «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома», стр. 62, 97—98, 110—111). Рисунок Липгарта пером, изображающий умершего писателя, датированный 5 сентября, был воспроизведен на открытках, одна из которых хранится в его архиве в Эрмитаже. Сохранился еще портрет Тургенева работы Липгарта в Государственном Литературном музее (см. воспроизведение его на стр. 427 настоящ. тома).

[33] Эжен Мельхиор *де Вогюэ* (1848—1910) — писатель и критик, сотрудник журнала «Revue des Deux Mondes», где печатались его путевые очерки и критические статьи, в частности статьи о русском романе (отд. изд.— «Le roman russe». Paris, 1886). Популяризировал на Западе творчество Тургенева, Толстого и Достоевского. В 1888 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук в Петербурге.

[34] Князь Николай Алексеевич *Орлов* (1827—1885) — дипломат, парижский знакомый Тургенева; с 1859 г. последовательно занимал посты русского посла и полномочного министра в Бельгии, Австрии, Великобритании и Франции. Был русским посланником в Париже в 1871—1883 гг. Автор «Очерка трехнедельного похода Наполеона I против Пруссии в 1806 г.» (1855) и других работ. Известны два письма Тургенева к нему (1861 и 1881 гг.).

ТУРГЕНЕВ В ЗАПИСЯХ НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМАТА

ИЗ ДНЕВНИКА Х. ГОГЕНЛОЭ, 1876 и 1879 гг.

Публикация С. Я. Борового

Князь Хлодвиг цу *Гогенлоэ-Шиллингфюрст* (1819—1901) — виднейший государственный деятель Германии второй половины XIX в. Носитель одной из знатнейших южногерманских католических фамилий, крупный землевладелец (имевший, между прочим, владения и в России), Хлодвиг Гогенлоэ прожил долгую и деятельную жизнь.

Не обладая выдающимися государственными талантами или яркой индивидуальностью, Гогенлоэ, однако, был наделен замечательным умением лавировать и быстро приспосабливаться к меняющимся политическим, дипломатическим и придворным конъюнктурам, находить компромиссные решения, временно примирять противоречивые интересы. Человек, далекий от крайностей, он среди католических деятелей считался противником ярых клерикалов, среди землевладельческой знати — «либералом», в среде либеральной буржуазии — носителем аристократических и консервативных принципов.

В 1874—1885 гг. он был послом Германской империи во Франции. На этом очень нелегком посту Гогенлоэ не без умения и дипломатического такта своим якобы дружеским и миролюбивым отношением к Франции маскировал агрессивную политику правящих классов Германии, планировавших «превентивную» войну против Франции, чтобы окончательно низвести ее до ранга второстепенной державы.

За годы пребывания в Париже Гогенлоэ завел самые широкие знакомства в политическом и дипломатическом мире. Он стремился установить более тесный контакт с представителями умеренно республиканских кругов, так как германское правительство считало, что среди сторонников восстановления во Франции монархического строя более сильны реваншистские настроения. В аристократических салонах Гогенлоэ встречался с представителями мира искусств.

Гогенлоэ закончил свою служебную карьеру в качестве канцлера Германской империи (1894—1900). На этом посту он не снискал себе славы. Умелый, но уже состарившийся царедворец, он был, по сути, лишь ширмой, за которой действовали молодой Вильгельм II и его ближайшие помощники, вступившие на путь «энергичной» империалистической внешней политики.

* *

Встречи с Тургеневым относятся ко времени пребывания Гогенлоэ в Париже. В дневнике Гогенлоэ есть записи о трех встречах (25 января/6 февраля и 21 марта/2 апреля 1876 г. и 1/13 апреля 1879 г.). Надо думать, что таких встреч было больше, но не все они оказались отмеченными. Во всяком случае, из чтения дневниковых записей складывается впечатление, что Гогенлоэ хорошо знал Тургенева. А о том, насколько последний высоко ценился как писатель в том кругу, к которому принадлежал автор дневника, видно из записи от 8/20 ноября 1882 г.: «Князь ⟨Бисмарк⟩ упомянул сегодня

Тургенева. Он считает, что Тургенев является самым вдохновенным из всех ныне здравствующих писателей всех народов».

Записи Гогенлоэ характеризуются большой точностью. В них слышатся подлинные слова Тургенева: некоторые записи почти текстуально совпадают с дошедшими до нас высказываниями Тургенева. Со страниц дневника германского посла Тургенев выступает перед нами как мастер импровизированного рассказа, как блестящий собеседник, умеющий заставить себя слушать и стать центром внимания в самом изысканном обществе.

Особый интерес представляет запись от 1/13 апреля 1879 г., в которой очень обстоятельно изложена оценка Тургеневым политического положения в России.

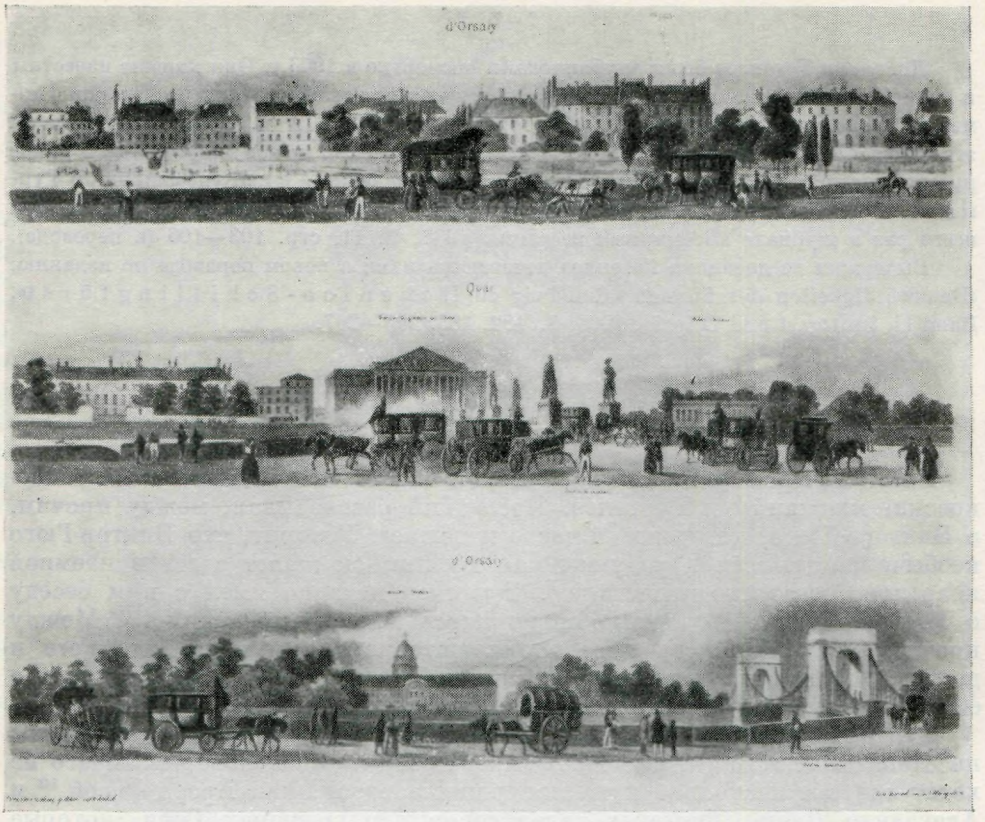
Незадолго до этой встречи — 24 марта/5 апреля — Тургенев возвратился из России. Пребывание в России в 1879 г. (9/21 февраля — 21 марта/2 апреля) было, как известно, очень важной вехой в общественно-политической биографии писателя. В этот момент нарастания революционной ситуации и оживления либерального движения — Тургенев стал предметом демонстративно горячего чествования. Передовая молодежь, близкая к революционному подполью, приветствовала в лице Тургенева «живого представителя того поколения 40-х годов, лучшую традицию которого современное поколение принимает как драгоценное наследство, заботясь лишь о дальнейшем ее развитии» (так позиция революционно настроенной молодежи была сформулирована в выступлении студента П. П. Викторова 18 февраля 1879 г. на торжественном заседании в Обществе любителей российской словесности) [1]. Либеральные круги увидели тогда в Тургеневе свое знамя, считали, что чествование признанного писателя может примирить русскую оппозицию, включая наиболее умеренных дворянских либералов, на общей платформе требования конституции. В одном выступлении, которое пришлось выслушать Тургеневу (от имени «студентов Горного института»), так и говорилось: «Вы одни в настоящее время сумеете объединить все направления и партии, сумеете оформить это движение, придать ему силу и прочность; подымайте смело и высоко ваше светлое знамя; на ваш могучий и чистый голос откликнется вся Россия; вас поймут и отцы и дети» [2].

И Тургенев готов был тогда поверить, что именно на его плечи возложена историей задача стать организатором единого фронта всех оппозиционных элементов в борьбе за конституцию. По словам автора статьи «Тургенев и молодая Россия», опубликованной в нелегальной (издаваемой за рубежом) либерально-оппозиционной газете «Общее дело», на приведенное выше обращение студентов Горного института Тургенев ответил: «Я знаю, что это дело — очень нелегкое дело,— лучше было бы взяться за него молодому, энергичному человеку, а не мне... старику. Но что же делать? Я положительно не вижу и не знаю человека, который обладал бы более серьезным образованием, лучшим положением в русском обществе и большим политическим тактом, чем я... Вот и приходится мне...» [3].

Эти настроения были еще очень живы у Тургенева в момент его встречи с Гогенлоэ.

Только что процитированный отклик Тургенева на призыв «объединить все направления и партии» не давал никакого ответа на вопрос о том, какими *действиями* он мыслил выполнить эту задачу. Да и вряд ли можно было подозревать у него наличие программы действия, тем более, что самое его «согласие» было высказано, скорее всего, под влиянием внезапного порыва. Но в записи Гогенлоэ говорится о другом — о намерении Тургенева в письменной форме изложить свою программу в виде политической брошюры. Этот план представляется особенно интересным в связи с тем, что — по словам Тургенева (в записи Гогенлоэ) — русские «радикалы» не имеют никакой политической программы. Таким образом, в этот момент Тургенев замышлял создание *первой и единственной* (в его представлении) политической программы русской оппозиции.

В этой заметке нет необходимости подробно рассматривать суждения Тургенева о положении дел в России, высказанные им мнения о перспективах русской революции. В них в целом мы встречаемся с тем же сложным и противоречивым отношением автора «Нови» к проблеме русской революции, которое нашло выражение во всех его произведениях тех лет.



ПАРИЖ. НАБЕРЕЖНАЯ Д'ОРСЕЙ
Цветная литография, 1850-е годы
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Тургенев утверждал, что не верит в русскую революцию. Но надо сказать, что в беседе с послом германского императора, выступая как сторонник умеренной конституции, Тургенев все же не считал нужным особенно подчеркивать свое принципиальное неприятие революционного разрешения русского кризиса.

Обращает внимание и то, что в беседе с Гогенлоэ Тургенев пытался в какой-то мере оправдать народовольческий террор, подчеркивая, что правительство своими необоснованными репрессиями и неоправданной жестокостью само натолкнуло на это. Утверждая, что «нигилистические террористы» и не помышляют о покушении на царя, Тургенев хотя и обнаружил неумение предугадать близкое будущее, прежде всего стремился показать нигилистов не такими «опасными» и «страшными» людьми, как их изображали в лагере реакционеров.

В записи рассказа Тургенева выражено и его глубокое сочувствие жертвам правительственного террора.

В этом беседа прямо перекликается со словами предисловия Тургенева к очерку И. Я. Павловского «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста», написанного 17 октября 1879 г. (XI, 394).

В беседе с Гогенлоэ Тургенев резко отрицательно отозвался о царе и его министрах. Эти строки тоже являются важным материалом для характеристики общественно-политических взглядов писателя. Таким образом, мы видим, что записи Гогенлоэ о встречах с Тургеневым представляют немалый интерес для биографии писателя.

* * *

Дневники Гогенлоэ были опубликованы посмертно в 1906 г. Они хорошо известны в научной литературе и широко используются как важный источник по истории Германии и международных отношений второй половины XIX в. В русском переводе эта книга, однако, никогда не появлялась. Не привлекли к себе внимания историков русской литературы и общественной мысли и встречающиеся в ней упоминания о Тургеневе. В России отрывки из дневников Гогенлоэ были напечатаны неполностью и всего раз в журнале «Всемирный вестник», 1906, № 11, стр. 103—106 (в переводе).

Выдержки из дневника Гогенлоэ печатаются нами в новом переводе по изданию: «Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodwig zu Hohenloe-Schillingfürst», Band II. Stuttgart und Leipzig, 1906, S. 182, 185, 265—267.

‹1›

Париж. ‹25 января› 6 февраля 1876 г.

Вчера вечером у княгини Урусовой [4]. Там были Черкасский [5], Жуковский-младший [6] и Тургенев. Последний рассказывал, между прочим, о Викторе Гюго, которого он часто навещает. Говорит, что Виктор Гюго необычайно любезен и радушен как хозяин; он живет здесь в наемной квартире, богат, но расчетлив [7]. Тургенев недавно имел с ним беседу о Гете, во время которой обнаружилось много неожиданного. Между прочим, Гюго приписал Гете «Валленштейна» [8]. Он ненавидит Гете и дошел до того, что заявил: «Personne n'ignore que c'est Ancillon qui a écrit les „Wahlverwandschaften" et pas Goethe» *.

Тургенев говорит о чувстве нетерпимости, присущей французским писателям высшего ранга, таким как Флобер и Доде, которые ничего не хотят знать о несколько хуже пишущих авторах, как Арсен Уссей [10] и Александр Дюма. Тургенев далее говорил о гравюрах Гойя, которые появились в начале этого века. Когда он описывал отдельные картины, ярко проявился его прославленный талант. Потом он прочитал нам несколько стихотворений некоей госпожи Аккерман [11], которая в общем стоит на точке зрения Шопенгауэра и проклинает бога и вселенную. В Тургеневе есть что-то от самодовольства знаменитого писателя, но только в очень небольшой и не раздражающей мере. К тому же он любезен и естественен.

‹2›

Париж. ‹21 марта› 2 апреля 1876 г.

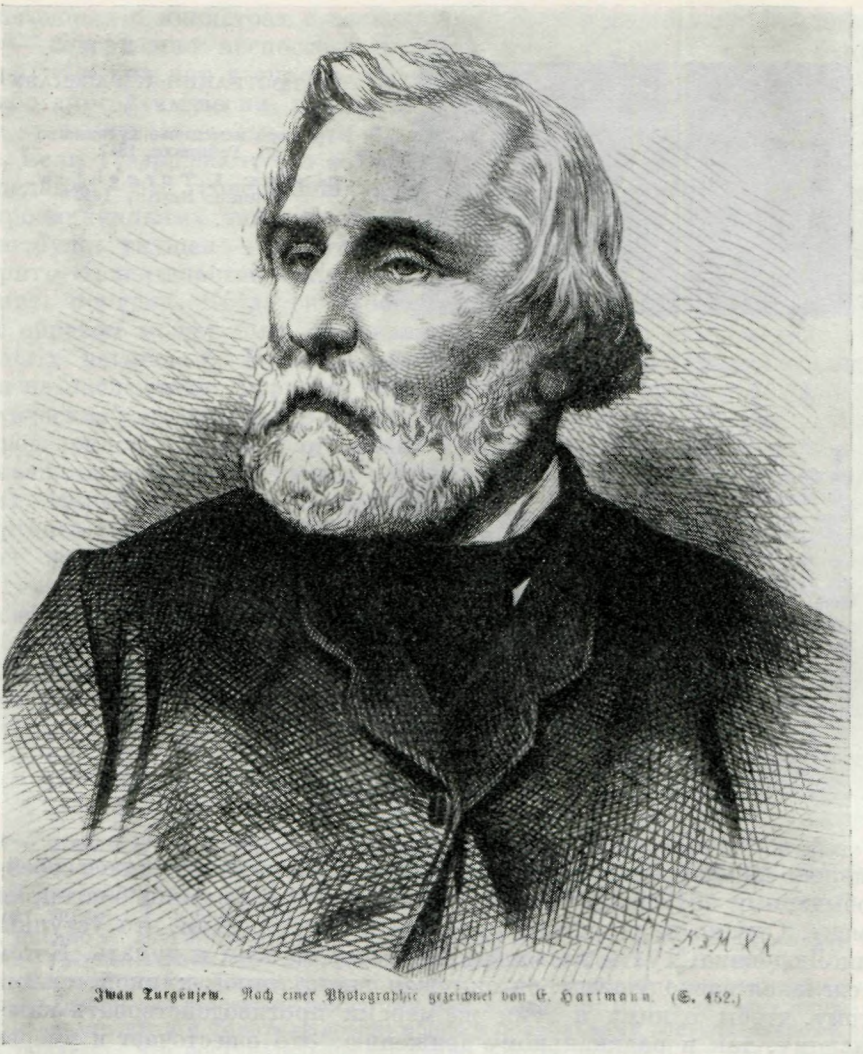
...я отправился к княгине Урусовой, где застал Тургенева, который читал стихи и рассказывал о разном в своей обычной образной манере. Вернулся домой в час ночи...

‹3›

Париж. ‹1› 13 апреля 1879 г.

Тургенев возвратился из России, где был предметом всеобщих оваций. Я застал его вчера еще под впечатлением пережитого. Он говорил, что был поражен таким чествованием, ведь он никогда не занимался политикой. Он объяснял это потребностью русского народа найти хоть какой-нибудь объединяющий пункт, чтобы проявить свои либеральные воззрения. Он много рассказывал о русских делах. Правительство не понимает движения. По мнению Тургенева, оно поступает неправильно, относясь

* «Кто же не знает, что „Избирательное родство" написал Ансильон [9], а вовсе не Гете» (франц.).



ТУРГЕНЕВ
Гравюра Эрнста Гартмана, 1872
С фотографии И. и Л. Альгейер, 1868
«Das Buch für Alle» 1872, № 40

одинаково к нигилистическим заговорщикам и к либеральным кругам. Он прибавил, что действительно существуют тайные общества с радикальными тенденциями. Ему самому приходилось беседовать с такими радикалами; у них нет никакой программы, они только высказывают мысль о том, что старый, обветшалый дом должен быть подожжен со всех четырех сторон, а потом должен быть построен новый. Образованные круги — ученые, литераторы, чиновники — убеждены, что Россия должна получить конституцию, не обязательно по новейшему образцу, но такую, которая включала бы представителей земств, чтобы контролировать финансы и внести порядок в управление. Движение охватило всех. «Le peuple russe est frémissant» *. Для царя было бы легко уступками

* «Русский народ в брожении» (франц.).

Inzwischen ging um die gleiche Zeit die T . . . er Landstraße mit weitausholenden Schritten eine Art Riese entlang, einen Sack über die Schulter geworfen und einen Stecken in der Hand. Es war Gerassim. Er eilte unaufhaltsam nach Hause, in sein Dorf, in die Heimat. Nachdem er die arme Mumu ertränkt hatte, war er in sein Kämmerchen gelaufen, hatte dort seine sieben Sachen in eine alte Pferdedecke gepackt, hatte das Bündel über die Schulter geschwungen und sich auf- und davongemacht. Den Weg hatte er sich noch von damals her gemerkt, als man ihn nach Moskau gebracht

59

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «МУМУ»

Гравюра немецкого художника Л. Гейнриха, 1947

Из книги: I. T u r g e n j e w. Mumu. Berlin, 1947

привлечь на свою сторону народ и вызвать в нем по отношению к своей особе необычайный энтузиазм. Сейчас для этого чрезвычайно благоприятный момент. Однако царь, которого всегда предостерегали, что уступки привели Людовика XVI к гильотине, не хочет об этом и думать. К тому же он сделался равнодушным, он окружен лишь тесной кликой, склоняется к тому, чтобы одними и теми же мерами противодействовать как либеральному, так и радикальному движению. Это ожесточает и умеренных. Вполне благомыслящие люди говорили ему, Тургеневу: они сами смущены тем, что не могут в душе порицать террористические акты, которые они осуждают. Тургенев упомянул различные факты, вызвавшие всеобщее раздражение. Так, девятьсот молодых людей, на которых только пали кой-какие подозрения, были брошены в одиночки. Шестьдесят человек из них в результате многолетнего заключения лишилось ума, многие заболели туберкулезом. Около десяти тысяч молодых людей были в заключении и высланы в отдаленные города. Это значит, что разрушена их карьера и что они лишились средств к существованию. И это были не только нигилистические заговорщики, большая часть их — либералы, которые не смогли скрыть своих мечтаний о конституционном устройстве.

В России, говорит Тургенев, в центре внимания — внутренняя политика. Внешняя политика никого не интересует. Поэтому славянофильская партия потеряла почву. Аксаков, который посетил его, разразился по этому поводу иеремиадами[12]. Войну, которая стоила стольких денег и людей и не принесла России никаких преимуществ, все осуждают самым решительным образом, и в настоящее время о войне никто не хочет и слышать.

Он говорил о министрах с величайшим презрением. Маков — идиот[13], Грейг — совершенно неспособен[14]. Царь сказал Грейгу после одного доклада: «До сих пор я считал, что я тот человек, который меньше, чем кто-либо другой в России, понимает в финансах. Теперь вижу, что ошибался: этот человек — ты». Тем не менее царь сохраняет Грейга на его посту. Если утверждают, что в России нет людей, способных к руководству делами — это совершенно ошибочно. Он назвал различных дельных провинциальных чиновников и адвокатов. Если этот момент спасти Россию будет упущен — наступит общий крах. В революцию Тургенев не верит. Правительство обладает достаточной властью, чтобы силой сохранить порядок. Когда он спросил бывшего министра, консерватора, каким образом может быть исправлено положение — тот ответил: «Vis medicatrix naturae» *. Русские возлагают сейчас надежды на смерть царя и на наследника. Тургенев отрицает, что жизни царя угрожают нигилистические террористы. В своих террористических актах они исходят из определенной теории, они ставят себе целью наказать чиновников, допускающих грубые нарушения закона и несправедливости, и тем запугать их. Царю они ничего не сделают.

Тургенев предполагает написать политическую брошюру, в которой намерен изложить мысли, вызванные пребыванием в России[15].

То, что правительству начало казаться неудобным его присутствие в России,— это понятно. Жандармский офицер на границе сказал ему, когда он проезжал: «А мы уже пять дней ждем вас»[16].

Если бы я был царем Александром, я поручил бы Тургеневу составить кабинет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статью Н. В. Алексеевой «Воспоминания П. П. Викторова о Тургеневе».— Сб. «И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы». Орел, 1960, стр. 288—343.

[2] «Общее дело», 1883, № 56 (цит. по кн.: Т. в восп. рев., стр. 87).

[3] Цит. по кн.: Т. в восп. рев., стр. 87.

Ср. письмо А. В. Головнина к Д. А. Милютину от 27 марта 1879 г. По словам Головнина, Тургенев считал, что либеральная молодежь в Москве и Петербурге «находится в каком-то возбужденном состоянии, она точно заряжена электричеством, как лейденская банка; она, за весьма немногими исключениями, не сочувствует кинжальщикам, полагает, что эти фанатики вредят общему правильному поступательному движению, полагает, что поступательное движение должно исходить от правительства» (М. И. Хейфец. Вторая революционная ситуация в России. М., 1963, стр. 75).

[4] О М. С. Урусовой см. выше, прим. 7 к воспоминаниям Липгарта.

[5] В тексте ошибочно: Черкерский.— Кн. Владимир Александрович *Черкасский* (1824—1878) — известный деятель либерально-славянофильского направления, был в это время в Париже (см.: О. Трубецкая. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского, т. I, кн. 2. М., 1904, стр. III). Тургенев познакомился с Черкасским еще в 1858 г. Подробнее об их встречах см.: Герцен АН, т. XIX, стр. 373. Тургенев состоял в переписке с Черкасским (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, 1964, стр. 96 и 398).

[6] О П. В. *Жуковском* см. выше, прим. 5 к воспоминаниям Липгарта.

[7] Об отношении Тургенева к В. Гюго см. далее, прим. 11 к воспоминаниям Фори.

[8] Трилогия «Валленштейн» принадлежит Шиллеру.

[9] Речь идет, очевидно, о Фридрихе *Ансильоне* (1767—1837) — видном прусском государственном деятеле, историке и философе реакционного направления. Он был автором многочисленных трудов на французском языке. Его книга «Essais philosophiques ou nouveaux mélanges de littérature et de philosophie» (Paris, 1817) сыграла заметную роль в формировании ранней романтической теории. См. подробнее: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 246 и сл. Однако остается неясным, на каком основании Гюго считал Ансильона автором «Избирательного родства».

[10] Арсен *Уссей* (Houssaye; 1815—1896) — плодовитый французский писатель и фельетонист.

* «Целительная сила природы» (лат.).

[11] Луиза *Аккерман* (1813—1890) — французская поэтесса. Тургенев, очевидно, читал стихи из ее сборника: «Poésies, premières poésies, poésies philisophiques» (1874).

[12] Иван Сергеевич *Аксаков* (1823—1886) — известный публицист славянофильского направления. Наибольшую известность и политическое влияние приобрел в 1875—1878 гг., в годы антитурецких восстаний в Сербии и Герцоговине и русско-турецкой войны. Играл руководящую роль в Славянском комитете и с позиций националистического крыла дворянства и буржуазии критиковал правительство. В 1878 г. выступил в Славянском комитете с речью, в которой резко порицал Александра II за уступчивость, проявленную русской дипломатией на Берлинском конгрессе, за что был выслан на несколько месяцев из Москвы. См. об этом статью: И. С. Зильберштейн. Репин в годы борьбы России за независимость славян.— «Художественное наследство», т. I. Репин. I. М.—Л., 1948, стр. 387—388, 410—412, 414—416.

[13] Лев Саввич *Маков* (1830—1883) — с 1876 г. товарищ министра, а в 1878—1880 гг. — министр внутренних дел. Окончил жизнь самоубийством в связи с обнаружившейся растратой. Осенью 1878 г., после убийства народовольцами шефа жандармов Мезенцева, опубликовал в «Правительственном вестнике» обращение к «обществу», в котором просил о содействии правительству в его борьбе с «разрушительными учениями». Однако, когда некоторые земства, откликнувшись на этот призыв, позволили себе высказать робкие замечания по адресу правительства, то инициаторы таких «крамольных» выступлений подверглись репрессиям со стороны органов Министерства внутренних дел.

[14] Самуил Алексеевич *Грейг* (1827—1887) — в 1866 г. товарищ министра финансов, в 1874 г.— государственный контролер, в 1877 — 1880 гг.— министр финансов. Годы управления им Министерством финансов характеризовались безуспешными попытками уменьшить бюджетный дефицит, ростом внешнего и внутреннего государственного долга, неудавшимися мероприятиями по повышению курса русского рубля.

[15] Этот замысел Тургенева остался не осуществленным.

[16] В своих воспоминаниях Лопатин передает рассказ Тургенева о том, почему он вынужден был поторопиться с отъездом: «Приезжал флигель-адъютант его величества с деликатнейшим вопросом: его величество интересуется знать, когда вы думаете, Иван Сергеевич, отбыть за границу? А на такой вопрос,— сказал Иван Сергеевич,— может быть только один ответ: „сегодня или завтра", а затем собрать свои вещи и отправиться» (Т. в восп. рев., стр. 128).

ТУРГЕНЕВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ПИСЕМ А. П. БОГОЛЮБОВА, 1873—1883

Публикация Н. В. Огаревой

Алексей Петрович *Боголюбов* (1824—1896) был одним из интереснейших людей второй половины XIX столетия. Блестящий живописец, страстный коллекционер, неутомимый общественный деятель, он много сделал для русского искусства и народного просвещения. Огромное художественное наследие Боголюбова до сих пор мало изучено, а его выдающаяся роль в истории русского реалистического пейзажа в полной мере еще не выяснена.

Происходил Боголюбов из обедневшего рода служилых дворян. Отец его, Петр Гаврилович — ветеран Отечественной войны, умер от последствий ранений в чине полковника. Мать, Фекла Александровна, была дочерью А. Н. Радищева. Всю свою жизнь Боголюбов очень гордился дедом, а память его свято чтил. Образование Боголюбов получил в Морском кадетском корпусе. Служа во флоте, он в 1853 г. окончил Академию художеств с большой золотой медалью, вышел в отставку и был назначен художником Главного морского штаба.

Талантливейший пейзажист, маринист, основатель школы русских морских баталистов, разносторонне образованный, живой, общительный и деятельный человек, Боголюбов находился в центре культурной жизни своего времени, располагая широкими связями и знакомствами в самых различных общественных слоях России и за границей.

Он был близок с придворными кругами, царствующей семьей и с самим Александром III, достиг высоких чинов, стал действительным тайным советником и кавалером многих русских и иностранных орденов. В то же время он состоял в тесных и непосредственных дружеских отношениях с радикально настроенной интеллигенцией — с художниками И. Н. Крамским [1], И. Е. Репиным [2], В. Д. Поленовым [3], К. А. Савицким [4] и др. Боголюбов был убежденным и активным членом Товарищества передвижных художественных выставок. Профессор петербургской Академии художеств и член ее Совета, он неустанно боролся с царящей там рутиной, способствуя реорганизации Академии на демократических началах.

Неоценимой заслугой Боголюбова является основание им в Саратове первого художественного провинциального общедоступного музея в качестве памятника А. Н. Радищеву. Открытием Радищевского музея (1885 г.) был как бы снят почти столетний запрет с имени великого революционера. При музее, с его богатой коллекцией первоклассных русских и зарубежных произведений искусства, Боголюбов создал художественно-промышленную школу, по типу училища Штиглица. Музею и школе Боголюбов завещал все свое состояние, на его личные средства они существовали до революции.

Боголюбов и как моряк, и как художник часто путешествовал, многие годы провел за границей, в Италии, Франции, Германии. В 1872 г. он серьезно заболел, и доктор С. П. Боткин порекомендовал ему избегать суровой русской зимы. С 1873 г. Боголюбов обосновался в Париже и лишь три-четыре летних месяца проводил на родине. Дом Боголюбова в Париже был центром, куда сходились все представители русского искусства.

В Париже, в начале 1870-х годов, произошло сближение Боголюбова с Тургеневым. Неизвестно, когда они познакомились, но только с 1874 г. их встречи становятся частыми, а отношения принимают дружеский характер. Тургенев запросто бывал в мастерской Боголюбова, а Боголюбов на правах близкого человека 7 марта 1874 г. присутствовал на свадьбе дочери Полины Виардо — Клоди, которую Тургенев очень любил.

Дружба писателя и художника не прерывалась до смерти Тургенева, которую Боголюбов воспринял как большое личное горе. «Такое чувство грусти повторилось со мной в третий раз — когда я закрывал глаза матери, другой — когда умерла жена, и третий — когда я простился с Иваном Сергеевичем»,— признавался Боголюбов (см. далее, стр. 462).

В 1877 г. вместе с Тургеневым Боголюбов организует «Общество взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже». Оно много способствовало популяризации русской культуры во Франции. Боголюбов был председателем Общества, а Тургенев — секретарем, членами-учредителями состояли М. М. Антокольский [5], А. А. Харламов, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, И. П. Похитонов [6], Ю. Я. Леман [7] и многие другие.

Тургенева к Боголюбову привлекали главным образом его редкие человеческие качества. Все, чем Боголюбов располагал — знания, талант, целенаправленную энергию, богатство (приобретенное неустанным трудом) — все он отдавал людям, родине. Боголюбов беспрестанно испытывал потребность быть полезным и в малом, и в большом. Целых семь лет он ведет тяжбу с правительственными кругами, чтобы создать Радищевский музей. А осуществление его мечты — устройство художественной школы, потребовало двадцати лет. И это, как и многое другое,— по собственной инициативе и на личные средства [8].

А вот пример «малых дел» — 21 января/2 февраля 1877 г. Тургенев обращается к Боголюбову с просьбой:

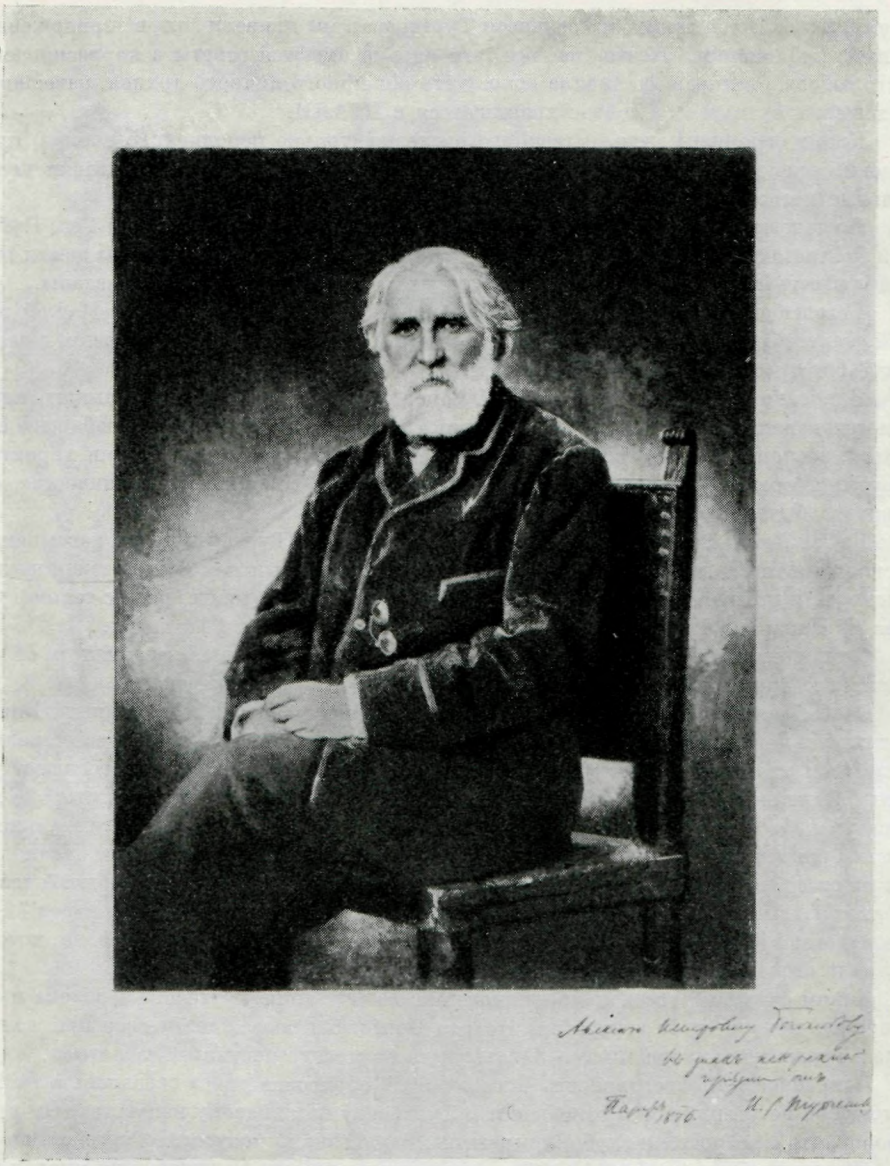
«Любезнейший Алексей Петрович, позвольте воззвать к вашей неизменной снисходительности, что я делаю тем охотнее, что податель сей записочки, Сергей Иванович Танеев, вполне ее достоин. Он — наш молодой соотечественник, отличный фортепианист и прекрасный малый; он намерен провести всю зиму в Париже — но его угораздило взять квартеру где-то за Одеоном — а все его друзья и приятели живут в наших окрестностях. Вот уже второй день, как он здесь ходит и ищет — и ничего не находит. Будьте великодушны, преподайте ему практический и дельный совет — а, может быть, вам известна такая квартера, какой он ищет? Большое я вам скажу за это спасибо — а Танеев в возмездие будет готов услаждать слух ваш всякими гармониями и мелодиями. Я бы вас не беспокоил — если б не знал вашей бесконечной доброты. Сами на себя пеняйте.

Дружески жму вам руку и остаюсь
преданный вам Ив. Тургенев» [9]

Из письма С. И. Танеева к родителям от того же 2 февраля узнаем результат: «Сегодня перед обедом зашел к Тургеневу. Он узнал, что я не нашел себе квартиры, и дал мне письмо к одному русскому живописцу Боголюбову; сказал, что этот Боголюбов оказывает всевозможные услуги русским художникам и артистам, приезжающим в Париж, и что он поможет мне найти квартиру. Я сейчас же к нему отправился. Он меня принял очень любезно и указал мне на несколько мест, где я могу себе найти квартиру. В первом же доме, куда я пошел, по его указаниям, я нашел комнату вдвое больше моей теперешней, чистую и при ней еще маленькая комнатка для умывания. Я ее сейчас же нанял...» [10].

Этот незначительный, казалось бы, эпизод раскрывает многое в характере отношений Тургенева и Боголюбова.

«Переписка моя с покойным Иваном Сергеевичем не была серьезная, но все-таки между его рукописями есть несколько интересных слов о художестве. Но более дела наши ограничивались благотворительными целями — то он меня попросит приискать что-нибудь бедняку, то я его. Почему недаром, видно, за неделю до смерти он подарил



ТУРГЕНЕВ

Фотография с портрета маслом А. А. Харламова. Париж, 1875. С дарственной надписью: «Алексею Петровичу Боголюбову в знак искренней приязни от И. С. Тургенева. Париж—1876»

Музей И. С. Тургенева, Орел (оригинал портрета — в Русском музее, Ленинград)

меня известным словом: „Любите людей, как я их любил. Я знаю, вы добрый человек!“»— писал Боголюбов Я. П. Полонскому 20 января 1884 г. (см. стр. 475).

Письма, вернее записки Тургенева к Боголюбову, находятся в ЦГАЛИ, в личном фонде Боголюбова. Их всего 17. Ранее из них была опубликована лишь одна [11]. В нашу публикацию они полностью не вошли, а использованы частично в комментариях.

Писем Боголюбова к Тургеневу обнаружить не удалось. В архивах Гос. Русского музея, Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Института русской литературы хранятся неизданные письма Боголюбова к В. В. Стасову, И. Н. Крам-

скому, Я. П. Полонскому, касающиеся Тургенева; мы привели их в приложении к нашей публикации. Почти на все эти письма имеются ответы в корреспонденции Боголюбова, которая составила основу его обширного личного архива, завещанного Радищевскому музею, а сейчас хранящегося в ЦГАЛИ.

Кроме огромного художественного наследия (только исполненных маслом произведений около двух тысяч), кроме обширной переписки, Боголюбов оставил увлекательные воспоминания — «Записки моряка-художника».

По завещанию Боголюбова «Записки» поступили в Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. Боголюбова; состоят из шести тетрадей и насчитывают более двадцати авторских листов) и до сих пор не изданы.

Боголюбов начал свои «Записки» 25 декабря 1881 г. в Париже и продолжал до самой смерти. Они изобилуют описаниями событий, поездок, встреч, которыми с детства была богата судьба художника.

Написанные легко, в разговорной манере, живым, остроумным языком (как он сам признавался: «... пишу незлобно, а так, слогом веселого человека, любящего анекдоты»), воспоминания Боголюбова полны яркими образными зарисовками характеров и судеб его современников — писателей, художников, сановного чиновничества, придворного быта.

В «Записках» Боголюбова много страниц посвящено Тургеневу. Они рассыпаны по нескольким тетрадям (1, 4, 5). Некоторые эпизоды и размышления, например, по поводу смерти и похорон Тургенева, записаны сразу, после проводов гроба с телом Тургенева из Парижа в Россию, а многое — спустя десятилетие, в 90-х годах.

Свои воспоминания Боголюбов основывает на личных наблюдениях и со слов близких к Тургеневу людей — П. В. Анненкова [12], А. А. Мещерского.

Особый интерес представляет описание отношений Тургенева с Полиной Виардо. Боголюбов не только оправдывает этот союз, но считает его совершенно естественным, достойным таких выдающихся людей, и счастьем для Тургенева. «Много людей русских бранят m-me Виардо,— пишет Боголюбов 〈...〉 — Я не стою на их стороне и не думаю так, благодаря тому, что, бывая в их доме, мог вглядываться в интимную жизнь Ивана Сергеевича 〈...〉 Ивану Тургеневу надо было жить и любить своеобразно, так, как он своеобразно бросил взгляд на все, что сотворил, и тем себя увековечил. А деньги, дачи, дома, имущество, оставленное им,— все это вздор, все это бледно перед 42-летним чувством привязанности и хоть единым мигом наслаждения ума и сердца, который ему дала m-me Виардо» (см. стр. 464).

Каким светлым чувством проникновенного понимания Тургенева-человека и уважением к нему веет от этих слов! Не раз Боголюбов выражает и свое преклонение перед Тургеневым-художником — «перо» его называет «могучим», «золотым».

Искренность и объективность Боголюбова в обрисовке друга сказалась в том, что Боголюбов не утаил своего отношения к Тургеневу как знатоку искусства. Он прямо говорит, что «...строгим и глубоким критиком и знатоком искусства Тургенев, по-моему, никогда не был» (см. стр. 454). Эту мысль подтверждает Боголюбов на многих примерах. Один из них — увлечение Тургенева картиной М. Мункачи «Христос перед Пилатом». А величия творения А. Иванова «Явление Христа народу» Тургенев не понял: «... мне стало грустно, что Иван Сергеевич так малосознательно делал свои заключения о гениальном, вполне русском художнике А. А. Иванове! А что сказано таким авторитетом, как он, то, пожалуй, и будет принято за непреложную истину» (см. стр. 453).

Подобное суждение о Тургеневе не новость, и в литературе этот вопрос получил уже освещение. Зато Боголюбов высоко ценил влияние мастерства Тургенева-писателя на художников, в частности на развитие реалистического пейзажа, что он и выразил в своей речи, сказанной от Общества русских художников в Париже во время проводов гроба Тургенева в Россию 1 октября 1883 г.:

«Я не буду говорить о литературных заслугах великого нашего художника-писателя, только сейчас блестяще и верно оцененных речами гг. Ренана, Эдмона Абу и Вырубова. Но скажу, какое громадное влияние имел Иван Сергеевич как художник-писатель на среду художников, которых он так горячо любил и покровительствовал.

«ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА РУССКИМИ ХУДОЖНИКАМИ У БОГОЛЮБОВА В ПАРИЖЕ»
Рисунок Н. Д. Дмитриева-Оренбургского (сепия). Париж, 1875
Среди присутствующих изображен Тургенев (в центре)
Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

Всем известно, что в Париже существует наше небольшое Общество, основанное в день достопамятного взятия Плевенского. Возникновением своим оно немало обязано Тургеневу как главному учредителю, постоянному члену Комитета и секретарю, звание и обязанности которого он предложил взять на себя без всяких просьб и до конца жизни, несмотря на свои серьезные труды, всегда находил время заняться нашим делом. Доброта души его и всегдашняя готовность помочь ближнему, столь тесно связанные с богатой его натурой, известны каждому, но долг мой заявить всем, что не было из нас ни одного человека, который ушел от него неудовлетворенный помощью нравственною или материальною. В беседах своих с нами он был всегда прост, часто весел, а когда читал нам что-либо из своих сочинений, то действовал на чувства чарующим влиянием. Перейду теперь к Ивану Сергеевичу как высокому знатоку художества. Золотое перо его, подобно кисти при богатой палитре художника, изображало ясно в его творениях, речах ту неуловимую прелесть природы, доступную только такому мастеру, каков был Тургенев. Фон картин его (ежели могу так выразиться) был всегда верен, никогда не вымучен излишнею выработкою, но закончен настолько, чтобы читающий усвоил прямо идущие в душу подробности. Кто из нас не дышал свободно, полною грудью, читая описания деревенского шумного утра с дрожащею, как алмаз, на листве росою. А его беспредельные поля, тенистые рощи, его болота и пруды, поросшие водорослью! И в этом-то знакомом нам пейзаже, также верно и сильно двигались созданные им народные типы, это живые люди, это наш край родной с его подчас грустною прелестью, но ведущею к светлой будущности 〈...〉

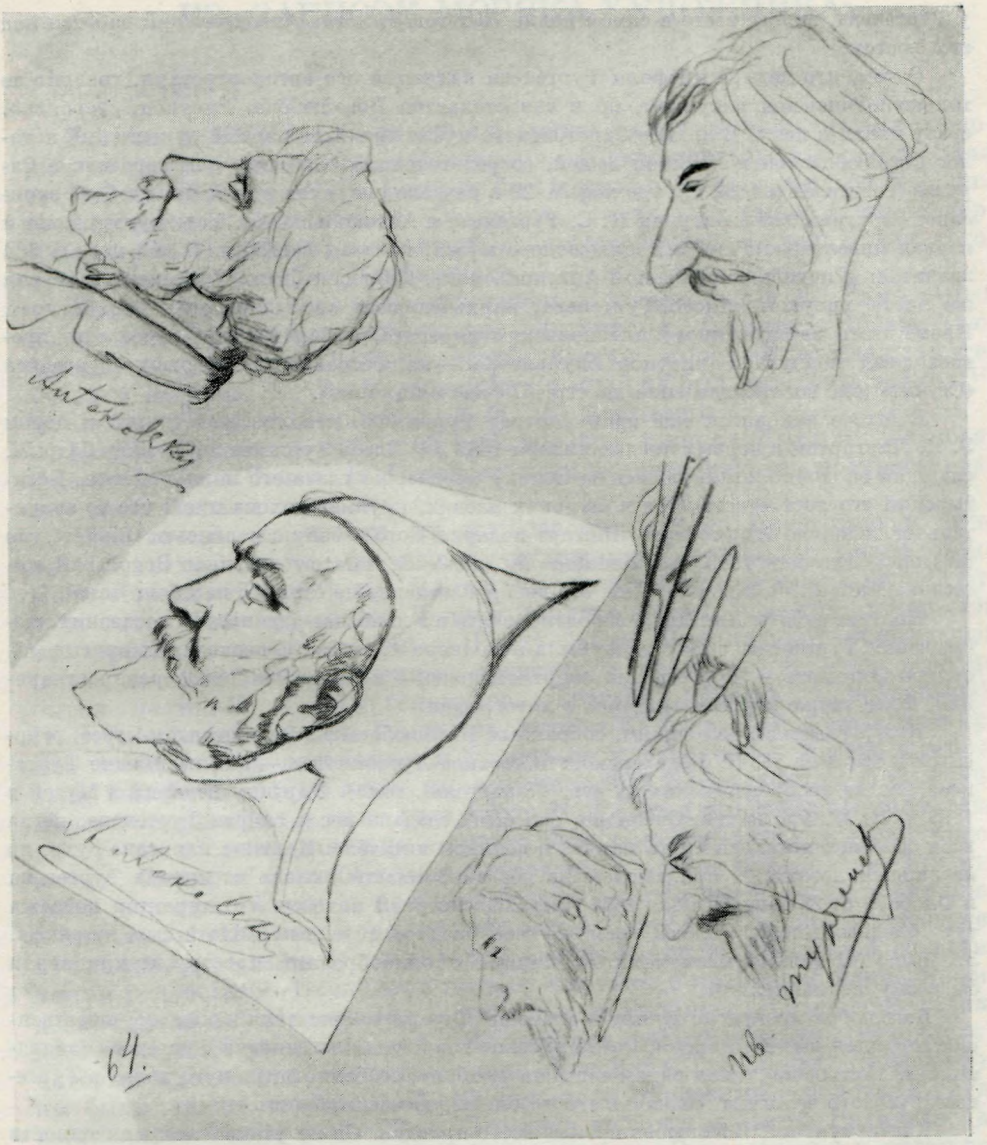
Женщина, изображенная Тургеневым, истомлена трудом и горем, только печалью терзает душу, но она не безобразна. Мужик не тонет постоянно в бесповоротном потоке, но он могуч в беде своей, разумен и силен. И в этом-то творчестве он является истинным добрым гением, указывающим художнику тот верный изящный путь родных бытовых сцен, по которому уже идет наше молодое поколение и пойдет всегда тем же честным трудом своего учителя, упрочивая славную и вечную память Ивана Сергеевича Тургенева!» [13]

Будучи увлеченным коллекционером и боготворя Тургенева, Боголюбов собрал много интересных материалов, относящихся к писателю. В экспозиции Радищевского музея до революции имелся так называемый «Уголок Тургенева», где были сосредоточены его личные вещи, переданные Боголюбову Полиной Виардо: письменный стол с креслом из его парижского кабинета, костюм (мантия и шапочка) доктора Оксфордского университета, охотничий ягташ. Большую ценность представляли гипсовая маска и слепок с руки Тургенева. Наряду с этим выставлялись автографы, рисованные и гравированные портреты Тургенева, его фотографии. Среди них выделялся терракотовый бюст писателя работы Антокольского. После ряда реорганизаций Музея почти все тургеневские экспонаты были переданы в Орловский музей, но и сейчас в Музее им. А. Н. Радищева имеются вещи, которые обогащают иконографию Тургенева. Здесь, прежде всего, следует упомянуть его автопортреты.

Известно, что с молодых лет писатель любил рисовать. На небольшом, пожелтевшем от времени листе бумаги (размером 28 × 23,5 см) графитом нарисовано пять профилей Тургенева и один — воина в шлеме. В правой части листа размещены четыре рисунка, сделанные самим Тургеневым. Под одним из них имеется его подпись: «Ив. Тургенев».

Все четыре автопортрета однотипны — профиль в повороте налево. Они исполнены заученными приемами. На всех совершенно одинаково линия лба переходит в очертание носа. Одинаково изображаются глаза, брови, усы, борода и прическа.

Глядя на эти портреты, видно, что Тургенев, не будучи профессиональным рисовальщиком, но часто зачерчивая свой профиль, постепенно набил руку и научился передавать сходство, несколько шаржируя черты лица — увеличивая нос, делая его толстым и вислым. Второй сверху профиль — не окончен, в нем одной непрерывной линией нарисованы только лицо и борода, а затылка и волос нет. Видно, что портрет не удовлетворил автора и он резко перечеркнул его, сильно нажимая карандаш. Автопортреты Тургенева передают его уже пожилым, грустным, задумчиво сосредоточенным.



ТУРГЕНЕВ

Автопортреты (справа) и рисунки М. М. Антокольского (карандаш). Париж, конец 1870-х годов

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

Пятый профиль Тургенева (левая часть листа) нарисован Антокольским (подписан). Это беглый набросок, в нем сразу видна рука мастера, хорошо чувствующего красоту головы Тургенева.

Антокольский нарисовал еще один профиль — образ старого воина в шлеме, грозного, мужественного и в то же время вспыльчивого и капризного. В этом лице привлекает сложное выражение, будто бури пережитого запечатлены на нем. Рисунок воина (тоже подписной) сделан на другом листе бумаги, обрезан и приклеен к основному.

Когда исполнены эти рисунки, установить не удалось. Бесспорно, что они делались в Париже — или в клубе Общества русских художников, или на одном из вечеров

у Тургенева, скорее всего в самом конце 70-х годов, когда Антокольский работал над его бюстом.

О том, что четыре профиля Тургенева являются его автопортретами, говорит не только подпись под рисунком, но и свидетельство Боголюбова. Рисунок, вероятно, сразу попал к нему. В архиве Саратовского музея хранится первый рукописный каталог боголюбовской коллекции вещей, сосредоточенных в Москве для передачи в Саратов (составлен в 1882 г.), где под № 29 в разделе рисунков рукой Боголюбова записано: «Оригинальный рисунок И. С. Тургенева и Антокольского». То же утверждает и первая инвентарная книга Радищевского музея, начатая в 1885 г. В ней под № 564 значится: «Рисунок карандашом Антокольского, набросок бюста Тургенева и на том же листе рисунок самого Тургенева, нарисовавшего свой портрет в карикатуре». Кроме этого нарисованного Антокольским портрета, в Саратовском музее есть превосходный подписной рисунок скульптора — иллюстрация к рассказу Тургенева «Стучит» (см. воспроизведение на стр. 475 настоящ. тома).

В Музее находится еще один портрет Тургенева, исполненный тушью и пером Э. К. Липгартом в первых числах января 1883 г.[14] Здесь Тургенев изображен бодрым, сидящим спокойно, откинувшись на спинку кресла, но глаза его полны печали. Богатырский его рост чувствуется в широких плечах, крупная голова имеет что-то значительное, львиное. Этот портрет Липгарт подарил Боголюбову с надписью: «Liphart, rue de Douai. Janvier 1883. Au fondateur du musée de Saratow monsieur Bogoluboff son reconnaissant E. de Liphart» * (см. его воспроизведение на стр. 465 настоящ. тома).

Портрет работы Липгарта, вероятно, считался наиболее удачным из последних изображений Тургенева, с него даже была исполнена гравюра. С нескольких других рисунков Липгарта — Тургенев на смертном ложе,— в целях широкого распространения, были также сделаны гравюры и литографии.

К тургеневским реликвиям, собранным Боголюбовым в Радищевском музее, относится и картина Н. К. Бодаревского «Спасское-Лутовиново» — вид на имение Тургенева (см. ее воспроизведение на стр. 17 настоящ. тома). Картину подарил в Музей в 1889 г. П. М. Третьяков. Очевидно, она была создана после смерти Тургенева, когда всем особенно хотелось иметь память о великом писателе. Картина написана сухо, но не лишена поэзии. И при взгляде на нее вспоминаются слова из письма Тургенева к Флоберу от 22 июня/4 июля 1876 г. из Спасского: «Я нахожу, что характер пейзажа тут бледный: небо, зелень, земля — все бледно, с теплым золотистым оттенком. Это было бы только мило, если бы ширина и однообразный простор не придавали бы всему величия...»[15]

Боголюбов прекрасно понимал значение Тургенева-писателя и как соотечественник гордился им. В то время, когда русские современники считали Тургенева «западником», Боголюбов, живя рядом с ним на чужбине, особенно остро чувствовал в Тургеневе русского человека, сознавая его европейскую масштабность.

Как мемуарист, Боголюбов прежде всего правдив. Он не утаивает ограниченности воззрений Тургенева на изобразительное искусство, зависимости его мнения от моды и влияния окружающих людей.

И в «Записках», и в своей корреспонденции Боголюбов подчеркивает пристрастие Тургенева к искусству, дружбу с художниками и свою личную с ним дружбу, но делает это на редкость нелицеприятно.

Отрывки из «Записок моряка-художника» печатаются нами по автографу, хранящемуся в ГПБ.

Собирая воедино все о Тургеневе в воспоминаниях художника, мы столкнулись с многократными повторениями и неожиданными отступлениями. Чтобы придать воспоминаниям хронологическую последовательность, пришлось смонтировать многие куски и прибегнуть к введению датировок там, где это оказалось возможным.

---

* «Э. де Липгарт, улица Дуэ. Январь 1883. Основателю Саратовского музея господину Боголюбову признательный Э. де Липгарт» (франц.).

ИЗ «ЗАПИСОК МОРЯКА-ХУДОЖНИКА»

〈1873—1876 гг.〉

Вступив в 1873 год, я нашел в Париже целую плеяду наших молодых и весьма даровитых художников. Пенсионерами Академии были гг. Репин, Поленов. А. К. Беггров был прислан ко мне учиться Морским министерством. Были еще гг. Савицкий, Леман, Харламов — пенсионер, Шиндлер[16], Дмитриев, назвавший себя Оренбургским, только для того, чтобы его отличали от Кавказского.

После прибыл Васнецов, пенсионер Ковалевский и из Рима Антокольский. Художники-архитекторы Лавеццари, Громме, Князев (любитель) и художники Добровольский, Егоров, Ропет. Проживал там же, учась у Жерома, В. В. Верещагин. Со мной он был еще тогда знаком[17]. И вскоре появился талантливый И. П. Похитонов.

Центром сборища всей этой публики был генерал Дмитрий Александрович Татищев[18] и я. К Татищеву ходили завтракать по воскресеньям, а у меня бывали вторники 〈...〉

Мои вечера отличались от татищевских сходок простотою и веселостью, заходили ко мне разные художники, французы Бонна, Жан Поль Лоранс, Жером и пр. Частенько у меня были музыка и пение. Душою этого был художник Доливо-Добровольский — милый тенор. Он мне приводил своих знакомых. Ревел басом Шукало, провинциальный певец, и прочие доморощенные артистки и артисты. На этих вечерах бывал часто И. С. Тургенев, гр. Толстой («Князь Серебряный»), П. В. Анненков — друзья Тургенева, актеры Бурдин, В. В. Самойлов и пр. Все это было без программы и удавалось превосходно. Иногда и танцевали, ибо были девицы очень миловидные, хоть бы три сестры Ге[19]. Такие сборища держались у меня года четыре[20]. Раз мои приятели выгнали меня на 24 часа из моего жилища и впустили только на другой день в 9 часов вечера. Сюрприз состоял в костюмированном вечере и хороводе. Тут мне было поднесено блюдо с хлебом и солью работы моих юных товарищей с надписью: «Нашему хорошему Алексею Петровичу от его почитателей художников». Блюдо это я передал в мой Радищевский музей со всеми моими редкостями. После шли живые картины с прекрасно написанными декорациями гг. Поленовым, Шиндлером и Репиным. В хороводе ходила коза-плясун (Савицкий), а А. К. Беггров водил медведя (Шиндлера), который превосходно исполнял роль господина Топтыгина. Замечательны были также портреты И. Е. Репина с прорезными головами, куда вставлялись живые лица. Д. А. Татищев изображал Петра Великого, да так хорошо, что все мы орали от удовольствия. Впоследствии я отдал эти прорези е. и. в. в. кн. Николаю Александровичу[21], но не знаю, забавляет ли его этак прекрасным художеством его воспитатель.

В живых картинах участвовали красавицы г-жи Ге — «Тамара и Демон» и г-жа Маковская, что тоже наполняло мою мастерскую продолжительным восторженным криком[22].

На этих вечерах читались впервые переведенные стихотворения М. Ю. Лермонтова на французский язык и были вполне одобрены И. С. Тургеневым и Анненковым. Иван Сергеевич тоже иногда неподражаемо читал что-нибудь свое новенькое. Надо ему отдать справедливость, что он умел возбудить к себе всеобщее обожание 〈...〉

Благодаря Ивану Сергеевичу Тургеневу русские художники имели постоянно вход в дом и на вечера знаменитой m-me Полины Виардо, где случалось слушать превосходную музыку, самых лучших артистов и слышать знаменитых певцов и певиц. В это время Тургенев обладал цветущим здоровьем, был всем любезен и замечательно способен устраивать

всякого рода веселые игры [23]. Будучи еще молодым офицером, я слушал m-me Виардо в Итальянской опере в Петербурге и с тех пор, не будучи вовсе музыкальным, всегда носил неизгладимое впечатление от ее голоса, который при превосходной игре очаровывал всех, кто только ее знал ⟨...⟩ Я впервые просто приходил в телячий восторг от Полины Гарсии. И для меня после нее никогда не было такой певицы, гениальной, музыкальной и драматической актрисы, как она. Позднее я уже был с ней коротко знаком через И. С. Тургенева и думал, что мне не раз придется говорить об этой изрядной женщине. Как теперь помню, что это был за праздник, идти в оперу слушать «Севильского цирюльника» и видеть ее в роли Розины! А в «Пророке» [24] как она была величественна! Да, словом, везде гений был с нею, давая всем полное очарование! M-me Виардо не была хороша собой, но была стройна и даже худощава. У нее до старости были чудные черные волосы, умные бархатные черные глаза и матовый цвет лица, какой видно у природных испанских цыганов. Рот ее был большой и безобразный, но только что она начинала петь, о недостатках лица и речи не было. Она буквально вдохновлялась, являясь такою красавицею могучею, такой актрисой, что театр дрожал от рукоплесканий и браво. Цветы сыпались на сцену, и в этом восторженном всеобщем шуме царица сцены скрывалась за падающим занавесом.

Я видел тоже и Фанни Эльслер. Конечно, не так, как англичанин, осматривающий у нее могилу герцога Рейхштадского, но на сцене. Она была очаровательно грациозна. Случалось видеть и Рашель не раз в жизни с ее греческой скульптурной грацией и чарующей речью. Но Полина Виардо для меня всегда была выше всех в сценическом наслаждении ⟨...⟩ Конечно, той прелести звука уже не было при ее настоящем пении, но манера говорить романсы, а в особенности испанские песни, была у нее в это время очаровательна. Узнав ближе Ивана Сергеевича и видя его слушающим пение обожаемой им женщины, которой он посвятил всю свою жизнь, я смотрел на них обоих с чувством глубокого уважения, и, вопреки всем толкам и пересудам наших россиян, ругавших ее цыганкой, похитившей нашего Тургенева, скажу, что он был счастлив по-своему, и бахвал тот человек, который подвергал дерзкому суждению таких двух гениальных личностей, каковы были он и она!

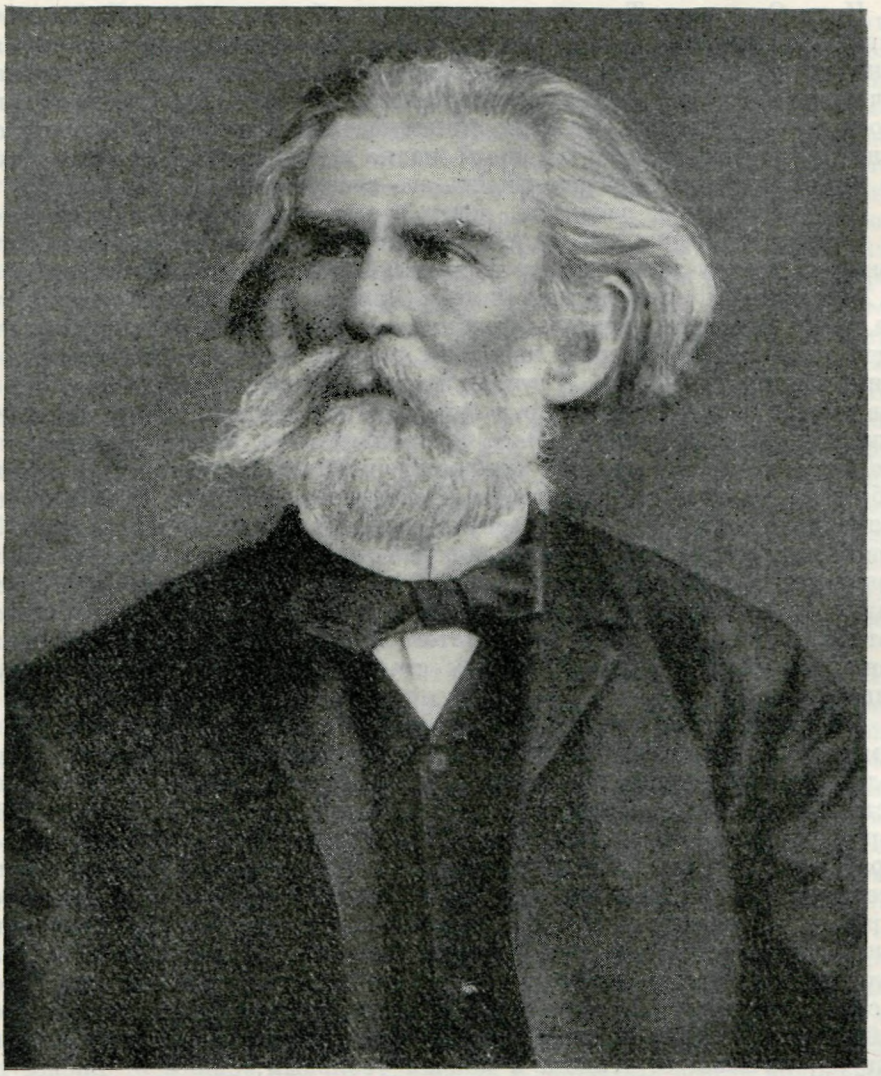
В доме у Виардо я познакомился с музыкантами Сен-Сансом, Сарасатом (скрипачом), с Золя, Полем Бурже, Ренаном и пр. Все шло под эту кровлю высокого художества, считая честью быть у гениальной певицы и музыкантки ⟨...⟩

Бывали тут и литературные утра, организованные И. С. Тургеневым для усиления средств русской учащейся в Париже молодежи, которую он поддерживал, не зная отказа, причем иногда был бессовестно эксплуатируем...

⟨1877 г.⟩

На осень я снова отправился к себе в Париж [25]. Стояла и тут чудная осень, а потому я всласть поработал этюды в Овере на реке Уазе, где когда-то жил знаменитый Добиньи.

До сих пор в Париже были только частные сходки художников в мастерской художника Н. Д. Дмитриева (Оренбургского). Но радостная весть, что Плевна пала, что война шла к концу, нас ободрила, и мы порешили, в день ее взятия, основать в Париже «Общество взаимного вспомоществования русских художников» [26]. Сейчас собрали картины, рисунки для лотереи, которую успешно разыграли благодаря нашему члену П. В. Жуковскому, который ловко всучивал на тысячи франков билеты своим американским друзьям.



А. П. БОГОЛЮБОВ
Фотография, 1880-е годы
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Выделили из всего 5 тысяч франков и отправили их через графа Адлерберга (министра Двора) государю императору, прося принять для раненых нашу лепту от нового Общества русских художников в Париже. Получив благодарственный ответ, мы получили и гражданство. Написали устав, над которым немало потрудился И. С. Тургенев, как секретарь, и барон Гораций Гинцбург [27], как кассир. Князь Орлов принял председательство Общества ⟨...⟩ Все художники и много русских сделались членами плевненского достопамятного дня. Тут материально много помог нам барон Гораций Осипович Гинцбург. У него был сын, художник, который, к несчастью, умер. И он отдал нам его мастерскую как даровое помещение и положил первый денежный фонд для составления капитала Общества [28] ⟨...⟩

Иван Сергеевич Тургенев увековечил себя тем, что был секретарем нашего парижского Общества русских художников, где он состоял и основателем и, конечно, являлся самой крупной единицей на всех наших вечерних собраниях, которые он любезно посещал с полным простодушием своей богатой натуры. Бывало, станет он читать что-либо из своих сочинений — все замрет кругом, и мы жадно ловим каждый его жест руки и не налюбуемся на выразительность его глаз и лица.

Подчас велись и рассказы, почти всегда шутливые, полные русского юмора. Но редко говорилось о художестве в смысле его критики. Однако раз в силу того, что я сообщил несколько моих наблюдений над А. А. Ивановым, схваченных в Риме и Париже [29], которые подтверждали те же самые описания чудака-художника, напечатанные у Ивана Сергеевича в его рассказе [30], Тургенев невольно перешел к оценке его картины «Явление Спасителя народу». И тут так же, как и в печати, утверждал, что Иванов только был труженик, пожалуй, мыслитель-идеалист, но самобытным никогда не был и нового ничего не проявил, что, пожалуй, следует идти его путем труда и честности художественной, но все-таки надо «создавать себя», но не быть подражателем. Последнее, пожалуй, справедливо, но общее положение Ивана Сергеевича об Иванове совершенно ложно, Иванов был классический деятель, полный глубокомыслия, несмотря на свои фокусы и причуды. Тургенев хотел от него блеска красок, движения фигур, но это не была задача, которую взял для исполнения художник, который, точно, не блистал колоритом, но обладал в высшей степени подражанием натуре и владел самым строгим рисунком, разве присущим Энгру.

Взгляните на его пейзажи, на уголок воды, радужно дробящейся кругами около нагих фигур, взгляните на оливы, даль картины, и, право, только слепой скажет, что это не натурально и не глубоко прочувствовано. Есть люди, которые бросали в лицо Иванову упрек, что, 23 года работая картину, можно было съездить в Палестину, но не в римскую долину Фраскати. И это вздор! Художник воспроизводит природу, какую он чувствует и в которой живет. И картина его, будучи умна и писана с натуры, с строго выполненным историческим сюжетом, уже есть произведение великого творчества! Тициан, Рафаэль, Поль Веронез и прочие великие мастера не стеснялись нисколько писать священную историю в своих венецианских и римских палаццо или флорентийских и других пейзажах. А. Иванов за то же подвергался упреку, когда всякая его фигура, начиная от Христа и кончая угóльным, синим от дрожи и холода рабом, дышит правильностью форм и одиночного выражения, что и составляет неоспоримое целое! Не продолжать дело, начатое художником Ивановым, надо русским художникам, как это говорит Иван Сергеевич, но изучать его во всех отраслях с полною добросовестностью и быть им. Вот что должно стать бесспорно истиною для молодого поколения, забывая краски, яркость которых пройдет со временем, как это мы видим в древних мастерах, перед которыми все-таки преклоняемся и которые будут жить вечно вместе с картиною Иванова!

Никто меня не может осудить, что я не был рьяный поклонник и обожатель покойного Ивана Сергеевича! Все знали, что я пользовался его вниманием до конца дней, а потому, ежели позволяю себе сказать о нем свое мнение относительно только художественной его оценки картин, то высказываю впоследствии моего многолетнего наблюдения, никак не отнимая от него, что в его описаниях природы есть та высокая наблюдательность и красота, которую дай бог видеть каждому художнику, и при том умении выразить ее на холсте, как это он делал своим могучим пером [31].

Всем известно, что натура Ивана Сергеевича была сильно впечатлительная и даже с подчинением тому человеку, в которого он уверует

(Белинский, Пушкин, Анненков, граф Толстой, Виардо и пр. и пр.). Таким был около него много лет Луи Виардо, умный и глубокий изучатель двух школ по-преимуществу — староиспанской и голландской. Благодаря своему знанию Виардо собрал у себя почти задаром весьма почтенную коллекцию, посещая постоянно Отель Друо, куда часто хаживал с женою и Иваном Сергеевичем [32]. В это время Тургенев был любителем только древних картин, и я у него видел картины Ван Гойена, Тербурга, Мейериса [33], Теньера [34] и других. Но вскоре он их разлюбил, и они незаметно сменились Руссо [35], Добиньи [36], Харламовым, Коро [37] и другими мастерами школы 30-х годов. Тут Иван Сергеевич подчинился моде. Не раз случалось бывать мне с ним и Виардо в парижских салонах. И здесь-то я убедился, что Тургенев никогда не смотрел своими глазами, но всегда приглядывался к мнению Виардо и публики. Помню еще, когда торгаш картинный Зедельмейер, державший на откупу за 150 тысяч франков в год венгерского художника Мункачи и при диарамическом свете, окружив публику тьмой и бросив яркий свет сверху на картину «Христос перед Пилатом», собрал к себе в залы лучшую парижскую публику [38], куда и я попал благодаря m-r Виардо. Как тогда все шепотом говорили: «Да это чудо! Это колоссальное произведение!» То же слышал я и от Ивана Сергеевича. Конечно, картина была нова, блестяща по краскам, представлена как нельзя лучше. Но когда случилось ее видеть в другом свету и когда пришлось перейти от блеска к разбору композиции, а главное, рисунка, то мало от нее осталось хорошего.

Христос здесь — озлобленный каторжник, смело смотрящий на Пилата и, ежели бы ему развязали руки, то так бы и вцепился он в жирное туловище римского правителя. Правда, позади видна разъяренная толпа, она шевелится, фарисеи характерны по лицам, но не по костюму, который театрален. А постройка перспективы здания даже крива и безграмотна. Ну, и вспомнил я тут тусклую, пожалуй, без блеска, картину Иванова, вспомнил лик Спасителя, Иоанна, и мне стало грустно, что Иван Сергеевич так малосознательно делал свои заключения о гениальном, вполне русском художнике А. А. Иванове! А что сказано таким авторитетом, как он, то, пожалуй, и будет принято за непреложную истину.

В воспоминаниях об А. Иванове в самом начале, где три «форестьера» едут в Альбано, Иван Сергеевич говорит, что после Клод Лоррена нам никто, ни пером, ни кистью, не мог передать римской природы. Тут он опять забыл своего спутника, которого совершенно неосновательно обзывает «идеалистом», тогда как в труде своем Иванов был всегда полнейшим реалистом. Слово идеал есть, по-моему, далеко не приличное слово, навязанное тому, кто верно воспроизводит все с природы, без отступлений, что подтверждают все этюды с натуры Александра Андреевича Иванова в галерее П. М. Третьякова, целиком помещенные в картине «Явление Христа». Клод Лоррен был идеалист, это несомненно, и поэт в живописи, как его называют некоторые, но не я, ибо, по-моему, поэзии нет ни в художестве, ни в литературе. Это слово дико условное, а ее составляют высший реализм, прекрасно сплоченный тонким вкусом и наукою, но строго взятый с натуры, с жизни, с помощью зрения и ума человека, ибо все, что есть бред воображения, то, по-моему, нелепо и неясно для ума твердого. Клод Лоррен давал всегда произведения, скомпонованные, составные, гнул иногда дуги непарные насчет перспективы, пихал в свои фоны пять, шесть планов. Там были и моря с кораблями, острова, ближе — рощи с двориками, каскады, опять вода и берег, заполненный длинными, по тогдашнему времени грациозными барынями, и полунагими мужчинами высшего тона, удящими рыбу или просто беседующими. Все это в общем было стройно, гармонично, блеск солнца и туманные дали были, точно, обворожительны. Но правды божьей, натуры

ивановской, тут искать нельзя. Хотя в эпоху, когда Иван Сергеевич Тургенев писал свои воспоминания, то во Франции уже жили Руссо, Коро, Добиньи, Тройон, Марилла, Декан и Мейсонье, а в Дюссельдорфе братья Ахенбах, которые тоже писали Италию со всеми ее неискаженнымм прелестями, но о которых Иван Сергеевич не помышлял, руководясь традициями своего первоначального воспитания. А потому строгим и глубоким критиком и знатоком искусства Тургенев, по-моему, никогда не был...

〈1880 г.〉

Иван Сергеевич жил в Буживале на своей даче «Les Frênes». Тут же находилась дача его родичей, детей и жены покойного Николая Ивановича Тургенева, известного литературного деятеля-декабриста. Это не были его близкие родственники, а почти однофамильцы 〈...〉

Как мне говорила m-me Тургенева, Иван Сергеевич был у них лет 45 тому назад первый раз в Швейцарии, студентом. И с тех пор отношения их были никогда не близкими, но всегда самыми дружескими. Судьба свела их ближе в Буживале. Семья Тургеневых, надо сказать, была весьма патриотичная, замкнутая, но крайне почтенная. По смерти Николая Ивановича они еще более замкнулись. Дети оперились, мать свято охраняла их своими заботами от всякой неприятности и уж чересчур, как говорили их знакомые. Сам Иван Сергеевич не иначе выражался про них: «Это мои прекрасные, но скучнейшие кузены». У кузенов и кузин имение все принимало более и более громадные размеры. Они скупили более 125 клочков земли около своего шато, что составило, поди, 100 десятин земли с лесом и садом и виноградниками. Последний крайне их занимал, хотя был самого плохого свойства, как и все окружные Парижу. Но примерно так, что свое серебро всегда лучше чужого, в октябре, при сборе, на который всегда приглашались друзья и близкие знакомые, из учтивости все хвалили вино и фрукты. Бывал тут и Иван Сергеевич в райском расположении духа. Когда половина подогретых рабочих пошла на место преступления с ножами, ножницами — обрезалками и корзинами, то перед распределением труда они говорили как взяться всем разом. Вдруг послышался тоненький, но резкий и сильный голос: «Постойте, постойте, господа и госпожи!» — кричал Иван Сергеевич.— Замолчали.— «Прежде всего я вам скажу мое размышление. Вдумайтесь в него, оно, кажется, справедливо. Ведь виноградник наших дорогих хозяев все-таки отвратительный, а вы его хвалите. Ну как тут не сказать, что господь бог вполне несправедлив в этом случае, когда такая дрянь нравится! А чудные плантации Бордо и Шампани теперь от этого бича страдают!» Громкий хохот с гиканьем огласил поле, все весело разбежались по грядам, а вечером за обедом только и дела было, что разговор вертелся на тему добродушного размышления Ивана Сергеевича, на что он отвечал с полным свойственным ему юмором, забавлявшим веселую компанию до конца сходки 〈...〉

Иван Сергеевич, когда бывал в духе, а в особенности за столом, любил рассказывать нецензурные былины. Окруженный молодежью в нашем парижском клубе художников в 18 rue Tilsitt, он бывал тоже очень весел и, сколько могу упомнить, не раз от него случалось слышать облюбованный им рассказ про бабу, укорявшую при своих товарках прогаразабулдыгу мужа, только что пробудившегося с похмелья. Дело шло о том, что хата и семья страдала от разгула отца, пропивавшего частенько не только что сапоги, но даже портки. В таком виде стоит мужик, запустив пятерню в свою волосину, а бабы все галдят вокруг него. Наконец

РИСУНОК ТУРГЕНЕВА (карандаш)

Сделан на черновике протокола заседания Комитета Общества русских художников в Париже. Февраль—март 1880 г.

Вверху помета рукой А. Ф. Онегина

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Тургенев был одним из основателей Общества русских художников в Париже и его секретарем

терпение мужика лопнуло и на все укоры и ругань жены он только ответил: «Ну да, позавчера был пьян и сегодня опохмелился, а не кажинный же день пью, что ты врешь дура — х... посудина этакая!» Последнее выражение он считал высокою живописью с натуры русского человека и прибавлял «непереводимо, сильно и верно!»

В другой раз случилось мне с ним обедать за Сеной в известном ресторане Латинского квартала «Пуаро». Тут были художники-пенсионеры Поленов, Репин, Татищев, Вырубов и еще два-три знакомых. Иван Сергеевич тогда был совсем здоров (хотя иногда страдал подагрой). Стол был простой, но сытный, вино не высших цен, но доброе. Когда подали кофе, коньяк, ликеры, то разговор шел на тему поверий и предрассудков самых тупоумных. В силу чего Иван Сергеевич рассказал следующее:

〈...〉 Какой-то досужий человек спросил однажды Ивана Сергеевича — «Ну, как вы себе представляете чёрта?» — «Да я, по правде, об этом никогда не думал,— ответил он, добродушно улыбаясь,— но желал бы слышать ваше мнение».— «Ну, так вообразите себе господина с одной ноздрей и без спины — ну и вот он и есть чёрт».— «Глупо, но занятно»,— сказал Тургенев. И очень часто задавал эту задачу, когда бывал в веселой компании, своим слушателям 〈...〉

Раз как-то 〈...〉 Иван Сергеевич слышал рассказ от гр. Григория Александровича Строганова о том, как исправник в мундире и треуголке в каком-то городке России сопровождал его даже в баню. И в то самое время, когда солдат-банщик дошел с мыльной мочалкой до омовения причинного места, бдительно следя в щелку двери, не утерпел,

ТУРГЕНЕВ НА ОХОТЕ

Шарж А. П. Боголюбова, декабрь 1879 г.

Воспроизводится с фотографии парижского фотографа Ф. Лошара

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

ТУРГЕНЕВ НА ОХОТЕ

Шарж А. П. Боголюбова, декабрь 1879 г.

Воспроизводится с фотографии парижского фотографа Ф. Лошара

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

вдруг раскрыл ее и громко сказал «Осторожно!» и опять пребывал в прежней дисциплинарной бдительности. «Это, ежели и не с натуры взято, то очень занятно составлено»,— сказал Тургенев. А я говорю ему: «Но ваш рассказ об „отчитывании" попом Яковом дворецкого Семена я никогда не забуду и удивляюсь, как вы его не напишете золотым вашим пером».— «Этого рода поэмы я вам предоставляю,— сказал Иван Сергеевич,— ежели хотите». Что я и сделал, но только, конечно, неумело и куда не так колоритно, как передавал нам сам автор в таверне «Пуаро»[39].

〈1881 г.〉

Вернувшись из Италии в Париж, я попал, как нарочно, в страшную передрягу [40]. В день моего приезда мне сказали, что у нас в Обществе сегодня будет литературный вечер и что будет читать Иван Сергеевич Тургенев свой новый рассказ. От такой прелести, хотя и будучи уставшим от дороги, я отказаться не мог и пришел в Общество часов около 10-ти вечера, застав мастерскую нашу полную народа. Вглядевшись поближе, вижу все незнакомые лица, в особенности в числе дам. Все были какие-то коротко стриженные, плохо умытые, оде〈тые?〉 также 〈?〉 и нечесанные. Спрашиваю секретаря нашего, художника Сакса [41]: «Что это за народ?» Он отвечает как-то робко:— «Право, не знаю!» — «Да кто их звал и ввел?» — «И этого не знаю, сами пришли». Налево вижу сидит старик длинноволосый.— «Это кто?» — «Лавров! — коновод нигилистов и цареубийц».— «Да как он сюда попал?» — «Говорит, что его пригласил Иван Сергеевич».— «А сам-то он будет?» — «Нет, прислал сказать, что заболел».— «Но что же будут здесь делать, коли принципала нашего нет?» —

«А вот г-жа Луканина [42] будет читать что-то, да поэт (еврей)».— «Да что он прочтет?» — «Спросите его».— Отвечает: «Стихи свои»[43]. Обращаюсь к своим товарищам комитета и говорю:— «Господа, да что это за вечер?»— Говорят: «Да это Сакс устраивает, он вел переговоры с Иван Сергеевичем, он и приглашал всех». Конечно, надо было бы поступить энергично, заявить, что по болезни Тургенева вечер отменяется, но так как я еще не вошел в свои права председателя комитета, то должен был молчать, хотя у меня была идея в случае упорства взять и потушить газ, но все на меня закричали — «Скандал, скандал!» Ну, вот и началось чтение. Вышел поэт, еврей-прохвост и заместо стихотворения о луне и ночной росе прочел, как Каракозова вели на виселицу и его думы. Я ахнул! Подхожу к нему и говорю: «Вы поступили против программы. Это очень может дурно отразиться на Обществе нашем, цель которого мир, но не революция». Он побледнел, взял шляпу и ушел сейчас же, сказав что-то Лаврову, который, в свою очередь, встал и гордо вышел. Мало-помалу, несмотря на то, что читала какую-то скуку г-жа Луканина, все стали расходиться, и скоро остались только наши художники и некоторые члены. Дело было дрянь. Начались совещания. Г-н Сакс, конечно, удрал и решено было идти к Ивану Сергеевичу мне, дабы рассказать ему о приходе Лаврова и чтении поэта. Наутро в 10 часов я был у Тургенева. На моей карточке я ему написал: «Дело очень важное». Несмотря на тяжелую подагрическую боль, он меня принял. Лицо его было страдальческое, и мне больно было нарушать его покой, а потому скоро-наскоро я ему рассказал наш инцидент и говорю: «Так это вы пригласили Лаврова?» — «Да я ему сказал дня три тому назад, что буду читать в Обществе мой рассказ и только».— «Но, чёрт его возьми, приглашают одного, а этот нахал сам лезет к нам и навел с собою всю свою челядь». Помолчав немного, он сказал: «Но вы не беспокойтесь, всю вину я беру на себя и постараюсь дело устроить как следует. Сейчас же попрошу к себе князя Орлова (посла и президента Общества) и скажу — выручайте, непременно о чем дам вам знать». Я его оставил. На другое утро получаю от князя Орлова короткую записку: «А. П. Зайдите ко мне, надо поговорить».

С князем я давно был знаком коротко, а потому и отправился к нему с полной надеждою на хороший исход дела. Но все-таки он меня встретил словами: «Как же вы не мне первому сказали об этом вечере, ведь я ваш президент?» — «Да я случайно попал на вечер, о чем очень сожалею, ибо утром приехал из Италии. Но так как Иван Сергеевич был причиною появления у нас Лаврова, то я счел долгом к нему зайти прежде всего, и по его желанию вас не беспокоил». —«Все это хорошо, но надо, чтобы у нас подобные случайности в Обществе не происходили. Я знаю, что уже об этом донесли в Петербург, и послал кому следует депешу, прося не обращать внимания. Но все-таки это нехорошо. Теперь будем мы жить по-прежнему, но, пожалуйста, охраняйте себя, да и меня».— «Да этого бы никогда не было, ежели бы я был тут, а я, к сожалению, пришел на готовое».— «Да кто же у вас тут орудовал?» — «Как вижу, секретарь Сакс».— «Ну так скажите ему от себя, что вы его в 24 часа выпроводите из Парижа, ежели это повторится».

Так дело и окончилось здесь [44]. Но через день я получаю телеграмму от вора, ссыльнокаторжного в будущем, но в настоящем от подлеца конференц-секретаря Исеева [45]: «По воле его высочества сейчас отвечайте, что у вас читает в Обществе Лавров и кто был с ним?» Конечно, я ему ровно ничего не ответил, а сейчас послал письмо страховым на имя нашего августейшего президента в. кн. Владимира Александровича [46], где уяснил, что князь Орлов инцидент считает оконченным, что он лично уведомил об этом кого следует и что Лавров ровно ничего не читал, а я только был тут гостем, ибо утром приехал из Италии [47] ⟨...⟩

Возвратясь в Париж, я рассказал как-то все мои похождения Ивану Сергеевичу Тургеневу, которому мое дело было частью известно, ибо он мне составил мой ультиматум [48]. Он очень был доволен, сказав: «Я говорил вам, что ваши саратовцы заставили меня вспомнить басню Крылова „Петух и жемчужное зерно". Ведь город ваш, город зерновых тузов, а потому нельзя было, чтобы они отступились от своих интересов и стали сейчас на высоте решения предложенной вами задачи. А все-таки, как хотите, Саратов всегда был городом передовым, а потому передового человека он должен возвеличить в лице вашего деда Радищева, который всегда будет для них и России первым поборником освобождения крестьян»...

〈1882 г.〉

В художественном клубе нашем бывали вечера, украшением которых на этот раз были Иван Сергеевич Тургенев, А. Г. Рубинштейн, мадам Виардо и молодая певица г. Литвинова, она же Литвин в театральном мире [49]. Здесь в последний раз мы слушали чудное чтение Ивана Сергеевича. Затем Полина Виардо скорее сказала, чем пела, французские два романса. Эта великая артистка, конечно, утратила свой первобытный голос, но все-таки пела разговорно с таким знанием и вкусом, что все мы были в восторге.

Дивный виртуоз наш Рубинштейн сыграл Шопена и «Героику» Бетховена и аккомпанировал г-же Литвин русские романсы, превосходно исполненные молодой артисткой.

Такого вечера по общей гармонии мы никогда более не видели в нашем Обществе [50].

〈1883 г.〉

К великому нашему сожалению, мы скоро узнали, что И. С. Тургенев болен и что ему надо сделать операцию. На ту пору приехал сюда известный наш врач Белоголовый, он присутствовал при операции, которую сделал известный хирург Сегон [51], сказав, что нарост, срезанный им, доброкачественный, что больной скоро оправится. Сказанное было верно. На третий день операции я был у Ивана Сергеевича. А через десять дней он уже был на ногах. Но другую речь вел наш сибиряк Белоголовый: «Это скорое заживление раны нехорошо, нарост был раковидный и, к сожалению, он скоро себя покажет в другом виде, так что господа французы напрасно себе воздают хвалу». И точно, болезнь приняла скоро другой вид и оказалась в позвоночном хребте, внутри позвонков 〈...〉

Одновременно с Иваном Сергеевичем стал хилеть его почтенный друг Виардо, ему было уже лет за 75. Жизнь в рю Дуэ была тяжка для Тургенева, и вскоре он решил переехать на дачу в Буживаль, где имел совместно с парком и домом Виардо свою виллу. Когда Тургенев оставлял свое жилье, его сносили с лестницы, а во втором этаже к двери подкатили на кресле умирающего Виардо. Друзья молча пожали друг другу руки и сказав — «au revoir», расстались навеки, ибо через две недели Виардо не стало.

Вся эта семья по принципам была вполне атеистическая и свободомыслящая, не принадлежала ни к какой религии, а потому похороны его были свободны от всякой обрядности 〈...〉

Зная Виардо, я по-своему составил о нем высокое мнение. Первое как знатока музыки и знатока людей, ибо он из простой цыганки создал Полину Виардо великой артисткой и дал ей всестороннее образование,

которым она блистала до конца дней своих, будучи композитором и великой музыкантшей и укрепительницей талантов. Говорили про нее, что она жадна и обдирает своих учениц. Это правда, но только богатых. А бедных она учила массу, давала деньги на жизнь и пристраивала на сцены, имея громадные связи со всеми импрессарио и артистами. Назову здесь нашу Ильинскую, эту милую девушку, которую она вывела, но, честно говоря, что голос ее никогда не ⟨был⟩ для театра, но только концертный. А сколько было других ее учениц, которые получили службу через нее ⟨...⟩

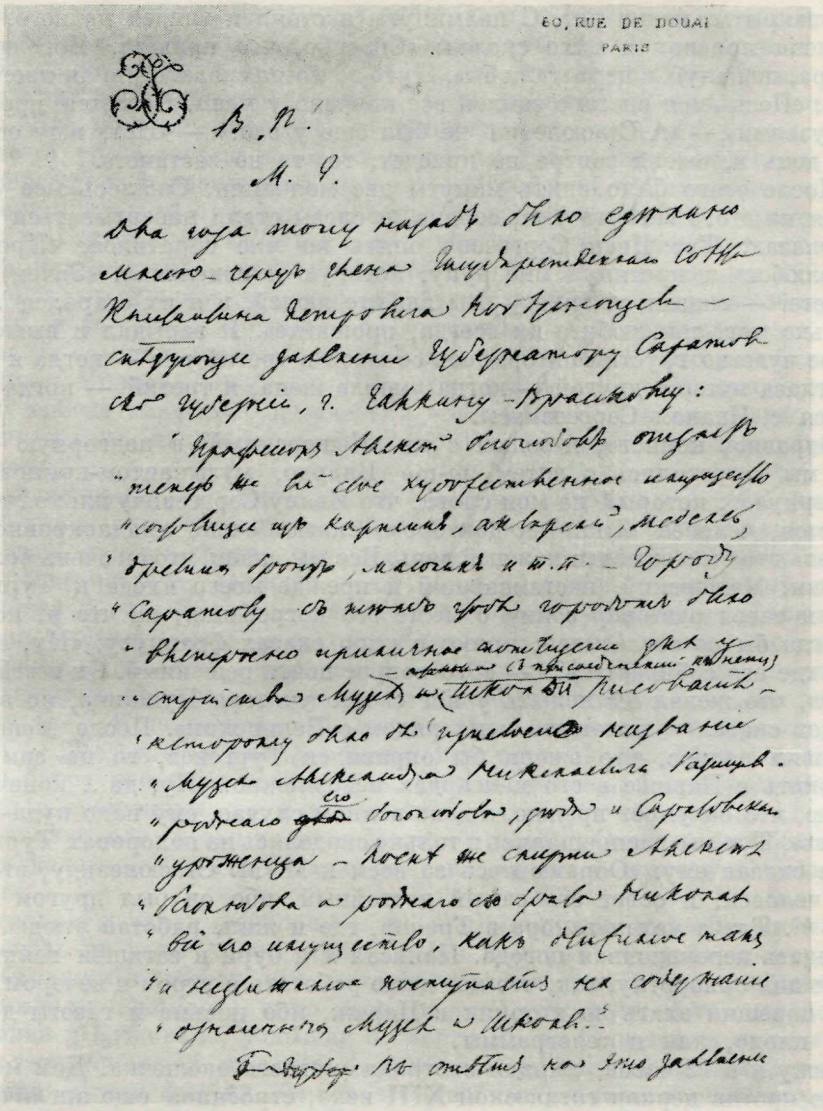
Друг Тургенева, П. В. Анненков, беседуя со мной, раз высказал еще некоторые истины о своем приятеле, которые, я думаю, никак не занесены на бумагу, а потому тоже прольют свет и усугубят оригинальность отношений Полины Виардо и Ивана Тургенева.

С юных лет, когда впервые Иван Сергеевич увлекся Полиною Виардо, два года протекли, что она почти смеялась над его страстью. Но высокий ум и талант Тургенева восторжествовали над гениальною артисткою ⟨...⟩ Жили они модно в Баден-Бадене. Рядом у Тургенева была своя вилла. Но тут случилось горькое испытание для Тургенева. M-me Виардо уступила своему цыганскому темпераменту и временно жила с принцем Баденским, от которого, как говорят, родился в свет известный скрипач Поль Виардо [52]. Перерыв этот был тяжелым испытанием для Тургенева, но через два года их отношения снова восстановились и уже не прерывались до конца жизни. Живя в Париже, мне случалось неоднократно бывать у Ивана Сергеевича в злополучные дни, когда он страдал подагрою. При входе m-me Виардо к нему я, конечно, сейчас же удалялся. Но все-таки я сейчас же замечал, как просветлялось лицо нашего страдальца и с какою нежностью и участием m-me Виардо к нему обращалась. Жизнь их, конечно, не подлежит ничьему осуждению. Тургенев помещался в третьем этаже, в двух комнатах, и был совершенно счастлив и доволен. По своему бешеному темпераменту Полина была кумиром в доме, и надо было видеть заботливость Ивана Сергеевича, чтобы быть ей приятным самыми мелочными угождениями ⟨...⟩ Обе дочери были миловидны, но m-me Шамро [53] больше его обожала, чем младшая ее сестра [54]. Когда они выходили замуж, то мне удалось быть на обеих свадьбах. Это происходило в Eglise libre, где не было ничего поповского, но пелись чудные кантаты лучшими артистами и органом дирижировал и играл знаменитый Сен-Санс. По убеждениям родителей дети не подвергались обряду крещения, но имели дело только с мэрией. Живя в такой обстановке, Иван Сергеевич казался свободомыслящим, но я его все-таки считал верующим ⟨...⟩ *

Да, ⟨...⟩ утратили мы навсегда нашего гения-художника, великого писателя Ивана Сергеевича Тургенева! Это был не только наш человек, но и собственность Европы. Он первый понят ею дотла. Он читан на всех ее языках, как Байрон, Шиллер, Гете, как Дант, как Шекспир и Диккенс. Такой чести никто еще не доживал из русских людей. Велик Пушкин, слово его звучит в сердцах наших, но глухо и непереводимо для других. Но все-таки от этого в минуту потери не легче на душе ⟨...⟩ Я видел в последний раз Ивана Сергеевича в Буживале, возвратясь из Питера,

---

* Далее следует письмо Боголюбова к брату Н. П. Боголюбову из Парижа. Оно не имеет даты, но, присоединяя его к «Запискам моряка-художника», Боголюбов снабдил его таким замечанием: «Ав., 1883 года *22*. Письмо к моему брату Н. П. в ответ на его из деревни г. Суходольской-Нагорное». Возможно, подчеркнутая цифра «22» в соединении с «Ав.» (августом?) намекает на день смерти Тургенева по русскому календарю. Из письма мы опустили обращение «любезный друг» и концовку: «В следующем письме моем поговорю с тобой об А. Ф. Онегине и его отношениях к покойному». Было ли написано это обещанное письмо — неизвестно.



ПРОЕКТ ПИСЬМА-«УЛЬТИМАТУМА» САРАТОВСКОМУ ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ ПО ПОВОДУ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ им. А. Н. РАДИЩЕВА

Составлен Тургеневым от имени А. П. Боголюбова

Черновой автограф, апрель 1880 г. Лист первый

Центральный архив литературы и искусства, Москва

21 июня 1880 г. экстренное совещание Саратовской городской думы, созванное по поводу этого письма, приняло решение о создании Художественного музея им. А. Н. Радищева

пока не поехал в Трепор ⟨...⟩ Встретил там его доверенного приятеля Топорова, который жил у него недели три, а потому и передал мне все, как страдал больной за последнее время. Прибыл я часа в три, и Иван Сергеевич тотчас же меня принял. Тут был еще кн. Мещерский, преданный ему человек, бывший на даче Виардо до последнего дня смерти Тургенева. Лежал он на кушетке на балконе, покрытый пледом. Чудное чело его с раскинутыми волосами покоилось на высокой подушке. Глаза были

полузакрыты, как и рот. С полминуты я стоял и глядел на него, но тут он меня признал и тихо сказал: «Спасибо, что пришли, Боголюбов, а завтра, пожалуй, и не застали бы». Я что-то хотел сказать, но он проговорил тихо: «Песнь моя спета, с землей все кончено у меня. Остается прощаться с друзьями».— «А Стасюлевич не был еще у вас?» — «Нет, жду его каждый день и, ежели завтра не приедет, то, то не застанет».

После этого было опять минуты две молчания. Сжалось мое сердце, глядя на этого гиганта ума, сердца, и слезы стали навертываться у меня на глазах. Тут Иван Сергеевич опять ко мне обратился: «Прощайте, Боголюбов» и протянул мне руку, которую я поцеловал. «Зачем вы это делаете? — сказал он тихо.— Вы любите людей, и я их старался любить сколько мог, так любите их всегда, прощайте». Я зарыдал и вышел вон. Такое чувство грусти повторилось со мной в третий раз — когда я закрывал глаза матери, другой — когда умерла жена, и третий — когда я простился с Иваном Сергеевичем.

Оправясь немного, я сошел с кн. Мещерским [55] в подгорную аллею. Тут мы встретились с зятем m-me Виардо, музыкантом-композитором Дювернуа [56], который на мои слова, что Ивану Сергеевичу плохо, что вон, кажется, человек бежит за доктором, сказал очень хладнокровно: «Да, но ведь это бывает почти каждый день. Все мы знаем, что он очень болен...». Тут кн. Мещерский, настаивавший и прежде моего входа к Тургеневу, чтоб я завел разговор с ним о месте его погребения, на что я, конечно, никогда бы не согласился, прямо в упор сказал французу: «Ну, а хоронить где его собираетесь?» — «Это вопрос почти решенный. Он всегда говаривал, что желал бы лежать у ног своего учителя Пушкина, но в конце концов сказал — положите меня рядом с Белинским». После Мещерский поставил вопрос, что ежели бы оправился Тургенев, то на зиму ведь ему жить в Париже в его мансардах невозможно. «Ну, да... конечно, но думаю, что он умрет прежде, но, во всяком случае, ему надо куда-нибудь уехать». Тут мы распрощались и только свиделись на похоронах Тургенева, где я сказал ему: «Обращайтесь за всем к М. М. Стасюлевичу, это честный человек, и совет его самый достойный, ибо он был другом покойного» [57]. Тут я уехал вскоре в Трепор, где и жил, работая этюды. Стала надоедать переменчивая погода. Написал я и бури и затишья всякие, все время пил сыворотку, так, что мог даже работать и утром и вечером, а все-таки порешил ехать во вторник в Париж, ибо письма и газеты доходят сюда плохо, как и телеграммы.

Сижу я в 12 часов, ожидая завтрака у своего окошечка. Дом мой был прямо против церкви готической XIII века, строенной еще англичанами. Вдруг слышу звон мерный с перезвоном на разные тоны, значит, говорю себе, кого-нибудь хоронят. И точно, через пять минут раздалось хриплое блеяние причета католического. Потом шли простые люди в черных пиджаках, и, наконец, бабы в черных капюшонах и дети. Покойник был уже в церкви, где его подняли и понесли через 10 минут на кладбище. А я стал собирать свои вещи потому, что завтра еду. Первое, что попалось в руки, когда я отворил комод сельского свойства, всегда со скрипом и визгом, была книга Тургенева «Первая любовь». Я машинально покружил ее, раскрыв и закрыв, да и подумал, зачем это так случилось. Но потом перешел к краскам, бумаге и прочему хламу.

Во вторник я, точно, уехал в Париж, а на другой день в десять часов пошел к фотографу, где хотел непременно, не знаю почему, узнать существуют ли клише с моих карикатур охоты у барона Урии Гинцбурга, где были две с Ивана Сергеевича и которые я дал Топорову для того, чтобы поместили в новом издании «Записок охотника», предпринятом И. И. Глазуновым [58].

Объяснив в чем дело г. Лошару, я вдруг увидел, что лицо его вытягивается и руки складываются: «Ах, как жаль, que m-r Jean est mort *. Сегодня большой артикул в „Evénement", не хотите ли прочесть», и подал мне газету. Прочитав заголовок, я не простясь побежал к попу Васильеву. Его не было дома, но от привратника узнал, что за час до меня какие-то три молодые человека привезли гроб Ивана Сергеевича и что он теперь стоит в подвальной церкви. Я потребовал, чтобы мне ее отворили, и, точно, вижу во мраке при маленькой, едва теплящейся лампадке, стоит что-то. Стоял я перед этим полувидением, как осовелый, и, пока глаза привыкли к свету, мысль собиралась и я, точно, разглядел дубовый гроб, покрытый золотым покровом. Тут я пробыл в раздумье минут десять один, и все слова прощания с Тургеневым перебирались мною, и я как снова их слышал, и снова они тихо шептались тем, кого уже более не существует. Мальчик вернулся. Я вынул свою записную книжку, попросил его зажечь канделябр и зачертил это видение с его длинными тенями, теряющимися на сводах церкви — этого последнего жилья великого человека.

Возвратился домой. Ко мне пришли Онегин и Харламов.— «Да, как вы узнали, что я здесь, господа?» — говорю я им.— «А мы были в церкви, сторож сказал, что вы только что ушли, вот мы и пошли вдогонку».— «Грустна наша встреча, господа».— «А каковы проводы покойнику из дома его г-жей и г-ми Виардо — так и собаку любимую лучше провожают,— сказал Онегин,— ведь мы оттуда. Ничего не ели до сих пор, поднялись в 8 часов. Приехали в Буживаль с холстами, рамами тоже, хотим взойти — дворник говорит: „Никого не велено принимать".— „Да мы к покойнику".— „К покойнику, так поезжайте в Париж, он теперь сдан в церковь".— „Да ведь он умер в понедельник, в час по-полудни".— „Это правда, но вчера работали целый день, резали, зашивали доктора, ваш консул был и священник, ну и управились, а сегодня отвезли".— „Ну, так поздравляю вас новыми хозяевами",— сказал Онегин,— побрели на станцию железной дороги. Ждали, конечно, зашли в церковь и к вам. Дайте есть».

За завтраком я узнал следующее, что никому, кроме вышесказанных деятелей, знать не дали [59], что приглашений никаких не будет, а о дне похорон объявится в газетах, что снята фотография, что Тургенев-скульптор [60], племянник покойного, снял маску и руку гипсовую. И то спасибо, что, проживая в Буживале, услышал о смерти Ивана Сергеевича от своей коровницы, отпускавшей ежедневно два раза молоко покойному, что накануне при агонии был кн. Орлов с сыновьями, которого едва допустили взглянуть на умирающего. Но что единственный кн. Мещерский из русских людей был при его смерти и то потому, что ночевал на даче.

При конце завтрака пришел отец Дмитрий Васильев. От него я узнал, что похороны назначены на пятницу, что был вопрос хоронить 2-м классом, но порешили на 3-й, но про время отвоза гроба в Россию выяснит М. М. Стасюлевич, живущий теперь в Динаре и бывший час спустя по отходе Ивана Сергеевича в Буживале и которому я оставил при отъезде моем из Парижа в Трепор письмо, сообщая слова Ивана Сергеевича, а также желание его скорее увидеть. Михаил Матвеевич Стасюлевич писал мне в Нормандию, что он с час говорил с Тургеневым о его делах, но, видя, что больной утомляется, ушел, но излагал в письме надежду, что мы, быть может, еще доживем до 25 октября, дня рождения покойника, т. е. до 65 лет. Но вышло иначе. Страдания стали слишком сильны и, несмотря на свою богатырскую натуру, Тургенев уступил смерти. О похоронах в церкви не скажу много, все это известно из газет, но и они врали, как и всегда.

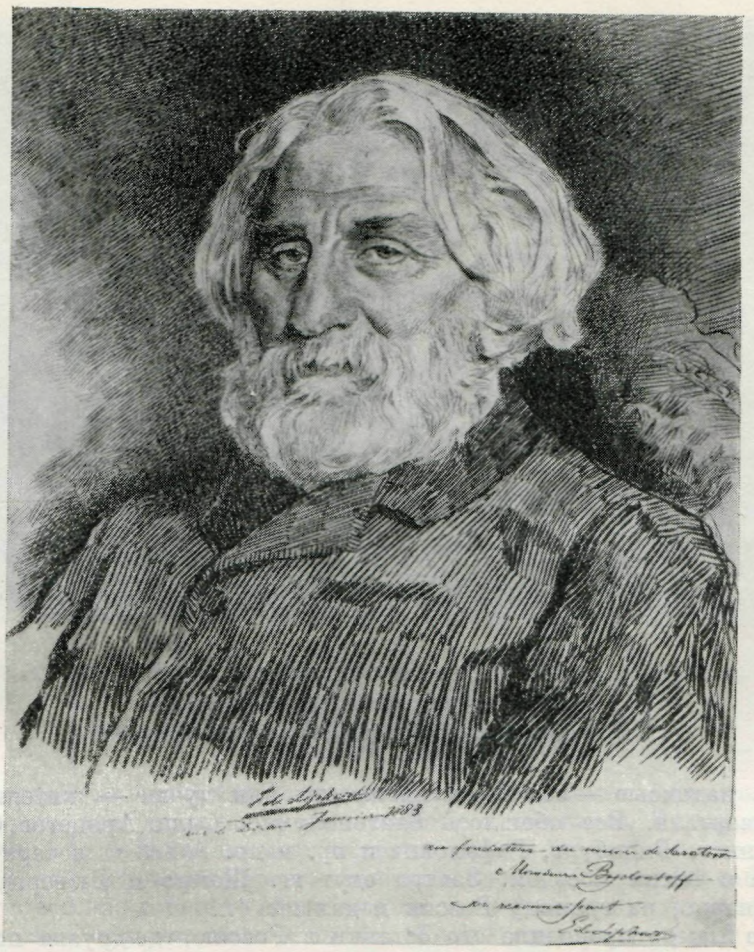
---

* что господин Жан умер (франц.).

Например, лежал у гроба наш венок, чудесный с черной лентой, где было написано белым по-русски: «Великому художнику-писателю от О-ва художников в Париже». Ну и что ж, все газеты написали: «От французских художников». А то же самое перепечатывают в русских, так что я писал В. Стасову, прося по возможности поправить ошибку печатно. Речей не было. Орлов, считая церковь придворною, посольскою, нашел это невозможным. Да и вообще в России ведь миряне не произносят их в храмах, а говорят на кладбищах. За это его осуждали, что очень неправильно, ибо он всегда, сколько мне известно, был приятелем покойного, навещал его по первому зову, что мне слишком хорошо известно, когда случилась из-за Ивана Сергеевича наша пресловутая лавровская история ⟨...⟩.

Вообще скажу, что отношения князя и Тургенева всегда были самые дружеские, и покойный не раз говорил мне, когда случалось по делам его секретарства у него что-нибудь отстоять или поправить, что такого чудного князя художники и не наживут никогда.

Отец Васильев сказал хорошую речь, где он упомянул о Тургеневе как земляке, он из Орла, так было очень прочувствованно ⟨...⟩ Людей, любивших покойного, в церкви было много. Почтенная старуха Тургенева, жена Николая Ивановича Тургенева, полуслепая и, поди, безногая, со своей семьей. Когда я сказал ей, что хотим открыть подписку на серебряный венок от его почитателей парижских, дав 200 франков, сказала: «Не стесняйтесь, заказывайте, а что не хватит — я всё плачу́». Э. Ренан молча крепко пожал мне руку, он был очень печален, считал всегда другом покойного. Благодаря ему я с ним и познакомился и еще более сблизился благодаря М. Л. Рафалович. Много людей русских бранят m-me Виардо, ругая ее цыганкой, грабительницей Тургенева, жадной тварью, воспользовавшейся его состоянием и пр. и пр. Я не стою на их стороне и не думаю так, благодаря тому, что, бывая в их доме, мог вглядываться в интимную жизнь Ивана Сергеевича, когда случалось ее заставать у постели больного за много лет до смерти, во время подагрических припадков. Что можно было лучше поступить при его кончине, оказать более внимания его друзьям,— это другое дело, но где эти друзья,— все в разброде. Город пуст, а смерть не ждет. Да почему же и не допустить в ней эту истинную грусть, обычай страны и пр. не принимается протестующими. Жизнь Тургенева и Виардо не есть жизнь обыкновенных людей. Полина Виардо, по-моему, была с Иваном Сергеевичем истинная пара по умственным достоинствам. Что у нее нет души, что все расчет — это другое дело, хотя и недоказанное и, опять по честности, не наше дело. Был бы недоволен покойный всеми этими порочными оттенками великой певицы и трагической актрисы, он не пробыл бы под одной с ней крышей более сорока лет, не сносил бы ее дикого характера и обид (как это говорится другими) и даже унижений. Нет, все это было для него ничтожно перед теми высокими достоинствами, которые приковали его к дивной женщине — безобразной красавице ⟨...⟩ Другой подруги он не мог иметь, и криво судят те, которые хотели бы ему навязать свой уход и свою любовь, им присущую. Ивану Тургеневу надо было жить и любить своеобразно, так, как он своеобразно бросил взгляд на все, что сотворил, и тем себя увековечил. А деньги, дачи, дома, имущество, оставленное им,— все это вздор, все это бледно перед 42-летним чувством привязанности и хоть единым мигом наслаждения ума и сердца, который ему дала m-me Виардо. А потому вопроса о духовной и о том, почему Иван Сергеевич не оставил чего Я. П. Полонскому или на школы и пр., подымать никто не в праве. Все это было его, и он полный властелин своего добра. Говорил мне кн. Мещерский, что при разговоре с покойным он вывел заключение, что Иван Сергеевич хотел знать мнение m-me Виардо, где быть ему



ТУРГЕНЕВ

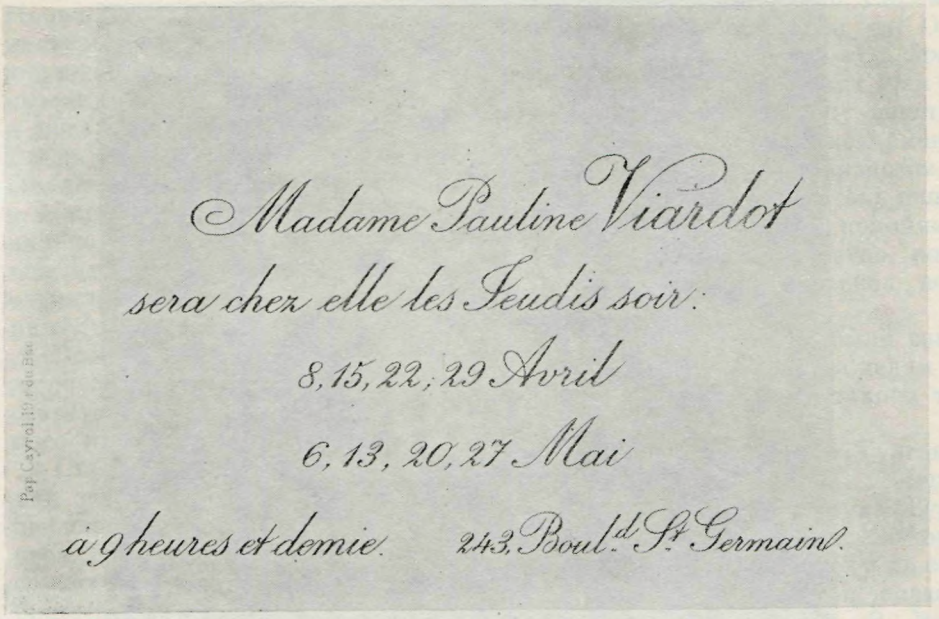
Рисунок Э. К. Липгарта (перо). Париж, январь 1883 г.

Внизу подпись художника: «Э. де Липгарт, улица Дуэ, январь 1883»,— и дарственная надпись: «Основателю Саратовского музея господину Боголюбову признательный Э. де Липгарт» (обе надписи на французском языке)

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

погребенным, и что ежели бы она сказала, что фамильный Монтмартский склеп соединит их бренные останки навсегда, то Тургенева Россия не получила бы. Он ждал этого решения, но его не последовало. Этому я, пожалуй, и не верю, хотя допускаю, что душа Ивана Сергеевича могла требовать такой последней ласки. Но ежели так не получилось, то надо уметь опять понять слова m-r Дювернуа: «Тургенев принадлежит России, а не нам одним. И ежели бы мы вздумали хоронить его у себя, то заслужили бы справедливый гнев всего русского общества» 〈...〉

Похоронили мы Ивана Сергеевича совершенно по-православному [61]. Протоиерей нашей посольской церкви Д. В. Васильев, будучи земляком покойного, сказал над гробом прекрасное слово, где в массе обрисовал сердечную доброту Тургенева и любовь к ближнему. Палатка была достойна Ивана Сергеевича, черная, глубоко траурная. 12 громадных канделябров ее освещали. Вместила она 1000 человек народа линией. Вереница довольно потрепанных людей взошла с достоинством и возложила



ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ПОЛИНЫ ВИАРДО
На обороте — рисунок А. П. Боголюбова
Центральный архив литературы и искусства, Москва

венок с надписью — это были нигилисты или лучше — жители Латинского квартала. Все обошлось благополучно, были Арапетов, Стюрлер, гр. Каннист, Гинцбург, Рафалович и пр. и пр. А в 8 ч. вечера гроб отправили с тихим поездом. Завтра едут гг. Шамро и Дювернуа, зятья m-me Виардо, на границу России и дальше ⟨...⟩

M-me Шамро проводила его останки в Россию, где друзья покойного, как г. Стасюлевич и другие, его встретили и погребли рядом с церковью Волковского кладбища подле профессора Кавелина. А как все это произошло в Петербурге, то следует прочесть современные газеты, в которых подробно описано это знаменательное событие. Рисунок тушью, неоконченный, я отдал в альбом Общества русских художников в Париже [62].

Спустя некоторое время после всех печальных событий я поехал в Буживаль к m-me Виардо. Приняла она меня очень ласково, чего я вовсе не ожидал, ибо газетные статьи, в русских журналах, да и многие частные люди, доброжелатели Ивана Сергеевича, не очень-то лестно отзывались о великой артистке. Все громко роптали, что, кроме своего родового имения, он оставил все свое состояние m-me Виардо, а главное — право на издание его сочинений, которое сейчас же было куплено Глазуновым за 50 тысяч рублей. Кузнечик-музыкант Я. П. Полонский тоже претендовал, что как-де Тургенев так ласкал его жену и ей ничего не оставил. Осуждали Ивана Сергеевича за недостаток патриотизма, говорили, что он только на словах любил русского мужика, но на деле забыл его. Были дамы, которые сожалели о его смерти потому, что он им обещал занести в их альбом свое славное имя и надул! Но вот что высказала мне весьма спокойно с полным достоинством гениальная подруга жизни нашего незабвенного Ивана Сергеевича: «Какое право имеют так называемые друзья Тургенева клеймить меня и его в наших отношениях. Все люди от рождения свободны, и все их действия, не приносящие вреда обществу, не подвержены ничьему суду! Чувства и действия мои и его

РИСУНОК А. П. БОГОЛЮБОВА НА ОБОРОТЕ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКИ ПОЛИНЫ ВИАРДО
Тушь, перо
Центральный архив литературы и искусства, Москва

были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы, да и для многих лиц, считающих себя умными и честными. Сорок два года я прожила с избранником моего сердца, вредя разве себе, но никому другому. Но мы слишком хорошо понимали друг друга, чтобы заботиться о вреде и что о нас говорят, ибо обоюдное наше положение было признано законным теми, кто нас знал и ценил. Ежели русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет, а разве возвышает. Мерзавцы говорят, что я обобрала Тургенева, не зная, что меж нами есть залоги, которые уничтожают всякий материальный расчет, принадлежащий нам обоюдно».

Бывая у Ивана Сергеевича и будучи знаком с домом Виардо, я никогда не мог думать, чтобы эта femme sapience * была со мной так любезна и откровенна, что мне дало право посещать ее. И, к удивлению, я увидел, что единственный русский человек из ее знакомых, продолжающий знакомство,— это я. Вскоре дом на рю Дуэ, где жили Иван Сергеевич и Виардо, был продан. На месте его теперь стоит громадный шестиэтажный.

Оставляя свое жилье, Полина Виардо оставила мне письменный стол и кресло, за которым сидел и работал наш русский гений. Отдала мне его клеш-блузу, перо, чернильницу, а потом берет и тогу Кембриджского университета, где он был почетным членом [63]. Отдала некоторые его книги, обещала рукописи, но, кажется, их у нее кто-то купил. Все эти реликвии я бережно собрал и препроводил в Радищевский музей, где стоит бюст Тургенева работы Антокольского в углу, носящем имя «Угла Тургенева». На стене висят его портреты и рукописи, а также ⟨письма⟩ m-me Виардо о даре музею его утвари [64]. Итак, не в г. Орле, где родина Тургенева, хранятся о нем дорогие вещественные воспоминания, но под сенью А. Н. Радищева, которого Иван Сергеевич всегда высоко ценил.

---

* мудрая женщина (франц. и лат.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

〈2〉 14 февраля 1882 г. Париж.

...Очень мы были заняты все время весельем, дав два концерта, весьма удачных, с Виардо, Рубинштейном и Тургеневым. Теперь делаем выставку на бойком месте, около оперы, в новой улице Avenue de l'Opéra. Думаем, что будет недурно, хотя уже очень ужасных картин нет, но зато будут средние одобрительного свойства. Конечно, И. С. Тургенев пустит брандера в газетах, где заявится, что вовсе не хотим удивлять публику, но идем своим трудовым годичным отчетом [65]...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

〈8〉 20 декабря 1882 г. Париж.

...Во всей этой негоции принимал живое участие наш секретарь Иван Сергеевич Тургенев [66]. Ему я уже давно и не раз сообщал намерение передвижников выставляться в Париже, высказанное мне вами, Репиным, и, наконец, Брюлловым вместе с членами правления. Хотя и больной, но он, Тургенев, за прошлый вторник прибрел в собрание, что нас всех немало порадовало, причем я его просил помочь делу нашему своим пером, дабы вы все, господа, были бодры духом, как и мы 〈...〉

Иван Сергеевич написал вам более духовной сути, чем я,— ему и книги в руки, зато он, быть может, и убедит вас скорее меня, занимающегося интригами и подлыми цифрами [67]...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

И. Н. КРАМСКОЙ — БОГОЛЮБОВУ

15 〈27〉 декабря 〈18〉82 г. СПб.

...что касается Тургенева, то, конечно, это честь так сказать... Шутка ли 8 страниц!!! От Тургенева!!! [68] Все это так, но только уверяю вас, что мы бы поняли и убедились едва ли даже не больше, если бы вы написали сами.

Теперь же письма Тургенева скрыть нельзя, оно официальное, не ко мне, а в нем, между тем, есть разные наставления как себя нам вести при первом выходе в большой свет, вроде того, что, мол, калош на рояль не ставить и в руку не сморкаться. А вы знаете, какие есть теперь элементы в Обществе; и, наконец, будто уже мы в самом деле такие невежи, что не догадались бы процедить хорошенько себя, прежде чем сунуться в Париж на выставку 〈...〉

Официальный ответ, о котором писал Тургенев, скоро быть не может, как вы знаете. Ведь он может быть дан только на общем собрании, которое бывает раз в год, именно в конце февраля, перед выставкой 〈...〉 Защитите меня, если И. С. Тургенев на меня обрушится. Я ему отвечал на послание лично и неофициально, иначе было нельзя. Уверяю вас...

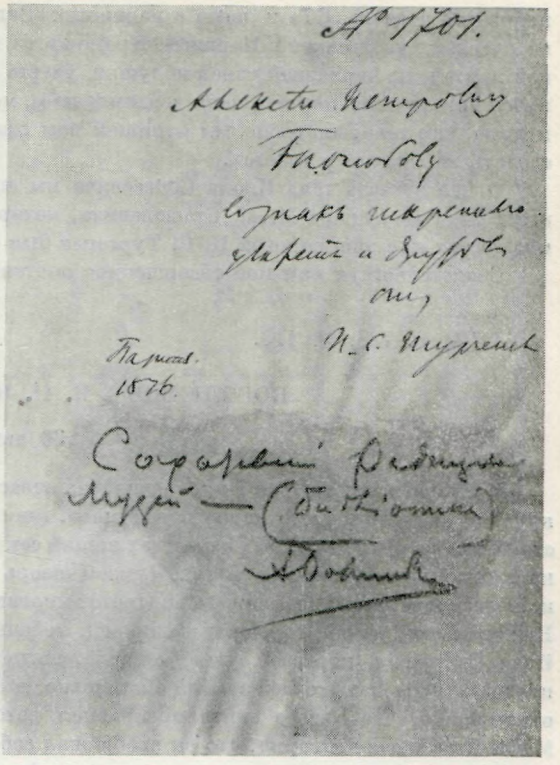
ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 38.

БОГОЛЮБОВ — В. В. СТАСОВУ

〈29 августа〉 10 сентября 1883 г. Париж [69].

Многоуважаемый Владимир Васильевич!

Известный вам немногочисленный кружок художников, проживающих в Париже, по случаю невозвратной потери своего дорогого члена основателя, члена Комитета и секретаря Общества Ивана Сергеевича Тургенева, открыл подписку следующего содержания: «Общество взаимного вспомоществования художников в Париже открывает подписку для венка из серебра, который будет возложен на гроб покойного Ивана Сергеевича Тургенева, а после похорон в Петербурге поступит в Общество русских



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА:

«Алексею Петровичу Боголюбову в знак искреннего уважения и дружбы от И. С. Тургенева. Париж. 1876»

На форзаце книги: «Сочинения И. С. Тургенева», М., 1874, т. I («Записки охотника»)

Внизу помета А. П. Боголюбова о передаче книги в Радищевский музей

Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

литераторов, где и будет храниться как дорогое воспоминание проживающих в Париже русских почитателей великого художника-писателя, скончавшегося в Буживале 22 августа/3 сентября 1883 года [70].

Председатель А. Боголюбов
и члены Комитета Харламов и Онегин»

По незнанию, что такое в точности Литературный фонд, через барона Горация Осиповича Гинцбурга я получил извещение от М. М. Стасюлевича, что Литературный фонд не имеет собственного помещения и что всего приличнее нам было бы просить поместить наше дорогое воспоминание о покойнике в Публичную библиотеку на вечное хранение, почему я и обращаюсь к вам, прося покорнейше не оставить добрым содействием нашу общую покорнейшую просьбу и принять на себя все формальности, ибо мы после нашего решения обратимся к вам (форменною бумагою или просто письмом, как нам укажете) за подписью Комитета, дабы вы приняли венок от М. М. Стасюлевича по окончании погребения для передачи в Публичную библиотеку, где как заведующий и дадите ему приличное помещение. Конечно, желательно было бы, чтобы он помещался у бюста И. С. Тургенева работы М. М. Антокольского, что, я думаю, и будет нами выполнено, когда соберемся в Париже и обсудим общим собранием последнее соображение.

Другая покорнейшая просьба состоит в том, что почти все французские газеты, описывая обстановку гроба Тургенева в парижской церкви, напечатали, что из замечательных венков был венок от французских художников, где на черной ленте была надпись в память великому писателю. Это сущий вздор, весьма для нас обидный, о чем необходимо петербургскую публику уведомить, ибо какие бы мы были русские художники, дав первое место иностранным, погребая Тургенева, сделавшего для нас столько добра. Впрочем, венок этот вы увидите при похоронах — он следует вместе с гробом, сделан нарочно из бисера, дабы противостоять разрушению подолее, и при нем

находится вензель «ИТ» и лента с надписью: «Великому художнику-писателю Общество русских художников в Париже». Кроме этого будет венок из серебра, художественной работы, на бархатной синей подушке, участь которого и препоручаем вам всецело, прося покорнейше почтить меня уведомлением, может ли осуществиться наша мысль, и тогда, как говорено выше, мы отпишем вам официально, а о первом не можете ли сделать заявление в газетах.

О дне отъезда тела Ивана Сергеевича мы еще ничего не знаем. В конце недели ждут сюда из Динара М. М. Стасюлевича, который, вероятно, сделает все, что надо, ибо до сих пор наш дорогой И. С. Тургенев был еще во власти фамилии Виардо.

Свидетельствуя вам мое совершенное почтение, остаюсь вас глубоко уважающий

А. Боголюбов

ГПБ, ф. 738, № 113.

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

30 августа/11 сентября 1883 г. ⟨Париж.⟩

Многоуважаемый Иван Николаевич, как известно вам, приключилось у нас событие крупное, не стало нашего доброго, честного, гениального И. С. Тургенева, который состоял при всех этих крупных качествах нашим секретарем Общества художников, в лице которого мы очень много потеряли. Думаем теперь увековечить его память каким-нибудь иллюстрированным изданием его портретов многих возрастов, его деревенским домом — Буживальской дачей, городским, наконец, мебелью его любимою. Словом, хотим, чтоб Иван Сергеевич, который будет, конечно, жить вечно, еще бы получше и подольше представлялся нам в своей земной обстановке, где мы его видели и любили. Между тем оказывается, что с него снята прекрасная фотография, когда он лежал мертвым. М. М. Стасюлевич говорил, что он изображал собой истинного бога Саваофа, а потому хочу вам предложить — не сделаете ли вы офорт [71] с нее для дешевой раздачи всей учащейся молодежи, у которой богатств нет, чтобы покупать у Беггровых и Фельтенов [72] рублевые, а может быть и двух- и трехцелковые фотографии. Дума, как я читал в «Новостях», уже имела в виду эту благую мысль. А вы, с вашей способностью делать подобного рода воспроизведения как никто по сходству, можете принести громадную услугу юношеству, да и всем, кто знал покойного.

Сердце радуется, читая, как его хотят встретить на родине, а здесь оно обливается кровью, видя полное пренебрежение m-me Виардо и ее семьи к телу великого человека.

Умер он в 12 часов пополудни 3 сентября, 22 августа. Повестили только консула, вечером попа. Благодаря тому, что племянник-скульптор жил тоже в Буживале [73], снята рука, маска и фотография. А в среду утром, на рысях, в карете, для сего устроенной, доставили его в церковный подвал. Приехав случайно из Трепора (вам известного), я прямо побежал к попу и спрашиваю: как и что?

«Да ничего, говорит, привезли и сдали мне три человека молодые». — «А потом?» — «Ну были вы, да еще человека три, а далее ничего не знаю, объявлений никаких не будет особых, а в газетах уже говорят, что погребение в пятницу». — «Да кто же тут распорядитель?» — «Зять Виардо — Шамро, а из русских никого. Знаю, что заказали погребение 3-го разряда, и всё тут. Приходите завтра, будет служить панихиду князь Орлов, и тогда всё узнаете».

На утрие, конечно я, пришел и узнал, что, точно, похороны будут в пятницу, что и было. А Харламов раскатился туда ⟨в Буживаль.—*Н. О.*⟩ с холстом и красками ранешенько в среду. Говорит ему привратник виллы боковой: «Тю-тю ваш Тургенев» — да и только. Конечно, мы все русские в негодование пришли, да ничего тут не поделаешь, баба Впардиха бойкая, нраву не препятствуй, гнула его в бараний рог при жизни, согнула и в погребении. Ждем в пятницу Стасюлевича. Он, верно, дело наладит, и тогда определят его увоз в Россию, о котором до сего дня ничего не знаем.

Положили мы ему на гроб от Общества нашего венок с надписью: «Великому художнику-писателю от Общества русских художников в Париже». И эту надпись на черной ленте присвоила пресса проклятая французам, напечатав везде: от французских ху-

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА НОВОГОДНЮЮ ЕЛКУ В ОБЩЕСТВЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПАРИЖЕ 12 ЯНВАРЯ 1883 г.

Билет подписан Боголюбовым и Тургеневым

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

дожников де был венок с нашей надписью. Ну, что станете делать — плутня везде. Помогите хоть вы: вам Суворин поверит, коли его попросите сделать опровержение, ей-ей, не лгу и не хвастаюсь. Можете еще прибавить, что тоже Общество открыло подписку на серебряный венок изящной работы от русских его почитателей в Париже, который желаем соединить вместе с первым, чтоб был возложен на гроб Тургенева в России. Но только второй, в силу того, что с могил у нас кресты воруют, а не то, что серебряные венки, хотим отдать его в Публичную библиотеку, о чем я и пишу В. Стасову, чтоб похлопотал 〈...〉

Итак, ежели задумаете делать офорт, то скажите, ибо фотографии пока собственность m-me Виардо и я попрошу для вас разрешения, ибо не думаю, чтобы они стали этим торговать, а чёрт их знает, всяко можно ожидать...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

И. Н. КРАМСКОЙ — БОГОЛЮБОВУ

5 〈17〉 сентября 〈18〉83 г. СПб.

Многоуважаемый Алексей Петрович,

что касается офорта, то располагайте мною. Хотя мои глаза и требуют уже внимания и попечения, но ведь Иван Сергеевич Тургенев из ряду вон, и потому я рад быть полезен при осуществлении вашей прекрасной идеи.

Грустно читать о том равнодушии, чтобы не сказать больше, какое было высказано иностранцами к Тургеневу, но это до такой степени с их стороны *естественно* (страшное слово, когда оно выражает противоестественный порядок), что пора бы нам к этому

привыкнуть; но, вероятно, еще не все чаши унижения мы выпили от Европы, вероятно, будут еще много других, пока мы одумаемся и порвем те отношения (отношения слуги к барину), которые мы так долго, не замечая, сносим. Это я говорю не к лицам, а к истории. Тургенев заплатил всему этому такую дань и выпил такую горестную чашу, что с него довольно, жаль только, что и на нашу долю попало ⟨...⟩ Здесь в обществе прошел взрыв негодования, когда промелькнуло сообщение, что Тургенев оставил права на издание своих сочинений m-me Виардо ⟨...⟩ Чёрт знает, что такое, и это в течение 50 лет?! Да она вздумает сказать давай миллион, и мы дадим, потому что Тургенев большой художник! А им, французам-то, что за дело, они только будут посмеиваться!

Славу богу было опровержение, а то это была бы колоссальная подлость. Мне все-таки что-то не верится. Ради бога, напишите, как и что тут правда...

ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 38.

В. В. СТАСОВ — БОГОЛЮБОВУ

6 ⟨18⟩ сентября 1883 г. СПб.

Многоуважаемый Алексей Петрович, я показывал ваше письмо директору нашей Библиотеки. И он изъявил согласие на то, чтобы в Библиотеке хранился серебряный венок, который русские художники в Париже намереваются возложить на гроб Тургенева.

Если же Антокольский даст нам в Библиотеку экземпляр своего бюста Тургенева, тогда еще лучше!

Теперь уже от вас будет зависеть распорядиться всем этим делом. В газетах, конечно, надо будет напечатать, как только все это состоится. Что касается поправки неверного показания французских газет о другом венке, то я ее сделаю (сейчас же) в «Новостях», так как с «Новым временем» не состою в сношениях, а более других больших газет нет здесь.

С совершенным почтением ваш всегда
В. Стасов

ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 70.

БОГОЛЮБОВ — В. В. СТАСОВУ

⟨18⟩ 30 сентября 1883 г. Париж.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич!

Позвольте принести вам мою живейшую благодарность за то, что вы так скоро и внимательно отнеслись к нашему общественному делу, касательно «венка», предназначенного памяти дорогого нашего Ивана Сергеевича Тургенева. В понедельник он отправляется вместе с его гробом в Россию, где один из членов семейства Виардо, сопровождающий гроб, передаст Д. В. Григоровичу, если он будет в Вержболове, после чего мы просили М. М. Стасюлевича возложить его или дать приличное место при церковной службе, после которой Михаил Матвеевич ⟨Стасюлевич.— *Н. О.*⟩ передаст его вам для помещения в Публичную библиотеку. Форменной бумаги я не могу вам доставить сейчас, ибо все художники и члены Комитета, кроме меня и г-на Онегина, в разброде. И только в первых числах октября (нашего французского) соберутся в город, а так как это дело общественное, то и прошу вас покорнейше объяснить г-ну директору, причем смею надеяться, что он так же милостиво посмотрит на несоблюдение формы, как добро отнесся к приему венка. То же должен сказать и о бюсте Тургенева М. М. Антокольского. Он в Биарице, писал мне, что скоро будет, но, как я слышал, простудился и почему к проводам Ивана Сергеевича не будет, надеюсь, что даст его с удовольствием, и тогда с бумагою о «венке» пришлем приложение Марка Матвеевича ⟨Антокольского.— *Н. О.*⟩. Маску и руку покойного я тоже прошу у m-me Виардо для Публичной библиотеки, если вы найдете это приличным. Она мне выразила, что все, ⟨что⟩ касается до упрочения загробной памяти о великом нашем художнике-писателе, она считает священным долгом.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»
Эскизы А. А. Харламова (итальян. карандаш)
Внизу надпись рукой художника
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Ключ от ящика, где хранится венок, находится у г-на Шамро — зятя m-me Виардо, а потому до тех пор, пока не сделаем хрустальный колпак на подушку, быть может, сочтете нужным его хранить в ящике, который получите от Д. В. Григоровича. А если хотите лично упрочить дело о руке и гипсовой маске Тургенева, то скажите слово г-ну Шамро или другому члену семейства Виардо, что еще более упрочит и ускорит их получение.

Поблагодарив вас еще раз от всех моих товарищей за вашу готовность быть нам полезным, прошу принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

А. Боголюбов

ГПБ, ф. 738, № 113.

БОГОЛЮБОВ — И. Н. КРАМСКОМУ

〈20 сентября〉 2 октября 1883 г. Париж.

... Венок наш выслан Григоровичу, и мы просим, чтобы его несли в процессии художники, ежели таковые находятся от нашего Товарищества, в чем не сомневаюсь, ибо ведь надо и нам почтить память великого художника-писателя. В. В. Стасову большое спасибо, он поместит венок в Библиотеку, так что изящная наша память Тургеневу не пропадет. Вчера были пышные проводы тела покойного на железной дороге (Северной). Палатка была вся глубоко траурная, роскошная, говорились речи. И все прошло благополучно. Дай бог того же и у нас...

ГРМ, Секция рукописей, ф. 15, ед. хр. 6.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ — БОГОЛЮБОВУ

⟨Осень 1883 г. Петербург⟩ [74]

Многоуважаемый друг, Алексей Петрович!

Пишу к вам от избытка горечи, накопившейся в душе моей. Тяжело мне было терять последнего друга, но еще тяжелее было потерять его доверие в такую минуту, когда я охотно бы взял на себя его страдания и умер бы за него...

Это лето я был в окрестности Одессы и на Андреевском лимане, где лечил свою больную ногу, получил письмо от Ивана Сергеевича, писанное рукою мадам Виардо — и, когда прочел, долго не верил глазам своим. Старый друг, который паче всего любил меня за правдивость, упрекает меня в том, что я из Спасского увез его бумаги и что если я их не уничтожу, то он лишит меня своей дружбы... [75].

Чтоб пояснить вам это, скажу вам следующее.

В 1881 году я и вся семья моя провели лето в Спасском вместе с Иваном Сергеевичем. Я уехал из Спасского раньше — жена и дети остались. Затем Иван Сергеевич, уезжая, указал жене моей на письма своей матери и на кой-какие черновые свои рукописи и сказал ей: «Возьмите все это и сохраните, так как боюсь умереть в октябре месяце». Жена моя, конечно, ничего на этот раз не взяла, ибо вполне была уверена, что Иван Сергеевич на следующий год сам вернется в Спасское.

Пришел следующий 1882 год. Наступило лето, Тургенев стал письменно опять приглашать нас в Спасское, присылал даже Анненкова уговорить нас поехать к нему в деревню. Мы не хотели ни за что ехать к нему в его отсутствие, но, когда он написал нам, что сам надеется быть в Спасском и чтобы мы его там ожидали, жена моя и дети поехали...

Можете вообразить себе, с каким нетерпением ожидали мы выздоровления нашего дорогого друга, но увы! С каждым письмом от него теряли надежду все более и более... Наконец, он писал нам в таком безнадежном тоне, что жена пришла в отчаяние.

Между прочим Иван Сергеевич писал своему управляющему передать жене моей все книги, и жена моя тогда только решилась достать из стола и взять на сохранение те бумаги, на которые он указывал, когда управляющий сказал ей, что он покидает Спасское и что едва ли вернется...

И, конечно, жена моя никак бы на это не решилась, если бы: во-1-х, сам Иван Сергеевич не писал ей от 5 октября 1881 года следующего: «Начну *с того, что подтверждаю сделанное мною вам обещанье и, отправляясь в Петербург (что будет, вероятно, в конце февраля), повезу с собою разные бумаги и письма, которые оставлю вам, иные для хранения, другие для уничтожения после моей смерти, которая, однако, несмотря на предчувствие, не явилась за мною в ночь с 1 на 2 октября. На это вы можете с уверенностью рассчитывать*».

Кажется ясно — Тургенев не только одобрял то, что жена моя взяла кое-что из бумаг его, но еще обещал ей *передать все свои бумаги.*

Что же означает это письмо, продиктованное m-me Виардо? Я никогда ничего не брал... я даже ни разу не полюбопытствовал и взглянуть на эти бумаги. Письмо это — увы, последнее письмо! — начинается так: «Mon cher ami, je t'écris par l'entremise d'une personne qui ne te connaît pas et qui *ne te connaîtra jamais*»*. Чёрт возьми! Как это одно начало меня обидело! Точно у меня нечистая совесть. Но, положим, Иван Сергеевич вверил свою досаду на меня этой мне неизвестной особе, отчего же особа эта всем об этом разболтала, и теперь говорят в Петербурге, что Полонский обокрал Тургенева — увез из Спасского его бумаги. Придется оправдываться документами и... вы себе представить не можете до какой степени я огорчен таким подозрением.

ИРЛИ, ф. 11835, LXIX, б. 1.

---

* «Мой дорогой друг, пишу тебе при посредстве особы, которая тебя не знает и которая *никогда не узнает тебя*» (франц.).

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ «СТУЧИТ!»
Рисунок М. М. Антокольского, 1882
Музей им. А. Н. Радищева, Саратов

БОГОЛЮБОВ — Я. П. ПОЛОНСКОМУ

〈8〉 20 января 1884 г. Париж.

Многоуважаемый Яков Петрович.

Не желая попасть в категорию гг. Виардо, так мало вежливых к вашей справедливой просьбе о возврате картин, писанных вами для покойного И. С. Тургенева, я отвечаю вам тотчас же, что приму все меры, дабы их вскоре возвратили [76]. А потом, что дадите для Саратовского музея, то приму с живейшею благодарностью, ибо устраиваю там стену, где будут только приличные памяти Тургенева предметы: портреты его, рисунки его руки, мои о нем воспоминания, его дом в Буживале и пр. и пр., что вместе с вашими картинами (хоть частью) составит прекрасное земное воспоминание, тем более, что г-жа Виардо обещала мне дать его рабочий стол и стул из помещения в рю де Дуэ.

Переписка моя с покойным Иваном Сергеевичем не была серьезная, но все-таки между его рукописями есть несколько интересных слов о художестве. Но более дела наши ограничивались благотворительными целями — то он меня просит приискать что-нибудь бедняку, то я его. Почему недаром, видно, за неделю до смерти он подарил меня известным словом: «Любите людей, как я их любил. Я знаю, вы добрый человек!» Последнюю фразу я оставляю для себя и говорю разве только таким людям, которые не перетолкуют ее в ущерб дружбы ко мне покойного, которую я всегда высоко ценил, но никогда ею не кичился для света.

Отношения свои с м-м Виардо я сохранил довольно порядочно. Вижу ее не часто, но, как кажется, она меня не презирает, а потому и надеюсь дело ваше устроить добропорядочно, разве у ней личные есть какие-нибудь виды на труды ваши, то тут едва ли что поделаешь, ибо характер этой дамы очень цельный, как сами знаете.

Предложение барона Гинзбурга купить дом в рю де Дуэ для Общества художников несбыточно, ибо за эту рухлядь хозяйка хочет 300 тысяч fr., а у нас ничего нет, разве барон сам придумает какую-либо счастливую комбинацию, а без нее мы ничего не сделаем. В клубе художников придумываем что можем. Хотим устроить стипендию имени Тургенева для художников. Открываем подписку, в которой примите и вы участие, распространением ее между почитателями покойного.

Слухи ходят, что идет сбор на надгробную плиту и решетку в Петербурге с надписью «Тургенев» и ничего более. Положим, что простота дело хорошее, но, кажется, что-нибудь высокохудожественное на могиле Ивана Сергеевича не умалило ⟨бы⟩ силы простоты: можно быть скромным и в тонком изяществе, что вовсе не помешает будущему парадному памятнику. Ведь все могилы великих людей не покрыты только плитой, но где только можно, то в нынешний художественный век везде принято делать вековые работы мастеров, а не каменотеса Баранова, да решетчика Сидорова, или хуже. Если у вас думают, что это вопрос денежный, то очень ошибаются — я знаю здесь много французов, поклонников таланта Тургенева, которые сейчас же дадут их, ибо Иван Сергеевич — не только русский, но и европеец! А мне кажется, что это просто квас — да и не домашний, а лавочный, куда ведрами льют воду,— ну и разжидили.

Впрочем, это только мое личное соображение, да частью здешних художников, а у вас другие воззрения на Волково кладбище и на народ, который надо останавливать, по-моему, силою впечатления наглядного, чтобы он спросил: кто здесь лежит, пока не научился читать и знать Пушкиных и Тургеневых.

Поздравляю вас с Новым годом и желаю доброго здоровья и счастливых дней. Ежели что выручу, то доставлю в мае, когда приеду в Петербург, но ведь всё в руце божьей, а потому не загадываю очень. Спасибо вам за память и доброе душевное слово, примите от меня такое же и верьте глубокому уважению к вам душевно преданного

А. Боголюбова

ИРЛИ, 11825/LXIX, б. 1.

БОГОЛЮБОВ — В. В. СТАСОВУ

⟨26 декабря 1887⟩ 7 января 1888 г. ⟨Париж⟩ [77].

...Обращаюсь к вам опять не по моему делу, а по просьбе моего приятеля А. А. Харламова, дабы вы взяли на себя труд вновь подаренный г-жею Полиною Виардо Обществу вспомоществования литераторам портрет покойного Ивана Сергеевича Тургенева, писанный Харламовым, выставить на передвижной выставке, что будет в Пасху на первой неделе.

Как говорила мне г-жа Виардо, дело шло через г-на Герарда, которого вы, конечно, знаете (я не знаком с ним), а потому через него можете получить все подробности отправки портрета и его получения, кому и как. А в случае, если я ошибся, упоминая о Литературном фонде, то отыщите сами, куда сдали портрет.

Извините, что обращаюсь к вам с этою просьбою, но вы вращаетесь постоянно в кругу писателей, а потому легко можете оказать услугу и передвижникам и художнику, ибо в свое время портрет этот имел большой успех в Парижском Салоне ⟨...⟩

P. S. Передайте при свидании Репину или кому другому из наших, чтобы сообщили это желание Харламова и в Комитет, который бы счел себя уведомленным.

ГПБ, ф. 738, № 113.

В. В. СТАСОВ — БОГОЛЮБОВУ

16/28 янв⟨аря 18⟩88 г. СПб.

Глубокоуважаемый Алексей Петрович, эти строки мои будут вам доставлены М. М. Антокольским; я должен просить его о том потому, что по русской привычке, на которую всегда так жаловался Тургенев, вы не выставляете на письме своего адреса.

Мне же справляться трудно и долго. Итак — приступаю к своему делу. Во-первых, глубокая вам благодарность за ваше милое и изящное письмо. Конечно, этот листик с картинкой я передам в Публичную библиотеку вместе с другими, подобными же [78]. А раньше того я давал ваше письмо на прочтение в заседание передвижников, и они мне поручают сказать вам, что они с великим удовольствием исполнят ваше желание относительно портрета Тургенева, написанного Харламовым, и вы можете считать это дело выполненным, но, главное, они находят, что Харламов как член Товарищества имел и сам полное право прислать на выставку что пожелает, и это было бы исполнено.

ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 70

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Иван Николаевич Крамской сблизился с Боголюбовым в середине 70-х годов. В 1872 г. Крамской нарисовал карандашом портрет Боголюбова, который тот подарил Академии художеств (сейчас местонахождение портрета неизвестно).

[2] Илья Ефимович Репин, несмотря на разницу возрастов, был дружен с Боголюбовым, который крестил его вторую дочь, Надежду, родившуюся в Париже 30 октября 1874 г. Написал два портрета Боголюбова (находятся в Саратове в Музее имени А. Н. Радищева). «Боголюбов очень много делает для русских молодых художников: достает работы и печется как об своих детищах, спасибо ему, молодец. Без него русским было бы плоховато (художникам)»,— писал Репин В. В. Стасову 16/28 декабря 1874 г. (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I. 1871—1876. М.—Л., 1948, стр. 108).

[3] Василий Дмитриевич Поленов сошелся с Боголюбовым в Париже во время пенсионерства в 1874 г. Первое время пребывания в Париже Поленов работал в мастерской Боголюбова на рю де Рома, 95. Поленов считал Боголюбова в какой-то степени своим учителем: «Благодаря его примеру, с одной стороны, а с другой — опытным и добрым советам, очень многое, бывшее прежде для меня неясным, стало понятным и простым. Работая с натуры летом вместе с ним и сравнивая свои этюды с его мастерскими произведениями, я научился в несколько часов большему, чем работая месяцы один» (письмо Поленова к П. Ф. Исееву от 16/28 февраля 1875 г.— Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. Изд. 2-е. М.—Л., 1950, стр. 73—75). Портрет Боголюбова работы В. В. Матэ висел в кабинете Поленова вместе с портретами учителей его — И. Н. Крамского и П. П. Чистякова.

[4] Константин Аполлонович Савицкий был видным деятелем Товарищества «передвижников». По примеру Боголюбова организовал Художественное училище в Пензе.

[5] Марк Матвеевич Антокольский жил преимущественно в Париже. В 1880 г. сделал скульптурный портрет Тургенева. В процессе работы над ним много было неполадок. В начале 1880 г. Антокольский писал С. И. Мамонтову: «...испортил бюст окончательно. От этого на душе кошки скребут. Жаль, но делать нечего. Теперь надо ждать его ⟨Тургенева⟩ выздоровления — авось дело поправлю ⟨...⟩ Когда я сказал Боголюбову, что бюст испорчен, он чуть не ударил меня за это. А если бы он это сделал, то был бы совершенно прав, тем более, что лишь накануне он был у меня и восторгался бюстом» («М. М. Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи». СПб.— М., 1905, стр. 413).

[6] Иван Павлович *Похитонов* (1850—1923) — живописец-пейзажист. Жил преимущественно во Франции и Бельгии. Похитонов считал Боголюбова своим учителем и подарил ему натюрморт «Фазаны» с надписью: «Глубокоуважаемому учителю А. П. Боголюбову. И. Похитонов. 1 января 1880 г.» (находится в Саратове в Музее им. А. Н. Радищева). См. о нем запись в дневнике от 5/17 декабря 1882 г. и комментарий И. С. Зильберштейна в «Лит. наследстве», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 393 и 405.

[7] О Ю. Я. Лемане см. выше, прим. 30 к воспоминаниям Липгарта.

[8] Располагая многими документами о жизни и деятельности Боголюбова, теперь нетрудно установить истинные причины (патриотизм и просветительство уже знаменитого в ту пору художника), побудившие Боголюбова создать музей в Саратове. Нетрудно опровергнуть утверждение И. Д. Смолянова, будто Боголюбов это сделал, «движимый честолюбивым желанием войти в историю путем основания Радищевского музея» (И. Д. Смолянов. Из разысканий о Радищеве. — «Радищев. Статьи и материалы». Л., ЛГУ, 1950, стр. 268—276).

Позволим себе здесь привести более полный текст из воспоминаний Боголюбова «Записки моряка-художника», которыми Смолянов частично пользуется, толкуя эти строки на редкость примитивно и тенденциозно: «Как странна судьба людей и как они не ведают, что будет с их помышлениями, деятельностью. По роду я саратовец, ибо эта губерния дала России Радищева. Он был отцом моей матери ⟨...⟩ Не думал я тогда, что после сделаюсь почетным гражданином этого города и что свяжу навеки радищевское имя со своим, устроив здесь музей и школу рисования. Тогда я был молод, только женился, и, конечно, не умри у меня жена и сын, я никогда не был бы вправе отдать все мое имущество Саратову в угоду своего самолюбия и человеческой гордости,

оставить по себе память, возвышая втоптанное в грязь имя моего деда. А с другой стороны, я всегда думал, что каждый гражданин в моих условиях обязан все свое имущество отдать своей родине, дабы возвысить образовательное дело юношества (...) Сотни бедных поволжцев получат хлеб, выучившись в стенах Радищевского музея и его художественно-промышленной школы...»

[9] ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 76. — Вошло, как и другие письма к Боголюбову, в изд.: Тург АН. Письма, т. XI—XII.

[10] Там же, ф. 880, оп. 1, ед. хр. 60.

[11] И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945, стр. 37—38.

[12] П. В. Анненков познакомился с Боголюбовым через Тургенева. Отношения их продолжались и после смерти последнего. Приехав в Париж в 1885 г., Анненков писал Боголюбову 26 марта: «Отзовитесь, художник и артист, если вы здесь. Никак не могу вас найти. Прошлое лето был в Москве у брата вашего — нет! Вот теперь четвертый день здесь — ни слуху, ни духу. Живу на прежнем месте: Rue Neuve des Capucines, Hôtel Calais, как только услышу ваш голос и прибегу. Адрес к вам взял у m-me Viardot. Павел Анненков» (ЦГАЛИ).

[13] Неиздано.— ГПБ, ф. 82, ед. хр. 5.

[14] Об этом портрете — см. выше, стр. 431—432.

[15] См. также далее сообщение Н. Н. Фоняковой.

[16] Панталеон *Шиндлер* (1846—1905) — польский художник, исторический живописец и портретист. В 1880 г. написал портрет Боголюбова (находится в музее Академии художеств в Ленинграде). Тургенев считал его талантливым. В его коллекции был пейзаж Шиндлера «Вид в Польше», 1873 г. (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 27.— «Описание материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев». М.— Л., 1958, стр. 219).

[17] Расхождение между Верещагиным и Боголюбовым произошло в конце 70-х годов из-за картин Верещагина, посвященных русско-турецкой войне. По своей всегдашней привычке Боголюбов хотел помочь Верещагину получить заказ от наследника, как это не раз он делал для Репина, Поленова и других художников. Но наследнику, естественно, не понравилось содержание картин, и он от них отказался. См. об этом в статье И. С. Зильберштейна «Выставка художника В. Верещагина». — «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 315—316.

[18] Дмитрий Александрович *Татищев* (1824—1878) — генерал-майор, командир лейб-гвардии гусарского полка. Выйдя в отставку в 1867 г., поселился в Париже. В юности занимался живописью под руководством Н. Е. Сверчкова. В Париже писал и даже выставлялся в Салонах. В саратовском Музее им. Радищева имеются две работы Татищева: пейзажный этюд «Сен-Мало» (1870 г., подаренный, вероятно, Боголюбову, так как на этюды в Сен-Мало в 1870 г. они ездили вместе) и жанровая картинка «Возок на станции» (1875 г.). В коллекции Тургенева была его картина «Скачущий черкес» 1872 г. (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 28).

[19] Сестры Ге — племянницы художника Н. Н. Ге. С Зои Ге Репин в это время написал портрет. Мария Ге оставила воспоминания о Тургеневе, где упомянула об его увлечении живописью и о поразившей ее картине Бланшара «Куртизанка», которую она видела у него в кабинете (Мария Ге. Воспоминания. (Из знакомства с Иваном Сергеевичем Тургеневым).— «Новый журнал для всех», 1915, № 2, стр. 23—24).

[20] О «боголюбовских вторниках» Репин писал Стасову 16/28 декабря 1874 г.: «По вторникам собираемся у Боголюбова, бывает челов<ек> больше 30-ти, все художники, и певцы, и музыканты — не скучно» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I. М.—Л., 1948, стр. 107). «Итак, жизнь сложилась хорошо, к общему нашему удовольствию,— вспоминала мать художника В. А. Серова,— мы уже стали вместе посещать салон Боголюбова, служивший центром всему русскому мирку в Париже. Среди просторной комнаты стоял во всю ее длину огромный стол, на котором натянута была ватманская бумага. Все присутствующие художники занимали места у стола и усердно рисовали. Помнится, что большею частью рисунки были вольные импровизации на любые темы, избранные самими художниками» (В. С. Серова. Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович. СПб., 1914, стр. 183).

[21] Будущий Николай II.

[22] Боголюбов спутал два новогодних вечера. Блюдо с надписью «Нашему хорошему Алексею Петровичу Боголюбову от юных друзей его преподносится сей первый блин», расписанное Репиным, Поленовым, Дмитриевым-Оренбургским, Беггровым и, наверное, Константином Маковским, русские художники подарили Боголюбову под новый 1876 год. Все остальное относится к новогоднему вечеру 1875 г. Подробнее вечер описал Поленов в письме к родителям от 1/13 января 1875 г. (Е. В. Сахарова. В. Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. Изд. 2-е. М.—Л., 1950, стр. 77). В саратовском Музее им. Радищева имеется рисунок (сепия) Дмитриева-Оренбургского (1875 г.), передающий встречу этого нового года. Рисунок представляет собой искусный монтаж из эпизодов вечера, так живо описанных Боголюбовым и особенно Поленовым (см. воспроизведение на стр. 445 настоящ. тома). В журнале «Всемирная иллюстрация», 1875, № 231, на стр. 163, было факсимиле гравюры К. Вейермана с рисунка Дмитриева-Оренбургского. Она несколько искажает и огрубляет оригинал.

[23] Артистические собрания в доме Виардо широко освещены в мемуарной литературе о Тургеневе. Об одном из них Репин писал 16/28 декабря 1874 г. Стасову: «Вчера был на вечере у m-me Viardot и Тургенева, больше из любопытства. Сумасшедшие французы... Вот так веселятся! По-детски, до глупости. Всего перепробовали: начали с пения, музыки, потом импровизировали маленькие пьески (Тургенев тут отличался, сколько в нем молодости и жару!!!), фанты и кончили танцами. Всех превзошел в шутовстве и глупости композитор Сен-Санс (чуть на голове не ходил, танцы играл!)» (И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I, стр. 107—108).

[24] В опере Мейербера «Пророк» Полина Виардо пела партию Фидес. Подробнее см. об этом далее, прим. 5 к воспоминаниям Фори.

[25] После лета 1877 г., проведенного в России и на Балканах, где Боголюбов собирал этюдный материал для картин о дунайских боях, он в сентябре приехал во Францию. Проработав до середины октября в Овере, он обосновался на зиму в Париже.

[26] Плевна была взята русскими войсками 28 ноября /10 декабря 1877 г. Этот день следует считать датой основания Общества русских художников в Париже.

[27] Гораций Осипович *Гинцбург* (1833—1909) — банкир, близкий русским художественным кругам. В 1881 г. Крамской написал с него портрет (экспонировался на IX передвижной выставке). Известно 36 писем Тургенева к Гинцбургу 1877—1883 гг. Напечатаны в «Oxford Slavonic Papers», v. IX, 1960, p. 73—103.

[28] «Общество» помещалось сначала в маленькой мастерской сына Гинцбурга (рю Трезель, 17), затем Боголюбов уступил ему свою большую мастерскую на рю де Рома, 95, авеню де Клиши и окончательно обосновалось на рю де Тильзитт, 18.

[29] О встречах Боголюбова с А. А. Ивановым см. публикацию Г. И. Кожевникова «Из воспоминаний художника А. П. Боголюбова об Александре Иванове».— «Искусство», 1957, № 2, стр. 77—78. Эта публикация включает и небольшую часть воспоминаний Боголюбова о Тургеневе, где говорится об отношении Тургенева к Иванову, с которым Тургенев встречался в Риме осенью — зимой 1857/1858 г.

[30] Воспоминания об А. А. Иванове — «Поездка в Альбано и Фраскати» — Тургенев напечатал впервые в журнале «Век», 1861, № 15.

[31] Мнение Боголюбова о Тургеневе — художественном критике разделял и Репин: «... судьба послала его ⟨Тургенева⟩ мне, как он есть, со всеми мелочами ⟨...⟩ сам он мне признался, что он плохой критик, и это верно. Он не смеет иметь своего суждения, ждет, пока скажет Виардо» (письмо Репина к Стасову от 25 мая /6 июня 1874 г.— И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, I, стр. 96). Подробно говорится об этом в кн.: И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.—Л., 1945.

[32] Отель Друо — зал, где проводились и проводятся до сих пор аукционы произведений искусства. 20 апреля 1878 г. там проходила выставка-аукцион коллекции Тургенева.

[33] Н. В. Щербань сообщает, что при посещении парижской квартиры Тургенева в 1861 г. он там видел две картины Потера и Миериса, о которых Тургенев сказал: «Мне стоят они каждая около трех тысяч франков» (Н. Щербань. Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем.— «Русский вестник», 1890, № 7, стр. 7—8).

[34] Давид *Теньер* (Тенирс) младший (1610—1690) — фламандский живописец-жанрист. В коллекции Тургенева была его картина «Отъезд» (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 42).

[35] Вероятно, в начале 1882 г. по поводу пейзажа Теодора Руссо Тургенев писал Боголюбову:

«50, Rue de Douai. Среда, 9½ ч. утра.

Любезный Алексей Петрович, я должен выехать сегодня в 11 часов и потому не трудитесь приходить ко мне. Впрочем, повторяю свое поручение, так как вы столь добры, что берете на себя этот труд. За 25 000 фр. отдаю своего Руссо... Если нельзя как-нибудь иначе перебиться. Дружески жму вам руку, преданный вам Ив. Тургенев» (ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 76).

[36] У Тургенева было два пейзажа Добиньи (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г. № 9, 10).

[37] Тургенев имел картину Камила Коро «Утро» (Каталог выставки-аукциона коллекции Тургенева 1878 г., № 7).

[38] Картина «Христос перед Пилатом» Михая Мункачи экспонировалась в Париже в начале 1881 г. По словам современного критика Иштвана Жантона: «...торговец картинами Зедельмейер шумно афишировал Мункачи с применением всех средств американской рекламы и принимал большое участие в выработке тем новых работ. Мункачи, этот свободный и сильный талант, который выдвинулся из народа и стал крупным мастером благодаря своему изображению тяжелой доли народа, через короткое время превратился в слепое орудие торгашества, погони за прибылью. И, подобно стольким другим выдающимся дарованиям, Мункачи потерял свои творческие силы, начался быстрый упадок» (Лайош Вегвари. Михай Мункачи. Будапешт, 1957, стр. 13).

[39] Пересказ были «Отчитал» о старом муже (дворецкий отца Тургенева) помещен в тетради № 5 «Записок моряка-художника», так как он не интересен по содержанию

и не представляет никакой художественной ценности, а, наоборот, груб и натуралистичен, мы его не публикуем.

[40] Боголюбов приехал в Париж в начале февраля 1881 г.

[41] Николай Эдуардович *Сакс* (р. 1849) — живописец-пейзажист. Известно письмо Тургенева к нему 1881 г.— «Тургенев и его время». М., 1923, стр. 323.

[42] Об Аделаиде Николаевне *Лукашиной* см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 417.

[43] Николай Максимович *Минский* (Виленкин) (1855—1930) — поэт, в 80-х годах близкий народническим кругам. Боголюбов, вероятно, имеет в виду его стихотворение «Казнь»:

Тронулась в путь колесница позорная,
Узник, как снег, побелел.
Сердце окутало облако черное,
Ум от тоски онемел...

(Н. Минский. Полн. собр. стих. в 4-х томах, т. I. Белые ночи. СПб., 1907, стр. 109).

Тургенев писал Стасюлевичу 5/17 ноября 1879 г., познакомившись со стихотворениями Минского: «Нет никакого сомнения, что Минский настоящий, своеобразный талант: насколько в нем разовьется его сила, это покажет будущее».

[44] Об этой истории Лавров пишет в своих воспоминаниях (Т. в восп. рев., стр. 66). Пригласительное письмо Тургенева к Лаврову от 21 января/2 февраля 1881 г.— см. в «Лит. наследстве», т. 73, кн. 2, стр. 52.

[45] Петр Федорович *Исеев* (р. 1831) — конференц-секретарь Академии художеств (1868—1889), ярый реакционер, интриган, враг демократического, реалистического искусства передвижников, был полновластным хозяином в Академии художеств. Впоследствии обвиненный в хищениях, был сослан в Сибирь. Боголюбов старался разоблачить пагубную деятельность Исеева для Академии и русского искусства и радовался, когда Исеева сослали.

[46] В. к. *Владимир Александрович* (1847—1909) был президентом Академии художеств (1876—1909).

[47] Тургенев меньше Боголюбова опасался, что история с Лавровым повредит Обществу, хотя лично ему она много принесла неприятностей, о чем узнаем из его записки к Боголюбову:

«Любезный Алексей Петрович, мое здоровье хоть поправилось, однако не настолько, чтоб я мог выехать и прибыть сегодня вечером Rue de Tilsitt. С другой стороны 〈дошедшие〉 ко мне и дальше распространяющиеся слухи заставили меня писать к вам следующее: передайте Комитету мое сожаление о том, что приглашением Лаврова, которое сделано мною, я причинил неприятность и вызвал просьбу об отставке барона Фредерикса, что я этого никак не ожидал, не придавая приглашению Лаврова никакого значения, но уже, конечно, это видеть не положено, но, что, если барон Фредерикс будет продолжать настаивать на своем желании нас покинуть, то и мне предстало, к крайнему моему сожалению, выдти из Общества.

Будьте так любезны, передайте все это и Комитету и барону Фредериксу и прибавьте от моего имени, что я все-таки непрочь думать, что это, в сущности, незначительное дело будет предано забвению и нашему юному Обществу не предстоит крушение.

Дружески жму вам руку и остаюсь искренно вам преданный Ив. Тургенев.

P. S. Дня через 4 надеюсь выехать» (записка не датирована.— ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 1, ед. хр. 76).

[48] Боголюбов в 1877 г. начал хлопоты по созданию в Саратове художественного Радищевского музея и художественно-промышленной школы при нем. В связи с этим художнику пришлось преодолеть многие препятствия и сопротивление саратовских властей. Тургенев, сочувствуя начинанию Боголюбова, составил черновик одного из писем-«ультиматумов» Боголюбова к саратовскому губернатору М. Н. Галкину-Врасскому. Опубликован Е. А. Гитлиц в кн.: «Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева». II. М.—Л., 1966, стр. 304—306.

[49] Александра Михайловна *Литвинова* (Ольховская). Харламов писал ее портрет (был на XXXVIII передвижной выставке 1909—1910 гг.).

[50] Описанный вечер в клубе Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже был, скорее всего, встречей Нового 1883 года. Он же был последним посещением Тургенева собраний русских художников (см. запись в дневнике Тургенева от 31 декабря 1882/12 января 1883 г.— «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 394 и 415). Вероятно, текст пригласительного билета был составлен Тургеневым:

«С Новым годом, новым счастьем!

Милостивый государь, комитет Общества честь имеет известить гг. членов, что устраивается по подписке (с платою не менее пяти франков с каждого участвующего) в помещении Общества (18, rue de Tilsitt) елка накануне русского Нового года, т. е. 12 сего января 1883 г. в 9 часов вечера. Желающие участвовать в этом домашнем празд-

нике благоволят доставить в Общество свои взносы до 9 января сего года. Каждый член может прийти с своей супругой и взрослыми членами своего семейства.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Председатель А. Боголюбов
Секретарь Иван Тургенев».

(«Описание материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев». М.—Л., 1958, стр. 229).

[51] Здесь Боголюбов неточен. Врач Н. А. Белоголовый не присутствовал при операции, которую сделал Тургеневу французский хирург Сегон 14 января 1883 г. Но Белоголовый следил за болезнью Тургенева и после его смерти описал ее ход: «Я высказал свое предположение о вероятности в данном случае мелких раковидных или саркоматозных узлов в спинном хребте и, вероятнее всего, в мозговых оболочках ⟨...⟩ Говорят, что при вскрытии нашли рак позвоночника, и нельзя не подосадовать, что эта весьма редкая форма болезни не была клинически прослежена с должными подробностями и что само вскрытие, по причине перевозки тела, не могло быть сделано с тою обстоятельностью, какая была бы желательна. Задолго появлявшиеся до смерти некоторые уклонения в психике Ивана Сергеевича, вероятно, нашли бы объяснение при вскрытии черепного мозга» («Всемирная иллюстрация», 1883, № 767, стр. 218—219). Об этой операции — см. запись в дневнике Тургенева от 15/27 января 1883 г.— «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 396, 398.

[52] О Поле *Виардо* см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 406—407.

[53] Клоди *Виардо*, в замужестве Шамро (1852—1914) — художница, наиболее любимая Тургеневым из дочерей Виардо.

[54] Марианна *Виардо*, в замужестве Дювернуа (1854—1913).

[55] Александр Александрович *Мещерский*. См. о нем «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 418—419.

[56] Альфонс *Дювернуа*. См. о нем там же, стр. 399.

[57] Боголюбов в 1883 г. из своей летней поездки в Россию вернулся в июле. Последнее его посещение Тургенева и прощание с ним происходило 30 или 31 июля, о чем свидетельствует Стасюлевич: «Я приехал в Париж вечером 31 июля и нашел в своем отеле, между прочим, записку А. П. Боголюбова, от утра того же дня; он извещал меня о новом, страшном припадке с Тургеневым, и сомневался, чтобы я мог застать его живым на следующий день. Но я застал...» («Из воспоминаний о последних днях И. С. Тургенева».— «Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 850—851).

[58] Фотографии, исполненные Лошаром (ателье которого находилось в Париже на рю Лаваль, 39), хранятся в библиотеке саратовского Музея им. Радищева. На одной из них Тургенев изображен в рост со спины на фоне осеннего лесного пейзажа. Подняв голову, стоит он любуясь множеством птиц, ружье направив в противоположную от них сторону. Поза выражает удивление, что подтверждает надпись: «Такого множества дичи я и не видывал». На фотографии надпись: «И. С. Тургенев на охоте. А. Боголюбов». На второй — Тургенев нарисован идущим налево, ступая мягко, по-кошачьи, настороженно, с ружьем наперевес, как бы выслеживая дичь. Надпись гласит: «Сегодня я более собою доволен» (см. в настоящ. томе, стр. 456 и 457).

Рисунки Боголюбова, с которых сделаны эти фотографии, находятся в ГРМ. Французские подписи художника на них отсутствуют — они проставлены им тушью на снимках. Фотографии же, сделанные петербургским фотографом Шапиро и другим, имеются в ИРЛИ в двух экземплярах. Они поступили туда из коллекции А. Ф. Онегина и от наследников Я. П. Полонского.

Несколько шаржированные образы других участников охоты у Гинцбурга. устроенной в декабре 1879 г. в его имении Шамбодуан под Парижем, составляют альбом рисунков Боголюбова, хранящийся в Гос. Русском музее. Карикатуры эти добродушны, в них много юмора, наблюдательности и психологической тонкости. Наиболее острая из них, пожалуй, изображает самого Боголюбова — как Тартарен он показан в полной охотничьей декоративной «экипировке», при ее полной непригодности для охоты.

[59] О смерти Тургенева Боголюбов был извещен: «Тотчас после смерти были посланы депеши ко всем близким людям покойного: к П. В. Анненкову в Баден ⟨...⟩ к А. П. Боголюбову в Шато-д'Э, но он переехал, как после узнали в Трепор...» («Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 853).

«Князь А. А. Мещерский, равно как гг. Дювернуа и Шамро, немедленно принялись за первые распоряжения. Омыв и одев тело покойника, они послали за модельером и фотографом, отправили телеграммы русским друзьям Тургенева, в том числе князю Орлову и гг. Анненкову, Стасюлевичу и Боголюбову. К 5-ти часам вечера явился фотограф Морель и снял прекрасно удавшиеся фотографические портреты с покойника. Г-жа Виардо и одна из ее дочерей Клавдия Шамеро сделали, сверх того, несколько эскизов головы Тургенева ⟨...⟩ К вечеру явился лучший в Париже итальянец-модельер. Он снял маску, которая удалась хуже фотографии» («Последние минуты И. С. Тургенева». — «Всемирная иллюстрация», 1883, № 767, стр. 115—116).

[60] Петр Николаевич *Тургенев* (1853—1912) — скульптор, младший сын Н. И.

Тургенева. Им сделан слепок с лица и руки Тургенева. Модельер только отформовал их. «Петр Николаевич с самой трогательной нежностью вспоминал всегда Ивана Сергеевича. Когда однажды, в поисках за документами, я нашел в одном из шкапов спрятанную там маску Ивана Сергеевича и спросил его, почему такая драгоценная реликвия запрятана так далеко, Петр Николаевич просто ответил мне: „Я его очень любил, этого великого красивого старца, а умирая он слишком страдал, и я не могу видеть без боли дорогие мне черты, искаженные страшными предсмертными муками"» (А. А. Ф о м и н. Петр Николаевич Тургенев.— «Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук». СПб., 1912, стр. 13).

[61] Боголюбов имеет в виду проводы тела Тургенева из Парижа в Россию 1 октября 1883 г. с Северного вокзала.

[62] Нынешнее местонахождение зарисовок Боголюбовым торжественных проводов гроба Тургенева с Северного вокзала в Париже — неизвестно.

[63] Боголюбов допускает неточность. Мантия и берет были не Кембриджского университета, а Оксфордского, так как Тургенев получил звание доктора прав в Оксфорде.

[64] 5 апреля 1885 г. П. Виардо писала Боголюбову: «Дорогой господин Боголюбов, вы можете сейчас взять в улице Дуэ № 50 кресло и стол нашего незабвенного друга, которые я с удовольствием дарю в ваш музей. Примите уверение в моем искреннем к вам почтении и совершенной преданности. Полина В и а р д о» (оригинал по-франц. — ЦГАЛИ, ф. 705, оп. 2, ед. хр. 4).

В Радищевском музее хранится вторая записка П. Виардо к Боголюбову от ноября 1893 г.: «Дорогой м-сье, я только что нашла костюм доктора, звание которого Оксфордский колледж присвоил нашему знаменитому дорогому покойному другу Ивану Тургеневу. Я вам его подношу для вашего музея в Саратове. Если вы согласны на это, то будьте любезны взять его у меня, и он будет находиться в вашем распоряжении. Что касается меня, то я буду рада, если он окажется рядом со многими другими вещами, которыми уже обладает ваш музей.

Примите, дорогой м-сье, выражение моих искренних чувств.

Полина В и а р д о» (оригинал по-франц.)

«Уголок Тургенева» существовал в Музее до 1919 г., когда личные вещи Тургенева — стол, кресло, маску, слепок с руки, костюм доктора Оксфорда, охотничьи принадлежности — ружье и ягташ, вместе с несколькими портретами были переданы историко-филологическому факультету Саратовского университета. Оттуда в 30-х годах они перешли в музей Тургенева в Орле.

[65] Речь идет о концертах в клубе Общества русских художников в Париже и выставке произведений его членов.

[66] «Негоцией» Боголюбов здесь называет организационные вопросы и денежное устройство предполагаемой, но не состоявшейся выставки передвижников в Париже, которыми он больше всех занимался.

[67] Письмо Тургенева к передвижникам на имя Крамского от 6/18 декабря 1882 г.

[68] Имеется в виду то же письмо Тургенева к Крамскому.

[69] Из десяти писем Боголюбова к Стасову, хранящихся в ГПБ, восемь были изданы («Из переписки покойного А. П. Боголюбова с В. В. Стасовым».— «Искусство и художественная промышленность», 1899, № 12, стр. 947—958). Среди этих писем было и письмо от 10 сентября 1883 г. (стр. 948—949), которое помещено в настоящей публикации, так как оно опубликовано в журнале очень неточно.

[70] Серебряный венок Тургеневу от русских, живущих в Париже, находится теперь в ИРЛИ.

[71] Намерение Боголюбова и Крамского увековечить память Тургенева изображением его портрета в офорте, вероятно, не было осуществлено. Никаких сведений об этой работе Крамского не имеется. В продаже имелся офортный портрет Тургенева работы В. А. Боброва, сделанный по фотографии, и траурная гравированная композиция его с портретом Тургенева «Живите и любите людей, как я их всегда любил». Оттиски имеются в ИРЛИ и Радищевском музее.

[72] Беггров и Фельтен — владельцы художественных магазинов в Петербурге, в которых продавались, наряду с произведениями искусства, и принадлежности, необходимые художникам.

[73] П. Н. Тургенев. См. о нем прим. 60.

[74] О Полонском и его жене см. далее, стр. 605—630 настоящ. тома, а также «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 195—248.

[75] Письмо Тургенева от 26 июня/8 июля 1883 г. Об этом эпизоде см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 209.

[76] Письмо Полонского к Боголюбову, на которое последний отвечает, см. далее в статье Н. Н. Фоняковой. Там же рассказано о судьбе пейзажей Полонского.

[77] Здесь печатается часть письма, касающаяся лишь судьбы портрета Тургенева работы Харламова, не вошедшая в публикацию всего письма в уже упоминавшемся издании писем Боголюбова к Стасову.

[78] На этом письме была заставка, исполненная Боголюбовым тушью и пером,— изображающая пейзаж с лодочкой на реке Уазе.

ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ О ТУРГЕНЕВЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ЖЮЛЯ КЛАРТИ

Публикация В. И. Мозалевского

Среди писем Тургенева к французским литераторам и друзьям, заботливо собранных И. Гальпериным-Каминским, мы находим следующее письмо, адресованное писателю Жюлю Кларти (1840—1913) от 4 мая 1875 г.:

Милостивый государь,

Я только недавно узнал от г. Луи Депре, что вы оказали мне честь посетить меня; привратник никогда не передавал мне вашей карточки. Я очень об этом сожалею и прошу извинить за то, что вы могли счесть невежливостью. Я был бы счастлив лично познакомиться с таким выдающимся писателем, как вы, милостивый государь, и не хочу терять надежды, что это когда-нибудь осуществится.

А пока позвольте предложить вам прилагаемый том *, который только что вышел, и верьте в чувство высокого к вам уважения, с которым имею честь быть вашим покорным слугой.

Ив. Тургенев

Человек, которого Тургенев назвал в своем письме «выдающимся писателем», почти неизвестен современному советскому читателю. Между тем, у себя на родине Жюль Кларти пользовался большой и почетной известностью. Всю свою долгую и деятельную жизнь он отдал литературе. Плодовитый беллетрист, историк и драматург, он написал несколько десятков романов, пьес, исторических и историко-литературных исследований; более четверти века (1885—1913) он занимал пост директора старейшего французского театра «Comédie Française». В 1888 г. он был избран членом Французской Академии. Один лишь перечень его книг, изданных во Франции, занимает в печатном каталоге парижской Национальной библиотеки свыше тридцати страниц в две колонки. Некоторые из его романов выдержали подряд больше пятидесяти изданий.

С юных лет до глубокой старости Кларти с неослабевающим увлечением и энергией занимался журналистской деятельностью. Им напечатано во французских газетах и журналах бессчетное множество фельетонов, очерков, хроник парижской жизни и пр. «Перо журналиста могуче, как всякая другая власть»,— говорил Кларти, имея в виду право активно вмешиваться в общественную жизнь страны, право судить и спорить, отстаивать свободу и защищать справедливость.

---

* «Жюль Кларти полагает,— поясняет Гальперин-Каминский, — что упоминаемая книга — роман „Дым", однако французский перевод этого произведения был напечатан в 1868 г., а Тургенев говорит о только что вышедшем томе. Должно быть, речь идет о томе рассказов, ибо последний роман, появившийся на французском языке до того как было написано это письмо,— „Вешние воды",— вышел в свет в 1871 году» (Н.-К., p. 290). Вероятнее всего, что Тургенев послал Жюлю Кларти сборник «Etranges histoires», третье издание которого вышло в свет в 1874 г.

Во время Третьей империи Кларти за свою журналистскую деятельность подвергался полицейским преследованиям, что, конечно, содействовало увеличению его популярности у прогрессивно настроенных читателей, хотя революционером он не был и никогда не выходил за пределы умеренного либерализма.

Кларти обладал широким кругом знакомств, особенно в литературной и артистической среде. В числе его знакомых мы находим, в частности, Герцена и Тургенева.

Волнующие воспоминания Кларти о Герцене обнаружены Л. Р. Ланским в малоизвестной парижской газете «La Cloche» от 29 января 1870 г. (напечатаны в переводе — «Новый мир», 1959, № 6, стр. 275—278). Кларти видел в Герцене гениального мыслителя, сына великого народа, пламенного революционера, провозвестника грядущей русской революции. В свою очередь, и Герцен тепло относился к Жюлю Кларти и считал его «очень милым и дельным человеком» и весьма высоко ценил его книгу о героях французской революции конца XVIII в.—«Les derniers Montagnards» (Г е р ц е н АН, т. XXX, кн. 1, стр. 167 и 216). В октябре 1869 г. Герцен подарил Кларти свою брошюру о Гарибальди «Camicia Rossa» с надписью, свидетельствующей о его глубокой симпатии к французскому писателю.

В своих воспоминаниях о Герцене Кларти привел его довольно резкое высказывание о Тургеневе, как о человеке, «ни во что не верящем и считающем глупцами всех, кто предан идее». «Несравненным талантом» Тургенева Герцен, впрочем, как замечает Кларти, не переставал восхищаться.

В течение нескольких лет Кларти помещал (дважды в неделю) в распространенной французской газете «Temps» фельетоны, представлявшие собой подробную хронику парижской жизни, предлагая читателям «слушать биенье сердца Франции — Парижа». В конце каждого года Кларти выпускал эти фельетоны особыми сборниками под названием «Жизнь в Париже. 18..». В одном из таких сборников «La vie à Paris. 1883» нам удалось обнаружить не отмеченную библиографами краткую некрологическую заметку о Тургеневе, появившуюся в составе очередного фельетона Кларти в 1883 г., вскоре после смерти писателя.

Первая встреча Кларти с Тургеневым состоялась, по-видимому, около 1866 г. в Баден-Бадене (Кларти указывает, что Тургеневу в это время было не более сорока восьми лет). Он был представлен «великому русскому романисту» французским литератором Луи Депре. Впоследствии Тургенев, вероятно, совершенно забыл об этом случайном знакомстве, так как через девять лет, в приведенном выше письме от 4 мая 1875 г., он упоминает о своем желании познакомиться с Кларти. Особой близости между Тургеневым и Кларти, впрочем, не было и в дальнейшем. Судя по воспоминаниям Кларти, встречи их были случайны и редки.

Несколько упоминаний о Кларти встречается в письмах Тургенева. В письме к Анненкову от 12/24 января 1876 г. содержится краткий отзыв о двух книгах Кларти по истории французской революции XVIII в.— «Camille Desmoulins, Lucile Desmoulins. Etude sur les Dantonistes». Paris, 1875 и «Les derniers Montagnards». Paris, 1875. Имея в виду первую из них, Тургенев писал об ее авторе: «Очень у него фёльетонный слог и таковые же замашки. Но есть интересные документы». Еще раз Тургенев упоминает Кларти в письме к Флоберу от 26 декабря 1878/7 января 1879 г. в связи с полемикой по поводу «Парижских писем» Золя, разгоревшейся тогда во французской печати.

Небольшая некрологическая заметка Кларти представляет несомненный интерес как свидетельство глубокого восхищения французских литературных кругов реалистическим творчеством Тургенева и его обаятельной личностью *.

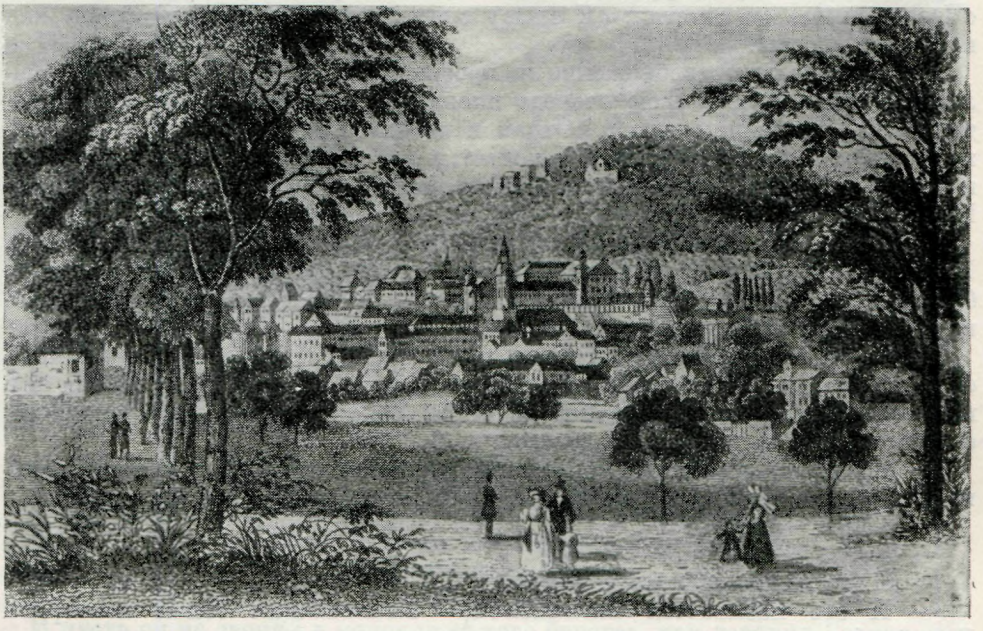
Воспоминания Кларти печатаются по тексту книги: Jules C l a r e t i e. La vie à Paris. 1883. Deuxième édition. Paris, s. a., p. 330—334.

---

* Отметим, что Кларти помогал Гальперину-Каминскому собирать адресованные французским литераторам письма Тургенева, вошедшие в состав известного сборника Гальперина-Каминского (Н.-К.).

ИЗ КНИГИ «ЖИЗНЬ ПАРИЖА В 1883 ГОДУ»*

...Жестокий вихрь, о котором говорит магометанское пророчество, умчал еще одну великую душу. В возрасте шестидесяти шести лет скончался Иван Сергеевич Тургенев, но поверженное дерево по-прежнему гордо вздымает свою главу. Я и сейчас живо представляю себе этого изумительно красивого и сильного человека с бородой, показавшейся мне



БАДЕН-БАДЕН
Гравюра, 1850-е годы
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

совсем белой или сильно поседевшей, а между тем, когда я его впервые увидел, ему было не более 48 лет. Произошло это в Бадене, где великому русскому романисту представил нас наш друг и весельчак из «Это жизнь» — Луи Депре, написавший о Тургеневе, равно как о Диккенсе и Лонгфелло, несколько изящных страниц [1]. Мы питали глубокое уважение к автору «Отцов и детей», которого в ту пору во Франции, за исключением немногих любителей изящного, никто не знал [2]. Он обычно проводил лето в Баден-Бадене в обществе Виардо и Максима Дюкана [3]. Я и сейчас вижу его гуляющим по аллеям Лихтенталя, высокого, статного, со спокойным, бесстрастным, но вместе с тем обаятельным лицом симпатичного олимпийца. Как далеко все это! Нам случалось видеть Тургенева на прогулках почти рядом с прусским королем, но наибольшее внимание баденцев привлекал к себе отнюдь не будущий германский император. Целый мир лег между этими событиями и данной минутой, когда я пишу о них.

Ивану Тургеневу выпало на долю познакомить Россию с любимой им французской литературой, во всяком случае с известной ее частью, а Францию с Тургеневым познакомил Проспер Мериме [4].

По остроумному замечанию одного ученого и большого ума человека, «для Проспера Тургенев был тем же, чем Стендаль — в

* Перевод с французского В. И. Мозалевского.

молодости». То восхищение, которое в 1833 году вызывал у Мериме автор «Красного и черного», в 1863 году он перенес на автора «Отцов и детей». Ему нравился этот «утонченный, изысканный наблюдатель», как он называл Тургенева, и он от всего сердца хвалил правдивость, колоритность, наивное изящество, выразительность и поэтичность живописца русских нравов. Впрочем, в Тургеневе он любил не только писателя, но и человека. Мериме бывал откровенен с Тургеневым, например, рассказывая ему однажды о той, которую впоследствии знали и узнавали под псевдонимом «Незнакомки», он заметил: «Я слыву скептиком, а я сентиментален, как швабские поэты».

Нескрываемое пренебрежение и презрение Тургенева ко всякой пошлости должно было в свою очередь пленять этого всепрезирающего скептика. Так, мы видим, что в «Отцах и детях», где русский романист сопоставил два поколения, он не польстил ни детям, ни отцам, высмеяв и состарившихся уже начетчиков-гегельянцев и юных выучеников Шопенгауэра.

Именно в этом произведении для изображения позитивиста и пессимиста Базарова Тургенев и придумал название «нигилист», которым позднее будут гордиться и которое присвоят себе те, кого он выведет в одной из своих последних книг — романе «Новь».

— Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта,— такова одна из аксиом Базарова. А на вопрос, что же, и искусство кажется ему предметом, не имеющим никакой ценности, он с презрительной усмешкой отвечает:

— Искусство наживать деньги, или нет более мозолей! * В теперешнее время,— добавляет он,— полезнее всего отрицание — мы отрицаем.

— Всё?

— Всё...

— И это называется нигилизмом?

— И это называется нигилизмом,— вызывающим тоном повторяет Базаров [5].

Вскоре по выходе в свет этой книги на мою долю выпало большое счастье встретиться с одним из интереснейших людей того времени Александром Герценом, жившим вдали от России и не по доброй воле, а в изгнании [6]. Герцен, чье энергичное лицо, озаренное блеском изумительных черных глаз, я все еще вижу перед собою, не прощал Тургеневу того, что он применял эпитет «нигилист» к известной части русской молодежи.

Будучи сам человеком действия, он строго осудил позицию Тургенева, на которого смотрел только как на просвещенного дилетанта.

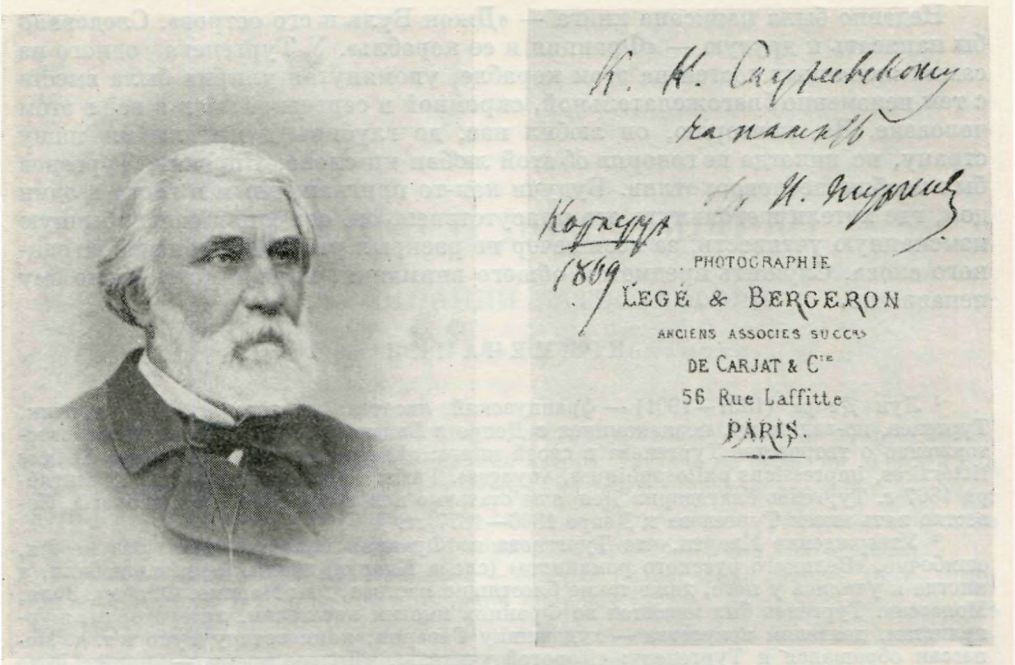
— Пристало ли ему,— говорил он,— окрещивать других нигилистами, это ему-то, кто сам почти во всем проявляет себя атеистом и ни во что не верит?

Впрочем, я точно не помню, относятся ли приведенные слова патриота Герцена к тому времени, когда Тургенев уже окончательно подвел итоги своим жизненным впечатлениям в удивительной книге, исполненной покорности судьбе и печали, названной им «Дымом».

«Дым!» — Таково было последнее слово и кредо этого могучего ума. И все же Тургенев верил в свободу, и русская молодежь в этом нисколько не сомневалась. Она приветствовала его всякий раз, когда он приезжал в Россию. Его последняя поездка превратилась в сплошную овацию [7]. Студенты всех университетов в полном составе выходили встречать его. Что ни станция, то триумф. А он, с присущей ему скромностью, только удивлялся происходившему. Однако ни для кого, кроме него, в этом не было ничего неожиданного.

---

* *В подлиннике у Тургенева*: ...или нет более геморроя.— *Ред.*



ТУРГЕНЕВ

Фотография Леже и Бержерона. Париж, 1869. С дарственной надписью на обороте: «К. К. Случевскому на память от И. Тургенева. Карлсруэ, 1869» Литературный музей, Москва

И пусть он не звонил в колокол «с того берега», как говорил Герцен, но ведь еще не забылось, что в молодости он также ставил на карту покой своего существования, при чем не публикацией «Записок охотника», как об этом в свое время прошел слух, все еще повторяемый в печати, а хвалой умершему Гоголю. Но, разумеется, «Записки охотника» должны были привлечь внимание властей к тяжелым условиям существования рабов, влачивших в своих избах жалкую, монотонную, тягостную жизнь, которая скрашивалась часто лишь единственным утешением, какое приносит квас.

В этой мастерски написанной книге наряду с величественными незабываемо грустными пейзажами, наряду с древними лесными и степными поверьями встречаются взятые из жизни, самобытные и до глубины души трогающие сцены. Провинциальная знать изображена здесь бок о бок с сельской беднотой, и сердце охватывает жалость при виде того, как, распростершись на печи, безмолвно умирают эти рабы в затхлом, удушливом от чада воздухе.

Россия Ивана Тургенева напоминает «хрустальную деву», воспетую князем Элимом Мещерским, поэтом «Черных роз» [8], но деву бледную, печальную, влачащую по снегу зеленые ветви, словно дровосек Лафонтена [9].

Тургенев глубоко любил Россию, что вполне естественно. Но он глубоко любил также и Францию. Однако, по замечанию Шарля Эдмона [10], этого француза из французов, и у Тургенева появлялась иногда та полуулыбка, с которой иностранцы смотрят на Францию, будучи склонны видеть в ней скорее милую любовницу, чем уважаемую подругу жизни. У каждого, даже самого лучшего из них, порой появляется такая улыбка. Ах! povera Gallia! *, как ты одинока!

* бедная Галлия (лат.).

Недавно была написана книга — «Джон Буль и его остров». Следовало бы написать и другую — «Франция и ее корабль». У Тургенева, одного из самых желанных гостей на этом корабле, упомянутая улыбка была вместе с тем неизменно благожелательной, скромной и серьезной, как и всё в этом человеке. Да, повторяю, он любил нас, до глубины души любил нашу страну, но никогда не говорил об этой любви ни слова. Впрочем, Тургенев был вообще несловоохотлив. Будучи как-то приглашенным в гости в один дом, где хотели щегольнуть его присутствием, он, сохраняя свою обычную изысканную учтивость, за весь вечер не раскрыл рта и не произнес ни единого слова. Служить предметом общего внимания, по-видимому, было ему ненавистно.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Луи *Депре* (1837—1901) — французский писатель и литературный критик. Тургенев, по-видимому, познакомился с Депре в Бадене в 1867 г. Депре писал восторженно о творчестве Тургенева в своей книге: «Le va-et-vient. 1-ère série. Notices littéraires, impressions philosophiques, voyages». Paris, 1866. В письме от 6/18 сентября 1867 г. Тургенев благодарил Депре за статью о нем в журнале «Le Charivari». Известно пять писем Тургенева к Депре 1866—1877 гг.

[2] Утверждение Кларти, что Тургенева во Франции мало кто знал, разумеется, ошибочно. «Великого русского романиста» (слова Кларти) знали, ценили, любили, а иногда и учились у него, даже такие блестящие мастера, как Мериме, Флобер, Золя, Мопассан. Тургенев был известен во Франции многим писателям, литераторам, журналистам, деятелям искусства — художнику Гаварни, композитору Гуно и т. д. Мопассан обращался к Тургеневу: «Дорогой учитель». «Долгое время, — пишет Доде в своей статье о Тургеневе в книге «Париж за 30 лет» (Париж, 1888), — Тургенев восседал на моем Олимпе на троне из слоновой кости в окружении других моих богов».

[3] Максим *Дюкан* (1822—1894) — французский писатель и журналист. Дюкан первый ввел Тургенева в общество французских писателей романтической школы. Имевший большой успех во Франции роман Дюкана «Утраченные силы» (1867) был переведен на русский язык и издан в России Е. Н. Ахматовой с предисловием Тургенева (XI, 343—348). Об их взаимоотношениях — см. «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 663—676.

Летние месяцы Тургенев проводил в Баден-Бадене с 1863 до 1872 г.

[4] Личная дружба и литературные связи Тургенева и Мериме общеизвестны. Еще не познакомившись с Тургеневым, Мериме пишет в «Revue des Deux Mondes» (1 июля 1854 г.) восторженную статью о вышедших во французском переводе «Записках охотника». Первая встреча Тургенева с Мериме состоялась в 1858 г. в Лондоне. См. М. К. Клеман. И. С. Тургенев и Проспер Мериме.— «Лит. наследство», т. 31-32, стр. 707—752.

[5] Здесь Кларти соединяет цитаты из разных мест гл. VI и X романа «Отцы и дети».

[6] Об отношениях Герцена с Кларти см. в предисловии к нашей публикации.

[7] Кларти ошибся: «поездка, превратившаяся в овацию» была в 1879 г., после чего Тургенев еще приезжал в Россию в 1880 и 1881 гг.

[8] Князь Элим Петрович *Мещерский* (1808—1844) — руский поэт, писавший преимущественно на французском языке. Служил при русском посольстве в Париже. Им были написаны очерки «De la littérature russe» (Marseille, 1830), «Les Boréales» (1839); сделаны переводы на французский язык русских поэтов: Пушкина, Жуковского, Баратынского и др. Упоминаемая здесь Кларти книга «Les Roses noires» издана посмертно в 1845 г. с опубликованием письма В. Гюго, написанного им 11 ноября 1844 г., но прозвучавшего как некролог. Об Элиме Мещерском см. статью А. Мазона — «Князь Элим» (пер. П. Перцова) — «Лит. наследство», т. 31-32, стр. 373—490.

[9] Речь идет о басне Лафонтена «Дровосек».

[10] Шарль *Эдмон* (псевдоним, настоящая фамилия Хоецкий; 1822—1899) — французский писатель и журналист, поляк по происхождению, политический эмигрант; выехал из Польши в 1844 г. Принимал участие в революции 1848 года, был ранен в уличных боях на баррикадах в Париже. Сотрудничал в журнале Прудона «Peuple» и в издаваемом А. Мицкевичем «Tribune des peuples». Тургенев познакомился с Эдмоном в 40-х годах, в 1843 г. они встречались в Берлине, где слушали курс лекций Шеллинга. Эдмон познакомил Тургенева с братьями Гонкур, Сент-Бёвом, Теофилем Готье. Свою книгу «Париж в 1883 году» Кларти посвящает «дорогому другу Шарлю Эдмону». О встречах Герцена с Эдмоном и об их литературном содружестве см. «Лит. наследство», т. 64, «Герцен в заграничных коллекциях», 1958, стр. 439—440 и др.

ТУРГЕНЕВ В ДОМЕ ВИАРДО

ВОСПОМИНАНИЯ БАТИСТА ФОРИ

Публикация Н. А. Леонтьевского

В 1917 г., в мартовской книжке парижского журнала «Mercure de France» появились воспоминания о Тургеневе. Фамилия автора указана не была; он скрылся под тремя звездочками. Воспоминания эти никогда не переводились на русский язык. Установить имя их автора и получить о нем самые необходимые биографические сведения удалось лишь проф. Андре Мазону, которому мы приносим нашу благодарность.

Автор затерявшихся воспоминаний — генерал Батист Фори (Faurie; 1853—1938). Он познакомился с Тургеневым в гостиной Виардо в 1872 г., по возвращении с театра военных действий франко-прусской войны в чине унтер-офицера 65-го пехотного полка, в который он вступил незадолго до того добровольцем.

Эти воспоминания ценны прежде всего тем, что Фори явился в какой-то степени свидетелем последних десяти лет парижской жизни Тургенева. 19-летний офицер (единственный, как он вспоминает, военный, появлявшийся в гостиной Виардо), человек одаренный, особенно в музыкальной области (позднее Фори играл на флейте), настолько заинтересовал Тургенева, что тот охотно поддерживал с ним дружеские отношения, тем более что Фори стал постоянным посетителем салона Виардо. Тургенев уговорил Фори выучиться русскому языку. Окончив Парижскую школу живых восточных языков, Фори стал переводчиком. Тургенев дарил молодому французу свои книги, не раз приглашал его в Спасское и, главное, давал ему возможность видеть и слушать себя.

Напечатаны эти воспоминания, повторяем, в 1917 г. Но кому они принадлежат? Офицеру (в год кончины Тургенева) или генералу Фори, командовавшему во время войны 1914—1918 годов 4-м военным округом? Дата их написания не указана; но, во всяком случае, предать их гласности Фори захотел, как он пишет, «в момент, когда Россия и Франция сражаются вместе за дело цивилизации» в первой империалистической войне. Его целью было вызвать в памяти «благородный облик одного из самых знаменитых представителей русской литературы». Чин генерала не позволил ему дебютировать в журнале под своей фамилией. Отсюда три звездочки вместо подписи.

Одним из достоинств воспоминаний Фори является созданный им образ Тургенева-рассказчика. Наше доверие к его воспоминаниям вызывает точность большинства изложенных им фактов. Укажем на стихотворение в прозе «Пир у верховного существа». Фори с максимальной верностью передает содержание этого стихотворения, слышанного им от Тургенева, вероятно, вскоре после его написания, в декабре 1878 г.

Можно не разделять взгляд Фори на Тургенева-писателя, которому, по словам мемуариста, «недостает мощи Толстого или глубины Достоевского», и все герои которого похожи один на другого. Но мы узнали еще одного современника великого русского писателя — «единственного военного» посетителя гостиной Виардо — и в «тургеневиане» он может занять собственное, хотя и небольшое место.

Воспоминания Фори печатаются по тексту «Mercure de France», 1917, № 449, 1 марта (как воспоминания анонимного автора они были вкратце изложены в «Историческом вестнике», 1917, № 5-6, стр. 639—641). В тексте нами опущены (стр. 493) строки о Ренане, не имеющие отношения к Тургеневу.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРГЕНЕВЕ*

В момент, когда Россия и Франция сражаются вместе за дело цивилизации, я хотел бы на этих страницах возродить благородный облик одного из самых знаменитых представителей русской литературы. Тургенев был истинным другом нашей страны, где он поселился тотчас по окончании войны 1870 года, и где оставался до своей смерти, став, тем самым, на сторону побежденных [1]. И я надеюсь, что читатели не без интереса прочтут эти неизданные воспоминания о великом писателе, который сохранил в нашей стране крепкие и верные привязанности и который, оставаясь русским до мозга костей, все же считал Францию своей второй родиной.

В 1872 году гостиная г-жи Виардо была, несомненно, одним из самых интересных музыкальных центров Парижа **. Среди лиц, которых можно было там встретить, необходимо особенно отметить Ивана Тургенева, являвшегося, собственно говоря, членом семьи Виардо в течение тридцати лет. Я хорошо знал Тургенева: он проявлял ко мне большую симпатию, и за десять лет нашего знакомства я виделся с ним очень часто. Мне хотелось бы попытаться охарактеризовать этого обаятельного человека и великого писателя.

Тургенев (Иван Сергеевич) родился в 1818 году в Орле. Его родители были богатые помещики: бонвиван отец, выведенный им в «Первой любви», и взбалмошная мать; у мальчика было невеселое детство, он переходил из рук французских или немецких учителей в руки *фрейлин*, *мисс* и *мамзелей*. Жизнь в деревне привила ему любовь к природе, которая всегда была необыкновенно живуча в нем. Пятнадцати лет он был отправлен в Московский университет, а затем — в Петербургский. Это было время безраздельной автократии в России, поэтому он, как только смог, сбежал в Берлин, где прожил три года. После этой первой отлучки, на родине ему стало нечем дышать; с 1847 года он начал ту кочевую жизнь, которую вел до конца жизни, ежегодно возвращаясь в Россию лишь на несколько недель для устройства своих дел. В 1852 году, после издания «Записок охотника», имевших такое большое влияние на освобождение крестьян, у него возникла пагубная мысль вернуться в Россию; там он был арестован и затем выслан в свое поместье Спасское (Орловской губернии), где прожил два года [8]. Этого предостережения ему было достаточно; с той поры он стал все больше и больше проникаться влиянием Запада, начались его скитания по Европе. Ему хотелось, говорил он, видеть людей и события, в особенности людей, и найти на Западе способы преобразовать свое отечество.

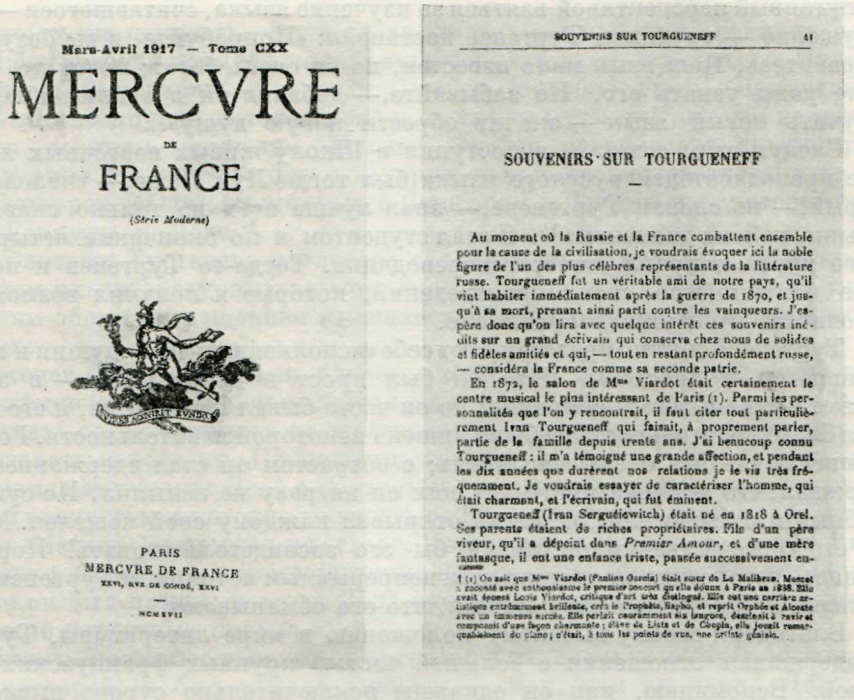
Война 1870 года заставила Тургенева покинуть Германию, и он поселился во Франции. Зиму он проводил в Париже, у своих друзей Виардо, в доме № 50 по улице Дуэ, где занимал третий этаж особняка; лето — в Буживале, где Виардо купили великолепную виллу «Les Frênes» («Ясени»). В примыкающем к этой вилле парке Тургенев выстроил себе комфортабельную дачу.

Гостиная Полины Виардо была центром блестящего музыкального общества. Можно сказать, что в Европе не было знаменитого артиста, который не знал бы г-жу Виардо и не посещал бы ее, будучи проездом в Пари-

---

* Перевод с французского Н. А. Леонтьевского.

** Известно, что г-жа Виардо (Полина Гарсиа) была сестрой Малибран [2]. На первый парижский концерт Виардо, в 1838 году, восторженно откликнулся Мюссе [3]. Она стала женой выдающегося художественного критика Луи Виардо [4]. Ее артистическая карьера была необычайно яркой, она создала «Пророка», Сафо и с огромным успехом воскресила Орфея и Альцеста [5]. Она свободно говорила на шести языках [6], восхитительно рисовала и сочиняла очаровательную музыку [7]; ученица Листа и Шопена, она изумительно играла на рояле. Это была во всех отношениях гениальная артистка.— *Прим. Фори.*



Mars-Avril 1917 — Tome CXX

MERCVRE

DE

FRANCE

(Série Moderne)

PARIS
MERCVRE DE FRANCE
XXVI, RVE DE CONDÉ, XXVI
—
MCMXVII

SOUVENIRS SUR TOURGUENEFF 41

SOUVENIRS SUR TOURGUENEFF

Au moment où la Russie et la France combattent ensemble pour la cause de la civilisation, je voudrais évoquer ici la noble figure de l'un des plus célèbres représentants de la littérature russe. Tourgueneff fut un véritable ami de notre pays, qu'il vint habiter immédiatement après la guerre de 1870, et jusqu'à sa mort, prenant ainsi parti contre les vainqueurs. J'espère donc qu'on lira avec quelque intérêt ces souvenirs inédits sur un grand écrivain qui conserva chez nous de solides et fidèles amitiés et qui, — tout en restant profondément russe, — considéra la France comme sa seconde patrie.

En 1872, le salon de Mme Viardot était certainement le centre musical le plus intéressant de Paris (1). Parmi les personnalités que l'on y rencontrait, il faut citer tout particulièrement Ivan Tourgueneff qui faisait, à proprement parler, partie de la famille depuis trente ans. J'ai beaucoup connu Tourgueneff : il m'a témoigné une grande affection, et pendant les dix années que durèrent nos relations je le vis très fréquemment. Je voudrais essayer de caractériser l'homme, qui était charmant, et l'écrivain, qui fut éminent.

Tourgueneff (Ivan Serguéiewitch) était né en 1818 à Orel. Ses parents étaient de riches propriétaires. Fils d'un père viveur, qu'il a dépeint dans *Premier Amour*, et d'une mère fantasque, il eut une enfance triste, passée successivement en-

1 (1) On sait que Mme Viardot (Pauline Garcia) était sœur de La Malibran. Musset a raconté avec enthousiasme le premier concert qu'elle donna à Paris en 1838. Elle avait épousé Louis Viardot, critique d'art très distingué. Elle eut une carrière artistique extraordinairement brillante, créa le Prophète, Rachel, et reprit Orphée et Alceste avec un immense succès. Elle perfectionnement ses langues, dessinait à ravir et composait d'une façon charmante ; élève de Liszt et de Chopin, elle jouait remarquablement du piano ; c'était, à tous les points de vue, une artiste générale.

ЖУРНАЛ «MERCURE DE FRANCE» (1917, № 449), ГДЕ НАПЕЧАТАНЫ ВОСПОМИНАНИЯ БАТИСТА ФОРИ О ТУРГЕНЕВЕ

Титульный лист и страница с началом воспоминаний

же. Почти все музыкальные знаменитости мира прошли у меня там перед глазами.

Познакомился я с Тургеневым в 1872 году; ему исполнилось тогда 54 года, но выглядел он гораздо старше. У него была внешность патриархального старца; длинные седые волосы и совершенно седая борода обрамляли его лицо, окрашенное легким румянцем. Из-под густых бровей на вас мягко смотрели глубоко посаженные ярко-голубые глаза. Во всей его фигуре было что-то львиное. С первого взгляда он внушал почтение, но очень скоро его мягкость и очаровательная простота возвращали вам непринужденность. Все окружающие обожали его.

С того момента, как я был представлен Тургеневу, он выказал ко мне особую приветливость, относившуюся прежде всего к солдату, которым я в то время был. Известно, что он был очень любознателен. Я же только что вернулся тогда с войны 1870 года, где воевал в чине унтер-офицера, и еще находился под впечатлением страшных воспоминаний о событиях, свидетелем которых мне пришлось быть. Он часто наводил разговор на эту тему, а я, со своей стороны, охотно развивал ее и без его поощрений. Он внимательно слушал то, что я рассказывал: очевидно, для такого наблюдателя, как он, впечатления молодого человека, его стремления, его взгляды на будущее — все было интересно. В окружении Виардо я был единственным военным; сам же он очень любил рассуждать на военные темы. Изучив у Тьера все походы Наполеона [9], он знал их досконально и часто говорил со мной о них. Таким образом, мы находили общий язык. С другой стороны, ему нравилась моя страсть к музыке, так же как и склонность к изучению живых языков. «Вам следовало бы изучить русский язык»,— сказал он мне однажды. И, видя, что я смотрю на него, несколько

испуганный перспективой взяться за изучение языка, считавшегося — и заслуженно — трудным, Тургенев настаивал: «Попробуйте, и вы безусловно справитесь. Наш язык мало известен, но он очень богат; поверьте, вы будете рады узнать его. Не забывайте,— добавил он в заключение,— что изучить новый язык — значит обрести новую душу».

Следуя этим советам, я поступил в Школу живых восточных языков, где преподавателем русского языка был тогда Луи Леже,— «человек, который,— по словам Тургенева,— знал лучше всех не только славянские языки, но и их диалекты»[10]. Я стал студентом и по окончании четырехлетнего курса получил аттестат переводчика. Тогда-то Тургенев и подарил мне большинство своих произведений, которые я получил возможность прочитать и оценить в оригинале.

Тургенева обычно представляют себе «исполненным добродушия и юмора, наивности и простоты». Что он был прост и добродушен — в этом не может быть никакого сомнения; но он часто бывал насмешлив, и его истинная благожелательность не была лишена некоторой язвительности. Говорят, в юности он был очень вспыльчив; с возрастом он стал сдержаннее и утверждал, что вот уже много лет, как он ни разу не вспылил. По существу добрый и отзывчивый, он легко открывал каждому свой кошелек. Многие из его соотечественников могли бы это засвидетельствовать! Порой на улице Дуэ русские просители шли непрерывным потоком, и Тургенев редко отказывал им, даже если понимал, что его обманывают.

Благодаря своему высокому положению в мире литературы, Тургенев поддерживал отношения с большей частью крупных французских писателей. Вспоминаю, как он однажды исключительно сурово высказался о Викторе Гюго [11]. Это было в Англии, в Сикс-Майл-Боттом, около Кембриджа, где мы с ним встретились у общих друзей. Хозяин дома г-н Холл, большой франкофил, в 1870 году основал во Франции лазарет и с такой преданностью заботился о раненых французах, что Тьер наградил его орденом. Именно к нему-то Тургенев приехал охотиться, в то время когда там был и я. После обеда, когда дамы по английскому обычаю удалились, Тургенев услаждал нас своими воспоминаниями. Не помню, каким образом речь зашла о Викторе Гюго, о котором он был очень нелестного мнения. Он осуждал его не только за безрассудное высокомерие (что, пожалуй, вполне понятно), но и за крайнее невежество, за незнание иностранных языков, хотя этот пробел не мешал Гюго выносить безапелляционные и категорические суждения. Когда Гюго в присутствии Тургенева дал ошибочную оценку Гете, Тургенев заметил ему, что произведение, о котором идет речь, написал не Гете, а Шиллер. На это Гюго ответил, что не читал ни того, ни другого, но тем не менее прекрасно знает их обоих. Тургеневу оставалось только развести руками [12].

Среди постоянных гостей Виардо изредка появлялся Флобер, которого Тургенев очень любил, хотя они были как нельзя более непохожи друг на друга: один — сдержанный, мягкий, тонкий, изысканный; другой — простоватого облика, с речью часто грубоватой, с зычным голосом, раздававшимся «из-под его усов галльского воина», как говорил Мопассан [13]. Однажды, во время музыкального вечера, Флобер особенно раздражал меня: играли (я помню это совершенно точно) чудесный квинтет Шумана. Во все время исполнения квинтета Флобер кружил вокруг накрытого стола и потаскивал с тарелочек приготовленное к чаю печенье. В ту пору я был убежден, что люди, не любящие музыки,— бесчувственные люди. Смолоду наши суждения так резки! Для меня это равнодушие Флобера к чудесной музыке доказывало полное отсутствие сердца. Нет нужды добавлять, что жизненный опыт заставил меня изменить это мнение. В самом деле, я встречал людей, лишенных какой-либо чуствительности и в то же время восприимчивых к музыке,— и наоборот. Мое тогдашнее суждение имело прибли-

зительно ту же ценность, что и слова, сказанные кем-то из великих поэтов: «Я без разбора называю канальями всех, кто не любит стихов». Нужно волей-неволей признать, что если Флобер (подобно Гюго, Ламартину, Золя и многим другим литераторам) и не любил музыки [14], он тем не менее остается великим писателем. Именно Флобер организовал знаменитые литературные обеды у Маньи, о которых нам подробно рассказали дневники Гонкуров, обеды, на которых с Флобером и Тургеневым встречались Золя, Гонкуры и Доде [15].

Эта близость Тургенева и Флобера объяснялась, я полагаю, не столько сходством их литературных вкусов, сколько общим культом поэзии, присущим им обоим отвращением к мещанству и презрением к расчетливости молодых.

Тургенев был также очень близок с Доде. Он часто говорил мне о нем с восхищением. Впервые он прочитал Доде в России и вот при каких обстоятельствах: он остановился на железнодорожной станции, где ему нужно было сделать пересадку. Продавщица газет на вокзале, узнав Тургенева, предложила ему томик Доде с портретом автора на обложке, восхитившим ее своей тонкостью и интеллигентностью. Тургенев купил книжку (кажется это был «Малыш») и пришел в восторг. По приезде в Париж он познакомился с Доде у Флобера и затем постоянно встречался с ним на обедах Маньи; позднее он был принят в семье Доде как свой, а во время отъездов писал ему самые сердечные письма.

Поэтому, когда после смерти Тургенева появились мемуары одного из его секретарей, я был немало удивлен,— зная, как он ценил Доде,— недоброжелательностью приписываемых ему отзывов. Доде был очень огорчен ими и горько сетовал на них в конце своей книги «Тридцать лет парижской жизни» [16]. Мне трудно верить в существование этих высказываний Тургенева. Как! Принятый в интимный круг семьи Доде, где к нему относились как к другу, он, за спиной, мог поносить Доде, называя его «хитрым южанином, фальшивым добряком, ничтожеством»! Все это противоречит чрезвычайно благожелательным суждениям, которые я сам не раз слышал от него в отношении Доде. По-моему, эти толки (их, впрочем, многие оспаривали) не следовало делать достоянием гласности. Во всяком случае, это недоброжелательство, это двуличие совершенно противоречит всему тому, что известно о характере Тургенева, который скорее был склонен к чрезмерной снисходительности.

Порой я встречал в доме Виардо Ренана, больше дружившего, как мне кажется, с самим Виардо, чем с Тургеневым. На музыкальных вечерах он появлялся редко. Кто бы мог заподозрить при виде этого небрежно одетого толстяка с грязными ногтями, с крупной, склоненной к плечу головой, с небольшими, искрящимися умом глазами,— что видит перед собой одного из крупнейших писателей, которым гордится французская литература? ⟨...⟩

Однажды, когда Тургенев лежал с приступом подагры, я пошел его навестить; я застал у него Эмиля Ожье, которого знал раньше, нередко встречаясь с ним в Круасси, у его племянника Поля Деруледа [17]. Внешностью Ожье, с его широкими плечами и бурбонским носом, был удивительно похож на Франциска I. Беседа его была обворожительна, полна воодушевления, блистала остроумием. В вопросах музыки Ожье не сходился с Тургеневым. «Я,— говорил он,— без ума от музыки Оффенбаха. Такая ясность, такая веселость, все такое французское! Мое понимание музыки дальше его не идет».

В тот день, когда я у Тургенева встретил Ожье, он рассказал нам, что у него был спор со скульптором, высекавшим его бюст (кажется, это был Шёневерк [18]); художник хотел во что бы то ни стало сохранить в мраморе большую бородавку, которая была у Ожье возле глаза, у самого носа.

«А что мне сходство,— возражал Ожье своим резким голосом, удивительно напоминавшим голос его друга Го [19],— я хочу, чтобы он сделал меня красивее!» И Ожье сыпал самыми тонкими своими остротами в адрес художников, желавших подражать природе вместо того, чтобы ее истолковывать.

«Взгляните,— говорил он нам,— на бюст Ротру в фойе Комеди Франсез. Когда его заказали знаменитому Каффиери, почти через сто лет после смерти Ротру, тот не располагал никакими данными о Ротру. Что же он сделал? Он встретил на улице великолепного грузчика, договорился с ним, тот ему позировал; и с этой-то модели был высечен бюст, являющийся шедевром. Признайтесь,— прибавил Ожье в виде заключения,— что если Ротру и не был похож на этот бюст, что вполне вероятно, ну что ж! тем хуже для Ротру!» [20].

Надо полагать, что Ожье так и не убедил своего скульптора и спора не выиграл, так как пресловутая бородавка существует, и она очень заметна на бюсте, воздвигнутом ему перед Одеоном [21].

Я говорил о том, что в беседе Тургенев был бесконечно пленителен, хотя и не обладал остроумием Ожье. При крупной атлетической фигуре у него был мягкий голос с легким пришепетыванием. «Тургенев — кроткий великан,— говорил о нем Гонкур,— любезный варвар с седой шевелюрой, ниспадающей на глаза, с глубокой складкой, прорезавшей лоб от одного виска до другого, подобно борозде от плуга; он, с его детской болтовней, с самого начала чарует и, как выражаются русские, *обольщает* нас соединением наивности и лукавства — в этом все обаяние славянской расы, у Тургенева особенно неотразимое благодаря оригинальности его ума и обширности его космополитических познаний» [22].

Когда Тургенев что-нибудь рассказывал, он начинал запинаясь, затем речь его мало-помалу крепла, становилась свободной, прояснялась, как после рассеявшегося тумана, и это было просто прелестно. Я горячо сожалею о том, что не сохранил следа всех наших бесед [23]. Как-то вечером он рассказал нам в кругу семьи Виардо, что однажды в России он был на охоте, и ему случилось найти приют в заброшенном сарае. Расположившись с самоваром на берегу реки, он подкрепился молоком, хлебом, картофелем, испеченным в золе, а затем забрался по лестнице на огромный стог сена; он рассказал нам об испытанном им тогда упоении: лежа на спине под усеянным звездами небом, он почувствовал, как его охватывает сладкая и таинственная теплота. О, как бы мне хотелось передать ту поэтичность, с какой Тургенев передавал нам такую простую историю! Это было восхитительно [24]. Другой его рассказ был записан мною тогда же. Вот он в нескольких словах — вы увидите, как очарователен и остроумен его сюжет:

«Однажды у господа бога явилась мысль устроить большой пир на небесах. Все Добродетели были приглашены — явились и большие, и маленькие. Можно представить себе, как очарователен был этот вечер, раз сами ангелы исполняли чудеснейшую музыку. Господь бог был в восторге, видя, как веселятся его гости. Вдруг он заметил в углу две большие Добродетели, которые смотрели друг на друга, как лица совершенно незнакомые. Господь бог сразу понял. Он подошел к этим Добродетелям и, взяв каждую за руку, представил их друг другу: «Благодарность»,— назвал он одну; «Благодетельность»,— прибавил он о другой. Обе эти большие Добродетели раскланялись, удивленно глядя друг на друга. Впервые с тех пор как мир существует — а существует он давно — встретились Благодетельность и Благодарность; и то для этого потребовалось, чтобы у господа бога явилась мысль созвать их в небесах на большой пир» [25]. Не очаровательна ли в самом деле эта притча?

У Тургенева никогда не было своей семьи. Сожалел ли он об этом? Не думаю. Я слышал, что у него была внебрачная дочь от крепостной, с ко-

ПОЛИНА ВИАРДО В РОЛИ ОРФЕЯ

Опера Глюка «Орфей и Эвридика» в «Théâtre Lyrique» (Париж)

Фотография, конец 1850-х—начало 1860-х годов

Литературный музей, Москва

торой он сблизился в России, но я ее никогда не видел, и ее мало кто знал [26]. В сущности, он обрел домашний очаг в семье Виардо, где все — муж, жена, дети — обожали его. Писатель и любитель живописи, Тургенев нашел в своем старом друге Виардо собрата по литературе и тонкого художественного критика; большой любитель музыки, он и мечтать не мог о более интересной среде, поскольку все члены семьи были артистами, и артистами выдающимися.

«В семье Виардо,— писал он,— во мне видят не писателя, а человека... Тут я живу покойно и уютно» [27].

По-видимому, нет сомнений, что он был там счастлив, насколько это возможно. Он жил в комфорте и был окружен всеобщим вниманием. Одно из чудеснейших моих воспоминаний относится к дню, проведенному с ним в «Ясенях». Мы заговорились в гостиной его дома. Мало-помалу спустилась ночь. Тургенев попросил г-жу Виардо сесть за рояль, и она охотно согласилась. Мы сидели в сумерках, а окна, выходившие в огромный парк, залитый ярким лунным светом, были открыты. Не зная устали, великая артистка играла нам ноктюрны, этюды Шопена, а затем дивную «Лунную сонату» Бетховена,— все это исполнялось с прелестной поэтичностью. Мы были поистине очарованы. Незабываемые часы. Можно полагать, что в подобной среде Тургенев не жалел о том, что живет во Франции, хотя изредка и выражал сожаление, что находится вдали от России (так же как Гейне сожалел, что живет вдали от Германии). Во Франции он привлекал

широкую публику своей внешностью богатыря и русским происхождением, а людей просвещенных — своими произведениями и знанием нашего языка, которым он владел безукоризненно; наконец, после 1870 года ему были благодарны за то, что он стал на нашу сторону, тогда как его соотечественники, особенно русское правительство, приветствовали немецкие победы.

Таков был Тургенев: человек тончайшей души, чувствительнейшего сердца, в глубине души меланхолик и вечный мечтатель, а в общем — один из самых пленительных людей, с какими я только встречался.

А теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о Тургеневе-писателе.

Да, я возьму на себя эту смелость, я, недостойный, вынесу свое суждение о Тургеневе как о литераторе. По крайней мере, хочу попытаться.

Я уже сказал, что Тургенев побудил меня изучить русский язык, и это позволило мне прочесть в подлиннике часть его произведений: «Вешние воды», «Дым», «Отцы и дети»; некоторые я читал в переводах: «Первую любовь», «Дворянское гнездо», «Записки охотника», «Новь».

Думаю, что знаю приблизительно все, что он написал; поэтому, мне кажется, не будет дерзостью с моей стороны рискнуть высказать о моем великом друге суждение, которое при недостатке компетентности будет, по крайней мере, обладать преимуществом искренности. Что прежде всего поражает в таком великом писателе, как Тургенев,— это простота, подкупающая простота; ни следа аффектации; и это качество присуще всем его сочинениям. С другой стороны, если ему недостает мощи Толстого или глубины Достоевского, он зато обладает совершенно замечательной способностью наблюдения и психологического анализа; конечно, образы его влюбленных девушек и юношей, помещиков и мужиков, интеллигентов и революционеров очень схожи между собой, и, все же, поскольку они созданы большим художником, они никогда не надоедают читателю.

Чтобы судить о Тургеневе, нужно помнить, что большинство его романов имело в своей основе социальную или нравственную идею: через них он хотел проникнуть в душу русских людей. Нет сомнения, что, живя за границей, он мог, казалось бы, писать намного свободней, но для того, чтобы его произведения были допущены и читались в России, ему приходилось прибегать ко всяким предосторожностям. Пример его собратьев принуждал к осмотрительности и не мог служить поощрением—приходится в этом сознаться: Радищев, первый писатель, бичевавший ужасы крепостного права, был сослан в Сибирь; Пушкин — убит; Герцен, Салтыков, Кропоткин — высланы; Достоевский — приговорен к каторге!

Тургенев смолоду тоже узнал тюрьму; он подвергся высылке в свое поместье и был отдан под надзор полиции. Если он не подвергся дальнейшим преследованиям, то только потому, что предпочел жить за границей. В сущности, он никогда не мог примириться с тем, что вынужден оставаться вдали от отечества: это сожаление он мне много раз высказывал, хотя, как мы видели, в семье Виардо он обрел очаг столь же уютный, сколько интересный. Он ежегодно уезжал на несколько недель в свое поместье Спасское в Орловской губернии (он часто звал меня с собой, но, несмотря на мое горячее желание, я не мог осуществить это намерение).

Тургенев-писатель расценивается многими соотечественниками как наиболее тонкий стилист, как первый классик русской прозы, «вместе с Пушкиным, лучше всех знавший возможности и богатства русского языка». Он строит и ведет свое повествование с безукоризненным чувством меры; несколькими штрихами он рисует характер, создает образ. Я убежден, что он оказал большое влияние на Мопассана [28]. Некоторыми чертами — строгостью, простотой — он напоминает нашего Мериме, но без его суховатости, ибо Тургенев обладает даром чувства и в своем творчестве владеет одновременно и рисунком, и колоритом [29].

Есть одна черта, которую он настойчиво подчеркивает в своих романах: это недостаток энергии, безволие. «Ничего» — это одно из тех слов, к которым русский человек чаще всего прибегает. Известно, что Тургенев создал в лице Базарова тип нигилиста («Отцы и дети»). Я достаточно общался с Тургеневым, чтобы иметь право утверждать, что как в политике, так и в религии он был глубоким пессимистом или, лучше сказать, законченным фаталистом. Он это испытал еще в юности. «В Спасском,— писал он,— совсем ребенком, я был свидетелем схватки ужа и жабы, что заставило меня впервые усомниться в благости провидения» [30].

Но если все, что писал Тургенев, носит на себе след разочарованного фатализма, то к нему всюду примешивается нежность и сочувствие, придающие его романам большое очарование. Добавим, что он чувствует и описывает природу как настоящий влюбленный. Читая некоторые из его описаний, невольно вспоминаешь Фромантена, чьим обаянием и поэтичностью он обладает [31]. «Я романтик реализма»,— говаривал Тургенев [32].

В заключение можно, мне кажется, охарактеризовать деятельность Тургенева, сказав, что он нанес крепостному праву решительный удар; кроме того, он во многих отношениях пробудил сознание соотечественников, которых он считал чересчур равнодушными. «Искусство ради искусства» было для него формулой, лишенной смысла. Он писал не только ради творчества, но и для того, чтобы заинтересовать, взволновать, главным же образом, чтобы исправлять; это было его постоянной заботой. Но если он требовал реформ, то хотел, чтобы они проводились разумно. В «Дворян-

АУКЦИОН КАРТИН В МАГАЗИНЕ «AU BON MARCHE» В ПАРИЖЕ

Гравюра

«L'Illustration» 6 марта 1875

ском гнезде» блестящий и поверхностный чиновник Паншин жонглирует проблемами, как фокусник своими кольцами. Рецепт его прост: «Подражать Европе, заимствовать ее законы; если же они не подходят народу, он все равно подчинится — это вопрос времени, указов и ежовых рукавиц». На что его соперник Лаврецкий, указывая на опасность новшеств, отвечает: «Мы не должны порывать с национальными традициями; склонимся перед ними, будем уважать их» [33]. Без этого акта смирения невозможны смелые действия, направленные даже против лжи. В «Дыме» Литвинов излагает те же мысли, очевидно, принадлежавшие Тургеневу. Было это после Крымской войны, когда общественное мнение настойчиво требовало реформ. Озабоченность этим вопросом встречается в большинстве его романов, и именно потому некоторые из них являются ценным свидетельством эпохи.

Как воспринимали Тургенева во Франции и в России? У нас, в сущности, он никогда не был по-настоящему популярен, да это и понятно: его обаяние частично заключается в его стиле, а оценить это можно лишь читая по-русски [34].

Все же в литературных кругах о нем были очень высокого мнения. «Что за человечище, этот скиф!» — писал Флобер Жорж Санд [35]. Гизо, Мериме, Санд, Тэн восхищались им. Тэн писал о Тургеневе Брандесу: «Можно всех немцев в ступе истолочь, и все равно не добудешь капли его дарования» [36].

Короче говоря, во Франции Тургенев был более известен, чем читаем, по крайней мере в широкой публике.

В России его сочинения вызывали сильный отголосок благодаря не только таланту писателя, но и избираемым им темам. Было бы очень сложно — хотя и очень интересно — изучить причины его влияния. Кажется, некоторые русские находили, что хотя Тургенев и наносил крепкие удары, но порой невпопад. Я как иностранец могу только воздержаться от суждения в этом вопросе. Русская душа так сложна! Читая Тургенева, я часто задавался вопросом, каким образом в России такая нищета и такие противоречия могли сочетаться с подобным величием.

В действительности, у Тургенева среди соотечественников было много почитателей, но также и много врагов. Он чувствовал себя в некоторых отношениях непонятым и страдал от этого. Его роман «Отцы и дети» поссорил его и с отцами, и с детьми; его упрекали в том, что он оказал услугу ретроградам. Революционер Герцен был почти единственным, кто защищал его, разъясняя характер нигилиста Базарова [37]. Русская молодежь упрекала Тургенева в том, что он изображал ее одновременно и дикой, и развращенной. Как бы то ни было, никогда не бывало, чтобы, съездив в Россию, он не вернулся оттуда опечаленным. Даже родной дом больше не привлекал его. Однажды, по его возвращении, я заметил ему, что все мужики, должно быть, рады его видеть каждый раз, когда он приезжает в Спасское. «Надеюсь,— грустно ответил он мне.— Во всяком случае, они этим пользуются, чтобы выуживать из меня деньги до последнего гроша. В предотъездные дни дом мой бывает наводнен калеками, нищими, лентяями со всей округи. Настоящий „двор чудес“» [38]. Но однажды—это было в 1881 году — Тургенев возвратился очень утешенным: он ездил на открытие памятника Пушкину и стал там предметом бесконечных оваций, особенно со стороны молодежи, с которой долгое время был в ссоре [39]. Однако почти тотчас же он испытал неприятности, когда открыл в России подписку на памятник, который собирались воздвигнуть Флоберу в Руане. Его упрекали за то, что он не подумал о Гоголе, памятника которому тогда еще не было. Его поносили в газетах, и это очень его огорчало [40].

Хотя Тургенев выглядел колоссом, здоровье его было слабо. Он был подвержен частым приступам подагры, причинявшим ему тяжкие страдания. Кроме того, с 1880 года у него появились острые боли в спине. «Док-

тора,— говорил он мне,— ничего не понимают в этом». Установили диагноз: грудная жаба. Он все же продолжал работать, когда болезнь давала ему передышку. Именно в эту мучительную пору Тургенев писал со своего смертного одра Толстому,заклиная его не отказываться от литературы[41]. Муки его (вызванные раком спинного мозга) стали так невыносимы, что он хотел повеситься или выброситься из окна. Последние месяцы его жизни были сплошной пыткой. 3 сентября 1883 года он, наконец, скончался: ему было 65 лет. Смерть была для него настоящим избавлением. Прах Тургенева был перевезен на Восточный вокзал, где Абу и Ренан от имени Франции и ее писателей произнесли прощальные речи. В Петербурге его похороны были торжественными.

Соотечественники воздвигли ему памятник; я уверен, что если бы его самого спросили, он присоединился бы к мысли Абу, который предлагал установить Тургеневу простую стеллу, увенчанную разорванной цепью, в память участия, которое он принял в деле освобождения крестьян своими сочинениями. «Все, что я хотел бы пожелать для своей могилы,— говорил он,— это чтобы на ней были выгравированы слова о том, что моя книга („Записки охотника“) послужила делу освобождения крестьян» [42].

Рассказывают, что, освобождая крепостных, Александр II просил передать Тургеневу: «„Записки охотника“ сыграли большую роль в моем решении». Эти слова должны были глубоко тронуть его.

Так, вероятно, оценят и потомки его творчество, его значение и его влияние.

Дорогой Тургенев! Среди тех, кого я встречал на своем пути, никто не оставил по себе воспоминания столь обаятельного и столь глубокого. Вы были одновременно и великим и добрым; ум и сердце были в вас равны. И так как подобное сочетание встречается бесконечно редко, я с волнением, благодарностью и глубоким уважением отдаю дань вашей памяти.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Франко-прусская война 1870—1871 гг. застала Тургенева в Баден-Бадене, где он и семья Виардо жили с 1863 г. Переселение из Парижа в Баден-Баден было вызвано их отрицательным отношением к реакционному режиму Наполеона III. Известия о начале войны и о первых крупных успехах немецкой армии Тургенев встретил с нескрываемым сочувствием: «...радуюсь поражению Франции — ибо вместе с нею поражается насмерть наполеоновская империя, существование которой несовместно с развитием свободы в Европе»,— писал он 12/24 августа 1870 г. И. П. Борисову. Когда же с окончанием войны пала наполеоновская империя и восторжествовала бисмарковская Германия, у Тургенева пробудились его давние симпатии к Франции и французскому народу. 15/27 февраля 1871 г., узнав в Петербурге о предъявленных немцами условиях мира, Тургенев писал П. Виардо: «Бедная Франция! Какой ужасный удар и как оправиться от него? 〈...〉 Здесь все полны сочувствия к Франции, но от этого становится еще горше...» *

[2] Мари Фелисите Малибран (рожд. Гарсиа; 1808—1836), старшая сестра Полины Виардо, одна из величайших певиц XIX в. Она обладала голосом необычайно широкого диапазона — от низкого контральто до высокого сопрано. Ее громадный драматический талант позволял ей с одинаковым успехом выступать как в романтическом и героическом оперном репертуаре, так и в опере-буфф.

[3] Мишель Фернанда Полина *Виардо* (рожд. Гарсиа; 1821—1910) дебютировала в Париже в конце 1838 г. 1 января 1839 г. Альфред Мюссе писал о ее первом концерте в театре «Ренессанс»: «Она поет, как дышит; хотя всем известно, что ей только семнадцать лет, ее талант столь естествен, что удивляться ему даже и не помышляют. Ее полное выразительности лицо меняется с удивительной быстротой, с чрезвычайной легкостью, не только в соответствии со сценой, но и в соответствии с фразой, которую она исполняет. Одним словом, она обладает главным секретом творчества: прежде чем выразить чувство, она его ощущает. Она прислушивается не к своему голосу,

---

* Здесь и далее в примечаниях все французские цитаты даются в нашем переводе.— *Н. Л.*

а к сердцу...» (Alfred de M u s s e t. Concert de Mademoiselle Garcia.— Mélanges de littérature et de critique. Nouvelle édition. Paris, 1867, p. 251).

[4] Полина Гарсиа в 1840 г. вышла замуж за Луи Виардо (1800—1883), в то время директора «Итальянской оперы» в Париже. Впоследствии Виардо стал известен как искусствовед и художественный критик, а также переводчик на французский язык Сервантеса. Он принимал участие в переводах на французский язык произведений Пушкина, Гоголя, Тургенева.

[5] Полина Виардо в 1849 г. исполнила партию Фидес в опере Мейербера «Пророк» (эту партию — одну из наиболее значительных в опере — композитор написал для Виардо). Прослушав Виардо в «Пророке», Берлиоз назвал ее «одной из величайших артисток в истории музыкального искусства» (H. B e r l i o z. Théâtre de l'Opéra.— «Journal des débuts politiques et littéraires», Paris, 20 avril 1849). Парижской постановке «Пророка» и исполнительнице партии Фидес Тургенев посвятил статью, опубликованную в «Отечественных записках», 1850, № 2 (см. Тург АН. Сочинения, т. V, стр. 347—352). В 1851 г. большим событием в музыкальной жизни Парижа явилось исполнение Полиной Виардо партии Сафо в одноименной опере Гуно (эта партия была написана композитором также для знаменитой артистки).

С 1859 г. Виардо выступала на сцене «Théâtre Lyrique» в центральной партии оперы Глюка «Орфей» («Орфей и Эвридика», 1774). Певица достигла в ней успеха, может быть самого большого в ее артистической жизни. Год спустя Виардо воссоздала еще один глюковский образ — Альцесту, в одноименной опере, впервые представленной в Париже в 1776 г.

[6] По свидетельствам современников, это были: ставший для Полины Виардо родным французский язык, затем испанский, на котором она часто говорила с детьми, а также английский, немецкий и итальянский. Шестым Фори, несомненно, считал русский язык.

Виардо первая из иностранных гастролеров пела в Петербурге и Москве алябьевского «Соловья» по-русски, а затем, начав с Глинки, она исполняла в концертах по-русски романсы Даргомыжского, Верстовского и др.— в России; в 1870—1880-х годах — Чайковского, Кюи, Бородина — в Париже. Ее исполнением арии Гориславы «Любви роскошная звезда...» восхищался А. Г. Рубинштейн, слушавший ее в Баден-Бадене: «Никогда, ни прежде, ни после не слыхал я ничего подобного! Она неподражаемо *говорила*, и каждое слово сохраняло, помимо музыки, значение и силу» («Письма Полины Виардо к русским друзьям и знакомым».— «Советская музыка», 1960, № 8, стр. 98).

Г. А. Лопатин, довольно часто посещавший Тургенева в Париже и Буживале, рассказывал, что «не раз заставал у него madame Виардо, с которой Тургенев читал по утрам по-русски» (Тург. в восп. рев., стр. 119).

О том же свидетельствует Е. Ардов (Апрелева): Тургенев «много ходил днем по парку, всего чаще один, изредка с г-жой Виардо, с которой он совещался о своей работе и которой читал каждую главу своего романа. Она прекрасно понимала по-русски, отлично выговаривала, когда ей приходилось петь русские музыкальные произведения, но говорить стеснялась» («Русские ведомости», 1904, № 15, 15 января).

[7] Из рисунков П. Виардо в печати известно немногое; назовем здесь один карандашный портрет Тургенева конца 1850-х годов, два рисунка пером, изображающие дом в Куртавнеле (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 438 и 439). В собрании ее внучки, г-жи Анри Больё (Париж), хранится альбом с многочисленными рисунками, карикатурами и набросками П. Виардо (см. об этом в статье М. П. Алексеева «По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции».— «Русская литература», 1963, № 2, стр. 67—68). В воспоминаниях С. И. Ромм («Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 132) упоминается портрет Тургенева, написанный П. Виардо после его смерти, но местонахождение этого портрета неизвестно.

Из музыкальных произведений П. Виардо до нас дошли оперетты, написанные на либретто Тургенева (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 69—224), а также многочисленные романсы на стихи французских, немецких и, главным образом, русских поэтов. Альбомы ее романсов издавались (при ближайшем участии и по инициативе Тургенева) в Петербурге в 1864, 1865, 1868 и 1874 гг.

[8] Здесь Фори неточен. Из заграничной поездки Тургенев возвратился в июне 1850 г. В 1852 г. за опубликование в «Московских ведомостях» статьи о смерти Гоголя, запрещенной перед тем Петербургским цензурным комитетом, Тургенев 16 апреля был подвергнут месячному заключению «на съезжей 2-й Адмиралтейской части» в Петербурге, а 18 мая — выслан в свое имение Спасское-Лутовиново; 23 ноября 1853 г. он был освобожден от ссылки и получил позволение «въезжать в столицы».

[9] Имеются в виду следующие исторические труды Адольфа Тьера: «История французской революции с 1789 г. до 18 брюмера» («Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'au 18 brumaire», 10 vol. Paris, 1823—1827) и «История консульства и империи во Франции» («Histoire du Consulat et de l'Empire», 21 vol. Paris, 1845—1869).

[10] Луи *Леже* (1843—1923) — крупный славист, доктор литературы, академик, преподавал русский язык в Школе живых восточных языков Коллэж де Франс. Делегат Франции на торжествах открытия памятников Пушкина (1880) и Гоголя (1909).

В своей книге «La littérature russe. Notices et extraits des principaux auteurs depuis les origines jusqu'à nos jours» (Paris, s. a.) Леже поместил краткий биографический очерк Тургенева и отрывки из «Записок охотника» в переводе на французский язык. См. его воспоминания о Тургеневе: L. L e g e r. Souvenirs d'un slavophile (1863—1897). Paris, 1905 (гл. V). В сокращенном переводе напечатаны в журн. «Москва», 1965, № 8, стр. 205—208. Леже был также и переводчиком произведений Тургенева: им была переведена статья «Гамлет и Дон-Кихот» («Bibliothèque Universelle». Lausanne, 1879).

[11] Об отношениях Тургенева и Гюго см. статью М. П. Алексеева «Виктор Гюго и его русские знакомства» («Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 867—869).

[12] В октябре 1878 г. Тургенев гостил в Англии в Сикс-Майл-Боттом, близ Нью-Маркета, у писательницы Джордж Элиот (псевдоним Мэри Энн Эванс; 1819—1880). Оскар Браунинг, в будущем биограф Элиот, рассказывал, что когда Гюго указали на то, что драму Шиллера «Валленштейн» он приписал Гете, Гюго воскликнул: «Я никогда не читал строчки этих господ, но знаю их произведения так же хорошо, как будто я их написал сам» («Лит. наследство», т. 31-32, стр. 878).

[13] Дружба между Тургеневым и Флобером завязалась с первых же дней их знакомства в 1863 г. и длилась почти двадцать лет. Она отражена в их огромной переписке (см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, стр. 397 и 410). «Флобер был человеком, которого я любил больше всего на свете,— писал Тургенев Золя из Спасского 23 мая 1880 г.— От нас ушел не только великий талант, но и избранное существо — центр, объединявший всех нас».

[14] А. Доде в своих воспоминаниях утверждает, что живопись «заполонила» всю жизнь французских литераторов. Помимо имен, перечисленных Фори, Доде называет и других ненавистников музыки, как Гюго, Готье, Золя, Эдмон де Гонкур и др. («Иностранная критика о Тургеневе». СПб., 1884, стр. 199—200).

[15] Инициаторами «литературных» обедов в парижском ресторане Маньи в 1862 г. были художник Гаварни и Сент-Бёв; затем к ним примкнули Флобер, Жорж Санд, Золя и др. 28 февраля 1863 г. братья Гонкур отметили в своем дневнике появление на обеде Тургенева, явившегося по приглашению Шарля Эдмона (Хоецкого). Встреченный горячей овацией, Тургенев заговорил о русской литературе, утверждая, что она стоит на широком пути реалистического изучения действительности. Позднее эти литературные собрания назывались «обедами освистанных авторов» и, наконец, «обедами пяти» (Флобер, Тургенев, Золя, Доде, Эдмон Гонкур). После смерти Флобера (1880 г.) эти собрания прекратили свое существование.

[16] Воспоминания Доде появились вначале в нью-йоркском журнале «Century Magazine», в 1880 г. Последняя, с большой любовью написанная, глава носила название «Тургенев». Выпуская в 1888 г. свои воспоминания в Париже отдельной книгой, Доде написал новый эпилог к этой главе: «В то время как я держу корректуру этой статьи, напечатанной несколько лет назад, мне приносят книгу „воспоминаний", в которой Тургенев беспощадно разносит меня со дна своей гробницы. Как писатель — я ниже всякой критики; как человек — последний из людей. И что моим приятелям хорошо об этом известно, и что они язвительно разглагольствуют о том! 〈...〉 Я вижу его в моем доме, за моим столом, мягкого, сердечного, ласкающего моих детей! Он писал мне отменные, радушные письма. И вот что скрывалось под той доброй улыбкой» (A. D a u d e t. Trente ans de Paris à travers ma vie et mes livres. Paris, 1888, p. 343). Поводом к этому заявлению Доде послужили воспоминания И. Павловского («Souvenirs sur Tourguéneff par Isaac Pavlovsky». Paris, 1887), отличавшиеся во многих случаях недобросовестным изложением фактов. «„Доде! Какое ничтожество!" —заметил он 〈Тургенев〉, как-то, в присутствии моего друга Поливанова; и поскольку этот последний вскрикнул от удивления, продолжал: „Он всего лишь подражатель Диккенса... А как человек!.. Что за тип, что за тип! Хитрый южанин, притворщик, себе на уме, умеющий устраивать свои делишки. Его друзья знают ему цену и рассказывали мне о нем побасенки"» (стр. 73).

[17] Об Эмиле *Ожье* см. выше, прим. 24 к воспоминаниям Липгарта.

Поль *Дерулед* (1846—1914) — поэт, реакционный политический деятель.

[18] Александр Пьер *Шёневерк* (1820—1885) — немецкий скульптор, работавший во Франции.

[19] Эдмон Франсуа Жюль *Го* (Got; 1822—1901), актер «Комеди Франсез» с 1845 по 1895 г. Автор книги воспоминаний («Journal de Edmond Got». Paris, 1910).

[20] Жан *Ротру* (1609—1650) — поэт и драматург. Его бюст работы Джиакомо Каффиери (1725—1792) находится в фойе «Комеди Франсез».

[21] Одеон — один из старейших театров Парижа; в настоящее время называется Одеон — Театр Франции.

[22] Эдмон и Жюль де Г о н к у р. Дневник. М., 1964, т. II, стр. 151. Запись 2 марта 1872 г.

[23] Замечательный портрет Тургенева-рассказчика создал Мопассан в своем очерке «Фантастическое»: «... как бы ни было велико мастерство Тургенева, он производил еще большее впечатление, когда, слегка запинаясь, принимался что-нибудь рассказывать своим задушевным голосом. Он сидел глубоко в кресле, слегка приподняв плечи, положив безжизненно застывшие руки на подлокотники и согнув под прямым углом

колени ⟨...⟩ Он пристально смотрел на вас и говорил медленно, подчас подыскивая слова, но всегда находил нужное или, вернее, единственно правильное слово. Все, о чем бы он ни повествовал, поражало своей образностью, хватало за сердце, как хищная птица, вонзающая когти в свою добычу. В его рассказах чувствовалась беспредельная широта, то, что живописцы называют „воздухом", и огромная глубина мысли, в соединении с кропотливой точностью описания» (Ги де М о п а с с а н. Сочинения, т. II. М., 1958, Иван Тургенев, стр. 182).

[24] Подобную историю Тургенев рассказал 27 ноября 1876 г. Эдмону де Гонкуру: «На юге России попадаются стога величиной с такой вот дом. На них поднимаешься по лесенке. Мне случалось ночевать на таком стогу. Вы не можете себе представить, какое у нас там небо, синее-синее, густо-синее, все в крупных серебряных звездах. К полуночи поднимается волна тепла, мягкая и торжественная (я передаю подлинные выражения Тургенева) — это упоительно! И вот однажды, лежа так на верхушке стога, глядя в небо и наслаждаясь красотой ночи, я вдруг заметил, что безотчетно повторяю и повторяю вслух: „Одна — две! Одна — две!"» (Эдмон и Жюль де Г о н к у р. Дневник. М., 1964, т. II, стр. 237).

[25] В этой записи Фори отражен, по-видимому, ранний замысел того стихотворения в прозе, которое Тургенев написал в декабре 1878 г.— «Пир у верховного существа».

[26] Дочь Тургенева Полина, в замужестве *Брюэр* (1842—1919). Ее мать Авдотья (Евдокия) Ермолаевна Иванова не была крепостной — она работала по вольному найму белошвейкой у В. П. Тургеневой в Спасском-Лутовинове.

[27] Источник цитаты не установлен.

[28] Источник цитаты не установлен.

О взаимоотношениях Тургенева и Мопассана — см. «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 412—414.

[29] О Тургеневе и Мериме см. выше, прим. 4 к воспоминаниям Кларти.

[30] Источник цитаты не установлен.

[31] Эжен *Фромантен* (1820—1876) — живописец-ориенталист, автор пейзажей Сахары и писатель.

[32] Как известно, «романтиком реализма» назван в «Нови» Нежданов (гл. XXXVIII). Содержание этой формулы раскрыто Тургеневым в записи 1870 г. о замысле нового романа (см.: М а з о н, стр. 107).

[33] Фори излагает (не вполне точно) спор Паншина и Лаврецкого («Дворянское гнездо», гл. XXXIII).

[34] Доде также вспоминает, с какой грустью Тургенев говорил ему однажды «о слабом сбыте его книг в Париже», о «неизвестности его имени во Франции» («Иностранная критика о Тургеневе». СПб., 1884, стр. 198). Но этим словам Тургенева противостоят действительные факты, свидетельствующие о широкой известности его в разных странах Европы. В обширной статье М. П. Алексеева «Мировое значение „Записок охотника" И. С. Тургенева» автор приводит слова Георга Брандеса: «Ни одного из современных русских писателей не читали так много в Европе, как Тургенева» («Записки охотника» И. С. Тургенева. 1852—1952. Орел, 1955, стр. 43—48, 55—85, 113).

[35] В письме к Жорж Санд (между 25 и 31 мая 1878 г.), высказывая свое мнение о повести Тургенева «Несчастная», Флобер писал: «Я нахожу эту вещь просто возвышенной. „Скиф" — настоящий колосс» (Г. Ф л о б е р, Сочинения, т. 5. М., 1956, стр. 401).

[36] Эта мысль высказана И. Тэном в письме к Георгу Брандесу от 25 июля 1873 г. (H. T a i n e. Sa vie et correspondance, t. III. Paris, 1905, p. 249—250).

[37] Фори имеет в виду, очевидно, статью Герцена «Еще раз Базаров», напечатанную впервые в «Полярной звезде», на 1869 г., кн. VIII (Г е р ц е н АН, т. XX, кн. 1, стр. 335—350).

[38] Cour des miracles — буквально: «Двор чудес». Так Виктор Гюго назвал скопище уродов, калек и нищих в романе «Собор Парижской богоматери».

[39] Памятник Пушкину в Москве был открыт не в 1881, а в 1880 г. Тургенев несколько раз выступал во время пушкинских торжеств и 6 июня произнес речь о Пушкине. На следующем заседании ему был поднесен лавровый венок. «Примирение» молодой России с Тургеневым совершилось, собственно, уже в 1879 г.

[40] В комитет по сооружению памятника Флоберу входили крупнейшие французские писатели. Тургенев был избран вице-президентом (президентом являлся Эдмон Гонкур, секретарем Мопассан). После появления в «Русских ведомостях», 27 ноября 1880 г., письма Тургенева к П. Д. Боборыкину с просьбой начать среди русских почитателей Флобера сбор средств на памятник, в русской печати появился целый ряд статей, в которых Тургенев обвинялся в антипатриотизме. Памятник Флоберу работы Шапю был открыт в Руане в 1890 г.

[41] Письмо Тургенева Толстому было написано в конце июня 1883 г.

[42] Еще в 1872 г. Гонкур записал в дневнике слова Тургенева о «Записках охотника»: «Будь я человеком тщеславным, я попросил бы, чтобы на моей могиле написали лишь одно: что моя книга содействовала освобождению крепостных. Да, я не стал бы просить ни о чем другом» (Эдмон и Жюль де Г о н к у р. Дневник, т. II, стр. 151—152. Запись 2 марта 1872 г.).

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

НОВЕЙШАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ТУРГЕНЕВЕ

(1945—1964)

Обзор Ю. Д. Левина

I

Впервые английские читатели услышали о Тургеневе более ста лет назад, в 1854 г., когда в лондонском «Fraser's Magazine» появилась статья «Фотографии русской жизни», в которой были помещены отрывки из очерков «Записок охотника»: «Хорь и Калиныч», «Два помещика», «Бурмистр» и «Певцы» [1]. В это время в Англии оживился интерес к России в связи с Крымской войной. Стремясь опорочить своих противников, английская печать пыталась использовать для этого русскую литературу, в частности произведения Гоголя. С этой же целью было обращено внимание и на Тургенева. Но кроме критики крепостного права, в «Записках охотника» не было ничего такого, что могло быть использовано антирусской пропагандой. Поэтому после напечатания в 1855 г. в диккенсовском журнале «Household Words» сокращенных и тенденциозно озаглавленных переводов четырех рассказов Тургенева — «Бурмистр», «Петр Петрович Каратаев», «Льгов» и «Певцы»[2] и издания в Эдинбурге очень скверного перевода «Записок охотника» (под заглавием «Русская жизнь во внутренних областях страны, или Впечатления охотника») [3], Тургенев был забыт. К тому же с заключением мира интерес в Англии к русской тематике значительно ослабел.

В 60-е годы в английской печати появляются лишь краткие библиографические заметки о романах Тургенева, выходивших во французских переводах, и только в конце 60 — начале 70-х годов в Англии возникает заметный интерес к его творчеству, главным образом благодаря деятельности английского писателя, друга и переводчика Тургенева Вильяма Рольстона и профессора Петербургского университета, пропагандиста русской литературы в Англии Чарлза Тернера. Рольстон перевел «Дворянское гнездо», озаглавив перевод «Лиза» (1869) [4], Тернер перевел «Накануне» (1871) [5]. Оба романа были приняты английской публикой восторженно. Рольстон и Тернер печатают статьи о творчестве Тургенева. В опубликованной анонимно в 1869 г. статье Тернера «Сочинения Ивана Сергеевича Тургенева» [6] ощутимо влияние критики Добролюбова и Писарева.

После этого кратковременного увлечения Тургеневым наступил спад интереса к нему, затем новый подъем: Англия с характерной для викторианской эпохи островной замкнутостью с трудом усваивала новое для нее иностранное литературное явление. Тем не менее известность в Англии автора «Отцов и детей» неуклонно возрастает.

Нередко это было обусловлено политическими обстоятельствами. Так, русско-турецкая война 1877—1878 гг. вызвала интерес к внутреннему

положению России, к движению народников и способствовала появлению английского перевода «Нови» [7]. В конце 70 — начале 80-х годов в английских журналах печатаются статьи, рассматривающие романы Тургенева как источник информации о политической жизни России [8].

Известности Тургенева в Англии способствовали и личные его контакты с английскими литераторами и общественными деятелями, установленные во время визитов писателя в Англию. В разное время он встречался с Теккереем, Карлейлем, Льюисом, Джордж Элиот, Теннисоном, Робертом Браунингом, Данте Габриэлем Россетти, Суинберном, Джорджем Муром, Троллопом, Безантом, Дизраэли, Маколеем и др. Возможно, что Тургенев был также знаком с Диккенсом, хотя точных сведений об этом нет. В 1879 г. Оксфордский университет присвоил Тургеневу почетную степень доктора гражданского права (Doctor of Civil Law). Он был первым в мире писателем-прозаиком, который удостоился этой чести [9].

Лишь в 80-е годы отчетливо проявляется внимание английской критики к Тургеневу как художнику и делаются попытки определить особенности его писательского мастерства. Воспринимавшееся вначале как разновидность французского натурализма искусство Тургенева со временем осмысляется как чисто русское, и его правдивость противопоставляется натурализму. В откликах английской печати на смерть Тургенева его называют «непревзойденным гением новейшей литературы» [10], «главой европейских романистов после Бальзака» и ставят в один ряд с Филдингом и Теккереем [11]. К этому времени слава Тургенева в Англии утвердилась неколебимо.

Иначе сложилось восприятие творчества Тургенева в Соединенных Штатах Америки. Здесь русского писателя узнали позже. Лишь в конце 60-х годов появился перевод «Отцов и детей», сделанный Юджином Скайлером [12], который лично знал автора, а более или менее широкое знакомство с творчеством Тургенева относилось уже к 70-м годам. Поскольку между Россией и Соединенными Штатами существовали дружественные отношения, укрепившиеся благодаря продаже Аляски, восприятие тургеневского творчества здесь в отличие от Англии не осложнялось чисто политическими моментами. С другой стороны, определенное сходство общественной ситуации в России после отмены крепостного права и в Америке после уничтожения рабства негров привлекало внимание американского общества к русскому писателю, который в свое время поднял голос за освобождение крестьян. Тургенев ассоциировался с аболиционистами. Сопоставление «Записок охотника» и «Хижины дяди Тома» Бичер-Стоу, которая вышла отдельным изданием в том же 1852 г., стало в американской печати общим местом. (Попутно отметим, что в 1856 г. в Париже Тургенев был представлен Бичер-Стоу.)

Но особенно заинтересовал Тургенев американских писателей и критиков, искавших новых путей развития романа. Критик Томас Перри, посвятивший Тургеневу в 70-е годы семь статей и рецензий в журналах «Atlantic Monthly» и «The Nation», пропагандировал его искусство как последовательный реализм, достойный подражания американских писателей, ибо Тургенев, по утверждению Перри, не описывал жизнь, а воссоздавал ее. Популяризации творчества Тургенева в Америке много способствовали и писатели Генри Джеймс, Хьялмар Бойесен (Boyesen) — оба они лично знали его и переписывались с ним,— Вильям Дин Гоуэлс (Howells), учившийся у Тургенева объективности повествования и построению сюжета, и некоторые другие.

На рубеже XIX и XX веков слава и литературное влияние Тургенева достигают наибольшей силы и в Англии и в Америке. В 1894—1899 гг. английская переводчица Констанция Гарнет переводит все повествовательные сочинения Тургенева, которые издаются в виде 15-томного собрания [13].

FIRST LOVE

AND

PUNIN AND BABURIN.

BY

IVÁN S. TURGÉNEV, D.C.L.

TRANSLATED FROM THE RUSSIAN, BY PERMISSION OF THE AUTHOR.

WITH A BIOGRAPHICAL INTRODUCTION.

BY

SIDNEY JERROLD.

LONDON:
W. H. ALLEN & CO., 13 WATERLOO PLACE.
PALL MALL, S.W.

1884.

(All rights reserved.)

«ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» И «ПУНИН И БАБУРИН». (ЛОНДОН, 1884)
Перевод и биографический очерк Сиднея Джеррольда
Фронтиспис и титульный лист
На фронтисписе воспроизведен портрет Тургенева (фотография Надара, 1878) с дарственной надписью (на французском языке): «Г-ну Сиднею Джеррольду дружески на память Ив. Тургенев. Париж 1883 г.»

Переводы Гарнет, неоднократно переиздававшиеся по обе стороны Атлантики, до сих пор остаются лучшим средством ознакомления стран английского языка с Тургеневым, несмотря на появление новых переводов.

Пристальное внимание в этот период к творчеству Тургенева не случайно. В эпоху империализма, когда обнаружился глубокий кризис буржуазной культуры, передовые писатели Запада обращались к гуманистической и демократической русской литературе в поисках опоры для своей борьбы с реакцией и декадентством. Как отмечает М. П. Алексеев, говоря о славе Тургенева в Англии и Америке на рубеже веков, «в нем искали опоры те старые и молодые писатели, которые старались найти выход из противоречий своего времени; он будил их критическую мысль, у Тургенева учились они напряженному интересу к правде жизни, любви к человеку, ненависти к жестокости, лицемерию и корысти» [14].

Гиссинг, Джордж Мур, Голсуорси, Арнольд Беннет, Джозеф Конрад и Вирджиния Вульф в Англии, Генри Джеймс, Гоуэлс, Гарланд, Шервуд Андерсон и Хемингуэй в Америке были буквально захвачены глубоко человечным искусством Тургенева, его художественным мастерством; некоторые из них испытали творческое воздействие русского писателя [15]. Джон Голсуорси не без остроумия заметил, что критики, именующие Тургенева «западником», «упускают из виду, что Запад не оказал на него такого влияния, как он на Запад». По мнению Голсуорси, английский роман «обязан Тургеневу более чем кому-либо тем внешним изяществом и пропорциональностью, которыми он обладает» [16].

Попытку определить творческий импульс, воспринятый Западом от Тургенева, сделал Джон Бойнтон Пристли в своей книге «Литература и западный человек» (1960). Пристли пишет, что сила русского писателя состоит в умении «...не только изображать сложные живые характеры, но также (и в этом состоит его глубоко личный вклад в искусство прозы) мягко и в то же время уверенно управлять целыми группами людей, великолепно передавая их постоянно меняющиеся взаимоотношения. Его ум, скептический и ироничный, но притом всегда сочувственный, как бы скользит среди этих групп, подобно нерезкому лучу света, проясняя характеры и их отношения. Особенно это относится к центральным романам: „Рудину", „Дворянскому гнезду", „Накануне", „Отцам и детям", опубликованным между 1856 и 1862 гг. Они вскоре оказали значительное влияние на литературы Западной Европы, особенно Франции и Англии... К этим центральным романам нужно добавить лучшие из его повестей, более поэтичных, чем романы, и рассказов (вроде „Степного короля Лира") и очаровательные „Записки охотника" и еще пьесу „Месяц в деревне", которая и сама по себе хороша, да еще продвинула вперед развитие новой драмы. И тогда мы увидим, что его наследие обладает и внушительным объемом и искусным выполнением» [17].

Для широких кругов западных читателей открытие русской литературы произошло во многом благодаря Тургеневу. «Тургенев был первым русским писателем, которого читали и которым восхищались в Западной Европе»,— отмечает «Энциклопедия Британника»[18], отражая распространенное в странах английского языка мнение. Ту же мысль совсем недавно повторил американский профессор, специалист по русской литературе Марк Слоним. «Тургенев,— пишет он,— был первым русским писателем, завоевавшим широкую аудиторию за пределами своей страны. Он действительно представил русскую литературу Европе и Америке, которые благодаря ему открыли с восхищением оригинальность русского гения» [19]. Свою известность Тургенев продолжает сохранять и поныне. Ежегодно издаются переводы его произведений [20]. В 1949 г. в Лондоне, в 1956 и 1963 гг. в Нью-Йорке ставился «Месяц в деревне», пользовавшийся огромным успехом у публики [21].

Однако Тургенев давно уже перестал быть здесь единственным известным русским писателем. Более того, с расширением познаний англичан и американцев о русской литературе, с появлением переводов произведений Толстого, Достоевского, а затем и Чехова, слава Тургенева начала понемногу меркнуть.

Широкий охват жизни в произведениях Толстого заставил признать определенную ограниченность Тургенева, а рядом с Достоевским он стал казаться слишком спокойным и даже поверхностным. Появились сторонники каждого из названных писателей, стремившиеся использовать авторитет одного для «сокрушения» других. В этой борьбе Тургенев оказался побежденным. В XX в., особенно в последние десятилетия, из русских классических писателей он занимает в Англии и Америке по популярности в лучшем случае третье место.

Статистика в этом отношении достаточно показательна. По данным Сирила Брайнера, в каталоге Библиотеки Конгресса в Вашингтоне за период 1937—1958 гг. числятся 27 переводных изданий Тургенева, 34 — Толстого и 52 — Достоевского [22]. Подсчитывая издания произведений этих же писателей в английских переводах за послевоенный период 1945—1960 гг. мы получили следующие цифры: Тургенев — 49 названий, Толстой — 60, Достоевский — 83[23]. Еще большее различие обнаруживается в интенсивности изучения названных писателей. За тот же период на английском языке вышло книг, посвященных Тургеневу (включая мемуары),— 5, Толстому в четыре раза больше — 19, Достоевскому — в семь раз больше — 34.

RUSSIAN LIFE

IN THE INTERIOR

OR

THE EXPERIENCES OF A SPORTSMAN.

BY IVAN TOURGHENIEFF

OF MOSCOW.

EDITED BY

JAMES D. MEIKLEJOHN.

EDINBURGH:

ADAM AND CHARLES BLACK, NORTH BRIDGE.

MDCCCLV.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА». ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ЭДИНБУРГ, 1855)
Обложка и титульный лист

Особенным «гонениям» Тургенев подвергался в 20—30-е годы нашего века. Переводы его произведений почти не издавались. Выражались сомнения в достоверности созданной им картины русской жизни. Некоторые критики объясняли его былую популярность на Западе тем, что он будто бы «менее русский», чем Толстой и Достоевский. Иные говорили об узости искусства Тургенева, недостатке психологической глубины. Нападкам подвергалась даже отточенность тургеневского стиля: утверждали, что он слишком гладок, лишен одухотворенности и т. д.

«Когда-то Тургенев был богом,— так говорят, по крайней мере. Но теперь время его прошло; пора его миновала. Его обаяние, его искусство отнесены уже ко второму разряду»,— мрачно резюмировал в 1945 г. английский критик Ноэль Эннен [24].

Но еще в 1933 г. в защиту Тургенева выступила известная английская романистка Вирджиния Вульф, которая в статье «Романы Тургенева» [25] показала неоправданность противопоставления Тургенева, Толстого и Достоевского. Краткость и ясность Тургенева, доказывала Вульф,— следствия его мастерства, а не бедности. Отмечала она и поэтичность русского писателя. Тем не менее, Вульф считала тургеневский реализм ограниченным.

Были в Англии и Америке в эти годы и восторженные поклонники Тургенева. В 1924 г., например, английский критик Френк Гаррис назвал Базарова таким же значительным литературным героем, как Гамлет и

Дон-Кихот [26]. В 40-е годы, во время второй мировой войны, эту мысль развил американский писатель Синклер Льюис в предисловии к изданию перевода «Отцов и детей», где он утверждал, что Базаров «навсегда останется прототипом всех молодых радикалов и новаторов всех веков». Синклер Льюис писал, что в его представлении роман Тургенева «столь же современен, как пьеса О'Неила или роман Хемингуэя. История Базарова и в 1943 г., как и в 1862 г., когда она была опубликована, проливает свет на загадку человеческого существования, всегда чарующую и трудноразрешимую. Базаров называет себя „нигилистом". Назовите его коммунистом, или сюрреалистом, или биофизиком, дайте ему сигареты вместо сигар и автомашину вместо почтовой кареты, в которой он мчится на свидание со своей задумчивой и изящной возлюбленной, Анной Сергеевной, и вы не обнаружите ничего устаревшего или наивного в горении его сердца и бунте его ума. Его имя одно из немногих в литературе, которое продолжает жить, как Дон-Кихот, Микобер, Шерлок Холмс, более бессмертные, чем, за небольшим исключением, все исторические личности» [27].

А Эрнест Хемингуэй, отвечая на вопрос одного начинающего писателя, что́ ему читать, назвал отдельные произведения двух десятков авторов и всего Тургенева [28].

В своей книге «Литература и западный человек» Пристли выразил уверенность, что, хотя «Тургенев вышел из моды, он еще вернется, как все оригинальные художники» [29]. Еще раньше то же мнение высказал и Синклер Льюис в предисловии к «Отцам и детям». А Марк Слоним в цитированной выше статье «Новая встреча с Тургеневым» утверждает, что в период после второй мировой войны наблюдается медленный, но неуклонный рост интереса к автору «Отцов и детей». Время показало,— отмечает Слоним,— несостоятельность критических нападок, которым он подвергался. «Тургенев возвращается в Пантеон мировой литературы не из-за попустительства, но благодаря своим заслугам. Его непреходящие достоинства рассказчика, художника русской жизни и русского характера, несравненного аналитика любви более очевидны нам сегодня, чем довоенному поколению. Он останется любимым писателем в грядущие годы...»,— заканчивает Слоним свою статью [30].

II

Изучение жизни и творчества Тургенева в Англии и Америке началось сравнительно поздно, позже, например, чем во Франции или Германии. Последнее время это изучение стало более интенсивным, что вызвано, пожалуй, не столько усилением интереса к самому Тургеневу, сколько вообще развитием русистики в западных странах после второй мировой войны [31]. Ни в Англии, ни в Америке не появилось еще монографического исследования, рассматривающего жизнь и творчество русского писателя в их единстве, подобно капитальному труду французского ученого Анри Гранжара «Иван Тургенев и политические и социальные течения его времени» (1954) [32], хотя попытка в этом направлении была предпринята еще в 20-е годы нашего века, когда американский славист, выходец из России, Аврам Ярмолинский выпустил монографию «Тургенев. Человек, его творчество и его время» (1926) [33],— первую из своих книг, посвященных популяризации русской литературы.

Книга Ярмолинского явилась важной вехой в изучении Тургенева в странах английского языка. Это обширная монография (около 400 стр.), основанная на тщательном изучении большого количества исторических и историко-литературных материалов, на точном знании фактов жизни Тургенева и его современников. Как писал сам автор, он использовал сотни источников, в том числе и многие не опубликованные в то время материалы,

с которыми ему удалось познакомиться в библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Орла и Парижа.

Подробно и обстоятельно, шаг за шагом излагал Ярмолинский жизненный путь писателя, детально рассматривая его взаимоотношения с родными, друзьями и современниками. Жизнь Тургенева показана на фоне широкой картины его эпохи. Правда, изложение социальных условий современной Тургеневу России может показаться подчас слишком популярным, но это оправдано, если учесть малую осведомленность в этом вопросе читателей, на которых была рассчитана книга Ярмолинского.

Вообще книга написана живо; по характеру изложения ее можно даже сравнить с биографическими романами Андре Моруа. (Небезынтересно заметить, что сам Моруа написал свою книгу о Тургеневе в 1931 г. на основании монографии Ярмолинского, которая имела большое значение для популяризации на Западе биографии Тургенева.) Но образ писателя, созданный на ее страницах, вызывает серьезные возражения и заставляет даже усомниться в ее полезности. Ярмолинский представил Тургенева мало привлекательным, раздражительным, капризным и бесхарактерным ипохондриком, который тяготится жизнью и влачит унылое существование на краю чужого семейного гнезда. Изложение перегружено несущественными мелочами личной жизни писателя, которые, выдвинутые на передний план, искажают его облик. Ярмолинский «болтливо анекдотичен», как не без основания заметил один рецензент [34]. Он старательно выискивает действительные и мнимые слабости Тургенева, о которых говорит в неуместном ироническом и снисходительном тоне, не упуская случая «обличить» писателя в лицемерии, слабохарактерности и прочих грехах.

Несмотря на многообещающее заглавие, книга Ярмолинского по существу является только биографией. О творчестве Тургенева говорится мало и поверхностно. Автор лишь пересказывает содержание произведений, выявляет заключенные в них автобиографические элементы и почти не раскрывает их идейного и художественного значения. Краткость его при этом поразительна. Достаточно сказать, что роману «Накануне», например, уделяется втрое меньше места, чем конфликту Тургенева и Гончарова, возникшему после опубликования этого романа.

Основной же порок книги Ярмолинского состоит в том, что созданный в ней образ Тургенева не связан с творчеством и не может объяснить его. В слабом человеке, угнетаемом поочередно то деспотичной матерью, то Полиной Виардо, запутавшемся в своих конфликтах с современниками, нельзя обнаружить той творческой силы, благодаря которой он стал великим писателем. Поэтому в изложении Ярмолинского и жизненный путь Тургенева в сущности характеризуется лишь внешне,— подлинной внутренней, духовной биографии не получилось.

Мы бы не уделяли столько внимания книге, вышедшей сорок лет назад, если бы она не продолжала и поныне играть важную роль в ознакомлении англо-американских читателей с Тургеневым. Некоторые исследователи до сих пор считают ее «нормативной» («the definitive one» [35]) и «образцовой» («a standard work» [36]). В 1959 г. она была переиздана [37]. При переиздании автор доработал монографию с учетом новых материалов, опубликованных со времени выхода первого издания, добавил хронологическую таблицу и библиографическую справку, но существо книги от этого не изменилось.

Характерно, что именно у Ярмолинского заимствовал сведения для главы о Тургеневе Майрик Лэнд, автор недавно вышедшей книги с сенсационным заглавием: «Изящное искусство литературного членовредительства. Живая повесть об известных писателях и их распрях» [38]. В книге тщательно собраны сплетни о писателях более, чем за два века. В ней смакуются в подробностях раздоры Сэмюэля Джонсона и графа Честерфилда,

Диккенса и Теккерея, Хемингуэя и Шервуда Андерсона и многих других. Глава о Тургеневе названа: «„Я попрошу вас позабыть о моем существовании“ [39],— кричит кроткий Иван Тургенев». Она посвящена главным образом конфликту с Достоевским. Однако для «полноты картины» автор излагает еще ссоры с Толстым и Гончаровым (который назван параноиком). Творчество этих писателей занимает Лэнда лишь в той мере, в какой оно связано с их столкновениями (обвинения Гончарова по поводу «Дворянского гнезда» и «Накануне», сатира на Тургенева в «Бесах» и т. п.). Общественное и художественное значение их произведений его не интересует, да и представление об этом он имеет весьма смутное. О «Записках охотника», например, он смог лишь сказать, что это «милые рассказики» («pleasant little sketches»). И самые ссоры писателей, лишенные идейного осмысления, выглядят как столкновения мелких уязвленных самолюбий. Таково логическое развитие недостатков книги Ярмолинского. Недаром Лэнд не только черпал из нее материал, но и консультировался с автором.

Аналогичные недостатки в известной мере присущи и другой биографии Тургенева на английском языке, вышедшей уже в рассматриваемый период и принадлежащей перу Дэвида Магаршака [40]. Д. Магаршак много лет занимается изучением русской культуры. К работе над Тургеневым он приступил после того, как им были написаны биографии Чехова и Станиславского, исследование о драматургии Чехова, а также переведен ряд произведений русских классиков. Новая биография Тургенева тоже написана подробно и обстоятельно (объем книги — более 320 стр.) с привлечением значительного количества историко-литературных материалов, опубликованных на русском, французском, английском и немецком языках.

Магаршак даже имеет одно существенное преимущество перед Ярмолинским: рассказывая о жизни, интересах, переживаниях Тургенева, о его взаимоотношениях с окружающими людьми, автор создает несомненно приятный и обаятельный образ писателя; характеристика душевного склада Тургенева, данная Магаршаком, не лишена тонкости и наблюдательности.

Книга хорошо и со вкусом иллюстрирована портретами Тургенева (среди них малоизвестный портрет его в возрасте 12 лет), его родителей, друзей и современников, видами мест, где жил писатель, и его рисунками. В конце приложена библиография произведений Тургенева и основной литературы о нем. Читается новая биография с интересом, и она принесла несомненную пользу делу популяризации Тургенева.

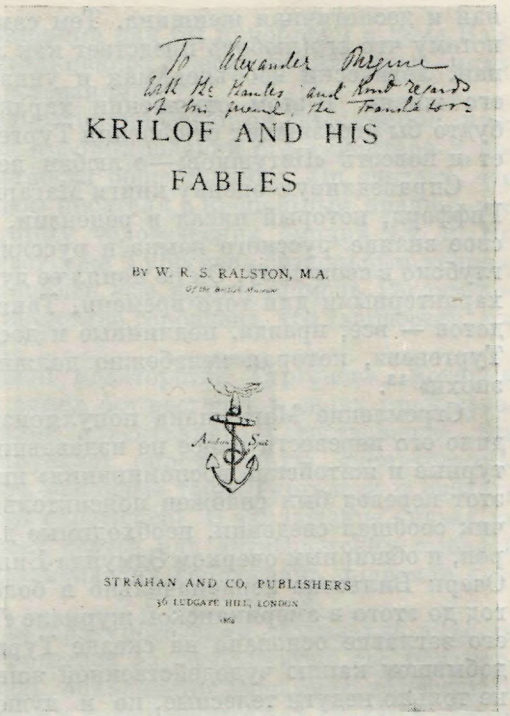
И все же книга Магаршака тоже представляется нам неудачной. Свою задачу автор понял слишком узко; для него биография — это главным образом интимная частная жизнь. Еще Р. Гетман, критикуя книгу Ярмолинского, писал: «Невнимание к произведениям писателя или художника само по себе плохо, но в случае с Тургеневым оно особенно пагубно» [41]. Но именно такой подход отличает биографию, написанную Магаршаком. Из нее можно узнать о всех любовных увлечениях Тургенева, даже чуть ли не о всех приступах подагры, которой он страдал, но его творчество характеризуется бегло и порой невнятно, причем общественное значение того или иного произведения часто игнорируется. Так, например, говоря о «Рудине», автор интересуется лишь тем, насколько образ главного героя романа соответствовал своему прототипу — М. А. Бакунину; так же ограниченно рассматривается и «Накануне». Указывая, что расхождение Тургенева с «Современником» в связи со статьей Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» было «одной из величайших литературных сенсаций того времени», Магаршак, однако, не раскрывает с достаточной полнотой идейной основы этого конфликта. Вообще конфликты Тургенева с совре-

АНГЛИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА В ПЕРЕВОДЕ УИЛЬЯМА РОЛЬСТОНА С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ ПЕРЕВОДЧИКА (ЛОНДОН, 1869)

Обложка с дарственной надписью Рольстона А. Ф. Онегину

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Рецензия Тургенева на этот перевод Рольстона была опубликована в журнале «The Academy», 15 июля 1871 г.


To Alexander Pergine
With the Hauler and kind regards
of his friend, the Translator

KRILOF AND HIS FABLES

BY W. R. S. RALSTON, M.A.

STRAHAN AND CO. PUBLISHERS
36 LUDGATE HILL, LONDON

менными ему писателями — Толстым, Гончаровым и, особенно, с Достоевским — изображаются скорее как столкновение различных характеров, индивидуальных темпераментов, нежели как выражение общественных противоречий.

Неудовлетворительно освещена духовная эволюция писателя. Идейные и творческие кризисы и переломы в жизни Тургенева объясняются односторонне в сугубо личном бытовом плане. Например, причиной разочарования молодого писателя в гегелевской философии автор считает разрыв с Татьяной Бакуниной, а душевный кризис, пережитый Тургеневым в 1857 г., который привел его к временному отказу от дальнейшей литературной деятельности, объясняется почти исключительно осложнениями в личных отношениях писателя с Полиной Виардо.

Тургенев, как известно, говорил, что его биография заключена в его произведениях, имея в виду ту простую истину, что жизнь писателя — это прежде всего его творчество. Магаршак же понял это указание буквально и попытался на основании произведений Тургенева воссоздать его интимную личную жизнь. Всякий раз, когда у него не хватало фактических сведений о том, как переживал Тургенев то или иное событие, он извлекал недостающий материал из произведений писателя. Он, например, цитирует страницами диалоги Ракитина и Натальи Петровны из «Месяца в деревне», выдавая их как бы за протокольную запись разговоров Тургенева с Полиной Виардо. Что же касается идейного и эстетического значения «Месяца в деревне», то оно остается нераскрытым. Подобным же образом Магаршак поступает и с такими произведениями, как «Фауст», «Ася», «Песнь торжествующей любви» и др. [42]

Серьезные возражения вызывает и образ Полины Виардо, как он представлен в книге Магаршака. Автор не скрывает своей враждебности к ней и изображает ее неким злым гением Тургенева. В изложении Магаршака пропадает великая артистка и остается эгоистичная, расчетливая, каприз-

ная и деспотичная женщина. Тем самым искажается и образ Тургенева, потому что его любовь предстает как лишенная духовной основы, фатальная, логически необъяснимая и унизительная страсть, отравившая всю его жизнь. В этом отношении характерно, что к числу произведений, будто бы отразивших отношения Тургенева и Виардо, Магаршак причисляет и повесть «Петушков»—о любви незадачливого поручика к булочнице.

Справедливую оценку книги Магаршака дал английский критик Генри Гиффорд, который писал в рецензии, что «...Магаршак, несмотря на все свое знание русского языка и русских обычаев, по сути дела не проник глубоко в свою тему. Он не понял ее духовной стороны; не овладел идеями, характерными для того времени. Таким образом, нам дается серия анекдотов — все, правда, подлинные и достоверно изложенные,— но не жизнь Тургенева, которая неизбежно должна быть отчасти также жизнью его эпохи» [43].

Стремление Магаршака популяризировать личность Тургенева побудило его перевести ранее не издававшиеся на английском языке «Литературные и житейские воспоминания» писателя. Вышедший в свет в 1958 г. этот перевод был снабжен пояснительным введением, в котором переводчик сообщал сведения, необходимые для понимания тургеневских мемуаров, и обширным очерком Эдмунда Вильсона «Тургенев и капля жизни» [44]. Очерк Вильсона первоначально в более кратком виде был напечатан за год до этого в американском журнале «The New Yorker» [45]. Аллегорическое его заглавие основано на сказке Тургенева «Капля жизни» о мальчике, добывшем каплю чудодейственной живой воды и научившемся «исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи» [46]. В статье Тургенев уподобляется герою сказки.

Вильсон задался целью дать новую интерпретацию психологического облика Тургенева, связать личный характер писателя, как он был сформирован обстоятельствами его жизни, с его творчеством. Вильсон владеет русским языком (достоинство, которым, кстати сказать, обладают далеко не все зарубежные исследователи русской литературы), и он имел возможность читать произведения Тургенева в оригинале и привлекать многие материалы, доступные только по-русски. Однако в основном он опирался на биографию, написанную Магаршаком, и на переведенные на английский язык воспоминания В. Н. Житовой о семье Тургенева.

Небезынтересна судьба этих воспоминаний. Житова — внебрачная дочь матери Тургенева, которую последняя выдавала за свою «воспитанницу». Воспоминания Житовой, описывающие невыносимую домашнюю обстановку, в которой рос будущий писатель, были опубликованы в 1884 г. в «Вестнике Европы» и заняли весьма скромное место в богатой мемуарной литературе о нем [47]. Между тем это единственные воспоминания о Тургеневе, которые были полностью переведены на английский язык и дважды изданы — в Лондоне и Нью-Йорке [48]. Несомненно, что такое внимание к воспоминаниям, в которых, в отличие от других мемуаров, достаточно полно характеризуется мать писателя, связано с интересом западных литературоведов к теориям психоанализа.

Но вернемся к статье Вильсона. Автор ее отказался от прежнего представления, будто бы характер Тургенева был сломлен деспотизмом сперва его матери, а затем Полины Виардо, что писатель был лишен силы воли и т. д. Напротив, нравственное единоборство с матерью очистило его и подготовило к будущей борьбе с социальным злом, с крепостничеством, наиболее отвратительные черты которого воплощала в себе Варвара Петровна (не случайно образы жестоких крепостников у Тургенева генетически восходят к его матери). Согласно Вильсону, конфликт с матерью был для Тургенева своего рода социально-этической школой: «... его ⟨Тургенева.— *Ю. Л.*⟩ чувство справедливости, великодушие, инстинктивное стремление

видеть предметы в их истинной пропорции как бы приобрели в доме Варвары Петровны особое упорство, сталкиваясь с несправедливостью, мстительностью и возмутительными претензиями» [49].

Концепция Вильсона страдает односторонностью: он, несомненно, преувеличивает роль матери Тургенева в формировании его характера и недооценивает другие факторы, в частности общественные. Он считает, что мать была основной причиной борьбы писателя с крепостным правом, что в конфликте с ней он познал всю гамму человеческих эмоций и т. п. Но важно то, что Вильсон не изображает уже Тургенева безвольным человеком. Напротив, он считает, что, стремясь всю жизнь «помочь России познать самое себя», Тургенев был «поистине героичен», что творчеству его присущи целостность и единство [50].

Вильсон пишет о художественном новаторстве Тургенева, который впервые в европейской литературе сумел осуществить в своих произведениях социальную критику средствами объективного повествования, без прямой морализации. Вильсон допускает определенную схематизацию и натяжки, когда пытается наметить основные темы Тургенева и связать их с его жизненным опытом (personal experience). В заключение нельзя не отметить, что автор допустил в своей статье ряд антисоветских выпадов и тенденциозных положений, представляющих собою дань политике «холодной войны».

Характерное для буржуазного литературоведения стремление вывести отличительные черты творчества Тургенева из особенностей его психического склада, который, в свою очередь, объясняется узко биографическими обстоятельствами, нередко встречается в посвященных ему главах в общих трудах по истории русской литературы. Примеры этого можно обнаружить в книгах упоминавшегося уже выше Марка Слонима «Эпос русской литературы» (1950) и «Очерк русской литературы» (1958) [51]. Нельзя сказать, чтобы автор игнорировал общественную обстановку, в которой жил и творил писатель; он уделяет ей место и внимание. Но итоговый его вывод таков: «Темы и художественная манера Тургенева, включая его интерес к слабым мужчинам и сильным женщинам, не объяснимы социологически, они глубоко коренятся в его личности. Он сам был довольно слаб и схож со своими несчастными героями». И далее следуют уже известные нам, кочующие из одной работы в другую рассуждения о деспотической матери писателя, о Полине Виардо и т. д.

Близкой точки зрения придерживается и Елена Мучник — тоже американский профессор — в своем «Введении в русскую литературу» (1947) [52].

На этом фоне выгодно выделяется глава о Тургеневе в книге английского ученого, словенца по происхождению, Янко Лаврина «От Пушкина до Маяковского. Исследование эволюции литературы» (1948) [53]. Лаврин отмечает глубокий интерес Тургенева к социальным и политическим проблемам и показывает связь его произведений с современной им общественной борьбой. Меланхолический тон, мотивы обреченности в творчестве автора «Отцов и детей» Лаврин объясняет не столько особенностями его характера (хотя он и говорит об этом), сколько его связью с исторически обреченным, уходящим в прошлое классом.

Краткие биографические очерки, посвященные Тургеневу, можно встретить в разных англо-американских изданиях. В книге Беатрис Сондерс «Портреты гения» (1959) [54], где рассказывается об одном французском, семнадцати английских и четырех русских писателях, очерк довольно пуст и неинтересен. Более содержателен очерк в книге Ричарда Хайра «Портреты русских деятелей между реформой и революцией» (1959)[55]. Цель автора — охарактеризовать людей, способствовавших формированию общественного мнения в России. В книге содержатся пятнадцать очерков

о русских политических и общественных деятелях разных направлений, писателях и мыслителях. Характеризуя Тургенева, автор рассматривает зависимость его творчества от острых социальных проблем его времени, отмечает воздействие его идей на умы современников (в частности, в борьбе с крепостным правом), показывает связь писателя с родной страной. В то же время, подчеркивает Хайр, при всей его злободневности творчество Тургенева сохраняет свои художественные достоинства, и его герои подлинные характеры, взятые из жизни, а не марионетки, сделанные по заданной схеме.

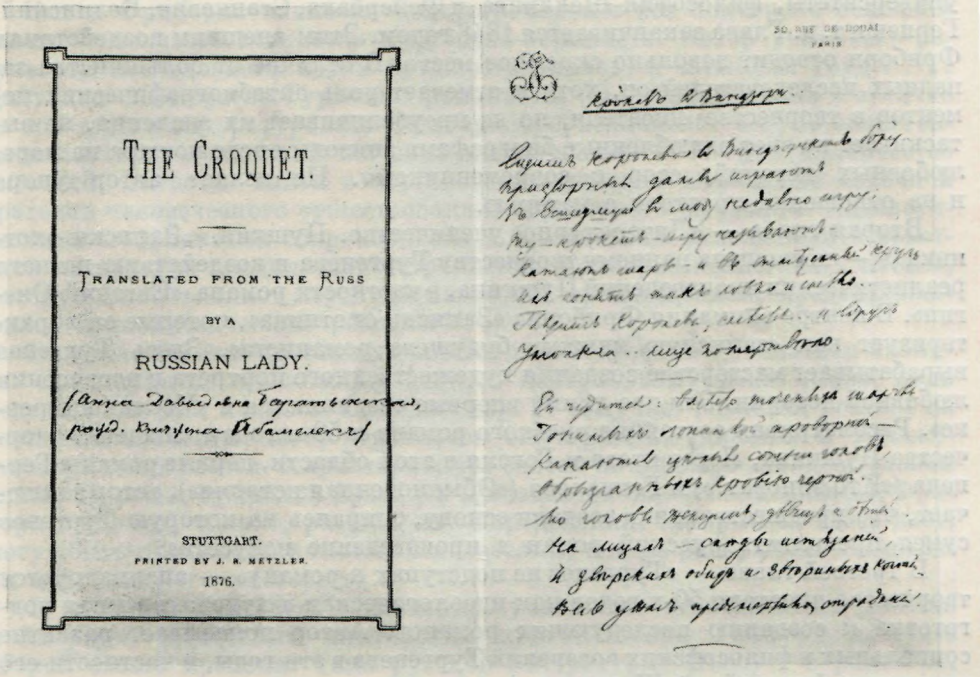
Несколько статей, вышедших за последнее время в Америке и Англии, посвящены частным вопросам биографии Тургенева. Статья Н. Н. Сергиевского «Трагедия великой любви: Тургенев и Полина Виардо», напечатанная в 1946 г. в «Американском славянском и восточноевропейском обозрении» [56], представляет собою краткий, весьма популярный очерк, посвященный истории взаимоотношений писателя и актрисы. Никаких новых материалов здесь нет. Как и следовало ожидать от статьи такого рода, в ней сильно преувеличивается влияние П. Виардо на творчество Тургенева. Автор считает, что это влияние было двояким, причем одна сторона парализовала другую: П. Виардо, по его мнению, заботилась о развитии таланта Тургенева, но в то же время невольно ослабляла этот талант, отрывая писателя от родной почвы.

Напечатанная в том же журнале в 1958 г. небольшая мемуарная заметка русского эмигранта, театрального критика Сергея Бертенсона «Тургенев и Савина» [57] тоже не содержит ничего нового. Автор, лично знавший М. Г. Савину, рассказывает о том, как в 1915 г., незадолго до смерти актриса читала ему свои воспоминания о Тургеневе, и излагает содержание этих хорошо известных тургеневедам воспоминаний.

Об отношениях Тургенева с А. Ф. Кони писал профессор Индианского университета Михаил Гинзбург в исследовании «Кони и его современники», печатавшемся в славистическом сборнике университета [58]. Здесь в соответствующем разделе пересказываются воспоминания Кони о Тургеневе. Кони, по мнению Гинзбурга, как «сын эпохи великих реформ», ценил в Тургеневе превыше всего его литературную и политическую деятельность, направленную на уничтожение в России рабства.

Повышенный интерес, впрочем легко объяснимый, если учесть пристрастие буржуазных литературоведов ко всякого рода «сенсационным» биографическим подробностям, вызвал эпизод из жизни Тургенева, описанный им в очерке «Пожар на море». В 1957 г. английский перевод этого очерка был опубликован в «Лондонском журнале» с пространным предисловием Исайи Бёрлина «Эпизод из жизни Ивана Тургенева», в котором подробно излагались все обстоятельства, связанные с этим очерком: поведение Тургенева во время пожара на судне «Николай I» в 1838 г., сплетни, возникшие впоследствии, клевета Долгорукова, отражение этой клеветы в «Бесах» Достоевского и т. д. [59] Все это уже давно известно, и Бёрлин не сообщил ничего нового. Однако через год очерк был перепечатан в нью-йоркском журнале «Репортер» [60], а затем он снова был напечатан в упоминавшемся уже издании «Литературных и житейских воспоминаний» Тургенева, где ему также предшествовали подробные пояснения.

В заключение обзора биографических работ о Тургеневе упомянем краткую заметку А. Е. Картера «Новогоднее приветствие Тургенева Флоберу» (1949)[61], в которой объясняется, почему, поздравляя Флобера 2 января 1877 г., Тургенев переписал нелепые стихи какого-то школьного учителя. По мнению автора, русский писатель пополнял тем самым коллекцию проявлений человеческой глупости, которую собирал его друг. Как комментарий к одному из писем Тургенева заметка небесполезна.



THE CROQUET.

TRANSLATED FROM THE RUSS

BY A

RUSSIAN LADY.

(Анна Давыдовна Баратынская, рожд. княгиня Абамелек-Лазарева)

STUTTGART.
PRINTED BY J. B. METZLER.
1876.

50, RUE DE DOUAI
PARIS

Croquet в Виндзоре

«КРОКЕТ В ВИНДЗОРЕ». ИЗДАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ШТУТГАРТ, 1876) С АВТОРСКОЙ ЗАПИСЬЮ РУССКОГО ТЕКСТА СТИХОТВОРЕНИЯ

Обложка и автограф Тургенева (20 июля 1876 г.), вклеенный в книгу

На обложке неизвестной рукой — имя переводчицы А. Д. Баратынской

Центральный архив литературы и искусства, Москва

III

Историко-литературное изучение творчества Тургенева в странах английского языка ведется уже несколько десятилетий. Важным моментом в этом изучении был выход в 1932 г. в Нью-Йорке книги Гарри Гершковица «Демократические идеи в творчестве Тургенева» [62], в которой художественное наследие писателя исследовалось с точки зрения развития в нем социальных мотивов, связи его с русским освободительным движением [63].

В рассматриваемый нами период наиболее значительным исследованием в этой области является книга английского ученого Ричарда Фриборна «Тургенев. Романист романистов», изданная в Лондоне в 1960 г. [64] Заглавие представляет собою реминисценцию суждения Генри Джеймса, который писал, что Тургенева «можно назвать романистом романистов (the novelist's novelist), неким художественным воздействием, чрезвычайно ценным и неискоренимо установившимся» [65].

Книга Фриборна представляет собою серьезный и обстоятельный труд, выгодно отличающийся от многих западных литературоведческих работ. Автор поставил своей целью «осветить отличительные черты того, что подразумевается под „тургеневским романом", и исследовать развитие этого романа в руках Тургенева» [66]. Тургенев, считает Фриборн, был первым русским романистом в современном смысле слова.

Книга состоит из восьми глав. Первая глава — «Начала. Юность, философия, политика». Здесь характеризуются внешние воздействия, которые испытал будущий писатель: семья, московский и берлинский

университеты, философия Шеллинга и Фейербаха, Станкевич, Белинский, Герцен и т. д. Глава заканчивается 1848 годом. Этим внешним воздействиям Фриборн отводит довольно скромное место. В отличие от большинства западных исследователей он, хотя и отмечает роль автобиографических моментов в творчестве писателя, но не преувеличивает их значения, не вытаскивает на свет излюбленные биографами эпизоды вроде пожара на море, любовных историй, ссор с современниками. Не делает автор упора и на отношения писателя с матерью.

Вторая глава — «Литературное ученичество. Пушкин. „Записки охотника“» — посвящена раннему творчеству Тургенева и воздействию на него реалистических произведений Пушкина, в частности романа «Евгений Онегин». В центре внимания Фриборна «Записки охотника», которые он характеризует как «записную книжку будущего романиста». Здесь Тургенев вырабатывает мастерство создания художественного портрета и построения любовной истории. Эти две линии впервые соединяются в «Месяце в деревне». Рассматривая состояние русского романа к 50-м годам, значение творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя в этой области, первые романы Герцена («Кто виноват?») и Гончарова («Обыкновенная история»), автор заключает, что предшественники создали основу, опираясь на которую Тургенев сумел превратить русский роман в произведение искусства.

В третьей главе — «Тургенев на подступах к роману» — анализируется творчество писателя 50-х годов как идеологическая и художественная подготовка к созданию последующих романов. Автор показывает развитие социальных и философских воззрений Тургенева в эти годы, в частности его увлечение философией Шопенгауэра, становление образа «лишнего человека» в его повестях, размышления писателя над формой романа.

Центральное место занимают главы четвертая — «Романы Тургенева. Введение» и пятая — «Четыре великих романа». Последняя посвящена романам 1856—1862 гг.: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети», и составляет по объему почти две пятых всей книги. Именно здесь автор стремится выявить отличительные особенности тургеневских романов, которые он рассматривает как раздумья писателя над развитием русского общества и идеологической позицией русской интеллигенции в 40—60-е годы. Фриборн характеризует тургеневский реализм с его верными действительности социально-психологическими портретами, объективностью изложения, органическим включением пейзажа в повествование и намечает некоторые общие черты построения романов, которое сравнивает с драматургической техникой: ограниченность времени и места действия, способ введения протагониста, сценическая четкость событий и т. д.

Пятая глава подразделяется на четыре части: «Структура» — архитектоника романов; «Идеи и идеалы» — идеологическое содержание романов, их связь с общественной борьбой тургеневского времени; «Герой и героиня» — реализация морально-философских взглядов писателя в отношениях его героев; «Достижение» — завершающая часть. Во всех частях показано развитие и усложнение составляющих роман элементов, расширение его основы от «Рудина» до «Отцов и детей». Тургенев, утверждает Фриборн, установил этими произведениями традицию романа в России. В них он достиг равновесия исторического и общечеловеческого, общественного и личного, идеологии и чувства.

Это равновесие, по мнению Фриборна, было нарушено в последних романах, в которых взяли верх социальные и политические моменты. Этим романам посвящены главы: шестая — «Роман как политический памфлет. „Дым“» и седьмая — «Неуспех „Нови“». В завершающей восьмой главе: «Романист романистов — прекрасный гений» [67], автор делает попытку раскрыть смысл этих определений Генри Джеймса по отношению к Тургеневу.

Книга Фриборна написана целеустремленно: все подчинено основной задаче — показать искусство Тургенева-романиста. Автор учитывает результаты исследований своих предшественников, в частности труд А. Г. Цейтлина «Мастерство Тургенева-романиста» (М., 1958). Однако в отличие от советского литературоведа Фриборн преувеличивает в духе экзистенциалистских концепций значение вневременных категорий в творчестве писателя, пытается найти в тургеневских романах выражение извечной трагедии человеческого существования, обреченного на смерть. Идеологическими конфликтами современности и враждебным отношением к советской литературе продиктовано стремление Фриборна представить «Новь», которую он объявляет неудачей писателя, произведением, предвосхищающим социалистический реализм [68].

Недостатком исследования является и определенный схематизм анализа. Трех пунктов, на которые делится центральная пятая глава, явно недостаточно для полноты исследования. К тому же, разлагая романы на составные элементы, автор утрачивает ощущение их единства и художественной целостности. Характерно, что совсем не удалась заключительная глава. Приведя суждения Джеймса и назвав их «наиболее ценными», Фриборн не сумел, однако, развить их. Определения, которые он здесь дает, могут быть применены ко многим писателям, они не раскрывают специфики тургеневского мастерства.

К романам Тургенева обращались различные исследователи Англии и Америки. Известный английский критик Генри Гиффорд в книге «Герой своего времени. Тема русской литературы» (1950) [69] в разделах, посвященных Тургеневу, сосредоточивает свое внимание на общественно-психологическом содержании его романов, отразивших идеологические тенденции его времени, определенный исторический тип интеллектуальной культуры. Гиффорд рассматривает героя тургеневских романов как этап в эволюции образа героя классической русской литературы XIX века от Чацкого до Раскольникова и Андрея Болконского в связи с общественным развитием России.

Вслед за Гиффордом (и отчасти опираясь на него) Тургеневым заинтересовался американский критик Ирвинг Хау, посвятивший образам его героев специальную статью: «Тургенев. Достоинства нерешительности» (1956)[70], которая в следующем году с несколько измененным заглавием («Тургенев. Политика нерешительности») вошла как глава в книгу этого автора «Политика и роман»[71]. В книге исследуется вопрос воздействия политики и политической идеологии на литературу. Хау стремится определить характерные черты либерализма Тургенева и выявить отражение этих взглядов в созданных им образах «лишних людей». Основной особенностью духовного облика героев романов Тургенева, считает Хау, является их нерешительность, выражающая колебания интеллигента, которого ум и необычайная восприимчивость к веяниям времени приводят к участию в политической жизни, хотя по своему воспитанию он испытывает инстинктивное отвращение к политике. Хау обосновывает эту нерешительность исторически, ссылаясь на слова Ленина о Герцене, и утверждает, что герои Тургенева были «порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела» [72]. Статья Хау носит скорее исторический, нежели литературоведческий характер.

Стремление интерпретировать творчество Тургенева как исторический документ отличает и статью Лайонеля Кочана «Русская история в романах Тургенева» (1964) [73]. Автор показывает, как воплощались в тургеневских героях — Рудине, Лаврецком, Елене, Базарове, Нежданове, Соломине и др.— идейные течения, волновавшие русское общество XIX в., начиная

от западничества 40-х годов до движения народников. Статья написана популярно и иллюстрирована изображениями Тургенева, его современников и Петербурга середины прошлого столетия.

Сопоставлению романов и повестей Тургенева посвящены две внутренне связанные между собой статьи американского ученого Ральфа Мэтло: «Искусство Тургенева в „Вешних водах“» (1956) [74] и «Романы Тургенева. Гражданская ответственность и литературные пристрастия» (1957)[75]. В первой статье автор прослеживает шаг за шагом развитие сюжета и характеров в повести, композиционное ее построение, манеру рассказчика и т. д. и сравнивает повесть с близким по времени написания и содержанию любовного конфликта романом «Дым». Мэтло приходит к заключению, что «„Вешним водам“ недостает той более глубокой социальной и психологической мотивировки, примером которой служит образ Ирины в „Дыме“, но, с другой стороны, изображение страсти в целом более удачно в позднем произведении».

Продолжая сопоставление тургеневских романов и повестей, Мэтло во второй своей статье пытается доказать, что общественные и политические моменты являются в романах инородным телом, что только сознание гражданского долга заставляло Тургенева вводить их, вопреки своему таланту, сила которого заключалась в создании человеческих характеров, выявляющихся в любовных конфликтах.

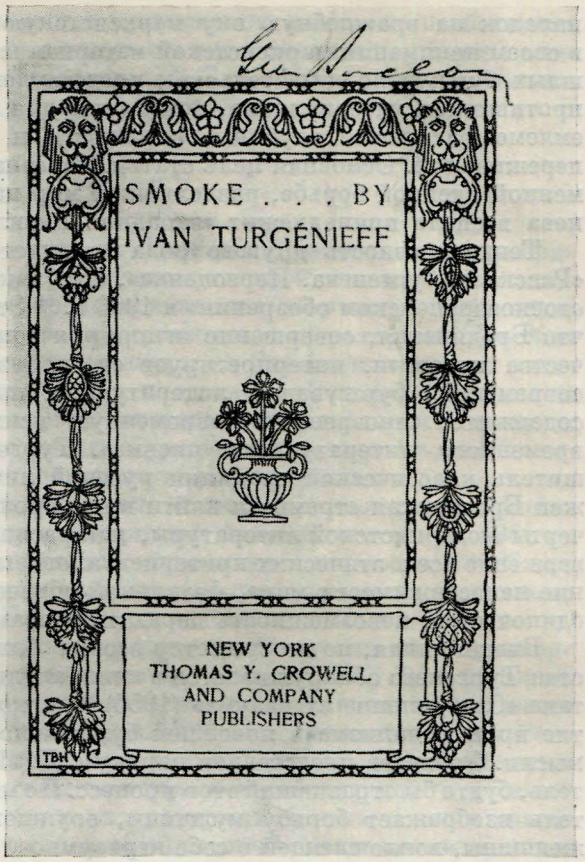
Эта точка зрения не нова: попытки умалить общественное значение тургеневского творчества встречались неоднократно и раньше.

Так, например, подобная тенденция присуща появившемуся в 1948 г. очерку английского титулованного критика лорда Дэвида Сесила «Тургенев» [76]. Основной движущей силой тургеневского творчества здесь объявлен «эстетический импульс», постоянное стремление к красоте. Правда, указывает Сесил, Тургенев, в отличие от западного эстета, включает в понятие красоты и нравственную красоту, ибо в основе его мировоззрения, как и у других русских писателей, лежит «врожденное христианство». Чувствуя уязвимость подобного утверждения, критик признает, что Тургенева нельзя назвать верующим, что он скорее агностик в вопросах религии. Однако далее заявляет, что нравственные принципы писателя по существу христианские. «Христианские чувства без христианской веры» — так определяет Сесил умонастроение Тургенева.

В буржуазной критике и литературоведении постоянно приходится сталкиваться со всякого рода «обличениями» Тургенева, с попытками уличить его в каком-либо намеренном или непроизвольном обмане, с фальсификацией его творчества в угоду новейшим реакционным теориям или «холодной войне».

В 1950 г. американский критик Альфред Кейзин откликнулся на выход сборника произведений Тургенева в английском переводе статьей «Нерусские русские»[77], которая получила довольно широкий резонанс. Кейзин вообще отрицает связь писателя со своей страной, утверждает, что он «наименее характерный из всех великих русских», что в отличие от других русских писателей Тургенев сумел будто бы «обойтись без России, превратить ее в „фон“ для своих историй о разбитых жизнях».

С фальсификацией другого рода встречаемся мы в статье Вацлава Ледницкого «„Дворянское гнездо“ и „поэзия брака и домашнего очага“», напечатанной в 1946 г. в «Американском славянском и восточноевропейском обозрении» и затем перепечатанной в сборнике статей автора [78]. Ледницкий — польский эмигрант, в то время был профессором Калифорнийского университета. Под «поэзией брака и домашнего очага» он подразумевает некий комплекс идей, «абсолютных истин», которые он находит в творчестве Пушкина. Одной из таких истин Ледницкий считает идею нерасторжимости церковного брака, воплощенную, по его мнению, в «Евгении Оне-



«ДЫМ» (НЬЮ-ЙОРК, 1872)
Обложка

гине», «Дубровском», «Метели». Эту же идею он находит и в «Дворянском гнезде» и объявляет, что центральная проблема романа, почерпнутая Тургеневым у Пушкина, это — «конфликт между относительным правом человека на личное счастье и абсолютным законом, божественным законом, устанавливающим норму для человеческой жизни, согласно которой счастье каждого индивидуума возможно лишь в той мере, в какой оно согласуется с абсолютным, всеобщим, божественным законом». Таким образом, проблема нравственного долга и отречения, которую Тургенев ставит в конкретном социально-историческом плане, переносится Ледницким в религиозный план, безусловно чуждый Тургеневу. Ледницкий фактически заимствовал идею смирения и покорности, содержавшуюся в «Речи о Пушкине» Достоевского, подчеркнул ее религиозный смысл и распространил на творчество Тургенева, объявив при этом смирение и покорность основой русского национального характера. Отдельные тонкие и справедливые замечания и наблюдения, имеющиеся в статье Ледницкого, не меняют ее реакционной сущности.

Стремление использовать Тургенева в целях идеологической борьбы лежит в основе статьи Чарлза Моргана «Любовная повесть у Тургенева», опубликованной в трудах Королевского литературного общества Соединенного Королевства в 1950 г. [79] и внешне посвященной характеристике художественного мастерства писателя, которое демонстрируется на материале повести «Первая любовь»; большую часть статьи занимает пересказ повести, сопровождаемый импрессионистическими замечаниями. Однако в действительности творчество Тургенева служит автору лишь поводом для

нападок на враждебную ему марксистскую идеологию. Не поднимаясь в своем понимании марксистской материалистической философии выше пошлых буржуазно-обывательских представлений, он объявляет Тургенева противником материализма, потому что для материалиста будто бы неприемлемо раскрытие глубины, сложности и противоречивости душевных переживаний. Основная цель статьи Моргана — это доказать, что в современной идейной борьбе, разделившей мир на два лагеря, наследие Тургенева всецело принадлежит «западной цивилизации».

Тенденциозность другого рода отличает статью Нины Бродянской «Рассказы Тургенева. Переоценка», опубликованную в «Славянском и восточноевропейском обозрении» в 1953 г. [80] Эта «переоценка» состоит в том, что Бродянская, совершенно игнорируя социальную проблематику творчества писателя, интерпретирует его произведения в духе психологизма современной буржуазной литературы и пытается доказать, что в них содержится «прозрение в современную психологию» и «предвестия современного литературного письма». Тургенев представлен как разрушитель классической традиции русской литературы, и путем ряда натяжек Бродянская стремится найти в его произведениях такие характерные черты модернистской литературы, как распад человеческой личности, отвержение всех этических критериев, алогизм душевных движений, признание непостижимости мира, фатальной обреченности человека на духовное одиночество, невозможность передать словами мысли и чувства и т. д.

Внешне иная, но по существу весьма близкая интерпретация творчества Тургенева обнаруживается в книге английского социолога Питера Натана «Отступление от разума» (1955) [81], в которой прослеживается развитие иррационализма в новейшей буржуазной философии и общественной мысли. Тургенев представлен наряду с Д. Лоренсом и Сартром как писатель, будто бы отразивший этот процесс. По мнению Натана, русский писатель изображает борьбу мужчины, оружием которого служит разум, и женщины, воплощающей в себе неразумное, эмоциональное «материнское» начало. В этой борьбе мужчина обречен на поражение, ибо в нем также живут эмоции, которые женщина использует как «пятую колонну», чтобы одержать верх над мужским интеллектом. «Что бы мы ни делали, мир матери всегда побеждает» — такова, утверждает Натан, мораль произведений Тургенева. Нетрудно увидеть, что эта примитивная и ложная схема мало соответствует действительному содержанию тургеневского творчества.

Работы Бродянской и Натана весьма характерны для современных буржуазных идеологов, пытающихся во что бы то ни стало найти среди признанных и прославленных писателей прошлого «духовных отцов» современных декадентских теорий.

От подобной тенденциозности свободны две работы, рассматривающие художественное мастерство Тургенева и опубликованные в 1964 г. в «Славянском и восточноевропейском журнале», который издается Американской ассоциацией преподавателей славянских и восточноевропейских языков. Консолата Делейни в статье «Охотник Тургенева; опыт единства» [82] рассматривает образ рассказчика в «Записках охотника», объединяющего отдельные очерки, средства, которыми этот образ создается. Автор показывает, что, выражая с помощью рассказчика свои мысли и настроения, свое отношение к крепостному праву, Тургенев делал его социально-этическую позицию конструктивным элементом и добивался не только формального, но и идейного единства «Записок», которые тем самым включались в современную общественную борьбу. Статья Джозефа Л. Конрада «„Ася“ Тургенева» [83] анализирует приемы построения повести: драматическое нагнетание событий, достигающих высшего напряжения перед концом, превалирование диалога над описаниями, раскрытие внутрен-

него состояния героев через внешние проявления, языковые особенности и т. д. Показательно, что обе названные статьи в значительной мере опираются на работы советских исследователей (С. М. Петрова, Г. А. Бялого и др.).

IV

Значительное место в посвященных Тургеневу работах англо-американских исследователей занимает проблема отношений писателя к иностранным литературам. Международное значение творчества Тургенева, многочисленные связи писателя с иностранными литераторами, его деятельность пропагандиста русской литературы на Западе и западных литератур в России — все это делает весьма плодотворной разработку данной проблемы. Разумеется, что в первую очередь исследователей Англии и США интересует восприятие творчества Тургенева в их странах, тем более, что влияние русского писателя оставило здесь свой след.

Выше уже неоднократно упоминалась докторская диссертация Ройала Гетмана «Тургенев в Англии и Америке», выпущенная еще в 1941 г. Эта обширная и обстоятельная работа охватывает период до 1937 г., и все последующие исследователи, касавшиеся так или иначе этой темы, опираются на исследование Гетмана.

Примером может служить книга профессора Колумбийского университета Дороти Брустер «Путь с востока на запад» (1954) [84], в которой рассматривается восприятие русской литературы в Англии и Соединенных Штатах Америки с XVII по XX в. Автор сама называет книгу Гетмана в числе основных источников информации для ее работы. Именно благодаря этому ей удалось осветить «тургеневский период» в русско-английских и русско-американских литературных связях с достаточной полнотой. В отличие от сухого, «диссертационного» изложения фактов у Гетмана, книга Брустер написана живо и интересно. Автор показывает, как английские и американские литераторы, вчитываясь в Тургенева, постепенно приходили к пониманию его реализма как нового слова в литературе, без освоения которого нельзя двигаться дальше. В процессе усвоения Тургенева, утверждает Брустер, центр популяризации русской литературы переместился из Англии в США, где в 70-е годы творческий метод русского писателя энергично пропагандировали Генри Джеймс, Вильям Дин Гоуэлс и Томас Парр.

Факты, собранные Гетманом, в определенной мере используются и в книге английского литературоведа Джильберта Фелпса «Русский роман в английской художественной литературе» (1956) [85]. Здесь сделана попытка наметить «контуры истории восприятия русской литературы в Англии и, отчасти, в Америке и ее воздействия на некоторых английских и американских писателей». Половина книги посвящена Тургеневу (пять глав из десяти; Толстому и Достоевскому уделяется по одной главе).

Фелпс освещает личные связи Тургенева с английскими и американскими писателями, говорит о резонансе, который получило его творчество в странах английского языка, о том, как по произведениям Тургенева английские читатели знакомились с жизнью России, с революционной борьбой народников и т. д. Он особо подчеркивает те моменты тургеневского творчества, к которым английская публика была особенно восприимчива, в частности то, что он называет «наличием морального элемента» (the presence of the moral element).

Фелпс показывает, как в период кризиса английского романа русская реалистическая литература, в том числе и роман Тургенева, помо-

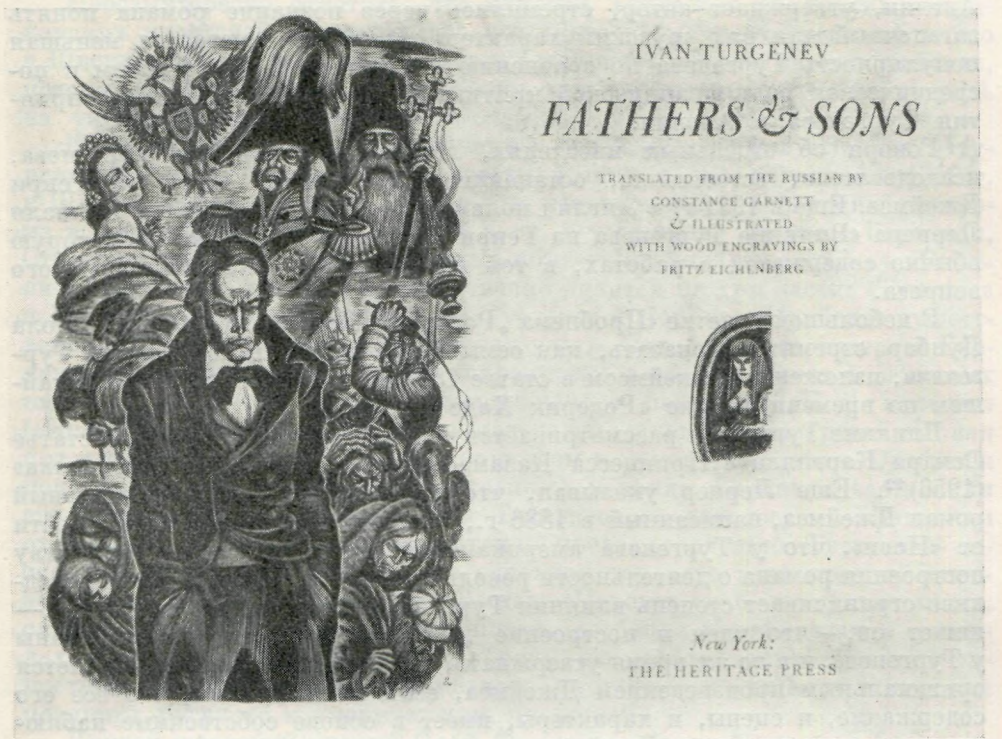
гала английским писателям преодолеть пагубное влияние французского натурализма. Он внимательно исследует влияние Тургенева на творчество английских романистов XIX и XX вв.: Гиссинга, Джорджа Мура, Беннета, Голсуорси, Джозефа Конрада, Вирджинии Вульф, сопоставляет образы их романов с героями романов Тургенева. Особое внимание уделяется в этой связи Голсуорси, чье понимание реализма, по мнению Фелпса, близко к тургеневскому. Автор считает, что, только опираясь на опыт Тургенева, Голсуорси сумел создать галерею типов, отразивших английскую действительность его времени. Фелпс сближает с Базаровым, Неждановым, Рудиным героев романов Голсуорси (Харц — «Вилла Рубейн», Ферран — «Остров фарисеев», Мильтоун — «Патриций»), Гиссинга (Эгремон — «Тирса», Кингкот — «Изабел Кларендон») и др. Он находит аналогии в фабуле, сюжетных ситуациях, отношениях персонажей у английских писателей и у Тургенева (при этом в некоторых случаях он допускает определенные натяжки).

Обращаясь к влиянию Тургенева на американских писателей, Фелпс ограничивается почти исключительно Генри Джеймсом и лишь вскользь говорит о Гоуэлсе. Он рассматривает Джеймса как «американского Тургенева» (хотя и отмечает, что такое определение может показаться странным) и тщательно выявляет в романах и рассказах американского писателя следы воздействия тургеневского творческого метода.

Книга Фелпса, проникнутая глубоким уважением к русской литературе, пониманием ее достоинств, представляет собою ценный вклад в изучение международного значения творчества Тургенева.

Обобщающей работой, которая продолжает в известной мере монографию Гетмана, явился упоминавшийся уже выше доклад канадского ученого Сирила Брайнера «Тургенев и страны английского языка», представленный IV Международному съезду славистов в Москве в сентябре 1958 г. [86] В этом докладе, по необходимости кратком, автор сосредоточил внимание в основном на периоде после 1937 г. Он указывает: «Из всех русских писателей Тургенев служит лучшим мерилом изменяющегося отношения стран английского языка к русской литературе». В докладе содержится беглый обзор восприятия Тургенева с 50-х годов прошлого столетия, сопоставление относительной популярности в Англии и Америке Тургенева, с одной стороны, и Толстого и Достоевского, с другой, оценка переводов Тургенева на английский язык и тех трудностей, которые стояли перед их создателями, обзор современных отзывов англо-американских литераторов о Тургеневе и, наконец, краткая характеристика биографических работ Ярмолинского, Магаршака и Вильсона. В целом работа Брайнера носит довольно поверхностный характер. Во время обсуждения доклада на съезде славистов отмечалось, что автор в основном регистрирует факты; ему не хватает собственного взгляда на тургеневское творчество [87].

Попытка новой периодизации сделана в недавно опубликованной статье профессора Кембриджского университета Дональда Деви «Тургенев в Англии, 1850—1950» (1962) [88]. Свою статью автор разделил на пять главок, соответственно намеченным периодам. Первая из них: «1850—1880. Документальный интерес». Деви утверждает, что английские современники Тургенева обращались к его творчеству главным образом для того, чтобы получить информацию сперва о крепостном праве, а затем о революционном движении в России. Когда же они убедились, что террористы 1878—1881 гг. не имеют ничего общего с тургеневскими нигилистами, они утратили интерес к русскому писателю. Во втором разделе: «1880—1900. Образец для романистов», автор показывает, как благодаря пропаганде Генри Джеймса Тургенев приобретает значение образцового писателя, противопоставляемого французскому натурализму. Его по-



«ОТЦЫ И ДЕТИ» (НЬЮ-ЙОРК, 1941)
Фронтиспис и титульный лист
Гравюры Фрица Эйхенберга

клонники немногочисленны, но они пользуются авторитетом в английской литературе. В третьем разделе: «1900—1912. Техническое совершенство», рассказывается, как статьи Эдварда Гарнета, предпосланные переводам Констанции Гарнет, привлекают к художественному мастерству Тургенева внимание таких писателей, как Голсуорси и Арнольд Беннет, которые становятся его последователями. Со временем, однако, техника Тургенева начинает подвергаться критике, особенно в связи с ростом популярности Толстого и Достоевского. Борьба вокруг Тургенева, рассматриваемая в разделе «Споры (1917)», достигла кульминации в связи с выходом книги Э. Гарнета «Тургенев. Очерк» с предисловием Джозефа Конрада. Тургеневу противопоставлялись не только Толстой и Достоевский, но также Чехов и Горький. Одним из самых непримиримых ниспровергателей Тургенева выступал Сомерсет Моэм. Но после этой полемики наступил «классический» период (пятый раздел: «1920—1946. В положении классика»). Тургенев, по мнению автора, занял, особенно после появления книги Ярмолинского, подобающее ему место в истории литературы, но перестал быть актуальным фактором современного литературного развития. Последнее утверждение представляется нам сомнительным или, по крайней мере, нуждающимся в серьезных оговорках. Выше приводились достаточно авторитетные свидетельства, говорящие как раз об обратном.

Тургеневу уделяется место в небольшой статье Гарольда Орела «Английские критики и русский роман, 1850—1917» (1955) [89]. Литераторы

Англии, утверждает автор, стремились через познание романа понять загадочный для них «русский характер». В статье отмечается меньшая популярность Тургенева по сравнению с Толстым и Достоевским и посредническая роль французской критики (Дюпюи, Вогюэ) для восприятия Тургенева в Англии.

Говоря об отдельных писателях, испытавших влияние Тургенева, исследователи, естественно, останавливались прежде всего на Генри Джеймсе. Еще в 1941 г. в Англии появилась специальная статья Даниэля Лернера «Влияние Тургенева на Генри Джеймса» [90], ссылки на которую обычно содержатся в работах, в той или иной мере касающихся этого вопроса.

В небольшой заметке «Проблема „Родерика Хадсона“» (1952) [91] Виола Дунбар стремится показать, как осмысление писательской манеры Тургенева, изложенное Джеймсом в статье 1874 г., сказалось на его ближайшем по времени романе «Родерик Хадсон» (1875).

Влияние Тургенева рассматривается в числе прочих вопросов в статье Оскара Каргилла «„Принцесса Казамассима“: критическая переоценка» (1956) [92]. Еще Лернер указывал, что этот единственный социальный роман Джеймса, написанный в 1886 г., находится в прямой зависимости от «Нови», что у Тургенева американский писатель учился искусству построения романа о деятельности революционеров. Каргилл же справедливо ограничивает степень влияния Тургенева. «Мы можем допустить,— пишет он,— что идея и построение „Принцессы“ были заимствованы у Тургенева, и в то же время утверждать, что роман по существу является оригинальным произведением Джеймса, если мы вспомним, что все его содержание, и сцены, и характеры, имеет в основе собственные наблюдения и воспоминания Джеймса».

Сопоставлению тех же романов посвящена статья Юнис Гамильтон «„Принцесса Казамассима“ Генри Джеймса и „Новь“ Ивана Тургенева» (1962) [93]. Говоря о статье Джеймса 1877 г. о «Нови» [94], автор выясняет, что́ именно привлекло американского писателя в романе, и далее стремится показать, как эти особенности были реализованы им в собственном произведении. Центральное место в статье занимает сопоставление главных героев двух романов — революционеров Нежданова и Гиацинта Робинзона. Вывод Гамильтон, что в числе влияний, испытанных Джеймсом при создании «Принцессы Казамассимы», следует учитывать Тургенева, несомненно справедлив. Странно только, что она не ссылается на своих предшественников и изображает дело так, будто этот вопрос поставлен ею впервые.

Наконец, сопоставление Тургенева и Джеймса содержится в статье О. Каргилла «Первый интернациональный роман» (1958) [95], посвященной «Американцу» (1877). Под термином «интернациональный роман» подразумевается произведение, герой которого действует в чужой стране, вне родины или, как определяет Каргилл, «в котором персонаж, руководствующийся обычно в своих действиях нравами одного окружения, помещается в иную среду, где его привычные рефлексы оказываются бесполезными, где он должен пустить в ход все свои способности, чтобы преодолеть следующие одно за другим затруднения, и где он должен духовно приспособиться к новым нравам, в противном случае он будет так или иначе сокрушен». Каргилл считает, что в произведениях Тургенева, действие которых происходит в Западной Европе, эта проблема уже намечается, хотя и не ставится в полном объеме. Аргументация Каргилла по этому поводу представляется мало убедительной.

Сведения о личных отношениях двух писателей собраны в статье Жана Сезнека, предпосланной публикации писем Тургенева к Джеймсу (см. ниже).

Небезынтересно отметить, что влияние Тургенева на других американских писателей исследовалось последнее время почти исключительно в Швеции. Мы считаем необходимым остановиться здесь на этих работах, потому что, написанные по-английски, они рассчитаны в первую очередь на читателей стран английского языка.

Шведский ученый Ларс Онебринк в своей монографии «Начала натурализма в американской художественной литературе», изданной в 1950 г. в Швеции и Соединенных Штатах [96] и посвященной становлению реализма в Америке на рубеже XIX—XX вв. в творчестве Хэмлина Гарланда, Стивена Крейна и Фрэнка Норриса, поместил специальную главу «Влияние Тургенева», которая соответственно делится на три части: «Тургенев и Гарланд», «Тургенев и Крейн», «Тургенев и Норрис». Наиболее существенной из них представляется первая часть. Свидетельства интереса Гарланда к автору «Отцов и детей» сохранились в его дневниках и записных книжках. Заглавие романа американского писателя «Под колесом» («Under the Wheel», 1890) было подсказано словами Базарова: «Попал под колесо»,— которые служат эпиграфом к роману Гарланда. Онебринк показывает, как идейно-художественные искания Гарланда заставляли его обращаться к произведениям Тургенева, в частности к «Запискам охотника». Однако Онебринк истолковывает творчество Тургенева несколько упрощенно, считая, что основная тема его произведений определяется словами Потугина из «Дыма»: «Человек слаб, женщина сильна, случай всесилен». Эта ограниченность особенно проявляется в разделах, посвященных Крейну и Норрису, где автор занимается поверхностным сопоставлением тем и мотивов, не учитывая различия в идейных позициях русского и американских писателей.

Другой шведский ученый Олаф Фрикстед в книге «В поисках Америки» (1958), посвященной творческому становлению В. Д. Гоуэлса как романиста, рассматривает вопрос о воздействии Тургенева в двух главах: XI «Урок Тургенева» и XII «Тургенев. Взгляд на людей справедливого человека» [97]. Познакомившись с творчеством русского писателя, Гоуэлс пришел к заключению, что, хотя Тургенев решал задачи своей национальной литературы, он в то же время указывал путь и для американских писателей. В своей художественной манере Гоуэлс стремился следовать «драматическому методу» Тургенева, когда характеристика героев вытекает из их действий и конфликтов, а не из авторских комментариев и морализации. Фрикстед приводит многочисленные отзывы Гоуэлса о творчестве Тургенева и заключает, что влияние русского писателя определило не только художественный метод Гоуэлса, но и его мировоззрение. Вместе с тем, подчеркивает автор, подкрепляя свои выводы анализом произведений американского романиста, это было творческое восприятие, а не слепое копирование или подражание.

Две американских статьи недавнего времени посвящены отношению творчества Гарриет Бичер-Стоу и Тургенева. Как установлено, ни один из этих писателей не испытал влияния со стороны другого, но их произведения, появившиеся в одно время и направленные против рабовладения и крепостничества, дают основания для типологических сопоставлений. Джек Позин выступил в 1958 г. на II конгрессе компаративистов с докладом «„Записки охотника“ Тургенева против „Хижины дяди Тома“ Бичер-Стоу. По поводу сдержанной манеры» [98]. Он показал, что, хотя оба писателя осуждали рабство с этической точки зрения, их творческие принципы были различны. Бичер-Стоу, основываясь на материалах, полученных из вторых рук, продемонстрировала вопиющие крайности рабовладельческой системы. Но такое обличение, указывает Позин, допускает реформистские выводы о возможности устранить только злоупотребления, не затрагивая системы в целом. Напротив Тургенев, исходя из собствен-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ОТЦЫ И ДЕТИ». У МОГИЛЫ СЫНА
Гравюра Фритца Эйхенберга, 1941
Из книги: Ivan Turgenev. «Fathers and Sons». New York, 1941

ного опыта и наблюдений, изображает просто, без нажима обыденный крепостной «быт» (последнее слово автор приводит по-русски) и показывает, что самый принцип порабощения бесчеловечен. Благодаря объективности и достоверности изображения и сдержанной манере повествования очерки Тургенева таили в себе несравненно более убедительное осуждение рабства, чем роман американской писательницы.

Альберт Каспин в статье «„Хижина дяди Тома" и Постоялый двор „дяди" Акима. К вопросу о Гарриет Бичер-Стоу и Тургеневе»[99] сопоставил произведения двух писателей, вышедшие одновременно в 1852 г. Отмечая сходство героев, которым присуще религиозное смирение, автор, однако, приходит к заключению, что рассказ Тургенева имел бóльшую социальную остроту, ибо в условиях России поведение Акима, ушедшего в странники, было своеобразной формой протеста. В своей статье Каспин опирается на работы советских литературоведов.

В Англии и Америке изучаются также связи Тургенева с другими странами, в частности внимание исследователей привлекают широкие и многообразные связи русского писателя с Францией и французской литературой. Однако два исследования, относящиеся к этой важной проблеме, до сих пор неизвестны в печати. Мы имеем в виду диссертации Ричарда Джорджа Капплера «Тургенев и французы»[100] и А. Б. Мёрфи «Влияние Флобера на Тургенева»[101]; первая была защищена в Колумбийском университете в 1960 г., вторая — в Лондоне в 1955 г.

Опубликована только, с некоторыми сокращениями, докторская диссертация Ф. Хеммингса «Русский роман во Франции. 1884—1914» (1950)[102], подготовленная в Оксфорде в 1946—1948 гг. В основном она посвящена восприятию творчества Толстого и Достоевского; рядом с ними Тургенев занимает сравнительно скромное место. Хеммингс говорит о распространении во Франции произведений Тургенева, начиная с «Записок охотника»,

еще при жизни писателя. Он отмечает, что на французских читателей производили впечатление ясность и проницательность тургеневского письма, его реализм, не омраченный изображением ужасного. В книге подробно излагаются отзывы о писателе французских критиков Эрнеста Дюпюи и Мельхиора Вогюэ. Особо останавливается Хеммингс на значении Тургенева как пропагандиста русской литературы во Франции.

Статья Оскара Манделя «Мольер и Тургенев: литература без приговора», напечатанная в 1959 г. в журнале «Сравнительная литература»[103], лишь очень условно может быть отнесена к области изучения литературных связей, поскольку здесь нет речи о влиянии. Творчество Тургенева привлекается для объяснения «загадки» «Мизантропа», произведения, относительно которого нельзя сказать, какой из героев выражает точку зрения автора. Мандель сопоставляет комедию Мольера с романом «Отцы и дети», находит некоторое внешнее сходство между образами Альцеста и Базарова и приходит к заключению, что комедия Мольера становится понятной, если ее судить не по канонам поэтики XVII в., но видеть в ней «неосознанного предшественника объективной литературы XIX века, предвещающего беспристрастную технику Флобера и Тургенева». Неисторичность такого заключения очевидна.

Несколько работ посвящено взаимоотношениям Тургенева и немецкой литературы. В небольшой статье «Манн и Тургенев. Первая любовь» (1964)[104] английский исследователь Т. Дж. Рид выясняет из переписки немецкого писателя, что в 1894 г. он читал «Первую любовь» и «Вешние воды», и на этом основании пытается установить влияние повестей Тургенева на первый рассказ Томаса Манна «Падшая» («Gefallen», 1894). Анализ Рида не выходит за пределы формальных сопоставлений.

Больший интерес, на наш взгляд, представляет заметка Мильтона Хиндуса «Дуэли у Манна и Тургенева» (1959)[105], в которой сравниваются

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РОМАНУ «ОТЦЫ И ДЕТИ». АРКАДИЙ И БАЗАРОВ

Гравюра Фритца Эйхенберга, 1941

Из книги: Ivan Turgenev. «Fathers and Sons». New York, 1941

два сходных эпизода в «Отцах и детях» и «Волшебной горе». Автор считает, что, рисуя в кульминационном пункте своего романа дуэль между Лео Нафта и Сеттембрини, Томас Манн учитывал опыт Тургенева, изобразившего дуэль, в основе которой лежит *идейный* конфликт, отражающий широкие исторические противоречия. Правда, отмечает Хиндус, Тургенев, оставаясь верным технике романа XIX в., внешне прикрыл идейный конфликт личным (история с Феничкой), тогда как Манн — и в этом заключается его оригинальность — представил подобный конфликт в чистом виде.

Компаративистский этюд американца Сеймура Лейнофа «Сельские врачи у Кафки и Тургенева» (1962) [106] посвящен сопоставлению двух рассказов — «Уездного лекаря» Тургенева и «Сельского врача» Кафки. Влияния здесь не было; автор даже не уверен, что Кафка знал русского писателя. Обнаружив некоторое сюжетное сходство между двумя рассказами, Лейноф стремится показать их различие и приходит к заключению, что Тургенев реалист, а Кафка нет, что последнего больше заботят религиозные и метафизические проблемы, чем социальные, а это имеет результатом «бóльшую сложность стиля и символа». Но ради такого заключения, которое очевидно само собою, право же, не стоило писать статью.

Тургеневу посвящена небольшая главка в монографии американского профессора Чарльза Пэссиджа «Русские гофманисты» (1963) [107]. Автор считает, что «таинственные повести» Тургенева, такие как «Призраки», «Собака», «Стук... стук... стук...» создавались независимо от Гофмана. Особо останавливается он на гофманских мотивах в «Вешних водах».

К области славянских литературных связей относится статья Э. Д. Гой «Отношение сербов к творчеству Тургенева в XIX веке» (1957) [108]. Свою тему автор рассматривает в тесной связи с развитием сербской литературы и ходом общественной жизни сербского народа. Восприятие творчества Тургенева являлось составной частью более широкого процесса — восприятия сербами русской литературы. Первый сербский перевод из Тургенева — рассказ «Свидание» — был опубликован в 1862 г., и с этого времени произведения русского писателя регулярно переводятся на сербский язык. Ранние пропагандисты творчества Тургенева в Сербии — деятели либерального направления (в том числе и И. Вучетич — переводчик «Дыма», переписывавшийся с Тургеневым) — руководствовались общекультурными соображениями; они считали, что знакомство с лучшими иностранными и, особенно, славянскими писателями поможет преодолеть отсталость сербской литературы. В 70-е годы русская литература использовалась сербскими социалистами для распространения своих взглядов. В этот период особой популярностью пользовался роман «Новь» в переводе с введением и послесловием П. Тодоровича, который полемизировал с Тургеневым по поводу пропаганды социалистических идей в народе. В последние два десятилетия XIX века в Сербии было широко распространено отношение к Тургеневу как к образцовому художнику, творчество которого помогало преодолению романтизма и становлению реализма в сербской литературе.

Значительное место было уделено Тургеневу в докладе американского профессора Вильяма Эджертона «Проникновение русской литературы XIX века в прочие славянские страны», представленном V международному съезду славистов в Софии в 1963 г. [109] Автор показал, что первоначально произведения Тургенева попадали в славянские страны при посредничестве французских и немецких переводов. В течение длительного времени, до конца 70-х годов, он один представлял здесь, как и на Западе, русскую литературу.

Небольшая статья польского эмигранта З. Фолеевского «Тургенев и Прус» (1950) [110] устанавливает сходство в политических воззрениях, твор-

ческом методе и литературно-общественной судьбе русского и польского писателей. В частности, автор указывает на то, что оба они первые в литературах своих стран реалистически изобразили народ без сентиментальной идеализации, в его положительных и отрицательных чертах. Это сходство Фолеевский объясняет не прямым влиянием Тургенева на Пруса, о чем нет никаких сведений, но типологическим сходством их социального и культурного окружения, общими чертами развития реализма в славянских странах.

К области сравнительного изучения относится и статья Ченси Финча «Изучение Тургеневым классиков», напечатанная в американском «Журнале классической филологии» в 1953 г. [111] Извлечение из произведений и писем Тургенева латинских цитат и реминисценций античных авторов, а также суммирование сведений об изучении писателем древних языков и знакомстве с античной литературой было бы, несомненно, полезным, но именно этого в статье нет: собранные в ней факты далеки от полноты. Знакомство автора с жизнью и творчеством Тургенева очень поверхностно, но это не мешает ему делать весьма широкие выводы. Так, упоминание Потугиным в «Дыме» (гл. V) слов из оды Катулла: «Odi et amo» («Ненавижу и люблю») позволяет автору утверждать, что в любовной коллизии Литвинова и Ирины воспроизводится роман Катулла и Лесбии и т. п. При этом совершенно игнорируется исторически конкретное содержание произведения. В сущности статья Финча не имеет научного значения.

V

Переписка Тургенева, занимавшая важное место в его жизни и имевшая огромное значение для его творчества, чрезвычайно велика по объему. Письма его рассеяны по всему миру и обнаруживаются иногда в самых неожиданных местах. Новые зарубежные публикации тургеневских писем, часть которых появилась в Англии и Америке, приобретают особый интерес в связи с предпринятым Институтом русской литературы Академии наук СССР полным изданием эпистолярного наследия писателя.

В Гарвардской библиотеке хранятся 15 писем Тургенева к Генри Джеймсу за 1874—1882 гг. Эти письма, имеющие большое историко-литературное значение, были опубликованы Жаном Сезнеком в американском журнале «Сравнительная литература» в 1949 г.[112] Во вступительной заметке Ж. Сезнек характеризует отношения Тургенева и Джеймса. Публикуемые письма снабжены комментарием, в котором большое место занимают обширные цитаты из воспоминаний Джеймса о Тургеневе. Здесь же приводится отрывок из неопубликованного письма Джеймса к В. Д. Гоуэлсу от 3 февраля 1876 г., в котором содержится характеристика Тургенева.

В «Бюллетене Гарвардской библиотеки» в 1948 г. было опубликовано хранящееся в этой библиотеке письмо Тургенева к немецкому писателю Генриху Лаубе от 2 апреля 1874 г. с просьбой найти в Вене рецензента для книги Флобера «Искушение святого Антония». Публикация, сделанная Вальтером Штраусом, носит неуместное ироническое заглавие: «Тургенев в роли агента по рекламированию „Искушения святого Антония" Флобера»[113]. В сопровождающей публикацию заметке собраны сведения о хлопотах Тургенева, пропагандировавшего книгу своего французского друга. В 1958 г. в том же «Бюллетене» Ральф Мэтло опубликовал еще одно ранее неизвестное письмо — к французской писательнице Жюльетте Адан от 2 января 1883 г.[114]

В 1956 г. в Нью-Йорке вышел «Русский литературный архив», в котором, наряду с другими русскими материалами, находящимися в настоящее время в США, напечатаны 37 писем и записок Тургенева к его

друзьям М. А. и Н. А. Милютиным за 1867—1877 гг. Эти документы опубликованы Дм. Чижевским по подлинникам, хранящимся в Библиотеке Гарвардского университета (США) [115]. Только семь записок появились здесь впервые. Остальные были помещены М. А. Милютиной вскоре после смерти Тургенева в «Русской старине» [116].

Наконец, в 1960 г. в «Оксфордских славянских исследованиях» были опубликованы 36 писем и записок Тургенева к банкиру барону Г. О. Гинцбургу за 1877—1882 гг., а также доверенность на продажу имения Спасское-Лутовиново, выданная Тургеневым Д. Г. Гинцбургу 16 (28) августа 1883 г.[117] Документы эти опубликованы внучкой Г.О. Гинцбурга И.де Фрис-Гинцбург. В заметке, предпосланной публикации, сообщаются сведения о Гинцбурге (в апологетическом тоне) и характеризуются его отношения с Тургеневым. Представляют интерес приведенные здесь отрывки из неопубликованных мемуаров А. Г. Гинцбурга (сына банкира), содержащие некоторые ранее неизвестные сведения о Тургеневе (в частности, о его помощи Н. М. Минскому — будущему поэту-символисту).

Для полноты обзора следует также упомянуть отрывок письма Тургенева американскому издателю Генри Голту (Holt) 1874 г., приведенный во втором издании книги Ярмолинского [118], а также опубликованную в 1945 г. в английском журнале «The Dickensian» дарственную надпись Тургенева на французском переводе «Записок охотника», сохранившемся в библиотеке Диккенса [119].

В 1961 г. американский профессор Эдгар Лерман издал сборник избранных писем Тургенева в английском переводе [120]. В издание вклю-

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ» НА СЦЕНЕ НЬЮ-ЙОРКСКОГО ТЕАТРА «ФЕНИКС», 1956

Фототипия

Музей И. С. Тургенева, Орел

АНГЛИЙСКИЙ АКТЕР МАЙКЛ РЕДГРЕЙВ В РОЛИ РАКИТИНА

«Месяц в деревне» на сцене лондонского театра «Сент-Джеймс», 1943

Фотография с дарственной надписью актера (на английском языке): «Музею Тургенева искренне. Майкл Редгрейв»

Музей И. С. Тургенева, Орел

чены 425 писем; все они известны; лишь немногие из них приводятся полностью, большинство представлено в сокращении или в виде отрывков. При составлении тома Лерман отбирал такие письма и фрагменты, в которых Тургенев сообщал о своих произведениях и творческих планах, рассказывал о своих настроениях, отзывался о произведениях современников, комментировал политические события. Письма снабжены краткими подстрочными примечаниями. В небольшом предисловии составитель рассказывает о Тургеневе и его творчестве. Далее следует «Примечание для ученых», в котором излагаются эдиционные принципы. В приложениях приводятся некоторые мемуарные материалы, характеризующие Тургенева: отзыв Толстого о Тургеневе, воспоминания о ссоре Тургенева с Достоевским и т. п. Сборник завершается подробным перечнем источников публикуемых писем, библиографией основных изданий и публикаций тургеневских писем и указателем имен, заглавий произведений и названий периодических изданий.

Несмотря на внешне академический вид, издание Лермана далеко не совершенно. Не всегда удачен отбор писем: многие важные письма не вошли в сборник и, наоборот, вошли менее существенные. Включены «письма» в редакции журналов, являющиеся фактически статьями. Перевод сделан тяжелым языком, не передающим стиля Тургенева, и изобилует ошибками и неточностями. Совершенно недостаточны примечания, неудовлетворительно предисловие.

И все же как первая попытка на английском языке показать характер и широту диапазона эпистолярного наследия Тургенева издание Лермана заслуживает одобрения. Можно надеяться, что за ним последуют другие сборники писем русского писателя, лучше подготовленные. Такие

пожелания уже высказывались рецензентами [121]. Но и изданный сборник, при всех своих несовершенствах, несомненно расширяет представления английских и американских читателей о Тургеневе. И в этом состоит его неотъемлемое достоинство.

VI

В связи с ростом известности Тургенева в странах английского языка возникла необходимость в библиографическом учете переводов его произведений, а также литературы о нем. Перечень переводов появился уже в 1903 г. в «Антологии русской литературы», составленной Лео Винером [122]. К книге Гетмана «Тургенев в Англии и Америке» приложена обстоятельно составленная библиография, включающая 229 записей (переводы — 86; литература о Тургеневе — 143) и завершающаяся 1936 г.

В рассматриваемый нами период вышли два общих библиографических справочника по русской литературе, в которых Тургеневу отведены специальные разделы. Это американский библиографический словарь В. Сноу «Русские писатели» (1946) [123], охватывающий период от второй половины XVIII в. до 1917 г., и «Русская литература, театр и искусство. Библиография произведений на английском языке, опубликованных с 1900 по 1945 г.», составленная в Англии А. Эттлингером и Дж. М. Гладстон [124].

Однако эти пособия не давали полной информации о Тургеневе, в библиографии же Гетмана имеются пропуски, к тому же к 50-м годам она значительно устарела. Поэтому в 1958 г. в связи с 75-летием со дня смерти Тургенева в Нью-йоркской публичной библиотеке было предпринято составление библиографического указателя «Тургенев на английском языке». Работа эта затянулась, и указатель был издан только в 1962 г. [125] Составители его: Рисса Яхнин и Дэвид Стэм. В качестве введения помещена статья М. Слонима «Новая встреча с Тургеневым», которая цитировалась нами выше [126].

Указатель доходит до 1961 г. и включает 582 номера, из них 308 относятся к переводам произведений Тургенева и 274 — к литературе о нем. Первая часть — «Произведения Тургенева», состоит из разделов: «Собрания сочинений» (который в свою очередь подразделяется на «Сочинения» и «Избранные повести и пьесы»), «Отдельные публикации» и «Статьи, повести и стихотворения, опубликованные в антологиях и периодических изданиях».

Во вторую часть включены не только статьи и книги, посвященные непосредственно Тургеневу, но также общие работы по истории русской литературы и русской общественной мысли, в которых говорится о нем.

Однако, несмотря на тщательную работу, проделанную составителями, которые обследовали каталоги и собрания Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, Нью-йоркской публичной библиотеки, Библиотеки Британского музея, а также библиотек нескольких американских университетов и благодаря этому выявили десятки ранее не учтенных публикаций, указатель все же не является исчерпывающим. Достаточно сказать, что в перечне литературы, соответствующей теме настоящего обзора, отсутствуют не только написанные по-английски исследования шведских ученых, но также и ряд работ, принадлежащих английским и американским авторам [127].

Неполнота указателя усугубляется еще и тем, что составители его отказались от полного учета рецензий на переводы произведений Тургенева и книги о нем, вышедшие в XX в.

И все же, несмотря на эти досадные пробелы, справочник «Тургенев на английском языке» является весьма полезным пособием [128]. Теперь, после его выхода, стало возможным представить себе ту поистине широкую популярность, которой пользуется писатель в странах английского языка [129].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Photographs from Russian Life».— «Fraser's Magazine», 1854, v. L, p. 209—222.— Истории восприятия Тургенева в Англии и США посвящено исследование: Royal A. Gettmann. Turgenev in England and America. Urbana, The University of Illinois Press, 1941. Гетман доводит изложение до 1937 г. Сведения, относящиеся к XIX в., см. также: М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника».— В кн.: «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сборник статей и материалов. Орел, 1955, стр. 86—103; перепеч.: Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей. Пособие для учителя. М., 1959, стр. 69—140.

[2] «The Children of the Czar»; «More Children of the Czar»; «Nothing Like Russian Leather»; «A Russian Singing Match».— «Household Words», 1855, v. XI, p. 108—114, 227—232, 286—288; v. XII, p. 402—405.

[3] Russian Life in the Interior, or the Experiences of a Sportsman. By Ivan Tourgheneieff of Moscow. Edited by James D. Meiklejohn. Edinburgh, 1855 (перевод был сделан с плохого французского перевода Э. Шаррьера).

[4] Ivan Turguenief. Liza. Translated from the Russian by W. R. S. Ralston. 2 vols. London, 1869 (перевод впоследствии перепечатывался).

[5] I. Tourgieneff. On the Eve. Translated from the Russian by C. E. Turner. London, 1871.

[6] «The Works of Ivan Serguevitch Turgenev».— «British Quarterly Review», v. L, 1869, p. 423—447.

[7] I. S. Tourgénief. Virgin Soil. Translated by Ashton W. Dilke. London, 1878.

[8] W. R. S. Ralston. Russian Revolutionary Literature.— «Nineteenth Century», 1877, v. I, p. 397—416; 〈П. Л. Лавров.〉 «Nov». By Ivan Tourguénief.— «The Athenaeum», 1877, February 17, № 2573, p. 217—218 (текст перепеч. в настоящ. томе, стр. 197—206); «Russia and Nihilism in the Novels of Tourgénev».— «Blackwood's Magazine», 1880, v. CXXVII, p. 623—647; C. E. Turner. Tourgenieff's Novels as Interpreting the Political Movement in Russia.— «Macmillan's Magazine», 1882, v. XLV, p. 471—486.

[9] См. Д.-С.-Г. Симмонс. Тургенев и Оксфорд.— В кн.: «Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева». М.— Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 392—398. О пребывании писателя в Англии см. также: Н. М. Гутьяр. Поездки И. С. Тургенева в Англию.— «Известия Кубанского пед. ин-та», Краснодар, 1929, т. II-III, стр. 243—252.

[10] «Athenaeum», 1883, September 8, p. 305.

[11] «Academy», 1883, v. XXIV, September 15, p. 179—180.

[12] I. S. Turgenef. Fathers and Sons. A Novel. Translated from the Russian with the Approval of the Author by Eugene Schuyler. New York, 1867.

[13] The Novels of Ivan Turgenev. Translated by C. Garnett. 15 vols. London, 1894—1899. См. А. Тове. Констанция Гарнет — переводчик и пропагандист русской литературы.— «Русская литература», 1958, № 4, стр. 193—199.

[14] М. П. Алексеев. Мировое значение «Записок охотника».— Сб. «Записки охотника» И. С. Тургенева, стр. 93.

[15] Не имея возможности остановиться здесь подробнее на этих вопросах, отсылаем читателей к упоминавшимся работам Р. Гетмана и М. П. Алексеева. Из советских работ следует назвать также статью: Б. А. Гиленсон. Тургенев в американской критике.— «Учен. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. XLVIII, серия филолог., 1958, стр. 99—107. Ряд существенных сведений содержится в статьях: Л. В. Пумпянский. Тургенев и Запад.— Т. Сб. Орел, 1940, стр. 90—107; Д. Г. Жантиева. Эстетические взгляды английских писателей конца XIX — начала XX века и русская классическая литература.— Сб. «Из истории литературных связей XIX века». М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 167—226. Об отношении к Тургеневу отдельных писателей см.: Н. И. Самохвалов. Генри Джеймз. Опыт истолкования творчества.—«Уч. зап. Краснодарского гос. пед. ин-та»,вып. XVIII,1956,стр,106—129;М.И. Воропанова. Д. Голсуорси о русской литературе. (Обзор материалов).—«Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. CXXX, 1958, стр. 171—184; О. Гридина. Джон Голсуорси и Иван Тургенев.— В сб. «Вопросы славянской филологии», вып. 1. Львов, 1960, стр. 81—89; А. А. Елистратова. Вильям Дин Гоуэлс и Генри Джеймс.— В сб. «Проблемы истории литературы США». М., изд-во «Наука», 1964, стр. 241—242, 259, 273—276.

[16] John Galsworthy. Six Novelists in Profile. An Address (1924).—В его кн.: Castles in Spain and other Screeds. Leipzig, 〈1928〉, p. 178, 180.

[17] J. B. Priestley. Literature and Western Man. London—Melbourne—Toronto, 1960, p. 245.

[18] «Encyclopaedia Britannica», v. XXII. Chicago — London — Toronto, 1947, p. 585b. Ср.: «Многим английским писателям и читателям русская литература была представлена страницами Тургенева» (Clarence Decker. Victorian Comment on Rus-

sian Realism.—«Publications of the Modern Language Association of America», v. LII, N 2, 1937, June, p. 542).

[19] Marc S l o n i m. Turgenev Revisited.— Вступ. статья в кн.: «Turgenev in English». New York, 1962, p. 9.

[20] Отметим, в частности, недавно вышедший перевод «Отцов и детей», сделанный Аврил Паймен и, по нашему мнению, превосходящий все предшествующие переводы этого романа: Ivan S. T u r g e n e v. Fathers and Children. Translated by Avril Pyman. Introduction by Nikolay Andreyev. London — New York, 1962. См. статью А. Паймен «Как я переводила Тургенева на английский» (сб. «Мастерство перевода. 1964». М., 1965, стр. 377—392).

[21] См. рецензии: I. C. T r e w i n. Affairs of the Heart.— «The Illustrated London News», 1949, v. 215, № 5774, p. 956; Eric B e n t l e y. A Great Play Superbly Done.—«New Republic», v. CXXXIV, № 17, 1956, April 23, p. 21—22; Edith O l i v e r. The Theatre.— «The New Yorker», v. XXXIX, 1963, 8 June, p. 126.

[22] Cyril B r y n e r. Turgenev and the English-Speaking World.—Three Papers in Slavonic Studies... Vancouver, Canada, 1958, p. 8.—Брайнер учитывал переводы не только на английский, но и на другие языки.

[23] Мы пользовались текущим библиографическим изданием: Cumulative Book Index. A World List of Books in the English Language. New York.—Сведения, сообщаемые этим справочником, не совсем полны: в вышедшей в 1962 г. библиографии «Turgenev in English» указано 57 отдельных изданий произведений писателя за этот период. Но нас в данном случае интересуют не столько абсолютные цифры изданий, сколько отношения между ними.

[24] Noel A n n a n. Novelist-Philosophers III: Turgenev.— «Horizon», v. XI, № 63, 1945, March, p. 152.

[25] Virginia W o o l f. The Novels of Turgenev.— «Yale Review», v. XXIII, 1934, Winter, p. 276—283.

[26] Frank H a r r i s. Contemporary Portraits. 4th series. London, 1924, p. 50.

[27] Ivan T u r g e n e v. Fathers and Sons. Translated from the Russian by Constance Garnett with a foreword by Sinclair Lewis. New York, 1943, p. V—VI.— Имеется русский перевод этого предисловия, но неточный и содержащий ошибки: «Синклер Льюис о Тургеневе». Сообщение и перевод Б. А. Гиленсона.— «Вопросы литературы», 1958, № 9, стр. 89—91.

[28] Avrahm Y a r m o l i n s k y. Turgenev: the Man, His Art and His Age. New York, 1959, p. V.

[29] J. B. P r i e s t l e y. Указ. изд., стр. 246.

[30] «Turgenev in English», p. 15.

[31] Далее частично используются материалы нашей статьи «Новейшая зарубежная литература о Тургеневе. (1945—1956)».— «Русская литература», 1958, № 2, стр. 190—204.

[32] *Henri G r a n j a r d. Ivan Tourguénev et les courants politiques et sociaux de* son temps. Paris, 1954 (переизд.: 1966). Об этой монографии см.: «Вопросы литературы», 1957, № 4 стр. 223—229; «Русская литература», 1958, № 2, стр. 190—192.

[33] Avrahm Y a r m o l i n s k y. Turgenev: the Man, His Art and His Age. London, 1926.

[34] W. S. B a i l e y. Turgenev and Tolstoy.—«Anglo-Soviet Journal», v. XXI, № 4, Winter 1960, p. 40.

[35] C. B r y n e r. Указ. изд., стр. 18.

[36] Donald D a v i e. Turgenev in England, 1850—1950.—Studies in Russian and Polish Literature. In Honor of Wacław Lednicki's Gravenhage, 1962, p. 183.

[37] Avrahm Y a r m o l i n s k y. Turgenev: the Man, His Art and His Age. New York, 1959.

[38] Myrick L a n d. The Fine Art of Literary Mayhem. A Lively Account of Famous Writers and Their Feuds. New York, 1963, p. 49—69.

[39] Цитата из письма Тургенева к А. Ф. Онегину от 2/14 марта 1876 г., которое связано с его конфликтом с Достоевским.

[40] David M a g a r s h a c k. Turgenev: a Life. London, 1954.

[41] R. A. G e t t m a n n. Указ. изд., стр. 181.

[42] Стремление истолковать автобиографически любое произведение Тургенева приводит иногда Магаршака к нелепым ошибкам. Так, по его мнению, в комедии «Неосторожность» (1843) отразился треугольник Тургенев—Полина Виардо—Луи Виардо. Между тем знакомство писателя с семейством Виардо произошло после написания комедии.

[43] H. G i f f o r d. Golden Age of the Russian Novel.— «Anglo-Soviet Journal», v. XV, № 4, Winter 1954/1955, p. 46.

[44] «Turgenev's Literary Reminiscences and Autobiographical Fragments». Translated with an introduction by David Magarshack and with an Essay on Turgenev by Edmund Wilson. London, 1958.

[45] Edmund W i l s o n. Turgenev and the Life-Giving Drop.— «The New Yorker», 1957, October 19, p. 163—216.

[46] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину.— «Нива», 1884, № 4, стр. 92 (эту сказку Тургенев рассказал детям Полонского).

[47] В. Н. Житова. Воспоминания о семье И. С. Тургенева.— «Вестник Европы» 1884, № 11, стр. 72—124; № 12, стр. 569—631.— Только недавно эти воспоминания были переизданы (Тула, 1961).

[48] V. N. Zhitova. The Turgenev Family. Translated by A. S. Mills. Introduction by Meyendorf. London, 1947; New York, 1954.

[49] «Turgenev's Literary Reminiscences...», p. 30.

[50] Там же.

[51] Marc Slonim. The Epic of Russian Literature. From its Origins through Tolstoy. New York, 1950, p. 250—271; Marc Slonim. An Outline of Russian Literature. London — New York — Toronto, 1958, p. 89—98.

[52] Helen Muchnic. An Introduction to Russian Literature. Garden City, New York, 1947, p. 125—149.

[53] Janko Lavrin. From Pushkin to Mayakovsky, a Study in the Evolution of a Literature. London, 1948, p. 104—122.

[54] Beatrice Saunders. Portraits of Genius. London, 1959, p. 168—178.

[55] Richard Hare. Portraits of Russian Personalities between Reform and Revolution. London — New York — Toronto, 1959, p. 68—103.— Хайр также посвятил Тургеневу главу в книге: «Russian Literature from Pushkin to the Present Day» (London, 1947, p. 63—77), оставшейся нам недоступной.

[56] Nicholas N. Sergievski. The Tragedy of a Great Love: Turgenev and Pauline Viardot.— «American Slavic and East European Review», v. V, № 14-15, 1946, November, p. 55—71.

[57] Sergei Bertensson. Turgenev and Savina.— «American Slavic and East European Review», v. XVII, №, 4, 1958, December, p. 530—533.

[58] Michael Ginsburg. Koni and his Contemporaries: Authors.— «Indiana Slavic Studies» (Bloomington, Ind.), v. I, 1956, p. 53—95 (о Тургеневе — p. 57—60).

[59] Isaiah Berlin. An Episode in the Life of Ivan Turgenev.— «The London Magazine», v. IV, № 7, 1957, July, p. 14—24.

[60] I. S. Turgenev. Fire at Sea.— «The Reporter», v. XVIII, № 4, 1958, February 20, p. 31—34.

[61] A. E. Carter. Tourgueneff's New Year's Greeting to Flaubert.—«Modern Language Notes», v. LXIV, № 2, 1949, February, p. 115.

[62] Harry Hershkowitz. Democratic Ideas in Turgenev's Works. New York, 1932.

[63] Подробнее о книге Гершковица — см. в статье: Б. А. Гиленсон. Тургенев в американской критике, стр. 105—106.

[64] Richard Freeborn. Turgenev: the Novelist's Novelist. A Study. London, Oxford University Press, 1960.

[65] Цит. по кн.: R. A. Gettmann. Turgenev in England and America, p. 131.

[66] R. Freeborn. Указ. изд., стр. XII.

[67] Выражение «the beautiful genius» по отношению к Тургеневу принадлежит тоже Генри Джеймсу. По свидетельству Форда Мэдокса Форда, Джеймс назвал русского писателя: «единственный поистине прекрасный гений» (цит. по кн.: R. Freeborn. Указ. изд., стр. 179).

[68] См. критику книги Фриборна в статье: А. Григорьев. Накануне V съезда славистов. (Изучение русской классической литературы за рубежом после IV Международного съезда славистов).— «Русская литература», 1963, № 1, стр. 192—193.

[69] Henry Gifford. The Hero of His Time. A Theme in Russian Literature. London, 1950 (о Тургеневе — стр. 141—148, 158—176).

[70] Irving Howe. Turgenev: the Virtues of Hesitation.— «Hudson Review» (New York), v. VIII, № 4, 1956, p. 533—551.

[71] Irving Howe. Politics and the Novel. New York, 1957 (Ch. 5. Turgenev. The Politics of Hesitation — p. 114—138).

[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

[73] Lionel Kochan. Russian History in Turgenev's Novels.— «History Today», v. XIV, № 1, 1964, January, p. 25—33.

[74] Ralph E. Matlaw. Turgenev's Art in «Spring Torrents».— «The Slavonic and East European Review», v. XXXV, № 84, 1956, p. 157—171.

[75] Ralph E. Matlaw. Turgenev's Novels; Civic Responsibility and Literary Predilection.— «Harvard Slavic Studies», v. IV. «Russian Thought and Politics», 1957, p. 249—262.

[76] Lord David Cecil. Turgenev.— «Fortnightly», v. CLXIV, 1948, p. 42—49; перепеч.: «Virginia Quarterly Review», v. XXIV, 1948, p. 591—601. Статья включена в книгу очерков критика: «Poets and Story-Tellers; a Book of critical Essays» (London, 1949, p. 123—138).

[77] Alfred Kazin. The Un-Russian Russians.—«New York Times Book Review», 1950, March 12.— Нам осталась недоступной другая статья Кейзина «Turgenev and

the Non-Russians», вошедшая в его сборник «The Inmost Leaf» (New York, 1955). Впрочем, возможно, что это та же самая статья, только напечатанная под измененным заглавием.

[78] Wacław L e d n i c k i. «The Nest of Gentlefolk» and «Poetry of Marriage and the Hearth».— «The American Slavic and East European Review», v. V, № 14-15, 1946, p. 72—98; Wacław L e d n i c k i. Bits of Table Talk on Pushkin, Mickiewicz, Goethe, Turgenev and Sienkiewicz.— «The Hague», 1956, p. 60—86. Первоначальный вариант статьи был напечатан в Польше еще до второй мировой войны: «Gniazdo szlacheckie» a «Poezja małżeństwa i domu».— «Puszkin 1837—1937». Kraków, 1939, str. 363—386.

[79] Charles M o r g a n. Turgenev's Treatment of a Love Story.— «Essays by Divers Hands, being the Transactions of the Royal Society of Literature of the United Kingdom», new series, v. XXV. London, 1950, p. 102—119.

[80] Nina B r o d i a n s k y. Turgenev's Short Stories. A Revaluation.— «The Slavonic and East European Review», v. XXXII, № 78, 1953, p. 70—91.

[81] Peter N a t h a n. Retreat from Reason. An Essay on the Intellectual Life of Our Time. London — Melbourne — Toronto, 1955 (о Тургеневе — p. 104—109).

[82] Sister Consolata D e l a n e y. Turgenev's Sportsman: Experiment in Unity.— «The Slavic and East European Journal», v. VIII, № 1, 1964, p. 17—25.

[83] Joseph L. C o n r a d. Turgenev's «Asja»: an Analysis.— «The Slavic and East European Journal», v. VIII, № 4, 1964, p. 391—400.

[84] Dorothy B r e w s t e r. East-West Passage. A Study in Literary Relationships. London, 1954 (Turgenev, I. S.— по указателю). См. рецензию: А. И. С т а р ц е в. Русские классики за рубежом.— «Литературная газета», 1955, № 109, 13 сентября.

[85] Gilbert P h e l p s. The Russian Novel in English Fiction. London, 1956 (Тургеневу посвящены главы: III. «A Nest of Gentlefolk at Six Mile Bottom»; IV. «A Nest of Gentlefolk at Cambridge, Massachusetts»; V. «The Beautiful Genius»; VI. «The Novelists' Novelist»; VII. «The Novelists' Novelist and Mrs. Brown»). См. Д. Г. Ж а н т и е в а. Книга о русско-английских литературных связях.— «Вопросы литературы», 1957, № 3, стр. 228—233.

[86] Cyril B r y n e r. Turgenev and the English-Speaking World.— Three Papers in Slavonic Studies Presented at the Fourth International Congress of Slavists Held in Moscow, USSR, 1958. Vancouver, Canada, 1958, p. 3—19. См. резюме доклада: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 367—368.

[87] См. выступление А. Г. Цейтлина.— «IV Международный съезд славистов...», стр. 372—374.

[88] Donald D a v i e. Turgenev in England, 1850—1950.—Studies in Russian and Polish Literature. In Honor of Wacław Lednicki.'s Gravenhage, 1962, p. 168—184.

[89] Harold O r e l. English Critics and the Russian Novel, 1850—1917.— «The Slavonic and East European Review», v. XXXIII, № 81, 1955, p. 457—469.

[90] Daniel L e r n e r. The Influence of Turgenev on Henry James.— «The Slavonic and East European Review», v. XX, № 1, 1941, p. 28—54.

[91] Viola R. D u n b a r. The Problem in «Roderick Hudson».— «Modern Language Notes», v. LXII, № 2, 1952, p. 109—113.

[92] Oscar C a r g i l l. «The Princess Casamassima»: a Critical Reapparisal.— «Publications of Modern Language Association of America», v. LXXI, № 1, 1956, p. 97—117.

[93] Eunice C. H a m i l t o n. Henry James's *The Princess Casamassima* and Ivan Turgenev's *Virgin Soil*.—«The South Atlantic Quarterly», v. LXI, № 3, 1962, Summer, p. 354—364.

[94] Henry J a m e s. Ivan Turgenef's New Novel.— «Nation», v. XXIV, № 617, 1877, April 26, p. 252—253.

[95] Oscar C a r g i l l. The First International Novel.— «Publications of Modern Language Association of America», v. LXXIII, № 4, 1958, p. 418—425. — Впоследствии материалы названных статей Каргилла вошли в его книгу «The Novels of Henry James» (New York, 1961, p. 51—52, 146—149). Критику взглядов Каргилла — см. в упомянутой выше (прим. 15) статье А. А. Елистратовой.

[96] Lars Å h n e b r i n k. The Beginnings of Naturalism in American Fiction. A Study of the Works of Hamlin Garland, Stephen Crane and Frank Norris with special reference of some European influences (1891—1903). Upsala—Cambridge, Massachusetts, 1950 (Chapter XII. «The Influence of Turgenev», p. 315—342). Переиздано: New York, 1961.

[97] Olov W. F r y c k s t e d t. In Quest of America. A Study of Howells' Early Development as a Novelist. Upsala, 1958 (Ch. XI. «The Lesson of Turgenev»; Ch. XII. «Turgenev: „A Just Man's Experience of Men"», p. 162—191). См. Б. А. Г и л е н с о н. Новые работы о Гоуэлсе.— «Вопросы литературы», 1961, № 7, стр. 224—225.

[98] Jack A. P o s i n. «A Sportsman's Sketches» by Turgenev versus «Uncle Tom's Cabin» by Beecher Stowe: A study of understatement.— В кн.: «Comparative literature. Proceedings of the Second congress of the International comparative literature association», v. II. Chapel Hill, 1959, p. 455—462.

[99] Albert K a s p i n. «Uncle Tom's cabin» and «Uncle» Akim's Inn: More of Harriet

Beecher Stowe and Turgenev.— «The Slavic and East European Journal», v. IX, № 1, Spring 1965, p. 47—55.

[100] Richard George K a p p l e r. Turgenev and the French (1960)— см. «Turgenev in English». New York, 1962, p. 42 (№ 581).

[101] A. B. M u r p h y. The Influence of Flaubert on Turgenev. London, 1955. Сообщено: Theses and Dissertations. London, 1956, p. 9.

[102] F. W. J. H e m m i n g s. The Russian Novel in France. 1884—1914. London, 1950.

[103] Oscar M a n d e l. Molière and Turgenev: the Literature of No-Judgement.— «Comparative Literature», v. XI, № 3, 1959, p. 233—249.

[104] T. J. R e e d. Mann and Turgenev. A First Love.— «German Life and Letters», v. XVII, № 4, 1964, July, p. 313—318.

[105] Milton H i n d u s. The Duels in Mann and Turgenev.— «Comparative Literature», v. XI, № 4, 1959, p. 308—312.

[106] Seymour L a i n o f f. The Country Doctors of Kafka and Turgenev.— «Symposium», v. XVI, № 2, 1962, p. 130—135.

[107] Charles E. P a s s a g e. The Russian Hoffmannists. The Hague, 1963, p. 192—194.

[108] E. D. G o y. The Attitude of the Serbs to Turgenev's Works in the 19th Century.— «The Slavonic and East European Review», v. XXXVI, № 86, 1957, p. 123—149.

[109] William B. E d g e r t o n. The Penetration of Nineteenth-Century Russian Literature into the Other Slavic Countries.—American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia, 1963. The Hague, 1963, p. 41—78 (о Тургеневе— стр. 47—59).

[110] Z. F o l e j e w s k i. Turgenev and Prus.—«The Slavonic and East European Review», v. XXIX, № 72, 1950, p. 132—138.

[111] Channcey E. F i n c h. Turgenev as a Student of the Classics.— «The Classical Journal» (Evanston), v. XLIX, № 3, 1953, p. 117—122.

[112] Jean S e z n e c. Lettres de Tourguéneff à Henry James.— «Comparative Literature», v. I, № 3, 1949, Summer, p. 193—209.

[113] Walter A. S t r a u s s. Turgenev in the Role of Publicity Agent for Flaubert's «La Tentation de Saint Antoine».— «Harvard Library Bulletin», v. II, № 3, 1948, p. 405—410.

[114] Ralph E. M a t l a w. A New Letter of Turgenev.— Там же, v. XII, № 2, 1958, p. 268—270.

[115] Дм. Ч и ж е в с к и й. Записки и письма И. С. Тургенева к М. А. и Н. А. Милютиным.— «Русский литературный архив». Под ред. М. Карповича и Дм. Чижевского. Нью-Йорк, 1956, стр. 82—132. До этого напечатано сообщение: Dmitrij C i ž e v s k y. Manuscripts of Dostoevsky and Turgenev at Harvard.— «Harvard Library Bulletin», v. IX, № 3, 1955, p. 410—415.

[116] М. А. С т и л ь (Милютина). Иван Сергеевич Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным. 1867—1875 гг.— «Русская старина», 1884, № 1, стр. 175—194.

[117] I. de Vries-de G u n z b u r g. Some Letters of Ivan Turgenev to Baron Horace de Gunzburg, 1877—83.— «Oxford Slavonic Papers», v. IX, 1960, p. 73—103.

[118] A. J a r m o l i n s k y. Turgenev..., 1959, p. 342.

[119] Una P o p e - H e n n e s s y. The Gad's Hill Library.— «The Dickensian», v. XLI, № 274, 1945, p. 61.— Текст надписи воспроизведен в статье М. П. Алексеева «Мировое значение „Записок охотника"». — Сб. «Записки охотника» И. С. Тургенева, стр. 90.

[120] «Turgenev's Letters». A Selection Edited and Translated from the Russian, French and German Originals by Edgar H. Lehrman. New York, 1961.

[121] См. «Russian Review», v. XX, № 4, 1961, October, p. 365—367 (Jack A. P o s i n).

[122] «Anthology of Russian Literature». Edited by Leo Wiener. New York, 1903, p. 281—282.

[123] Valentine S n o w. Russian Writers; a Bio-bibliographical dictionary. From the Age of Catherine II to the October Revolution of 1917, v. I. New York, 1946, p. 197—202.

[124] Amrei E t t l i n g e r and Joan M. G l a d s t o n e. Russian Literature, Theatre and Art. A Bibliography of Works in English, published 1900—1945. London, 1947, p. 86—88.

[125] «Turgenev in English. A Checklist of Works by and about Him». Complied by Rissa Y a c h n i n and David H. S t a m. With an Introductory Essay by Marc S l o n i m. New York, 1962.

[126] Статья Слонима была первоначально напечатана в журнале: «Bulletin of the New York Public Library», v. LXV, № 9, 1961, November, p. 570—576.

[127] В частности, в указателе не учтены рассмотренные в настоящем обзоре статьи В. Дунбар (см. выше прим. 91), Дж. Позина (прим. 98), Ч. Финча (прим. 111), очерк в книге Б. Сондерс (прим. 54), первая английская публикация статьи В. Ледницкого (прим. 78), перепечатка статьи И. Хау (прим. 71) и др.

[128] Более подробный разбор библиографии «Тургенев на английском языке» см. в нашей рецензии: «Русская литература», 1965, № 2, стр. 250—254.

[129] При составлении настоящего обзора ряд работ о Тургеневе, написанных в Англии и Америке, остался нам недоступным. В их числе: George H a l p e r i n. Tolstoy, Dostoevski, Tourgenev. The Three Great Men in Russia's World of Literature. Chicago, 1946; William Henry C h a m b e r l i n. Turgenev: the Eternal Romantic.— «Russian Review», v. V, № 2, 1946, p. 10—23; David F o o t m a n. Turgenev rediscovered.— «Listener», v. XLV, 1951, April 5, p. 546—547; David G a r n e t t. Turgenev, Madame Viardot and «A Month in the Country».— «Adelphi», v. XXVII. № 4, 1951, p. 346—350; Quixotic Hamlet.— «MD, Medical News Magazine», v. V, № 2, 1961, February, p. 180—191; Zbigniew F o l e j e w s k i. The Recent Storm around Turgenev as a Point in Soviet Aesthetics.—«The Slavic and East European Journal», v. VI, № 1, 1962, p. 21—27. Наименее полно представлены работы 1960-х гг. Не рассматривалась статья: A. W a l i c k i. Turgenev and Schopenhauer.—«Oxford Slavonic Papers», v. X, 1962, p. 1—17, поскольку автор ее — польский ученый, профессор Варшавского университета, и первоначально в более полном виде она публиковалась под заглавием: «O „schopenhaueryzmie" Turgieniewa» — в кн. A. W a l i c k i. Osobowošč a historia. Warszawa, 1959, str. 278—354.

ДЖОЗЕФ КОНРАД О ТУРГЕНЕВЕ

Публикация М. И. Перпер

Небольшая статья Джозефа *Конрада* (1857—1924) о Тургеневе осталась незамеченной в Англии и совсем неизвестной у нас. Она была написана в 1917 г. в виде письма к Эдуарду Гарнету, собиравшемуся тогда выпустить в свет свою книгу о Тургеневе, и была помещена в этой книге в качестве предисловия. Небольшая книга Гарнета образовалась из писавшихся им на протяжении ряда лет вступительных очерков к отдельным томам сочинений Тургенева, которые переводила его жена Констанция Гарнет. Первые два тома — переведенные ею «Рудин» и «Дворянское гнездо» — вышли в 1894 г. с предисловиями С. М. Степняка-Кравчинского. После гибели его в 1895 г. вступительные статьи стал писать Гарнет, возможно, пользовавшийся и некоторыми материалами Степняка (в частности, его незавершенной работой о Тургеневе — см. настоящ. том, стр. 255—276) и не раз, вероятно, беседовавший с ним о Тургеневе и о других русских писателях.

Конрад в своем предисловии подчеркивает значение большого труда переводчицы, недостаточно оцененного современниками. Хвалит он и книгу Э. Гарнета, действительно написанную серьезно и добросовестно, дающую в общем верное представление о творчестве Тургенева читателям другой страны. В небольшой статье Конрада явственно звучит горечь писателя, изнемогающего в борьбе с чуждым и враждебным ему миром, видящего вокруг невежественную толпу, которой нужно не искусство, а ярмарочные балаганы и уроды, и предчувствующего дальнейший упадок литературы. Конрад не просто скорбит о недостаточном уважении к памяти «глубоко человечного» и «глубоко национального» писателя, бывшего для него воплощением истинно великой литературы, недосягаемым образцом настоящего искусства; его мучит тревога о судьбах цивилизации и человечества.

Готовя незадолго до смерти сборник своих заметок и статей, которые он считал достойными сохранения, Конрад включил в него и это предисловие (сняв только обращение и подпись, придававшие статье вид письма). Этот сборник вышел в 1926 г. и был переиздан в 1941 г. без изменений. С текста этого издания («Notes on life and letters») и сделан настоящий перевод, сверенный с текстом 1917 г., а также с подлинным письмом Конрада к Э. Гарнету, представляющим как бы черновой набросок этой статьи (опубликовано в составе переписки Конрада).

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ Э. ГАРНЕТА «ТУРГЕНЕВ». Лондон, 1917

Дорогой Эдуард,

я очень рад, что вы собираетесь опубликовать книгу о Тургеневе, этом счастливом художнике, который так много сумел найти в жизни для нас — и для себя, без сомнения, тоже, — за исключением простой справедливости. Но, быть может, и это придет к нему—со временем. И ваша книга поможет торжеству справедливости. Ведь Тургеневу продолжает везти

и после смерти. Чего большего мог желать такой художник, как найти в мире говорящих по-английски переводчика, который не упустит ничего из тончайших, самых незаметных красот его произведений, и критика, который с полным сочувствием и глубоким проникновением рассмотрит его сочинения, указав все их достоинства.

Двадцать с лишним лет дружбы (моей первой литературной дружбы!) дают мне право так говорить о ваших замечательных вступительных статьях, появлявшихся время от времени в томах полного собрания сочинений Тургенева, последний из которых был предложен равнодушной публике в девяносто девятом году девятнадцатого века. Можно было бы утверждать, пожалуй, что тогда пришел конец и веку Тургенева; но такое простое и человечное творчество, свободное от всяких преходящих формул и теорий искусства, принадлежит «всем временам», как вы указали в предисловии к «Дыму».

Творческая деятельность Тургенева охватывает около тридцати лет. В последующие годы социальная и политическая жизнь России развивалась много быстрее, но глубокие источники этих изменений, кроющиеся в интеллектуальном и моральном беспокойстве людей, запечатлены с безошибочной проницательностью великого национального писателя во всех его творениях. Пробуждение, первые движения этих могучих сил обнаруживаются чуть ли не на каждой странице его романов, рассказов и «Записок охотника» — великолепных картин природы, населенных незабываемыми образами. Эти произведения никогда не устареют. Меняется мода на уродливое, но человеческая правда вечна и неизменна во всем бесконечном разнообразии ее проявлений. Действительно ли окажется «вечным» искусство Тургенева, сумевшего схватить ее так уверенно и так осторожно? Поскольку вы сами утверждаете, что он подвергает все проблемы и всех своих героев испытанию любовью, будем надеяться, что его творчество сохранится, по крайней мере, до тех пор, пока бесконечное разнообразие любовных чувств не будет вытеснено упрощенной точностью усовершенствованной евгеники. Но даже и тогда, думается, женщины не намного изменятся, а женщины Тургенева, изображенные с таким нежным и благоговейным пониманием и с такой силой чувства, несомненно останутся навеки.

Женщины, можно сказать, основа его искусства. Конечно, русские женщины. Не было еще на свете писателя столь глубоко, всей душой, национального.

Но для нерусских читателей Россия Тургенева — лишь полотно, на котором несравненный художник человечества создает красочные образы в ярком свете мирового простора. Если бы он выдумал своих героев, каждый камешек и травинку, все эти ручьи, холмы и поля, среди которых они движутся, все равно, они были бы столь же истинными, столь же глубоко волнующими в их трудных судьбах. Это его создания и, в то же время, они всеобщи. Их воспринимаешь так же бесспорно, как шекспировских итальянцев.

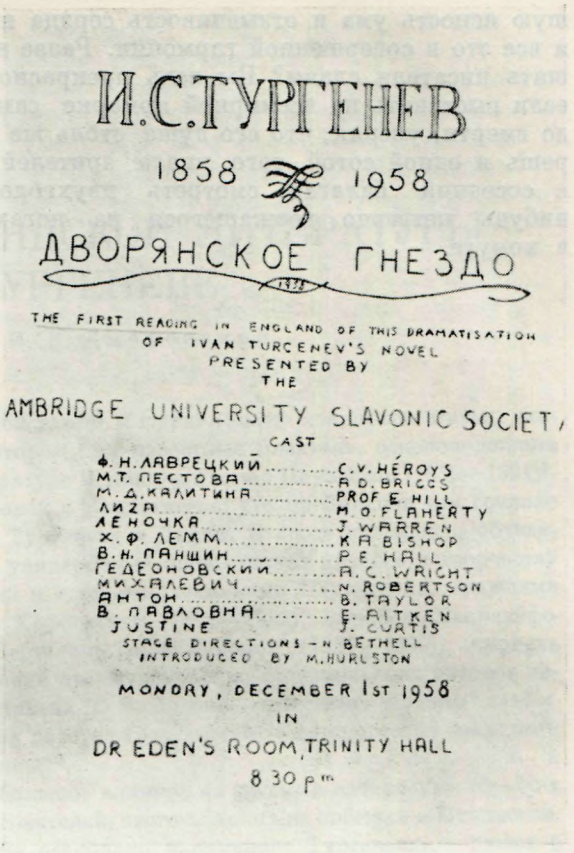
С более широкой, помимо интереса к России, точки зрения именно эта глубочайшая человечность обеспечивает Тургеневу интерес и сочувствие читателей в странах английского языка. Все его персонажи, счастливые и несчастные, угнетенные и угнетатели,— это человеческие существа, а не странные твари в зверинце, не проклятые души, терзающиеся и блуждающие в душных потемках мистических противоречий. Это человеческие существа, достойные жить и страдать, бороться, одерживать победы и терпеть поражения в бесконечной и вдохновляющей, изо дня в день ведущейся погоне за все отступающим будущим.

Я сказал вначале, что ему всегда везло и, в каком-то смысле, это правильно. Но, в конце концов, начинаешь сомневаться в этом. Такое вели-

ПРОГРАММА ИНСЦЕНИРОВАННОГО ЧТЕНИЯ «ДВОРЯНСКОГО ГНЕЗДА» В СЛАВЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 декабря 1958 г.

Музей И. С. Тургенева, Орел


И.С.ТУРГЕНЕВ

1858 1958

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

THE FIRST READING IN ENGLAND OF THIS DRAMATISATION OF IVAN TURGENEV'S NOVEL PRESENTED BY THE

AMBRIDGE UNIVERSITY SLAVONIC SOCIETY

CAST

Ф. Н. ЛАВРЕЦКИЙ ..... C.V. HÉROYS
М.Т. ЛЕСТОВА ..... A.D. BRIGGS
М. Д. КАЛИТИНА ..... PROF E. HILL
ЛИЗА ..... M. O FLAHERTY
ЛЕНОЧКА ..... J. WARREN
Х. Ф. ЛЕММ ..... K.A BISHOP
В. Н. ПАНШИН ..... P.E. HALL
ГЕДЕОНОВСКИЙ ..... A. C. WRIGHT
МИХАЛЕВИЧ ..... N. ROBERTSON
АНТОН ..... B. TAYLOR
В. ПАВЛОВНА ..... E. AITKEN
JUSTINE ..... J. CURTIS

STAGE DIRECTIONS - N BETHELL
INTRODUCED BY M. HURLSTON

MONDAY, DECEMBER 1st 1958

IN

DR EDEN'S ROOM, TRINITY HALL

8 30 p^m

чие без малейшей рисовки, такая тонкость без малейших ухищрений не могли не стать роковыми для влияния любого человека на его современников.

По правде говоря, я вовсе не желаю выступать в роли знатока русской жизни. Я не имею на это права. Я ничего о ней не знаю. Но я твердо знаю несколько общих истин, например, следующую: никому, какой бы высокой душой, бескорыстностью, ясностью цели и чистой совестью он ни обладал, не доставляет удовольствия, когда бóльшую часть жизни его колотят палками. Из того же, что нам известно о его жизни, ясно, что не было, кажется, в России такой палки, которая не годилась бы, чтобы бить Тургенева в последние годы его жизни. Когда он умер, трусливое русское правительство поспешило убрать его останки в могилу, которую не захотело почтить, а чуткие революционеры продолжали бросать его тени упреки и проклятия, от которых столько страдал при жизни этот беспристрастный друг *всех* своих соотечественников. Ведь он тоже был чутким. Каждая страница его писаний свидетельствует, насколько чуждо ему было холодное равнодушие.

А теперь он страдает еще и от других нападок. Поистине, не мучимый ужасами и припадками Достоевский, а спокойный и ясный Тургенев оказывается проклят. Подумать только! Кажется, он получил в колыбели все дары: совершенное здравомыслие и глубочайшую чувствительность, проницательность и отзывчивость, ясность ви́дения и постоянную благожелательность в суждении, тончайшее постижение видимого мира и безошибочное чутье к существенному, основному в жизни человека, величай-

шую ясность ума и отзывчивость сердца и самые широкие симпатии — и все это в совершенной гармонии. Разве не достаточно этого, чтобы лишить писателя славы? Вы ведь прекрасно знаете, дорогой Эдуард, что если выставить на всемирной ярмарке самого Антиноя и надрываться до смерти, уверяя, что его душа столь же прекрасна, как тело, не соберешь и одной сотой того числа зрителей, которые повалят, толкаясь, в соседний балаган смотреть двухголового соловья или какого-нибудь нетвердо держащегося на ногах великана, ухмыляющегося в хомуте.

КЛАССИК ИСЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ТУРГЕНЕВЕ

Сообщение И. В. Дмоховской

3 ноября 1883 г. в рейкьявикской газете «Сюдри» (Sudri) появилась статья, озаглавленная «Иван Тургенев». Ее автором был известный писатель, основоположник реалистического направления в литературе Исландии Гестюр Паульссон (1852—1891)[1]. Паульссон семь лет (1875—1882) провел в Копенгагене; его пребывание там совпало с периодом огромной популярности Тургенева в Дании. В среде исландцев, обучавшихся в ту пору в Копенгагенском университете, существовал интерес к творчеству Тургенева: в издававшемся друзьями и единомышленниками Паульссона, будущими исландскими писателями Ханнесом Хафстейном (1861—1922), Эйнаром Хьорлейфссоном Квараном (1859—1938) и Бертелем Торлейфссоном (1857—1900), журнале «Хеймдатлюр» (1884) среди произведений преимущественно скандинавских авторов печатались и переводы сочинений Тургенева [2]. Возможно, они были сделаны самим Паульссоном. Есть сведения, что он перевел (разумеется, с датского или немецкого текста) несколько рассказов Тургенева [3].

Как известно, Тургенев оказал большое влияние на датскую литературу 70—80-х годов [4]. По мнению некоторых исследователей, этого влияния не избежал и Паульссон. «Выбор материала и его воплощение несколько напоминает Тургенева»,— пишет о Паульссоне литературовед Б. Гисласон [5]. Известный историк исландской литературы С. Эйнарссон называет Тургенева в числе авторов, сыгравших значительную роль в формировании Паульссона как писателя. «Его понимание природы как могучего божества, перед которым человек беспомощен, согласуется со взглядами Тургенева, как Паульссон понимал их»,— отмечает Эйнарссон [6]. В качестве примера приводится рассказ Паульссона «Рулевой Сигурд» [7].

Все это говорит о том, что статья была написана человеком, знавшим и любившим творчество Тургенева.

Основным источником для статьи послужил очерк Георга Брандеса о Тургеневе [8]. Приводим ее текст:

ИВАН ТУРГЕНЕВ*

(9 ноября 1818—4 сентября 1883)[9]

Утром 5 сентября весь культурный мир облетела весть о смерти величайшего русского писателя Тургенева. Это сообщение не оказалось неожиданным, так как было известно, что в последние годы он страдал тяжелой болезнью.

Тургенев — выходец из старинного дворянского рода, давшего России немало славных имен. Сам писатель был богатым человеком, ему принадлежали обширные земельные владения.

---

* Перевод с исландского И. В. Дмоховской.

Еще в юношеские годы проявились его гуманность и свободолюбие. Едва он достиг совершеннолетия, как власти обратили внимание на его либерализм и мягкое обращение с крепостными, и царь Николай, не одобрявший подобных причуд, в 1852 году выслал его из Петербурга в самую глушь России. Любимым занятием Тургенева в ссылке была охота; во время своих охотничьих прогулок писатель мог общаться с простыми людьми, не знавшими его, и таким образом знакомиться с жизнью народа.

Вскоре после окончания срока ссылки (Тургеневу было тогда 36 лет) [10] он уехал за границу и с тех пор только время от времени приезжал в Россию. Жил он в основном в Париже, иногда в Германии — чаще всего в Баден-Бадене, всюду сопровождая свою любимую, г-жу Гарсиа, которой известный французский поэт Альфред де Мюссе посвятил немало стихотворений. Тургенев был достаточно богат, чтобы жить там, где ему хотелось. Все величайшие достижения культуры и искусства Европы были ему открыты. К тому же он сам обладал столь развитым и острым интеллектом, что без труда отбирал из множества впечатлений то, что было наиболее ценным для формирования его поэтического таланта.

Тургенев писал на своем родном языке, русском, но его творчество доступно не только соотечественникам писателя. Его произведения переведены на все европейские языки, кроме исландского *. Образованный мир знает Тургенева только по переводам, но тем не менее он считается одним из величайших писателей нашего времени. Если учесть, что многие прекрасные поэтические места в его произведениях неизбежно теряют свою первоначальную гармонию, переходя из перевода в перевод, в то время как для писателя так много значит язык, вернее сказать, стиль, нельзя не удивляться тому, сколь велика слава Тургенева у всех культурных наций. И это можно объяснить лишь совершенством его мастерства, блещущего в любом переводе.

Тургенев писал исключительно на русском материале, все его основные персонажи русские, и действие в его произведениях происходит чаще всего в России. Он показал все классы России, от крепостных до дворян, но первым своим долгом считал защиту слабых и угнетенных, обличение жестокой несправедливости и закоренелых предрассудков. Именно во многом благодаря его творчеству царь Александр II освободил крестьян от крепостного гнета [12]. Тургенев прекрасно изобразил быт русских поместий — он был по собственному опыту знаком с образом жизни высших классов страны. Но лучшие страницы книг Тургенева посвящены другому — бескрайним, полным мертвого спокойствия лесам и неизмеримым диким степям России. Здесь истинное вдохновение осеняет его, здесь он в своей стихии. И это как нельзя лучше согласуется с его меланхолическим характером и склонностью к одиночеству. Он редко бывал счастлив с людьми; они казались ему неискренними и слабыми существами, героями на словах и трусами на деле. Оставаясь наедине с природой, он словно освобождался от кошмара. Рев бури, ломающей холодными руками миллионы деревьев, был ему приятнее трескотни полоумных, вообразивших, что шумом и криком можно залечить зияющие раны великой России. Эти люди сами не знали, чего хотят, обычно они желали сегодня одного, завтра другого, а если и были у них какие-то туманные замыслы, то не хватало сил для их осуществления. Природа же не меняется, она всегда постоянна и всегда верна себе. Меланхолия Тургенева, глубокая скорбь, бросающая мрачную тень на весь его жизненный путь и все его творчество, возможно, и вызвана его уверенностью в том, что прекраснейшие идеалы, справедливость, разум,

* Вильгельм Мёллер перевел многие произведения Тургенева на датский язык. Это хорошие, тщательно сделанные переводы. Важнейшие из них — «Записки охотника», «Вешние воды», «Отцы и дети», «Новь» и др.— *Прим. Паульссона* [11].

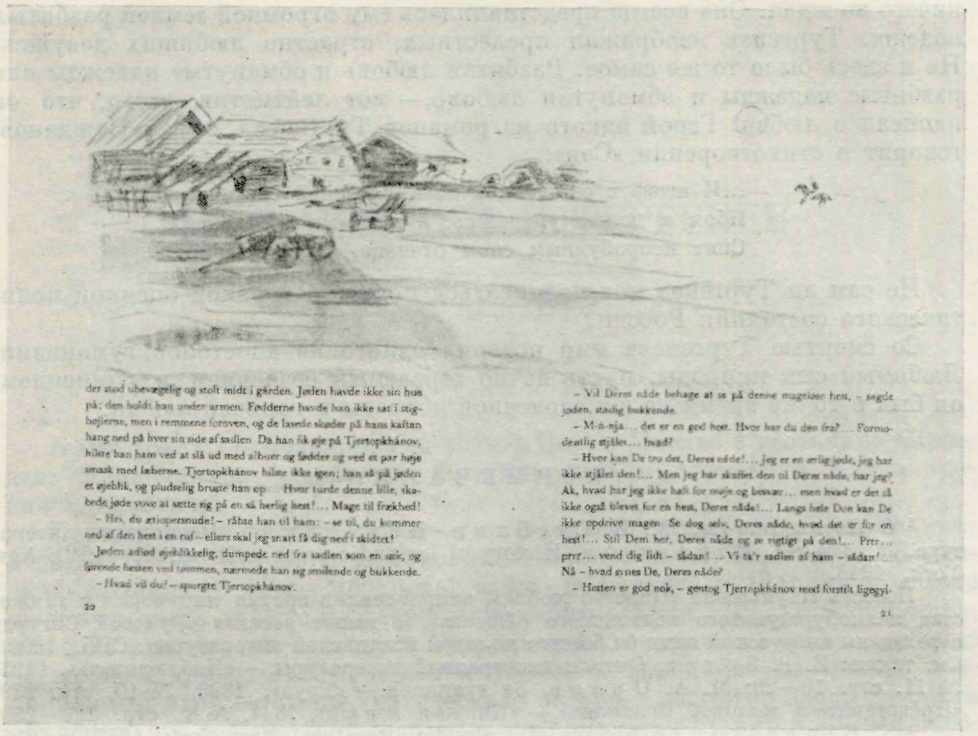


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «КОНЕЦ ЧЕРТОПХАНОВА»
Литография с рисунка датского художника Палле Пио
Из книги: «Y v a n T u r g e n e v. Tjertopkhánovs endeligt». København, 1965

доброта и всеобщее счастье не имеют никакого значения в мире природы. А раз так, то не остается ничего другого, как считать все это миражем, дымом и обратиться к природе — она лишь одна реальна и обладает настоящими ценностями.

Тургенев, несомненно, был реалистом, когда в соответствии со своим характером и взглядами на жизнь изображал мир природы как нечто единственно реальное и верное себе. Он был одним из виднейших вождей реализма. И ему никогда не случалось спотыкаться у того порога, который так часто не могли одолеть другие писатели реалистического направления. Иные из них охотно и многословно описывали безобразное в мире природы, забывая о том, что эти описания лишь тогда становятся достоянием литературы, когда, будучи совершенно правдивыми, несут на себе отпечаток поэтического гения. Этим искусством Тургенев владел в высшей степени. Едва ли найдется художник, который лучше его мог бы найти для всего свое слово. Поэтому нас так и огорчает то, что мы не можем прочесть Тургенева в подлиннике.

Уже говорилось, что Тургеневу была свойственна глубокая меланхолия. Как-то в Париже во время дружеского обеда он сказал такие слова:

«В комнате иногда бывает едва заметный запах мускуса, который никак нельзя выветрить, истребить... Ну вот, так и вокруг меня есть какой-то запах смерти, уничтожения, разложения».

Ничто, может быть, не объяснит нам характера Тургенева лучше, чем эти несколько слов. В конечном счете великий русский писатель мало во что верил и мало на что надеялся. Во всяком случае от России он

ничего не ждал. Она всегда представлялась ему огромной землей разбитых надежд. Тургенев изображал прелестных, страстно любящих девушек. Но и здесь было то же самое. Разбитая любовь и обманутые надежды или разбитые надежды и обманутая любовь,— вот лейтмотив всего, что он написал о любви. Герой одного из романов Тургенева, некто Нежданов, говорит в стихотворении «Сон»:

...И штоф с очищенной всей пятерней сжимая,
Лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном отчизна, Русь святая.

Не сам ли Тургенев мог подписаться под этой горькой оценкой политического состояния России?

Со смертью Тургенева мир потерял одного из апостолов гуманизма. Любимый сын природы, пусть вечно терзаемый безверием и сомнением, он был в то же время полон сердечной доброты и горячей любви.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Паульссоне см.: М. И. Стеблин-Каменский. Исландская литература. Л., 1947; S. Einarsson. History of Icelandic prose writers 1800—1940. New York, 1948.

Повесть Паульссона «Царство любви», направленная против лицемерия и ханжества мелкобуржуазного исландского общества, а также рассказ «Рулевой Сигурд» переведены на русский язык («Сборник молодой исландской литературы». СПб., 1909). См. также: В. Р. Зотов. Очерки иностранной литературы.— «Наблюдатель», 1893, № 11, стр. 19—20; М. А. Орлов. За границей.— «Труд», 1893, № 10, стр. 239; «Представитель молодой Исландии».— «Книжки недѣли», 1894, № 1, стр. 229—230.

[2] S. Einarsson. A history of Icelandic literature. New York, 1957, p. 251.

[3] S. Einarsson. History of Icelandic prose writers 1800—1940, p. 77.— Названия этих рассказов не указаны.

[4] К. Ф. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. II. СПб., 1913 (Записки историко-филологического фак-та Петербургского ун-та, ч. 113).

[5] B. Gislason. Islands litteratur efter sagatiden. Kjøbenhavn, 1949, s. 47.

[6] S. Einarsson. History of Icelandic prose writers 1800—1940, p. 77.

[7] Установить, насколько Тургенев повлиял на творчество Паульссона и в чем именно проявилось это влияние, пока не представляется возможным, так как в книгохранилищах СССР нет текстов его произведений.

[8] G. Brandes. Litterære Indtryk.— In: Indtryk fra Rusland. Kjøbenhavn, 1888, s. 366—406. Русский перевод: Г. Брандес. Собрание сочинений в 12-ти томах, т. VI. Киев, 1902, стр. 135—153.

В Копенгагене Паульссон слушал лекции Брандеса, лично общался с ним и впоследствии всю жизнь оставался убежденным защитником его идей.

[9] Дата смерти Тургенева указана ошибочно: Тургенев умер 22 августа/3 сентября 1883 г.

[10] Здесь Паульссон, вслед за Брандесом, допускает неточность. Тургенев уехал за границу более чем через два года после возвращения из ссылки, в возрасте 37 лет.

[11] Список переводов Тургенева на датский язык приведен в указ. работе К. Ф. Тиандера, стр. 279—280.

[12] Об этом см. в настоящ. томе, стр. 276, прим. 19.

М. С. ЩЕПКИН И ТУРГЕНЕВ

Сообщение Т. С. Грица

1

В мае 1846 г., направляясь на воды в Эмс, в Москве в гостинице «Дрезден» остановились Александра Владимировна и Александр Владимирович Станкевичи.

Первым их навестил Тургенев, почти вслед за ним пришел Щепкин, а затем Н. Х. Кетчер и Белинский. Разговор коснулся театра. Белинский говорил об игре Мочалова, часто обращаясь к Щепкину, «будто желая слышать от него подтверждение своим словам». Щепкин вспоминал, как уже в его время считалось неприличным говорить на сцене, особенно в стиховой драме, просто и непринужденно, пародийно изображал традиционный уход со сцены трагического актера с поднятой вверх рукой, и объяснял, что неестественные приемы декламации и чтения нараспев зародились в России «как подражание искусственной игре в классических драмах Расина и Корнеля на французской сцене» [1].

Это единственное дошедшее до нас достоверное свидетельство об одной из первых встреч Щепкина с Тургеневым. Произошла она не позже 12 мая, когда на сцене московского Большого театра состоялось второе выступление А. Е. Мартынова в роли Льва Гурыча Синичкина [2], на которое Щепкин пригласил Александру Владимировну Станкевич.

Вероятно, именно во время этой встречи Щепкин заинтересовал Тургенева своими мыслями о театре и уговорил его написать пьесу. Вскоре они надолго расстались. Щепкин с Белинским уехали на юг. Тургенев, пробыв лето в Спасском, осенью перебрался в Петербург, а в январе 1847 г. надолго уехал за границу.

2

В истории русского театра Щепкину принадлежит такая же роль, как Гоголю в литературе, Белинскому в критике и, позже, Федотову в живописи. На сцене он создал и развил эстетику критического реализма. Имя Щепкина тесно связано с «натуральной школой», родоначальником которой был Гоголь.

Одним из первых Щепкин понял, какую грандиозную, преобразующую роль суждено сыграть драматургии Гоголя в развитии русского сценического искусства. 8 января 1836 г. (т. е. еще до постановки «Ревизора») Щепкин говорил М. П. Погодину: «Комедии Гоголя должны сделать эпоху в истории театра русского и восстановить его» [3].

Щепкин преобразился, получив от И. И. Сосницкого известие о постановке «Ревизора». «Я сделался здесь на сцене какою-то ходячею машиною или вечным дядею,— писал он 28 апреля 1836 г.,— я давно уже забыл, что такое комическая роль, и вдруг письмо дало новые надежды, и я живу

новою жизнью» [4]. В начале мая он писал Гоголю: «Благодарю вас от души за „Ревизора“ — не как за книгу, а как за комедию, которая, так сказать, осуществила все мои надежды, и я совершенно ожил. Давно уже я не чувствовал такой радости...» [5]

В Гоголе Щепкин нашел драматурга, который был наиболее близок его представлениям о новом театре жизненной правды. Щепкин считал, что созданный Гоголем сценический язык «страшно натурален и требует чуть ли не целой новой генерации актеров» [6]. Борясь против штампов классицизма, с его певучей декламацией, манерностью, декоративными позами и ходульными жестами, Щепкин утверждал на сцене простоту и естественность и считал, что задача художника-актера заключается «в полном олицетворении живой, действительной личности» [7]. Подобно Гоголю, Щепкин стремился к воспроизведению на сцене обыденной жизни, стремился «заинтересовать зрителей судьбою простого человека» [8].

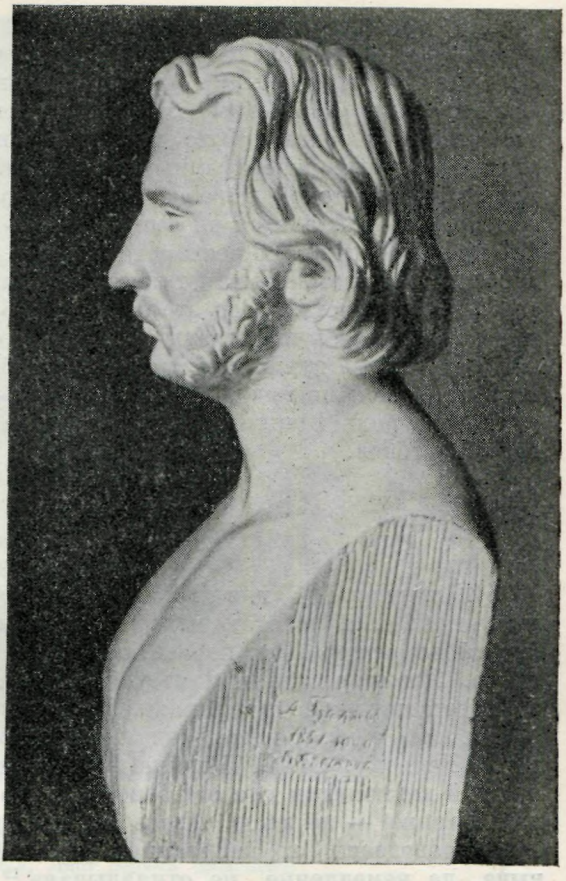
Для сценической эстетики Щепкина так же, как и для Гоголя, было характерно гротескное смешение комического и серьезного, смеха и слез. Анализируя игру Щепкина в водевиле Соважа и Делюрье «Матрос», Белинский писал, что «Щепкин принадлежит к числу немногих истинных жрецов сценического искусства, которые понимают, что артист не должен быть ни исключительно трагическим, ни исключительно комическим...» [9]. Это гоголевское свойство таланта Щепкина отмечают почти все его современники. «Особенностью его речи было то, что в ней всегда от пафоса до комизма один шаг»,— вспоминал А. А. Стахович [10]. Щепкин «мастерски умеет сочетать комическое с трагическим»,— писал рецензент «Московских ведомостей» [11]. «В таланте М. С. Щепкина тесно сливались комические и драматические способности»,— отмечал А. И. Урусов [12].

О характерном для новой реалистической эстетики разрушении традиционных границ между комическим и трагическим говорил и сам Щепкин. Делясь впечатлениями о встрече с ним в сентябре 1846 г. в Симферополе, А. Н. Серов писал Стасову, что Щепкин не разделяет, «как и мы, трагедию от драмы, драму от комедии: всё драма» [13].

Щепкин был лучшим сценическим истолкователем образов Гоголя, назвавшего его «первым комическим актером». «Триумфы *Щепкина — гоголевские* характеры»,— писал Серов и, развивая свою мысль, добавлял: «Я оттого считаю *гоголевские* характеры лучшими ролями *Щепкина*, что до сих пор я видел только его одного, совсем передающего Гоголя...» [14].

Как известно, Щепкин был инициатором публичных чтений. Одно из таких чтений, как мне удалось установить, Щепкин устроил 20 апреля 1846 г. в доме С. Ю. Самариной. Кроме «Старосветских помещиков» Гоголя, он прочел отрывок из напечатанной в «Петербургском сборнике» повести Достоевского «Бедные люди» и два стихотворения Некрасова — «В дороге» и «Пьяница». Этот выбор вызвал неприязненный отклик «Москвитянина»:

«В субботу было опять чтение в доме С. Ю. Самариной в пользу г-на Щепкина — в этот раз, с сожалением должны мы сказать, что вечер был не совсем удачен, невзирая на то, что слушателей было столько, сколько могла вместить зала. Михаил Семенович был, как говорится, не в ударе: первую пьесу Гоголя „Старосветские помещики“, прекрасную пьесу, исполненную жизни, естественности и чувства, прочел он так, как не привыкли мы слышать его. Одно письмо из „Бедных людей“ Достоевского прочтено им было лучше. Но зачем читал он его? Г-н Достоевский имеет неотъемлемые достоинства: глубокий взгляд, глубокое знание сердца человеческого, мастерскую кисть, и сцена Девушкина перед добрым начальником верна, слова нет! но дело не в одной верности только, дело в выборе того, что дагеротипировано; прекрасно нарисованная картина не всегда найдет себе приличное место на стене богатой гостиной. А что



ТУРГЕНЕВ
Бюст работы А. Н. Беляева (гипс). Петербург, 1851
Музей И. С. Тургенева, Орел

за выбор стихов из того же „Петербургского сборника"! — Для кого из слушателей годится намек в стихотворении „В дороге"? В этом ли обществе прилично читать, и этому ли обществу слушать „Пьяницу", с нравственным заключением:

Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку!!!!

Жаль, право жаль! жаль не вечера, ибо он имел и достоинства свои, но жаль, что подобным выбором не возбуждается, не питается, не поддерживается едва рождающееся у нас желание ознакомиться с произведениями отечественными...» [15].

Характерно, что автор статьи даже не пытался затушевать социальную подоплеку своего недоброжелательного отношения к Щепкину, которое имело и более глубокие причины.

Вторая половина 40-х годов — период наибольшей близости Щепкина с «натуральной школой» и кружком «Современника». 14/26 июня 1847 г. С. П. Шевырев с нескрываемым раздражением писал Гоголю: «Щепкин не решил собраться к тебе. Я его понукал. Он, как думаю, находится под разными влияниями издателей „Современника", тебе не сочувствующих. В нем есть какая-то перемена не совсем в его выгоду, как художника и как старика» [16].

Естественным следствием творческой близости с кружком «Современника» и с реалистической эстетикой «натуральной школы» был интерес Щепкина к драматургии Тургенева, которого он уже знал по антикрепостническим «Запискам охотника» и по «Безденежью», окрашенному гоголевскими тонами. Этот интерес совпадает с характерным для Щепкина очередным репертуарным кризисом. «Занятие мое по службе сделалось мне несносно, даже отвратительно, потому что из артиста делают поденщика,— жалуется он сыну, Н. М. Щепкину, в письме от 26 августа 1848 г.,— репертуар преотвратительный — не над чем отдохнуть душою, а вследствие этого память тупеет, воображение стынет, звуков недостает, язык не ворочается. Все это вместе разрушает меня, уничтожает меня,— и не видишь ни в чем отрады, не видишь ни одной роли, над чем бы можно было отдохнуть душе, что расшевелило бы мою старость. Да, я могу еще встрепенуться; но надо, чтобы это была роль и роль» [17].

Такую роль Щепкин надеялся найти в комедии, которую писал для него Тургенев.

3

5/17 января 1848 г. в письме к Полине Виардо Тургенев между прочим упоминал: «...я работаю над комедией, предназначенной для одного московского актера». Это первое, дошедшее до нас свидетельство о «Нахлебнике». Летом работа над пьесой продолжалась, о чем сообщил Герцен 5 августа в письме из Парижа к московским друзьям [18].

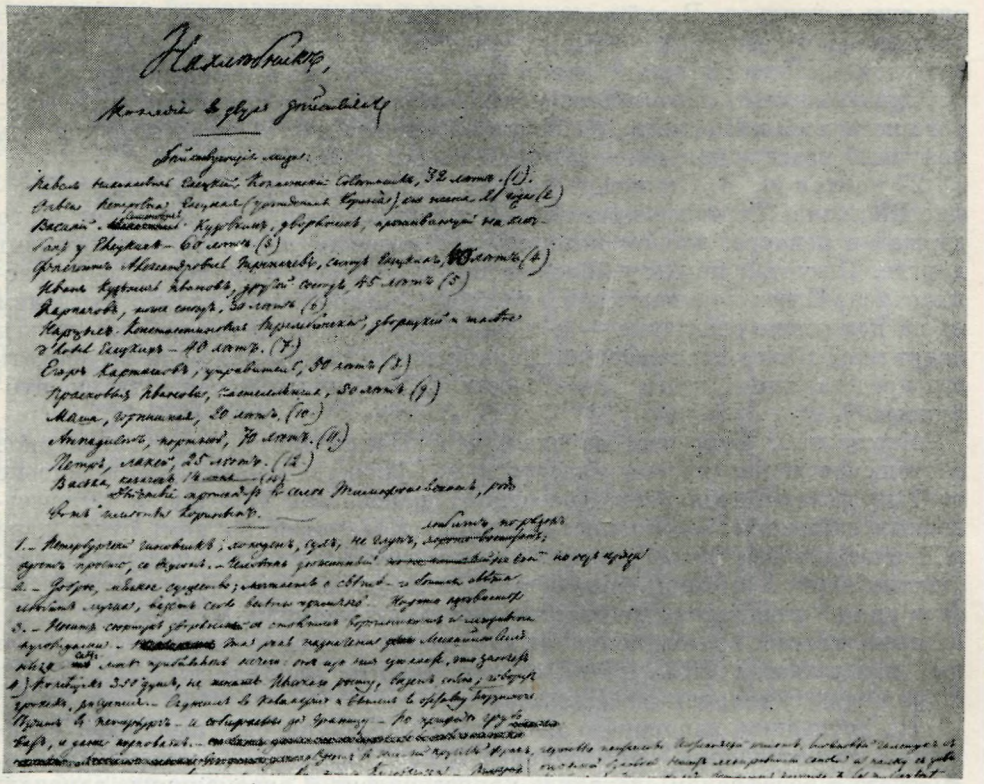
Щепкин с нетерпением ждал пьесу. 31 августа 1848 г. В. П. Боткин писал Герцену: «М. С. Щепкин просил меня напомнить Тургеневу об обещанной им комедии для его бенефиса. Но где теперь Тургенев? В Лондоне или Париже — не знаю. Авось ты можешь проведать его жительство, и если проведаешь, то непременно передай ему поручение Михайла Семеныча, да немедленно, не откладывая» [19].

Однако, несмотря на просьбы поторопиться, Тургенев закончил «Нахлебника» только осенью. 27 октября/8 ноября он писал Щепкину: «Завтра отправляется в Россию наш соотечественник, г-н Селиванов, любезный и почтенный Михайло Семеныч; он вам доставит первый акт моей комедии „Нахлебник“; второй я не успел окончить переписыванием— но как только кончу, немедленно отправлю по почте, так что, может быть, вы получите его в одно время с первым. Прошу у вас извинение за долгое отлагательство; желаю, чтобы мой труд вам понравился. Если вы найдете достойным вашего таланта приняться за него — я другой награды не требую. Приятели, которым я здесь прочел мою комедию,— наговорили мне много любезностей по ее поводу; я, может быть, им оттого могу несколько верить, что вообще эти *приятели* довольно строго отзывались об моих трудах ⟨Герцен? — *Т. Г.*⟩. Но как бы то ни было — лишь бы мой „Нахлебник“ вам понравился и вызвал бы вашу творческую деятельность!

Боюсь я — не опоздал ли я немного ⟨...⟩ — Впрочем — я отдаю вам свое произведение в полное распоряжение: делайте из него что хотите. Как бы я был рад, если б я мог присутствовать при первом представлении!»

Тургенев высоко ценил актерское мастерство Щепкина, которого он видел в роли Фамусова в начале 30-х годов [20].

Рассчитывая на постановку «Нахлебника» в бенефис Щепкина, Тургенев писал о роли Кузовкина: «Эта роль назначена Михайле Семенычу, след⟨овательно⟩ мне прибавлять нечего: он из нее сделает, что захочет» [21]. Понятно, поэтому, с каким интересом он ждал отзыва Щепкина о комедии.



«НАХЛЕБНИК». ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ
Автограф, 1848. Лист первый (фрагмент)
Заглавие, список действующих лиц и их характеристики
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Характеристика Кузовкина заменена пояснением: «Эта роль назначена Михайле Семенычу, след‹овательно› мне прибавлять нечего: он из нее сделает, что захочет»

3/15 декабря 1848 г. Тургенев писал: «Вы уже, должно быть, неделю тому назад получили второй акт моей комедии, любезный и почтенный Михайла Семеныч,— и, вероятно, уже мне ответили; но я пишу к вам сегодня на всякий случай: если вы до сих пор не получили этого второго акта (первый вам должен был доставить г-н Селиванов) — значит — мое письмо затерялось — и мне надобно будет поскорей его переписать вторично. Но я надеюсь, что оно дошло в целости; во всяком случае — если вы до сих пор мне еще не ответили, то, пожалуйста, сделайте это теперь. Кроме желания узнать — дошло ли мое письмо — во мне есть другое, весьма понятное: мне хочется знать, как вам понравился мой „Нахлебник“ и возьмете ли вы его в свой бенефис».

Щепкин с увлечением готовился к постановке «Нахлебника». 11 января 1849 г. М. В. Станкевич сообщала своим братьям: «На другой день по приезде ‹3 или 4 января.— *Т. Г.*› мы все обедали у Щепкиных ‹...›, и в тот же вечер Михайло Семенович с детьми приехал прочесть нам комедию Тургенева „Нахлебник“, которая будет дана в его бенефис. ‹...› „Нахлебник“ — чудная пьеса. Михайло Семенович расплакался, читая ее, и я воображаю, как хороша она будет на сцене. Гоголь назвал ее безнравственною, из этого можете заключить о ее достоинстве. До сих пор

она еще в цензуре. В ней на сцене богатые помещики и мелкопоместные бедняки, над которыми первые потешаются, и тут-то выходит настоящая трагедия. Может быть, эта пьеса будет напечатана в „Современнике“» [22].

Однако сюжет «Нахлебника» вызвал серьезные сомнения у Цензурного комитета, и Щепкину, несмотря на всю его настойчивость, не удалось получить разрешения на включение пьесы в бенефис.

27 января М. В. Станкевич писала П. Н. Грекову: «Скоро будет бенефис Щепкина; Тургенев прислал ему прекрасную пьесу, но ее так долго держат в цензуре, что он потерял уже надежду получить ее и готовит другие. Он читал нам эту комедию сам с большим чувством и даже расплакался. Пьеса называется „Нахлебник“. Старик говорит, что мы дадим ее на домашнем спектакле — и я спрашиваю себя: неужели роль Ольги дадут мне? Какое наслаждение. Какая честь была бы для меня выдержать это представление, вести такие сцены со Щепкиным и перед такою публикою» [23].

Между тем, Тургенев, не зная, что «Нахлебнику» грозит цензурное запрещение и что нельзя надеяться на близкую постановку, в письме от 7/19 января предлагал Краевскому напечатать комедию в «Отечественных записках»: «31-го числа января (т. е. через 24 дня) будет дана в Москве для бенефиса Щепкина моя комедия в 2-х актах под названием: „Нахлебник“. Хотите вы ее напечатать в „О⟨течественных⟩ з⟨аписках⟩“ — если она не шлепнется, разумеется. Я сегодня же пишу об этом Щепкину, который тотчас, по получении от вас письма — вам ее вышлет. ⟨...⟩ Если вы напечатаете „Н⟨ахлебник⟩а“, то велите поставить: „Посвящена М⟨ихайл⟩е С⟨еменович⟩у Щепкину“».

Не добившись цензурного разрешения, Щепкин был вынужден отказаться от постановки «Нахлебника» в свой бенефис 31 января 1849 г. В отчете о бенефисном спектакле корреспондент «Современника» замечал: «Еще задолго до его праздника мы слышали, что он готовит оригинальную русскую драму одного из даровитейших современных писателей,— к сожалению, слух этот не оправдался» [24].

Получив от Тургенева письмо с просьбой послать «Нахлебника» в «Отечественные записки», Щепкин 8 февраля передал пьесу Боткину. Одновременно Щепкин получил письмо и от Некрасова, в котором тот просил прислать «Нахлебника» в «Современник». Боткин разрешил сомнения Щепкина, посоветовав «следовать письму самого автора».

Посылая комедию Краевскому, Боткин 9 февраля писал:

«Щепкин покорно просит об одном. Пьеса эта не запрещена еще формально театр⟨альной⟩ цензурой; но Щепкина уведомила дирекция, что об этом идет переписка, след⟨овательно⟩ она к бенефису его и не могла поспеть. После этого он ничего не знает о театральной судьбе ее. Итак, узнайте о ней.

А потом Щепкину хочется ее публично прочесть, но для этого она должна быть пропущена цензурой. И хочется ему прочесть постом. След⟨овательно⟩ нужно, чтоб она как можно скорее была представлена в цензуру. Итак, нельзя ли сделать, чтоб вы представили ее поскорее в цензуру и тотчас, если она будет пропущена, известили хотя меня, а я тотчас дам знать ему. ⟨...⟩ Сделайте для Щепкина, ради бога. Да поскорее в цензуру. Щепкин ⟨просит⟩ еще отпечатать отдельно 10 экземпляров» [25].

Хлопоты Щепкина и его друзей не помогли. Драматическая цензура, усмотрев в комедии Тургенева «оскорбление нравственности и дворянского сословия», не разрешила представление «Нахлебника» на московской сцене [26].

Не удалась и попытка напечатать пьесу. 22 февраля 1849 г. Петербургский цензурный комитет, рассмотрев текст комедии Тургенева, уже набранный для третьей книжки «Отечественных записок», признал ее

«совершенно безнравственною и наполненною выходками против русских дворян, представляемых в презрительном виде, и потому положил: запретить оную и корректурные листы оставить при деле» [27].

Понимая, что «Нахлебник» еще долго не появится на сцене, Щепкин стал деятельно работать над постановкой его на домашнем спектакле. 20 февраля участникам были розданы роли. Первая репетиция была назначена на субботу 26 февраля.

В письме от 22 февраля М. В. Станкевич признавалась: «...прочитав свою ⟨роль⟩, я ужаснулась своего бессилия; дух-то бодр, телом же немощен; хорошо еще, что патетические сцены я веду с Михайлом Семеновичем; он воодушевит меня. Саша ⟨А. В. Станкевич.— *Т. Г.*⟩ будет играть старую злую дворничиху ⟨кастеляншу Прасковью Ивановну.— *Т. Г.*⟩ голосом Анны Цыганки. Старику Щепкину очень понравилось это лицо, и он посоветовал вывести его на сцену» [28].

Щепкин разучивал свою роль «с величайшим удовольствием и одушевлением» [29]. О том, с каким увлечением отнесся Щепкин к этой постановке, свидетельствует и письмо А. Н. Афанасьева от 4 марта 1849 г.: «У Станкевичей готовится свой домашний спектакль; хотят сыграть непропущенную в печать комедию Тургенева „Нахлебник". Старик Щепкин взялся сыграть самого Нахлебника (Кузовкина); другие роли разошлись между многочисленными его родственниками. Раза два уже были репетиции; идет недурно. Щепкин всех учит, всем советует, и суетится, и сердится. А как хорош он сам в своей роли, несмотря на то, что автор заставил его говорить такой длинный монолог, что им можно подавиться, несмотря даже на то, что самая завязка комедии отзывается сочинением, придуманностию» [30].

О домашней постановке запрещенной комедии Тургенева знал и Боткин, который отнесся к ней довольно холодно. «У Щепкина будет сыгран „Нахлебник" в доме,— писал он 10 марта 1849 г. П. В. Анненкову.— Теперь репетиции идут. Думаю, что все роли, кроме Щепкина, будут исполнены дурно» [31].

В середине марта тяжело заболела жена Щепкина — Елена Дмитриевна, и работа над постановкой комедии была приостановлена.

«...я писала уже вам, что мы собирались давать „Нахлебника" и уже сделали репетиций восемь.— Но увы! Ему кажется не суждено явиться на свет! — с огорчением сообщала М. В. Станкевич 28 марта И. В. Станкевичу.— Он оставлен по случаю тяжкой болезни Елены Дмитриевны; теперь непосредственная близость смерти миновалась, но ей никак нельзя надеяться долго жить. Если ей все будет становиться лучше, то и „Нахлебник" может воскреснуть.— Саничкина ⟨А. В. Станкевича.— *Т. Г.*⟩ игра очень нравится всем, и М⟨ихайла⟩ Семеныч им очень доволен. Остальные актеры только что посредственны и более портят, чем не портят пьесы. Моя роль ⟨Ольги Петровны Елецкой.— *Т. Г.*⟩ очень трудна. Я постараюсь переписать „Нахлебника" и прислать вам „Нахлебника" прочесть ⟨...⟩ Он не будет напечатан; цензура гласит так: хотя во всей пьесе нельзя ни к одному слову придраться, но в ней есть *нечто* неуловимое, какой-то дух, которого нельзя пропустить...» [32].

Прошел еще месяц, и окончательно выяснилось, что «Нахлебнику» не суждено появиться на домашней сцене. 2 мая М. В. Станкевич писала Грекову: «...наш спектакль не состоялся за болезнию Елены Дмитриевны. Теперь ей хотя и лучше, но все позабыли роли и вообще расстроились; к тому же Саничка скоро уезжает, а без него некому играть помещика ⟨Елецкого.— *Т. Г.*⟩, да и у меня, глядя на здешних актеров, пропала охота» [33].

4

Еще не зная о печальной судьбе «Нахлебника», Тургенев 28 января/9 февраля 1849 г. начал работать над новой комедией. Предназначалась она опять-таки для будущего бенефиса Щепкина. Через сорок дней комедия в трех актах под названием «Холостяк» была закончена, и 1/13 апреля переписанный экземпляр ее «в двух толстейших пакетах» Тургенев отправил Щепкину. «В этом произведенье цензуре не только нечего вычеркивать — но, напротив, она должна меня наградить за мою примерную нравственность»,— иронически замечал Тургенев в письме к Краевскому (2/14 апреля 1849 г.).

Новую комедию он собирался опубликовать в «Отечественных записках», но только после постановки ее на сцене. Однако в начале мая Тургенев получил от Щепкина письмо, в котором тот заявлял, что «нисколько не противится напечатанию комедии *до* бенефиса» и «что оно, напротив, выгоднее, если комедия хороша» [34]. 16 июня Боткин послал рукопись «Холостяка» в редакцию «Отечественных записок». В сентябрьском номере этого журнала комедия была напечатана. Летом того же года Тургенев закончил одноактную комедию «Завтрак у предводителя» и также послал ее Щепкину.

Между тем запрещение «Нахлебника», этой «пьесы с причиной», по отзыву Гоголя, только усилило интерес к ней среди демократических кругов. Она читалась на собраниях петрашевцев, наряду с письмом Белинского к Гоголю и зарубежными статьями Искандера-Герцена [35]. Возможно, что этому способствовал и Щепкин, который встречался с поэтом-петрашевцем А. Н. Плещеевым в марте 1849 года [36].

Цензурные мытарства «Нахлебника» не обескуражили Щепкина. Он все еще не терял надежды поставить его на сцене. Приехав 5 сентября на гастроли в Петербург [37], Щепкин передал Некрасову для опубликования в десятой книжке «Современника» — «Завтрак у предводителя» [38] и снова начал хлопотать о разрешении «Нахлебника». «Приезд Михаила Семеновича оживил нас всех,— писал Н. Н. Тютчев 24 сентября Н. М. Щепкину.— Пропустили „Холостяка“ и надеются на пропуск „Нахлебника“. Нужно видеть, в какой восторг это бросает вашего старика» [39].

Однако попытка добиться разрешения «Нахлебника» и на этот раз не увенчалась успехом. Цензор А. М. Гедеонов в своем рапорте писал, что пьеса Тургенева «равно оскорбляет и нравственность и дворянское сословие». 10 сентября 1849 г. начальник III Отделения Л. В. Дубельт полностью поддержал эту оценку (IX, 554—555), а 16 сентября директор императорских театров запретил к представлению комедию «Нахлебник» [40].

Но и вторичное запрещение комедии не расхолодило Щепкина. «Подаренный ему автором „Нахлебник“ сделался с тех пор предметом его дум, тайных его желаний и явных домогательств, которые не прекращались все время, когда он находился под запрещением»,— вспоминал Анненков [41].

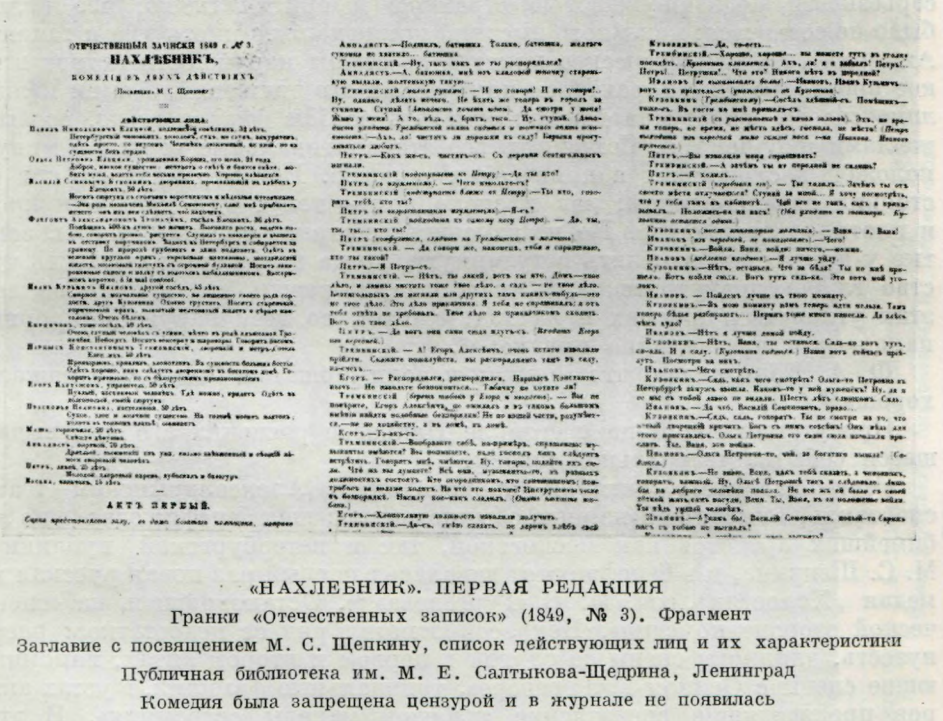
Во время своих петербургских гастролей осенью 1849 г. Щепкин неоднократно читал «Нахлебника» «отдельным лицам и на домашних вечерах». Приблизительно в конце октября он «мастерски» прочел «Нахлебника» А. А. Стаховичу [42]. 3 ноября он читал запрещенную комедию у Одоевских, которые, по свидетельству присутствовавшего на вечере П. А. Плетнева, «собрали весь beau monde» [43]. О другом таком же вечере упоминает Тургенев в письме к Краевскому от 1/13 декабря: «На днях я прочел в одном письме гр. Виельгорского (Матвея) весьма большие похвалы моему „Нахлебнику“, которого в одном обществе прочел Щепкин».

5

В пятницу 14 октября 1849 г. на сцене Александринского театра состоялся бенефис Щепкина.

Кроме драмы «Однофамильцы» и оперы-водевиля И. П. Котляревского «Москаль-чаривник», была впервые поставлена комедия в трех действиях Тургенева «Холостяк» [44].

В спектакле участвовали лучшие актеры Александринского театра. В. В. Самойлова играла Белоногову [45], Ю. Н. Линская — Пряжкину, А. М. Максимов — Вилицкого, А. Е. Мартынов — Шпуньдика, П. А. Каратыгин — фон Клакса [46]. Бенефициант исполнял роль Мошкина.



«НАХЛЕБНИК». ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Гранки «Отечественных записок» (1849, № 3). Фрагмент

Заглавие с посвящением М. С. Щепкину, список действующих лиц и их характеристики

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Комедия была запрещена цензурой и в журнале не появилась

В кратком отчете о бенефисе Р. М. Зотов писал о бедности сюжета «Холостяка» и утверждал, что «эту комедию скорее можно назвать повестью из разговоров». Однако сценическое ее исполнение Зотов оценил высоко: «Комедия была обставлена и разыграна прекрасно. Г-н Щепкин в роли Мошкина был превосходен. Г-жа Самойлова 2-я, при всей незначительности своей роли, была прелестна. Г-жа Линская очень хорошо исполнила довольно неблагодарную роль тетки. Гг. Максимов 1-й и Каратыгин 2-й в ролях Вилицкого и фон Клакса были очень хороши. Одним словом, игра актеров всевозможным образом поддерживала пьесу» [47].

Таким образом, пессимистический прогноз А. В. Дружинина о неподготовленности актеров к художественному исполнению «настоящей, живой новой русской комедии» [48] не оправдался. И сама пьеса и игра актеров вызвали горячее сочувствие у зрителей.

Театральный обозреватель «Отечественных записок» В. В. Чуйко отмечал, что «Холостяк» Тургенева «едва ли не первая пьеса, где человек,

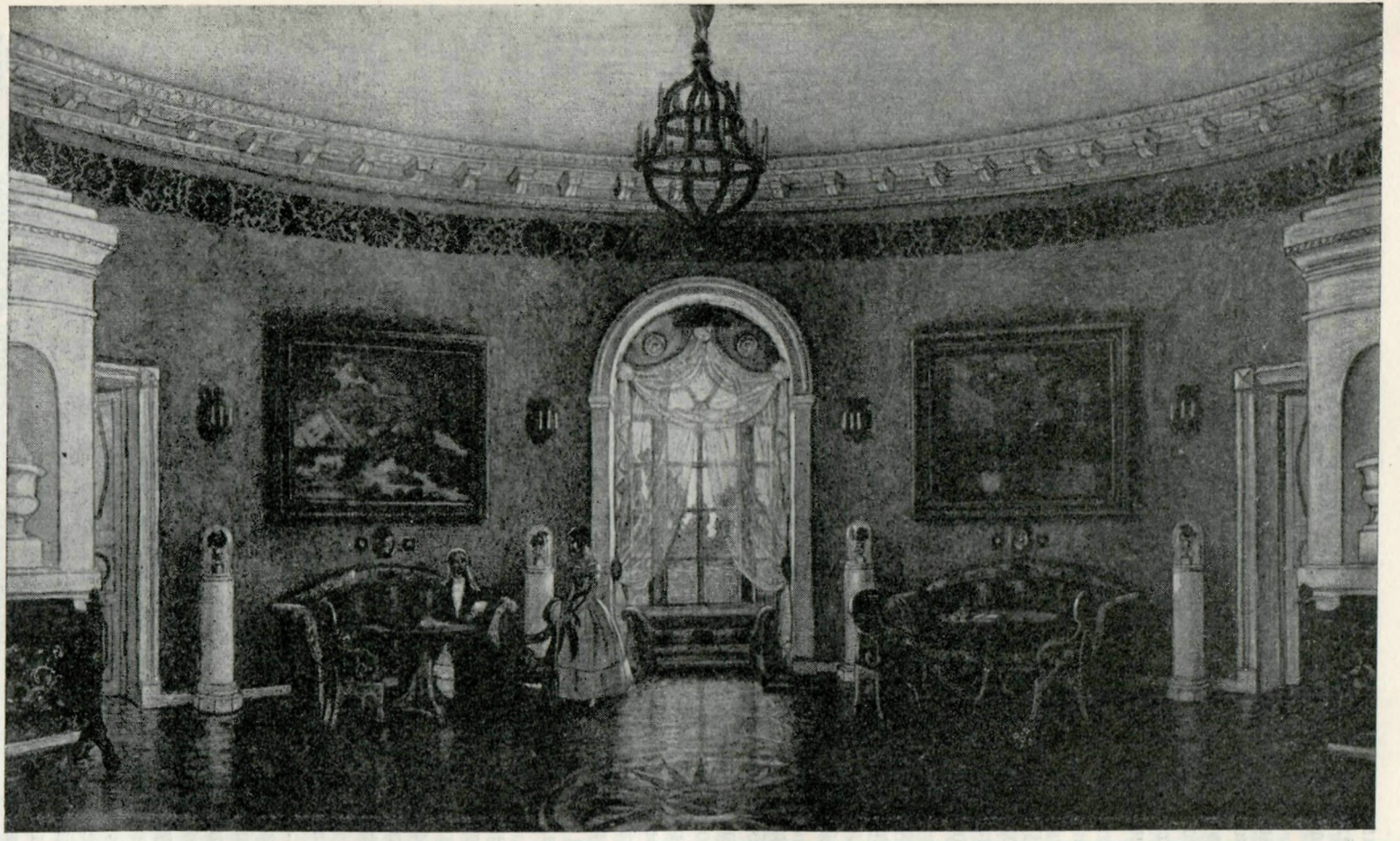
живущий честным трудом, не осмеян, не отмечен грязными чертами», и что «под наружностью комедии в ней скрыта серьезная драма, какую зоркий наблюдатель увидит не в одном чиновничьем мире, а в целом обществе».

С одобрением отзывался Чуйко и об игре актеров, особенно о Щепкине: «„Холостяк" вообще был разыгран весьма удовлетворительно, с большим согласием, и почти все актеры поняли его как вещь серьезную. Так оно и должно быть со всякою порядочною комедиею. М. С. Щепкин создал лицо Мошкина с необыкновенною простотою. Вы забываете, что он перед вами на сцене: его замешательство в минуту прихода Фонка, беспокойство, с каким он является к Вилицкому, потом сцена, когда получает письмо и хочет стреляться, наконец, объяснение с Машей — во всех этих сценах было так много простоты и истинного одушевления, так много серьезности под наружностью странною и оригинальною, что нельзя было не сознаться: как много высокий комик должен иметь ума и таланта. Амплуа чисто драматическое никогда не ставит наружности актера в такое противоречие с характером внутренних его движений. Комик каждое лицо своего репертуара должен отметить особою физиономиею, особыми жестами и приемами. Сохранить все эти оригинальные черты, в минуту положений спокойных и комических — легко. Не сохранить их и в состоянии взволнованном, как и спокойном — тому, для кого они кровь и плоть — невозможно. Но не изменить все такие смешные черты, занятые у других, не изменить в ту минуту, когда вы должны выразить чувство глубокодраматическое, и, напротив, выразить его именно во всех этих угловатых приемах и жестах, словом, во всей наружности оригинала,— это чрезвычайно трудно» [49].

Ф. А. Кони писал, что Щепкин в роли Мошкина был «неподражаемо хорош» [50].

Присутствовавший на спектакле Некрасов расценил его как выдающееся событие театральной жизни.

«Четырнадцатого октября происходил в Александрынском театре спектакль, выходящий из ряда обыкновенных: шел бенефис одного из любимейших артистов как московской, так и петербургской публики — М. С. Щепкина, и в бенефис этот давалась в первый раз новая русская комедия „Холостяк", соч. И. С. Тургенева» [51]. Остановившись на «сценической стороне комедии», Некрасов отметил ряд ее недостатков: растянутость, длинноты сцены со слугой в первом и втором актах, напоминающие сцены с Осипом в «Ревизоре», тривиальные фамилии, в устах актеров производящие впечатление «избитой манеры остроумия». В этих недостатках Некрасов видел причину того, что «Холостяк» не имел «полного и блестящего успеха, которого заслуживал по драматическому содержанию своему и по прекрасному его развитию». Несмотря на это, «публика с явным интересом и удовольствием следила за ходом пьесы, и все хорошее было замечено и одобрено громкими рукоплесканиями; жаркие толки и споры о новой комедии можно было слышать в партере и в коридорах театра по окончании пьесы, каких не услышите после десятка новых самых эффектных французских водевилей. Ясно, что сочувствие к русской комедии в публике существует: явись настоящая русская комедия — и не увидишь, как полетят со сцены, чтоб уже никогда не возвратиться, жалкие переделки и подражания, бесцветные и безличные, натянутые фарсы, и т. п.». Особенно порадовало Некрасова «сочувствие к русской комедии» со стороны актеров. «Ни тени той самоуверенной небрежности, которая встречается при исполнении фарсов и водевилей, не заметили мы при исполнении „Холостяка". Артисты видимо принялись за дело с уважением, подобающим русской комедии, и исполнили его превосходно».



«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1909

Эскиз декорации. Акварель М. В. Добужинского

Третьяковская галерея, Москва

Дав яркую характеристику игры Максимова, Мартынова, Каратыгина, Самойловой и Линской, Некрасов останавливался на роли Мошкина, которая «как ни трудна она, совершенно по силам и в духе таланта Щепкина. Весь третий акт с самого того места, где начинаются опасения старика за участь своей воспитанницы, был торжеством Щепкина... Рукоплескания не умолкали, и этот акт, отдельно взятый, имел огромный успех» [52]. Статью Некрасов закончил «благодарностью бенефицианту за то, что он подарил публику в свой бенефис новой русской комедией».

С таким же успехом во время своих петербургских гастролей 1849 г. Щепкин исполнял роль Мошкина еще три раза — 17, 20 и 31 октября [53].

6

Вернувшись в Москву, Щепкин приступил к работе над новой пьесой Тургенева — «Завтрак у предводителя». До недавнего времени считалось, что эта комедия была впервые поставлена в Петербурге на сцене Александринского театра в бенефис П. А. Каратыгина 9 декабря 1849 г. [54] На самом деле «Завтрак у предводителя» впервые был поставлен в Москве.

Уже 19 ноября в «Московских ведомостях» появилось объявление о том, что в Большом театре «в пользу актеров гг. Самарина и Живокини» будет дана в первый раз оригинальная комедия в одном действии «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ».

22 ноября в «Московских ведомостях» была напечатана анонимная заметка — «Театральная новость» — о предстоящем бенефисе, в которой дана была характеристика «Завтрака у предводителя» и перечислялись актеры, занятые в спектакле:

«Комедия — „Завтрак у предводителя“ — плод даровитого пера одного из любимейших наших литераторов, желающего остаться неизвестным; мы читали эту пьесу и были приведены в удивление глубокой наблюдательностью, дивным комизмом и поразительной истиной характеров; читаешь — смешно и грустно; прочтешь — задумаешься и почувствуешь на сердце что-то невыразимо приятное; но во сколько же должен увеличиться интерес комедии, когда она будет разыграна такими артистами, как г-жа Сабурова, гг. Щепкин, Никифоров, Немчинов, Садовский, П. Степанов и Живокини 1-й».

Недавно найденная и опубликованная В. А. Маслихом монтировка комедии дает подробные и интересные сведения о распределении ролей, костюмах, декорациях и бутафории. Монтировка была представлена в контору московских театров режиссером Акимовым 19 ноября [55].

Премьера «Завтрака у предводителя» состоялась 23 ноября в Большом театре [56]. Щепкин играл роль предводителя Николая Ивановича Балагалаева «в шлафроке, потом во фраке». И. М. Немчинов играл Пехтерьева, П. Г. Степанов — Суслова, П. М. Садовский — Беспандина, В. И. Живокини — Алупкина, А. Т. Сабурова — Каурову. Московская постановка этой комедии не вызвала сочувственных откликов в печати [57], однако была дана во второй раз на сцене Большого театра 28 ноября [58]. В Малом театре «Завтрак у предводителя» был поставлен 1 января 1850 г.[59]

Двухкратное запрещение печатать комедию как в «Современнике», так и в «Отечественных записках» печально сказалось на ее сценической судьбе. «Завтрак у предводителя» надолго выпал из репертуара московских театров. Лишь в 1856 г., после смерти Николая I, в связи с изменившейся политической обстановкой, «Завтрак у предводителя» был освобожден от запрета и напечатан в восьмой книжке «Современника».

7 января 1857 г. в бенефис Шумского комедия была возобновлена на сцене Малого театра [60], где шла еще 10 и 16 января и 4 февраля. Однако сведения об участии в этих спектаклях Щепкина до нас не дошли.

7

25 января 1850 г. в Большом театре состоялся бенефис Щепкина. Кроме комедии в двух действиях Анца «Богатая старушка и родственники ее», в которой Щепкин играл роль отставного брандмейстера Чаркина, в первый раз на московской сцене шла комедия в трех действиях «Холостяк» с бенефициантом в роли Мошкина [61].

Управляющий конторой московских театров А. Н. Верстовский порицал Щепкина за выбор основной комедии для бенефиса.

«Бенефис Щепкина вчерашнего числа не обогатил репертуара новыми интересными пьесами,— писал он 26 января Гедеонову.— Главной пьесой его спектакля была комедия в трех действиях „Холостяк", скучнее которой давно не видали». Изложив вкратце сюжет пьесы, Верстовский замечал: «...и для одного акта действия немного, а в трех растянуто вводными неинтересными лицами... У Щепкина при всей его опытности на сцене ошибочный взгляд на драматические достоинства пьес... Он пьесы свои превозносит до небес, а они долее двух или трех раз повторения не доходили»[62].

Не понравился «Холостяк» и М. В. Станкевич: «Бенефис Михайла С⟨еменовича⟩ вышел не так удачен — „Холостяк" Тургенева — скучная пьеса. Больная старушка, за которою ухаживают родственники,— больше понравилась публике»,— писала она 27 января И. В. Станкевичу [63]. И только в «Современнике» игра Щепкина в роли Мошкина вызвала сочувственный отклик: «Даровитый артист превосходно создал роль старика Мошкина. Щепкин заставил нас полюбить этого человека и сочувствовать ему даже в этой слабой, эксцентрической стороне его характера. Словом, Щепкин создал перед нами живую личность Мошкина» [64].

Со Щепкиным в роли Мошкина комедия Тургенева была повторена уже на сцене Малого театра, 6 февраля [65].

В конце апреля Щепкин и В. И. Живокини поехали на гастроли в провинцию. Несмотря на резко отрицательное отношение московского театрального начальства, Щепкин в свой бенефис в Воронеже вновь поставил «Холостяка». Он, как и прежде, играл роль Мошкина, Живокини играл Шпуньдика, а Ленская — Машу. Спектакль состоялся 9 мая 1850 г.

И пьеса Тургенева и, особенно, проникновенная игра Щепкина были восторженно приняты зрителями: «Бенефициант представил нам Мошкина в натуре: его замешательство перед Фонком было так натурально, что необходимо должно было возбудить сочувствие в зрителях ⟨...⟩ Отчаяние его, когда он получает отказ Вилицкого, было исполнено истинного глубокого одушевления: здесь перед глазами зрителя разыгрывалась драма, в которой на сцену выступили страсти; не было крови и убийства в этой драме, но зато неподдельный, истинный драматизм таился в положениях Мошкина и Маши. Сцена его с бедною, покинутою девушкою, когда он убеждает ее не оставлять его, была в совершенстве выдержана г-м Щепкиным; здесь автор „Холостяка" и талантливый исполнитель его показали, что можно тронуть зрителя и без трескучих фраз и без блестящей драпировки героя, который на этот раз был самым обыкновенным человеком. Восторг старого холостяка, когда Маша соглашается быть его женою, снял точно камень с сердца зрителя, который уже начинал душою сочувствовать страданиям Мошкина; в этой радости было так много искреннего, неподдельного чувства, что публика забыла, что видит перед собою актера... Вообще должно заметить, что роль Мошкина создана собственно для Щепкина; другой актер, менее талантливый, не даст такой верной идеи об этом характере, при исполнении которого необходимы естественность и близость к натуре» [66]. Успех Щепкина в роли Мошкина был так велик, что, несмотря на ограниченный круг зрителей в провинциальном театре, 26 мая «Холостяк» был снова поставлен в Воронеже.

По словам рецензента, «в этот вечер М. С. Щепкин превзошел самого себя и передал роль свою так отчетливо и с таким неподдельным чувством, что вызвал слезы у большей части зрителей... Когда опустили занавес, то весь театр слился в общих единодушных вызовах Щепкина и Ленской»[67].

Продолжая свои гастроли, Живокини и Щепкин в середине лета прибыли в Одессу. Наряду с другими вещами своего репертуара, Щепкин поставил в конце июля на одесской сцене и «Холостяка»: «... приятно было отдохнуть за этой пьесой после разных переделок с французского, которыми преимущественно питаются русские театры»,— замечал театральный рецензент [68].

8

Приехав из-за границы летом 1850 г. и узнав от петербургских друзей, с какой горячностью и настойчивостью отстаивал Щепкин «Нахлебника», Тургенев испытывал к нему естественное чувство благодарности. В конце сентября Тургенев пробыл два дня в Москве, однако Щепкин еще не вернулся из гастрольной поездки, и встретиться им не удалось.

18 октября, посылая сыну актера Н. М. Щепкину пятиактную комедию «Две женщины» (впоследствии названную «Месяц в деревне») для альманаха «Комета», Тургенев писал: «Я бы почел себя счастливым, если б как-нибудь мог доказать мою искреннюю благодарность и привязанность Михайле Семеновичу. Вы не поверите, как мне было жаль, что его не было в Москве во время моего приезда, а мне никак нельзя было остаться долее. Надеюсь увидеть его около Нового года и лично поблагодарить его за его расположение ко мне».

Тем же теплым чувством проникнуто и письмо от 3 ноября: «Что же касается до изменений цензурных — то даю вашему батюшке и вам полное право изменить и выкинуть всё, что угодно — не считая нужным советоваться со мною ⟨...⟩ Скажите, пожалуйста, от меня Михайле Семенычу, что я ничего так нетерпеливо не желаю, как удовольствия обнять его и поблагодарить за расположение ко мне. Первый мой выезд в Москве будет к нему. Желаю ему всяких благ и здоровья».

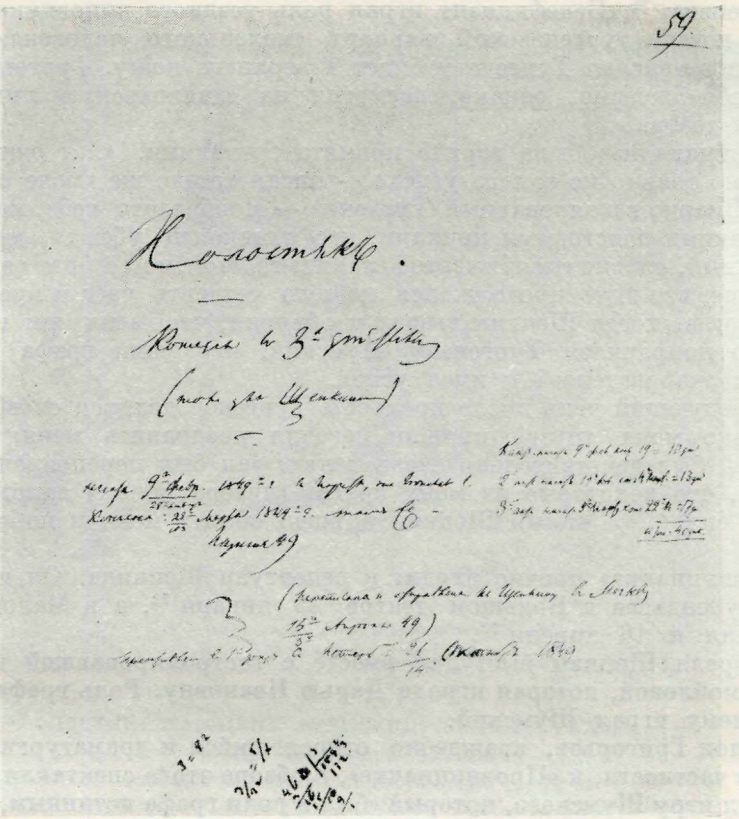
Встреча состоялась в ноябре, когда Тургенев вновь приехал в Москву. «Здесь все принимают меня с распростертыми объятиями, особенно милейший папаша Щепкин. Я не могу много бывать в гостях; тем не менее за неделю моего пребывания здесь я уже был два или три раза у него»,— пишет он 28 ноября/10 декабря Полине Виардо. О частых встречах со Щепкиным Тургенев упоминает и в письме от 1/13 декабря: «Вижусь с немногими; прежде всего с графиней Салиас, с Щепкиным и его сыном».

В начале декабря Тургенев читает Щепкину «свою последнюю маленькую комедию» — «Провинциалку» [69].

В связи с приездом автора Щепкин добивается возобновления на московской сцене «Холостяка». После десятимесячного перерыва комедия была поставлена в Малом театре 6 декабря 1850 г. [70]

«Мне кажется, что я буду бояться: второй акт холоден, как лед»,— признавался Тургенев накануне Полине Виардо. Приглашенный Щепкиным, он сидел в ложе, «скрытый от публики», и с волнением следил за спектаклем.

Опасения Тургенева не оправдались. Публика приняла комедию «очень горячо; особенно третий акт имел чрезвычайно большой успех»,— делился он своими впечатлениями о спектакле с Виардо 20/8 декабря.— Щепкин был великолепен, полон правды, вдохновения и чуткости; его вызвали один раз после второго акта, два раза в течение третьего и два раза после него». Ободренный успехом, Тургенев добавлял: «Опыт этот



«ХОЛОСТЯК». ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Черновой автограф, 1849. Титульный лист с пометой автора: «Тоже для Щепкина». Ниже: даты начала и окончания работы над комедией (февраль — март 1849 г.), отправки списка ее М. С. Щепкину (15/3 апреля 1849 г.) и первого представления в Петербурге (26/14 октября 1849 г.)

Центральный архив литературы и искусства, Москва

показал мне, что у меня есть призвание к театру и что со временем я смогу писать хорошие вещи».

Успех «Холостяка» еще сильнее сблизил Щепкина с Тургеневым. Они часто встречаются. 9 декабря, т. е. через три дня после спектакля, Щепкин утром навестил писателя: «...мы много болтали,— писал Тургенев Полине Виардо.— Его приход доставил мне удовольствие, но он украл у меня одну страницу письма к вам».

9

Комедию в одном действии «Провинциалка» Тургенев написал для петербургских актеров, но Щепкин «выпросил» ее для своего бенефиса. «Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному, достойному человеку»,— признавался Тургенев в письме к Виардо 17/29 января 1851 г.

Бенефис Щепкина состоялся 18 января 1851 г. в Большом театре. Кроме комедии Мольера «Жорж Данден», оперетки «Учитель и мельничиха, воспитание и природа», шутки-водевиля «Дагеротип, или Знакомые все лица», в первый раз шла «Провинциалка», «комедия в 1 действии, соч.

И. Тургенева» [71]. Бенефициант играл роль уездного чиновника Ступендьева — новый тургеневский вариант «маленького человека».

Щепкин прислал Тургеневу билет в верхнюю ложу. Тургенев чувствовал себя скверно, однако, несмотря на «дьявольскую лихорадку», пошел в театр.

«Провинциалка» была горячо принята зрителями. «...я ожидал чего угодно, но только не такого успеха,— писал тотчас же после спектакля Полине Виардо взволнованный Тургенев.— Вообразите себе, меня вызывали с такими неистовыми криками, что я наконец убежал, совершенно растерянный, словно тысячи чертей гнались за мной, и мой брат сейчас рассказал мне, что шум продолжался добрую четверть часа и прекратился только тогда, когда Щепкин вышел и объявил, что меня нет в театре». Особенно понравился Тургеневу Шумский, игравший графа Любина. Он «был очарователен» и имел успех.

На следующий день после премьеры Тургенев делился своей удачей: «Несколько моих друзей пришли сегодня поздравить меня; говорят, успех мой был действительно очень велик; зал был переполнен, и было замечено, что некоторые из моих врагов (литературных) аплодировали, не щадя сил ⟨...⟩ Милый Щепкин пришел обнять меня и побранить за бегство».

«Провинциалка» прочно входит в репертуар Щепкина. Он исполняет роль Ступендьева в Большом театре 23 января [72], а в Малом театре 16 февраля и 18 апреля [73].

18 апреля Щепкин выступал вместе с гастролировавшей в Москве В. В. Самойловой, которая играла Дарью Ивановну. Роль графа Любина по-прежнему играл Шумский.

Аполлон Григорьев, враждебно относившийся к драматургии Тургенева и, в частности, к «Провинциалке», в обзоре этого спектакля противопоставлял игру Шумского, который «был в роли графа истинным, высоким художником», игре Щепкина. «Не таков был М. С. Щепкин в роли Ступендьева, которому нельзя не пожелать больше спокойствия: странно было видеть, как он *забегался*, подобно мальчику, перед прибытием графа, как он *испугался*, подобно пойманному преступнику, заставши его на коленях перед женою! Как он кричал и умолял! Но, разумеется, у него, как великого таланта, многие места были выражены прекрасно, например когда он оставался один и рассуждал, идти ли ему в сад за женою, как разговаривал с ними» [74].

С В. В. Самойловой в роли Дарьи Ивановны Щепкин выступил еще два раза: 3 мая в Малом театре [75] и на «последнем представлении, перед отъездом ее из Москвы» 15 мая в Большом театре. В кратком отчете об этом спектакле рецензент отдавал должное игре Щепкина: «Роль г-на Щепкина второстепенная в „Провинциалке“; но кто видел ее, тот согласится, что г-н Щепкин со свойственным ему талантом поставил ее наряду с первыми, по крайней мере, сделал равно прекрасною, равно занимательною: он сделал ее выше и лучше, чем она есть на самом деле» [76].

16 августа Щепкин снова выступил в роли Ступендьева — на сцене Малого театра [77] (в этой роли он и потом выступал неоднократно).

10

Приехав в Москву 20 октября 1851 г., Тургенев в тот же день, вместе со Щепкиным, посетил Гоголя.

По воспоминаниям Тургенева, он и Щепкин приехали на Никитский бульвар (дом Талызина) «в час пополудни» и немедленно были приняты Гоголем, который стоял «перед конторкой с пером в руке» [78].

«ХОЛОСТЯК» НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА, 1903
Гравюра неизвестного художника
«Театр и искусство», 31 августа 1903 г., № 36

Знакомство состоялось. Гоголь в «страшном беспокойстве» говорил, что Герцен оскорбляет его «своими выходками в иностранных журналах», имея в виду брошюру «О развитии революционных идей в России». В ней Герцен раскрывал реакционный смысл «Выбранных мест из переписки с друзьями» и обвинял Гоголя в отступничестве от прежних идей. Гоголь пытался оправдываться, но в конце разговора вынужден был признать: «... я во многом раскаиваюсь, что послушался друзей, меня окружавших, и если б можно было воротить сказанное, я сжег бы и уничтожил свою „Переписку с друзьями“» [79].

Об этой знаменательной встрече Тургенев рассказал в «Литературных и житейских воспоминаниях» (X, 315—319). Известен также рассказ Щепкина о знакомстве Тургенева и Гоголя, записанный П. А. Кулишом [80].

Мною обнаружен еще один неопубликованный вариант этого рассказа, записанный со слов Щепкина в августе 1862 г. другом актера этнографом А. Н. Афанасьевым: «При первом свидании Тургенева с Гоголем, этот последний жаловался: „За что на меня нападает Герцен? Что я ему сделал? За что марает меня перед потомством?“ — „Вы были для него идеалом писателя, указывающего недостатки русского правительства, и вдруг когда издали вы вашу „Переписку“ — это убеждение разом рассыпалось, и потому он д⟨олжен⟩ б⟨ыл⟩ так же резко напасть на вас, как прежде высоко ставил“.— „Да я вовсе не хотел нападать на правительство, напротив, я хотел показать, что Россия вовсе не такова, как ее знают министры; зная, что меня обвиняют в каких-то либеральных неприязненных к правительству намерениях, я и решился написать все это, но я сам ⟨понял?⟩, что сделал не так. Меня друзья подтолкнули издать эту книгу, и я теперь бог знает что отдал, чтоб этой книги не было“» [81].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Воспоминания А. В. Щепкиной. Сергиев Посад, 1915, стр. 127—128, 228.

[2] «Московские ведомости», 1846, № 57, 11 мая.

[3] Дневник М. П. Погодина.— ЛБ, Пог. I 32, л. 130 об. См. также мою заметку «М. Щепкин о пьесах Гоголя».— «Литературная газета», 1959, № 39, 31 марта.— Н. П. Барсуков, процитировав отрывок из записи Погодина, ошибочно приписал ему высказывание Щепкина («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 4. СПб., 1891, стр. 335).

[4] Сб. «Михаил Семенович Щепкин. 1788—1863 гг.» СПб., 1914, стр. 161.

[5] Там же, стр. 169.

[6] «Русская старина», 1877, № 3, стр. 528.

[7] В. Н. Смирнов. Проезд через Орел М. С. Щепкина.— «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», 1842, кн. 12, отдел Театральная хроника, стр. 27.

[8] Александринский театр.— Белинский, т. VIII, стр. 533.

[9] «Русский театр в Петербурге».— Белинский, т. VIII, стр. 333.

[10] А. А. Стахович. Клочки воспоминаний. М., 1904, стр. 52.

[11] «Предстоящий бенефис М. С. Щепкина».— «Литературный отдел „Московских ведомостей"», 1857, № 3, 5 января, стр. 13.

[12] Князь Александр Иванович Урусов. Статьи его о театре, литературе и об искусстве, т. I. М., 1907, стр. 141.

[13] «Русская старина», 1877, № 3, стр. 527—528.

[14] Там же, стр. 527.

[15] М. Ж. ⟨В. В. Львов.⟩ Жизнь в Москве в апреле 1846 года.— «Москвитянин», 1846, № 5, стр. 242—243.

[16] Письма С. П. Шевырева к Н. В. Гоголю.— «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г.» СПб., 1896, прилож., стр. 51.

[17] Сб. «Михаил Семенович Щепкин». СПб., 1914, стр. 181.

[18] Герцен АН, т. XXIII, стр. 90.

[19] «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 44.

[20] Об этом Тургенев писал в повести «Несчастная» (1863): «На следующий день мы с Фустовым собрались идти в театр, смотреть Щепкина в „Горе от ума". Комедию Грибоедова только что разрешили тогда, предварительно обезобразив ее цензурными урезками. Мы много хлопали Фамусову, Скалозубу». Как известно, «Горе от ума» с Щепкиным в роли Фамусова и Орловым в роли Скалозуба на московской сцене было впервые показано 27 ноября 1831 г.

[21] Первая редакция пьесы.— Тург АН. Сочинения, т. II, стр. 331.

[22] «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 720. Письмо здесь ошибочно датировано 11 декабря. Оригинал в ЛБ. М., 8421/36.

[23] ГИМ, ф. 351, ед. хр. 92, л. 31 и 31 об. (письмо начато 25 января).

[24] «Письмо из Москвы о Москве».— «Современник», 1849, № 4, отд. Смесь, стр. 191.

[25] Письма В. Г. Белинского и В. П. Боткина к А. А. Краевскому.— «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год». СПб., 1893, прилож., стр. 94—95.— В письме от 10 февраля Боткин повторяет просьбу Щепкина поскорее передать комедию в цензуру.

[26] Н. В. Дризен. Драматическая цензура двух эпох. Пб., 1917, стр. 77.

[27] Ю. Г. Оксман. И. С. Тургенев. Исследования и материалы, вып. 1. Одесса, 1921, стр. 19—80.— См. также: Тург АН. Сочинения, т. II, стр. 588—597.

[28] ЛБ, М., 8421/30. Письмо датировано «22 генваря 1849 года». Однако из текста ясно («пост сменил шумную масленицу», «солнце начинает светить и греть по-весеннему»), что это описка и правильная дата — 22 февраля.

[29] А. Щепкина. Михаил Семенович Щепкин. В семье и на сцене.— «Русский архив», 1889, № 4, стр. 538.

[30] ЦГАОР ф. 279-II (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 1060, л. 5.

[31] «П. В. Анненков и его друзья». СПб., 1892, стр. 557.

[32] ЛБ, М., 8421/34.

[33] ГИМ, ф. 351, ед. хр. 92, л. 132 об.

[34] Письмо к Краевскому от 30 мая/11 июня 1849 г. См.также отзыв Боткина в письме к Краевскому от 15 июня 1849 г.: «Кажется, она ⟨комедия «Холостяк».— *Т. Г.*⟩ может быть напечатана, потому что скромнее ее трудно представить себе что-нибудь. Далеко уступает она „Нахлебнику". Заметно, что автор главное имел в виду то, чтоб театральная ценсура пропустила ее» (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893, прилож., стр. 100).

[35] «Петрашевцы». М., 1907, стр. 39.

[36] «Дело петрашевцев», т. III. М.— Л., 1951, стр. 288.

[37] ЛБ, 2754/II, л. 90.

[38] Некрасов, т. X, стр. 132.

[39] ГИМ ф. 276, ед. хр. 33, л. 57 об.

[40] «Список пьесам, запрещенным к представлению на императорских театрах».— ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 4, ед. хр. 31, л. 6.

[41] Стас., т. III, стр. 482.

[42] А. А. Стахович. Клочки воспоминаний, стр. 52.
[43] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1896, стр. 486—487.
[44] «Северная пчела», 1849, № 228, 14 октября.
[45] В окончательной редакции — Белова.
[46] В окончательной редакции — фон Фонк.
[47] Р. З⟨отов⟩. Театральная хроника.— «Северная пчела», 1849, № 231, 24 октября.
[48] «Письма иногороднего подписчика в редакцию „Современника" о новой русской журналистике».— «Современник», 1849, № 10, отд. Смесь, стр. 288—293.
[49] Вл. Ч. ⟨В. В. Чуйко.⟩ Театральная хроника. Русский и французский театр с 15 сентября по 15 октября.— «Отечественные записки», 1849, № 11, отд. Смесь, стр. 157—159. См. также: В. П. Театральная хроника.— «Санктпетербургские ведомости», 1849 № 246, 3 ноября.
[50] Ф. Кони. Русский театр в Петербурге.— «Пантеон», 1850, кн. 1, отд. Театральная летопись, стр. 26.
[51] «Театральные новости. Октябрь 1849. 1) *Холостяк*, комедия в трех действиях, Ив. Тургенева».— «Современник», 1849, № 11, отд. Смесь, стр. 138—142. Статья напечатана без подписи. О принадлежности ее Некрасову см.: Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. IX, М., 1950, стр. 790.
[52] Ср. с письмом Некрасова к Тургеневу от 8 ноября 1849 г.— Некрасов, т. X, стр. 134.
[53] «Северная пчела», 1849, № 230, 233, 242, 17, 20 и 31 октября.
[54] См., например, примечания Г. П. Бердникова к «Завтраку у предводителя».— «Тургенев и театр». М., 1953, стр. 596, а также комментарии Г. Э. Водневой к этой же комедии — IX, 572.
[55] В. А. Маслих. Монтировка первых постановок пьес И. С. Тургенева на сцене Малого театра.— «Театральное наследство». М., «Искусство», 1956, стр. 307—308.
[56] «Московские ведомости», 1849, № 140, 22 ноября.
[57] О московской постановке «Завтрака у предводителя» лишь вскользь упоминалось в «Современнике», 1850, № 3, отд. Современные заметки, стр. 125. См. также «Отечественные записки», 1850, № 1, отд. VIII, стр. 85.
[58] «Московские ведомости», 1849, № 142, 26 ноября.
[59] «Ведомости московской городской полиции», 1849, № 285, 31 декабря.
[60] Там же, 1857, № 5, 7 января.
[61] «Бенефис М. С. Щепкина».— «Московские ведомости», 1850, № 9, 21 января; «Московский отголосок».—«Пантеон», 1850, февраль, отд. «Калейдоскоп», стр. 2—3.
[62] А. Альтшуллер. Александр Евстафьевич Мартынов. Л.— М.,«Искусство», 1959, стр. 106.
[63] ГИМ, ф. 351, ед. хр. 92, л. 139 об.
[64] «Московский театр».— «Современник», 1850, № 3, отд. «Совр. заметки», стр. 125.
[65] «Ведомости московской городской полиции», 1850, № 29, 6 февраля.
[66] «Театральная летопись».— «Воронежские губернские ведомости», часть неофициальная, 1850, № 20, 20 мая.
[67] Там же, 1850, № 22, 3 июня.
[68] «Одесский вестник», 1850, № 61, 2 августа.
[69] Письмо к П. Виардо от 5/17 декабря 1850 г.
[70] «Ведомости московской городской полиции», 1850, № 268, 5 декабря.
[71] «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 11, 15 января; см. также: «Несколько слов о бенефисе М. С. Щепкина».— Там же, № 12, 16 января; «Московские ведомости», 1851, № 8, 18 января. Монтировка комедии была представлена в контору московских театров 11 января («Театральное наследство». М., 1956, стр. 310).
[72] «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 18, 23 января.
[73] «Московские ведомости», 1851, № 20, 15 февраля; «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 85, 18 апреля.
[74] А. Григорьев. Летопись Московского театра.— «Москвитянин», 1851, № 13, кн. 1, отд. Современные известия, стр. 56.
[75] «Московские ведомости», 1851, № 53, 3 мая.
[76] «Представление г-жи Самойловой 15 мая».— «Ведомости московской городской полиции», 1851, № 126, 9 июня.
[77] «Московский театр».— «Вед. моск. гор. полиции», 1851, № 221, 11 октября.
[78] Дата посещения указана самим Тургеневым в его воспоминаниях. В этот день Тургенев приехал в Москву из Спасского — см. его письмо к И. Ф. Миницкому от 31 октября/12 ноября 1851 г.
[79] Н. Соколов. Заметки о М. С. Щепкине. (Выдержки из дневника).—«Библиотека для чтения», 1864, август, стр. 5—6.— Автор встретился с Щепкиным 10 июля 1856 г. и с его слов записал рассказ о встрече Тургенева с Гоголем. Внук актера, М. А. Щепкин, слегка отредактировав запись Соколова, включил ее в свои «Воспоминания о М. С. Щепкине» («Исторический вестник», 1900, № 8, стр. 446).
[80] «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», т. I. М.— Л., 1936, стр. 147.
[81] ЦГАОР, ф. 279-И, оп. 1, ед. хр. 1060, лл. 295 об.— 296.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«М. С. Щепкин и Тургенев» — последняя работа Теодора Соломоновича Грица, предназначавшаяся для «Литературного наследства» и оставшаяся не вполне законченной. Рукопись подготовлена к печати вдовой исследователя С. А. Семеновой-Гриц. Наряду с ранее опубликованными статьями («К истории „Сороки-воровки"», «Щепкин о пьесах Гоголя», «Воспоминания слуги Щепкина»), статья «Щепкин и Тургенев» связана с той огромной работой по критическому анализу и систематизации наследия основоположника русского сценического реализма, которой Т. С. Гриц отдал последние десять лет жизни. В его монументальной «Летописи жизни и творчества М. С. Щепкина» [1] с необычайной полнотой зафиксированы выступления великого актера и даны отзывы и воспоминания современников.

«Летопись» дает яркую картину творческой и общественной деятельности Щепкина, этого неустанного искателя сценической правды и яростного противника крепостного права, горячо откликавшегося на каждое значительное явление в жизни и в искусстве. Особое внимание автором «Летописи» уделено взаимоотношениям Щепкина с декабристами, Пушкиным, Гоголем, Шевченко, Некрасовым, Белинским, Грановским, Герценом, Тургеневым.

Научная ценность труда Т. С. Грица раскрывается в полной мере, если мы сопоставим с нею общеизвестные справочные источники, наложившие определенный отпечаток на все исследования о Щепкине. Приведу только один пример. В «подробном» перечне щепкинского репертуара, опубликованном в «Трудах Гос. Театрального музея им. А. Бахрушина» (1941) пропущено свыше двухсот пьес, в которых выступал Щепкин. Этот поистине чудовищный пробел впервые заполнен в «Летописи» Т. С. Грица. Автор «Летописи» также установил, что тексты многих писем Щепкина, напечатанных в двух дореволюционных изданиях (1864 г. и 1914 г.), искажены большими купюрами и грубыми ошибками. К сожалению, все эти дефекты повторены в сборнике «М. С. Щепкин» (изд-во «Искусство», М., 1952), составители которого не сочли нужным произвести сверку старых публикаций с сохранившимися автографами. Этот сборник был подвергнут Т. С. Грицем суровой, но справедливой критике в рецензии, помещенной в «Новом мире» (1953, № 2).

Тщательно документированная книга Т. С. Грица имеет значение научного первоисточника. Поэтому она открывает путь для углубленного анализа сценической системы Щепкина и объективного изучения его творческого развития.

Тема настоящей статьи Т. С. Грица — участие Щепкина в утверждении драматургии Тургенева.

Среди материалов, которые Т. С. Гриц не успел использовать в своей статье, мы находим ряд интереснейших неизвестных сведений, завершающих цензурную историю постановки пьесы «Нахлебник». Уже в начале нового царствования, в 1856 г., Щепкин возобновил попытки добиться цензурного разрешения. По просьбе Щепкина, пьеса к его бенефису была представлена в театральную цензуру Анненковым [2]. Несмотря на то, что Анненков изменил заглавие пьесы («Даровой хлеб»), эта попытка также не увенчалась успехом.

Т. С. Гриц обнаружил в дневнике А. Н. Афанасьева следующую запись, датированную 1 января 1857 г.: «Цензура поворачивает, кажется, на старую колею; Щепкину не позволили дать в свой бенефис „Нахлебника"; находят, что в этой пьесе осмеяно благородное российское дворянство! Дурно, что цензура придирается, но я не шутя рад, что не увижу „Нахлебника" на сцене: в интриге ее видна искусственность, а в развитии действия автору не хватило ни сценического знания, ни таланта...» [3]. Разрешение на постановку не было получено и по напечатании пьесы в «Современнике» (1857, № 3).

Только через тринадцать лет после написания пьесы, в конце 1861 г., цензурное запрещение было, наконец, снято. 28 января 1862 г. в «Московских ведомостях» была напечатана заметка Д. С. «Театральные новости» — о предстоящем бенефисе Щепкина: «Капитальною пьесою этого бенефиса будет комедия г. Тургенева „Нахлебник", до сих пор, по неизвестным причинам, не дававшаяся на сцене. Это произведение даровитого

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ» НА СЦЕНЕ МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА, 1909

Эскиз костюма Верочки. Акварель М. В. Добужинского

Музей И. С. Тургенева, Орел

романиста отличается несомненными достоинствами, и литературными, и сценическими. В ней наш бенефициант исполняет роль самого „нахлебника", в которой так много теплоты и правды, составляющих особенность неувядаемого таланта г-на Щепкина... Кроме самого бенефицианта, в „Нахлебнике" примут участие лучшие артисты нашей сцены, и при такой обстановке комедии г-на Тургенева можно, конечно, предсказать самый блестящий успех...».

Бенефис Щепкина состоялся 30 января 1862 г. в Большом театре. Кроме Щепкина, в пьесе Тургенева играли И. В. Самарин (Елецкий), Н. М. Медведева (Елецкая), С. В. Шумский (Тропачев), П. М. Садовский (Иванов) [4].

А. Н. Баженов, подобно Афанасьеву, отрицательно относившийся к «сценически слабой» драматургии Тургенева, дал подробный отзыв об игре Щепкина: «...г-н Щепкин прекрасным исполнением своей роли в первом действии не оставлял желать ничего лучшего. С каким уменьем и достоинством воспользовался он всеми разнообразными положениями и переливами своей роли в первом действии. Сколько откровенной, бесхитростной радости, сколько самой нежной, именно отеческой любви показал он в старческом сердце Кузовкина при встрече приехавшей Ольги Петровны! Как цельно и с какою естественною прямотой отдавался он ласкающей его надежде, во время рассказа об иске, который ведет он за какое-то поместьице! С какою правдой и постепенностью перешел он в экзальтированное состояние опьянения, именно старческого опьянения! Какими, наконец, искренними, невольными слезами заплакал он под шутовским колпаком! Это была не простая слезливость, а горячее, истинное чувство. К сожалению, нельзя сказать того же об игре г-на Щепкина во втором действии, где он был уже много холоднее и однообразнее, чему, конечно, помогала и самая роль, не столько интересная во второй ее половине...» [5].

Вторично в роли Кузовкина Щепкин выступил 1 февраля — на сцене Малого театра [6]. На той же сцене спектакль был повторен 9, 15 и 17 февраля [7]. Последний спектакль с участием Щепкина в роли «нахлебника» состоялся 30 октября [8].

В заключение приведу отрывок из письма Тургенева к Анненкову, вошедшего в «Летопись жизни и творчества М. С. Щепкина» Т. С. Грица.

Как известно, в марте 1853 г. Щепкин посетил Тургенева в Спасском-Лутовинове. Гость прочел хозяину комедию Островского «Не в свои сани не садись», которая произвела на Тургенева «большое впечатление». В свою очередь, Тургенев прочел Щепкину свой роман «Два поколения». Об этом Тургенев упоминает в письме к Анненкову от 14—15 марта 1853 г. Письмо Тургенева к тому же адресату, датированное 25 мая, содержит в себе более подробные сведения: «Роман мой будет состоять из трех частей. Щепкину особенно понравились главы 9-ая и 10-ая — последних двух он не слыхал. Он мне дал полезные советы, которыми я воспользовался...». Это письмо — один из самых красноречивых документов, свидетельствующих о творческой близости Тургенева с Щепкиным.

Н. Харджиев

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Летопись жизни и творчества М. С. Щепкина» вышла в свет в издательстве «Наука», 1966.

[2] Письмо П. В. Анненкова к Тургеневу от 29 декабря ⟨1856 г.⟩.— Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. III. М., 1934, стр. 63.

[3] Дневник А. Н. Афанасьева.— ЦГАОР, ф. 279-И (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 1060. Этот дневник был впервые обнаружен Т. С. Грицем.

[4] ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 4, т. V, ед. хр. 4, л. 501 (афиша); «Московские ведомости», 1862, № 23, 30 января.

[5] А. Баженов. Заметки о московском театре.— «Московские ведомости», 1862, № 33, 11 февраля.

[6] ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 4, т. V, ед. хр. 4, л. 504 (афиша); «Московские ведомости», 1862, № 25, 1 февраля.

[7] Там же, лл. 523, 540 (афиша); «Московские ведомости», 1862, № 36 и 37, 15 и 16 февраля.

[8] Там же, ед. хр. 5, л. 338 (афиша).

РУДИН И БАЗАРОВ В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ 70-х ГОДОВ

П. Ф. Алисов. «Заметка о Писареве» в «Сборнике литературных и политических статей». Genève — Bâle — Lyon, 1877

Сообщение Е. Н. Дунаевой

Романы Тургенева, вызывавшие при выходе в свет ожесточенные споры и принципиальную полемику, в последующие годы получали самые разноречивые оценки. Отношение общества к творчеству Тургенева и прежде всего к главным его героям не оставалось постоянным, оно менялось в зависимости от смены общественных настроений, условий и задач литературной и политической борьбы в различные периоды русской жизни. Обращаясь к отдельным отзывам о романах Тургенева критиков, исследователей и просто читателей, мы всегда распознаем в них печать времени, их породившего.

Наше литературоведение уделяло много внимания полемике 60-х годов вокруг «Отцов и детей» и «Дыма», роль же романов Тургенева в литературно-общественной жизни 70—80-х годов пока еще слабо освещена, далеко еще не все материалы изучены, не прослежено постепенное изменение в этот период отношения русских читателей и критики к Тургеневу. А вместе с тем эти годы дали очень многое для понимания творчества Тургенева; сила его влияния не уменьшалась, а наоборот, увеличивалась. Напомним слова из воспоминаний С. И. Мицкевича:

«Можно смело сказать, что романы Тургенева с конца 50-х до конца 90-х годов являлись для молодых читателей обычно первыми толчками, разбивающими старое, косное мировоззрение и ведущими к критике существующего строя и к протесту против него»[1].

Написанная в середине 1870-х годов «Заметка о Писареве» П. Ф. Алисова, в которой дана сравнительная характеристика Рудина и Базарова, представляет несомненный интерес особенно потому, что в ней отражены литературные взгляды молодежи 70-х годов. Заметка эта осталась вне поля зрения исследователей творчества Тургенева.

Сведения о Петре Федосеевиче *Алисове* чрезвычайно скудны. В биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» сказано, что он родился в 1847 г. в с. Цыгановке Курской губ., в семье прапорщика, учился в военной гимназии в Воронеже, курса не кончил. В автобиографической «Идиллии моей юности» Алисов рассказал о тех идейных влияниях, которые он испытал в стенах военного корпуса, влияниях, столь характерных для 60-х годов: «А у нас были развитые юноши; мы переживали по-своему все то, что переживало передовое русское общество. Кружок, в котором я вращался, увлекался до безумия Кантом, Спинозою, Шлегелем, Шеллингом, Гегелем, не понимая в них ни единого слова; а после мы стали увлекаться еще горячее, и на этот раз

понимая всё, Белинским, Добролюбовым, Писаревым, Чернышевским; „Колокол", „Полярная звезда", запрещенные стихотворения Некрасова, Огарева, Гейне, Толстого, Ростопчиной, Рылеева у нас ходили в рукописях; их под сильным страхом пересылали к нам студенты и городские либералы, переписанными на прозрачной, тонкой почтовой бумаге. „Сила и материя" Бюхнера, „Сущность христианства" Фейербаха, „Жизнь Иисуса" Ренана и Штрауса, статьи Фохта и Молешотта доставляли к нам харьковские студенты в литографических списках. Бокль, Гервинус, Кине, Дрепер, английская, французская литература в переводах и русская нам были очень и очень хорошо знакомы» [2].

Во второй половине 1871 г. Алисов выехал за границу, путешествовал, был в Египте и Италии, затем поселился во Франции, где занялся литературной деятельностью. С 1877 г. сотрудничал в эмигрантской либерально-конституционной газете «Общее дело». Был выслан из Франции; в 80-х годах жил в Швейцарии. В мае 1898 г. арестован во Флоренции как «ревностный распространитель социалистических идей» [3]. Год смерти Алисова неизвестен.

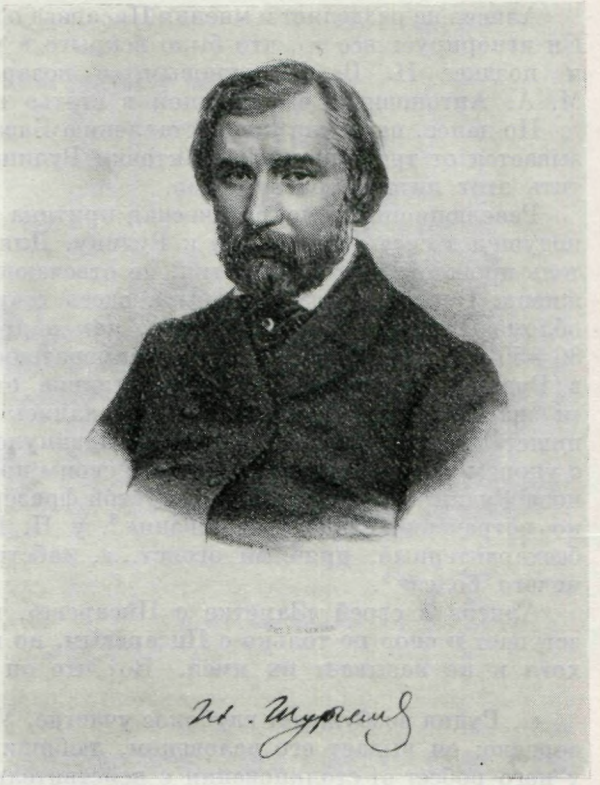
Алисов был плодовитым публицистом. Не считая газетных статей, им было написано и выпущено с 1877 по 1896 г. около 60 брошюр [4]. Брошюры эти издавались в Женеве в типографиях Трусова и Элпидина, а также в «Вольной русской типографии» в Лондоне. Известно несколько стихотворений Алисова (некоторые из них приведены в сборнике «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Л., 1959).

Публицистическая деятельность Алисова распадается на два периода. До 1878 г. он был сторонником мирной и постепенной пропаганды социалистических идей вне политической борьбы; в 1878 г., после выстрела Веры Засулич, он становится защитником политического террора. Наибольшее значение имела его статья «Александр II Освободитель», вышедшая в 1879 г. в Женеве отдельной брошюрой, затем перепечатанная газетой «Набат» и переведенная на французский и итальянский языки.

Как указано в «Набате», статья об Александре II «не по вине биографа» оказалась «однообразным перечнем арестов, ссылок, замучиваний в тюрьмах, усмирений и вешаний» [5]. В этой статье, близкой к памфлетам В. А. Зайцева, печатавшимся в «Общем деле», Алисов обращался к суду цивилизованной Европы, раскрывая цепь преступлений русского правительства против народа и революционеров, задевая также членов царской семьи, отличавшихся особым стяжательством. За эту брошюру русское правительство потребовало высылки Алисова из Ниццы, что и было исполнено по распоряжению президента Франции.

Из других произведений Алисова следует отметить некролог В. А. Зайцева, вышедший в Лондоне в 1882 г. (включен в биографию Зайцева в серии «Библиотека биографий выдающихся русских революционеров». Лондон, 1900), и брошюру «Террор» (Женева, 1893; перепечатанную народовольцами-эмигрантами в 1901 г.).

Вообще же произведения Алисова, хотя и бойко написанные, не отличались глубиною содержания и не имели большого распространения в России. Некоторые из его статей написаны на литературные темы, они посвящены произведениям Шпильгагена, Жорж Санд, Толстого, Достоевского. Литературные мнения Алисова откровенно тенденциозны. В «Анне Карениной» критик видит «погубившую» роман предвзятую «полицейски-чиновничью мораль». Пушкин осуждается за то, что, «имея такой громадный талант, так бедно подействовал им на общество, излившись в сладконежных звуках...» [6]. В вину Пушкину поставлен критиком, конечно, и камер-юнкерский мундир. В резких нигилистических высказываниях Алисова о литературе, очевидно, сказалось воздействие Варфоломея Зайцева, с которым он был в приятельских отношениях.



ТУРГЕНЕВ

Литография В. Бахмана. По фотографии А. И. Деньера, 1859

«Альбом русских писателей». Издание Н. Н. Полевого. М., 1860

Алисов был безоговорочным приверженцем романа Чернышевского «Что делать?».

Творчество Тургенева вызывало у Алисова в основном сочувственные отзывы. Тургеневу посвящена статья «„Довольно“ и „Призраки“ И. С. Тургенева» в «Сборнике литературных и политических статей», бóльшая часть «Заметки о Писареве» в том же сборнике и отдельная брошюра «Несколько слов о романе „Новь“ Ив. Тургенева». Женева, 1877.

В начале «Заметки о Писареве» автор говорит о заслугах Писарева, ставя его на первое место после Чернышевского по влиянию на читающее общество. Писареву,— пишет Алисов,— предстояла великая будущность: «...он был превосходный общественный агент мысли; ни одно разумное произведение не ускользнуло от него ни в нашей, ни в иностранной литературе; светлый мыслитель и редкий популяризатор, он свежо, бойко, остроумно, понятно для ребенка передавал свою мысль; честному, широко свободному направлению он не изменил нигде, а такою последовательностью мысли отличались очень и очень немногие из русских писателей» (стр. 178).

Но Алисов не понимает и не разделяет любви Писарева к Базарову. Для него Базаров — только «кажущийся представитель молодого поколения». Обвинения, которые выдвигает Алисов против Базарова, не новы: Базаров, по мнению критика, действует не как настоящий реалист, а как пошленький романтик, соглашаясь на дуэль; его повальное отрицание искусства, любви, природы отзывается «старческим чиновничье-деловым тупоумием». «В Базарове мы не видим ни открывателя новых научных истин, ни человека, страстно преданного идее всеобщего блага, ни даже особенно полезного деятеля...» (стр. 180).

Алисов не разделяет и мнения Писарева о героичности смерти Базарова. Он игнорирует все то, что было вскрыто в романе Тургенева Писаревым и позднее Н. В. Шелгуновым, и возвращается вспять к позиции М. А. Антоновича, выраженной в статье «Асмодей нашего времени».

Но далее, переходя к сопоставлению Базарова и Рудина, Алисов отказывается от традиционной трактовки Рудина и пытается по-новому осветить этот литературный образ.

Революционно-демократическая критика 60-х годов в целом была единодушна в своем отношении к Рудину. Для нее Рудин — это представитель прошлого поколения, тип, не отвечающий требованиям современной жизни. Основополагающей была здесь статья Добролюбова «Что такое обломовщина», в которой Рудин, как и другие герои русских романов 30—50-х годов, сведен к общему знаменателю — Обломову. Писарев видит в Рудине «знание без воли» в отличие от Базаровых, у которых есть «и знание и воля». «Рудины не сделались практическими деятелями,— пишет Писарев,— из-за Рудиных выдвинулось новое поколение, которое с укором и насмешкою отнеслось к своим предшественникам» [7]. У Шелгунова Рудин — «благоухающий пустой фразер и жалкий мученик бесцельно потраченной праздной жизни» [8], у П. Н. Ткачева — «себялюбивый, бесхарактерный, дряблый эгоист...», «абстракт болтливой дряблости и ничего более» [9].

Алисов в своей «Заметке о Писареве», написанной около 1873 г. [10], вступает в спор не только с Писаревым, но и с Ткачевым и Шелгуновым, хотя и не называет их имен. Вот что он пишет о Рудине.

«...Рудин возбуждает глубокое участие. У Тургенева есть дикое противоречие: он выдает его человеком, любящим головою, а не сердцем; он у него робеет от столкновения с действительностью — перед пылкою, решительною Натальею, перед ее женихом; бросается на деятельность и тотчас же отшатывается от нее, и тот же человек умирает со знаменем в руке на парижских баррикадах! Плохо вяжется его жизнь с этим необыкновенным концом.

Смерть за святыню убеждений — великий пробный камень; он показывает, что Рудин сросся с высоким призванием пророка-мученика; тут виден не робкий, отшатывающийся перед крошечными препятствиями человек, а великий, энергический деятель, умирающий за неприменимые у себя дома убеждения; фразеры оканчивают свою нулевую жизнь в душных деревенских вертепиках, на теплых перинах; те, проповедуя свободные убеждения, пресмыкаются, отращая себе животы и откладывая массы жира в мозг; у тех разлад слова и жизни поразительный, те не увлекают своим красноречием. Подделаться под искренность и задушевность очень трудно; вы можете легко передразнить голос великого актера, но могущественное обаяние его игры, его силы душевной вы не передразните.

Рудин производит потрясающее впечатление своею фразою; если это так, то бесплодное значение фразы теряется, она становится делом, и это верный признак, что он глубоко верил в то, что говорил, и слово его не звук пустой, а мощная сила, которая преобразилась бы в великие дела при иначе сложившейся жизни; это не Тентетников, прозябающий в омуте деревенском, замышляющий сочинение о России, которое должно охватить ее со всех сторон, и кончающий грызением пера и усиленным аппетитом — увалень Обломов с пошленькими стремленьицами и водевильным концом жизни... Смерть Рудина делает его фразерство страшно полновесным; он переделался на последней странице романа в титана, который

...смертью своей показал,
Что в нем сердце не робкое билось,
Что умел он любить.

«Дымъ», интермеццо.

ИСТОРІЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КИРСАНОВА.

Павелъ Петровичъ «воспитывался сперва дома».

Грав. Фрейндъ.

Потомъ Павелъ Петровичъ воспитывался ещё дома.

ОТЦЫ И ДѢТИ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Базаровъ, по наущенію автора, совѣтуетъ Аркадію немножко поучить своего отца, и сдѣлать выборъ, какія книги должно ему читать. На первый разъ Аркадій приказываетъ отцу прочесть необходимую для его возраста *«Самодѣятельность»* Смайльса съ примѣчаніями Кутейникова.

Наглядное изображеніе спора Базарова съ Павломъ Петровичемъ на тэму *«сперва нужно мѣсто расчистить»*.

«ОТЦЫ И ДЕТИ». КАРИКАТУРНЫЙ РОМАН
Рисунки и текст А. М. Волкова, гравюры Ф. Фрейнда
«Искра», 7 и 21 апреля 1868 г., №№ 12 и 14

Рудин — эгоист в благородном смысле этого слова; он ценит свои мощные душевные силы, он уважает в себе человека; не выносил он мелкой службы рядом с ничтожными, безличными, будничными тварями, потому что глубоко сознавал, что он годен на великую и плодотворную деятельность, что он родился несколькими столетиями ранее; ему жаль своих сил, он страдательно мечется от одной мелочи жизни к другой и очень естественно не удовлетворяется ни одною из них... Наверное, ни Писарев, ни Добролюбов с их силами не удовлетворились бы деятельностью честного и благонамеренного квартального, доброго пехотного майора, трудолюбивого учителя провинциальной гимназии. Добролюбов и Писарев часто с желчным состраданием относились к тем призрачным субъектам, которые с детства до самого гроба, опустивши покорно несчастные головы, идут по указочке гнусного формализма, жизнь которых жиденько и умеренно тянется, сжатая и руководимая чужими, неумелыми руками; такие, воняющие гнилью, автоматики, отличающиеся по службе, вследствие глубочайшего отсутствия всякого личного убеждения и необычайной эластичности позвоночного столба, готовы по приказанию начальства украсть и пожертвовать, спасти и изрезать в куски человека, дать ему пищу и сожрать его, действуя чисто механически; они уживаются при всякой жизненной обстановке и напоминают собою тех красных инфузорий, находимых на снежных вершинах, которые выживают там, где замирает всякая жизнь. Неужели эти волки в овечьих шкурах, приносящие мнимую пользу и действительный страшный вред, могут служить примером для Рудина? Вспомните, что Рудины явились в николаевское царствование, где для честного человека заперты были семью печатями все деятельности, все выходы; честному гражданину предоставлялось на выбор или самому пороть или ложиться под розги...

Рудины в такие славные, свободные времена, вынося страшные, незаслуженные удары судьбы, должны были скитаться, всюду проповедуя свои мысли, выливаться в скорбных словах.

Многие могут сказать: „Отчего он не в России погиб за свои широкие принципы?“ Но такие требования, несмотря на то, что они раздаются даже и теперь, всегда останутся великою, жалкою глупостью; карлики всегда злобно завидуют исполинам. Неужели нужно тратить слова, доказывая, что выступи он открыто, то при первом образовании звука на кончике языка его живым бы съела полиция, а Николай Незабвенный подписал бы: „быть по сему“. Вспомните общество Петрашевского... Он был бы наивнее бабочки, кружащейся над огнем...

Деятельность Рудина тождественна деятельности Белинского, Добролюбова, Писарева; ни Добролюбов, ни Писарев нигде не служили; вся их жизнь прошла в пропаганде светлых убеждений, в горячем и неутомимом преследовании зла, и это великое дело делалось не с помощью мышц, а с помощью рудинского слова. Рудин имеет громадное значение: всюду, куда ни забрасывала его скитальческая жизнь, он огненным словом пробуждал спящих, он воскрешал начинающих тленом пахнуть деревенских лазарей; его слово пробуждает в Наталье ее дремлющие, богатые силы, он дает толчок Басистову; такие люди, как он, избранные; они вливают в массы живые силы, свежие соки; они — заря, предвещающая яркий день; через них переходят в сознание общества истины; они явление законное, появление их кроется в самом сердце России; это — светлые ключи, бьющие в глубине земли и рвущиеся наружу; из этих невидимых, бурно шумящих источников сливаются громадные, многоводные, могучие реки, несущиеся в моря. Трудно, страшно трудно сказать, какая деятельность из всех деятельностей полезнее всего для обширного, рассеянного государства. Молчащие Базаровы на месте в абсолютно-свободном государстве; у нас же необходимы будут Рудины даже тогда,

когда спадут каторжные кандалы с печатного слова; они внесут свет туда, куда оно никогда не проникнет; они помогут тем, для которых мало печатного слова, которые жаждут живого человека с потрясающим словом. Рудины сеют семя, из которого тихо, невидимо для глаз вырастает тот питательный, дающий здоровье и силы плод, которым должны питаться массы; оценить, взвесить эту неосязаемую работу труднее, чем физическую. Если Рудин фразер, то, идя последовательно, придешь к тому грустному выводу, что Белинский, Добролюбов, Писарев — фразеры; придется растоптать все великие литературные имена, всех, без исключения, титанов слова».

Алисов снял обвинения Рудина в эгоизме и фразерстве, возвеличил деятельность Рудина-пропагандиста и его героическую смерть. Статья была написана в разгар «хождения в народ», в середине 70-х годов. В ней отразилось характерное для революционного народничества того времени представление об интеллигенции как руководящем меньшинстве, ведущем за собою массы. Рудин для Алисова — избранник, стоящий над толпою, вливающий в нее живые силы.

В статье отразился и политический индифферентизм, свойственный не одному только Алисову, но большинству социалистов в первую половину 70-х годов. В некрологе Зайцева Алисов писал: «После смерти А. И. Герцена целых десять лет преобладало социалистическое, без политической окраски направление, чистое народничество, и ему-то на алтарь несли свои силы самые честные, самоотверженные и развитые люди России...» [11].

В конце 1877 г. Алисов выпустил брошюру, посвященную «процессу 193-х», в которой он все еще отстаивал пути постепенной мирной пропаганды. Он писал: «Пропагандисты не должны были выступать из области критики и анализа современного строя: не месяцы, но всю жизнь они должны были посвятить поднятию нравственного и умственного уровня народа ⟨...⟩ Критика окружающей жизни, изложение причин зла фатально привели бы к выводам. ⟨...⟩ Чтобы сколотить десятки миллионов голов, нужно время, и его-то не хотят знать пропагандисты» [12].

Из приведенных высказываний видно, какую умеренную позицию занимал Алисов в эти годы. Он сторонник мирных решений социальных вопросов, а не «кровавых» революций.

Отсюда противопоставление рудинского слова силе мышц, отсюда и отождествление Белинского, Добролюбова и Писарева с Рудиным, т. е. оппортунистическое искажение взглядов революционеров-демократов и смысла их деятельности.

В 1877 г., когда вышел сборник статей Алисова, большинство революционеров, живущих в России и ведущих практическую работу, испытывало уже полную неудовлетворенность пропагандой социализма в народе, чувствовало себя на перепутье. Н. А. Морозов вспоминал, что прежние призывы в деревню, в «серый народ» «продолжали еще звучать в заграничной прессе, хотя практически в народе продолжали работать лишь очень немногие...» [13]. Молодежь искала новых путей борьбы, отличных от тех, которые рекомендовала им эмигрантская литература, утратившая в это время свое влияние на революционную Россию.

Но в статье Алисова верно была подмечена необходимость переоценки героев Тургенева, уловлена общая тенденция литературного процесса. Он увидел родство и преемственность деятелей своего времени с поколением 40-х годов. Восторженное отношение к Рудину и понимание жизненности этого образа выражены в отзывах В. Н. Фигнер и С. М. Кравчинского. «Мне кажется,— писала В. Н. Фигнер,— весь роман верен действительности, взят прямо из жизни, а Рудин — чистейший продукт нашей русской действительности, не пародия, не насмешка, а настоящая траге-

дия, которая совсем еще не умерла, которая еще живет, еще продолжается...» [14]. С. М. Кравчинский утверждал в 1894 г. в предисловии к английскому переводу «Рудина», что тип этот имеет не исторический только интерес: «...мы имеем полное право сказать, что во всяком образованном русском человеке нашего времени „сидит частица" Дмитрия Рудина»[15].

В эволюции взглядов русских читателей на романы Тургенева статья Алисова принадлежит переходному времени. В конце 70-х годов были еще, по свидетельству Н. С. Русанова и С. Н. Кривенко, люди, которые не забыли первого впечатления, полученного от «Отцов и детей», не простили еще Тургеневу Базарова. Но общая тенденция этой эволюции была такова, что снималось, отпадало различие между Базаровым и Рудиным.

Среди откликов на смерть Тургенева мы находим два особенно значительных. Один из них — прокламация, написанная 23-летним поэтом-народовольцем П. Ф. Якубовичем, напечатанная нелегально в Петербурге типографией «Народной воли». Говоря о значении творчества Тургенева для революционной молодежи, Якубович поставил рядом имена Рудина и Базарова. «Образы Рудина, Инсарова, Елены, Базарова, Нежданова и Маркелова — не только живые и выхваченные из жизни образы, но, как ни странным покажется это с первого взгляда,— это типы, которым подражала молодежь и которые сами создавали жизнь» [16].

Другой отклик — некролог, написанный М. Е. Салтыковым-Щедриным и помещенный в октябрьской книжке «Отечественных записок» 1883 г. Щедрин пишет: «Базаровы, Рудины, Инсаровы — все это действительные носители „добрых чувств", все это подлинные мученики той темной свиты призраков, которые противопоставляют добрым стремлениям свое бесконтрольное и угрюмое non possumus*» [17].

Так в отзывах Якубовича и Щедрина был подведен своего рода итог двадцатилетним спорам вокруг образов, созданных Тургеневым. Вместе с тем эти отзывы явились вехой, отмечавшей определенный этап в истории критических суждений о романах Тургенева. Следующий период общественной жизни должен был внести новое и в понимание творчества Тургенева, дать новое его осмысление.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. Мицкевич. Революционная Москва. М., Гослитиздат, 1940, стр. 26.
[2] П. Ф. Алисов. Указ. сборник, стр. 315.
[3] «Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь», т. II, вып. 1. М., 1929, стб. 29—30
[4] См. «Вольная русская печать в российской публичной библиотеке». Пб., 1920; «Алфавитный каталог изданиям на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатанию в России». СПб., 1888 и 1894.
[5] «Набат», 1879, № 3-4-5, «Скандал в Кане Гальской», стр. 64.
[6] Указ. сборник, стр. 245, 193.
[7] Д. И. Писарев. Сочинения, т. II. М., 1955, стр. 19.
[8] Н. Шелгунов. Русские идеалы и типы.— «Дело», 1868, № 7, стр. 155.
[9] П. Ткачев. Неподкрашенная старина.— «Дело», 1872, № 12, стр. 54—55.
[10] Статья не имеет даты, но помещена рядом со статьями, датированными 1873 г.
[11] «В. А. Зайцев».— «Библиотека биографий выдающихся русских революционеров», вып. 4. Лондон, 1900, стр. 4—5.
[12] П. Ф. Алисов. Процесс 196-и <!>. Женева, 1877, стр. 12.
[13] Н. А. Морозов. Повести моей жизни. М., 1965, т. II, стр. 228—229.
[14] В. Н. Фигнер. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1932, стр. 74—75.
[15] С. М Кравчинский. Сочинения, т. II. М., Гослитиздат, 1958, стр. 498—499.
[16] П. Ф. Якубович. И. С. Тургенев.— Т. в восп. рев., стр. 7.
[17] Щедрин, т. XV, стр. 612.

---

* нельзя (лат.).

ТУРГЕНЕВ В ПЕРЕПИСКЕ ТЕОДОРА ШТОРМА С ЛЮДВИГОМ ПИЧЕМ

Сообщение Кристины Шульце-Леман (ГДР) *

Дружба между Тургеневым и немецким поэтом и новеллистом Теодором Штормом была дружбой двух больших писателей, которых, по словам Томаса Манна, «несмотря на различный характер сфер их деятельности, роднила не только эпоха, но и какая-то общность чувства и формы, искусство передавать настроение и грусть воспоминаний» [1]. Об их близости свидетельствуют семь писем Тургенева к Шторму (1865—1876 гг.) [2]. Эти письма служат доказательством искреннего взаимного расположения и уважения обоих писателей. Большой интерес для освещения этой темы представляет также относящаяся к тому же времени переписка Шторма с немецким журналистом и художником Людвигом Пичем. Она была опубликована впервые во время войны, в 1939 г., и затем переиздана без изменений в 1943 г. [3] Так как для советских читателей эти издания почти недоступны, в настоящем сообщении собраны самые интересные для тургеневедов выдержки из этой переписки — они приводятся в русском переводе с подлинников, хранящихся в библиотеке Земли Шлезвиг-Гольштейн в Киле.

* * *

Весной 1863 г. осуществилось давнишнее желание Пича поселиться на длительный срок для занятий искусством в Париже, где жили его близкие знакомые — Полина Виардо и Тургенев. В письме к Шторму, с которым он уже в течение семи лет был тесно связан, Пич с полной откровенностью описывает свою радость по поводу встречи с друзьями.

ПИЧ — ШТОРМУ

Париж. Воскресенье. 14 июня 1863 г.

Я великий преступник, не правда ли? Вот уже семь недель как я здесь, и ни разу еще не написал вам! [4] ⟨...⟩ В первые дни по приезде сюда судьба, удивительно благосклонная ко мне за последние месяцы, явила мне совсем особую милость. Ты знаешь, как я опасался, что не застану Виардо. Когда я в первый же день шел к ее дому на улице Дуэ, у меня прямотаки сжималось сердце. Но она была еще здесь, и мне редко случалось испытывать такое полное и безраздельное счастье, как в ту минуту, когда она, получив мою визитную карточку, в буквальном смысле слова бросилась мне на шею, и мы, не обращая внимания на присутствующих гостей, держали друг друга в объятиях. Как это чудесно, когда после

---

* Перевод с немецкого В. К. Тарасовой.

ТУРГЕНЕВ

Рисунок Адольфа Менцеля, май 1871 г.

Оригинал погиб в годы Второй мировой войны. Воспроизводится по книге: «C.-G. B o e r n e r. Versteigerungs-katalog». Berlin, 1939

столь долгого и страстного ожидания «к нам наконец нисходит свершение, прекрасное дитя великого отца» [5]. Когда нам раз в жизни удается всем своим существом насладиться счастьем, о котором мы мечтали и которое вообще так скупо и ограниченно отмерено нам судьбой! Я никогда не забуду этой упоительной радости и того, как потом я сидел с ней рядом, склонив голову к ее коленям, а она положила руку мне на глаза и я не мог вымолвить ни слова, и все было хорошо. Она совсем не изменилась. Ее некрасиво-прекрасное лицо, весь ее милый облик и сейчас, на сорок втором году, все так же свеж как прежде. Жизненная энергия этой могучей натуры, гениальность, непринужденная веселость, полнота счастья светятся в ее чертах, как и много лет тому назад, а в ее чудесных глазах, обращенных ко мне, отражается все то же старое, верное сердце друга, который «никогда не забывает».

Но в тот счастливый день на мою долю выпала еще одна, пожалуй, не меньшая радость. Десять минут спустя в комнату вошел Тургенев. Вообрази себе это свидание после 16 лет разлуки [6]. У него (в 45 лет) волосы и борода совсем седые, но искусство сохранило его душу настолько свежей, что теперь он кажется моложе, чем тогда, когда бездеятельный и погруженный в меланхолию бродил по свету. Теперь он со своей 18-летней дочерью [7] постоянно живет вблизи Виардо; он сопровождал также ее семью при переезде в Баден-Баден, где думает обосноваться на ближайшее время [8]. Он был в последнее время гораздо прилежнее, чем мы предполагали. Он подарил мне два толстых тома восхитительных рассказов

(не простых очерков, как я «Записках» [9]) во французском переводе (один из них сделан Виардо) [10]; а теперь пишет, что сейчас выходит в свет его новая работа [11]. Эти вещи произвели на меня такое впечатление, что я предложил ему перевести самую большую из повестей на немецкий язык, на что он ответил полным согласием [12]. Над другой повестью сейчас работает Боденштедт, который своим переводом тургеневского «Фауста» (тебе ведь известен этот перевод?) создал настоящий шедевр [13].

Затем я был еще на последнем представлении «Орфея» в «Théâtre lyrique», где Виардо привела легко воспламеняющуюся публику этого театра в такой энтузиазм, какого мне до сих пор не приходилось видеть [14]; я провел еще три счастливых дня у нее в доме, слушал по вечерам песни Шумана в ее исполнении, и мне так хотелось, чтобы и ты присутствовал при этом! Например, «из родных краев за облаками» [15] и т. д. Потом я проводил ее, правда, не без огорчения, но в то же время радуясь тому, что́ получил от нее, и понимая, что ее дальнейшее пребывание здесь слишком поглотило бы меня и отвлекло от моей главной цели...

На обратном пути, в связи с изучением Гете, я собираюсь заехать в Страсбург, Франкфурт и Вецлар. Я должен был обещать Тургеневу и Виардо провести несколько дней в Баден-Бадене [16].

Получив это письмо, Шторм тотчас же послал в Париж ответ, в котором высказал сожаление, что ему не удалось отправить туда одновременно свою новеллу «Im Schloss» («В замке»), вышедшую отдельным изданием в Мюнстере (1863). Дело в том, что Пич, гостивший у Шторма в Хейлигенштадте (Тюрингия) летом 1861 г., когда тот работал над названной новеллой, в какой-то мере участвовал в создании одного из ее эпизодов: он рассказал Шторму содержание своей беседы с Виардо в Берлине в 1858 г.— эту беседу немецкий писатель использовал впоследствии в сцене «Leider nein!» («К сожалению, нет!»). Вот почему Шторм и досадует на неудачу с посылкой книги, ибо он надеялся, что Пич, будучи в Баден-Бадене, прочтет Виардо и ее друзьям эту сцену.

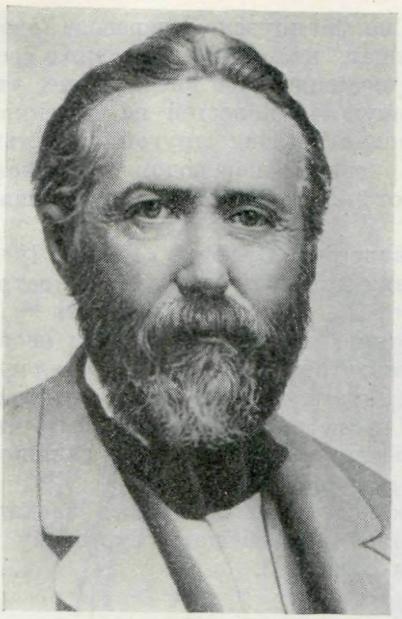
Из этого письма к Пичу, а также из следующего, от 15 сентября 1863 г., ясно, насколько Шторм считал важным, чтобы Тургенев ознакомился с его произведениями и насколько он интересовался мнением Тургенева о них [17]. Шторм, который именно в рассказе «В замке» впервые выступил с широкой критикой общества, не нашел у современной немецкой публики должного признания своих творческих исканий. Он всю жизнь страдал от того, что его ставили ниже многих гораздо менее значительных писателей. Этим и объясняется, почему он так упорно искал признания и понимания своего творчества у высоко ценимого им русского реалиста Тургенева.

ШТОРМ — ПИЧУ

Хейлигенштадт. Четверг. 25 июня 1863 г.

Я заказал также один экземпляр «Im Schloss» для пересылки тебе в Париж, с тем чтобы ты на обратном пути прочел Виардо «Leider nein!», однако не получил его ⟨...⟩

Спроси же Тургенева — а что за чудесное свидание у вас было, оно чрезвычайно заинтересовало меня и Констанцию,— не он ли написал «Дворянское гнездо» [18], и заверь его в моей особенной симпатии и глубоком уважении. Хотелось бы знать, понравилось ли ему что-нибудь из написанного мною. О его «Фаусте» я не имею ни малейшего представления. Заставь же его, по возможности самого, перевести рассказы [19].



ТЕОДОР ШТОРМ
Фотография, 1864
Собрание Общества Теодора Шторма, г. Хузум (ФРГ)

Навестив во второй половине июля 1863 г. Виардо и Тургенева в Баден-Бадене, Пич на обратном пути в Берлин заехал в Хейлигенштадт к Шторму. Он много рассказывал о своих парижских и баден-баденских впечатлениях и прочел Шторму и его друзьям тургеневского «Фауста» в переводе Боденштедта. Перед отъездом Пич подарил Шторму «Три встречи» Тургенева в немецком переводе [20]. Прочитав этот рассказ, Шторм сообщает Пичу в следующем письме свое мнение о нем.

ШТОРМ — ПИЧУ

Хейлигенштадт. Воскресенье. 15 сентября 1863 г.

... если Тургенев напишет тебе о моих произведениях, то сообщи мне; я очень люблю этого человека. В «Трех встречах», как ни слабы они по композиции, есть что-то пленительное; главное в них не в событии, о котором повествуется, а в том впечатлении, которое оно производит на рассказчика; настроение, овладевающее им в результате этого события,— вот, собственно, тема (как большей частью и у меня); одним словом, он скрытый лирик, несмотря на присущую его манере пластичность. Свое мнение о рассказе, который ты недавно прочел мне [21] — во всяком случае, по композиции это гораздо выше, чем «Три встречи»,— я хотел бы еще проверить повторным чтением. Потому что я слушал почти в невменяемом состоянии от усталости.

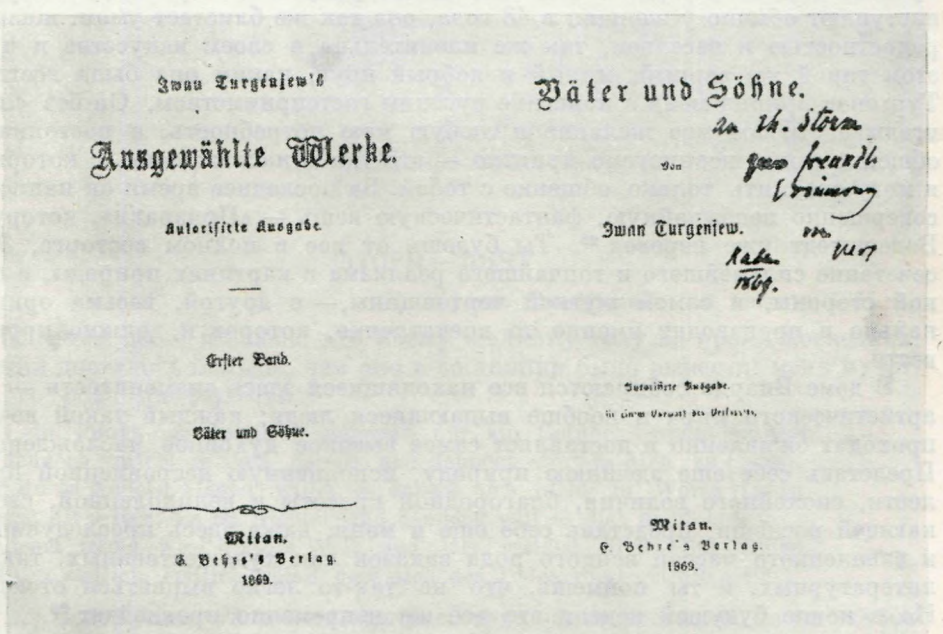
После посещения Пичем Баден-Бадена в 1863 г. дружба между ним и Тургеневым возобновилась. Бывая каждый год проездом в Берлине, Тургенев всегда видался с Пичем; приезжала иногда в Берлин и Виардо. Долгие и оживленные беседы во время этих встреч вносили в заполненную трудом и не легкую в материальном отношении жизнь Пича приятное разнообразие. Об одном из таких приездов Тургенева и о несостоявшемся, к великому огорчению Пича, свидании с Виардо говорится в двух письмах Пича к Шторму.

ПИЧ — ШТОРМУ

Берлин. Воскресенье. 17 января 1864 г. [22]

Среди всех горестей я снова пережил третьего дня большую и неожиданную радость. Тургенев приехал в полдень из Бадена, с тем чтобы вечером отправиться дальше, в Петербург. Ему предстоит там держать ответ перед сенатской комиссией за связь с Герценом и другими русскими революционерами и за деньги, которые он дал для побега Бакунина из Сибири [23]. Он твердо уверен, что недель через шесть покончит с этим делом, и я хочу надеяться, что он не ошибается. За те несколько часов, что мы провели вместе, я вновь почувствовал, как сильно я его люблю и как он мне душевно близок [24]. Столько импозантной величавости в сочетании с такой глубиной и утонченностью духовной жизни, столько нежности и привлекательности в сочетании с такой силой, с такой восприимчивостью и чуткостью я едва ли когда-нибудь еще встречал. И к тому же такое верное, горячее сердце друга.

Его рассказы о совместной жизни с семьей Виардо этой зимой в Бадене вновь разбередили старые раны. К русским романсам, о сочинении которых я тебе рассказывал, Виардо добавила еще несколько новых. Тургенев везет их для издания в Петербург, так как в Карлсруэ не нашлось наборщика для русского текста [25]. Если на обратном пути он привезет мне экземпляры, я уделю и тебе. Предаваясь лени, как Тургенев говорит сам о себе, он не прочел за это время ни твоих сочинений, ни чьих-либo других. Если бы мне только удалось как-нибудь свести вас вместе!


Iwan Turgenjew's

Ausgewählte Werke.

Autorisirte Ausgabe.

Erster Band.

Väter und Söhne.

Mitau.
E. Behre's Verlag.
1869.

Väter und Söhne.

Von

Iwan Turgenjew.

Autorisirte Ausgabe.

Mitau.
E. Behre's Verlag.
1869.

«ОТЦЫ И ДЕТИ». С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ:
«Т. Шторму на дружескую память от Тургенева. Баден, 1869» (на немецком языке)
Титульные листы немецкого издания «Избранных сочинений» Тургенева (Митава, 1869), том I
Собрание Общества Теодора Шторма, г. Хузум (ФРГ)

ПИЧ — ШТОРМУ

Берлин. Четверг. 11 февраля 1864 г.

Последние две недели Виардо провела в Лейпциге, но я не смог съездить туда. От нее я узнал, что Тургенев полностью оправдан и свободен и в скором времени после завершения своих личных дел возвратится. Итак, можно опять с уверенностью ждать одной из величайших радостей [26].

Во второй половине июля 1864 г. Пич снова поехал в Баден-Баден и гостил там у Тургенева шесть недель. Эти поездки, предпринимаемые для отдыха и свидания с друзьями, Пич сочетал со своей профессиональной работой для берлинской «Vossische Zeitung», куда он посылал фельетоны о музыкальной и общественной жизни Баден-Бадена — в них он писал также о салоне Виардо и о великом русском писателе [27]. С этим вторым пребыванием Пича в Баден-Бадене связано следующее его письмо Шторму.

ПИЧ — ШТОРМУ

Баден-Баден. Пятница. 12 августа 1864 г.

Шиллерштрассе, 277, у г-на Ивана Тургенева.

Твое письмо мне переслали сюда, где я уже три недеди живу счастливейшей жизнью ⟨...⟩

Здесь все так прекрасно, как могло мне только сниться в моих лучших мечтах. Виардо все та же, ее не тронули те перемены, которые наступают обычно у женщин в 43 года, она так же блистает умом, жизнерадостностью и весельем, так же пленительна в своем искусстве и при этом такой же верный, милый и добрый друг, каким она была всегда. Тургенев принял меня с поистине русским гостеприимством. Он без слов угадывал любое мое желание и любую мою потребность, а постоянное общение с ним неописуемо приятно — это такое наслаждение, с которым я могу сравнить только общение с тобой. За последнее время он написал совершенно необычайную, фантастическую вещь — «Призраки», которую Боденштедт уже перевел [28]. Ты будешь от нее в полном восторге. Это сочетание сильнейшего и тончайшего реализма в картинах природы, с одной стороны, и самой жуткой чертовщины,— с другой, весьма оригинально и производит именно то впечатление, которое и должно произвести.

В доме Виардо собираются все находящиеся здесь знаменитости — из артистического мира и вообще выдающиеся люди; каждый такой вечер проходит оживленно и доставляет самое высокое духовное наслаждение. Представь себе еще здешнюю природу, исполненную несравненной прелести, спокойного величия, благородной красоты и великолепной, сверкающей роскоши; представь себе еще и меня, даже здесь преследуемого и заваленного массой всякого рода заказов как художественных, так и литературных, и ты поймешь, что не так-то легко вырваться отсюда. Но в конце будущей недели это все же непременно произойдет [29].

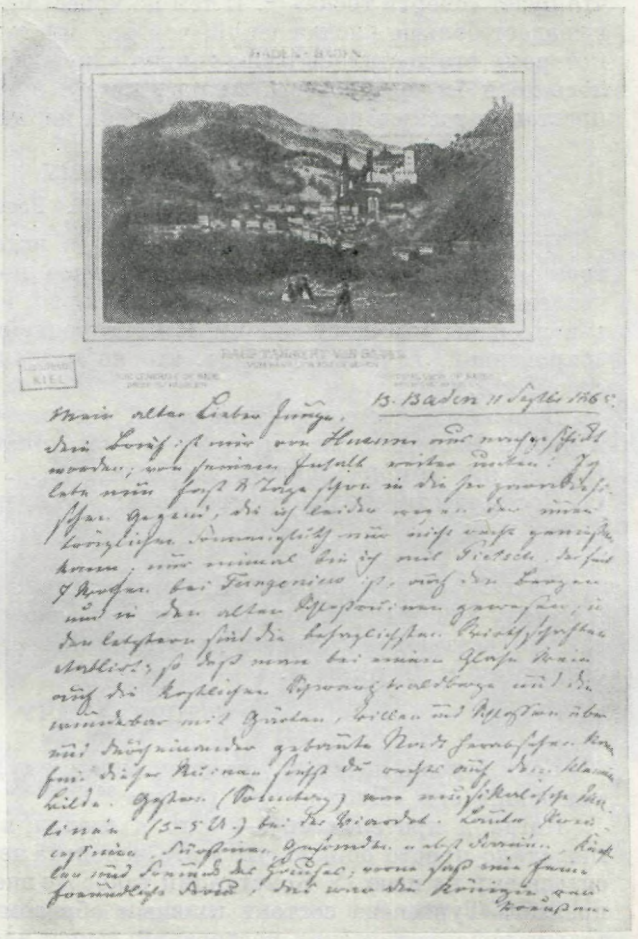
Шторм, вернувшийся тем временем из Хейлигенштадта в свой родной город Хузум на побережье Северного моря и крайне измученный душевно войной за Шлезвиг-Гольштейн [30], ответил на восторженное письмо Пича написанным только что элегическим стихотворением. Пич получил стихотворение еще в Баден-Бадене и прочел его Тургеневу и Виардо. По всей вероятности, это было первое произведение Шторма, с которым познакомился Тургенев.

ПИСЬМО ТЕОДОРА ШТОРМА СЫНУ ЭРНСТУ

Автограф. Баден-Баден, 11 сентября 1865 г. Лист первый

На почтовой бумаге — вид Бадена

Библиотека Земли Шлезвиг-Гольштейн, г. Киль (ФРГ)



ШТОРМ — ПИЧУ

Хузум. Воскресенье. 12 августа 1864 г.

На самом деле, я боюсь, что моему жалкому телу во время последних событий досталось больше, чем оно в состоянии было вынести; меня мучат всякого рода предчувствия:

Es ist ein Punkt nur, kaum ein Schmerz, nur ein Gefühl, empfunden eben,
Und dennoch spricht es stets darein, und dennoch stört es dich zu leben.
Wenn du es Andern klagen willst, so kannst du's nicht in Worte fassen.
Du sagst dir selber: Es ist Nichts! Und dennoch will es dich nicht lassen.
So seltsam fremd wird dir die Welt, und leis verlässt dich alles hoffen,
Bis du es endlich, endlich weisst dass dich des Todes Pfeil getroffen [31]*.

〈...〉 Содержание твоего письма нас очень заинтересовало, но ты все же чудак; теперь ты полон «неба восторгов», а в следующем письме я ожидаю,

* Есть лишь нечто, едва ли это боль, скорее только что явившееся чувство,
И все же оно постоянно заявляет о себе и все же оно мешает тебе жить.
Если ты захочешь пожаловаться другим, ты не сможешь выразить это словами.
Ты твердишь самому себе: Это — ничто! и все же оно тебя не покидает.
Таким странно чужим становится для тебя мир, и незаметно оставляют тебя все надежды,
Пока ты наконец, наконец, не поймешь, что тебя поразила стрела смерти (нем.).

что будет «смерти тоска» [32]. И тем не менее, на твою долю «всюду и всегда» выпадает больше наслаждений, чем другим смертным — в частности, мне, которому это досталось разве только однажды в жизни. Если бы мне довелось хотя бы час провести в таком кругу, в таком обществе! А ведь я непрестанно тоскую по нем, как по своей настоящей жизненной стихии.

ПИЧ — ШТОРМУ

Хейлигенштадт [33]. Воскресенье. 11 сентября 1864 г.

Чудесное маленькое стихотворение, в котором поэтически воплощено твое мрачное настроение, вызывает такое подавляющее, печальное впечатление! Я прочел его Тургеневу и Виардо, и оба были до глубины души взволнованы этим тончайшим и благороднейшим поэтическим отзвуком сокровенной, глубокой скорби. Но не позволяй этому чувству владеть собой! ⟨...⟩

Я полагаю, ты совершенно прав, говоря, что то общество, в котором я жил в Баден-Бадене, было бы и *твоей* настоящей жизненной стихией. Как бы мне хотелось видеть и тебя там ⟨...⟩.

После шестинедельного пребывания мне, наконец, удалось 30 августа уехать.

Следующие два письма Шторма к Пичу, относящиеся к концу 1864 и началу 1865 гг. (их точные даты, к сожалению, не удалось установить), свидетельствуют о сильном увлечении Шторма и его жены Констанции сочинениями Тургенева.

ШТОРМ — ПИЧУ

⟨Хузум. Конец 1864 г.⟩

Если будешь писать Тургеневу, скажи ему, что я подарил себе на день рождения его «Дворянское гнездо» [34].

Когда я прочел сцену — «Это я сделал, *ибо я великий музыкант*» [35], мне стало просто обидно, что этого человека нет рядом и что я не могу броситься ему на шею. У Констанции такое же впечатление от книги. Вообще, прелесть Тургенева состоит главным образом в этом накоплении мечтательно-меланхолических настроений; сюжет для него, собственно говоря,— второстепенное дело.

ШТОРМ — ПИЧУ

⟨Хузум. Начало 1865 г.⟩

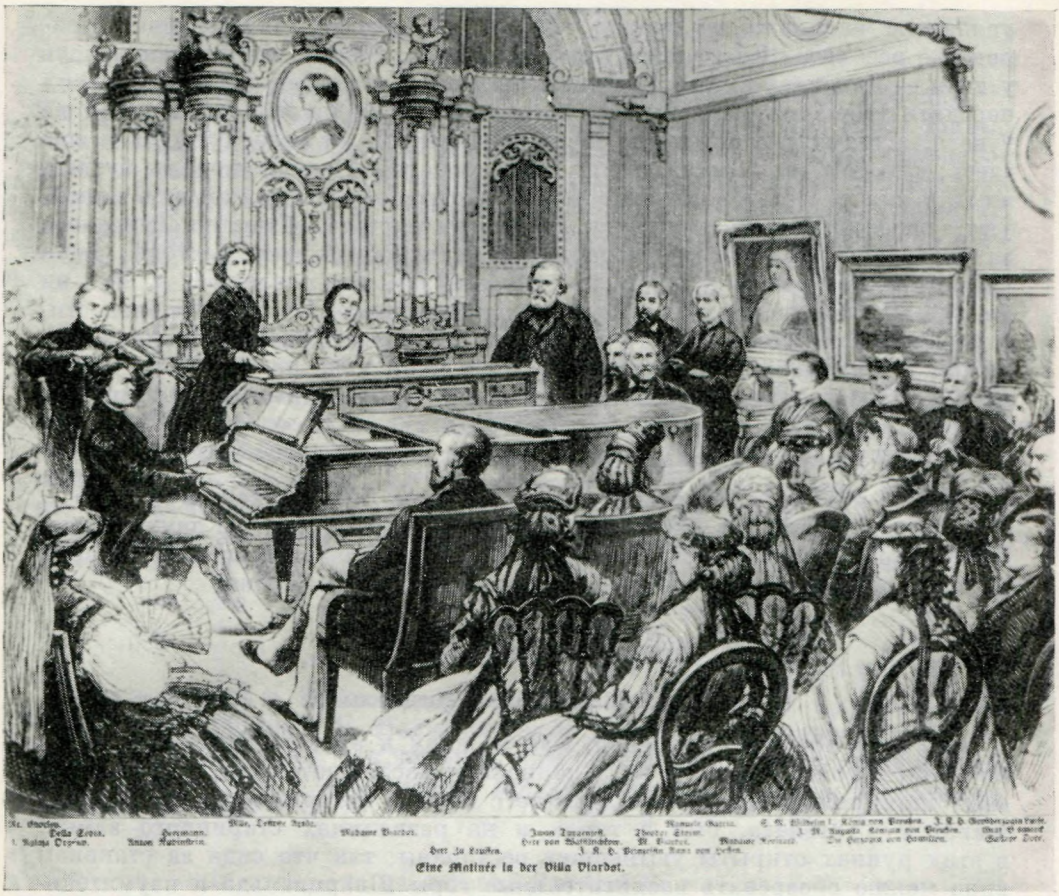
На этих днях, чтобы рассеяться, я хватался за различные книги, но я не могу читать ничего чужого; однако нынче утром (сегодня воскресенье) мне, наконец, посчастливилось — читал Тургенева, а именно его «Фауста», который понравился мне теперь больше, чем в тот вечер, когда я, смертельно усталый, слушал твое чтение у Вусовых [36].

В июле 1865 г. Пич в третий раз отправился на несколько недель в Баден-Баден к Тургеневу. С этой поездкой связаны два приводимые ниже его письма к Шторму. В мае этого года Шторма постигло тяжелое горе — смерть жены. Желая развлечь своего друга, Пич постарался получить для Шторма у Тургенева приглашение приехать отдохнуть к нему в Баден-Баден.

ПИЧ — ШТОРМУ

Берлин. Среда. 19 июля 1865 г.

Собираясь укладывать чемодан, я все же хочу погасить сегодня хотя бы *этот* долг [37]. Гораздо охотнее я приехал бы к тебе сам, но теперь это невозможно. Моя поездка в Баден и дальше слишком тесно связана с художественными и литературными заказами, чтобы от нее отказаться [38] ⟨...⟩



МУЗЫКАЛЬНЫЙ УТРЕННИК НА ВИЛЛЕ ВИАРДО В БАДЕН-БАДЕНЕ

Среди изображенных (слева направо): Антон Рубинштейн (за роялем), скрипач Хеерман, Дезире Арто, Полина Виардо, Тургенев; А. А. Васильчиков и Луи Виардо (сидят), Теодор Шторм и Мануэль Гарсиа (стоят), герцогиня фон Гамильтон, прусская королева Августа, прусский король Вильгельм I, великая герцогиня Луиза (сидят у стены), Отто Бисмарк и Густав Доре (сидят справа)

Гравюра с рисунка Людвига Пича

«Der Bazar», 8 декабря 1865 г., № 46

Шесть недель тому назад у нас была большая радость: Тургенев заезжал сюда по пути в Россию [39]. Если бы мне только удалось когда-нибудь познакомить тебя с этим превосходным человеком! Он совершенно очаровал весь наш здешний кружок с Менцелем во главе [40]; а Тургенев в свою очередь увидел в Менцеле самое значительное явление нового искусства среди всего того, что ему до сих пор где-либо и когда-либо приходилось встречать [41]. Я не могу, впрочем, удержаться, чтобы не приложить два прелестных письмеца от него, которые будут тебе интересны еще и потому, что они касаются Мёрике [42]. Вчера Тургенев опять был здесь проездом, и я рад, что застану его уже в Бадене [43].

ПИЧ — ШТОРМУ

Баден-Баден. Воскресенье. 5 августа 1865 г.

О здешней жизни и ее «неба восторгах» я не буду тебе много писать, так как ты сам скоро увидишь все своими глазами [44]. Доброта, своеобразие духовного богатства Тургенева, приволье здешнего существования, не-

увядаемое великолепие Виардо, идеальная красота окружающей природы — все это создает приятное сочетание. Какая счастливая мысль у тебя — приехать сюда. Тургенев, которому я сказал об этом, просил передать тебе, что было бы просто смешно, если бы ты остановился не у него, а где-нибудь в другом месте. Независимо от того, буду ли я еще здесь, или уже уеду, места хватит всем, само собой разумеется, ты будешь жить *у него* и столько, сколько тебе захочется. Здесь ты найдешь покой, уют, исполнительную прислугу, чудесные часы в обществе Тургенева за завтраком, к которому подается твой любимый чай, ростбиф, яйца и красное вино, вечера у Виардо,— словом, все, чем пользуюсь я. И я ни минуты не сомневаюсь, что ты к нему привяжешься. По всей вероятности, я поеду 13-го в Париж, но 18-го вернусь и останусь здесь до начала сентября. Решай как хочешь, но даже если меня уже *не будет* [45], приезжай. Тургенев и Баден заслуживают того, чтобы с ними познакомиться, а жизнь здесь тебе ничего не будет стоить.

Сердечный привет ⟨...⟩ твоим детям от меня, а тебе — от Тургенева.

Шторм провел у Тургенева восемь дней, с 5 до 13 сентября 1865 г. К сожалению, имеется очень мало сведений об этой встрече двух писателей. Большое значение приобретает поэтому неизданное письмо Шторма к сыну, содержащее рассказ о пребывании в Баден-Бадене.

ШТОРМ — СЫНУ ЭРНСТУ

Баден-Баден. Понедельник. 11 сентября 1865 г.

Вот уже почти восемь дней, как я живу в этой райской местности, которой, к сожалению, не могу полностью наслаждаться из-за невыносимого зноя; только один раз я, вместе с Пичем, который уже семь недель живет у Тургенева, был в горах и на развалинах старинного замка; в этих руинах открыты уютнейшие рестораны, так что сидя за стаканом вина можно обозревать восхитительные горы Шварцвальда и изумительно построенный город с причудливо расположенными друг над другом садами, виллами и замками. Одну из этих руин ты видишь на картинке справа [46]. Вчера (в воскресенье) у Виардо был музыкальный утренник (от 3 до 5 часов). Сплошь принцессы, княгини, посланники с женами, художники, артисты и друзья дома; впереди всех сидела изящная, приветливая женщина, это была прусская королева [47].

Я никогда еще не встречал личности, которая производила бы на меня столь сильное впечатление ⟨как П. Виардо.— *К. Ш.-Л.*⟩; разве только этот чудесный человек — Тургенев. Хотя ее поистине могучий голос сам по себе не красив, а теперь уже не молод (ей 44 года), Тургенев говорит о ней очень верно, что все другие певицы по сравнению с ней певчие птицы; у нее же всегда чувствуется взмах орлиных крыльев. К сожалению, мое физическое состояние мешает мне больше пользоваться ее обществом; вчера вечером во второй раз мне пришлось из-за непреодолимой усталости лечь в постель, вместо того, чтобы пойти с другими к Виардо. Тебе надо было бы послушать ее песни на стихи Мёрике; тут действительно ничего не скажешь [48].

С приездом Шторма к Тургеневу исполнилось желание Пича сблизить обоих писателей [49]. Личное знакомство повысило интерес Тургенева к творчеству Шторма [50], и они стали часто обмениваться своими литературными работами. Кроме семи сохранившихся писем Тургенева к Шторму (вместе с которыми каждый раз посылались в подарок книги), об этом свидетельствуют и три последних приводимых ниже отрывка из писем Шторма к Пичу [51].

ШТОРМ — ПИЧУ

Хузум. Понедельник. 10 декабря 1866 г.

Прилагаю экземпляр отдельного издания известной тебе новеллы [52]. Ты прав, конец должен быть трагическим, да ведь он сначала и был таким, но не годился в том виде, как был написан; я, правда, хотел его переработать; но, как часто бывает, прежде чем дело дошло до этого, книжка уже лежала передо мной в готовом виде. Для «нечитающих», как я написал сегодня в длинном письме к Тургеневу [53], у нее, по крайней мере, то преимущество, что у нее красивая обложка.

ШТОРМ — ПИЧУ

Хузум. Вторник. 12 марта 1867 г.

От Тургенева я получил милое письмо [54]; он действительно прочел «Jenseit des Meeres». И желал бы, чтобы она, во всяком случае с эстетически-мизантропической точки зрения (ты слышишь, как он это говорит?), заканчивалась трагически — я писал ему, что и сам того же мнения [55]; «но нужно что-то сделать,— говорит он,— и для юных душ, а им так будет больше по вкусу». Ему особенно понравились сама Енни и эпизод со статуей [56].

ШТОРМ — ПИЧУ

Хузум. Суббота. 17 августа 1867 г.

Когда будешь в Баден-Бадене, передай от меня особо самый сердечный привет Тургеневу [57]. Большой роман будет, вероятно, все же переведен на немецкий язык, так что мы с ним познакомимся; боденштедтовское издание повестей, к сожалению, приостановилось из-за недостаточного интереса к нему [58].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Th. M a n n. Theodor Storm (1930).— Gesammelte Werke, Bd. 10. Berlin, Aufbau-Verlag, 1955, S. 451.

[2] Письма Тургенева к Шторму входят в сборник: «I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen», Bd. I. Berlin, Akademie-Verlag, 1965, S. 3—28, а также в изд.: Тург АН. Письма, т. VI и следующие. На основе этих писем и других неизданных источников написана недавно опубликованная статья К. Э. Лааге, посвященная сравнительному изучению Тургенева и Шторма (K. E. L a a g e. Theodor Storm und Iwan Turgenjew.— «Schriften der Theodor-Storm-Gesellschaft», Schrift 12. Heide in Holstein, 1963, S. 11—26).

[3] «Blätter der Freundschaft. Aus dem Briefwechsel zwischen Theodor Storm und Ludwig Pietsch». Mitgeteilt von V. Pauls. Heide in Holstein, 1939; то же: 1943.

[4] Пич приехал в Париж 24 апреля 1863 г.

[5] Неточная цитата из пьесы Гете «Ифигения в Тавриде» (д. III, явл. 1).

[6] Пич познакомился с Тургеневым в Берлине в 1847 г. и с тех пор не встречался с ним.

[7] В то время дочери Тургенева Полине был уже 21 год.

[8] Тургенев переселился в Баден-Баден 21 апреля/3 мая 1863 г. и прожил там (с перерывами) до 1871 г.

[9] «Записки охотника» Тургенева были известны как Шторму, так и Пичу по переводу Видерта, вышедшему в 1854 г. (Aus dem Tagebuche eines Jägers von Iwan T u r g h e n e w. Deutsch von A. Viedert. Berlin, 1854). Шторм, бывший в 1854—1856 гг. в дружеских отношениях с Видертом, познакомился с «Записками охотника» по рукописи этого перевода (см. L. P i e t s c h. Wie ich Schriftsteller geworden bin. Erinnerungen aus den fünfziger Jahren. Berlin, 1893, S. 204; ср. М. П. А л е к с е е в. Первый немецкий перевод «Ревизора».— «Н. В. Гоголь. Статьи и материалы». Л., 1954, стр. 203, 205; Chr. S c h u l t z e. Theodor Fontanes frühe Begegnung mit der russischen Literatur.— «Zeitschrift für Slawistik, Bd. VIII, 1963, S. 344—345; E. Th. H o c k. Fontanes Verhältnis zur Erzählkunst Turgenevs.— «I. S. Turgenev und Deutschland», Bd. I, S. 304).

[10] В Париже Пич получил от Тургенева в подарок следующие издания: J. T o u r g u é n i e f f. Dimitri Roudine, suivi d'un Journal d'un homme de trop et de Trois Ren-

contres. Traduit par L. Viardot en collaboration avec J. Tourguénieff. Paris, Hetzel, 1862; J. T o u r g u é n e f. Nouvelles scènes de la vie russe. Eléna. Un premier amour. Traduction de H. Delaveau. Paris, Dentu, 1863.

[11] Тургенев писал Пичу в Париж 4/16 мая 1863 г. из Баден-Бадена. Под «новой работой» подразумевается французское издание «Отцов и детей»: «Pères et Enfants, avec une préface de P. Mérimée». Paris, Charpentier, 1863.

[12] Речь идет о романе «Накануне», напечатанном под заглавием «Eléna» в томе, подаренном Тургеневым Пичу: Nouvelles scènes de la vie russe. Paris, 1863. В переводе *Пича «Накануне» в печати не появлялось.*

[13] Боденштедт занимался в это время переводом повести Тургенева «Первая любовь», вышедшим, однако, лишь в августе 1865 г. под заглавием «Fürstin Sinaide» в «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung», 1865, Nr. 213—225, 230—232, 234. Этот перевод был включен также в издание: Erzählungen von Ivan Turgénjew. Deutsch von Friedrich Bodenstedt, Bd. II. München, 1865.

«Фауст» Тургенева в переводе Боденштедта был опубликован в мае 1861 г. в издаваемом В. Вольфзоном журнале «Russische Revue» (1. Jg., 1862/1863, Bd. I, S. 59—96).

[14] Виардо впервые выступила в «Орфее» Глюка в парижском «Théâtre lyrique» 6/18 ноября 1859 г. Спектакль принес ей триумфальный успех, он был повторен 120 раз. 15/27 апреля 1863 г. Виардо, прощаясь с оперной сценой, в последний раз исполнила партию Орфея.

[15] Неточная цитата из песни Р. Шумана «На чужбине», входящей в цикл «Круг песен» на слова Эйхендорфа (оп. 39, 1840).

[16] Во второй половине июля 1863 г. Пич по пути из Парижа в Берлин заехал на несколько дней к Тургеневу и Виардо в Баден-Баден.

[17] В дальнейших письмах от 22 ноября и 16 декабря 1864 г. Шторм просил Пича сообщить ему адрес Тургенева, чтобы послать ему что-нибудь из своих сочинений. Пич ответил 22 декабря 1864 г., что у Тургенева уже есть рассказ Шторма «Auf der Universität» (Münster, 1863), и что он нравится ему.

[18] Шторм имеет в виду немецкий перевод «Дворянского гнезда»: Das adelige Nest von I. S. Turgenew. Aus dem Russischen übersetzt von P. Fuchs. 1. und 2. Teil. Leipzig, 1862.

[19] Шторм имеет здесь в виду письмо Пича от 14 июня 1863 г., текст которого включен в настоящее сообщение (стр. 579—581; см. также выше прим. 10 и 13).

[20] Рассказ Тургенева «Три встречи» был опубликован в анонимном переводе в «St.-Petersburger Zeitung», 1852, № 126—131, 18—24 июня, и вскоре вышел отдельным изданием (ценз. разрешение 24 июня/6 июля 1852 г.). Годом позже тот же перевод был перепечатан в «Belletristische Blätter aus Russland», 1. Jg. (SPb.), 1853, Abt. I, S. 99—124.

[21] Речь идет о чтении «Фауста», которое происходило в доме давнего друга Пича и Шторма, ландрата Вусова.

[22] Дата «17. 1. 1864» поставлена в конце этого очень длинного письма. Тургенев приехал в Берлин 2/14 января 1864 г. («Летопись», стр. 143); Пич пишет, что это случилось «третьего дня»; мы предполагаем, что он писал настоящее письмо в течение двух дней и что цитируемые здесь строки, находящиеся приблизительно в середине письма, были написаны 16 января.

[23] См. ответы Тургенева сенатской следственной комиссии и комментарии к ним (Тург АН. Письма, т. V, стр. 391—404 и 694—698). Пич ошибочно пишет о деньгах, данных Тургеневым для побега Бакунина. В действительности, деньги предназначались для выезда из Сибири в Тверскую губернию жены Бакунина — он сам уже находился после удачного побега в Лондоне.

[24] Тургенев в письме к Виардо из Берлина от 2, 3 (14, 15) января 1864 г. упоминает об этой встрече: «Я посетил Пича и жду его к себе на чашку чая. Он обожает вас больше, чем когда-либо; он очень печален и упал духом, бедный малый! *Бедный*, увы, это точное слово! Он задал мне тысячу вопросов о вас, о ваших детях и проч. и проч. ...»

[25] Этот альбом романсов вышел в Петербурге в 1864 г. на двух языках, с немецким и русским заглавием: «12 стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиною Виардо-Гарсиа.— 12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt von Friedrich Bodenstedt und in Musik gesetzt von Pauline Viardot Garcia». SPb., Johansen, s. a.

[26] В это же время Тургенев писал Полине Виардо из Петербурга: «Я не сомневаюсь в приезде Пича; вот еще человек, всецело преданный вам» (письмо от 28 января/9 февраля 1864 г.). Надежды Пича на свидание с Тургеневым при его обратном проезде через Берлин не сбылись, так как Тургенев без остановки проехал в Дрезден к своему больному брату, Н. С. Тургеневу.

[27] См. L. P i e t s c h. In Baden-Baden.— «Vossische Zeitung», 1864, Nr. 210, 4.IX и Nr. 216, 11.IX.

[28] Перевод Боденштедта под заглавием «Erscheinungen» был включен во второй том мюнхенского издания сочинений Тургенева (1865). Во время пребывания Пича в Баден-Бадене в августе 1864 г. Тургенев как раз получил немецкий перевод Боденштедта

для повторного просмотра перед сдачей его в печать. Двадцать лет спустя Пич рассказал о совместной правке этой рукописи следующее: «Мне никогда не забыть того августовского дня, когда в небольшом уютном салоне виллы Виардо Тургенев ⟨...⟩ вместе с хозяйкой дома и со мной занялся проверкой и шлифовкой этого перевода. С русским оригиналом в руках, он взвешивал каждое слово, читаемое мною по рукописи Боденштедта, выслушивал наше мнение, наши предложения, пока, наконец, путем голосования не выбиралось наиболее соответствующее немецкое выражение, точнее всего передающее тонкие нюансы русского языка» (L. P i e t s c h. Erinnerungen an Iwan Turgenjew.— «Vossische Zeitung», 1883, Nr. 425, 12.IX).

[29] Пич уехал из Баден-Бадена лишь 30 августа 1864 г.

[30] В 1853 г. Шторм покинул Шлезвиг-Гольштейн, находившийся тогда под владычеством Дании, так как датчане за патриотический образ мыслей лишили его права заниматься адвокатской практикой. После того как Шлезвиг-Гольштейн по окончании войны между Данией и Германским союзом (в 1864 г.) отошел под власть Пруссии и Австрии (с 1866 г. исключительно Пруссии), Шторм получил возможность вернуться на родину — он приехал в Хузум в марте 1864 г. Но и прусское владычество в Шлезвиг-Гольштейне принесло ему лишь разочарование.

[31] Это стихотворение вошло в собрание сочинений Шторма под заглавием: «Beginn des Endes» («Начало конца».— Th. S t o r m. Sämtliche Werke in 4 Bänden. 1 Bd. Berlin, 1956, S. 132—133. На рукописи помета: Хузум, 18.VIII.1864 г.

[32] В кавычках Шторм приводит строки из песенки Клерхен (трагедия Гёте «Эгмонт»): «Himmelhochjauchzend zum Tode betrübt». Даем их в переводе Тургенева (Тург АН. Сочинения, т. I, стр. 338).

[33] Из Баден-Бадена Пич заехал в Хейлигенштадт к семье Шторма.

[34] 14 сентября 1864 г. Шторм приобрел немецкое издание «Дворянского гнезда» (см. о нем прим. 18).

[35] Шторм имеет в виду сцену ночной встречи Лаврецкого и Лемма в гл. XXXIV «Дворянского гнезда».

[36] См. об этом выше, письмо Шторма к Пичу от 15 сентября 1863 г. и прим. 21

[37] Пич задержал ответ на июньское письмо Шторма 1865 г.

[38] Пич, как и в прошлом году, посылал корреспонденции в «Vossische Zeitung»; кроме того, в других газетах появлялись его рисунки.

[39] Тургенев выехал из Баден-Бадена в Петербург 19/31 мая и остановился в Берлине 20 мая/1 июня 1865 г.

[40] Имеется в виду кружок берлинских литераторов, скульпторов и живописцев, в который входил и Пич. Во время описанного здесь пребывания в Берлине Тургенев, помимо Менцеля, познакомился также с членом этого кружка, скульптором Рейнгольдом Бегасом, к работам которого он впоследствии относился с большим вниманием. В статье Х. Раппиха «К портрету Тургенева работы Адольфа Менцеля» («Тургеневский сборник», т. I. М.— Л., «Наука», 1964, стр. 329—332) указана ошибочная дата знакомства Тургенева с членами кружка (1 или 2 апреля 1865 г.).

[41] Об отношениях Менцеля и Тургенева см. названную статью Х. Раппиха.

[42] Речь идет о письмах Тургенева к Пичу от 27 февраля/11 марта и 7/19 апреля 1865 г., в которых Тургенев писал о стихотворениях Мёрике, положенных на музыку П. Виардо, и о том, что Мёрике пришел в восторг от этих сочинений, когда Виардо, в присутствии Тургенева, исполнила их для него в штутгартской квартире М. Гартмана 24 марта /5 апреля 1865 г. Шторм, так же как Тургенев, чрезвычайно высоко ставил крупнейшего немецкого лирика того времени, с которым был и лично знаком.

[43] Возвращаясь из Петербурга, Тургенев прибыл в Берлин 17 июля 1865 г.; 18 июля вечером он был уже в Баден-Бадене. Пич покинул Берлин приблизительно на два-три дня позднее Тургенева и, проведя пять дней в Гарце, в последних числах июля приехал в Баден-Баден.

[44] Пич отвечает здесь на письмо Шторма от 19 июля 1865 г., от которого сохранился только отрывок. Шторм пишет в нем о своем желании провести три-четыре недели сентября в путешествии, чтобы повидать людей, и, по возможности, «вплести в жизнь новые нити». Ему представляется «весьма отрадным провести» в Баден-Бадене «несколько дней с такими людьми, как Тургенев и Виардо».

[45] Пич пробыл в Баден-Бадене вместе со Штормом до 13 сентября 1865 г.

[46] В верхней части листа почтовой бумаги находится рисунок с подписью: «Общий вид на Баден со стороны Хесслиха» (см. воспроизведение этого листа на стр. 585 настоящ. тома).

[47] Через две недели Пич более подробно описал эти воскресные утренники у Виардо: «В саду при вилле год тому назад сооружен своего рода концертный зал ⟨...⟩ В этом отличном по акустике помещении, обставленном с благородным вкусом, владелица устраивает каждое воскресенье, от 3 до 5 часов, для приглашенных гостей музыкальные утра, которые, по своим программам, по достоинству исполнителей и кругу слушателей вряд ли могут быть сравнены с чем-либо подобным. Каждый из самых выдающихся музыкантов, приезжающих сюда на сезон, считает для себя за честь участвовать в этих концертах, а „сливки" европейского баденского общества с возрастающим рвени-

ем стремятся попасть на эти праздники искусства, доступ к которым не покупается» (L. P i e t s c h. Sommerfahrten. In Baden-Baden.— «Vossische Zeitung», 1865, Nr. 224, 24. IX, 1 Beilage, S. 3). Упоминаемое в письме воскресное утро 10 сентября Пич запечатлел в рисунке, на котором русский и немецкий писатели стоят рядом (L. P i e t s c h. Die Villa Viardot.— «Der Bazar». Illustrierte Damen-Zeitung, 1865, Nr. 46, 8. XII, S. 401).

[48] В сообщении Р. Ю. Данилевского «К переписке Тургенева с Теодором Штормом» приведена (по публикации 1923 г.) цитата из письма Шторма к сыну Эрнсту с интересным отзывом о Тургеневе (Тургеневский сборник, т. I. М.— Л., 1964, стр. 321). Гертруда Шторм датировала это письмо также 11 сентября 1865 г. Однако в фотокопии письма, полученной нами из библиотеки Земли Шлезвиг-Гольштейн, этот текст отсутствует.

[49] Свидетель встречи обоих писателей, Пич писал двадцать лет спустя о них следующее: «Великий русский писатель и немецкий поэт отлично понимали друг друга. Хотя первый и превосходил значительно Шторма по широте и остроте взгляда, по опыту, знанию света и богатству художественной культуры, но он, вместе с тем, в полной мере обладал способностью признать и верно оценить человеческие качества, поэтический дар и нравственные достоинства своего нового немецкого друга, почувствовать тончайшие красоты его поэзии, восторгаться самобытным звучанием его лирики. Рассказы Шторма он, конечно, редко мог принять без всяких оговорок. Он видел в них излишек рефлексии, склонность выставлять свои чувства на всеобщее обозрение, указывая читателю на их тонкость и красоту; в некоторых описаниях природы и жизни он находил „налет литературности". Но подобные мысли, которые к тому же высказывались в самой деликатной и любезной форме, не могли лишить их взаимные отношения искренней сердечности и теплоты» (L. P i e t s c h. Theodor Storm. Persönliche Erinnerungen.— «Vossische Zeitung», 1888, Nr. 328, 13. VII).

[50] Ср., например, высказывания Тургенева о произведениях Шторма в письмах к Пичу 15/27 ноября 1874 г. и 16/28 декабря 1876 г.

[51] В последующие годы (до 1883) Тургенев упоминается в этой, к сожалению, не полностью сохранившейся переписке лишь в связи с просьбами передать ему привет или сообщить его адрес.

[52] Подразумевается издание: «Von Jenseit des Meeres» ⟨«Из-за моря»⟩. Novelle von Theodor Storm. Schleswig, 1867.

[53] Это письмо Шторма — от 10 декабря 1866 г.— не сохранилось.

[54] Письмо Тургенева к Шторму от 8/20 января 1867 г.

[55] Шторм пишет здесь, очевидно, о своем утраченном письме к Тургеневу от 10 декабря 1866 г.

[56] По поводу книги «Von Jenseit des Meeres» Тургенев писал Шторму 8/20 января 1867 г.: «Ваша повесть так изящна и трогательна,как это только возможно,— и фигура Енни окружает совершенно своеобразный поэтический аромат; ночь с «мраморной статуей»— это маленький шедевр. Такие вещи приносят большую радость среди тривиальностей и жеманности остальной нынешней литературы ⟨...⟩ Пожалуй, мне бы тоже хотелось, чтобы у вашей повести был трагический конец, — а именно, с эстетически-мизантропической точки зрения. Но юным душам так будет больше по вкусу, а их ведь тоже надо принимать во внимание». Шторм цитирует это письмо не совсем точно.

[57] Это письмо Шторма адресовано в Париж, где Пич был корреспондентом «Vossische Zeitung» на Всемирной выставке. В начале сентября Пич съездил к Тургеневу в Баден-Баден (L. P i e t s c h. Heimfahrt auf Umwegen.— «Vossische Zeitung», 1867, Nr. 252—270, 27.X — 17.XI). Шторм, очевидно, знал из не дошедшего до нас письма Пича о его намерении побывать в Баден-Бадене.

[58] Тургенев писал Шторму 8/20 января 1867 г. о своих повестях, переведенных Боденштедтом, и о романе «Дым»: «О продолжении моих двух томиков не могу сообщить ничего положительного. Думаю, что издатель не очень-то с ними преуспел и теперь хочет выждать время. Я, правда, занят сейчас большим романом, который уже заканчиваю». Издание повестей Тургенева в переводе Боденштедта после выхода в свет в 1864—1865 гг. двух томов было прекращено (см. об этом в статье Х. Раппиха «Тургенев и Боденштедт».— «Лит. наследство», т. 73, кн. 2, 1964, стр. 337). В июле 1868 г. Шторм получил от Тургенева в подарок роман «Дым» во французском переводе (см. письма Тургенева 24 июня/6 июля, 3/15 июля 1868 г.).

А. И. ЭРТЕЛЬ О ТУРГЕНЕВЕ

Сообщение Г. М. Лифшица

Осень 1883 г. была для А. И. Эртеля тяжелой. Сложная внутренняя работа сместила его прежние представления, разрушила цельность его взглядов. Старые догмы народничества уже давно были подточены сомнением. «Не знаю отчего,— писал он,— но с самого Саратова я почувствовал, что я во власти новых каких-то мыслей, которые и прежде бывали у меня на дне души, которые и прежде вставали во мне, но прежде нерешительно, робко, смутно, тотчас же отступая и прячась». Теперь внутренний кризис уже невозможно было скрыть. «Да в чем же правда?» — спрашивал он себя, не находя ответа [1].

Настало время тяжелых исканий. Перебирая теоретические положения народнического социализма и привычные, во многом наивные, не идущие дальше либеральной гуманности взгляды своей среды, Эртель пришел к мрачному выводу: «Жил я, думал ложно и ничего, ничего я не знаю и ничему, ничему не могу учить». В его жизни август 1883 года — пора глубоких сомнений и, прежде всего, сомнений в ценности собственного литературного творчества. Впервые появилась мысль оставить литературу: «Брошу писать, сброшу эту мишурную мантию учителя и уйду в деревню, займусь тихим, не звонким, маленьким и серым делом, буду читать, буду вникать в действительность...»[2].

А на другой день пришло сообщение о смерти Тургенева. Эртель был потрясен. «Ужасно расходились мои нервы,— говорит он в письме к М. В. Огарковой.— Я все время писал, писал о Тургеневе. Почему? Вот почему. Пришел домой, попалась газета: Тургенев, Тургенев... Напечатаны распоряжения о похоронах, список депутаций. Прочитал рассказ о последних минутах Тургенева, речь Абу, Ренана... И с какой же силой проснулась во мне жалость, Маруся! Не к человеку — что к человеку! Я едва знал его, но к писателю, который столько раз заставлял трепетать сердце, столько раз все существо мое переполнял сладкой и мучительной тоскою, столько раз звал куда-то „в звенящую даль", столько раз поднимал из окружающей пошлости и грязи. И вот я пришел к себе в номер и прописал в нем до трех часов. Вышло слишком лирично» [3]. Этой ночью была написана статья, названная впоследствии «Из степи». Думая о Тургеневе и его произведениях, об общественной роли любимого писателя, Эртель искал свой путь в литературе. И под влиянием Тургенева писатель-народник нашел в себе силы преодолеть сомнения в общественном значении литературы вообще и своего собственного литературного труда. В то время, как Эртель пришел к отрицанию «юридических» обязанностей интеллигенции перед народом, смерть Тургенева напомнила ему о моральном долге писателя.

Нравственное потрясение, пережитое Эртелем, было не только отзвуком разочарования в народничестве. Эртель был одним из тех, кого пробудили к жизни, подняли из «мерзостей житейских» произведения

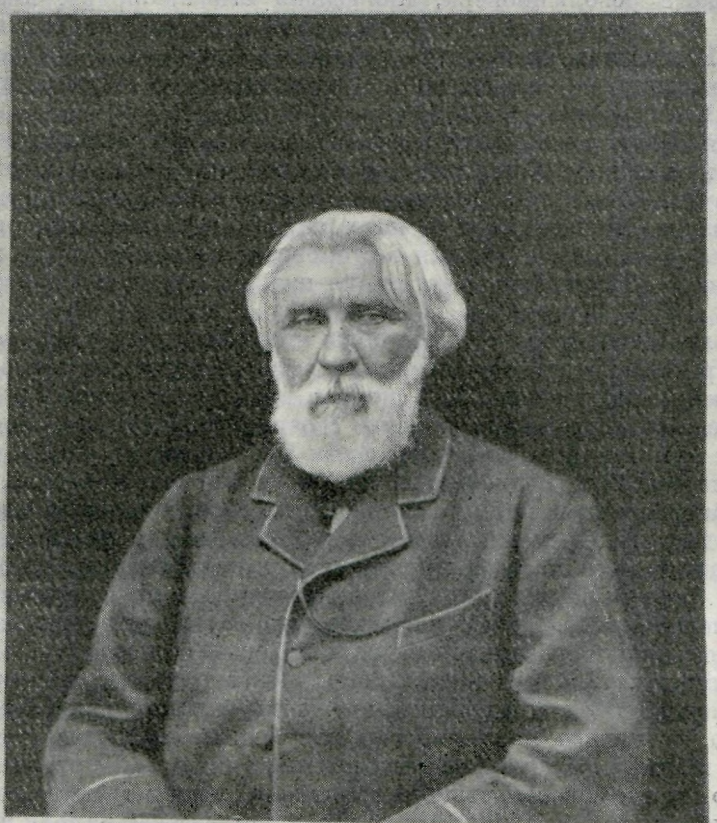
Тургенева. Девяти лет он впервые познакомился с рассказами великого писателя, в двенадцатилетнем возрасте зачитывался ими, предпочитая «Муму» романам [4]. Влияние Тургенева оказалось очень сильным. Оно вызывало знакомые ассоциации, духовно обогащало, пробуждало литературный талант. «Записки степняка» Эртеля возникли под влиянием «Записок охотника». Эта литературная связь давно уже отмечена критикой. В обоих случаях перед нами цикл рассказов, объединенных образом внимательного, чуткого наблюдателя жизни. Есть много сходного у обоих писателей и в манере изображения человеческих характеров и в тонком чувстве природы. Хотя «Записки степняка» — создание другого времени, Эртель многим обязан своему литературному образцу.

Неудивительно, что в ноябре 1882 г. он писал: «Перед кумиром, в котором, начиная от внешности и кончая содержанием, все — гармония, я увлечение понимаю (я сам так относился к Тургеневу, когда первый раз увидал его)» [5]. Эта встреча произошла в Петербурге в феврале 1880 г. благодаря стараниям Г. И. Успенского. Эртель был представлен Тургеневу у К. М. Сибирякова вместе с В. М. Гаршиным, С. Н. Кривенко, Н. С. Русановым, И. И. Ясинским и некоторыми другими литераторами. Позднее Эртель снова виделся с Тургеневым и беседовал с ним в тесном кружке писателей [6]. Весной 1880 г., когда автор «Записок степняка» заболел чахоткой, Тургенев прислал к нему С. П. Боткина [7]. Первые встречи и эта дружеская помощь произвели на Эртеля сильное впечатление.

Пример Тургенева, чья деятельность имела громадное общественное влияние, служил в глазах его молодого поклонника наглядным подтверждением распространенного в эти годы народнического представления о роли выдающейся личности в истории. «Человек устроен так,— писал Эртель в 1882 г.,— что неминуемо должен прогрессировать в развитии. По большей части эта способность его атрофируется различными фактами, проистекающими в том числе и от плохого устройства так называемых социальных отношений. Только известная часть избранных во всей полноте вмещает в себе это провиденциональное назначение. Эта-то часть, обыкновенно уходящая в литературу и науку, несомненно ведет человечество. Это в истинном смысле слова интеллигенция. Другие более или менее стремятся приблизиться к этому типу. Для субъекта, понявшего вышеприведенную истину, счастье и жизнь понятны только как возможно широкое развитие и возможное приближение к типу. Типом, олицетворением типа, я бы назвал примеры Дарвина, Тургенева, Чернышевского. И человек тем счастливее, чем способность его бесконечно приближаться к типу разностороннее» [8]. Примеры типов выдающихся деятелей, приведенные в этом рассуждении правоверного народника, очень характерны. Увлечение Дарвином он пережил в ранней юности и с тех пор сохранил к нему глубокое уважение. В Чернышевском Эртель видел одного из великих людей своего времени, а его знаменитую диссертацию рассматривал как важную ступень на пути от эстетики Белинского к современному взгляду на искусство. Однако наиболее близким сердцу Эртеля типом выдающейся личности был Тургенев: «В сущности Гете совершенно прав, полагая счастье в гармонии, то есть в одинаковом развитии всех способностей человека. Чувство должно идти рука об руку с разумом. ⟨...⟩ Спору нет, есть

> ... Времена, есть целые века,
> в которых нет прекрасней,
> желаннее тернового венка.

Но это очень печально и опять-таки болезненно. И во всяком случае нужно взвесить, что́ важнее для судеб прогресса — это ли гармоническое



ТУРГЕНЕВ

Фотография С. Л. Левицкого <?>, Петербург, 1880 <?>. С дарственной надписью: «Софье Карловне Корш от старинного приятеля на память. Ив. Тургенев. Москва, июнь 1881»

Собрание Н. А. Череминой (рожд. Корш), внучки С. К. Корш, Москва

развитие моих способностей или „терновый венец". Если бы Николай Милютин или Тургенев, первый вместо деятельности государственного человека, а второй — писателя, надели на себя „терновые венки" в качестве заурядных революционеров, был бы еще вопрос, справедливо ли они сделали. Чернышевский был одним из самых светлых умов, и его деятельность как практического революционера, приведшая его в Сибирь, именно есть результат того, что чувству, чувству „мести и печали" он отдал преобладание, а Россия лишилась очень крупного мыслителя. Я не говорю, что нужно поступать по градусам, но утверждаю, что нужно стремиться к этому» [9].

Все эти общие идеи имели реальный смысл. Жизненный путь Эртеля пролегал не так далеко от стези, по которой шли революционеры конца 70-х — начала 80-х годов. Эртель восхищался ими. С некоторыми из них был в близких отношениях и помогал им. Много лет спустя, размышляя о том, почему он все же остался в стороне от революционного подполья, Эртель писал: «Думаю теперь, что меня щадили эти милые и симпатичные люди» [10].

Вряд ли, однако, это было только так. Его представления о всесторонне развитой гармонической личности свидетельствуют о том, что Эртель уже в молодые годы был склонен предпочесть иную деятельность. В Тургеневе он видел олицетворение своего идеала, а мы хорошо знаем, как далек был Тургенев от направления Чернышевского и Добролюбова, которые не отделяли гармонию личности от «тернового венка».

Рассматривая идеи Эртеля, высказанные им в период духовного кризиса 80-х годов, современный читатель может отнести их за счет либерализма значительной части народнической интеллигенции, готовой отказаться от увлечений молодости, чтобы «поступать по градусам». Но это было бы неправильно. Нельзя забывать, что в лице Эртеля мы имеем дело с писателем, достаточно значительным по своему таланту. Предпочитая путь Тургенева, т. е. художественную литературу, «терновому венку», Эртель имел в виду другую форму служения той же цели, более соответствующую его личным наклонностям как тонкого наблюдателя жизни общества и природы. Громадное общественное влияние Тургенева доказывало в его глазах способность художественной литературы не только изображать народ, но и служить ему не хуже, чем служат народу люди революционного дела.

Эти взгляды Эртеля на литературную деятельность Тургенева тесно связаны с отношением народнической молодежи его времени к великому писателю. Они были своеобразным выражением примирения «отцов и детей». Эртель видел в Тургеневе предшественника народничества в литературе, писателя, который одним из первых открыл глаза на положение угнетенного крестьянства. Он отмечал, что Тургенев с юных лет воспитывался в «атмосфере народного вопроса»: в те времена Жорж Санд создавала образы французских крестьян, в Германии появились «Деревенские рассказы» Ауэрбаха. Русский мужик, угнетенный крепостным правом, имел, по мнению Эртеля, еще более важные основания стать в центре литературы. Говоря о произведениях Тургенева, Григоровича, Потехина и других, Эртель рисует картину литературного развития России с точки зрения основного вопроса русской жизни — уничтожения крепостничества. «Понятно,— утверждал он,— что все эти писатели знакомили общество с мужиком, руководясь идеей освобождения. А потому главным их старанием было привлечь к мужику симпатии общества, указать на его несчастья, на отвратительное влияние крепостного права. У талантов не особенно сильных выходило это до известной степени односторонне, и, кажется, один только Тургенев изобразил мужика не сочиненного, хотя оттенил неприглядные его стороны. Но как бы то ни было, плеяда народ-

ников 40-х годов совершила великое дело» [11]. Этот обзор «народного вопроса» в русской литературе объясняет отношение Эртеля к Тургеневу, которое было достаточно восторженным даже в те времена, когда молодежь была готова простить Базарова автору «Отцов и детей». Даже в 1886 г., когда Эртель отошел от ортодоксальной трактовки «народного вопроса», он все же приводит в качестве примера «народнического» отношения к крестьянству ранние рассказы Тургенева [12].

Дальнейшие этапы творческого пути Тургенева Эртель рассматривал сквозь призму народнической теории. Произведения Тургенева являются для него важнейшей составной частью той демократической литературы, которая со времен Радищева формировала «научно-объективное» отношение к народу. Несмотря на реакцию последних лет царствования Николая I, сотрудники «Современника», в том числе и Тургенев, «несли достойно свою службу, насколько возможно делали свое дело». Отмечая влияние Чернышевского на творчество писателей этого времени, Эртель также упоминает и Тургенева. Даже произведение, вызвавшее столько споров, — «Отцы и дети» — Эртель считает верной картиной действительности и образ Базарова связывает с деятельностью Писарева. «Нигилист Базаров есть по преимуществу порождение „Русского слова“» [13]. Однако Эртель замечает, что «Базаров относится к мужику презрительно и свысока». Это, по его мнению, неверно, ибо «первые революционные брожения затеялись среди нигилистов, а между тем эти брожения имели в виду народное дело» [14].

В публикуемой статье Эртеля читатель не найдет народнической терминологии. Здесь выражены новые мысли, которыми он был увлечен незадолго до смерти Тургенева. Эртель уже не пишет о «народническом» содержании его творчества. Напротив, тургеневское понимание прогресса он отделяет от понимания народнического. Но даже не в этом дело. Эртель освобождается от узко догматического отношения к литературному наследию Тургенева. Духовному возмужанию Эртеля мы обязаны интересной и эмоциональной статьей «Из степи», содержащей глубокую оценку творчества Тургенева.

Что же в нем получило признание Эртеля? Прежде всего поиски «правды», которыми проникнут художественный реализм Тургенева, т. е. высокая идейность его творчества. Но тургеневскую обостренную «отзывчивость на все светлое» Эртель воспринимал уже не как проявление «долга» народника, а более широко, как чувство патриота, связанного с судьбами родины. Теперь Тургенев не столько представитель народнической интеллигенции, сколько плоть самого народа. В его творчестве наиболее полно выразились национальные свойства, характер народа. И хотя у Тургенева «резкая и суровая энергия» не поднималась до того «пафоса», который звучит у Салтыкова-Щедрина или Льва Толстого, тем не менее она нашла в некоторых его романах и повестях отражение в той мере, в какой, по мнению Эртеля, она свойственна каждому русскому человеку. И то, что он услышал у Тургенева эти сурово и резко звучащие ноты, понятно. Ведь для него Тургенев — «писатель политический», который «безошибочно указывал основной тон» нашей общественной жизни, затрагивал важнейшие проблемы современности, раскрывал ее общественный смысл. И здесь Тургенев не отошел от правды, создав реальные картины эпохи. Поэтому его творчеству Эртель придавал историческое значение.

Великая заслуга Тургенева была, по мнению Эртеля, и в том, что идейные сдвиги в общественной жизни выражены им в судьбах типичных героев своего времени. Тургенев «скреплял нас с нашей родиной», с ее прошлым, настоящим и будущим. В чувство «привязанности к родине» он внес «разумность и сознание», он выразил наиболее полно «идею народности»

ХОРЬ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ «ХОРЬ И КАЛИНЫЧ»
Литография В. В. Князева, 1884
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

и стал прямым наследником Пушкина. «Космополитизм», о котором в связи с этим упоминает Эртель,— это не отрицание патриотизма. Его проявление Эртель видел во всеобщем стремлении к «идеалу добра и справедливости». По мнению Эртеля, это стремление, это «святое беспокойство» пронизывало творчество Тургенева и ставило его в один ряд с такими мировыми писателями, как Шекспир, Пушкин и Шиллер.

В произведениях Тургенева Эртель особенно ценил картины идейной борьбы, которые помогали «разбираться в хаосе противоположных воздействий». По словам Эртеля, «будущий историк не обойдется без его сочинений», которые уясняют сложную и разнообразную действительность, «что имела место на Руси в промежуток сорока лет». По мнению Эртеля, высказанному в другом месте, Тургенев принадлежал к плеяде великих писателей, которые «не думали о системах, либо беспрестанно колебались между ними»: они лишь учили любить правду, бороться за свободу, понимать красоту, верить в могущество разума и нравственных чувств. Все это возникало в их произведениях бессознательно, в силу их дарования, непосредственно [15].

Такое понимание идейных, нравственных основ творчества Тургенева во многом определило и литературный путь самого Эртеля. Стремление к высоким идеалам, далекому миру «правды», «добра» и «красоты», романтическая борьба со злом, духовная свобода, гуманность, уважение к разуму и, вместе с тем, благородное безумство — все эти оттенки «прекраснодушия», усвоенные из литературы 40-х годов, олицетворяет для него именно Тургенев.

Эртель восхищается литературным талантом Тургенева. У него он желает учиться живому восприятию действительности, тонкому проникновению в характер человека, спокойной, но восторженной любви к при-

роде. Не было для Эртеля лучшей оценки его произведений, чем признание близости их художественных достоинств мастерству Тургенева. В стихах и прозе тургеневская фраза влекла его, как музыка. Недаром, говоря о стихотворениях в прозе П. В. Засодимского, Эртель упрекал его в попытке соревноваться, несмотря на свой «вологодский акцент», с «музыкантом» Тургеневым. «У нас,— писал Эртель,— если и есть несомненный наследник этой тургеневской музыкальности, так это один В. Г. Короленко» [16]. Тонкая эмоциональность чувствуется и в статье «Из степи». Это увидел и сам автор, заметив, что вышло у него слишком «лирично».

Для Эртеля характерно глубокое проникновение в художественную ткань тургеневских произведений, к тем ее основам, которые раскрывают методы создания человеческих характеров. Ссылаясь на Тургенева, Эртель отрицал «списывание с натуры», хотя признавал, что совсем без портретной живописи в литературе обойтись нельзя. По его мнению, Тургенев и Толстой прибегали к зарисовкам с натуры, но брали «у живого лица только существенное, типическое» [17]. Не менее интересны и другие наблюдения Эртеля. Заметив, например, что в романах Тургенева любовь никогда не кончается счастливо, он пишет: «Великий мастер понимал, что для истинного человеческого и прочного счастья любовь должна возмужать, принять иную форму, видоизмениться, а если не может, то лучше ей погибнуть, нежели превратиться в пошлость и уродливость. Погибнув, она все-таки сохраняет поэтическую красоту, тогда как, застывши в своих первоначальных очертаниях, становится безобразием. По свойству своего таланта и ума Тургенев не хотел и не мог показать нормальный процесс любви, ее естественные видоизменения, ее переход из юности

КАЛИНЫЧ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ «ХОРЬ И КАЛИНЫЧ»
Рисунок А. Ф. Чернышева, 1850-е годы
Литературный музей, Москва

в зрелость, он предпочитал кончать свои симфонии печальным недоумевающим аккордом» [18].

Употребление Эртелем музыкальной терминологии в рассуждениях о романах Тургенева характерно. После прочтения тургеневских «симфоний» он невольно отдавался непосредственному чувству. «Как хороши последние страницы романа, сцена смерти!.. Мне даже жутко стало»,— воскликнул Эртель, прочитав роман «Отцы и дети». Однако, изучая творчество Тургенева, Эртель не поддавался слепому чувству восторга. Он верно подмечал и неудачи любимого писателя. Перечитав «Отцов и детей», Эртель заметил, что Тургенев пересолил: «слишком уж натянут и накрахмален Базаров и слишком естествен». По этому же поводу Эртель сделал еще одно замечание: «Описывая отношения сына к матери и отцу, автор с поразительной ясностью представляет нам их только постольку, поскольку они выражаются в наружной форме, грубой и несимпатичной. Нужно было глубже заглянуть в душу Базарова, а не представлять его чурбаном...» [19]. Говоря о значении искренности в литературе, Эртель также вспоминает Тургенева: «Тургенев, несомненно, писатель с большим талантом, а посмотрите, до чего он не искренен, а следовательно и противен, ну хотя бы в „Мать“ (стихотворение в прозе) или в „Казни Тропмана“. По-моему, это один разврат» [20]. Думается, что Эртель мог бы привести и еще несколько страниц Тургенева, которые звучали для него неискренно.

Тем не менее, для Эртеля Тургенев — вершина русского искусства. В 1899 г., закончив свой литературный путь, Эртель убеждал В. А. Гольцева в том, что романы Тургенева показывают истинную цену современных шедевров: «Ты возразишь, что нельзя же все мерить Тургеневым, а я скажу тебе, что если не мерить данное произведение тою мерою, которая достигнута истинными мастерами, то мы придем к совершенной ненужности какой-либо критики» [21].

В свое время, когда были изданы письма Эртеля, читатель воспринял как неожиданное откровение богатую духовную жизнь этого незаурядного человека. Однако свет увидела только тенденциозно подобранная часть переписки писателя. С тех пор документы, воссоздающие творческий облик Эртеля, не публиковались. Статья «Из степи» проливает свет на формирование мировоззрения молодого писателя, она свидетельствует о глубоком влиянии Тургенева на внутренний мир литератора-народника. Если с нашей точки зрения оценки деятельности Тургенева в рассуждениях Эртеля нельзя признать безукоризненными, то с психологической стороны его искания понятны. Начало деятельности Эртеля падает на такие годы, когда неспособность народнического мировоззрения ответить на вопросы русского исторического развития уже не могла быть секретом для людей проницательного ума и чистого сердца. Что же касается марксизма, то он оставался для Эртеля книгой за семью печатями. Формирование его как писателя прошло под знаком кризиса народнических идей, и единственным якорем спасения для него была русская художественная литература в лице таких ее классиков, как Тургенев и Толстой.

* * *

Статья «Из степи» печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ, в фонде А. И. Эртеля (ф. 349, п. 2, № 23). На первой странице под строкой — примечание автора: «Эта заметка частью была помещена в местной газете, но благодаря некоторым „местным“ условиям, общим однако же и всей провинциальной прессе, она подверглась в печати искажениям весьма солидного свойства» [22].

ИЗ СТЕПИ

По поводу смерти И. С. Тургенева

Угрюмые тучи низко и медлительно ходят над нашими полями. Сыро, холодно, пронзительный осенний ветер играет с пожелтелыми листьями. Скучная жизнь, скучные люди... Сплетни, винт, жалобы на цены — на цены дешевые, на цены дорогие, бестолковая сумятица, если заглянуть внутрь, мертвая тишина, если посмотреть снаружи; ленивые толки о том, о сем как бы под лад с осенними дождями, тоже ленивыми и медлительными; вялые речи и тоскливые трюизмы...

Невеселое время.

Умер И. С. Тургенев... Я, как сквозь сон, помню благородное лицо его, обрамленное серебристыми волосами, лицо с пленительной улыбкой, с ласковым взглядом внимательных и глубоких глаз — лицо, теперь уже мертвое, холодное, лицо трупа. Помню его речь, привлекательную и живую, его огромную фигуру, его мягкие манеры, полные достоинства, эти манеры «путешествующего принца», как сам он выразился о Рудине... [23] Помню те ночи, когда с оплывшею свечою, взятой втихомолку от отца, зачитывался и плакал я над страницами «Муму», «Дворянского гнезда», «Дневника лишнего человека» и проникался благоговением к автору... Я помню всё... и теперь словно что близкое по крови оторвалось от меня и все существо мое переполнилось печалью.

Но что мои личные впечатления! Вся Россия, говорю, Россия хорошая, честная, интеллигентная, вся Россия жалеет о нем. И еще бы ей не жалеть: она схоронила Тургенева. Какое это страшное слово: схоронила Тургенева! Ведь это значит — угасла мысль вечно беспокойная, юная, сильная, вечно желавшая добра, жаждавшая правды... Ведь это значит — струны порвались, что «звенели на весь мир» о любви, о красоте, о человечности... Сколько душ было взволновано этими звуками! Сколько сердец билось и трепетало в беспокойном трепете под могучим влиянием этого писателя, этих его милых образов, этих картин, неотразимо заполонявших сладкой и меланхолической тоскою! Сколько честных порывов загоралось и какое подымалось омерзение к изолгавшейся суетне действительности благодаря этому влиянию... Посреди гнили и грязи, посреди глупостей и мерзостей житейских не одно существо перерождалось, читая Тургенева, сживаясь с миром его героев и героинь, с музыкой его речи, с его призывом вдаль, туда, где в яркой и заманчивой перспективе блещет неувядаемая красота и в благородной простоте возникают идеалы добра и правды.

И вот этого человека, этого-то «властителя дум» не стало. Странно было бы плакаться на судьбу за эту смерть. Судьба безжалостна, смерть не знает пощады. У них свои права, законность которых неоспорима, но человек тоже имеет свое право — правда, жалкое и обидное — право тоски и грусти. Это протест, быть может, более всего свойственный русскому человеку, это протест, выразителем которого именно в таком-то смысле был и Тургенев, создавший «Стихотворения в прозе» и «Довольно». И, быть может, никогда со времен Пушкина не хоронила Россия такого писателя, который соединял бы в себе самые характерные особенности русского человека. Тихая и мечтательная созерцательность, любовное отношение к людям и природе, чуткая отзывчивость на все светлое, что бьется едва заметным биением под корою грубой и пошлой действительности, добродушная насмешливость, сострадательное проникновение в глубь и в средину человеческой души, какова бы она ни была и какому бы народу она ни принадлежала, а пуще всего эта грустная фатальность, это меланхолическое подчинение року — все было в этом человеке, представляя собою милую ему родину, и все разлито в его творениях мягким

и теплым колоритом. Правда, в этой гамме не звучала настойчивым звуком резкая и суровая энергия. Или, лучше сказать, в ней она не подымалась до того пафоса — выразимся любимым словом Белинского — как подымается в писаниях М. Е. Салтыкова и произведениях графа Льва Толстого, но в «Дыме» и «Бурмистре», в некоторых частных эпизодах «Нови» и в «Постоялом дворе» мы не ошибемся, если укажем и на эту струйку и, может быть, в той дозе, которая свойственна русскому типическому человеку: немножко энергии, а более всего опять-таки тихой тоски и грусти и меланхолической иронии.

Но на этом фоне, на этой милой и глубоко родственной канве последовательно появлялись фигуры, точно вехи, определявшие рост нашего общественного сознания. И в этом отношении Тургенев был по преимуществу писатель политический. С самой половины сороковых годов он, точно маяк, освещал нам нашу бурливую тьму и безошибочно указывал основной тон, превозмогающую ноту нашей общественной жизни. Будущий историк не обойдется без его сочинений. Все эти Пеночкины, Чулкатурины, Пигасовы, Рудины, Базаровы, Неждановы, все эти Лизы, Аси, Елены из «Накануне», Марианны из «Нови» — все они, точно рефлекторы от сильной лампы, уяснят ему, этому будущему историку, ту кишащую недоразумениями толкотню, ту мутную и разнообразную действительность, что имела место на Руси в промежуток сорока лет.

Заслуга Тургенева — двойственная заслуга, и значение обеих ее сторон до крайности важно. Он облагораживал людей, не дозволял им постоянно вязать в тине, в грязи; он будил в них стремление к свету, к теплу, или, лучше поставить здесь старое, затасканное слово,— он будил в них стремление к идеалу, не давал останавливаться на сделках, на компромиссах, он напоминал о великой бесконечности, мысль о которой так присуща природе человека, но часто погребена в нем под хламом различных дрязг и мелочей, он внушал им то «святое беспокойство», без которого погиб_ бы мир. И этой своей заслугой он такой же «мировой» писатель, такой же «всечеловек», каким был и Шекспир, и Пушкин, и Шиллер, я здесь не говорю о силе таланта.

Но помимо этой своей заслуги, я бы сказал мировой, если бы слово не звучало так громко, он послужил и России, исключительно одной России. Рисуя типы, воздвигая превозмогающую в данное время фигуру, он уяснял нам скрытые течения нашей общественной русской жизни, он содействовал построению нашего политического миросозерцания, он помогал нам разбираться в этом хаосе противоположных воздействий, одним словом, он указывал нам наше место среди безрассветной и стихийной толкотни, и этим своим указанием проникновенным как бы ослаблял царящую стихийность, вводя в нее элемент разумности, сознательной борьбы, инициативы. И для нас, для России, это, может быть, самая великая его заслуга.

Но она не исчерпывается этим показанием и руководством. В своих картинах быта, в чудных описаниях природы, наконец, в том элегическом колорите своих писаний, о котором мы выше уже говорили, он неотразимо скреплял нас с нашей родиной. И тут он приходил на подмогу простому непосредственному чувству своих читателей. Он возводил в перл это чувство. В этих особенностях его таланта родина наша — эти поля, луга, леса, этот простой и бесхитростный быт — являлись во всей силе своей сокровенной красоты и неотступно манили нас к себе, привязывали непобедимым очарованием...

Великое дело космополитизм, но не ему главная роль в нашем веке. Пусть идея этого космополитизма царит в области мысли и облагораживает человеческие стремления, возвышая их. Но как там ни толкуй и как ни притворяйся совершенным «всечеловеком», нужно признаться, что идея эта есть логическая категория. По крайней мере, до времени логическая

МИША. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ «ОТЧАЯННЫЙ» («ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СВОИХ И ЧУЖИХ»)
Гравюра неизвестного художника
«Огонек», 1882, № 4

категория. И в этом смысле я настаиваю на ее великой важности... Но не ей пока в плоть и кровь претворяться, как от века претворяется идея народности. И вот этой-то последней идее много послужил Тургенев. В этом он прямой наследник Пушкина. Как тот осмыслил простое органическое чувство привязанности к родине, так и Тургенев внес в это чувство элемент разумности и сознания. И поистине они не менее «собиратели земли Русской» нежели Иван Калита. Они связали и сплотили своими творениями интеллигенцию огромного народа более и действительней, чем сплотил Германию Бисмарк и К°, и соединили ее не во имя «крови и железа», а опять-таки во имя любви и правды и лучезарной красоты, что, может быть, важнее правды.

Есть много мнений об идее народности и существует такое, что, де, идея эта не прогрессивна. Не место здесь оспаривать это мнение, но мы думаем, что каждый оценит его простым органическим чувством, как оценит, например, прелесть теплой комнаты в непогожую пору. И, разумеется, горько ошибается тот, кто думает, что Тургенев охулил бы эту «теплую комнату», а между тем он был горячий сторонник прогресса, понимая его в старом немного, пожалуй, и романтическом смысле, а не в нынешнем «научном».

И вот труп этого человека схоронила Россия. На Волковом кладбище, этом Вестминстерском аббатстве, этом Пантеоне русских, одним великим покойником больше и на Руси меньше одним горячим и чутким человеком, одним огромным мыслителем, ибо художник тот же мыслитель, одним замечательным поэтом...

Замолкли звуки дивных песен,
Не воротиться им опять.
Приют певца угрюм и тесен
И на устах его печать [24].

Что же «у людей недруги мрут, а у нас друзья умирают» [25], и нет им конца, этим умершим друзьям, а живущим... Да и не все ли равно, впрочем, в виду этой свежей могилы и этой монотонной жизни, похожей на могилу.

Сыро, холодно, пронзительный ветер с жалобным визгом бродит по застрехам... Скучная жизнь, скучные люди... Дождик точно слезы каплет, каплет... Солнце гаснет за мокрым туманом...

Так вот и Тургенев погас, наше милое солнце, и некому теперь веселить и печалить нас хорошей печалью, и не ворвется больше в нашу скорбную тьму этот живительный луч, ласковый и прекрасный, и никто с такой яркостью не осветит ее...

Спи же, великий слуга родного края, и пусть над тобою проходят золотые виденья, подобные тем, что снились тебе, когда ты мечтал «о хороших, о свежих розах», когда «деревня» вставала в твоем воображении [26], когда возникали перед тобой силуэты обаятельных твоих героинь... Спи, осененный любовью, незабытый, незабываемый, бессмертный, поскольку можно быть бессмертным...* Спи, ты сослужил свою службу!

27 сентября [27]. Ночь. Близ Воронежа.

А. Эртель

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо к М. В. Огарковой от 22 августа 1883 г.— А. И. Эртель. Письма. М., 1909, стр. 42.
[2] Там же, стр. 43.
[3] Письмо к М. В. Огарковой от 27 сентября 1883 г.— ЛБ, ф. 349, п. 6, № 14.
[4] Письмо к М. М. Стасюлевичу от 3 июля 1891 г.— Там же, п. 4, № 25.
[5] Письмо к М. В. Огарковой от 23 ноября 1882 г.— Там же, п. 6, № 13.
[6] Письмо к В. Г. Черткову от 13 июля 1888 г.— А. Эртель, Письма, стр. 26.
[7] Письмо к И. А. Эртелю от 22 марта 1880 г.— ЛБ, ф. 349, п. 7, № 14.
[8] Письмо к М. В. Огарковой от 17 июля 1882 г.— Там же, п. 6, № 11.
[9] Письмо к М. В. Огарковой от 19 ноября 1882 г.— Там же, № 13.
[10] Письмо к В. Г. Черткову от 13 июля 1888 г.— А. Эртель. Письма, стр. 25.
[11] Письмо к М. В. Огарковой от 14 октября 1882 г.— ЛБ, ф. 349, п. 6, № 12.
[12] Там же, п. 3, № 5, л. 2 — статья «Народ и общество» (1886 г.).
[13] Письмо к М. В. Огарковой от 20 ноября 1882 г.— Там же, п. 6, № 13.
[14] Письмо к М. В. Огарковой от июня 1883 г.— Там же, № 14.
[15] Письмо к Н. Я. Гроту от 4 апреля 1893 г.— Там же, п. 4, № 24.
[16] Письмо к В. В. Огаркову от 2 января 1891 г.— Там же, п. 8, № 9, л. 29 об.
[17] Письмо к Б. Д. Вострякову от 2 мая 1898 г.— Там же, л. 151.
[18] Письмо к М. В. Милютиной от 6 октября 1897 г.— Там же, п. 4, № 24.
[19] Письмо к М. В. Огарковой от июня 1883 г.— Там же, п. 6, № 14.
[20] Письмо к В. Н. Ладыженскому от 3 февраля 1890 г.— Там же, п. 5, № 21.
[21] Письмо к В. А. Гольцеву от 21 октября 1899 г.— Там же, п. 8, № 2.
[22] Статья Эртеля была опубликована в ростовской газете «Дон», 1883, № 107, 2 октября, за подписью: N. Помимо мелкой правки, следы которой обнаруживаются во многих местах статьи, редакция газеты внесла в ее текст ряд более существенных изменений, которые и имеет в виду Эртель в своем примечании. Часть из них была вызвана, по-видимому, цензурными соображениями (замена определения «писатель *политический*» на «писатель *общественный*», исключение упоминаний о «*протесте*», «*сознательной борьбе*» и т. п.; изъятие резких оценок современной русской действительности: «*изолгавшаяся*», «*наша бурливая тьма*», «*мутная*» и т. д.). Сокращению подверглись также многие фразы и абзацы, в которых Эртель выражал свое личное отношение к Тургеневу и его творчеству. Можно думать, что вследствие этих искажений Эртель не подписал статью своей фамилией.
[23] См. в «Рудине»: «Я вижу фортепьяно,— начал Рудин мягко и ласково, как путешествующий принц,— не вы ли играете на нем?».
[24] М. Ю. Лермонтов. Смерть поэта. Цитата приведена неточно.
[25] Эртель неточно цитирует заключительное двустишие из стихотворения Некрасова «Не рыдай так безумно над ним...» (1868), написанного на смерть Д. И. Писарева. В этом двустишии Некрасов использовал русскую народную пословицу.
[26] См. стихотворения в прозе «Как хороши, как свежи были розы...» и «Деревня» (VIII, 501—502 и 455—457).
[27] В рукописи ошибочно написано — 27 октября. Дата статьи, указанная в газете «Дон»,— 27 сентября — подтверждается Эртелем в письме от этого числа к М. В. Огарковой (ЛБ, ф. 349, п. 6, № 14).

* *Далее зачеркнуто*: Ты взял все, что мог взять, и отдал все, что в силах был отдать.

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО В ЭТЮДАХ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Сообщение Н. Н. Фоняковой

«...Пишется хорошо, только живя в *русской* деревне. Там и воздух-то как будто „полон мыслей"...» [1]; «...продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию...» [2]. Так сам Тургенев определял место, которое занимало Спасское-Лутовиново в его жизни и творчестве [3].

Усадьба Спасское-Лутовиново, находящаяся в 65 км от Орла и в 15 км от Мценска, была основана в начале XIX в. дядей матери Тургенева — И. И. Лутовиновым, одним из самых богатых помещиков Орловской губернии. Руками сотен крепостных, согнанных из других поместий, на территории в 30 десятин (40 га) были выстроены огромный дом, различные службы, разбит парк с липовыми аллеями, выкопаны пруды. Наследницей И. И. Лутовинова была его племянница Варвара Петровна Лутовинова, которая вступила во владение Спасским в 1813 г.

После смерти В. П. Тургеневой в 1850 г. усадьба перешла к Тургеневу.

«...я немедленно отпустил всех дворовых на волю, пожелавших крестьян перевел на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть — и в главном имении не взял ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму. Другой, быть может, на моем месте сделал бы больше — и скорее; но я обещался сказать правду и говорю ее, какова она ни есть», — писал Тургенев С. А. Венгерову (19 июня/1 июля 1874 г.).

Спасскому в разные годы его существования посвящены многие страницы воспоминаний друзей и современников писателя, но единственными изображениями «любимого гнезда» Тургенева при его жизни являются живописные этюды поэта Якова Петровича Полонского. Они написаны частью в 1881 году,— в год последнего приезда Тургенева на родину и пребывания в Спасском,— частью в 1882 году — и в этом непреходящая ценность скромных работ поэта-художника.

1

Знакомство Тургенева с Полонским состоялось, когда они оба были молоды — в 1841 г., и со временем перешло в дружбу, которая продолжалась сорок лет. В основе этой дружбы лежала не только человеческая привязанность, но и литературные интересы, любовь к искусству. Тургенев подолгу жил за границей, но в каждый свой приезд на родину он стремился увидеться с Полонским, в остальное время они деятельно переписывались [4].

Собираясь в 1881 г. в Спасское, Тургенев сообщал из Парижа Полонскому: «...я велел отделать заново свой дом в деревне — во 1-х, потому,

что в нем нельзя было уже жить — а во 2-х, потому, что я намерен был пригласить тебя вместе с семейством твоим провести там лето, так как помещения у меня за глаза! И ныне повторяю я это приглашение ⟨...⟩ воздух там отличный, сад огромный...» [5] Приглашение было принято с благодарностью; поэт поспешил из Петербурга в Спасское, стремясь «как можно скорее, пользуясь долгими светлыми днями, начать писать с натуры масляными красками» [6].

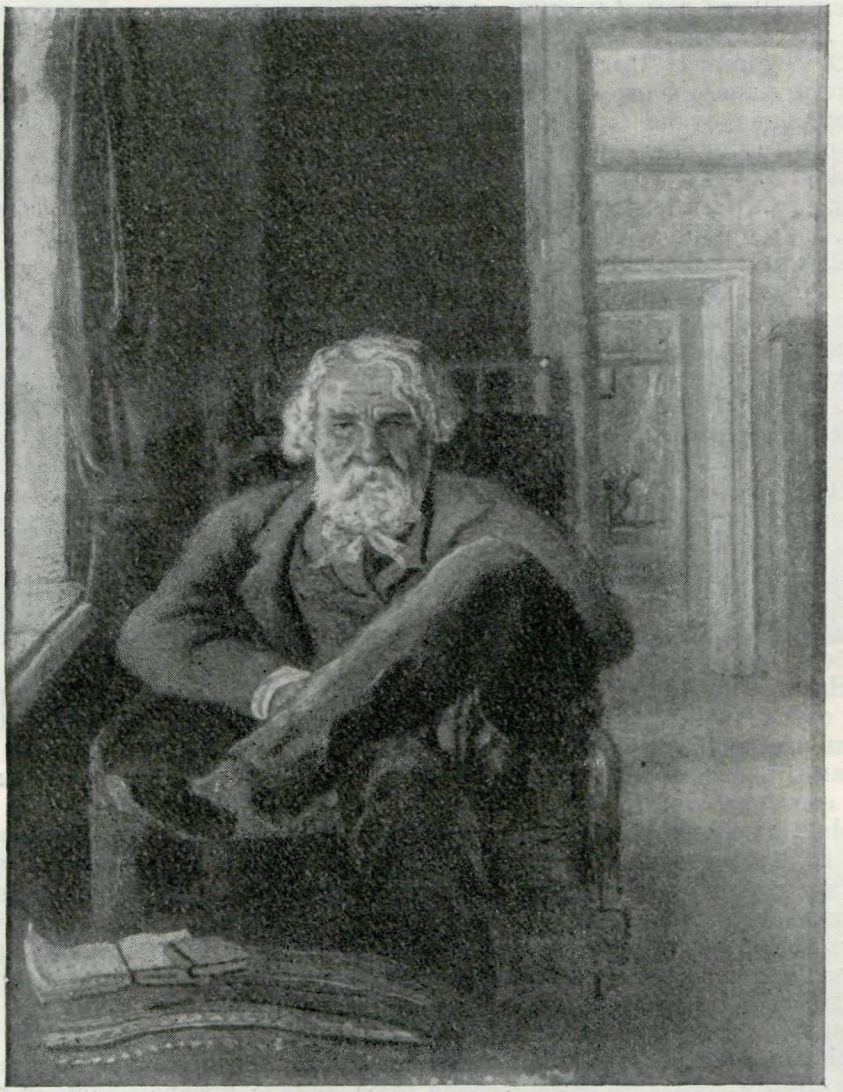
Известно тринадцать этюдов Полонского, написанных в 1881 г. и имеющих его подпись и дату:

1. Усыпальница И. И. Лутовинова
   Картон, масло. 20,8 × 27 см.
2. Усадебный дом Тургенева
   Дерево, масло. 23,5 см. × 32 см.
3. Часть террасы дома и Серка, собака Тургенева
   Дерево, масло. 11,9 × 13 см.
4. Церковь и школа
   Картон, масло. 13,9 × 17,7 см.
5. Поляна в парке
   Картон, масло. 21,9 × 27,2 см.
6. Дорожка в парке
   Картон, масло. 18,9 × 24,3 см.
7. Шалаш в парке
   Холст, масло. 17,6 × 25,8 см.
8. Аллея в парке с фигурой Тургенева
   Картон, масло. 22,1 × 27,3 см.
9. «Поповский пруд»
   Картон, масло. 19,1 × 34,2 см.
10. «Пруд Захара», в котором купалась Савина
    Картон, масло. 22 × 27 см.
11. «В ночном»
    Картон, масло. 16,2 × 21,5 см.
12. Село Спасское
    Картон, масло. 17,5 × 16,9 см.
13. Портрет Тургенева
    Картон, масло. 18 × 13,8 см.

Погода в 1881 г. не баловала обитателей усадьбы: лето было дождливое и холодное, и намерение Полонского заниматься живописью осуществлялось с трудом.

Первой работой поэта было изображение усыпальницы И. И. Лутовинова, находившейся недалеко от въезда в усадьбу. «С этой часовни я сделал мой первый этюд в Спасском, — вспоминает Полонский,— я писал с натуры издали, с верхнего балкона, в очень дурную, пасмурную погоду, и неудачно — первый блин вышел комом ⟨...⟩ Около часовни растут деревья, кое-где еще торчат памятники в виде каменных покачнувшихся столбиков и виднеются плиты, заросшие травой и бурьяном. Это старое господское кладбище, на котором уже никого более не хоронят...» [7]

На этюде усыпальница выглядит именно так, как ее описывает поэт: «Часовня эта, с фронтонами, колонками и круглым куполом, издали похожая на павильон, уже полуразрушена: железные двери ее заржавели, карнизы обвалились, штукатурка местами обнажила кирпич, крест на куполе нагнулся, точно хочет убежать» [8] (см. стр. 609 настоящ. тома).



ТУРГЕНЕВ

Портрет работы Я. П. Полонского (масло), 1881

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Дождливая и холодная погода, которую Тургенев называл «хавроньей», заставляла гостей и хозяина много времени проводить в комнатах: читать, работать (Тургенев писал в это время «Песнь торжествующей любви» и стихотворения в прозе), играть в шахматы или на бильярде, отвечать на письма, разговаривать. В письме к Флоберу Тургенев подробно описывает внешний вид спасского дома: «... это деревянный дом, очень старый, обшитый тесом, выкрашенный клеевой краской в светло-лиловый цвет; спереди к дому пристроена веранда, увитая плющом; обе крыши железные и выкрашены в *зеленый* цвет» [9]. На этюде Полонского дом выглядит именно таким; слева виден вновь пристроенный флигелек, справа — часть старой полукруглой каменной галереи, выкрашенной в желтую

краску. Перед домом цветник и лужайка, в центре которой растет высокая лиственница (см. стр. 609 настоящ. тома).

От Тургенева Полонский услышал историю усадьбы: «Дом стоял на месте прежнего флигеля или ткацкой, где когда-то ткали ковры, холсты и домашние сукна ⟨...⟩ Когда-то флигель этот составлял как бы крыло старого господского также деревянного дома и соединен был с ним каменной и доныне уцелевшей полукруглой галереей; другой такой же флигель, где, по преданию, жили крепостные музыканты, сгорел вместе с домом, в котором было до 40 комнат и зало в два света с хорами» [10].

Главным подъездом уцелевшего от пожара флигеля, ставшего усадебным домом, служила нижняя терраса, выходившая в цветник: к ней подъезжали экипажи, через нее посетители попадали в дом. Терраса служила также местом сбора всех обитателей Спасского летом 1881 г. «Иногда, по утрам, мы все расходились по саду, куда глаза глядят, и забирались далеко — кто на пруд, кто на клубничные гряды и, забывая часы, опаздывали то к завтраку, то к обеду, то к вечернему чаю. И, чтоб всех сзывать вóвремя, Иван Сергеевич велел купить во Мценске небольшой колокол. Мы его повесили между столбиками, на краю террасы. Минут за 10 до обеда или до чая Захар ⟨слуга Тургенева.— *Н. Ф.*⟩ или кто-нибудь из детей начинал звонить; но сад был так велик, что внизу, у пруда, звуки его едва были слышны. Иногда звон повторялся два, три, иногда четыре раза, прежде чем все — я, жена моя, дети и репетитор моего старшего сына — студент медицинской академии Коцын, собирались на террасу к обеду или самовару» [11].

На этюде Полонский изобразил часть балюстрады этой террасы. На ступеньках, ведущих в парк, лежит собака Тургенева — Серка. Здесь же видна и «зеленая луговина, испещренная небольшими цветниками»[12], расстилавшаяся на месте сгоревшего большого дома (см. стр. 611 настоящ. тома).

Недалеко от усадебного дома находилась каменная церковь, построенная И. И. Лутовиновым в 1808 г. На одном из этюдов Полонский изобразил эту церковь так, как она выглядела, если идти от усадебного дома по дорожке направо через луг: сквозь густую зелень деревьев просвечивает часть купола с крестом и белая колокольня [13]. На этом же этюде изображена школа — одноэтажное здание с белеными стенами и красной крышей. Оно видно в глубине, возле ограды, отделяющей парк от выгона (см. стр. 613 настоящ. тома) [14].

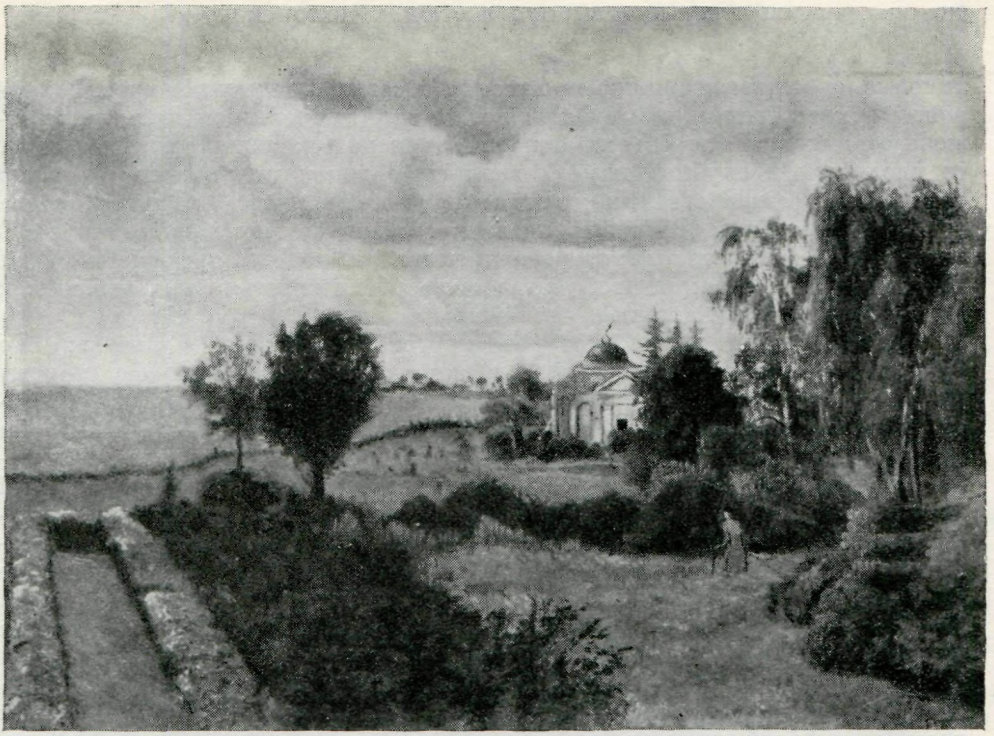
Школа была открыта Тургеневым в 1863 г. и содержалась на его средства. Летом 1881 г., когда писался этюд, школа превратилась «в приемную больных и аптеку», как сообщает Полонский[15]. Студент-медик Коцын и жена поэта Жозефина Антоновна лечили крестьян и снабжали их лекарствами.

Все перечисленные этюды, вероятно, написаны Полонским, если не в пасмурную, то в облачную погоду — об этом свидетельствуют их сдержанные, несколько блеклые краски.

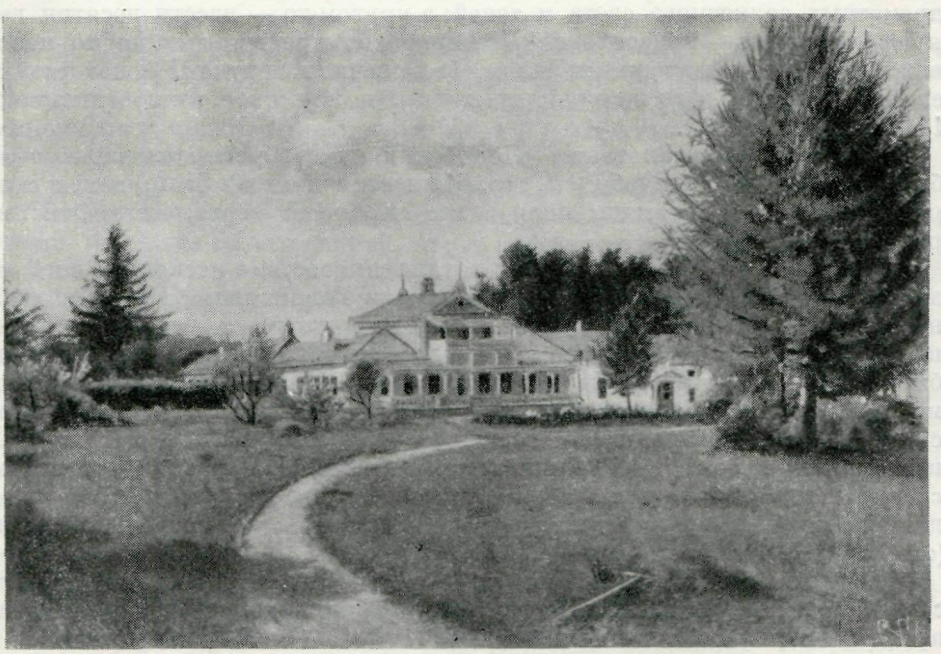
Жена управляющего имением С. Г. Щепкина вспоминает: «Яков Петрович все лето писал виды с Спасского масляными красками. Его частенько можно было встретить в красивых уголках парка, сидящим под громадным дождевым зонтом от солнца за мольбертом в своей черной куртке. С какой любовью и скоростью писал он небольшие пейзажи, думалось, живопись была его врожденным талантом» [16].

На усиленные занятия Полонского живописью обратил внимание и Л. Н. Толстой, посетивший Спасское в начале июля и записавший в дневнике: «У Тургенева. Милый Полонский, спокойно занятый живописью и писанием, неосуждающий и — бедный — спокойный» [17].

Полонского, как пейзажиста, больше всего привлекал «дремучий сад, расположенный чуть ли не на 30 десятинах, или около. Там тянулись



УСЫПАЛЬНИЦА И. И. ЛУТОВИНОВА
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



УСАДЕБНЫЙ ДОМ
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

липовые, сросшиеся вершинами аллеи, и, вместо прежних дорожек, по сторонам вились тропинки» [18]. Он пишет то залитую солнцем поляну, окруженную высокими деревьями, где крестьянская женщина сгребает сено, то уходящую в глубину парка извилистую дорожку, на которой видна «пестреющая сетка светлых кружков на темной земле» («Фауст»), слева у высоких деревьев стоит девочка в украинском костюме, вероятно, дочь поэта — Н. Я. Полонская; то рогожный шалаш под елями возле огорода, устроенный садовником, чтобы отражать набеги крестьянских ребятишек на заросли малины, вишни и черной смородины.

Всё это уголки парка, который Тургенев изобразил в «Нови»: «То был прадедовский черноземный сад, какого не увидишь по сю сторону Москвы. Расположенный по длинному скату пологого холма, он состоял из четырех ясно обозначенных отделений. Перед домом, шагов на двести, расстилался цветник, с песчаными прямыми дорожками, группами акаций и сиреней и круглыми „клумбами“; налево, минуя конный двор, до самого гумна тянулся фруктовый сад, густо насаженный яблонями, грушами, сливами, смородиной и малиной; прямо напротив дома возвышались большим сплошным четырехугольником липовые скрещенные аллеи. Направо вид преграждался дорогой, заслоненной двойным рядом серебристых тополей; из-за купы плакучих берез виднелась крутая крыша оранжереи» (гл. VII).

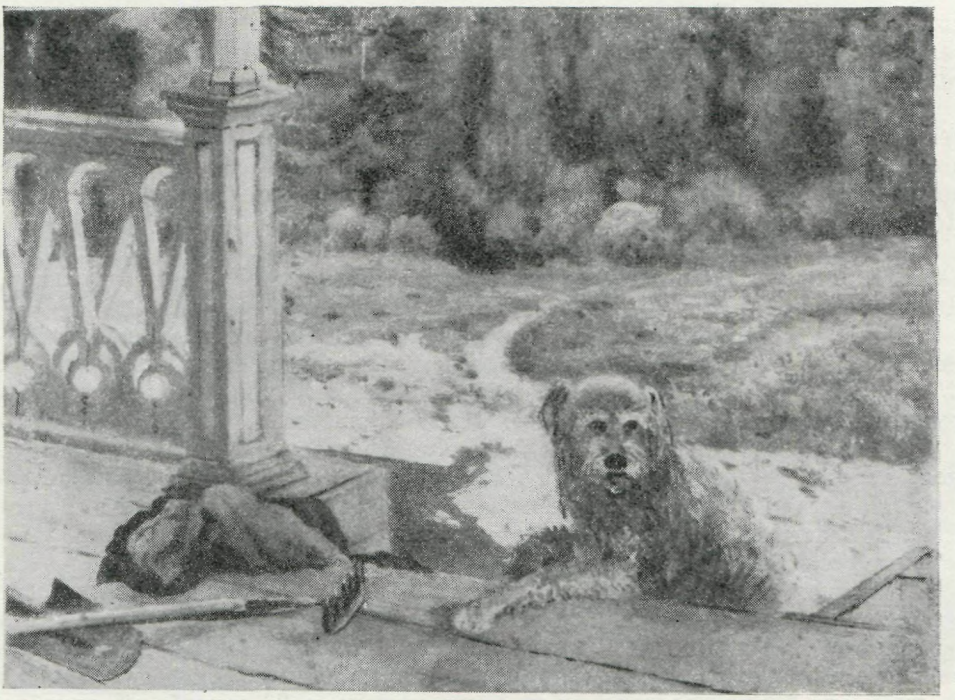
Один из этюдов особенно интересен потому, что изображает Тургенева, гуляющего в парке (см. стр. 617 настоящ. тома). Его фигура в темном костюме и белой широкополой шляпе, с красным пледом, перекинутым через руку, кажется маленькой рядом с огромными старыми липами. Их густо переплетенные ветви образуют свод, через который с трудом кое-где пробиваются солнечные лучи, падая на аллеи, заросшие травой. Тургенев писал Флоберу о своих одиноких прогулках: «... в аллеях старого деревенского сада, полного сельских благоуханий, земляники, пения птиц, дремотных солнечного света и теней; а кругом-то — двести десятин волнующейся ржи,— превосходно! Невольно замираешь в каком-то неподвижном состоянии, торжественном, бесконечном и тупом, в котором соединяется в одно и то же время и жизнь, и животное, и бог» (письмо от 14/26 июня 1872 г.).

Полонский написал также «Поповский пруд», расположенный очень близко от въезда в усадьбу (см. стр. 619 настоящ. тома). За прудом, в котором плещутся гуси, видны поля и лес «Кобылий верх», место действия рассказа «Бирюк».

В середине июля в Спасское приехала и погостила несколько дней молодая артистка М. Г. Савина. «Для Марьи Гавриловны Иван Сергеевич на пруде Захара, где была купальня, велел устроить деревянную площадку, или просто небольшое возвышение, так как место около купальни было слишком мелко, и так как Савина купалась не иначе, как в костюме, и любила бросаться в глубину, плавая, как наяда»,— пишет Полонский [19]. «Пруд Захара» был в полукилометре от усадьбы в сторону села и назывался так потому, что находился на земле, подаренной Тургеневым своему старому камердинеру. Полонский написал этот пруд, купальню и две женские фигуры на берегу в глубине — свою жену и Савину (см. стр. 620 настоящ. тома)

Этюд, изображающий «Ночное» — группу людей у костра в вечерних сумерках и пасущихся на лугу лошадей, напоминает по сюжету «Бежин луг» (см. стр. 619 настоящ. тома).

Бедные избы, крытые соломой на этюде «Село Спасское», как бы иллюстрируют заметки Полонского, рассыпанные в воспоминаниях, мысли о жизни русской деревни, выраженные в более откровенной форме в его неизданном дневнике (см. стр. 621 настоящ. тома).



ЧАСТЬ ТЕРРАСЫ ДОМА И СЕРКА, СОБАКА ТУРГЕНЕВА
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Кроме пейзажных этюдов, Полонский сделал попытку написать портрет Тургенева. Портрет этот, совсем маленький по размеру, несмотря на свои недостатки заслуживает внимания, так как является последним из живописных прижизненных изображений писателя.

Тургенев написан в домашнем костюме, поверх которого наброшена коричневая куртка. Он сидит в кресле у окна кабинета в Спасском — на своем любимом месте. Перед ним на низкой скамеечке лежат раскрытая рукопись и книга. За его спиной, через растворенные двери видна анфилада комнат (см. стр. 607 настоящ. тома).

Полонскому удалось передать общий облик писателя в последние годы жизни, его согбенную массивную фигуру. Но сразу бросается в глаза недостаточное владение формой, композицией, цветом, диспропорции в изображении туловища, рук и ног. Он добился сходства, и хотя небольшие размеры портрета не позволяют предъявить к нему в полной мере требование психологического проникновения во внутренний мир писателя, многого достиг. Изображая большую львиную голову Тургенева с копной седых «густых и красивых волос», «глубокие морщины», которые «бороздили подвижное, выразительное лицо его» [20], Полонский сумел передать скорбный и усталый взгляд писателя, соответствовавший тем пессимистическим настроениям, мыслям о прожитой жизни и близости смерти, которые им владели в это время.

Портрет не понравился жене Полонского, Жозефине Антоновне. С. Г. Щепкина также раскритиковала работу поэта: «Портрет Ивана Сергеевича у него не удался во всех отношениях. Я откровенно о нем высказалась, когда мне показал его Иван Сергеевич. На небольшом куске полотна, глубоко погрузившись в своем диване-самосоне, выставив

колесом свои огромные толстые ноги; на заднем плане виднелась его седая голова, совсем непохожая с оригиналом. Да и сидеть в такой позе можно только в наказание» [21].

И сам Полонский не был удовлетворен своей попыткой написать портрет Тургенева. 30 июля он записал в дневнике: «Все признаки хорошей погоды обманули нас ⟨...⟩ Моя живопись кончена. Я написал 11 картинок: все (кроме одной) с натуры, и в том числе неудавшийся портрет И⟨вана⟩ Серг⟨еевича⟩» [22].

«Усыпальницу И. И. Лутовинова» — свой первый, неудавшийся этюд в Спасском и какой-то из двух последних, имеющих эскизный характер, Полонский, вероятно, не принимал в расчет.

«Шалаш в парке» писался, как можно предположить, с подготовительного рисунка пером [23], что подтверждается воспоминаниями поэта: «У огорода под елями был рогожный шалаш, я срисовал его и пейзаж подарил Ивану Сергеевичу» [24] (см. стр. 615 настоящ. тома).

Кроме этого этюда, Полонский подарил Тургеневу еще шесть пейзажей, которые считал лучшими из своих работ (№ 1 — 6 по приведенному выше списку; на этюде «Поляна в парке» дарственная надпись: «Другу И. С. Тургеневу 1881 Я. П.»); «Пруд Захара» он подарил Савиной, а остальные оставил у себя.

Поэт выехал из Спасского 10 августа, а 21-го и Тургенев покинул свое родовое гнездо и после двухдневного пребывания в Петербурге уехал за границу. Вскоре после приезда в Буживаль, 6/18 сентября, Тургенев писал Полонскому: «Картины твои я отдал „окадрить“ или „орамить“, и на днях они будут красоваться на моих стенах», а 23 сентября/5 октября сообщал: «Твои картины все обрамлены и висят у меня перед глазами в эту минуту — и очень мне приятно смотреть на них. Здешним знатокам больше всего нравится именно тот эскиз, который и мне пришелся по вкусу» [25].

2

В 1882 г. Тургенев из-за болезни не смог приехать на родину, но, по его настоянию, семья Полонских снова проводила лето в Спасском.

Полонские следили за хозяйством, сообщали Тургеневу о всех событиях и новостях деревенской жизни, посылали письма с цветами и листьями из парка. Старший сын Полонских — четырнадцатилетний Аля — сочинял даже рукописный журнал «Спасский вестник», который также был послан в Буживаль.

Тургенев в ответных письмах давал различные поручения хозяйственного порядка, проявляя большую заботу о здоровье, удобствах и времяпрепровождении своих гостей, а также не раз просил Полонского продолжать занятия живописью.

«Какой бы ты пейзаж там ни написал, мне будет очень приятно его получить», — писал он Полонскому 23 июня/5 июля 1882 г.; «Яков Петрович теперь уже в Спасском — и вероятно уже принялся за живопись», — запрашивал он Ж. А. Полонскую через два дня. Якову Петровичу «советую заниматься живописью, — несмотря на жару»; «...пусть пишет да пишет картинки. Пейзаж (около 2 сосен) я со временем повешу здесь рядом с видом моего дома... Будет напоминать хорошие дни!..» — пишет он ей же в июле [26].

Полонский следовал этим советам и работал, пожалуй, не менее усердно, чем в 1881 г.: погода ему благоприятствовала.

В. М. Гаршин, гостивший в Спасском в это лето, в августе 1882 г. сообщал Н. М. Золотиловой: «Когда был Я. П., то у нас составлялась целая академия. Анюта ⟨Га́лина, домашняя учительница в семье Полонских.—*Н. Ф.*⟩ играет; Я. П. пишет масляными красками; Жозефина

ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ПОЛЯНА В ПАРКЕ
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Внизу дарственная надпись: «Другу И. С. Тургеневу, 1881. Я. П.»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Антоновна лепит своего сына (она кончила бюст: удивительное сходство!), а я заберусь наверх и царапаю свои „Воспоминания рядового Иванова". Музыка, живопись, скульптура и поэзия! Вот мы какие умные!»[27]

За лето 1882 г. Полонский написал тринадцать этюдов, также небольшого размера.

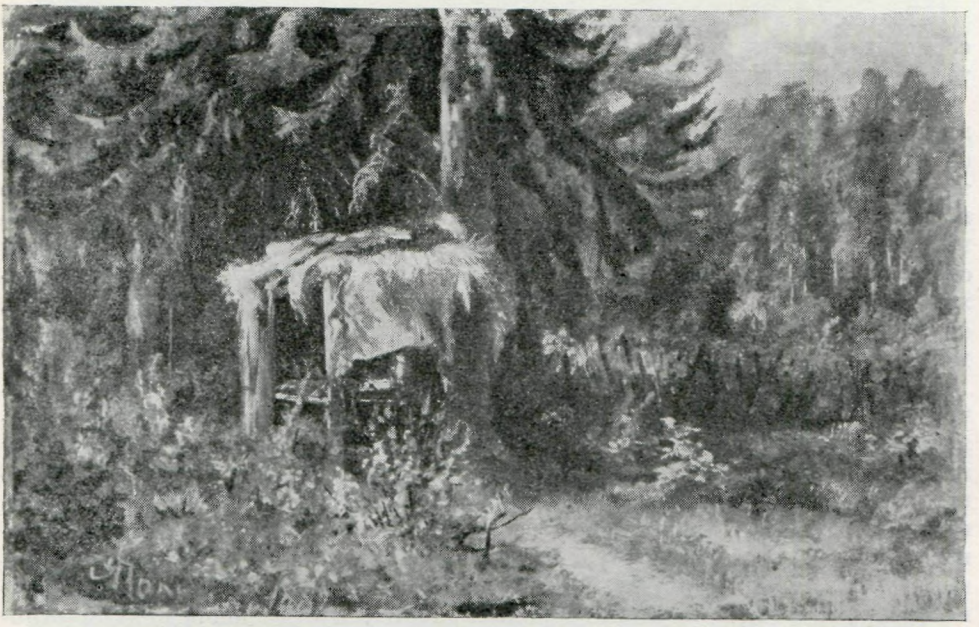
1. Задняя часть сада в Спасском
Дерево, масло. 23 × 31 см.
2. Уголок Спасского парка (см. стр. 617 настоящ. тома).
Дерево, масло. 24 × 32,5 см.
3. Аллея, ведущая к пруду
Картон, масло. 32,7 × 23,6 см.
4. Варнавицкий колодец (см. стр. 625 настоящ. тома).
Картон, масло. 27,3 × 19,2 см.

5—7. Виды пруда (сведений нет).

Кроме названных семи этюдов, Полонским были написаны еще шесть, посланных в подарок Тургеневу (о них речь будет ниже). На первом из семи этюдов изображена «Задняя часть сада в Спасском, как он виден со двора»[28], на втором — залитая солнцем тропинка среди густых деревьев.

Полонский написал еще центральную аллею (см. стр. 623 настоящ. тома). Она была «самая длинная и прямая как стрела»[29] и вела к пруду, увековеченному Тургеневым в «Призраках»: «Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракит, видне-

ДОРОЖКА В ПАРКЕ
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



ШАЛАШ В ПАРКЕ
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

лась его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налево вздымались деревья сада, длинные, неподвижные и как будто сырые...» (гл. X). Полонский написал три этюда с этого пруда.

Из окрестностей усадьбы им был написан «Варнавицкий колодец», упоминаемый в рассказе «Бежин луг». Овраг, поросший по склонам деревьями и кустами, на дне которого находится небольшой водоем, действительно производит впечатление «нечистого места». Но, по свидетельству Полонского, колодец этот славился превосходной здоровой водой, и Тургенев, считая, что «в целом мире нет такой воды», не только сам ходил ежедневно ее пить летом 1881 г., но и «велел доставлять ее к обеду и всех нас ею потчевал» [30].

За 1882 г. сохранилось мало писем Полонского к Тургеневу, но можно предположить, что в них он сообщал о ходе своей работы над пейзажами Спасского, затрагивал вопросы искусства, интересовавшие обоих, и высказывал свои суждения о художниках. Тургенев, несмотря на все ухудшавшееся состояние здоровья, отвечал немедленно, и их переписка является как бы продолжением прежних разговоров о живописи и давнего спора о «немецкой и французской школах: последнюю он ⟨Тургенев⟩ ставил выше первой, особливо по части пейзажей», — так определяет Полонский сущность их разногласий [31].

Полонский в своем дневнике, относящемся еще к 1860 г., писал: «Он не признавал иной, кроме французской, самой современной, размашистой и широкой, такой живописи, которая не претендует на изображение природы, такою, какою она есть на самом деле, а гонится только за передачей впечатления, когда мы глядим на нее издали, за теми пятнами красок, тени и света, которые поневоле нам бросаются в глаза даже и тогда, когда мы на природу не обращаем особенного внимания» [32].

Полонский так воспринимал французскую живопись потому, что по своим художественным вкусам и взглядам принадлежал к последователям художника немецкой школы Александра Калама [33].

Полонский утверждал, что: «Никто так, как Калам, не знал и не передавал нам природы швейцарских гор, лесов, озер и водопадов. Калам оставил после себя тысячи этюдов с натуры; он не пропускал ничего без тщательного изучения и без передачи на полотно или на картон, даже щепок изрубленного на дрова полена, и эти этюды постоянно и добросовестно служили ему, когда он писал или создавал свои картины, сидя у себя в мастерской. Уже за одно то, что Калам под старость писал не на воздухе, а среди стен своей мастерской, современные эстетики готовы упрекать его, не замечая той поэзии и цельности душевного настроения, какими дышат многие из произведений неутомимого Калама» [34].

В воспоминаниях, написанных в 1860 г., Полонский упоминает о встрече с Тургеневым в 1857 г. в Баден-Бадене и приводит его суждения о Каламе. По-видимому, в то время и начался спор, продолжавшийся между ними в последующие годы. Тургенев доказывал Полонскому, что его взгляды устарели: «⟨Он⟩ был уверен, что слава Калама навсегда канула в вечность, что в Париже цена на его произведения упала до такой степени, что картину его, стоившую когда-то тысячи, можно купить за 20 франков. Он не любил Калама и находил в его красках что-то неестественное, фарфоровое, придуманное ради красоты, и с пренебрежением относился к его манере, не пропускающей деталей или подробностей, иначе сказать, к законченности его пейзажей» [35]. Поэт не сдавался и пытался объяснить взгляды Тургенева пристрастием ко всему французскому: «Понятно, почему Тургенев ненавидел Калама, но непонятно, почему, при таком взгляде на живопись, он ценил тонкую кисть нашего художника Похитонова, пейзажи которого можно рассматривать в увеличительное стекло; неужели потому только, что его похвалил Мессонье? [36] И почему этот Мессонье, столь далекий от всякой мазни или небрежных набросков, тоже не возбуждал в Тургеневе никакого негодования? Неужели только потому, что Мессонье был француз...» [37].

Живописные опыты Полонского отличает внимание к простому и обыденному и умение найти прекрасное в обычном и незаметном. И вместе с тем, лирическое чувство, живое восприятие природы заглушается в них стремлением все рассчитать, тщательно выписать детали. Колорит его картин однообразен, в них большею частью присутствуют лишь разные оттенки одного и того же цвета [38].

Всего этого не мог не видеть опытный глаз Тургенева. С вниманием и доброжелательством относясь к живописным опытам поэта в течение ряда лет («Кто знает, может быть, в тебе сидит живописец?»), находя среди его пейзажей «очень недурные эскизы», Тургенев решительно осуждал сухость, заглаженность, скованность в работах своего друга, приписывая все это влиянию Калама: «Помни: в пейзажах не вдавайся в отделку деталей на немецкий манер, а обращай внимание на гармонию масс» [39].

Летом 1881 г. Тургенев сам позировал поэту и наблюдал за его работой. Снова и снова Полонский выслушивал критику за стремление «к мелкой детальной обработке, выделке картин» [40]. Здесь, в гостиной усадебного дома, где еще со времен Варвары Петровны на стенах висели пейзажи Калама и гравюры с них [41], спор о швейцарском живописце возродился с новой силой. Тургенев говорил, что на картинах Калама «подкрашенная, доведенная до искусственных эффектов природа — не искусство, и такое имеет отношение к живописи, как виртуоз стиха, холодный и фразистый, к настоящему поэту, всегда простому и ясному» [42].

Вероятно, в одном из недошедших до нас писем 1882 г. Полонский защищал метод Калама и высказал свое мнение о пейзажах барбизонцев.

АЛЛЕЯ В ПАРКЕ. В ГЛУБИНЕ ФИГУРА ТУРГЕНЕВА
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

УГОЛОК ПАРКА
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1882
Музей И. С. Тургенева, Орел

Тургенев отвечал ему: «Насчет твоих суждений о пейзажах, о Коро и т. д. скажу тебе одно, ты, как бóльшая часть публики, впадаешь в следующую ошибку: ты сравниваешь впечатление, произведенное на тебя живописью, *не с впечатлением, которое производит на тебя природа*, а каждый отдельный предмет (как, например, дерево) — с тем же предметом в природе — и удивляешься, например, что ты не различаешь листов и веток на дереве, которые, ты помнишь, существуют в природе — забывая, что, например, в картинах Коро ты видишь пейзаж *на, по меньшей мере, полуверстовой дистанции* — и любуешься, как у Калама и Ахенбаха каждый листик отделан и ясен! Между тем, как это и есть вопиющая чепуха — и превращает пейзажи этих господ в безжизненную, фальшивую, сухую и прилизанную дребедень!

Но для этого надо отделаться от того условного и деланного чувства, которое бóльшая часть людей прилагает к живописи и к прочим искусствам.

У нас в саду стоит в пятистах шагах от дому березка (Коро особенно любил писать их), я сейчас взглянул на нее... ну точно она живьем вышла из одной его картины...» [43].

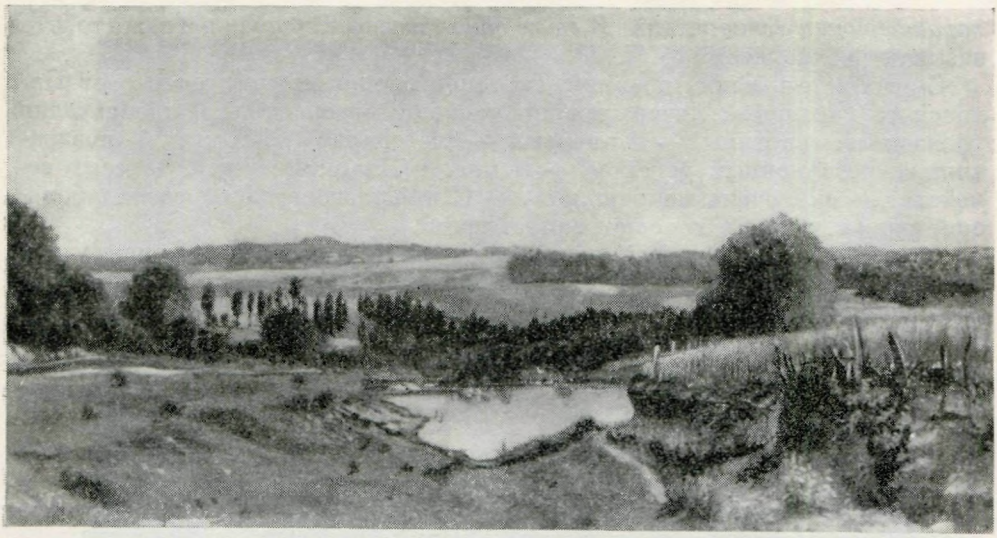
В сентябре 1882 г. Тургенев пишет об этюдах Спасского, о которых Полонский, вероятно, сообщил ему в недошедшем до нас письме: «Очень жалею, что не мог видеть твоих новых картин и убедиться на деле, что ты отстал от сухости и прилизанности и мертвой четкости линий, от всех тех недостатков, которыми немецкая школа заразила всех наших пейзажистов» [44]. Эти строки свидетельствуют о том, что в чем-то Полонский принципиально начал соглашаться с Тургеневым и уже на практике применял его советы.

В день, когда Тургенев отправлял это письмо из Буживаля, Полонский, уже возвратившийся в Петербург, пишет о намерении послать ему в подарок некоторые «из спасских картин», спрашивает о возможности и способе их пересылки. «Что если мои картинки возбудят в тебе неприятное горькое или досадливое чувство, вместо того, чтобы доставить тебе удовольствие?» — пишет он далее. «Уж если ты опоздал приехать и не воспользовался нашим летом, зачем эти картинки будут тебе об этом напоминать? ⟨...⟩ Если ты воротишься в Россию и, почувствовавши облегчение, не захочешь вернуться в Париж — не попадут ли мои картинки из Буживаля куда-нибудь в переднюю или столовую к юному скрипачу Виардо — для которого они не будут иметь никакого значения?

Вот, с полнейшей откровенностью, мне свойственною, высказываю тебе все, что меня останавливает, несмотря на непреоборимую жажду сделать тебе удовольствие и выслушать твое мнение. — Отвечая мне, утверди или рассей мои сомнения» [45].

Посоветовав в ответ Полонскому, как лучше упаковать и переслать его картины, Тургенев далее пишет: «Разумеется, я буду очень рад получить твою картину — выбери одну, которая тебе покажется получше — и повешу ее в моем кабинете, на почетном месте, рядом с прошлогодним видом Спасского дома. Но с какой стати ты воображаешь, что твои картины могут попасть в переднюю или в столовую молодого Виардо — у которого всего одна комната? И как же это я не вернусь в Буживаль (если даже поеду в Россию) — где у меня такое же *пожизненное гнездо*, как в Спасском? — О, поэт, поэт!!» [46].

Следующее письмо Тургенева заключает в себе подробнейшие ответы на заданные Полонским (в недошедшем до нас письме) вопросы относительно техники писания пейзажей и заканчивается резюме, в котором писатель высказывает свой взгляд на художественное творчество: «К живописи применяется то же, что и к литературе, — ко всякому искусству: кто все детали передает — пропал; надо уметь схватывать одни



«ПОПОВСКИЙ ПРУД»
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО. «В НОЧНОМ»
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

характеристические детали. В *этом одном* и состоит *талант* и даже то, что называется творчеством» [47].

С этих эстетических позиций Тургенев оценивает полученные от Полонского картины: «...вчера пришли твои, до невероятности превосходно уложенные, картины! — Во-первых — благодарю; во-вторых — поздравляю с несомненным успехом. — И мне, и Виардо-старику, и всему семейству — они очень понравились. — С прошлого года ты сделал большой шаг вперед, и в хорошем направлении.

№ 1. Парк с гуляющей дамой, в которой я с удовольствием узнал Жозефину Антоновну — вовсе не Савину. — Внутренность леса, освещение — отличные.

№ 2. Береза с сороками. Прекрасно выдержанный мягкий тон; деревья с верной физиономией. — Только сорóка (передняя) похожа на цаплю. — У сорóк короткие, прямые крылья, а ты их сделал длинными и дугообразными.

№ 3. Взбудораженное поле. — Немного серо; но гармонично, и даль очень хороша и верна.

№ 4. Долина с колодцем. — Превосходно отмечена физиономия деревьев; хороша общая композиция. — Немного пестра вся картина.

№ 5. Дорóга вечером. — Тоже очень хорошо; передний фон немного смутен; стена больницы — слишком ярко-белое пятно. На первый взгляд можно подумать, что тут приклеился кусок белой бумаги.

«ПРУД ЗАХАРА»
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Музей И. С. Тургенева, Орел

СЕЛО СПАССКОЕ
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1881
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

№ 6. Дерево с Борей. — Тщательная и тонкая студия.

Повторяю: вообще можно тебя поздравить с замечательным успехом.— Одно еще замечание: ты не довольно разнообразишь свои небеса; вообще они бледноваты, или скорее, холодноваты.

Вот тебе, брат, и обстоятельный разбор. — Если мы все, бог даст, в будущем году будем в Спасском — ты еще дальше пойдешь [48]. А теперь я все твои картины обрамлю, покрою лаком — и повешу у себя в кабинете.

Еще раз великое спасибо!» [49]

В письмах к Ж. А. Полонской в декабре того же года Тургенев сообщал, что картины уже заключены в рамы и он собирается украсить ими салон и кабинет в Буживале, и добавлял: «А насчет того, что станется с этими картинами после моей смерти, то вы тоже не беспокойтесь: я уже распорядился, чтобы они все до единой были отосланы тогда Якову Петровичу и вам» [50].

Больше Тургенев в своих письмах к Полонским не упоминает о картинах: болезнь его перешла в тяжелую форму, и 22 августа 1883 г. он скончался в Буживале, в доме, на стенах которого висели спасские этюды Полонского — последний привет от родины.

3

В середине ноября 1883 г. Полонский писал в Париж Полине Виардо: «Как уже известно вам, в прошлом 1882 г. я послал Тургеневу шесть сделанных в его имении пейзажей, которые не имеют никакого художественного достоинства, но которые снисходительный друг мой принял от меня радушно как наглядное воспоминание о его родине.

В письме своем от 5 января 1883 г. Тургенев, между прочим, писал нам: „Я уже сделал распоряжение, чтобы все картины ваши до единой после смерти моей были отосланы к вам".

Не знаю, известно ли вам это распоряжение, или он забыл о нем? Во всяком случае это было решение, высказанное им письменно.

Никогда не осмелюсь беспокоить вас каким бы то ни было настойчивым желанием, но желаю видеть у себя эти пейзажи, дорогие мне и моей семье, как воспоминание о гостеприимстве Ивана Сергеевича, и представляю все это на ваше благоусмотрение.

Вечно буду благодарен вам, если получу эти картины. Пересылка же их, конечно, должна быть на мой счет» [51].

Не получив ответа на свое письмо, Полонский обратился за помощью к художнику А. П. Боголюбову, хорошо знавшему семью Виардо. Боголюбов (внук А. Н. Радищева) в это время был занят устройством тургеневского уголка в основанном им Радищевском музее в Саратове. «Из села Спасского к И. С. Тургеневу посылал я свои этюды с натуры, — писал 3 января 1884 г. Полонский. — Хотелось и мнение его выслушать, и напомнить ему о себе и о его родине. Тургенев за несколько месяцев до смерти писал мне: „Я уже сделал распоряжение, что все твои картинки будут возвращены тебе или семье твоей после моей смерти" — мог ли я вообразить себе, что тружусь для мадам Виардо или для детей ее? Мог ли думать, что виды Спасского и того сада, где Тургенев провел свое детство, будут со временем висеть в передней или будуаре какой-нибудь французской кокотки или любовницы знаменитого скрипача, от всей души презирающего все русское. Я писал к мадам Виардо — и писал очень вежливо и убедительно прося ее исполнить распоряжение покойного и на мой счет выслать мне мои картинки.

Но на это письмо (застрахованное и посланное тому назад по крайней мере шесть недель) не получил никакого ответа.

Если вы бываете когда-нибудь у мадам Виардо — то сделайте что-нибудь одно: или выпросите у ней эти картинки — дорогие мне и моей семье по воспоминаниям и пришлите мне — или возьмите их себе — и половину из них перешлите в ваш саратовский Музей, не ради их художественного достоинства, а просто ради имени Тургенева (я же от себя пошлю в Музей письмо Тургенева, с мнением его об этих картинах).

Или, если мадам Виардо никак не хочет с ними даром расстаться — и если правда, что дом ее с помощью Гинсбурга хочет купить Общество русских художников в Париже для своего клуба, — то пусть Общество это купит и всю обстановку Тургенева — и его стол, и его постель, и его картины, а в том числе и мои картинки, писанные у него на родине и принятые от меня с восторгом и благодарностью.

Из всех этих картинок я бы желал только иметь те, где изображена фигура жены моей и моего младшего сына, настолько похоже, что Тургенев сразу мог их узнать. Конечно, я не надеюсь, чтоб и это скромное желание было исполнено...» [52]

Ответное письмо от Боголюбова из Парижа пришло очень скоро: «Не желая попасть в категорию гг. Виардо, так мало вежливых к вашей справедливой просьбе о возвращении картин, писанных вами для покойного И. С. Тургенева, я отвечаю вам тотчас же, что приму все меры, дабы их

АЛЛЕЯ, ВЕДУЩАЯ К ПРУДУ В ПАРКЕ
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1882
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

возвратить, а потом, что дадите для саратовского Музея, то приму с живейшею благодарностью, ибо устраиваю там стену, где будут только приличные памяти Тургенева предметы — портреты его, рисунки его руки, мои о нем воспоминания, его дом в Буживале, и пр. пр., что вместе с вашими картинами хоть частью составит прекрасное земное воспоминание...»[53]

Боголюбов сдержал свое слово: сделал все, что было в его силах, и добился того, что Полина Виардо возвратила Полонскому часть его этюдов [54]. Вот как сообщается об этом в одной из корреспонденций «Орловского вестника», автор которой побывал в Петербурге в семье

Полонских: «... Борис Яковлевич снял со стены несколько небольших, до ½ кв. аршин рамочек с масляными картинками работы своего отца. Это всё были виды Спасского: дом с остатками лутовиновских хором,— сюда подъезжали лошади мимо церкви, а против маленькой террасы была площадка для игр, длинная липовая аллея, сохранившаяся отлично до сего времени, с фигурой самого Ивана Сергеевича на любимой скамейке, пруд, в котором купались — верстах в двух от усадьбы, здесь и М. Г. Савина купалась, терраса дома с видом на цветник и лужайку, на ступеньках растянулась белая собака — любимица Ивана Сергеевича.

Все эти картины висели в Париже [55] у Ивана Сергеевича, после смерти которого г-жа Виардо выслала их нам, по нашей просьбе» [56].

Вероятно, это произошло в течение 1884 года.

Как можно предположить, в газетной заметке перечислены далеко не все картины, висевшие на стенах квартиры Полонских (всего указано четыре) и присланные из Парижа. Запись самого Полонского свидетельствует также о том, что Виардо возвратила ему не всё, если вспомнить, что в 1881 г. Тургенев увез с собой за границу семь этюдов, а в 1882 г. Полонский выслал ему еще шесть.

В «Записной книжке на память», относящейся к 80-м годам, под 9 июля 1885 г. поэт записал: «Припоминаю, что я сделал по живописи, у кого мои картинки: ⟨...⟩ В Париже у мадам Виардо — невозвращенные ею мне около 10 видов, сделанных с натуры в Спасском, имении И. С. Тургенева — участь их висеть со временем в будуаре любовницы ее сына — и потом поступить в продажу со всяким хламом на какой-нибудь парижский рынок и оттуда перейти к цирюльникам, дантистам или украшать комнату какого-нибудь швейцара или привратника» [57].

В подсчет «около 10 видов» прежде всего входят шесть этюдов, перечисленных в письме Тургенева к Полонскому от 24 сентября/6 октября 1882 г. (см. выше, стр. 620—621).

Может быть, кроме этих шести, Тургеневу в 1882 г. были посланы еще какие-то два-три этюда, но об отсылке их не упомянуто в письмах? Или письма не сохранились? Сказать трудно. Но вероятнее всего Полонскому изменила память. Он мог забыть, сколько «картинок» им было подарено Тургеневу в 1881 г., и считал, что часть из них осталась в Буживале.

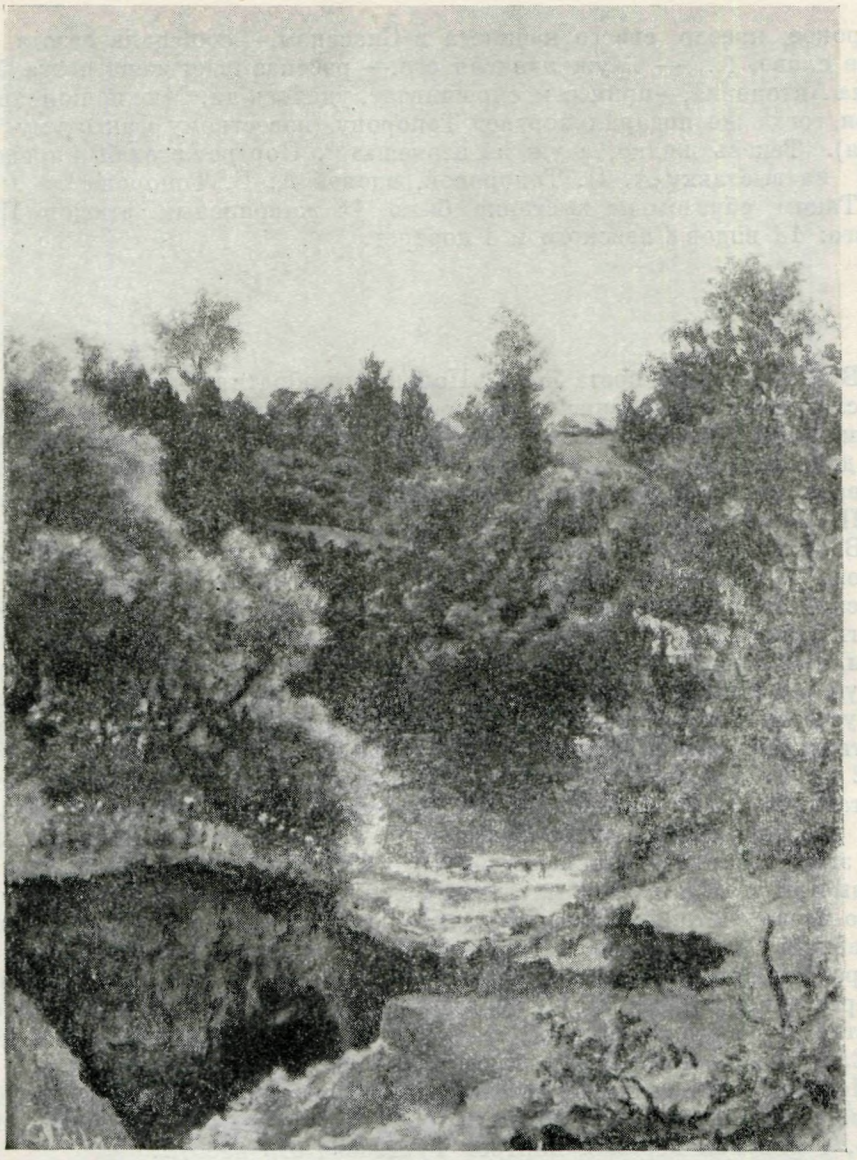
Между тем, есть совершенно точное доказательство тому, что все семь этюдов, увезенные Тургеневым в 1881 г. во Францию, были возвращены автору.

22 августа 1908 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Тургенева. По инициативе Академии наук в Петербурге в марте 1909 г. была устроена выставка памяти писателя, в которой приняли участие многие учреждения и лица, в том числе и семья Полонского: к этому времени поэта уже не было в живых (он скончался в 1898 г.).

На выставке были представлены следующие виды Спасского, написанные Полонским в 1881 г. и подаренные им Тургеневу:

1. Усадебный дом Тургенева
2. Часть террасы дома и Серка, собака Тургенева
3. Аллея в парке с фигурой Тургенева
4. Церковь и школа в селе Спасском
5. Поляна в парке (с дарственной надписью)
6. Шалаш в парке
7. Дорожка в парке (уголок сада).

Итак, можно считать установленным, что Полина Виардо возвратила Полонскому только этюды 1881 г. (семь), работы же 1882 г. (шесть) по какой-то причине оставила у себя.



ВАРНАВИЦКИЙ КОЛОДЕЦ
Этюд Я. П. Полонского (масло), 1882
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Из других работ поэта, принадлежавших Ж. А. Полонской, на выставке в Академии наук были представлены:

1. Усыпальница И. И. Лутовинова. 1881 г.
2. Аллея, ведущая к пруду. 1882 г.
3—5. Виды пруда ⟨1882 г.⟩ [58].

В устройстве выставки самое живейшее участие принимала и Савина. Она дала этюд, которым очень дорожила [59].

«Среди мелких портретов масляными красками очень интересен сделанный Полонским портрет Тургенева, взгромоздившегося с ногами на

широкое кресло своего кабинета в Спасском,— сообщала газета «Русское слово» ⟨...⟩— «Муж написал его,— рассказывает жена поэта, Жозефина Антоновна,—принес и спрашивает, удалось ли. Мне не понравился, и он тогда же подарил портрет Топорову (известному фактотуму писателя). Теперь жалко, а уж не вернешь»[60]. Портрет этот был предоставлен на выставку А. И. Топоровой, вдовой А. В. Топорова[61].

Таким образом на выставке было 14 живописных этюдов Полонского: 13 видов Спасского и 1 портрет.

4

В 1919 г. вдова поэта Ж. А. Полонская обратилась в Академию наук со следующим заявлением: «На основании завещанного мне покойным моим мужем Яковом Петровичем Полонским права собственности на все его движимое имущество, а равно и на все его произведения и переписку— доверяю сыну моему Борису Яковлевичу Полонскому передать архив Я. П. Полонского Пушкинскому Дому при Академии наук...»[62].

В числе переданных вещей находились семь этюдов Спасского-Лутовинова работы поэта. В 1923 г., после смерти Б. Я. Полонского в Пушкинский Дом поступила другая часть архива Я. П. Полонского и, среди многих рисунков и живописных этюдов его работы, написанных в разные годы, еще шесть видов Спасского-Лутовинова. В 1928 г. А. И. Топоровой в Пушкинский Дом был передан портрет Тургенева. В настоящее время в Музее Института русской литературы хранится этот портрет и тринадцать живописных этюдов работы Полонского, написанных в 1881—1882 гг. в Спасском[63]. Из числа тринадцати этюдов, находившихся на выставке 1909 г. в Академии наук, поступило десять. Недостает трех этюдов, изображающих пруд в Спасском[64]. Кроме того, были переданы еще три этюда: Варнавицкий колодец, село Спасское и «В ночном», которых на выставке 1909 г. не было,— по-видимому, сам автор, а впоследствии и его вдова считали их менее удачными. Вид пруда в Спасском, принадлежавший Савиной, вместе с ее архивом поступил в Ленинградский Гос. театральный музей и хранился там до 1959 г., а затем был передан Государственному музею И. С. Тургенева в Орле. В этом же Музее находится этюд — «Уголок Спасского парка» (1882), который поступил в Музей из Елецкого краеведческого музея (см. стр. 617 настоящ. тома).

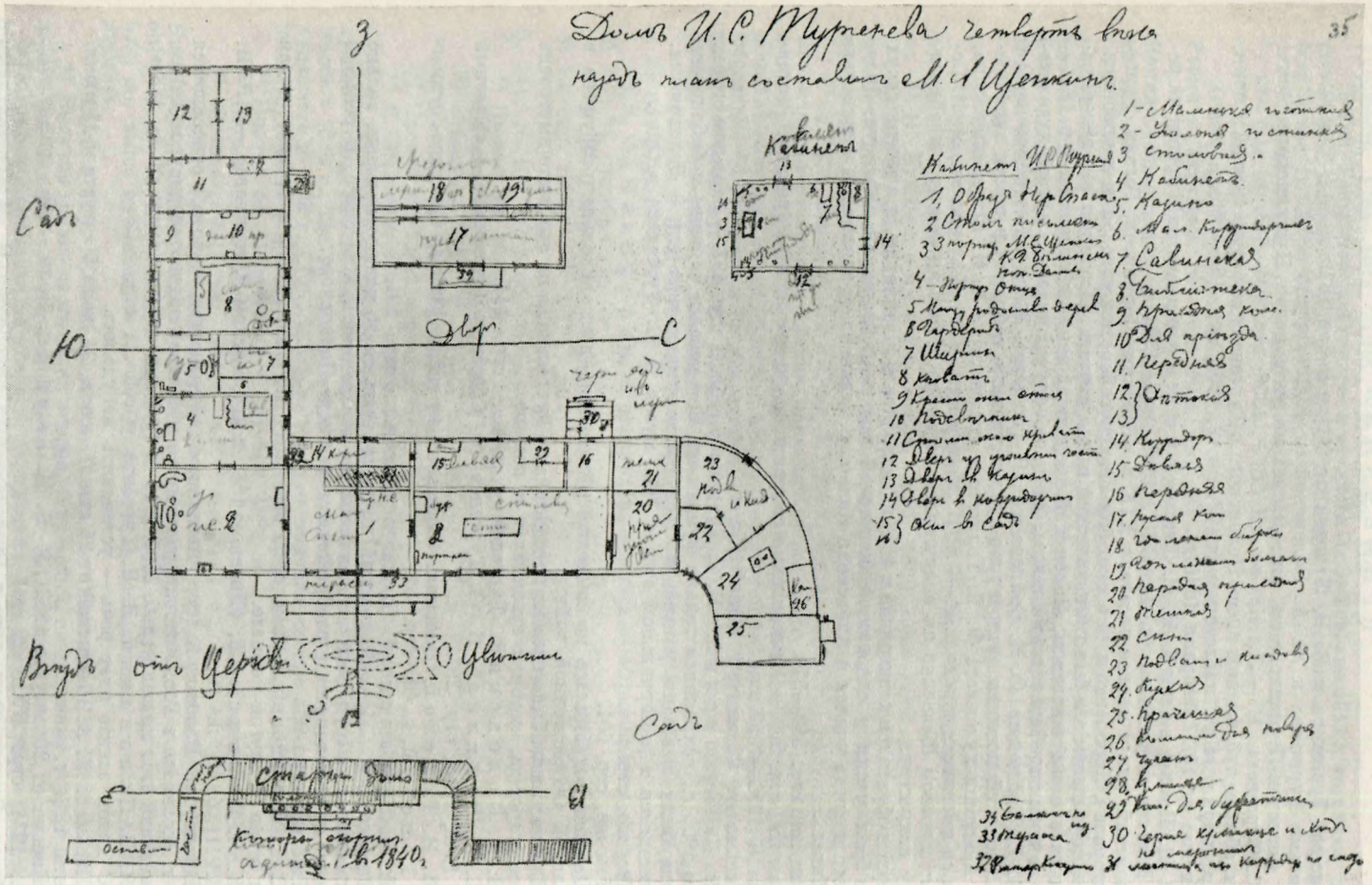
Подводя итоги, можно сказать, что всего в настоящее время известно 15 живописных этюдов Полонского, изображающих Спасское-Лутовиново, 1 рисунок пером и портрет Тургенева его работы.

Из них в музее Института русской литературы хранятся:

1) Усадебный дом Тургенева (1881); 2) Часть террасы и Серка, собака Тургенева (1881); 3) Церковь и школа (1881); 4) Усыпальница (1881); 5) Аллея в парке с фигурой Тургенева (1881); 6) Поляна в парке (1881); 7) Дорожка в парке (1881); 8) Шалаш в парке (1881); 9) Варнавицкий колодец (1881); 10) Окрестности усадьбы Тургенева («Поповский пруд»; 1881); 11) Село Спасское (1881); 12) «В ночном» («Бежин луг»; 1881); 13) Аллея, ведущая к пруду (1882); 14) Портрет Тургенева (1881).

В Государственном музее И. С. Тургенева в Орле находятся: 1) Вид пруда в Спасском («Пруд Захара»; 1881); 2) Уголок Спасского парка (1882).

В Государственном Литературном музее в Москве — Шалаш в парке (1881. Перо, чернила. Подготовительный рисунок к живописному этюду, хранящемуся в ИРЛИ, см. № 8).



ПЛАН ДОМА ТУРГЕНЕВА В СПАССКОМ-ЛУТОВИНОВЕ

Рисунок М. А. Щепкина, 1914

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо Тургенева к Е. В. Львовой от 9/21 декабря 1879 г.

[2] Письмо Тургенева к Ж. А. Полонской от 10/22 августа 1882 г.

[3] О Спасском-Лутовинове см. кн.: «Описание материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 134—173.

[4] См. об этом публикацию писем Полонского к Тургеневу со вступ. статьей и прим. Э. А. Полоцкой в «Лит. наследстве» (т. 73, кн. 2, 1964, стр. 195—248).

[5] Письмо от 15/27 февраля 1881 г.

[6] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину.— Повести и рассказы, ч. II. СПб., 1895, стр. 485.

Полонский, как и многие писатели XIX в. (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Григорович, Короленко и др.), имел большие способности к рисованию и живописи.

Первым учителем его был гимназический преподаватель. После долгого перерыва, уже будучи зрелым человеком, Полонский продолжал занятия рисованием в 1846—1851 гг. во время пребывания на Кавказе. Здесь он получал указания друзей-художников — А. Е. Бейдемана, Ф. И. Байкова и Г. Г. Гагарина. Живя в Петербурге в 50-х годах, Полонский посещал литературно-художественные собрания в домах вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого и архитектора А. И. Штакеншнейдера, общался со многими художниками — А. И. Мещерским, К. А. Трутовским, И. И. Соколовым; с поэтом Шевченко он подружился на почве общих интересов к изобразительному искусству.

Впервые обратился к живописи в 1857 г., находясь в Швейцарии, и в течение двух месяцев брал уроки у основателя женевской школы пейзажистов Франсуа Дидэ, у которого некогда учился и Александр Калам. В дальнейшем занимался живописью как любитель.

[7] Там же, стр. 569—570.

[8] Там же, стр. 569.— Усыпальница сохранилась до настоящего времени. Реставрирована в 1956—1957 гг.

[9] Письмо от 22 июня/4 июля 1876 г.

[10] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя..., стр. 497.— Этот дом сгорел в январе 1906 г., сохранился только фундамент. Вся мебель, картины и библиотека Тургенева были вывезены раньше в Орел наследниками писателя — Галаховыми. Ныне находятся в мемориальном отделе Гос. музея И. С. Тургенева в Орле.

[11] Там же, стр. 504.

[12] Там же, стр. 501.

[13] Церковь сохранилась до настоящего времени, но колокольня разрушена в дни Великой Отечественной войны.

[14] Здание школы было снесено наследниками Тургенева, а на его месте выстроена каменная сторожка, которая существует и поныне.

[15] Я. П. Полонский. Тургенев у себя..., стр. 511.

[16] С. Г. Щепкина. И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове.— «Красный архив», 1940, № 3, стр. 207.

[17] Л. Н. Толстой. Дневник. Запись от 10 июля 1881 г. Спасское-Лутовиново.— Толстой, т. 49, стр. 51.

[18] Я. П. Полонский. Тургенев у себя..., стр. 501.

[19] Там же, стр. 554.— «Поповский пруд» сохранился до нашего времени, только заросший и обмелел. «Пруд Захара» восстановлен колхозниками Спасского, и рельефы его берегов точно сходятся с изображением на этюде Полонского.

[20] Там же, стр. 490.

[21] С. Г. Щепкина. Указ. соч., стр. 207.— Тургенев сидел в кресле; диван самосон стоял в другой комнате.

[22] Я. П. Полонский. <Дневник 1881 г. в Спасском-Лутовинове>.— ИРЛИ, 11673 LVIII б. 1, л. 40.

[23] В альбоме Полонского под названием «Дурачества пером», относящемся к 1881 г. (хранится в Гос. Литературном музее в Москве), находится рисунок пером, изображающий этот шалаш (Альб. 2507/4. 12 × 19,5 см; справа внизу: «Я. П. 1881»).

[24] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя..., стр. 502.

[25] О каком эскизе идет речь — установить не удалось.

[26] Письма к Ж. А. Полонской от 25 июня/7 июля, 24 июля/5 августа и 25 июля/6 августа 1882 г.

[27] Письмо от 20 августа 1882 г.— В. М. Гаршин. Полн. собр. соч., т. III. М.— Л., 1934, стр. 275.

[28] Этюд «Задняя часть сада в Спасском» был приобретен П. М. Третьяковым в 1880-х годах и находился в его галерее под названием «Дорога в лесу. Спасское-Лутовиново, имение И. С. Тургенева». См. о нем: Я. П. Полонский. Записная книжка на память.— ИРЛИ, 11115 XVI, 2, лл. 112—113; «Нива», 1884, № 28 (к рисункам); А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и в искусстве.

М., 1951, стр. 280; С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник имп. Академии художеств. 1764—1914. ‹СПб., 1914›, стр. 319.

В Гос. Третьяковской галерее в каталоге И. Э. Грабаря 1917 г. этот этюд числился под № 804. Передан в 1931 г. в музей г. Ельца. В настоящее время в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

[29] Я. П. Полонский. И. С. Тургенев у себя..., стр. 501.

[30] Там же, стр. 500.

[31] Там же, стр. 595.

О взглядах Тургенева на французскую живопись см.: И. С. Зильберштейн. Репин и Тургенев. М.— Л., 1945, стр. 83—93.

[32] Я. П. Полонский. «1857, 1859, 1860 годы моей жизни» (написано в 1860 г.). Копия воспоминаний, переписанных Ж. А. Полонской. — ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 2, ед. хр. 10.

[33] Александр *Калам* (1810—1864) — швейцарский художник-пейзажист, автор картин «Монте Роза при восходе солнца», «Буря на Фирвальдштатском озере», «Падение лавины в долине Гасли», «Озеро четырех кантонов» и многих других, был хорошим рисовальщиком и литографом. Автор «Школы рисования», в которой до мельчайших деталей разработана техника рисования пейзажей; она используется до сего времени.

[34] Я. П. Полонский. «1857, 1859, 1860 годы моей жизни».

[35] Там же.

[36] Эрнест *Мессонье* (или Мейсонье) (1815—1891) — французский художник, жанрист и баталист.

[37] Я. П. Полонский. «1857, 1859, 1860 годы моей жизни».

22 сентября/4 октября 1882 г. Тургенев писал Полонскому: «Скажу тебе только, что Похитонов вовсе не детален; и несмотря на тонкость кисти, пишет так же широко и пятнами, как Руссо...»

[38] В Рукописном отделе и Музее ИРЛИ хранится около 500 рисунков и набросков Полонского в различной технике (карандаш, перо, сепия, акварель) и 90 этюдов масляными красками. Несколько альбомов и отдельные рисунки находятся в Государственном Литературном музее (Москва); в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (Москва) — 4 рисунка; в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле — 2 этюда; во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Ленинград) — один этюд, а также в частных руках, в том числе у потомков поэта.

[39] Письма к Полонскому от 25 сентября/7 октября 1874 г., 7/19 сентября 1875 г. и 20 мая/1 июня 1879 г.

[40] К. А. Никифоров. Страничка из эпилога — «Орловский вестник», 1913, № 247, 24 октября.

[41] Е. М. Гаршин. В имении И. С. Тургенева 17 IX 1883 г.— «Нива», 1883, № 42, стр. 1006.

[42] Я. П. Полонский. Дидэ и Калам (незаконченная статья).— ИРЛИ, ф. 241, № 104, л. 2 об.

[43] Письмо от 30 августа/11 сентября 1882 г.

[44] Письмо от 1/13 сентября 1882 г.

[45] «Звенья», VIII. М., 1950, стр. 235.

[46] Письмо от 6/18 сентября 1882 г.

[47] Письмо от 10/22 сентября 1882 г.

[48] В Спасском, так же как и Тургеневу, Полонскому больше не довелось побывать, но предсказание Тургенева исполнилось. Упорно занимаясь живописью в последующие годы, Полонский принял участие в ежегодной выставке в Академии художеств в 1888 г., где он выставил два этюда (см. Указатель выставки имп. Академии художеств в 1888 г. СПб., 1888), за которые получил звание вольного общника Академии художеств (Ф. И. Булгаков. Наши художники, т. I. СПб., 1889, стр. 103).

[49] Письмо от 24 сентября/6 октября 1882 г.

[50] Письма от 12/24 декабря 1882 г. и 24 декабря 1882/5 января 1883 г.

[51] «Звенья», VIII, стр. 261.

[52] Письмо к А. П. Боголюбову от 3 января 1883 г. (?). В дате письма, судя по ответу Боголюбова, ошибка, следует — 1884 г. (Машинописная копия.— ЦГАЛИ, ф. 403, оп. 1, ед. хр. 15. Подлинник в Музее А. Н. Радищева в Саратове, ф. 4746/7). О Боголюбове см. выше публикацию Н. В. Огаревой «Из воспоминаний и писем А. П. Боголюбова».

[53] Письмо к Я. П. Полонскому от 20 января 1884 г. (ИРЛИ, 11825 LXIX б. 1).

[54] Получив только часть своих этюдов, Полонский, по-видимому, ни одного из них не дал Боголюбову: в Саратовском музее им. А. Н. Радищева этюдов Полонского нет.

[55] Неточно: скамейка на этюде не изображена. Нет данных о том, что Полонский отсылал Тургеневу вид пруда. Этюды висели не в Париже, а в Буживале.

[56] К. А. Никифоров. Указ. статья.

[57] Я. П. Полонский. Записная книжка на память, лл. 112—113.

[58] Каталог выставки в память И. С. Тургенева в имп. Академии наук. Март 1909. Сост. Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский. 2-е изд. СПб., 1909, стр. 93—95.

[59] Этюд указан в «Каталоге» под № 583.

В сб. «Тургенев и Савина» (под ред. и с пред. А. Ф. Кони. Пг., 1918) между стр. 28 и 29 помещена красочная репродукция, под которой напечатано: «Пруд в селе Спасском-Лутовинове. Этюд масляными красками работы Я. П. Полонского». Но подпись эта не соответствует содержанию этюда: на нем изображен весенний (или осенний) пейзаж без пруда. На переднем плане поле, поросшее бурой травой, голые кусты, в глубине роща с обнаженными деревьями, между стволов которых зеленеют ели. На опушке сугробы нерастаявшего снега. Нам удалось обнаружить этот пейзаж в Доме ветеранов сцены им. М. Г. Савиной Российского театрального общества в Ленинграде. Он числится (под инв. № 5799) работой неизвестного художника и носит название «Поле осенью». Пейзаж исполнен маслом на холсте, наклеенном на картон; подпись и дата отсутствуют. На обороте карандашом: «Тургенев и Савина»; «Из кв. М. Г. Савиной». Этюд поступил в Дом ветеранов из Ленинградского Гос. театрального музея (Кп 7041/80[а] о. ж. 124). По-видимому, в книге «Тургенев и Савина» была допущена ошибка. Если даже удастся доказать, что этот пейзаж работы Полонского, то это во всяком случае не изображение Спасского-Лутовинова.

[60] А. И з м а й л о в. На тургеневской выставке.— «Русское слово», 1909, № 57, 11 марта.

[61] Числится в упоминавшемся «Каталоге» под № 88.

[62] Архив Академии наук в Ленинграде, ф. 150, оп. 1 (1919), л. 120.

[63] «Описание материалов Пушкинского Дома. IV. И. С. Тургенев», 1958, стр. 134—142.

[64] Местонахождение их в настоящее время пока неизвестно. В 1922 г., по-видимому, один из них был отдан Б. Я. Полонским в Ленинградский государственный театральный музей (под названием «Савинский пруд в имении И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново»). В 1959 г. этот этюд попал в Дом ветеранов сцены им. М. Г. Савиной Российского театрального общества в Ленинграде, но в настоящее время его там найти не удалось.

ИНСЦЕНИРОВКИ РОМАНОВ ТУРГЕНЕВА «ДЫМ» И «НОВЬ» ПОД ЗАПРЕТОМ ЦЕНЗУРЫ

Сообщение В. А. Цинкович-Николаевой

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде хранятся документы о запрещении к постановке инсценировок романов Тургенева «Дым» (в 1887 и 1891 гг.) и «Новь» (в 1909 и 1914 гг.)[1]. Документы эти — рапорты драматической цензуры, через которую в дореволюционной России проходили все произведения, предназначенные для театра.

В 1887 г. цензура рассматривала инсценировку романа «Дым» И. М. Шиховского; в 1891 г.— инсценировку А. Р. Кугеля (впоследствии известного театрального критика), сделанную им совместно с Б. И. Бентовиным [2].

Рапорт 1887 г. содержит подробную мотивировку запрещения пьесы, повторенную затем в 1891 г., но менее развернуто и четко. В обоих рапортах подчеркивается близость инсценировок к первоисточнику: о первой из них цензор говорит, что автор «довольно аккуратно переделал роман покойного Тургенева»; авторы же второй инсценировки, по мнению того же цензора, ограничились лишь «разбивкой текста на разговоры» [3]. Но именно эта близость инсценировок к роману и беспокоила цензуру. Главной причиной, по которой цензор считал невозможным допустить инсценировку «Дыма» в 1887 г., была перенесенная в нее из романа резкая критика русской аристократии. «Во всей пьесе, — говорится в рапорте,— выставляется высшее общество огульно в самом жалком, глупом, даже развратном виде. Вся пустота, весь цинизм даже, отношений, которые автор мог почерпнуть из романа, он бережно собрал и выставил весьма ярко».

Второй причиной «неудобства» инсценировок цензура считала, как видно из того же документа, перенесение из романа на сцену «разговоров русской молодежи за границей о Лассале, Шульце-Деличе, ассоциациях, разделе земли и т. п.» («разговоров либеральной молодежи, шестидесятых годов», — писал цензор в рапорте 1891 г.). Кроме того, нежелательным для цензуры было произнесение на сцене заключительных слов Литвинова: «Дым... дым всё: и собственная жизнь и русская жизнь...».

Инсценировка «Дыма» А. Р. Кугеля и Б. И. Бентовина, запрещенная в 1891 г., через пять лет после этого была разрешена театральной цензурой, но в сильно переделанном виде [4]. В этом варианте уже нельзя было найти ни критики русской аристократии, ни разговоров о Лассале (Шульце-Делич остался), исчезло и размышление Литвинова о дыме [5] и еще многое другое, что не соответствовало требованиям цензуры.

Рапорты цензоров об инсценировках последнего романа Тургенева «Новь», рассмотренных театральной цензурой в 1909 и 1914 гг. [6], любопытны как свидетельства стремлений авторов использовать роман для создания постановки о классовой борьбе и подвигах борцов за народ. Рапортом 1909 г. цензор запретил инсценировку потому, что в ней, по его заключению, не показана беспочвенность народовольческого движения 70-х годов, а попытки Нежданова, Маркелова и Марианны «возмутить общество» изображены «подвигами». «Даже роль Соломина, этого тонкого и проницательного пройдохи-мужичка,— писал цензор,— сведена к партизану революции, чем в действительности он не был вовсе» [7].

Во втором случае, как видно из рапорта 1914 г., роман Тургенева послужил поводом для создания пьесы, где «нигилисты» Маркелов и Нежданов пытаются «поднять бунт на фабрике в имении Сипягина, призывая крестьян подниматься против землевладельцев и требовать уничтожение налогов» [8]. Возможно, что автор инсценировки не без умысла перенес действие на фабрику Сипягина — однофамильца реакционного государственного деятеля, беспощадно расправлявшегося с революционерами [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 26, д. 6, л. 163—163 об.; д. 10, л. 208; д. 28, л. 233; д. 33, л. 26.

[2] С обеими инсценировками ознакомился цензор И. П. Альбединский. Мнение его, изложенное в рапортах, было утверждено резолюцией Е. М. Феоктистова — начальника Главного управления по делам печати. Таким порядком цензурovались все произведения для сцены, вызывавшие сомнение или отрицательное отношение цензора.

[3] Инсценировка И. М. Шиховского названа в рапорте «переложением известного романа „Дым“ И. С. Тургенева на драму». Вторая инсценировка — «пьесой в 4 действиях по роману Тургенева».

[4] Цензурный экземпляр инсценировки, разрешенной в 1896 г. к представлению, хранится в Ленинградской Государственной театральной библиотеке им. А. В. Луначарского.

[5] Эти слова, к тому же совершенно искаженные, были вложены в уста Потугина, успокаивавшего оставленную Литвиновым Ирину.

[6] 1. «„Новь“. Сцены в 5 действиях, 7 картинах по роману И. С. Тургенева, перед. М. Константиновым»; 2. «„Новь“. Драма в 7 действиях, переделал для сцены Александр Бравич».

[7] Цензор — барон Н. В. Дризен, автор книги «Драматическая цензура двух эпох» (Пб., 1917).

[8] Рапорт цензора Н. А. Кашперова.

[9] Дмитрий Сергеевич *Сипягин*, министр внутренних дел и шеф жандармов, был убит в 1902 г. эсером С. В. Балмашевым.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

ОТКЛИКИ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ НА СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА

Обзор Л. Р. Ланского

Смерть Тургенева была воспринята его современниками не только как тяжелая утрата, понесенная русской и мировой литературой, но и как событие большого общественного значения.

Обстоятельства сложились так, что со дня смерти Тургенева до дня его похорон прошло около пяти недель. В течение всего этого времени общее внимание в России и за ее пределами было приковано к личности и биографии писателя, к подробностям его смерти и сложным перипетиям, связанным с погребением.

Для Александра III и его окружения Тургенев являлся олицетворением сил, враждебных самодержавному режиму. Возможность повторения — в еще более усиленном и массовом виде — политических демонстраций, которыми сопровождались недавние похороны Некрасова и Достоевского,— не могла не пугать и без того перепуганные «высшие сферы». Правительственные органы согласились скрепя сердце на похороны Тургенева в Петербурге, но приняли бесчисленные меры, чтобы пресечь возможные волнения и «беспорядки». Читатели нашего обзора смогут убедиться в изощренности этих мер, продиктованных беспредельно развитым инстинктом самосохранения.

Широкие круги русской интеллигенции разной политической ориентации, чествуя память «выразителя своих чаяний», проявили в этих сложных и весьма неблагоприятных условиях немалую энергию и изобретательность. Имя полуопального художника долгие недели не сходило со страниц русских газет и журналов, сопровождаемое самыми восторженными эпитетами. Вся Россия — от Нерчинска до Одессы — к нескрываемой досаде властей и реакционной печати — была охвачена «эпидемией» публичных манифестаций. Похороны Тургенева, вопреки всем хитроумным полицейским барьерам, превратились в его подлинный апофеоз.

В условиях цензурного террора на страницах легальной печати не могли появиться в полном и незамаскированном виде высказывания передовых публицистов и писателей. Но интеллигенция 1880-х годов умела читать между строк, а тем, кто не обладал этим давно уже выработанным искусством, невольно помогала во многом разобраться ультраохранительная пресса, не скупившаяся на обвинения по адресу прогрессивного лагеря. «...дело тут совсем не в Тургеневе, а в том, чтобы, под прикрытием его имени, досадить Власти и вновь оживить брожения, которые за последнее время было приутихли»,— писал, например, в своей газетке, полной грязных доносов, князь В. П. Мещерский («Гражданин», 18 сентября 1883 г.).

В периодической печати того времени нередко констатировалось поразительное единство высказываний русской прессы о Тургеневе. Это единство, разумеется, имело лишь внешний характер. Несмотря на общий для многих газет и журналов хвалебный тон и довольно банальный набор эпитетов, повторяющихся в большинстве некрологов, каждый печатный орган, представлявший то или иное направление, подходил к покойному «вождю русской интеллигенции» со своим специфическим критерием. Одни подчеркивали общественно-историческое значение деятельности писателя, его прогрессивные и свободолюбивые тенденции; другие с пеной у рта старались доказать, что Тургенев всегда был чужд и даже враждебен политике и оставался приверженцем «чистой художественности»; третьи старались совместить и примирить между собою оба противоречивых тезиса.

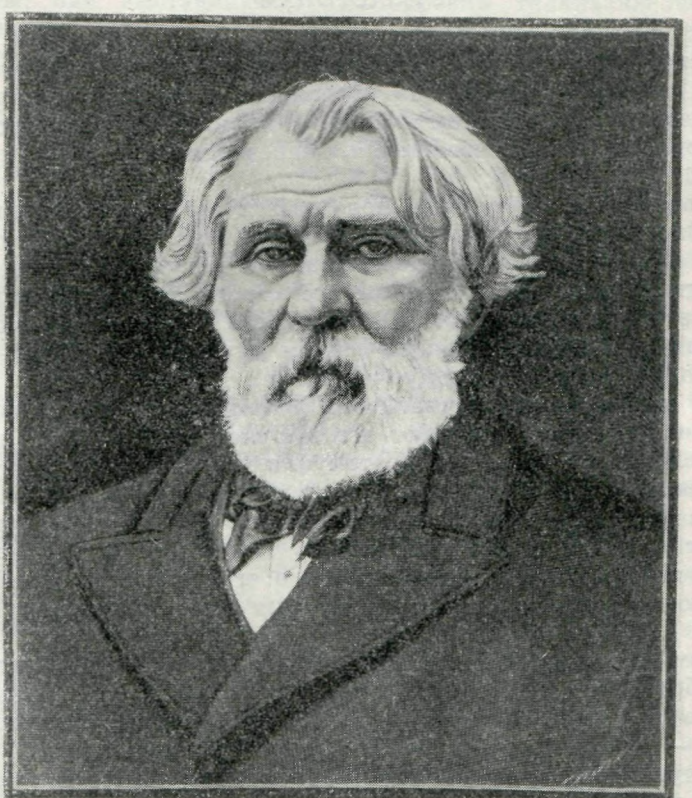
Несмотря на разнохарактерность этих оценок, факт остается фактом: первое массовое проявление оппозиционных настроений в начале 1880-х годов, каким явилось чествование памяти Тургенева, было подготовлено энергичными усилиями русской прессы; правда, не только консервативная, но и значительная часть либеральной журналистики прилагали максимум усилий, чтобы общественная манифестация в честь Тургенева сохраняла легальный, «благонамеренный» характер.

Похороны Тургенева не переросли и не могли перерасти в подлинно революционное выступление, как того опасалось правительство,— все ограничилось внушительной, беспримерной, но поневоле скованной в своих проявлениях демонстрацией — слабо замаскированным протестом живых сил общества против мертвящей реакции и ничем не ограниченного произвола. Нельзя не отметить, что не только интеллигенция, но и рабочий люд Петербурга принял живейшее участие в этом выдающемся событии русской общественной жизни.

«...Русское правительство,— писал в связи с похоронами Тургенева П. Л. Лавров,— выказало еще раз свою неспособность ни явно препятствовать чествованию неприятной для него личности, ни взять на себя преобладающую роль в торжестве европейски знаменитого русского художника, ни даже скрыть свою бессильную и нерешительную оппозицию церемонии, в которой участвовали все оппозиционные силы России, группируя около себя — следовательно против него, правительства, — множество сил, в сущности и вовсе не оппозиционных. У русских либералов хватило духу, опираясь на поддержку общественного мнения, придать этому торжеству, явно оппозиционному, размеры, до тех пор не слыханные на Руси для похорон частного лица, и, следовательно, нанести еще удар призраку непоколебимости русского абсолютизма. Мертвый Тургенев, окруженный пением православных попов, которых он ненавидел, и многочисленными делегациями групп, в политическую состоятельность которых он не верил, продолжал бессознательно дело своей жизни, выполнение „аннибаловой клятвы“. Как его чисто художественные типы, так и его покрытый бесчисленными венками гроб, были ступенями, по которым неудержимо и неотразимо шла к своей цели русская революция» [1].

Различные материалы, появившиеся осенью 1883 г. в русской периодической печати,— корреспонденции, репортажи, официальные распоряжения, хроникальные заметки, критические статьи, фельетоны и жанровые сценки, зарисованные журналистами в разных ракурсах, подобно тому, как это делают современные кинооператоры, снимая отдельные кадры документального фильма,— все это, представленное в определенной последовательности, рельефно воссоздает тот исполненный драматизма и поистине символичный эпизод, которым завершился жизненный путь Тургенева.

Всемірная Иллюстрація



ТУРГЕНЕВ

Гравюра И. И. Хелмицкого, 1883. По фотографии М. М. Панова, 1880 (в подписи неверно указана дата «1881 г.»)

«Всемирная иллюстрация», 3 сентября 1883 г., № 11

В обзоре публикуются также выдержки из высказываний о Тургеневе, напечатанных в те дни на страницах иностранных изданий. Они непререкаемо свидетельствуют об огромной популярности и международном авторитете великого русского писателя и о сильнейшем влиянии, оказанном им на литературную жизнь зарубежных стран.

Глава I

СООБЩЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ПИСАТЕЛЯ.— ПОДРОБНОСТИ О ПРЕДСМЕРТНОЙ БОЛЕЗНИ.— СМЕРТЬ.— ОТКЛИКИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ.— ОТПЕВАНИЕ В ПАРИЖСКОЙ ЦЕРКВИ.— ПРЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУМЕ.— МАНИФЕСТАЦИИ.— «ЛАВРОВСКИЙ ИНЦИДЕНТ».— ПОДГОТОВКА К ПОХОРОНАМ

О катастрофическом ухудшении состояния здоровья Тургенева широкие слои читателей узнали из тревожных сообщений, появившихся в периодической печати летом 1883 г. Особенной безнадежностью было окрашено одно из таких сообщений, напечатанное в «Новом времени» 12 августа:

«О здоровье И. С. Тургенева получаются всё самые неутешительные известия. Он уж совсем не встает с постели. Мучительные боли в груди и желудке продолжаются без перерыва. Он исхудал ужасно. Мысль о смерти почти не покидает его, и он всё строит разные предположения о том, как его будут перевозить в Россию, где похоронят и проч. „Я хотел бы лежать на Волковом, рядом с моим другом Белинским",— недавно сказал он одному близкому ему человеку... [2]

Земляки и почитатели знаменитого романиста не хотят, однако, ничего знать и буквально осаждают его в Буживале. К нему приезжают даже с просьбами сказать слово о том или другом литературном произведении. Так, на днях у него был Эмиль Ожье и прочитал два акта своей новой драмы. Пересиливая свои страдания, Тургенев выслушал его...

Наш посол, князь Орлов, профессор Боголюбов и другие близкие ему люди почти ежедневно справляются о его здоровье. Кроме Шарко, его навещают еще два доктора, из которых один даже живет в Буживале».

«За ходом болезни, сделавшей из страдальца живого мертвеца, следила вся образованная Россия,— отмечалось в статье, опубликованной 28 августа в журнале «Искусство».— „Есть надежда на выздоровление Тургенева",— говорили и писали, но как-то плохо верилось этой надежде. Мы чувствовали, что нет уже ее, этой надежды, что Тургенев более не вернется к нам, но боялись сознаться в этом даже самим себе, пытались убаюкать себя сладостными мечтами, думали обмануть самих себя...»

И действительно, надежды на выздоровление Тургенева в августе 1883 г. уже не было.

Великий писатель умер 22 августа/3 сентября в Буживале, невдалеке от Парижа.

Траурное известие, переданное парижскими корреспондентами зарубежных газет, было помещено в бесчисленных европейских и американских периодических изданиях.

В Петербурге, Москве и провинции многие газеты вышли обрамленные траурными рамками. Большинство изданий посвятило смерти Тургенева передовые статьи, почти во всех появились некрологи, биографические и критико-библиографические материалы, подробности о последних днях писателя, воспоминания о нем и т. п.

«Телеграф принес горестную весть о кончине Ивана Сергеевича Тургенева,— сообщалось в передовой статье либеральных «Русских ведомостей» 25 августа.— Глубоко печальная новость не поразила неожиданностью. С тревогой следили мы за ходом тяжкой и продолжительной болезни, за постепенным угасанием столь дорогого для нас светоча. Но в нас все-таки жила смутная надежда, что недуг затянется, ослабеет, что к великому художнику еще вернутся его силы ⟨...⟩ В лице И. С. Тургенева литература лишилась одного из самых крупных, самых гениальных своих представителей. Имя Тургенева принадлежит не одной России, оно пользуется громкою известностью во всем цивилизованном мире. Многие из его художественных рассказов переведены чуть ли не на все европейские языки; высокое достоинство их признано лучшими европейскими критиками. На его произведениях учатся все современные беллетристы; они выставляются как образцы талантливейшими писателями Европы...»

«Во всей России, наверное, не нашлось ни одного уголка, где весть о кончине Тургенева не произвела бы глубоко печального и щемящего впечатления,— писал через несколько дней, 28 августа, Буква (И. Ф. Василевский) в той же газете.— Это всенародная потеря, смерть великана среди пигмеев ⟨...⟩ Но Тургенев был для нас не только гениальным и популярнейшим беллетристом. Он был почетным, излюбленным и общепризнанным *главою* всей русской интеллигенции⟨...⟩ Он был ее знаменем, вожаком, гордостию и славою ⟨...⟩ У тургеневского флага незримо группировалось и сплачивалось все русское образованное общество. Тургеневское имя было для него моральным кодексом и лагерным паролем ⟨...⟩ Духовное главенство Тургенева не обнаруживалось вовне, но само собою чувствовалось и подразумевалось. Оно установилось у нас по молчаливому и единодушному соглашению всех и каждого. Оно виднелось в том, не литературном только, но и общественном ореоле, который окружал голову писателя; оно чувствовалось и подразумевалось в отношениях к Тургеневу критики, писателей, публики, даже противников его; в живейшем интересе, который он всегда и всюду возбуждал своею личностью, в овациях, адресах, встречах, приемах, проводах, которые всюду шумно и безустанно следовали за ним; в необыкновенной популярности, которою он пользовался у молодежи и которая доходила до восторженного обожания; в тревоге и беспокойствии, с которыми русское общество следило за ходом роковой болезни; в массе личных посещений, вопросных телеграмм, присылавшихся в Буживаль со всех концов России; в массе поднесенных Тургеневу почетных наименований и в трогательном обычае засылать ему, по разным поводам и при разных случаях, и частные, и общественные дружески почтительные приветы и обращения; наконец, в том искреннем и неподдельном горе, которое теперь тучею пробежало над всем горизонтом земли русской. Как бы ни был писатель велик и замечателен, но один только талант, сам по себе взятый, не может поместить его на *такую* общественную высоту. Такое влияние и обаяние, каким располагал Тургенев, единственно присущи именно духовным главарям общества, вожакам его, знаменосцам. Тургенев был для нас спасительным, обнадеживающим маяком, разливавшим кругом себя лучи света, истины, добра, прогресса, и смерть его может быть сравнена, в отношении к силе потрясения, только с кончинами Гарибальди в Италии, Давида Штрауса в Германии и с будущею кончиною Виктора Гюго во Франции».

Подобного рода высказывания варьировались большинством либеральных газет. Тургенева называли «величайшим художником, величайшим гуманистом» («Новости и Биржевая газета», 24 августа), «писателем, крепко связавшим нас с Европой, давшим своими „Записками

охотника" могучий толчок нашему развитию, пробуждению политического стыда и падению, вследствие этого, крепостного права» («Русский курьер», 25 августа), «влиятельным вождем и представителем нашего общественно-литературного движения за три последних десятилетия», «самой яркой звездой на нашем литературном горизонте» («Неделя», 28 августа), «бойцом за человечность, сеятелем всего разумного, доброго, вечного» («Мирской толк», 27 августа) и т. п.

Даже такой консервативный орган, как «Новое время», счел выгодным присоединиться к общему хору либеральной прессы и отметил в обширной статье 24 августа, что смерть Тургенева является «великим общественным горем», что Тургенев «был не только любимым писателем-художником», но и воспитателем русского общества, «выразителем самых задушевных, самых плодотворных идей его развития» и т. п.

«Московские ведомости» были чуть ли не единственной газетой, не отозвавшейся (к чести Тургенева -- как комментировали этот факт некоторые возмущенные журналисты) на печальное событие. Только в отделе зарубежных новостей редактор этого реакционнейшего органа М. Н. Катков 24 августа напечатал краткую телеграмму из Парижа, сообщавшую о смерти писателя [3].

Издатель «Гражданина» не последовал примеру своего московского единомышленника и уделил в своем листке довольно много места Тургеневу. В некрологе, помещенном 28 августа, он с притворным беспристрастием охарактеризовал писателя как «большой литературный талант», «чуткий, отзывчивый, восприимчивый», но не упустил возможности заявить, что в «Записках охотника» будто бы нет «никакой тенденциозной, политической подкладки», которая была впоследствии «навязана» Тургеневу его «услужливыми литературными прихлебателями». В заключение Мещерский выражал опасение, что похороны Тургенева «превратятся в жалкую политическую, с тенденциозными речами, демонстрацию, как это было, например, на похоронах Достоевского, Некрасова, Корша (в особенности похороны Некрасова,— добавляет Мещерский,— дошли до того, что священник читал в надгробной проповеди отрывки из „Рыцаря на час"). Кто же теперь станет притворяться, будто не знает, что толпы, провожавшие Достоевского, чтили в нем в огромном большинстве не столько автора таких‹-то› произведений, сколько героя дела Петрашевского ‹...› Весьма возможно, что и Тургеневу навяжут роль административного ссыльного, потерпевшего за правду, и будут чтить его именно с этой стороны...»

«Санкт-Петербургские ведомости» посвятили памяти Тургенева 26 августа большую передовую статью, по тону своему напоминавшую словоизвержения Мещерского, хотя статья эта была не столько проявлением охранительных тенденций, как у последнего, сколько крайней политической трусости — непрерывной боязни «как бы чего не вышло»: «И. С. Тургенев — в полном смысле слова литератор и художник, но он никогда не был политическим человеком. Нельзя от людей требовать всего ‹...› Следовательно, у скорбного гроба его не будем касаться политики ‹...› И пусть будет стыдно тем, которые захотят поднимать праздные вопросы при погребении родного человека и мешать политику туда, где ей совсем не место» [4].

Особенно сильный интерес у читателей периодических изданий вызывали сообщения об обстоятельствах кончины Тургенева.

«Хотя больной давно уже поговаривал о приближении смерти,— сообщал 26 августа/7 сентября по телеграфу парижский корреспондент «Нового времени»,— но только последние две недели он сознавал безвыходность своего положения. Покойный вызвал из Петербурга своего друга и поверенного в делах Топорова и передал ему все свои последние распоряжения. Принимая на прошлой неделе приятелей, Тургенев сказал

им: „В последний раз, прощайте!“ Тронутый этой сценой, Боголюбов поцеловал руку умирающему, но он нервно отнял ее, прибавив: „Живите и любите людей, как я их всегда любил“.

В воскресенье, в полдень, Тургенев выпил два стакана молока, в ночь на понедельник он уже потерял сознание. Говорил Тургенев в последние

Смерть И. С. Тургенева.

Вчера, во вторникъ, 23-го августа, въ два часа пополуночи, скончался въ Буживалѣ, близь Парижа, знаменитый нашъ писатель Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕСѢДА.

За скорбною вѣстью, прилетѣвшею изъ за-границы, стушевывается и блѣднѣетъ остальное.

СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ ТУРГЕНЕВА
«Петербургская газета», 24 августа 1883 г., № 231

минуты только по-русски, по-французски ни слова. Утром, когда Дювернуа ⟨...⟩ переменял рубашку на Тургеневе, больной признал его и поблагодарил, пожав ему руку. Тотчас после этого началась агония; он делал большие усилия, чтобы подняться с постели, судорожно хватался за одеяло. Скончался И. С. Тургенев в два часа пополудни. Выражение лица спокойное, черты поражают своей красотой — красотой маститого старца. На следующий день рано утром прибыл наш консул в квартиру и, как требует закон, опечатал все имущество и составил соответственный протокол. Наложение печатей — простая формальность, все движимое свое имущество Тургенев завещал г-же Виардо; в другом завещании он отказал ей всю свою литературную собственность, изданные и неизданные сочинения, а также 20 000 рублей, которые остались за книгопродавческой фирмой Глазунова.

Незадолго до смерти Тургенев высказал желание, чтобы могила его была рядом с могилой Белинского или же в ногах „учителя моего Пушкина“. Высказывая последнее желание, Тургенев опасался, как бы оно не было истолковано ложно, в смысле чрезмерного самолюбия.

Князь Александр Мещерский — единственный русский, присутствовавший при кончине великого нашего писателя.

Протоиерей Васильев с причтом прибыл в Буживаль во вторник утром. Тело набальзамировано; вскрытие обнаружило поражение позвоночного столба, как был поставлен диагноз доктором Белоголовым. Русские

художники, прибывшие в Буживаль в среду утром с целью снять маску и портрет с покойника, опоздали — тело уже было отправлено в Париж; но маска и фотография сняты накануне французскими художниками. В четверг всего десять человек пришли в церковь поклониться телу покойного писателя. Говорят, что в настоящее время мало русских в Париже.

Много знаменитостей из литературного, артистического и ученого мира присутствовало сегодня на отпевании тела. Из Лондона приехал Рольстон. Ренан был очень взволнован, Дьедоне рыдал. Русские эмигранты положили венок на гроб Тургенева. Из Женевы приехал Лавров; он следовал за гробом при переносе его в склеп. Гроб несли Онегин, Мещерский, Гайдебуров, Боголюбов, Елисеев и Вырубов; многие из присутствовавших при отпевании как русские, так и французы хотели произносить речи, но наш посол князь Орлов убедил их отказаться от этого намерения. Говорил один только протоиерей Васильев:

„Мне, твоему земляку,— сказал он,— особенно чувствительна эта потеря. Еще в молодости, в семинарских стенах, мы гордились твоей славой, превознося, что между великими деятелями сороковых годов явилась крупная звезда на орловском горизонте, что наш орел, расправив крылья, парит на высоте, что наш орловский плод созрел и сладок целой России".

Стасюлевич едет в Петербург — сделать все нужные приготовления к похоронам. Тело покоится в трех гробах: первый из шелковой ткани, второй — свинцовый, наружный гроб — дубовый, с серебряными ручками. Много венков на гробе; самый красивый — от Общества русских художников в Париже с надписью: „Великому художнику-писателю русские художники в Париже". Тургенев долгое время был секретарем этого Общества.

Подписка на памятник великому писателю уже открыта. Племянник⟨!⟩ Николай ⟨!⟩ Тургенев пожертвовал двести рублей, князь Орлов двести рублей, Гинцбург двести рублей, Боголюбов сто рублей» («Новое время», 27 августа).

«После кончины Тургенева,— писал сотрудник лондонской «Daily News»,— тело его оставалось некоторое время в его спальне в Буживале. Тургенев вообще не любил роскоши, а под старость тем более. Его спальня представляла самую простую обстановку. Железная кровать и такой же умывальник, конторка, комод и большой книжный шкаф красного дерева составляли почти всю ее мебель. Несколько литографических и гравированных портретов литературных и других друзей, украшали стены, ряд фотографических карточек, многие с автографами, выглядывали из-за рамки зеркала над камином. Тело Тургенева было положено на ту же кровать, на которой он скончался. С каждой стороны были поставлены восковые свечи, но окна не были завешены. Из них открывался прекрасный вид на долину Сессы близ Марли. В спокойно величественных чертах лица покойного не видно было и следов тех нервных страданий, которые так терзали его в течение нескольких месяцев».

10 сентября/29 августа корреспондент «Нового времени» Рич, специально посетивший князя А. А. Мещерского, записал его подробный рассказ о «смерти бессмертного»:

«Утром ⟨...⟩ 2 сентября я поехал в Буживаль и, войдя часов в десять в комнату больного, нашел его видимо ослабевшим сравнительно с тем, как я его видел десять дней тому назад. Он лежал в постели с полузакрытыми глазами и закатившимися зрачками, лицо сохраняло спокойное выражение, но очень пожелтело, дыхание было тяжело, сознание как бы омрачено. Постель больного окружали все члены семейства Виардо: мать, сын, две замужние дочери и оба зятя, гг. Дю-

вернуа и Шамро; кроме того, в комнате находилось двое garde-malades *, мужчина и женщина, состоявшие при Иване Сергеевиче с самого начала его болезни, которых он очень любил и которые к нему привязались всей душой, как все, впрочем, кто ближе знал или часто видал этого чудного человека. Вся прислуга дома обожала его, гувернантка семейства, м-ль Арнольд, души в нем не чаяла, и если бы ей позволили, день и ночь, казалось, не отходила бы от постели ...

— Reconnaissez-vous l'ami Mechtchersky? ** — спросил у Ивана Сергеевича Дювернуа.

Иван Сергеевич вскинул слегка глазами, ласково улыбнулся и потянулся рукой, чтобы поздороваться, но рука бессильно упала на подушку.

Несколько минут спустя больным стало овладевать некоторое возбуждение, постепенно увеличивавшееся. Он стал говорить все время по-русски и, обращаясь к Шамро (который нашего языка не понимает), спрашивал его: „Веришь ли ты мне, веришь?.. Я всегда искренно любил, всегда, всегда, всегда был правдив и честен, ты должен мне верить... Поцелуй меня в знак доверия...“ Шамро, которому я быстро переводил слова больного, исполнил его желание. Больной продолжал: „Я тебе верю, у тебя такое славное, русское, да, русское лицо...“ Потом речи его стали бессвязны, он помногу раз повторял одно и то же слово с возрастающим усилием, как бы ожидая, что ему помогут досказать мысль, и впадая в некоторое раздражение, когда эти усилия оказывались бесплодными, но мы, к сожалению, совсем не могли ему помочь; слова, которые он произносил, не имели никакого отношения ни ко всему окружающему, ни к России, но иногда прорывались и фразы, по которым можно было догадаться, что в полузатемненном сознании умирающего все еще переплетались те две стороны его жизни, которые составляли ее двойственное содержание: домашние и семейные привязанности с любовью и преданностью родине, к русскому, к национальному... „Ближе, ближе ко мне,— говорил он, вскидывая веками во все стороны и делая усилия обнять дорогих ему людей:— пусть я всех вас чувствую тут около себя... Настала минута прощаться... прощаться... как русские цари... Царь Алексей... Царь Алексей... Алексей второй... второй“. На одну минуту больной узнал Виардо, которая пододвинулась к нему ближе, он встрепенулся и сказал: „Вот царица цариц, сколько она добра сделала!“ Потом обратился к ее замужней дочери, стоявшей на коленях у изголовья, и стал ей внушать, все же говоря по-русски, как она должна воспитывать сына: „Пусть он и непоседливый, непоседливый, непоседливый мальчишка, лишь бы был честным, хорошим, хорошим...“

Тут у Ивана Сергеевича стали прорываться простонародные выражения: ему точно представлялось, что он умирающий русский простолюдин, дающий жизненные напутствования своим семьянам... Но все это были полусветлые, короткие промежутки в его бреде, после которых он начал опять повторять одни и те же слова, все менее и менее ясно, утрачивая постепенно даже и членораздельную способность, хотя возбуждение не только не ослабевало, но усиливалось; больной старался сорвать с себя одеяло и делал усилия приподняться с постели. Пришел доктор и посоветовал для успокоения его сделать вспрыскивание морфием. Всем присутствующим, кроме сиделки, велели удалиться и последней сесть так, чтобы Иван Сергеевич ее не видел. После приема морфия, который, сказать кстати, всегда давался в самых умеренных дозах, от четырех до шести сантиграммов в продолжении суток, больной впал в

---

* сиделок (франц.).

** Узнаете ли вы друга Мещерского? (франц.).

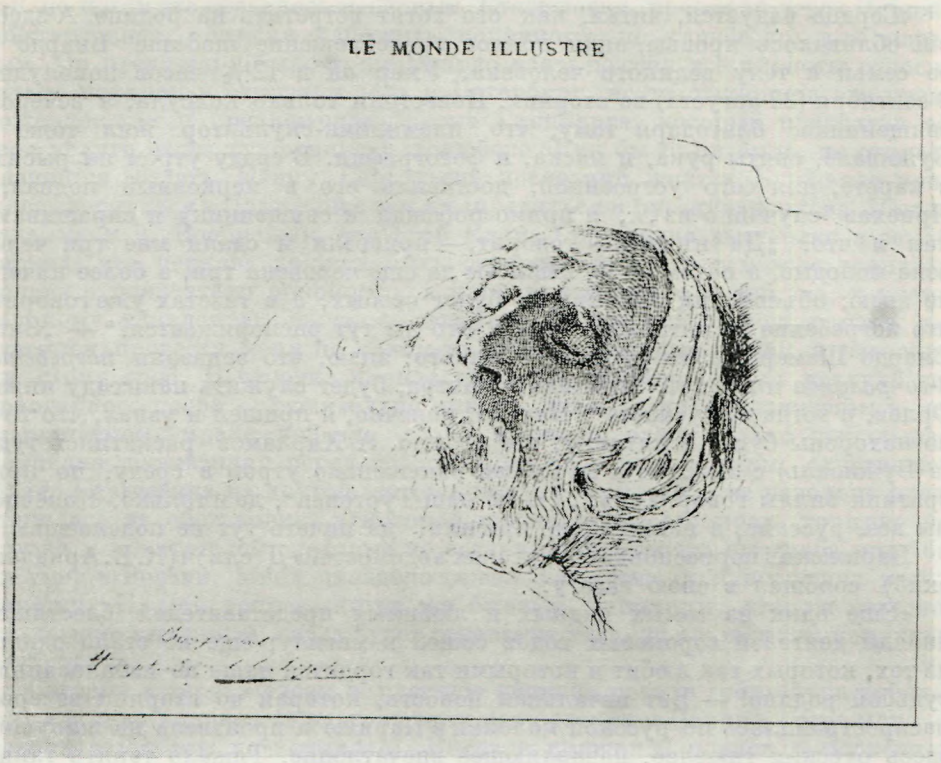
полусонное состояние, продолжая очень тяжело дышать... Через несколько времени возбуждение возобновилось, больной все тянулся руками вперед, быстро, хотя и бессвязно, говорил то по-русски, то по-немецки, то по-английски. По настоянию доктора вспрыскивание было повторено и дан прием хлорала, что Ивана Сергеевича усыпило глубже. В течение дня он выпил несколько глотков молока, а к вечеру доктор приказал впускать ему от времени до времени в горло по ложечке холодного пунша, который утолял жажду Ивана Сергеевича, но глотать ему было все труднее и труднее...

К ночи женщины удалились, а мы вчетвером, т. е. я, Поль Виардо, Дювернуа и Шамро, остались при больном, кто в его спальне, кто в смежном с нею кабинете. Утром опять появились признаки возбуждения, выражавшиеся уже, впрочем, не в речах, а в движениях и в жестах больного: рот его часто косило влево, дыхание не приподнимало более груди, а отражалось в одной лишь диафрагме, пульс стал до того неровен, что никак нельзя было высчитать среднего биения, и по временам совсем упадал, что, по объяснению доктора, указывало на быстро возрастающую неправильность в деятельных органах и сердце и предвещало недалекий конец, задержанный так долго колоссальной силой организма.

Часу в двенадцатом в комнату взошел неожиданно Василий Васильевич Верещагин и зарыдал, пораженный состоянием умирающего. Плакал он, впрочем, не один, всех нас, мужчин и женщин, душили слезы. Я взял за руку Ивана Сергеевича и вместе с тем поддерживал подушку, на которой голова его скользила все больше, все беспомощнее в левую сторону. Оконечности стали холодеть и покрываться красными пятнами. Около двух часов умирающий сделал усилие приподняться, лицо его передернулось, брови насупились, из горла и рта, точно после приема чего-то очень горького, вырвалось полусдавленное восклицание: „А-а!“, и голова откинулась уже безжизненной на подушку. Черты лица приняли почти тотчас спокойный, но необыкновенно ласковый и мягкий отпечаток. Женщины, рыдая, бросились к постели, точно не веря еще, что дорогого им человека, которого они так беззаветно любили, уже не стало, но мы их удержали и вывели из комнаты...

Обмыв и одев в чистое белье тело, мы послали немедленно за модельером и фотографом, написали и отправили телеграммы разным лицам, в том числе из русских: Верещагину, который уехал в первом часу в Париж, Н. А. Герцен, послу Орлову, Анненкову, Стасюлевичу, Топорову, Аристову и через Онегина — Боголюбову.

В пятом часу приехал фотограф Морель и снял портреты, которые удались прекрасно, особенно профиль головы. Кроме того, г-жа Виардо вместе с одной из своих дочерей сделала несколько эскизов головы — обе они ведь прекрасно рисуют, а г-жа Шамро показывала мне, Стасюлевичу и Верещагину такой удачный и такой прочувствованный рисунок (карандашом), изображающий Ивана Сергеевича больным на постели в его буживальской комнате, что мы тут же настоятельно упрашивали ее, чтобы она его издала и послала в Россию, так как это была бы лучшая дань родине покойного от самых дорогих ему и близких людей. Комнату, в которой лежал скончавшийся, начали было убирать цветами, но посланный от доктора Бруарделя (представителя судебной медицины) просил не делать этого, чтобы не ускорять разложения тела, отопсию которого Бруардель не мог сделать раньше среды. В девятом часу явился итальянец-модельер (лучший в Париже) и сейчас же приступил к снятию маски. Маска удалась хуже фотографии, лицо вышло чересчур страдальческим и исхудалым, борода слишком обвисла. Модельер снял и левую руку, которая лучше правой лежала на постели...» («Новое время», 3 сентября).



ТУРГЕНЕВ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Гравюра с рисунка Э. К. Липгарта. Буживаль, 4 сентября 1883 г.

«Le Monde Illustré», 22 сентября 1883 г.

«В последний раз я видел этого ⟨...⟩ великого человека на смертном одре. Он был прекрасен ⟨...⟩ в своем покое» (Э. Липгарт)

Приведенный нами подробный рассказ А. А. Мещерского, одного из немногих свидетелей последних дней жизни Тургенева и его смерти, представляет собой исключительный по своему значению материал, без которого не может обойтись ни один биограф писателя. Верность основных фактов, в нем изложенных, не подлежит сомнению. В то же время весь документ проникнут одной настойчивой тенденцией — обелить во что бы то ни стало семью Виардо от суровых и, вероятно, несправедливых обвинений, которые не только циркулировали в виде устных слухов, но и публиковались в русской прессе. Полину Виардо упрекали, как известно, в том, будто она «обирала» Тургенева, изолировала от русских друзей, лишала необходимого ухода, врачебной помощи и т. п. В печати появился даже слух, что Тургенев отравлен семьей Виардо (см. «Гражданин», 18 сентября). А. А. Мещерский взял на себя труд нейтрализовать эти слухи, что ему почти удалось: напечатанные в одной из самых распространенных газет и воспроизведенные затем многими русскими периодическими изданиями, они прочно вошли в сознание современников. Не все, однако, приняли с полной верой то, что Мещерский с такой убедительностью обрисовал в своих воспоминаниях. Даже издатель «Нового времени», где впервые появились воспоминания Мещерского, счел возможным напечатать через несколько дней, 13 сентября, отрывок из «частного письма», где отношение семьи Виардо к покойному представлялось в совсем ином свете:

«Сердце радуется, читая, как его хотят встретить на родине. А здесь оно обливалось кровью, видя полное пренебрежение madame Виардо и ее семьи к телу великого человека. Умер он в $12^1/_2$ часов пополудни 3 сентября (22 августа) во вторник. Повестили только консула, а вечером священника; благодаря тому, что племянник-скульптор жил тоже в Буживале, сняты рука, и маска, и фотография. В среду утром на рысях, в карете, для сего устроенной, доставили его в церковный подвал... Приехав случайно из ..., я прямо побежал к священнику и спрашиваю, как и что? „Да ничего,— говорит,— привезли и сдали мне три человека молодые, а потом — ну были вы да еще человека три, а более ничего не знаю; объявлений никаких не будет особых, а в газетах уже говорят, что погребение в пятницу". — „Да кто же тут распоряжается?" — „Зять Виардо Шамеро, а из русских — никого; знаю, что заказали *погребение 3-го разряда* и всё тут. Приходите завтра, будет служить панихиду князь Орлов, и тогда всё узнаете". Наутро, конечно, я пришел и узнал, что точно похороны будут в пятницу, что и было. А Харламов раскатился туда (в Буживаль) с холстом и красками ранешенько утром в среду, но привратник виллы говорит ему: „Тю-тю ваш Тургенев", да и только. Конечно, мы все, русские, в негодование пришли, да ничего тут не поделаешь».

Парижский корреспондент «Русских ведомостей» Д⟨ели⟩ч(К. В. Аркадакский) сообщал в свою газету:

«Еще один из самых видных и любимых представителей блестящей плеяды деятелей сороковых годов сошел в могилу; еще не стало одного из тех, которых так любит и которыми так гордится наша не избалованная судьбой родина! — Вот печальная новость, которая во вторник вечером распространилась по русской колонии в Париже и произвела на живущих здесь русских тяжелое, подавляющее впечатление. Тяжело терять таких дорогих всей России и так горячо любимых людей, но еще тяжелее и обиднее было то, что Иван Сергеевич умер на чужбине, вдали от родины, от своих русских друзей: при его последних минутах присутствовало только семейство Виардо ⟨...⟩ „Горько умирать на чужбине",— как бы предчувствуя это, часто говорил Иван Сергеевич и давно уже собирался вернуться в Петербург, в круг глубоко уважавших его друзей и почитателей, но этому желанию не суждено было исполниться. Тяжелая болезнь приковала его к постели и не давала ему возможности двинуться с места. Впрочем, до самого последнего времени он не терял еще надежды; не теряли ее сначала и мы, рассчитывая, что состояние его здоровья может еще поправиться. Но после того как врачи констатировали, что у него рак на позвоночном столбе позади легких, что эта мучительная и роковая сама по себе болезнь осложнилась еще другой, не менее мучительной — грудной жабой и застаревшей подагрой (при вскрытии тела все это вполне подтвердилось), после того как болезненное состояние, возрастая мало-помалу, достигло, наконец, до такой степени, что больной терял по временам рассудок,— нам стало очевидно, что надежда Ивана Сергеевича вернуться и умереть на родине осуществиться не может. Тем не менее, такого скорого конца не ожидал никто. Правда, в последние две недели он был уже так слаб, что принимал очень редко, но мы все-таки рассчитывали, что он проживет гораздо больше. Поэтому об его смерти узнали только во вторник вечером даже люди, стоявшие с ним в коротких отношениях; большинство же узнало об этом в среду из утренних газет. Многие тотчас же отправились в Буживаль, но им не суждено было застать там тела Ивана Сергеевича, так как оно было уже перевезено в Париж. Они застали в его квартире только одного из его коротких знакомых, Гастона Париса, который сообщил им, что гроб Ивана Сергеевича перевезен в русскую церковь в Париже. Он же, между прочим, рассказывал, что при последних минутах Ивана Сергеевича присутствовал будто бы Стасюле-

вич, но потом это оказалось неверным. Стасюлевич, проезжая через Париж, действительно, заезжал навестить покойного, но нашел его уже мертвым. Он предложил было m-me Виардо взять на себя все хлопоты относительно похорон и отправки тела в Петербург, но та отклонила это предложение, как и предложение барона Гинцбурга, который предлагал ей свои услуги через художника Боголюбова. Как бы то ни было, но отправлявшимся отдать Ивану Сергеевичу последний долг в Буживале пришлось вернуться в Париж ни с чем и направиться в русскую церковь. Пошел туда же и я. Воображая, что гроб Ивана Сергеевича выставлен в самой церкви, что церковь должна быть отворенной и что там уже толпятся друзья и почитатели покойного, я направился прямо к ней, но, к моему великому удивлению, нашел ее запертой. Церковный сторож, однако, согласился провести меня по каким-то темным боковым ходам в часовню, где стоял гроб. В часовне царила глубокая тишина. Около наглухо заколоченного гроба — решительно никого, даже свечи не зажжены; в непроницаемом мраке подвала слабо мерцала одна только небольшая лампадка, зажженная перед гробом. При виде этой могилы, охватившей Ивана Сергеевича на другой же день после его смерти, мне невольно представилась та обстановка, в которой покоился бы его прах, тот круг его друзей и почитателей, которые не оставляли бы теперь его гроба, если бы он умер в России. Мной овладело тяжелое чувство, и я поспешил выйти наружу. На мой вопрос: когда же бывают панихиды, сторож ответил, что до самой пятницы, когда будет отпевание тела, ни службы, ни панихиды не будет.

Сегодня к десяти часам в русскую церковь начала собираться небольшая русская колония (в настоящее время русских в Париже очень мало — летний сезон еще не кончился). Когда я пришел к церкви, в церковном дворе стоял уже катафалк и три похоронных экипажа, перед воротами толпилось несколько француженок и вездесущих гаменов, пришедших издали взглянуть на русские похороны. Небольшая, но хорошенькая церковь была убрана чрезвычайно изящно. Посреди церкви возвышался катафалк, покрытый черным бархатным покрывалом с большим белым крестом, заставленный пальмами и живыми цветами и окруженный подсвечниками. Кругом его лежали изящные венки из живых и искусственных цветов от разных групп парижской русской колонии и от французских друзей покойного, между прочим от семейства Виардо, от Общества русских художников в Париже, от русских эмигрантов и пр. К 11 часам в церкви можно было уже видеть все русское посольство с князем Орловым во главе, всех русских художников и писателей, находящихся теперь в Париже (Боголюбов, Верещагин, Гайдебуров, Лавров, Оленин и др.), всю русскую учащуюся молодежь и эмиграцию. Из французских друзей и почитателей покойного я заметил Э. Ренана, Э. Абу, Гонкура, Шоля, Кларти, Гастона Париса, все семейство Виардо и др. При отпевании не было никаких речей, кроме коротенького надгробного слова, сказанного священником русской церкви о. Васильевым, совершавшим богослужение. В этом слове он высказал глубокое сожаление о потере „знаменитого деятеля и высокого таланта“, о том, что „небольшая русская колония в Париже не может оказать покойному тех почестей, какие ожидают его в России, где его всегда встречали так сердечно“; напомнил, что у Ивана Сергеевича было любящее, сострадательное сердце, что он всегда и везде, где только мог, стоял во главе филантропических предприятий, и закончил выражением уверенности, что за его великую любовь многое отпустится ему и на том свете. Многие из русских и французских друзей покойного просили позволения, по окончании богослужения, почтить его память хоть немногими теплыми словами, но им ответили, что в церкви сделать это невозможно. Они, однако же, не теряли надежды и надея-

лись, что им можно будет говорить на церковном дворе при выносе гроба из церкви, но его пронесли в подвальную часовню и не через двор, а через внутренний ход. Прах Ивана Сергеевича будет оставаться в подвальной часовне до самого отправления его в Россию, которое последует дней через десять, а может быть и через пятнадцать; это еще не решено окончательно. Будем надеяться, что на далекой родине его встретят и проводят в последнее жилище с большей торжественностью, чем удалось это сделать нам, немногим русским, проживающим в Париже.

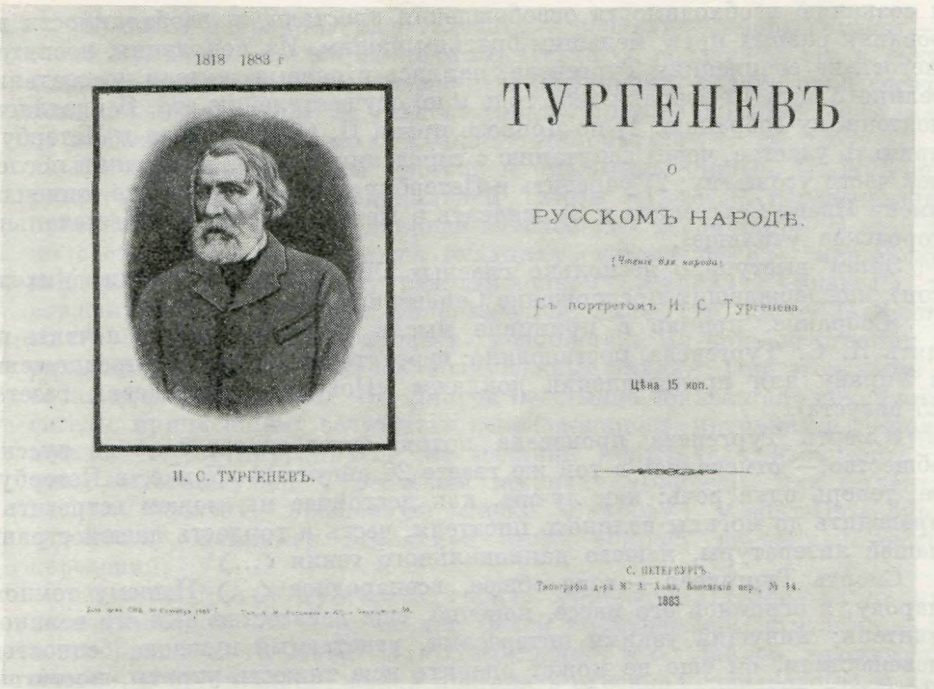
Говорят, что Иван Сергеевич оставил после себя мемуары, которые он начал с конца прошлого века, со слов его матери, и вел до самого последнего времени» («Русские ведомости», 1 сентября).

Парижский корреспондент газеты «Berliner Börsen-Courrier» сообщал:

«В маленькой русской церкви, находящейся в одном из лучших кварталов Парижа, в улице Дарю, между двумя аллеями Ваграм и Гош, происходило сегодня отпевание тела И. С. Тургенева. Церемония продолжалась три часа, и по временам раздавался глухой, протяжный колокольный звон. В середине церкви возвышался высокий катафалк, окруженный свечами, роскошно убранный цветами и пальмами, доставленными из Буживаля, где умер Тургенев. На церемонию явился князь Орлов во фраке и в орденах. Князя окружали члены русского посольства. Вблизи катафалка я заметил де Грекура, Массне, изящную голову Эмиля Ожье, Жюля Кларти и Орельена Шоля. Из других знаменитостей на отпевании присутствовали русские живописцы Боголюбов и Верещагин; затем: депутат Ревильон, кн. Мещерский, капитан Фори, атташе французского военного министерства, и проч. Впоследствии к ним присоединилась маленькая фигурка Эрнеста Ренана. Распорядители помогли пробраться через толпу автору „Жизни Иисуса Христа“ и его супруге. Некоторое волнение вызвало появление депутации от русских эмигрантов в Париже с Петром Лавровым во главе. Депутация возложила на катафалк огромный венок с русскою и французскою надписями: „Ивану Тургеневу русские эмигранты в Париже“ [5]. Эмигранты, имеющие в Латинском квартале библиотеку и место собраний, явились в большом числе. В толпе виднелось несколько выразительных лиц с резкими чертами и черными, как смоль, бородами. Явилось также несколько русских студенток Ecole de Médecine с пенсне и коротко остриженными волосами, придававшими им весьма эмансипированный вид. В десять часов церковь была так переполнена народом, что пришлось открыть обе половинки дверей; толпа наполняла даже улицу. Протоиерей Васильев с дьяконом Тесельским совершали обряд отпевания. По окончании его присутствовавшие поочередно подходили к гробу из красного дерева; русские клали земные поклоны, прикладываясь ко кресту и к металлической пластинке, прикрепленной к верхнему концу гроба. На пластинке изображены были имя, день рождения и смерти поэта; затем начался вынос тела. Впереди шли певчие и духовенство с образами. Гроб был спущен в церковный склеп. Там совершена была лития в присутствии близких друзей и знакомых покойного. Над головой Тургенева находится образ божией матери, перед которым будет гореть неугасимая лампада, пока гроб будет находиться в склепе...»[6]

24 августа в Петербурге состоялось экстренное заседание городской думы. Городской голова, издатель сочинений Тургенева И. И. Глазунов, выступил с речью, которую заключил следующими словами:

«Я должен поделиться с вами роковою вестью, поразившею всех нас, как громом. Вчера, близ Парижа, скончался, после продолжительной и тяжкой болезни, *Иван Сергеевич Тургенев*. Мы, русские, понесли невознаградимую утрату, и не мне говорить о том, что чувствует при этой вести сердце каждого русского человека. Тургенев — наш петербуржец, по преимуществу: он в Петербурге воспитывался, в Петербурге вышли из-под



«ТУРГЕНЕВ О РУССКОМ НАРОДЕ»
СБОРНИК, ВЫПУЩЕННЫЙ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ТУРГЕНЕВА

Цензурное разрешение от 20 сентября 1883 г.

Титульный лист и фронтиспис с портретом писателя (гравюра И. И. Матюшина по фотографии К. А. Шапиро, 1879)

Портрет был отпечатан также отдельным листом и распространялся на Волковом кладбище в день похорон Тургенева 27 сентября 1883 г.

его пера лучшие его произведения, в Петербурге его гениальные труды появились в печати и, наконец, в Петербурге он пожелал быть похороненным. Поэтому петербургской думе и должна принадлежать честь идти впереди России в чествовании памяти великого писателя».

Собрание почтило память Тургенева вставанием. Затем гласный думы, известный историк и издатель «Русской старины» М. И. Семевский выступил со следующей речью:

«Все мы, здесь присутствующие, с глубочайшим прискорбием выслушали сообщение почтенного председателя собрания о роковом ударе, постигшем всю грамотную Россию в лице безвременно умершего писателя нашего Ивана Сергеевича Тургенева. Справедливо напомнил нам господин председатель, что Иван Сергеевич, будучи дорог всей России, всего дороже нам, жителям Петербурга. Да, Тургенев наш, как воспитанник Петербургского университета, как писатель, большинство превосходных творений которого были напечатаны в петербургских изданиях. Воспитательное значение сочинений Ивана Сергеевича громадно; на них возросло два поколения русского общества, и из среды первого из этих поколений вышел тот ряд самоотверженных тружеников, которые первые откликнулись на призыв незабвенного царя-освободителя и явились его сподвижниками в преобразовании всего строя русского общества. В основу этих реформ легло освобождение крестьянства. Каждому известно, что Тургенев, с первых же своих произведений сороковых годов, вел русское общество

к сознанию необходимости освобождения крестьян, к необходимости дарования равных прав меньшим братьям нашим. Из поколения, воспитавшегося на сочинениях Тургенева, явились и первые деятели по созданию великого акта 19 февраля 1861 года и по осуществлению его. Я предлагаю почтенному собранию: 1) по привозе праха И. С. Тургенева в Петербург принять участие, через депутацию с городским головой, в отдании последней чести усопшему; 2) учредить в Петербургском университете стипендии имени Ивана Сергеевича и 3) основать в Петербурге его имени начальное городское училище».

Затем выступило несколько гласных (Литвинов, Сан-Галли, Михельсон), поддержавших предложение Семевского.

«Собрание, приняв в принципе мысль о необходимости почтить память И. С. Тургенева, постановило: передать все сделанные предложения в Управу для представления доклада» («Новости и Биржевая газета», 25 августа).

«Смерть Тургенева произвела потрясающее впечатление на русское общество,— отмечалось в той же газете 26 августа.— У нас, в Петербурге, теперь одна речь: как лучше, как достойнее мы можем встретить и проводить до могилы великого писателя, честь и гордость нашей страны, нашей литературы, нашего национального гения ⟨...⟩

Смерть Тургенева — горе общее, всенародное ⟨...⟩ Нашему темному народу, в огромной его массе, конечно, еще неизвестно имя его великого учителя; живущий узкими интересами, угнетаемый нуждою, бедностью, невежеством, он еще не может оценить всю тяжесть утраты, постигшей Россию в преждевременной смерти отечественного гениального писателя; но пусть он хотя в такие, особенно тяжелые моменты жизни нашего общества приучается понимать, что есть интересы необыкновенно важные, в высшей степени национальные, которыми у нас пока живут лишь образованные классы, но полное безучастие к которым со стороны народной массы прискорбно и унижает ее».

26 августа в Петербурге состоялось собрание выборных Мещанского общества; на этом собрании произошел следующий позорный инцидент, получивший огромный отклик в России и за рубежом.

Председатель Общества В. И. Кручинин обратился к собранию со следующими словами: «Всем вам уже известна, господа, печальная весть, поразившая, как громом, всю грамотную Россию. Не стало Ивана Сергеевича Тургенева, не стало мыслителя-поэта, заставлявшего биться наши сердца, не стало светлого борца за правду, поборника истины, воспитателя общества, не стало могучего таланта, проводника гуманных идей. Не мне говорить о значении Тургенева. Кто из нас не читал его произведений, кто не преклонялся пред живыми типами Рудина, Лизы и Лаврецкого, Елены и Инсарова, Аси и др. И вот, ныне смерть похитила нашего Тургенева. Я предлагаю, во-первых, поручить особой комиссии или депутации в лице нашего старшины и его товарищей присутствовать при похоронах Ивана Сергеевича и возложить на гроб его венок и, во-вторых, поручить Управе обсудить, не представится ли возможным учредить в память Ивана Сергеевича одну или две стипендии в каком-либо учебном заведении...»

«Собрание очень сочувственно встретило предложение г. Кручинина,— писал корреспондент «Новостей и Биржевой газеты»,— но, тем не менее, раздался голос против него. Этот голос принадлежал содержателю трактира и гласному городской думы Кулькову:

— Мы не знаем,— сказал он,— Тургенева; он не был нашим выборным и не принадлежал к нашему мещанскому обществу. Если наш старшина желает, он может пойти на похороны, а посылать его нам нет резону. Надо это предложение оставить без внимания».

«К чести собрания, надо сказать,— добавляет корреспондент,— что голос Кулькова остался единичным. Никто не поддержал его и никто не подал голоса против предложения г. Кручинина; только один сосед его, фамилии которого нам не удалось узнать, проговорил вполголоса, как бы из любезности к приятелю: „Верно, отклонить“»[7].

Взволновало русскую прессу и открытое письмо П. Л. Лаврова редактору парижской радикальной газеты «Justice», перепечатанное с провокационной целью редакцией «Московских ведомостей». В этом письме сообщалось, что Тургенев оказывал систематическую материальную поддержку эмигрантскому революционному журналу «Вперед!», издававшемуся в 1870-х годах Лавровым (см. выше, стр. 236 — 237 настоящ. тома). На редактора «Московских ведомостей» Каткова со страниц либеральных изданий посыпались возмущенные окрики. При этом часть газет сочла нужным заявить, что Лавров бесстыдно «оклеветал» покойного писателя, приписав ему сочувствие революционной эмиграции и деятельную помощь ее органу; другие же издания попытались изобразить дотацию, выдававшуюся Тургеневым журналу «Вперед!», как филантропическую подачку, брошенную лично Лаврову. «Санкт-Петербургские ведомости», например, посвятили этому вопросу не одну, а несколько передовиц.

«Многие друзья Тургенева горячо упрекали Лаврова за то, что он воспользовался его смертью для целей политической агитации,— писал в это время Г. А. Лопатин.— Несомненно, что Лавров, публикуя свое письмо, действительно, желал поставить русское правительство в затруднительное положение и вынудить его или похоронить со всеми официальными и неофициальными почестями прах одного из злейших своих врагов, или же отказать в этих почестях праху человека, которого знала и любила вся читающая Россия, не могшая, конечно, отнестись без негодования к такому мальтретированию своего любимца» (стр. 248 наст. тома).

«Хотя вся наша печать единогласно восстала на защиту Тургенева,— отмечала в передовой статье, озаглавленной „Прискорбный переполох“, газета „Неделя“,— но уже самое это „восстание“ показывает, что почитатели великого русского романиста струсили за него и поверили в возможность серьезных последствий от указания „Московских ведомостей“.— „Невероятно, а истинная правда!“»

По утверждению А. С. Суворина, русскому правительству письмо Лаврова было известно еще до того, как было дано разрешение ввезти тело писателя в Петербург («Новое время», 13 сентября).

Н. М. (возможно Н. С. Мазурин, инициалы и фамилия которого выгравированы на венке Тургеневу от его парижских знакомых) писал в мемуарной статье «Черты из парижской жизни Тургенева», напечатанной в ноябрьской книжке журнала «Русская мысль»:

«...Я не берусь и считаю излишним здесь решать вопрос, имел ли право г. Лавров помещать свое заявление и в какой степени оно соответствует истине. Факт тот, что такое заявление появилось. Нужно быть в ужасной степени напуганным и обладать изумительной способностью терять присутствие духа и здравого смысла, чтобы поднимать такой панический гвалт при чьем бы то ни было голословном (основательно ли оно или лживо — это все равно) — заявлении о политических симпатиях человека, притом человека, уже умершего, да притом еще, наконец, составляющего славу и гордость России ⟨...⟩

Поэтому мне кажется, что защитники Тургенева (если только тень великого писателя не вознегодует против дерзкой попытки, например, г.Суворина записаться в его друзья и защитники),—что друзья Тургенева слишком поусердствовали и уподобились тем доброжелателям, о которых

покойный Иван Сергеевич добродушно говорил: „Избавьте меня от друзей, а враги мне не страшны“».

Письмо Лаврова вызвало, как известно, ряд возмущенных выступлений в печати друзей Тургенева — Я. П. Полонского, М. М. Стасюлевича и др., которых и имел в виду автор цитируемой выше статьи.

Правительственные круги и сам Александр III были крайне недовольны намерением русского общества оказать «крамольному» писателю такие почести, какие не оказывались даже коронованным особам. Инициатива петербургской думы вызвала со стороны правительства особенно резкий протест. Открыто в печати об этом ничего не сообщалось, но нажим, оказанный на думу, легко угадывался читателями по следующим газетным сообщениям:

«Петербургская дума, отозвавшаяся было так сочувственно к памяти Тургенева, начинает выказывать какое-то вольное или невольное охлаждение», — писали «Русские ведомости» 3 сентября.

«Предполагавшееся первоначально в понедельник 29 августа экстренное заседание Санкт-Петербургской городской думы назначено было на среду 31 августа,—сообщалось в «Новостях и Биржевой газете»,— но не состоялось за неприбытием законного числа гласных. Дело в том, что по какой-то непонятной причине на повестках не было сказано ни одного слова о том, что в заседании этом должны разрешиться вопросы о чествовании памяти И. С. Тургенева, и многие гласные не явились, так что к назначенному часу едва собралось тридцать человек, тогда как для признания собрания законно состоявшимся требуется не менее пятидесяти одного. Городская дума, как известно, в заседании 25 августа постановила все предложения для встречи дорогого тела передать на предварительное заключение управы с тем, чтобы она немедленно внесла их в думу. Когда прибудет тело Тургенева, пока еще неизвестно, но формальное постановление думы о порядке его встречи должно состояться заблаговременно, чтобы иметь время сделать все нужные приготовления; ввиду этого гласные ожидали, что настоящее экстренное заседание и будет посвящено вопросу о предстоящем чествовании священной для русских людей памяти, тем более, что, в противном случае, можно опоздать с постановлением, так как, во всяком случае, тело должно прибыть в непродолжительном времени. Между тем на повестке не было даже и помянуто о сделанных предложениях по этому поводу, и, следовательно, в силу правил о порядке слушания дел в думе, никаких постановлений состояться не могло, и председатель собрания не вправе был бы даже допустить прения. На все вопросы и выражения удивления по этому поводу со стороны собравшихся немногих гласных городской голова и его временный товарищ П. Яблонский давали уклончивые ответы, ссылаясь, между прочим, на то, что доклад управы еще не приготовлен, так как 28, 29 и 30 августа были *неприсутственные* дни. Само собою разумеется, что все разговоры собравшихся гласных сосредоточены были исключительно на злобе дня. Одни очень энергично протестовали против халатного отношения городской управы и подобного непозволительного игнорирования выдающихся событий, другие обсуждали и разъясняли внесенные ими предложения и т. д. Были, однако, лица, с торговцем коровьим маслом г. Абатуровым во главе, которые высказались за отклонение всех сделанных предложений о чествовании памяти Ивана Сергеевича.

— Я разделяю мнение Кулькова,— кричал он,— мы не знаем западника Тургенева, и нам нет до него дела. Наше дело торговое, а Тургенев — из „писателев“, бог с ним!» («Новости и Биржевая газета», 1 сентября).

Двумя днями ранее та же газета напечатала сообщение о том, что «по почину состоящих на некоторых из заводов и фабрик Петербургской и

«ТУРГЕНЕВ ПОКИДАЕТ ХРАМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
Аллегорический рисунок М. М. Чемоданова («Эмче»). Литография
«Русский сатирический листок», 10 сентября 1883 г., № 28

Выборгской сторон мастеров, посещавших школы для рабочих Русского технического общества, между рабочими этих фабрик и заводов собрана сумма на приобретение венка для возложения на гроб И. С. Тургенева».

В. П. Мещерский с возмущением писал в «Гражданине» 4 сентября:

«Бабье лето продолжается. Продолжается и всевозможная возня в честь и память Тургенева. Право, люди с ума сходят. Кто сбирает всех наборщиков Петербурга на сход в воскресенье для устройства церемониала чествования наборщиками Петербурга Тургенева! Мало того: городской голова, он же издатель сочинений Тургенева, агитирует между кущами, мещанами и ЦЕХОВЫМИ Петербурга, и подымает их ходатайствовать в участии в похоронной процессии всех цехов Петербурга вместе с их цеховыми знаменами ⟨...⟩ Как бы только молодежь учащуюся не встревожили. Мне сдается, что вся эта агитация в подземелье трущобных газеток ведется только со смутною надеждою растревожить и взбудоражить учащуюся молодежь...»

Сообщенное «Новостями и Биржевой газетой» известие, что некоторые фабриканты и заводчики Петербурга хотят закрыть в день похорон Тургенева свои предприятия «для доставления рабочим их фабрик и заводов возможности отдать ему последний долг», всполошила полицию, пришедшую в ужас от мысли, что к похоронной процессии могут присоединиться тысячи рабочих. Были приняты немедленные меры для предотвращения этого «бесчинства». Редактор и сотрудники газеты были подвергнуты особому допросу (см. «Новости и Биржевая газета», 17 сентября и «Гражданин», 2 октября).

26 августа в «Русских ведомостях» было помещено следующее сообщение из Петербурга: «Сегодня по случаю смерти Тургенева на улицах столицы вывешены портреты покойного в глубоком трауре».

Сотрудник «Новостей и Биржевой газеты» сообщал через день: «На углу площадки, перед католической церковью, портрет Тургенева был выставлен фотографом Шапиро под черным балдахином на стене, обтянутой черным сукном. Это, сколько я помню жизнь наших городов, первый такой вид общественного траура...»

28 августа газета существенным образом дополнила это известие: «По распоряжению полиции траурная драпировка с выставки фотографа Шапиро снята».

В Москве, Петербурге, в провинции и за границей производился в это время успешный сбор пожертвований для сооружения памятника Тургеневу [8]. Жители Петербурга предлагали поставить памятник в самом центре столицы, посередине Александровского сада. Один из цветоводов-любителей выразил при этом готовность устроить и содержать на свой счет цветник вокруг памятника [9]. «Орловский вестник» заявил, что «городом для постановки памятника Тургеневу должен быть избран по всей справедливости Орел» [10].

Чествование памяти Тургенева, проходившее в течение августа-сентября 1883 г. во всех уголках России, принимало разнообразные и нередко волнующие формы:

«Нет такого крупного центра, где бы не было постановлено учредить стипендию имени Тургенева или устроить его же имени народную школу, назвать его именем улицу или площадь и т. п.» («Вестник Европы»,1883, № 10, стр. 842).

«Спрос на портреты Тургенева весьма значителен ⟨...⟩,— сообщало „Северное телеграфное агентство".— Происходят сборы на венки, а в педагогических кружках — на издание некоторых сочинений Тургенева, которые предполагается раздавать народу бесплатно во время перенесения гроба на кладбище» («Русские ведомости», 27 августа).

«Петербургская газета» отмечала в номере от 14 сентября: «Спрос на портреты И. С. Тургенева до того велик, что фотографии едва успевают заготовлять их. Интересно, что они в значительном числе закупаются простолюдинами».

В газетах то и дело мелькали сообщения вроде следующих:

«Вчера секция зоологии и антропологии при съезде естествоиспытателей и врачей постановила назвать именем Тургенева некоторые вновь открытые формы растительного и животного царств» («Русские ведомости», 28 августа).

Петербургскими вольнопрактикующими врачами «собрана сумма на содержание в продолжение полного курса одного студента в Медико-хирургической академии с наименованием его *пансионером И. С. Тургенева*» («Новости и Биржевая газета», 17 сентября).

«Самарская городская дума постановила старейшее в городе училище наименовать училищем Ивана Сергеевича Тургенева и учредить две стипендии имени Тургенева» («Русский курьер», 10 сентября).

«Некоторыми из содержательниц частных школ в Петербурге решено в память И. С. Тургенева допускать к безвозмездному обучению в их школах по несколько учеников или учениц» («Новое время», 30 августа) [11].

Но вот несколько газетных сообщений, дающих наглядное представление об обстановке, в которой проводились эти мероприятия:

«В заседании съезда учителей Московского уезда 24 августа одна из учительниц, г-жа Овчинникова, просила слова, чтобы заявить о кончине И. С. Тургенева и сделать по этому поводу предложение; но председатель

ТУРГЕНЕВ
Гравюра И. И. Матюшина с рисунка К. И. Тихомирова
«Иллюстрированный мир», сентябрь 1883 г., № 29

съезда заявления г-жи Овчинниковой, как не вошедшего в программу съезда, не допустил...» («Русские ведомости», 26 августа).

«В Одессе возникла мысль почтить память Тургенева, назвав его именем одну из хороших улиц. Официально одобренная градоначальником, мысль эта встретила оппозицию между гласными думы. Один из них (г. Бартли) восстал против нее „...Что сделал Тургенев для Одессы? Какое он имеет отношение к ней?“ Другой гласный (г. Бухтеев) пошел еще дальше: „из человека, бесполезного для Одессы, Тургенев обратился в человека, вредного для России“».

«30 августа в г. Вязниках происходило торжественное открытие нового городского училища ⟨...⟩ Было сделано предложение в смысле открытия сбора на стипендию И. С. Тургенева. Предложение было принято с большим сочувствием городскими представителями, по большей части купеческого сословия, и деньги щедро посыпались на тарелку. Как вдруг вбегает испуганный городской голова и накидывается со всевозможными устрашениями на открывших сбор. „Я не отвечаю, не отвечаю,— кричал он,—принимайте на себя!.. Вы за это ответите! “⟨...⟩ Сбор должен был прекратиться,

так как все стали отказываться от участия в „нелегальном деле“» («Русский курьер», 12 сентября).

«...в заседании комиссии народных чтений 23 сентября, между прочим, возбужден был вопрос, каким образом почтить память покойного И. С. Тургенева. Выражено было желание устроить одно народное чтение исключительно из отрывков сочинений знаменитого русского литератора, но оказалось, что комиссия не имеет на это права, так как ей разрешены для прочтения народу брошюры лишь „одобренные“ в Петербурге в Соляном городке. Ввиду этого решено было ограничиться панихидой в церкви московского почтамта в день похорон И. С. Тургенева в Петербурге» («Русские ведомости», 25 сентября).

Следует заметить, что панихиды явились той формой чествования памяти Тургенева, против которой правительство не осмеливалось выступить открыто, хотя не могло не сознавать, что они являются вынужденной формой выражения отнюдь не религиозных чувств. Газеты ежедневно с воодушевлением сообщали о панихидах в крупных и малых городах России — Баку, Белостоке, Брянске, Варшаве, Вильне, Витебске, Воронеже, Гродно, Динабурге, Ейске, Екатеринославе, Калуге, Киеве, Кинешме, Кишиневе, Курске, Луцке, Мариуполе, Миргороде, Нерчинске, Нижнем-Новгороде, Новгороде, Новочеркасске, Одессе, Орле, Павловске, Полтаве, Пскове, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Тамбове, Ташкенте, Твери, Тифлисе, Томске, Туле, Царицыне, Череповце, Шуе и др. Происходили эти панихиды в городских соборах, университетах, мужских и женских гимназиях, синагогах, студенческих общежитиях, консерваториях, театральных училищах, библиотеках и пр. С речами о покойном писателе во время этих панихид, как правило, выступали священники, законоучители, изредка — преподаватели литературы, профессора. Разумеется, студенчеству и другим «неблагонамеренным» элементам возможности выступить на этих официально одобренных «собраниях» почти не представлялось. О том, как относились к ним студенты и большая часть профессуры, мы можем судить по следующему репортажу П. Д. Боборыкина о заупокойной обедне в церкви Московского университета:

«Служба давно уже началась, а церковь совсем почти пуста. Стоят три-четыре десятка студентов у входа, под хорами да собственно в церкви — несколько профессоров и сторонних лиц направо; налево столько же дам. К панихиде набралось еще столько же...» («Новости и Биржевая газета», 5 сентября).

На состоявшейся в петербургском Казанском соборе 2 сентября панихиде присутствовали русские и иностранные представители прессы, заслуженные литераторы и ученые.

«По случаю позднего объявления о панихиде, — писали „Русские ведомости“ 3 сентября, — собрались немногие. Между прочими были: Гончаров, Салтыков, Григорович и Потехин; присутствовал также бывший московский городской голова Третьяков».

На панихиде в Московском театральном училище 27 августа вместо наемных певчих пел по собственному желанию хор русской оперы и присутствовала почти вся труппа Малого театра во главе с И. В. Самариным, М. Н. Ермоловой и Н. М. Медведевой («Русские ведомости», 28 августа).

Редактор «Гражданина» с возмущением писал в своей газете 28 августа:

«Рекламы торгашей, черные рамки на газетах ⟨...⟩, какие-то фантастические известия о панихидах, вдруг везде отслуженных ⟨...⟩, какие-то *народные венки* от никому в России не известных газеток ⟨...⟩ Мало ли Россия понесла тяжких утрат за эти двадцать последних лет, и сходили в могилу ее *великие* сыны... А черных рамок на газетах не было, фотографы

Шапиры не делали импровизированные траурные декорации на улицах — для рекламы своей лавочке... Ведь Филарета имела несчастье Россия и с нею весь мир христианский потерять в эти годы! А панихид не требовали газеты, сколько помнится, во всех учебных заведениях России!..»

О том, что *обрядовая сторона* панихид по Тургеневу воспринималась русской интеллигенцией не только с безразличием, но и с подчеркнутым презрением, сохранился ряд весьма любопытных свидетельств. Вот, например, как описывал в передовой статье «Гражданина» 4 сентября тот же Мещерский «панихиду русских литераторов по Тургеневе» в Казанском соборе (о которой мы упоминали выше): «Многочисленна, по-видимому, была семья этих пришедших на панихиду по Тургеневе русских литераторов, а между тем я никогда в сорок четыре года своей жизни не испытал такого тяжелого впечатления на панихиде, как сегодня ⟨...⟩ Один священник и один диакон, торопливыми голосами спешащие произносить, глотая на половину, никому не слышные звуки, и *один причетник*, вместо хора певчих, поющий почти шёпотом молитвы, в то самое время пока диакон и священник произносят молитвы. Десять минут спустя после начала — панихида была окончена. Возле меня стояли простые люди, глубоко смутившиеся этою панихидою. Одному из них показалось, и он громко высказал эту мысль, что, вероятно, нарочно интеллигенты собрались на заказанную ими панихиду, чтобы показать полное пренебрежение к тому, что называется церковною службою ⟨...⟩ И посреди этой картины — ни одного крестного знаменья с теплотою, ни одного взора, поднятого к небу, ни одной ласки доброты и любви во взгляде... Какие-то странные, всех и всё словно ненавидящие люди собрались совершить что-то неприятное, что-то страшное... Вот общее впечатление и, к сожалению, главное ⟨...⟩ Мы поняли многое другое... Мы поняли, почему от этих гордых людей наша бедная молодежь получает соблазн и смущение в душу, но не дары радости, не слова любви, ободрения и веры...»

Он же замечал в другой статье о панихидах по Тургеневу — от имени своего явно вымышленного собеседника:

«Бога ради, не говорите мне об этом отвратительном кощунстве! Соберутся просто для скандала совершенно неверующие люди, ногой не ступающие в церковь, разговаривают спиной к алтарю, как в клубе или каком-нибудь Пушкинском кружке. Если же они верующие — почему они не служили во время болезни покойного молебнов о его здравии? ⟨...⟩ Все это шум, скандал, нужные для кого-то и для чего-то: выказать ли самодеятельность общества, приучить ли его к демонстрациям — почем я знаю» («Гражданин», 11 сентября).

Заданный с провокационной целью и чрезвычайно меткий вопрос — «если же они верующие — почему они не служили во время болезни покойного молебнов о его здравии?», — недвусмысленно разъясняет чисто оппозиционный характер поминальных богослужений по Тургеневу.

«Здесь много говорят о том, что на похоронах Тургенева возможны демонстрации политического характера,— писал 13 сентября петербургский корреспондент лондонской газеты «Times» (Добсон?).—Скорее всего, однако, узколобые чиновники усмотрят демонстрацию в том, что не имеет с ней ничего общего, и вмешаются без каких бы то ни было оснований. Опасаться этого приходится: говорят, что полиция уже приказала фотографу с Невского проспекта убрать траурную драпировку с большого портрета покойного писателя, выставленного им в витрине. История маловероятная, но тупость мелких русских чиновников вошла в поговорку. Во всяком случае, как бы ни отнеслись к этому власти, у гроба Тургенева соберутся почти все представители современной литературы, из которых чуть ли не каждый так или иначе пострадал за свои произведения или взгляды и, конечно, не может забыть о том, что и Тургенев в свое время был их достойным

сотоварищем и также подвергался преследованиям. В депутации одной лишь городской думы будут две выдающиеся жертвы газетной цензуры: А. Краевский, старейшина русского журнализма, владелец „Голоса“ [12], и М. Стасюлевич, бывший издатель „Порядка“ [13], до сих пор являющийся редактором и издателем журнала „Вестник Европы“. Помимо этих и десятков других известных лиц, связанных с литературой и с различными общественными учреждениями и союзами, не следует забывать еще и о студенчестве. Сегодня открывается учебный год в школах и университетах; по слухам, многие из студентов и другие лица желают, чтобы останки Тургенева были привезены вечером — дабы устроить факельное шествие по улицам к кладбищу [14].

Из всех русских писателей Тургенев, пожалуй, был наиболее далек от политики и каких-либо партийных симпатий, поэтому только его общеизвестное убеждение в невозможности жить в России может дать пылким либералам опору для выражения протеста против того порядка вещей, который вынудил писателя жить и умереть в добровольном изгнании. Это-то и навело власти на мысль, что замышляется подобное выражение протеста. Что же касается неприязни официальных кругов и ныне модных литературных течений к Тургеневу как к западнику, то приходится с прискорбием отметить, что это ничем не оправданное чувство проявилось не только среди представителей купечества в С.-Петербургской думе и других собраниях, где слышались возражения против оказания почестей покойному романисту, но даже и в поведении „Московских ведомостей“, которые, к своему вечному позору, как выразился один либеральный орган, до сих пор никак не откликнулись на это событие. В противность всем своим современникам всяких оттенков, г. Катков не написал в своей газете ни единой строки о смерти великого писателя [15]. В то время, как все города, университеты и общества, все печатные органы в империи не перестают оплакивать национальную утрату, г. Катков хранит презрительное молчание и, в соответствии с добрыми нравами русского журнализма, подвергается далеко не молчаливым выражениям презрения со стороны петербургской прессы.

Принимая во внимание полуофициальное покровительство, оказываемое теперь органу Каткова, как наиболее угодному правительству, в чем все — справедливо или несправедливо — убеждены, уже одно это странное молчание нагнало страх на многих либералов, которые желали бы почтить имя Тургенева, и способствовало, вероятно, убеждению, что власти без особого одобрения взирают на чрезмерный ажиотаж вокруг гроба покойного писателя. Катков и Тургенев были когда-то большими друзьями, но, когда первый резко изменил свои политические взгляды, между ними произошло охлаждение; окончательный разрыв совершился, кажется, в дни пушкинских торжеств в Москве.

За этими исключениями, не только вся Россия, но и все славянские государства чтят память Тургенева. Даже поляки и евреи считают, что он был настолько свободен от предрассудков и предубеждений, свойственных многим его соотечественникам, что теперь их печатные органы полны похвал покойному писателю. Среди петербургских поляков уже началась подписка на венок. Тургенев очень дружил с несчастным польским писателем и поэтом Крашевским, недавно попавшим в германскую тюрьму; оба они были добровольными изгнанниками. Петербургская польская газета „Kraj“ в довольно мрачном тоне пишет о судьбе этих двух крупнейших представителей современной славянской литературы, один из которых умер в изгнании, а другой попал в заключение на чужбине. Из Аграма, где сейчас происходит борьба хорватов против австро-венгерского владычества, пришли выражения живейшего сочувствия, но упоминание о них в печати было запрещено, не столько из-за того, что в них говорится о Тургеневе, сколько, вероятно, из-за пылко выраженных надежд на будущую

роль России как главного защитника славянства. Эта надежда на Россию у хорватов, по-видимому, крепнет из-за нынешних действий австрийского правительства и представляется немаловажным фактом...»[16]

Вопрос о месте погребения Тургенева в связи с высказанным им пожеланием быть похороненным рядом с Белинским, вызвал в русской печати продолжительные дебаты.

26 августа в «Новом времени» появилось адресованное в редакцию письмо некоего Андрея Лохтина, который со слов смотрителя Волковского кладбища сообщил, что «не только рядом, но и вблизи могилы Белинского нет решительно места для новой могилы» и что смотритель посоветовал выбрать для Тургенева «другое, более лучшее место» и перенести туда прах Белинского, Добролюбова, Дельвига и др. Отвечая на возражения «Петербургской газеты», Лохтин в новом письме, датированном 28 августа, повторил, что места для Тургенева рядом с Белинским нет. «Можно отодвинуть могилу Добролюбова, чтобы образовалось пространство аршина в полтора,— добавлял он,— но, не говоря уже, что в такой тесноте ⟨...⟩ очень затруднительно будет поставить хороший памятник, едва ли имеется на это право, так как, сколько помнится, Добролюбов схоронен рядом с Белинским тоже по ⟨его⟩ желанию...» («Новое время», 30 августа).

В начале сентября специальная комиссия от Петербургской городской думы посетила Волково кладбище. Она приняла решение отодвинуть в сторону прах Добролюбова, а Тургенева похоронить между ним и Белинским, поставив для всех троих общую ограду[17].

Через неделю петербургские газеты сообщили читателям, что для могилы Тургенева выбран другой участок — около Соборной церкви. Распорядители похорон приобрели здесь место на десять могил за полторы тысячи рублей. Для того чтобы исполнить желание покойного, было решено исходатайствовать разрешение о переносе гробов Белинского и Добролюбова для погребения рядом с недавно умершим писателем.

Это поражающее своей бестактностью решение (хотя и продиктованное наилучшими намерениями) вызвало, как известно, решительный протест со стороны вдовы Белинского[18].

3 сентября на заседании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) была избрана особая комиссия для встречи тела Тургенева и организации его похорон. В нее вошли: Д. В. Григорович (председатель), В. П. Гаевский, И. И. Глазунов, В. Д. Спасович и Н. С. Таганцев.

10 сентября в хроникальной заметке «Нового времени» сообщалось: «Г-жа Виардо, письмом на имя г-на министра внутренних дел, полученным 6 сентября, ходатайствовала о разрешении перевоза тела И. С. Тургенева для погребения на Волковом кладбище. 7 сентября последовало разрешение этого ходатайства, о чем г-жа Виардо уведомлена телеграммой и о пропуске тела сообщено в вержболовскую пограничную таможню»[19].

В том же номере была напечатана следующая заметка: «Как известно, петербургская городская дума уже признала необходимость чествования памяти покойного И. С. Тургенева. Известно также, что городской голова, повестками известив гласных думы о кончине Ивана Сергеевича, просил их, кому будет угодно, встретить тело покойного, когда оно будет привезено в С.-Петербург, и отдать последнюю честь усопшему. Теперь нам передают, что на днях городская управа обсудила остальные вопросы о чествовании памяти Тургенева; в заседание были приглашены Д. В. Григорович и некоторые гласные. Городская управа единогласно постановила: 1) Расходы по перевозу тела ⟨...⟩ от Вержболова до С.-Петербурга ⟨...⟩ и по погребению его принять на городской счет, для чего потребную сумму, примерно до 3000 рублей, отпустить в Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с тем, что если от этой суммы будет остаток, то присо-

единить его к сумме, которая, по всему вероятию, будет собираться на устройство памятника. 2) Испросить установленным порядком разрешение на учреждение в С.-Петербургском университете стипендии имени Тургенева, на которую ассигновать 6000 рублей〈...〉 3) Открыть в местности 〈...〉 два начальных городских училища».

«Сегодняшнее заседание С.-Петербургской городской думы привлекло значительное число гласных, благодаря тому, что первым на очереди стоял вопрос о чествовании памяти Тургенева,— сообщали «Новости и Биржевая газета» 13 сентября. — В собрании за отсутствием городского головы председательствовал исполняющий должность его товарища П. О. Яблонский 〈...〉 Когда 〈...〉 председатель объявил: „На очереди вопрос о чествовании памяти Ивана Сергеевича", в зале воцарилась мертвая тишина и только послышались голоса: „Принимаем, согласны". Был прочитан известный уже нашим читателям доклад о предположениях управы, которая, между прочим, просит ассигновать 3000 рублей на похороны Тургенева». По этому поводу просил слова тайный советник Домонтович, отвергавший этот расход, который может послужить «опасным прецедентом на будущее время, так как нам придется всех выдающихся деятелей хоронить на свой счет», и предложил похоронить Тургенева на средства, собранные в складчину среди гласных. Домонтовичу отвечал М. М. Стасюлевич, заявивший, что Тургенев не принадлежал к числу бедных литераторов и в общественной благотворительности не нуждается; если город хочет хоронить его на общественный счет, то только чтобы оказать честь его памяти. «Стипендии и школы открывают везде, во всех городах России, а на нашу долю выпало счастье иметь свою, так сказать, собственность — драгоценные останки великого писателя 〈...〉 Такая складчина была бы оскорблением памяти Тургенева!»

Затем собрание без прений единогласно постановило сумму до 3000 рублей отпустить из городской кассы в Литературный фонд, ассигновав на учреждение в Санкт-Петербургском университете 6000 рублей, открыть два начальных городских училища в память Тургенева».

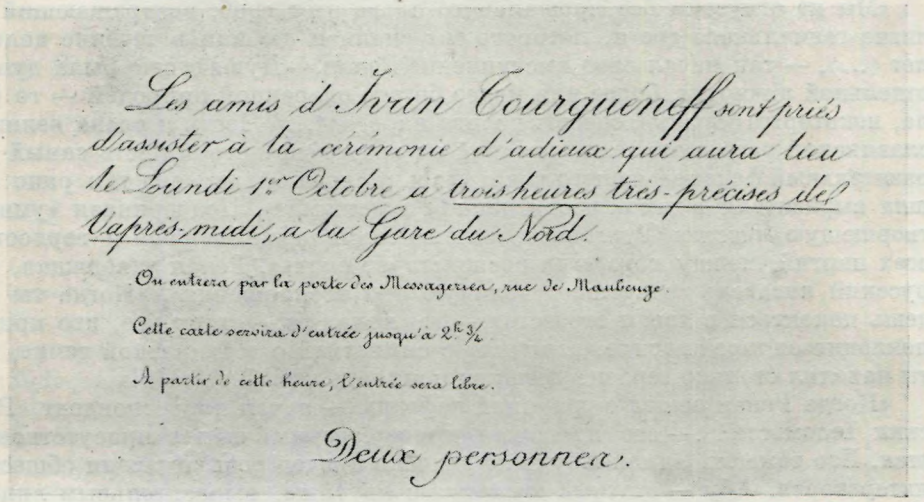
Эти постановления С.-Петербургской городской думы были опротестованы градоначальником Грессером; вопрос о денежной дотации разбирался во всех правительственных инстанциях в течение целого десятилетия. Деньги, в конечном итоге, так и не были выданы.

Глава II

ПРОВОДЫ ПРАХА ТУРГЕНЕВА В ПАРИЖЕ.— НАДГРОБНЫЕ РЕЧИ.— ПРОВОКАЦИЯ ПРУССКИХ ВЛАСТЕЙ.— В ВЕРЖБОЛОВЕ.— ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРОЦЕССИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ.— РЕЧИ НА КЛАДБИЩЕ.— ВЕЧЕР ПАМЯТИ ТУРГЕНЕВА.— НЕКРОЛОГИ «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛОВ

«Распорядители проводов и отправления тела И. С. Тургенева в Париже,— сообщалось в «Новостях и Биржевой газете» 20 сентября,— получив в прошедший вторник,13 сентября, известие из Петербурга телеграммою, что все готово к встрече и преданию земле усопшего, назначили было днем отправления четверг, 15 сентября; но оказалось, что необходимые бумаги, которые должны были быть отправлены вместе с гробом, находятся в столе покойного; для снятия наложенных на него, по закону, печатей, необходимо было исполнение некоторых формальностей, требовавших времени. Распорядители желали также взять и одновременно с телом Тургенева доставить и такие из его вещей, которые после его смерти могут принадлежать одной России; таковы: известный перстень Тургенева с руки Пушкина, подаренный покойному поэтом В. А. Жуковским 〈...〉;

далее докторская мантия и шапка, возложенная на Тургенева в Оксфорде ⟨...⟩ Рассчитывая дня в два выполнить упомянутые формальности, распорядители назначили днем отъезда прошедшую субботу, 17 сентября, но тут встретилось другое препятствие: в этот самый день, оказалось, назначен был въезд в Париж испанского короля Альфонса XII; прием его должен был совершиться именно на Северной станции железной дороги, где должна была быть исполнена церемония проводов тела И. С. Тургенева. Таким образом, пришлось поневоле еще раз отложить отъезд...»



Les amis d'Ivan Tourguéneff sont priés d'assister à la cérémonie d'adieux qui aura lieu le Lundi 1er Octobre à trois heures très-précises de l'après-midi, à la Gare du Nord.

On entrera par la porte des Messageries, rue de Maubeuge.

Cette carte servira d'entrée jusqu'à 2h 3/4

A partir de cette heure, l'entrée sera libre.

Deux personnes.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ЦЕРЕМОНИЮ ПРОЩАНИЯ С ТЕЛОМ ТУРГЕНЕВА. ЦЕРЕМОНИЯ СОСТОЯЛАСЬ В ПАРИЖЕ НА СЕВЕРНОМ ВОКЗАЛЕ 19 СЕНТЯБРЯ/1 ОКТЯБРЯ 1883 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Во вторник, 20 сентября/2 октября тело Тургенева было, наконец, перевезено на станцию Северной железной дороги в Париже. «В половине второго часа пополудни в склепе русской церкви, что на улице Дарю, была отслужена священником о. Васильевым с причтом „напутственная панихида“,— сообщал на следующий день из Парижа корреспондент «Русских ведомостей» Б. Чивилев,— а затем гроб был положен в специальный фургон и отвезен на вокзал, где в одном из обширных амбаров двора des Messageries * была устроена траурная храмина (chapelle ardente), имевшая очень торжественный вид. Двенадцать больших канделябр с хрустальными украшениями и каждая в шестнадцать толстых восковых свечей производили величественное впечатление. Друзей и поклонников усопшего впускали по билетам. Набралось приблизительно четыреста человек, между которыми не менее ста французов и француженок в траурных платьях. Я заметил г-жу Эдмон Адан, Эмиля Ожье, Золя, Доде, Авраама Дрейфуса, издателя Гетцеля, актера Дьёдоне, нескольких франмасонов, многих русских эмигрантов, возложивших вновь венок на гроб автора „Отцов и детей“, барона Горация Гинцбурга, Вырубова, Жюля Симона, Эдмона Абу, Ренана, русского генерального консула Карцова и нескольких русских художников **. Были также и поляки. Отец Васильев с причтом

* Грузовых перевозок (франц.).

** Корреспондент «Нового времени» указывает, что видел на панихиде «умное, но несколько суровое лицо Жюля Симона, стриженую, обрамленную черной бородой

отслужил над гробом, за черными драпировками, литию. Среди собрания царствовала мертвая тишина, прерываемая лишь резкими свистками и зычным пусканьем пара железнодорожных поездов ⟨...⟩.

Для ораторов была приготовлена особая трибуна, обитая черным сукном с серебряным позументом. Первая речь была произнесена Эрнестом Ренаном, который тоже превращается уже в дряхлого старика *. Он мал ростом, но очень тучен и сутуловат; длинные волосы поседели, глаза заплыли и лицо обрюзгло. Неблагодарная наружность не мешает быть Ренану замечательным оратором».

«Мы не отпустим без прощального слова этот гроб, возвращающий отчизне гениального гостя, которого мы знали и любили в течение долгих лет ⟨...⟩, — так начал свое выступление Ренан.— Душа его не была душой отдельной личности, более или менее богато одаренной природой — то была, некоторым образом, совесть целого народа ⟨...⟩ Честь и слава великой славянской расе, появление которой на авансцене истории есть самый поразительный феномен нашего века; честь и слава ей, что она так рано нашла выразителя в таком несравненном художнике». Подчеркивая «умиротворяющую миссию» Тургенева, являющегося «общей славой и гордостью всех партий, между которыми господствует рознь», Ренан утверждал, что русский писатель «открывает великую эру всепрощения». «Когда ты будешь покоиться в твоем отечестве,— заключал он,— пусть все, кто придет поклониться твоей могиле, вспомнят с симпатией о той далекой земле, где ты находил столько сердец, умевших понимать и любить тебя!»

«Когда Ренан сошел с траурной кафедры,— писал корреспондент «Русских ведомостей»,— его провожал приветственный шёпот присутствовавших. Его заменил Эдмон Абу и по записке прочел речь от имени общества литераторов. Абу — статный мужчина с круглым, выразительным лицом, толстым, чисто русским носом и огненными глазками; и он ныне уже совершенно поседел».

«Иван Сергеевич, вы перестали страдать, но вы не умерли вполне,— так начал Абу.— Теплая и живительная кровь течет еще в ваших книгах ⟨...⟩ Франция с гордостью усыновила бы вас, если бы вы того пожелали, но вы всегда оставались верным России ⟨...⟩ Я прочел в газетах, что некто из самой многочисленной и самой сильной касты, из касты глупцов, сказал: „Я не знаю Тургенева, это европеец, а я русский купец". Этот простак поместил вас в чересчур тесные пределы Европы. Ваше сердце принадлежало всему человечеству ⟨...⟩ Великие государственные люди, ваши соседи на западных границах, знают, что́ их ожидает после смерти. У них будут железные статуи, поддерживаемые военнопленными, побежденными, захваченными, несчастными, закованными в цепи. Кусочек разбитой цепи на белой мраморной плите всего лучше шел бы к вашей славе и удовлетворил бы, я уверен в том, ваше скромное самолюбие» [20].

«Речь Абу, как и речь Ренана, несколько раз подчеркивалась приятным шёпотом присутствовавших»,— отмечал Чивилев. Другой же коррес-

---

голову Эмиля Золя, старческую фигуру дряхлого историка-сенатора Анри Мартена, Эмиля Ожье, m-me Адан в глубоком трауре, единственного французского слависта проф. Луи Леже, г-жу Гревиль и целую группу журналистов как французских, так и иностранных» («Новое время», 25 сентября). В «Figaro» от 19 сентября отмечалось также присутствие Эрнеста Доде, кн. Любомирского, Робера Боньера, Эдмона Дювернуа и Кабе (см. «Новости» от 24 сентября).

* «После краткой молитвы о. Васильева с причтом,— продолжает корреспондент «Нового времени»,— на траурной трибуне появился низкий, коренастый старик с выбритым лицом и длинными седыми волосами.

— Monsieur Renan parlera au nom des amis du défunt! ⟨Господин Ренан будет говорить от имени друзей покойного!⟩ — провозгласил осанистый maître des cérémonies funèbres, — и Ренан, поминутно заглядывая в корректурные оттиски своей речи, рукопись которой уже накануне сдана была в редакцию „Temps", начал говорить тихим, слегка дрожащим голосом...» (там же).

ЦЕРЕМОНИЯ ПРОЩАНИЯ С ТЕЛОМ ТУРГЕНЕВА НА СЕВЕРНОМ ВОКЗАЛЕ В ПАРИЖЕ 19 СЕНТЯБРЯ/1 ОКТЯБРЯ 1883 г.

Э. Ренан произносит речь

Гравюра с рисунка К. О. Брожа

«Всемирная иллюстрация», 1 октября 1883 г.

пондент (Рич) утверждал, что речь Ренана «не произвела никакого почти впечатления на присутствовавших; ее выслушали молча, тогда как Абу удостоился восклицаний одобрения как за возражения знаменитому отныне петербургскому гласному, протестовавшему против участия думы в похоронах Ивана Сергеевича, так и за противопоставление будущих монументов германским и прусским государственным мужам — с памятником, соответствующим общественно-литературной деятельности Тургенева, а между тем речь Ренана была, конечно, глубже и метче определяла значение великого писателя» («Новое время», 25 сентября).

«Третья речь была произнесена Вырубовым,— продолжал корреспондент «Русских ведомостей».— Он высокий и очень худощавый блондин, чрезвычайно симпатичной наружности. Голос его тоже симпатичный,

ясный и громкий. Он говорил по-французски без малейшего акцента или, вернее, с чистейшим парижским акцентом».

Цензурные условия не позволили русским газетам воспроизвести речь Г. Н. Вырубова. Одни из них ограничились кратким пересказом и цитатами; другие — например, «Новое время», вступили с оратором в полемику, стараясь оглупить ее основные положения.

Приводим речь Вырубова полностью. Мы перевели ее с текста, напечатанного в газете «Justice» 4 октября:

«Уже второй раз выполняю я свой скорбный долг, произнося слова привета над гробом прославленного русского, скончавшегося на французской земле.

Тринадцать лет тому назад я сказал несколько слов на могиле Герцена, сегодня я пришел сказать последнее „прости“ Тургеневу.

Причудливая превратность общественных отношений! Причудливая судьба людская! Могила Герцена все еще находится в земле изгнания, тогда как бренные останки Тургенева вскоре торжественно возвратятся в Россию. А между тем эти два братских ума, эти два благородных сердца, вышедших из одной и той же среды, сроднившихся между собой узами тесной дружбы, принадлежали общему делу, стремились к общему идеалу прогресса и свободы.

Отчего же возникло столь несправедливое различие между двумя неутомимыми пионерами русской цивилизации? Этого вопроса стоит коснуться перед гробом Тургенева. Ответ вы, конечно, угадываете, господа. Тургенев обладал чем-то бóльшим, чем идея, которая, как бы верна она ни была, может иногда столкнуться с глубоко укоренившимися предрассудками; он обладал чем-то бóльшим, чем принципы, которые, как бы верны они часто ни были, идут вразрез с сложившимися привычками; он обладал формой, той безупречной и совершенной формой выражения, секрет которой известен только великим писателям.

Окутанная складками своего чудодейственного воображения, мысль, как бы смела она ни была, может безнаказанно быть выслушана всеми, может проникнуть в сознание всех, не пробуждая подозрительности и обиды.

И действительно, идеи, которые Тургенев облекал в форму своих рассказов и романов, были чрезвычайно смелы. Религиозный скептицизм, политический либерализм в самом разнообразном виде — все это было изложено великолепным языком незнакомых персонажей, которых, тем не менее, нельзя не любить. Все это было окружено великолепным пейзажем, которым восхищаешься, даже никогда не видав его.

Вот в чем секрет силы и оригинальности Тургенева. Для Европы, которая давно уже читала и ценила его, он был лишь чудесным художником. Для России он был воспитателем, родоначальником, апостолом, тем более благодетельным, что он вызывал восхищение даже у тех, с чьим учением он так страстно боролся. Вот почему господа русские либералы, все, без различия оттенков, произносят перед этим гробом слова признательности и глубокого уважения.

Душа великая и чистая одновременно, душа художника в самом обширном, самом всеохватывающем смысле этого слова, отзывчивая на все благородные стремления, на все великодушные начинания, Тургенев принадлежал к числу прекраснейших явлений в истории русской литературы.

Другие люди, более компетентные, чем я, без сомнения, со временем разъяснят, насколько велик писатель, которого только что лишилась Россия. Я могу уже теперь сказать, не опасаясь встретить возражения, что вместе с ним исчезает одна из тех общественных сил, в которых так сильно нуждается Россия, один из тех элементов примирения и согласия, кото-

рые помогают народам, в особенности народам юным, благополучно миновать переломные моменты в своей истории.

Бедный, милый усопший! Когда идеал, о котором ты грезил для своей родины, будет достигнут,— а достигнут он будет — можете в этом не сомневаться,— когда сближение Востока и Запада, которому ты посвятил свою жизнь, станет свершившимся фактом,— ты не сможешь наслаждаться своим торжеством. Но удел человека — смерть. Бессмертно и нетленно лишь искусство, которое посвятило себя служению великой идее, и идея, посвятившая себя служению великому делу.

Ты был художником, выдерживающим сравнение с любым из художников; ты терпеливо и честно работал во имя человеческого прогресса, поэтому ты умер не весь. Твои творения всегда будут примером и поучением; они останутся вечно юными, ибо они безгранично прекрасны, ибо в них живет истина».

«Последние напутственные слова, — продолжает корреспондент «Русских ведомостей»,—были произнесены по-русски знаменитым нашим художником Боголюбовым от имени русского артистического кружка, о котором Иван Сергеевич постоянно радел. Париж и проживающие здесь русские всех сословий и убеждений сделали свое; теперь очередь за Петербургом» («Русские ведомости», 27 сентября).

«Я не буду говорить о литературных заслугах нашего великого художника-писателя, только сейчас блестяще и верно оцененных в речах гг. Ренана, Эдмона Абу и Вырубова,— заявил Боголюбов, — но скажу, какое громадное влияние имел Иван Сергеевич как художник-писатель на среду художников, которых он так горячо любил и которым покровительствовал.

Всем известно, что в Париже существует наше небольшое общество, основанное в день достопамятного взятия Плевны. Возникновением своим оно немало обязано Тургеневу как главному учредителю — постоянному члену Комитета и секретарю, звание и обязанность которых он предложил взять на себя без всяких просьб и до конца жизни, несмотря на свои серьезные труды, всегда находил время заниматься нашим делом. Доброта души его и всегдашняя готовность помочь ближнему, столь тесно связанные с богатой натурой, известны каждому, но долг мой заявить всем, что не было из нас ни одного человека, который ушел от него неудовлетворенным помощью нравственною или материальною. В беседах своих с нами он был всегда прост, часто весел, а когда читал нам что-либо из своих сочинений, то влиял на чувства чарующим образом. Перейду теперь к Ивану Сергеевичу как высокому знатоку художества. Золотое перо его, подобно кисти при богатой палитре художника, изображало ясно и верно в его творениях словами ту неуловимую прелесть природы, доступную только такому мастеру, каким был Тургенев. Фон картин его (если могу так выразиться) был всегда верен, никогда не вымучен излишнею выработкою, но закончен настолько, чтобы читающий усвоил прямо идущие в душу подробности. Кто из нас не дышал свободно полною грудью, читая описание деревенского туманного утра с дрожащею, как алмазы, на листве росою! А его беспредельные нивы, тенистые рощи, его болота и пруды, поросшие водорослью... И в этом-то знакомом нам пейзаже двигались и жили так же верно и сильно созданные им народные типы; это живые люди, это наш край родной с его подчас грустною прелестью, но ведущею к светлой будущности. Женщина, изображенная Тургеневым, истомленная трудом и горем, только печально терзает душу, но она не безобразна. Мужик не тонет постоянно в бесповоротном пороке, но он могуч в беде своей, разумен и счастлив — и вот в этом-то творчестве он является истинным добрым гением, указывающим художнику тот верный изящный путь к изображению родных бытовых сцен, по которому уже идет наше молодое поколение и пойдет всегда тем же честным трудом своего учителя, упрочивая славу и

вечную память Ивана Сергеевича Тургенева» («Газета А. Гатцука», 1 октября).

«Профессор Боголюбов говорил по-русски с видимым и искренним волнением,— сообщал Рич в свою газету 19 сентября.— Этим очень тепло сказанным словом почтенного профессора закончились наши проводы столь дорогих всем русским останков. В начале пятого часа палатка опустела, и в пять тело было уже отправлено в Россию» («Новое время», 25 сентября).

Парижский корреспондент «Отечественных записок» Шарль Шассен (Людовик) заявил в очередной «Хронике парижской жизни», описывая торжественное прощание Парижа с прахом знаменитого русского писателя: «Более тысячи человек французов и русских присутствовали при этих проводах, и четыре напутственные речи гг. Ренана, Абу,Вырубова и Боголюбова, составленные с разных точек зрения, произвели одинаково сильное впечатление на многочисленных слушателей. Во время их произнесения произошло немало рукопожатий, особенно в ту минуту, когда один из ораторов высказал мысль, что печаль о смерти усопшего значительно смягчается мыслью, что благодаря его произведениям молодой России и старой Франции стало одинаково понятным, что в их национальном духе немало общих черт, обусловливающих то, что нравственный союз этих двух народов представляет собой наивернейшую гарантию возрождения человечества» («Отеч. записки», № 10, стр. 172).

Известный географ и путешественник М. И. Венюков отмечал в корреспонденции, присланной из столицы Франции:

«Последнее „*прости*“ Парижа Тургеневу было, можно сказать, еще торжественнее, еще задушевнее, чем отпевание его в русской церкви три недели тому назад. Да и вообще в эти три недели слава Тургенева, так сказать, выросла, если не в избранном кругу людей мысли, где она всегда была велика, то в массах 〈...〉 Обширный траурный шатер, воздвигнутый на подъезде станции Северной железной дороги, был набит битком, а кроме того, масса народа, французов, даже простолюдинов, теснилась на дворе. И все это было проникнуто почтением к угасшему даровитому писателю-иностранцу, сочувствием к нам, русским, которые его потеряли. Какая разница между этим народным сборищем и тем, которое было там же два дня тому назад по случаю приезда испанского короля! Можно сказать без преувеличения, что парижане умеют ценить заслуги тех, кто отдает свою жизнь на служение мысли, добру, красоте» («Новости и Биржевая газета», 24 сентября).

Передовая статья «Новостей и Биржевой газеты» от 21 сентября, посвященная отправлению праха Тургенева из Парижа в Россию, завершалась следующими словами:

«Последний долг, отданный французским народом на вокзале Северной железной дороги праху нашего Тургенева, скрепил наши взаимные симпатии новыми узами. Такие узы, основанные на чувстве народной любви, никогда не позабываются и в состоянии выдержать всякое испытание».

Траурный вагон из Парижа был направлен в Петербург через Берлин.

«По причинам, понять которые трудно, в Берлине не уведомили заранее о времени прибытия поезда с гробом Тургенева»,— сообщали русские газеты.

27 сентября редакция «Нового времени» сочла нужным заверить своих читателей, что описываемый ниже факт не является следствием закулисных интриг русских властей («Недоразумение или умысел был тут — во всяком случае, это дело не русских намерений»). Если это действительно так, то возмутительные меры, помешавшие берлинским почитателям Тургенева оказать ему последние почести, являются

прямым следствием нашумевшей речи Э. Абу над гробом писателя, в которой он противопоставил бессмертную, истинно народную славу Тургенева бренной славе германских правителей, воплощенной в «железные статуи, поддерживаемые военнопленными, побежденными, захваченными, несчастными, закованными в цепи». Меры, принятые германскими властями, можно расценить и как антирусский выпад, характерный для этого периода напряженных германо-русских отношений и намечавшегося франко-русского союза.

Отъ распорядителей по погребенію И. С. Тургенева.

Тѣло И. С. Тургенева прибудетъ на станцію варшавской желѣзной дороги въ С. Петербургъ, **во вторникъ, 27 числа, въ 10 час. 20 мин.** утра. Депутаціи съ вѣнками, участвующія въ процессіи, направляются по **Забалканскому проспекту** и при входѣ на **Ново-Московскій мостъ** получаютъ отъ распорядителей **билеты съ нумерами, отвѣчающими нумеру заблаговременно назначеннаго мѣста въ погребальномъ шествіи.**

Просятъ прибыть на мѣсто къ 9 часамъ утра.

Р.

СООБЩЕНИЕ О ВРЕМЕНИ ПРИБЫТИЯ ТЕЛА ТУРГЕНЕВА В ПЕТЕРБУРГ И О ПОРЯДКЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ПОХОРОННОЙ ПРОЦЕССИИ

«Санкт-Петербургские ведомости», 24 сентября 1883 г. № 257

Немецкая газета «Berliner Börsen-Courrier» сообщала 10 сентября: «Несмотря на горестное сочувствие, с которым обширный круг почитателей Тургенева ожидал дня прибытия его праха в Берлин, чтобы почтить его венками, никто не мог в точности узнать времени его прибытия. Служащие на железной дороге сами не знали ничего определенного и не могли дать никаких сведений. Маленькая толпа людей, желавших возложить венки на гроб, переходила от одного вокзала к другому, из одного конца города в другой. Начальники станций говорили, что их со вчерашнего утра постоянно осыпают вопросами о прибытии гроба, и не подлежит сомнению, что если б время прибытия было в точности известно, то собралось бы очень много публики. В Потсдамском вокзале вчера, после полудня, собралась большая толпа немецких, австрийских и русских почитателей покойного, в ожидании парижского поезда, приходящего в пять часов пятнадцать минут. Два господина несли большой лавровый венок с белыми лентами. Они уже третий раз приносили его и покорно опять уносили. Явилось также несколько русских дам, временно пребывающих в Берлине; они были в отчаянии, что не могли встретить праха покойного писателя. Наконец кто-то высказал предположение, что гроб, отправленный из Парижа 19 сентября, уже проехал. Но мы полагаем, что это едва ли вероятно» [21].

Невероятное, как увидят читатели, оказалось вполне вероятным.

На следующий день та же берлинская газета сообщала: «В то время как все думали, что тело Тургенева прибудет по Потсдамской дороге, в то время как представители литературных кружков изо дня в день бегали без устали со станции на станцию, таща с собою венки, в то время,

наконец, когда стала вообще исчезать надежда оказать в Берлине Тургеневу последние почести, бренные останки последнего привезены были на станцию Лертской железной дороги, что никому не могло придти в голову ⟨...⟩ Этим и объясняется, почему при прибытии тела Тургенева там решительно никого не было, что без всякой траурной церемонии тело было перенесено в товарный склад при станции, а на следующее утро отправлено в товарном фургоне на вокзал Силезской железной дороги. Как утверждают, ящик, в котором помещается гроб, был покрыт цветами. Венки, которые здешние почитатели Тургенева предполагали возложить на его гроб, отправлены прямо в Петербург, где, следует надеяться, им будет отведено подобающее место в траурной процессии. Как бы там ни было, но нельзя не пожалеть о том, что все старания узнать что-нибудь положительное о дне и месте прибытия тела Тургенева не увенчались успехом. Правда, что Тургенев был „только" великим поэтом, а не государственным человеком или высокопоставленным сановником» [22].

«19 сентября (1 октября) тело И. С. Тургенева было отправлено из Парижа с пассажирским поездом,— писал Стасюлевич в «Вестнике Европы»,— приготовленная встреча и проводы в Берлине, которые могли бы послужить в среду или четверг непосредственным продолжением печальной и вместе торжественной парижской церемонии в понедельник, почему-то не состоялись; тело прибыло прямо в Вержболово, в пятницу (23 сентября) рано утром; оттуда выехало в понедельник (26 сентября) также рано утром — и на следующий день, во вторник, 27 сентября, в десять часов двадцать минут утра подошло к платформе Варшавской станции в Петербурге ⟨...⟩ Наша похоронная комиссия, избравшая меня для встречи тела в Вержболово и смены иностранных провожатых в пути по России,— весьма справедливо опасалась назначить субботу днем погребения, ввиду возможных задержек в пути. Заблаговременное назначение такого ближайшего дня могло бы ввести публику в невольный обман. Отложить день погребения на воскресенье признано было неудобным; по той же причине оказалось невозможным назначить таким днем и понедельник, 26 сентября как день праздничный *. Принимая все это в соображение, комиссия назначила встречу тела и погребение во вторник, 27 сентября; но так как прибытие тела в Вержболово, судя по упомянутой депеше, ожидалось в пятницу 23 сентября, то, чтобы не задерживать тела в Вержболове в течение трех суток, предположено было ехать из Вержболова только днем, а на ночь останавливаться в пути, так чтобы приезд тела в Петербург последовал во вторник утром ⟨...⟩

В Вержболово я приехал в четверг, в восьмом часу вечера. Оказалось, что траурный вагон ⟨...⟩ уже прибыл из Вильны на границу согласно данному мне обещанию, но тут же мне сообщили, что о времени моего обратного пути с телом я буду извещен в свое время; кстати, мне подали тут же депешу из Берлина от провожатых, что *их* задержала там таможня ⟨...⟩ Я поспешил сообщить это известие в Петербург, а также дал знать о том и на станции, где прежде предполагалось встретить тело, сопровождаемое иностранцами, с подобающею религиозною церемониею и тем скромным почетом, какой возможен маленькому вержболовскому посаду Кибартам. Так как прах покойного вступал тут впервые на родную землю, то местное русское общество, состоящее большею частью из одних служащих, желало показать иностранным провожатым, что оно, не споря с Парижем в средствах к великолепию, сделает, однако, все для него возможное, чтобы достойно почтить усопшего. Это предположение не могло

---

* Правительственные органы не давали согласия на совершение похорон Тургенева в праздничный день, так как это могло бы вызвать появление на улицах всего рабочего Петербурга.— *Л. Л.*

ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА. ТРАУРНАЯ ПРОЦЕССИЯ НА ПУТИ К ВОЛКОВУ КЛАДБИЩУ. 27 СЕНТЯБРЯ/9 ОКТЯБРЯ 1883 г.
Гравюра с рисунка С. Л. Шамоты
«Всемирная иллюстрация», 8 октября 1883 г.

осуществиться по различным причинам, да и то, что случилось затем совершенно неожиданно, сделало бы напрасными все приготовления к встрече.

На следующий день рано утром, в шесть часов, к самому окошку моего номера на станции, где я провел ночь, подошел тот самый прусский пассажирский поезд, с которым должно было прибыть тело Тургенева, а через несколько минут ко мне вбежал служитель с известием, что тело Тургенева прибыло, одно, без провожатых и без документов, по багажной накладной, где написано: „1 — покойник“ — ни имени, ни фамилии! Мы только догадывались, что это — Тургенев, но собственно не могли знать того наверное. Тело прибыло в простом багажном вагоне, и гроб лежал на полу, заделанный в обыкновенном дорожном ящике для клади; около него, по стенкам вагона, стояло еще несколько ящиков, очевидно с венками, оставшимися от парижской церемонии 〈...〉

Пока мы выносили из вагона ящик с гробом 〈...〉, пока вынимались венки для выполнения таможенной обрядности,— настоятель приготовил в церкви катафалк и паникадила 〈...〉 Едва мы успели кончить нашу печальную работу, как на колокольне церкви раздался протяжный похоронный звон — „Vivos voco! mortuos plango!“* — Это был первый призыв и привет покойному на родине — и неимоверно тяжело потрясли заунывные звуки колокола слух каждого из нас, кто понимал, что́ мы в эту минуту делали. Погребальная процессия сложилась невольно, сама собою:

* «Сзываю живых! Оплакиваю мертвых!» (лат.).

таможенные артельщики ⟨...⟩ понесли впереди, один за другим, большие и богатые парижские венки; за ними, тихо качаясь на полотенцах, подвигался медленно тяжелый гроб (около сорока пудов тяжести), а за гробом пошли попарно все, кому случилось быть при вскрытии ящика. Гроб поместился на высоком катафалке; около него к катафалку были прислонены большие венки; к ним присоединили венок от Кибартского училища, изготовленный к предполагаемой встрече, и от русского общества в г. Владиславове. Вскоре пришли дети из мужского и женского училищ и усыпали ступеньки катафалка полевыми цветами и букетиками. Мало-помалу церковь наполнилась собравшимися из посада и приезжими из Эйдткунена, где, как известно, поселилось много русских торговцев,— и в восемь часов утра началась панихида с хором певчих.

Вечером того же дня с почтовым поездом прибыли, наконец, и провожатые, дочь г-жи Виардо m-me Chamerot с мужем; другой ее зять, m-r Duvernoy, заболел и не мог сопровождать тела ⟨...⟩

Было около шести часов вечера; смеркалось; под проливным дождем мы перешли небольшую аллею, отделявшую станцию от церкви. Так как, в видах санитарных, церковные двери оставались с утра открытыми настежь, то церковь никогда не оставалась без посетителей: многие приезжали из окрестностей Вержболова и Эйдткунена, услышав, что тело Тургенева останется на границе несколько дней. Мы также нашли в церкви посторонних; в углу помещался, по-видимому, художник, и снимал внутренний вид храма с гробом на катафалке, покрытом золотою парчой, окруженном теплящимися свечами и со всех сторон обставленном венками. Иностранные гости, очевидно, не ожидали встретить в нашей сельской церкви такую обстановку и были видимо тронуты представившимся им зрелищем Тургенева, мирно почивающего вечным сном в скромном деревенском храме, среди любимых им безбрежных полей, окружающих Вержболово со всех сторон...

В шесть часов вечера почтовый поезд увез иностранных гостей в Петербург ⟨...⟩ В субботу мы занялись в таможне очисткою венков пошлиною, так как некоторые из них были сделаны в Париже, и сделаны превосходно, из искусственных цветов, а такие цветы, как известно, обложены у нас довольно высокою пошлиною. После всенощной, в субботу же, была отслужена вторая панихида, и решено — на следующий день, в воскресенье, до обедни отслужить последнюю панихиду и вынести гроб в траурный вагон, чтобы иметь время в течение дня прочно установить гроб на катафалке и убрать его венками ⟨...⟩ В воскресенье в $8^1/_2$ часов утра отслужена была панихида, как то предполагалось, и о. Николай Петрович Кладницкий произнес при этом краткое, тронувшее всех присутствовавших слово. Оно было первым русским голосом, приветствовавшим дорогой прах на дальнем западном рубеже родной ему земли, и потому заслуживает быть занесенным в хронику по тому тексту, как оно было после воспроизведено в газетах:

„...Пред нами бренные останки великого нашего соотечественника, прославившего и себя и свою родину своими дивными творениями; они стяжали ему венец неувядаемой славы и поставили его, а вместе с ним и наше родное слово, наряду с величайшими современными писаниями и писателями, не только у нас в России, но и далеко за ее пределами ⟨...⟩ Кому из вас неизвестно также, с каким лестным для нашей национальности сочувствием отнеслись к покойному все лучшие и просвещеннейшие люди Запада, поставившие Тургенева наряду с величайшими современными поэтами! Итак, слава Тургенева есть слава нашей родины, и потому она не может быть чужда никому из нас ⟨...⟩ Вечная память да будет тебе от всех нас, твоих скорбящих о тебе соотчичей, доблестнейший муж земли русской“» («Вестник Европы», № 11, стр. 436—442).

«Прусский поезд прибыл к станции в Вержболове, в понедельник, в семь часов утра,— сообщалось в «Газете А. Гатцука» 8 октября.— Когда пассажиры его вышли на платформу, новый поезд был уже сформирован; впереди стоял черный вагон с белыми обводами, запертый висячим замком. По просьбе пассажиров, вагон этот отперли. Внутри он представлял нечто вроде походной часовни: посреди вагона, как в церкви, возвышался черный катафалк, обшитый белым позументом; на катафалке высился ясеневый гроб с переброшенной через него белой лентой, на которой золотом отпечатано: „Les Frênes", т. е. „Ясени" (так называется вилла в Буживале, где скончался покойный); ступени катафалка были устланы гирляндами живых цветов с гроздьями рябины; посредине катафалка помещался громадный белый венок из Парижа от русских художников, а длинные его ленты окаймляли нижнюю ступень катафалка. По углам были прикреплены также большие заграничные венки; между ними помещались букеты и небольшие веночки, доставленные в Вержболове. На самом гробе лежал посредине громадный венок из искусственных белых роз, и еще два весьма богатых и красивых венка без надписей; эти последние венки были все из Парижа. По стенам, обтянутым черным сукном, висели опять венки; в головах у гроба громадный зеленый венок с серебряными перехватами и с надписью „La famille Viardot", занимая все пространство задней стены вагона. При виде гроба все с благоговением обнажили головы; ожидали литии, но неизвестно почему лития не состоялась, и священник один, без облачения, поднялся в вагон и в присутствии всех прочел тихо молитву, благословил усопшего в последний путь, земно поклонился ему и приложился к образу Христа, прикрепленному к гробовой доске. Все присутствовавшие были видимо взволнованы. В восемь часов пятнадцать минут поезд отошел от станции.

Первым городом на пути был Ковно; при приближении поезда платформа станции была совершенно пуста; кроме служащих, не видно было ни одного человека; но когда открыли двери пассажирских зал, то вместе с пассажирами хлынула неудержимо такая масса людей, что в одно мгновение вся платформа была переполнена. Так как и здесь лития не могла состояться, то распорядитель, вероятно, и не имел потому повода открывать печальный вагон. Притом второй звонок очень быстро последовал за первым — и масса детей всех возрастов, обступившая вагон распорядителя, едва успела ему подать большой пальмовый венок с белою лентою и с надписью „Незабвенному поэту".

В Вильне, наоборот, при приближении поезда, вся платформа была занята народом, но также не было видно никаких приготовлений к литии. Распорядителю пришлось в это время принимать в вагон массу венков.

От Вильны без значительных остановок поезд шел до Динабурга. Там на платформе собралась толпа, не меньше виленской. Хотя и тут литий не было, но траурный вагон был открыт, потому что явилось много желающих возложить на гроб венок.

За Динабургом началось ночное время, но и оно не остановило желавших почтить память усопшего: в Острове собралась группа людей с венком, ожидавшая поезда до полуночи; в Пскове в два часа ночи на платформе находилась значительная толпа.

В шесть часов утра в Луге большая толпа людей и духовенство в облачении ожидали прибытия поезда. Вследствие того немедленно был открыт вагон; это было первое состоявшееся в пути заупокойное служение.

Около девяти часов поезд прибыл в Гатчину, где его встретила громадная толпа, стоявшая на всем протяжении станционной платформы. Впереди помещались певчие и духовенство в полном облачении. По открытии вагона вся толпа моментально обнажила головы, священнослужители

вступили в самый вагон, и началась панихида с участием большого хора певчих, стоявших перед вагоном. Во время службы очень скоро раздались один за другим все три звонка, и поезд должен был бы тронуться, прервав богослужение и увезя с собой вместе духовенство. К счастью, священники не прекращая богослужения, успели выбраться из вагона в одежде, неудобной для крутого спуска, и с кадилом в руках, и богослужение продолжалось на платформе».

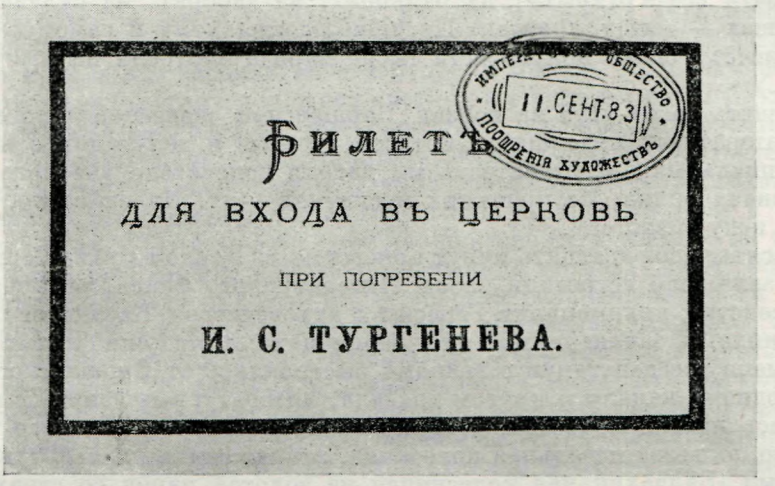
10 октября в лондонской «Times» появилось следующее сообщение из Эйдткунена: «Похороны покойного г. Тургенева, которые должны произойти в Петербурге завтра, когда останки прибудут с немецкой границы, так хорошо предварительно организованы полицией и министерством внутренних дел, что все возможности беспорядков и проявлений недовольства сведены к минимуму. Маршрут процессии от вокзала до кладбища определен весьма тщательно, чтобы избежать самых населенных и опасных районов города. Кортеж и его 176 делегаций с венками направятся по широким улицам южной окраины города. Организационный комитет вынужден был, конечно, отдаться целиком в руки полиции и заранее представить в цензуру речи, которые будут произнесены над могилой священниками, ректором Петербургского университета г. Бекетовым, гг. Григоровичем и Плещеевым. Но лишь малая часть громадной массы идущих за гробом будет допущена по билетам на кладбище и в церковь. Граф Толстой, министр внутренних дел, вычеркнул, как говорят, из списка делегации адвокатов и поляков, а также делегацию рабочих одной из больших петербургских фабрик; всем военным делегациям также запрещено участвовать».

Немалое удивление у современников вызвал утвержденный градоначальником порядок следования делегаций в составе похоронной процессии, опубликованный в большинстве петербургских и московских газет. Одно из первых мест в нем занимала почему-то делегация общества покровительства животным...

«Во вторник 27 сентября, утром в 10 часов 20 минут ⟨...⟩, — сообщал Стасюлевич в уже цитированной нами статье,— траурный вагон вошел на станцию. Вся левая платформа, у которой остановился поезд, была очищена от публики, а на правой помещалось духовенство и небольшая группа лиц, допущенных распорядителями похоронной комиссии, так что при громадном пространстве платформы и правая сторона казалась почти пустою. Не прошло и минуты как траурный вагон был отстегнут от прочих вагонов и после небольшого маневра перешел на другие рельсы; машина дала задний ход, и мы подошли вплотную к противоположной платформе. Началась торжественная лития — третья в это утро — затем были вынуты все венки, перенесен гроб и установлен на катафалке; около одиннадцати часов утра тронулась в стройном порядке печальная процессия, ярко освещенная неожиданно появившимся в этот день солнцем».

Из редакционной статьи «Новостей и Биржевой газеты» от 28 сентября: «С раннего утра в городе стало заметно усиленное и необычное движение: и экипажи, и пеший люд — все стремилось по направлению к станции Варшавской железной дороги, и со всех сторон двигались венки разных видов и размеров. К девяти часам вся местность, прилегающая к этой станции, пестрела многотысячной толпой, над которой возвышались венки и хоругви, заключавшие в себе эмблемы священной памяти поэта-художника. К самой станции подъезжали и подходили группы людей самых разных званий и общественных положений. Все, что имеет какое-нибудь отношение к литературе, не говоря уже о лицах с известной литературной репутацией, все было здесь или у венков, в составе депутаций, или у здания вокзала. В самый вокзал и к платформе, к которой должен был подойти траурный вагон, допущены были, кроме распорядителей, лишь пред-

ставители общества литераторов и двое-трое сотрудников. Тут же находились два лица, близкие к покойному: г-жи Полонская и М. Г. Савина ⟨...⟩ У подъезда ожидала траурная колесница ⟨...⟩ Для праха Тургенева было приготовлено что-то рваное, грязное и очень неприличное. Такой же катафалк (рваный и грязный) ожидал гроб и в церкви...»



БИЛЕТ ДЛЯ ВХОДА В ЦЕРКОВЬ ВОЛКОВА КЛАДБИЩА В ДЕНЬ ПОГРЕБЕНИЯ ТУРГЕНЕВА 27 СЕНТЯБРЯ/9 ОКТЯБРЯ 1883 г.
На билете — штамп Общества поощрения художеств
Литературный музей, Москва

О погребальной колеснице, которая «вызывала негодование со стороны всех видевших ее у вокзала, до тех пор пока венки, цветы и зелень не скрыли ее от взоров публики...— писала редакция «Новостей и Биржевой газеты» и 29 сентября.— Один из сотрудников одной московской газеты, кажется, первый обратил внимание на грязные лохмотья черного сукна, драпировавшие постамент, на облупленные, грязные колеса, на шнуры толщиною в полпальца, скудость драпировки из дрянного мишурного глазета, какой-то общипанный намет козел и проч. Вокруг нее собралась публика, в которой было несколько членов разных редакций, и все в один голос выражали недоумение и неудовольствие по поводу мизерности экипажа, на долю которого выпала честь везти останки Тургенева к месту их вечного упокоения».

Московская газета «Русский курьер» поместила 30 сентября две корреспонденции из Петербурга о похоронах писателя. Вот несколько строк из первой статьи:

«...проводить Тургенева явилось до 400 000 ⟨!⟩ человек[23]—то есть несравненно более, чем на проводы праха Ф. М. Достоевского ⟨...⟩ К станции ⟨...⟩, неизвестно в силу каких соображений, были допущены только распорядители и власти (к слову сказать, на проводы праха нашего гениального писателя явился и один из иностранных послов — посланник Северо-Американских Соединенных Штатов) [24] ⟨...⟩

Директор 2-го реального училища нашел возможным освободить учеников от занятий на этот день и выстроить их шеренгой по пути следования процессии на Загородном проспекте; его примеру последовал Петербургский университет и некоторые другие высшие учебные заведения — лекций в них не было. Процессия шла превосходно, торжественно, кра-

сиво вплоть до Расстанной улицы, где в шествие и его порядок вздумалось вмешаться г. Грессеру и произвести тем самым беспорядки».

«Какие тысячи народа собрались посмотреть на это удивительное погребение,— писал один из многочисленных русских корреспондентов, присутствовавших на похоронах Тургенева.— Процессия прошла шесть верст в течение трех часов с четвертью. На улицах, в окнах домов (окна были почти везде открыты), на балконах, на заборах, на складах дров, на крышах — всюду зрители. По приблизительному и самому умеренному расчету более полутораста тысяч народа смотрели на эту процессию ⟨...⟩

В девять часов утра на вокзал Варшавской железной дороги собрались литераторы, художники, артисты, ученые и депутации с венками. Из официальных представителей мы видели попечителя учебного округа и градоначальника. Из приезжих москвичей — гг. Иловайского, Муромцева и г-жу Федотову.

В десять часов двадцать минут прибыл поезд с телом Ивана Сергеевича. На вокзале тело встретили члены Литературного фонда, распорядители и духовенство; архимандрит Герасим с духовенством Казанского собора, священниками, законоучителями и иеромонахами отслужил литию. К этому времени все депутации с венками выстроились от Варшавского моста по Обводному каналу и кругом вокзала, литературные депутации расположились против подъезда, декорированного трауром. Тут же стояла у самого подъезда печальная колесница, запряженная шестью траурными лошадьми. Балдахин над колесницей из золотой парчи со страусовыми белыми перьями по бокам и золотыми кистями. Весь верх балдахина украшен венками. На передней стороне его среди прочих венков выдавался маленький изящной работы серебряный венок от студентов Московского технического училища. Верх балдахина покрывал венок громадных размеров из великолепных искусственных цветов. Около него находился металлический венок прекрасной работы. Гроб вынесли на руках и поставили на колесницу. Гроб дубовый, французского образца, вроде ящика, с четырьмя углами по концам, без ножек. На крыше серебряный крест и под стеклом портрет покойного, вделанный в крышу. Множество венков прибыло вместе с гробом из Парижа, из Вильны, из Пскова, где выходили встречать прах писателя; много венков возложено и в вокзале; все депутации, которые не заявили о себе ранее и не вошли в список, не участвовали в процессии, а клали венки на гроб. Среди этой сплошной массы венков мы видели и роскошный венок с золотой надписью от здешних мировых судей, от санкт-петербургских присяжных поверенных, от студентов Киевского университета, от Новороссийского университета, от представителей дворянства, от духовной академии, от частных лиц. Сто семьдесят восемь депутаций с венками предшествовали гробу. Нет возможности обозреть и описать все венки. Много было металлических с фарфоровыми цветами, великолепно сделанными, были венки серебряные: от первой гимназии, третьей, от Московского университета, от харьковской оперной труппы, от Академии художеств, необыкновенно изящный венок, точно из паутины сотканный, от русских художников, роскошный венок от болгар с серебряным свитком посередине. Все редакции прислали более или менее богатые венки. Хорош по идее и изящен по исполнению венок от драматических классов санкт-петербургского общества любителей сценического искусства: огромная лира из цветов с порванными серебряными струнами. Из этих струн составлены инициалы И. С. Т. Громадных размеров венок от издателя (Шапиро) и сотрудников портретной галереи русских писателей. Он весь из роз, а в середине большая золотая лира. Все венки были замечательны или по богатству, или по искусству, а их было до двухсот.

В одиннадцать часов процессия тронулась. Это было зрелище величественное, необыкновенное. Венки следовали один за другим, при каждом шесть депутатов, версты на две тянулись они вереницей, прерываемые кое-где хорами студентов Санкт-Петербургского университета, Института гражданских инженеров и Горного института. Впереди всех несли венок от бывших крестьян Ивана Сергеевича. В середине шествия, перед хором студентов Университета картинно двигался, занимая всю ширину дороги, студенческий венок громадных размеров с двумя хоругвями по бокам. В середине венка, в черной раме, помещался портрет покойного Тургенева, все поле венка сплошь из незабудок и цветов. По бокам венка несли две цветные хоругви с золотыми кистями и с подписями: „Тургеневу студенты Санкт-Петербургского университета". Советы университетов, депутаты Академии наук, представители высших учебных заведений, представители земств, предводитель дворянства Санкт-Петербургской губернии, московское, петербургское городские управления шли в процессии. Глаз едва охватывал весь этот лес двигавшихся венков. За ними по четыре в ряд шел хор русской оперы, исполняя нотное „Святый боже". За хористами следовало духовенство — впереди священники несли икону, иеромонахи, законоучители-священники, протоиереи Казанского собора и архимандрит, окруженный диаконами. Факельщики следовали по сторонам процессии. Колесница с золотым балдахином, как бы сотканная из венков, с колеблющимися коронами страусовых перьев, медленно двигалась среди живой стены народа, обнажавшего головы и крестившегося. Кисти несли гг. Шамеро и Бекетов, Таганцев и Краевский, который менялся с г. Стасюлевичем. За гробом несли венки: от г-жи Виардо — металлический с серебряными перехватами в виде ленты и большой серебряный венок на голубой бархатной подушке — от русской колонии в Париже, внутри венка на серебряной доске поименованы фамилии лиц, соорудивших этот венок, в первой строке списка стоит гр. Орлов, русский посол в Париже. Венок нес г. Крамской, который встретил поезд с гробом Тургенева за несколько станций от Петербурга. Оба эти венка будут завтра выставлены на чтении в память Тургенева.

За гробом шли парижские родственники Тургенева, г. Дювернуа, дочь г-жи Виардо, которая замужем за г. Шамеро — молодая и красивая брюнетка, южного типа, племянник Тургенева и — нужно ли прибавлять — все здешние литераторы, несколько художников, артистов. У церкви Введения была отслужена лития, у церкви Синодального подворья, в Звенигородской улице, тоже.

Медленно двигалась процессия, а в большой церкви Волковского кладбища уже совершалась литургия. В $11^1/_2$ часов прибыл преосвященный Сергий, епископ Ладожский. Молящихся сначала в церкви было очень мало, все имевшие билеты шли за гробом или в процессии. Преосвященный Сергий совершал богослужение медленно, с полною торжественностию, в сослужении двух архимандритов и причта Волковской церкви.

Когда процессия прибыла на кладбище, все депутации с венками были построены шпалерами по обе стороны пути до самой церкви, и среди них проехала колесница. Умилительная картина представилась тогда взорам всех. Над медленно проезжавшей колесницей медленно склонялись венки, как бы говоря последнее „прости", воздавая последнюю почесть. Эта картина трогала до глубины души. Венки и депутации от редакций расположились около церкви, венки от Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым, от городской думы — помещены были около самой могилы, которая находится тут же у церкви, с левой стороны от входа, с правой от церкви. Было двадцать минут третьего, когда гроб внесли в церковь и поставили на катафалк под малиновым бархатным балдахином. Четыре траурных подсвечника поставили по сторонам.

Обедня приходила уже к концу, диакон возглашал: „Со страхом божиим и верою приступите". Церковь мгновенно наполнилась. В половине третьего начали панихиду. Архиерей вышел на середину перед гробом в сопровождении трех архимандритов и духовенства, которое двумя черными лентами протянулось по сторонам гроба к алтарю. На клиросах пели певчие Казанского собора, певшие обедню, и хор русской оперы, прибывший в процессии. Панихида, пропетая такими прекрасными исполнителями, произвела сильное впечатление. Окончилась она, все пошли к могиле, сняли с гроба венки, от Виардо и от русской колонии, возложенные при начале панихиды,— и гроб понесли к могиле между двумя рядами венков, снова склонявшихся над гробом. Могила, выложенная голубой материей и сплошь усыпанная цветами, была уже окружена публикой, но тотчас все очистили место, когда процессия пошла из церкви, духовенство окружило могилу, архиерей благословил последнее убежище русского писателя, протодиакон возгласил ему вечную память. Гроб засыпали землей и цветами.

Богослужение кончилось. Председатель Литературного фонда Таганцев заявил, что на могиле произнесут речи ректор Петербургского университета Бекетов, профессор Московского университета Муромцев, Д. В. Григорович и А. Н. Плещеев.

Ректор университета А. Н. Бекетов произнес следующую речь:

„Я приблизился к этой дорогой могиле для того, чтобы сказать последнее „прости" от лица своих товарищей и всего нашего университетского юношества. Но, прощаясь с успокоившимся поэтом, не могу говорить о нем как о погибшем навеки, ибо никогда еще не был он так могуч, как теперь. Силы, которые он в себе хранил, передавая их по временам в своих произведениях, не только не погибли, но разлились еще с большею энергиею, потрясая сильнее, чем когда-либо, сердца всех способных чувствовать и мыслить.

У гроба Тургенева в уме, постоянно занятом изучением природы, невольно и с особою яркостью возникают великие представления о вечности сил, о преемственности жизни.

В небесных вышинах есть столь отдаленные от нас светила, что свет, ими изливаемый, несмотря на едва вообразимую быстроту своего движения, доходит до нас только через сотни тысяч лет. Свет этих миров поражает наш взор в то время, когда они сами давно исчезли в недосягаемых наблюдению пространствах, а может и вовсе перестали существовать. Тем не менее, мы не можем считать те светила погибшими, ибо волны эфира, поражающие наше зрение, всколеблены ими. Материя распалась, но силы, ее оживлявшие, продолжают действовать, потрясая эфир в беспредельных и безвременных пространствах. Воспринятый свет, в свою очередь, не пропадает — он только превращается в новые силы, переходящие опять в другие — и так без конца.

Таково физическое представление о бессмертии. Не то же ли являют нам силы духовные, которые колеблят миллионы сердец долго и долго после распадения сдерживавшей их материальной оболочки?

Если бы даже имя нашего поэта перестало когда-либо повторяться, то поэтические аккорды, внесенные им в психическую жизнь человечества, никогда не замолкнут, развиваясь, пополняясь, входя в состав новых, более сложных симфоний, но пропасть они не могут никогда.

Таковы последствия великого закона сохранения сил, и в нем, наряду с утешениями, предлагаемыми нам религиею, мыслящий человек может тоже искать утешения, провожая в последнее земное жилище останки великого таланта.

Отвлекаясь еще и еще от „забот суетного света", мы усматриваем приложение закона сохранения сил и в величавом явлении преемственности

ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА НА ВОЛКОВОМ КЛАДБИЩЕ
27 СЕНТЯБРЯ/9 ОКТЯБРЯ 1883 г.
Д. В. Григорович произносит речь
Гравюра с рисунка К. О. Брожа
«Всемирная иллюстрация», 8 октября 1883 г.

жизни, дающем нам опять возможность схватиться за край ризы удаляющегося от нас поэта.

Световая солнечная энергия, передаваясь материи, дает толчок органической жизни, на лоне которой возникло и само человечество. Все живые творения божественной воли, давшей первый импульс всемирному движению, связаны между собою непрерывною цепью. От зеленеющего растительного покрова, чрез длинный ряд движущихся и чувствующих организмов солнечный огонь, все более и более концентрируясь и усложняясь, передается человечеству. Оно составляет последнее звено жизни, собравшее в себе сумму энергий всего прошедшего бытия.

Та же преемственность, то же постепенное накопление и совершенствование усматривается и в развитии духа человеческого. Священное пламя науки и искусства все ярче и ярче пылает на земле, а собирателями и настоящими хранителями драгоценного наследия являются избранники божества, одаренные гениальным умом и талантом.

Одним из таких избранников был тот, которого мы теперь оплакиваем. Вверенная ему частица божественного огня теперь освободилась от своих оков и вольными струями будет разливаться между людьми.

Не мне, естествоиспытателю, браться за характеристику деятельности Тургенева. В надгробных речах и заявлениях печати всех просвещенных стран наш поэт оценен по достоинству.

Прибавлю только одно. Если бы все так чувствовали и мыслили, как чувствовал и мыслил Тургенев, то мирное течение наших судеб на пути к

прогрессу не было бы прерываемо ни на один миг, ибо его произведения отличаются спокойствием, редкою объективностью и здравомыслием в оценке всякого рода социальных явлений.

Покойся же в мире, и пусть твоя кончина побудит нас обратиться с новою силою к науке, перед которой ты так благоговел, к искусству, которому ты служил с таким самоотвержением. В этом найдем мы настоящее утешение в скорби, причиненной нам твоею утратою".

За А. Н. Бекетовым говорил профессор Московского университета г. Муромцев. Вот его речь дословно:

„В ряду представителей русской мысли Московский университет отдает последнюю дань праху великого писателя родины. С гордостью вспоминает он, что считал Ивана Сергеевича в числе своих учеников, что первые стремления Тургенева, остановленные не по его вине, были направлены к научной деятельности в стенах родного университета. Еще с большею гордостью вспоминаем мы, что в этих самых стенах великий писатель нашел нравственную поддержку,— тогда, когда наиболее в ней нуждался, и с тех пор Московский университет признавал для себя за особую честь считать Тургенева в ряду своих почетных членов. Великий представитель высочайшего творчества в области мысли,— творчества художественного, Тургенев был дорог русской науке. Но нам, москвичам, он был дорог еще и потому, что в творческой деятельности его сказалась та самая живительная струя, которая в сороковых годах дала новую силу науке. Идеи гуманности и справедливости, которые одушевляли людей кафедры, Тургенев выражал с несравненною силою и несравненным влиянием в своих художественно-поэтических творениях. И эту сторону своей деятельности сознавал сам Иван Сергеевич, когда, отвечая на московский привет, он, как всегда скромный в оценке своих заслуг, приписывал сочувствие к нему главным образом тому обстоятельству, что до последних лет своей жизни он сумел остаться верен убеждениям своей молодости. В этом — источник благотворного влияния великого художника до последних дней его, в этом — залог того, что его влиянию после смерти суждено расти и расти. Спасибо, глубокое, сердечное спасибо шлет великому ученику своему, его alma mater — спасибо и вечная память!"

Сильно взволнованный, произнес свою речь Д. В. Григорович:

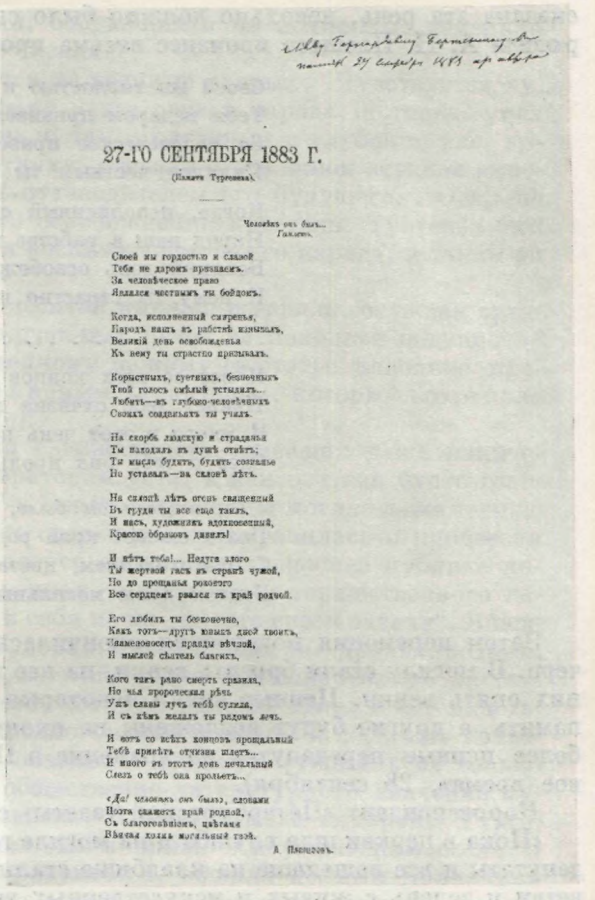
„Трудно прибавить к тому, что было говорено и писано о Тургеневе со дня его кончины до настоящей минуты. Но личности избранные, личности, исключительно одаренные, к каким принадлежал Иван Сергеевич, заключают в себе всегда такую глубину содержания, что сколько ни черпай, все останется, останется, как в живом роднике, который из века в век поит целое население и все-таки продолжает бить живым ключом...

Вспомните все вы, окружающие теперь могилу Тургенева, вспомните, с каким единодушием отозвался весь образованный мир на Западе и у нас в России, когда пронеслась горестная весть о его кончине! Чем же был Тургенев, чтобы кончиной своей вызвать в сотнях тысяч людей столько сожалений, столько слез, столько истинного горя? По какому поводу десятки тысяч соотечественников сердцем рвутся теперь к его могиле и все мы, здесь стоящие, так глубоко потрясены и взволнованы? Почему мы здесь? Приказа никакого не было! Но произнесено было имя Тургенева — и со всех концов России лица разных сфер, и старый и молодой, как один человек, пожелали почтить это имя! Отчего же такое единодушное воодушевление? Тургенев был литератор; другого звания у него нет и никогда не было... Не доказывает ли это знаменательно, что дар поэзии в связи с творческой силой, т. е. способностью выражать чувства и мысли в живой пластической форме,— не есть дар эфемерный, заурядный, как еще многие думают! Если б это было так, ничего бы, конечно, не было из того, что происходило целый месяц и что сегодня, теперь происходит; а происходит

СТИХОТВОРЕНИЕ
А. Н. ПЛЕЩЕЕВА,
ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ
ТУРГЕНЕВА

Вырезка из журнала «Отечественные записки» (1883, № 10) с дарственной надписью автора Л. Б. Бертенсону

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



27-ГО СЕНТЯБРЯ 1883 Г.

(Памяти Тургенева).

Человѣкъ онъ былъ...
Гамлетъ.

Своей мы гордостью и славой
Тебя не даромъ признаемъ.
За человѣческое право
Являлся честнымъ ты бойцомъ.

Когда, исполненный смиренья,
Народъ нашъ въ рабствѣ изнывалъ,
Великій день освобожденья
Къ нему ты страстно призывалъ.

Корыстныхъ, суетныхъ, безпечныхъ
Твой голосъ смѣлый устыдилъ...
Любилъ—въ глубоко-человѣчныхъ
Своихъ созданьяхъ ты училъ.

На скорбь людскую и страданья
Ты находилъ въ душѣ отвѣтъ;
Ты мысль будилъ, будилъ сознанье
Но уставалъ—на склонѣ лѣтъ.

На склонѣ лѣтъ огонь священный
Въ груди ты все еще таилъ,
И насъ, художникъ вдохновенный,
Красою образовъ дивилъ!

И нѣтъ тебя!... Недуга злого
Ты жертвой гасъ въ странѣ чужой,
Но до прощанья рокового
Все сердцемъ рвался въ край родной.

Его любилъ ты безконечно,
Какъ тотъ—другъ юныхъ дней твоихъ,
Знаменоносецъ правды вѣчной,
И мыслей сѣятель благихъ,

Кого такъ рано смерть сразила,
Но чья пророческая рѣчь
Ушъ славы лучъ тебѣ сулила,
И съ кѣмъ желалъ ты рядомъ лечь.

И вотъ со всѣхъ концовъ прощальный
Тебѣ привѣтъ отчизна шлетъ...
И много въ этотъ день печальный
Слезъ о тебѣ она прольетъ...

«Да! человѣкъ онъ былъ», словами
Поэта скажетъ край родной,
Съ благоговѣніемъ, цвѣтами
Вѣнчая холмъ могильный твой.

А. Плещеевъ.

торжество великое, тем более великое, что в нем нет ничего заказного, ничего вынужденного; оно внушено сердцем, внушено глубокой признательностью к человеку, который силою своего таланта умел пробуждать в душе нашей лучшие чувства.

В этом торжестве есть много поучительного для целого русского общества. Благодаря Тургеневу, в глазах всех русских людей — свидетелей этого торжества и тех, кто об нем узнает,— вырастает, возвышается значение литературных заслуг, возвышается значение поэта-писателя, разумея здесь такого писателя, который, как Тургенев, служа прежде всего искусству и веруя в его могущество, действовал на своих соотечественников словами правдивыми и мыслями благородными. Значение литературного труда, значение звания литератора завещано Тургеневым русским писателям. На них лежит ответственность поддерживать завещанное достоинство, служить литературе так же правдиво, благородно и честно, как служил ей Тургенев в течение всей своей жизни! Этим только литераторы могут достойным образом почтить память знаменитого собрата.

Нам, старикам, сверстникам Тургенева, его друзьям и товарищам,— остается сказать: прощай, дорогой, незабвенный друг, прощай, до скорого свиданья!“

Рыдания послышались в голосе Дмитрия Васильевича, когда он произнес последние слова. Раздались рукоплескания и „браво“, которые смолкли, когда кто-то заметил, что на могиле не аплодируют. Но чувство, всех охватившее вследствие необыкновенной искренности, с которою была

сказана эта речь, невольно должно было сказаться. После Д. В. Григоровича А. Н. Плещеев произнес весьма прочувствованное стихотворение:

Своей мы гордостью и славой
Тебя недаром признаём,
За человеческое право
Являлся честным ты бойцом.

Когда, исполненный смиренья,
Народ наш в рабстве изнывал,
Великий день освобожденья
К нему ты страстно призывал.

. . . . . .

И вот со всех концов прощальный
Привет тебе отчизна шлет...
И много в этот день печальный
Слез о тебе она прольет...

«*Да, человек он был*», словами
Поэта скажет край родной,
С благоговением, цветами
Венчая холм могильный твой [25].

Затем церемония погребения окончилась. Было половина пятого вечера. В могилу стали бросать венки, на нее положили две плиты и сверху них опять венки. Ценные венки некоторые депутации взяли обратно на память, а другие будут возложены на окончательно отделанную могилу; более ценные передадутся на хранение в Публичную библиотеку» («Новое время», 28 сентября).

Корреспондент «Петербургской газеты» сообщал 28 сентября:

«Пока в церкви шла служба и на могиле говорились речи, ассистенты, депутаты и все вошедшие на кладбище стали разбирать цветы, пальмовые ветви и зелень с живых и искусственных венков. Руками, перочинными ножиками отрывались розы, иммортели, ветви... В несколько минут от живых венков остались одни проволоки и железные круги, а в руках, петлицах и даже на шляпах присутствовавших появились цветы, отдельные *буквы* и целые букеты!.. Г-же Шамро многие из стоявших поближе передали в это время целые букеты цветов и пальмовых ветвей. Из дорогих искусственных венков большинство было унесено обратно с кладбища, а некоторые сложены были в церкви».

Сообщая о разорванных в клочья венках, корреспондент газеты «Новости и Биржевая газета» писал 1 октября: «Той же участи подверглись даже некоторые металлические венки. Спасены от разрушения были только те венки, которые принесшими взяты были обратно. Так, например, г. Шапиро спас свой роскошный венок. Не позаботились даже сохранить ленты и подписи, из которых многие были интересны и знаменательны. Странно и то, что масса венков, сваленных в придел церкви, оказалась как бы в беспомощном положении: „Не кладите... всё равно всё растащат... кому тут смотреть за ними!..“—вот что слышалось отовсюду. Удивительное дело! Только что похоронили великого писателя, и уже оказывается, что некому и некогда схоронить и сберечь дорогие воспоминания любви и горести всенародной! Да ведь это памятники, документы, которые хранить надо, беречь надо, а не бросать зря, как букет после бала! Не лучше ли все сохранившиеся венки препроводить в Московский исторический музей? ⟨...⟩ И будут они напоминать не только о величайшем из современных русских писателей, но и о той осмысленной горем и просветленной сознанием минуте, которую пережило русское общество».

Указывая на массу депутаций, собравшихся на похороны, немецкая газета «St.-Petersburger Herold» писала:

«А между тем здесь возлагаются не военные лавры... Чувствуется художник, умевший читать в глубине души своего народа, который умел вызвать к сознанию то, что дремало там столетиями в глубоком сне, который дал выражение народному духу, отразил его в ясном зеркале высокой поэзии и тем самым явился путеводителем его будущего... Один из первых провозвестников великого освобождения крестьян, Тургенев был истинным, неподкупным другом и воспитателем своего народа, и таким он останется для него и в будущем» [26].

Обозреватель «Дела» писал в десятой книжке журнала, осуждая организаторов похорон и авторов надгробных речей за покорное подчинение оказанному на них правительственному нажиму (в статье довольно прозрачно выражалось недовольство мирным характером, который сохранила до конца похоронная церемония):

«Какая-то трудно объяснимая сдержанность, имевшая даже панический характер, сковывала всем ораторам уста, и каждый как будто говорил совсем не то, что он думал. Г-н Бекетов прочел на могиле даже лекцию об астрономии ⟨...⟩ Эта паническая сдержанность выразилась в процессии тем внешним самообладанием, которое подало наблюдавшей публике повод обвинить лиц, идущих при венках, в отсутствии торжественного настроения и в том, что они держали себя не на „высоте своей задачи". Внешним образом обвинение, пожалуй, верно. Очень немногие—друзья, родные, близкие — теряли в Тургеневе „человека", для большинства же он был „идеей", и притом именно той идеей, которую каждый хотел в нем видеть. Вместе с тем Тургенев служил предлогом или поводом к желанию подвести известный умственный итог, объяснить идейную сущность не только самого торжества похорон, но и общественно-литературного значения художественной деятельности Тургенева. В этом смысле похороны Тургенева были явлением, довольно сложным и сильно возбуждающим мысль...»

Легальная русская пресса, разумеется, обошла полным молчанием тот знаменательный факт, что во время похорон распространялась полемическая прокламация общества «Земля и Воля», написанная П. Ф. Якубовичем и озаглавленная «И. С. Тургенев». «Над незарытой еще могилой поэта, у его свежего трупа,— отмечалось в прокламации,— происходит настоящая свалка». Осуждая продажных «нововременцев» и либеральную прессу, жаждущую использовать похороны Тургенева как «предлог для грандиозной демонстрации либерального свойства», прокламация излагала взгляд революционной молодежи на Тургенева — писателя, «служившего русской революции».

Петербургский корреспондент лондонской «Times» сообщал 27 сентября/9 октября:

«Сегодня здесь состоялись публичные похороны покойного Ивана Сергеевича Тургенева. Гроб, еще *в пути* засыпанный цветами, в половине одиннадцатого утра прибыл на Варшавский вокзал, где был встречен с такими почестями, какие еще никогда не воздавались ни одному неофициальному лицу в России. В громадной толпе, собравшейся у вокзала, были представлены, в сущности, все уголки огромной империи, куда проникло имя и произведения Тургенева, и все области литературы, искусства, науки и просвещения. Там были депутаты с Кавказа, из Сибири, Финляндии и даже Средней Азии. Сто семьдесят шесть депутаций, каждая со своим венком, в общей сложности не менее двух тысяч человек обоего пола, потянулись от вокзала по забитым народом улицам; на протяжении более мили все окна, балконы и крыши были заполнены зрителями. Останки были приняты архимандритом Александро-Невской лавры и духовенством в черном с серебром одеяниях, и, когда смолкли последние звуки похорон-

ного пения, тяжелый, окованный металлом дубовый гроб был в молчании водружен на катафалк с роскошным золотым балдахином, украшенным страусовыми перьями. В катафалк была впряжена шестерка лошадей. Впереди шли бывшие крепостные крестьяне покойного писателя, за ними — все 176 депутаций, и длинная процессия двинулась через западные кварталы города, неся венки всех форм и размеров: серебряные, из пальмовых веток, из папоротника, из бессмертников, некоторые в виде лиры, с самыми различными надписями и девизами. Но два принесенных студентами флага с изображениями якоря надежды и разбитой цепи рабства допущены не были.

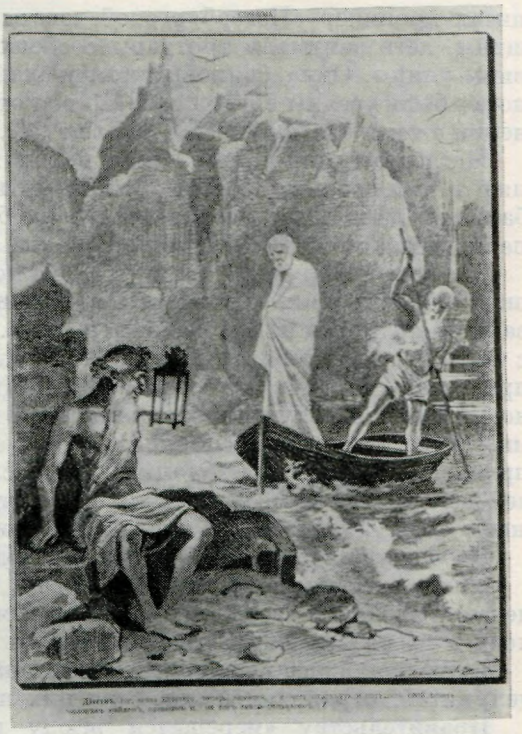
На похоронах представлены были почти все научные и художественные общества столицы, так же как и все гражданские учебные заведения для дворян и среднего сословия, университеты, женские гимназии, сорок одна газета и журнал, земство и дворянство Петербурга и Новгорода, городские думы Николаева, Тифлиса, Самары, Москвы и Петербурга, императорская Академия наук и все драматические и оперные труппы обеих столиц. Не менее двадцати двух венков несли женщины. Никогда еще в Петербурге не было более торжественных похорон гражданского лица. Опасения, испытывавшиеся многими, не оправдались: все время поддерживался полнейший порядок, за которым наблюдал сам полицеймейстер. Огромное число жандармов и казаков, которых держали в резерве, к счастью, не понадобилось.

Очень многие были допущены по специальным билетам на Волковское кладбище, где тело писателя было погребено рядом с Белинским(!). Панихиду служил выборгский епископ, речи над могилой произнесли г. Бекетов — ректор Петербургского университета, и г. Григорович, известный писатель, еще задолго до Тургенева призывавший к уничтожению крепостного права. В конце церемонии поэт Плещеев, некогда бывший с Достоевским в сибирской ссылке, прочитал несколько стихотворных строк. Все речи носили спокойный и более или менее отвлеченный характер; в них говорилось о достоинствах великого писателя, о широкой известности его произведений на родине и за границей и о бессмертии, которое ждет некоторые из них в потомстве.

Замечено было, что только „Московские ведомости“ и „Русь“ — газеты двух славянофилов, Каткова и Аксакова,— не были представлены на похоронах» («Times», 10 октября).

«Ожидались демонстрации, берлинские биржевики потирали руки, а „Агентство Вольфа“ телеграфировало своим петербургским агентам: „Не жалейте денег и телеграфируйте самые мельчайшие подробности о беспорядках во время похорон Тургенева“»,—читаем мы в «Газете А. Гатцука» 8 октября о попытке берлинских биржевиков понизить в связи с похоронами Тургенева курс русского рубля.

Из корреспонденции «Погребение И. С. Тургенева», напечатанной в «Газете А. Гатцука» 1 октября: «С восьми часов улицы, прилегающие к Варшавскому вокзалу, наполнялись массами народа, потянулись вереницы экипажей с венками. Места депутациям назначены были под нумерами по всему протяжению шоссе и набережной Обводного канала. К началу десятого часа венки размещены были в определенном порядке. Внешний распорядок исключительно заведывался распорядителями, состоявшими из литераторов и адвокатов. Обычное городское сообщение было прекращено. Сторонняя публика удерживалась на местах без права примыкать к процессии; на вокзале находились только распорядители, градоначальник Грессер, губернский предводитель дворянства и городская дума в составе ста пятидесяти гласных. Подъезд был декорирован тяжелыми траурными драпировками. В зале собралось духовенство с архимандритом лавры Арсением во главе.



ТУРГЕНЕВ В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Аллегорический рисунок М. Е. Малышева. Литография «Стрекоза», 4 декабря 1883 г., № 49

В начале одиннадцатого часа прибыл поезд с телом Тургенева. По внесении тела в вокзал была отслужена лития при прекрасном пении всего персонала русской оперы».

В передовой статье «С.-Петербургских ведомостей» от 28 сентября, озаглавленной «День погребения И. С. Тургенева», редакция отмечала:

«Погребение И. С. Тургенева останется надолго в памяти каждого. Это было отдание должного человеку, который трудом и талантом поставил высоко русское имя и был первым писателем-художником своего времени.

Похороны его собрали у его гроба невероятную для нашего времени массу депутаций. Сорок восемь депутаций — от разных установлений и обществ ⟨...⟩ Шестьдесят девять депутаций от учебных заведений ⟨...⟩ Сорок четыре депутации от разных периодических изданий ⟨...⟩ Наконец, депутации от петербургского дворянства, от столиц — Петербурга и Москвы, императорской Академии наук. В общем итоге было сто семьдесят шесть депутаций ⟨...⟩

Одно замечание, которого нельзя не сделать и которое рано или поздно будет сделано. Нельзя было не обратить внимания на совершенное отсутствие официального мира на похоронах (о полицейских чинах мы не говорим — они отправляли свою обязанность). Мы не видели никого ни из государственных людей и никого из военных. Как объяснить этот факт, мы не знаем ⟨...⟩ С одной стороны, депутации от шестидесяти девяти учебных заведений и многих учреждений, с другой — отсутствие таких элементов, без которых нельзя себе представить никакой из современных форм общежития. Кроме того, такое торжество в церкви — и ни одной речи, сказанной проповедником».

«Один, два, три, четыре, десятки, сотни венков, хоругвей, роз, пальмовых ветвей!..Море зелени,цветов—и целый океан человеческих голов...—

писал хроникер «Петербургской газеты» 28 сентября.— Мужчины, женщины, дети занимали тротуары с обеих сторон, занимали и более половины улицы. Окна, балконы, крыши окаймляющих Измайловский проспект домов были усеяны зрителями. Но вся эта масса людей была ничто в сравнении с тем, что скопилось дальше 〈...〉

Четвертая рота также полна народу: здесь меньше публики на панелях и еще больше — если может быть больше — в окнах, подъездах, балконах. На недостроенном доме, на балконах, где не виднеется еще и перил, битком набито зрителей: дамы, штатские и офицеры 〈...〉

На углу Четвертой роты и Забалканского проспекта массы народа окружили рогатки, которыми загорожен был проспект. Жандармы и казаки удерживали напор любопытных 〈...〉 Фотографы в различных местах, с балконов и с крыш, снимали общий вид 〈...〉 У моста против Расстанной процессия сворачивала с набережной Лиговки в эту улицу. Каждый венок и каждая депутация должны были проходить между двумя рогатками, возле которых распорядители и генерал-лейтенант Грессер лично пропускали венки и депутации в эту последнюю улицу... Только по шести человек при каждом венке проходили мимо рогаток, и те, которые снабжены были билетами для входа в церковь».

Из описания похорон в «Русских ведомостях» от 28 сентября:

«Величественное шествие на всем этом протяжении окаймлялось цепью городовых и конной жандармерией, отстаивавших свободу прохода и не дозволявших присоединяться к процессии новым массам.

Близ кладбища предложено было значительно сократить численность депутаций, ограничив каждую из них шестью человеками...»

Правительству «мерещатся всюду красные призраки,— отмечалось в № 2 «Листка Народной Воли» 26 октября. — Похороны Тургенева, например, возбудили столько колебаний — разрешать их или нет — и вызвали столько приготовлений, что можно было подумать, что ожидается революция. На них была двинута почти вся наличная петербургская полиция, целый полк казаков с нагайками и великое множество жандармов и шпиков. Г-н Грессер был верхом на лошади. Вдали где-то раздавались артиллерийские выстрелы. Военным было запрещено участвовать в похоронах, за чем надзирали плац-адъютанты; народ также не пускали, он стоял шпалерами на пути процессии. Все это делало похороны каким-то казенным строем, какою-то прогулкой кандальников. Депутации проходили сквозь настоящий строй полицейских глаз...»

В статье «Скорбный путь» («Новости и Биржевая газета», 29 сентября) Г — в писал:

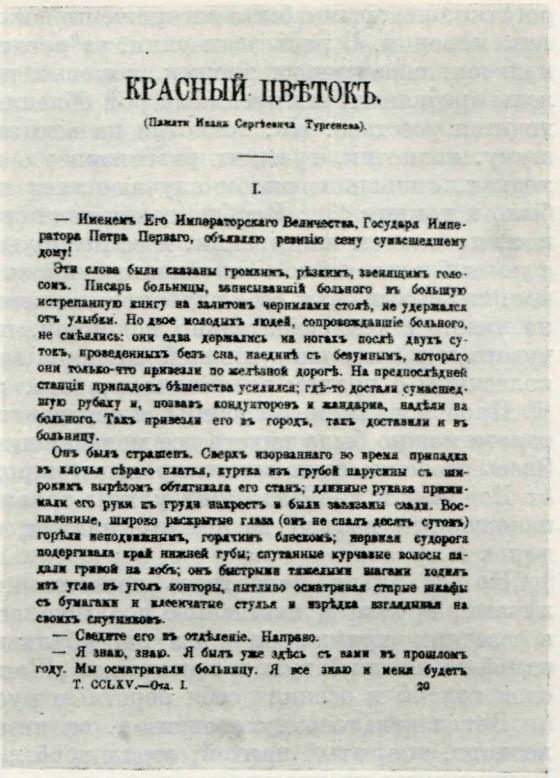
«Как член одного из литературных обществ, я имел полную возможность примкнуть к самой процессии, сопровождавшей гроб покойного писателя; но непосредственное участие не входило в мой план, так как, вступив в ряды участников процессии, я был бы лишен возможности находиться в самой народной толпе, определить ее настроение и чувства 〈...〉

Я подошел к „скорбному пути“, по которому должна была шествовать печальная процессия, сопровождавшая гроб И. С. Тургенева, около часу пополудни и с одним из своих приятелей немедленно вмешался в толпу. Первое, что меня поразило, это многочисленное скопление простого, трудового люда. Правда, контингент толпы, явившейся проститься с великим писателем, состоял из всевозможнейших элементов столичного населения; тут были военные, штатские, духовные, чиновники, баре, купцы, богато и бедно одетые женщины, дети и т. д.; но преобладающими участниками печального зрелища были крестьяне и ремесленники, которые, несмотря на будничный день, побросали свою работу и густыми массами высыпали на улицы, по которым должна была следовать погребальная

РАССКАЗ В. М. ГАРШИНА «КРАСНЫЙ ЦВЕТОК», ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ ТУРГЕНЕВА

«Отечественные записки», 1883, № 10

Начало рассказа



КРАСНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

(Памяти Ивана Сергѣевича Тургенева).

I.

— Именемъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора Петра Перваго, объявляю ревизію сему сумасшедшему дому!

Эти слова были сказаны громкимъ, рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ. Писарь больницы, записывавшій больного въ большую истрепанную книгу на залитомъ чернилами столѣ, не удержался отъ улыбки. Но двое молодыхъ людей, сопровождавшіе больного, не смѣялись: они едва держались на ногахъ послѣ двухъ сутокъ, проведенныхъ безъ сна, наединѣ съ безумнымъ, котораго они только-что привезли по желѣзной дорогѣ. На предпослѣдней станціи припадокъ бѣшенства усилился; гдѣ-то достали сумасшедшую рубаху и, позвавъ кондукторовъ и жандарма, надѣли на больного. Такъ привезли его въ городъ, такъ доставили и въ больницу.

Онъ былъ страшенъ. Сверхъ изорваннаго во время припадка въ клочья сѣраго платья, куртка изъ грубой парусины съ широкимъ вырѣзомъ обтягивала его станъ; длинные рукава прижимали его руки къ груди накрестъ и были завязаны сзади. Воспаленные, широко раскрытые глаза (онъ не спалъ десять сутокъ) горѣли неподвижнымъ, горячимъ блескомъ; нервная судорога подергивала край нижней губы; спутанные курчавые волосы падали гривой на лобъ; онъ быстрыми тяжелыми шагами ходилъ изъ угла въ уголъ конторы, нетливо осматривая старые шкафы съ бумагами и клеенчатые стулья и изрѣдка взглядывая на своихъ спутниковъ.

— Сведите его въ отдѣленіе. Направо.

— Я знаю, знаю. Я былъ уже здѣсь съ вами въ прошломъ году. Мы осматривали больницу. Я все знаю и меня будетъ

Т. CCLXV.—Отд. I. 20

процессия. Это факт, не подлежащий ни сомнению, ни спору и свидетельствующий воочию, что связь между чувствами и интересами интеллигенции и народа не так слаба, как о том всеми силами стараются уверить некоторые лицемерные публицисты.

Обратив особенное внимание на преобладание простого, трудового люда, я решил определить степень его сознательного отношения к совершавшемуся событию. С этой целью я обратился к одному из рабочих, повидимому каменщику, с намеренно наивным вопросом:

— Скажи, пожалуйста, любезный, кого это хоронят?..

Нужно было видеть, каким презрительно-изумленным взглядом наградил меня как сам рабочий, к которому я отнесся с вопросом, так и его товарищи, которых было человек пятнадцать в одной кучке. Каменщик ничего не ответил мне на вопрос, но один из его товарищей не выдержал и саркастическим тоном произнес:

— Да ты, барин, с похмелья, что ли, ежели не знаешь, кого хоронят?..

— Извините, любезный,— возразил я ему,— я человек приезжий, и не удивительно, если не знаю.

— Чай, в газетах все прописано, коли не слыхал?.. Тургенева хоронят — вот кого!.. Из писателев будет...

В эту минуту по Загородному проспекту показалась голова процессии, и простой люд немедленно обнажил головы, сосредоточив все свое внимание на представившемся зрелище.

Я со своим приятелем пошел дальше, по направлению к Волкову кладбищу. Мы прошли Загородный проспект, Звенигородскую улицу и по Обводному каналу достигли Боровой улицы. Везде, на всем протяжении пройденного нами пространства толпа облегала улицы сплошными шпалерами. Крыши, заборы, деревья, балконы, подъезды, фонарные столбы,

рогатки, которыми были загорожены боковые улицы, все это было унизано народом. В разъездах улиц, за рогатками находились тысячи карет, колясок, извозчичьих дрожек, ломовых телег, которые тоже были облеплены зрителями, как пчелиный рой облепляет дерево, на котором ему приходится усесться. Но, несмотря на всю эту массу народа, нигде не было шуму, толкотни, громких разговоров; о каких-нибудь неприличных выходках, сплошь и рядом случающихся на многолюдных собраниях, не было и помину <...> Вообще толпа вела себя безукоризненно. В ее минорном, печальном настроении, в ее несколько экзальтированном, но вместе с тем и благоговейном отношении чуялось нечто величественное, нечто такое, что вызывало к себе глубокое уважение, как к семье могущественной, но вместе с тем сознательно покойной, проникнутой почти мистическим чувством в виду наступившей великой минуты появления погребальной колесницы с прахом гениального поэта.

Пройдя до Боровой улицы, я остановился, выбрав удобное место, с которого можно было видеть все мельчайшие детали похоронной процессии. Здесь особенно было много простого народу. Собственно говоря, начиная от Боровой и до Разъезжей улицы только и видны были серые зипуны, изношенные пальто да пестрые платки, покрывавшие головы простолюдинок <...>

Но вот вдали показалась золотая колесница, озаренная золотыми лучами, громче и явственнее послышалось стройное и печальное пение, в соседних храмах начался погребальный перезвон; в толпе пронесся какой-то неясный гул, и при криках „Шапки долой!" вся толпа обнажила свои головы и осенила себя перстным русским крестом <...>

Вот показалось духовенство... за ним траурная колесница... На колеснице, покрытый парчой, стоял гроб... весь он был окутан венками... Вокруг меня из тысячи уст послышался глубоко прочувствованный шёпот: „Вечная тебе память!.." В то же время среди толпы раздался ужасный, истерический вопль, какая-то молодая женщина, потрясенная зрелищем и под влиянием овладевших ею чувств, упала в обморок <...>

Все время, пока я шел в толпе народа, я только и слышал одно имя: „Тургенев", только и была одна тема: о нем, о великом писателе.

Я живу на Аптекарском острове. Возвращаясь домой поздно вечером, я встретил большую группу рабочих. Они вели оживленный разговор... *о Тургеневе!..*

Событие 27 сентября доказало, что русский народ вполне сознательно понимает, как нужно относиться к общественным деятелям и общественным явлениям: в этом понимании сказалась его высокая умственная зрелость».

В описании похорон, сделанном В. П. Мещерским и по обыкновению начиненном доносами, любопытны следующие строки: «...всех беспорядочнее шло духовенство, разбросанно и разговаривая и в компании с разными светскими ассистентами-болтунами...» («Гражданин», 2 октября).

Для характеристики приемов, к которым русские правительственные круги прибегали, чтобы уменьшить число участников похорон, приведем факт, сообщенный рядом русских и иностранных периодических изданий:

«Как 25, так и 26 сентября в петербургских газетах было помещено объявление распорядителей о том, что похороны состоятся 27 сентября. Между тем, 26 же „Северное телеграфное агентство" разослало во все газеты телеграммы с извещением, что Тургенева хоронят 29-го...

Можем прибавить, по слухам, что вследствие этой необъяснимой неточности некоторые депутации только сегодня, на третий день после похорон, явились в Петербург для участия в погребальной церемонии» («Новое время», 30 сентября).

«Беру перо под живым, неостывшим впечатлением совершившегося на прошлой неделе великого „бесчинства", как заранее обнесли и оклеветали похороны Тургенева из известного лагеря нашей журналистики, — писал Коломенский Кандид (Михневич) в «Новостях и Биржевой газете» 2 октября.— Все мы, участники и очевидцы (то есть *весь*, можно сказать, Петербург) похоронной церемонии 27 сентября, без сомнения, никогда не забудем этого достопамятного дня, и, без сомнения, он впишется на видном месте в историю русского общества и русской литературы как один из редких торжественных дней в их жизни,— таких дней, когда общество воочию сознает себя живой, стройной силой, одухотворенной и объединенной великой идеей добра и истины, когда она, как в данный момент, по удачному выражению поэта, „венчает себя венком" родного вещего выразителя этой идеи, хотя и угасшего, но в указанном здесь смысле, самой своей „смертию смерть поправшего"...

В этом-то и сказалось высокое внутреннее значение события 27 сентября: оно живо чувствовалось каждым из нас и духовно нас приподымало ⟨...⟩ Вот отчего самые эти похороны, увитые цветами и зеленью, не имели в себе ничего рутинно *похоронного*, угнетающего, а носили печать чего-то светлого, бессмертного и торжественного; точно тот, кого мы провожали в могилу, и не думал умирать, а жил среди нас и мы чувствовали его присутствие, слышали его вдохновенное слово, мысленно видели перед собой его дорогой, прекрасный образ ... Да и в самом деле, разве он *умер?!*..

Нужно согласиться, что, с принципиальной точки зрения журнальных упразднителей нашей общественности, все это действительно было огромное „бесчинство"!

Как! та самая зловредная, несчастная „интеллигенция", которую они столько времени взапуски травили, как дикого зверя, которую осудили, с лишением прав гражданства, и всячески старались стереть с лица русской земли, вдруг осмеливается громко заявлять о своем существовании; дружно собираться у гроба своего лучшего представителя и среди белого дня устраивать ему всенародно торжественные проводы?..

С высоты воззрений князя Мещерского с братией это не только „бесчинство" — это бунт, и, помнится, в одном из органов этих господ с предупредительной услужливостью было прописано категорическое обращение к начальству в таком смысле, что „неужели оно допустит-де подобный *беспорядок*?" ⟨...⟩

Я не знаю, обратил ли кто внимание на одну, если хорошенько вникнуть, странность всех почти газетных отчетов о похоронах Тургенева. В отчетах этих неизбежно и с особенным пафосом говорилось о том, что похоронная церемония прошла-де в „совершенном порядке", что „порядок нигде и ни разу не был нарушен", что „порядок был образцовый" и т. п. Были даже такие наблюдатели, которые, кажется, из всего, что они перед собой видели, только и вынесли одно восторженное впечатление невозмутимого порядка ⟨...⟩ Порадовались, вероятно, этому и господа „распорядители" похорон, когда они благополучно окончились. Господа эти, нужно отдать им справедливость, были весьма интересны и своим тоном, своим образом действий представляли богатый сюжет для назидательно комических наблюдений. Приставленные блюсти порядок, они все время изображали на своих физиономиях такое напряженно-пугливое ожидание беспорядков рядом с жестокой непреклонностью не потерпеть их, что люди мнительные, при одном взгляде на них, впадали в уныние, в смутном предчувствии чего-то нелепого и безобразного, вот-вот им еюще якобы разразиться на петербургских улицах, под этим чудесным весело и кротко сиявшим голубым небом».

28 сентября редакция «Русского курьера» в обведенной траурной каймой передовой статье заявила: «Мы похоронили в Тургеневе представи-

теля лучших преданий сороковых годов, человека, близкого Грановскому, Герцену, писателя, любившего родину, страдавшего ее горем, уповавшего на грядущее пробуждение общества».

Передовая статья газеты «Journal de St. Pétersbourg» от того же числа отмечала беспрецедентный характер «посмертной овации», сделанной писателю и имевшей характер «подлинного апофеоза».

На следующий день после похорон Литературный фонд устроил в помещении петербургского Коммерческого клуба литературный вечер, посвященный памяти Тургенева. Вечер этот, по словам корреспондентов русских газет, отличался, «как и все выражения всеобщего признания великости нашей потери», «глубокой торжественностью». Среди выступавших были М. М. Стасюлевич и П. В. Анненков. Произведения Тургенева читали К. Д. Кавелин, Д. В. Григорович, М. Г. Савина, В. Н. Давыдов, А. А. Потехин. Поэты Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев и П. И. Вейнберг прочли свои стихотворения, посвященные памяти Тургенева. Вейнберг прочел также стихотворение С. Я. Надсона «Над могилой Тургенева». М. Е. Салтыков, А. Н. Островский и И. А. Гончаров, которые должны были также принять участие на этом вечере, прислали письма, зачитанные публике, в которых просили извинить их отсутствие, вызванное болезнью.

3 октября «Русские ведомости» отмечали:

«Шестой день, как похоронен И. С. Тургенев, а между тем, как нам пишут из Петербурга, ежедневно с утра и до вечера тянутся вереницы экипажей и толпы пешеходов по Лиговке и Расстанной улице к Волкову кладбищу — поклониться могиле поэта-художника».

И через два дня: «Могила И. С. Тургенева постоянно окружена множеством посетителей ⟨...⟩ Почитатели покойного ежедневно приносят на могилу венки, из которых публика берет на память цветы и ленты».

«Новости и Биржевая газета» 1 октября сообщила, что именем Тургенева назван большой пароход.

* * *

Все петербургские и московские «толстые» журналы (за исключением катковского «Русского вестника») вышли в свет с некрологами Тургенева.

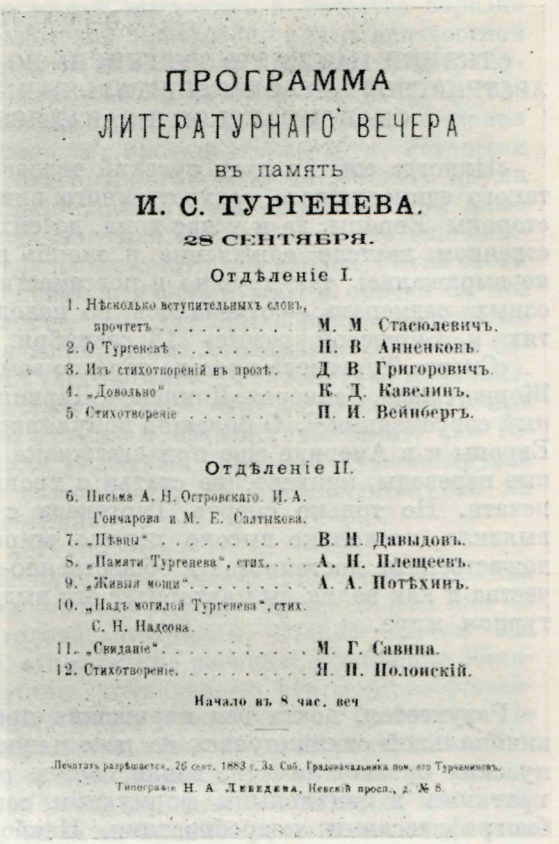
«Он был нам дорог не одним своим прошедшим; мы видели в нем силу, далеко еще не угасшую, дарование, по-прежнему крепкое и полное блеска ⟨...⟩,— отмечал автор некролога, помещенного в «Вестнике Европы».— В лице Тургенева сошел в могилу последний *действовавший до конца* представитель той литературной группы, средоточием которой служил незабвенный учитель — Белинский ⟨...⟩ Чествуя память Тургенева, мы чествуем память всех тех, кто боролся вместе с ним, среди глубокой темноты, за гуманность, знание, свободу, за права общества и человека...».

«Покойный Иван Сергеевич давно уже занимает почетнейшее место в среде европейских писателей; многие его произведения переведены на все европейские языки; его имя пользуется в чужих краях большею известностью, чем имя которого-либо из современных русских писателей. Оно, впрочем, и понятно: его идеи были не исключительно русскими идеями, а общечеловеческими, как и его идеалы, возвышавшиеся над всякими национальными особенностями; в его героях, во всех изображенных им лицах сквозь их несомненно чисто русские характеры всегда виден был человек — не тот „всечеловек", о котором говорил Ф. М. Достоевский, а тот, которого разумели Шекспир, Шиллер, Гоголь, Виктор Гюго и Тургенев»,— так отозвался на смерть писателя московский либеральный журнал «Русская мысль».

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА, ОРГАНИЗОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНЫМ ФОНДОМ В ПАМЯТЬ ТУРГЕНЕВА

Петербург, 28 сентября 1883 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград



ПРОГРАММА
ЛИТЕРАТУРНАГО ВЕЧЕРА
въ память
И. С. ТУРГЕНЕВА.
28 СЕНТЯБРЯ.

Отдѣленіе I.

1. Нѣсколько вступительныхъ словъ, прочтетъ . . . . . М. М. Стасюлевичъ.
2. О Тургеневѣ . . . . . П. В. Анненковъ.
3. Изъ стихотвореній въ прозѣ. Д. В. Григоровичъ.
4. „Довольно" . . . . . К. Д. Кавелинъ.
5. Стихотвореніе . . . . . П. И. Вейнбергъ.

Отдѣленіе II.

6. Письма А. Н. Островскаго, И. А. Гончарова и М. Е. Салтыкова.
7. „Пѣвцы" . . . . . В. И. Давыдовъ.
8. „Памяти Тургенева", стих. . . . А. Н. Плещеевъ.
9. „Живыя мощи" . . . . . А. А. Потѣхинъ.
10. „Надъ могилой Тургенева", стих. С. Н. Надсона.
11. „Свиданіе" . . . . . М. Г. Савина.
12. Стихотвореніе. . . . . Я. П. Полонскій.

Начало въ 8 час. веч.

Печатать разрѣшается, 26 сент. 1883 г. За Спб. Градоначальника пом. его Турчаниновъ.

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.

Из некролога, напечатанного в журнале «Дело»:

«Потомство не забудет писателя, выступившего на литературное поприще в тяжкую годину мрака, защитником угнетенных рабов, певцом их освобождения, выразителем стремлений лучшего меньшинства и затем, во всю свою длинную писательскую деятельность, неизменно остававшегося верным своему знамени, на котором были написаны слова: свет, правда, свобода человеческой личности!..»

Завершим мы эту главу обзора выдержкой из анонимного некролога, появившегося в «Отечественных записках» и принадлежащего перу Салтыкова-Щедрина. В нем полно высказан взгляд революционно-демократического лагеря на Тургенева как художника и общественного деятеля:

«В современной русской беллетристической литературе нет ни одного писателя (за исключением немногих сверстников покойного, одновременно с ним вступивших на литературное поприще), который не имел в Тургеневе учителя и для которого произведения этого писателя не послужили отправною точкою ⟨...⟩ Литературная деятельность Тургенева имела для нашего времени руководящее значение наравне с деятельностью Некрасова, Белинского, Добролюбова ⟨...⟩ Тургенев был человек, высоко развитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед русским обществом».

Глава III

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ, АВСТРИЙСКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ, ИТАЛЬЯНСКОЙ, БЕЛЬГИЙСКОЙ, ВЕНГЕРСКОЙ, СКАНДИНАВСКОЙ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЙ ПЕЧАТИ

«Никогда еще ни один русский человек не удостаивался после смерти такого единодушного, сочувственного внимания и просто поклонения со стороны Европы, да и у нас дома до сих пор еще ни по одном общественном деятеле сожаление и скорбь не захватывали столько сердец, не выражались так дружно и повсеместно и в таких широких, грандиозных размерах», — отмечалось по поводу смерти Тургенева в «Новостях и Биржевой газете» 18 сентября.

«Смерть Тургенева прошла гораздо заметнее ⟨...⟩ в Европе, чем смерть Жоржа Санда, Теккерея, Диккенса, Дарвина»,— отмечал другой осведомленный современник [27]. О большой популярности писателя во многих странах Европы и в Америке еще при его жизни свидетельствовали многочисленные переводы, критические статьи и хроникальные заметки в зарубежной печати. Но только смерть Тургенева с исключительной рельефностью выявила, насколько высоко ценило мировое общественное мнение художественные достоинства и общественно-историческое значение его творчества и как велик был авторитет его выдающейся личности во всем культурном мире.

* * *

Разумеется, почти вся парижская пресса и значительная часть провинциальной откликнулась на печальную утрату, но большинство французских органов печати, давая общую оценку Тургеневу, ограничилось краткими и банальными формулами сожаления и немногочисленными биографическими подробностями. Наиболее значительные из некрологов, появившихся во французской прессе,— статьи Ги де Мопассана, Альфонса Доде и Мельхиора де Вогюэ—неоднократно перепечатывались в русских изданиях и поэтому в настоящем обзоре фигурировать не будут [28]. Из выявленных нами французских некрологов наибольший интерес представляют те, в которых содержатся подробности мемуарного характера.

«Тургенев не пользовался большой известностью потому, что сам избегал известности, испытывая отвращение к компромиссам, сделкам, к гнусному кумовству рекламы»,—писал знаменитый впоследствии романист и драматург Октав Мирбо в парижском журнале «Grimaces» от 8 сентября (№ 8), отмечая утрату «великого таланта и великой совести». По его словам, парижское общество «не знало о существовании Тургенева. Мужественная красота этого гения не соответствовала фривольному духу современников». «С глубокой скорбью глядим мы на кончину одного из людей, подобных маякам, светлые души которых бодрствуют над вихрем сует и бурями рекламы, — заявлял Мирбо. — День ото дня становится все легче счесть таких людей...»

Описав внешний облик «восхитительного писателя», добряка с «фигурой Геркулеса», автор некролога отметил, что Тургенев оставил после себя «бессмертные творения, в которых грядущие поколения найдут отпечаток его могучей руки и лучезарной души», «шедевры искусства, извлеченные из диких источников чуждой нам жизни, в которых он, однако, сумел выявить все элементы человеческой правды» [29].

Переводчик «Нови» на французский язык Э. Дюран-Гревиль писал в журнале «Revue Politique et Littéraire de la France et de l'Etranger» от 8 сентября: «Тургенев был одной из наиболее совершенных личностей,

которых современное человечество может выставить в качестве образца ⟨...⟩ Он отличался поистине первобытной простотой, почти неизвестной в интеллигентной среде нашей западной цивилизации. Недостатки и глупость окружающих возбуждали в нем улыбку сострадания ⟨...⟩ Он никогда не жаловался на свои физические мучения, никогда не протестовал он против чудовищной несправедливости, против адских мук, которыми завершалась его жизнь — жизнь благородного человека. Между двумя ужасными припадками он спокойно описывал свои ощущения, он даже анализировал свои муки — как физиолог, как философ и — что еще важнее — как романист. Если б ему удалось выжить, он извлек бы из своей болезни, как он сам предполагал, психологический этюд и описал бы все ощущения, испытанные им, и безумные мысли, приходившие временами ему в голову во время водоворота нестерпимых страданий. В начале болезни он как-то сказал нам: „Я был так счастлив в течение всей моей жизни! Пришлось и мне иметь свои *черные точки*"». Описывая предсмертные муки Тургенева, становившиеся по временам «фантастическими», как говорил сам писатель, Дюран-Гревиль указывает, что «его лучшие друзья дошли до того, что стали себя спрашивать, не предпочтительней ли была бы смерть такому существованию».

Из некролога, напечатанного в «Temps»:

«В этот торжественный час непоправимых сожалений, образ исполина с чистой душой младенца встает в памяти каждого. В наших глазах как бы снова возникает эта львиная голова, покрытая, словно снегом его родины, густой седой шевелюрой, эти жесткие ресницы, осенявшие обезоруживающе добрые глаза, эти крупные, оживленные черты, преображавшиеся от выражения бесконечной, почти божественной доброты. Не забыть эту могучую, несколько неуклюжую фигуру, этот звучный голос, которым каждый раз овладевала непреодолимая робость, когда приходилось произносить несколько слов перед публикой, и который вновь обретал свою поразительную мощь, когда он принимался читать вслух свои собственные произведения. Его всегда верные интонации достигали в патетических местах потрясающей силы, столь же неподражаем он был в юмористических и народных сценках»[30].

«Велик, красив и добр»,— резюмировал свои впечатления от Тургенева Морис Гиймо в некрологе, помещенном на страницах «Figaro». Гиймо посетил писателя в 1882 г. и сделал ряд записей в блокноте о внешности Тургенева, напомнившего ему «необычного, легендарного деда-мороза из старинных волшебных сказок», а также об обстановке его рабочего кабинета. Записи эти он приводит в некрологе. «Обожая свою родину,— заключает Гиймо,— Тургенев был всегда удивительным энтузиастом и могучим истолкователем ее холодной природы, являющейся украшением его произведений; романист в его лице соединялся с поэтом настолько удачно, что он смог постичь ее вечную гармонию»[31].

Французский поэт и драматург Поль Дерулед (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 75, кн. 1, стр. 535—541) напечатал в своем журнале «Drapeau» статью, значительное место в которой занимают воспоминания о покойном.

«Франция,— замечал он,— утратила великого русского писателя.

Не моя дружба, даже не мое восхищение Иваном Тургеневым заставляет меня говорить так о нем, а его расположение к нашей родине и добровольное пребывание среди нас в течение тридцати с лишним лет.

Пламенно русский, он, разумеется, не желал бы стать французом, но у нас он уже не был и иностранцем. О нем можно сказать, что он был любовником своей родины и другом — нашей ⟨...⟩

Нашлись люди, которые надеялись свести на нет мое дружеское чувство к Тургеневу, предупредив меня, что Тургенев был лично знаком с князем Бисмарком и уважал его.

Что мне до того? Что для меня в этом удивительного? ⟨...⟩ Разве можно отрицать, что железный канцлер с давних пор проявлял себя как весьма талантливый человек? Что дело, всеми правдами и неправдами им совершенное, не может быть долговечным, мы глубоко убеждены, и Тургенев в этом почти не сомневался. Он даже с негодованием отвергал высказывания тех французов, которые предрекают падение Франции и проповедуют ее гибель. „Нет,— говорил он,— нация, к которой принадлежат такие люди, как Гюго, Ренан, Ожье, Бертело, Дюма,— не мертвая и не умирающая нация" — и добавлял: „Германия поднялась слишком быстро и слишком высоко, благодаря одной лишь силе оружия, она восторжествовала лишь благодаря мечу, от меча же она и погибнет".

Несмотря на свое высокое уважение к Бисмарку, он не отрицал, впрочем, что бесконечные злоупотребления приведут в конце концов Бисмарка к полной потере влияния на собственный народ, и когда однажды во время разговора, который происходил в его присутствии, какой-то русский князь высказал суждение о все возрастающей непопулярности канцлера, Тургенев заявил: „Германия начала с неблагодарности, а господин Бисмарк так часто бывает неблагодарен, что, в конце концов, Германия окажется правой ⟨...⟩

Я впервые увидел Тургенева весной 1874 года. Мы встретились в глубине леса Сэлль-Сен-Клу, на аллее, идущей по склону холма и окаймленной каштанами и березами, над которыми внезапно возникают то черные своды елей, то зеленые венцы старых дубов. Шале, в котором он жил в „Les Frênes" и которое для него и было построено в имении его друзей Виардо, примыкало непосредственно к этому лесу.

Тургеневу было тогда пятьдесят шесть лет. Благодаря седой бороде и седым волосам, исполинскому росту и степенной походке, его легко можно было принять за доброго духа, описываемого в арабских сказках, который внезапно покинул ларец из слоновой кости или прозрачные воды голубого озера — с единственной целью содействовать благу человечества.

На его крупном восточном лице не было ничего, что заметно нарушало бы эту химеру; благородство всего его творчества превращало эту химеру почти в реальность. Старые друзья называли его шутя „Zeus Pater" *, что в переводе, сделанном одним из многих облагодетельствованных им людей, означает: „Юпитер дающий"».

Дерулед привел в своих воспоминаниях следующий факт, слышанный им лично от Полины Виардо: «Когда ее впервые познакомили с Тургеневым в 1845 ⟨!⟩ году, то представили его как „молодого помещика-великоросса, хорошего охотника, очаровательного собеседника и рифмоплета"». «Но пять лет спустя имя Тургенева было у всех на устах, а „Записки охотника" у каждого в руке»,— добавляет Дерулед [32].

Обозреватель журнала «Correspondant» Виктор Фурнель дал в номере от 10 октября высокую оценку творчеству Тургенева, особо отметив, что эта «европейская знаменитость знакома читателям журнала, так как в нем печатались „Накануне" и „Дым"».

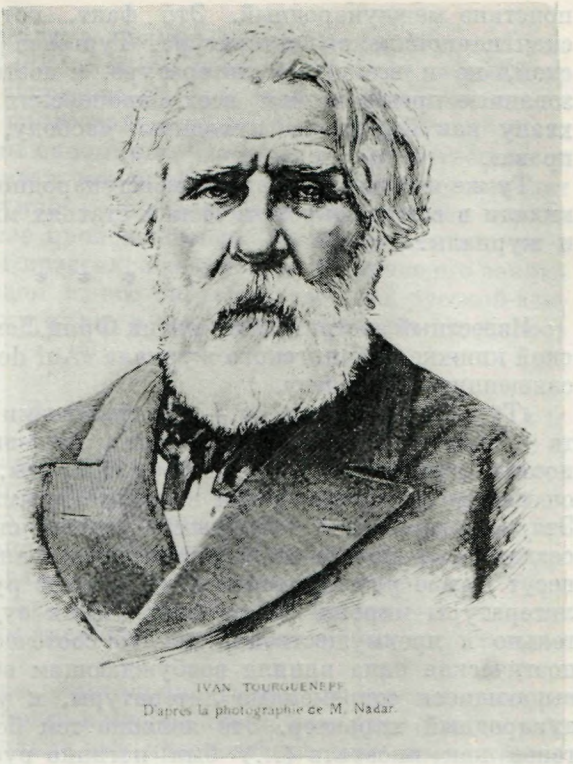
Парижские иллюстрированные и весьма распространенные журналы «Illustration» и «Monde Illustré» опубликовали портреты Тургенева, причем в некрологической заметке «Monde Illustré» Тургенев был охарактеризован как «один из знаменитейших писателей нашего времени».

В газете «Evénement» было сообщено, между прочим, будто Тургенев незадолго до своей смерти начал писать юмористический роман «Чёрт родился в Германии» (см. «Новое время», 2 сентября).

---

* «Отец Зевес» (лат.).

ТУРГЕНЕВ
Гравюра неизвестного художника.
С фотографии М. М. Панова, 1880 г.
В подписи неверная ссылка
на фотографию Ф. Надара
«L'Illustration», 22 сентября
1883 г.



* * *

«В Германии он почти свой писатель,— писал в «Русских ведомостях» 11 сентября П. Д. Боборыкин.— Кто только считает себя начитанным — будь это студент, чиновник, офицер или дама,— непременно будут вам цитировать Тургенева. Немецкая критика преклоняется перед ним поголовно. В критической статье Пауля Линдау о романе Золя „Au bonheur des Dames" он не иначе называет нашего писателя как „Meister Turgenief" и ставит его в образец французскому романисту в деле умения отмечать лица и фигуры двумя-тремя штрихами».

Отклики немецкой прессы на смерть Тургенева полностью подтверждают слова Боборыкина.

«Произведения Тургенева пользуются в Германии не меньшею известностью, чем произведения наших собственных великих писателей: Шиллера и Гете, — писала, например, газета «Berliner Börsen-Courrier». — Всякий образованный немец читал „Отцов и детей", „Дым", „Новь" и другие сочинения Тургенева. Скажем далее, что немногие германские авторы читаются в нашем отечестве так много, как произведения Тургенева». «С тех пор как умер Чарлз Диккенс,— читаем мы в той же газете,— мир еще не испытывал такой потери, какою является для него утрата И. С. Тургенева. Весь образованный мир стоит со скорбью у гроба писателя, заменить которого теперь некем» [33].

«Нет другого русского писателя, который был бы так популярен, любим, читаем и почитаем, как Тургенев, в самых широких кругах различных народов,— указывал Александр фон Рейнгольдт в передовой статье журнала «Magazin für die Literatur des In- und Auslandes» 29 сентября.— Да, можно с полным правом сказать, что Тургенев — писатель

поистине международный. Это факт, которым может гордиться русская национальная литература. Тургенев принадлежал не только русской, но и всемирной литературе, и поэтому у его гроба скорбят образованные представители всех европейских наций ⟨...⟩ Воздадим же ему хвалу как борцу за духовную свободу, гуманность и человеческие права».

Ту же мысль о громадном международном значении Тургенева подчеркивали в своих некрологических статьях многие другие немецкие газеты и журналы.

* * *

Известный австрийский критик Фриц Лемермайер напечатал в октябрьской книжке лейпцигского журнала «Auf der Höhe» большую статью, посвященную Тургеневу.

«Тургенев,— писал он,— обладал всеми достоинствами великого поэта — полетом и силой воображения, душевным богатством, наблюдательностью, знанием людей, чувством природы, глубиной мысли, и при этом он мастерски владел всеми выразительными средствами родного языка. Эта совокупность прекрасных и редких свойств дала ему возможность создавать произведения, которые, возвышаясь над модой и запросами дня, несут в себе ростки вечности. Он вознес русскую литературу до уровня литературы мировой. Его читательская аудитория не состоит исключительно и преимущественно из его соотечественников ⟨...⟩ Его высшая поэтическая сила влияла возбуждающим образом и плодотворно на все выдающиеся современные литературы, и успех его имел поистине международный характер. Это явление тем более удивительное, что Тургенев как писатель ⟨...⟩ был истинно русским человеком — в гораздо большей мере, нежели его великие предшественники — Пушкин и Лермонтов ⟨...⟩

Тургенев — Гете России. Его произведения — неисчерпаемый источник для историка культуры, для психолога и эстетика. Читая произведения Тургенева, узнаешь русский народ, как свой собственный ⟨...⟩ Он биограф русского народа, равно как и судья его,— судья столь же строгий, сколь справедливый и мудрый».

«Русские могут скорбеть об Иване Тургеневе,— говорил в заключение Лемермайер,— они утратили в нем своего национального поэта и друга, который осмеливался говорить им правду. Но они могут и утешиться, ибо им завещана литература, которая призвана занять первое место наряду с современной немецкой и французской литературами. К их скорби присоединяются и все иностранцы, причастные к литературе и понимающие ее, ибо они знают, что покойный являлся одной из вершин человечества и что его смерть оставила пробел, который никогда не может быть восполнен».

Венская «Neue Freie Presse» отмечала, что Тургенев в своих произведениях являлся не только возвышенным патриотом, жаждавшим свободного развития для своего отечества, но и гениальным поэтом, увлекательным творчеством которого были покорены сердца всех образованных людей, без различия национальности...» «Дивное, привлекательное сочетание реализма и фантазии,— указывала газета,— составляет особенность тургеневского стиля и придает ему такое своеобразие, которое не утрачивается даже в довольно дурных переводах на иностранные языки» [34].

«Величайшим гением поэзии во всей европейской литературе со времени смерти Гете»— назвала Тургенева венская газета «Post» [35].

«Ни один из русских писателей не имел столь распространенной международной публики,— указывала газета «Wiener Allgemeine Zeitung».— Во всех пяти частях света жадно прислушивались к его словам. Его авто-

ритет простирался на всю обширную область новейшей культуры. Пушкин, Лермонтов и Гоголь вне России были доступны только избранному десятку тысяч интеллигентов. Тургенев же для немцев был немцем, для французов — французом, он пользовался правами гражданства почти повсюду, и при этом мы должны напомнить, что нашим соотечественником он все же не был. Это доказывает, что истинный гений повсюду находит себе родину, ибо любому разумному человеку ясно, что каждая строка Тургенева выдает его подлинное происхождение. Произведения его ни в чем не уступают произведениям классиков всех наций. Отличие его заключается лишь в том, что в каждом из его творений веет дух русской земли, что они принадлежали всему миру, в то время как сердце его билось для одной России» [36].

* * *

Указывая на «огромную брешь, образовавшуюся в европейской литературе» в связи со смертью Тургенева, английский еженедельник «Saturday Review» отмечал, что произведения русского писателя хорошо известны английским образованным читателям. В отношении популярности и влияния на другие литературы, автор некролога сравнивал Тургенева с Генрихом Гейне, а по художественному дарованию — с недавно умершим романистом, любимцем английской публики — Антони Троллопом [37].

«Times», «Spectator» и другие влиятельные газеты отозвались о творческом наследии Тургенева не менее восторженно и, ставя его в один ряд как художника с Теккереем, отдали ему предпочтение даже перед таким авторитетным английским классиком, как Филдинг.

Журнал «Academy» назвал Тургенева «главой европейских романистов после Бальзака», журнал «Illustrated London News» — «несомненно гениальным человеком, произведения которого много содействовали ознакомлению общественного мнения в Европе с социальной жизнью в России и с настроениями ее народа».

Орган английской либеральной партии «Daily News» также отметил, что романы Тургенева, кроме выдающегося художественного значения, представляют и огромный общественно-политический интерес.

«Смерть Тургенева,— читаем мы в этой газете,— явилась утратой не только для России, но и для всей Европы. Он был единственным русским писателем, чьи произведения нашли многочисленных читателей за пределами его родины и кто имел в течение долгих лет широкий круг личных друзей во Франции, Англии и Германии,— особенно в Париже и Лондоне. Его пребывание за границей оказало известное воздействие на рассеяние самых мрачных предрассудков в отношении его родины, ибо страна, которая могла произвести такого человека как Тургенев, должна поистине быть далекой от безнадежных воззрений на ее беспросветную темноту...»

В том же номере «Daily News» были напечатаны воспоминания о Тургеневе, принадлежавшие перу одного из сотрудников газеты. Наиболее интересны в них подробности о встрече с Тургеневым на Всемирной выставке 1878 г., а также приведенный автором рассказ Тургенева о влиянии, оказанном на его творчество романами мисс Эджеворс (см. цитаты из этих воспоминаний в «Новом времени», 1 сентября и в «Русских ведомостях», 3 сентября).

«North British Review» определил Тургенева как самого оригинального из всех современных русских писателей, и хотя, по мнению автора некролога, в его произведениях, отличающихся огромным талантом в обрисовке характеров, изредка возникает сходство с Бальзаком и Теккереем, заимствований в них почти нет. «Тургенев обладал подлинной

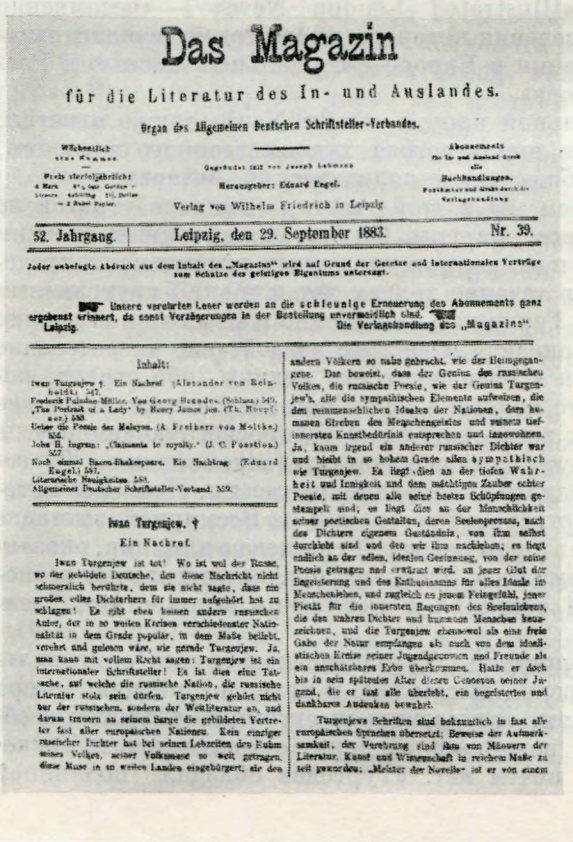
творческой силой. Характеры у него словно выхвачены из жизни, действие естественно, диалоги непринужденны...» [38]

Анонимный некролог в «Athenaeum» от 8 сентября, возможно, принадлежавший перу его издателя, личного знакомого и корреспондента Тургенева Чарлза Дилка, заканчивался следующим образом:

«Россия в Тургеневе достигла вершины своего литературного совершенства. Никто из ее сыновей не превзойдет его; сомнительно даже, удастся ли кому-нибудь сравняться с ним. Возможно, что выражение этого мнения может показаться несколько преждевременным, но иностранец располагает некоторыми преимуществами, свойственными потомству, имея возможность беспристрастно судить автора, а Европа была единодушна в отношении Тургенева, отводя ему место в первых рядах современной литературы. Ибо Россия не может объявить монополию на Тургенева; его творения принадлежат всему миру; они образовали новую творческую литературную школу; они создали новую тенденцию в подходе к художественным произведениям, которая не может не оставить глубокого отпечатка на всей эпохе.

Несмотря на свою космополитическую популярность, Тургенев обладал чисто русской душой. Он был русским до мозга костей. Хотя он в шутку и называл себя „западником“, на самом же деле он не имел ничего общего с теми из русских, которые стыдятся своей национальности и жаждут исчезновения всей славянской расы с лица земли...»

Некролог Тургенева, написанный В. Рольстоном и также помещенный в журнале «Athenaeum», мы здесь не цитируем, так как русский перевод его дважды перепечатывался в сборнике «Иностранная критика о Тургеневе».



Das Magazin

für die Literatur des In- und Auslandes.

Organ des Allgemeinen Deutschen Schriftsteller-Verbandes.

Wöchentlich

Abonnements

Gegründet 1832 von Joseph Lehmann

Herausgeber: Eduard Engel.

Verlag von Wilhelm Friedrich in Leipzig

52. Jahrgang. | Leipzig, den 29. September 1883. | Nr. 39.

Jeder unbefugte Abdruck aus dem Inhalt des „Magazins“ wird auf Grund der Gesetze und internationalen Verträge zum Schutze des geistigen Eigentums untersagt.

Unsere verehrten Leser werden an die schleunige Erneuerung des Abonnements ganz ergebenst erinnert, da sonst Verzögerungen in der Bestellung unvermeidlich sind.
Die Verlagshandlung des „Magazins“.
Leipzig.

Inhalt:

Ivan Turgenjew †. Ein Nachruf. (Alexander von Reinhold.) 547.

Frederik Paludan-Müller. Von Georg Brandes. (Schluss.) 549.

„The Portent or a Lady“ by Henry James jun. (Th. Noeldeke.) 550.

Ueber die Poesie der Malayen. (A. Freiherr von Maltitz.) 552.

John H. Ingram: „Chimente le reguly.“ (J. C. Poestion.) 557.

Noch einmal Bacon-Shakespeare. Ein Nachtrag. (Eduard Engel.) 557.

Literarische Neuigkeiten 559.

Allgemeiner Deutscher Schriftsteller-Verband. 559.

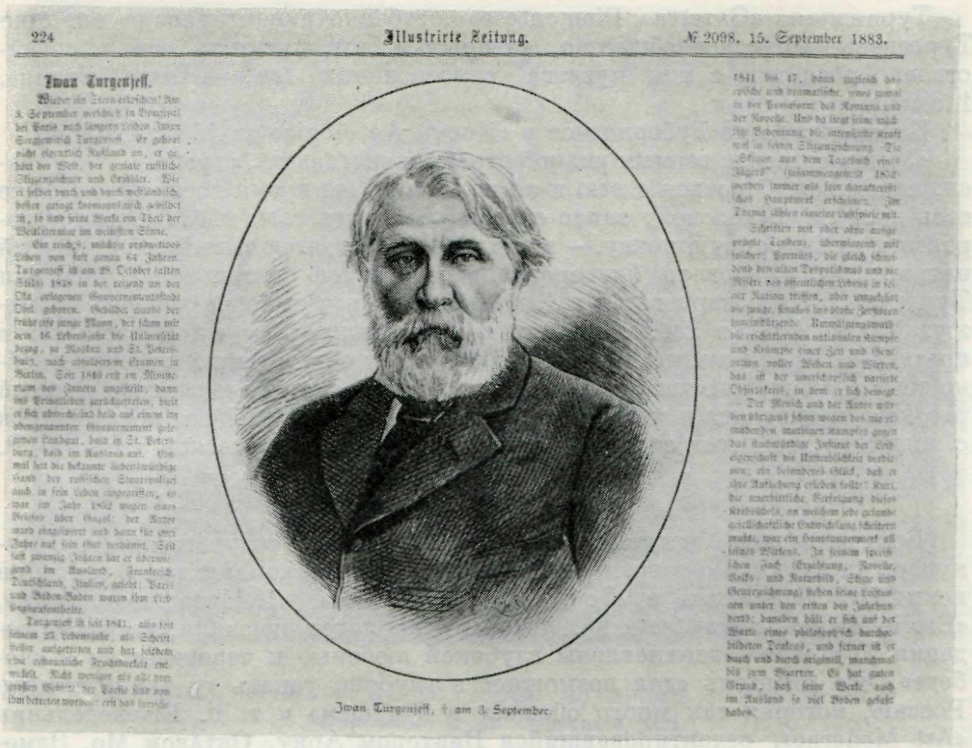
Ivan Turgenjew. †

Ein Nachruf.

Ivan Turgenjew ist tot! Wo ist wol der Russe, wo der gebildete Deutsche, den diese Nachricht nicht schmerzlich berührte, dem sie nicht sagte, dass ein großes, edles Dichterherz für immer aufgehört hat zu schlagen! Es gibt eben keinen andern russischen Autor, der in so weiten Kreisen verschiedenster Nationalität in dem Grade populär, in dem Maße beliebt, verehrt und geliebt wäre, wie gerade Turgenjew. Ja, man kann mit vollem Recht sagen: Turgenjew ist ein internationaler Schriftsteller! Es ist dies eine Tatsache, auf welche die russische Nation, die russische Literatur stolz sein dürfen. Turgenjew gehört nicht nur der russischen, sondern der Weltliteratur an, und darum trauern an seinem Sarge die gebildeten Vertreter fast aller europäischen Nationen. Kein einziger russischer Dichter hat bei seinen Lebzeiten den Ruhm seines Volkes, seiner Volksmuse so weit getragen, diese Muse in so weiten Landen eingebürgert, sie den andern Völkern so nahe gebracht, wie der Heimgegangene. Das beweist, dass der Genius des russischen Volkes, die russische Poesie, wie der Genius Turgenjew's, alle die sympathischen Elemente aufweisen, die den reinmenschlichen Ideen der Nationen, dem humanen Streben des Menschengeistes und seinen tiefinnersten Kunstbedürfnis entsprechen und innewohnen. Ja, kaum irgend ein anderer russischer Dichter war und bleibt in so hohem Grade allen sympathisch wie Turgenjew. Es liegt dies an der tiefen Wahrheit und Innigkeit und dem mächtigen Zauber echter Poesie, mit denen alle seine besten Schöpfungen gestempelt sind; es liegt dies an der Menschlichkeit seiner poetischen Gestalten, deren Seelenprozesse, nach des Dichters eigenem Geständnis, von ihm selbst durchlebt sind und den wir ihm nachleben; es liegt endlich an der edlen, idealen Gesinnung, von der seine Poesie getragen und erwärmt wird, an jener Glut der Begeisterung und des Enthusiasmus für alles Hohe im Menschenleben, und zugleich an jenem Feingefühl, jener Pietät für die innersten Regungen des Seelenlebens, die den wahren Dichter und humanen Menschen kennzeichnet, und die Turgenjew ebenso wol als eine freie Gabe der Natur empfangen als auch von dem idealistischen Kreise seiner Jugendgenossen und Freunde als ein anschätzbares Erbe überkommen. Hatte er doch bis in sein spätestes Alter diesen Genossen seiner Jugend, die er fast alle überlebt, ein begeistertes und dankbares Andenken bewahrt.

Turgenjews Schriften sind bekanntlich in fast allen europäischen Sprachen übersetzt. Beweise der Aufmerksamkeit, der Verehrung sind ihm von Mäzenen der Literatur, Kunst und Wissenschaft in reichem Maße zu teil geworden. „Meister der Novelle“ ist er von einem

НЕКРОЛОГ ТУРГЕНЕВА В НЕМЕЦКОМ ЖУРНАЛЕ «DAS MAGAZIN FÜR DIE LITERATUR DES IN- UND AUSLANDES»
29 сентября 1883 г., № 39
Первая страница



224 Illustrirte Zeitung. № 2098. 15. September 1883.

Iwan Turgenjeff.

Jwan Turgenjeff, † am 3. September.

ТУРГЕНЕВ

Гравюра Германа Шеренберга по фотографии Ф. Надара, 1878
Помещена в тексте некролога Тургенева
«Illustrierte Zeitung», 15 сентября 1883 г.

* * *

«Известие о смерти Тургенева произвело также глубокое впечатление в Италии,— сообщал римский корреспондент «Нового времени».— Даже небольшие газеты, издающиеся во второстепенных итальянских городах, посвятили Тургеневу несколько теплых слов. Что же касается главных органов итальянской печати, то, кроме подробного некролога, они помэстили на своих столбцах прочувствованные статьи о горестной утрате, которую весь литературный мир понес в лице великого русского поэта. Особенно горячо отозвалась о Тургеневе римская газета „Fanfulla“. „Тургенев,— говорит между прочим „Fanfulla“,—был глубоким знатоком человеческого сердца и первоклассным художником. Он любил истину вечною, беспредельною любовью, его описания природы всегда отличаются живостью, изяществом, проникают до глубины сердца.

Миланская газета „Secolo“ 〈...〉 поместила на первом месте портрет Тургенева и воспоминания о нем одного из главных ее сотрудников.

„Это было в 1878 году в Париже,— говорит сотрудник „Secolo“.— В зале улицы Cadet происходило заседание Международного литературного конгресса. Виктор Гюго оставил залу, и место его занял старец высокого роста, с седыми и лоснящимися, как серебро, волосами и длинною бородою. Черты лица его выражали какую-то особенную доброту. Это был Тургенев!“ Перечислив затем заслуги Тургенева не только перед Россией, но и перед всей Европой, автор восклицает: „Русские правы, отдавая предпочтение этому писателю, ибо все его сочинения проникнуты лучезарным светом честной мысли“».

Туринская «Gazetta Piemontese» особенно акцентировала влияние Тургенева на русское общество, утверждая, что писатель немало содействовал развитию в нем чувства самосознания (см. «Новое время», 1 сентября).

Из статьи А. де Губернатиса в «Nuova Antologia» от 15 сентября:

«Уметь остаться верным родной стране, чувствовать, страдать, трудиться, надеяться, бороться с нею и за нее и в то же время воспринять извне весь доступный человеку запас света, расширить свои идеалы, чтобы перенести их на родную почву,— вот в чем заключается самый совершенный патриотизм, и этою-то благороднейшею формою патриотизма обладал Тургенев... Он возвращался в Россию три или четыре раза через промежутки в несколько лет, и для его впечатлительной, чуткой натуры эти поездки были тем же, чем для Антея были прикосновения к земле. Подобно тому, как мифический герой становился все сильнее и сильнее каждый раз, как прикасался к матери-земле, и Тургенев каждый раз возвращался с родины с двойными силами и с свежим запасом творческой энергии» [39].

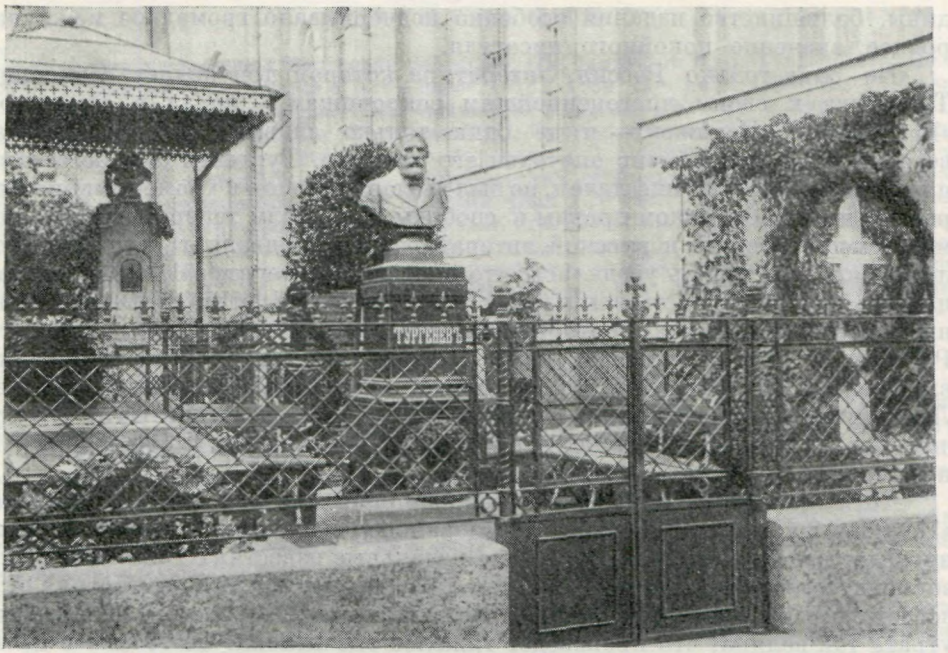
* * *

Большая часть бельгийских газет и журналов сочувственно откликнулась на известие о смерти «знаменитого русского романиста». 6 сентября некрологи появились в «Journal de Bruxelles», «Indépendance Belge», «Etoile Belge», «Gazette» и др. Авторы некрологов отмечали, что произведения Тургенева «вдохновлены глубокой любовью к человечеству и свободе», что писатель «дал возможность глубоко узнать ту таинственную Россию, которая так много обещает в будущем» и т. п. Еженедельник «Art Moderne», редактировавшийся Виктором Арну, Октавом Мо, Эдмоном Пикаром и Эженом Робером, вышел в траурной рамке; некролог Тургенева был помещен там в виде передовой статьи. «Тургенев ни в коей мере не был борцом,— отмечалось в этом некрологе,— он не сжимал в кулаке Ювеналов бич, он не захотел, подобно Герцену, другому великому опочившему славянину, воспользоваться жгучим и мстительным пером памфлетиста; это только рассказчик, не больше, но в его рассказах широко изливается и проявляется в самом естественном и безыскусном виде истинная душа народа — целой гаммой покорной и словно бессознательной грусти, и в этой нерешительной и кроткой жалобе тот, кто умеет проникать в глубины писательской мысли, легко улавливает огромную и глубокую скорбь угнетенного. Нет, не Тургенев говорил устами Тургенева, а целый народ...»

Журнал «Revue de Belgique» поместил обширный некролог, принадлежавший перу Эжена Хинса, который назвал Тургенева «литературным представителем России на Западе в течение целого поколения, подобно тому, как Герцен был его представителем политическим» [40].

* * *

«Одним из самых выдающихся писателей мира» назвал Тургенева автор анонимного некролога, помещенного в венгерской газете «Pesti Hirlap» (№ 246). «Тургенев завоевал себе и своим идеям миллионы сторонников <...>,— отмечалось в газете «Fővárosi Lapok» (№ 208).— У нас в Венгрии его имя стало известно 30 лет назад <...> Кажется, в творчестве Тургенева мало осталось строк, которые не были бы переведены на венгерский язык». Известный венгерский поэт Дьюла Ревицки посвятил покойному стихотворение «Тургенев». «В твоих книгах я нашел все идеалы своей молодости,— писал Ревицки:— верность, вдохновение, первую любовь. На жизненном пути сопровождали меня Джемма, Литвинов, Санин; вместе с ними мечтал я о счастье!.. Ты был моим ближайшим, вер-



МОГИЛА ТУРГЕНЕВА НА ВОЛКОВОМ КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ
Фотография С. Л. Левицкого, 1885
Литературный музей, Москва
Бюст работы Ж. А. Полонской

нейшим другом. Да почиет благословение на твоей могиле. Ее благословляют тысячи и тысячи людей... Все смотрят на тебя с восторгом — не только твой народ; ты был частицей его крови; холодная страна, где царило крепостное право, благословляет в тебе своего утешителя...» Стихотворение это появилось в газете «Fövárosi Lapok» (№ 290) и впоследствии перепечатывалось во всех собраниях сочинений поэта [41].

* * *

Скандинавская печать единодушно отозвалась на тяжелую утрату, понесенную русской и европейской литературами. В некрологах отмечались самобытность и оригинальность тургеневского таланта, который «неиссякаем, подобно таланту величайших скальдов прошлого и самой жизни»; подчеркивалась глубокая любовь писателя к родине и своему народу («Ny Svensk Tidskrift», № 6; некролог, подписанный инициалами N. A. N.); Тургенев характеризовался как «величайший писатель современности, утрата которого ощущается далеко за пределами России и чьи произведения давно уже стали собственностью всех образованных народов» («Sydsvenska Dagbladet» от 6 сентября — анонимный некролог, перепечатанный из датской «Dagbladet») и чей гений был целиком отдан великому делу служения родине («Illustrerad Tidning» от 29 сентября— некролог за подписью G. N.) [42].

* * *

Во всех славянских странах смерть Тургенева была воспринята как большое национальное горе. Давая высокую оценку творчеству Тургенева, его выдающейся общественно-политической роли в истории своей ро-

дины, большинство изданий особенно подчеркивало громадное международное значение покойного писателя.

«Не одна только Россия, литература которой причисляет сочинения Тургенева к своим драгоценнейшим сокровищам,— писал в пражской «Politika» И. Пепижек,— и не одни только славяне, но вся Европа, весь цивилизованный мир опечален его смертью. Тургенев был не только патриотом и великим писателем, но был высшим жрецом в храме гуманности, ревностным поборником правды и свободы 〈...〉 Если теперь Европа внимательнее относится к русской литературе, нежели двадцать или тридцать лет назад, если теперь убедилась, что новейшая литература „варварского" царства заслуживает стоять наряду с французской, этим обязаны, главным образом, Тургеневу, который, так сказать, заставил Европу заняться Россиею и читать ее литературные произведения ранее, нежели критика выскажет о них суждения. Если теперь за границей читают Пушкина, Лермонтова, Достоевского и Писемского, то это вследствие того, что сочинения Тургенева проложили путь за границу его предшественникам и преемникам».

«Хотя эта смерть и не была неожиданной,— читаем мы в софийской «Балкан» 3/15 сентября,—хотя образованное общество в течение довольно продолжительного времени получало печальные известия о тяжкой болезни знаменитого писателя и поэтому, так сказать, постепенно приготовлялось встретить и глубоко прискорбное, горестное известие об этой смерти, но утрата так велика, что произведет тяжелое впечатление не только в населении обширной русской земли, не только между различными народностями великого славянского племени, но и в целом образованном свете вообще. Потеря столь гениального таланта, столь великого писателя и художника составляет незаменимую утрату не только для России, но и для всего мыслящего человечества 〈...〉 Его великое значение не только для русского, но и для общечеловеческого искусства уже издавна признано в целой Европе 〈...〉 Европа и весь образованный мир вообще потеряли в нем одного из гениальнейших художников. В последние десять лет он имел великое значение и влияние во всех европейских литературах, даже в американской. В Англии, Германии и Франции он признан одним из самых сильных талантов нашего времени, одним из величайших представителей истинного реализма в искусстве. Его литературные произведения считаются всюду шедеврами и переведены почти на все европейские языки 〈...〉 Для нас, болгар, Тургенев имеет великое значение не только как общечеловеческий учитель и высокий художник, но и как человек, который первый воспроизвел тип той нашей патриотической интеллигенции, которая стремилась к освобождению нашего народа» [43].

По случаю смерти Тургенева загребская университетская молодежь отправила в Петербург телеграмму следующего содержания:

«Память о Тургеневе наполняет наше сердце невыразимым чувством признательности и любви к России. Она углубляет нашу надежду на лучшую будущность, которая ожидает славян, и поощряет нас к защите Хорватии от тех зол и притеснений, коим она в настоящее время подвергается» [44].

* * *

Мы привели лишь отдельные, наиболее характерные отклики иностранной печати на смерть Тургенева, но и эти разрозненные голоса дают живое представление о том, как было воспринято мировым общественным мнением известие об утрате одного из величайших художников и общественных деятелей XIX столетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

О смерти и похоронах Тургенева см. также: «На память об И. С. Тургеневе». СПб., 1883; «Иностранная критика о Тургеневе». СПб., 1884 (2-е изд.: 1908); Б. Г<л и н с к и й>. Похороны Тургенева.—«Исторический вестник», 1908, № 9, стр. 931—945; Ю. Н и к о л ь с к и й. Дело о похоронах И. С. Тургенева.— «Былое», 1917, № 4, стр. 146—156; Л. С. У т е в с к и й. Смерть Тургенева. Пг., 1923; А. Ф. К о н и. Похороны Тургенева (Воспоминания).— «Тургеневский сборник». Пг., 1921, стр. 57—85; письма М. М. Стасюлевича к жене от осени 1883 г. (Стас., стр. 230—239), дневник В. П. Гаевского («Красный архив», 1940, № 3, стр. 229—243); Ю. Л е в и н. Об одном отклике на смерть И. С. Тургенева.— «Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та». Орел, 1963, стр. 234—239 и публикуемый на стр. 328—334 настоящ. тома обзор «Тургенев в материалах перлюстрации III Отделения и Департамента полиции)».

[1] Т. в восп. рев., стр. 78—79.

[2] Свое желание быть похороненным рядом с Белинским или у ног Пушкина Тургенев высказал М. М. Стасюлевичу («Вестник Европы», 1883, № 10, стр. 851).

[3] Отдельные телеграммы — об отпевании Тургенева, о панихидах, о чествовании его памяти петербургской думой, о спросе на портреты писателя Катков печатал в «Московских ведомостях» и в дальнейшем, но некролога он так и не поместил.

[4] С аналогичной точки зрения рассматривал деятельность Тургенева и И. С. Аксаков, заявивший в передовой статье своей газетки «Русь» 1 сентября, что «не как мыслителя и гражданина, а как великого русского художника, одного из двигателей нашего общественного самосознания, как великого мастера русского слова будет поминать его вечно с признательностью и любовью Россия». См. также в этой статье любопытный мемуарный эпизод, не зарегистрированный библиографией воспоминаний о Тургеневе:

«Лет пять или шесть назад, в один из своих приездов в Москву, Тургенев рассказал нам следующее (речь шла о современной русской поэзии):

„Получаю я однажды в Париже, при письме, толстую тетрадь,— вернее, целый рукописный том русских стихотворений под общим заглавием: „Из-за решетки". Заглавие уже само давало уразуметь, какой категории или направления молодых людей был этот том прислан: не то, чтоб они все сидели за решеткой, но могли бы сидеть или, по крайней мере, числили себя в разряде гонимых. Но не в том дело. Письмом пояснено, что стихи принадлежат действительно разным молодым авторам, которым бы желалось знать мое мнение; мне сообщен был и адрес — кому и куда прислать ответ. Один вид этой рукописи уже сильно порадовал меня; я узнал антиэстетические тенденции молодого поколения,— ну а ведь тут очевидно сказалась в них потребность художественной формы для выражения мысли!.. Можете себе представить, с какою жадностью принялся я за чтение... и вообразите мой ужас: не только никакого проблеска замечательного дарования, но совершенное невежество в смысле художественным. Точно будто никаких у нас великих мастеров поэтического слова и не бывало, точно мы сызнова начинаем лепетать стихами, проделываем первые робкие опыты в русской поэзии!.. Стихотворения были разного, не одного только гражданского содержания... Я перечел еще раз и пришел к убеждению, что юные авторы наверное никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, не говоря уже о Баратынском, Тютчеве и других поэтах, кроме разве некоторых пьес Некрасова. Возвращая рукопись, я написал им письмо, в котором, конечно, постарался не оскорблять юного авторского самолюбия, однако же в самой мягкой форме спросил-таки их: читали они такое-то и такое-то стихотворение Пушкина (или же иного поэта)? На подобный вопрос — пояснял я — наводит меня то соображение, что едва ли бы автор, например, вот этой стихотворной пьесы решился бы коснуться своей темы, если бы знал, что эту тему уже разработал Пушкин, да еще как разработал! И так далее, я перебрал несколько пьес. И что же? Через несколько времени я получил ответ, что ведь это действительно так! Молодые авторы сознавались сами, что им лично не привелось никогда читать ни Пушкина, ни других поэтов, кроме разве стихов, помещенных в хрестоматиях!..» («Русь», 1 октября).

[5] «Одним из самых трогательных моментов этого прощального собрания у гроба Тургенева— писал в «Athenaeum» Рольстон,— было появление в церкви перед началом службы депутации русских „нигилистов" с г. Лавровым во главе — людей, которых не часто можно видеть в церкви; они возложили венок на останки великого писателя, завоевавшего их сердца своей честностью и независимостью, хотя он часто смеялся над безумием русских революционеров и выставлял их заблуждения. Во время богослужения небольшая группа эмигрантов ждала у входа в церковь, чтобы отдать последний долг уважения гробу, когда его вносили и устанавливали в склепе» (цит. по газ. «Новости и Биржевая газета», 1 сентября).

По утверждению А. С. Суворина, Лавров «по принципу не входил в парижскую церковь, объявив всем, что он церкви не признает, а остается на паперти» («Новое время», 13 сентября).

[6] Цит. по газ. «Новости и Биржевая газета», 1883, 1 сентября.

[7] «Новости и Биржевая газета», 1883, 28 августа.— В статье, озаглавленной «Кульков и Катков», редакция писала 30 августа по поводу позиции Каткова:

«Да, позорно это молчание, позорно по своей гаденькой тенденции. Это оскорбление, намеренно бросаемое в лицо русскому обществу. Какой-нибудь нищий духом Кульков куда выше, в данном случае, Каткова, потому что его незнание Тургенева — действительно факт, и, заявляя о нем, он только искренне обнаруживает свое невежество. Катков же своим молчанием имеет намерение оскорбить, во-первых, память великого писателя, а, во-вторых, общество, увековечивающее эту память и словом и делом». По мнению П. Н. Полевого, «мнимое неведение и злоба» Кулькова и ему подобных «митрофанушек» лучше всего показывали, «какие сильные удары» нанес Тургенев невежеству и произволу («Всемирная иллюстрация», 1883, 10 сентября).

[8] Сообщая об открывшейся за границей подписке на памятник Тургеневу, «Русские ведомости» 29 августа писали: «Памятник И. С. Тургеневу поставить, конечно, необходимо, он заслуживает его не менее Пушкина и Гоголя. Желательно бы даже, чтобы таких памятников было несколько...» Сбор средств вскоре открыла редакция «Нового времени».

[9] «Русские ведомости», 1883, 31 августа.

[10] Напечатанный в «Орловском вестнике» 26 августа некролог (В. Ильина) завершался следующими словами: «...не могу не напомнить орловским почитателям нашего великого согражданина, что другие города России сумели отдать должное их знаменитым гражданам: так, в Архангельске есть памятник Ломоносову, в Казани — Державину, в Симбирске — Карамзину, в Воронеже — Кольцову, в Смоленске — Глинке, в Москве — Пушкину. Наш Тургенев, за исключением Пушкина, не менее любого из указанных лиц достоин общественной признательности, выражаемой памятниками».

[11] Среди мероприятий, проведенных в память Тургенева, следует особенно отметить основание читальни имени Тургенева в Москве на средства, пожертвованные купчихой-меценаткой В. А. Морозовой («Русские ведомости», 1883, 13 сентября).

[12] Издававшаяся с 1863 г. А. А. Краевским политическая и литературная газета «Голос» была вследствие цензурных репрессий прекращена в 1883 г.

[13] Газета М. М. Стасюлевича «Порядок», выходившая в свет с 1881 г., была приостановлена правительством в 1882 г., и издание ее возобновлено не было.

[14] Об участии петербургского студенчества в подготовке к похоронам Тургенева см. в воспоминаниях Б. Г〈линского〉 «Похороны Тургенева».— «Исторический вестник», 1908, № 9, стр. 931—945.

[15] См. выше прим. 3.

[16] Выдержки из «Times» любезно сообщены нам А. Н. Дубовиковым.

[17] «Русские ведомости», 1883, 6 и 16 сентября.

[18] «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 322—325.

[19] 15 сентября Полина Виардо в телеграмме, адресованной русскому послу в Париже кн. Н. А. Орлову, просила поддержать ее ходатайство о перевозке тела Тургенева в Петербург (ЦГАЛИ, ф. 509, оп. 1, ед. хр. 18.— См. в том же деле отклик на эту просьбу Орлова в письме к русскому консулу А. Н. Карцову от 16 сентября 1883 г.).

[20] Речи Ренана и Абу цитируются нами по книге «Иностранная критика о Тургеневе».

Как выясняется из письма Ренана к Полине Виардо от 17 сентября 1883 г., он согласился выступить во время траурной церемонии по ее личной просьбе:

«Дорогая г-жа Виардо! Ваша мысль запала мне прямо в душу. Горжусь тем, что она у вас возникла. Да, конечно, я сочту для себя большой честью выступить с прощальным словом, обращенным к тому гениальному гостю, чьим бесценным другом вы были. Именно вам обязаны мы тем, что обладали им столь долгие годы. Позвольте мне выразить вам благодарность от общего имени. Поверьте в мою живейшую и искреннейшую дружбу. Э. Р е н а н» («Oeuvres complètes de Ernest R e n a n», т. X, Paris, s. a., p. 894).

[21] Цит. по «Русским ведомостям», 1883, 27 сентября.

[22] Цит. по «Новому времени», 1883, 27 сентября.

[23] Вероятно цифра эта значительно преувеличена.

[24] Другие газеты объясняли отсутствие французского посла на похоронах тем, что он находился в отпуске.

[25] Отрывок из стихотворения А. Н. Плещеева «27-го сентября 1883 г. (Памяти Тургенева)» извлечен из описания похорон в «Русских ведомостях» от 1 октября 1883 г. (выверен нами по тексту «Отеч. записок», 1883, № 10).

[26] Цит. по «Русским ведомостям», 1883, 29 сентября.

[27] Незнакомец (А. С. Суворин).— «Новое время», 1883, 25 сентября.

[28] Отметим следующее высказывание Поля Бурже, не попавшее в библиографию воспоминаний о Тургеневе: «Я слышу еще теперь, как он 〈де Вогюэ〉 говорит мне

о роли, которую, по его мнению, будет играть в послевоенной Франции литература, и приводит мне имена Толстого и Достоевского. Я знал о том и другом от Тургенева, с которым иногда встречался у Тэна. Одно из лучших воспоминаний моей юности — это благородное беспристрастие старого русского романиста, отдававшего высокую и полную справедливость своим более молодым соперникам. Но Тургенев, сильно озабоченный эстетической стороной, открывал в них нам лишь оригинальный талант рассказчиков. Он питал религиозное чувство к искусству романиста. Он видел в нем все будущее современной литературы, и подробности фактуры страстно интересовали его. Трудно передать, до какой степени он восхищался в Толстом чудодейственным даром личного присутствия, у Достоевского — искусством создавать вокруг своих персонажей психологическую атмосферу» («Revue des Deux Mondes», 1912, 15 января.— Приводимые Бурже в некрологе Мельхиора де Вогюэ факты относятся к концу 70-х годов). «Лит. наследство», т. 75, кн. 2, стр. 394.

Приводим здесь же текст открытого письма де Вогюэ к юбилейной комиссии, отмечавшей в Орле 50-летие со дня публикации первого очерка «Записок охотника»:

«От всего сердца присоединяюсь к соотечественникам Тургенева, собирающимся праздновать в его родном городе полувековой юбилей его первого произведения. Я с трудом лишь могу найти новые выражения для того восторженного удивления, которые я уже много раз высказывал в моих прежних работах об Иване Сергеевиче. Я окажу лучшую услугу памяти великого покойника, возложив на его памятник венок, приготовленный ему другим великим покойником. Наш знаменитый Тэн, лучший судья всех произведений высокого искусства, какого я только знаю, ставил Тургенева выше всех художников, рисовавших образы нашим современным словом. Я часто слышал, как он с жаром высказывал это убеждение и дал трогательное доказательство искренности его в последние минуты своей жизни. В последний раз когда я видел Тэна, за два или три дня до его смерти, он был тяжело удручен болезнью, которая исключала для него всякие занятия.— „Я еще могу слушать чтение,— сказал он,— и заставляю читать себе повести Тургенева, и это приносит моей душе много удовольствия, достающегося ей без усилий". И он мне повторил то, что часто говорил и раньше: Тургенев как художник — наиболее совершенный между теми, кто писал после греков; никто не может сравниться с ним в строгом выборе материала, в трезвости и скульптурной красоте форм; каждая из его маленьких повестей напоминает безупречную античную камею. Так и умер Тэн, проникнутый чудным видением духовной красоты, в изображении которой никто не сравнился с Тургеневым» (газетная вырезка.— ИРЛИ).

[29] Некролог О. Мирбо процитирован в «Новом времени», 1883, 14 сентября.

[30] См. также в настоящ. томе, на стр. 485—488 выдержки из некролога Ж. Кларти.

[31] Некролог М. Гиймо процитирован в «Русском курьере», 1883, 30 сентября.

[32] По словам парижского корреспондента «Новостей и Биржевой газеты», Тургенев пользовался в «серьезных парижских литературных кружках» «каким-то благоговейным уважением. Он был для них наиболее авторитетным представителем русской литературы. Покойный Гюстав Флобер, очень интересовавшийся произведениями наших лучших писателей и прочитавший все, что появилось из них во французском переводе, говорил: „Тургенев понятнее для меня, чем граф Лев Толстой и Достоевский. У тех многое приходится угадывать и почти верить на слово вашим соотечественникам, восхищающимся силою и своеобразностью их таланта. Тургенев и в переводе сохраняет всю свою самобытность". Почти то же самое доводилось слышать автору этих строк и от нескольких серьезных писателей кружка, составлявшего редакцию „Revue des Deux Mondes" при покойном Франсуа Бюлозе, отце нынешнего редактора этого журнала» («Новости и Биржевая газета», 1883, 23 сентября.— М. Загуляев).

[33] Некролог из «Berliner Börsen-Courrier» цит. по «Новостям и Биржевой газете», 1883, 26 сентября.

[34] Некролог из «Neue Freie Presse» цит. по «Новостям и Биржевой газете», 1883, 28 августа.

[35] Некролог из «Post» цит. по «Русским ведомостям», 1883, 31 августа.

[36] Некролог из «Wiener Allgemeine Zeitung» цит. по «Новому времени», 1883, 29 августа.

[37] См. там же.

[38] См. там же, 1883, 6 сентября.

[39] Некролог де Губернатиса цит. по «Русским ведомостям», 1883, 21 сентября.

[40] Сообщено Ж. Бланковым (Брюссель).

[41] Сообщено Ж. Зельдхейи (Будапешт).

[42] Сообщено М. Д. Моричевой.

[43] Цит. по «Вестнику Европы», 1883, № 10, стр. 841—842.

[44] «Новое время», 1883, 7 сентября.

ТУРГЕНЕВ И А. Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Сообщение Н. М. Чернышевской

В 1879 г. старший сын Н. Г. Чернышевского Александр Николаевич (1854—1915) находился в Париже. Он жил там в качестве домашнего учителя в одном русском семействе. А. Н. Чернышевский интересовался наукой и искусством, посещал музеи, картинные галереи, Национальную библиотеку; у него завязались знакомства с художниками, писателями и учеными. В их обществе А. Н. Чернышевский выступал с чтением своих стихотворений. Об одном из них, прочитанном на вечере у батального живописца Н. Д. Дмитриева, вспоминал П. А. Сергеенко [1].

К этому периоду жизни А. Н. Чернышевского относится его знакомство с Тургеневым. До нас дошла записка к нему писателя:

Понедельник, 1-е дек⟨абря 18⟩79

Александр Николаевич,

Если вам угодно пожаловать завтра около 12 часов ко мне, я очень буду рад вас видеть.

Ив. Тургенев [2]

По-видимому, в результате этого свидания с Тургеневым А. Н. Чернышевским было написано публикуемое стихотворение, не имеющее заглавия, но прокомментированное автором:

«По рассказу Ив. Серг. Тургенева» (внизу на полях рукописи. Там же имеется сноска рукою А. Н. Пыпина: «В Париже, в 1879 или 1880 году. А. П.»)[3].

* * *

Сраженье кончилось, и в поле
Лежали рядом два врага,
Живые оба... Перебита
У одного была нога.

Другой, с простреленною грудью,
Еще слабей, чем первый, был,
И их ночной мертвящий холод
В пустыне снежной леденил...

Минула ночь, а к утру люди
Пришли за ними, наконец,—
Был без сознанья первый; рядом,
Закостенев, лежал мертвец.

И в чувство привели живого,
А мертвый тут же был зарыт.
И увидал живой, что был он
Одеждой мертвого прикрыт...

И понял он, что тот пред смертью
Ему одежду уступил,
Его, усилием последним,
Как мог, от холода укрыл...

Можно предположить и другое, а именно, что рассказ Тургенева был, судя по военной тематике, услышан в доме художника Дмитриева, и что А. Н. Чернышевский под свежим впечатлением от личного участия в русско-турецкой войне 1877 г. написал это стихотворение и пожелал прочесть его лично Тургеневу. Точных сведений, однако, об этом не сохранилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо П. А. Сергеенко к М. Н. Чернышевскому от 1909 г.— Микрофильмы Гос. дома-музея Н. Г. Чернышевского в Саратове.

[2] В 1941 г. записка была передана из дома-музея Чернышевского в ЦГАЛИ.

[3] «Стихотворения и заметки А. Н. Чернышевского».— Архив дома-музея Чернышевского, инв. № 3478.

БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ПИСЕМ ТУРГЕНЕВА И К ТУРГЕНЕВУ

ДОПОЛНЕНИЯ

Составил С. А. Рейсер

Настоящий список продолжает «Материалы...», напечатанные нами в «Литературном наследстве», т. 73, кн. 2, 1964 (стр. 357—411).

Принципы регистрации остались прежние. Новые адресаты и корреспонденты Тургенева введены без каких-либо помет. Там, где приводятся публикации, дополняющие основной список,— поставлена звездочка, там, где даются исправления к напечатанным ранее данным,— две звездочки.

В библиографию включены (на тех же основаниях, что и в основном списке) тома VII—XII, кн. 1 Полного собрания сочинений и писем Тургенева, подготовленные Институтом русской литературы Академии наук СССР и вышедшие в свет в издательстве «Наука» в 1964—1966 гг. Аналогично использован сборник «I. S. Turgenev und Deutschland» (B. I. Berlin, 1965).

В этот дополнительный список вошло 970 писем Тургенева к 139 адресатам (из них— 60 адресатов новые) и 304 письма к нему 53 корреспондентов (из них —31 корреспондент новый). Всего же, вместе с зарегистрированными в основном списке, учтено 6003 письма Тургенева к 531 адресату и 1523 письма к нему 162 корреспондентов.

Следует, однако, иметь в виду, что в некоторых случаях (например, письма Тургенева к П. В. Анненкову, Н. А. Кишинскому, П. Л. Лаврову, Ж. Этцелю и некоторым другим; письма к Тургеневу М. В. Авдеева, П. В. Анненкова, Марко Вовчок и других) в счет писем включены и опубликованные ранее отрывки; некоторые публикации частично повторяют друг друга. Таким образом, на самом деле, число писем Тургенева и к Тургеневу несколько меньше названных цифр.

Как и раньше, можно считать, что библиографическая регистрация напечатанных писем Тургенева и к Тургеневу все еще не завершена — весьма вероятно, что некоторые публикации (в русских, а особенно зарубежных мемуарах, напечатанных в газетах, журналах и сборниках) все еще продолжают оставаться не учтенными *.

---

* В настоящем списке дополнительно применены следующие условные сокращения:

ТСб. 1964 — «Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева». Под ред. М. П. Алексеева и Н. В. Измайлова, вып. I. М.—Л., «Наука», 1964.

ТСб. 1966 — «Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева». Под ред. Н. В. Измайлова и Л. Н. Назаровой. Члены редколлегии: А. С. Бушмин, Н. В. Измайлов, Ю. Г. Оксман, вып. II. М—Л., «Наука», 1966.

T. und D.— «I. S. Turgenev und Deutschland. Materialen und Untersuchungen». B. I. Herausgegeben von Gerhardt Ziegengeist. Berlin, 1965.

ПИСЬМА ТУРГЕНЕВА

* Авдееву, М. В.
23 V (4 VI) 1870, 7 (19) IV и 13 или 20 V (25 V или 1 VI) 1874.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 233; т. X, стр. 227—228, 238.

Адлерберг, Е. Н.
2 (14) XII 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 394, 491 (франц. текст и русск. пер.).

* Анненкову, П. В.
1) 94 п. 1870—1878.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 320—321; т. IX, стр. 114—262 (на стр. 159 факсимиле первой страницы п. 3 (15) XI 1871); т. X, стр. 46—314; т. XI, стр. 6—339; т. XII, кн. 1, стр. 95—406. П. 12 (24) II 1877 ранее в сокр. виде—ЛМ I, стр. 206.
2) 4 (16) XII 1876.— «Край Ильича», вып. 3, Казань, 1928, стр. 46—47.
Небольшие отрывки писем 20 XII 1872 (1 I 1873) и 18 (30) I 1873 ранее: «Проблемы реализма русской литературы XIX века». М.—Л., 1961, стр. 399, 402.
3) 15 (27) XI 1878. Отрывок.— ЛН т. 73, кн. 1, стр. 302.

* Антокольскому, М. М.
16 п. 1877—1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 216—364.

Аншетт (Anstett), Мине
20 VII (1 VIII) 1878.— W. Haape. I. S. Turgenew... Baden-Baden, 1904, S. 16. Переп.: T. und D., S. 253; Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 337 и 480 (нем. текст и русск. пер.).

** Арнодо (Arnaudo), Ж.-Б.
Франц. текст п. впервые: G. B. Arnaudo. Il nihilismo. Seconda edizione. Torino, 1879, p. 170—172.

Арто-Падилья (Artôt, в замужестве Padilla), М.-Ж.-Д.
15 (27) XI 1869.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 131—132, 360 (франц. текст и русск. пер.).

** Ауэрбаху (Auerbach), Б.
Вместо: «Вопросы литературы», 1961, № 4 — должно быть: 1964, № 1, стр. 250—251. Впервые отрывок в русск. пер. (с неверной датой: 1868). — «Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909». ‹СПб., 1910›, стр. 569—570 (указано Ю. Д. Левиным).

* Бакунину, А. А.
27 X (8 XI) 1873.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 166.

Бакшевичу, П.
8 (20) VIII 1879.— «Советские архивы», 1966, № 3, стр. 120. Фототип. воспроизведение п.

* Бартеневу, П. И.
1) 5 п. 1869 и 1871.—Тург АН. Письма, т. VII, стр. 306, 338—339; т. VIII, стр. 92, 144; т. IX, стр. 191—192.
2) 18 (30) XI 1869.— РА 1870, № 1, стб. 270; переп.: PII стр. 189; полностью: Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 133—134.

Бенедикту (Benedict), Ю.
27 XII 1870 (8 I 1871).— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 324—325, 395 (франц. текст и русск. пер.).

* Бларамберг (по мужу Апрелева; псевд. Е. Ардов), Е. И.
8 (20) I 1876 и 8 (20) I 1877.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 193, 393 (франц. текст и русск. пер.); т. XII; кн. 1, стр. 60.

* Боборыкину, П. Д.
28 X (9 XI) 1867, 4 (16) VIII и 22 IX (4 X) 1868, 9 (21) XII 1881.— «Искусство», 1883, № 39, 2 октября, стр. 464—465 и 1884, № 52, 8 января, стр. 680—681. Переп.: «Известия АН СССР, Серия литературы и языка», 1966, т. XXV, вып. 1, стр. 43—45. П. 1881 г. в подлиннике на франц., приложен русск. пер.

5.

Весьма чувствительно вздохнулъ —
И палку вынувъ изъ забора,
Сталъ въ воду посылать Трезора...
Межъ тѣмъ, съ какимъ то мужикомъ
Онъ побѣсѣдовалъ привѣтно
О томъ, что просто съ каждымъ днёмъ
Мы развиваемся замѣтно.

V.

Потомъ онъ съ бабой побалталъ...

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОЭМЕ «ПОМЕЩИК»

Рисунки в списке поэмы, 1840-е годы. Восходят к иллюстрациям А. А. Агина («Петербургский сборник». СПб., 1846)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ «ПОМЕЩИК»

Рисунок в списке поэмы, 1840-е годы. Восходит к иллюстрациям А. А. Агина («Петербургский сборник». СПб., 1846)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

* Боголюбову, А. П.
1) 7 п. 1875—1878.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 19—20, 227, 347; т. XII, кн. 1, стр. 72, 122, 258, 305.
2) 8 (20) или 15 (27) IV 1880. С прилож. «ультиматума» председателю Саратовской городской думы от имени Боголюбова, но фактически написанного Тургеневым.— ТСб. 1966, стр. 305—306.

* Боденштедту (Bodenstedt), Ф.
2 (14) VI и 22 VI (4 VII) 1873.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 112, 116, 396—398 (нем. текст и русск. пер.).

Бойесену (Boyesen), Х.
12 (24) II 1874 и 2 (14) IV 1882. Англ. текст.— «Scando-Slavica», t. XI, 1965, p. 28—29, 39. 2-е п. впервые — Тург АН. Письма, т. X, стр. 200, 425—426 (англ. текст и русск. пер. На стр. 201 — фото л. 1).

Брюэр, П. См. Тургеневой, П. И.

* Бюлозу (Buloz), Ф.
22 IX (4 X) 1871.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 137, 393 (франц. текст и русск. пер.).

Вагнеру, Н. П.
1 (13) XI 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 345.

Валуеву, П. А.
21 I (2 II) 1868.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 36.

** Васильеву, П. П.
Первое п. следует датировать не 5 VI (22 VII ?), а 23 VI (5 VII) 1869: см. Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 55, 430. См. также: Петру Петровичу.

Вейлену (Weilen), Й.
1 (13) X 1869.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 100—101, 356 (нем. текст и русск. пер.).

* Веретенникову, Н. П.
5 (17) X 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 214.

* Виардо (Viardot), П.
1) Часть (?) письма 26 X (7 XI) 1850 якобы впервые — «Русские новости» (Париж), 1952, 22 февраля, № 351.
2) 23 XI (5 XII) 1870 впервые во франц. подлиннике — Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 311—312.

Волконскому, М. С.
Весна, не позднее 21 IV (3 V) 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 148.
В литературе были ошибочные указания, будто бы адресатом п. является С. Г. Волконский.

* Вшивцову, А. Д.
6 (18) VI 1869.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 45.

* Вырубову, Г. Н.
16 п. 1873—1877.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 133—135, 146, 228, 231, 280, 350; т. XI, стр. 5—247; т. XII, кн. 1, стр. 119.
Отрывок п. 28 VIII (9 IX) 1873 ранее: ВЕ 1914, № 3, стр. 228.

* Гартману (Hartmann), М.
11 п. 1867—1869.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 19—339, 353—437 (нем. текст и русск. пер.).

* Гедеонову, С. А.
2 (14) VIII 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 338—339.

* Гедуэну (Hédouin), Э.
22 XII 1868 (3 I 1869).— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 263—264, 418—419 (франц. текст и русск. пер.).

* Гербелю, Н. В.
14 (26) III 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 123.

* Герцен, Н. А. (дочери)
6 (18) VII, 25 VII (6 VIII), 9 (21) VIII, 2 (14) IX 1875.—Тург АН. Письма, т. XI, стр. 100, 107, 112, 123.

Голенищеву-Кутузову, А. А.
22 VI (4 VII) 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 179—180.

* Головнину, А. В.
6 п. 1877.— ЛН т. 73, кн. 2, 1964, стр. 70—81.

* Гонкуру (Goncourt), Э.
6 п. 1872, 1877, 1878 впервые во франц. подлиннике.— Тург АН. Письма, т. IX стр. 251, 253—254, 266—267; т. XII, кн. 1, стр. 50, 328, 385 (последнее п.— отрывок).

Горчакову, В. Н.
13 (25) III 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 342.

Гоуэлсу (Howells), В.-Д.
16 (28) X 〈1874〉.— «Scando-Slavica», t. XI, 1965, p. 32—33. Англ. текст.

Грибовской, Н. А. (во втором браке Островская)
26 IX (8 X) 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 319.

* Грибовскому, П. М.
30 VI (12 VII) 1873, 13 (25) VI, 17 (29) VI и 24 VI (6 VII) 1874.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 120—122, 251—252, 254—255, 257—258.

Дараган у, П. М.
12 XI 1858.— «Советские архивы», 1966, № 4, стр. 93 (фототипия).

* Делессер (Delessert, рожд. de Laborde), В.
1) 13 п. 1868, 1872, 1875, 1876.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 190, 198—199, 394, 397; т. IX, стр. 325—326, 437; т. X, стр. 13, 21, 32, 39, 51, 79, 129—130, 135—136, 355—356, 360, 366, 368, 374, 383, 401—403; т. XI, стр. 112, 245, 376—377, 404 (франц. текст и русск. пер.).
2) В основном списке на стр. 373, строка 28 снизу, следует исправить опечатку: вместо de Labord надо: de Laborde.

Делессеру (Delessert), Э.
10 (22) XI 1872.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 23, 361 (франц. текст и русск. пер.).

** Джеймсу (James), Генри, сыну
Строки 6—7 снизу на стр. 373 основной библиографии следует читать так: (11 п., 4 п. по-русски).

Дилку (Dilke), Ч.
5 п. 1869—1871.— ЛН т. 73, кн. 2, стр. 97—100 (франц. тексты и русск. пер.).

* Дмитриеву-Оренбургскому, Н. Д.
I 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 276.

* Доливо-Добровольскому, И. Ф.
1 (13) VIII 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 195.

* Драгоманову, М. П.
14 (26) VI 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 334.

Думнову В. В.
10 п. 1879—1882.—«Книга», сб. V. М., 1961, стр. 347—356.

Дюлу (Duloup), А.
26 II (9 III) 1876.—Тург АН. Письма, т. XI, стр. 221—222, 401 (франц. текст и русск. пер.)

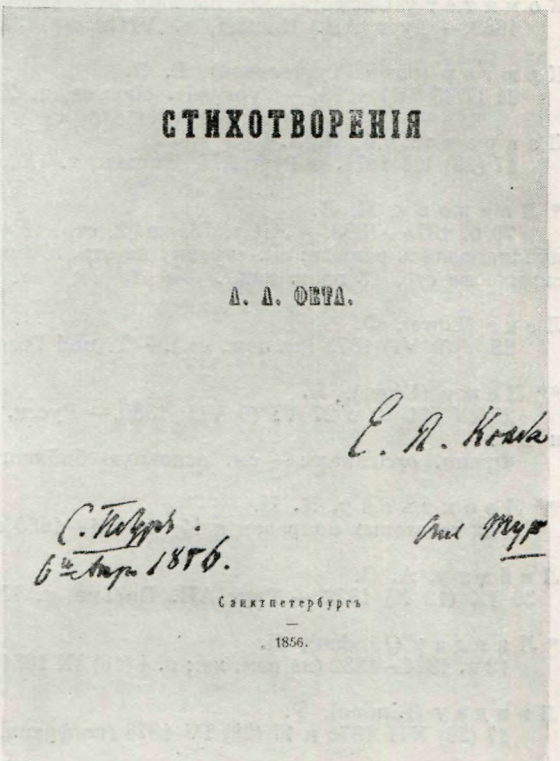
* Дюран-Гревилю (Durand-Gréville), Э.
25 III (6 IV) 1872 впервые во франц. подлиннике — Тург АН. Письма, т. IX, стр. 252.

* Жемчужникову, А. М.
19 (31) I, I—27 V (8 VI) 1868, 28 XII 1868 (9 I 1869) — Тург АН. Письма, т. VII, стр. 35—36, 145, 269.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА:

«Е. Я. Колба‹сину› от Тур‹генева› С. Пбург. 6-го апр‹еля› 1856» (на книге: «Стихотворения А. А. Фета». СПб., 1856)

Частное собрание, Москва


СТИХОТВОРЕНІЯ

А. А. ФЕТА.

Е. Я. Колба

С. Пбургъ.
6 Апр. 1856.

Отъ Тург

Санктпетербургъ

1856.

* Жуковскому, П. В.
24 п. 1869, 1873—1876.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 50, 72—73; т. X, стр. 132, 309, 311, 312, 316, 343, 348; т. XI, стр. 5—256.

Жуковскому, П. В. и Онегину, А. Ф.
15 (27) VIII 1874.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 277.

Захер-Мазоху (Sacher-Masoch), Л.
4 (16) IX 1881 (на франц. яз.).— T. und D., S. 151.

Золотницкому, И. П.
29 VIII (10 IX) 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 120.

Кайслеру (Kayssler), Л.
22 III (3 IV) 1870.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 207, 373 (нем. текст и русск. пер.).

Карлу-Александру Веймарскому
28 X (9 XI) 1878.—Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 373, 485 (франц. текст и русск. пер.).

* Карташевской (рожд. Макаровой), В. Я.
21 VI (3 VII) 1870, 12 (24) V 1871, 15 (27) VIII 1878.—Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 246—247; т. IX, стр. 97; т. XII, кн. 1, стр. 344—345.

* Кишинскому, Н. А.
184 п. 1867—1875.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 18—335; т. VIII, стр. 15—325; т. IX, стр. 18—356; т. X, стр. 14—346; т. XI, стр. 8—270. Небольшие отрывки ранее: «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1894 год». СПб., 1897, стр. 44—45, 48, 50—52, 54 и ТСб. 1915, стр. 59—60.

* Колбасину, Е. Я.
1) 1 п. 1880. Отрывок.— «Одесский вестник», 1885, 9 мая, № 103.
2) 24 IX (6 X) — 15 (27) X 1875 и 10 (22) V 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 143, 260.

К о м и т е т у Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым 12 (24) IX 1869.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 327.

К р ю г е р (рожд. Тургеневой), Е. П.
21 II (5 III) 1873.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 75—76.

Л а в р о в с к о й, Е. А.
17 (29) III 1871.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 53.

* Л а в р о в у, П. Л.
79 п. 1873—1883.— ЛН т. 73, кн. 2, стр. 18—62 (60 п. опубликовано впервые, 19 публиковались раньше; см. справку на стр. 379 назв. изд.; п. 21 I (2 II) 1881 — факсимиле на стр. 13 назв. изд.).

Л е в е (Löwe), Ф.
28 V (9 VI) 1873 (на нем. яз.).— T. und D., S. 104—105.

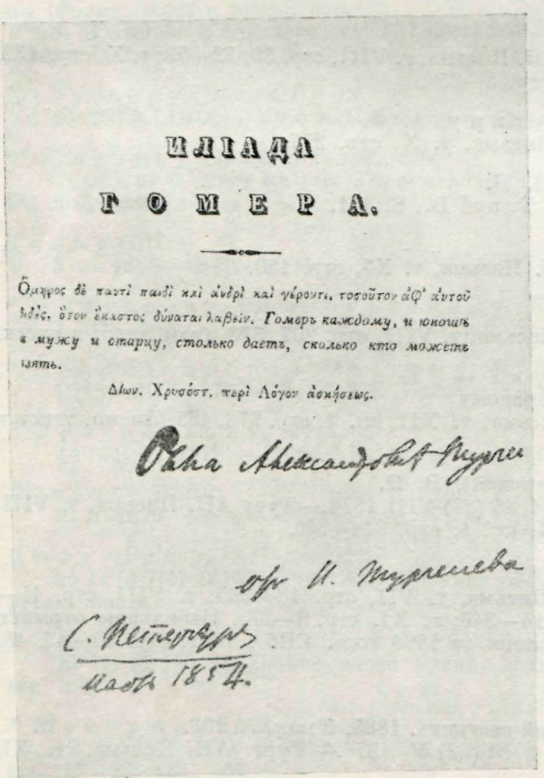
** Л е ж е (Léger), Л.
29 IV (11 V) и 27 VI (9 VII) 1880.— Русск. пер.: «Москва», 1965, № 8, стр. 205 и 208.
Франц. оригиналы — см. основную библиографию, стр. 380, § 2.

** Л е о н т ь е в у, К. Н.
Ряд текстовых поправок к 17 п. 1851—1860 гг.— ТСб. 1966, стр. 258—267.

Л и б а н у, А. О.
30 IX (12 X) 1872.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 339—340.

* Л и н д а у (Lindau), П.
12 п. 1874—1882 (на нем. яз.; п. 4 (16) IX 1881 по франц.).— T. und D., S. 120—144.

Л и н д а у (Lindau), Р.
17 (29) XII 1876 и 17 (29) IV 1878 (по франц.).— T. und D., S. 128 и 139.


ИЛІАДА
ГОМЕРА.

Ὅμηρος δὲ παντὶ παιδὶ καὶ ἀνδρὶ καὶ γέροντι, τοσοῦτον ἀφ' ἑαυτοῦ δίδωσι, ὅσον ἕκαστος δύναται λαβεῖν. Гомеръ каждому, и юношѣ и мужу и старцу, столько даетъ, сколько кто можетъ взять.

Δίων. Χρυσόστ. περὶ Λόγου ἀσκήσεως.

Ольга Александровнѣ Тургеневой
отъ И. Тургенева
С. Петербургъ
Мартъ 1854.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА:

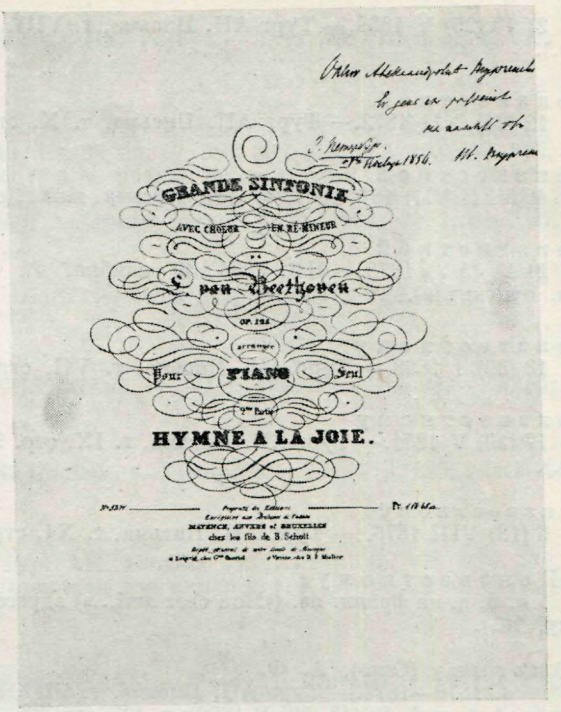
«Ольге Александровне Тургеневой от И. Тургенева. С. Петербург. Ноябрь 1854» (на книге: «Илиада Гомера», СПб., 1839)

Музей И. С. Тургенева, Орел

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ТУРГЕНЕВА:

«Ольге Александровне Тургеневой в день ее рождения на память от Ив. Тургенева. С. Петербург. 21 января 1856» (на нотах: Л. Бетховен «Большая симфония. Гимн радости»)

Центральный архив литературы и искусства, Москва



* Лихачеву, В. И.
29 XII 1876 (10 I 1877).— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 48—49.

* Лукашиной (рожд. Рыкачевой, во 2-м браке Паевской), А. Н.
12 п. 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 276—408.

Льюису (Lewes), Д.-Г.
20 X (1 XI) 1878. — Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 367—368, 483 (англ. текст и русск. пер.).

* Маляревскому, П. К.
3, 5 (15, 17) VII 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 294.

* Маршалю (Maréchal)
1) 6 п. 1869.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 275—340, 423—438; т. VIII, стр. 8—9, 330 (франц. текст и русск. пер.).
2) Строку 17 сверху на стр. 382 основного списка следует читать так: р. 47, 217, 219.

* Маслову, И. И.
28 V (9 VI) 1870, 21 II (5 III) 1873, 11 (23) IX 1874, 23 XI (5 XII) 1876.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 235; т. X, стр. 74, 294; т. XII, кн. 1, стр. 10—11.

* Мещерскому, А. А.
15 (27) III 1877, 22 X (3 XI) и 28 (X) (9 XI) 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 123—124, 368, 373.

* Милютиной (рожд. Абазе, по второму мужу Стиль или Сталь), М. А.
28 III (9 IV) 1868, конец III — IV 1874, 13 (25) IV 1877.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 107; т. X, стр. 234; т. XII, кн. 1, стр. 140.

Мюллеру (Müller), К.
1) 5 (17) V 1869.— M. Lengfeld'sche Buchhandlung. Abteilung Antiquariat. Katalog 42. Autographen... Beschreibendes Verzeichnis von Dr. Georg Kinsky. Köln, November 1932, S. 51, № 303. Переп.: Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 26, 334 (нем. текст и русск. пер.) и T. und D., S. 90 (нем. текст).

2) 13 (25) V 1869.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 31, 336 (нем. текст и русск. пер.).

Неизвестной
12 (24) XII 1872.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 43.

Неизвестной
19 VI (1 VII) 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 283.

Неизвестной
21 IV (3 V) 1878.— НВ, 1884, 30 ноября, № 3147 (русск. пер. неизвестного нем. оригинала).

Неизвестному
18 (30) I 1868.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 35.

Неизвестному
17 (29) V 1871.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 98—99, 381 (англ. текст и русск. пер.).

Неизвестному
6 (18) VIII 1876. — Тург АН. Письма, т. XI, стр. 302.

** Неизвестному
1 п. б. д. на франц. яз. («Mon cher ami...») адресовано Ж. Рейнаку (см. ниже Рейнаку, Ж.).

* Онегину (Отто), А. Ф.
21 п. 1870—1874.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 225—228 (на стр. 227 факсимиле л. 1 п. от 6, 10 (18, 22) V 1870); т. IX, стр. 38—352; т. X, стр. 112, 147, 152, 154, 165, 178—180, 297, 418 (п. 3 (15) XII 1874 — по-франц., приведен русск. пер.); т. XI, стр. 194, 224; т. XII, кн. 1, стр. 260, 285, 322, 407. См. также Жуковскому, П. В. и Онегину, А. Ф.

Парису (Paris), Г.
12 (24) VI 1882 (отрывок) и 31 XII 1882 (12 I 1883).— ЛН т. 73$_1$, кн. 1, стр. 417 (оба п. в русск. пер.).

** Петру Петровичу — адресат пп. П. П. Васильев (установлено Н. Н. Мостовской).

* Пецольд (Petzold), М. Г.
10 (22) III 1872.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 240, 411 (нем. текст и русск. пер.).

* Писемскому, А. Ф.
10 (22) I 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 8—9.

Писемскому, П. А.
28 XII 1874 (9 I 1875).— Тург АН. Письма, т. X, стр. 347.

* Пичу (Pietsch), Л.
1) 19 IV (1 V) 1871, 28 VI (10 VII) и 29 VI (11 VII) 1873.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 81—82, 376; т. X, стр. 119—120, 398—399 (нем. текст и русск. пер.; 2-е п. фото л. 1 — стр. 121).
2) 7 (19) VII 1872 впервые в нем. оригинале.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 296—297.

* Полевому, П. Н.
10 (22) IV 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 62.

Половцову, А. А. (?)
17 (29) V 1872.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 273.

** Половцову, А. В.
Правильные даты писем следующие: 23 VI (5 VII) и 12 (24) XI 1876, 16 (28) IV 1880. П. 3 (15) IV 1882 обращено, по-видимому, к другому адресату. ТСб. 1966, стр. 186.

* Полонскому, Я. П.
31 V (12 VI) и 5 (17) VII 1868 и 5 (17) V 1874.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 148, 186—187; т. X, стр. 236.

Полторацкой, Э. С.
19 п. 1872, 1873, 1875, 1877.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 350, 358, 443, 446; т. X, стр. 11, 19—20, 24, 25, 40, 52, 53, 66, 67, 355, 358, 359, 362, 363, 369, 375, 376, 380, 381; т. XI, стр. 68, 81, 370 (2-е п. франц. текст и русск. пер.); т. XII, кн. 1, стр. 160, 202, 249—250, 454, 464—465, 473 (франц. текст и русск. пер.). 1-е п. в отрывке первоначально: «Вестник Академии наук СССР», 1964, № 7, стр. 87.

* Полторацкому, С. Д.
28 X (9 XI) 1871 и 10 (22) II 1877.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 152—153; т. XII, кн. 1, стр. 94.

Поме (Pomey), Л.
26 X (7 XI) 1870.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 300—301, 389—390 (франц. текст и русск. пер.).

* Пыпину, А. Н.
5 п. 1874 и 1878.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 205, 266, 279, 295; т. XII, кн. 1, стр. 349.

* Рагозину, Е. И.
13 п. 1872—1875 и 1877.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 45, 178, 274, 279, 418 (п. 3 (15) XII 1873 — по-франц., приведен русск. пер.); т. XI, стр. 122; т. XII, кн. 1, стр. 139—188.

* Рашет, Н. Н.
4 (16), 14 (26), 16 (28) и 21 X (2 XI) 1870.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 286 287, 291, 298, 300.

* Рейнаку (Reinach), Ж.
30 XI (12 XII) 1879.— Впервые — Т. и его вр., стр. 308 (в качестве п. к неизвестному, с пропусками и неисправно). Адресат определен и п. переп.: ЛН т. 73, кн. 1, стр. 306—308, ср. 330 (стр. 307 — факсимиле п.).

* Роденбергу (Rodenberg), Ю.
11 п. 1868—1870, 1875, 1877.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 255—256, 267—268, 416, 420; т. VIII, стр. 67—233, 349—379 (нем. текст и русск. пер.); т. XI, стр. 175, 389; т. XII, кн. 1, стр. 114—115. П. впервые опубликовано в нем. оригинале. Русск. пер. первоначально — ВЕ 1909, № 4, стр. 662—663).

Родионовой, А. Ф.
23 VI (5 VII) 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 181.

** Ролстону (Ralston), В.
Все пп., начиная с I 1872, написаны по-английски: перечень переводов — см. ТСб. 1964, стр. 343.

* Салаеву, Ф. И.
1) 22 VI (4 VII) 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 180.
2) 14 (26) III 1879.— «Книга», сб. V. М., 1961, стр. 346. Остальные 10 п. этой публикации обращены к В. В. Думнову (см. выше).

* Самарину, П. Ф.
16 (28) VI 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 280—281.

** Сент-Беву (Sainte-Beuve), Ш.-О.
Правильная дата п. основного списка — 12 (24) XI 1868: см. Тург АН. Письма, т. VII, стр. 237.

Скребицкому, А. И.
11 (23) V 1870.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 229.

Смирновой, О. Н. (?)
7 (19) II 1878 (?).— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 278.

Соллогуб, М. Ф.
14 (26) VII 1870.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 253—254.

Соллогубу, В. А.
11 п. 1875—1878 (?).— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 93—145; т. XII, кн. 1, стр. 40—326.

Сорневой, А. В.
13 (25) XI 1871—6 (18) I 1874.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 227. Отрывок ранее: «Вестник Академии наук СССР», 1964, № 7, стр. 87.

* Стасюлевичу, М. М.
12 (24) X 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 216, 218.

* Суворину, А. С.
22 или 24 XII 1871 (3 или 5 I 1872). Отрывок.— Сб. ГПБ, III, стр. 69; полностью: Тург АН. Письма, т. IX, стр. 199.

Тимковской, А. А.
20 X (1 XI) 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 333—334.

Толстому, Д. А.
23 II (7 III) 1871.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 26.

Торнау, Ф. Ф.
23 II (7 III) 1877.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 102.

Третьяковой, В. Н.
24 VIII (5 IX) 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 117, 378 (франц. текст и русск. пер.).

** Третьякову, П. М.
6 (18) VI 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 270—271. Ранее п. публиковалось в сокращ. виде.

Трубецкой, Е. Э.
I—IV 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 257, 407 (франц. текст и русск. пер.).

* Тургеневой (рожд. Шварц), А. Я.
15 (27) VII 1870.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 254.

* Тургеневой (рожд. Виарис), К.
2 (14) VI 1871.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 105—106, 384 (франц. текст и русск. пер.).

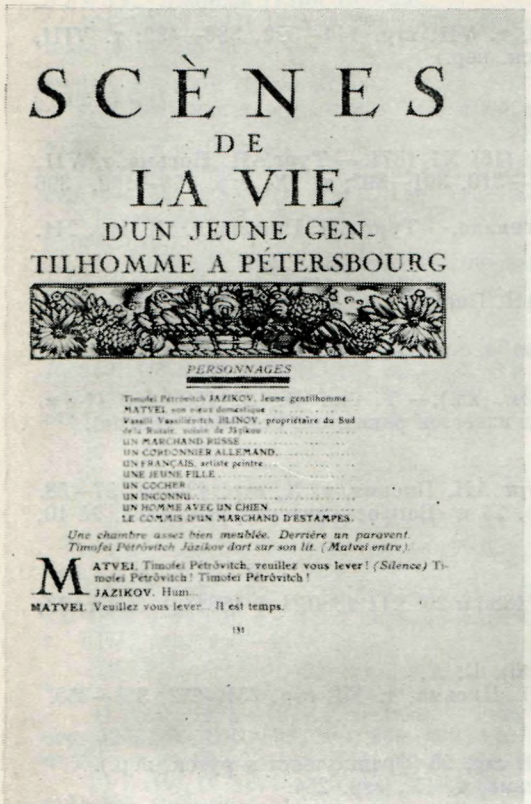
Тургеневой, М. П.
14 (26) VI 1872, 26 I (7 II) и 19 VI (1 VII) 1877.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 288; т. XII, кн. 1, стр. 80, 179.

* Тургеневой (по мужу Брюэр, Bruère), П. И.
134 п. 1868—1878.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 52—234, 359—409; т. VIII, стр. 155—251, 362—382; т. IX, стр. 63—355, 373—442; т. X, стр. 5—466; т. XI, стр. 20—338, 360—424; т. XII, кн. 1, стр. 9—393, 420—491 (франц. текст и русск. пер.).

* Тургеневу, А. Н.
27 X (8 XI) 1878. — Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 372, 484 (франц. текст и русск. пер.).

* Тургеневу, Н. И.
30 XI (12 XII) 1868.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 252—253. Первоначально: «Книга», сб. V. М., 1961, стр. 329.

* Тургеневу, Н. Н.
9 (21) XII 1867.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 11—12.



SCÈNES
DE
LA VIE
D'UN JEUNE GEN-
TILHOMME A PÉTERSBOURG

PERSONNAGES

Timofei Pétrôvitch JAZIKOV, jeune gentilhomme
MATVEI, son valet domestique
Vassili Vassiliévitch ILINOV, propriétaire du Sud
de la Russie, voisin de Jazikov
UN MARCHAND RUSSE
UN CORDONNIER ALLEMAND
UN FRANÇAIS, artiste peintre
UNE JEUNE FILLE
UN COCHER
UN INCONNU
UN HOMME AVEC UN CHIEN
LE COMMIS D'UN MARCHAND D'ESTAMPES

Une chambre assez bien meublée. Derrière un paravent. Timofei Pétrôvitch Jazikov dort sur son lit. (Matvei entre).

MATVEI, Timofei Pétrôvitch, veuillez vous lever! *(Silence)* Timofei Pétrôvitch! Timofei Pétrôvitch!

JAZIKOV. Hum...

MATVEI. Veuillez vous lever... Il est temps.

151

gent. C'est un brave homme et il m'aime... Eh! je n'ai pas encore eu le temps de boire mon thé... Il faudrait tout de même m'occuper... Non, je ne le puis pas. Je vais attendre Matvei. Que m'apportera-t-il? Et s'il ne trouve pas le général chez lui! Quelle heure? Onze heures et demie... Si j'essayais d'écrire quelque chose? Mais quoi? *(Il se couche sur le sopha).* Ça va mal. *(Il saute).* Matvei?... Non, ce n'est pas encore lui! Pourquoi Matvei ne revient-il pas?.. *(Il songe).* Il faut dire la vérité: j'ai eu tort de ne pas entrer au service militaire. D'abord, c'est tout de même ce qu'il y a de mieux. Ensuite je me sens des dispositions pour la tactique. Bah! il n'y a plus à y revenir... Maintenant... *(Matvei entre. Jazikov s'enfouit la tête dans les coussins.* Bon, je sais, je sais, je sais!.. Tu ne l'as pas trouvé chez lui, je ne peux rien y changer, tu ne l'as pas trouvé? Hein?.. Allons, parle vite!

MATVEI. Pas du tout, monsieur, je l'ai trouvé.

JAZIKOV, *levant la tête*. Ah! tu l'as trouvé?.. Et tu apportes une réponse?

MATVEI. Assurément, monsieur.

JAZIKOV, *détournant la tête et tendant la main*. Donne, donne... *(Il tâte la lettre).* Eh! ce n'est pas épais. *(Il ouvre la lettre).* Mais c'est ma lettre!

MATVEI. Il a daigné répondre sur votre lettre.

JAZIKOV. Bon! je comprends! je comprends! Un refus... Ah! la cigogne maudite! Je ne veux pas même lire sa réponse. *(Il jette la lettre par terre).* Je sais ce qu'il y a d'écrit... *(Il ramasse la lettre).* Il vaut tout de même

159

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К КОМЕДИИ «БЕЗДЕНЕЖЬЕ»

Гравюры В. Шухаева, 1922

Вырезка из журнала «Feuillets d'art», Paris, 1922, № IV (публикация комедии в переводе Дени Роша под измененным названием «Сцены из жизни молодого дворянина в Петербурге»)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

* Тургеневу, Н. С.
42 п. 1868—1878.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 242; т. VIII, стр. 96—288; т. IX стр. 20—273; т. X, стр. 156—347; т. XI, стр. 16—342; т. XII, кн. 1, стр. 148—348.

Тютчеву, Н. Н.
2 (14) VIII 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 339.

Унгерн-Штернбергу (Ungern-Sternberg), Е.
1 (13) I 1873.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 54, 376 (нем. текст и русск. пер.).

Урусовой, М. С. (?)
30 XII 1876 (11 I 1877). — Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 52.

* Феоктистову, Е. М.
7 (19) и 15 (27) X 1869, 6 (18) III 1871 и 14 (26) V 1872.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 104, 109—111 (на стр. 105 — факсимиле л. 1 первого п.); т. IX, стр. 39, 271.

* Флоберу (Flaubert), Г.
1) 9 п. 1868—1874 впервые во франц. оригинале.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 237, 343, 409, 438; т. IX, стр. 162, 223, 352, 357—358 (п. 15 (27) X 1872 — факсимиле л. 1 на стр. 359); т. X, стр. 17—18, 236—237 (франц. текст и русск. пер.).
2) сер. II—9 (21) III 1872.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 238—239, 410 (франц. текст и русск. пер.).

* Фредро (Fredro), М.
9 п. 1868—1869.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 146—322, 386—433; т. VIII, стр. 50—69, 343—350 (франц. текст и русск. пер.)

* Фридлендеру (Friedländer), Л.

1) 14 (26) X 1868, 10 (22) XI 1870 и 4 (16) XI 1871.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 228—229, 405—406; т. VIII, стр. 308—310, 391—392; т. IX, стр. 158—160, 396 (нем. текст и русск. пер.)
2) 10 (22) III 1872 впервые в нем. оригинале.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 241.

* Ханыкову, Н. В.
10 п. 1870, 1871, 1875, 1876.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 9, 10, 199; т. XI, стр. 36—226.

* Цабелю (Zabel), Е.
12 (24) XI 1881 и 14 (26) V 1882 (на нем. яз.).— T. und D., S. 158—160 (1-е п. впервые в нем. оригинале, русск. пер. был известен ранее; см. основной список).

* Цуриковой, В. А.
16 (28) XII 1872 и 5 (17) I 1873.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 43—44, 57—58. Отрывки ранее: «Огонек», 1957, № 20, стр. 24 и «Вопросы литературы», 1962, № 10, стр. 173.

Чайковскому, Н. В.
26 IX (8 X), 21 X (2 XI), 17 (29) XI 1880 и 20 XII 1880 (1 I 1881).— ЛН т. 73, кн. 2, стр. 88—92.

* Черкасской (рожд. Васильчиковой), Е. А.
11 (23) IV и 9(21) XI 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 251—252, 349—350.

* Черкасскому, В. А.
1) 13 (25) VII 1869.— ЛН т. 73, кн. 2, стр. 96 (франц. текст и русск. пер.).
2) 25 IV (7 V) 1872.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 264.

* Чивилеву, Б. А.
11 п. 1875—1878.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 131, 156, 223, 306; т. XII, кн. 1, стр. 252—397.

* Шарапову, С. Ф.
2 (14) I 1878.— «Свидетель», 1908, № 15, стр. 78. Перепеч.: Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 256.

* Шмидту (Schmidt), Ю.
18 (30) III 1877 (в англ. пер.).— «The Saturday Review», Supplement, 1909, 28. VIII, № 2809, p. 11.

* Шоу-Лефевру (Shaw-Lefevre), Д.-Д.
12 (24) X 1869.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 107—108, 357 (франц. текст и русск. пер.).

* Шторму (Storm), Т.
26 XI (8 XII) 1876.— K. E. Laage. Theodor Storm und Iwan Turgenjew.— «Schriften der Th. Storm Gesellschaft». Heidelberg, 1963, № 12, S. 13, 26 (отрывки; факсимиле начала л. 1 — между стр. 16—17).

* Шумахеру, П. В.
5 (17) VI 1874.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 245.

* Щепкину, А. М.
22 V (3 VI) 1873.— Тург АН. Письма, т. X, стр. 108.

* Щепкину Н. А.
1) 26 п. 1876—1878.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 325, 353, 357—359; т. XII, кн. 1, стр. 24—418.
2) 14 (26) II 1881. Отрывок.— ЛН т. 73, кн. 2, стр. 54.

Эдуэну, Э. См. Гедуэну, Э.

Элиот, Джордж (Eliot George).
21 XI (3 XII) 1878.— Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 386, 489 (англ. текст и русск. пер.).

** Эмантсу (Emants), М.
VI 1879 и б. д. Отрывки.— ТСб. 1964, стр. 334 (франц. текст и русск. пер.).

* Этцелю (Hetzel), П.-Ж.
1) 78 п. 1868—1878.— Тург АН. Письма, т. VII, стр. 29—261, 355—440; т. VIII, стр. 6—155, 328—362; т. IX, стр. 122—356, 388—445; т. X, стр. 10—341, 354—465; т. XI, стр. 56—332, 366—422; т. XII, кн. 1, стр. 117—406, 442—493 (франц. текст и русск. пер.).
2) 8 (20) V 1869. Отрывок.— Впервые: P. Mérimée, Correspondance générale..., II série, vol. VIII, p. 489.

** Юрьеву, С. А.
8 V 1880 в качестве неизданного: «Ленинское знамя» (Москва), 1963, 23 октября, № 249. Об этой публикации см.— И. Злотникова. Письмо неведомое миру.— «Вопросы литературы», 1964, № 7, стр. 239. В публикации «Ленинского знамени» частично факсимиле первой и последней страницы п.

ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ

* Авдеев, М. В.
10 п. 1865—1870.— ТСб. 1964, стр. 408—431. Отрывки пп. 14 (26) IV и 14 (26) IX 1868 и 14 (26) IX 1869 первоначально: Тург АН. Письма, т. VII, стр. 517—518; т. VIII, стр. 446—447.

* Анненков, П. В.
1) 34 п. 1872—1878. Отрывки.— Тург АН. Письма, т. IX, стр. 542 и 561; т. X, стр. 320, 546, 556, 559, 560, 566, 569, 570, 577, 588, 590, 594, 595, 606, 645, 660—661; т. XI, стр. 502—700; т. XII, кн. 1, стр. 456—661.
2) 7 (19) IV 1874 и 5 (17) XII 1875.— Тург АН. Сочинения, т. XI, стр. 501, 512—513. Отрывки.
3) 5 п. 1872—1883. Отрывки.— ЛН т. 73, кн. 1, стр. 330, 409, 411, 542, 561.

Ауэрбах (Auerbach), Б.
1) IV 1880. Отрывок в русск. пер. — НВ 1880, 8 июня, № 1536; «Русский курьер», 1880, 9 июня, № 155; РВед., 1880, 9 июня, прибавл. к № 147, стр. 3 и др. периодич. изд. Переп.: «Венок на памятник Пушкину». СПб., 1880, стр. 44—45. Дата установлена по содержанию.
2) 9 (21) V 1880 (на нем. яз.).— T. und D., S. 66 (на стр. 67 — черновой набросок).

Боденштедт (Bodenstedt), Ф.
14 п. 1861—1866. — ЛН т. 73, кн. 2, стр. 306—332 (нем. текст и русск. пер.).

* Васильев, П. П.
4 (16) VII 1869. Отрывок.— Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 430.

* Венгеров, С. А.
4 (16) XII 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 542. Отрывок.

Верещагин, В. В.
22 XI (4 XII) 1878 и 17 (29) XI 1879. — ЛН т. 73, кн. 1, стр. 302—303, 306 (1-е п. — факсимиле, стр. 301).

* Вревская, Ю. П.
3 (15) IV, 17 (29) X, 25 X (6 XI) и 8 (20) XII 1876.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 584, 599, 639, 661; т. XII, кн. 1, стр. 514, 555.

Вучетич, И.
22 X (3 XI) и 3 (15) XII 1869 и 20 XII 1869 (1 I 1870). — ТСб. 1964, стр. 438—443 (сербск. текст и русск. пер.). Отрывок п. 3-го также: Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 493—494.

Герцен, А. А.
11 (23) X 1869. — ТСб. 1964, стр. 444.

* Головнин, А. В.
6 п. 1877—1881. — ЛН т. 73, кн. 2, стр. 71—84.

Джеймс (James), Генри, отец
7(19) VI 1874. — Ralph Burton Perry. The Thought and character of W. James. V. I. Boston, 1936, p. 137—139 (указано Ю. Д. Левиным).

* Жемчужников, А. М.
26 V (7 VI) и 10 (22) VII 1869. Отрывки. — Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 424—425.

* Забелин, И. Е.
18 V 1853. — ТСб. 1964, стр. 381.

* Кашперов, В. Н.
11 п. 1857—1865. — ТСб. 1964, стр. 388—406. П. 9 VII 1857 первоначально в отрывках: М. И. Глинка. Литературное наследие, т. I. Л., 1952, стр. 465 и А. Орлова. М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества. М., 1952, стр. 500.

* Кишинский, Н. А.
25 VIII (6 IX) 1874. Отрывок. — Тург АН. Письма, т. X, стр. 639—640.

Кобизский, И. П.
10 (22) IX 1873. Отрывок. — Тург АН. Письма, т. X, стр. 557.

Козлов П. А.
7 (19) III 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 458.

Краковская академия наук.
IV 1880. Отрывок в русск. пер.— «Русский курьер», 1880, 9 июня, № 155.

* Лавров, П. Л.
30 V (11 VI) 1878, 5 (17) IV 1879 и 2 (14) VIII 1880.— ЛН т. 73, кн. 2, стр. 63—64. 1-е п. первоначально: Б 1925, № 2, стр. 29; 2-е и 3-е пп. остались неотправленными.

Ладыженская (по мужу Сомова), В. В.
V — середина VI 1880. — ТСб. 1966, стр. 312—313.

Ладыженская (рожд. Дюклу, во втором браке Палтова, псевд. Вахновская), Е. А.
10 п. 1854—1855. — ТСб. 1966, стр. 357—371.
Пп. опубликованы с небольшими купюрами. Пп. 2—4, 7, 9 назв. публикации — (отрывки) ТСб. 1964, стр. 374—375; пп. 3, 5, 7, 8, 10 назв. публикации (отрывки) — Тург АН. Сочинения, т. V, стр. 555, 610; т. VI, стр. 519, 521.

Леклид (Lesclide), Р.
5 (17) V 1880. — ТСб. 1964, стр. 455—456 (франц. текст и русск. пер.).

* Марко Вовчок (Маркович, М. А.)
48 п. 1859—1864. — ЛН т. 73, кн. 2, стр. 265—302 (п. 9 (21) VI 1859 — факсимиле на стр. 255).

Матэ, В. В.
Конец VII 1880. — ТСб. 1966, стр. 319—320.

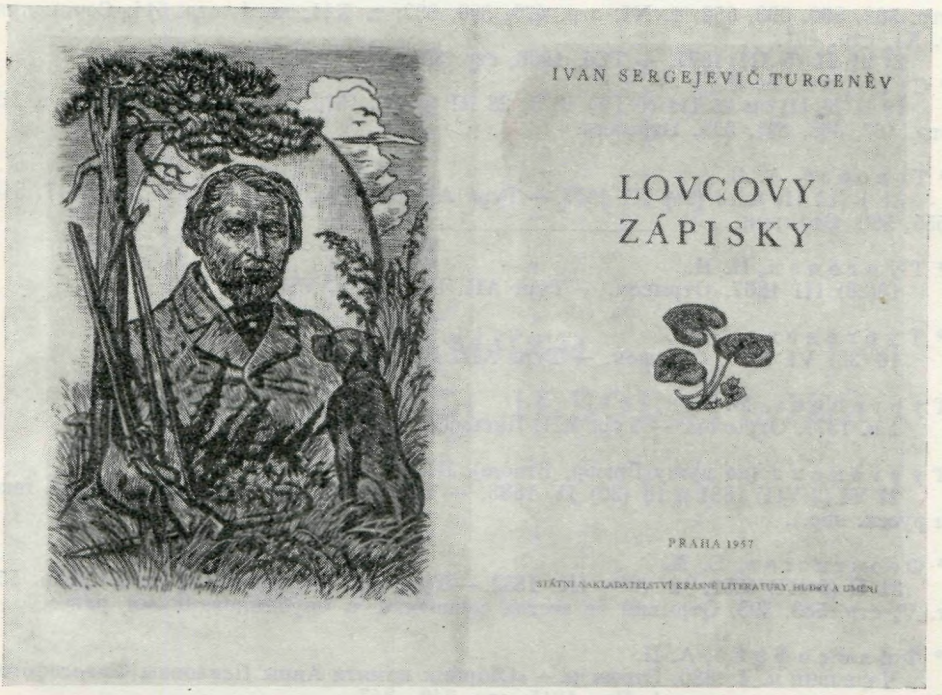
Мещерская, С. И.
20 п. 1852.— ТСб. 1966, стр. 229, 234—246. Пп. опубликованы в русск. пер. с франц. оригинала полностью или в больших отрывках.

Мещерский, А. А.
5 (17) VIII 1876. Отрывок. — ЛН т. 73, кн. 1, стр. 418.

Мишле (Michelet), Ж.
1 п. б. д. («Cher Monsieur, J'hésite à recevoir...»). — ТСб. 1964, стр. 454.

Мухортов, З. Н.
6 (18) II 1875.— Тург АН. Письма, т. XI, стр. 452. Отрывок.

Неизвестный
X 1868 («Милостивейший государь Иван Сергеич! Г-н Кишинский запродал хлеб...»). — Тург АН. Письма, т. VII, стр. 519—520.



«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА». ИЗДАНИЕ НА ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ (ПРАГА, 1957)
Титульный лист и фронтиспис
Гравюры Карела Штыка

Онегин (Отто), А. Ф.
1 п. 1870 (отрывок) («... один вам известен...») и 16 (28) II 1874 (отрывок). — Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 506; т. X, стр. 591.

* Панаев, И. И.
7 п. 1855—1857. — ЛН т. 73, кн. 2, стр. 108—122.

* Писемский, А. Ф.
47 п. 1855—1879. — ЛН т. 73, кн. 2, стр. 138—194. Отрывок п. 8 (20) III 1862 первоначально: Тург АН. Письма, т. IV, стр. 628—629.

Плевако, К.
1 п. б. д. («Иван Сергеевич! Я нашел средство к существованию...»). — ЛН т. 73, кн. 1, стр. 424.

Плетнева, А. В.
1 п. 1869. Отрывок («Выставляя его высоко идеальную личность...»). — Тург АН. Письма, т. VIII, стр. 462—463.

* Полонский, Я. П.
14 п. 1857—1873. — ЛН т. 73, кн. 2, стр. 211—247.

Полторацкая, Э. С.
1874. — Тург АН. Письма, т. XI, стр. 488. Отрывок.

Салиас де-Турнемир, Елиз. В.
5 (17) IV 1853.— Тург АН. Сочинения, т. V, стр. 631. Отрывок.

* Стасов, В. В.
13 (25) X и 29 X (10 XI) 1871, 15 (27) XII 1882. — ТСб. 1964, стр. 447—452.

Стасюлевич, М. М.
1) 6 п. 1874—1877 (отрывки) и X 1874 (черновик). — Тург АН. Письма, т. X,

стр. 582, 590, 593, 652; т. XI, стр. 470, 599, 632; т. XII, кн. 1, стр. 614; Сочинения, т. XI, стр. 491.
2) 21 II (5 III) 1877. — ТСб. 1966, стр. 301.

* Суворин, А. С.
19 II (3 III) и 25 III (6 IV) 1875, 28 III (9 IV) 1876. — Тург АН. Письма, т. XI, стр. 467, 468, 591, 600. Отрывки.

* Топоров, А. В.
31 I (13 II) и 13 (25) III 1877. — Тург АН. Письма, т. XII, кн. 1, стр. 517, 544, 555, 580. Отрывки.

* Тургенев, Н. Н.
16(28) III 1867. Отрывок. — Тург АН. Письма, т. VII, стр. 506.

* Тургенева, В. П.
16 (28) VI 1840. Отрывок. — Тург АН. Письма, т. X, стр. 578.

Тургенева, М. П.
1 п. 1877. Отрывок. — Тург АН. Письма, т. X, стр. 673.

Тургенева (по мужу Брюэр, Bruère), П. И.
27 VI (9 VII) 1881 и 18 (30) IV 1883. — ТСб. 1966, стр. 335—338 (франц. текст и русск. пер.).

* Феоктистов, Е. М.
21 II (5 III) 1851, 12 (24) IX 1852. — Тург АН. Сочинения, т. IV, стр. 553; т. V, стр. 583, 596. Отрывки не всегда совпадают с опубликованными ранее.

* Философова, А. П.
Черновик п. I 1880. Отрывок.— «Сборник памяти Анны Павловны Философовой. Статьи и материалы», т. I. Пг., 1915, стр. 346—347.

Ханыков, Н. В.
16 (28) I 1869, 1 (13) II 1870, 13 (25) IV 1875. Отрывки. — Тург АН. Письма, т. VII, стр. 544; т. VIII, стр. 495—497; т. XI, стр. 477.

Чайковский, Н. В.
2 (14) X 1880.— ЛН т. 73, кн. 2, стр. 88. Письмо, по-видимому, не было отослано

Шторм (Storm), Т.
18 (30) V 1868. — ТСб. 1964, стр. 435—436 (нем. текст и русск. пер.).

Шумахер, П. В.
6 (18) XI 1872 и 6 (18) VII 1873. Отрывки. — Тург АН. Письма, т. X, стр. 480, 540, 544.

* Щербань, Н. В.
15 (27) II 1862 и 11 (23) XI 1874. Отрывки.— Тург АН. Сочинения, т. VIII, стр. 576, 585; Письма, т. X, стр. 662.

ПАМЯТИ
УШЕДШИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БЕЛЕЦКИЙ

(1884—1961)

В многогранном научном наследии Александра Ивановича Белецкого проблемы, связанные с творчеством Тургенева, казалось бы, не занимают значительного места. Однако одной из характернейших черт этого выдающегося ученого было умение в небольшой работе сказать больше, чем сказано в иных, крупного объема, трудах. Сжатость изложения, точность выражения мысли, полное отсутствие многословных рассуждений позволяли ему на немногих страницах развернуть новую концепцию, высказать интересные и всегда свежие идеи, наметить дальнейшие пути в изучении рассматриваемой им проблемы. Даже его научно-популярные работы (вступительные статьи, послесловия и т. п.) отнюдь не только подводят итоги изучению того или другого писателя, произведения, но представляют собой результат тщательного исследования, всегда исполнены блестящих мыслей и научных находок.

Много времени и сил отдавал А. И. Белецкий преподаванию в высшей школе. Был он замечательным лектором, увлекавшим слушателей, возбуждавшим и развивавшим их научное мышление. Читанные им курсы по истории русской литературы и теории литературы, общие и специальные, всегда строились на глубоком исследовании предмета, всегда давали новое его освещение, всегда двигали историко-литературную науку вперед. Они поучительны и с методической стороны — с точки зрения того, как следует строить университетский курс. Изучение педагогического мастерства А. И. Белецкого, отраженного в сохранившихся конспектах, могло бы дать немало ценного в научном отношении и весьма полезного в методическом, особенно для начинающих преподавателей высших учебных заведений.

Если собрать все тургеневские материалы, входящие в научное наследие А. И. Белецкого (статьи, публикации, конспекты курсов, докладов

и т. п.), то станет ясным, что, начиная с ранних лет своей деятельности до конца жизни, он никогда не выпускал Тургенева из сферы своих научных изысканий и сделал достаточно много для его изучения, освещая такие стороны творчества и значения писателя, которых не касались другие советские тургеневеды.

Впервые пристальное внимание А. И. Белецкого Тургенев привлек в 1918 г., когда отмечалось столетие со дня рождения писателя. Молодой ученый читал на харьковских Высших женских курсах и в университете в осеннем семестре этого года специальный курс, посвященный Тургеневу. В юбилейные тургеневские дни А. И. Белецкий устраивал в Историко-филологическом обществе при Харьковском университете заседания, на которых сам выступал с докладами и выпускал своих учеников с чтением их работ о Тургеневе. В университете он организовал литературный кружок им. Тургенева, о чем сообщалось в газете «Вестник Юга», № 25, от 6 октября/23 сентября 1918 г. [1]

1918-й год для Украины — тяжелый год. Ее оккупировали немцы, на ней хозяйничали украинские националисты, стремившиеся всеми силами расторгнуть крепкие братские связи между русским и украинским народами. Объявивший в таких условиях чтение специального курса о Тургеневе, призывавший к широкому и всестороннему научному изучению его творчества, А. И. Белецкий выступал как ученый, для которого дружеские русско-украинские отношения были фактом, не вызывавшим никаких сомнений. Этой идее литературного единения русского и украинского народов А. И. Белецкий посвятил в дальнейшем немало работ.

Специальный курс о Тургеневе, читанный А. И. Белецким осенью 1918 г., вызывал неослабевающий интерес слушавших его, хотя чтение лекций протекало в неотапливающемся помещении, приходилось оставаться в верхней одежде и в замерзших руках держать карандаш, чтобы вести конспект. В Харькове была очень напряженная обстановка; когда наступал вечер, город погружался в кромешную тьму, раздавались то тут, то там выстрелы, на улицах, да и в домах было небезопасно — нередко орудовали бандиты. Тем не менее аудитория не редела и с увлечением слушала лекции.

Значение этого курса не только в том, что А. И. Белецкий проявил, читая его, блестящее искусство лектора. Этот курс — знаменательный момент в становлении советского тургеневедения, являющегося сейчас значительным разделом нашей историко-литературной науки. Именно тогда, в предреволюционные годы и в первые годы строительства советской культуры, сформировалась группа молодых исследователей, ставших выдающимися тургеневедами: в Москве — Н. Л. Бродский; в Петрограде — Н. К. Пиксанов, М. К. Клеман, и др.; на Украине — не только А. И. Белецкий, но и М. П. Алексеев, Л. П. Гроссман.

Специальный курс, над которым работал в 1918 г. А. И. Белецкий, был для тургеневедения тех лет выдающимся явлением, и анализ его даст материал не только для характеристики научного пути большого ученого, но и для историографии советского тургеневедения.

О курсе можно судить по двум конспектам бывших слушательниц харьковских Высших женских курсов [2]. Курс охватывает не все творчество Тургенева; он обрывается на характеристике «Дворянского гнезда». В бурные 1918—1919 гг. лекции в харьковских вузах не могли протекать планомерно, не раз надолго прерывались, а иногда и совсем прекращались. И все же сохранившиеся конспекты дают ясное представление о направлении, избранном А. И. Белецким в изучении Тургенева. Прежде всего курс повернут в будущее тургеневедения, намечает его задачи, многие из которых уже разрешены или разрешаются, а иные еще ждут исследователя.

Курс начинается с анализа основной научно-критической литературы о Тургеневе. Ему предпослано историографическое введение; и в дальнейшем каждый факт творческой биографии писателя, каждое его произведение сопровождается библиографическим экскурсом. Вот почему утверждение А. И. Белецкого, что научное изучение Тургенева еще только-только начинается, являлось вполне обоснованным.

Прежде всего не было еще полного собрания его сочинений. На какую-либо полноту не могли претендовать ни названные «полными» издания И. И. Глазунова (1-е — 1883 г., 2-е — 1884 г., 3-е — 1891 г., 4-е — 1897 г.), ни издание А. Ф. Маркса (приложение к «Ниве» 1898 г.). Одна из главных задач в изучении Тургенева — собирание и публикация забытых и неизвестных его текстов, писем. А. И. Белецкий отмечает в этом деле большую заслугу М. О. Гершензона, опубликовавшего в «Русских пропилеях», т. III, 1916, забытые произведения Тургенева, и Н. К. Пиксанова, под редакцией которого в 1915 г. вышел «Тургеневский сборник» с интересными материалами о писателе. Но это лишь начало подготовки подлинного полного собрания сочинений писателя с критически проверенным текстом его произведений. А. И. Белецкий призывал своих слушателей включиться в эту огромную работу по собиранию литературного и эпистолярного наследия Тургенева.

Задача, намеченная А. И. Белецким, не смогла получить быстрого разрешения. В 1928—1934 гг. вышло имевшее большое значение издание сочинений Тургенева под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума, а в 1960 г. стало выходить действительно научное и полное собрание сочинений Тургенева, которое издает Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР и над которым работает большой коллектив тургеневедов во главе с академиком М. П. Алексеевым.

Таким же существенным пробелом в изучении Тургенева А. И. Белецкий считает отсутствие научной биографии Тургенева. Первую попытку воссоздания жизни писателя никак нельзя признать удачной. Этой биографией была книга И. И. Иванова «И. С. Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество» (1-е изд.—1896 г.; 2-е —1914 г.). Если на первом издании лежит печать еще либеральных тогда воззрений автора, то во втором он судит о Тургеневе уже с реакционных позиций. Работа Иванова искажает многое в деятельности Тургенева. Отдельные биографические этюды Н. М. Гутьяра, составляющие его книгу «И. С. Тургенев», 1907 г., небесполезны, замечает А. И. Белецкий, но не дают цельного представления о жизни писателя. Гораздо значительнее «Хронологическая канва для биографии Тургенева», составленная Гутьяром (1910), но в ней есть неточности, пробелы, она уже устарела и нуждается в больших дополнениях и исправлениях. Летопись жизни и творчества, построенная на скрупулезно собранных фактах,— одна из важнейших основ подлинно научного изучения писателя, и А. И. Белецкий говорит о необходимости ее создания. Советские литературоведы вскоре осуществили эту задачу: в 1934 г. вышла под редакцией Н. К. Пиксанова составленная М. К. Клеманом «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева».

Признавая существенно важным создание научной биографии Тургенева, А. И. Белецкий тем не менее никогда не находился во власти биографического метода, столь характерного для дореволюционного литературоведения, когда биографией автора пытались объяснить его произведение, а затем на основе того же произведения судили о жизни писателя. А. И. Белецкий привлекал биографические факты лишь тогда, когда они позволяют заглянуть в творческую лабораторию писателя и помогают уяснить его замыслы. Вот почему в курсе после историографического введения сейчас же дается анализ раннего — романтического — периода творчества Тургенева. А. И. Белецкий отказался и от типичного для

дореволюционной науки о литературе имманентного изучения писателя — вне литературного процесса, когда произведения Тургенева истолковывались, исходя из субъективно понятого содержания, когда в них вкладывался смысл, характерный для классовой позиции пишущего. Таковы работы А. И. Незеленова, В. П. Буренина, С. А. Венгерова и др. А. И. Белецкого интересует место Тургенева в истории русской литературы, его сложные связи с литературным движением того времени. Еще не владея марксистской методологией, еще не объясняя творчества Тургенева условиями современной ему общественно-политической и литературной борьбы, молодой ученый выдвигал в курсе такие проблемы, какие предстояло, да и предстоит еще разрешить советскому тургеневедению.

Одной из них является вопрос о романтизме раннего Тургенева, т. е. вопрос о становлении художественного метода писателя. А. И. Белецкий подошел к его изучению и конкретно и обобщающе. Он отметил в Тургеневе-романтике тенденцию к изображению своего «я» с проекцией этого «я» на весь мир, его интерес к народной поэзии, но подчеркнул игнорирование им столь характерной для романтиков исторической тематики; молодого писателя привлекла экспрессивность языка романтиков, их стремление к живописанию и эмоциональной выразительности. Однако при всем этом в ранних романтических произведениях («Стено», «Разговор») Тургенев низводит своих героев-романтиков на землю и иронизирует над ними, в нем сливаются романтик и критик романтизма, Ленский и Евгений Онегин, по образному выражению лектора; в первой половине 40-х годов писатель порывает с романтизмом и переходит на позиции натуральной школы.

Весьма знаменательна постановка в 1918 г. вопроса о Тургеневе — писателе натуральной школы. В дореволюционном литературоведении натуральная школа как важнейшее явление русской литературы 40-х годов чаще всего игнорировалась или понималась весьма упрощенно, как нечто родственное натурализму. Именно так истолкована она в работе К. К. Истомина «„Старая манера“ Тургенева (1834—1855). Опыт психологии творчества» (1913 г.).

В первые годы советского литературоведения А. И. Белецкий углубленно изучал историю натуральной школы, ее эстетические принципы, истоки ее поэтики, которую сформулировал Белинский. Результатом этого исследования явилась интересная, не потерявшая и сейчас научного значения статья «Достоевский и натуральная школа в 1846 году»[3], предшествовавшая широко известным работам В. В. Виноградова[4].

Рассматриваемый в специальном курсе вопрос о Тургеневе и натуральной школе 40-х годов интересен и самой постановкой вопроса, и многими решениями, не вызывающими возражений через сорок с лишним лет. Для А. И. Белецкого Тургенев в 40-е годы, автор «Записок охотника»,— писатель натуральной школы, работающий в том реалистическом направлении, которое возглавлял тогда Белинский. Именно он, а не Гоголь, как это у нас еще и теперь не раз утверждается, был родоначальником натуральной школы, обосновавшим ее эстетическую программу и призывавшим следовать не только традициям Гоголя, но и Пушкина. А. И. Белецкий не раз говорит о пушкинском и гоголевском влиянии, испытанном молодым Тургеневым, но пушкинское и гоголевское начала в его творчестве органически сливаются с поэтикой натуральной школы.

Особенно глубоко проанализированы с этой точки зрения «Записки охотника». Среди них выделяются типичные физиологические очерки поместного быта, рассказы с антикрепостнической тенденцией, хотя явная тенденция чужда Тургеневу. Они сопоставляются с современными им произведениями на тему о крестьянах (рассказы и очерки Даля, «Оксана»

Кубе, повести Григоровича, стихотворения Некрасова и др. А. И. Белецкий не обходит также и вопроса о влиянии на «Записки охотника» Ауэрбаха и Ж. Санд, вопроса, не раз поднимавшегося в дореволюционном литературоведении, но отказывается признать зависимость Тургенева от этих писателей. А. И. Белецкий не игнорирует художественной специфики «Записок охотника» и, исходя из их композиционной структуры, дает ясную и четкую их классификацию: 1) рассказы с одним портретом, 2) рассказы с серией портретов, 3) рассказы с зародышем сюжета, 4) рассказы с развернутым сюжетом.

Много тонких замечаний сделано о композиционной роли рассказчика и о характере пейзажа. Связывая поэтику «Записок охотника» с эстетическими принципами натуральной школы, А. И. Белецкий в то же время подчеркивает их художественное своеобразие и вместе с тем видит в них этюды последующих произведений. В них уже есть то, что было развито затем в «Муму», «Постоялом дворе», что перешло и в другие повести начала 50-х годов и даже в роман «Рудин». Так, в Лупихине из «Гамлета Щигровского уезда» намечены контуры Пигасова. Конечно, с точки зрения марксистско-ленинской методологии, мы усмотрим сейчас в анализе «Записок охотника», сделанном А. И. Белецким, известную недооценку общественного значения этого произведения, его места в политической борьбе 40-х годов. Он критикует типичные для дореволюционного литературоведения либеральные истолкования «Записок охотника», данные хотя бы в работе Т. Я. Ганжулевич «„Записки охотника“ И. С. Тургенева» (1909 г.), но не противопоставляет им своей концепции, более близкой нашему времени. Однако судить исследователя по его работе, сделанной в 1918 г., следует не за то, чего он не дал (да и не мог еще дать тогда), а за то, в чем он пошел дальше своих предшественников, что внес по сравнению с ними нового. И с этой точки зрения придется, несомненно, высоко оценить анализ «Записок охотника», предложенный в курсе.

Такого синтетического подхода к решению вопроса о Тургеневе 40-х годов как писателе натуральной школы, который наметил А. И. Белецкий, в тургеневедении еще пока нет; хотя и имеются работы о связи отдельных ранних произведений писателя с натуральной школой, но обобщенной характеристики Тургенева — писателя натуральной школы, сохраняющего при этом свои индивидуальные черты, еще никем не предложено.

Изучая драматургию Тургенева, А. И. Белецкий рассматривает ее в связи с современным ей русским театральным репертуаром, и это позволяет ему установить в ней общие реалистические тенденции с Островским. Исследователь вскрывает композиционную близость сцен и комедий Тургенева с его прозой и называет такие пьесы, как «Холостяк», «Нахлебник», «Разговор на большой дороге», драматизированными повестями, а «Завтрак у предводителя» справедливо характеризует как физиологический очерк помещичьего быта в диалогической форме. А. И. Белецкий отмечает новаторский характер психологической драмы «Месяц в деревне» с внутренним действием, предваряющей чеховские драмы. Его интересуют истоки этого жанра, нового в русской драматургии, и он усматривает некоторые ее конструктивные элементы, правда, в зародышевой форме, во французской литературе, где от Мариво, через Кармонтеля, Леклерка идут нити к Мюссе. Жанровая связь с драматическими «пословицами» Мюссе таких психологических сцен как «Провинциалка», «Где тонко, там и рвется», признана сейчас, а А. И. Белецкий указывал на нее уже в своем курсе еще до выхода в свет известной работы Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» (1924 г.).

В анализе «Рудина» и «Дворянского гнезда» А. И. Белецкий рассматривает предшествующие им повести и рассказы как этюды к этим романам, устанавливает композиционную близость «Рудина» к драме, обозначая

его как роман в диалогах с авторскими ремарками. Только в 1958 г. появилась небольшая работа на эту тему В. Баевского [5], где указаны некоторые драматургические приемы, определяющие структурные формы «Рудина».

Особенно тщательно проанализирован роман «Дворянское гнездо», который А. И. Белецкий считает вершиной творчества Тургенева 50-х годов. Роман подготавливался всеми его более ранними произведениями. Многое в типах, сюжетных ситуациях романа родственно современной ему прозе, особенно произведениям женщин-писательниц, но эта общность не лишает «Дворянское гнездо» своеобразия, ему свойственного. А. И. Белецкий не соглашается со своими предшественниками, полагавшими, что в лице Лаврецкого и Паншина изображено столкновение славянофила и западника; он считает Паншина чиновником-карьеристом, а в мировоззрении Лаврецкого не усматривает ничего славянофильского и вообще выделяет «Дворянское гнездо» из серии историко-общественных романов Тургенева, потому что центром романа является Лиза, при чем изображенная так, как еще ни одна литературная героиня не изображалась. Она показана через других лиц, при помощи символических деталей, намеков, немых сцен, ее драма — драма безмолвная, и читатель сам, без помощи автора, должен воссоздать ее образ. История детства, воспитания героини дана уже тогда, когда образ Лизы прояснился.

Тонкие наблюдения сделаны А. И. Белецким над пейзажем в романе. Это лирические стихотворения в прозе, близкие по эмоциональному тону и стилю к стихотворениям любимых тургеневских поэтов — Пушкина, Тютчева, Фета. Сколько работ написано о тургеневском пейзаже, но такого плодотворного сопоставления не сделано, а оно могло бы углубить наше понимание тургеневского лиризма.

На анализе «Дворянского гнезда» курс обрывается. Не доведенный до конца, конспективно изложенный, он тем не менее и сейчас будит мысль исследователя, так как весь проникнут заботой о том, в каком направлении должно идти изучение Тургенева. Многие научные поиски Белецкого завершены более поздними тургеневедами, а многое, намеченное им, еще ждет исследователя.

То, что сказал А. И. Белецкий в своем курсе, находит соответствие с «Кратким проектом программы историко-литературного изучения произведений И. С. Тургенева и современной им русской литературы», опубликованным И. Я. Айзенштоком. Но «Краткий проект программы» более теоретичен; он не предлагает изучения творческого пути Тургенева, характеристике которого посвящен спецкурс. В «Проекте программы» выдвинут ряд проблем, связанных с поэтикой и стилем. Его обобщенно-теоретические формулировки отражают искания А. И. Белецкого тех лет в области историко-литературного исследования любого писателя, а не только Тургенева. Собственно тургеневское подчинено здесь общетеоретическим вопросам. Зато в «Списке тем» не мало таких, которые ждут исследователя и по сей час.

Некоторые мысли, высказанные в специальном курсе, получили дальнейшее развитие в работах А. И. Белецкого, опубликованных в 1923 г.,— в статьях «Из материалов для изучения И. С. Тургенева» [6] и «Тургенев и русские писательницы 30—60-х годов» [7]. В первой статье А. И. Белецкий обогащает тургеневедение публикацией неизвестных ранее трех писем Тургенева к Е. Я. Колбасину и интересной заметки Тургенева под названием «Сюжеты», где Тургенев перечисляет ряд тем для задуманных им физиологических очерков. В комментарии к публикации А. И. Белецкий характеризует интерес Тургенева в 40-е годы к физиологическому очерку, в жанре которого, как справедливо утверждает исследователь, созданы некоторые рассказы из «Записок охотника».

Во второй работе, полемизируя с Д. Н. Овсянико-Куликовским, утверждавшим, что действительность не давала Тургеневу материала для создания женских образов, А. И. Белецкий доказывает, что именно русская действительность отражена в них, что многие известные писателю женщины становились реальными прототипами его героинь, например, поэтесса Е. Шахова, жизненная судьба которой отражена в драме Лизы Калитиной. Оставаясь верным положенному в основу специального курса научному принципу, что писателя нельзя понять вне историко-литературного процесса, А. И. Белецкий указывает на связи тургеневского творчества 40—50-х годов с произведениями русских писательниц этих лет (Е. А. Ган, М. С. Жуковой и др.), в повестях которых вырабатывался уже, начиная с 30-х годов, новый тип романической героини, получивший свое блестящее завершение в творчестве Тургенева.

А. И. Белецкий не связывает «женский вопрос», поднятый писательницами 30—60-х годов, с русским освободительным движением первой половины XIX в., как это сделал бы марксист; но мимо этой работы, построенной на богатом жизненном и литературном материале, современный тургеневед пройти не может.

Для начального периода советского тургеневедения обе статьи были вкладом, научное значение которого остается в силе и сейчас. Так, работы А. Гранжара [8] никак не опровергают предположения А. И. Белецкого, что прототипом Лизы была в какой-то мере поэтесса Е. Шахова, знакомая Тургенева, жизненная история которой — ее личная драма и уход в монастырь — получила отражение в сюжетной схеме «Дворянского гнезда». При этом А. И. Белецкий не ставит знака равенства между Лизой Калитиной и Е. Шаховой. Образ Лизы — широкое обобщение, может быть, писатель что-то внес в него и от гр. Ламберт, какой она представлялась ему в начале знакомства. Но не она явилась прототипом образа Лизы, как утверждает А. Гранжар. Письма ее к Тургеневу, опубликованные А. Гранжаром, рисуют облик женщины, совсем не похожей на Лизу. Гр. Ламберт любит в письмах много говорить о себе, заниматься самоанализом, склонна подолгу рассуждать, и совсем не вяжется это рассудочное многословие с молчаливой, ушедшей в себя Лизой, скрывающей свои мысли и чувства. Да и взгляды гр. Ламберт полярны мировоззрению Лизы. В своих реакционных политических суждениях она очень определенна, настойчива, резка, особенно, когда с ней не соглашаются [9]. Но самое главное, религиозность Лизы, имеющая глубокие народные корни [10], очень далека от религиозности гр. Ламберт, носящей казенный, официальный характер. Она тяготится светским времяпрепровождением, уходит от него в религию, ей нравится покой монастырской жизни, но никогда у нее не появляется мысль, что молитвой, отрешением от житейских дел можно бороться с социальной несправедливостью. Гипотеза Гранжара о гр. Ламберт как о прототипе Лизы опровергается опубликованными им же письмами, а предположение А. И. Белецкого, что в сюжетной схеме «Дворянского гнезда» отразилась жизненная судьба поэтессы Е. Шаховой, не зачеркнуто работами французского ученого и остается в силе.

Нельзя пройти и мимо тех высказываний о Тургеневе, которые А. И. Белецкий щедро делает в своей большой теоретической работе «В мастерской художника слова» (1923 г.). Он вспоминает здесь о Тургеневе не только для того, чтобы примером из его произведений проиллюстрировать то или другое теоретическое положение; наоборот, тонкий анализ творчества Тургенева, глубокое умение схватить самое существенное в индивидуальной манере писателя позволяют исследователю делать теоретические выводы. Так, в первой главе «О толковании и изучении творческого процесса в поэзии» наблюдения над творческой работой Тургенева помогают А. И. Белецкому охарактеризовать тот тип творчества, при котором

работе фантазии художников дает толчок «впечатление от случайно встреченной ими человеческой личности, которую лишь с большими оговорками можно назвать моделью поэта». В главе третьей «Создание лиц» исследователь привлекает Тургенева, чтобы объяснить, почему и в каких условиях появляются у него герои близкие друг другу. «Тургенев с половины 50-х годов,— пишет он,— нащупывая образ новой героини от „Переписки" к „Фаусту" от „Фауста" к „Асе" и далее к „Накануне", естественно наделяет некоторыми общими чертами образы героинь всех этих произведений, давая временный итог своих исканий в Елене; временный потому, что известные черты Елены повторяются позже в пределах его же творчества, например, у Марианны или у героини „Порога"». Интересные наблюдения сделал А. И. Белецкий над видами диалога у Тургенева; он намечает такие его разновидности, как диалог, разъясняющий действие, героя (рассказ Лежнева), служащий характеристике типически-бытовых фигур (диалог рассказчика с Сучком в «Льгове»); вместо диалога — молчание (в патетические моменты действия, например, в «Дворянском гнезде») и многие другие. С сожалением приходится отметить, что замечания А. И. Белецкого о тургеневском диалоге пока единственные, и еще никто не продолжил начатое им. В дореволюционное время пейзаж у Тургенева привлекал внимание исследователей (К. К. Арсеньев; H. Salonen, А. В. Багрий, А. Вознесенский; в 1920 г. со статьей о нем выступил С. В. Шувалов), и, тем не менее, А. И. Белецкий идет дальше и высказывает ряд интересных мыслей о художественной роли параллелизма между природой и человеческими переживаниями и его типами у Тургенева [11]. К исследованию «В мастерской художника слова» не может не обращаться и сейчас литературовед, работающий в любой области литературной науки, а тургеневист найдет в ней много полезного и нужного.

Так плодотворно начавшаяся работа А. И. Белецкого над изучением Тургенева [12] затем в 30-е годы почти не продолжается. Он написал лишь научно-популярную статью о «Записках охотника»[13]; это маленькое послесловие, рассчитанное на подростка, в одном, весьма важном, отношении значительно. Конец 20-х — первая половина 30-х годов — время полного ниспровержения вульгарными социологами Тургенева. Они рассматривали его как типично дворянского писателя, защищающего в своем творчестве интересы своего класса. В 1934 г. вышел сборник статей о Тургеневе со статьей Т. К. Ухмыловой «Тургенев и крепостничество»[14], где утверждалось, что либерал Тургенев стремился «освободить крестьян сверху, силами правительства и дворянства во имя помещичьих интересов» [15]. А. И. Белецкому чужды эти вульгарно-социологические утверждения; он подчеркивает прогрессивность «Записок охотника», их антикрепостнический характер, выразившийся и в гуманном изображении крестьянина, и в ироническом и сатирическом изображении помещика. Здесь же А. И. Белецкий выясняет роль образа рассказчика («охотника») в проведении этой антикрепостнической тенденции.

В послевоенные годы А. И. Белецкий не раз возвращается к Тургеневу. Его интересуют связи с Тургеневым украинских писателей, и в работах о Нечуе-Левицком, Марко Вовчок, Панасе Мирном, Франко, Щоголеве он отмечает их интерес к Тургеневу и влияние на них его творчества, особенно «Записок охотника»[16].

Итогом в изучении этой темы явился блестящий доклад А. И. Белецкого «Тургенев и Украина», сделанный на юбилейной тургеневской конференции в Орле в 1958 г. и повторенный в Киеве на юбилейном тургеневском заседании. В этом докладе были широко освещены связи Тургенева с украинской литературой и культурой, отмечен интерес Тургенева к украинской литературе, подвергнуто анализу его выступление в «Рудине» против реакционеров, отрицавших украинский язык и литературу.

А. И. Белецкий сопоставил «Сон» Шевченко и «Призраки» Тургенева,— два произведения, общие по теме, но глубоко отличные по идейно-художественной трактовке ее. Он указал и на то, что во второй половине XIX в. в украинской литературе происходило освоение жанра тургеневского романа и, наконец, охарактеризовал историю тургеневедения на Украине. Этот доклад — широкая программа изучения темы «Тургенев и Украина».

Все сделанное А. И. Белецким в изучении Тургенева представляет большой научный интерес. Уже в самый ранний период советского тургеневедения он намечал те пути, по которым оно затем пошло: изучение реалий, легших в основу произведения, его генезиса, места в историко-литературном процессе.

В научно-исследовательской работе А. И. Белецкого Тургенев, над которым он столь плодотворно работал в молодые годы, не стал затем магистральной линией. Однако все сделанное им полно для каждого тургеневиста глубокого смысла, оно заставляет размышлять, требует дальнейшего продолжения и развития идей, намеченных большим ученым.

М. Габель

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] И. Я. Айзеншток в сообщении «Из истории изучения Тургенева (Тургеневский кружок при Харьковском университете. 1918 г.)» («Тургеневский сборник». II, 1966) приводит любопытные факты из истории этого кружка и публикует два документа, характеризующих исследовательские интересы А. И. Белецкого-тургеневиста: «Краткий проект программы историко-литературного изучения произведений И. С. Тургенева и современной им русской литературы» и «Список тем», предложенный участникам кружка. И. Я. Айзеншток сообщает также и о торжественном заседании памяти Тургенева 12 ноября 1918 г., устроенном А. И. Белецким. Вместе с тем в его сообщении есть мелкие неточности. Так, М. Г. Давидович не могла выступать на этом заседании с докладом «Женские образы Тургенева», потому что она вообще не занималась Тургеневым. Ее работа «Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века» (в кн. «Русский романтизм». Сб. статей под ред. А. И. Белецкого, Л., «Academia», 1927, стр. 88—114) не является, как утверждает И. Я. Айзеншток, разработкой одной из тем (22. Женский портрет в произведениях Тургенева) в списке, предложенном А. И. Белецким; в этой работе нет непосредственных связей с Тургеневым.

По справедливому замечанию И. Я. Айзенштока, сохранившийся у него список тем был составлен А. И. Белецким «без какой бы то ни было детализации и систематизации». Наряду с ними А. И. Белецкий выдвигал и другие темы. Так, весной 1918 г. он предложил на Высших женских курсах ряд тем, связанных с изучением отдельных произведений Тургенева. Одна из них — «„Песнь торжествующей любви" (опыт анализа)» — увлекла меня. В начале декабря 1918 г. на заседании Харьковского историко-филологического общества мною был сделан доклад на эту тему, а затем по рекомендации А. И. Белецкого моя работа была напечатана в сб. «Творческий путь Тургенева», под ред. Н. Л. Бродского. Пг., «Сеятель», 1923 г.

Есть в сборнике И. Я. Айзенштока еще одна фактическая ошибка. В 1918 г. на Высших женских курсах в Харькове не было Тургеневского семинара, руководимого А. И. Белецким.

[2] Один конспект составлен З. С. Ефимовой (ныне она доцент, кандидат филологических наук), другой — покойной М. Г. Давидович (в 1920-х годах она была аспиранткой А. И. Белецкого) совместно с автором этого сообщения.

[3] «Наука на Украине», 1922, № 4, стр. 332—342; Олександр Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. 4. К., «Наукова думка», 1966, стор. 327—342.

[4] В. В. Виноградов. Сюжет и архитектоника романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике натуральной школы. — «Творческий путь Достоевского». Сб. статей под ред. Н. Л. Бродского. Л., «Сеятель», 1924; его

[5] Гоголь и натуральная школа. Л., «Образование», 1925.

В. Баевский. «Рудин» И. С. Тургенева. (К вопросу о жанре). — «Вопросы литературы», 1958, № 1, стр. 134—139.

[6] «И. С. Тургенев». М.—Пг., ГИЗ, 1923, стр. 34—41 (Центрархив. Документы по истории литературы и общественности, вып. 2-й).

[7] «Творческий путь Тургенева». Сб. статей под ред. Н. Л. Бродского, Пг., «Сеятель», 1923, стр. 135—166.

[8] H. G r a n j a r d. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, Institut d'Études Slaves de l'Université de Paris, 1960 и «L'élaboration artistique de „Nid de seigneurs"». — «Revue des Etudes Slaves», 1961, t. XXX, p. 89—98.

[9] Достаточно вспомнить, как гр. Ламберт, разгневанная статьей в «Колоколе» (№ 65-66, 15 марта и № 68-69, 15 апреля 1860 г.), грубо бранит Герцена, обвиняя его в желании нажить состояние на лжи, им опубликованной (см. там же, стр. 206).

[10] См. об этом статью М. О. Г а б е л ь «Роман Тургенева „Дворянское гнездо" в общественно-политической и литературной борьбе конца 50-х годов».— «Учен. зап. Харьковск. Гос. библиотечного ин-та», 1956, вып. 2, стр. 199—246.

[11] Ол. Б і л е ц ь к и й. Зібрання праць у п'яти томах, т. 3. К., 1966, стор. 310, 360, 423, 429.

[12] Для полноты перечня тургеневских работ А. И. Белецкого этих лет следует упомянуть его рецензию на сборник «Тургенев и его время». М.— Пг., 1923.— «Путь просвещения», 1924, № 3, стр. 202—204.

[13] А. И. Б е л е ц к и й. Тургенев и крепостное право. Послесловие.— В кн.: И. С. Т у р г е н е в. Избранные рассказы. Харьков — Одесса, Детиздат УССР, 1935, стр. 134—140. (Работа эта не значится в библиографических списках трудов А. И. Белецкого.)

[14] «И. С. Тургенев. (К 50-летию со дня смерти 1883—1933). Сборник статей». Л., ГИХЛ, 1934, стр 81—107 (Ленингр. отд. Комакадемии. Институт литературы и искусства).

[15] Там же, стр. 91.

[16] О. І. Б і л е ц ь к и й. Від давнини до сучасності. Збірник праць з питань української літератури, т. І. Київ, Держлітвидав, 1960, стор. 291—292, 302, 303, 332, 335, 345, 377, 387—388, 495, 497; А. И. Б е л е ц к и й. Украинская классическая проза.— В кн.: Украинские повести и рассказы, т. I. М., Гослитиздат, 1954, стр. 20. Ол. Б і л е ц ь к и й. Зібрання праць у п'яти томах, т. 2 (см. именной указатель и, особенно, стр. 176, 188, 196, 325, 355, 363, 375—376, 406).

НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ БРОДСКИЙ

(1881—1951)

Николай Леонтьевич Бродский, выдающийся ученый-литературовед, крупнейший специалист по истории русской литературы, русской общественной мысли и театра, блестящий лектор и талантливый педагог, родился 3/15 ноября 1881 г. в Ярославле. Первоначальное образование он получил в городском училище в Рязани, куда переехала его семья; здесь Николай Леонтьевич поступил в гимназию, которую окончил в 1900 г. В том же году он стал студентом Московского университета по историко-филологическому факультету.

Вспоминая время своей юности, Н. Л. Бродский писал: «То были годы буревестника, кануна революции ⟨...⟩ Ходила по рукам книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ (1895 г.). Вышла брошюра Ленина „Что такое друзья народа?“ (1894) ⟨...⟩, по всей России ходили зелененькие книжки „Знания“, и голубая рубашка книжек „Мира божьего“ заставляла трепетать юные сердца. Организовались социал-демократические журналы „Начало“ и „Жизнь“. За несколько лет до рождения Художественного театра у М. Горького прозвучала „Песнь о Соколе“, был написан „Челкаш“, был напечатан рассказ Вересаева „Поветрие“,— словом, это были годы величайшего торжества той новой, социальной темы, которая говорила о социальных толчках в городах, о социальном кризисе страны»[1]. Естественно, что на подъеме русского революционного движения социальные идеи захватили и Н. Л. Бродского. В 1901—1902 гг. за участие в студенческих «беспорядках», после схватки студентов с казаками, он был отправлен в Бутырскую тюрьму, где «отсидел две недели», а затем выслан в Рязань под надзор полиции.

В Московском университете Бродский слушал лекции П. Н. Сакулина, А. И. Кирпичникова, В. Ф. Миллера, а также В. О. Ключевского — великого мастера образного воспроизведения прошлого. Помимо университета

много дал Бродскому Малый театр. Впоследствии он посвятил ему большую статью, где, отдав дань талантливым актерам прошлого (В. Живокини, В. Васильеву, П. Садовскому, С. Шумскому и др.), особенно прославил Г. Н. Федотову и М. Н. Ермолову. Исполнению Ермоловой роли Лауренсии он посвятил горячие, проникновенные строки: «Лауренсия в ермоловском исполнении — это агитационная речь против тирании во имя свободного счастья народа, это — зажигательный снаряд, брошенный во вражеский стан, это — страстный зов вперед, к боям за право, за поруганную личность»[2].

В 1904 г. Бродский кончил университет; тогда же он опубликовал свою первую работу: «Следы профессиональных сказочников в русских сказках»[3]. В том же году он поступил преподавателем в Коммерческое училище г. Екатеринослава (ныне Днепропетровск). Здесь Бродский проявил себя как общественный деятель: он организовал (вместе с В. П. Потемкиным) профессиональный союз работников просвещения, напечатал в «Вестнике Юга» ряд публицистических статей под псевдонимом «Гражданин». В 1907 г. он возвратился в Москву.

В годы реакции после революции 1905 года Н. Л. Бродский пишет ряд статей, посвященных Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову. Особое значение приобретает статья: «Развенчан ли Белинский?» Она была направлена против Ю. И. Айхенвальда (идеологически близкого к реакционному сборнику «Вехи»), который в своих «Силуэтах русских писателей» представил Белинского человеком «шаткого ума», «без хорошей натуры, без инстинкта правды, сочувственно поддерживающим русский шовинизм и официальные каноны».

Бродский с возмущением писал об этом выступлении Айхенвальда: «... к его статье равнодушно отнестись нельзя, это значило бы признаться в собственной омертвелости; вся пронизанная какой-то злой нетерпимостью, она бьет по слишком дорогому, утомляет, вызывает невольно резкие слова по адресу автора»[4]. Написанная с искренним воодушевлением, эта статья выдвинула Бродского в первые ряды защитников русской культуры, сторонников передовой демократической общественности.

Помимо средней школы, где он преподавал в годы, предшествующие Великой Октябрьской социалистической революции, Бродский читал курс литературы на Женских педагогических курсах в Москве и в Городском народном университете в Нижнем-Новгороде. В 1910 г. его выбирают в члены Общества любителей российской словесности; в 1911 г. он становится членом Общества истории литературы в Москве. На рубеже 1916—1917 гг. состоялся I Всероссийский съезд учителей-словесников, одним из организаторов и активных участников которого был Н. Л. Бродский.

С первых лет Советской власти Н. Л. Бродский отдается делу строительства социалистической культуры.

В 1918 г., после успешной сдачи магистерских экзаменов при Петроградском университете, Бродский был приглашен приват-доцентом в Московский университет. Здесь он прочел, наряду с другими курсами, курс о Тургеневе и руководил тургеневским семинаром. Блестящая эрудиция и увлекательный талант лектора были по заслугам оценены молодежью. Многие исследователи русской литературы (А. Г. Цейтлин, Л. М. Поляк, Е. Б. Тагер и др.) вышли из семинаров Бродского. С 1922 по 1934 г. Бродский вел научную работу в Государственной академии художественных наук (ГАХН), преподавал в Смоленском университете, в Индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта (Москва), в Тверском педагогическом институте. В 1934 г. Бродский становится членом Союза советских писателей, а в 1939 г. ему (без защиты диссертации) присуждается ученая степень доктора филологических наук. В 1941 г.

он возглавляет отдел русской литературы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

Широкий круг научных интересов Бродского отразился в ряде его статей по истории литературы XVIII — начала XIX в.: «История стиля русской комедии XVIII века» («Искусство», 1923, № 1); «Декабристы в русской художественной литературе» («Каторга и ссылка», 1925, № 8); вступительная статья и комментарий к «Ревизору» Гоголя (М., 1927) и целый ряд других. К столетию со дня смерти Пушкина он выпускает в свет работу: «А. С. Пушкин. Биография» (М., 1937), основанную на обширных материалах. 14 февраля 1937 г. читает на сессии Академии наук СССР обстоятельный доклад: «Пушкин и западноевропейское революционное движение» (Сб. «Сто лет со дня смерти Пушкина». Труды Пушкинской сессии АН СССР. М.— Л., 1938), перерабатывает книгу «Комментарий к „Евгению Онегину“» (первое изд. 1932 г., второе—1937 г.), где стремится уяснить идейный смысл романа путем привлечения современных поэту мемуаров, писем и других материалов. В 1950 г. за этот труд Н. Л. Бродскому была присуждена премия К. Д. Ушинского.

Наряду с изучением жизни и творчества Пушкина Бродский обращается к работе над Лермонтовым. Он пишет по неисследованным источникам биографию Лермонтова, оставшуюся, к сожалению, незавершенной (1-я часть. М., 1945) и ряд отдельных статей, посвященных творчеству поэта. В 1946 г. Бродский выпускает книгу «В. Г. Белинский».

Одновременно с этими трудами Н. Л. Бродский многие годы отдал изучению литературного наследия Тургенева — собиранию и публикации писем, установлению его авторства в отношении напечатанных анонимно произведений, а также анализу отдельных повестей и романов Тургенева. Научное значение исследовательских работ Бродского, посвященных Тургеневу, так велико, что он по праву в течение трех десятилетий стоял во главе московских тургеневистов.

Первая тургеневская работа Бродского появилась в печати в 1906 г.— это была публикация (по рукописи) полного текста стихотворения Тургенева «Толпа», посвященного Белинскому[5]. Сорок четыре года спустя, в 1950 г., он завершил свои тургеневедческие работы обобщающим трудом — книгой «И. С. Тургенев».

В 1922 г. Бродский выдвинул в качестве главнейшей задачи изучения Тургенева подготовку научного издания его сочинений и писем. «Только имея проверенный текст,— писал он,— восстановленный по рукописям и по печатным изданиям, можно изучить манеру письма, стиль, войти в лабораторию творчества Тургенева; только сведение воедино обширного эпистолярного материала Тургенева, рассеянного по журналам, газетам, сборникам и хранящегося в разных архивах, развернет перед исследователем личность Тургенева с ее многообразными интересами»[6].

В последующие годы Н. Л. Бродский осуществил целый ряд публикаций тургеневских писем. В 1923 г. он напечатал «Связку писем Тургенева» — 24 письма к русским корреспондентам за годы 1854—1883. «Письма эти,— писал он в предисловии,— имеют неравноценное значение; рядом с идейными письмами, дающими важные материалы к оценке Тургенева, коротенькие письма-записки, шутливый тон звучит одновременно с серьезным голосом мыслителя, деловые заботы о себе переплетаются с участливыми хлопотами о близких, о чужих, мелочи жизни сплетаются с крупными событиями; литература и политика, свои и чужие произведения,— все глядит со страниц этих писем в той пестрой смеси, какой чаще всего бывает подлинная жизнь»[7]. Эту публикацию Бродский пополнил в том же году семью неизданными письмами Тургенева, среди которых особый интерес представляет письмо М. С. Щепкину от 27 октября/8 ноября 1848 г. относительно постановки пьесы «Нахлебник»[8].

В 1924 г. Бродский напечатал в сборнике «Недра» 42 письма к английскому писателю и переводчику В. Рольстону за 1864—1882 гг., а также письма к П. В. Жуковскому и А. Ф. Онегину [9]. В том же году вышла в свет составленная Бродским книга «И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах» (в двух частях). В первой части помещены воспоминания Я. П. Полонского, В. Н. Житовой, П. В. Анненкова, Н. А. Островской, братьев Гонкур и др., а также краткая хронологическая канва жизни и творчества Тургенева, его ответы на магистерском экзамене в 1842 г., цензурные материалы по поводу «Записок охотника». Вторая часть содержит выдержки из 229 писем Тургенева и дает представление о нем «как мыслителе, художнике, литературном критике». В предисловии Бродский писал: «Будем надеяться, что настоящее небольшое собрание писем творца „Отцов и детей" побудит наших тургеневистов дать русскому читателю *полное собрание переписки Тургенева*. Только имея его в руках, можно ощущать твердую почву при комментировании одного из субъективнейших поэтов XIX столетия, сказавшего: „Моя биография — в моих сочинениях", и давшего в письмах ценнейший материал для истории литературного и общественного развития России».

Первая часть этой книги долгие годы сохраняла свое значение как пособие для изучения жизни и творчества Тургенева; вторая же часть устарела только в 1949 г., после того как в издательстве «Правда» вышел 11-й том Собрания сочинений Тургенева, составленный тоже Бродским и содержащий (полностью или в выдержках) 429 писем Тургенева.

В 1930 г. Бродский опубликовал неизданную переписку В. П. Боткина с Тургеневым (по материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея), куда вошло 78 писем Тургенева (комментарий Бродского) и 91 письмо Боткина (комментарий Н. В. Измайлова). В предисловии к этой книге Бродский указывал на «ее выдающийся интерес по обилию данных, рисующих литературную и общественную жизнь 50-х годов прошлого века».

Большой вклад в публикацию эпистолярного наследия Тургенева был сделан сборником, изданным под редакцией Н. Л. Бродского в 1940 г. В сборнике — 159 неизданных писем писателя к различным корреспондентам [10]. В их числе находятся 33 письма Тургенева к Каткову, начиная с 1855 по 1868 год. Эти письма имеют большое значение для выяснения творческой истории «Отцов и детей», а также для определения позиции писателя на рубеже 50—60-х годов, в годы размежевания общественных идеологий. Значительны также опубликованные здесь письма Тургенева к Н. Х. Кетчеру, Н. А. Щепкину и, особенно, к М. Н. Толстой, в которых Тургенев дает представление о своих настроениях в середине 50-х годов, а также пишет об автобиографической основе повести «Фауст», прототипом героини которого являлась Толстая.

Н. Л. Бродский провел также большую источниковедческую работу, показав неудовлетворительность дореволюционных изданий писем Тургенева, в частности помещенных в воспоминаниях А. А. Фета. Исследователь доказал, что «Тургенев потускнел в обработке Фета»[11].

Подводя итоги деятельности Бродского по выявлению и изданию писем Тургенева, можно сказать, что исследователем была выполнена огромная и плодотворная подготовительная работа.

Не менее, чем для собрания писем, сделал Бродский также для полного собрания сочинений Тургенева. В 1916 г. Николай Леонтьевич напечатал большое исследование о «замыслах Тургенева»[12]. В этом этюде собраны сохранившиеся в передаче современников неосуществленные замыслы целого ряда повестей («Невиноватые», «Старые голубки», «Дикарка» и др.), а также помещено несколько стихотворений в прозе.

В 1917 г. Н. Л. Бродский опубликовал сатирическую поэму молодого Тургенева «Поп», окончательно разрешив вопрос об ее принадлежности

Тургеневу, а не М. Н. Лонгинову, как предполагалось ранее. В журнале «Культура театра» (1921, № 7-8) им была напечатана заметка Тургенева — перечень 12 названий драм, задуманных писателем, а в сборнике «Свиток» (вып. II, 1922) — первая редакция «сказки о куклах» из комедии «Где тонко, там и рвется».

Большой неизданный материал о драматургических замыслах Тургенева конца 40-х — начала 50-х годов был обобщен и критически осмыслен в исследовании Бродского «Тургенев-драматург. Замыслы» (Сб. «И. С. Тургенев. Документы по истории литературы и общественности», вып. II. М.— Пг., Госиздат, 1923). В том же сборнике Бродский установил, что рецензии на перевод «Вильгельма Телля» Шиллера и на перевод «Фауста», выполненный Вронченко, писал Тургенев.

Не ограничиваясь вопросами атрибуции критических статей, Бродский уделил большое внимание также художественным произведениям Тургенева, начиная с «Записок охотника». В сборнике «Тургенев и его время» (1923) он поместил программу отдельного издания «Записок охотника», написанную на листке первой редакции «Притынного кабачка» («Певцы»), и статью «Проза „Записок охотника“». Статья эта прокладывала новый и до тех пор неисследованный путь в изучении мастерства Тургенева. Позднее, в сборнике, посвященном Белинскому [13], анализируя содержание «Записок охотника», Бродский выяснил воздействие антикрепостнических идей и эстетических взглядов критика на молодого Тургенева.

В отдельном этюде, посвященном «Касьяну с Красивой Мечи» (1923), Бродский показал в герое этого рассказа, сектанте, «бегуне», глубоко эстетическую натуру, горячего протестанта против социальной несправедливости.

В заключение обзора работ Бродского, касающихся «Записок охотника», следует добавить, что еще в 1916 г. он указал, что среди замыслов писателя имеется большое количество связанных с этой темой. «У меня было заготовлено много рассказов для „Записок охотника“, которые так и не попали в печать»,— писал Тургенев. Это рассказы о загонщике Игнатии, попавшем в яму-западню («Незадача»), о всевозможных «приметах», о караульщике-воре, который украл деньги у матери Тургенева, о кулаке-мироеде, о встрече крестьян с Николаем I («Невиноватые»), наконец, рассказ «Землеед» — все они показывают крестьян, готовых на бунт и возмущение.

В 1923 г. Бродский напечатал работу «Премухинский роман в жизни и творчестве Тургенева», построенную на неизданных письмах Т. А. Бакуниной, которые «вместе с письмами Натальи Герцен, Огаревой, Ган приобретают первостепенное значение для истории русского романтизма»[14].

Переходя к исследованию Н. Л. Бродским романов Тургенева, заметим, что его статьи не анализируют творчество писателя строго хронологически: по-видимому, он печатал отдельные главы как заготовки для монографии «Романы И. С. Тургенева». Первой из этих глав является этюд «И. С. Тургенев в работе над романом „Накануне“»[15].

Бродский поставил в нем чисто психологическую задачу: как сложился образ Инсарова и какой личный смысл имел весь роман для самого автора? Проследив эволюцию различных образов в предшествующих романах Тургенева (Рудин, Лаврецкий), Бродский указывает на своеобразие эпохи конца 50-х годов, требовавшей создания не «лишних людей», а натуры «сознательно героической». Почти одновременно с романом «Накануне» Тургенев пишет о Гамлете и Дон-Кихоте. В первом он видит скептицизм и неверие в жизнь, во втором — действенную любовь к людям, способность вести их за собой. Черты Дон-Кихота усматривает Тургенев в образе Инсарова, в котором преобладает несгибаемая воля, любовь

к своей родине, готовность к подвигу — одним словом, сила «движения» и «прогресса». В самом же Тургеневе, как и во всем его поколении, преобладает гамлетизм — рефлексия и «самоедство». Таким образом, создавая образ Инсарова, Тургенев хотел восполнить и недостающие в его собственной личности черты героизма.

По той же причине, полагает Бродский, окружив образ Инсарова лирическим признанием всех участников романа, в глубине души автор затаил к нему «только уважение — явный признак отсутствия лирической привязанности». Благодаря этому Тургенев нарушил психологическую связь между замыслом романа о «сознательно-героических натурах» и его фабулой, между началом и концом. Двоякое значение, как кажется Бродскому, имеет и заглавие. С одной стороны, действие происходит «накануне» крестьянской реформы и важных событий 1861 года; с другой — «накануне» нового крушения личной жизни, предчувствия близости последнего дня. Отсюда мысль «о нищете всего героического, отрицание самого принципа жизни» — таков, по взгляду Бродского, социальный и философский смысл этого произведения. Позднее, в 1950 г., пересматривая свое отношение к «Накануне», он дополнил прежнюю одностороннюю и пессимистическую характеристику романа. Он подчеркнул освободительные настроения Инсарова, совпадающие со стихотворением «Порог», посвященным героической революционной молодежи 70-х годов.

Во втором этюде Бродский рассматривает «Генеалогию романа „Рудин“»[16]. Исследователь ставит своей целью, с одной стороны, показать связь романа с литературной традицией 40-х годов [17], с другой, выявить его своеобразие.

Связь Рудина с идеями 1840-х годов несомненна, она особенно чувствуется при сопоставлении романа Тургенева с повестью И. И. Панаева «Родственники» («Современник», 1847 г., № 1—2), где характеристика образов и фабула доказывают факт литературной преемственности «Рудина». Кроме того, в ранних произведениях самого Тургенева встречаются отдельные эпизоды и детали, повторяющиеся в романе.

Но есть и глубокое отличие в изображении Рудина по сравнению с его предшественниками. Его, замечает Бродский, следует искать в общей характеристике 50-х годов, времени «тяжелого и смутного», «начала конца» той эпохи, которая впоследствии привела к размежеванию между дворянской интеллигенцией и разночинцами. В силу этого обстоятельства Тургенев дает новое истолкование героя романа. Рудин показан не в интимно-психологическом плане, а в схватках с бытом, со средой. Классовый смысл особенно сильно подчеркнут Тургеневым в последнем эпизоде, где Рудин погибает на баррикаде во время революции 1848 г. Так создается едва ли не первый в русской литературе образ общественного героя, который и дальше будет привлекать внимание Тургенева.

В самом начале 30-х годов Бродский задумал написать комментарий к «Отцам и детям»[18], но этот замысел остался неосуществленным. К этому роману он обратился только в 1950 г., в специальной статье. В начале статьи Бродский устанавливает годы создания произведения — период революционной ситуации (1859—1861), когда «полностью обозначился идейный разрыв между общественными классами, когда в отношении к крестьянскому вопросу выявились две точки зрения: революционная и реформистская».

Расхождение «отцов и детей» — представителей дворянского класса и разночинной демократии отчетливо воспроизведено в сцене прощания Базарова с Аркадием (XXVI глава). Надо, как писал Бродский, внимательно прочесть эту сцену прощания с «либеральным баричем» того, кто от имени демократического лагеря заявлял: «Мы драться хотим», то есть стоим за революцию; того, кто представил свою общественную судьбу «как

горькую, терпкую, бобыльную жизнь», кто не боялся тьмы и «грязи» в ломке «старого» и стройке «нового»[19].

Характеризуя классовую позицию Тургенева в период создания романа, опираясь на формулу В. И. Ленина: «... Тургенева ⟨...⟩ тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции ⟨...⟩ ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского», Бродский показывает, что писатель отразил в романе ход событий исторической жизни в России в годы революционной ситуации, воспроизвел некоторые «из существенных сторон революции». Письма Тургенева к Случевскому и Герцену подтверждают намерение Тургенева придать антидворянский характер роману, в то время как некоторые исследователи ложно-вульгарно-социологически истолковывали «Отцов и детей» как роман антидемократический, близкий по своим тенденциям к произведениям антинигилистическим (Писемский, Лесков, Клюшников и др.). Образ Базарова отражает некоторые существенные стороны революционной демократии. Но в этом образе Базарова есть и противоречия, в которых отразились противоречия мировоззрения самого Тургенева: либеральные взгляды писателя помешали ему очертить во всей полноте тип революционера-шестидесятника. Кроме того, под давлением редактора «Русского вестника» М. Н. Каткова Тургенев ослабил многое в речах Базарова.

Заключая анализ романа, Бродский писал, что это произведение — «вершинный памятник в творчестве Тургенева-романиста. Это первый в русской литературе роман о классовой борьбе разночинной революционной демократии и дворянства».

В последней своей книге «И. С. Тургенев» (1950) Бродский дал характеристику личности и творчества писателя как обобщающий итог своих многолетних исследований. Он подчеркнул, что Тургеневу было свойственно чувство «нового» и понимание закона борьбы «нового» со «старым»: 1848-й год — революционные события в Париже; 1861-й год — падение крепостного права в России; 1870-е годы — Парижская Коммуна; «хождение в народ»; рабочее движение; политические процессы на родине. Являясь писателем-реалистом и отражая все «новое», Тургенев сделал ряд «открытий» и в своем творчестве. В «Записках охотника» наряду с обнищанием крепостной деревни он показал крестьянский протест против помещичьего строя («Малиновая вода», «Бурмистр», «Бирюк»), «что не дает права видеть в крестьянах покорных, смирных, без возмущения несущих помещичье ярмо» (стр. 41). Тургенев противопоставлял также миру крестьян — мир помещиков, которые не понимают «конкретных задач современной жизни, чужды народу». Это образы помещика-ростовщика, «степного помещика»-кулака, славянофила Любозвонова и западника — Гамлета Щигровского уезда. Поэтическим открытием Тургенева также было изображение культурного типа русского интеллигента (Якова Пасынкова, Лаврецкого, Берсенева, «лишних людей»), не похожего на окружающих их пошлую среду обывателей.

Третьим «открытием» Тургенева Бродский считает образ русского революционера, начиная с Рудина вплоть до героев «Нови», где намечен образ будущего деятеля русской социальной действительности, рабочий Павел — «крупный тип», который, по словам Тургенева, «станет со временем фигурой нового романа». Сюда же относятся образы Елены, Марианны, девушки из «Порога» — «образы, имеющие историческое значение» и вдохновлявшие на подвиг революционного служения народу.

И, наконец, он отмечает «открытие» Тургеневым пейзажа средней полосы России, который отражен в его творчестве с таким «разнообразием подробностей в описаниях леса, степи, рощ, садов, прудов, речек, во все времена года, лесных и полевых птиц, животных, каких не было ни у одного из предшественников Тургенева в прозе».

Таково в общих чертах содержание оставшихся глав из монографии Бродского о Тургеневе-романисте. Правда, в них нет полного исследования всех романов, но и выполненное показывает, что Бродский был вдумчивым, оригинальным исследователем, большим знатоком Тургенева.

К числу последних работ Бродского относится также статья «Белинский и Тургенев»[20]. Тургенев познакомился с Белинским в 1843 г. и запечатлел его идеи и его образ в ряде произведений. В «Записках охотника» образ Хоря отражает представление о русском народе, которое сложилось у Белинского, считавшего главной особенностью русского человека «ум положительный, чуждый мистицизма и таинственности». В «Месяце в деревне» в уста студента Беляева (в черновой рукописи он называется Белинским) вложены биографические подробности из жизни великого критика. Суждение Лежнева («Рудин»), что «вне народности ни художества, ни истины, ни жизни — ничего нет», близко к высказываниям Белинского. Первое отдельное издание «Отцов и детей» посвящено Тургеневым «памяти Виссариона Григорьевича Белинского» — тем самым подчеркнута связь «нигилиста» Базарова с «отрицателем» Белинским. О глубоком значении деятельности Белинского Тургенев говорит в лекции о русской литературе (1859) и в двух статьях, ему посвященных (1869). Особенно заметно влияние Белинского на эстетические воззрения Тургенева (мышление поэта образами, народность искусства, пристальное внимание к действительной жизни).

Заканчивая эту свою статью, Бродский писал: «На примере Тургенева можно видеть глубокое и плодотворное социальное и эстетическое значение революционно-демократической критики для писателя, стоявшего на либерально-дворянской позиции. Тургенев никогда не забывал заветов Белинского, который звал писателей „изображать картины общественности“, требовал от автора романа „политического анализа общественной жизни“».

Н. Л. Бродский был горячим пропагандистом творчества Тургенева, консультантом многих постановок его пьес («Нахлебник» в театре им. М. Н. Ермоловой) или инсценировок его романов — «Дворянское гнездо» (в Московском театре драмы и комедии), «Накануне» (в театре им. Евг. Вахтангова). Ему же принадлежит редактирование многих сборников: «Тургенев и его время», сб. 1 (1923) и 2 (1926), «Творческий путь Тургенева» (1923), «И. С. Тургенев. Материалы и исследования» (1940).

Тяжелая болезнь и смерть прервали научную, писательскую и общественную деятельность Николая Леонтьевича. Многие задуманные им работы остались неоконченными, но Н. Л. Бродский сделал так много для изучения наследия Тургенева, что его имя будут с благодарностью вспоминать последующие поколения советских тургеневистов.

Л. Крестова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. Л. Бродский. Зрители Художественного театра.— «Искусство», 1928, кн. 3-4, стр. 172.

[2] Н. Л. Бродский. В Малом театре 50—70-х годов. — Сб. «Московский Малый театр. 1824—1924». М., Гослитиздат, 1924, стр. 304.

[3] «Этнографическое обозрение», 1904, № 2, стр. 1—18.

[4] «Вестник воспитания», 1914, № 1, стр. 106.

[5] «Былое», 1906, № 3, стр. 147—148.— Публикация была анонимной, и принадлежность ее Н. Л. Бродскому нигде в научной литературе не отмечена. Устанавливая теперь этот факт, автор опирается на устное сообщение самого Н. Л. Бродского.

[6] Н. Л. Бродский. Юбилейная литература об И. С. Тургеневе.— «Научные известия» (Академ. центр Наркомпроса РСФСР), сб. II. М., 1922, стр. 220.

[7] «И. С. Тургенев». (Документы по истории литературы и общественности, 2). М.— Пг., 1923, стр. 52—69.
[8] «Тургенев и его время», вып. 1. М., 1923, стр. 303, 304.
[9] «Недра», 1924, кн. 3 и 4.
[10] Сб. «И. С. Тургенев» (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина). М., 1940.
[11] Н. Л. Бродский. Фет — редактор Тургенева.— «Звенья», II. М.— Л., 1933, стр. 469—479.
[12] «Вестник воспитания», 1916, № 9, стр. 72—124.
[13] Н. Бродский. Белинский и Тургенев.— Сб. «Венок Белинскому». М., 1924.
[14] Н. Л. Бродский. Премухинский роман в жизни и творчестве Тургенева. «И. С. Тургенев». М.— Пг., 1923.
[15] «Свиток», № 2, 1922, стр. 71—114.
[16] Сб. Памяти П. Н. Сакулина. М., 1931.
[17] См. работы Бродского: «Поэты кружка Станкевича» (1912), «Бакунин и Рудин» («Каторга и ссылка», 1926, № 26).
[18] См. информацию издательства «Мир» в книге «Комментарий к „Евгению Онегину"» 1932 г., где в составе намеченной серии комментариев к памятникам художественной литературы, под редакцией Н. Л. Бродского и Н. П. Сидорова, обозначено: «Н. Л. Бродский „Отцы и дети" — печатается».
[19] 〈О романе «Отцы и дети»〉 в отдельном издании романа. М., Детгиз, 1950; второе издание — 1955.
[20] Сб. «Белинский — историк и теоретик литературы». М.— Л., 1949.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Н. Л. БРОДСКОГО О ТУРГЕНЕВЕ *

1. Толпа. Стихотворение И. С. Тургенева.— «Былое», 1906, № 3, стр. 147—148 (без подписи).
2. И. С. Тургенев. Синхронистическая таблица. Хронологические даты к жизни и деятельности писателей.— В кн.: «История русской литературы XIX в.», т. V. М., «Мир», 1911, стр. 549—550.
3. Новые материалы об И. С. Тургеневе.— «Русские ведомости», 1916, 2 января, № 2.
4. Замыслы И. С. Тургенева. Материалы к истории его художественного творчества. М., изд. Кушнерева и К°, 1917. 57 стр. (впервые: «Вестник воспитания», 1916, № 9, стр. 72—124).
5. Из жизни И. С. Тургенева.— «Русская старина», 1917, № 2, стр. 194—195.
6. А. Е. Грузинский. И. С. Тургенев. (Личность и творчество). М., 1918.— «Новая школа», 1918, № 15-20, стр. 739 〈рецензия〉.
7. П. П. Перцов. О Тургеневе русская и иностранная критика. М., 1918.— Там же, стр. 740 〈рецензия〉.
8. Три письма И. С. Тургенева к Н. М. Щепкину. — «Культура театра», 1921, № 7-8, стр. 45—47.
9. И. С. Тургенев и русские сектанты. М., «Никитинские субботники», 1922. 48 стр.
10. И. С. Тургенев в работе над романом «Накануне».— «Свиток», 1922, № 2, стр. 71—98.
11. И. С. Тургенев. «Сказка о куклах» Горского. Неизданный вариант из комедии «Где тонко, там и рвется».— Там же, стр. 115—116.
12. И. С. Тургенев. Отрывок из поэмы, преданной сожжению.—Там же, стр. 117.
13. И. С. Тургенев. Муму. Введение и прим. Ю. Оксмана. Одесса, 1921.— Там же, стр. 121—122 〈рецензия〉.
14. Тургеневиана. (1918—1922).— Там же, стр. 122—126.
15. Юбилейная литература об И. С. Тургеневе. — «Научные известия». Сб. 2, 1922, стр. 195—221.
16. Тургенев-драматург. — В кн.: «И. С. Тургенев». М.— Пг., ГИЗ, 1923, стр. 3—9 (Центр. архив. Документы по истории литературы и общественности, вып. 2).
17. Связка писем И. С. Тургенева.— Там же, стр. 52—77.
18. Анонимная рецензия И. С. Тургенева 〈на перевод В. П. Вронченко «Фауста» Гёте〉.— Там же, стр. 100—103.
19. «Премухинский роман» в жизни и творчестве Тургенева. (С приложением неизданных писем Т. А. Бакуниной к Тургеневу).— Там же, стр. 107—153.

---

* Составила Е. С. Смирнова-Чикина.

20. Проза «Записок охотника». — В кн.: «Тургенев и его время». Сб. 1. М.— Пг., ГИЗ, 1923, стр. 193—202 (Тургеневская комиссия О-ва любителей российской словесности).
21. Новое о Тургеневе. — Там же, стр. 303—314.
22. Гончаров и Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома. Пг., «Academia», 1923.— «Печать и революция», 1923, № 6, стр. 240—241 ⟨рецензия⟩.
23. Белинский и Тургенев. — В кн.: «Венок Белинскому». М., «Новая Москва», 1924, стр. 120—130.
24. Из неизданных писем И. С. Тургенева к В. Ральстону. — «Недра», 1924, кн. 3, стр. 178—203.
25. Неизданные письма И. С. Тургенева к В. Ральстону, П. В. Жуковскому и А. Ф. Онегину.— «Недра», 1924, кн. 4, стр. 267—296.
26. Бакунин и Рудин. — «Каторга и ссылка», 1926, № 26, стр. 136—169.
27. Генеалогия романа «Рудин». — В сб.: «Памяти П. Н. Сакулина». М., «Никитинские субботники», 1931, стр. 18—35.
28. И. С. Тургенев. Письмо к П. В. Анненкову. — «Лит. газета», 1931, 9 марта, № 13.
29. Фет — редактор Тургенева. — «Звенья», II, 1933, стр. 469—479.
30. Письма И. С. Тургенева: П. В. Анненкову, П. В. Жуковскому, М. Ф. Корш, С. А. Толстой, А. И. Урусову, В. А. и Е. А. Черкасским.— В сб.: «И. С. Тургенев». М., 1940, стр. 5—13, 19—20, 84, 125—137, 220—235 (Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина).
31. И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове Воспоминания С. Г. Щепкиной. — «Красный архив», 1940, № 3, стр. 195—228.
32. Белинский и Тургенев. — В сб.: «Белинский — историк и теоретик литературы». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 323—342 (то же: Н. Л. Бродский. Избранные труды. М., «Просвещение», 1964, стр. 197—224).
33. И. С. Тургенев. М., Изд-во АПН РСФСР, 1950, 72 стр. (то же: Н. Л. Бродский. Избранные труды. М., 1964, стр. 225—281).

Редакторская и комментаторская работа

34. И. С. Тургенев. Поп. Поэма. М., изд. Л. Э. Бухгейма, 1917. XVI, 21 стр.
35. И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания. М.— Пг., ГИЗ, 1923. 148 стр.
36. И. С. Тургенев. Избранные повести и рассказы. Вып. 1. М.— Пг., ГИЗ, 1923.
37. Творческий путь Тургенева. Сборник статей. Пг., «Сеятель», 1923. 318 стр.
38. Тургенев и его время. Сб. 1. М.— Пг., ГИЗ, 1923. 325 стр.
39. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. I. М., изд.-тва В. В. Думнов, насл. бр. Салаевых, 1924. 188 стр., ч. II. Письма Тургенева. 192 стр.
40. Тургенев и его время. Сб. 2. М.— Пг., ГИЗ, 1926. 47 стр.
41. В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. М.— Л., «Academia», 1930. XV, 349 стр. (Памятники литературы и быта.)
42. И. С. Тургенев. Материалы и исследования. Орел, Изд-во Орловского обл. Совета депутатов трудящихся, 1940. 156 стр.
43. И. С. Тургенев. Сборник. М., 1940. 248 стр. (Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина).
44. И. С. Тургенев. Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1946. 576 стр. То же: 1947.
45. И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Т. 1—11. М., «Правда», 1949 (совместно с И. А. Новиковым и А. А. Сурковым).
46. И. С. Тургенев. Письма.— В кн.: И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Т. 11. М., «Правда», 1949, стр. 45—408 (сост. и прим.).
47. С. М. Петров. И. С. Тургенев. М., «Правда», 1950. 38 стр.
48. И. С. Тургенев. Отцы и дети. М.— Л., Детгиз, 1950. 240 стр. (послесловие и подготовка к печати текста приложений). Изд. 2-е: 1955. То же: Минск, Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения БССР, 1956. Изд. 3-е: 1957. ⟨Изд. 4-е⟩: 1958. ⟨Изд. 5-е⟩: 1959. ⟨Изд. 6-е⟩: 1960. ⟨Изд. 7-е⟩: 1964. ⟨Изд. 8-е⟩: 1965.
49. Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883). Опись документальных материалов личного фонда № 509. Крайние даты документальных материалов: 1809—1939 гг. М., 1951. 30 стр.

МИХАИЛ КАРЛОВИЧ КЛЕМАН

(1897—1942)

Одной из многочисленных жертв ленинградской блокады 1941—1943 гг. был видный советский литературовед, крупнейший тургеневед довоенного времени, превосходный знаток французской реалистической литературы второй половины XIX в., профессор Ленинградского университета Михаил Карлович Клеман.

Русский по матери, латыш по отцу, М. К. Клеман родился 22 июля 1897 г. в г. Туккумсе (бывшей Курляндской губ.). Отец его, вышедший из крестьян, самостоятельно подготовился и сдал экзамены на звание аптекарского ученика, а затем и провизора, и в связи с этим, согласно тогдашним латышским обычаям, сменил свою исконную фамилию Аболиньш («клеверок») на почти однозначную ей немецкую — Клеман. Первые несколько лет жизни М. К. Клеман провел в Латвии, а после смерти отца переехал вместе с матерью в Петербург, где с 1907 г. учился в реальном отделении приюта принца П. Г. Ольденбургского. По окончании средней школы в 1914 г. он принял решение поступить на филологический факультет Петроградского университета. С первого же года обучения в университете М. К. Клеман принял участие в знаменитом Пушкинском семинарии проф. С. А. Венгерова.

В 1917 г., не оставляя университетских занятий, М. К. Клеман поступил на службу в архив Министерства народного просвещения. Одновременно он работал в качестве библиографа в Книжной палате, директором которой был тогда С. А. Венгеров. С того же времени М. К. Клеман вошел в состав Комиссии по описанию журналов при Русском библиографическом обществе.

В 1918 г. началась и литературная деятельность М. К. Клемана. Однако тяжелые условия жизни в Петрограде заставили его в 1919 г. переехать на время в Вятскую губ. В течение 1919—1921 и 1924—1926 гг.

М. К. Клеман вел преподавательскую работу в школе второй ступени в с. Ново-Троицком, а в промежутке, в 1922 г., закончил русское отделение факультета общественных наук Петроградского университета, после чего до 1924 г. служил секретарем гуманитарного отдела Ленинградского института политико-просветительной работы.

В 1926 г. М. К. Клеман был принят в аспирантуру в Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), где специализировался в области изучения международного литературного обмена. Прекрасно владея немецким, французским и английским языками, М. К. Клеман успешно работал над диссертацией «Эмиль Зола в России. 1865—1873», которую с блеском защитил 28 февраля 1930 г.

Большое значение в научной деятельности М. К. Клемана, по собственному его признанию, имела работа под руководством Н. К. Пиксанова, начавшаяся еще в Петроградском университете и продолжавшаяся до последних лет жизни М. К. Клемана.

По окончании аспирантуры, с октября 1929 г. по 1933 г. М. К. Клеман работал в Институте речевой культуры (реорганизованном из ИЛЯЗВа) в качестве научного сотрудника первого разряда, а с 1932 по 1935 г.— в Институте русской литературы АН СССР (в группе по изучению жизни и творчества Гоголя и в Комиссии по подготовке полного собрания писем Тургенева); с 1933 по 1936 г. в качестве доцента преподавал в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории, с 1935 по 1938 г. также в качестве доцента в Ленинградском государственном педагогическом институте им. Герцена.

В апреле 1938 г. Высшая аттестационная комиссия присвоила М. К. Клеману ученую степень кандидата филологических наук и ученое звание профессора по кафедре русской литературы. С 1939 г. он работал на филологическом и историческом факультетах Ленинградского государственного университета, а с 1940 г.— в словарном отделе Института языка и мышления АН СССР в качестве помощника главного редактора В. И. Чернышева.

Слабое здоровье М. К. Клемана было сильно подорвано блокадой зимой 1941/42 г., но тем не менее письма его дышали бодростью и были проникнуты присущей ему жизнерадостностью и остроумием. В марте 1942 г. он выехал из Ленинграда, направляясь в Среднюю Азию, но в дороге дистрофия обострилась новым заболеванием, и 15 апреля 1942 г. он умер в больнице в Оренбурге.

Начав свою научную деятельность как ученик С. А. Венгерова, ведя свои первые исследования как продолжатель традиций филологической и историко-культурной школ, со второй половины 20-х годов М. К. Клеман одним из первых ленинградских молодых литературоведов стал серьезно изучать марксизм-ленинизм и применять марксистскую методологию в своих литературоведческих работах. Искания новой, подлинно научной методологии литературоведения не вытеснили у М. К. Клемана глубокого уважения к кропотливой исследовательской работе, основанной на архивных и библиографических разысканиях.

Результатом занятий в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова явилась его статья «Текст лицейских стихов Пушкина» (1922), не утратившая некоторого значения и сейчас. В основном же исследовательская деятельность М. К. Клемана была посвящена изучению творчества Тургенева.

Начиная со своего первого печатного выступления — статьи «Из черновых бумаг И. С. Тургенева» (1918) — и кончая последней работой «Программы „Записок охотника“» (1941), в течение почти четверти века М. К. Клеман опубликовал длинный ряд трудов, посвященных изучению жизни и творчества великого русского писателя. Насколько большое ме-

сто занимал в научном наследии М. К. Клемана Тургенев, можно видеть из того, что половина всех его печатных трудов тематически связана с исследованиями биографии, текстологии и литературно-художественной деятельности писателя. К числу крупных тургеневедческих работ М. К. Клемана принадлежат еще две, не увидевшие света: первый том полного собрания писем Тургенева (тексты и примечания), сданный в ИРЛИ в 1936 г., и «Стихотворения И. С. Тургенева», подготовленные им для «Библиотеки поэта» (Большой серии) и оставшиеся в верстке (1941 г.).

Тургеневедческие работы М. К. Клемана можно объединить в четыре группы: текстологические, биографическо-хронологические, комментаторские и историко-литературные. Впрочем, деление это имеет довольно условный характер, так как порой текстологическая по существу работа, например, первая его статья «Из черновых бумаг И. С. Тургенева», переходит в тщательный биографический и историко-литературный комментарий, свидетельствующий об исключительной начитанности двадцатилетнего автора в тургеневедческой литературе. Другие же его текстологические статьи — например, «Программы „Записок охотника“» — с неменьшим основанием могут быть отнесены к историко-литературным исследованиям.

Такие работы М. К. Клемана, как «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева» (1934), «Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева» (1934), «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников» (1930) и ряд других, оказавшись в свое время крупной вехой в развитии наших знаний о великом русском реалисте, до сих пор сохраняют в советском литературоведении значение основополагающих источниковедческих трудов.

Среди работ М. К. Клемана особое место занимает книга «Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и творчества» (Л., 1936). Это был первый опыт научно-популярной биографии Тургенева, сделанный с учетом важнейших материалов о нем, вошедших в литературный оборот за годы Великой Октябрьской социалистической революции как в СССР, так и за рубежом. В приложении к очерку, являвшемуся в течение пятнадцати лет лучшим введением в изучение Тургенева, дан был ценный критический обзор основных изданий его сочинений и писем, а также специальной литературы дореволюционной и советской.

В рукописном виде М. К. Клеманом была подготовлена библиография переписки Тургенева. Перед самой войной он закончил статью о филигранях и штемпелях на бумаге, которой в разное время пользовался Тургенев.

От изучения Тургенева шли и остальные научные интересы М. К. Клемана — к Гоголю, Писемскому, Белинскому. В последний год своей жизни он работал над докторской диссертацией об И. А. Гончарове.

Изучение Тургенева привело М. К. Клемана и к другому большому разделу его литературных работ — к исследованию творчества французских реалистов и натуралистов, в особенности Э. Золя. Из числа последних его работ особенно значительны «Эмиль Зола» (1934), «Эмиль Зола. 1840—1940» (1940; совместно с проф. Б. Г. Реизовым), а также изданные по его инициативе и под его фактической редакцией сборники «Работа классиков над прозой» (1929), «Французский реалистический роман XIX века» (1932) и «Литературные манифесты французских реалистов» (1935).

Краткий очерк жизни и научно-литературной и педагогической деятельности М. К. Клемана нельзя не дополнить характеристикой его как человека. Безгранично скромный и сдержанный, М. К. Клеман в то же время обладал исключительной сердечностью и чуткостью к людям. Товарищи очень ценили его ясный ум и органическое чувство юмора. К своему научному труду М. К. Клеман относился с самоотверженной добросовестностью и строгой взыскательностью. Он часто жаловался на шаблон, установившийся в литературоведческих работах, и постоянно

стремился каждую свою новую книгу и статью построить иначе, свежее и лучше, чем предыдущие.

Среди старших товарищей и сверстников М. К. Клемана было много ярких талантливых ученых. Скромный и не всегда, быть может, заметный в жизни, М. К. Клеман в истории советской литературной науки занял прочное место.

П. Берков

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. К. КЛЕМАНА О ТУРГЕНЕВЕ

1. Из черновых бумаг И. С. Тургенева.— «Литературно-библиологический сборник». Пг., 1918, стр. 9—19.
2. Неизвестные редакции комедий Тургенева. 1. «Нахлебник»; «Завтрак у предводителя» ‹текстологические примечания›.— «Литературный музеум. (Цензурные материалы I отделения IV секции Государственного архивного фонда)». Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пб., ‹1919›, стр. 373—379 и 381—391.
3. Из юношеских лет Тургенева. (Новые материалы).— Сб. «Посев». Одесса, 1921, стр. 87—89.
4. «Когда я молюсь». (Неизданное стихотворение И. С. Тургенева).— «Литературная мысль». I. Пг., 1922, стр. 187.
5. Русский язык и литературные интересы в семье Тургенева.— «Литературная мысль», II. Пг., 1923, стр. 220—229.
6. Шесть детских стихотворений Тургенева.— «Литературная мысль», III. Л., 1925, стр. 256—261.
7. И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Под ред. и с введ. Н. К. Пиксанова. М.— Л., 1930. 338 стр.
8. «Записки охотника» и Севастопольская кампания.— «Залп», 1932, № 10, стр. 72—74.
9. Тургенев в работе над романом.— «Лит. учеба», 1933, № 5, стр. 23—49.
10. Из писем И. С. Тургенева начинающим писателям.— «Резец», 1933, № 17-18, стр. 40—42.
11. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Под ред. и с предисл. Н. К. Пиксанова. М.— Л., 1934. 374 стр.
12. «Записки охотника» и французская публицистика 1854 года.— «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 305—314.
13. Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева.— Сб. «И. С. Тургенев. (К 50-летию со дня смерти). 1883—1933». Л., 1934, стр. 329—394.
14. Стилистическая работа Тургенева.— «Лит. учеба», 1934, № 7, стр. 78—95.
15. Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и творчества. Л., 1936. 224 стр.
16. И. С. Тургенев и Проспер Мериме.— «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 707—752.
17. И. С. Тургенев.— Сб. «Классики русской драмы». Л.— М., 1940, стр. 159—176.
18. Из переписки Тургенева с начинающими авторами.— Сб. «И. С. Тургенев. Материалы и исследования». Орел, 1940, стр. 148—155.
19. Программы «Записок охотника».— Уч. зап. ЛГУ, № 76, серия филолог. наук, вып. 11, 1941, стр. 88—126.

Редакторская и комментаторская работа

20. И. С. Тургенев. Сочинения, т. XII. Статьи. Речи. Предисловия. Корреспонденции. Письма в редакцию. Л., 1933, стр. 503 — 727. Примечания (частично).
21. И. С. Тургенев. Рудин. Дворянское гнездо. Подготовка текста и комментарии. М.— Л., 1933. 507 стр. Изд. 2-е: М.— Л., 1936. 469 стр.
22. И. С. Тургенев. Сочинения, т. XI. Л., 1934.
Примечания к посланию «К. А. Фарнгагену фон Энзе» (стр. 629—632), к эпиграммам (стр. 636—639), к «Литературным и житейским воспоминаниям» (стр. 651—659), к «Воспоминаниям о Белинском» (стр. 661—665), к «Казни Тропмана» (стр. 669—672), «Всемогущий Житкин» и «Повиноваться!» (стр. 674—676).
23. И. С. Тургенев. Избранные сочинения. Изд. 2-е. Вступ. статья М. Клеманa. Л., 1935. 568 стр. (стр. 1—20: И. С. Тургенев).
24. И. С. Тургенев. Избранные произведения. М., 1936, стр. 653. Комментарии (совместно с Л. С. Утевским). 2-е изд.: М.— Л., 1941. 704 стр.
25. И. С. Тургенев. Накануне. Отцы и дети. М.— Л., 1936. 557 стр. Подготовка текста и комментарии.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЭЙХЕНБАУМ

(1886—1959)

24 ноября 1959 г. умер Борис Михайлович Эйхенбаум — выдающийся советский литературовед, крупнейший знаток русской классической литературы XIX в., блестящий исследователь творчества Лермонтова, Льва Толстого и многих других писателей XIX и XX вв. Ученый необыкновенного таланта и человеческого обаяния, никогда не стоявший на месте, но постоянно двигавшийся вперед и сумевший сохранить до конца жизни юношескую живость интересов, увлеченность вопросами науки и литературы, способность горячо отзываться на новые запросы и веянья жизни — таким останется Б. М. Эйхенбаум в памяти своих друзей и всех тех, кому выпало на долю счастье учиться у него, общаться с ним или работать с ним в одном научном коллективе.

Б. М. Эйхенбаум родился 4 октября (22 сентября) 1886 г. в г. Красное Смоленской губернии в семье врача. Окончив в 1905 г. Воронежскую гимназию, он по семейной традиции поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге, но влечение к литературе заставило его бросить академию, и в 1908 г. он поступил на филологический факультет Петербургского университета. По окончании курса Б. М. Эйхенбаум в 1914 г. был оставлен при кафедре русского языка и словесности для подготовки к профессорскому званию, а с 1918 г. был зачислен приват-доцентом той же кафедры. С этого времени началась долголетняя плодотворная научная и преподавательская деятельность Б. М. Эйхенбаума, связанная, главным образом, с тремя учреждениями — Государственным институтом истории искусств, Ленинградским университетом и Институтом русской литературы Академии наук СССР, где Б. М. Эйхенбаум особенно активно работал в последние годы своей жизни.

Первая статья Б. М. Эйхенбаума «Пушкин-поэт и бунт 1825 года» была напечатана в 1907 г., еще до того, как автор ее стал студентом-

филологом*. Но подлинное рождение Б. М. Эйхенбаума как литературоведа со своим, неповторимым лицом произошло в предреволюционные и первые революционные годы.

Широкий интерес к философско-теоретическим вопросам, параллельные занятия по русской и зарубежной литературе, участие в студенческий период в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова, сообщившее ему вкус к углубленным занятиям по текстологии и теории русского стиха, связь с современным литературным движением и обостренный интерес к проблемам методологии литературного исследования — все эти особенности развития молодого Б. М. Эйхенбаума позволили ему уже в его первых статьях 1916—1921 гг. выступить в качестве талантливого ученого-новатора, жадно ищущего новых путей в науке. Еще не знакомый в это время с марксизмом, Б. М. Эйхенбаум не мог найти для исследования интересовавших его вопросов поэтики и истории литературы того верного философско-методологического обоснования, в котором, как он сознавал, остро нуждалась литературная наука. Это заставило его, как и многих других представителей тогдашней научной молодежи, ограничить круг своих интересов вопросами формы, «замкнутое», имманентное изучение которой ошибочно представлялось ему в это время своеобразной гарантией строгой «научности» в противовес субъективистским и импрессионистическим концепциям символистской критики и академической науки предоктябрьских лет. Но уже в его работах, написанных в период увлечения «формальным методом», ярко проявились незаурядный историзм, острота, изящество и тонкость литературоведческого мышления.

Последующее изучение теории марксизма позволило Б. М. Эйхенбауму выйти в работах 1930—1950-х годов на широкую дорогу исторического изучения литературы, рассматриваемой в единстве содержания и формы, в ее многообразных и сложных связях с социально-политическим и идеологическим развитием общества. Этот поворот в развитии ученого получил отражение в его трехтомной монографии о Льве Толстом (над переработкой и уточнением которой он продолжал работать до последних дней жизни), в исследованиях о Лермонтове и других русских писателях от Пушкина до Полонского, Лескова и Щедрина.

Особое, почетное место в наследии Б. М. Эйхенбаума занимают его труды в области разработки принципов советской текстологии и научного издания классиков. Привлеченный в 1918 г. Литературно-издательским отделом Наркомпроса к изданию «Народной библиотеки», Б. М. Эйхенбаум стал одним из зачинателей советской текстологии. Начатую в «Народной библиотеке» работу по очищению текстов классиков от цензурных наслоений и по разработке научных принципов их издания Б. М. Эйхенбаум продолжил в последующие годы, редактируя в Госиздате многочисленные издания русских писателей XIX в. Позднее он был участником академических изданий Пушкина, Гоголя, Лермонтова, юбилейного издания Л. Толстого и других советских критически подготовленных комментированных изданий классиков. Эта исключительная по своему размаху редакционная работа, имевшая огромное культурное значение, была настоящим патриотическим подвигом ученого.

Наряду с Лермонтовым и Л. Толстым — любимыми писателями Б. М. Эйхенбаума, изучение которых он не прекращал никогда, третьей его большой и постоянной любовью был Тургенев. Еще в 1918 г. Б. М. Эйхенбаум по поручению Литературно-издательского отдела Наркомпроса осуществил первые советские издания «Записок охотника» и рассказов

* См.: П. Н. Берков. Б. М. Эйхенбаум; В. В. Зайцева и Н. А. Колобова. Материалы для библиографии печатных работ Б. М. Эйхенбаума.— В кн.: «Учен. зап. ЛГУ», № 295, серия филолог. наук, вып. 58, 1960, стр. 203—225.

Тургенева, снабженные вступительными статьями редактора. Тогда же в издании «Народной библиотеки» им был выпущен ряд рассказов и очерков из «Записок охотника», предназначенных для массового читателя.

В 1928—1934 гг. Б. М. Эйхенбаум вместе с К. И. Халабаевым редактировал тексты первого советского многотомного издания Сочинений Тургенева и написал для него ряд ценнейших научных примечаний, освещающих историю создания и публикации произведений Тургенева, а также дающих анализ основных вопросов идейной и литературно-художественной эволюции писателя. В 1935—1936 гг. Б. М. Эйхенбаум вместе с другими учеными руководил, по планам Института русской литературы, собиранием и подготовкой к печати полного собрания писем Тургенева.

Б. М. Эйхенбаум скончался, работая над подготовкой первых томов завершаемого ныне академического издания сочинений и писем Тургенева, одним из организаторов и членов главной редакции которого он являлся. Образцовые по своей точности и всегда блестящие по форме статьи и текстологические работы Б. М. Эйхенбаума будут еще долго служить примером для многих поколений тургеневедов.

Г. Фридлендер

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ Б. М. ЭЙХЕНБАУМА О ТУРГЕНЕВЕ *

1. Вступительный очерк.— В кн.: И. С. Тургенев. Записки охотника. Пг. 1918, стр. III—VIII.
2. Иван Сергеевич Тургенев.— В кн.: И. С. Тургенев. Рассказы. Пг., 1918, стр. 3—8.
3. Лев Толстой. Кн. 1. 50-е годы. Л., «Прибой», 1928.
   Стр. 59—60: Размышления Тургенева ⟨о литературном труде⟩; стр. 189—193: отношение Тургенева к литературе 50-х годов; стр. 232—233: Толстой и Тургенев.
4. Артистизм Тургенева.— В кн.: Б. М. Эйхенбаум. Мой временник. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1929, стр. 93—100.
5. И. Тургенев.— В кн.: А. Островский. Тургенев в записях современников. Л., Изд-во писателей в Ленинграде, 1929, стр. 7—14.
6. Лев Толстой. Кн. 2. 60-е годы. Л.— М., ГИХЛ, 1931.
   Стр. 83—85, 168—172, 266—267, 277, 282, 381: Толстой и Тургенев.
7. История одного слова ⟨по поводу оценки Тургеневым романа Толстого «Война и мир». Текстологические заметки к автографу «Литературных воспоминаний» Тургенева⟩.— «Огонек», 1956, № 3, стр. 16.

Редакторская и комментаторская работа

8. И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Т. 1—12. Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Прим. Б. Эйхенбаума. М.— Л., ГИЗ, 1928—1934.
   Т. 1. Записки охотника. Прим., стр. 347—363.
   Т. 2. Повести и рассказы. 1844—1853. Прим., стр. 361—371.
   Т. 5. Рудин. Дворянское гнездо. Прим., стр. 277—295.
   Т. 6. Накануне. Отцы и дети. Прим., стр. 369—385.
   Т. 7. Повести и рассказы. 1854—1865. Прим., стр. 357—374.
   Т. 8. Повести и рассказы. 1866—1871. Прим., стр. 361—371.
   Т. 10. Повести и рассказы. 1870—1882. Прим., стр. 334—350.
   Т. 11. Поэмы. Стихотворения. Воспоминания. Прим., стр. 619—629, 632—636, 639—646, 650—651, 659—660, 665—669, 672—673.
9. И. С. Тургенев. Сочинения. Т. 1—6. ⟨Изд. 2-е⟩. Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.— Л., ГИЗ, 1929—1930.
10. И. С. Тургенев. Отцы и дети. Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М., Гослитиздат, 1935. 252 стр.
11. И. С. Тургенев. Избранные произведения. М.— Л., Детиздат, 1936. 655 стр. с илл.

* Составлен В. В. Зайцевой.

12. И. С. Тургенев. Избранные произведения. М.— Л., Детиздат, 1941. 704 стр. с илл. (Школьная б-ка).
13. И. С. Тургенев. Собрание сочинений. В 12-ти т. М., Гослитиздат, 1953—1958.
Т. 10. Стихотворения. Поэмы. Литературные и житейские воспоминания. Переводы. М., 1956. 651 стр. Подготовка текста и прим. Б. М. Эйхенбаума.
Т. 12. Письма. 1831—1883. М., 1958. 695 стр. Подготовка текста и прим. Г. А. Бялого, Н. В. Измайлова и Б. М. Эйхенбаума.
14. И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах. М.— Л., Изд. АН СССР. Б. М. Эйхенбаум — член редколлегии.
Т. I. М.— Л., 1960. Стихотворения, поэмы, статьи и рецензии, прозаические наброски. 1834—1849. Общая ред. тома, вступ. статья к стихотворениям и поэмам, стр. 503—510; подготовка текста и прим. к стих., опубликованным при жизни Тургенева, стр. 511—592.
Письма в тринадцати томах. Т. II. 1851—1856. М.— Л., 1961. 718 стр. Редакторы тома М. П. Алексеев, Н. В. Измайлов, Б. М. Эйхенбаум.
Т. III. 1856—1859. М.— Л., 1961. Участие в подготовке текста и прим.
Т. IV. 1860—1862. М.— Л., 1962. 733 стр. Редакторы тома С. А. Рейсер и Б. М. Эйхенбаум. Участие в подготовке текста и прим.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Все ссылки на тексты Тургенева, не вышедшие еще в издании Академии наук, даются по изданию: И. С. Тургенев. Собрание сочинений в двенадцати томах. М., Гослитиздат, 1953—1958.
В тексте указываются только томá (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

Цитаты из писем Тургенева приводятся без ссылок на печатные источники. Общим для всех этих писем источником являются вышедшие ко времени окончания работы томá Полного собрания писем Тургенева (Тург АН. Письма, т. I—XII, кн. 1. М.—Л., 1961—1967).

Анненков 1960 — П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Вступ. статья, подготовка текста и прим. В. П. Дорофеева. М., Гослитиздат, 1960 (Серия литературных мемуаров).

БиТ — В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.— Л., «Academia», 1930.

Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I—XII. М., Изд-во АН СССР, 1953—1956.

Герцен АН — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. М., Изд-во АН СССР, 1954—1965.

Добролюбов — Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах. Под общ. ред. П. И. Лебедева-Полянского. М., ГИХЛ, 1934—1941.

ЛА III, IV, VI — «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения». Под ред. М. П. Алексеева, т. III. Л., 1951; т. IV. Л., 1953; т. VI. М.— Л., 1961.

«Летопись» — М. К. Клеман. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. Ред. Н. К. Пиксанова. М.— Л., «Academia», 1934.

Некрасов — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений в двенадцати томах. М., Гослитиздат, 1948—1956.

Соч. 1930 — И. С. Тургенев. Сочинения. Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. I — XII. Л.— М., ГИХЛ, 1928—1934.

Стас.— М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. М. К. Лемке, т. III. СПб., 1912.

Т. в восп. рев.— И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. Собрал и комментировал М. К. Клеман. Редакция и введение Н. К. Пиксанова. М.— Л., «Academia», 1930.

Т. Сб. Орел, 1940— И. С. Тургенев. Материалы и исследования. Сборник под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений (в 90 томах, («Юбилейное»). Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.— Л., Гослитиздат) 1928—1959.

Тург АН. Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах. М.—Л., Изд-во АН СССР, ныне «Наука», 1961—1967.

Тург АН. Сочинения — Тоже. Сочинения в пятнадцати томах. М.— Л., 1960—1967.

Чернышевский — Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 16-ти томах. М., Гослитиздат, 1939—1953.

Щедрин — Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Щедрина) в двадцати томах. М., Гослитиздат, 1933—1939.

Н.-К.— Halperine-Kaminski. Iv. Tourguèneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901.

Mazon — A. Mazon. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Paris, 1930.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ГРМ — Государственный русский музей (Ленинград).

ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

МРС — Художественный музей им. А. Н. Радищева (Саратов).

МТО — Государственный музей И. С. Тургенева (Орел).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

BN — Bibliothèque Nationale (Paris) — Национальная библиотека, Париж.

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

Составила Т. Г. Динесман

I. ПОРТРЕТЫ ТУРГЕНЕВА

ЖИВОПИСЬ, РИСУНОК, СКУЛЬПТУРА

Тургенев. Портрет маслом неизв. художника, 1830-е годы. Копия. МТО. Местонахожд. ориг. неизвестно — 339

Тургенев. Бюст работы А. Н. Беляева (гипс), Петербург, 1851 г. МТО — 551

Тургенев. Рис. карандашом К. Ф. Лессинга, Баден-Баден, 1867 г. Эрмитаж, Ленинград — 73

Тургенев. Портрет маслом раб. А. М. Грудзиня, конец 1860-х годов <?>. Музей латышского и русского искусства, Рига — вклейка между 4—5 стр.

Тургенев. Рис. карандашом Адольфа Менцеля, май 1871 г. Оригинал погиб в годы Второй мировой войны. Воспр. по кн.: C.-G. B o e r n e r. Versteigerungskatalog. Berlin, 1939 — 580.

Тургенев на охоте. Шаржи А. П. Боголюбова, декабрь 1879 г. Воспр. с фотографии парижского фотографа Ф. Лошара. МРС. Оригиналы хранятся в ГРМ — 456, 457

Тургенев. Автопортреты писателя и рисунки М. М. Антокольского (карандаш), Париж, конец 1870-х годов. МРС — 447

Тургенев. Портрет маслом раб. Я. П. Полонского, Спасское-Лутовиново, 1881 г. ИРЛИ — 607

Тургенев. Этюд Я. П. Полонского «Аллея в парке», Спасское-Лутовиново, 1881 г. (см. отдел XI)

Тургенев. Портрет маслом раб. Н. Н. Ге. Авторское повторение, 1882 г. Выполнен впервые в 1871 г., в Петербурге. Музей Л. Н. Толстого, Москва — 109

Тургенев. Рис. пером Э. К. Липгарта, Париж, январь 1883 г. С дарств. надписью художника А. П. Боголюбову. МРС — 465

Тургенев. Рис. Э. К. Липгарта (карандаш), Париж, 1880-е годы. ГЛМ — 427

ГРАВЮРЫ, ЛИТОГРАФИИ

Тургенев. Литогр. М. Барышева, 1858 г. С фото С. Л. Левицкого, 1856 г. ИРЛИ — 343

Тургенев. Литогр. В. Бахмана, 1859 г. С фото А. И. Деньера, 1859 г.— «Альбом русских писателей». Изд. Н. Н. Полевого. М., 1860 — 573

Тургенев. Грав. Эрнста Гартмана, 1872 г. С фото И. и Л. Альгейер, 1868 г.— «Das Buch für Alle», 1872, № 40 — 437

Тургенев. Грав. И. И. Матюшина, 1879 г.— «Записки охотника». СПб., 1879 (титул. лист) — 269

Тургенев. Литогр. неизв. художника. С фото М. М. Панова, 1880 г. Экземпляр, принадлежавший Н. А. Герцен, дочери А. И. Герцена. ЦГАЛИ — 323

Тургенев. Грав. Германа Шеренберга, 1883 г. С фото Ф. Надара, 1878 г.— «Illustrierte Zeitung», 15 сентября 1883 г.— 695

Тургенев. Грав. И. И. Матюшина, 1883 г. С фото К. А. Шапиро, 1879 г. Фронтиспис сборника «Тургенев о русском народе». СПб., 1883 — 647

Тургенев. Грав. И. И. Хелмицкого, 1883 г. С фото М. М. Панова, 1880 г.— «Всемирная иллюстрация», 3 сентября 1883 г., № 11 — 635

Тургенев. Грав. неизв. художника, 1883 г. С фото М. М. Панова, 1880 г.— «L'Illustration», 22 сентября 1883 г.— 691

Тургенев. Грав. И. И. Матюшина с рис. К. И. Тихомирова.— «Иллюстрированный мир», сентябрь 1883 г., № 29 — 653

Тургенев. Офорт В. В. Матэ, 1883 г. ЛБ — 209

Тургенев на смертном одре. Грав. с рис. Э. К. Липгарта, Буживаль, 4 сентября 1883 г. — «Le Monde Illustré», 22 сентября 1883 г.— 643

---

* Условные сокращения см. на стр. 753.

Тургенев. Литогр. неизв. художника, 1884 г. С фото Ф. Надара, 1878 г. (на фото — дарств. надпись Сиднею Джеррольду, Париж, 1883 г.) — В кн.: «First Love» and «Punin and Baburin» by Ivan S. Turgenev, London, 1884 — 507

Тургенев. Грав. В. В. Матэ, 1893 г. С фото 1883 г.— «Всемирная иллюстрация», 28 августа 1893 г., № 10 — 361

Тургенев. Гравюра Карла Штыка.— В кн.: Ivan Sergejevič Turgeněv. Lovcovy zápisky. Praha, 1957 — 721

ФОТОГРАФИИ

Тургенев. Фото с дагерротипа 1840-х годов. Экземпляр из архива А. И. Герцена. ЦГАЛИ — 263

Тургенев. Фото С. Л. Левицкого, Петербург, 1856 г. С дарств. надписью В. К. Бодиско, 1 мая 1856 г. ГИМ — 11

Тургенев. Фото Ваккеза и Радиге, Баден, 1864 г. ИРЛИ — 153

Тургенев. Фотография Леже и Бержерона, Париж, 1869 г. С дарств. надписью К. К. Случевскому на обороте, Карлсруэ, 1869 г. ГЛМ — 487

Тургенев. Фото К. И. Бергамаско, Петербург, 1874 г. С дарств. надписью С. И. Лаврентьевой на обороте, Петербург, март 1880 г. ЦГАЛИ — 282, 283

Тургенев. Фото с портрета маслом раб. А. А. Харламова, Париж, 1875 г. С дарств. надписью А. П. Боголюбову, Париж, 1876 г. МТО. Оригинал портрета в ГРМ—443

Тургенев. Фото К. А. Шапиро, Петербург, март 1879 г. С автографической подписью писателя. Выполнено для альбома: «Портретная галерея русских литераторов, ученых и артистов с биографиями и факсимиле. Изд. фотографа Константина Шапиро» (СПб., 1880). ГПБ — 235

Тургенев. Фото С. Л. Левицкого, Петербург, 1880 г. ГЛМ — 421

Тургенев. Фото С. Л. Левицкого ⟨?⟩, Петербург, 1880 ⟨?⟩ г. С дарств. надписью С. К. Корш, Москва, июнь 1881 г. Собр. Н. А. Череминой (рожд. Корш), внучки С. К. Корш, Москва — 595

ПОРТРЕТЫ ТУРГЕНЕВА В ГРУППАХ

Музыкальный утренник на вилле Виардо в Баден-Бадене. Грав. с рис. Людвига Пича. Среди присутствующих: прусская королева Августа, Дезире Арто, Отто Бисмарк, А. А. Васильчиков, Луи Виардо, Полина Виардо, прусский король Вильгельм I, герцогиня фон Гамильтон, Мануэль Гарсиа, Густав Доре, вел. герцогиня Луиза, Антон Рубинштейн, Тургенев, скрипач Хеерман, Теодор Шторм и др.— «Der Bazar», 8 декабря 1865 г., № 46 — 587

Тургенев среди шахматистов в парижском «Café de la Régence». Грав. Леона Шапона с рис. Симона Орсен-Деона, 1874 г. Café de la Régence, Париж — 387

«Встреча Нового года русскими художниками у Боголюбова в Париже». Рис. Н. Д. Дмитриева-Оренбургского (сепия), Париж, 1875 г. МРС — 445

II. АВТОГРАФЫ ТУРГЕНЕВА

РУКОПИСИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПИСЬМА

«Дым». Перечень «главных лиц будущей повести» с зашифровкой имен прототипов героев романа. Черновой автограф, 1862 г. BN — 93

«Дым». Черновой автограф, 1865—1867 гг.— Заглавный лист рукописи с вариантами названия произведения и позднейшими записями Тургенева, уточняющими время написания и напечатания романа. BN — 75

«Крокет в Виндзоре». Беловой автограф, 20 июля 1876 г. Вклеен в кн.: «The Croquet». Stuttgart, 1876. ЦГАЛИ — 517

«Нахлебник». Первая редакция. Лист первый (фрагмент). Заглавие, список действующих лиц и их характеристики, 1848 г. ЦГАЛИ — 553

«Наши послали!» Черновой автограф. Лист первый 8—11/20—23 марта 1874 г. BN — 347

Некролог С. К. Брюлловой — «Из письма в редакцию „Вестника Европы“». Черновой автограф. Лист первый, 19/31 октября 1877 г. ИРЛИ — 289

«Николай Иванович Тургенев». Некролог, написанный для журнала «Вестник Европы». Наборная рукопись. Лист первый, 11—16/23—28 ноября 1871 г. ИРЛИ — 375

«Новь». Первоначальный замысел романа и список действующих лиц. Черновой автограф. Лист первый и первый об., 1870—1872 гг. BN — 113

«Новь». «Формулярный список лиц новой повести». Заглавный лист и листы с «формулярами» Паклина и Нежданова, февраль 1872 г. BN — 121

«Новь». Наборная рукопись, 1876 г.: 1) Титул. лист с владельческой надписью автора, штампом редакции «Вестника Европы» и пометами М. М. Стасюлевича (дата полу-

чения рукописи и надпись о передаче ее в Публичную библиотеку); 2) Лист второй с началом романа. ГПБ — 308, 309
«Новь». Авторская правка в гранках журнала «Вестник Европы», 1877 г. ГПБ — 131
Письмо к Ф. Н. Тургеневой 15/27 февраля 1875 г., Париж. Bibliothèque slave — 383
Проект письма-«ультиматума» саратовскому городскому голове по поводу создания музея им. А. Н. Радищева. Составлен Тургеневым от имени А. П. Боголюбова. Черновой автограф. Лист первый, апрель 1880 г. ЦГАЛИ — 461
«Рудин». Первый эпилог. Лист последний об., 1855 г. ЛБ — 39
«Холостяк». Первая редакция. Черновой автограф, 1849 г. Титул. лист. ЦГАЛИ—563

III. РИСУНКИ ТУРГЕНЕВА

Автопортреты — см. Раздел I — «Портреты Тургенева»
Мужской портрет. Рис. карандашом на черновике протокола заседания Комитета Общества русских художников в Париже, февраль — март 1880 г. ИРЛИ — 455

IV. ДОКУМЕНТЫ

Адрес Тургеневу от редакции «Современника» в связи с десятилетием его сотрудничества в журнале, 1857 г. Акв. Д. В. Григоровича. МТО — 47
Визитная карточка Тургенева, Париж, 1850-е годы <?>, ЦГАЛИ — 161
Пригласительный билет на новогоднюю елку в Обществе русских художников в Париже 12 января 1883 г. (подписан А. П. Боголюбовым и Тургеневым). ИРЛИ — 471
«О похоронах Ивана Сергеева Тургенева». Дело Департамента полиции, 21 сентября — 20 октября 1883 г. Обложка. ЦГАОР — 329
Пригласительный билет на церемонию прощания с телом Тургенева 19 сентября/1 октября 1883 г. в Париже на Северном вокзале. ЦГАЛИ — 659
Билет для входа в церковь Волкова кладбища в день погребения Тургенева 27 сентября / 9 октября 1883 г. ГЛМ — 671
Программа вечера, организованного Литературным фондом в память Тургенева. Петербург, 28 сентября 1883 г. ИРЛИ — 687
Подписной лист в пользу русской Тургеневской библиотеки в Париже, 1883 г. Экземпляр, сохранившийся в бумагах П. Л. Лаврова. ЦГАОР — 331
Визитная карточка Полины Виардо с рисунком А. П. Боголюбова на обороте (тушь, перо). ЦГАЛИ — 466, 467

V. КНИГИ, НОТЫ, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

КНИГИ И НОТЫ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ И ПОМЕТАМИ ТУРГЕНЕВА

«Сочинения И. С. Тургенева». М., 1874, т. I («Записки охотника»). Форзац с дарств. надписью А. П. Боголюбову (Париж, 1876) и с пометой Боголюбова о передаче книги в Саратовский художественный музей им. А. Н. Радищева. МРС — 469
«Сочинения И. С. Тургенева». М., 1874, т. V. Шмуцтитул с дарств. надписью Е. Н. Кравченко-Половцевой, Петербург, 15 марта 1879 г. Собр. В. Г. Лидина, М.— 326
«Накануне». Первая публикация повести с дарств. надписью А. Н. Островскому. Москва, февраль 1860 г. Вырезка из журнала «Русский вестник» (1860, № 1) ИРЛИ — 272, 273
«Записки охотника». Первое стереотипное издание (СПб., 1880). Титульный лист и шмуцтитул с дарств. надписью Л. И. Стасюлевич, Париж, 1879 г. ЛБ — 269
«Сочинения И. С. Тургенева», т. III («Рудин»). М., 1874. Шмуцтитул с дарств. надписью Ю. Темякиной, Москва, 1879 г. ГЛМ — 53
«Ivan Turgenjew's Ausgewählte Werke». Erster Band. «Väter und Söhne». Mitau, 1869. Титул. лист с дарств. надписью Теодору Шторму, Баден, 1869 г. Собр. Общества Теодора Шторма, г. Хузум (ФРГ) — 583
«The Croquet». Stuttgart, 1876 («Крокет в Виндзоре» — англ. перевод А. Д. Баратынской). Обложка и автограф Тургенева (см. отд. II)

* * *

«Стихотворения А. А. Фета». СПб., 1856. Титул. лист с дарств. надписью Е. А. Колбасину, Петербург, 6 апреля 1856 г. Частное собр., М.— 711
«Илиада Гомера». СПб., 1839. Титул. лист с дарств. надписью О. А. Тургеневой, Петербург, ноябрь 1854 г. МТО — 712
«Grande Symphonie von L. van Beethoven». Обложка с дарств. надписью О. А. Тургеневой, Петербург, 21 января 1856 г. ЦГАЛИ — 713

«The Plays and Poems of William Shakspeare». Leipzig, 1833. Экземпляр, подаренный Тургеневу Т. Н. Грановским в 1838 г. Шмуцтитул и титул. лист с надписями Тургенева и Грановского (Берлин, 1838). МТО — 35

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУРГЕНЕВА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

«Нахлебник». Первая редакция. Гранки «Отечественных записок» (1849, № 3). Фрагмент. Заглавие с посвящением М. С. Щепкину, список действующих лиц и их характеристики. ГПБ — 557
«Порог». Первая публикация. См. «Отклики на смерть Тургенева» — «И. С. Тургенев».
Прокламация народовольцев.
«Постоялый двор». Изд. С.-Петербургского комитета грамотности. СПб., 1881. Обложка и первая страница рассказа. Гравюры И. И. Матюшина и В. Ф. Адта по рисункам И. С. Панова — 219
«Тургенев о русском народе» — см. «Отклики на смерть Тургенева»

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУРГЕНЕВА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ *

«Fathers and Sons» («Отцы и дети»). New York, 1941. Фронтиспис и титул. лист — 525
«First Love» and «Punin and Baburin» («Первая любовь» и «Пунин и Бабурин»). London, 1884. Фронтиспис и титул. лист — 507
«Lovcovy zápisky» («Записки охотника»). Praha, 1957. Фронтиспис и титул. лист — 721
«Russian Life in the interior, or the experiences of a Sportsman». Edinburgh, 1855 («Записки охотника». Первое отдельное издание на английском языке). Обложка и титул. лист — 509
«Scènes de la vie d'un jeune gentilhomme à Pétersbourg» («Безденежье»). — «Feuillets d'art», Paris, 1922, № IV, стр. 151 и 159. ЛБ — 717
«„Smoke" by Ivan Turgenieff» («Дым»). New York, 1872. Обложка — 521

КНИГИ С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ СОВРЕМЕННИКОВ ТУРГЕНЕВА

Лавров П. Л. Опыт истории мысли, т. I. СПб., 1875. Обложка и шмуцтитул с дарств. надписью автора Карлу Марксу, б. д. ИМЛ — 173
Лавров П. Л. Исторические письма. Женева, 1892. Титул. лист и шмуцтитул с дарств. надписью автора Фридриху Энгельсу, 10 февраля 1892 г. ИМЛ — 183
«Krilof and his fables». London, 1869. (Английское издание басен И. А. Крылова в переводе Вильяма Рольстона с предисловием и примечаниями переводчика.) Обложка с дарств. надписью Рольстона А. Ф. Онегину. Рецензия Тургенева на этот перевод Рольстона была опубликована в журнале «The Academy», 15 июля 1871 г. ИРЛИ — 513
Тургенев Н. И. Пора! Русский заграничный сборник. Париж, 1858. Титул. лист с надписью неизвестного лица ‹Тургенева?›, 2 июня 1864 г., Париж. ГЛМ — 393
«Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875). Von Friedrich Engels», Berlin, 1894 (Сборник статей Энгельса на международные темы, опубликованных в газете «Volksstaat» в 1871—1875 гг.). Титул. лист с дарств. надписью Энгельса П. Л. Лаврову, 25 января 1894 г. ИМЛ — 229
«Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Von Karl Marx». Zweiter Band, Hamburg, 1885 (издание подготовлено Ф. Энгельсом). Титул. лист с дарств. надписью Фридриха Энгельса П. Л. Лаврову, 11 июля 1885 г. ИМЛ — 204
«Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie. Von Karl Marx». Dritter Band. Hamburg, 1894 (издание подготовлено Ф. Энгельсом). Титул. лист с дарств. надписью Фридриха Энгельса П. Л. Лаврову, Лондон, 1 января 1895 г. ИМЛ — 205

КНИГИ И СТАТЬИ О ТУРГЕНЕВЕ И ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ

«Из-за решетки». Женева, 1877 (в предисловие к сборнику вошел критический разбор романа «Новь», написанный Г. А. Лопатиным) — 251
Лавров П. Л. И. С. Тургенев и развитие русского общества.— «Вестник Народной Воли», № 2. Женева, 1884. Обложка журнала и страница с началом статьи — 215
«И. С. Тургенев». Прокламация — см. «Отклики на смерть Тургенева»
B. Faurie. Souvenirs sur Tourgueneff.— «Mercure de France», 1917, № 1. Титул. лист журнала и страница с началом воспоминаний — 491
Stepniak (С. М. Степняк-Кравчинский). La Russia sotterranea. Milano, 1882. Титул. лист — 261
«A tout venant je crache, или Бог не выдаст — свинья не съест». Журнал русских студентов в Гейдельберге. Лист второй, 24 мая 1864 г., стр. 1, 2. ЦГАОР — 82, 83

* См. также «Книги и ноты с дарственными надписями и пометами Тургенева».

VI. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ТУРГЕНЕВА

«Безденежье». Грав. В. И. Шухаева.— «Les Feuillets d'art». Paris, 1922, № IV. ЛБ — 717

«Дворянское гнездо». Эскизы А. А. Харламова (итал. карандаш), б. д. ИРЛИ — 473

«Конец Чертопханова». Литогр. с рис. датского художника Палле Пио: Ivan Turgenev. Tjertopkhánovs endeligt. København, 1965 — 547

«Муму». Грав. немецкого художника Л. Гейнриха.— I. Turgenjew. Mumu. Berlin, 1947 — 438

«Новь». Акварели К. Г. Кащеева, 1951 г. МТО — 119, 138, 139

«Отцы и дети». Акварели П. М. Боклевского, 1870-е годы. ГЛМ — 187, 224, 225

«Отцы и дети». Гравюры американского художника Фритца Эйхенберга.— «Fathers and sons». New York, 1941 — 525, 528, 529

«Отчаянный» («Отрывки из воспоминаний своих и чужих»). Грав. неизв. художника.— «Огонек», 1882, № 4 — 603

«Помещик». Рисунки в списке поэмы, 1840-е годы. Восходят к иллюстрациям А. А. Агина («Петербургский сборник». СПб., 1846). ЛБ — 707, 708

«Постоялый двор». Гравюры И. И. Матюшина и В. Ф. Адта по рисункам И. С. Панова. — И. С. Тургенев. Постоялый двор. СПб., 1881 — 219

«Рудин». Рис. В. М. Свешникова (карандаш). 1953 г. ГЛМ — 57

«Стучит!» Рис. М. М. Антокольского (карандаш), 1882 г. МРС — 475

«Хорь и Калиныч». Литогр. В. В. Князева, 1884, ИРЛИ — 598

«Хорь и Калиныч». Рис. А. Ф. Чернышева, 1850-е годы. ГЛМ — 599

VII. ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТУРГЕНЕВА НА ТЕАТРАЛЬНОЙ СЦЕНЕ

«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»

Программа инсценированного чтения в Славянском обществе Кембриджского университета 1 декабря 1958 г. МТО — 543

«МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ»

Московский художественный театр, 1909 г. Эскиз декорации. Акв. М. В. Добужинского. Третьяковская галерея, Москва — 559

Московский художественный театр, 1909 г. Эскиз костюма Верочки. Акв. М. В. Добужинского. МТО — 569

Театр «Сент Джеймс». Лондон, 1943 г. Актер Майкл Редгрейв в роли Ракитина. Фото с дарств. надписью актера Музею Тургенева в Орле. МТО — 533

Театр «Феникс». Нью-Йорк, 1956 г. Актеры Александр Скорби — Ракитин и Юта Хейчен — Наталья Петровна. Фототипия (вырезка из журнала «Америка», 1957, № 9). МТО — 532

«ХОЛОСТЯК»

Александринский театр, Петербург, 1903 г. Грав. неизв. художника.— «Театр и искусство», 31 августа 1903 г., № 36 — 565

VIII. ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА

ПЕЧАТЬ

«И. С. Тургенев». Прокламация народовольцев. СПб., 25 сентября 1883 г. Распространялась в день похорон Тургенева. Текст написан П. Ф. Якубовичем. В прокламации впервые опубликовано стихотворение в прозе «Порог». ЛБ — 239

«Тургенев о русском народе». СПб., 1883. Сборник, выпущенный в связи со смертью Тургенева. Титул. лист и фронтиспис с портретом писателя (грав. И. И. Матюшина по фото К. А. Шапиро 1879 г.) — 647

В. М. Гаршин. Красный цветок. Рассказ, посвященный памяти Тургенева.— «Отеч. записки», 1883, № 10. Первая стр.— 683

А. Н. Плещеев. 27-го сентября 1883 г. (Стихотворение, посвященное памяти Тургенева). Вырезка из журнала «Отеч. записки» (1883, № 10) с дарств. надписью автора Л. Б. Бертенсону. ИРЛИ — 677

Сообщение о смерти Тургенева.— «Петербургская газета», 24 августа 1883 г., № 231— 639

Сообщение о времени прибытия тела Тургенева в Петербург и о порядке прохождения похоронной процессии.— «Санкт-Петербургские ведомости», 24 сентября 1883 г., № 257 — 665

«Ivan Turgenjeff». Некролог Тургенева в немецком журнале «Illustrierte Zeitung», 15 сентября 1883 г. — 695
«Ivan Turgenjev». Некролог Тургенева в немецком журнале «Das Magazin für die Literatur des In- und Auslandes», 29 сентября 1883 г., № 39 — 694

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Тургенев на смертном одре — см. раздел I (там же — портреты Тургенева, опубликованные в периодической печати в связи со смертью писателя)
Церемония прощания с телом Тургенева на Северном вокзале в Париже 19 сентября/1 октября 1883 г. (Э. Ренан произносит речь). Грав. с рис. К. О. Брожа.— «Всемирная иллюстрация», 1 октября 1883 г.— 661
Траурная процессия на пути к Волкову кладбищу 27 сентября / 9 октября 1883 г. Грав. с рис. С. Л. Шамоты.— «Всемирная иллюстрация», 8 октября 1883 г.— 667
На Волковом кладбище у могилы писателя 27 сентября / 9 октября 1883 г. (Д. В. Григорович произносит речь). Грав. с рис. К. О. Брожа.—«Всемирная иллюстрация», 8 октября 1883 г. — 675

* * *

«Тургенев покидает храм русской литературы». Аллегорический рис. М. М. Чемоданова («Эмче»). Литогр.— «Русский сатирический листок», 10 сентября 1883 г., № 28 — 651
«Тургенев в подземном царстве». Аллегорический рис. М. Е. Малышева.— «Стрекоза», 4 декабря 1883 г., № 49 — 681

IX. ПОРТРЕТЫ ДРУЗЕЙ, РОДНЫХ, ПРОТОТИПОВ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУРГЕНЕВА И ДРУГИХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

А. А. Абаза — прототип Сипягина («Новь»). Фото, 1870-е годы. ГЛМ — 125
А. С. Альбединская (рожд. кн. Долгорукая) — прототип Ирины («Дым»). Фото, 1860-е годы. ГЛМ — 96
А. П. Боголюбов. Фото, 1880-е годы. ЦГАЛИ — 451
С. К. Брюллова (рожд. Кавелина). Фото, 1873 г. ИРЛИ — 299
П. А. Валуев — прототип Сипягина («Новь»). Фото, 1870-е годы. ГЛМ — 125
Полина Виардо в роли Орфея (опера Глюка «Орфей и Эвридика» в парижском «Théâtre lyrique»). Фото, конец 1850-х — начало 1860-х годов. ГЛМ — 495
Т. Н. Грановский. Дагерротип, 1840-е годы. ЛБ — 31
П. Л. Лавров. Фото, 1880-е годы. ЦГАОР — 165
Элеонора Маркс. Фото, 1876 г. ИМЛ — 241
Д. А. Оболенский — прототип Сипягина («Новь»). Фото, 1860-е годы. ГЛМ — 125
К. К. Случевский — прототип Ворошилова («Дым»). Грав. А. И. Зубчанинова, 1870-е годы. ГЛМ — 91
С. М. Степняк-Кравчинский. Фото, 1870-е годы. ГЛМ — 257
И. М. Толстой — прототип Кайзенбаха («Дым»). Фото, 1860-е годы. ГЛМ — 97
Н. И. Тургенев. Фототипия К. Фишера. С фото 1860-х годов. ИРЛИ — 365
Клара Тургенева. Фототипия. С портрета маслом неизв. художника, 1840-е годы. ИРЛИ (вырезка из «Отчета о деятельности Отделения русск. языка и словесности» имп. Академии наук за 1912 г. Приложение) — 369
Ф. Н. Тургенева. Фототипия. С фото 1860-х годов. ИРЛИ (вырезка из «Отчета о деятельности Отделения русск. языка и словесности» имп. Академии наук за 1912 г. Приложение) — 381
Л. Н. Фигнер. Фото, 1870-е годы. ГЛМ — 313
Теодор Шторм. Фото, 1864 г. Собр. Общества Теодора Шторма, г. Хузум (ФРГ) — 582

* * *

Портреты женщин из числа осужденных по «процессу пятидесяти», 14 марта 1877 г. Фотооткрытка, распространявшаяся после объявления приговора, 1877 г. ГЛМ — 201

X. АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННИКОВ ТУРГЕНЕВА

Статья С. К. Брюлловой о романе «Новь». Черновой автограф. Лист двенадцатый, 1877 г. ИРЛИ — 301
Статья П. Л. Лаврова «Новый роман г-на Тургенева». Черновой автограф на франц. языке. Лист первый, 1877 г. ЦГАОР — 199

Статья П. Л. Лаврова «Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях». Лист первый, 1869 г. ЦГАОР — 169
Статья Г. А. Лопатина о Тургеневе. Листы первый и последний, 9 октября 1883 г. ЦГАОР — 246, 247
Лекция С. С. Рымаренко «По поводу повести И. С. Тургенева „Отцы и дети"». Лист первый, 1862 г. ЦГАОР — 157
Письмо Теодора Шторма сыну Эрнсту. Баден-Баден, 11 сентября 1865 г. Лист первый. Библиотека Земли Шлезвиг-Гольштейн, г. Киль (ФРГ) — 585

XI. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

БАДЕН-БАДЕН

Общий вид. Грав., 1850-е годы. ИРЛИ — 485
Вид со стороны Хесслиха. Литогр. на почтовой бумаге, 1865 г.— см. отд. X: Письмо Теодора Шторма сыну Эрнсту.

ГЕЙДЕЛЬБЕРГ

Акв. неизв. художника, 1849 г. ИРЛИ — 340
Рис. Е. А. Греч (карандаш), 1860-е годы. ИРЛИ — 79

ОРЕЛ

Рис. со старинной гравюры. МТО — 27

ПАРИЖ

Аукцион картин в магазине «Au Bon Marché». Грав. «L'Illustration», 6 марта 1875 г.— 497
Итальянский бульвар. Грав. Анри Линтона с рис. Эдмона Морена.— Приложение к журналу «Le Monde Illustré», 5 июня 1858 г., № 60. ЛБ — 389
Набережная Д'Орсей. Цвет. литогр., 1850-е годы. ЛБ — 435
Панорама Парижа. Вид с крыши «Pavillon de Flore». Цвет. литогр., 1860-е годы. ЛБ — 397

ПЕТЕРБУРГ

Могила Тургенева на Волковом кладбище в Петербурге. Фото С. Л. Левицкого, 1885 г. ГЛМ — 697

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО

Спасское-Лутовиново. Картина маслом Н. К. Бодаревского, 1880-е годы. МРС — 17
План дома в Спасском-Лутовинове. Рис. М. А. Щепкина, 1914 г. ЦГАЛИ — 627
«Беседка Рудина» в парке. Фото В. С. Молчанова, 1963 г. ГЛМ — 23
Спасское-Лутовиново в этюдах Я. П. Полонского (масло)
Усыпальница И. И. Лутовинова, 1881 г.; Усадебный дом, 1881 г.; Часть террасы дома и «Серка», собака Тургенева, 1881 г.; Церковь и школа, 1881 г.; Поляна в парке, 1881 г. с дарств. надписью автора Тургеневу; Дорожка в парке, 1881 г.; Шалаш в парке, 1881 г.; Аллея в парке с фигурой Тургенева, 1881 г.; Поповский пруд, 1881 г.; «В ночном», 1881 г.; Село Спасское, 1881 г.; Аллея, ведущая к пруду в парке, 1882 г.; Варнавицкий колодец, 1882 г. ИРЛИ — 609, 611, 613, 614, 615, 617, 619, 621, 623, 625
Уголок парка, 1882 г.; Пруд Захара, 1881 г. МТО — 617, 620

XII. КАРИКАТУРЫ

Женская эмансипация, наэлектризованная романами «Накануне» и «Подводный камень». Сатирический отклик на романы Тургенева и М. В. Авдеева (изображены — Тургенев и Авдеев).— «Искра», 17 марта 1861 г., № 10 — 221
Тургенев — автор романа «Дым». Карикатура А. М. Волкова. Грав. из серии «1867 комический год».— «Искра», 23 апреля 1867 г., № 14—371
«Дым». Карикатурный роман А. Волкова и К°, живьем взятый из художественно-сатирического романа И. С. Тургенева. Начало «романа» (изображены — Тургенев и В. А. Соллогуб). Грав. с рис. А. М. Волкова. —«Искра», 3 марта 1868 г., № 8 — 89

«Леший». Грав. Ф. Фрейнда с рис. М. С. Знаменского из серии «Русско-славянский Олимп» (изображен Тургенев). — «Искра», 1 декабря 1868 г., № 46 — 373
«Отцы и дети». Карикатурный роман А. М. Волкова. Рис. и текст А. М. Волкова. Грав. Ф. Фрейнда.— «Искра», 7 и 21 апреля 1868 г., № 12 и 14 — 159, 575

* * *

Карикатура на А. Ф. Писемского, автора романа «Взбаламученное море». Грав. с рис. неизв. художника. Из серии «Сцены из комедий Островского».— «Искра», октябрь 1864 г., № 42 — 178
Карикатура на антинигилистические выступления в литературе. Сатирический отклик на романы В. П. Клюшникова, А. Ф. Писемского и Н. С. Лескова (Стебницкого), направленные против передового движения русской молодежи 1860-х гг. Грав. с рис. неизв. художника.— «1865 комический год. Карикатурный альбом. Приложение к „Искре" 1866 года (Предсказания „Искры" на 1865 год, удобные и для 1866 года)». СПб., 1865 — 179

XIII. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

Июньские дни 1848 года в Париже — В Тьюильрийском саду (у входа в подвал галереи, куда были брошены пленные повстанцы). Грав. неизв. художника; Обыск «подозрительных граждан». Грав. Э. Форе — «L'Illustration», 8 июля 1848 г.— 354, 355

XIV. БЫТ

«Женский труд». Офорт П. А. Брюллова, 1874 г. ГЛМ — 305

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Составила Е. М. Львова

Абаза Александр Аггеевич — 108, 125, 402
Абамелек Анна Давыдовна — см. Баратынская А. Д.
Абатуров Лев Федорович — 650
А‹ббади›, г-жа — 391
Абу Эдмон — 444, 499, 645, 659—661, 663—665, 700
Августа Мария Луиза, прусская королева — 587, 588
Авдеев Михаил Васильевич — 88, 95, 104, 141, 221, 416, 705, 706, 719
Авенариус Василий Петрович — 164, 168, 182, 189, 190, 197, 198, 227
Аверкиев Иван И.— 150
Авсеенко Василий Григорьевич — 115, 120, 126, 129, 130, 142, 145, 288, 304, 318
Агин Александр Алексеевич — 707, 708
Адамс (Эдамс) Чарлз Френсис, отец — 386 (?), 407
Адамс (Эдамс) Чарлз Френсис, сын — 386 (?), 407
Адан (рожд. Ламбер) Жюльетта — 531, 660
Адан Эдмон — 659
Адлерберг Владимир Федорович — 451
Адлерберг (рожд. Полтавцева) Екатерина Николаевна — 706
Адт Владимир Федорович — 219
Айзенштох Иеремия Яковлевич — 730, 733
Айхенвальд Юлий Исаевич — 736
Акимов Алексей Федорович — 560
Аккерман Луиза — 436, 440
Аксаков Иван Сергеевич — 70, 102, 172, 191, 438, 440, 680, 699
Аксаков Константин Сергеевич — 20, 41
Аксаков Сергей Тимофеевич — 41, 62, 70, 344, 424
Аксаковы, семья — 40
Ал. Б.— 115, 116, 142
Александр I — 185, 210, 213, 262, 350, 357, 405
Александр II — 49, 50, 60, 62, 74, 81, 88, 114, 218, 219, 228, 232, 233, 268, 318, 349, 357, 365—367, 372, 386, 404, 409, 435, 437—440, 451, 499, 546, 572, 647
Александр III — 223, 328, 330, 332—334, 427, 430, 439, 441, 478, 633, 650
Алексеев Михаил Павлович — 400, 401, 405, 408, 410, 411, 429, 500—502, 507, 535, 539, 589, 705, 726, 727, 752, 753
Алексеев Петр Алексеевич — 252, 253, 288, 304, 319
Алексеева Нина Владимировна — 244, 439
Алексей Александрович в. к.— 407
Алиньи де — 391
Алисов Петр Федосеевич — 114, 116, 118, 120, 123, 126—128, 141—144, 571—578
Альбединская Александра Сергеевна — см. Долгорукая А. С.
Альбединский Ипполит Петрович — 632
Альбединский Петр Павлович — 93
Альбертини Николай Викентьевич — 74, 76, 78, 80, 84—86, 94, 101—104, 233
Альгейер И. и Л., фотографы — 437
Альтшуллер Анатолий Яковлевич — 567
Альфонс XII, испанский король — 659, 664
Алябьев Александр Алексеевич — 500
Андерсон Шервуд — 507, 512
Андреев Николай — 536
Андреевский Иван Ефимович — 184, 185, 193
Анненков Павел Васильевич — 16, 19, 64, 65, 70, 105, 107, 108, 122, 126, 129, 133, 135, 137, 139, 140, 142, 144, 256, 276, 281, 283, 284, 321, 345, 360, 383, 404, 444, 449, 453, 460, 474, 478, 481, 484, 555, 556, 566, 568, 570, 642, 686, 705, 706, 719, 738, 744, 753
Ансильон Фридрих — 436, 439
Антокольский Марк Матвеевич — 391, 394, 409, 442, 446—449, 467, 469, 472, 475—477, 706
Антонов Василий Федорович — 244
Антонова Галина Николаевна — 67
Антонович Максим Алексеевич — 102, 104, 151, 166, 167, 574
Анц Илья — 561
Аништетт Мина — 706
Апрелева (рожд. Бларамберг; псевд. Е. Ардов) Елена Ивановна — 280, 295, 500, 706
Арапетов Иван Петрович — 372, 386, 388—390, 392, 394, 396, 404, 466
Аргамакова Олимпиада Васильевна — 256
Ардов Е.— см. Апрелева Е. И.
Аристов — 642
Аристотель — 402
Аркадакский (псевд. Д‹обренови›ч) Константин Васильевич — 644
Арконати, маркиз — 364, 402
Арле-Дюфур Густав — 370 (?), 378 (?), 403
Арле-Дюфур, г-жа — 370
Арним фон (рожд. Брентано) Беттина Елизабет — 25

Арним Гарри — 385, 407
Арно, гувернантка у Виардо — 399, 409
Арнодо Джованни Баттиста — 706
Арнольд, m-lle — 641
Арнольди (рожд. Свербеева) Варвара Дмитриевна — 394, 409
Арну Виктор — 696
Арсений, архимандрит — 680
Арсеньев Константин Константинович — 172, 176, 191, 192, 286, 288, 296, 304, 319, 732
Арто (по мужу Падилья) Маргарита Жозефина Дезире — 587, 706
Арч Джозеф — 384
Ауэрбах Бертольд — 197, 596, 706, 719, 729
Афанасьев Александр Николаевич — 555, 565, 568—570
Аффр Дени Огюст — 353, 358
Ахенбах Андрей — 454, 618 (?)
Ахенбах Освальд — 454, 618 (?)
Ахматова Елизавета Николаевна — 488

Б. У. Ф.— см. Икскюль-Фиккель Б.
Багрий Александр Васильевич — 732
Баддикем Вильям Б.— 369, 382, 403
Баддикем, жена В. Б. Баддикема — 369, 370, 382, 404
Баевский Вадим Соломонович — 730, 733
Баженов Александр Николаевич — 569, 570
Базен Франсуа Ашиль — 391, 408
Базилевский Б.— см. Богучарский В. Я.
Байков Федор Ильич — 628
Байрон Джордж Ноэль Гордон — 332, 460
Бакст Владимир Игнатьевич — 72, 76—78, 80, 81, 85, 102
Бакст Николай Игнатьевич — 85, 86, 102, 103
Бакст Осип Игнатьевич — 104
Бакунин Алексей Александрович — 706
Бакунин Михаил Александрович — 12, 41, 61, 62, 70, 71, 76, 110, 111, 117, 215, 216, 218, 232, 262, 288, 360, 512, 583, 590, 743, 744
Бакунина (рожд. Квятковская) Антония Ксаверьевна — 590
Бакунина Варвара Александровна — см. Дьякова В. А.
Бакунина Татьяна Александровна — 513, 739, 743
Бакушинский Анатолий Васильевич — 415, 418
Бакшевич Павел — 706
Балашов Захар Федорович — 606, 608, 610, 612, 620, 626, 628
Баллин Николай Петрович — 152, 154
Баллина (рожд. Рымаренко) Елена Степановна — 152, 154
Балмашев Степан Валерьянович — 632
Бальзак Оноре — 506, 693
Баранов Павел Трофимович — 346, 350, 358
Баранова (рожд. Васильчикова) Анна Алексеевна — 346, 351, 356, 358
Баранова Екатерина — 386
Баратынская (рожд. Абамелек) Анна Давыдовна — 517
Баратынский Евгений Абрамович — 48, 49, 488, 699
Бардина Софья Илларионовна — 315, 319
Барласс, г-жа — 370, 404
Барро (рожд. Дефосе) Агат — 392, 409
Барро Камилл Гиацинт Одилон — 363, 368, 370, 376, 378, 379, 403, 405, 407, 409
Барро Раймонд — 386 (?), 387, 398 (?), 407
Барро Рауль — 386 (?), 398 (?), 407
Барсуков Николай Платонович — 566
Бартенев Петр Иванович — 342, 358, 376, 406, 706
Бартли — 653
Барцевич Станислав Карлович — 391, 409
Барышев М., литограф — 343
Батби Ансельм Поликарп — 364, 367, 370, 401, 410
Батуринский (Маслов-Стокоз) Василий Павлович — 67, 408
Батюто Анатолий Иванович — 68, 69
Баумгартен Александр Павлович — 83
Бахман В., литограф — 573
Бегас Рейнгольд — 591
Беггров Александр Карлович — 449, 470, 478, 482
Беджот Вальтер — 369 (?), 403
Безант Вальтер — 506
Бейдеман Александр Егорович — 628
Бейдеман (Дубровин Н.) Михаил Степанович — 80, 81
Бекетов Андрей Николаевич — 331, 670, 673, 674, 678, 680
Бекман Яков Николаевич — 149, 154, 162
Белецкий Александр Иванович — 725—734
Белинская (рожд. Орлова) Мария Васильевна — 657
Белинский Виссарион Григорьевич — 14—16, 24, 25, 30—33, 41, 42, 50, 52, 64—66, 92, 164, 166, 186, 187, 193, 213, 215—217, 219, 220, 223, 226, 232, 233, 256, 265—267, 276, 351, 402, 453, 462, 518, 549, 550, 556, 566, 568, 572, 576, 577, 594, 602, 636, 639, 657, 680, 686, 687, 699, 728, 736, 737, 742—744, 747, 748, 753
Белоголовый Николай Андреевич — 459, 481, 639
Белопольский Юрий (Георгий) Федорович — 330, 331, 333
Белькинд — 332
Бельтов — см. Плеханов Г. В.
Бельчиков Николай Федорович — 67
Беляев Александр Николаевич — 551
Беляев Михаил Дмитриевич — 142
Беляева Маргарита Ильинична — 6
Бенедикт Юлиус — 706
Бенедиктов Владимир Григорьевич — 190, 343
Беннет Арнольд — 507, 524, 525
Бенни Артур — 225, 233
Бентовин Борис Ильич — 631
Беранже де, г-жа — 370
Берви-Флеровский Василий Васильевич— 317
Бергамаско Карл Иванович — 282, 283
Бердников Георгий Петрович — 567
Берже Филипп — 391 (?), 409
Бержера Эмиль (псевд. Жан Руж) — 424, 425, 430

Бержерон, фотограф — 487
Берков Павел Наумович — 748, 750
Бёрлин Исайя — 516, 537
Берлиоз Гектор — 500
Берн, г-жа — 370, 410
Берн, семья — 404
Бернар Клод — 359
Вертело Марселин — 690
Бертенсон Василий Бернардович — 431
Бертенсон Лев Бернардович — 430, 431, 677
Бертенсон Сергей — 516, 537
Бертран Эдуард — 364, 367, 390, 401
Беттина — см. Арним Б. Е.
Бетховен Людвиг — 25, 406, 459, 495, 713
Биконсфильд — см. Дизраэли Бенджамин
Бисмарк фон Отто Эдуард Леопольд — 173, 384, 385, 407, 433, 434, 499, 587, 603, 689, 690
Битюгова Инна Александровна — 22, 64, 65
Бичер-Стоу Гарриет Елизабет — 104, 268, 410, 506, 527, 528, 538, 539
Бланков Жан — 701
Бланш Жак Эмиль — 424
Бланшар Эдмон Теофиль — 478
Бларамберг Елена Ивановна — см. Апрелева Е. И.
Блок Морис — 370, 403
Блюм — 371
Блюммер Леонид Петрович — 104
Боборыкин Петр Дмитриевич —102, 168, 182, 190, 502, 654, 690, 691, 706
Бобринский Алексей Александрович — 680
Бобров Виктор Алексеевич — 482
Богаевская Ксения Петровна — 6, 208
Богданович-Лутовинова Варвара Николаевна — см. Житова В. Н.
Боголюбов Алексей Петрович — 6, 384, 389, 390, 394, 407, 426, 428, 430, 441—482, 622, 623, 629, 636, 639, 640, 642, 645, 646, 663, 664, 709
Боголюбов Николай Алексеевич — 477
Боголюбов Николай Петрович — 460, 478
Боголюбов Петр Гаврилович — 441
Боголюбова Надежда Павловна — 442, 460, 477
Боголюбова (рожд. Радищева) Фекла Александровна — 441, 442, 462, 477
Богословский Николай Вениаминович — 13, 64
Боград Владимир Эммануилович — 67
Богучарский (Яковлев; псевд. Б. Базилевский) Василий Яковлевич — 317
Богушевич Юрий Михайлович — 190
Бодаев Венедикт Арсеньевич — 334
Бодаревский Николай Корнильевич — 17, 448
Боде Вильгельм — 424
Боденштедт Фридрих — 581, 582, 584, 589—592, 709, 719
Бодиско Василий Константинович — 11
Бойесен Хьялмар Хьерд — 67, 506, 709
Боклевский Петр Михайлович — 187, 224, 225
Бокль Генри Томас — 572
Больё Анри, г-жа — 500
Большев Андрей Александрович — 330
Бон, семья — 411, 412
Бонетти Огюстен — 370 (?), 404
Бонецкий Константин Иосифович — 68, 128, 141, 144
Бонлье — 396
Бонмер Жозеф Эжен — 367 (?), 369 (?), 370 (?), 402
Бонмер Лионель — 367 (?), 369 (?), 370 (?), 402
Бонмер, г-жа — 370
Бонна Леон — 449
Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич — 17, 65
Боншоз де Франсуа Поль Эмиль — 364, 367, 369, 374, 401
Боншоз, жена Ф.-П.-Э. Боншоза — 364, 367
Боньер Робер — 660
Борзяков Г.— 334
Борисов Иван Петрович — 86, 402, 499
Боровой Саул Яковлевич — 433
Бородин Александр Порфирьевич — 500
Бортнянский Дмитрий Степанович — 392, 409
Боткин Василий Петрович — 13, 14, 16, 17, 25, 29, 30, 38, 40, 46, 63—66, 70, 218, 346, 349, 357, 360, 364—367, 552, 554—556, 566, 738, 744, 753
Боткин Сергей Петрович — 441, 594
Боткина-Третьякова Александра Павловна — 416, 418, 628
Браве, г-жа — 410
Бравич Александр — 632
Брайнер Сирил — 508, 524, 536, 538
Брамс Иоганн — 405
Брандес Георг — 498, 502, 545, 548
Брандт Роман Федорович — 324, 325
Браун Оскар — 501
Браунинг Роберт — 506
Бреа Жан Батист Фидель — 353, 358
Брет Гарт Френсис — 418
Бродский Николай Леонтьевич — 13, 29, 64, 66, 68, 70, 726, 733, 735—744, 753
Бродянская Нина — 522, 538
Брож Карл Осипович — 661, 675
Брока Поль — 381, 406
Бруардель Поль Камилл Ипполит — 642
Брустер Дороти — 523, 538
Брюллов Карл Павлович — 281
Брюллов Павел Александрович — 281, 295, 305, 468
Брюллова (рожд. Кавелина) Софья Константиновна — 6, 106, 128, 141, 277—320
Брюэр Гастон — 370, 403, 404
Брюэр Жанна — 382, 406
Брюэр Полина Ивановна — см. Тургенева П. И.
Брюэр, семья Г. Брюэра — 370, 382
Буанорман де — см. Боншоз де Франсуа
Буданова Нина Федотовна — 277
Буква — см. Василевский И. Ф.
Буланже Густав Родольф — 423, 424
Булгаков Федор Ильич — 629
Булгаков, капитан — 349, 350
Булгарин Фаддей Венедиктович — 407
Булич (псевд. Н. К — ский) Николай Никитич — 68
Бурдин Федор Михайлович — 321, 449
Буренин (псевд. Тор) Виктор Петрович — 116, 122, 126, 130, 132, 143, 256, 728

Бурже Поль — 450, 700, 701
Бурсов Борис Иванович — 64
Бурцев Владимир Львович — 233, 256
Бутейр, семья — 370
Бухгейм Лев Эдуардович — 744
Бухтеев Михаил Андреевич — 653
Бухштаб Борис Яковлевич — 233
Буш Владимир Владимирович — 141
Бушмин Алексей Сергеевич — 705
Былинкин Е.— см. Порецкий А. И.
Бычков Афанасий Федорович — 472
Бюлоз Франсуа — 409, 701, 709
Бюлоз Шарль — 391, 409, 701
Бюхнер Людвиг — 161, 162, 572
Бялый Григорий Абрамович — 65, 93, 105, 115, 120, 128, 142—144, 290, 296, 408, 523, 752

В. М.— см. Марков В. В.
В. П.— 567
Вл. Ч.— см. Чуйко В. В.
Вагнер Николай Петрович — 709
Вагнер Рихард — 427, 430
Вакери Огюст — 408
Ваккез, фотограф — 153
Ваксель Лев Николаевич — 424
Ваксель Платон Львович — 424, 429, 430
Валентин Вейт — 405
Валет Клод Дени Огюст — 381, 406
Валуев Петр Александрович — 108, 125, 316, 318, 319, 709
Варзар Василий Егорович — 206
Василевский (псевд. Буква) Ипполит Федорович — 637
Васильев Василий Михайлович — 736
Васильев Дмитрий Васильевич — 330, 463—465, 470, 639, 640, 644—646, 659, 660
Васильев Петр Петрович — 709, 714, 719
Васильчиков Александр Алексеевич — 342, 587
Васильчиков Александр Илларионович — 343, 358
Васильчиков Алексей Васильевич — 342
Васильчиков Василий Алексеевич — 342
Васильчиков Петр Алексеевич — 6, 342—358
Васильчикова (рожд. Архарова) Александра Ивановна — 342, 357
Васильчиковы, семья — 343, 344, 346, 357
Васнецов Виктор Михайлович — 449
Вебер Е.— 374, 405
Вегвари Лайош — 479
Вейерман К., гравер — 478
Вейлен Йозеф — 709
Вейнберг Петр Исаевич — 686
Вейнерт, студент — 103
Велепольский Александр — см. Виелопольский А. И. И.
Венгеров Семен Афанасьевич — 143, 256, 257, 276, 605, 719, 728, 745, 750
Венгерова Зинаида Афанасьевна — 256—258
Веневитинов Алексей Владимирович — 343
Веневитинов Дмитрий Владимирович — 343
Веневитинова (рожд. Виельгорская) Аполлинария Михайловна — 343
Веневитиновы, семья — 344, 346, 350
Венюков Михаил Иванович — 329, 330, 333, 664
Венявский Генрик — 322
Верде — 364, 367
Верейский Георгий Семенович — 424
Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич — 735
Веретенников Н. П., владелец отеля — 709
Верещагин Василий Васильевич — 253, 449, 478, 642, 645, 646, 719
Верещагин Николай Васильевич — 251, 253
Веронезе Паоло Кальяри — 452
Верстовский Алексей Николаевич — 500, 561
Веселитский-Божидарович Гавриил Сергеевич — 78, 80, 82, 84, 86, 94, 103
Веселовский Николай Иванович — 400
Виардо Клоди — см. Шамро К.
Виардо Луи — 392, 399, 411, 425, 426, 429, 430, 453, 459, 460, 463, 475, 479, 485, 489—499, 536, 581, 587, 590, 620, 690
Виардо Луиза — см. Эритт де ля тур Л.
Виардо Марианна — см. Дювернуа М.
Виардо (рожд. Гарсиа) Мишель Фернанда Полина — 104, 108, 267, 276, 279, 322, 337, 342, 345, 358, 372, 377, 378, 382, 385—387, 390, 399, 405—407, 425—427, 429, 431, 442, 444, 446, 449, 450, 453, 459, 460, 462—464, 466—468, 470—476, 478, 479, 481, 482, 485, 489—499, 511, 513, 516, 536, 537, 540, 546, 552, 562—564, 567, 579—584, 586—588, 590—592, 622—624, 639—645, 657, 668, 673, 674, 690, 700, 709
Виардо Поль — 460, 481, 618, 622, 624, 640, 642
Виардо, семья — 6, 249, 387, 388, 390, 409, 413, 459, 461, 467, 470, 472, 473, 479, 489—499, 580, 583, 584, 590, 620, 622, 640, 643—645, 669, 674
Виарис, семья — 367, 370, 402, 410, 411,
Вигонь Гаэтан — 376, 382, 387, 388, 391, 396, 399, 410
Вигонь (рожд. Виарис) Софи (Тато) — 369, 370, 380, 382, 385, 387, 391, 394—396, 401
Вигонь, семья — 364, 367, 370, 382, 388, 401, 411
Видерт Август Федорович (Фридрихович) — 589
Виелопольский (Велепольский) Александр Игнатий Иоанн — 368, 403
Виельгорский Матвей Юрьевич — 342, 556
Виельгорский Михаил Юрьевич — 342, 343, 349, 350, 353, 357
Виельгорские, семья — 344—346, 348, 349, 355—357
Викерс Семи — 388
Виктория Аделаида Мария Луиза, кронпринцесса прусская — 372, 405
Виктория Александрина, королева Великобритании — 505
Викторов Петр Петрович — 244, 434, 439
Виллие Михаил Яковлевич — 424
Вилло (рожд. Барбье) Паулина — 428, 431

Вилло Фредерик — 424, 428, 431
Вильгельм I — 173, 191, 485, 587
Вильгельм II — 433
Вильсон Эдмунд — 514, 515, 524, 536
Винер Лео — 534, 539
Винникова Ида Андреевна — 68, 101
Виноградов Виктор Владимирович — 728, 733
Винчи да Леонардо — 423, 424
Вио-Бонато, врач — 364, 370, 401
Витберг Федор Александрович — 629
Вишняков Николай Петрович — 416
Владимир Александрович в. к.— 458, 480
Владимиров Николай Львович — 76, 80, 82—84, 86, 103
Владиславлев Михаил Иванович — 186, 193
Вогюэ де Эжен Мельхиор — 271, 276, 417, 418, 429, 432, 526, 529, 688, 700, 701
Воднева Галина Эрнестовна — 567
Воейков А. — 78
Воейков Дмитрий Иванович — 72, 78, 101
Вознесенский А.— 732
Войнаральский Порфирий Иванович — 119
Волзовский М. Л.— 86, 104
Волк Степан Степанович — 328
Волков Адриан Мартынович — 89, 159, 371, 575
Волконский Михаил Сергеевич — 709
Волконский Петр Михайлович — 349
Волоколамский О.— см. Пятковский А. П.
Вольтер Франсуа Мари — 270, 385, 404
Вольф, агентство — 680
Вольфзон Вильгельм — 590
Вормс Николай Александрович — 95
Воробьева Ольга Борисовна — 244
Воронцов Михаил Семенович — 350
Воропанова Марианна Ивановна — 535
Востряков Борис Дмитриевич — 604
Вревская (рожд. Варпаховская) Юлия Петровна — 408, 719
Вронченко Михаил Павлович — 232, 739, 743
Вульф Вирджиния — 507, 509, 524, 536
Вусов, друг Л. Пича — 586, 590
Вучетич Илийа — 530, 719
Вшивцов Александр Дмитриевич — 709
Вырубов Григорий Николаевич — 94, 104, 231 (?), 233, 407, 444, 456, 640, 659, 661, 709
Вяземский Петр Андреевич — 107, 190, 343, 349, 357, 359, 400
Вяземские — 357

Г. Г. П.— см. Перетц Г. Г.
Г — в, корреспондент «Новостей и Биржевой газеты» — 682
Габбиани Антонио Доменико — 423
Габель Маргарита Орестовна — 5, 9, 69, 151, 232, 733, 734
Гаварни Поль — 488, 501
Гагарин Григорий Григорьевич — 628
Гагарин Иван Сергеевич — 372, 376, 384—387, 390, 405, 408
Гаевский Виктор Павлович — 325, 328, 329, 333, 657, 699
Гайдебуров Павел Александрович — 281, 295, 640, 645
Галаховы, семья — 628
Галина Анна, учительница — 612
Галкин Николай Владимирович — 322
Галкин-Врасский Михаил Николаевич — 480
Гальперин-Каминский Илья Давыдович — 483, 484, 754
Гамбетта Леон — 378, 406
Гамильтон Юнис — 526, 538
Гамильтон, герцогиня — см. Мария Амалия
Ган (рожд. Фадеева) Елена Андреевна — 731, 739
Гандиль, семья — 376, 386
Ганжулевич Таисия Яковлевна — 729
Ганьер Жюст Шарль Владимир — 370, 403, 404
Ганьер (рожд. Миньро) Луиза — 370, 404
Гарибальди Джузеппе — 69, 225, 484, 637
Гаркави Александр Миронович — 67
Гарланд Хэмлин — 507, 527, 538
Гарнет Констанция — 258, 506, 507, 525, 535, 536, 541
Гарнет Эдуард — 258, 525, 541
Гаррис Френк — 509, 536
Гарсиа Мануэль Патрисио Родригес — 77, 587
Гартман Мориц — 591, 709
Гартман Эрнст — 437
Гаршин Всеволод Михайлович — 140, 146, 594, 612, 614, 628, 683
Гаршин Евгений Михайлович — 629
Гаршина (рожд. Акимова) Екатерина Степановна — 140
Гатен Эжен — 376, 405
Гатцук Алексей Алексеевич — 664, 669, 680
Гафиз — 373, 405
Ге Зоя Григорьевна — 449, 478
Ге Мария Григорьевна — 449, 478
Ге Николай Николаевич — 109, 478
Ге, племянница художника — 449, 478
Гегель Георг Вильгельм Фридрих — 9, 13, 20, 34, 42, 486, 513, 571
Гедеонов Александр Михайлович — 556, 561
Гедеонов Степан Александрович — 709
Гедуэн Эдмон Пьер Александр — 709, 718
Гейзе Пауль — 416
Гейне Генрих — 495, 572, 693
Гейне, знакомый семьи Н. И. Тургенева — 391
Гейнрих Л., гравер — 438
Гельмгольц (рожд. Моль) Анна — 379, 390, 406
Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд — 406
Генкель Василий Егорович — 191
Генрих IV — 281
Герасим, архимандрит — 672
Гербель Николай Васильевич — 710
Герберт Джон Роджерс — 391 (?), 408
Гербет Эмиль — 376, 405
Гервег Георг — 345, 346, 353—355
Гервег Горас — 353—355
Гервег (рожд. Зигмунд) Эмма — 353
Гервинус Георг Гофрид — 572
Герцен Жан Шарль — 367 (?), 402
Герцен Александр Александрович — 83, 103, 719

Герцен (псевд. Искандер) Александр Иванович — 5, 10, 16, 25, 30—33, 37, 38, 40, 45, 50—52, 54, 56, 58—61, 63—65, 67, 68, 70—74, 76—80, 82—87, 89—92, 94—98, 100—103, 105, 110, 112, 120, 143, 149, 160, 162, 196, 213—218, 223, 224, 228, 232—234, 263, 323, 343, 346, 348, 351, 356—358, 360, 405, 416, 439, 484, 486—488, 496, 498, 502, 518, 519, 552, 556, 565, 566, 568, 572, 577, 583, 662, 686, 696, 734, 741, 753
Герцен (рожд. Захарьина) Наталья Александровна — 739
Герцен Наталья Александровна, дочь — 83, 95, 323, 642, 710
Герцен (по мужу Моно) Ольга Александровна — 83
Герцен, семья — 81
Гершензон Михаил Осипович — 727
Гершкович Гарри — 517, 537
Герье Владимир Иванович — 78, 80, 88, 97, 102, 104, 105
Гёте Иоганн Вольфганг — 25, 55, 128, 168, 216, 400, 411, 436, 439, 460, 492, 501, 513, 538, 581, 582, 585, 586, 589—591, 594, 610, 732, 738, 739, 743
Гетман Ройал — 512, 523, 524, 534—537
Гетцель Пьер Жюль — см. Этцель П. Ж.
Гижицкий Евгений Казимирович — 104
Гизетти Александр Алексеевич — 291
Гизо Франсуа Пьер Гильом — 498
Гиймо Морис — 689, 701
Гийом Жан Батист Клод Эжен — 391, 409
Гиленсон Борис Александрович — 536—538
Гиллельсон Максим Исаакович — 400
Гинзбург Михаил — 516, 537
Гинтовт-Дзевалтовский Владимир Францевич — 244
Гинцбург Гораций Осипович — 451, 462, 466, 469, 476, 479, 481, 532, 539, 622, 645, 659
Гинцбург, семья Г. О. Гинцбурга — 451, 479, 532
Гиро Эрнест — 406
Гисласон Б.— 545, 548
Гиссинг Джордж — 507, 524
Гитлиц Елизавета Абрамовна — 480
Гиффорд Генри — 514, 519, 536, 537
Гладстон Джоун М.— 534, 539
Глазунов Иван Ильич — 428, 431, 462, 466, 639, 646—648, 650, 651, 657, 727
Глазунов Михаил Константинович — 432
Глинка Михаил Иванович — 416, 418, 500, 700, 720
Глинский Борис Борисович — 699, 700
Глюк Кристоф Валибальд — 377, 406, 490, 495, 500, 581, 590
Го Эдмон Франсуа Жюль — 494, 501
Гогенлоэ-Шиллингфюрст Хлодвиг — 433—440
Гоголь Николай Васильевич — 15, 16, 18, 30, 34, 42, 50, 98, 145, 166, 210, 217, 220, 222, 223, 226, 228, 233, 250, 256, 265, 266, 271, 277, 310, 311, 342—344, 349, 350, 356—358, 362, 400, 407, 411, 429, 487, 498, 500, 505, 518, 549—553, 556, 558, 564—568, 574, 589, 628, 686, 693, 700, 728, 733, 737, 746, 747, 750
Годунов Борис Федорович — 411
Гой Э. Д.— 530, 539
Гойен ван — 453
Гойя Франсиско де — 436
Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич — 710
Голицын Августин Петрович — 372, 382, 405, 406
Голицын Александр Николаевич — 349, 350, 357
Голицына (рожд. де ла Рош-Аймон) Луиза — 382, 406
Голицыны, семья А. П. Голицына — 382
Голланд Гийом Луи — 367 (?), 378 (?), 379 (?), 402
Голланд, жена Г. Л. Голланда (?) — 367, 378, 379
Головачева-Панаева Авдотья Яковлевна — см. Панаева А. Я.
Головнин Александр Васильевич — 141, 439, 710, 720
Голсуорси Джон — 507, 524, 525, 535
Голт Генри — 532
Гольцев Виктор Александрович — 600, 604
Гомер — 48, 712
Гонкур Жюль — 488, 493, 494, 501, 502, 738
Гонкур Эдмон — 424, 488, 493, 494, 501, 502, 645, 710, 738
Гончаров Иван Александрович — 40, 43, 46, 51, 68, 127, 164, 168, 170, 187—191, 193, 210, 221, 222, 227, 310, 311, 314, 511—513, 518, 574, 654, 686, 744, 747
Гончарова Вера Сергеевна (?) — 391
Гордон Артур Гамильтон — 383, 407
Гордон, семья — 383
Горохова Ранса Михайловна — 412
Горчаков Александр Михайлович — 368, 385, 403
Горчаков Владимир Николаевич — 710
Горький Алексей Максимович — 43, 67, 525, 735
Готорн Натаниэл — 61—63
Готье Теофиль — 430, 488, 501
Гоуэлс Вильям Дин — 506, 507, 523, 524, 527, 531, 535, 538, 710
Гофман Эрнст Теодор Амадей — 25
Грабарь Игорь Эммануилович — 628
Градовский Александр Дмитриевич — 193
Гракхи Тиберий и Гай — 281
Гранжар Анри — 510, 536, 731, 734
Грановский Тимофей Николаевич — 25, 30—33, 35, 185, 215, 216, 232, 262, 337, 346, 568, 686
Гревиль, г-жа — 660
Гревс Иван Михайлович — 295
Грейг Самуил Алексеевич — 435, 439, 440
Греков Петр Николаевич — 554, 555
Грекур де — 646
Грессер Петр Аполлонович — 328, 331, 334, 658, 670, 672, 680, 682
Греч Е. А.— 79
Грибовская Наталья Александровна — см. Островская Н. А.
Грибовский Петр Михайлович — 357, 418, 710
Грибоедов Александр Сергеевич — 173, 191, 314, 510, 552, 566
Григорович Дмитрий Васильевич — 16,

47, 266, 268, 269, 343, 357, 472, 473, 596, 628, 654, 657, 674—678, 680, 686, 729
Григорьев Алексей Львович — 537
Григорьев Аполлон Александрович — 17, 18, 30, 66, 256, 564, 567
Григорьев Василий Васильевич — 184—186, 193
Гридина О.— 535
Гриц Теодор Соломонович—549, 568—570
Громме Василий Тильманович — 449
Гроньяр Габриэль — 376, 378, 379, 405, 406
Гроссман Леонид Петрович — 726, 729
Грот Николай Яковлевич — 604
Грот Яков Карлович — 567
Груздинь Артемий Михайлович — вклейка между 4—5 стр.
Грузинский Алексей Евгеньевич — 319, 743
Губернатис де Анджело — 695, 701
Гуно Шарль — 488, 490, 500
Гуревич (по мужу Ромм) Софья Исаевна — 500
Гуревич Яков Григорьевич — 279
Гутьяр Николай Михайлович — 535, 727
Гюбло — 395
Гюбнер Юлий Юльевич — 150, 154
Гюго Виктор — 387, 388, 408, 429, 436, 439, 488, 492, 493, 501, 502, 637, 686, 690, 695
Гюго Франсуа — 408
Гюго Шарль — 408

Д. С.— 568
Давид Фердинанд — 424
Давидович Мария Григорьевна — 733
Давыдов Владимир Николаевич (Иван Николаевич Горелов) — 686
Дайси Альберт — 380 (?), 406
Дайси, жена А. Дайси (?) — 383
Данелиа Сергей Иосифович — 65
Данилевский Ростислав Юрьевич — 592
Данилов Владимир Валерьянович — 41, 64, 66
Данте Алигьери — 460
Дантон Жорж Жак — 175, 192, 484
Дараган Михаил Иванович — 68
Дараган Петр Михайлович — 710
Дарвин Чарлз — 320, 594, 688
Даргомыжский Александр Сергеевич — 500
Дау Джордж — 356, 358
Даумер Георг Фридрих — 373, 405
Дебур Мария Дмитриевна — 140
Дебутен де Рошфор Марселин — 424
Деви Дональд — 524, 525, 536, 538
Дежарден, г-жа — 392
Дейч Лев Григорьевич — 119, 123, 127, 140, 142—144, 146
Декан Александр Габриэль — 454
Декен Жозеф — 388, 408
Делаво Анри Ипполит — 410, 412, 590
Делакруа Виктор Эжен — 431
Делейни Консолата — 522, 523, 538
Делессер Александр Анри Эдуард — 710
Делессер (рожд. де Лябор) Валентина — 710
Делиль Леопольд — 359
Делорье Бенин Клод — 550
Дельвиг Антон Антонович — 657
Делянов Иван Давидович — 332
Де-Мезер, фотограф — 330
Демерт (псевд. Н. Кушников) Николай Александрович — 174, 191, 192
Демидов Александр Григорьевич — 339 (?), 341
Демидов Анатолий Николаевич, кн. Сан Донато — 430
Демидов Павел Николаевич — 339 (?), 341
Демидова Аврора Карловна — см. Шернваль А. К.
Демулен Камиль — 484
Демулен Люсиль — 484
Деньер Андрей (Генрих) Иванович — 573
Депре Луи — 483—485, 488
Державин Гавриил Романович — 700
Дермот Мак — см. Мак-Дермот
Дерулед Поль — 493, 501, 689, 690
Дефей, учитель — 376, 379, 405
Дехтерев Владимир Гаврилович — 319
Джеймс Генри, отец — 720
Джеймс Генри, сын — 391, 408, 506, 507, 517—519, 523, 524, 526, 531, 535, 537—539, 710
Джеррольд Сидней — 507
Джонсон Сэмуэль — 512
Джотто — 424
Дидэ Франсуа — 628, 629
Дизраэли Бенджамин (Биконсфильд) — 506
Диккенс Чарлз — 107, 198, 460, 485, 501, 505, 506, 510, 532, 533, 539, 688, 691
Дилк Чарлз Уэнтворт — 195, 694, 710
Дилк Эштон (Ashton) Уэнтворт — 196, 535
Динесман Татьяна Георгиевна — 6, 755
Дитцель, издатель — 90
Дмитриев-Кавказский Лев Евграфович — 449
Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич — 442, 445, 449, 450, 478, 702, 710
Дмоховская Ирина Владимировна — 545
Добиньи Шарль Франсуа — 450, 453, 454, 479
Добровольский Лев Михайлович — 192
Добровольский Николай Флорианович — 449
Добролюбов Николай Александрович — 12, 16, 28, 34, 40, 45, 49—51, 56, 57, 60, 63—65, 67—69, 97, 100, 105, 141, 149, 151, 162, 166, 186, 187, 192, 217, 220—223, 226, 228, 232, 256, 505, 512, 572, 574, 576, 577, 596, 657, 687, 736, 741, 753
Добсон, англ. журналист — 655
Добужинский Мстислав Валерьянович — 559, 569
Доде Альфонс — 436, 481, 488, 493, 501, 502, 659, 688
Доде Эрнст — 660
Доде, семья — 493, 501
Долгорукая (по мужу Альбединская Александра Сергеевна — 93, 96
Долгоруков Петр Владимирович — 104, 516
Долгушин Александр Васильевич — 288, 299, 304

Доливо-Добровольский Иосиф Флорович — 449, 710
Долотова Лира Михайловна — 337, 342
Домонтович Иван Иванович — 658
Доницетти Гаэтано — 355, 358
Донн Вильям Бодхем — 295
Доре Густав — 587
Дорофеев Виктор Петрович — 753
Достоевский Федор Михайлович — 67, 74, 101, 126, 140, 144, 193, 198, 223, 228, 250, 264, 266, 413, 432, 489, 496, 508, 512, 513, 516, 519, 521, 523—526, 528, 533, 536, 539, 540, 543, 550, 572, 633, 638, 671, 680, 686, 698, 701, 728, 733
Драгоманов Михаил Петрович — 103, 122, 144, 234, 242, 255, 264, 276, 285, 298, 315, 316, 318, 710
Дрейфус Авраам — 659
Дрепер Джон Вильям — 572
Дризен Николай Васильевич — 566, 632
Дружинин Александр Васильевич — 13, 15—18, 23, 48, 64—67, 69, 557
Дубельт Леонтий Васильевич — 350, 556
Дубовиков Алексей Николаевич — 6, 194, 234, 700
Дубровин Н.— см. Бейдеман М. С.
Дубровин Николай Федорович — 359
Дуглас Робер Кенн — 367, 402
Дуглас, жена Р. К. Дугласа (?) — 370
Дудышкин Степан Семенович — 46—49, 67, 68
Думнов Владимир Васильевич — 710, 715, 744
Дунаева Елена Николаевна — 141, 571
Дунбар Виола — 526, 538, 539
Дурылин Сергей Николаевич — 400
Дьедоне, актер — 640, 659
Дьяков Николай Николаевич — 364 (?), 401
Дьякова (рожд. Бакунина) Варвара Александровна — 401
Дюберне — 388
Дювернуа Альфонс — 462, 465, 466, 481, 639, 642, 668, 673
Дювернуа (рожд. Виардо) Марианна — 460, 481, 640, 642
Дювернуа Эдмон — 660
Дюжарден Эдвард — 428, 431
Дюкан Максим — 485, 488
Дюлу Александрина — 710
Дюлу Жюль — 370, 403
Дюма Александр, отец — 436, 690
Дюма Александр, сын — 424, 428, 431
Дюпон Эрнест — 526, 529
Дюпон-Уайт Шарль Врук — 370, 372, 374, 404
Дюран Гревиль Эмиль — 688, 689, 710

Евгеньев-Максимов Вячеслав Евгеньевич — 13, 67, 233
Егоров Борис Федорович — 68
Егоров Петр Иванович — 449
Екатерина II — 281, 350, 358, 539
Елена Павловна в. к.— 366, 402
Елисеев Григорий Захарович — 190, 640
Елистратова Анна Аркадьевна — 535, 538
Ермолова Мария Николаевна — 654, 736
Есипова Анна Николаевна — 322, 407
Ефимова Евгения Михайловна — 141
Ефимова Зинаида Сергеевна — 733

Жаке Гюстав Жан — 423, 425, 429
Жанна д'Арк — 429
Жанро Жорж — 369, 382, 403
Жанро, жена Ж. Жанро — 370, 395, 396
Жанрон Филипп Огюст — 364, 376, 401
Жанрон, жена Ф. О. Жанрона — 364
Жантиева Диляра Гиреевна — 535, 538
Жантон Иштван — 479
Жданов Семен Романович — 151
Желябов Андрей Иванович — 228
Жемчужников Алексей Михайлович — 142, 328, 710, 720
Жемчужников Николай Михайлович — 108
Жером Бонапарт — 430
Жером Леон — 449
Живокини Василий Игнатьевич — 560—562, 736
Жилло Карл — 426, 430
Жилло Фирмин — 426
Житова (рожд. Богданович-Лутовинова) Варвара Николаевна — 256, 258, 276, 514, 537, 738
Жоанн Адольф Лоран — 370, 404
Жоанн, семья — 370
Жуи де Виктор Жозеф Этьен — 385, 407
Жукова Мария Семеновна — 731
Жуковская (по мужу Верман) Анна Васильевна — 384, 407
Жуковский Василий Андреевич — 208, 342, 357, 358, 405, 429, 488, 658
Жуковский Павел Васильевич — 384, 385, 389, 390, 407, 408, 425, 427, 429, 430, 436, 439, 450, 711, 714, 738, 744
Жуковский Юлий Галактионович — 191

Забелин Иван Егорович — 720
Заборова Роза Борисовна — 423, 425
Завадский Петр Васильевич — 160
Загуляев Михаил Андреевич — 701
Заичневский Петр Григорьевич — 232, 233
Зайцев Варфоломей Александрович — 104, 572, 577, 578
Зайцева Валентина Васильевна — 750, 751
Заславский Давид Осипович — 103
Засодимский Павел Владимирович — 599
Засулич Вера Ивановна — 572
Заурядный читатель — см. Скабичевский А. М.
Захар — см. Балашов З. Ф.
Захер-Мазох Леопольд — 711
Зедельмейер, владелец картинной галереи — 453, 479
Зельдхейи Жужанна — 701
Земляковская А. А.— 141, 145
Зильберштейн Аркадий Львович — 333
Зильберштейн Илья Самойлович — 6, 232, 403, 409, 415, 423, 429, 440, 477—479, 629
Златовратский Николай Николаевич — 140
Злотникова Ида Давыдовна — 719
Знаменский Михаил Степанович — 373
Золотарев Иван Федорович — 394, 409
Золотилова (по мужу Гаршина) Надежда Михайловна — 612, 614
Золотницкий Иван Петрович — 711
Золя Эмиль — 197, 259, 276, 407, 424,

431, 450, 484, 488, 493, 501, 659, 660, 691, 746, 747
Зотов Владимир Рафаилович — 68, 548
Зотов Рафаил Михайлович — 557, 567
Зубов Платон Александрович — 387
Зубчанинов Александр Иванович — 91

Иван IV Грозный — 391, 409
Иван Калита — 603
Иванов Александр Андреевич — 444, 452—454, 479
Иванов Иван Иванович — 116, 141, 143, 727
Иванов Иван Иванович, студент — 117
Иванова (по мужу Калугина) Евдокия (Авдотья) Ермолаевна — 494, 502
Ивков Владимир Васильевич — 149
Идельсон Розалия Христофоровна — 322, 324, 331 (?)
Измайлов Александр Алексеевич — 630
Измайлов Николай Васильевич — 64, 402, 405, 705, 738, 752
Икскюль-Фиккель Бернгард — 86, 103, 404
Иловайский Дмитрий Иванович — 192, 672
Ильенко Евгений Михайлович — 152
Ильин В., орловский журналист — 700
Ильинская, ученица П. Виардо — 460
Иннис Мари — 363, 364, 367, 369, 370, 382, 394, 401
Иор С.— 412
Исаченко Г. В.— 101
Исеев Петр Федорович — 458, 477, 480
Искандер — см. Герцен А. И.
Истомин Константин Константинович — 728
Истрин Василий Михайлович — 359
Ишутин Николай Андреевич — 110

К—ский Н.— см. Булич Н. Н.
Кабе — 660
Кабюше, семья — 391
Кавелин Константин Дмитриевич — 6, 40, 128, 133, 141, 145, 193, 277—279, 281, 283—286, 294—296, 316, 318, 320, 366, 466, 686
Кавелина (рожд. Корш) Антонина Федоровна — 277
Кавелина Евгения Павловна — 276
Кавелина Софья Константиновна — см. Брюллова С. К.
Кавелины, семья — 278
Кавеньяк (Каваньяк) Луи Эжен — 345, 352, 356
Кавур Камилло Бензо ди — 166, 187, 226
Каган Моисей Соломонович — 64
Кайсаров Андрей Сергеевич — 400
Кайслер Леопольд — 711
Калам Александр — 616, 618, 628, 629
Кампореале (по мужу Бюлов) Марианна — 430
Кант Иммануил — 172, 571
Капнист Павел Алексеевич — 80, 81, 85, 466
Капплер Ричард Джордж — 528, 539
Караваджо (Меризи) Микельанджело — 424
Каракозов Дмитрий Владимирович — 80, 81, 88, 110, 164, 228, 233, 370, 404, 458
Карамзин Николай Михайлович — 342, 700
Карамзина Аврора Карловна — см. Шернваль А. К.
Карамзины, семья — 358
Каратеев Василий Владимирович — 54, 68, 276
Каратыгин Петр Андреевич — 557, 560
Каргилл Оскар — 526, 538
Карл X — 16
Карл Александр, герцог Веймарский — 711
Карлгоф (рожд. Ошанина) Елизавета Алексеевна — 344
Карлейль Томас — 506
Кармонтель Луи — 729
Карпович Михаил Михайлович — 539
Карраччи Аннибале — 423
Карташевская (рожд. Макарова) Варвара Яковлевна — 711
Картер А. Е.— 516, 517, 537
Картер, m-lle — 410
Картье — 390
Карцов Андрей Николаевич — 463, 470, 639, 659, 700
Касаткин Виктор Иванович — 90, 104
Каспин Альберт — 528, 538
Кастеллар Эмилио — 173, 191
Катков Михаил Никифорович — 40, 80, 85, 94, 95, 102, 110, 114, 126, 142, 145, 164, 168, 190, 192, 197, 198, 203, 217, 223, 227, 228, 237, 248, 306, 332, 334, 372, 419, 422, 638, 649, 656, 680, 686, 699, 700, 738, 741
Катранов Николай Дмитриевич — 276
Катрефаж де Бро Жан Луи Арман — 394, 409, 413
Катулл Кай Валерий — 531
Кафка Франц — 530, 539
Каффиери Джиакомо — 494, 501
Кашперов Владимир Никитич — 415—420, 422, 720
Кашперов Николай Александрович — 632
Кашперова Адель (Аделаида) Николаевна — 415, 416, 418, 419, 422
Кашперовы, семья — 416, 418, 419, 422
Каширев Василий Владимирович — 193
Кашеев Константин Герасимович — 119, 138, 139
Кейзин Альфред — 520, 537, 538
Кельсиев Василий Иванович — 88, 96, 100, 101, 105, 233
Кеминг — 383
Кемпбелл, врач — 363, 369, 401
Кетчер Николай Христофорович — 66, 549, 738
Кийко Евгения Ивановна — 41, 66, 101, 105
Кине Эдгар — 572
Киренс Софи — 382, 387, 395
Кирпичников Александр Иванович — 735
Кишинский Никита Алексеевич — 705, 711, 720
Клаве Е.— 364 (?), 367 (?), 385, 401
Клаве Жюль — 364 (?), 367 (?), 401
Клавель Адольф — 368—370, 378, 403
Кладницкий Николай Петрович — 668
Кламанжеран Жан Жюль — 405
Кламанжеран, жена Ж. Ж. Кламанжерана — 374, 405

Клапье Александр — 391, 409
Клапье, семья — 391, 409
Кларти Жюль — 6, 483—488, 502, 645, 646, 701
Клеман Михаил Карлович — 12, 22, 64, 65, 68—70, 233, 234, 244. 254, 358, 410, 488, 726, 727, 745—748, 753
Клеман, семья — 745
Клемансо Эжен — 241
Клечковская — 378
Клечковский — 370, 403
Ключевский Василий Осипович — 735
Клюшников Виктор Петрович — 66, 179, 181, 182, 190, 192, 193, 741
Князев Валериан Валерианович — 598
Князев, художник-любитель — 449
Кобизский Иван Петрович — 720
Ковалевский Владимир Онуфриевич — 86, 87, 103, 295
Ковалевский Егор Петрович — 228, 233
Ковалевский Максим Максимович — 92
Ковалевский Павел Осипович — 449
Коган («Евг. Симановский»; «Е. Семенов») Соломон Моисеевич — 332 (?), 334
Кожевников Григорий Иванович — 479
Козлов Павел Алексеевич — 720
Козловский Дионисий Францевич — 331, 333
Козьмин Борис Павлович — 84, 101—103, 233
Кокрель Атанас Жозюе — 370 (?), 404
Кокрель Атанас Лоран Шарль — 370 (?), 404
Кокрель, г-жа — 370
Колбасин Дмитрий Яковлевич — 65
Колбасин Елисей Яковлевич — 16, 65, 68, 101, 711, 730
Колобова Нина Александровна — 750
Коломенский Кандид — см. Михневич В. О.
Коломийцев Даниил Васильевич — 405
Кольцов Алексей Васильевич — 34, 700
Колюпанов Нил Петрович — 176, 192
Конан Дойль (Артур Конан) — 510
Кондаков Сергей Никодимович — 628
Кони Анатолий Федорович — 85, 103, 414, 516, 537, 630, 699
Кони Федор Алексеевич — 558, 567
Конрад Джозеф Л.— 507, 522, 524, 525, 538, 541—544
Константинов Михаил Константинович (?) — 632
Константинов Семен Тимофеевич — 80, 81, 84, 87, 103
Корали (в 1-м браке Апсеитова) Зинаида Степановна — 238
Коро Камил — 417, 453, 454, 479, 618
Короленко Владимир Галактионович — 599, 628
Корреджио Антонио Аллегри да — 423
Корсаковы, семья — 390
Корш Валентин Федорович — 231, 233, 277, 638
Корш Евгений Федорович — 277
Корш Мария Федоровна — 744
Корш Софья Карловна — 595
Костомаров Николай Иванович — 176, 177, 180, 193
Котляревский Иван Петрович — 557
Коцын, студент — 608
Кочан Лайонел — 519, 520, 537
Кочубей, знакомый семьи Н. И. Тургенева — 390
Кош Вильгельм — 405
Кош Эдмон — 370, 403
Кош, жена Э. Коша — 370
Кошен Пьер Сюзан Огустен — 370 (?), 403
Кошен, г-жа — 370
Коялович Михаил Осипович — 168, 177, 190
Кравченко-Половцева Екатерина Николаевна — 326
Краевский Андрей Александрович — 84, 92, 101, 104, 110, 253, 328, 554, 556, 566, 656, 673, 700
Краковецкий Пантелей Григорьевич — 150, 154
Крамской Иван Николаевич — 441—444, 468, 470—473, 477, 479, 482, 673
Красов Василий Иванович — 66
Крачковский Игнатий Юлианович — 400
Крашевский Игнатий — 656
Крейн Стивен — 527, 538
Крестова Людмила Васильевна — 743
Крестовский Всеволод Владимирович — 168, 190, 193, 197, 198
Кривенко Сергей Николаевич — 123, 124, 127, 140, 142, 292, 293, 578, 594
Кропоткин Петр Алексеевич — 124, 143, 144, 195, 255, 276, 284, 496
Кручинин Василий Иванович — 648, 649
Крылов Григорий Федорович — 252, 253
Крылов Иван Андреевич — 342, 459, 513
Крюгер Вольдемар Фридрих — 423
Крюгер (рожд. Тургенева) Елизавета Петровна — 712
Крюгер Карл — 424
Кугель Александр Рафаилович — 631
Кудрин Н.— см. Русанов Н. С.
Кузнецова В.— 101
Кук Герберт — 424
Кукольник Нестор Васильевич — 220
Кулиш Пантелеймон Александрович — 565
Кульков Парфений Михайлович — 648—650, 700
Кулябко-Корецкий Николай Григорьевич — 324, 325
Кункль Альфред Альфредович — 317
Курляндская Галина Борисовна — 64, 68, 141
Курочкин Василий Степанович — 408, 409
Курочкин Николай Степанович — 191, 322, 407
Кутищев Ф. Д.— 141
Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич — 356, 358
Кушнерев Иван Николаевич — 743
Кюи Цезарь Антонович — 500

Л. Г.— 86
Л. О. — см. Лаврский К. В.
Л. Т. — см. Тихомиров Л. А.
Лааге Карл Эрнст — 589, 718
Лавеццари Андрей Карлович — 449
Лаврентьев Леонид Иванович — 78, 88, 97, 98, 102, 104, 105
Лаврентьева Софья Ивановна — 282
Лаврецкий Иосиф Моисеевич — 13, 64

Лаврин Янко — 515, 537
Лавров (псевд. П. Миртов) Петр Лаврович — 5, 81, 106, 110, 117, 123, 141, 150, 163—238, 240—246, 248, 249, 255, 261, 284, 287, 288, 290—294, 296, 316, 317, 319, 322, 324, 328—331, 457, 458, 464, 480, 535, 634, 636, 640, 645, 646, 649, 650, 699, 705, 712, 720
Лавровская (по мужу Цертелева) Елизавета Андреевна — 712
Лаврский (псевд. Л. О.) Константин Викторович — 122, 126, 143
Ладыженская (по мужу Сомова) Варвара Васильевна — 720
Ладыженская (рожд. Дюклу) Екатерина Алексеевна — 720
Ладыженский Владимир Николаевич — 604
Лазаревский Василий Матвеевич — 105
Лазурский Владимир Федорович — 418
Лакруа, г-жа — 391
Ламартин Альфонс Мари Луи — 493
Ламберт Андре — 424
Ламберт (рожд. Канкрина) Елизавета Егоровна — 731, 734
Ланда Семен Семенович — 400
Ланский Леонид Рафаилович — 6, 329, 484, 633
Ланфрей Пьер — 364, 401
Ларнак Жюль — 367, 369, 382, 390, 402
Ларнак Эмиль — 367, 369, 382, 390, 395, 402
Ларнак, семья — 367, 370, 382, 385, 390
Ласпейрес, нем. доцент — 90
Лассаль Фердинанд — 90, 252, 322, 631
Лаубе Генрих — 531
Лафайет Мари Жозеф Поль — 59
Лафонтен Жан — 487, 488
Лебедев Василий Александрович — 90
Лебедев-Полянский Павел Иванович — 753
Леванда, эмигрант — 332
Леве Фердинанд — 712
Левердье — 395
Левин Юрий Давидович — 68, 505, 536, 540, 699, 706, 720
Левицкий (Львов-Левицкий) Сергей Львович — 11, 343, 421, 595, 697
Ледницкий Вацлав — 520, 521, 536, 538, 539
Леже Луи — 492, 501, 660, 711
Леже, фотограф — 487
Лейноф Сеймур — 530, 539
Лейхтенбергский герцог Максимилиан — 430
Лейхтенбергский герцог Сергей — 424, 429
Леклерк Теодор — 729
Леклид Ришар — 720
Лелуар Александр Луи — 425, 429
Леман Егор (Юрий) Яковлевич — 428, 431, 449, 477
Лемермайер Фриц — 692
Лемке Михаил Константинович — 101, 103, 753
Ленбах Франц — 423, 424, 429
Ленин Владимир Ильич — 19, 51, 56, 57, 59, 60, 65, 68—70, 92, 94, 102, 105, 150, 154, 288, 296, 403, 407, 519, 537, 735, 741
Ленская Мария Григорьевна — 561, 562
Ленский Дмитрий Тимофеевич — 549
Леонтьев Константин Николаевич — 712
Леонтьевский Николай Алексеевич — 489, 490
Лерман Эдгар — 533
Лермонтов Михаил Юрьевич — 38, 47—49, 51, 60, 68, 166, 220, 266, 277, 362, 404, 419, 449, 518, 603, 604, 628, 692, 693, 698, 699, 737, 750
Лернер Даниэль — 526, 538
Леруа-Болье Анри Жан Батист Анатоль — 380 (?), 401, 406
Леруа-Болье Пьер Поль — 380, 406, 424
Лесгафт Петр Францевич — 298, 316, 317
Лесков (псевд. М. Стебницкий) Николай Семенович — 74, 179, 181, 182, 189, 190, 192, 193, 197, 198, 741, 750
Лессинг Карл Фридрих — 73
Лефевр Жюль — 423, 424
Либан Александр Осипович — 712
Лидин Владимир Германович — 326
Линдау Пауль — 402, 691, 712
Линдау Рудольф — 364, 367, 402, 712
Линев Александр Логинович — 71, 78, 80, 81, 84, 87, 102, 103
Линская Юлия Николаевна — 557, 560
Линтон Анри — 389
Липгарт Карл Эдуард — 423, 424, 430
Липгарт (рожд. Било-Рейт) Каролина — 424
Липгарт Эрнст Карлович — 407, 408, 423—432, 448, 477, 501, 643
Лисиньоль Эммануель — 367, 374
Лист Ференц — 490
Литвинов Михаил Павлович — 240
Литвинов Николай Николаевич — 648
Литвинова (Ольховская) Александра Михайловна — 459, 480
Литвинова Татьяна Максимовна — 196
Лифшиц Герман Михайлович — 593
Лихачев Владимир Иванович — 713
Лихачев Владимир Сергеевич — 405
Ложель Антуан Огюст — 364, 367, 376, 377 (?), 378, 382, 401, 406
Ложель Е., г-жа — 364, 381, 382, 410
Ломени де Луи Леонар — 364, 370, 372, 401
Ломени де, жена Л. Л. Ломени — 364, 370
Ломоносов Михаил Васильевич — 700
Лонг Джеймс — 410 (?), 411
Лонгинов Дмитрий Николаевич — 348, 357
Лонгинов Михаил Николаевич — 109, 319, 348, 357, 358, 419, 739
Лонгинов Николай Михайлович — 348
Лонгиновы, семья — 348
Лонгфелло Генри Уодсворт —485
Лопатин Герман Александрович — 6, 106, 123, 194, 234—254, 284, 318, 319, 324, 327, 440, 500, 649
Лоранс Жан Поль — 449
Лоренс Д. — 522
Лорис-Меликов Михаил Тариелович — 330
Лоррен Клод — 453
Лотман Юрий Михайлович — 400
Лоу, семья — 370
Лохтин Андрей — 657

Лошар Ф., фотограф — 456, 457, 462, 463, 481
Лугинин Владимир Федорович — 72, 76, 78, 80—82, 85, 87, 101, 103, 104
Лугинин Федор — 82
Луи Филипп — 403
Луиза, вел. герцогиня — 587
Луканина (рожд. Рыкачева; во 2-м браке Паевская) Аделаида Николаевна — 104, 256, 337, 458, 480, 713
Луначарский Анатолий Васильевич — 127, 128, 141, 144, 293, 294, 296
Лунин Михаил Сергеевич — 167
Лурье Я.— 331—333
Лутовинов Иван Иванович — 605, 606, 608, 609, 612, 624, 625
Львов (псевд. М. Ж.) Владимир Владимирович — 350, 550, 551, 566
Львова Екатерина Владимировна — 628
Льюис Синклер — 510, 536
Лэнд Майрик — 511, 512, 536
Любатович Вера Спиридоновна — 118, 313, 319
Любатович Ольга Спиридоновна — 319
Любомирский — 660
Людовик — см. Шассен Шарль
Людовик XVI — 438
Людовик XVIII — 16
Люис (Льюис) Джордж Генри — 506, 713
Ляпустин Алексей Иванович — 150, 154
Ляшенко Клара Георгиевна — 194, 321

М. В.— 333, 334
М. Ж.— см. Львов В. В.
Магаршак Дэвид — 512—514, 524, 536
Маген, доктор — 411
Магницкий Михаил Леонтьевич — 185, 210, 232
Маёр — см. Мейер И. Г. (?)
Маестри, доктор — 410
Мазон Андре — 5, 68, 102, 105, 141, 144, 233, 296, 319, 357, 408, 488, 489, 502, 754
Мазурин Н. С. (?) — 649
Майков Леонид Николаевич — 359
Мак-Дермот, полковник — 385, 391, 407, 408, 411
Мак-Магон (герцог Мажента) Эдм Патрис Морис — 391, 408, 572
Маков Лев Саввич — 435, 439, 440
Маковская Евгения Павловна — 449
Маковский Константин Егорович — 478
Макогоненко Георгий Пантелеймонович — 290, 296
Маколей Томас Бабингтон — 506
Максим, философ цинической школы — 177
Максимов Алексей Михайлович — 557, 560
Малахов Сергей Арсеньевич — 41, 66
Мале Альфонс, г-жа — 381, 406
Малибран (рожд. Гарсиа) Мари Фелисите — 490, 499
Малиновский Марк Прохорович — 252, 253
Малышев Михаил Егорович — 681
Маляревский Порфирий Константинович — 713
Мамонтов Савва Иванович — 477
Мандель Оскар — 529, 539
Манн Томас — 529, 530, 539, 579, 589
Манфред Альберт Захарович — 407
Маньи, владелец парижского ресторана — 493, 501
Марешаль — 713
Марзиэлс Фрэнк — 256, 258
Мариво Пьер Карл де Шамблен — 729
Марилья (Марилла) Проспер — 454
Мария Александровна, имп. — 232
Мария Амалия, принцесса баденская — 587
Мария Николаевна в. к.— 424, 426, 430
Мария Тюдор — 416
Маркевич Болеслав Михайлович — 108, 142, 197, 198, 319, 320, 422
Марко-Вовчок М. А. — см. Маркович М. А.
Марков Василий Васильевич — 116, 130, 143, 145
Марков Илья Федорович — 150, 154
Маркович (рожд. Вилинская; псевд. Марко-Вовчок) Мария Александровна — 70, 101, 705, 720, 732
Маркс Адольф Федорович — 727
Маркс Карл — 85, 104, 173, 204, 205, 238, 244, 296, 317, 324
Маркс-Эвелинг Элеонора — 238, 240, 241, 244
Мармье Ксавье — 411
Мартен Анри — 660
Мартен-Пашу Жозеф — 369, 370, 374, 377, 378, 392, 403, 404, 410
Мартен-Пашу Элеонора — 364, 367, 369, 370, 378, 386, 396, 404
Мартынов Александр Евстафьевич — 549, 557, 560, 567
Маслих Владимир Александрович — 560, 567
Маслов Василий Иванович — 408
Маслов Иван Ильич — 285, 422, 713
Масловы, семья — 422
Масперо Гастон Камилл Шарль — 391, 409
Массне Жюль — 646
Матильда Бонапарт — 424, 426, 430
Матэ Василий Васильевич — 209, 361, 477, 720
Матюшин Иван Иванович — 219, 269, 647, 653
Маццини Джузеппе — 69, 103, 173
Маяковский Владимир Владимирович — 515, 537
Медведева Надежда Михайловна — 569, 654
Мезенцев Николай Владимирович — 440
Мей, знакомый семьи Н. И. Тургенева — 374
Мейер Иоганн Генрих (?) — 339, 341
Мейербер Джакомо — 406, 450, 479, 490, 500
Мейерис Франс — см. Миерис Ф.
Мейзенбуг фон Мальвида Амалия — 83, 103
Мейнье Мари — 370, 404, 410
Мейнье — 369
Мейсонье Эрнест — см. Мессонье Ж. Л. Э.
Мёллер Вильгельм — 546
Мельгунов Николай Александрович — 360

Менцель Адольф Фридрих Эрдман — 580, 587, 591
Мерижо, г-жа — 370, 404
Мёрике Эдуард — 586, 588, 591
Мериме Проспер — 57, 69, 378, 405, 485, 486, 488, 496, 498, 502, 590, 719, 748
Мерсье Ашиль — 364, 390, 401
Мерсье, семья — 364, 390, 401
Мёрфи А. Б.— 528, 539
Мессонье (Мейсонье) Жан Луи Эрнест — 454, 616, 629
Местр де Ксавье — 369, 403
Мечников Лев Ильич — 90
Мещерская (рожд. Оболенская) Софья Васильевна — 348, 357
Мещерская Софья Ивановна — 720
Мещерский Александр Александрович — 142, 241, 248, 249, 327, 444, 461—464, 481, 639—643, 646, 713, 720
Мещерский Арсений Иванович — 628
Мещерский Б. В.— 357
Мещерский Владимир Петрович — 139, 318, 633, 638, 651, 684, 685
Мещерский Элим Петрович — 487, 488
Мещерские, семья — 387
Миерис Франс — 453, 479
Миллер Всеволод Федорович — 735
Миллер Орест Федорович — 256, 278, 295
Миллер (по мужу Толстая) Софья Андреевна — 58, 744
Миллер Федор Богданович — 739
Милютин Дмитрий Алексеевич — 439
Милютин Николай Алексеевич — 350, 364—367, 370, 374, 386, 401, 402, 404, 406, 532, 539, 596
Милютин Юрий (Жорж) Николаевич — 366, 374, 402
Милютина (рожд. Абаза; во 2-м браке Стиль) Мария Аггеевна — 364, 366, 374, 376, 402, 408, 532, 539, 713
Милютина Мария Васильевна — 604
Милютины, семья — 363, 365
Минаев (псевд. Свияжский) Дмитрий Дмитриевич — 167, 191
Мингетти (рожд. Актон; в 1-м браке Кампореале) Лаура — 427, 430
Мингетти Марк — 430
Миницкий Иван Федорович — 567
Минский (Виленкин) Николай Максимович — 458, 480, 532
Минто, г-жа — 411
Минченков Яков Данилович — 416, 418
Мирабо Онорэ Габриель Виктор Рикетти — 59
Мирбо Октав — 688, 701
Мирный Панас (Панас Яковлевич Рудченко) — 732
Мирославский (Мерославский) Людвиг — 87
Михаил III Обренович — 114
Михаил Павлович в. к.— 402
Михайлов Михаил Илларионович — 97, 227
Михайловский (псевд. Профан) Николай Константинович — 110, 118—120, 122, 123, 127—130, 134, 135, 143—145, 256, 286, 296, 319
Михельсон Мориц Ильич — 648
Михневич (псевд. Коломенский Кандид) Владимир Осипович — 685
Мицкевич Адам — 402, 488, 538
Мицкевич Сергей Иванович — 116, 118, 122, 123, 140, 141, 143, 146, 244, 571, 578
Мишалон — 395
Мишле Жюль — 720
Мо Октав — 696
Модзалевский Борис Львович — 629
Мозалевский Виктор Иванович — 483, 485
Молешотт Яков — 162, 572
Моллер Федор Антонович — 370 (?), 403
Молчанов Виктор Сергеевич — 23
Моль Жюль (Юлиус) — 360, 363, 364, 367, 369, 371—374, 376, 382—385, 400, 403—407, 410
Моль Мари — 363, 364, 367, 382—385, 404, 410
Мольер (Поклен) Жан Батист — 529, 539, 563
Монгальви, г-жа — 370
Моне Клод — 409
Монталамбер де Шарль Форб — 403
Монтион Антуан Оже — 181, 192
Монье Анри — 382, 406
Монье Марк — 408
Мопассан Ги де — 409, 488, 492, 496, 501, 502, 686
Морган Чарлз — 521, 522, 538
Морель, фотограф — 481, 642
Морен Эдмон — 389
Морисо Жюль — 364, 369, 401
Морисо, жена Ж. Морисо — 364, 370
Моричева Мария Дмитриевна — 701
Морозов Николай Александрович — 119, 324, 325, 577, 578
Морозова В. А., меценатка — 700
Моррис Вильям — 256
Моруа Андре — 511
Мостовская Наталья Николаевна — 714
Мотт Густав — 370, 403
Мотт, жена Г. Мотта — 370
Моцарт Вольфганг Амедей — 188, 411
Мочалов Павел Степанович — 549
Мошкалов Павел Сергеевич — 104
Моэм Сомерсет — 525
Мультановский Иван Яковлевич — 150, 154
Мункачи (Либ) Михали — 453, 479
Мур Джордж — 506, 507, 524
Мур Томас — 400
Муравский Митрофан Данилович — 149, 154, 162
Муравьев («Вешатель») Михаил Николаевич — 80, 81, 84, 175, 228, 233, 370, 404
Муравьев-Амурский Николай Николаевич — 372, 384, 386, 389, 390, 392, 394, 396, 405, 414
Муравьева-Амурская (рожд. Ришмонд) Екатерина Николаевна — 372, 384—386, 389, 390, 392, 394, 396, 405
Муравьевы, семья — 382
Муратов Аскольд Борисович — 5, 71, 105
Муромцев Сергей Андреевич — 672, 674, 676
Мусин-Пушкин Алексей Владимирович — 339 (?), 341
Мусин-Пушкин Владимир Владимирович — 339 (?), 341
Мусин-Пушкин Михаил Николаевич — 349, 357

Мусина-Пушкина Александра Владимировна — 341
Мусина-Пушкина (рожд. Шернваль) Эмилия Карловна — 339—341
Мутер Рихард — 417, 418
Мухортов Захар Николаевич — 720
Мучник Елена — 515, 537
Мышкин Ипполит Никитич — 228
Мэтло Ральф — 520, 531, 537, 539
Мюллер Карл — 713, 714
Мюссе Альфред — 20, 490, 499, 500, 546, 729
Мюсси де Анри Гено — 382, 390, 391, 406
Мюсси де, семья — 382

Н. М. — см. Мазурин Н. С. (?)
Н. П. В.— 192
Нагель Владимир Францевич — 80, 81
Надайак дю Пуже Роже Франсуа Сижисмон — 370, 404
Надар Феликс — 507, 691, 695
Надсон Семен Яковлевич — 686
Назарова Людмила Николаевна — 13, 64, 705
Назимов Владимир Иванович — 349, 357
Найдич Эрик Эзрович — 429
Наполеон I Бонапарт — 405, 432, 491
Наполеон III (Людовик Наполеон) — 114, 173, 345, 346, 355, 356, 358, 368, 403, 499
Нарышкин Эммануил Дмитриевич — 348 (?), 357
Натан Питер — 522, 538
Нахимов Павел Степанович — 10
Неверов Январий Михайлович — 337
Негрие Франсуа Мари — 353, 358
Незеленов Александр Иванович — 40, 66, 728
Незнакомец — см. Суворин А. С.
Неклюдов Николай Адрианович — 80, 81, 85
Некрасов Николай Алексеевич — 9, 13, 15, 17, 18, 29—31, 33, 45, 46, 65—67, 69, 110, 139, 190, 223, 228, 233, 277, 333, 334, 343, 357, 358, 366, 550, 551, 554, 556, 558, 560, 566—568, 572, 596, 603, 604, 633, 638, 687, 699, 729, 753
Немчинов Иван Максимович — 560
Нефедов Филипп Диомидович —191
Нечаев Сергей Геннадиевич — 106, 110, 117, 142, 193, 250, 288, 296, 299, 304, 306, 317, 319, 322, 324
Нечаева Вера Степановна — 66
Нечкина Милица Васильевна — 142
Нечуй-Левицкий Иван Семенович — 732
Низенгейм де — 382
Никитенко Александр Васильевич — 316, 318, 357
Никитин П.— см. Ткачев П. Н.
Никитина Нина Серафимовна — 404
Никифоров К. А.— 629
Никифоров Николай Матвеевич — 560
Николадзе Николай Яковлевич — 100, 105
Николаев Александр Сергеевич — 748
Николаева Лилия Андреевна — 141, 317
Николай I — 15, 16, 25, 26, 32, 43, 51, 56, 63, 65, 208, 210, 214, 218, 223, 262, 263, 318, 348, 349, 430, 546, 560, 576, 597, 739
Николай II — 449, 478
Никольский Юрий Александрович — 243, 333, 334, 699
Николя Адольф Огюст Жан Батист — 373 (?), 405
Ничипоренко Андрей Иванович — 319
Новалис (псевд. Ф. Ф. Гарденберга) — 25
Новиков Иван Алексеевич — 744
Новицкий Петр Васильевич — 86, 104
Новосильцев Иван Петрович — 108, 319
Ножин Николай Дмитриевич — 78
Нольте — 391
Норрис Фрэнк — 527, 538

Оболенский Дмитрий Александрович — 125
Обренович — см. Михаил III
Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич — 40, 41, 66, 146, 731
Овчинникова, учительница — 652, 653
Огарев Николай Платонович — 5, 31—33, 40, 50, 71—73, 76, 77, 81, 82, 85, 90, 91, 95—98, 101—103, 105, 196, 234, 337, 572
Огарева Нонна Валерьевна — 441, 629
Огарева-Тучкова Наталья Алексеевна — 739
Огарков Василий Васильевич — 604
Огаркова Мария Васильевна — 593, 604
Одоевская (рожд. Ланская) Ольга Степановна — 556
Одоевский Владимир Федорович — 343, 556
Одье Эдмон — 379, 382, 406
Одье, г-жа — 385
Ожье Эмиль — 427, 428, 431, 493, 501, 636, 646, 659, 660, 690
Оксман Юлиан Григорьевич — 68, 141, 296, 320, 357, 566, 705, 743, 748
Оленин — 645
Олив, архитектор (?) — 389, 392, 397
Оливье Робер — 405
Оль Василий Иванович — 115, 143, 145
Онебринк Ларс — 527, 538
Онегин (Отто) Александр Федорович — 141, 391, 408, 428, 429, 431, 432, 455, 460, 463, 469, 472, 481, 513, 536, 640, 642, 711, 714, 721, 738, 744
О'Нейл — 510
Орвиль Жюльен, m-lle — 364
Орел Гарольд — 525, 526, 538
Орлов Александр Сергеевич — 410, 748
Орлов Алексей Николаевич — 429, 463
Орлов Владимир Николаевич — 429, 463
Орлов Михаил Алексеевич — 548
Орлов Николай Алексеевич — 330, 356, 388, 396, 408, 429, 432, 451, 458, 463, 464, 470, 481, 636, 640, 642, 644—646, 673, 700
Орлов Николай Павлович (Иванович?) — 326, 327
Орлов Павел Николаевич — 566
Орлова Александра Анатольевна — 720
Орсен-Деон Симон — 387
Осинин Иван Терентьевич — 278
Осинский Валериан Андреевич — 228
Основский Нил Александрович — 21, 44, 52
Остен Джейн — 259
Островская Наталья Александровна (в 1-м браке Грибовская) — 70, 320, 357, 418, 710, 738

Островский Александр Николаевич — 178, 190, 223, 273, 343, 345, 570, 686, 729
Островский Арсений Григорьевич — 751
Остроухов Илья Семенович — 416
Отмар — 387
Отто Александр Федорович — см. Онегин А. Ф.
Оффенбах Жак — 493

П—ъ Н.— см. Чернышевский Н. Г.
Павлов Л. В.— 13, 64, 67
Павлов Платон Васильевич — 150, 162
Павловский Исаак Яковлевич — 501
Паделу Жюль Этьенн — 406
Пайель Элиза — 381, 410
Паймен Аврил — 536
Пален Константин Иванович — 207
Пальмерстон Генри Джон Темпль — 166, 226
Панаев Иван Иванович — 18—20, 29, 52, 61, 64, 65, 67, 68, 256, 343, 348, 357, 358, 402, 721, 740
Панаева (рожд. Григорьева-Брянская; во 2-м браке Головачева) Авдотья Яковлевна — 256, 276, 357, 358
Панаева Нина Платоновна — 196
Панов Иван Степанович — 219
Панов М. М., фотограф — 209, 323, 432, 635, 691
Пантелеев Лонгин Федорович — 150, 154
Парис Гастон — 644, 645, 714
Парр Томас — 523
Пасси Ипполит — 405, 406
Патти Аделина — 278
Пауер — 370, 410
Паульссон Гестюр — 545—548
Пейроне Мадлен де — 394
Пейроне Пьер Дени де — 364, 367, 369, 372, 374, 401
Пейроне де, семья — 364, 367, 370, 372, 374, 401, 410
Пепе Гулельмо — 360, 401
Пепижек И.— 698, 701
Переплетчиков Василий Васильевич — 415, 418
Перетц Григорий Григорьевич — 85, 103
Перовская Софья Львовна — 228
Перпер Мира Иосифовна — 255, 259, 541
Перпиня де — 374
Перри Томас — 506
Перрис Джордж — 256
Перцов Петр Петрович — 743
Першерон Поль — 388 (?), 408
Першерон Эмиль — 388 (?), 408
Першерон, жена Поля Першерона — 388 (?), 408
Пестель Павел Иванович — 218, 232
Петр I — 208, 270, 349, 350, 358, 449
Петрашевский (Буташевич) Михаил Васильевич — 576, 638
Петрашкевич-Струмилина Софья Петровна — 234
Петров Сергей Митрофанович — 64, 66, 523, 744
Петрово-Соловово Евдокия Васильевна см. Сухово-Кобылина Е. В.
Пецольд Мария Григорьевна — 714
Пий IX — 191
Пикар Эдмон — 696
Пиксанов Николай Кириакович — 726, 727, 746, 748, 753
Пио Палле — 547
Пирогов Николай Иванович — 72, 76, 86, 101, 102, 104
Писарев Дмитрий Иванович — 88, 98—100, 105, 167, 228, 256, 505, 571—578, 597, 604
Писемский Алексей Феофилактович — 95, 141, 164, 178, 179, 181, 182, 190, 192, 193, 197, 198, 227, 343, 698, 714, 721, 741, 747
Писемский Павел Алексеевич — 714
Пич Людвиг — 408, 579—592, 714
Плевако Казимир — 721
Плеве Вячеслав Константинович — 328, 330—333
Плесси дю, г-жа — 370, 371 (?)
Плетнев Александр Петрович — 396, 409
Плетнев Петр Александрович — 210, 213, 232, 409, 410, 414, 556, 567
Плетнева (рожд. Щетинина) Александра Васильевна — 409, 413, 414, 721
Плеханов (псевд. Бельтов) Георгий Валентинович — 255, 735
Плещеев Александр Алексеевич — 422
Плещеев Алексей Николаевич — 422, 556, 670, 674, 677, 678, 680, 686, 700
Плотин — 193
Победоносцев Константин Петрович — 246
Погодин Михаил Петрович — 549, 566
Позин Джек — 527, 528, 538, 539
Покусаев Евграф Иванович — 68
Полевой Николай Николаевич — 573
Полевой Петр Николаевич — 700, 714
Поленов Василий Дмитриевич — 441, 449, 456, 477, 478
Поленов Дмитрий Васильевич — 478
Поленова Мария Алексеевна — 478
Поливанов Петр Сергеевич — 501
Половцов Александр Александрович (?) — 714
Половцов Анатолий Викторович — 112, 142, 424, 714
Полонская (рожд. Рюльман) Жозефина Антоновна — 466, 474, 482, 608, 610—612, 614, 620—622, 625, 626, 628, 629, 671, 697
Полонская (по мужу Елачич) Наталья Яковлевна — 610
Полонский Александр Яковлевич — 612
Полонский Борис Яковлевич — 614, 621, 622, 624, 626, 630
Полонский Яков Петрович — 69, 92, 93, 107, 142, 145, 182, 189, 190, 192, 228, 233, 237, 256, 408, 409, 417, 443, 444, 464, 466, 474—476, 481, 482, 537, 605—630, 650, 686, 715, 721, 738, 750
Полонские, семья поэта — 474, 481, 537, 606, 608, 622—624, 629
Полоцкая Эмма Артемьевна — 628
Полторацкая Эрмиония Сергеевна — 715, 721
Полторацкий Сергей Дмитриевич — 715
Поляк Лидия Моисеевна — 736
Поляков Михаил Моисеевич — 334
Поме Луи Эдмон — 370, 404, 715
Поплавская Федосья Александровна — 330

Поплен Клод Марсель — 426, 430
Попов Иван Иванович — 334
Попов Павел Сергеевич — 64
Порецкий (псевд. Е. Былинкин) Александр Иустинович — 146
Португалов Вениамин Осипович — 149, 152, 154, 162
Посников Георгий (Юрий) Романович — 150
Потемкин Владимир Петрович — 736
Потер Поль — 479
Потехин Алексей Антипович — 596, 654, 686
Потоцкая (рожд. Пиньятелли) Эммануэла — 427, 430
Потоцкий Николай — 430
Похитонов Иван Павлович — 442, 449, 477, 616, 629
Преженцев А. О.— 78, 85, 97
Пресансе де Эдмон Део — 370, 404
Пресансе де (рожд. Плеси Гуре дю) Элиза Франсуаза Луиза — 370, 404
Придо С.— 379
Прийма Федор Яковлевич — 411
Прилежаев Василий Андреевич — 376, 379, 382, 392, 393, 406, 413
Прилежаева, г-жа — 393
Пристли Джон Бойнтон — 508, 510, 535, 536
Прохоров Григорий Васильевич — 5, 12, 13, 18, 19, 21, 22, 64, 65
Прудон Пьер Жозеф — 488
Прус Болеслав — 530, 531, 539
Прутченко Михаил Борисович — 328
Пруцков Никита Иванович — 66
Пугачев Владимир Владимирович — 400
Пугачев Емельян Иванович — 218, 232
Пумпянский Лев Васильевич — 104, 110, 124, 142, 144, 418, 535
Пустовойт Петр Григорьевич — 66
Путте ван де Джон — 384, 391, 396, 397, 407
Путте ван де Люси — 397, 412
Путте ван де, семья — 384, 407
Пушкин Александр Сергеевич — 15, 35, 38, 51, 57, 60, 68, 69, 166, 187, 193, 213, 217, 219, 220, 226, 232, 261, 265, 266, 271—273, 277, 350, 358, 362, 400, 410—412, 415, 429, 453, 460, 462, 476, 488, 496, 498, 500—502, 515, 518, 520, 521, 537, 538, 568, 572, 590, 598, 601—603, 628, 639, 655, 658, 674, 692, 693, 698, 700, 728, 730, 737, 743, 746, 749, 750
Пушкин Сергей Львович — 411
Пфейфер Эдуард — 104
Пыпин Александр Николаевич — 14, 102, 141, 146, 191, 193, 256, 295, 316, 702, 715
Пэссидж Чарлз — 530, 539
Пюэрари Эжен, г-жа — 364, 401
Пятковский (псевд. О. Волоколамский) Александр Петрович — 191

Р. З.— см. Зотов Р. М.
...р ...р...— см. Лавров П. Л.
Рагозин Евгений Иванович — 715
Радиге, фотограф — 153
Радищев Александр Николаевич — 400, 441, 459, 467, 477, 478, 496, 597, 622
Разин Степан Тимофеевич — 229
Рапопорт Ю. М.— 244
Раших Хорст — 591, 592
Расин Жан — 358
Рассел Артур — 374 (?), 405
Рассел Джон — 374 (?), 405, 412
Ратч Василий Федорович — 168, 177, 190
Рафалович Артур (Артемий) Германович — 383, 385, 394, 406, 407, 413, 466
Рафалович Мари Л.—383, 385, 386, 413, 464
Рафаэль Санти — 264, 424, 452
Рахманов Александр Алексеевич — 389, 390, 408
Рахманова (рожд. Волконская) Елена Сергеевна — 408
Рашевский Иван Федорович — 277
Рашель Элиза — 358, 450
Рашет (рожд. Антропова) Наталья Николаевна — 94, 105, 715
Ревиль, г-жа — 411
Ревильон Антуан — 646
Ревицки Дьюла — 696, 697
Редгрейв Майкл — 533
Реизов Борис Георгиевич — 747
Рейнак Жозеф — 714, 715
Рейнгольдт фон Александр — 691
Рейсер Соломон Абрамович — 70, 233, 705, 752
Рейхель (рожд. Эрн) Мария Каспаровна— 68
Рейхштадский герцог, Наполеон Франсуа Жозеф Шарль — 450
Рембрандт Гарменс ван Рейн — 425
Ренан Мари — 386, 391, 407, 646
Ренан Эрнст Жозеф — 359, 386, 391, 407, 444, 450, 464, 489, 493, 499, 572, 640, 645, 646, 659—661, 663, 664, 690, 700
Ренуар Пьер Огюст — 409
Ренье Жак Огюст Адольф — 377, 406
Репин Илья Ефимович — 409, 418, 429, 441, 449, 456, 468, 476—479, 629
Репина Надежда Ильинична — 477
Решетников Федор Михайлович — 191
Ривьер де, генерал — 392
Рид Т. Дж.— 529, 539
Риццо Карло — 424
Рич, корреспондент «Нового времени» — 640, 660, 661, 664
Ришпен Жан — 424
Робер Эжен — 696
Роберти де Евгений Валентинович — 78, 85, 94, 97, 103—105
Роберти де Леонид Федорович — 103
Роберти де Сергей Валентинович — 85
Робеспьер Максимилиан — 59
Ро<вик?> — 386
Роден Огюст — 424
Роденберг Юлиус — 715
Родионова Антонина Филипповна — 715
Родригез — 410
Родье Жорж — 411
Родье, г-жа — 411
Рождественский Сергей Васильевич — 316
Розенцвейг-Шваннау Винцент — 373, 405
Рокасовский П.— 94
Рольстон-Шедден Вильям — 386, 391, 406—408, 505, 513, 535, 640, 694, 699, 715, 738, 744
Рольстон-Шедден Вильям Патрик (отец)— 391, 408

Романович-Славатинский Александр Васильевич — 86, 94, 97
Романовы, династия — 441
Ромбро — 332
Ромм Софья Исаевна — см. Гуревич С. И.
Ропет (Петров) Иван Павлович — 449
Россет Александра Осиповна — см. Смирнова А. О.
Россети Данте Габриэль — 506
Россини Джоакино Антонио — 450
Ростовцев Николай Яковлевич — 218
Ростопчина Евдокия Петровна — 572
Роткович Яков Аронович — 66
Ротру Жан — 494, 501
Рош Дени — 717
Рубинштейн Антон Григорьевич — 459, 468, 500, 587
Рувилль де, пастор — 386, 407
Руж Жан — см. Бержера Эмиль
Русанов (псевд. Н. Кудрин) Николай Сергеевич — 120, 127, 143, 244, 578, 594
Русланов Н., псевдоним — 102
Руссо Жан Жак — 64
Руссо Теодор — 417, 425, 426, 430, 453, 454, 479, 629
Рустейко Осип Федорович — 367, 374, 382, 387, 402, 410
Рушо де — 370
Рылеев Кондратий Федорович — 387, 388, 408, 572
Рымаренко Елена Францевна — 152
Рымаренко Сергей Степанович — 5, 149—162
Рымаренко Степан Алексеевич — 152
Рюккерт Фридрих — 373, 405
Рюриков Борис Сергеевич — 64
Рябинин Михаил Андреевич — 348, 357

С—ко Н., сотрудник «Русского слова» — 418
Сабуров Яков Васильевич — 80, 85, 103
Сабурова Аграфена Тимофеевна — 560
Савина Мария Гавриловна — 516, 537, 606, 610, 612, 620, 624—626, 629, 630, 671, 686
Савицкий Константин Аполлонович — 441, 449, 477
Саводник Владимир Федорович — 66
Садовский Пров Михайлович — 560, 569, 736
Сазонов Николай Иванович — 360
Сакс Николай Эдуардович — 457, 458, 480
Сакулин Павел Никитич — 66, 735, 743, 744
Салаев Николай Иванович — 67, 232, 344, 744
Салаев Федор Иванович — 67, 232, 344, 715, 744
Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина; псевд. Евгения Тур) Елизавета Васильевна — 14, 81, 87, 94, 105, 337, 346, 562, 721
Салонен Гуго Тауно — 732
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — 40, 54, 107, 110, 139, 142, 146, 190, 191, 217, 228, 230, 233, 252, 253, 295, 302, 330, 332, 333, 403, 496, 578, 597, 602, 654, 686, 687, 750, 754
Сальери Антонио — 411
Самарин Иван Васильевич — 560, 569, 654
Самарин Петр Федорович — 386, 407, 715
Самарин Юрий Федорович — 368, 403
Самарина (рожд. Евреинова) Анна Павловна — 386, 407
Самарина (рожд. Нелединская-Мелецкая) Софья Юрьевна — 550
Самойлов Василий Васильевич — 449
Самойлова Вера Васильевна — 557, 560, 564, 567
Самохвалов Николай Иванович — 535
Сан-Галли Франц Карлович — 648
Санд Жорж — 431, 498, 501, 502, 572, 596, 686, 729
Сарасате Пабло Мартин Мелитон — 450
Сартр Жан Поль — 522
Сатин Николай Михайлович — 360
Сафо — 490, 500
Сахарова (рожд. Поленова) Екатерина Васильевна — 477, 478
Сватиков Сергей Григорьевич — 85, 97, 103, 105
Свербеев Дмитрий Николаевич — 372, 405
Свербеева (рожд. Щербатова) Екатерина Александровна — 405
Свербеевы, семья — 374, 405
Сверчков Николай Егорович — 478
Светлов Леонид Борисович — 358
Свешников Вячеслав Михайлович — 57
Свиридова (псевд. Свириденко) С. А.— 405
Свияжский — см. Минаев Д. Д.
Сегалас, врач — 382, 406, 413
Сегон Поль — 459, 481
Сезнек Жан — 526, 531, 539
Селиванов Илья Васильевич — 552, 553
Семевский Василий Иванович — 359
Семевский Михаил Иванович — 358, 647, 648
Семен — см. Коган С. М.
Семенова-Гриц Серафима Александровна — 568
Сенкевич Генрик — 538
Сенковский Осип Иванович — 187, 190
Сен-Санс Шарль Камиль — 406, 450, 460, 479
Сент-Бёв Шарль Огюстен — 488, 501, 715
Сент-Илер Жюль Бартелеми — 364, 370, 402, 404
Сервантес де Сааведра Мигель — 45, 52—59, 62, 63, 68, 69, 126, 171, 208, 219, 220, 222, 232, 273, 500, 501, 509, 510, 540, 739
Сергеенко Петр Алексеевич — 702
Сергиевич Василий Иванович — 78
Сергиевский Николай Н.— 516, 537
Сергий, епископ Ладожский — 673, 674
Серебряков Эспер Александрович — 334
Серно-Соловьевич Александр Александрович — 78, 100, 105, 150
Серно-Соловьевич Николай Александрович — 150, 154, 162
Серов Александр Николаевич — 478, 550
Серов Валентин Александрович — 416, 418, 478
Серова (рожд. Бергман) Валентина Семеновна — 478

Сесил Дэвид — 520, 537
Сибиряков Константин Михайлович — 594
Сидоров Николай Павлович — 743
Симмонс Джон С.-Г.— 535
Симон Жюль — 659
Синельникова Ирма Михайловна — 244
Сиповский Василий Дмитриевич — 279, 280, 281, 295
Сипягин Дмитрий Сергеевич — 632
Сиэс (Сийес) Эмануэль Жозеф — 59
Скабичевский (псевд. Заурядный читатель) Александр Михайлович — 104, 115, 142, 143, 145, 190
Скайлер Юджин — 506
Скальковский Константин Аполлонович — 85
Скарятин Владимир Дмитриевич — 319
Скачков А., товарищ Тургенева по ун-ту — 109
Скворцова-Михайловская Надежда Кузьминична — 430, 431
Скобелев Михаил Дмитриевич — 417
Скребицкий Александр Ильич — 715
Славутинский Степан Тимофеевич — 67
Слепцов Александр Александрович — 103, 150, 162
Слепцова Мария Николаевна — 150, 154
Слоним Марк — 508, 510, 515, 534, 536, 537, 539
Случевский Константин Константинович — 74, 76, 85, 91, 93, 94, 233, 486, 741
Смирдин Александр Филиппович — 190
Смирнов Валерьян Николаевич — 322, 324, 325
Смирнов В. Н., журналист 40-х годов — 566
Смирнова (рожд. Россет) Александра Осиповна — 406
Смирнова Ольга Николаевна — 142, 382—384, 715 (?)
Смирнова-Чикина Екатерина Сергеевна — 743
Смоляк Анна Львовна — 163, 194, 195, 208, 321
Смолянов Иван Давыдович — 477
Сноу Валентин — 534, 539
Соваж Тома Мари Франсуа — 550
Соколов Иван Иванович — 628
Соколов Николай Васильевич — 567
Соколовский Николай Владимирович — 191
Соллогуб Владимир Александрович — 89, 342, 343, 357, 716
Соллогуб (рожд. Самарина) Мария Федоровна — 716
Соллогуб (рожд. Виельгорская) Софья Михайловна — 342, 343
Соловьев Александр Константинович — 409
Сомова (рожд. Тургенева) Ольга Александровна — 364, 401, 712, 713
Сондерс Беатрис — 515, 537, 539
Сорде Лоран — 394, 409, 414
Сорде, г-жа — 394, 409
Сорнева Александра Владимировна — 716
Сосницкий Иван Иванович — 549
Спасович Владимир Данилович — 193, 286, 295, 403, 657
Сперанский Михаил Михайлович — 262
Спиноза Барух — 571
Сприфико — 386
Срезневский Всеволод Измайлович — 412
Срезневский Измаил Иванович — 193
Станиславский Константин Сергеевич — 512
Станкевич Александр Владимирович — 549, 555
Станкевич Александра Владимировна — см. Щепкина А. В.
Станкевич Иван Владимирович — 555, 561
Станкевич (по мужу Фролова) Мария Владимировна — 553—555, 561
Станкевич Николай Владимирович — 13, 25, 31—34, 40, 41, 65, 66, 216, 262, 337, 518, 743
Станкевичи, семья — 555
Старцев Абель Исаакович — 538
Стасов Владимир Васильевич — 107, 190, 424, 429, 443, 464, 468—473, 476—479, 482, 550, 721
Стасюлевич (рожд. Утина) Любовь Исааковна — 244, 269, 284, 295, 700
Стасюлевич Михаил Матвеевич — 106, 116, 139, 142, 145, 166, 170, 176, 180, 182—187, 189—191, 193, 194, 196, 237, 240, 241, 244, 248, 249, 278, 284, 286, 292, 295, 296, 308, 318—320, 328, 333, 408, 412, 416, 429—432, 462, 463, 466, 469, 470, 472, 480, 481, 566, 604, 636, 640, 642, 644, 645, 656, 658, 666—668, 670, 673, 686, 699, 716, 721, 753
Стахович Александр Александрович — 550, 556, 566, 567
Стеблин-Каменский Михаил Иванович — 548
Стебницкий М.— см. Лесков Н. С.
Стендаль (Анри Бейль) — 485, 486
Степанов Петр Гаврилович — 560
Степняк-Кравчинский Сергей Михайлович — 6, 228, 233, 255—276, 541, 577, 578
Стерн Даниэль — 358
Столкович, польский эмигрант — 416
Столыпин Николай Аркадьевич — 102
Страхов Николай Николаевич — 104, 138, 146, 256
Стремоухов Д.— 408
Строганов Григорий Александрович — 456
Стуарт Александр Федорович — 72, 80, 82—84, 86, 103
Стэм Дэвид — 534, 539
Стюрлер — 465
Суворин (псевд. Незнакомец) Алексей Сергеевич — 85, 142, 176, 192, 237, 252, 253, 280, 295, 329, 471, 649, 650, 699, 700, 716, 722
Суинберн Альджернон Чарлз — 506
Султан-Шах Мария Павловна — 359
Сурков Алексей Александрович — 744
Сухово-Кобылин Александр Васильевич — 337
Сухово-Кобылина (по мужу Петрово-Соловово) Евдокия Васильевна —6, 337—341
Сухово-Кобылина Софья Васильевна — 337
Сухово-Кобылины, семья — 337

Таганцев Николай Степанович — 657, 673, 674
Тагер Евгений Борисович — 736
Талызин Александр Степанович — 564
Тамерлан — 370, 404
Танеев Иван Ильич — 442
Танеев Сергей Иванович — 442
Танеева Елена Сергеевна — 442
Тарасов Ефим Иванович — 359, 360, 410
Тарасова Вера Карловна — 579
Тарасова Вера Матвеевна — 360, 400
Тассо Торквато — 220
Татищев Дмитрий Александрович — 449, 456, 478
Таубин Рафаил Абрамович — 149
Тацит — 281, 295
Ташар, семья — 364, 369, 371, 386, 401, 410
Твен Марк (Самуэль Клеменс) — 411
Теккерей Вильям Мейкпис — 259, 506, 686, 693
Телль Вильгельм — 739
Темякина Юлия — 53
Теннисон Альфред — 506
Теньер (Тенирс) Давид младший — 453, 479
Тербург Герард — 453
Тернер Чарлз — 505
Тессельский, дьякон — 646
Тетельман Екатерина Александровна — 332, 334
Тиандер Карл Федорович — 548
Тиблен Николай Львович — 102, 171, 191
Тимашев Александр Егорович — 108, 318, 320
Тимковская Анна Александровна — 716
Тимощук Вера Васильевна — 406
Тихомиров Константин Иванович — 653
Тихомиров Лев Александрович — 238, 248, 249
Тициан Вечелли — 452
Ткачев (псевд. П. Никитин) Петр Никитич — 110, 119, 122, 123, 127, 143—146, 286—288, 296, 317, 574, 578
Тове Августа Львовна — 535
Тодорович П.— 530
Толкачевский Фишель — см. Тукацнер-Толкачевский Ф. М.
Толстая Мария Николаевна — 29, 66, 738
Толстая Софья Андреевна — см. Миллер С. А.
Толстой Алексей Константинович — 181, 192, 319, 356, 449, 572
Толстой Дмитрий Андреевич — 191, 286, 297, 302, 315, 316, 318, 319, 328, 330, 332, 657, 670, 716
Толстой Дмитрий Иванович — 359
Толстой Иван Иванович — 424
Толстой Иван Матвеевич — 97
Толстой Лев Николаевич — 18, 29, 46, 65, 111, 139, 146, 256, 259, 260, 269, 310, 311, 314, 320, 328, 413, 417, 432, 453, 489, 496, 499, 502, 508, 512, 513, 519, 523—526, 528, 533, 536, 537, 540, 572, 597, 599, 600, 602, 608, 628, 701, 750, 751, 753
Толстой Федор Петрович — 628
Толстой Юрий Васильевич — 348, 357
Томашевский Борис Викторович — 439
Топоров Александр Васильевич — 431, 460, 462, 626, 638, 642, 722
Топорова Анна Ивановна — 626
Тор — см. Буренин В. П.
Торлейфссон Бертель — 545
Торнау Федор Федорович — 716
Трекур — 386
Третьяков Павел Михайлович — 448, 453, 628, 716
Третьяков Сергей Михайлович — 654
Третьякова (рожд. Мамонтова) Вера Николаевна — 716
Тройон Констан — 454
Троллоп Антони — 506, 693
Тропинин Василий Андреевич — 415
Тропман Жан Батист — 600, 748
Трубецкая (рожд. Белосельская-Белозерская) Елизавета Есперовна — 396, 716
Трубецкая Ольга Николаевна — 407, 439
Трубецкой Николай Иванович — 372, 405
Трусов Антон Данилович — 572
Трутовский Константин Александрович — 628
Тукацнер-Толкачевский Фишель Менделевич — 331—333
Тур Евгения — см. Салиас де Турнемир Е. В.
Тургенев Александр Иванович — 357, 359, 400, 411
Тургенев Альбер Николаевич — 359, 364, 365, 368, 370, 372, 374, 376—400, 406, 408, 409, 413, 716
Тургенев Андрей Иванович — 359
Тургенев Борис — 276
Тургенев Лев (Иван) — 276
Тургенев Николай Иванович — 6, 262—264, 276, 359, 363—366, 368, 370, 371, 375, 386, 393, 400—403, 405, 406, 410, 454, 464, 482, 716
Тургенев Николай Николаевич — 716, 722
Тургенев Николай Сергеевич — 259, 394, 404, 409, 564, 590, 717
Тургенев Петр Николаевич — 359, 360, 364, 374, 376—379, 381, 382, 384—388, 390—396, 398, 400, 402, 405, 408, 412, 463, 470, 481, 482, 640 (?), 644, 673
Тургенев Сергей Иванович — 359, 411
Тургенев Сергей Николаевич — 512
Тургенева (рожд. Шварц) Анна Яковлевна — 716
Тургенева (рожд. Лутовинова) Варвара Петровна — 259, 261, 265, 502, 511, 512, 514, 515, 518, 605, 616, 646, 722, 739
Тургенева (рожд. Виарис) Клара — 359, 363—370, 373, 374, 376—382, 384—402, 404, 406, 413, 414, 454, 464, 716
Тургенева Мария Петровна — 716, 722
Тургенева Ольга Александровна — см. Сомова О. А.
Тургенева (по мужу Брюэр) Полина Ивановна 363, 364 (?), 367, 369—371, 380, 382, 396, 401, 403, 404, 406, 409, 494, 495, 502, 580, 589, 709, 716, 722
Тургенева Фанни Александра Николаевна — 6, 359—414
Тургеневы, семья И. С. Тургенева — 259, 262, 517
Тургеневы, семья Н. И. Тургенева — 359, 360, 362, 364, 367, 369, 370, 372,

379, 383, 384, 390, 400, 402, 404—406, 408, 410, 413, 454, 464
Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна — 94
Тьеполо Джованни Баттиста — 423
Тьер Луи Адольф — 115, 226, 380, 400—402, 408, 491, 492, 500
Тэн Ипполит Адольф — 417, 418, 426, 430, 498, 502, 701
Тюдор, знакомый семьи Н. И. Тургенева — 364, 395
Тюменев Илья Федорович — 405
Тютчев Николай Николаевич — 556, 717
Тютчев Федор Иванович — 343, 357, 699, 730
Тютчева (рожд. Ботмер; в 1-м браке Петерсон) Элеонора Федоровна — 357

У.— см. Усов С. А.
Уваров Сергей Семенович — 185
Уиллис, семья — 370
Уллоа Жироламо — 360, 401
Унгерн-Штернберг Эдуард — 717
Уолкер — 410
Уоллес Дональд Макензи — 206, 207
Урусов Александр Иванович — 550, 566, 744
Урусова (рожд. Мальцева) Мария Сергеевна — 424, 427, 429, 430, 436, 439, 717
Усакина Татьяна Ивановна — 68
Усов Степан Александрович — 86, 94, 104
Успенский Глеб Иванович — 10, 64, 128, 141, 144, 191, 236, 244, 322, 407, 594
Уссей Арсен — 436, 439
Утевский Лев Самойлович — 244, 333, 699, 748
Утин Евгений Исаакович — 141, 191, 284, 286
Утин Николай Исаакович — 90, 150
Ухмылова Татьяна Константиновна — 732
Ушинский Константин Дмитриевич — 193, 737

Фабри де, г-жа — 370
Фавр Алиса — 370, 386, 395, 404
Фавр Леопольд — 370 (?), 386, 395 (?), 401
Фавр Эдмон — 370 (?), 386, 395 (?), 401
Файнштейн А.— 253
Фаллен — 369
Фальке Адальбер — 384, 407
Фарж де, семья — 367, 369, 370
Фарнгаген фон Энзе Карл Август — 748
Федотова Гликерия Николаевна — 549, 672, 736
Фейербах Людвиг — 72, 103, 518, 572
Фелпс Джильберт — 523, 524, 538
Фельде — 370
Фельтен, владелец магазина — 470, 482
Феоктистов Евгений Михайлович — 328, 346, 357, 632, 716, 722
Фет Афанасий Афанасьевич— 52, 65, 256, 424, 590, 593, 711, 730, 738, 743, 744
Фигнер Вера Николаевна — 118, 124, 140, 143, 144, 146, 313, 334, 577, 578
Фигнер Лидия Николаевна — 313, 319
Филарет (Василий Дроздов), митрополит московский — 655
Филдинг Генри — 506, 693
Филипп II — 175, 192
Философова Анна Павловна — 124, 292, 319, 722
Финч Ченси — 531, 539
Фирдоуси — 373, 400, 405
Фишер Карл Андреевич — 365
Флеров Николай Михайлович — 334
Флобер Гюстав — 141, 408, 409, 430, 431, 436, 448, 484, 488, 492, 493, 498, 501, 502, 516, 517, 528, 529, 531, 537, 539, 607, 610, 701, 717
Фогт Карл — 162, 572
Фолеевский Збигнев — 530, 531, 539, 540
Фомин Александр Александрович — 359, 400, 482
Фонвизин Денис Иванович — 265, 700
Фонтанез (Фонтанес) — 367, 391
Фонякова Наталья Николаевна — 478, 482, 605
Форд Мэдокс Форд — 537
Форд, знакомый семьи Н. И. Тургенева — 386
Форе Э., гравер —355
Фори Батист — 6, 489, 646
Фотий, вселенский патриарх — 176, 177
Франко Иван Яковлевич — 732
Франциск I — 493
Франши Алессандро — 424
Фревен — 364
Фредерикс Лев (Леон) Александрович — 386, 394, 407, 480
Фредерикс (рожд. Арапова), г-жа — 386, 394, 407
Фредро Максимилиан — 718
Фрейнд Ф., гравер — 159, 373, 575
Фремио де — 364, 369
Фремье Эммануэль — 398, 409
Фремье, семья — 398, 409
Фриборн Ричард — 517—519, 537
Фридлендер Георгий Михайлович — 751
Фридлендер Людвиг — 70, 718
Фридрейх Николаус — 88
Фридрих III — 405, 480
Фрикстед Олаф — 527, 538
Фрис-Гинцбург И. де — 532, 539
Фриццони Густав — 424
Фромантен Эжен — 497, 502
Фульд Ахилл — 356, 358
Фурнель Виктор — 690

Хагемейстер — 385
Хайр (Хэйр) Ричард — 515, 516, 537
Халабаев Константин Иванович — 727, 751, 753
Хан Мануил Алексеевич — 190
Ханыков Николай Владимирович — 231, 360, 363—367, 369, 370, 372, 374, 376—379, 382, 383, 385—387, 389, 390, 392—394, 403, 409, 413, 414, 718, 722
Ханыков Яков Николаевич — 73, 394, 409
Харджиев Николай Иванович — 568
Харламов Алексей Алексеевич — 425, 426, 428, 429, 442, 443, 449, 453, 462, 469, 470, 473, 476, 477, 480, 482, 644
Хау Ирвинг — 519, 537, 539
Хафстейн Ханнес — 545
Хвощинская Софья Дмитриевна — 318
Хеерман, скрипач — 587
Хейфец Михаил Исаевич — 439

Хелмицкий И. И., гравер — 635
Хемингуэй Эрнст — 507, 510, 512
Хемминге Ф.— 528, 529, 539
Хиндус Мильтон — 529, 530, 539
Хинс Эжен — 696
Хоецкий — см. Эдмон Шарль
Холл, знакомый Тургенева — 492
Хьорлейфссон Кваран Эйнар — 545
Хэйр Ричард — см. Хайр Р.

Цабель Евгений — 718
Цакни Николай Петрович — 255, 258
Цветков Иван Евменьевич — 6, 415—422
Цветков Петр Евменьевич — 418
Цейтлин Александр Григорьевич — 5, 104—106, 296, 324, 519, 538, 736
Цигенгейст Герхард — 402, 705
Циглер, врач — 378, 406
Цинкович-Николаева Вера Александровна — 631
Цион Илья Фаддеевич — 316
Цурикова Варвара Александровна — 718

Ч. Б.— см. Чивилев Б. А.
Чайковский Николай Васильевич — 718, 722
Чайковский Петр Ильич — 500
Чемоданов Михаил Михайлович — 651
Чепмен А.— 363, 364, 401
Чепмен (рожд. Вестон) Мэри — 376, 401, 406
Черемина (рожд. Корш) Надежда Александровна — 595
Черкасская (рожд. Васильчикова) Екатерина Алексеевна — 342, 344, 356, 358, 386, 407, 718, 744
Черкасский Владимир Александрович — 218, 219, 344, 358, 386, 407, 436, 439, 718, 744
Чернавина А.— 296
Чернов — 386
Чернышев Алексей Филиппович — 599
Чернышев Василий Ильич — 746
Чернышев Павел Феоктистович — 207
Чернышевская Нина Михайловна — 702
Чернышевский Александр Николаевич — 702
Чернышевский Михаил Николаевич — 702
Чернышевский Николай Гаврилович — 12—20, 28, 30, 33, 34, 40, 46—49, 51, 52, 54, 56, 57, 60—70, 73, 97, 98, 103, 149, 150, 152, 162, 164, 180, 182, 192, 217, 223, 228, 232—234, 572, 573, 594, 596, 597, 702, 736, 741, 754
Чертков Владимир Григорьевич — 604, 753
Чёрч — 367
Честерфилд — 511
Чехов Антон Павлович — 508, 512, 525, 729
Чивилев Борис Александрович — 106, 141, 659, 660, 718
Чижевский Дмитрий Иванович — 532, 539
Чистяков Павел Петрович — 477
Чичерин Борис Николаевич — 372, 404
Чмшкян Кнарик Герасимовна — 13, 64
Чуйко Владимир Викторович — 145, 557, 558, 567

Шамота С. Л., художник — 667
Шамро Жорж — 382, 399, 424, 466, 470, 473, 640—642, 644, 668, 673
Шамро (рожд. Виардо) Клоди — 382, 399, 442, 460, 466, 481, 640, 642, 668, 673, 678
Шаналь де Софи — 370, 381, 382, 391, 403, 404, 410
Шаналь де, муж С. Шаналь — 369, 372, 382, 403
Шангарнье Николя Анн Теодюль — 356, 358
Шапиро Константин Александрович — 235, 331, 333, 334, 481, 647, 652, 655, 672, 678
Шаплет Самуил Самуилович — 407
Шапон Леон — 387
Шапю Анри Мишель Антуан — 502
Шарапов Сергей Федорович — 718
Шарко Жан Мартен — 430, 431, 636
Шарпантье Георг — 424, 430, 590
Шаррейрон, семья — 382
Шарьер Эрнест — 410, 411
Шассен (псевд. Людовик) Шарль — 664
Шатриан Луи Шарль Александр — 188, 193
Шахматов Алексей Александрович — 359
Шахова Елизавета Никитична — 731
Шаховская (рожд. Мусина-Пушкина) Софья Алексеевна — 338, 340, 341
Швабе Салиас, г-жа — 364, 401
Шварц Анна Яковлевна — см. Тургенева А. Я.
Швирц Грегор — 405
Шебалин Михаил Петрович — 329
Шевченко Тарас Григорьевич — 149, 568, 628, 733
Шевырев Степан Петрович — 551, 566
Шекспир Вильям — 15, 32, 35, 36, 45, 52—56, 59, 63, 68, 69, 112, 119, 120, 124, 126, 208, 210, 214, 216, 219, 220, 222, 232, 252, 253, 259, 276, 303, 413, 460, 501, 508, 509, 540, 542, 598, 602, 678, 686, 739—741
Шелгунов Николай Васильевич — 154, 167, 190, 574, 578
Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф — 13, 488, 518, 571
Шёневерк Александр Пьер—493, 494, 501
Шербюлье Виктор — 391
Шеренберг Герман — 695
Шерер Эдмон Анри Адольф — 369, 403
Шерер, жена Э. А. А. Шерера — 370
Шернваль (по мужу Демидова; во 2-м браке Карамзина) Аврора Карловна — 339, 341
Шернваль Карл Иоганн — 341
Шернваль (рожд. Гассер), жена К.-И. Шернваля — 339, 341
Шерон, доктор — 410
Шефтель (по мужу Беляевская) Фелиция Исааковна — 300, 318
Шиллер Фридрих — 20, 25, 61, 277, 436, 439, 460, 492, 501, 598, 602, 686, 691, 739
Шиндлер Панталеон — 449, 476
Шиховской И. М.— 631, 632
Шлегель Фридрих — 571
Шмидт Генрих Юлиан — 163, 320, 367, 402, 718

Шмидт, жена Г. Ю. Шмидта — 367
Шмидт, инспектор — 321
Шоль Орельен — 645, 646
Шопен Фредерик — 459, 490, 495
Шопенгауэр Артур — 436, 486, 518, 540
Шоу-Лефевр Джон Джордж — 718
Шоу-Лефевр Е. и М. — 383
Шохор-Троцкий Константин Семенович — 418
Шпильгаген Фридрих — 572
Штакеншнейдер Андрей Иванович — 628
Штакеншнейдер Елена Андреевна — 296
Шталь, капитан — 340
Штиглиц Александр Людвигович — 441
Штоквел, семья — 370
Шторм Гертруда — 592
Шторм Констанция — 581, 586
Шторм Теодор — 579—592, 718, 722
Шторм Эрнст — 585, 588
Шторм, семья — 588, 591
Штраус Вальтер — 531, 539
Штраус Давид Фридрих — 572, 637
Шуберт Франц — 25, 406
Шувалов Петр Андреевич — 84, 318
Шувалов Сергей Васильевич — 732
Шукало, певец — 449
Шульце-Делич Герман — 82, 90, 92, 104, 250, 251, 253, 631
Шульце-Леман Кристина — 579, 589
Шуман Роберт — 406, 492, 580, 590
Шумахер Петр Васильевич — 422, 718, 722
Шумский (Чесноков) Сергей Васильевич — 560, 564, 569, 736
Шухаев Василий Иванович — 717

Щеголев Павел Елисеевич — 400
Щедрин Н.— см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Щепкин Александр Михайлович — 718
Щепкин Михаил Александрович — 567, 627
Щепкин Михаил Семенович — 6, 549—570, 737, 738
Щепкин Николай Александрович — 142, 474, 608, 621
Щепкин Николай Михайлович — 552, 562, 743
Щепкина (рожд. Станкевич) Александра Владимировна — 549, 555, 566
Щепкина Елена Дмитриевна — 555
Щепкина (рожд. Алферова) Софья Георгиевна — 608, 611, 612, 628, 744
Щепкины, семья М. С. Щепкина — 553
Щербань Николай Васильевич — 57, 69, 364, 365, 402, 479, 722
Щербатова М.— 424
Щоголев Яков Иванович — 732

Эвелинг Эдуард — 240, 244
Эверард, домовладелец — 390
Эд Эдуард Шарль — 428, 431
Эдамс Чарлз Френсис — см. Адамс Ч.-Ф.
Эдельсон Евгений Николаевич — 190
Эджеворт Мария — 693
Эджертон Вильям — 530, 539
Эдмон (Хоецкий) Шарль — 487, 488, 501
Эйлуорд Нелли — 388
Эйнарссон С.— 545, 548
Эйхенбаум Борис Михайлович — 65, 408, 727, 749—753
Эйхенберг Фритц — 525, 528, 529
Эйхендорф Иозеф — 590
Элиот Джордж (Мэри Эн Эванс) — 197, 259, 501, 506, 719
Эллис Джордж Вельбор — 364 (?), 401
Элпидин Михаил Константинович — 572
Эльслер Фанни — 450
Эмантс Марцеллус — 719
Энгельс Фридрих — 183, 204, 205, 229, 238, 240, 287, 288, 296, 317
Энгр Жан Огюст Доминик — 452
Эннен Ноэль — 509
Эрард — 476
Эритт де ля Тур (рожд. Виардо) Луиза — 108
Эркман Эмиль — 188, 193
Эркман-Шатриан — см. Эркман Э. и Шатриан Л. Ш. А.
Эртель Александр Иванович — 6, 593—604
Эртель Иван — 601, 604
Эттлингер Амрей — 534, 539
Этцель Пьер Жюль — 405, 590, 659, 705, 719
Эфрос Наталья Давыдовна — 6

Юматов Николай Николаевич — 319
Юргенсон Эрнест Петрович — 424, 429
Юрьев Сергей Андреевич — 719

Яблонский Петр Осипович — 650, 658
Яблочков Павел Николаевич — 360
Языков Михаил Александрович — 108
Якубович Петр Филиппович — 124, 234, 237, 239, 329, 334, 578, 679
Якушкины, семья — 566, 570
Ямпольский Исаак Григорьевич — 409
Янжул Иван Иванович — 418
Янцин Михаил Иванович — 322, 324
Ярмолинский Авраам — 510—512, 524, 525, 532, 536, 539
Ясинский Иероним Иеронимович — 594
Яхнин Рисса — 534, 539

Åhnebrink Lars — см. Онебринк Ларс
Annan Noel — 536
Arnaudo G. B.— см. Арнодо Д. Б.

Bailey W. S.— 511, 536
Beecher Stowe Harriet Elizabeth — см. Бичер-Стоу Гарриет Елизабет
Bentley Eric — 536
Berlin Isaiah — см. Бёрлин Исайя
Bodenstedt Friedrich — см. Боденштедт Фридрих
Boerner C.-G.— 580
Boutchik Vladimir — 413
Brewster Dorothy — см. Брустер Дороти
Bryner Cyril — см. Брайнер Сирил

Cargill Oscar — см. Каргилл Оскар
Carter A. E.— см. Картер А. Е.
Cavaignac — см. Кавеньяк
Cecil David — см. Сесил Дэвид
Chamberlin William Henry — 540
Champan, m-me — 410
Charpentier Georg — см. Шарпантье Г.
Claretie Jules — см. Кларти Жюль
Conrad Joseph L.— см. Конрад Джозеф Л.
Crane Stephen — см. Крейн Стивен

Davie Donald — см. Деви Дональд
Decker Clarence R.— 535—536
Delaney Consolata — см. Делейни К.
Delaveau Henri — см. Делаво А. И.
Dilke Ashton W.— см. Дилк Эштон
Dunbar Viola R.— см. Дунбар Виола

Edgerton William B.— см. Эджертон В.
Ettlinger Amrei — см. Эттлингер Амрей

Ferrière — 356
Finch Channcey E.— см. Финч Ченси
Folejewski Zbigniew — см. Фолеевский З.
Footman David — 540
Freeborn Richard —см. Фриборн Ричард
Fryckstedt Olov W.— см. Фрикстед Олаф
Fuchs P.— 590

G. N.— 697
Galsworthy John — см. Голсуорси Джон
Garland Hamlin — см. Гарланд Хэмлин
Garnett Constance — см. Гарнет К.
Garnett David — 540
Gettmann Royal A.— см. Гетман Ройал А.
Gifford Henry —см. Гиффорд Генри
Ginsburg Michael — см. Гинзбург Михаил
Gladstone Joan M.— см. Гладстон Джоун М.
Goy E. D.— см. Гой Э. Д.
Granjard Henri — см. Гранжар Анри
Grille, m-me — 353

Haape Wilhelm — 706
Halpérin George — 540
Halpérine-Kaminski E.— см. Гальперин-Каминский И. Д.
Hamilton Eunice — см. Гамильтон Юнис
Hare Richard — см. Хайр (Хэйр) Ричард
Harris Frank — см. Гаррис Френк
Hemmings F. W. J.— см. Хемминге Ф.
Hershkowitz Harry — см. Гершковиц Г.
Herwegh Georg — см. Гервег Георг
Hetzel Pierre Jules — см. Этцель П. Ж.
Hindus Milton — см. Хиндус Мильтон
Hock Erich Theodor — 589
Howe Irving — см. Хау Ирвинг

James Henry — см. Джеймс Генри
Jonas Gisela — 402

Kappler Richard George — см. Каппилер Ричард Джордж
Kaspin Albert — см. Каспин Альберт
Kazin Alfred — см. Кейзин Альфред
Kinsky Georg — 713
Kochan Lionel — см. Кочан Лайонел

Laage Karl Ernst — см. Лааге Карл Эрнст
Lainoff Seymour — см. Лейноф Сеймур
Land Myrick — см. Лэнд Майрик
Lavrin Janko — см. Лаврин Янко
Lednicki Wacław — см. Ледницкий В.
Le Flot — 356
Léger Louis — см. Леже Луи
Lehrman Edgar H.— см. Лерман Эдгар
Lengfeld M.— 713
Lerner Daniel — см. Лернер Даниэль
Lewis Sinclair — см. Льюис Синклер
Lindau Paul — см. Линдау Пауль
Lindau Rudolf — см. Линдау Рудольф

Magarshack David — см. Магаршак Дэвид
Mandel Oscar — см. Мандель Оскар
Mann Thomas — см. Манн Томас
Matlaw Ralph E.— см. Мэтло Ральф
Mauprivez, m-me — 332
Mazon André — см. Мазон Андре
Meiklejohn James D.— 535
Mérimée Prosper — см. Мёриме Проспер
Meyendorf — 537
Mills A. S.— 537
Morgan Charles — см. Морган Чарлз
Muchnic Helen — см. Мучник Елена
Murphy A. B.— см. Мёрфи А. Б.
Musset Alfred — см. Мюссе Альфред

Nathan Peter — см. Натан Питер
Nilsson Nils Åke — 407
Norris Frank — см. Норрис Фрэнк

Oliver Edith — 536
Orel Harold — см. Орел Гарольд

Parturier Maurice — 401
Passage Charles E.— см. Пэссидж Чарлз
Pauls V.— 589
Perry Ralph Burton — 720
Phelps Gilbert — см. Фелпс Джильберт
Pietsch Ludwig — см. Пич Людвиг
Pope-Henessy Una — 539
Posin Jack A.— см. Позин Джэк
Priestley John Boynton — см. Пристли Джон Бойнтон
Prus Boleslav — см. Прус Болеслав
Pyman Avril — см. Паймен Аврил

Ralston William R. S.— см. Рольстон-Шедден Вильям
Reed T. J.— см. Рид Т. Дж.
Reichenstein, m-lle — 332

Saunders Beatrice — см. Сондерс Беатрис
Seznec Jean — см. Сезнек Жан
Schultze-Lehman Christa — см. Шульце Леман Кристина
Schuyler Eugen — 535
Slonim Marc — см. Слоним Марк
Snow Valentine — см. Сноу Валентин
Stam David H.— см. Стэм Дэвид
Storm Theodor — см. Шторм Теодор
Strauss Walter A.— см. Штраус Вальтер

Tetelmann E. A.— см. Тетельман Е. А.
Trewin I. C.— 536
Turner C. E.— 535

Viedert August — см. Видерт А. Ф.
Vogüé Eugène Melchior — см. Вогюэ Э. М.
Vries de Gunzburg J.— см. Фрис-Гинцбург И. де

W.— 115, 145
Walicki Andrzej — 540
Wiener Leo — см. Винер Лео
Wilson Edmund — см. Вильсон Эдмунд
Woolf Virginia — см. Вульф Вирджиния

Yachnin Rissa — см. Яхнин Рисса
Yarmolinsky Avrahm — см. Ярмолинский Авраам

Ziegengeis Gerhard — см. Цигенгейст Г.

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУРГЕНЕВА

Составила Е. М. Львова

«Автобиография» — 258, 267, 276
«Андрей Колосов» — 36, 65
«Ася» — 52, 61, 412, 513, 522, 602, 648, 732

«Бежин луг» — см. «Записки охотника»
«Безденежье» — 717
«Бирюк» — см. «Записки охотника»
«Бретёр» — 49, 411
«Бригадир» — 216, 303, 374, 412
«Бурмистр» — см. «Записки охотника»

«Вешние воды» — 231, 303, 318, 380, 411, 412, 420, 483, 496, 520, 529, 530, 546, 696
«Вильгельм Телль, драматическое представление в пяти действиях. Соч. Шиллера. Перевод Ф. Миллера... 1843» ⟨Рецензия⟩ — 739
«Вместо вступления» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Воспоминания о Белинском» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
⟨«Воспоминания о Н. В. Станкевиче»⟩ — 33
«Всемогущий Житкин». Неосуществленный замысел — 748

«Гамлет и Дон-Кихот» — 45, 52—56, 59—63, 68, 69, 208, 219, 220, 232, 501, 739
«Гамлет Щигровского уезда» — см. «Записки охотника»
«Где тонко, там и рвется» — 729, 739, 743
«Гоголь» — см. «Литературные и житейские воспоминания»

«Два поколения». План романа — 570
«Два помещика» — см. «Записки охотника»
«Два приятеля» — 29, 49, 351, 358, 411
«Два слова о Грановском» — 30, 31, 216, 232
«Дворянское гнездо» — 44, 64—66, 122, 257, 258, 276, 367, 411, 412, 473, 496—498, 502, 505, 508, 512, 518—521, 535, 538, 541, 543, 581, 586, 590, 591, 601, 602, 648, 726, 729—732, 734, 738, 739, 741, 742, 748, 751
«Деревня» — см. «Стихотворения в прозе»
«Дикарка». Неосуществленный замысел — 738
Дневник — 208, 232, 403, 418, 423, 429, 431, 477, 480, 481
«Дневник лишнего человека» — 29, 36, 120, 601, 602
«Довольно» — 99, 166, 200, 217, 228, 230—233, 573, 601
«Дым» — 5, 71—106, 109, 114, 126, 130, 134, 136, 163, 165—167, 182, 192, 193, 200, 228, 230—233, 284, 303, 306, 320, 371—373, 404, 405, 411, 412, 483, 486, 496, 498, 518, 520, 521, 527, 530, 531, 542, 571, 592, 602, 631, 632, 690, 691, 696

«Ермолай и мельничиха» — см. «Записки охотника»

«Живые мощи» — см. «Записки охотника»
«Жид» — 411, 412

«Завтрак у предводителя» — 411, 556, 560, 567, 729, 748
Записка об издании журнала «Хозяйственный указатель» — 218, 219, 232
«Записки охотника» — 181, 198, 200, 258, 267—270, 303, 330, 334, 344, 350, 357, 358, 366, 402, 410—412, 417, 462, 469, 486, 488, 490, 496, 499, 501, 502, 505, 506, 508, 509, 512, 518, 522, 527—529, 533, 535, 539, 542, 546, 552, 580, 589, 594, 637, 638, 690, 701, 721, 728—730, 738, 739, 741, 742, 744, 746—748, 750, 751
«Хорь и Калиныч» — 217, 267, 269, 270, 276, 402, 505, 598, 599, 601, 742
«Ермолай и мельничиха» — 270
«Малиновая вода» — 270, 741
«Уездный лекарь» — 530
«Однодворец Овсяников» — 270
«Льгов» — 270, 505, 535, 732
«Бежин луг» — 270, 610, 615, 626
«Касьян с Красивой Мечи» — 270, 739
«Бурмистр» — 270, 505, 535, 602, 741
«Контора» — 270
«Бирюк» — 610, 741
«Два помещика» — 270, 505
«Лебедянь» — 270, 276
«Певцы» — 217, 270, 505, 535, 739
«Петр Петрович Каратаев» — 270, 505, 535
«Свидание» — 530
«Гамлет Щигровского уезда» — 32, 36, 54, 120, 214, 216, 232, 729, 741
«Конец Чертопханова» — 303, 547
«Живые мощи» — 270, 303, 387, 411, 412, 422
«Стучит!» — 475
«Затишье» — 367, 402, 404
«Землеед». Неосуществленный замысел — 739

Из письма в редакцию «Вестника Европы» по поводу смерти С. К. Брюлловой — 6, 277, 280, 281, 289
«История лейтенанта Ергунова» — 412

«Казнь Тропмана» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Как хороши, как свежи были розы» — см. «Стихотворения в прозе»
«Капля жизни» (сказка, записанная Я. П. Полонским) — 514, 537
«Касьян с Красивой Мечи» — см. «Записки охотника»
«Когда я молюсь...» Стих.— 748
«Конец Чертопханова» — см. «Записки охотника»
«Контора» — см. «Записки охотника»
«Крокет в Виндзоре» — 357, 408, 517

«Лебедянь» — см. «Записки охотника»
«Литературные и житейские воспоминания» — 258, 276, 344, 348, 514, 516, 744, 748, 751, 752
«Вместо вступления» — 216, 232
«Литературный вечер у П. А. Плетнева» — 210, 213, 232
«Воспоминания о Белинском» — 166, 186, 187, 193, 213, 217, 219, 220, 226, 232, 233, 402, 748
«Гоголь» — 565, 567
«Поездка в Альбано и Фраскати» — 453, 479
«По поводу „Отцов и детей“» — 92, 124, 167, 225—227, 233
«Наши послали!» — 217, 232, 344—347, 422
«Казнь Тропмана» — 600, 748
«Литературный вечер у П. А. Плетнева»— см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Льгов» — см. «Записки охотника»

«Малиновая вода» — см. «Записки охотника»
«Мемориал» — 337, 341
«Месяц в деревне» — 36, 132, 508, 513, 518, 532, 533, 559, 562, 569, 729, 742
«Муму» — 216, 270, 366, 374, 411, 439, 594, 729, 743

«Накануне» — 28, 44, 45, 53, 54, 57—60, 68—70, 100, 122, 124, 138, 141, 144, 151, 155, 158, 166, 219—223, 228, 258, 270—276, 306, 307, 410, 412, 505, 508, 511, 512, 518, 519, 578, 580, 590, 602, 648, 690, 698, 732, 739—743, 748, 751
«Нахлебник» — 321, 411, 552—557, 562, 566, 568—570, 729, 737, 742, 748
«Наши послали!» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Невиноватые». Неосуществленный замысел — 738, 739
«Незадача». Неосуществленный замысел — 739
«Неосторожность» — 536
«Несколько слов об опере Мейербера „Пророк“» — 500
«Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева» — 15
«Несчастная» — 413, 502, 566
«Николай Иванович Тургенев» ‹Некролог› — 375, 376, 405, 406
«Новь» — 5, 6, 44, 106—146, 194—207, 235, 236, 244, 250—254, 277—320, 322, 324, 411, 412, 416, 434, 486, 496, 502, 506, 518, 519, 524, 526, 530, 535, 546, 548, 573, 602, 610, 631, 632, 691, 732, 741

«Однодворец Овсяников» — см. «Записки охотника»
«Отрывки из воспоминаний своих и чужих»
«Отчаянный» — 603
«Отцы и дети» — 5, 68, 70, 73—76, 85, 87, 88, 92, 96, 97, 99, 100, 103, 106, 107, 124, 130, 134, 138, 143, 149—162, 164, 166, 167, 180—182, 187, 190, 191, 198, 200, 223—228, 231, 233, 253, 275, 303, 326, 327, 368, 410—412, 417, 418, 420—422, 434, 485, 486, 488, 496—498, 502, 505, 506, 508, 509, 515, 518, 519, 524, 525, 527—531, 535, 536, 546, 571—578, 580, 583, 590, 596, 597, 600, 602, 659, 691, 738, 740—744, 748, 751
«Отчаянный» — см. «Обрывки из воспоминаний своих и чужих»

«Параша» — 27, 28, 265—267
«Певцы» — см. «Записки охотника»
«Первая любовь» — 68, 462, 490, 496, 507, 521, 529, 580, 590
«Переписка» —28, 29, 36, 258, 367, 411, 732
«Песнь торжествующей любви»— 330, 333, 513, 607, 733
«Петр Петрович Каратаев» — см. «Записки охотника»
«Петушков» — 412, 514
«Пир у верховного существа»— см. «Стихотворения в прозе»
«Письмо из Петербурга» (о смерти Гоголя) — 217, 344, 349, 356, 487, 500
«„Племянница“. Роман Евгении Тур» — 14
«Повиноваться!» Неосуществленный замысел — 748
«Поездка в Альбано и Фраскати» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Поездка в Полесье» — 61, 411
«Пожар на море» — 337, 338, 516
«Помещик» — 707, 708, 741
«Поп» — 738, 744
«По поводу „Отцов и детей“» — см. «Литературные и житейские воспоминания»
«Порог» — см. «Стихотворения в прозе»
«Последний колдун» — см. «Le dernier sorcier»
«Постоялый двор» — 216, 217, 219, 260, 355, 366, 528, 602, 729
‹Предисловие к изданию «Повестей и рассказов»› — 10, 69, 208, 210—212, 214, 216, 217, 222, 223, 228, 230, 232
‹Предисловие к очеркам И. Я. Павловского «Одиночное заключение. Впечатления нигилиста»› — 435
Предисловие ‹к роману М. Дюкана «Утраченные силы»› — 488
«Призраки» — 99, 101, 214, 228—230, 232, 233, 412, 530, 573, 584, 591, 614, 615, 733

«Провинциалка» — 562—564, 567, 729
«Пунин и Бабурин» — 303, 422, 507

«Разговор» — 728
«Разговор на большой дороге» — 729
〈Рецензия на книгу «Крылов и его басни». Пер. В. Рольстона. 3-е изд.〉 — 513
〈Речь по поводу открытия памятника Пушкину в Москве〉 — 502
«Рудин» — 5, 9—69, 120, 122, 124, 136, 138, 151, 155, 214—217, 232, 256—258, 276, 277, 284, 295, 410—412, 508, 512, 518, 519, 524, 541, 571—578, 580, 589, 590, 601, 602, 604, 648, 729, 730, 732, 733, 739—744, 748, 751

«Свидание» — см. «Записки охотника»
«Слишком много жен» — см. «Trop de femmes»
«Собака» — 303, 412, 530
«Сон» — 143, 284
«Старые голубки». Неосуществленный замысел — 738
Статья о смерти Гоголя — см. «Письмо из Петербурга»
«Стено» — 38, 728
«Степной король Лир» — 303, 413, 508
«Стихотворения в прозе» — 258, 334, 600, 601, 607, 738
«Деревня» — 604
«Порог» — 221, 239, 732, 740, 741
«Пир у верховного существа» — 489, 494, 502
«Как хороши, как свежи были розы» — 604

«Странная история» — 412, 413
«Стук... Стук... Стук!..» — 413, 448, 530
«Стучит!» — см. «Записки охотника»
«Сюжеты». Набросок — 730

«Толпа». Стих.— 737, 742, 743
«Три встречи» — 582, 590
«Три портрета» — 411

«Уездный лекарь» — см. «Записки охотника»

«К. А. Фарнгагену фон Энзе». Стих. — 748
«Фауст» 〈Повесть〉 — 411, 513, 581, 582, 586, 590, 610, 732, 738
«Фауст, трагедия, соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844...» Рецензия — 232, 739, 743

«Холостяк» — 556—558, 560—563, 565—567, 729
«Хорь и Калиныч» — см. «Записки охотника»

«Чёрт родился в Германии». Приписывавшееся Тургеневу начало юмористического романа — 690

«Яков Пасынков» — 49, 411, 741

«Le dernier sorcier» — 404, 405

«Trop de femmes» — 404

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ТУРГЕНЕВ-РОМАНИСТ

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА «РУДИН»
Статья М. О. Габель 9

«ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЕ АРАБЕСКИ» В «ДЫМЕ»
Статья А. Б. Муратова 71

«НОВЬ»
Статья [А. Г. Цейтлина] 106

ТУРГЕНЕВ И РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ЛЕКЦИЯ «ЗЕМЛЕВОЛЬЦА» С. С. РЫМАРЕНКО О РОМАНЕ «ОТЦЫ И ДЕТИ»
Предисловие и публикация Р. А. Таубина 149

П. Л. ЛАВРОВ О ТУРГЕНЕВЕ. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

СТАТЬЯ О ЖУРНАЛИСТИКЕ КОНЦА 60-х ГОДОВ — «ПИСЬМО ПРОВИНЦИАЛА О НЕКОТОРЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯВЛЕНИЯХ»
Предисловие и публикация А. Л. Смоляк 163

СТАТЬЯ О РОМАНЕ «НОВЬ»—«НОВЫЙ РОМАН Г-НА ТУРГЕНЕВА»
Публикация К. Г. Ляшенко и А. Л. Смоляк
Предисловие А. Н. Дубовикова 194

«И. С. ТУРГЕНЕВ И РАЗВИТИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА»
Публикация редакции «Литературного наследства»
Примечания К. П. Богаевской 208

ГЕРМАН ЛОПАТИН О ТУРГЕНЕВЕ. НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
Вступительная статья и публикация А. Н. Дубовикова . . 234

ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОЙ КНИГИ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО О ТУРГЕНЕВЕ
Публикация М. И. Перпер 255

СТАТЬЯ С. К. БРЮЛЛОВОЙ О РОМАНЕ «НОВЬ»
Вступительная статья и публикация Н. Ф. Будановой . . 277

ТУРГЕНЕВ В МАТЕРИАЛАХ ПЕРЛЮСТРАЦИИ III ОТДЕЛЕНИЯ И ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

I. ПИСЬМА К ТУРГЕНЕВУ И ОТЗЫВЫ О НЕМ (1861—1879)
Публикация К. Г. Ляшенко и А. Л. Смоляк 321

II. ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВА
Публикация С. С. Волка и К. Г. Ляшенко
Предисловие и комментарии С. С. Волка 328

ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРГЕНЕВЕ

ТУРГЕНЕВ В ГЕЙДЕЛЬБЕРГЕ ЛЕТОМ 1838 г.
ИЗ ДНЕВНИКА Е. В. СУХОВО-КОБЫЛИНОЙ
Публикация Л. М. Долотовой 337

ТУРГЕНЕВ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ПАРИЖЕ 1848 г.
ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ П. А. ВАСИЛЬЧИКОВА, 1853—1854
Публикация Л. М. Долотовой 342

ТУРГЕНЕВ И СЕМЬЯ ДЕКАБРИСТА Н. И. ТУРГЕНЕВА
ИЗ ДНЕВНИКОВ Ф. Н. ТУРГЕНЕВОЙ, 1857—1883
Публикация М. П. Султан-Шах 359

ВОСПОМИНАНИЯ И. Е. ЦВЕТКОВА, 1874
Публикация И. С. Зильберштейна 415

ХУДОЖНИК О ТУРГЕНЕВЕ
ВОСПОМИНАНИЯ Э. К. ЛИППАРТА, 1875
Публикация Р. Б. Заборовой 423

ТУРГЕНЕВ В ЗАПИСЯХ НЕМЕЦКОГО ДИПЛОМАТА
ИЗ ДНЕВНИКА Х. ГОГЕНЛОЭ, 1876 и 1879
Публикация С. Я. Борового 433

ТУРГЕНЕВ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ПИСЕМ А. П. БОГОЛЮБОВА, 1873—1883
Публикация Н. В. Огаревой 441

ФРАНЦУЗСКИЙ ПИСАТЕЛЬ О ТУРГЕНЕВЕ
ВОСПОМИНАНИЯ ЖЮЛЯ КЛАРТИ
Публикация В. И. Мозалевского 483

ТУРГЕНЕВ В ДОМЕ ВИАРДО
ВОСПОМИНАНИЯ БАТИСТА ФОРИ
Публикация Н. А. Леонтьевского 489

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

НОВЕЙШАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ТУРГЕНЕВЕ
Обзор Ю. Д. Левина 505

ДЖОЗЕФ КОНРАД О ТУРГЕНЕВЕ
Публикация М. И. Перпер 541

КЛАССИК ИСЛАНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ТУРГЕНЕВЕ
Сообщение И. В. Дмоховской 545

М. С. ЩЕПКИН И ТУРГЕНЕВ
Сообщение Т. С. Грица 549

РУДИН И БАЗАРОВ В ОЦЕНКЕ КРИТИКИ 70-Х ГОДОВ
П. Ф. АЛИСОВ «ЗАМЕТКА О ПИСАРЕВЕ»
Сообщение Е. Н. Дунаевой 571

ТУРГЕНЕВ В ПЕРЕПИСКЕ ТЕОДОРА ШТОРМА С ЛЮДВИГОМ ПИЧЕМ
Сообщение Кристины Шульце-Леман (ГДР) 579

А. И. ЭРТЕЛЬ О ТУРГЕНЕВЕ
Сообщение Г. М. Лифшица 593

СПАССКОЕ-ЛУТОВИНОВО В ЭТЮДАХ Я. П. ПОЛОНСКОГО
Сообщение Н. Н. Фоняковой 605

ИНСЦЕНИРОВКИ РОМАНОВ ТУРГЕНЕВА «ДЫМ» И «НОВЬ» ПОД ЗАПРЕТОМ ЦЕНЗУРЫ
Сообщение В. А. Цинкович-Николаевой 631

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ
ОТКЛИКИ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ НА СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ТУРГЕНЕВА
Обзор Л. Р. Ланского 633

ТУРГЕНЕВ и А. Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
Сообщение Н. М. Чернышевской 702

БИБЛИОГРАФИЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИБЛИОГРАФИИ ПИСЕМ ТУРГЕНЕВА И К ТУРГЕНЕВУ
ДОПОЛНЕНИЯ
Составил С. А. Рейсер 705

ПАМЯТИ УШЕДШИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БЕЛЕЦКИЙ (1884—1961)
М. О. Габель 725

НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ БРОДСКИЙ (1881—1951)
Л. В. Крестова 735

МИХАИЛ КАРЛОВИЧ КЛЕМАН (1897—1942)
П. Н. Берков 745

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЭЙХЕНБАУМ (1886—1959)
Г. М. Фридлендер 749

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 753

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
Составила Т. Г. Динесман 755

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
Составила Е. М. Львова 763

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТУРГЕНЕВА
Составила Е. М. Львова 786

В томе 215 иллюстраций и одна вклейка

«Литературное наследство»,
том 76

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *И. Н. Дорохина*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарева*

Сдано в набор 18/X 1966 г. Подписано к печати 14/IV 1967 г.
А-10235. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 69,48. Уч.-изд. л. 64,7 (64,6+0,1 вкл.).
Тираж 7500 экз. Тип. зак. 1519. Цена 4 р. 12 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62,
Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

4 p. 12 k.

Подготовлен к изданию 79-й том «Литературного наследства» — «Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского». В этой книге печатаются открытые П. Д. Уховым в конце 1950-х годов, неизвестные ранее исследователям, русские народные песни из знаменитого Собрания П. В. Киреевского — классики фольклора.

В публикации входят те из вновь открытых материалов, которые относятся к теме «литература и фольклор». Это песни, собранные для П. В. Киреевского писателями.

Публикации открываются песнями в записи А. С. Пушкина, стоявшего у колыбели этого великого памятника русской народной культуры. Печатаются все известные в настоящее время песни, записанные поэтом или другим путем им собранные.

Вслед за пушкинскими записями следуют украинские песни и думы из коллекции Н. В. Гоголя — небольшое, но очень ценное собрание произведений исторического эпоса украинского народа.

Роль и значение Собрания П. В. Киреевского в развитии русской литературы особенно наглядно раскрывает участие в нем А. В. Кольцова. Песни, записанные им, впервые помещаются здесь полностью.

В книге публикуются также песни, записанные или добытые от собирателей писателями: Н. М. Языковым (удалые, казачьи и др. песни), П. И. Якушкиным, Н. А. Костровым, В. И. Далем (полное описание свадебного обряда с текстами песен и песня о Пугачеве), А. М. Тургеневым, А. Х. Востоковым, С. П. Шевыревым, Д. П. Ознобишиным (ранние записи исторических песен), К. Д. Кавелиным, А. В. Марковичем, Ю. В. Жадовской, А. Ф. Писемским, П. И. Мельниковым (А. Печерским) и самим П. В. Киреевским.

Публикации материалов каждой коллекции сопутствуют краткие предисловия и примечания. Разделу публикаций предшествуют три вводные статьи, в которых также содержится много ранее не печатавшихся документальных материалов.

В книге — 150 иллюстраций.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва — Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

4 р. 12 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»